Александра Лисина

Артур Рэйш

Истории о маге Смерти

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Небольшой городок на окраине Алтории мог бы считаться самым тихим местечком на свете, если бы в нем было чуть меньше загадок, убийств и всевозможных проявлений сверхъестественного. Впрочем, для мастера Смерти убийство – это, в первую очередь, возможность заработать, поэтому темный маг смело берется за очередное запутанное дело, даже не представляя, в какое болото оно его приведет… © А. Лисина, 2014-2018

- Лисина Александра
  -
  - ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
    -
    - Пролог…
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - ИСТОРИЯ ВТОРАЯ
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ
    -
    - Пролог
    - Глава 1

- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

○ ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20

○ ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6

- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

○ ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- ГЛАВА 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16

○ ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

-
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

- ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Эпилог

Лисина Александра
АРТУР РЭЙШ
Истории о маге Смерти

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
Когда
темные боги шутят

Пролог…

Ненавижу такую погоду – сыро, промозгло, с прохудившегося неба непрерывно льет дождь. Порывистый ветер, то и дело норовящий стегнуть по лицу, заставляет низко пригибать голову и поднимать воротник. Под ногами мерзко чавкает грязь. Отяжелевший плащ постоянно цепляется за голенища…

Ненавижу. Но ничего не поделаешь – осенью в Верле иной погоды не бывает. Хорошо, если раз в десять дней солнце ненадолго выглянет из-за тяжелых туч. В остальное же время – дожди, туман, слякоть… а ближе к зиме ещё и мокрый снег, к которому лично я испытываю крайне негативные эмоции.

Услышав позади шум быстро приближающегося экипажа, я раздраженно сплюнул и, завернув за угол ближайшего дома, укрылся за первым попавшимся выступом. Через несколько секунд мимо с грохотом пронеслась богато украшенная карета. В проулок, куда я нырнул, щедро плеснуло грязью. Громадная лужа, занимавшая почти две трети улицы, разлилась от стены до стены, и мне пришлось ещё пару минут выжидать, пока плавающий в ней мусор отхлынет на безопасное расстояние.

Убедившись, что опасность миновала, я поправил шляпу и, запахнув вымокший до нитки плащ, хмуро подумал, что придется обновить водоотталкивающее заклинание. Я и так с этим долго тянул – все ждал, когда удастся подзаработать. Но Верль – городок небольшой и расположен в самой что ни на есть глуши. Потому и дороги здесь не мощеные, и жителей не так уж много, и работы по моему профилю почти нет…

Да, ПОЧТИ.

Покатав в кармане одинокий золотой кругляш, я криво усмехнулся и ускорил шаг.

Если бы мастер Этор только знал, чем я промышляю, он бы в гробу перевернулся от ярости. Но в моем положении выбирать не приходилось – чтобы выжить, я согласен был даже на такой позор, как поиски драной собачонки, которая умудрилась затеряться в доме собственной хозяйки. Престарелая вдовушка, потеряв любимицу, до того отчаялась, что, не найдя понимания ни у городской стражи, ни в управлении городского сыска, в конце концов рискнула нанять мастера Смерти. Да и заплатила более чем щедро, хотя работы оказалось всего-то на четверть мерной свечи. Только и надо было, что призвать ручного духа, напугать с его помощью шавку до полусмерти. Затем отыскать ее по истошному вою, раздавшемуся откуда-то из подвала, и передать животину в руки расплакавшейся от счастья хозяйки.

Зато теперь я мог целую неделю ни о чем не беспокоиться. Есть в свое удовольствие, спать хоть сутки напролет, починить, наконец, пришедшую в негодность одежду и заказать вторую пару сапог, которой мне очень не хватало.

Если бы на моем месте оказался кто-то другой, он наверняка бы сказал, что подобная удача – не что иное, как заслуга хитрюги Абоса, у которого этим утром было хорошее настроение. А потом обязательно заглянул в ближайший храм, чтобы кинуть в благодарственную чашу монетку. Но верить в благосклонность богов я давно перестал, а сегодняшний заработок считал исключительно собственной заслугой. Поэтому спокойно забрал деньги и, сэкономив на подношении, отправился восвояси.

Перепрыгнув через очередную лужу, я свернул в тесный переулок квартала ремесленников, в самом конце которого стоял нужный мне дом. Добрался до него, проявив чудеса изобретательности, почти чистым, хотя и вымокшим до исподнего. Уже размечтался о горячих пирожках почтенной госпожи Одди, которая сдавала мне комнату и не гнушалась иногда побаловать гостя отменной выпечкой, а также о теплом камине, сухом белье, горячем обеде… как внезапно вынырнувший из-за крыльца мальчишка в синей униформе управления городского сыска испортил мне все планы.

– Мастер Рэйш! – радостно закричал он издалека и суматошно замахал руками, привлекая внимание.

Я помрачнел и остановился. А пацан, словно испугавшись, что я развернусь и уйду (*было такое пару раз, особенно поначалу*), опрометью кинулся мне навстречу.

– Мастер Рэйш! Стойте! Меня послал за вами господин Норриди!

Естественно. Кто еще, кроме Йена, мог заставить тебя торчать под моей дверью в такую погоду?

– Что там у вас? – без особого интереса спросил я, не торопясь продолжать путь, которому мешала разлившаяся поперек улицы глубокая лужа.

– Пока не знаю – меня прямо из управления выдернули! – запыхавшись, доложил мальчишка. – И ещё господин начальник просил передать, что это очень важно!

Я тяжело вздохнул.

Вот тебе и пирожки…

Городской сыск, как и обычную стражу, я недолюбливал, но, согласившись на должность внештатного сотрудника УГС, отказываться от работы было поздно. Особенно, когда она хорошо оплачивалась. Вызовов, правда, уже давненько не случалось, но теперь, видимо, придется надолго забыть о комфорте и до самой

ночи проторчать в какой-нибудь подворотне, любуясь на роскошные пейзажи местных трущоб или наслаждаясь видом очередного выпотрошенного бедолаги, убийцу которого ещё только предстояло найти.

Похоже, занятный будет вечерок. В самый раз для такой погодки…

Надеюсь, за мной хотя бы пришлют экипаж?

Глава 1

Забрызганный грязью кеб довез меня до Главной площади, остановившись почему-то не возле входа в Управление, а чуть дальше, перед воротами единственного в городе храма. И это само по себе было настолько необычно, что я поначалу усомнился, правильно ли понял мальчишку извозчик. Но потом увидел ошивающихся возле храма зевак, которых не смущал даже непрекращающийся ливень, толкущихся возле распахнутых дверей парней из городской стражи, заметил мелькнувшую среди них знакомую синюю униформу и с удивлением понял, что ошибки нет: в храме действительно произошло что-то плохое.

Интересно, какой дурак додумался грешить прямо в обиталище богов?

Не то чтобы меня это как-то волновало, но большинство жителей Алтории, включая поклонников Малайи и Рейса, не сомневались в неотвратимости божьей кары. И не без оснований. Так что храмы издревле считались неприкосновенными, и только безумцу могло взбрести в голову осквернить один из них убийством. Да ещё посреди белого дня.

То, что здесь кого-то убили, было очевидно, иначе городская стража разобралась бы с происшествием самостоятельно – банальные кражи, вымогательство, мошенничество, разбой и все то, что могло быть расследовано без применения магии, находилось в их компетенции. Но раз позвали сыскарей из УГС, значит, без крови не обошлось. И для меня, наконец, нашлась достойная работа.

Отпустив извозчика и проводив глазами умчавшегося прочь мальчишку-посыльного, который одновременно работал в Управлении писарем, я без особой спешки добрался до дверей и едва заметно кивнул мгновенно подобравшимся стражникам.

– Проходите, мастер Рэйш, – хмуро бросил один из них, почтительно посторонившись. – Вас давно ждут.

Даже не подумав снять шляпу, с полей которой то и дело срывались тяжелые капли, я отряхнул полы плаща и вошел внутрь, радуясь уже тому, что не придется работать на улице.

В храме было тепло, довольно светло и вполне себе уютно, несмотря на то, что с благовониями жрецы явно перестарались. Из-за обилия курительниц воздух казался сухим и колючим. Ноздри то и дело щекотали ароматы трав и пахучих масел. Под убегающим ввысь стрельчатым потолком лениво плавали клубы сизого дыма. Огромный зал, заполненный многочисленными статуями, возле которых терпеливо ждали подношений богато

украшенные алтари, просматривался целиком. И только дальние углы тонули в густой тени, до которой свет подвешенных к балкам масляных лампад практически не доставал.

Проходя мимо воплощенных в камне божеств, я окинул статуи равнодушным взглядом: развалившийся в кресле и нежно поглаживающий пузо своей любимице-жабе Абос, могучий и суровый Лейбс, убеленный сединами Сойрос, улыбчивая и добросердечная Ферза, бесстрастный и кажущийся отрешенным от мирских проблем Ремос… ни до кого из них мне не было никакого дела. Как, впрочем, и им до меня. Быть может, только пустой постамент Ирейи будил в моей душе слабое любопытство, но богиня тайн и всевозможных загадок вряд ли согласилась бы нарушить древнюю традицию и показать простому смертному свой божественный лик. Говорят, этой чести не удостаивались даже ее жрецы, так что гадать или задавать вопросы было бесполезно.

Кстати, жрецы тоже находились здесь. Все тринадцать – по числу наиболее почитаемых в Алтории богов. Безликие серые балахоны беспокойно колыхались возле дальней стены, куда служителей богов согнали, как стадо баранов, а теперь обстоятельно допрашивали двое сыскарей. Чуть дальше, остановившись аккурат возле алтаря величественного Рода, вполголоса спорили между собой заместитель главы городской стражи – господин Лардо Вейс и мой непосредственный начальник – Йен Норриди.

Первому было лет под сорок. Темноволосый, коренастый и плотно сбитый, словно бойцовый пес, господин Вейс отличался военной выправкой, редким упрямством и сложным характером, который порой доставлял сыскарям немало проблем.

Норриди в плане сложения выглядел скромнее, хотя отнюдь не был задохликом, и гораздо моложе. Да что там говорить – Йен был всего на пару лет старше меня. Но упрямо выдвинутый подбородок, сведенные у переносицы брови, поджатые губы и яростный блеск в глазах наглядно доказывали, что уступать собеседнику он не собирался. Намокшие от дождя смоляные кудри, безобразной каракатицей облепившие смуглое лицо начальника Управления, сделали его черты ещё более резкими, чем обычно, и подчеркивали опасно вздувшуюся вену, ритмично пульсирующую на правом виске, как всегда бывало, если Йен на кого-то злился.

Когда я подошел вплотную, они уже не ругались – просто громко сопели, буравя друг друга глазами, как заклятые враги, и явно не желали идти на компромисс. Да, разногласия между ними случались, если смерть была естественной и не требовала

дополнительного расследования, но Йен в такой ситуации отступал сразу и, проведя беглую проверку, отдавал дело городской страже без лишних проволочек. А тут они сцепились на глазах у сотрудников и свидетелей, и это была уже вторая странность, которая мне совершенно не понравилась.

– Что случилось, господа? – нейтральным тоном осведомился я, по привычке обойдясь без приветствия. – Зачем я вам понадобился? Да ещё так срочно?

При виде меня Лардо поморщился, будто вдруг научился чувствовать то, что обычно чувствую я, и ощутил витающий в храме сладковатый аромат смерти. После чего буркнул нечто, напоминающее «здрасти», и отступил на шаг.

– Арт! – облегченно выдохнул Йен, живо развернувшись в мою сторону. – Тут такое дело… нужно, чтобы ты осмотрел труп и сказал, от чего наступила смерть.

– Кто умер? – без малейшего удивления осведомился я. Конечно, для чего же ещё в управлении нужен мастер Смерти?

– Настоятель храма.

Ого. Жрецы – довольно закрытое общество, в котором имеется своя собственная иерархия. Низшая ступенька – послушники, которые практически не появляются на людях. Затем идут простые жрецы, задачей которых является обслуживание алтарей. А настоятель – весьма важная шишка в храме да и в жреческом Ордене тоже. Неудивительно, что Йен так уперся.

– Это самая обычная смерть, – снова набычился Лардо, став ещё больше похожим на защищающего хозяйское имущество пса. Даже порыкивать начал, потеряв всякое терпение. А его густые усы встопорщились, будто по ним провели жесткой щеткой. – Старику было далеко за семь десятков! Это не ваше дело!

– Он просил меня о помощи! – огрызнулся в ответ обычно спокойный и уравновешенный Йен. – За мгновение до того, как упал!

Хм. Интересно, сколько они уже так препираются? Да ещё над алтарем Рода? И что Йен тут делал во время убийства? Неужто зашел поклониться Ремосу? Не похоже на него.

Господин Вейс чуть не сплюнул.

– Да у него просто прихватило сердце! Даже ваш маг это подтверждает!

– Хог уже здесь? – неприятно удивился я.

– Да! Его заключение – естественная смерть от самых что ни на есть естественных причин! – зло подтвердил Лардо. – А твой начальник вместо того, чтобы со спокойной совестью отдать дело, как предписывает инструкция, до сих пор утверждает обратное…

У Йена на скулах заиграли желваки.

– Арт, я хочу, чтобы именно ты осмотрел тело, – твердо сказал он, взглянув мне в глаза. – Хотя бы потому, что инструкции знаю не хуже некоторых. Мастер Хог действительно провел предварительное обследование и сказал свое веское слово, но… сам понимаешь: я должен знать точно.

Ну да. По закону, в сомнительных случаях дать окончательное заключение о причине смерти может только маг Смерти. А поскольку в городе я такой один…

Я пожал плечами и, приметив светлую макушку помощника городского мага, склонившуюся над лежащим возле одного из алтарей телом, отправился выяснять подробности.

Настоятель лежал на левом боку, почти уткнувшись носом в основание алтаря. Левый локоть, придавленный весом его собственного тела, до сих пор оставался согнутым, а ладонь – прижатой к груди и плечу, словно старик хотел от чего-то защититься. Его правая рука бессильно упала сверху, запутавшись пальцами в разноцветных кисточках подпоясывающей рясу веревки. Обутые в сандалии ноги были чуть согнуты в коленях… ну, насколько позволял алтарь, конечно… темно-коричневая ряса смялась. Но ничего подозрительного, что могло бы навести на мысль об убийстве, я не заметил.

Когда мои грязные сапоги поравнялись с головой мертвеца, Гордон Хог – опытный маг Жизни и, по совместительству, внештатный сотрудник обоих наших Управлений – неприязненно буркнул:

– Рэйш, опять ты? Тебя-то зачем позвали?

– Откуда узнал, что это я? – флегматично отозвался я, присаживаясь рядом с телом на корточки. – Ты даже головы не поднял. Или успел отрастить глаза на затылке?

– Только у тебя хватило бы наглости завалиться в святое место, не вытерев как следует ноги, – хмуро ответил коллега, отбросив назад лезущую на глаза прядь светлых волос. Недоброжелательный взгляд его серых глаз на мгновение оторвался от трупа и задержался на моей мокрой шляпе. – Да ещё и находиться здесь в головном уборе. Рэйш, тебе что, совсем нет ничего святого?

– Причина смерти? – не удостоив его ответом, поинтересовался я.

Хог скривился, словно отхлебнул прокисшего пива, и с явной неохотой, но все-таки поделился информацией:

– Сердце у старика прихватило. Ничего необычного. Не твой профиль.

– Не возражаешь, если я проверю?

– Да пожалуйста, – фыркнул он, вставая. – Норриди совсем с ума сошел, если на такое пустяковое дело прислал тебя. И не лень было сюда переться с другого конца города, а?

– Мне за это платят. А теперь заткнись и отойди. Я должен сосредоточиться.

Не обращая внимания на ворчание быстро удаляющегося коллеги, я снял перчатки и, щелкнув пальцами по массивному перстню на правой руке, едва слышно шепнул:

– Просыпайтесь, лентяи-и… для вас есть работа…

И вплавленный в серебро крупный рубин тут же вспыхнул, осветив мое лицо кровавыми бликами.

– Что?! Опять?! – возмущенно всколыхнулся воздух перед моим лицом, а мгновением позже над телом настоятеля материализовался полупрозрачный силуэт в неопрятных лохмотьях. Морщинистое лицо, глубоко посаженные глаза, искривленный в злой гримасе рот, гневно вскинутые кулаки… Грем, как всегда, был в своем репертуаре. – Арт, мне уже двести лет, едрить тебя за ногу! И я, между прочим, ещё не отошел от визга той мерзкой собачонки! Чтоб ее двадцать раз об угол табуретки! Имей совесть и оставь старика в покое!

– В самом деле, Арт, – укорил меня мягкий женский голос, и следом за брызгающим слюной Гремом из перстня выпорхнула прекрасно одетая дама чуть более чем средних лет. В вычурном парике, завитая по последней моде, с кокетливой мушкой над верхней губой и в ярко-красном атласном платье, где под грудью расплывалось темно-багровое пятно. – Мы же только вернулись. Или у престарелой кокетки снова кто-то потерялся? Уж не муж ли?

– Что делать? – деловито осведомился третий призрак – босоногий пацан с на редкость серьезным лицом, вечно трепаной шевелюрой и следами трех ножевых ранений на холщовой рубахе. – Артур, у тебя неприятности?

– Полетайте по округе, – вполголоса, чтобы не разбудить дремлющее в зале эхо, велел я. – Посмотрите, что да как. Может, что странное найдете.

– Сделаем, – уверенно кивнул мальчишка и, растаяв в воздухе, умчался выполнять поручение.

– А я не буду! – ожидаемо уперся старик. – Я тебе не какой-то там мальчик на побегушках! В моем возрасте бегать вредно! И вообще, я сегодня уже поработал, пока искал ту блохастую дрянь, посмевшую обгадиться в моем присутствии! Пусть, вон, теперь Жук отдувается – он молодой, ему нестрашно!

– Можно подумать, ты помрешь во второй раз, если чуток напряжешься, – насмешливо заметила призрачная леди Камия…

кстати, весьма полезная в некоторых вопросах дама… и кинула на недовольного старика пренебрежительный взгляд. – Или боишься, что развалишься на части больше того, что уже есть?

А потом повернулась ко мне и покровительственно улыбнулась.

– Арт, дорогой, чем тебе помочь?

– Меня интересует все, что может указать на причину смерти, – так же незаметно кивнул я.

– Хорошо, оглядимся.

– А я сказал, что не бу… – Грем в качестве протеста попытался юркнуть обратно в перстень, но в последний момент был удержан ласковой женской ручкой и основательно встряхнут за шиворот.

– А ну, шевелись, старая развалина! – в голосе леди прорезались командирские нотки. – Живо за работу! Не то я упрошу Арта вышвырнуть тебя из перстня и заодно расскажу обо всех непристойностях, которые ты шепчешь мне на ушко, пока никто не слышит!

Гневно засопевший призрак, собравшийся отстаивать свою правоту до победного конца, тут же сдулся.

– Вот гадина… Арт, поверь моему опыту: никогда не доверяй женщинам. Потому что они коварные, двуличные, наглые и беспринципные стер… ой! – Грем с чувством потер зудящий зад, к которому приложилась изящная женская туфелька. И тут же наябедничал: – А еще они дерутся!

– Правильно, – свела брови к переносице опасно нахмурившаяся леди. – Так что, если ты, кобель облезлый, не пошевелишься, я тебе покажу, как любил развлекаться мой покойный… чтоб ему во Тьме несладко жилось… муженек, если его рисковали обмануть подельники!

– Да иду уже, иду! – страдальчески простонал несправедливо обиженный дух, поспешно отплывая в сторону и пропадая за ближайшей статуей. – Вот ведь разоралась…

– Не волнуйся, Арт, – с заговорщицкой улыбкой повернулась ко мне леди. – Если тут что-то есть, мы непременно найдем.

Я только усмехнулся и, проследив за тем, как невидимые абсолютному большинству присутствующих призраки, препираясь и беспрестанно споря, снуют между статуями, занялся своими непосредственными обязанностями.

Повреждений на теле, как и говорил Хог, не обнаружилось: ни ран, ни синяков, ни даже мелких порезов, которые могли бы остаться после бритья. В ауре тоже не имелось подозрительных следов, которые можно было связать с посторонним воздействием. Ни порчи, ни сглаза, ни проклятия, ни наведенной

магии, ни даже крохотного клочка отрицательных эмоций, которые навели бы меня на мысль о преднамеренном убийстве. И ни единого следа маскирующей магии, позволяющей думать, что место преступления старательно подчистили.

Судя по ауре, на старика в последние пару месяцев никто даже не разозлился. На него не воздействовали физически или магически. Он не носил при себе амулетов. В его теле не осталось следов каких бы то ни было ядов… уж в чем в чем, а в этом я разбирался прекрасно. И был готов поклясться, что настоятель чист, как горный хрусталь. И мертв, как тот камень, на котором остывало его бездыханное тело.

Помня о словах Йена, я все же приложил правую ладонь к груди мертвеца, пытаясь нащупать место, откуда жизнь стала уходить первой. Но, так же, как и Хог, был вынужден признать, что настоятель действительно умер от обычного сердечного приступа. Причем смерть наступила относительно недавно – вторая мерная свеча едва успела догореть, когда меня нашел мальчишка-посыльный, так что иные причины полностью исключались: воздействие маскирующей магии сохраняется как минимум сутки. Так что господин Вейс был полностью в своем праве.

– У нас ничего, – кратко доложил о результатах осмотра вынырнувший из ниоткуда Жук, подтверждая мои выводы. – Ни крови, ни шлейфа недавней смерти, ни каких бы то ни было других следов. Храм чист, Арт.

– Спасибо, я понял, – задумчиво кивнул я, поднимаясь на ноги и возвращая призраков на место.

Йен, увидев мое лицо, почему-то помрачнел. Лардо, напротив, с торжествующим видом пригладил усы. На лице Хога появилась пренебрежительная усмешка, и…

Честно говоря, я не собирался этого делать. Призывать свои силы лишь для того, чтобы кого-то успокоить или, напротив, кому-то подгадить, не в моих привычках: дар не для этого предназначен. Да и дело казалось ясным, как божий день. Но все случилось само собой. В тот самый миг, когда я поднял голову и взглянул на бога, у чьих ног лежало мертвое тело.

Фол… мрачный повелитель ночи… хозяин смерти и покровитель тех, кто решил положить свою душу на его черный алтарь. Неприветливый. Хмурый. Жестокий. Острый стилет, который он держал острием вниз, за тысячелетия успел отведать немало крови. Фола ненавидели. Ему приносили жертвы. Перед ним преклонялись за силу и безоговорочную власть над человеческими душами. Страшились его гнева. Но при этом боялись его благословения едва ли не больше, нежели

кровожадности Рейса.

Странно, что душа настоятеля, на плече которого был вытравлен символ солнца, вдруг решила отлететь под тяжелым взором ее вечного противника. Странно, что старик САМ стремился к Фолу, хотя, казалось бы, должен был искать упокоения у своего бога или хотя бы умереть на пути к нему. Что же заставило его просить снисхождения у несговорчивого владыки ночи? Он ведь не зря упал возле ЭТОГО алтаря?

Я неосторожно взглянул в глаза каменного божества и на бесконечно долгое мгновение провалился в густую тень. Храм и все присутствующие в нем тут же исчезли. Алтарь ухнул куда-то вниз и пропал в непроглядной тьме, окутавшей мир удушливой черной пеленой. Опора под ногами тоже исчезла, лишив меня понимания, где пол, а где потолок. Перед глазами заметались полупрозрачные силуэты… так быстро, что их невозможно было разглядеть. А потом послышался шепот… навязчивый, сводящий с ума и ядовитой песней вливающийся в разум.

Он отравлял мысли. Ввинчивался острым сверлом в память. Заставлял видеть то, чего никогда не было в моей жизни. Зато было в жизнях тех, чьи души проносились мимо меня с устрашающей скоростью: кровь, боль, вереница стремительно меняющихся, искаженных до неузнаваемости лиц, сотни глаз, до краев наполненных страданием, тысячи рук, безжалостно выкрученных в мучительном спазме. Распахнутые в беззвучном крике рты, искалеченные тела, изрубленные останки, над которыми звучал все тот же неумолимый шепот… горький, безумный… шепот множества голосов, в каждом из которых слышалось бесконечное отчаяние. То самое, что поневоле заставляло задержать взгляд на мелькающих лицах и увидеть обстоятельства, приведшие этих несчастных сюда, к своему хозяину и повелителю. Могущественному богу, в царство которого я только что имел неосторожность вторгнуться.

К такому нелегко привыкнуть. Правда. Далеко не у всех получается сохранить рассудок, впервые шагнув во Тьму. И совсем уж редко встречаются те, кто, ощутив царящий там холод, не только не утонул в этом липком плену, но и сумел выбраться из него самостоятельно.

У меня в свое время получилось. Да и сейчас я растерялся лишь на долю мгновения. Просто потому, что, находясь в храме, не ожидал от Тьмы такого коварства. А затем привычно стиснул зубы и, отстранившись от голосов, уверенно вышел в обычный мир, заставив горестно стонущие тени бесследно развеяться в пустоте. После чего глубоко вздохнул, потер отяжелевшие веки и, подняв на стоящих неподалеку людей потяжелевший взгляд,

понимающе оскалился.

Все верно – от меня опять шарахнулись, как от прокаженного. Наверное, сегодня Тьма закрутилась особенно плотно и злорадно похлопала полами моего плаща, нагоняя страху. Голосов, конечно, никто не слышал – это «удовольствие» доступно лишь мне одному, но хватило и того, что мои волосы под низко надвинутой шляпой заискрились серебром, кожа на лице побледнела и покрылась тонкой сеточкой синеватых вен, а глаза, которые в обычное время выглядели бледно-голубыми, превратились в два мутных бельма с крохотными точками резко сузившихся зрачков.

Неприятное зрелище. Согласен. Но сделать уже ничего нельзя – седина очень прочно обосновалась в моей шевелюре с девятнадцати лет, когда я впервые ощутил на губах горький привкус смерти. И с тех пор год за годом постепенно отвоевывала территорию. А что касается кожи и глаз… ну, кто-то однажды сказал, что маги Смерти настолько часто прогуливаются по грани, что с годами становятся похожими на тех, чьи души они тревожат. В чем-то это, конечно, преувеличение, а в чем-то, пожалуй, в этом есть и определенная доля истины. Мы же не зря так сильно меняемся, когда обретаем силу?

– Что-то нашел? – дрогнувшим голосом спросил Йен, когда мой гнетущий, все ещё частично обращенный во Тьму взор остановился на его бледном, но решительном лице.

Я перевел взгляд на труп, не зная, как объяснить, что даже сейчас не чувствую в нем ничего плохого. Но именно тогда-то и обнаружил ЭТО – вытравленную на лбу настоятеля печать… перечеркнутый крест-накрест круг. Знак отрицания Рода. Знак отрицания самой жизни. Сочащийся Тьмой символ Смерти.

Я такой видел однажды – учитель показывал на одном из своих неудавшихся убийц. И, хоть этот знак казался бледнее и менее четким, чем тот, что я видел на оживленном мастером Этором трупе, сомневаться не приходилось – на лице отца-настоятеля стояла такая же метка. Та самая, которую видит посланница Фола, когда подыскивает себе очередную жертву. И которую я смог разглядеть лишь тогда, когда Тьма наложила на мои веки зыбкую пелену прозрения.

Печать Смерти никогда не появляется сама по себе. Ее не нанесет любопытный подросток, случайно заглянувший не в ту книгу. И не поставит обозлившаяся на изменника-мужа супружница.

Знак Смерти – это вызов… или, если хотите, призыв. Прямое обращение к владыке ночи, природа которого не имеет ничего общего с магией. Это скорее молитва. Истовая, на пределе сил и

человеческих возможностей. Ее нужно знать, как читать и кому из богов посвящать. И для нее надо иметь определенное мужество: потревожить покой Рейса или Фола – на это далеко не всякий безумец осмелится. А уж давать указания любимице последнего, не имея на то разрешения свыше… уф. Даже я бы, наверное, не рискнул, хотя в равнодушии богов к нашим мирским делам уже не раз успел убедиться.

Тем не менее, кто-то заклеймил старика, привлекая к нему внимание Смерти. И, если бы не я, об этом никто и никогда бы не узнал – рассмотреть подобные знаки могут лишь те, кто научился заглядывать за грань. Способен видеть так, как видит Она. Нас ведь не зря зовут мастерами Смерти – мы у Нее на особом счету. А значит, Йен был прав: настоятеля все-таки убили. И Вейсу тут больше нечего делать.

– Что? – встревоженно подался вперед начальник УГС, когда я встряхнулся и, зажмурившись, помотал головой. – Арт, что ты увидел?!

– Забирай дело, старик наш, – хрипло велел я, надевая перчатки.

– Рэйш, ты сошел с ума! – чуть не задохнулся от возмущения Лардо.

– Ты уверен? – нахмурился Йен, и я кивнул. – Тогда извини, Лардо – ты знаешь правила.

Господин заместитель начальника городской стражи тихо зарычал, собираясь продолжить бесполезный спор, но потом взглянул на мое уставшее лицо, выразительно скривился и раздраженно бросил:

– Мастер Артур Рэйш… как лицо, назначенное начальником городской стражи вести данное расследование, я обязан услышать официальное заявление специалиста по магии Смерти: готовы ли вы подтвердить, что имеете основания для принятия такого странного решения?

– Да, – сухо кивнул я. – Господин Барро получит рапорт завтра утром.

– Хорошо. Тогда дело – ваше, – отступился Вейс и развернулся к выходу. – Но учтите: покрывать вас, если ты ошибся, я не буду.

– Спасибо, Арт, – тихо обронил мой непосредственный начальник, когда раздраженный Лардо вместе со своим людьми покинул храм.

Я только фыркнул.

– За что? За то, что лишил тебя общества мягкой подушки и на всю ночь запер в храме с остывающим трупом какого-то старикашки?

– Я его знал, – еще тише ответил Йен, повторно сминая пальцами уже дважды пострадавшую от его непонятной нервозности шляпу. – И поверь мне: если отец Нил попросил кого-то о помощи, значит, она действительно была ему нужна…

Глава 2

Рабочий день, как я и предсказывал, закончился уже в сумерках – сыскари дотошно допросили прихожан, многие из которых оказались чрезмерно словоохотливыми; облазили весь храм сверху донизу, поговорили со жрецами, составили все необходимые протоколы, взяли показания у случайных свидетелей и, нагрузившись бумагами, вернулись в управление. Благо оно находилось через площадь от места преступления.

Я, потратив целый вечер на написание обещанного рапорта, засиделся до темноты.

По сложившейся традиции меня никто не дергал – знали, что ничего хорошего в ответ не услышат – но я все равно закончил с писаниной лишь тогда, когда остальные уже разошлись по домам.

Переться в квартал ремесленников – одному, в темноте, да под моросящим дождем – откровенно не хотелось, тем более, что экипажа на этот раз мне никто бы заказывать не стал. Переночевать у друзей тоже не было возможности… как, собственно, и самих друзей – кто ж согласится делить кров с мастером Смерти? Веселой вдовушки, готовой закрыть глаза на мои недостатки, в моем окружении тем более не маячило. Поэтому, когда в холле появился мальчишка из ближайшего трактира, нагруженный снедью по самые уши, и с пыхтением поднялся на второй этаж, я с готовностью последовал за ним и нагло заглянул в кабинет своего непосредственного начальника.

– Ты еще здесь? Решил не мокнуть понапрасну, раз уж с рассветом все равно сюда возвращаться?

Йен стоял возле окна, за которым все так же упорно барабанил дождь, и неподвижным взглядом следил за тем, как медленно вступает в свои права ночь. Дома его, как и меня, не ждали: в свои неполные тридцать начальник городского сыска не успел обзавестись супругой и даже постоянную пассию еще не завел. Родители его остались где-то далеко. Друзей за те несколько лет, что его перевели в Верль, он так и не нажил. Серьезных врагов, впрочем, тоже. Так что я не особенно удивился, узнав, что Норриди частенько ночует на работе.

Вот и сегодня его почему-то не тянуло бродить по раскисшим улицам. Оставленный мальчишкой ужин терпеливо ждал на столе. На подоконнике виднелась початая бутылка вина. Но, судя по бокалам, так и оставшимся стоять на полке в шкафу, дело до него пока и не дошло.

– Отец Нил пришел ко мне три года назад, – вдруг задумчиво обронил Йен, не оборачиваясь. – Именно тогда, когда я больше

всего нуждался в совете.

Я понятливо кивнул, закрыл за собой дверь и, уловив умопомрачительный запах жареных куриных крылышек, бесцеремонно занял стоящее возле стола кресло.

– Тогда я еще только обустраивался на новом месте. Гордился своим назначением и толком не понимал, что и как надо делать, чтобы Управление заработало как надо…

Я согласно угукнул и, покопавшись в принесенной снеди, выудил оттуда самый аппетитный, на мой взгляд, кусок.

История Йена была мне хорошо известна: он прибыл в Верль за полтора года до меня, получив распределение сразу после окончания одного из столичных университетов. Для молодого виконта не самого знатного рода это назначение было большой удачей… по крайней мере сам Йен считал ее таковой. Энтузиазма у него тогда было хоть отбавляй. Сил и желания что-то делать – ещё больше. Его переполняли мечты, надежды и благородные устремления. Так что он приехал на окраину Алтории, абсолютно уверенный в том, что перевернет всю судебную систему с ног на голову и покажет, наконец, всем «как надо».

Увы. Столкнувшись с реальностью и едва не расшибив об нее лоб, он довольно быстро осознал, что нахрапом такие вершины не берутся. Долго скрипел зубами, выслушивая витиеватые объяснения чиновников, не желавших оснастить Управление городского сыска современным оборудованием или хотя бы новой формой взамен того рванья, что было раньше. Задыхался от возмущения, раз от раза слыша одни и те же фальшивые заверения в том, что «будет сделано все возможное, но вы должны нас понять – городская казна совсем оскудела…» Злился до белых мушек в глазах, видя, что этих зажравшихся свиней не интересует ничего, кроме набивания собственных карманов. Разбивал кулаки в кровь, с пеной у рта доказывая бургомистру, что для нормальной работы управлению ТРЕБУЕТСЯ весь указанный в правилах штат сотрудников. А потом бессильно выл на луну, получив великодушное пожелание «поискать сотрудников где-нибудь самому»…

Надо признаться, после трех лет отчаянной борьбы с городским начальством Йен все же сумел кое-чего добиться: новую форму ему все-таки выдали, зарплату сотрудникам чуть-чуть, но повысили, развалившиеся инструменты со скрипом заменили, скудный ремонт в помещениях управления, куда раньше было страшно зайти, провели… но за это из молодого начальника выцедили столько крови, что порой я был готов его пожалеть. И ведь не сломался парень. Выдюжил. Утратив прежнюю наивность, сохранил верность слову и не потерял

понятие о чести. Даже не озлобился больше необходимого и все так же трепетно относился к своей работе, как и раньше.

За что я его, собственно, и уважал.

– А ты знаешь, что это именно он посоветовал мне обратиться к тебе? – внезапно повернулся от окна Йен.

Я чуть не подавился крылышком.

– В каком смысле?

– Отец Нил сказал, что если я хочу сделать все, как надо, то должен предложить тебе работу, – с самым серьезным видом повторил начальник и, цапнув с подоконника бутылку, поинтересовался: – Будешь?

Я поморщился.

– Нет.

– Ах да… я забыл, что у тебя обет, – ничуть не смутившись, отставил вино Йен и уверенно потянулся к курице. – Так вот, когда я уже был готов опустить руки и, плюнув на все, уволиться к бабушке Фола, он меня навестил, сказал, что у него было видение, и предрек, что в городе скоро появится человек, который решит многие мои проблемы. Причем он был настолько убедителен, что я решил повременить с крайними мерами и дал себе полгода сроку. А буквально через пару месяцев в Верле появился ты… седой, как дед, с безумными глазами и приметным кольцом на пальце, по которому тебя и опознали.

Я фыркнул.

– И что с того? Подобные кольца – обязательный атрибут мастеров Смерти.

– Мастера Смерти не появлялись тут лет десять, – резонно возразил он.

– И правильно. За последние три года в этой глуши произошло всего семнадцать убийств, да и те – обычная бытовуха. О преступлениях, совершаемых с помощью магии, тут даже не слышали – когда в городе всего два мага, да и те – на вес золота, то, даже если бы они вздумали кого-то зверски замучить, их все равно носили бы на руках. Остальное, с чем мы работаем – тьфу. Пьяного мужа такая же пьяная жена толкнула под руку, когда он спускался с лестницы… двое бродяг решили выяснить, кто где должен собирать подаяние, и один зарезал другого насмерть… в доме милой старушки завелся грозный призрак ее умершего супруга, решившего отомстить ей за давнишнюю измену…

– Если бы ты от него не избавился, госпожа Одди никогда не пустила бы тебя на порог своего дома, – заметил Йен, жадно вгрызаясь в нежное мясо. – Да ещё и со скидкой.

– Согласен, – промычал я, присматриваясь к следующей жертве своего разгулявшегося аппетита. – Она – неплохая

старушка, которая в благодарность за спасение готова не обращать внимания на цвет моей шевелюры. Но ты все равно зря пишешь ежегодные заявки, надеясь, что столичное управление отдаст тебе квалифицированного мага – нас слишком мало.

– Да мне не нужен квалифицированный. Хоть бы какого завалящего прислали… ты ведь не навечно в Верле? И что я буду делать, когда ты уедешь?

– Понятия не имею, – равнодушно откликнулся я. – Но я бы тоже не согласился здесь работать, если бы ты не пообещал платить вдвое больше того, что получает за свои услуги Хог.

– Так вот почему он тебя терпеть не может, – со смешком заметил Йен. – Но разве дело только в деньгах?

Я невозмутимо кивнул.

– Конечно. Они с бургомистром ненавидят меня лишь за то, что я слишком много, по их мнению, получаю.

Начальник УГС скептически оглядел мои поношенные сапоги, такую же поношенную шляпу, которую я привык не снимать даже в помещении, и хмыкнул.

– Да. Я гляжу, ты просто купаешься в роскоши!

Я усмехнулся.

– С самого рождения. Так что ты делал сегодня в храме?

– Зашел проведать отца Нила, – снова помрачнев, вздохнул Йен. – Я заглядывал к нему иногда. Спрашивал совета. Но он сказал, что видений больше не было, зато ему уже несколько дней как-то тревожно… а потом схватился за сердце и простонал, что ему нужна помощь. Я не понял, чья и зачем – настоятель почти сразу упал. А когда я попытался его поднять, оттолкнул мою руку и пополз прочь. В храме было много прихожан… кто-то закричал, кто-то испугался… началась суета, в которой на мой значок, естественно, никто даже не взглянул. Почти сразу подбежали жрецы и стали помогать отцу Нилу… но их он тоже почему-то прогнал. Держался за сердце и говорил, что что-то упустил. А потом добрался до статуи Фола и умер, едва не отдав свою жизнь на его алтаре.

– Странное поведение для настоятеля…

– Потому-то я и просил тебя его проверить. Что ты нашел?

Я коротко рассказал про печать и добавил:

– Сама смерть действительно была естественной – сердечный приступ… да и кто бы сомневался: в таком-то возрасте? Вот только случилось это раньше положенного срока, потому что Смерть не принимает отговорок от тех, на ком стоит ее печать. Помечен – значит, умрешь. Как последователь Рода отец Нил, возможно, знал, когда должно прийти его время, и понимал, что умирает не в срок. Наверное, именно это он хотел тебе

рассказать?

– Думаешь, он знал убийцу?

– Нет, – качнул головой я. – И призвать его дух, чтобы расспросить об этом, невозможно: жрецы, прошедшие посвящение, сразу уходят к богам, и вернуть их обратно нам не под силу. Надо искать того, кто поставил метку.

– Я где-то слышал, это могут делать только мастера Смерти… – нейтральным тоном заметил Йен.

Я понимающе усмехнулся.

– Вообще-то для этого достаточно иметь нужные знания и пройти посвящение одному из темных богов. Если он даст разрешение на призыв Смерти, никаких проблем – будь ты хоть булочником, хоть простым бродягой, то избавляйся от врагов и не бойся, что тебя утянут следом за ними. Расплачиваться, правда, будешь уже на том свете и не по обычному тарифу, но то уже дело десятое. Если же тебя интересует моя персона в качестве главного подозреваемого, то спешу огорчить – посвящения я не проходил и в любой момент готов это доказать.

Йен поморщился.

– Если ты сейчас предложишь мне искать на тебе метку – получишь в морду.

– Если ты не прекратишь задавать идиотских вопросов – пороюсь у себя в памяти в поисках обряда наложения печати и поутру пойду кому-нибудь срочно посвящаться.

– Зачем ждать утра? – вяло полюбопытствовал он. – Иди сейчас, раз уж все решил.

– Неохота шляться по дождю, да ещё и посреди ночи. Зато когда я поставлю на тебе такую же метку, как на настоятеле, ты очень быстро помрешь. А я потом с чистой совестью спляшу какой-нибудь злодейский танец на твоей могиле.

– Душу-то не жалко? – скептически приподнял одну бровь мой… не друг, но, пожалуй, неплохо знающий меня человек.

– А какая разница, если душа будет посвящена… ну, например, Рейсу? чтобы со мной ни случилось, никто, кроме него, ее уже не заберет.

– Логично, – признал Йен, потянувшись за второй порцией крылышек. – Значит, нам всего лишь надо найти того, кто прошел посвящение кому-то из темных богов и знал, как поставить печать.

Я пренебрежительно отмахнулся.

– Тогда можешь записывать в подозреваемые добрую треть населения города.

– Ну не у всех же есть необходимые знания!

– А они тебе разве об этом расскажут?

Йен наморщил нос и неохотно признал.

– Ты прав. Каждого из них придется не только проверять, но еще и обыскивать дома. А поскольку большая часть этих личностей живет по заветам Малайи, то до многих тайников мы в жизни не доберемся. Даже если очень постараемся.

– И это при том, что убийца мог быть вообще не местным. Скажем, явиться в город на пару дней и уже благополучно его покинуть.

– Арт, ты просто режешь меня без ножа!

– Ничего, сейчас ещё и пытать начну… ты в курсе, что поставить метку можно и на расстоянии?

– Чего?! – растерянно замер Норриди, не донеся до рта очередной кусок курицы. – Хочешь сказать, убийца мог и не появляться тут вовсе?!

– Именно. Особенно, если он все-таки маг. Так что, хоть мы и забрали это дело, но зацепиться в нем пока не за что.

– А след? – нахмурился Йен, вернув недоеденное крыло на место. – Ты ведь можешь найти убийцу по следу!

Я отрицательно качнул головой.

– Если бы это было возможно, я бы сделал это сразу. Но я могу выследить только тех, кто непосредственно контактировал с жертвой. Того, кто нанес удар или спустил тетиву лука, вонзил нож или бросил смертельное заклинание… в остальных случаях мой дар бесполезен. Да и не было рядом с телом таких следов – я проверил. Убийца мог находиться рядом, но я бы все равно его не почуял, потому что собственно смерть настоятеля была, как ни печально признавать, обычной. А чужие намерения я, увы, не прослеживаю.

– Что же тогда делать? – окончательно помрачнел Йен, уже не вспоминая об ужине.

Я развел руками.

– Ты из нас сыскарь. Вот и ищи.

* * *

– Ничего не понимаю, – пробормотал Йен ближе к рассвету. Он сидел за столом, с головой закопавшись в бумаги, и все еще упорно пытался найти разгадку там, где, по моему мнению, ее просто не существовало. А именно: просматривал сделанные сыскарями записи, сравнивал показания, изучал отчет о месте преступления и без конца грыз гусиное перо, тщетно пытаясь отыскать зерно истины. – Врагов у настоятеля не было… по крайней мере явных. Обиженная супруга тоже отпадает – он

никогда не был женат. Детей нет… по крайней мере, до посвящения не сподобился, а потом дал обет безбрачия. Друзей, как таковых, тоже не имеется. Все его знакомые – либо жрецы, либо прихожане, которые поголовно отзываются об отце Нила, как о хорошем, отзывчивом и добром человеке… кому он вообще мог помешать?!

Очнувшись от дремоты, я сцедил зевок в кулак и, не открывая глаз, заметил:

– Ты преемника его проверил?

– Отец Нил назвал его имя пару лет назад и с тех пор своего мнения не менял. Более того, его выбор был поддержан и принят руководством Ордена как единственно верный.

– Может, все-таки остались недовольные?

– Нет, – уткнув нос в показания, пробурчал Йен. – Даже на мой предвзятый взгляд, отец Луг – прекрасный кандидат. Я пару раз попадал на его проповеди и могу засвидетельствовать, что у него талант удерживать внимание толпы. Ну, и, конечно, истовая вера в свое благое предназначение. К тому же, он проходил посвящение Роду, как отец Нил. И по определению не может быть нашим убийцей. Ведь во второй раз пройти посвящение невозможно… я прав?

– В точку, – сонно кивнул я и устроился в кресле поудобнее, намереваясь ещё немного поспать. – Тогда проверь тех, кто посвятил себя Фолу, Малайе и Рейсу. А также Ирейе и Солу, если будет желание.

– При чем тут Ирейя? – непонимающе замер Норриди, в очередной раз раздосадовано куснув ни в чем не повинное перо. – Она же богиня тайн. А Сол… он же бог сновидений, а не войны!

– Эта парочка, если ты не знал, условно относится к темным богам, – лениво отмахнулся я. Мне, как мастеру Смерти, положено было знать своих потенциальных покровителей.

– Фолово семя, – огорченно отбросил изжеванное перо Йен и, отодвинув от себя ворох бумаг, обхватил гудящую голову руками. – Придется их завтра… вернее, уже сегодня… ещё раз вызвать и допросить!

– Согласен, – пробормотал я, лениво покачиваясь на волнах навеянной Солом дремы. – Посмотри, кстати, информацию насчет конфликтов среди прихожан, поищи какого-нибудь неудовлетворенного работой храма посетителя… безумного просителя, возжелавшего получить от Рода что-то несбыточное, но так и оставшегося ни с чем… может, отцу Нилу недавно угрожали? Или он с кем-то ссорился? Куда-то уезжал ненадолго, а вернулся уже с меткой?

– Вот только не надо меня учить, как делать мою работу!

Неужели ты думаешь, я забыл, с чего начинается расследование убийства? Поверь, все это годами отработано и четко прописано в наших…

Йен вдруг заметил, как именно я устроился в его кабинете, и взбеленился.

– Эй! А ну-ка, убери сапоги с моего стола!

Я поморщился: сидеть в другой позе в кресле было неудобно. А стол Йена так удачно подвернулся мне под ноги, что менять их положение я совершенно не собирался.

– Арт! Убери сейчас же! – повысил голос Йен, не дождавшись никакой реакции. – Слышишь?!

– Чем тебе не нравятся мои сапоги? – буркнул я, деловито перекладывая одну ногу на другую.

– Тем, что они ГРЯЗНЫЕ!

– Так давай, я их сниму?

Йен возмущенно замер, а потом зябко передернул плечами и осенил себя простым кругом.

– Избави меня боги от созерцания твоих нестираных портянок… если не уберешь ноги, лишу премии!

Я заворчал, но угроза была серьезной. Поэтому пришлось открыть один глаз, смерить бессовестного тирана укоризненным взглядом, убедившись заодно, что его требование останется непреклонным. А потом опустить ноги на пол и без зазрения совести отгрести отвалившуюся от каблука лепуху глины под его же стол. А то ещё подметать заставит.

Нет, я, конечно, мог бы переночевать внизу, на хлипком и отчаянно скрипучем топчане в холле. Но, во-первых, это было несолидно (*что я, бродяга какой, чтобы по углам ныкаться?*), во-вторых – скучно (*доводить Йена гораздо интереснее*), а в-третьих – бесполезно: я гораздо лучше засыпаю не в тишине, из которой до моего слуха порой доносятся чужие голоса, а при звуковом сопровождении. И тембр голоса моего непосредственного начальника подходил для этих целей как нельзя лучше. Особенно, когда ему вторил мерный шум дождя за окном.

– Арт, твои манеры меня убивают, – бросив на меня уничижительный взгляд, заявил Йен.

Я широко, с подвыванием зевнул.

– Главное, что они делают это быстро. Если бы ты мучился, я бы, наверное, этого не пережил.

– А не пошел бы ты… вниз? – вежливо послал меня в холл господин начальник Управления городского сыска. – Светает скоро, а у нас много работы, которую некому делать.

– И правда, – согласился я и, к удивлению Йена, послушно поднялся с кресла. – Вы тут продолжайте, а я пошел отсыпаться.

Надеюсь, в такую рань на улицах будет немного народу, и мне не придется уворачиваться от чужих экипажей, мечтая о том дне, когда я смогу купить собственный.

– Что?! – от такого предположения Йен аж подпрыгнул.

– Я свое дело сделал, применения моих талантов пока не требуется, поэтому, как внештатный сотрудник управления, нанятый для выполнения особого рода задач, я могу со спокойной совестью отправляться домой, ожидая, когда вам, господин начальник, снова понадобятся мои услуги… вот, кстати, и дождь немного поутих… так что спасибо за компанию. Я пошел.

– Арт! – возмущенно донеслось мне в спину. – Арт, не смей меня бросать наедине с нераскрытым делом!

Я сделал удивленное лицо.

– Я тебя не бросаю, а честно признаю свое бессилие. Впрочем… за двойной оклад я готов пересмотреть свои взгляды на жизнь и подумать о возвращении.

На лице Йена отразилось напряженное раздумье, за которым я следил с неослабевающим интересом. Но потом он расслабился, обреченно махнул рукой и раздраженно бросил:

– Проваливай. Толку с тебя сейчас и правда никакого. А позволить тебе протирать здесь штаны по двойному тарифу я не могу – бургомистр меня потом живьем сожрет за нерациональные траты. Так что выметайся и помни мою доброту. Когда понадобишься – позову.

Я ухмыльнулся и закрыл за собой дверь. Что ж, попытка не пытка – раньше он часто покупался. Но, видно, общение со мной отрицательно сказалось на его характере. По крайней мере, просчитывать последствия он стал быстрее и намного лучше, чем поначалу. Ворчать тоже научился отменно. А уж деньги стал считать…

– Скряга, – с нескрываемым удовольствием заключил я и, бодро насвистывая под нос, отправился домой.

Глава 3

Проснулся я ближе к полудню. От того, что какой-то мерзавец отчаянно барабанил по входной двери, звонким мальчишечьим голоском требуя меня увидеть. Госпожа Одди, видимо, ушла за покупками, раз не пресекла это безобразие на корню, поэтому бессовестный пацан измывался над моим сном до тех пор, пока навеянные Солом грезы не смыло внезапно проснувшееся раздражение, и я не вышел на крыльцо в одних подштанниках, напугав редких прохожих своей помятой физиономией.

– ЧТО?!

– Мастер Рэйш! Вас срочно требует к себе начальник управления городского сыска! Транспорт уже ждет! – бодро доложил все тот же посыльный и, совершенно правильно расценив зверское выражение моего лица, поспешил испариться. Успев напоследок испуганно пискнуть:

– Двойной оклад прилагается!

Я рыкнул (*ну что Йену опять от меня понадобилось?!*), но потом подумал о деньгах, заметил стоящий у дома экипаж и, признав, что это более чем кстати, отправился собираться.

Ехать пришлось долго – мой дом по стечению обстоятельств находился не просто на другом конце города, но ещё и в не самом благополучном районе. Где дороги были еще отвратительнее, чем в центре, и для того, чтобы оттуда выбраться, хиленькой лошадке пришлось изрядно постараться. И да – пока мы ехали, дождь-таки снова начал накрапывать, по новой заполняя улицы города полноводными реками, а ветер, хоть и не был таким пронизывающим, как вчера, все же заставил меня нахохлиться и пообещать отомстить тому, кто посмел вытащить меня из дома без веской причины.

– Заходи, – мрачно велел начальник управления, когда я в наисквернейшем настроении распахнул дверь его кабинета, намереваясь высказать все, что думаю по этому поводу.

Но оказалось, Норриди был не один: на моем законном месте почему-то восседал заместитель Йена – господин Нотли Готж, которого я уважал уже за то, что после отставки прежнего начальника он не побрезговал заняться обучением нового. А рядом на принесенных из соседних кабинетов стульях сидели оба наших штатных сыскаря – Родерик Гун – весьма общительный и довольно толковый молодой человек, умеющий прощать мои маленькие слабости, и господин Барни Трант, милосердно соглашающийся вовсе их не замечать. В отличие от Родерика, свою карьеру в управлении он начал чуть ли не раньше Годжа, но,

как и последний, решил продолжить ее под руководством присланного из столицы сосунка. Который, впрочем, за три года ощутимо заматерел и превратился во вполне адекватного управленца.

При виде меня все трое изобразили на лицах нечто вроде «Привет! Чего приперся?», после чего так же дружно встали и вышли, словно я принес с собой скверный запах с ближайшей помойки. Ни «здрасти» тебе, ни «до свидания»… и кому, кроме Йена, я успел отдавить больную мозоль, раз меня игнорируют всем коллективом?

– Шевелись, чего встал? – поторопил меня Норриди, цапнув со стола рабочую папку и подхватив с вешалки теплое пальто. – Давай на выход. И без лишних вопросов!

Я молча повиновался, отправившись за начальством сперва в холл первого этажа, а затем снова на улицу.

– Садись, – так же мрачно бросил Йен, указав на готовую к поездке штатную бричку. – А теперь слушай и проникайся: у нас еще одно убийство.

Пока мы ехали, а он кратко излагал обстоятельства дела, я сидел и честно пытался «проникнуться». Оказывается, пока я дрых, в городскую стражу заявился некий Алек Дроуди и сообщил, что в его подвале находится мертвое тело его пожилой экономки, которое он обнаружил примерно две свечи назад, вернувшись домой после почти суточного отсутствия. Поскольку проживал этот важный и, видимо, состоятельный господин за городом, а, кроме экономки, в тот день в доме никого не было… у дворецкого выходной, а больше Дроуди никого к себе не допускал… то послать за помощью оказалось некого. Поэтому он приехал сам, обратившись в городскую стражу лишь потому, что смерть пожилой женщины, как ему показалось, наступила от совершенно естественных причин: бедняжка поскользнулась на лестнице, когда несла в подвал тяжелую корзину с бельем. После чего крайне неудачно упала и свернула себе шею, чем, разумеется, весьма огорчила хозяина.

Многоуважаемый господин Лардо Вейс терпеливо выслушал и записал показания посетителя. Проверил его слова с помощью амулета правды и, как положено, задержал до выяснения обстоятельств. Одновременно с этим отправил к дому своих ребят, чтобы все осмотрели и убедились, что тело действительно существует и лежит именно там, где и было сказано. А потом прислал весточку в стоящее по соседству… буквально в доме напротив… управление городского сыска. На случай, если господа сыскари тоже заинтересуются и пожелают проверить свои силы.

Ждали, как следовало догадаться, только меня. Вернее, Йен уже отправил на место двоих наших сотрудников, работающих, как и я, по договору добровольного найма, но остальных почему-то нагрузил другими делами. И именно этим объяснялось мрачное настроение присутствующих.

– С чего ты решил, что дело – наше? – задал я закономерный вопрос, когда Йен закончил, а управляемая им бричка выкатила из западных ворот города и отчаянно затряслась на ухабах.

– С настоятелем я был прав. А тут – второе убийство за сутки… знаешь, после нескольких месяцев затишья мне кажется это подозрительным.

– Почему же ты тогда не взял Барни или Родерика?

– Сам говорил, что посторонние тебе мешают… к тому же, допрашивать там некого – свидетелей нет. С хозяином дома мы уже побеседовали – ничего нового он не сказал, и ребята отвезли его обратно. Пока мы ездим, они доставят в управление дворецкого и хорошенько его потрясут. Вдруг он что-то знает? А Гуго и Вит осмотрятся на месте и проследят, чтобы тело никто не трогал.

Я скептически поджал губы.

– Если там уже потоптались ребята Лардо, твоя забота меня не спасет. Надеюсь, кстати, насчет двойного тарифа ты не шутил?

– Это был самый быстрый способ выдернуть тебя из постели, – ничуть не смутившись, признал Йен, подтвердив наихудшие мои подозрения. – Но, если я снова окажусь прав, премиальные получишь в полном объеме.

– И на том спасибо, – проворчал я, с неудовольствием покосившись на унылый пейзаж по обеим сторонам разбитой дороги. – Если бы еще и дождь прекратился…

Йен флегматично пожал плечами: к здешней погоде он привык, тогда как я, проведя все детство и большую часть юности в теплом сухом климате, до сих пор испытывал стойкое раздражение при виде слякоти и затянутого тучами неба. Не говоря уж о том, что бесконечно мокрая одежда, которую негде и не на что было сменить, порой доводила меня до исступления.

Больше мы не разговаривали: мое настроение к общению не располагало, а для того, чтобы размышлять по новому делу, банально не хватало данных. Приходилось бессмысленно таращиться по сторонам, изредка ругаться, когда бричка подпрыгивала особенно высоко, а облегченно вздохнуть только тогда, когда впереди показалась увитая плющом ограда, за которой мелькнул двухэтажный особняк.

Возле гостеприимно распахнутых ворот уже дежурили несколько человек в сине-белой форме городской стражи. Один

из них при виде нас как раз что-то вспомнил и, стукнув себя по лбу, умчался в дом, за которым виднелось еще одно небольшое строение. Всю площадку перед парадным входом занимали четыре просторных экипажа, на которых сюда, по-видимому, прибыли люди Лардо. Но двери в дом почему-то никто не охранял.

– Господин Дроуди – успешный делец, занятый в производстве парусины, – сообщил мне Йен, как только бричка остановилась у ворот, и мы снова вылезли под моросящий дождь. – На северном берегу Ирзы у него есть фабрика, приносящая весьма неплохой доход: королевские заказы, частные поставки… сам понимаешь. К тому же, через Ирзу выход к главной водной артерии Алтории у него тоже имеется. И, возможно, в ближайшее время благосостояние нашего клиента вырастет ещё больше, если, конечно, он сможет перебить цены на сходный товар в Лотэйне или Рагорне.

– Лотэйн – богатый сосед, – согласился я. – Если Дроуди сумеет там закрепиться… но к чему ты завел этот разговор? Полагаешь, кто-то, позарившись на деньги, стал бы убивать его престарелую экономку вместо того, чтобы просто надавить на хозяина?

– Я рассматриваю все варианты, – уклончиво ответил Йен, кивая одному из парней Лардо на воротах. Кажется, я его вчера видел. В храме. Приметный такой мордоворот со шрамом на полщеки. Видимо, у городской стражи тоже мало людей, раз они вторые сутки на ногах. – В конце концов, она могла быть убита по ошибке. Или она и есть тот самый способ давления, который мы ищем. А может, это и правда несчастный случай, потому что конкурентов у господина Дроуди в Верле и его окрестностях нет. Сам он заявил, что еще с вечера взял бричку и уехал в город. На фабрику… парни ее уже проверяют. Переночевал прямо там, у себя в кабинете. А вернулся сегодня в обед. Застав свою экономку мертвой, он сильно огорчился, а потом развернул бричку и прикатил обратно в Верль.

– Что ж он охранников не нанял, чтобы следить за порядком?

– Полагался на магию, – пожал плечами Йен, ныряя в калитку и направляясь к дому. – Людям он не очень доверял, поэтому, кроме двоих слуг, внутрь почти никто не заходил. А охрана осуществлялась с помощью специальных амулетов, которых, как говорит Лардо, тут просто не счесть. И которые хозяин дома регулярно заряжал у городского мага.

Я повертел головой и, призвав крохотную толику своей силы, взглянул на каменную громаду дома так, как обычно смотрел во Тьму. Но почти сразу удивленно присвистнул и, прикрыв за собой

ажурную калитку, аккуратно последовал за Йеном по узенькой, выложенной небольшими плитками дорожке.

– А знаешь, верю. На ограде, в саду и на доме висит так много любопытных вещичек, что, пожалуй, другой охраны тут не требуется.

– Так серьезно? – приподнял брови Норриди, на мгновение обернувшись.

– В первый раз такое вижу – хозяин просто помешан на безопасности. Кстати, никуда не сходи с дорожки – тут повсюду разбросаны крайне неприятные сюрпризы.

– Да, нас предупредили. Что еще можешь сказать?

– Ну, – я ненадолго задумался. – Вдоль ограды висит уйма опознавательных, поисковых и охранных заклинаний. Дикое зверье и птиц они благополучно отпугивают. Человека не трогают, но при пересечении некоей границы дают сигнал в дом. Вероятно, там находится какой-то управляющий амулет. Так что господин Дроуди, хоть и беспокоится за сохранность своего здоровья, все же не сумасшедший, чтобы калечить или убивать любого, кто приблизится к его дому на расстояние в сто шагов. С внутренней стороны ограды заклинания дублирующие. Все три вида. А вот в саду…

Я окинул взглядом многочисленные деревья и поздно зацветшие кустарники, коих по обеим сторонам дорожки было просто не счесть.

В обе стороны от дорожки раскинуто несколько предупреждающих заклинаний. Какие точно, не скажу – я в этом деле не спец, но, скорее всего, не смертельные. Так, на случай, если кто-то из гостей рискнет проявить неуместное любопытство. Чуть дальше стоят более серьезные штуки, к которым лично я, пока они работают, подходить не собираюсь – половина из них обладает парализующим действием, а вторая, если я правильно понимаю, способна серьезно покалечить. О том, что творится дальше, можно только гадать – там столько всего накручено, что с первого взгляда и не разберешь. Но возле парадного входа заметно почище… правда, лишь потому, что охранные заклинания кто-то любезно отключил.

– Господин Дроуди обещал сделать это по всему поместью. А еще он утверждает, что защиту за последние двое суток никто и ничто не тревожило. Хог должен был все проверить.

Йен не успел договорить, как двери в дом с тихим скрипом открылись, и оттуда вышел худощавый светловолосый парень в синей униформе УГС. На редкость отзывчивый, почти всегда улыбающийся и удивительно открытый малый по имени Вит, который при виде нас искренне обрадовался и облегченно

перевел дух.

– Ну наконец-то! Господин Норриди, давайте сразу в подвал, а то Гуго уже устал держать оборону вокруг тела! Тут столько желающих его распотрошить, что… приветствую, мастер Рэйш! Мы вас заждались!

Я бесцеремонно выхватил у него из рук несколько исписанных аккуратным почерком листов бумаги и, почти не взглянув на роскошный интерьер первого этажа, тут же уткнулся в записи.

– Итак, госпожа Элизабет Дейбс… шестьдесят восемь лет… не замужем… детей нет, – пробормотал я, машинально следуя за Йеном. – Во всех смыслах одинокая дама. Проживала тут с… ого-го, какого времени! И все эти годы исправно служила у господина Дроуди в качестве экономки. Нареканий не имела. Конфликтов ни с кем не было. О ней отзывались, как о замкнутом, но неагрессивном человеке, который всегда стремился избегать конфликтов… короче, ничего интересного.

– Точно. И умерла она так же скучно, – хмыкнул позади меня Вит, заметно понизив голос. – Господа, поворачивайте налево – там будет дверь в подвал. Только будьте внимательнее: лестница очень крутая. Немудрено, что пожилая дама так неудачно навернулась.

Осматривать непосредственно место преступления я не стал – пусть этим занимается Йен, ему по статусу положено. А вот тело меня заинтересовало, поэтому, оставив Норриди обнюхивать ступеньки, я первым делом спустился вниз.

Госпожа Элизабет Дейбс лежала у подножия лестницы, неестественно вывернув шею и уставившись мутными глазами в противоположную от ступенек стену. Была она действительно немолода, но, судя по состоянию кожи на шее и руках, ухаживала за собой более чем тщательно. Фигура, хоть и полноватая, была очень женственной и вполне даже ничего для такого возраста. Не новое, но определенно не дешевое платье сидело на ней безукоризненно. Небольшой воротничок и манжеты выглядели ослепительно белыми, изящная туфелька на левой ступне соответствовала моде, а тщательно подпиленные ноготки на пальцах определенно говорили о даме, как о женщине, которая очень внимательно относилась к своему внешнему виду. Причем внимательно настолько, что даже я не дал бы ей больше пятидесяти.

Неужто в мире есть такие экономки?!

Рядом с телом, опрокинувшись на бок и вывалив на пол все свое неаппетитное содержимое, валялась корзина с грязным бельем. А над ней, грозно сведя брови к переносице и сжав

пудовые кулаки, стоял наш второй сотрудник – здоровяк Гуго. Широкоплечий, с грубоватым лицом, на котором первым делом бросались в глаза не единожды сломанный нос и тяжелые надбровные дуги, он производил своеобразное впечатление. А безусловная преданность начальству и бурное прошлое, в котором он успел отметиться даже в королевской тюрьме, делали его довольно опасным противником. Особенно, если дело казалось выполнения приказов.

Судя по кислой физиономии сидящего на ящике с яблоками Хога, до тела ему добраться так и не удалось: оттащить Гуго от трупа без членовредительства не смог бы даже я. А значит, к погибшей никто еще не прикасался, и это облегчало мою работу в разы.

– Давай быстрее, Рэйш! – раздраженно бросил маг, когда я спустился и не без злорадства отметил его понурый вид. – С самого обеда тут торчу и до сих не могу приступит к осмотру! А все потому, что кто-то слишком долго собирается!

– Ребята, на выход, – шепотом скомандовал я, отворачиваясь от белобрысого коллеги и снимая перчатку с правой руки. – Задание то же, условия прежние.

– Еще один труп? – с любопытством осведомилась леди Камия, на этот раз выпорхнувшая на свободу первой. Бойкий мальчишка, на которого я просто нарадоваться не мог, тоже без лишних разговоров устремился к мертвячке, деловито присматриваясь. И только Грем, кряхтя и почесываясь, выполз на свет с опозданием, не преминув при этом проворчать:

– Опять работа… и опять я должен на кого-то… ого-го-го! – внезапно изменился его голос, а в глазах появился кровожадный блеск. – Да тут у нас мертвая дамочка!

Я чуть не хмыкнул, когда старый вояка встрепенулся и, гордо выпятив едва прикрытую лохмотьями тощую грудь, голодным коршуном набросился на тело.

– Ух, какая сочная! – восхищенно протянул он, жадно уставившись на оголившуюся голень экономки и тут же принявшись ее нежно оглаживать. – И, главное, ни словечка против не скажет! Ты только взгляни, какие ножки! А грудь… а бедра… о-о-о, Арт, не волнуйся – я ее щас подробненько осмотрю! Ни единой детали не упущу! Могу даже выяснить, какого цвета на ней панталоны!

То, что руки проходили тело насквозь, его совершенно не смущало – важен был сам факт. Более того, этот ненормальный умудрился даже голову засунуть в тело жертвы. Аккурат туда, где находилась ее грудь. И вынырнул обратно с такой блаженной улыбкой на полупрозрачной физиономии, что стало ясно – новое

дело ему нравится.

Я кашлянул, проследив за тем, как старый развратник с тихим улюлюканьем снова нырнул в труп, только на этот раз – целиком. Но, покосившись на мрачного мага Жизни, следящего за мной, словно лишившийся добычи падальщик, все-таки смолчал – хорош бы я был, если бы начал вслух обсуждать поведение слуги. Зато леди Камия, увидев, как наш озабоченный призрак принялся азартно ерзать под платьем, отвесила одной из неестественных выпуклостей на теле жертвы звучный подзатыльник.

– Не смей осквернять тело, охальник!

– Да ей уже без разницы! – возмущенно откликнулся Грем, на секунду высунув голову наружу и требовательно на меня посмотрев. – Арт, ну что это такое! Я тут следственный эксперимент провожу, а она…

Спрятав улыбку, я присел возле тела на корточки и, приложив ладонь к груди экономки, сосредоточился.

– Он ее тоже трогает! – торжествующе завопил Грем, тряся своими лохмотьями и обвиняюще указывая на мои пальцы. – Видала?! Он бессовестно щупает ей грудь! Почему ему можно, а мне нельзя?!

– Потому что Арт занят делом! – чуть не задохнулась от возмущения леди. – А ты…

– Я ему в этом помогаю!

– Еще хоть раз сунешь свою поганую морду под чужую юбку, я тебя…

– Да заткнитесь вы оба, – не сдержавшись, буркнул я, когда леди Камия в сердцах рявкнула прямо мне в ухо.

– Мы и так молчим, – отозвался вместо нее Гордон Хог, озадаченно переглянувшись с ничего не понимающим Гуго, а призраки, не обратив на посторонних никакого внимания, окончательно сцепились. – Рэйш, ты там, случаем, не спятил? Или голоса умерших покоя не дают?

Я только отмахнулся – что он понимает в голосах? У меня перед носом разъяренная дамочка-призрак таскает за редкие волосенки такого же полупрозрачного старикашку. Тот не уступает и старательно пытается порвать ей лиф… понятно, что лишь для того, чтобы взглянуть на цвет ее белья, но, пока она поймет что к чему, пройдет немало времени. Оба при этом орут так, что у меня уже уши вянут, клочья призрачной одежды усеяли весь пол, обрывки волос медленно кружатся в воздухе… хорошо, что, кроме меня, этого никто не видит.

Узнав все, что хотел, я поднялся, прошелся по подвалу, старательно прислушиваясь к себе и пытаясь понять, нет ли где настоящего следа, но потом разочарованно скривился и, борясь с

желанием заткнуть уши, великодушно кивнул Хогу.

– Я закончил.

– И это все?! – не поверил маг Жизни. – Я ждал тебя полдня лишь для того, чтобы ты поводил тут ладошкой, прогулялся вокруг трупа, а потом милостиво позволил нам доделать остальное?!

Я молча призвал Тьму, коротко взглянув на лежащее на полу тело. Почти не удивился, обнаружив на лбу экономки точно такую же метку, как у отца Нила. Неохотно признал, что чутье у Йена все-таки есть. А потом пристально взглянул на Хога и сухо осведомился:

– У тебя есть по этому поводу какие-то возражения?

Под моим тяжелым взглядом Гордон смешался и поспешил отвести глаза.

– Э-э…

– Тогда работай и доложи потом Йену о результатах.

– Арт, тут ничего нет, – тихо-тихо прошептал вернувшийся со своего задания Жук. – Я все осмотрел, но, кроме женщины, в последние сутки тут никого не было.

Я едва заметно кивнул, взглядом указывая на перстень, и мой юный помощник, о присутствии которого я уже года два как не жалел, с улыбкой ввинтился в неярко засветившийся камень. Тогда как оставшиеся двое все ещё продолжали буянить, выясняя отношения. Правда, без членовредительства.

– О чем именно и кто из вас должен мне что-то доложить? – услышав свое имя, торопливо спустилось по лестнице начальство.

Хог сделал вид, что не услышал, подчеркнуто уделяя все внимание трупу, а я, старательно игнорируя бушующий поблизости скандал, кратко пересказал свои наблюдения.

– Плохо, – помрачнел Норриди. – Значит, все-таки метка…

– Вне всякого сомнения.

– А причина смерти?

– Банальнее не бывает: экономка действительно свернула себе шею…

– Подтверждаю, – хмуро откликнулся снизу маг, привычно и умело проводя осмотр жертвы. – Других повреждений на теле нет. Раны и ссадины – только те, что можно получить при падении с лестницы. Следов магии тоже не видно… разумеется, кроме той, что пронизывает сам дом. Но, как и сказал Дроуди, ни одно из охранных заклинаний потревожено не было. Из этого следует, что женщина действительно находилась здесь одна и всего лишь неудачно оступилась. Если бы не тяжелая корзина, она бы, возможно, отделалась вывихом лодыжки или простым ушибом. Но дама, судя по всему, несла свою ношу из последних сил, почти

волоча по полу, поэтому, когда поскользнулась, то ударилась туфелькой о боковину и потеряла равновесие. Затем скатилась вниз, стукнувшись пару раз о перила и потеряв вторую туфельку… вон она, кстати, под лестницей лежит. В результате падения леди вполне закономерно сломала себе шею и благополучно скончалась. И случилось это, если я правильно понимаю, вчера утром. Примерно в то же время, в какое умер отец Нил. Ко мне ещё вопросы есть?

Мы с Йеном переглянулись.

– Лестница чистая, – вполголоса обронил он. – Одна ступенька немного прогнулась в центре, но следов умышленного повреждения нет.

– Признаков наведенной магии я тоже не нашел, – так же тихо ответил я. – Как и в храме, здесь нет ни атакующих заклинаний, ни шлейфа от них, если ее вдруг ударили на улице, ни маскирующих заклятий. Никто сюда не входил и никто не выходил. Смерть совершенно обычная… если не считать одной-единственной детали.

– Хочешь сказать, мы имеем на руках два одинаково непонятных трупа без единой зацепки?

– Ну… мы же ещё не все осмотрели?

– Гуго, когда господин маг закончит, займитесь телом, – велел Йен, сделав несколько пометок в своей папке. – Даму завернуть и доставить в наш «холодильник». Людям Лардо сообщить, что дело теперь наше, и забрать у них материалы. Вы опись закончили?

– Да, командир, – пробасил здоровяк, вытянувшись во фрунт. – Дом, сад, ограда, место смерти… осталось только тело. Вит как раз собирался им заняться.

– Хорошо. Я хочу взглянуть на комнату, в которой жила эта женщина, а ты, Арт…

Я невозмутимо развернулся к лестнице и, щелкнув ногтем по камню в перстне, тем самым призывая обратно разбуянившихся призраков, заявил:

– Я иду с тобой.

– АРТ! – дружно обернулись ко мне не успевшие доругаться духи. – Не смей от нас избавляться таким варварским способом!

Я только хмыкнул: я их что, упрашивать буду? Щас.

Под моим взглядом призраки мгновенно побледнели, начав стремительно истаивать. Заодно лишились голоса. Обнаружив этот прискорбный факт, дружно погрозили кулаками. Наконец, растаяли полностью, продолжая костерить меня до самого последнего мига, и только тогда рубин перестал светиться.

– Э-э… вообще-то я хотел попросить тебя подождать

снаружи, – удивился моему решению Йен. – Но если тебе любопытно…

Я согласно кивнул и, вернув перчатку на место, поднялся наверх, пока у него не созрели неудобные вопросы.

Как выяснилось, то непонятное строение, которое я заметил еще при входе, оказалось небольшим домиком со всеми необходимыми для проживания удобствами. Крохотная гостиная, кухня, уборная, небольшая спальня. Потрепанный, но ещё справный ковер на полу, красивые кружева на креслах, не успевшие завянуть цветы в вазе на подоконнике, со вкусом подобранные занавески, мягкая постель, на поверхности которой не имелось ни единой складочки, наброшенный сверху легчайший балдахин… для экономки, пожалуй, чересчур роскошные апартаменты. Которые, впрочем, смущали не столько своей дороговизной и чрезмерным для служанки шиком, сколько тем, что в них не чувствовалось человеческого присутствия.

Обычно помещение, в котором живет женщина, буквально дышит духом хозяйки. Это чувствуется в том, как расставлены на полках книги, как развернуты к свету цветочные горшки, как небрежно отложено на кресло неоконченное вязание или чуть сдвинута в сторону штора, закрывающая вид на цветущий сад… но здесь этого не было. Нигде. Женская забота присутствовала, потому что госпожа Элизабет действительно иногда здесь бывала, иначе цветы на подоконнике давно бы завяли, да и пыли на полу скопилось не в пример больше. Однако по-настоящему она жила в другом месте. Точнее, в другом доме. Поэтому, едва заглянув внутрь, я решительно потянул Йена за рукав и негромко бросил:

– Не трать время. Лучше давай еще раз поговорим с господином Дроуди. Мне кажется, он не все тебе рассказал…

Глава 4

Хозяин дома обнаружился в кабинете на втором этаже и встретил нас не слишком ласково. Вид у него, когда мы вошли, был несколько потерянный и даже, я бы сказал, растерянный, однако он очень быстро овладел собой и, учтиво поднявшись из-за стола, осведомился:

– Чем могу быть полезен, господа?

Пока Йен представлялся и расшаркивался, я внимательно изучал нашего собеседника: немолодой, седовласый, с осанкой уверенного в себе человека, проницательный и, судя по жестким складкам в уголках рта, довольно упрямый. При этом ухоженный, если не сказать что холеный. С властным, не утратившим былой красоты лицом. Ничуть не обрюзгший и почти не утративший резкости движений, свойственной всем энергичным, решительным людям.

Когда Йен заговорил о возможных конкурентах, господин Дроуди даже глазом не моргнул – в данный момент его эта тема не беспокоила. Угроз, анонимных или явных, как он нас заверил, в его адрес за последнее время не поступало. Подозрительные личности в окружении не появлялись. Поставщики не подводили, скупщики только наращивали объемы заказов, и вообще семейное дело активно развивалось.

Однако, когда разговор зашел о госпоже Дейбс, хозяин дома моментально замкнулся. Его седые брови дрогнули, тонкие губы плотно сжались, а лицо легла непроницаемая маска. При этом прямого ответа на тщательно завуалированный вопрос Йена он так и не дал. Тот факт, что домик в саду не жилой, никак не подтвердил, но и не опровергнул. Демонстративно пропустил мимо ушей пару скользких намеков. И даже когда Норриди упомянул о том, как именно умерла экономка, в его глазах ничто не изменилось, а голос остался таким же ровным и бесстрастным, как раньше.

Наконец, мне надоело ждать, пока они перестанут ходить вокруг да около, выписывая словесные пируэты. Поэтому я просто встал и, мысленно послав всех подальше, задал интересующий меня вопрос, что называется, в лоб. На что господин Дроуди окатил меня поистине ледяным взглядом и, не меняя тона, скупо заметил:

– Мне кажется, вы превышаете свои полномочия, господа. Моя личная жизнь никого, кроме меня, не касается.

– До вашей личной жизни нам нет никакого дела, – заверил его я, проигнорировав предостерегающий знак от Йена. – Но

вчера в вашем доме была убита женщина…

Йен беззвучно ругнулся.

– Убита?! – впервые дрогнула маска господина Дроуди, и на мгновение из-под нее проступило нечто, напоминающее боль.

– Небезразличная вам женщина, – с нажимом добавил я, дерзко глядя ему в глаза. – И наша задача – как можно быстрее установить, почему это произошло.

На лбу хозяина дома пролегла глубокая морщинка.

– Прошу прощения, господин Норриди… – он устало потер переносицу. – Я не совсем понял вашего коллегу… вы что, полагаете, что Элизабет была убита?!

Йен кинул на меня испепеляющий взгляд и осторожно ответил:

– Мы ещё не уверены. Но вероятность этого события очень велика.

– Я должен знать точно! – неожиданно вышел из себя господин Дроуди, резко поднявшись из-за стола и уперев в него горящий диковатыми огнями взор. – Вы обязаны рассказать мне все!

И вот тогда я, наконец, смог увидеть, какой он на самом деле. Не сдержанный и хладнокровный, как мгновение назад… о, нет… сейчас в его глазах бушевал такой пожар, что о него можно было обжечься. Неистовый, взрывной, просто ураган эмоций. Но при этом КАК он ее называл по имени… с какой теплотой, тревогой и, одновременно, нежностью…

– Нам очень нужно осмотреть комнату, где жила Элизабет, – быстро сказал я, снова встряв без разрешения. – Мы понимаем, что вам сейчас очень тяжело, но это может помочь в расследовании.

– Да что вы понимаете… – горько усмехнулся господин Дроуди, остыв так же быстро, как и вспыхнул. А потом покачал головой и, прикрыв веки, так же горько добавил: – Хотя сейчас это не имеет значения: ее ведь больше нет. Так какая теперь разница, что скажут обо мне люди?

– Господин Дроуди…

– Идемте, – хозяин дома, словно что-то для себя решив, быстро направился к выходу. – Я покажу вам комнату. И расскажу все, что вас интересует. Но взамен я хочу знать, что стало известно о ее смерти. И почему вы считаете, что она была… неправильной. Мы понимаем друг друга, господа?

«Ну спасибо тебе, Арт!» – мелькнуло злое в глазах Йена. Хотя вслух он ответил совсем иное. Я же сделал каменное лицо и, мудро не став давать никаких обещаний, вышел из кабинета.

Ее настоящая комната оказалась такой же небольшой, как та,

что мы видели в саду, но намного более уютной. И располагалась здесь же, на этаже, совсем недалеко от библиотеки, поскольку, как обмолвился по дороге господин Дроуди, его мнимая экономка всегда была неравнодушна к книгам.

– Ей было девятнадцать, когда я впервые ее увидел, – задумчиво обронил он, открывая перед нами дверь. – Шел сильный дождь. Было ветрено. Она сидела возле одного из причалов, прижимая к груди полупустую котомку, и горько плакала, а я в это время пробегал мимо, стремясь как можно быстрее добраться до навеса. Наверное, я бы не остановился – у меня было много забот, потому что отец считал, что чем раньше передаст мне дело, тем больше я успею в него вложить… но, когда мы поравнялись, ветер вырвал из ее рук платок и швырнул мне прямо в лицо.

Перешагнув порог, мужчина окинул взглядом пустую комнату и, неожиданно шагнув в сторону, снял с полки аккуратно сложенный, искусно вышитый платок нежно-голубого оттенка.

– Она замерзла до дрожи. До нитки вымокла. Ей было некуда идти, поэтому я ее… пожалел, – он со вздохом поднес платок к лицу и коснулся его губами.

– Лотэйнийский шелк, – безошибочно определил я. – Но вышивка старая – сейчас такую уже не делают. Добротная, кстати, вещь. И очень долго сохраняет первоначальный цвет.

Йен подозрительно покосился в мою сторону, а я огляделся и с некоторым удивлением обнаружил, что в комнате довольно много вещиц из этого недешевого материала. Изящный шарфик, забытый на крючке возле входа, просторная накидка с отделанным кружевами капюшоном, совершенно новенькая подставка под вазу с цветами, тонкий плетеный шнурок, идущий вниз от закрепленного на стене колокольчика…

– Элизабет родом из Лотэйна, – ответил господин Дроуди на мой невысказанный вопрос. – Она приехала сюда совсем одна. И сильно тосковала по родине, поэтому каждый год… в день нашей с ней первой встречи… я привозил ей небольшой подарок из ее родной страны. Сорок девять лет подряд. И она это ценила.

– У нее были какие-нибудь враги? – поспешил отвлечь его от воспоминаний Йен. – Может, недоброжелатели? Завистники? Просто люди, которые желали ей зла?

– Элизабет почти не выходила из дома, – покачал головой хозяин дома. – Она не любила людей. И вообще старалась как можно меньше бывать на улице. Смешно сказать, но она… боялась открытых пространств. Избегала новых лиц. Поэтому я оградил ее от всего мира, построил вокруг нее крепкую стену и сделал все, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Ага. Понятно теперь, почему комнатка такая маленькая. А дом, напротив, такой большой.

– А как давно она стала бояться выходить на улицу? – прищурился я.

– Сколько я ее знал. Из-за этого мы и переехали за город. Почти сразу после того, как стали близки. И поэтому же, кроме дворецкого, который служил ещё моему отцу, я почти никого сюда не пускал.

– А в последнее время в поведении Элизабет ничего не изменилось?

– Абсолютно. Она была счастлива здесь, – на лицо господина Дроуди набежала легкая тень. – И каждый день благодарила меня за то, что я смог подарить ей это чудо.

– За ограду она не выходила? – снова спросил Йен.

– Вообще к ней не приближалась. Все, что Элизабет знала – это дом и наш сад, в котором ей было спокойно и хорошо.

– А как же работа по дому? – озадачился я. – Если у вас не было слуг, то неужели Элизабет делала все сама? В таком огромном особняке?

– Нет, конечно, – невесело усмехнулся мужчина. – Мы широко используем бытовые амулеты: для чистки, уборки, мытья и даже стирки. Поверьте, у меня достаточно средств, чтобы позволить себе тратить их на то, что я считаю нужным. И я часто бываю в столице, где хватает молодых пытливых умов, желающих подработать на создании принципиально новых артефактов. Я у них частый гость, даю заказы, которые порой и сам считаю странными… плачу деньги, а через время получаю результат… у меня в доме стоит единственная в Верле и, наверное, во всей Алтории машина для стирки белья. Громоздкая, пожирающая прорву заряда у амулетов, зато исправно чистящая одежду и не заставляющая никого портить руки щелочью. Есть амулеты, поглощающие неприятные запахи. Амулеты, позволяющие ухаживать за старой древесиной. Амулеты для сбора пыли, воды, грязи… амулеты для защиты и охраны… осветительные, предупредительные, атакующие, парализующие… да каких только нет! Я столько денег на них потратил, что Элизабет почти не приходилось работать по дому! Разве что готовить? Но готовить она как раз любила, и я не стал лишать ее этой радости, заводя личного повара.

Мы с Йеном снова переглянулись.

Как занятно… но, наверное, это и есть любовь?

– Значит, посторонние в вашем доме не появлялись? – уточнил Йен, медленно пройдясь по комнате.

Господин Дроуди покачал головой.

– Практически нет. А если кто и бывал, то Элизабет сразу уходила к себе и не появлялась до тех пор, пока за гостем не закроются двери. Она жила уединенно и очень тихо. Родных у нее не осталось. Друзей и близких тоже. В богов она не верила. И даже молитв из ее уст я ни разу за это время не слышал. Все, что у нее было, это я…

Он вдруг сжал челюсти и отвернулся.

– Простите за беспокойство, господин Дроуди, – вежливо откланялся Йен, цепко ухватив меня за локоть и знаком показав, что за первое же слово убьет меня на месте, причем особо жестоким способом. – Благодарим вас за сотрудничество. Вы очень нам помогли. Как только что-нибудь выяснится, мы непременно вам сообщим.

Опечаленный мужчина кивнул и даже не стал требовать выложить все детали расследования немедленно. Просто отпустил и прикрыл за нами дверь.

Хотя, наверное, его можно понять – почти полвека прожил с теткой душа в душу, берег ее от всего мира. Можно сказать, был ее единственной опорой, а сегодня вернулся домой и вдруг – бац! Она мертва! Он все утро метался из угла в угол, не зная, что делать, потом носился из управления городской стражи к нам и обратно, старается держал лицо, хотя сил даже на то, чтобы просто казаться спокойным, не хватало. Тем временем в его доме толпа шарится посторонних, во дворе гадят чужие кони, ухоженный газон топчут грязными сапогами… А потом приходим мы и заявляем, что любовь всей его жизни не просто свернула себе шею на лестнице, а ее, оказывается, могли убить.

Ох и нелегкий денек сегодня выдался у господина Дроуди!

Однако по поводу амулетов я бы не отказался с ним поговорить – это ж золотая жила, если правильно приложить к ней руки и голову! Но Йен был настойчив и явно зол. Причем настолько, что беззвучно пообещал урезать мне оклад, если я не подчинюсь и не уберусь из этого дома вон.

Пришлось смирить любопытство и уйти, мысленно пообещав себе когда-нибудь сюда вернуться. Потом кучу времени прождать, пока он закончит с осмотром остальных помещений. Затем долго трястись в бричке по пути в Управление. А едва зайдя внутрь, наткнуться на мрачного, как грозовая туча, Готжа и услышать от него раздраженное:

– Не спешите раздеваться – у нас ещё один труп…

* * *

Всю дорогу до очередного места преступления Йен упорно молчал. Вернее, сперва он все-таки завел неприятный разговор и, не особенно стесняясь в выражениях, высказал все, что думает о моих методах дознания.

Ему, как выяснилось, не понравилось открытое вмешательство в ЕГО дело и тот факт, что из-за моей наглости мы могли лишиться ценного источника информации. Дескать, если бы Дроуди не был так расстроен смертью своей… ну, пусть будет экономки… то после моей выходки мог вообще отказаться сотрудничать. Огласка отношений в его ситуации нежелательна, а настаивать, ввиду отсутствия улик и показаний амулета правды, мы не имели права. Так что, если бы Дроуди уперся и накатал жалобу бургомистру, всему нашему Управлению грозила нехилая плюха от городского начальства. По мнению Йена, я едва не послужил причиной большого скандала. Не говоря уж о том, что я поставил под угрозу тайну следствия, посмел не проявить должного сочувствия к чужому горю и вообще вел себя неподобающе.

Когда я заметил, что Йен несет чушь, он обиделся. Когда я резонно возразил, что именно тот факт, что я надавил на свидетеля, помог немного прояснить дело, он обозлился. А когда я спросил, чего же он на самом деле испугался: последствий для Управления или же лично для себя, – и вовсе рассвирепел. После чего ледяным тоном потребовал от меня соблюдать субординацию, а потом демонстративно отвернулся и до самого места назначения не произнес ни единого слова.

Да. Иногда его клинило. Но, как правило, Йен быстро отходил. Поэтому я просто пожал плечами и не стал ничего доказывать. Я поступил так, как посчитал нужным, не думая о возможном скандале, чужом неудовольствии или чьих-то пораненных чувствах. И раз это принесло положительный результат, то все остальное не имело значения.

Разве нет?

Дом следующей жертвы располагался на Базарной улице, совсем рядом с Торговой площадью – так называемым «центром города для бедных». Площадь в буквальном смысле была торговой, с самого утра там надрывали глотки продавцы, кудахтали куры, мычали коровы, визжали свиньи и скромно лежали свежие овощи на прилавках.

Я там появлялся редко – зачем, если я питаюсь в дешевых трактирах? А вот госпожа Одди заглядывала частенько и по вечерам любила поворчать на задранные до небес цены, невоспитанных продавцов и мелких воришек, которых на таком хлебном месте всегда водилось в достатке.

Нужный дом располагался буквально в двух шагах – унылое, давно не крашеное здание, один взгляд на которое навевал беспросветную тоску. Зато он был построен из камня, а не простого дерева. И даже в два этажа. Забор вокруг него недавно подновили, немногочисленные деревья в крохотном саду явно подстригли, да и занавески на окнах висели чистенькие. Так что не исключено, что в доме недавно сменились жильцы и просто не успели привести его в порядок.

А ещё возле ограды я заметил знакомую фигуру заместителя начальника городской стражи, который отпустил штатный экипаж буквально за миг до нашего приезда и вот-вот собирался войти в дом.

– Опять вы? – устало спросил он, увидев нас и повременив с визитом к хозяевам. – Все трупы в свой «холодильник» собираете? Может, я вообще отзову людей, чтобы они не делали вашу работу?

– Было бы неплохо, – хмуро бросил Йен, выбираясь из брички. Дождавшись, когда из второго экипажа высадится остальная команда, так же хмуро кивнул им и скомандовал: – Рэйш, отправляйся в сад – осмотри тело. Родерик, ты с ним – оглядишь все и занесешь в протокол. Барни – за мной. Мы пока займемся родителями. Гуго, Вит… вы – как обычно. Все, разошлись.

Он дернул плечом и, едва не толкнув Лардо, прошел в дом. Мог бы, правда, этого и не делать – начальнику вообще необязательно самому везде присутствовать. Но Йен есть Йен. И он пока не избавился от некоторых заблуждений юности. Поэтому мы с парнями понимающе переглянулись и, молча разведя руками, разошлись куда послали.

– Я с вами, – вздохнул Лардо, увязавшись за мной и Гуном. – Заодно, так сказать, введу в курс дела – родители, как ты понимаешь, сперва обратились к нам…

– Что произошло? – осведомился я, проходя на задний двор и распахивая ведущую в сад калитку.

– Несчастный случай… да-да, очередной! И не надо на меня смотреть с таким скепсисом! Девочка просто играла в саду, забралась на дерево, но не удержалась и…

Я чуть не споткнулся, увидев место преступления: раскидистую яблоню, окруженную невысоким забором из коротких, мне по пояс, заостренных кольев. Прислоненные к ним ящики, позволяющие без проблем забраться на ствол даже ребенку. Поломанные ветки, на которых дозревало несколько зеленых яблок. И совсем еще маленькое тельце, обвисшее на импровизированном заборе и проткнутое насквозь аж в двух местах.

Глядя на медленно развевающееся платьице, на котором расплывались кровавые пятна, беспорядочно спутавшиеся золотистые волосы, перехваченные на лбу ярко-красной лентой, и остекленевшие глаза на кукольном личике, мне впервые за последние десять лет захотелось выпить.

– Когда? – только и спросил я, изучив труп.

Лардо принялся нервно теребить свой ус.

– Примерно свечу назад. Родители услышали крик, выбежали из дома, а она уже висит… девочку звали Лори. Ей было восемь. Говорят, колья сняли со старого забора неделю назад: решили сделать новую ограду. Выбросить сразу не решились – думали, может, где пригодятся. А она просто играла. День-другой-третий… отец сам помогал их вкапывать… говорил, загородку для собаки сделает. Они ее раньше в доме держали, а тут кто-то повадился яблоки воровать, вот он и решил: пусть какое-то время псина поживет на улице. А теперь у него ни собаки, ни дочки, ни, похоже, яблони больше не будет… с корнями выкорчует, лишь бы никогда не вспоминать. Эх, не зря говорят, что у Фола скверные шутки. Я раньше как-то не верил. А сейчас…

Он яростно почесал кончик носа, на который злорадно плюхнулась холодная капля с прохудившихся небес, и встряхнулся.

– Ладно. Работай, Рэйш. Если опять скажешь, что дело – ваше, то я сразу сворачиваюсь и не порчу своим людям сон. Если же нет…

Я одернул сбившийся на одну сторону плащ и пошел убедиться, что, в отличие от счастливчиков из городской стражи, у меня сегодня будет тревожная ночь. Хорошо, если без видений и шепота. Все-таки три смерти подряд – это слишком. Но тут даже духов выпускать не надо, чтобы понять, что никаких следов мы не найдем.

На мой призыв Тьма отозвалась мгновенно, будто только и ждала, пока я открою ей душу. Лениво колыхаясь, сомкнулась вокруг черным капканом, жадно лизнула кожу, заставив ее похолодеть. Зашептала на ухо сотнями разных голосов. Обняла, запустив ледяные когти под одежду. А потом неохотно схлынула, оставив после себя едкий привкус горечи и непроницаемую для обычного света пленку на глазах. Сквозь которую я совершенно отчетливо увидел горящую на лбу девочки и знакомую до боли печать.

– Понял, уже ухожу, – поднял руки Лардо, когда я повернулся и коротко указал ему на выход. – Счастливо оставаться.

– Я бы тоже ушел, – тяжело вздохнул Родерик, проводив его завистливым взглядом. – Но Йен мне этого не простит. И как ты

умудрился довести его до такого состояния?

– Для этого нужен талант, но ты им явно не обладаешь, – флегматично откликнулся я, отпуская Тьму восвояси, и на всякий случай все-таки попробовал взять след.

Не вышло, естественно. Ну да ничего. Зато не придется вызывать своих помощников, один из которых сразу же разорется, едва узнав о новом деле, а вторая мгновенно расквохтается. Жуку вовсе смотреть не стоит: его в свое время подло зарезали в одном из переулков… незачем лишний раз напоминать.

Я прикоснулся ладонью к шершавой коре и на пробу тронул один из кольев – острый. Потом, обернувшись на строчащего что-то у себя в бумагах сыскаря, тщательно осмотрел тело… мало ли… но, как и в предыдущих двух случаях ничего толкового не нашел и в задумчивости присел на первый попавшийся ящик.

Что могло связывать пожилого отца-настоятеля – верного последователя Рода и просто хорошего, если верить Йену, человека… с боящейся открытых пространств экономкой и маленькой девочкой, за которой и грехов-то никаких не водилось?

Родственные узы? Маловероятно – отец Нил никогда не был женат, у девочки имелись родители, а погибшая женщина вовсе оказалась сиротой. Да и по возрасту они не подходили: для матери восьмилетней Лори Элизабет была слишком стара, а отец Нил к тому времени уже принял обет безбрачия.

Но тогда, может, они пересекались в храме? На службе? Или были посвящены одному богу? Вот только Элизабет не верила в богов и ни разу не посещала храм. Соответственно, не могла видеться с отцом Нилом. Девочка, быть может, и бывала там когда-то с родителями, но обычно посвящение происходит гораздо позже. Да и знаков на ее коже никаких не было. Дроуди уверял, что посторонних в дом не водил, поэтому вероятность, что его экономка могла встретить других жертв во время какого-то приема, собрания или иного мероприятия, равнялась нулю.

Тогда где же связь? Где та ниточка, которая объединила этих троих и сделала их одинаково значимыми для убийцы?

У них разные сроки смерти… по крайней мере, Лори умерла позже… ничем не похожие места и способы гибели… разное окружение и совершенно различные привычки… у них даже положение в обществе разительно отличалось. Храм, богатое поместье, квартал бедняков… все трое только умерли одинаково странно – от самых, казалось бы, обыденных причин. Да еще печать Смерти горела на их лицах обрекающей меткой. А во всем остальном я, как ни старался, не мог углядеть даже малейшего сходства.

Да и кому они могли помешать? Что могли сотворить такого, раз их решили наказать столь необычным способом?

В Алтории нет гильдии убийц, как та, что процветает в соседнем с нами Лотэйне. И Верль отнюдь не слывет негласной столицей преступного мира, чтобы здесь наказывали детей за грехи их родителей. В нашей глуши, где самая большая трагедия это окружающие город непролазные болота, преднамеренное убийство – огромная редкость. Не говоря уж о том, чтобы оно было тройным, да еще в такие короткие сроки.

Разве что это какой-то гнусный рок? Внезапно обрушившееся на город проклятие? Но тогда какого Фола оно поразило троих самых неподходящих для этого случая жертв? У которых, к тому же, не было АБСОЛЮТНО НИЧЕГО общего?

Я остановившимися глазами уставился на притихший сад, в котором только слышался скрип пера и тихий шелест веток на яблоне.

Не понимаю…

В первый раз за долгое время я совсем ничего не понимал. Отвратительное чувство. Мерзкое. Вот уж не думал, что когда-нибудь испытаю его снова.

– Арт, я закончил, – вдруг тронул меня за плечо поднявшийся с соседнего ящика сыскарь. – Тебе здесь что-нибудь нужно?

Я качнул головой.

– Тогда идем – надо найти Йена…

– Сходи один. Он на меня сегодня злой.

Родерик понятливо хмыкнул и ободряюще хлопнул меня по плечу. После чего пригладил мокрые волосы, отряхнул с формы прилипшие яблоневые листочки и ушел. Оставив меня бессмысленно глазеть на пронзенный двумя кольями труп маленькой девочки, по неподвижному лицу которой медленно стекали крупные дождевые капли.

Глава 5

У меня редко бывают сны. Вернее, их практически не бывает, за что, признаться, я почти благодарен Солу. Ведь сон – это зыбкая граница между явью и небытием. Та самая невидимая грань, которая отделяет живых от мертвых. И через которую в наш мир нередко проникают те, кому здесь быть не положено.

Но этой ночью мне не повезло: я проснулся от ощущения чьего-то пристального взгляда. Не враждебного, к счастью, хотя порой всякое бывало. Просто взгляда – требовательного и настойчивого.

Рывком сев на постели, я оглядел погруженную во мрак, скудно обставленную комнату и безошибочно определил причину своего беспокойства: напротив окна, занавешенного толстой шторой, стоял полупрозрачный силуэт, который, вероятно, уже давненько дожидался моего пробуждения.

Неожиданный посетитель был молод, хорош собой и выглядел так, словно только-только вернулся со светской вечеринки: деревянная трость с искусно выполненным набалдашником, расшитый золотом камзол, безупречно белые кружева на воротнике, строгого покроя и чрезмерно зауженные книзу бриджи, которые вышли из моды еще лет пять назад. Короткие светлые волосы гостя были тщательно завиты и аккуратно уложены. На благородном лице лежала печать грусти. Синие глаза смотрели внимательно, но в них, как и всегда, не было ни намека на раздражение: он пришел сюда не обвинять. И не требовать правосудия, которое в его случае пока не свершилось.

Убедившись, что гость не опасен, я расслабился и с досадой буркнул:

– Давно тебя не было, Лен…

По губам призрака скользнула печальная улыбка.

– И ты здравствуй, братишка.

– Зачем пришел? Мне показалось, мы все решили.

Он улыбнулся снова, но с места почему-то не сдвинулся. Гордость отца, любимец матери, подающий большие надежды молодой Водный маг, на которого можно было только равняться… когда-то Лен был старше меня на восемь лет, однако теперь мы с ним почти ровесники. Его лицо за эти годы ничуть не изменилось и все так же несло в себе фамильные черты, которые были и для меня когда-то родными. Одно время сходство было настолько явным, что наше братство выглядело неоспоримым. Теперь же мои волосы стали седы, как у столетнего старика,

некогда синие радужки выцвели от постоянного всматривания во Тьму, лицо огрубело, голос охрип… а у него на горле кровавой улыбкой расцвела безобразная рана, оставленная стеклом от разбитой бутылки.

– Ты же нашел убийцу, Арт, – снова, как и во все прошлые наши встречи, тоскливо повторил он. – Все обвинения были сняты. Чего ещё тебе нужно?

– Найти заказчика, – желчно ответил я, на мгновение сузив глаза, на которые без спросу легла тонкая пелена Тьмы. – Не для того я гнил в тюремной камере, чтобы теперь отступиться.

– Прошло столько лет, Арт… следы давно остыли.

– Не для меня, – сухо ответил я, чувствуя, как в душе снова тугой пружиной скручивается давняя ненависть. – Не начинай, Лен. Я обещал и завершу начатое хотя бы ради себя, раз уж тебе стало безразлично.

Он тяжело вздохнул, не в силах понять моего упорства, а потом, как и всегда, с сожалением отстал.

– Как знаешь…

Я тут же встряхнулся.

– Зачем ты явился, Лен? Не поверю, что из простого любопытства.

– Вообще-то, меня попросили.

Чего? Вернее, кто… да-да, кто это вдруг явился к моему покойному брату со столь необычной просьбой?

Я нахмурился, изучая сквозь полупрозрачное тело Лена причудливый рисунок на шторах. И совсем не ожидал, что из-за его спины робко выглянет детское личико в обрамлении густого облака золотистых волос, а тоненький голосок жалобно пискнет:

– Пожалуйста, не сердитесь, господин маг. Он пришел к вам из-за меня.

Я замер, когда рядом с неловко переступившим Леном появилась маленькая девочка. В коротеньком платьице, на котором все так же виднелись два безобразных багровых пятна, окаймляющие дыры от кольев; с фарфоровым личиком, пухлыми щечками и ярко-алой лентой в распущенных волосах, при виде которой у меня чуть волосы не встали дыбом.

– Лори?!

– Здравствуйте, господин маг, – мертвая кроха присела в неуклюжем реверансе. – Простите, что мы вас побеспокоили. Я просто хотела сделать вам подарок.

Я вздрогнул, когда девочка улыбнулась, отчего застывшие на ее подбородке крохотные капельки крови качнулись в сторону, а затем подошла и, сняв с головы ленту, с невероятно серьезным видом протянула.

– Возьмите, господин маг.

Я раздраженно дернул щекой.

– Зачем?

– Она вам поможет, – все с той же невероятной серьезностью заявил ребенок. – Пожалуйста, возьмите.

– Лори, ты же знаешь…

Бездна. Как объяснить девчонке, что она мертва, а ее подарок – не более, чем блики лунного света, играющие на моей ладони? Открою глаза – и их не станет. Сожму пальцы в кулак, и они не ощутят ничего, кроме легкого холодка. Или она не помнит о том, что мертва? Еще не поняла? Не увидела? Не захотела?!

– Остановите это, – вдруг тихо сказала девочка, глядя мне прямо в глаза. А потом поднесла зажатую в кулачке алую ленту к самому моему лицу и медленно разжала крохотные пальчики. – Остановите. Прошу вас. Времени почти не осталось…

Шелковая повязка, змеей извернувшись в воздухе, так же медленно полетела на пол.

Я машинально подставил руку, на миг опустив глаза, чтобы убедиться, что подарок на моей ладони не задержится. Невесело улыбнулся, когда ленточка, коротко вспыхнув, исчезла. А когда снова поднял голову, в комнате уже никого не было. Ни Лена, ни Лори… никого, кроме меня. И таящейся за окнами ночи, наполняющей царящую вокруг пустоту вкрадчивым шепотом дождя.

* * *

Естественно, в эту ночь я больше не уснул. И думать ни о чем другом уже не смог. Лори, отец Нил, Элизабет… в голове постоянно крутились вопросы, на которые никак не находилось ответов. Почему именно печать Смерти? Почему именно они трое? Какой в этом смысл? И кому была от этого выгода? Да еще странная просьба Лори, в которой звучало настойчивое предостережение…

Кого или что я должен остановить? И почему именно я? Неужто других кандидатов поблизости не нашлось?

Обычно духи не снисходят до того, чтобы возвращаться в мир живых. Особенно безвинно убиенные. Большинство из них даже не знают о том, что мертвы, и сразу после смерти отправляются на перерождение, не испытывая ни мук, ни сомнений, ни даже мимолетного сожаления. Боги, как утверждают жрецы, за этим следят строго.

Но Лори зачем-то вернулась. Причем не к себе домой, не к

убитым горем родителям, а именно ко мне. Искренне веря, что у меня получится сделать… что? Найти ее убийцу? Кого-то остановить? Наказать? Уничтожить? Почему она сказала, что времени осталось мало? И у кого именно оно истекло? Новая жертва? Нам в самое ближайшее время надо ждать еще один труп? Или тут что-то более масштабное, о чем мы пока не имеем ни малейшего понятия?

Каждый раз, закрывая глаза и вспоминая наш недолгий разговор, я упорно видел перед собой невероятно серьезное лицо умершей девочки. И медленно падающую на пол ленту… совершенно новую, аккуратно сделанную, с безупречно ровными шовчиками по краям, но все-таки обычную девчоночью ленту, которую родители подарили дочке в честь какого-нибудь важного события.

Вспоминая тот миг, когда она коснулась моей руки, я почти смог ощутить на коже легчайшее прикосновение. Почти чувствовал, как скользит между пальцев гладкий шелк. И смутно понимал, что уже видел такой. Совсем недавно. Буквально вчера. Потому что он был точно таким же, какой господин Дроуди частенько дарил своей погибшей жене…

Лотэйн!

Внезапная догадка озарила мой разум ослепительной вспышкой.

Фол меня забери! Обе вещи были произведены в Лотэйне. Их знаменитый шелк. Одна из тех традиций, которыми можно по-настоящему гордиться. Откуда уж у обитателей квартала ремесленников нашлись средства на такой дорогой подарок, не знаю, но дочку они явно обожали и баловали как могли. Неудивительно, что лента была ей так дорога. И неудивительно, что малышка носила ее, не снимая!

Ох. Не знаю пока, как это связано, но надо срочно поговорить с родителями! И плевать, что еще даже не рассвело! Они, небось, остались в таком ступоре после случившегося, что даже не ложились. А если и легли – ничего, потом отоспятся.

Подхватившись с постели, я быстро оделся, цапнул со стула пояс с метательными ножами и вихрем слетел на первый этаж. Сидеть на месте, дожидаясь утра, я уже не мог – появившееся дурное предчувствие заставляло поторопиться. Что-то делать, куда-то бежать, срочно расспрашивать… что угодно сотворить, лишь бы исчезло мерзкое сосущее чувство под ложечкой.

Правда, оказавшись на крыльце, я все-таки заколебался: собственно, а куда бежать? По идее, надо бы в управление – посмотреть протоколы допросов. Но кто мне их сейчас даст? Маловероятно, что Йен остался ночевать в кабинете снова: он,

хоть и одержим работой, но не идиот. И спать ему тоже иногда нужно. Из простых сотрудников там никто на ночь не задерживается – у всех семьи, жены, дети… А значит, кабинеты будут закрыты, бумаги – заперты под ключ, и я зря потрачу время на ненужную беготню.

С другой стороны, вряд ли кто-то из сыскарей задал родителям Лори те вопросы, которые роились сейчас в моей голове. К тому же, дом госпожи Одди находится не так уж далеко от Базарной площади – всего полсвечи быстрым шагом. А до управления в четыре раза больше, потому что кеб в такую рань в квартале ремесленников не найти.

Нахлобучив шляпу и завернувшись в плащ, я решительно свернул в сторону рынка и, подгоняемый холодным ветром, отправился искать ответы на свои вопросы. И заодно выгнал из перстня своих разнузданных призраков, всерьез пожалев о том, что не сделал этого вчера.

Не стоило мне полагаться на сыскарей Йена и жалеть чувства одного знакомого мальчишки. Не нужно было прислушиваться к брошенным в сердцах словам или идти на поводу у парочки обнаглевших призраков.

Сейчас, конечно, это понимание ничего не изменит – придется исправлять свою оплошность, невзирая на растущее раздражение. Но на будущее стоит учесть – пока я в этой команде главный, она будет работать так, как нужно мне.

Наверное, моя физиономия была настолько зверской, что на этот раз возмущаться никто не посмел – стоило мне только раз взглянуть на недовольную рожу Грема, как он тут же захлопнул готовый разразиться проклятиями рот, а мгновенно переменившаяся в лице Камия цепко ухватила его за локоть и быстрее молнии уволокла прочь. От греха подальше. Один только Жук, беспокойно помявшись рядом, осмелился спросить:

– Ты сердишься, Арт?

Я скривился и, не желая терять время, призвал Тьму.

Вскоре я уже барабанил в обшарпанную дверь знакомого дома, в одном из окон которого даже в это время упрямо горел маленький огонек.

Открыли мне не сразу – мало ли какая шваль по району бродит? Но я умею быть настойчивым и убедительным. Особенно, если сильно прижмет.

Судя по всему, к тому времени у меня было совсем уж злое лицо, потому что появившаяся на пороге заплаканная женщина, увидев его, испуганно вскрикнула, осенив себя охранным знаком. Подбежавший на ее крик рослый мужчина тоже принял меня за душегуба и попытался оказаться сопротивление, потянувшись за

стоящей в углу дубиной. Но потом увидел мои белесые волосы, заглянул в мутные глаза и схватился за сердце… да, репутация у мастеров Смерти не очень… и даже не пикнул, когда я, отодвинув плечом заклинившую дверь, без спроса зашел в дом.

Они не посмели возразить даже тогда, когда я голодным коршуном промчался по комнатам, вынюхивая и высматривая только то, что может быть интересно мастеру Смерти. Но ни в крохотной гостиной, ни в кухне, ни в комнате девочки ничего подозрительного не нашел. Ничего, кроме пустых кастрюль, старых книг в ужасном состоянии, потрепанных детских игрушек и дешевых безделушек, развешанных на стенах, чтобы хоть как-то разнообразить унылый интерьер.

Единственным более или менее ценным предметом во всем доме была резная шкатулка из потемневшего от времени дерева, нашедшаяся в углу родительской спальни. За которую, возможно, дали бы неплохие деньги, если бы не грубо сколотые углы и не стершаяся по бокам резьба.

Нашедшийся под ней деревянный столик тоже смотрелся неплохо, но отломанная ножка, которой никто, судя по всему, не занимался, и треснутый край уменьшали его ценность в несколько раз.

Все остальное – вазы, книги, подушки, половички… выглядело старым и изношенным. Когда-то неплохая мебель – запущенной и неухоженной. Даже одежда на родителях была добротно сшитой, но давно истрепанной. А на подоле женщины виднелись следы аккуратной, однако все же заметной постороннему глазу штопки.

Видимо, когда-то в этой семье был хороший достаток, раз они могли себе позволить дорогие вещи. Да и настоящие книги ни один рожденный в нищете бедняк не купит – они ему просто не нужны. Не говоря уж о редком виде шелка для любимой дочурки, по поводу которого все еще выглядящая испуганной мать Лори ответила сразу:

– Да. Мы купили ленту на ее восьмилетие. Полтора месяца назад.

– Почему именно такую? Почему лотэйнийский шелк?

Родители странно переглянулись.

– Вы когда-нибудь жили в Лотэйне? – продолжал допытываться я, нутром чуя, что где-то здесь кроется разгадка, и едва не царапая ногтями стены от нетерпения.

Однако отец девочки отрицательно покачал головой и твердо заявил:

– Мы – коренные алторийцы и никогда не покидали Верль. И наша Лори… как и остальные трое деток… родилась здесь.

От такого ответа я на мгновение растерялся, потому что был твердо уверен… да что там: я совершенно точно знал, что не мог ошибиться! Лори не дала бы мне подсказку, если бы тут не была замешана лента. И когда я уже подумал, что ее отец мне нагло солгал, его супруга неожиданно вздохнула:

– Вообще-то моя мать была родом из Лотэйна, господин маг. Но прожила почти всю жизнь здесь, в Верле.

– Правда? – совершенно искренне озадачился муж. – А я почему-то этого не помню.

– Она не любила об этом говорить – в Лотэйне ей пришлось тяжело, – извиняюще пояснила мама девочки. – Ты просто забыл, дорогой.

– Мать? – я чуть не вздрогнул от новой догадки. – Как мне с ней поговорить?

– Никак, господин маг, – непонимающе моргнула женщина. – Она умерла два года назад. А полгода назад и отца не стало. Простите. Не думаю, что они могли бы вам помочь.

Так. А вот это уже плохо… где ж мне теперь свидетелей искать?

– Почему ваша мать переехала в Алторию? – спросил я, напряженно размышляя.

– Ну… дед когда-то разводил скот на продажу – в Лотэйне этим многие промышляют. И наша семья жила в достатке. Довольно, насколько мне известно, долго. Однако потом пришел коровий мор, и от поголовья почти ничего не осталось. Мама рассказывала, что дедушка много сил вложил в это дело и ещё больше средств потратил, пытаясь восстановить то, что потерял. Даже влез в большие долги, надеясь вырастить новое стадо. Но мор пришел в наши земли повторно, все дедушкины сбережения пропали, животные снова погибли, и он не смог рассчитаться с долгами. А потом заболел и слег сам, после чего дела в семье пошли совсем плохо…

– Так ваша мать бежала сюда от долгов? – нахмурился я.

– Да. Когда дедушка умер, то мама с бабушкой, оставшись без кормильца, не смогли выплатить взятую им ссуду, хотя продали почти все имущество. А когда продавать стало нечего, они взяли то, что осталось, и… прошу, не осуждайте их, господин маг. Они и так потеряли почти все. А дедушка просто не пережил позора.

Я задумчиво прикусил губу.

– Я не осуждаю. Просто хочу понять… сколько лет было вашей матери, когда она сбежала?

– Я не знаю, – внезапно растерялась хозяйка дома. – Может быть, восемнадцать… или двадцать… честно говоря, я просто не помню.

– Но вы, сударыня, родились уже здесь?

– Да, – кивнула она. – Мама встретила отца в Триголе. Это…

– На берегу Белого моря, я знаю, – нетерпеливо перебил я. – Недалеко от устья Ирассы.

– Так и есть, господин – Триголь стоит на самом побережье. Там они и встретились. А через несколько лет переехали в Верль, потому что тут гораздо тише и намного спокойнее, чем в большом портовом городе…

– Я понял. Дальше!

Женщина удивленно на меня посмотрела.

– А дальше – все, господин маг… они прожили тут всю оставшуюся жизнь и, насколько я помню, никогда отсюда не уезжали. Мама плела кружева для богатых леди, отец работал где придется…

– Вы знакомы с Алеком Дроуди, сударыня? – снова перебил я ее.

– Нет, господин маг.

– А вы? – вопросительно обернулся я к мужу.

– Нет. Хотя, возможно, что-то и слышал… его имя вроде бы носит какая-то фабрика на том берегу Изры?

– Вы его видели? Говорили с ним? Может, работали на него?

Мужчина невесело усмехнулся.

– Я простой плотник, господин маг. И ничему иному не обучен. Вообще этого Дроуди в глаза не видел. Слышал только, что чудак он порядочный. Но чтобы лично… нет. Я его не знал. И понятия не имею, как он выглядит.

– Хорошо, – протянул я. Эх, Йена бы сюда… он бы точно сумел задать правильные вопросы. – А с отцом-настоятелем Нилом вы не были знакомы? Вы часто посещаете храм? Молитесь? Спрашиваете у жрецов совета?

Оба родителя тут же виновато опустили взор, словно я уличил их в чем-то неприличном.

– Чтобы о чем-то просить богов, нужно что-то отдать взамен, – очень тихо уронила мама Лори. – А мы – небогатые люди. Все, что у нас есть, это наши дети. Я только за них и ходила помолиться владычице Ферзе. Последний раз – восемь лет назад.

– Я захожу иногда, – пожал плечами ее супруг. – Оставляю Абосу и Лейбсу по монетке, когда есть. Отца Нила, конечно же, видел, но чтоб прямо к нему обращаться… нет, господин маг. Я бы не осмелился. А почему вы спрашиваете?

– Так надо. Скажите, сударыня, а ваши родители могли знать этих людей? – снова спросил я.

– Сомневаюсь. Мама никогда не упоминала таких имен. Да и

в храме-то бывала нечасто. Может, конечно, я чего-то не знаю… она очень редко говорила о богах и о прошлом… но, по крайней мере, в нашем доме эти люди точно не бывали.

– А кто-то из вашей семьи проходил посвящение в храме?

– Насколько мне известно, нет. Отец уважал Лейбса и Ремоса, мама молилась только Ферзе, как и я… дочку мы ещё не успели сводить в храм – ей ещё год оставался до того, как…

Мать неожиданно умолкла и отвернулась, закрыв кривящееся лицо руками. Безутешный отец, сжав челюсти, крепко ее обнял, стараясь поддержать. А я тяжело вздохнул: и тут тупик.

Что дальше?

* * *

До храма мне удалось добраться еще через свечу, когда небо на горизонте уже отчетливо заалело, а на улицы начали выползать заспанные работяги. Из числа тех, кому положено убираться, вывозить мусор, а также печь пироги и замешивать тесто для хлеба.

С кебом на этот раз повезло – я успел перехватить двуколку почти на выходе из ремесленного квартала, поэтому избавил себя от необходимости месить оставшуюся после вчерашнего дождя грязь. И оказался на Главной площади ровно в тот момент, когда один из жрецов открыл двери храма, впуская внутрь редких в столь ранний час прихожан.

Бесцеремонно отодвинув с пути какую-то пожилую матрону и оставив на пороге несколько сочных лепух глины с каблуков, я буквально ворвался внутрь и, поймав жреца за рукав, требовательно придержал.

– Святой отец, не уделите мне немного времени?

Обритый наголо мужчина в серой рясе смерил меня хмурым взором, особенно задержавшись на мятой шляпе и забрызганном плаще. Открыл было рот, чтобы попросить соблюдать негласные правила обители богов, но затем наткнулся на мой раздраженный взгляд и смолчал. После чего оглядел меня с головы до ног, что-то оценил, взвесил и, наконец, неохотно бросил:

– Идемте.

Небольшая келья, в которую он меня привел, была предназначена для личных бесед жрецов с прихожанами. На случай, если люди желали поделиться со служителями чем-то сокровенным или просто важным. Я про такие знал, но в силу определенных обстоятельств в последние лет десять близко к храмам не подходил. И, смею надеяться, когда разберусь с

убийством отца Нила, ещё столько же появляться тут не буду. Двери у нее не было – только плотная занавеска при входе. Сама комнатушка оказалась маленькой – четыре на пять шагов. Этого как раз хватило, чтобы внутри поместились две лавки, стол и небольшой комод, на котором горела кем-то заботливо зажженная лампада.

– Что вам угодно… мастер? – с небольшой запинкой обратился ко мне жрец. Изрядно немолодой, но еще крепкий мужчина с жестким лицом, суровой складкой между сведенных у переносицы бровей, тонкими губами и бесцветными глазами наемного убийцы… или же просто человека, которому в силу профессии приходится часто видеть смерть.

Я спокойно выдержал его взгляд, ставший на мгновение особенно острым, и так же спокойно ответил:

– Я хочу поговорить об отце-настоятеле Ниле.

– Зачем? – ровно осведомился жрец.

– Для того, чтобы выяснить, кто или что его убило.

– У вас есть какие-то доказательства того, что его смерть не была естественной?

Я холодно улыбнулся.

– Печати Смерти вам достаточно, чтобы мне поверить?

У жреца на миг дрогнули зрачки, а потом он тяжело вздохнул и перестал, наконец, пытаться проделать во мне дырку.

– Прошу прощения, мастер… вероятно, Рэйш? – едва заметно дернулся у него уголок рта. – Других магов вашей специальности в службе городского сыска вроде бы не появлялось. Простите мое недоверие. Возможно, вам известно больше, чем мне. Но мне, как жрецу, доступны не все умения, которыми обладают люди вашей профессии…

Он служит темному богу? Любопытно. Хотя мне, в общем-то, все равно, с кем разговаривать.

– Я не могу сказать о смерти отца Нила что-то плохое, – продолжил жрец, не заметив, как хищно раздулись мои ноздри. – Он был очень пожилым человеком и давно говорил, что его время подходит к концу. Даже преемника назначил заранее. Поэтому я не сильно удивился, когда он скончался, и даже не подумал бы сомневаться в выводах городского мага или его помощника. Вот только предчувствие… вам знакомо ощущение, что что-то вокруг вас идет неправильно, мастер Рэйш?

Я молча кивнул.

– Тогда вы меня понимаете. Правда, о печати мне не было известно, поэтому я и не высказал свои сомнения следователям. Я, к сожалению, в момент смерти находился далеко от отца-настоятеля и не смог осмотреть его тело до приезда городской

стражи. А потом, как вы понимаете, мне этого сделать не позволили. Да и дело сразу передали под вашу ответственность.

– Естественно, – подтвердил я, всерьез раздумывая, а не взглянуть ли на этого человека через Тьму. – Что вам известно об обстоятельствах его смерти?

– Господа из Управления уже спрашивали, и я сказал им то же, что могу сказать и вам: отец Нил был прекрасным человеком. И у него ни с кем и никогда не было конфликтов. В Ордене его ценили, прихожане искали у него совета, храм под его рукой получил определенные привилегии от городского начальства, и даже мои коллеги из так называемой «темной» части пантеона относились к нему более чем благосклонно. Для последователя Рода он очень доброжелательно относился к нашему присутствию. И всегда был готов помочь, независимо от того, какому богу мы служим. Во многих храмах, поверьте, такого единодушия среди жрецов нет. И далеко не все настоятели заслужили с нашей стороны такое отношение, как отец Нил. Верлю невероятно повезло: отец Нил сделал этот храм по-настоящему единым. И я искренне скорблю о его уходе вместе со всеми братьями.

– А вы догадывались о том, что он – не коренной алторец? – задал я мучающий меня вопрос.

– Конечно, – удивил меня жрец. – Он не скрывал своего прошлого – мы все знали его историю.

Я подобрался.

– И что же он о себе говорил? Кем он был до получения сана?

– Отец Нил родился и вырос в Рейне. В довольно бедной семье, – бесстрастно поведал жрец. – Всю жизнь мечтал стать моряком и с детства крутился в доках, но лет до двадцати, пока были живы родители, в море не выходил, боясь оставить их надолго. Вдоль побережья частенько бушевали шторма, как он говорил, поэтому лодки и небольшие суденышки разбивало часто. Ему не хотелось, чтобы отец и мать на старости лет остались без кормильца. Ну а когда родителей не стало, оказалось, что на суше его ничто больше не держит. Насколько я знаю, с кораблем, на котором он первый раз вышел в море, что-то случилось… то ли на риф налетел в Белом море, то ли попал в шторм… подробности мне неизвестны. Но отец Нил частенько говорил, что чудом тогда выжил и именно после этого крепко уверовал. А потом решил посвятить оставшуюся жизнь служению и сразу по возвращении на сушу… а это было в Триголе… отправился в Орден. Сперва простым послушником, потом жрецом, а лет двадцать пять или чуть больше назад стал отцом-настоятелем в Верле.

У меня сузились глаза.

– Напомните мне, святой отец, Рейн – это где-то в Лотэйне?

Вот я дурак. Надо было узнать у матери Лори, в окрестностях какого города жила ее семья. И выяснить у Дроуди, знает ли он, откуда именно родом его экономка. Тьфу ты. Теперь придется возвращаться.

– Насколько мне известно, да, – пожал плечами жрец. – Какой-то портовый город, если я не ошибаюсь.

– Та-а-к… а в Алторию отец Нил прибыл… не подскажете ли точно? Сорок… пятьдесят лет назад?

– Где-то около того.

Есть. Есть связующая ниточка между нашими жертвами! Правда, я пока не знаю, как ее раскрутить дальше. Сыскарь из меня, увы, не очень.

– А вы не знаете, почему из всех богов отец Нил выбрал именно Рода?

– В благодарность, как я понимаю, – чуть заметно нахмурился жрец. – Когда корабль тонул, будущий отец Нил истово молился за спасение своей жизни. И Род уберег его от гибели. Почему вас это так интересует?

– Пока я ни в чем не уверен, – задумчиво отозвался я, а я сам лихорадочно перетряс полученные факты.

Итак, что у нас получается.

Есть три жертвы, связанные между собой общим происхождением. Определенно Лотэйн, но, к сожалению, пока без уточнения. Есть три смерти, произошедшие естественным путем, но посредством некоей печати. Истово верующий жрец… маленькая девочка (*оговорка – в Лотэйне родилась не она, но имеющуюся связь все равно можно считать прямой*)… и нелюдимая экономка. Из того, что я знаю, после прибытия в Алторию эти люди нигде больше не пересекались. Хотя надо будет уточнить у дворецкого: может, через него об Элизабет кто-то все-таки узнал? Лори точно по возрасту не могла пересекаться с двумя остальными жертвами. И их обеих, как я понимаю, в окружении жреца никто не видел.

Так, что еще? Две смерти из трех случились в один и тот же день и примерно в одно и то же время. Третья – на сутки позже, что несколько не укладывается в общую картину и пока не слишком понятно. Тем не менее, печати на всех жертвах одинаковые… ну, может, у девочки немного поярче. Но абсолютно неизвестно, что же за шлейф такой тянется за этими людьми из Лотэйна.

Зато ясно другое: примерно полвека назад (*плюс-минус пару лет*) с каждым из этих людей (*поправка: в ситуации с девочкой – с*

родственниками) произошло некое событие, которое привело их в Алторию. В одном случае – чужие долги, в другом – затонувший корабль, в третьем… м-м-м… ещё один пробел – надо у Дроуди уточнить, почему Элизабет бросила родную страну…

После прибытия в Алторию все лотейнийцы жили тихо-мирно и никому не мешали. У кого-то родились дети и внуки, кто-то дал обет безбрачия, кто-то вовсе не имел детей. Вполне вероятно, что о существовании друг друга эти люди даже не подозревали. При этом отец-настоятель и экономка дожили до преклонных лет, а старшее поколение в семье девочки умерло от старости раньше, чем она повзрослела.

А потом произошло нечто… какое-то неизвестное событие, тесно связанное с их общим прошлым (*не верю, что связи нет, потому что в противном случае вся цепочка рассуждений теряет смысл*), и убило эту троицу в течение полутора суток, подняв на ноги сразу два Управления. При этом родных убитых случившееся никак не затронуло… возможно, просто пока… а имеющиеся улики до сих пор не позволяли связать эти смерти воедино.

Собственно, вот и все, что у меня есть на сегодняшний день.

– Я вам ещё нужен? – вежливо осведомился жрец, когда я углубился в размышления и напрочь про него позабыл.

– Нет… хотя да, – спохватился я. – В последнее время никто не интересовался прошлым отца Нила? Его никто не искал? Не расспрашивал?

– Отец Нил всегда был на виду, – качнул головой он. – И никогда не отказывал в помощи страждущим. Но я не замечал, чтобы к нему приходил кто-то незнакомый.

– А ваши братья по вере?

– Не готов вам сказать. Но, если нужно, могу уточнить.

– Благодарю, я сам. А имя Элизабет Дейбс вам, случаем, ни о чем не говорит?

– Впервые его слышу, – снова качнул головой жрец. – Ваши коллеги уже расспрашивали о ней и даже показали портрет. Но ее никто здесь не видел.

– Жаль, – огорчился я и со вздохом поднялся, а вместе со мной с лавки поднялся и священнослужитель. – Тогда на сегодня мои вопросы иссякли… кроме одного, пожалуй.

– Да? – с некоторым удивлением обернулся уже шагнувший к выходу жрец.

– Какому богу вы служите?

Он понимающе усмехнулся и без лишних слов закатал просторный рукав, продемонстрировав выжженное на коже клеймо в виде расположенного острием вниз стилета.

– Теперь все? – спросил служитель Фола и вопросительно

приподнял брови, когда я с неудовольствием отвернулся.

– Да. Благодарю.

– Тогда я вас покину. Кстати, меня зовут отец Лотий, – бросил напоследок жрец, отдергивая шторку и выходя из кельи. – Можете обращаться, если понадобится.

А затем вдруг замер, словно его поразила молния. Медленно-медленно обернулся, воткнув в меня резко потяжелевший взгляд внезапно затянувшихся Тьмой глаз. Растянул губы в резиновой усмешке и совершенно чужим, каким-то металлическим голосом добавил:

– Фол знает о тебе, Артур Рэйш… постарайся не забывать об этом.

Глава 6

Из храма я вышел задумчивым и даже слегка рассеянным. Оставшихся жрецов опросил, ничего нового от них не узнал, зато получил на свою голову кучу совершенно лишней информации и, по сути, проделал во второй раз одну и ту же работу. Так что явился в Управление в несколько растрепанных чувствах.

– В чем дело, Арт? – столкнулся со мной в дверях спешащий на работу Готж. – Ты сегодня какой-то потерянный.

Я фыркнул.

– Тебе показалось. Скажи-ка лучше: нужно ли простому смертному всерьез относиться к угрозе, слетевшей с губ служителя темного бога?

– Ты уже кого-то из богов успел достать?! – совершенно искренне изумился заместитель Йена. – Ну ты молодец!

Я криво улыбнулся.

– Я вообще способный.

– Да, я заметил! – чуть не подавился смешком Готж и, толкнув скрипучую дверь, зашел в Управление.

Отведенное под наши нужды здание было довольно скромным как в высоту, так и по ширине, серым, невзрачным и довольно-таки тесным. Его единственное достоинство заключалось в расположении – каким-то чудом одному из предшественников Йена удалось захапать дом в самом центре Верля, рядом с городской ратушей, казармами, Управлением городской стражи и храмом. Ютиться приходилось в клоповьих норах, «холодильник» для мертвых тел (*к счастью, их много не бывало*) разместить в подвале, рядом со складом для улик, три существующих кабинета (*Йена, самого Готжа и комнаты для сыскарей*) оборудовать на втором этаже, совместив с архивом, а всех остальных выселить на первый этаж, где и вовсе развернуться было негде. Просто потому, что большую его часть превратили в приемную, где, согласно инструкции, круглосуточно ждал посетителей одинокий дежурный.

Конечно, народу у нас было немного – собственно Йен, его заместитель, два обученных сыскаря, пара крепких парней – Гуго и Вит – на плечи которых ложилась вся черновая работа, я, мальчишка-писарь, который чаще всего работал посыльным… да вот, собственно, и все.

Гордон Хог официально числился за городской стражей, но, ввиду отсутствия у нас штатного мага, работал на два фронта, чем, естественно, был крайне недоволен. Тогда как в городской страже, помимо господина Барро и его заместителя Лардо Вейса,

бесполезно толклось человек пятьдесят. Что, на мой взгляд, было даже чересчур для такого скромного городка как Верль.

Тем не менее, поскольку начальник стражи очень давно и тесно общался с бургомистром, на нерациональное использование городской казны закрывали глаза. Тогда как бедняге Йену, не сумевшему найти правильный подход к градоначальнику, приходилось за каждую статью расходов оправдываться до последнего гроша.

Впрочем, это не мои трудности.

– Что-то ты рано сегодня, Арт, – нагнав нас в приемной, широко улыбнулся Родерик и бесцеремонно хлопнул меня по плечу. Сообразительный парень, трудолюбивый, надежный. Знает много, учится быстро, схватывая буквально на лету… шалопай, конечно, но толк из него будет.

Я сокрушенно развел руками.

– Так получилось. Кинешь мне потом отчет почитать? Хочу убедиться, что ничего не упустил.

– Конечно, какие проблемы! – без колебаний кивнул Гун. – После обеда и забирай. Йен ещё их не требовал, так что могу уступить на свечу-другую.

– Я подожду, – предпочел отказаться я от сделанной впопыхах писанины.

– Как знаешь… привет, господин Нодли! На доклад как обычно? Понял. Щас сброшу все в стол и зайду.

Обменявшись крепким рукопожатием с Готжем, он перехватил поудобнее папки, которые принес с собой, и, привычным жестом примяв непослушные кудри, больше напоминающие шерсть нестриженого барашка, умчался наверх.

У таких, как он, всегда все делается быстро. Такое впечатление, что у них в руках все горит. А когда это качество сочетается с аккуратностью и обязательностью, как у Гуна, лучшего и пожелать нельзя. Думаю, через пару-тройку лет Готжу будет, кому сдать свой пост. Если, конечно, старый пройдоха когда-нибудь захочет его покинуть.

Не успел стихнуть грохот чужих сапог на лестнице, как из-за соседней двери вывернулся наш второй сыскарь. Как обычно, в штатском – постоянно носить форму, в отличие от городской стражи, от нас не требовалось.

– С добрым, – кивнул Готжу он, давно усвоив, что со мной здороваться бесполезно. – Я подготовил отчеты по первому делу – посмотрите?

– Через полсвечи.

– Спасибо. Рэйш, ты чего явился в такую рань?

– Дела, – хмуро откликнулся я, сделав скучающее лицо, чтоб

не цеплялись. – Ты Йена видел?

– Только что куда-то уехал. Сказал, раньше полудня не вернется.

– Вот те на, – неприятно удивился я. – А мне его спросить надо…

– Спроси у меня, – хмыкнул Готж, лихо подкручивая усы. Почти такие же роскошные, как у Лардо. Они, по-моему, даже негласное соревнование затеяли – у кого за год больше вырастут. Но Вейс, по нашему общему мнению, пока выигрывал. – Как его заместитель, обещаю ответить честно и непредвзято. Только наверх пошли – нечего в приемной торчать. Ты уже успел позавтракать?

Я мотнул головой.

– Тогда терпи до обеда, – заявил мой второй непосредственный начальник и поднялся следом за Родериком, с непередаваемым величием неся вместо папок свой довольно объемистый живот. – Ну, что там у тебя за вопрос такой важный, что ты соизволил прийти в Управление без напоминаний?

Я пропустил насмешку мимо ушей и, закрыв за собой дверь кабинета… который был, надо сказать, поскромнее, чем у Йена… плюхнулся на первый попавшийся стул. После чего вкратце изложил свои недавние умозаключения и вопросительно посмотрел на самого опытного в нашем управлении сыскаря.

– Что скажешь?

Опыта у мужика было хоть отбавляй, так что к советам Старого Моржа имело смысл прислушиваться.

– Может, ты и прав, – после некоторого раздумья заключил Готж. – Это может быть зацепкой. Но все слишком скользко, одни предположения… кстати, насчет дворецкого ты ошибался: проку с него никакого. Он почти ничего не знает, ничего не видел, а в день смерти Элизабет Дейбс находился у родных в городе. Они подтвердили. Об отношениях господина Дроуди и Элизабет он, разумеется, был в курсе, но как преданный слуга хранил эту маленькую тайну пуще собственного здоровья. Однако одну интересующую тебя вещь мы все-таки выяснили – оказывается, госпожа Дейбс до переезда в Верль некоторое время жила в Триголе, как и родственники Лори, а ещё раньше – в Илейне. Это городок на северо-востоке Лотэйна. Как сейчас помню урок картографии, где про них говорили: Рейн, Илейн и Ройн… три города на берегах Хурсы, которых не минет ни один корабль, выходящий в море. У нас где-то тут карта была… потом пороюсь, найду… по ней посмотрим точно. Но пока твоя версия выглядит самой логичной.

– А как насчет бабки Лори? Вы узнали, из каких она мест?

– Так глубоко мы не копали, – признался заместитель Йена. – Просто повода не было. Но я пошлю Родерика, когда он освободится. Пусть опросит родителей заново.

Я задумчиво качнулся на стуле.

– Как считаешь, с чем могли быть связаны эти смерти? И что у них могло быть общего?

– Да что угодно: дальние родственные связи, одна и та же ярмарка, на которую их пра-пра-бабки ездили когда-то молоко продавать… сейчас разве узнаешь?

– А если дело не в Лотэйне, а в самом переезде? – предположил я. – В том, как они сюда добирались? Сколько было лет отцу Нилу?

– Семьдесят четыре, – сверился с бумагами Готж.

– Алек Дроуди подарил Элизабет сорок девять подарков, – припомнил я. – Если считать, что время приезда наших жертв примерно одинаковое, то получается, что в то время отцу Нилу было около двадцати пяти… что совпадает с показаниями отца Лотия. Бабка Лори умерла два года назад в возрасте… м-м-м… об этом я тоже не спросил, но если считать, что ей было тогда около двадцати, то сейчас было бы даже побольше, чем отцу Нилу. Так что, если я прав, она вполне могла умереть к этому времени от старости. Итого, что у нас получается?

– Сорок девять лет… – с сомнением протянул Готж и, заложив руки на спину, принялся расхаживать по кабинету. – Даже если все так и было, мы все равно не сможем установить, как были связаны эти люди в Лотэйне – слишком много времени прошло. И это тем более не объясняет смерть девочки. Ведь, если бы дело было в бабке, то пострадать должна была, в первую очередь, ее мать, а не она.

Я кивнул.

– Об этом я тоже думал. Но пока не понял, почему именно Лори. Меня интересует другое: ты не помнишь, не случалось ли каких-то шумих на побережье Алтории сорок девять лет назад? Чего-то странного, необычного… возможно даже, какого-нибудь громкого дела, связанного с… кораблями? Судя по тому, что все жертвы появлялись в Триголе, они должны были прибыть сюда морем.

– С ума сошел? – непритворно отшатнулся Готж. – Мне тогда пять лет было! Что я мог с того времени запом… стой!

На его немолодом лице промелькнула растерянность, мгновенно сменившаяся напряженным раздумьем.

– А ведь было! Точно! Погоди, погоди… сейчас… что-то же такое припоминается… и именно с кораблем… да! – появившаяся хмурая морщинка на высоком лбу заместителя Йена

разгладилась, и он буквально рухнул на свой стул, нервно барабаня пальцами по столу. – Не знаю, правда, как это относится к делу, но где-то в то время у нашего побережья… на северо-западе… именно в окрестностях Триголя… к берегу прибило лотэйнийское судно в совершенно не пригодном для ремонта состоянии. Триголь от нас сравнительно недалеко, слухи доходят быстро, а страшные слухи – еще быстрее… однако мой отец… он тогда в городской страже служил… уезжал расследовать это дело. Само дело было громким, народу в порт согнали уйму, в том числе и отсюда. А когда он вернулся, такие страсти рассказывал… в общем, судно было самым обычным, торговым, везло на продажу в Алторию шелка, пряности и всякие мелочи. Пассажиры, естественно, там тоже были, и немало, потому что мы тогда относились к Лотэйну не в пример лучше, чем сейчас. Вскоре после выхода в море на судно обрушился сильный шторм, и корабль на целых двое суток затерялся, сбившись с курса. А когда его все-таки нашли, то в живых на борту осталось около десятка человек, большая часть которых находилась на грани безумия. Оно, в общем-то, и понятно – буря тогда была страшная, на берегу все деревни посносило, а мелкие суденышки разбило в щепы. Вой тогда стоял по всему побережью… но дело в другом – выжившие с «Путешественницы» вели себя странно: их буквально трясло от ужаса. Даже после того, как все закончилось, и людей переправили на берег. Более того, они наотрез отказались возвращаться к докам. Ни багажа, ни других вещей, кроме тех, за которые держались, с собой не унесли. Все твердили о каком-то проклятии. И говорили, что не только шторм стал причиной гибели корабля. Якобы еще до него люди на судне стали вести себя необъяснимым образом: то без всяких причин становились агрессивными, то, наоборот, замыкались в себе, то вдруг в трюме издохла вся живность, которую везли на продажу. Но, что самое важное, в это же время начали умирать и люди. Сперва матросы и капитан, которые с чего-то вдруг решили выброситься в море, потом – обитатели верхних кают из числа тех, кто побогаче. Затем все остальные… за сутки судно лишилось почти всей команды. К концу вторых суток там почти не осталось пассажиров. Те, кто выжил, едва не сошли с ума. И знаешь, отец как-то обмолвился: они верили в то, что говорили. А еще он утверждал, что это были очень странные смерти…

Я резко выпрямился.

– Чем-то напоминающие то, что мы видели здесь? С виду естественные, но какие-то… нелепые?

– Фол тебя побери! – вздрогнул всем телом Готж. – Арт! Честное слово, у меня появилось дикое желание воспользоваться

твоими услугами, чтобы призвать дух отца и задать ему пару вопросов. Я точно помню, он говорил о повесившихся, зарезавшихся и даже утопших. Утверждал, что вскрывали себе вены и истекали кровью прямо в собственных постелях. А уж сколько народу просто поскользнулось на палубе, расшибив себе головы… если бы не шторм, на судно было бы не зайти! Хорошо, что волнами всех смыло. Зато в трюме тела были навалены одно на другое, а в каютах… про это он вообще не рассказывал. Но всякий раз, когда вспоминал об этом, его неизменно тянуло к бутылке.

– Кто еще из наших мог там быть? – отрывисто спросил я, всерьез задумавшись над предложением собеседника. – Кто мог там присутствовать из числа городской стражи? Или из управления? Кто может хоть что-то вспомнить?

– Разве что мастер Ниро… если он ещё жив, конечно…

Я нахмурился.

– Тот мастер Смерти, что был тут до меня?

– Да. Из стариков уже никого не найти. Кто-то уехал. Большинство вообще отправилось к светлым богам. Но Ниро долго у нас проработал, пока совсем не состарился. И уволился года за четыре до твоего появления. Помнить те события должен гораздо лучше, чем я – он тогда был в расцвете сил. Может даже, сам выезжал в Триголь – там, говорят, для мастеров Смерти было много работы. Так что, если ты прав…

Я поднялся, с грохотом отодвинув стул.

– Я должен его найти.

– Я дам тебе адрес, – тихо сказал Готж и, рванув душивший его воротник, полез в ящик стола.

* * *

Мастер Ниро выбрал сомнительное место для проживания – его дом стоял почти на границе припортового района, имеющего весьма дурную славу. В ночное время приличные горожане старались туда не соваться, а в дневное… в доках и возле них всегда была такая суета, что пожилому магу вряд ли могло понравится такое соседство.

И, тем не менее, он все-таки здесь жил. В ветхом, покосившемся от времени строении, которое и домом-то назвать было нельзя. И это, надо сказать, довольно странно – после увольнения бургомистр назначил старику немаленькое содержание, как и всем, кто отслужил на благо города более десяти лет. Однако маг своей привилегией, судя по всему,

воспользоваться, не захотел. И предпочел доживать старость в грязной развалюхе на окраине города, нежели перебраться поближе к центру.

Когда я вышел из кеба, то сразу заметил стоящую неподалеку штатную бричку. Сперва удивился (*что тут понадобилось Йену?*), потом чуть было не решил, что начальник сошел с ума, раз бросил лошадь в таком районе без присмотра. Однако вовремя подметил охранительный амулет на флегматично обмахивающейся животине и успокоился.

Расплатившись с кебменом, я без колебаний направился к тому самому дому, возле которого стояла бричка. О моих подозрениях Йен знать не мог, так что, скорее всего, отправился к старику за советом. Ну и выяснить заодно, не проходил ли когда пожилой мастер Смерти посвящения кому-то из темных богов. От подобных расспросов, я думаю, мастер Ниро будет не в восторге, но мысль тем не менее здравая – кроме меня, это был единственный человек в городе, на кого можно было бы плохо подумать.

Впрочем разговор у них, похоже, не заладился: как только я подошел к давно некрашеной двери, она с оглушительным треском распахнулась, и оттуда буквально вылетел обозленный до предела Норриди. Его щеки горели неестественным румянцем, в глазах сверкали молнии, короткие темные волосы стояли дыбом, а на лице застыло такое неописуемое выражение, что я предпочел отступить в сторону и воздержаться от расспросов.

– ТЫ что здесь делаешь?! – рявкнул он, едва на меня не налетев.

Я пожал плечами.

– Поговорить хотел. Но, похоже, старик сегодня не принимает?

– Да пошел он… к Фолу! – в сердцах сплюнул Йен, однако быстро взял себя в руки и уже спокойнее заметил: – Он отказался со мной говорить. И заявил, что, кроме коллег-магов, никого не желает видеть. Так что иди ты. Может, хоть чего-то от него добьешься?

Ну вот. Я говорил, что Йен отходчивый. Уже и разговаривать нормально начал…

– Я в Управление, – неохотно бросил он, посторонившись и пропуская меня внутрь. – Маг наверху. Вторая дверь налево. И да… не спрашивай его о посвящении – он почему-то неадекватно реагирует на стандартные вопросы.

Я кивнул, мельком взглянул на захламленный и пыльный до невозможности коридор, и, поднявшись по хрупкой лестнице на второй этаж, без стука вошел в указанную Йеном дверь.

– Мастер Ниро?

– Садись, – скрипучим голос велел сидящий в кресле древний старик. – Я о тебе слышал. И, честно говоря, ждал в гости уже давно.

Я вопросительно приподнял брови и, оглядев полупустую комнату, в которой, кроме кровати со сбившимися простынями, разваливающегося кресла, опасно покосившегося стола и трухлявого комода с прислоненным к нему относительно новым стулом, ничего не было. Здесь было пусто, пыльно и как-то… тревожно.

На мгновение призвав в себя Тьму… из всех мастеров Смерти полностью я доверял только себе… и, убедившись, что неприятных сюрпризов нет, я занял предложенное место и с любопытством взглянул на старика.

Признаться, я видел много некрасивых и даже безобразных людей. И до сегодняшнего дня первое место в моем списке самых уродливых типов занимали неразговорчивые помощники мастера Этора, которых он регулярно поднимал из болота, чтобы мне было нескучно учиться. Но внимательно изучающий меня Уоран Ниро, пожалуй, переплюнул даже их. Потому что, глядя на него, я мог бы с уверенностью сказать, почему этот человек согласился стать мастером Смерти.

Когда-то, наверное, ему не повезло обжечь себе лицо – вся правая половина была изуродована до неузнаваемости. Пустая глазница, которую маг даже не подумал прикрыть повязкой, зияла бездонной чернотой. Второй глаз с белесоватой радужкой был частично затянут мутной пленкой и, кажется, плохо видел. Давно не стриженные седые космы спускались по плечам клочьями белой паутины, а на искривленных губах гуляла такая саркастическая усмешка, что, увидь я ее где-нибудь в подворотне, предпочел бы тихо удавить ее обладателя, чтобы не получить нож в спину.

– Ты – Рэйш, – уверенно сказал старик, вдоволь на меня налюбовавшись. – Этор Рэйш был твоим отцом?

– Учителем, – спокойно ответил я, изучая его лежащие поверх длинного пледа, укрывающего мага с пояса, морщинистые руки с безобразными ногтями.

– Но ты носишь его имя, – сдвинулась единственная бровь Ниро.

– Да. Он оказал мне эту честь.

– И отдал тебе свой перстень?

– Он посчитал, что мое обучение завершено.

– Да, – задумчиво откликнулся маг, покосившись на мои перчатки. – Я чувствую твою силу – Тьма тебя любит, раз пускает

так глубоко… говорят, ты не только заклинатель, но еще и ищейка? Редкое сочетание. Но я все равно не думал, что Рэйш когда-нибудь снова возьмет ученика.

– Он считал меня способным, – бесстрастно сообщил я, решив пока не торопить события.

Старые мастера капризны и своенравны – это я знал лучше кого бы то ни было. Их речь медлительна, мысли вязки, тело слабо, а характер невероятно сложен. Йена маг уже выгнал, просто наплевав на его значок. За непочтение, излишнюю спешку или же просто потому, что не понравился. А мне была нужна информация. Поэтому, если он хочет поговорить о Рэйше, я потрачу на это некоторое время.

Тем более, я и не подозревал, что этому человеку известно имя моего учителя – мастер Этор жил в такой глуши, что найти его было практически невозможно. Вернее, он не хотел никого видеть настолько сильно, что забрался в самый центр Алторийской трясины и беззастенчиво избавлялся от всех, кто рисковал его потревожить.

Я, правда, в свое время этого не знал и просто прошел по его следу через Тьму, едва при этом не сдохнув. Но именно этим доказал, что достоин стать его учеником, и нашел-таки человека, способного научить меня управлять собственной силой.

– Когда он умер? – снова спросил маг, буравя меня единственным глазом.

– Три с половиной года назад.

– Ты присутствовал при этом?

– Можно и так сказать, – хмыкнул я, поневоле вспомнив о том, как после очередного выхода из Тьмы обнаружил рядом бездыханного наставника.

Свой срок он хорошо знал – об этом свидетельствовал загодя снятый перстень и нашедшаяся в хижине стопка бумаг на имя Артура Рэйша, подтверждающих мое право называться мастером Смерти. Старик давно готовился к уходу, раз успел заполнить все необходимые документы. Он точно знал день. Заранее приобрел нужные бланки. Но ни словом мне не обмолвился и, до последнего обзывая меня бездарным болваном, в своей обычной манере провел последний урок.

– Чему он тебя научил? – снова спросил маг, когда я улыбнулся собственным мыслям.

– Всему помаленьку.

– А именно?

– Думаю, это не ваше дело, – спокойно отозвался я.

– Согласен, – ответил непонятной усмешкой на мою грубость мастер Ниро. – Вот теперь вижу, что ты и впрямь ученик Этора

Рэйша.

И тут же поменял тему разговора.

– Так о чем ты хотел меня спросить?

– Что вы помните о гибели судна под названием «Путешественница», которое налетело на риф в окрестностях Триголя сорок девять лет назад? – внутренне подобрался я. – Вы вели это дело? Бывали в то время городе? Может, видели тела или что-то слышали о том, что там произошло?

На лице старого мага появилось странное выражение. Он замер, уставившись на меня так, словно увидел призрак собственной смерти. Его ссохшиеся руки дрогнули, поспешив убраться под плед, а изуродованная щека болезненно искривилась, как будто опаливший ее огонь снова заплясал на скукожившейся от жара коже.

– Почему ты об этом спрашиваешь? – прошептал он, затрясшись, как в лихорадке. – Оно вернулось?! Рэйш, скажи мне: оно действительно вернулось?! Оно в Верле?! Сейчас?!

– Что вернулось? – напрягся я.

Старик обессиленно откинулся на кресле и на мгновение крепко зажмурился.

– Ты, наверное, не поверишь… как не поверили в Ордене. Но у темных богов иногда бывают жутковатые шутки, которые очень быстро превращаются в настоящее проклятие.

– Кого прокляли?! – чуть не подпрыгнул я. – Где? Когда?!

– Да теперь разве узнаешь? – маг поднял дрожащую от слабости руку и устало провел по изуродованному лицу. – Я помню это дело. Даже, наверное, слишком хорошо. Я был тогда в Триголе по своим делам… от Верля дотуда всего-то три дня пути, если, конечно, конь попадется резвый… но я был там в тот день, когда в порту появились слухи о «Путешественнице». Я одним из первых поднялся на борт севшего на прибрежные рифы судна. Осматривал тела, говорил с теми людьми, Рэйш… я видел их глаза! И никогда не забуду зрелища гаснущей печати Смерти, лишь на миг не успевшей призвать за обреченными верную подругу Фола.

Я нахмурился.

– Простите, мастер, я не понимаю.

– Они все были обречены, – прошептал он. – Все до одного. Потому что на всех телах стояла одна и та же метка… и на живых, и на мертвых… Фол – жестокий бог и не пощадит никого, если люди рискнут вызвать его гнев. А тот корабль был проклят, Рэйш. Проклят от кормы до самого трюма. Поэтому те, кто выжил, рано или поздно тоже должны были умереть. И это, судя по всему, случилось, раз ты сидишь здесь и спрашиваешь меня об этом. Это

просто рок, юноша. Их всего лишь настигла заслуженная кара.

Я тряхнул головой.

– Подождите. С чего вы вообще решили, что тут замешаны боги?

– А ты знаешь, как работает печать Смерти?

– Конечно. Для этого нужно провести несложный ритуал и посвятить жизнь человека одному из темных богов. Сделать это можно в любом месте, хотя, конечно, в храме предпочтительнее. Понадобится кровь или волос того, кого ты хочешь убить, молитва и жертвенник, на котором нужно оставить несколько капель собственной крови.

– Я спросил не об этом, – раздраженно прервал меня маг. – Я спросил, КАК она работает, а не о том, как ее наложить!

– Э-э… да очень просто, – недоуменно посмотрел на него я. – Когда на человека ставится печать, она становится путеводной звездой для рыскающей повсюду Смерти. Приманкой для нее – яркой и манящей. Причем, чем больше сил в нее вложено, тем быстрее ее заметят. Этим, кстати, иногда пользуются, если хотят скрыть свое участие – ставят слабую метку, давая обреченному немного времени, и спокойно уходят, будучи точно уверенными, что месть обязательно свершится. Могут пройти недели или даже месяцы, если ее накладывал мастер. А при желании она много лет может оставаться почти невидимой…

– Вот именно!

Я вздрогнул.

– Хотите сказать, что печати на наших жертвах все это время БЫЛИ, но до сих пор оставались неактивными?

– Я видел их собственными глазами. И на каждом из тех людей, можешь мне поверить, стояла именно такая метка. Причем поначалу они были настолько яркими, что я решил – бедолаги помрут прямо там, у меня на руках. Но метки в какой-то момент вдруг погасли, словно Фол, наигравшись с их жизнями, решил дать уцелевшим отсрочку. Никто из моих коллег, явившихся в Триголь днем позже, печатей не увидел. Никто не поверил в то, что они действительно были. Столичные следователи не усмотрели в характере повреждений на судне злого умысла. Ни следов борьбы, ни признаков бунта или обычной драки. Защитные амулеты оказались исправными. Мачты были сломаны, паруса порвались во время шторма, трюм оказался наполовину заполнен водой, а в его дне зияла дыра… но трупы людей в каютах нельзя было объяснить разыгравшейся бурей. Скорее это походило на всеобщее умопомрачение. Да и сама буря налетела до того внезапно, что даже неверующие усомнились в том, что она была обычной. Что же касается уцелевших, то что-то

придержало проклятие над их головами. Остановило в самый последний момент. И я не знаю другой силы, способной так быстро погасить печати, чем сила темного бога, в любимицах которого ходит сама Смерть.

– Но ведь должна быть причина, – снова нахмурился я. – Корабль шел из Лотэйна в Алторию, обычным, скорее всего, маршрутом, и вез совершенно обычный груз… что могло заинтересовать Фола в простой человеческой лоханке?

– Значит, на его борту было кто-то… или что-то… что привлекло его внимание, – зябко передернул плечами маг.

– Но почему тогда он не уничтожил всех сразу? Почему, пометив весь экипаж и пассажиров, какую-то горстку людей он сперва все-таки пощадил, а потом внезапно снова о них вспомнил?

– Потому что некоторых грехов боги не прощают, – проскрипел мастер Ниро. – А темные боги в этом плане особенно мстительны.

– Но почему именно Лотэйн?!

– А чем, на твой взгляд, лотэйнийцы отличаются от остальных наших соседей?

– Они не верят в Фола… – у меня что-то екнуло в груди, – Они вообще отказались поклоняться темным богам!

Мастер Ниро скривился.

– Верно. Поэтому еще пару сотен лет назад разрушили все храмы, где стояли их каменные воплощения. Теперь там правит Род и его супруга Ферза, а также Абос, Лейбс и еще какие-то новые боги, которых лотэйнийцы придумали себе взамен старых. Для Фола и его последователей там просто не осталось места. Но, говорят, не все его жрецы покинули эту землю. Некоторые до сих пор втайне пытаются возродить его культ… и вывезти из страны расколотые части статуй, в которых еще теплится частичка божественной силы.

– Полагаете, одну из таких частичек кто-то мог пронести на корабль?

– Не исключено. Но, может, там просто находился жрец, с которым случилось что-то нехорошее… его ведь могли убить, покалечить…

– Или ограбить, – мрачно продолжил я, и старик неохотно кивнул.

– Особенно, если то, что он вез, имело какую-то ценность. Правда, обычно такие мелочи Фола не трогают – его жрецы умеют за себя постоять, и кто попало ими не становится. Да и кара тогда настигла бы лишь тех, кто совершил святотатство. Но раз пострадали все, значит, дело было не только в чьей-то жизни.

Скорее всего, жрец имел при себе нечто настолько ценное для Фола, что угроза утраты этой вещи привела темного бога в ярость. А поскольку он обычно не разбирается, кто прав, кто виноват, то метки Смерти появились у всех, кто был в тот момент на борту.

– Готж говорил, люди на судне умирали волнами… сперва экипаж, на следующий день – богачи и только после этого – люди победнее.

– Из состоятельных господ, составлявших большую часть пассажиров, не уцелел никто, – подтвердил мастер Ниро. – Только бедняки и простые работяги, которые отправились на поиски лучшей доли. На все про все у печати ушло около двух с половиной суток. И лишь после того, как корабль прибило к берегу, смерти на нем прекратились.

Я с силой сжал гудящие виски.

– Допустим, вы правы, и жрец действительно пытался вывезти из Лотэйна нечто очень важное для темного бога. Допустим, с этим жрецом что-то случилось в море… несчастный случай, ограбление, убийство. Предположим даже, что Фол, отомстив за его смерть, успокоился и все-таки смилостивился над оставшимися в живых… но тогда почему все началось заново? Почему именно здесь? Сейчас?

– Этого я сказать не могу, – тяжело вздохнул старый маг и снова потер изуродованную щеку. – Когда на корабль поднялись люди из столичного сыскного Управления, то все остальные от расследования были немедленно отстранены. Я, пока оставался в Триголе, какое-то время следил за этим делом, но, сам понимаешь, никто не стал бы делиться выводами с провинциальным мастером Смерти, случайно попавшим на борт в числе первых.

Насколько мне известно, столичные сыскари очень долго искали магические причины крушения, пытались найти признаки эпидемии, для чего уцелевших подвергли детальному изучению… но так ничего и не нашли. Спустя пару месяцев было признано, что корабль затонул по вине несчастного случая, а смерти на борту объявили результатом массовой истерии, вызванной последствиями страшного шторма.

Жрецов, хоть я и просил, никто приглашать не стал. Останки судна на всякий случай сожгли. Те, кто выжили после катастрофы, разъехались кто куда. И, честно говоря, я вообще не думал, что у этой истории будет продолжение.

– Благодарю вас, мастер, – почтительно поклонился я, поднявшись на ноги. – Я очень ценю вашу помощь.

– Заходи когда пожелаешь, – проскрипел маг, одарив меня

жутковатой улыбкой. – И особенно, если захочешь рассказать мне о старом друге.

Постаравшись скрыть удивление, я молча кивнул и, стараясь не никуда не вляпаться, быстро ушел, надеясь, что Готж уже нашел то, что мне нужно.

Глава 7

– Смотри, – Старый Морж собственноручно расстелил передо мной карту и ткнул пальцем в большое зеленое пятно слева от западной границы Алтории. – Вот твой Лотэйн. Вот идет Хурса… с юго-запада как раз на северо-восток… а вот те города, о которых я тебе говорил: Ройн, Илейн и Рейн. Два из них точно находились на пути следования «Путешественницы» – там родились две наши жертвы. Третий – может быть, а может и не быть… но примерный маршрут ясен и без него. Скорее всего, судно вышло из Ройна или Илейна, потому что Рейн – последний крупный портовый город на Хурсе перед ее впадением в Белое море. Обычно для того, чтобы добраться по морю до Триголя, нужно дней пять или шесть, как повезет с погодой и если нигде больше не останавливаться. Так что, получается, именно за эти несколько дней на корабле случилось что-то, что, по твоему мнению, вызвало гнев Фола.

Я поджал губы. Версия не больно-то складная, но лучше пока ничего нет, да и по датам все совпадало.

– Жрец, если это и правда был он, мог везти с собой все, что угодно, – заметил я, рассматривая причудливые закорючки на карте. – А мог и ничего не везти, просто знать что-то очень важное.

– Это уже детали, – отмахнулся Готж. – Даже если он что-то вез, то это все равно осталось на погибшем судне. Никто из выживших, как я тебе сказал, не тронул оставшиеся там вещи. Побоялись, что проклятие вернется. Нам же сейчас важнее понять, почему смерти вдруг прекратились, и попробовать это остановить, иначе у нас места в «холодильнике» не хватит для трупов.

– Если бы та вещь осталась на корабле, ее бы уничтожили вместе с «Путешественницей», – возразил я. – Ты же сам говорил, что корабль сожгли.

– Полагаешь, эту штуку кто-то забрал? И теперь опять потревожил, раз проклятие снова стало активным?

– Похоже на то.

– Тогда источник можно искать до бесконечности, – помрачнел Готж. – Ее могли увезти куда угодно или оставить в Триголе… а может, вовсе спрятать в земле и только теперь найти. Она вообще может находиться где угодно – гнев бога не зависит от расстояния. В любом случае, надо готовиться к худшему. Если уж трое из выживших так быстро скончались, то скоро появятся и другие.

– Выживших было не так много, – качнул головой я. – Десяток

или чуть больше. И они все сейчас в преклонном возрасте… ну, кто дожил, конечно. К тому же, совсем не факт, что в Верле осел ещё кто-то из уцелевших.

– По-твоему, как только помрут все причастные, то смерти закончатся сами собой?! А мы просто подождем и спишем все на естественные причины?!

– Нет. Девочка к кораблю отношения не имела. Поэтому нет никакой гарантии, что смерти не пойдут лавиной, как тогда… Надо показать это Йену, – вздохнул я, чувствуя, что нахожусь на верном пути, но все ещё многого не понимаю. – Из старика я больше ничего не смог выжать. А нам нужно понять, куда двигаться дальше.

– Йена нет на месте, – хмуро отозвался Готж, сдвигая карту на угол стола. – Они с Родериком взяли бричку и уехали в дом Лори – повторно опрашивать родителей.

– Когда? – замер я, чувствуя, как неприятно скребутся кошки на душе.

– Да как Йен вернулся, и я рассказал ему твою догадку с Лотэйном, так и уехал…

Я с раздражением подумал, что этот торопыга опять делает все сам, вместо того, чтобы позволить работать другим, и двинулся к выходу. Что-то меня тревожило, поганое такое чувство, как если бы я чего-то не заметил, не учел.

Уже на пороге, задумавшись до состояния полнейшей невнимательности, я едва не столкнулся с Витом и едва успел отшатнуться, чтобы не получить по лбу тяжелой дверью.

– Господин Нодли, собаку-то куда девать? – спросил он, извиняюще на меня посмотрев. – С другими оставить или все-таки перенести?

Готж, все ещё занятый картой, даже головы не поднял.

– Мне без разницы.

– Тогда, может, закопать? – неуверенно предположил Вит, замявшись у открытой двери. – Чего она у нас в «холодильнике» место занимает? Или сжечь от греха подальше? Мало ли… вдруг она заразная?

Но начальство только отмахнулось.

– Была б она заразной, Хог сжег бы ее сразу. А раз нет…

– Дык что делать-то? – окончательно запутался Вит.

– Да что хочешь, то и делай. Хозяевам, думаю, тоже все равно. У них сейчас других проблем хватает.

– Что за собака? – сам не зная почему, спросил я, на мгновение задержавшись на пороге.

Готж пренебрежительно фыркнул.

– Да с места последнего убийства… Честно говоря, я вообще

не понимаю, зачем Йен ее сюда приволок. Мы ведь животными не занимаемся.

– Хочешь сказать, это была собака Лори?

– Угу. Сдохла на днях. Но Йен все равно велел ее выкопать и притащить сюда. На осмотр. Поэтому Хог поутру очень долго и грязно ругался на то, что ему приходится заниматься такой ерундой. Он же у нас нежный, ранимый, чувствительный… и копаться во внутренностях беспородной шавки, умудрившейся подавиться каким-то огрызком, ему, видите ли, претит!

И тогда у меня, наконец, что-то щелкнуло в голове.

Собака… вот чего я не заметил! Меня же никто не облаял, когда я поутру ломился в дом родителей Лори! А между тем Лардо говорил, что в доме жил какой-то пес! Для него даже загородку из кольев сделали, чтобы держать поближе к разродившейся богатым урожаем яблоне… они небогатые люди, продажа яблок могла слегка поправить их дела, если бы удалось дождаться урожая. Вот и забор для этого подновили, и пса на улицу выгнали… тьфу! Да вот же она – зацепка!

– Как именно умерла собака? – напряженно уточнил я, почти не сомневаясь, что попал в точку.

– И ты туда же? – грозно глянул на меня Готж. Но я смотрел настойчиво, остро, и он раздраженно сплюнул. – Да играли они с Лори… понимаешь? Просто играли – носились по дому, смеялись и гавкали! Девочка кидала палку, а собака ее искала и приносила обратно… им было весело, им было хорошо… родители слезами умывались, когда вспоминали об этом! И сетовали, что в тот самый день не заперли двери в спальню! Потому что когда визжащая и лающая парочка туда ворвалась, то так увлеклась, что снесла стоящий в углу стол… у него тогда еще ножка отвалилась… собака, которая там крутилась, споткнулась и грудью налетела на эту деревяшку. А поскольку держала в тот момент в зубах палку и не успела разжать челюсти, то нечаянно перекусила отломок и, когда на нее упала не удержавшаяся на ногах девочка, просто-напросто подавилась. Только и всего!

У меня похолодело в груди, а перед глазами, как наяву, встала скромная спаленка родителей Лори. Узкая кровать, тесный проход между спинкой и шкафом, покосившийся столик со сломанной ножкой…

– Когда это случилось? – спросил я, чувствуя, как сжавшие сердце ледяные когти сжимаются все сильнее.

– Позавчера утром, – ответил вместо Готжа Вит, но тут же осекся, потому что я, резко переменившись в лице, грубо оттолкнул его от двери и вихрем кинулся к лестнице.

Подвал у нас добротный, надежный и прохладный настолько,

что позволял без особого труда сохранять тела даже без применения магии. Естественно, Йен не был бы Йеном, если бы не заставил Хога наложить на стены несколько полезных заклинаний, но в принципе подвал и без того был хорош.

Одна только с ним беда – до него слишком долго добираться. А вход туда перегораживала массивная металлическая дверь, ключ от которой хранился в одном из верхних кабинетов.

Помчавшись туда в спешке, я о нем, естественно, даже не вспомнил, поэтому, натолкнувшись на неожиданное препятствие, чуть не растерялся. Но потом, махнув на все рукой, сложил пальцы щепоткой и, ткнув ими в замок, выпустил солидную порцию силы.

На месте замка мгновенно образовалась дыра, откуда с тихим шелестом посыпалась мельчайшая железная пыль. Я же, пинком распахнув испорченную дверь, ураганом влетел в прячущийся за ней полутемный коридор, таким же манером снес дверь в «холодильник», надеясь, что Готж или Йен потом не высчитают их стоимость их моего скудного заработка. После чего, суматошно оглядевшись в возникших вокруг моего лица облачках белого пара, кинулся к одному из дальних столов.

Лори была совсем маленькой девочкой, поэтому и собаку ей купили некрупную. Порода – дворняга. Подтип – лучший друг человека. Вытянутое тело, покрытое белой шерстью, тонкие лапы, короткий хвост, закрученный бубликом, симпатичная морда с розовым носом… а на ней, как раз над переносицей, бешено горит неестественно яркая метка, при виде которой я разом обмяк и бессильно выругался.

Проклятье. Мне надо было осмотреть животное первым. Еще вчера, когда мы навещали дом! Но вчера я не знал, что собака тоже погибла. А ведь если бы мне сказали сразу… эх, Йен, и почему я тебя послушал? Почему не вмешался, наплевав на твой дурацкий приказ, и не полез выяснять детали? Ну обозлился бы ты ещё больше… ну поорал бы я в ответ… может, даже сцепились бы мы при свидетелях, и ты бы меня за это уволил, а потом опять восстановил, как обычно… но какая, к Фолу, разница, если разгадка была так близко, а мы на нее не обратили внимания?!

Терзаемый уже не предчувствием, а совершенно точным ощущением быстро приближающейся беды, я опрометью кинулся наверх, даже не подумав убрать Тьму со своих глаз. Выскочив в приемную, едва не размазал по стенкам спешащего за мной Вита, толкнул плечом замешкавшегося на входе Гуго, полубезумным взглядом окинул застывшего на последней ступеньке лестницы Барни, а затем, увидев замершего за столом мальчишку Чета в тщательно выглаженной униформе, глухо застонал.

Нет, нет… НЕТ!

Только не так. Не они. Не сейчас в конце концов!!! Лори сказала, что у меня мало времени, но… Фол меня забери. Его вообще практически не осталось! И не только у меня – у всех, кто стоял сейчас в комнате, даже не подозревая о том, что сроки их жизни уже изменились и с устрашающей быстротой подходят к концу.

Сколько времени было у погибших на «Путешественнице»? Двое суток? Чуть больше? А сколько его прошло с момента появления первого трупа в Верле? Смерти начались позавчера утром – экономка и отец-настоятель. Еще через сутки – Лори. Третья волна, которой так и не дождались на проклятом судне, должна прийти сегодня к обеду.

А я не успеваю… просто катастрофически не успеваю понять самого главного! Кроме, пожалуй, того, что Готж оказался прав насчет жреца, говоря, что он привез что-то с собой из Лотэйна. Но при этом страшно ошибся, посчитав, что та вещь, которой он владел, так и осталась на проклятом корабле.

– Арт, ты чего? – встревоженно пролепетал Виго, которого я как схватил за грудки, придерживая от падения, так до сих пор и не отпустил. – Ты холодный…

«Конечно, я холодный, – стремительно пронеслось у меня в голове. – А еще я почти мертвый… так же, как и все вы!»

Обведя мутными глазами непонимающие лица сотрудников управления, на каждом из которого зловещей кляксой сияла яркая… прямо наисвежайшая метка Смерти, я судорожно сглотнул. И, только теперь понимая, о чем именно предостерегала меня Лори, почти бегом кинулся на улицу.

Кеб удалось поймать сразу – в это время для них здесь самое доходное место. Место назначению извозчику, конечно, не понравилось, но я пообещал, что удавлю его на месте, если он не домчит меня до Базарной площади за четверть мерной свечи. С учетом того, что я до сих пор не отпустил от себя Тьму и посмотрел на посеревшего мужика сквозь призму Ее мрачного присутствия, мешкать он не рискнул и с такой силой хлестнул обиженно взвизгнувшую лошадь, что та едва не понесла.

Всю дорогу до дома Лори я себе места не находил от беспокойства.

Да, я мог ошибаться, считая, что бабка девчонки как-то причастна в похищению у жреца некоей… пока неизвестной нам… вещи. Но вплоть до вчерашнего вечера… до того, как сыскари вошли в ее дом… ни у кого из нас печати Смерти на лице НЕ БЫЛО!

Я видел ребят после визита в храм и дом Алека Дроуди.

Видел и потом, пока мы метались по городу в поисках ответов. Все они были чисты. И только вечером я поспешил покинуть место преступления, не в силах смотреть на мертвое детское личико, над которыми развевалась на ветру кроваво-красная шелковая лента.

Я не пошел в тот день обратно в управление. И так быстро отпустил от себя Тьму после осмотра, что просто не мог заметить неладное. А сегодня все, кто там вчера был… и наши, и, наверняка, городская стража… уже помечены. И, если я правильно понял, очень скоро нас ждет та же участь, что и погибший экипаж «Путешественницы».

Не видя всей картины целиком, я раз за разом пытался представить, что же такого могло случиться два дня назад, что запустило каскад обрушившихся на нас смертей. Что-то, что исходило из дома, куда всего пару свечей назад укатили Йен и Родерик. Что-то, что напомнило Фолу о брошенном когда-то проклятии и заставило его выпустить на свободу снова. Что-то, быть может, совсем незначительное. Обычная повседневная мелочь, на которую даже хозяева не обратили внимания…

У богов бывают скверные шутки – в этом Ниро абсолютно прав. Но их мстительность порой превышает все разумные пределы. Они не разбираются, кто прав, кто виноват, и карают не отдельных людей, а всю толпу. Корабль, деревню, город… одно отдельно взятое управление, сотрудники которого оказались не в том месте и не в то время…

Причем процесс уже запущен. Первые жертвы уже случились. И следующим этапом гнев Фола обрушится на нас. Хоть и не виновников, но косвенных свидетелей совершившегося преступления… какого-то святотатства, не меньше, раз темный бог пожелал заклеймить сразу всех.

Хотя кто сказал, что он ограничится только нами?

От последней мысли я покрылся холодным потом и с ужасом понял, что понятия не имею, как это остановить. После чего высунулся в окно и гаркнул извозчику, чтобы поторапливался.

Когда я ворвался в дом, внизу было пусто. Но раздающиеся со второго этажа голоса заставили меня буквально взлететь по лестнице. Быстрее… как можно быстрее, пока не случилось непоправимого!

К приоткрытой двери с хозяйскую спальню я уже не бежал, а несся огромными скачками. На скрип невидимых половиц, на шепот внезапно проснувшихся голосов, на знакомый холодок, появившийся в воздухе, и едва уловимый горьковатый привкус, который с каждым мгновением становился все сильнее. А услышав, как Йен вскользь интересуется прошлым стоящей в

спальне шкатулки, чуть не споткнулся от внезапно пришедшей на ум догадки и что было силы заорал:

– НЕ ТРОГАЙ ЕЕ, ЙЕН! НЕ СМЕЙ ЕЕ ОТКРЫВАТЬ!!!

Вот только сочащееся из комнаты ледяное дыхание Смерти наглядно доказывало, что я опоздал. Потому что шкатулка, ещё вчера спокойно лежавшая на своем месте, снова была открыта. Точно так же, как и два дня назад, когда ее, заигравшись, случайно опрокинула на пол маленькая девочка. А потом, испугавшись, тихонько поправила сдвинувшуюся от падения крышку, чтобы никто не понял, что она вообще была потревожена.

* * *

При виде меня, в ступоре застывшего на пороге, молодая мать, как раз повернувшая к себе злополучную шкатулку, с огорчением уставилась на съехавшую набок крышку. Ее муж как раз наклонился, чтобы подобрать с пола отлетевшую от угла небольшую щепку. Стоящий рядом с ним и стремительно обернувшийся на шум Йен смерил меня непонимающим взглядом, а молодой сыскарь, пристроившийся на краешке заправленной постели, укоризненно покачал головой.

– Арт, а ты не мог бы входить потише?

Я в ужасе уставился на шкатулку вторым зрением и просто обмер, увидев, как из ее нутра медленно и величественно расползается во все стороны первородная Тьма.

Еще с утра, когда крышка лежала ровно, ничего подобного не было. Я находился рядом и не почувствовал угрозы. А сейчас меня буквально выворачивало наизнанку. Все нутро сковало дичайшим холодом, а на сердце лег тяжелый камень внезапного прозрения.

– Это была случайность, – прошептал я непослушными губами, глядя на ожившее проклятие темного бога. – Простая случайность… она ни о чем не знала… Лори… эх, Лори… вот для чего ты вернулась!

– Арт, ты о чем? – хмуро осведомился у меня Йен.

Но я, взглянув на неистово светящуюся на его лице метку, молча покачал головой. Ведь на моем лбу горела точно такая же. Как и у Родерика. И недоумевающей матери. И застывшего с потерянным видом отца Лори, который все не знал, куда положить отлетевшую щепку.

– Откуда у вас эта шкатулка, сударыня? – хрипло спросил я, подходя к испуганно заморгавшей женщине.

– Это мамина… семейная реликвия.

– Что внутри? – тяжело уронил я, придвинувшись к ней вплотную.

– Не знаю, господин маг. Мы никогда ее не открывали.

– Почему? – снова спросил я, и она непонимающе вскинула брови.

– Что «почему», господин маг?

– Почему не смели открыть?! Боялись чего-то? Сомневались? Мама запретила?!

– Нет, – удивилась ничего не подозревающая женщина, а у меня все внутренности уже превратились в кровавые сосульки.

Бог мой. Как она это выдерживает?! Неужто до сих пор ничего не ощутила? Или только у меня создается впечатление, что клубящаяся по полу Тьма все теснее сжимается вокруг нас четверых? И шепчет… неустанно шепчет, рыдает, а временами беззвучно кричит, пронзительными иглами врываясь в разум?

– Шкатулка заговорена, – стараясь избегать моего взгляда, пояснила мать Лори. – Мама сказала, что это – единственное, что у нее осталось от дедушки. Семейная ценность. Она в роду уже много десятилетий. И ее никогда при мне не открывали, потому что мы верим, что только так она способна приносить удачу.

УДАЧУ?!

У меня из груди вырвался хриплый каркающий смех. А женщина в этот момент огорченно провела ладонью по крышке и понурилась.

– Я только сейчас заметила, что она сломана… и это не к добру.

Да уж конечно!

– Отдайте ее мне, сударыня, – потребовал я, властно протягивая руку.

– Ч-что?!

– Отдайте. Вам ее не удержать. Да и в себе я… уже не уверен.

– Арт, в чем дело?! – взорвался, наконец Йен, уставившись меня, как на врага. – Что ты себе опять позволяешь?!

Я криво улыбнулся и, пользуясь тем, что женщина окончательно растерялась, уверенно забрал у нее проклятую вещь.

Все правильно. Не было на «Путешественнице» никакого жреца. И не было на ней никакого проклятия… по крайней мере до тех пор, во время начавшегося начавшейся качки с полки в одной из кают не упала маленькая деревянная коробочка, на крышке которой от удара слегка повредился небольшой замочек.

Откуда уж у бывшей купчихи взялась такая страшная вещь, трудно сказать. Возможно, кто-то в ее роду поклонялся темным

богам, ещё в те времена, когда это не было запрещено. А может, подобрал когда-то на алтаре отколовшийся кусочек разбитой вандалами статуи и бережно сохранил, намереваясь когда-нибудь вернуть тому, кому она принадлежала. Или же купил где-нибудь старинную вещь по дешевке и тихо гордился необычной диковинкой.

Когда на судне началась суматоха, женщина, как и следовало ожидать, испугалась. Забилась в какой-нибудь угол, в ужасе глядя на десятки и сотни смертей, поспешно отыскала свою единственную ценность и судорожно прижала к груди, чтобы не потерять. И так, наверное, просидела до самого конца. Дрожащая от пережитого, ничего не понимающая, и чудом уцелевшая, вероятно, лишь потому, что в момент падения шкатулки находилась в другом месте.

Она так до последнего и не узнала, что ещё одна встряска вернула соскочивший язычок на замке на место, а плотно прижавшаяся крышка заперла разбуженное по неосторожности проклятие, направленное на возможных воров. Не подозревала, что за вещь все это время упорно прижимала к груди. И не догадывалась, что только случайный недосмотр вызвал все эти жуткие события. Точно так же, как такой же невероятный случай их остановил.

Когда корабль прибыл в Алторию, все уже было кончено: шкатулка закрылась, гнев Фола улегся, люди прекратили умирать. Те, до кого не успело добраться проклятие, с облегчением покинули Триголь. Все ещё помеченные, хоть и неактивной печатью, разъехались кто куда. Кто-то после этого стал служителем светлого бога. Кто-то, так и не оправившись от ужаса, забился в каменную норку, под крыло состоятельного покровителя. Кто-то прожил тихую и спокойную жизнь, унеся нереализованное проклятие с собой в могилу… и, если бы не оплошность маленькой девочки, сумевшей по роковому стечению обстоятельств потревожить собственность темного бога, никто бы снова не пострадал. Если бы не Лори, ее уставшая от слез мать не стояла бы сейчас перед непонятливыми следователями. Не утирала украдкой покрасневшие глаза. Не трогала бы проклятую вещь. Не сдвигала бы эту дурацкую крышку и не чувствовала смутного беспокойства от того, что в ее доме что-то стало неправильно.

Пока она раздумывала и колебалась, получившая долгожданную свободу Тьма уже ядовитой рекой вылилась на улицы города. Цепляла случайных прохожих, жителей соседних домов, бездомных бродяг, роющихся на помойках крыс… и каждого отмечала горящей во Тьме меткой, словно намекая

Смерти, что для Нее есть новое угощение.

Всего через сутки, надо полагать, здесь начнется то же самое, что и на корабле – лавина нелепых смертей… массовые самоубийства, несчастные случаи, внезапно обострившиеся болезни, от которых перемрет добрая треть населения еще до того, как кто-то спохватится. И что тогда будет с городом? Остановится ли выпущенная на свободу Смерть здесь или же Фол отправит любимицу дальше, по расширяющейся спирали, пока Она не уткнется во все то же Белое море?

Чувствуя, как леденеют пальцы, я отстранено вернул сдвинувшуюся крышку на место. Потревоженная шкатулка дернулась в моих руках, как живая. Льющийся в уши шепот на мгновение возрос до оглушительного и возмущенного крика, а потом Тьма внезапно умолкла и крайне неохотно рассеялась.

Не бог весть что, конечно, но по крайней мере у этого кошмара когда-нибудь наступит конец. Быть может, не здесь, не сейчас, но разохотившаяся Смерть все-таки угомонится. Успокоенный Фол отзовет ее со своих угодий, и в Алтории снова станет спокойно. Другой вопрос, что шкатулка никуда отсюда не денется. И даже через сотню лет будет представлять такую же угрозу, как и сейчас. Потому что при всех свои талантах я просто не успею донести ее до храма и отдать в те руки, из которых она вообще не должна была уходить. И не смогу предупредить еще одну лавину незапланированных смертей до того, как она захлестнет меня самого.

Но что тогда? Надеяться, что метка подарит мне больше времени, чем Лори? Или просто стоять на месте, дожидаясь неизбежного? Рухнувшей на голову балки, например? Обвалившейся под ногами лестницы или еще какого-нибудь «приятного» сюрприза?

Да, я не касался содержимого шкатулки, как собака, поэтому время еще есть… но сутки, начавшиеся с момента моего появления в доме, на исходе. А Фол уже доказал, что не делает различий между животными и людьми.

– Арт, что это было?! – вдруг пораженно спросили меня из пустоты, и рядом с Йеном материализовалась испуганно озирающаяся леди Камия. Без спроса, надо же… видимо, ларец тянет из меня много сил, раз я перестал контролировать перстень. – Мне показалось, или мимо тебя только что прошла Смерть?!

– Не показалось, – прошептал я, одарив встревоженную даму невеселой улыбкой. – У меня действительно не осталось времени. Хотя… ты знаешь, я, кажется, понял, как можно быстро попасть в храм…

– Храм? – недоуменно посмотрел на меня Родерик.

– Зачем тебе в храм? – поддержал его Йен, не видя, как по комнате обеспокоенно шныряет призрак. – Арт, да что с тобой такое?! Как вошел, так и сам не свой!

– Ты прав, – глубоко вздохнул я, прижимая к себе шкатулку поплотнее. – Но почему бы не попробовать, раз уже нечего терять? Отойдите подальше. Здесь сейчас станет очень холодно.

Не дожидаясь, пока недоумевающие люди послушаются, и не обращая внимания на град посыпавшихся от Йена вопросов, я прикрыл глаза, впустил в себя Тьма и постарался как можно четче представить перед собой статую Фола.

Да, он неживой. Пока это всего лишь изваяние, в котором нет даже крохотной частички божественной мощи, но смертей на темном боге висело более чем достаточно.

Все, что мне нужно, это лишь почувствовать их. И, использовав вместо обычного следа, пройти по нему, постаравшись не взять на себя слишком много. Конечно, это не совсем то, чему меня учили, да и Тьма может после такого на меня озлобиться – я ведь собирался нарушить все мыслимые и немыслимые правила. Но как ещё добраться до храма, если моя метка уже активна?

Представить сурового бога ночи оказалось на удивление легко. Я никогда ему не поклонялся и даже почтения особого не выказывал. Для меня он был одним из многих. Простой фигурой на постаменте – равнодушной, безразличной и тщательно оберегающей свои непонятные интересы.

Но за последние дни я узнал о нем много нового. Познакомился, так сказать, поближе. И даже дерзко заглянул в глаза, ненадолго позабыв о том, что боги не просто так живут в нашем воображении. С того же дня его неприветливый лик надежно отпечатался в моем разуме, так что воссоздать нужный образ оказалось совсем нетрудно.

Конечно, я не смогу заставить темного бога прийти на зов лично, даже если сумею пройти нужное расстояние во Тьме и доберусь-таки до храма. И не смогу что-либо требовать, являясь не более чем пылинкой на обочине той бесконечной дороги, которую он считает своей. Но вот приманка для него у меня имелась знатная – погрузившаяся во Тьму шкатулка сияла, словно упавшая звезда, опаленная багровым огнем преисподней. Выбитый на ее боках рисунок полыхал так, что на него стало больно смотреть. А уж с какой нежностью вокруг нее свилась внезапно ожившая темнота, было просто не передать.

Не думаю, что Фол упустит возможность вернуть эту штуку себе.

– Я пришел, владыка ночи, – усмехнулся я, глядя на далекое изваяние и стараясь не видеть, как осторожные щупальца Тьма обвиваются и вокруг меня все туже. – И у меня есть то, что ты ищешь… предлагаю обмен.

Безумие? Да. Особенно, когда последние мгновения жизни утекают, как песок сквозь пальцы. Это бессмертному богу торопиться некуда. Он может ждать тысячелетия. А мне бы стоило поспешить, пока зажатая в обледеневших ладонях шкатулка не вытянула оставшиеся силы, а настойчиво обнимающая Тьма не высосала из меня всю душу.

Сколько я так на него смотрел, не знаю. Время, как всегда, сжалось в одно-единственное мгновение. Вот Фол стоял далеко, равнодушно глядя куда-то мимо, и даже не думал реагировать. Но потом Тьма между нами внезапно изогнулась, пугливо отступила перед сильнейшим. Взвывшие на все лады голоса мгновенно замолкли. Тревожный шепот за спиной стал едва различимым. А знакомое мрачное лицо из черного базальта оказалось прямо у меня перед глазами.

– Во-о-ор… – вдруг угрожающе прошептала Тьма, рывком придвинувшись и вдруг с силой сжав меня в своих объятиях. – Вор!

– Открой глаза, Фол! – прохрипел я, чувствуя на языке соленый привкус крови. – Я принес то, что было когда-то украдено! Я возвращаю твою вещь. Или ты уже не отличаешь правого от виноватого?!

– Во-о-о-ор… – чуть тише повторила Тьма, но уже не так уверенно. – Вор-р… отдай…

– Так приди и возьми! – из чистого упрямства выплюнул я, когда она сжала свои щупальца сильнее, и у меня в груди что-то подозрительно хрустнуло.

С Тьмой шутки плохи: заденешь ее ненароком – раздавит. Не уделишь внимания – обидится. Обманешь – проглотит и не поморщится. А уж если оскорбишь… тогда мерзкое ощущение, что тебя пожирают заживо, смачно чавкая и закусывая остатками твоей души, покажется самой меньшей из тех проблем, которые грозят тебе после смерти.

Я ухмыльнулся окровавленными губами прямо в лицо богу ночи и из последних сил расхохотался.

– А говорят, ты справедлив… вранье! Жрецы просто не знают, что тебе все равно! Тебя ничто не волнует! Ты мертв! Ты – просто пустая оболочка, которой безразлично то, что происходит снаружи. Ты меня слышишь, Фол?! Ты здесь?! Или я был прав, и от тебя уже действительно ничего не осталось?!

И вот тогда в нем что-то, наконец, изменилось. На каменном

лице впервые появились призраки жизни. Непроницаемо-черные глаза угрожающе засветились. Каменные губы дрогнули, беззвучно произнося чье-то имя. Черты лица неуловимо поплыли, обнажая под собой нечеловеческий лик… а потом Тьма вокруг меня недовольно заворчала, сомкнувшись удушливой черной волной. Стиснула в последний раз, доламывая уцелевшие кости. Бесцеремонно вырвала из намертво сжавшихся пальцев пылающую багровым светом шкатулку. Рявкнула напоследок что-то внезапно исказившимся голосом. И, так же быстро отступив, со всего маху швырнула куда-то в сторону и вниз. С такой неимоверной силой, что пережить Ее гнев у меня уже не получилось, и я закрыл глаза ровно в тот момент, когда на мою спину обрушился мощнейший удар.

Глава 8

Тьма – это бесконечный океан, черные волны которого лениво лижут изрытый бухтами берег жизни. Ты можешь войти в него в любом месте, прогуляться вдоль кромки, пройти так далеко, как хватит сил… но что с тобой там случится, никто не скажет. Тебя может затянуть воронка внезапно налетевшего шторма. Ты можешь оступиться и ухнуть с головой в разверзшуюся под ногами бездну. Настойчивое сопротивление волн может остановить тебя на середине пути, а если ты неосторожно зайдешь слишком глубоко, безжалостно раздавит, не обращая внимание на титулы, магию, происхождение или толщину кошелька.

Сегодня я, судя по всему, зашел гораздо дальше, чем следовало. И промахнулся мимо того единственного брода, которым обычно пользовался. Потому что, когда открыл глаза, чувствовал себя так, словно меня прожевали и выплюнули обратно, почему-то побрезговав проглотить. Все тело одеревенело, словно его и вовсе не было. Руки не двигались. Ног ниже колен я вообще не ощущал. На треснувших губах запеклась толстая корка крови. Глаза нещадно жгло. При каждом вздохе ребра скрипели цепляющимися друг за друга осколками. А в горле пересохло, как в пустыне.

– Ты – сумасшедший, Артур Рэйш, – бесстрастно констатировал кто-то, прижав к моему пылающему лбу божественно прохладную ладонь. – Хамить богу… тревожить Тьму, прорываясь сквозь Нее силой… да еще требовать при этом справедливости… воистину ты – первый маг Смерти, кто позволил себе такую дерзость. И первый, кто умирает на этом алтаре вопреки воле моего бога.

С трудом открыв глаза и кое-как проморгавшись, я поморщился, обнаружив себя лежащим у подножия статуи Фола.

Добрался-таки… вытребовал свое право… хотя и не совсем так, как нужно. Кровь на губах, похоже, оттого, что я, не рассчитав сил, с размаху налетел на каменный постамент. Башка болит, вероятно, по той же причине. А вот переломанные… не зря же я их не чувствую?… ноги – это уже Тьма постаралась. Обглодала-таки, зараза, до костей. И хорошо, если подавилась напоследок.

Ну да я тоже хорош. Сделал-таки эту упрямую дамочку. Пусть и погрызла она меня, пусть поломала, но теперь наверняка локти кусает – я все равно оттуда выбрался. В последний, к сожалению, раз.

– Ты меня слышишь, Рэйш? – склонилось надо мной обеспокоенное лицо отца Лотия. – Рэйш. Не спи! Тебе еще нельзя! Я облегчил твою боль, но если ты сдашься, второй раз я не вытяну!

– Брехня! – просипел я. – Мне теперь все можно!

– Что ты такого натворил, если бежать сюда пришлось через Тьму? И где взял… то, что взял, если даже мне не удалось без ожогов к ЭТОМУ прикоснуться?

– Твой бог хоть доволен? – прохрипел я, наконец-то сориентировавшись и сообразив, почему при моем плачевном положении меня все еще не грызет беспощадная боль. Помнится, когда я в первый раз влетел во Тьму без подготовки, то на выходе едва дышал. Мастер Этор меня больше месяца выхаживал. А тут я даже шевелиться могу… немного. И язык ворочается, хотя с каждым вздохом делать это становится все труднее. – Он вообще слышал, что я сказал?

Жрец скривился.

– Тебя слышал даже я. А Фол, хоть и бог, далеко не глухой.

– Тогда пускай остановит… – закашлялся я, выхаркивая из легких кровавые сгустки. – Пусть отзовет Ее… там больше нет виноватых! Пусть уберет Тьму с городских улиц!

– Тебя не это должно заботить, – усмехнулся отец Лотий. – Но если тебя так это волнует, то проклятия на Верле больше нет – Фол принял твое подношение. И отозвал с улиц Смерть, не тронув больше никого, поскольку ты… со своей дурацкой затеей… умудрился перетянуть весь его гнев на себя. Потому-то и лежишь тут, как бревно бесчувственное. И уже почти не дышишь.

– Чего? – недоверчиво прошептал я, борясь с дурнотой. – Он освободил ВСЕХ?!

– Принесенная тобой вещь оказалась для него важнее мести.

– Фу-у, – выдохнул я, устало закрывая глаза. – Ну хоть что-то было не зря.

– Ты умираешь, Рэйш, – негромко, но с таким видом, как будто открывал передо мной двери Истины, обронил жрец.

Я снова закашлялся.

– Естественно. Я и без тебя прекрасно знаю, что меня сожрали подчистую. Что в шкатулке-то хоть было, а? Ради чего я так старался? Не жилься давай, скажи, а то обидно будет сдохнуть, так и не узнав, из-за чего.

– Ты принес с собой частичку тела бога, – странно улыбнулся жрец. – Давно утерянную, но все же сумевшую через века найти путь к своему создателю.

– Погано, – непритворно огорчился я. Значит, Нииро был прав насчет осколка? – И за такой подарок твой бог не соизволил

надо мной смилостивиться?

– Тебе не стоило вызывать его гнев.

– Скажи спасибо, что до бешенства не довел… хотя хотел я бы посмотреть на его лицо в этот момент.

– У тебя еще есть такая возможность, – спокойно сообщил отец Лотий. – И вообще, тебе необязательно умирать.

– Да ну? – хрипло рассмеялся я, с трудом балансируя на грани сознания. – Сам посмотри: от меня ничего не осталось: почти все силы ушли на шкатулку, душа наполовину во Тьме…

– Фол вернул ее, иначе ты бы здесь не лежал, – так же спокойно ответил жрец. – Ты, несмотря ни на что, принес ему пользу, поэтому, невзирая на твою дерзость, он предлагает выбор: смерть или служение ему.

– Посвящение? – презрительно скривился я, сплюнув с губ темный сгусток.

– Для тебя это единственный шанс.

Я снова закашлялся и, почти не задумываясь, прохрипел:

– А что я с этого буду иметь?

Отец Лотий скептически поджал губы.

– Достойный ответ для мастера Смерти. Любой другой на твоем месте ухватился бы за такой шанс обеими руками, а ты ещё условия выторговываешь.

– Такая вот я неблагодарная сволочь, – оскалился я окровавленными губами. – Так что я получу от сделки? И не говори, что это не сделка – в противном случае Фол оставил бы меня там, где нашел, и никогда больше не вспомнил. Какие у него условия?

– Ты будешь жить, – неохотно сообщил жрец. С таким видом, будто я выпытывал у него страшную тайну. – Твои силы возрастут и станут немного иными. Ты получишь проход через Тьму – она больше не станет тебя обжигать. Но взамен он требует верности и беспрекословного выполнения его воли.

– Так не пойдет, – упрямо прошептал я. – Что, если он когда-нибудь прикажет сделать то, на что я не смогу пойти? Или убить того, кто мне близок?

– А разве такие есть? – усмехнулся жрец.

– А вот это уже не имеет значения. Я хочу иметь право голоса. И если не отказаться, то хотя бы получить разъяснения его приказа.

Отец Лотий недобро прищурился, и в его зрачках снова плеснулась Тьма.

– Не стоит торговаться с богом, Рэйш, – тихо, по-змеиному прошипел он, наклонившись к моему лицу. – Благодарность Фола не настолько велика, чтобы он согласился перед тобой

отчитываться. А гнев его страшен.

– Тогда пусть катится лесом… – устало закрыл глаза я. – Вместе со своим гневом. Марионеткой в его руках я не буду. А душу мою он и так может выпотрошить в любой момент.

– Зря…

Да пошел он… все они пошли! Мне без разницы, каким образом умирать. Я давно все решил и отказываться от слова не намерен. Даже ради Лена. Так что давайте… зовите Ее. Лучше уж так, чем потом кто-то скажет, что меня, как какую-то муху, прихлопнул пролетавший мимо кирпич.

Какое-то время в храме было так тихо, что я едва не решил, что уже помер. Никто не орал, потрясая кулаками, не обвинял меня в наглости и не пытал на черном алтаре, добиваясь раскаяния. Никто даже не прикоснулся ко мне, настаивая на согласии: боги для этого слишком далеки. А жрецы… что жрецы? Они делают только то, что им велено, и от них практически ничего не зависит.

Иди, думаете, я зря отказался?

– Твое условие принято, маг Смерти по имени Артур Рэйш, – внезапно прошелестело надо мной. – Отныне ты мой. И ответ на любой свой вопрос и в любое интересующее тебя время ты получишь. Но только один раз.

Я вздрогнул и поспешил распахнуть глаза, но вспыхнувшие на миг зрачки отца Лотия уже угасали. А вместе с ними оттуда уходила тяжелая, гнетущая, нечеловечески огромная сила, одно присутствие которой вызвало на моей коже целый сонм ледяных мурашек.

Наверное, надо было настаивать на ответах на все мои вопросы, но я… ой болва-а-ан… сформулировал требование так, что его истолковали не в мою пользу. Хотя уже сам факт того, что это вообще произошло, невероятен. Чтобы Фол и вдруг уступил в чем-то смертному?! Тьфу. Я определенно сглупил. Но ведь ничего уже не переиграть.

Интересно, на что я сегодня подписался?

– Согласие получено, – абсолютно спокойно подтвердил мои догадки жрец, будто бы ничего не случилось.

Я чуть не взвыл от разочарования, но отступать было некуда.

– Только имей в виду: я буду самым непочтительным твоим посвященным.

– И самым беспокойным, похоже, – вздохнул отец Лотий, уверенно прижимая мою голову к алтарю.

Он явно собирался сказать что-то еще, но слов я уже не слышал – меня, наконец, подхватила на руки сомкнувшаяся вокруг Тьма. Однако сегодня Ее пальцы впервые не были такими

холодными.

* * *

Когда я зашел в кабинет, Йен сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. На звук открываемой двери он поднял голову и, потратив какое-то время на изучение моей осунувшейся физиономии, нейтральным тоном заметил:

– Я и не знал, что простые ищейки умеют ходить по Тьме в любом направлении. Мне казалось, им доступен только след, оставшийся от убийцы… я не прав?

С облегчением убедившись, что проклятой метки больше нет… остальных я успел проверить чуть раньше, Йен был на сегодня последним… я прислонился к косяку.

– А может, я – не простая ищейка? И беру тот след, который мне нравится?

– Сомневаюсь, – негромко фыркнул начальник УГС. – Как и в том, что соблаговолишь поделиться со мной тайнами своей профессии.

Я неопределенно пожал плечами, до сих пор ощущая на одном из них небольшой дискомфорт, но Лотий пообещал, что к утру следы с моей кожи исчезнут – Фол почему-то не хотел, чтобы факт моего посвящения стал кому-то известен. Что да зачем, я не спрашивал: свой единственный вопрос я не собирался тратить так глупо. Спасибо на том, что подлатали и позволили выйти из храма до темноты.

Ничего во мне с того времени не изменилось. Я не обзавелся рогами, копытами, новым цветом волос или глаз. Ничего странного в себе я тоже не чувствовал. Появившийся на коже рисунок поначалу жегся, но неприятные ощущения почти прошли. Разве что ноги поднывали да глубоко дышать я ещё не мог. Но после того, что было, это нельзя называть существенными проблемами.

– Что со шкатулкой? – поняв, что ответа не дождется, снова спросил Йен. – Ты ее уничтожил?

– Отдал жрецу. А тот – своему богу. После этого она стала неопасной.

– Я бы предпочел, чтобы ты избавился от нее насовсем, – вздохнул Норриди, откладывая перо. – Вот уж не думал, как какая-то деревяшка натворит столько проблем… что в ней хоть было-то?

– Я не заглядывал.

– Неужели даже не спросил? – не поверил Йен.

Я снова пожал плечами, а затем все-таки зашел внутрь и опустился на свободный стул.

– Шкатулку делали на заказ, резьба на ней храмовая – сплошной символизм, предназначенный для защиты смертных от ее содержимого. Работа древняя – этой вещи не менее двух сотен лет – и сделана руками лотэйнийских мастеров. В семье Лори хранилась, видимо, ещё с тех времен, когда в Лотэйне правили темные боги, но, к счастью для ее родных, когда-то на верхней крышке была надпись, предостерегающая от излишнего любопытства. Сейчас этой надписи нет – стерлась от времени. Да и храмовая защита изрядно поизносилась, иначе ничего бы этого не произошло – жрецы умеют хранить тайны своих богов. Вот только оказалось, что и у этой защиты имеется свой срок годности. И он подошел к концу как раз тогда, когда «Путешественница» вздумала выйти в море. Конечно, никто теперь не скажет, сколько времени и почему шкатулка находилась вне храма, и как она появилась в доме простого торговца. Скорее всего, не самым честным путем, потому что без веской причины жрецы ее из своих рук никогда бы не выпустили. Она слишком ценна. Впрочем, как и опасна. С помощью таких вещиц можно перевозить что угодно – от осколков алтаря до кусков разбитых храмовых статуй. Что находится конкретно в этой, жрец не сказал, но оно содержит частицу силы Фола. Пока шкатулка закрыта, эта сила не вырывается в наш мир и не портит никому жизнь. Но если крышку сдвинуть хоть на волосок, все живое вокруг начинает стремительно умирать. Сперва – непосредственно те, кто нарушил защиту, а потом, расходясь, как круги от брошенного в воду камня, Смерть выкашивает всех остальных. В случае с «Путешественницей» могу предположить, что Элизабет Дейбс, отец-настоятель и бабка Лори уцелели лишь потому, что позже всех сели на корабль… Илейн и Рейн, откуда они родом – это последние два города на Хурсе перед выходом в море… а в момент открытия крышки находились достаточно далеко, чтобы проклятие Фола оставило их для третьей волны. Остальное сделало время. Если бы судно не проболталось в море более двух суток, то выживших, возможно, было бы больше. А так… судьба, наверное? Которая лично мне кажется тем более причудливой, что кара темного бога все-таки настигла уцелевших спустя столько лет. Причем опять – по чужой вине.

– А собака?

– Ей не повезло случайно опрокинуть стол, на котором стояла шкатулка. Та от удара чуть-чуть приоткрылась, поэтому собаке достался основной удар, и она сдохла практически мгновенно. Одновременно активировав печати на всех, кому повезло выжить

на «Путешественнице». Лори подошла к опрокинутому столу чуть позже, получив гораздо меньший заряд, из-за чего умерла лишь через сутки. Но крышку она все-таки закрыла, тем самым подарив нам немного времени. Остальное тебе известно.

На лице Йена проступила задумчивость.

– Значит, если бы ты не отдал шкатулку в храм, то после того, как ее открыла мама девочки, она бы тоже умерла?

– Безусловно.

– А мы? – нахмурился Норриди, сообразив, что тоже стоял тогда рядом. И был при этом не один.

Я скривился и поднялся из-за стола.

– Пойду я. Дело закрыто, шкатулка в надежном месте, угрозы от нее больше нет. И выцарапать ее у жрецов не сможет теперь даже столичное УГС. Отчет, если не возражаешь, напишу завтра, когда отосплюсь. Но расходы за восстановление дверей вешать на меня не вздумай – я действовал в интересах управления. И не забудь – ты обещал мне ночные по двойному тарифу. Счастливо оставаться.

Йен скептические поджал губы, но смолчал, когда я развернулся и вышел, не собираясь больше ничего пояснять. Да и потом меня не нагнал, наверное, уже успев уяснить, что некоторые вещи у меня лучше не спрашивать.

Мне, правда, было бы интересно узнать, что он подумал, когда я прямо у него на глазах растворился во Тьме и на несколько свечей бесследно исчез. А также о том, как я выжил после столь длительного пребывания в Ее цепких коготках. Еще я бы хотел спросить, как долго он еще топтался в том доме, ожидая моего возвращения. И когда все-таки понял, что ждать больше не стоит.

Впрочем, не думаю, что он об этом расскажет. По крайней мере, не сейчас.

Что же касается его собственных вопросов, то на большую их часть я вряд ли смогу когда-нибудь ответить – я связан словом. А если все-таки помогу прояснить какие-то детали, но это будет уже не сегодня.

Сегодня я слишком устал.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ
Шепот
темной стороны

Глава 1

– Убили-и-и! – раздавшийся откуда-то с улицы истошный вопль заставил меня поморщиться и приоткрыть один глаз. – Помогите! Человека уби-ил-и-и!

«Ну и что? – сонно подумал я, закинув руки за голову и даже не подумав подняться с постели. – Разве это повод орать в такую рань?»

– Убили! – всхлипнул тот же голос, но уже гораздо ближе. – Кто-нибудь… помогите!

Услышав, что кто-то, топоча сапогами, взбежал на крыльцо и забарабанил во входную дверь, я фыркнул, но не пошевелился.

Раннее утро, ещё даже солнце не проснулось, а я что, дурак, вставать раньше него? Тем более, если кто-то ошибся адресом, перепутав дом почтенной госпожи Одди с Управлением городского сыска?

– Помогите! – из последних сил выдохнул кто-то под дверью, и до меня донесся сдавленный всхлип. – Ну хоть кто-нибудь…

Пока я раздумывал, надо ли отрывать голову от подушки или лучше перевернуться на другой бок, в коридоре послышалось негромкое шарканье, недовольное бурчание и скрип открываемой двери.

«Очень удачно, – зевнул я, снова закрывая глаза. – Госпожа Одди проснулась первой. Вот и пусть разбирается с гостем».

– Мастер Рэйш! – спустя несколько мгновений снизу донесся взволнованный голос, а следом послышался ритмичный стук по перилам лестницы. Хозяйка дома всегда так делала, когда желала меня видеть, потому что со своими больными коленями не могла лишний раз подняться на второй этаж. – Мастер Рэйш, к вам посетитель!

Стук снова повторился – долгий, настойчивый… нет, когда-нибудь я все-таки выясню, где милая хозяйка прячет оставшуюся от бывшего мужа трость, и спалю ее в камине!

– Мастер Рэйш! Вы должны немедленно спуститься!

Да чтоб этого гостя Тьма погрызла! Я не следователь, чтобы заниматься чьим-то убийством. Вот позовет начальство, пообещает мне за работу нормальный оклад, тогда и буду шевелиться, а до тех пор любые посетители пусть катятся… к Йену.

– Мастер Рэ-эйш! – настойчиво позвала хозяйка дома. – У господина Мириана к вам очень серьезное и срочное дело! И он готов щедро заплатить, если вы немедленно проследуете за ним!

Заплатить?

У меня в голове что-то щелкнуло. Как-то без особой радости вспомнились последние монеты в отощавшем кошельке, прохудившиеся сапоги, которые я не так давно купил, но уже умудрился испортить.

Быстрый взгляд в щелку между краем шторы и рамой, где виднелись лениво кружащиеся снежинки, окончательно испортил мое настроение. Но в итоге все-таки жадность победила, после чего я встал и, достав из шкафа последнюю чистую рубаху, крикнул:

– Сейчас буду!

Когда я, наконец, спустился в холл, на крохотном диванчике дожидался бледный парнишка с застывшим лицом и отсутствующим взглядом. Его руки, держащие кружку с травяным отваром, ощутимо дрожали, а зубы, когда он пытался сделать глоток, тихонько постукивали по глиняному краю, будто беднягу трясло в лихорадке. Судя по распахнутой на груди куртке и выбившемуся из-под нее шарфу, собирался гость в спешке и не удосужился подумать о здоровье. Шапку не надел, ворот не застегнул. Естественно, продрог до костей. А сейчас просто пытался держать себя в руках, хотя получалось у него плохо.

Рядом с парнем стояла невысокая сухонькая старушка, закутанная в теплую шаль. В ее руке покачивалась проклятая трость, а из-под нижнего края шали провокационно выглядывал край ночной сорочки. Однако незнакомцу было не до приличий – он сидел, уставившись в одну точку, и, похоже, ничего не видел. И совершенно не чувствовал, как пальцы госпожи Одди легонько поглаживают его по плечу, тщетно пытаясь ободрить.

Впрочем, когда у меня под ногами предательски скрипнула половица, он мгновенно очнулся и аж подскочил с диванчика. А узрев мою не выспавшуюся физиономию, замер на месте и неуверенно спросил:

– Мастер Рэйш?

– Да, – хмуро бросил я, на ходу запахиваясь в плащ и нахлобучивая шляпу. – Что случилось?

Парень побледнел ещё сильнее, хотя мне казалось, что дальше уже некуда, и почти прошептал:

– Моего хозяина убили.

Я подошел ближе и сурово взглянул на странного гостя, отчего тот звучно икнул. А потом вдруг рухнул передо мной на колени и в голос взмолился:

– Помогите, господин маг! Я не убивал его! Клянусь! Я его только нашел! Пожалуйста, поверьте!

– Я не занимаюсь расследованием убийств, – так же хмуро просветил я просителя. – Это – дело городского сыска.

– Если бы я пришел туда, они сразу подумали бы на меня! Это ведь я его обнаружил! А вы… вы – маг Смерти! Говорят, вы всегда знаете, кто убийца! – последние слова парень буквально прошептал, умоляюще глядя на меня снизу вверх. – Пожалуйста, пойдемте со мной! Я хорошо заплачу, если вы согласитесь осмотреть дом раньше людей из Управления!

Дрожащей рукой потянувшись за пазуху, паренек вытащил оттуда тощий кошелек, который по сравнению с моим он вполне мог бы сойти за вполне увесистый, и высыпал на ладонь горсть золотых.

– Возьмите, господин маг… я готов оплатить в-ваши услуги!

Я с резко возросшим интересом взглянул на заикающегося от волнения гостя: моложе меня лет на шесть или семь, темноволосый, с простодушным лицом и беспомощным взглядом человека, впервые в жизни попавшего в трудную ситуацию. Худощавого, если не сказать хрупкого телосложения, так что, скорее всего, тяжелого физического труда на его долю не доставалось. При этом руки у него оказались грубоватыми, с необычной формы мозолями на тыле кистей и подушечках пальцев. Но парень определенно не бедствовал. К тому же, был перепуган насмерть и готов на все, чтобы доказать свою невиновность.

– Как тебя зовут? – осведомился я, рывком выдергивая полу плаща из влажных от волнения пальцев парня.

– Робин М-мириан. Я работаю п-подмастерьем у господина Игоора.

– Кто такой господин Игоор?

– Торговец сукном, – сообщила госпожа Одди, мудро спрятав за спину трость. – Он живет на Семнадцатой улице. Пятый дом с конца по правую руку. Я у него пару лет назад ткань присматривала для штор в гостиной.

Названия улиц в ремесленном квартале зависели от их расположения относительно Базарной площади: те, что находились севернее и, соответственно, ближе к докам, по традиции нумеровались, а те, что отходили от реки в южном направлении, чаще всего назывались в зависимости от типа лавок, располагающихся в стоящих на ней домах. Кузнечная, например, Ювелирная или улица Колпаков. Так что, судя по номеру, идти действительно было недалеко.

– Все верно, – быстро-быстро закивал Робин. – Только мы теперь ещё и пошивом з-занимаемся. Так вы поможете мне, господин Рэйш?!

Я пожевал губами, а потом рывком вздернул парня на ноги и бросил:

– Сперва посмотрим на твоего хозяина. Идем.

* * *

На удивление, погода оказалась не такой мерзкой, как я ожидал: пушистые снежинки, хоть и кружились в воздухе, были не настолько многочисленными, чтобы усыпать мои плечи белым покрывалом. Пронизывающий ветер, завывавший большую часть ночи, неожиданно стих. Схватившиеся ледком лужи приморозили всю грязь, которая вчера вызывала желание материться, а покусывающий за щеки морозец оказался очень даже терпимым. Я и замерзнуть не успел, пока мы добирались до нужной улицы. Хотя у Робина, снова забывшего застегнуться, к тому времени покраснели не только щеки, но и уши, и даже нос.

Из сбивчивого рассказа я понял, что господин Игоор – довольно преуспевающий торговец, всю жизнь потративший на то, чтобы сохранить и развить семейное дело. Дед его был купцом, отец, разумеется, тоже, поэтому, начиная лет с шестнадцати, наследник рода уверенно чувствовал себя в торговом деле. А после того, как решил совместить продажу сукна с портняжной мастерской и уговорил войти в долю одного из соседей, неплохо понимающего в шитье, дела его пошли в гору.

Со слов Робина, все было настолько хорошо, что некоторое время назад в лавку стали заглядывать не только небогатые работяги, но и люди среднего достатка, а потом и весьма обеспеченные господа. Сосед господина Игоора не боялся работать с неизвестными фасонами и цветами, охотно шел на эксперименты и прямо-таки чуял, что может привлечь взыскательных покупателей. А купец, прислушавшись к советам старого друга, все чаще стал привозить из соседних стран дорогую парчу, лотэйнийский шелк и всевозможные диковинки, на которые падки избалованные мужским вниманием женщины. В результате заказов на новинки становилось все больше и больше, а средняя цена готовых изделий стремительно поползла вверх.

Конкуренты у господина Игоора, конечно же, имелись. Куда без этого? Однако, поскольку он теперь ориентировался на состоятельных клиентов, люди победнее предпочли перебраться в лавки попроще и, тем самым, пополнили число покупателей у тех, кто не рискнул пойти по стопам удачливого соседа. В каком-то смысле от такого положения дел конкуренты тоже выиграли, так что, по большому счету, серьезной вражды у купца ни с кем не было. Более того, вот уже несколько недель он подыскивал новое

место в купеческом квартале, считая, что лавка должна находится ближе к покупателям, и мечтал о том, как развернется во всю ширь. Однако сегодня утром молодой подмастерье, явившись на работу, обнаружил своего хозяина мертвым, и все грандиозные планы полетели во Тьму.

Правда, на мой вопрос, что же произошло, Робин почему-то начал заикаться больше обычного и откровенно смешался. А когда я начал настаивать, парнишка вжал голову в плечи и, наконец, предложил мне посмотреть самому.

Я удивился, но настаивать не стал. Но мысленную зарубку сделал – что же не так с этой смертью, если подмастерье настолько перетрусил?

Жил господин Игоор в двухэтажном здании с узнаваемой вывеской. Сам дом оказался небольшим, но аккуратным и очень ухоженным. Совершенно новый забор, недавно покрашенные ставни, выложенный булыжниками пятачок перед входом, затейливая резьба на входной двери, по обе стороны от нее – кованые подставки под цветы, которые сейчас пустовали…

Без особого интереса оглядев фасад, я вопросительно повернулся к Робину. Тот, прекратив дышать на замерзшие пальцы, тут же кинулся к двери и гостеприимно ее распахнул.

– Заходите, г-господин маг. Хозяин… э-э-э… внутри.

Непонятную заминку я снова отметил, но решил обождать с вопросами, пока не осмотрю мертвеца. И вошел, будучи абсолютно уверенным, что ничего нового там не обнаружу. Распростертое на полу тело, расползающаяся под ним огромная лужа крови, жутковатого вида мясницкий топор или разделочный нож, воткнутый в спину жертвы… что в этом может быть необычного?

Однако, как вскоре выяснилось, я ошибался. И зря посчитал помощника купца паникером.

В уютном, красиво оформленном холле царил приятный полумрак, в котором легко угадывались очертания мебели. Просторный шкаф возле дальней стены, где хранились разноцветные рулоны. Стоящая в стороне пара новеньких кресел, предназначенных, видимо, для посетителей. Разместившийся между ним резной столик с полупустым графином и стеклянными бокалами. Притулившееся в противоположном углу огромное зеркало в массивной раме. Широкий прилавок напротив входа. А рядом с ним… вернее, над ним обнаружился сам хозяин дома. В весьма, надо сказать, неприглядном виде.

Обычно призраки не вызывают у меня особых эмоций: неприкаянные души в наше время – не такая уж большая редкость, так что ничего удивительного в господине купце, на

первый взгляд, не было. Короткие ноги, обутые в щегольские сапожки, объемистое брюхо, длинный зеленый кафтан, надетый поверх искусно расшитой рубахи… даже поднятая правая рука, указательный палец которой в этот момент обвиняюще уставился мне в грудь, не выглядел таким уж странным. А вот отсутствие головы…

Да. У призрака господина Игоора почему-то не оказалось этой важной части тела. И это при том, что я понятия не имел, каким именно образом и, главное, зачем его кому-то понадобилось ее лишать.

Сдвинув шляпу на затылок, я внимательно оглядел висящее в полутора локтях над прилавком создание.

Странно…

Неупокоенные души по традиции разделяют на несколько видов: обычные духи – совершенно безобидные создания, невидимые, неслышимые и неосязаемые для абсолютного большинства живых. Призраки, фантомы сна и так называемые духи-служители, которых некросы и маги Смерти привязывают к материальному носителю с помощью заклинаний. В последнем случае привязка могла быть добровольной, как у моей троицы духов, или же насильственной. Однако в ситуации с господином Игоором я откровенно затруднялся дать определение.

На первый взгляд это был обычный призрак. Нематериальный, как и положено, и неуязвимый. В том смысле, что дополнительного повреждения ему нанести уже невозможно – такие создания можно только развеять. И даже если физическое тело пострадало, фантом все равно будет относительно целым. Со следами крови на одежде или, быть может, с колотыми и резаными ранами, но не более того. А вот отсутствующая голова…

Честно говоря, с таким парадоксом я столкнулся впервые.

Конечно, из господина Игоора могли попытаться сделать духа-служителя, но непонятно, кому и зачем мог понадобился дух без головы. Даже у искусственных созданий вместилищем разума традиционно является бестолковка. Но даже если кому-то понадобился именно безголовый слуга, то почему тогда он находится здесь? И почему тычет в меня пальцем, как в самого виноватого?

Кроме того, я не увидел на нем следов магического воздействия. И вообще, кроме меня и зануды Ниро, в Верле не было магов, способных так жестоко измываться над духами. О заезжих некросах я не слышал. Да и очень уж специфический привкус остается после их магии. Его я пропустить не мог.

Неужели у нас появился не классифицируемый дух?

Естественного происхождения, с привязкой к собственному дому, с повадками обычного духа, но при этом с возможностями фантома?

Чушь какая-то…

Пытаясь разобраться, я сделал несколько шагов, чтобы рассмотреть непонятное явление, но обнаружил, что «указующий перст» господина Игоора тоже сдвинулся, безошибочно последовав за мной. Причем так уверенно, будто фантом мог видеть. Как преступника изобличал, в самом-то деле.

Поразмыслив над происходящим, я вернулся на прежнее место, пристально следя за купцом. Затем отошел к противоположной стене. Снова приблизился к двери, но убедился: полупрозрачный палец следовал за мной, как намагниченный. А когда я изменил положение более существенно и зашел за прилавок, призрак проворно развернулся спиной к двери, будто подвешенный на веревке грузик, и в который уже раз уверенно указал на мою грудь.

Надо же, как интересно…

– Робин, загляни-ка сюда, – негромко попросил я, выходя из-за прилавка. – Ты такое когда-нибудь видел?

В дверном проеме появилась испуганная физиономия подмастерья, а его наполненный неподдельным беспокойством взгляд тут же прикипел к мгновенно развернувшемуся призраку.

– Д-да, господин маг. Только тогда он следил з-за мной. Как привязанный, ей богу!

– Неужели? – прищурился я, оценивающе глядя то на купца, то на бледного парня.?

– Я как вошел и увидел, что он пальцем в меня тычет, до того исп-пугался, что едва ноги унес… все же знают, что дух безвинно убиенного всегда указывает на убийцу! А он так в меня тыкал, даже когда я споткнулся и растянулся перед прилавком, что… а почему он теперь п-поворачивается за вами?

Я хмыкнул.

– Сейчас выясним. Ну-ка, иди сюда.

Паренек, опасливо косясь на бывшего хозяина, неуверенно шагнул к прилавку.

– Ступай-ка к зеркалу, – велел я, и у Робина округлились глаза. – Давай-давай! Эксперимент проведем, не бойся.

Паренек снова покосился на господина Игоора и сделал робкий шажок в указанном направлении.

– Еще, – потребовал я, заметив, что у него начали подрагивать коленки. – Совсем к стене отойди. Встань там. Повернись. Так, молодец.

– Что теперь? – беспокойно развернулся спиной к зеркалу

юноша. Но обнаружил, что положение руки призрака не изменилось, и с облегчением вздохнул. – Уф! Я уже подумал, все – посадят меня, как убийцу, раз он на меня п-показывал! А это оказывается всего лишь…

Я усмехнулся, и Робин поспешно осекся.

– П-простите, господин маг. Я не имел в виду, что это вы его убили… я только…

– Топай отсюда. Быстро.

– Что? – у парня снова округлились глаза.

– На улицу пошли, – фыркнул я, а потом подошел и, ухватив испуганно вздрогнувшего подмастерье за локоть, буквально выволок его на улицу. – Хочу кое-что проверить.

Как только мы оказались снаружи, я тщательно прикрыл за собой дверь, выждал несколько ударов сердца, а потом снова ее открыл и, пока Робин не опомнился, с силой втолкнул его обратно, предусмотрительно оставшись снаружи.

– Ну, что теперь скажешь?

– Святой Род! – тут же простонал парень, в отчаянии схватившись за голову. – Ну почему он опять показывает на меня?! Я ведь никого не убивал!

Заглянув внутрь, я довольно оскалился: все правильно, теперь дух господина Игоора следил за невезучим подмастерьем и на меня обращал внимания не больше, чем на прилавок. Так что, видимо, его интересовал не убийца, а тот, кто первым зайдет в дом. На большее у призрака то ли сил не хватало, то ли… хм… соображения. Да и откуда его взять? Головы-то нет.

– Любопытно, – пробормотал я и, подойдя, хлопнул горестно застонавшего парня по плечу. – Не переживай. Никто тебя не винит. Но разобраться нужно. А где, кстати, тело?

– Чего? – с несчастным видом обернулся Робин.

– Тело, говорю, где лежит? – нетерпеливо повторил я.

– Откуда я знаю?!

– Ты же его нашел!

– Ну да, – непонимающе хлопнул ресницами юноша. – Но я, как увидел ЭТО, сразу за вами побежал! Я не смотрел в доме!

– То есть, где именно убили твоего хозяина, ты не знаешь? – на всякий случай уточнил я.

– Конечно, нет!

– Странно… – я озадаченно завертел головой, но холл был совершенно чист. Ни следов крови, ни самого тела, да и порядок вокруг царил идеальный. Непохоже, что господин Игоор умер в этой комнате. – Но он же не просто так материализовался именно здесь? Робин, твой хозяин жил наверху?

– Да, конечно, – закивал испуганно попятившийся к двери

парень.

– Жена? Дети? Внуки?

– Вдовцом он был, – сглотнул Робин, попытавшись снова юркнуть мне за спину и тем самым избавиться от настойчивого внимания призрака. – Жену похоронил лет шесть назад. Детей так и не нажил. Насчет зазнобы не знаю… может, с кем и встречался? Но я никого, кроме клиентов, у него не видел.

– Да выйди ты отсюда, – все-таки сжалился я над парнишкой. – А то неровен час, стража нагрянет и в самом деле посчитает тебя убийцей!

– Кто тут говорил про стражу? – послышался снаружи знакомый рыкающий голос, и входная дверь с визгом распахнулась, пропуская внутрь раздраженного Лардо. – Рэйш? Ты? И, кажется, уже нашел убийцу?

Я чуть не расхохотался, взглянув на жутковато изменившееся лицо Робина, который начал медленно оседать на пол. После чего быстренько подхватил парня под локоть и, заставив Лардо отступить обратно на улицу, поспешил вытащить бедолагу из дома.

– Пожалуйста, господа, – с преувеличенно почтительным поклоном освободил я дорогу Вейсу и двум его сопровождающим. – Проходите, осматривайтесь, пишите в своих отчетах, что готовы сдать дело городскому сыску… а мы вас тут подождем. Вы ведь знаете: до прибытия сыскарей даже мне не разрешают прикасаться к уликам.

Лардо, грозно покосившись на полуобморочного Робина, сделал отмашку своим «псам», чтоб следили за подозреваемым, и решительно вошел внутрь. А я лениво привалился плечом к стене и приготовился к увлекательному спектаклю.

Глава 2

Лардо отсутствовал примерно четверть свечи и вышел на улицу ещё более хмурым, чем раньше. Свирепо зыркнув в мою сторону, махнул терпеливо дожидавшимся его людям, чтобы осмотрели дом, а сам принялся нервными движениями набивать трубку.

– Самое время, – согласился я, когда пара крепких стражников дружно козырнула и направилась к дому. Остальные уже успели его оцепить и принялись стучаться в соседние здания, тревожа покой мирных граждан. – Мне показалось или ты бросил?

– Бросил, да не совсем… – заместитель начальника городской стражи торопливо закурил. – Где ваш Норриди бродит? Третий день на месте нет.

Входная дверь с тихим скрипом открылась и тут же закрылась, пропуская в дом его подчиненных. Здоровых таких молодчиков на полголовы выше меня с выражением служебного рвения на лицах.

Я пожал плечами.

– Понятия не имею. А что? Думаешь, все-таки ваше дело?

– Ничего пока не думаю. Надо осмотреться…

– Сгинь! Пропади, Фолово отродье! – вдруг раздалось из-за двери, и с той стороны в нее что-то с силой ударилось. – Да чтоб тебя!

– Гиром, чего это он на тебя показывает?! Ты что, знал убитого?!

– Сдурел?! Меня последние два дня вообще в городе не было – к теще на поминки ездил! Или не тебе я привез две бутылки кагора, чтоб выпил за ее стервоз… прости, Род… светлую душу?!

За дверью воцарилось смущенное молчание.

– Прости, Гиром, – неловко кашлянул второй стражник. – Так-то оно так, но я все равно обязан доложить.

Увы. Наша стража в большинстве своем все ещё подвержена глупым суевериям. Навели, понимаешь, напраслину… брали бы пример с Лардо – стоит, вон, морщится, но руки почти не дрожат. В трубку зубами вцепился так, что скоро мундштук перекусит, зато в глазах – бешеная работа мысли. Вот он уже и выводы предварительные сделал. Сообразил, наконец, что призрак господина Игоора необязательно изобличает в убийстве каждого входящего. А потом пришел к совершенно неожиданному умозаключению и с тихим шипением повернулся ко мне.

– Твоя работа?!

Я даже разочаровался.

– Нет.

– Но ты знал?! – по обыкновению заподозрил меня в нехорошем Лардо.

– А должен был?

– Значит, знал, – недобро сузил глаза заместитель начальника городской стражи. – Почему тогда мне не сказал?!

А вот за это я его уважаю: всегда ухватывает самую суть.

– Так было проще, – я приоткрыл дверь, из-за которой по-прежнему доносились раздраженные голоса стражников, и крикнул: – Господа, не обращайте на фантома внимания – призраку все равно, на кого указывать! Лично к вам это не имеет отношения, так что работайте спокойно!

– Спасибо, господин маг, – с невероятным облегчением отозвался один из парней Лардо, а второй снова сконфуженно кашлянул. – Теперь нам все понятно.

Счастливый… мне, например, ничего не понятно. Но надо ждать городского мага и Йена – только после его официального разрешения я, как приглашенный специалист, смогу нормально осмотреть дом.

– Арт, ты не ответил, – напомнил о себе Лардо, буравя меня колючим взглядом. – Что именно было проще?

К счастью, в этот момент на улице послышался цокот копыт, и возле дома купца остановился штатный экипаж Управления, избавив меня от необходимости отвечать.

– Что там у вас? – жизнерадостно помахал рукой Родерик Гун, первым выпрыгивая наружу. Невероятно довольный, с вечной улыбкой во все тридцать два зуба… засиделся, небось, в Управлении – в последние пару месяцев в Верле было тихо. Так что энтузиазм из парня так и пер. Правда, когда по лицу сыскаря стегнул порыв холодного ветра, а прихваченная утренним морозцем лужа чуть не заставила парня растянуться на земле, его неуместная бодрость резко сошла на нет. – Вот же Фолова отрыжка… так и ноги переломать недолго!

Родерик, с трудом выровнявшись, уже не так шустро проследовал к калитке и, поднявшись на крыльцо, доброжелательно кивнул.

– Привет, Арт! С утречком вас, господин Лардо… где наш труп?

– А нету его, – мрачно отозвался господин Вейс, попыхивая трубкой.

У Родерика забавно вытянулось лицо.

– У нас что, ложный вызов?

– Как это, нет трупа? – нахмурился подошедший следом за

ним Нодли Готж и, обойдясь без приветствия, уставился почему-то на меня. – Что за шутки, Арт? У нас убийство или как?

– Еще непонятно, – буркнул Лардо, смачно выпустив изо рта очередное кольцо ароматного дыма.

– Очень даже понятно, – возразил я, жадно принюхиваясь к табачному аромату. Хорош, зараза, но мне, увы, нельзя. – У нас тут убийство. Только тела никто не видел.

У Готжа вопросительно поднялись брови.

– Как так?

– А вот так. Еще вчера почтенный господин Игоор был преуспевающим купцом, а сегодня в лавке висит только его призрак.

– Мои люди осматривают дом, – снова буркнул Лардо, не глядя на сыскарей. – Факт убийства пока не доказан. А наличие призрака, согласно закону, его никоим образом не подтверждает. И поскольку тела нет, полагаю, на этот раз нам все-таки придется работать вместе.

– Ох уж эти ваши правила… – поморщился заместитель Йена.

– С меня потом спросят.

– Арт, что там с призраком? И как тебя вообще сюда занесло, да ещё с утра пораньше?

Я махнул рукой.

– Робин, иди сюда… расскажи господам из городского сыска, как ты нашел своего хозяина.

Подмастерье, все это время старавшийся далеко от дома не отходить, шмыгнул покрасневшим носом и послушно сообщил:

– Я вчера его видел, г-господа – живым и здоровым… ну, н-насколько это возможно в его в-возрасте. Я ушел из лавки уже затемно, п-потому что работал с одним важным з-заказом. Г-господин Игоор ещё недоволен был, что вожусь так долго, и обещал всю душу из меня в-вытрясти, если не успею: клиент очень ценный, а мы едва все сроки не п-прошляпили, п-потому что п-поставки из Лотэйна задержались, и мы чуть не опоздали с п-пошивом. Господин Дорн… п-партнер хозяина… только вчера п-принес готовое платье. Мне оставалось лишь п-пуговицы пришить и швы д-до конца обработать. Вот и я зашел с утра п-пораньше, чтобы все успеть. А когда открыл дверь, то увидел там ЕГО…

– И прибежал ко мне, – заключил я, невежливо перебив парня. – Решил, что дом мастера Смерти ближе, чем Управление городского сыска. Вот и заявился ни свет ни заря, крича во всю глотку, что у него хозяина убили.

– Да, нам уже донесли, – кивнул Лардо. – У старушки в доме напротив бессонница, поэтому она часами сидит у окна и наблюдает за улицей. Она-то и приметила, что около свечи назад

в лавку зашел молодой человек, в котором она опознала подмастерье своего соседа. Почти сразу он выскочил наружу. Был при этом страшно взволнован, а потом убежал в неизвестном направлении. С учетом того, что с вечера вчерашнего дня она не видела больше никого, кто входил бы в дом, госпожа Либман… кстати, очень ответственная старушка – вон, до сих пор таращится на нас из окна… заподозрила неладное и отправила внука в Управление городской стражи. Мальчишка, умудрившись где-то найти сонного кебмена, рассказал все дежурному. Тот, в свою очередь, сообщил городскому сыску, поэтому мы тут и встретились.

– Арт, что скажешь? – покосившись на Робина, который уже начал отчетливо стучать зубами, спросил Готж.

Я пожал плечами.

– Силой я внутри не пользовался. Но парень явно не наш убийца. Что же касается призрака, то я пока не понял, что он вообще такое. Робин, ты, кстати, уверен, что это именно твой хозяин?

– Конечно, – шмыгнул носом парнишка. – Сам п-помогал ему кафтан тачать. Меня господин Дорн давно в обучение взял, а этот кафтан доверил самым п-первым. Я его с закрытыми глазами узнаю. Да и по фигуре – он это, господин маг! Душой поклянусь, что он!

Мы с Готжем и Лардо переглянулись.

– Родерик, расспроси молодого человека насчет клиентов, особенно недовольных, а также заказов и всего остального, – распорядился Готж, и молодой сыскарь проворно утащил свидетеля в сторону. – А теперь, Арт, скажи-ка, что тебе во всем этом НЕ понравилось.

Я вздохнул и честно ответил:

– Да почти все. Смотри сам: купца опознали, и он, могу тебя заверить, действительно мертв. Но убили его не в лавке – запаха смерти там нет. Так что люди Лардо ищут тело в доме совершенно напрасно. Где оно, я вам не скажу, но смущает сам факт того, что призрак вернулся не на место преступления, а в родной дом. Что-то его тут держит, и это явно не желание отомстить или восстановить справедливость. Теперь другое: у призрака нет головы, и это вообще не лезет ни в какие рамки, потому что поранить его ничем, кроме магии, нельзя, а ее следов в доме и вокруг не наблюдается. Третье: мертвый господин Игоор почему-то испытывает странное влечение ко всем, кто заходит в его дом. Сперва это был Робин, потом он тыкал пальцем в меня, затем в Лардо и, наконец, в одного из его людей. Системы нет… личность, возраст и род занятий вошедшего абсолютно не важны.

Вейс, не смотри на меня упырем! Я должен был убедиться. Кстати, имей в виду: до тех пор, пока привлекший внимание купца человек находится в доме, фантом привязан именно к нему. Но стоит только всем выйти, как предпочтения духа тут же меняются, и в следующий раз он укажет на любого, кто первым переступит порог. Зачем и почему – мне тоже непонятно. Но, думаю, вы и сами понимаете, что к убийству это не имеет непосредственного отношения.

– Хочешь сказать, если я сейчас туда войду, то тоже буду обвинен во всех грехах? – поинтересовался Готж.

– А ты проверь, – с усмешкой предложил Лардо и гостеприимно распахнул перед ним дверь. – Заодно и людей моих успокоишь.

Заместитель начальника городского сыска, не переступая порог, окинул быстрым взглядом прилавок и висящего над ним призрака, палец которого был направлен в сторону ведущей на второй этаж лестницы, и задумчиво кивнул.

– Арт, сколько понадобится времени, чтобы осмотреть дом с помощью магии?

Я удивился.

– Мы разве не будем ждать Хога?

Готж с досадой поморщился.

– Будем. Но в принципе?

– Понятия не имею. А пока я хотел бы прогуляться по округе.

– Валяй, – со вздохом согласился Готж. – Хог уже едет.

Да, таковы были правила: поскольку моя сила стирает практически все магические следы, на месте преступления я работаю в последнюю очередь. Точнее, сразу после городского мага. Исключение составляет лишь осмотр тела, при условии, что рядом с ним я не контактирую с Тьмой напрямую.

Уже снимая перчатки, я спохватился и, обернувшись, спросил:

– Эй! А Йен-то сегодня будет?

– Нет, – отмахнулся Нодли, привычным жестом пригладив свои роскошные усы. – Болеет он – лихорадка свалила. Третий день из дома не выходит.

Представив, как тяжело деятельная натура Норриди переживает заключение в четырех стенах, я мысленно присвистнул. Однако от идеи навестить болящего сразу отказался – Йен лучше сдохнет, чем признается, что ему плохо. Скорее всего, узнав о деле, он из последних сил притащится в Управление и будет тухнуть в своем кабинете, не желая даже на миг потерять контроль над ситуацией.

Упрямец. Совсем как Лен…

Встряхнувшись, я торопливо стер из памяти непрошеный образ брата и, тронув перстень, хрипло позвал:

– Жук, Грем, на выход! Для вас есть работа.

* * *

В общей сложности на улице я проболтался около свечи и видел, как к дому убитого подъехал еще один экипаж, откуда выбрались наш второй сыскарь, мальчишка-писарь и два наемных работника. Вскоре после них прикатила двуколка Гордона Хога, которого, судя по заспанному виду, вытащили прямо из постели, да еще, похоже, не дали позавтракать. Его и Чета временно объединившееся начальство сразу же загнало в лавку убитого, а остальных отправили в помощь городской страже – допрашивать соседей.

Поскольку время было раннее, то в некоторые дома приходилось стучаться по четверть свечи. В трех из них стражникам вообще никто не открыл. А из остальных друг за другом выходили сонные люди, на лицах которых при виде обилия сине-белых мундиров тут же появлялось одинаковое беспокойно-растерянное выражение.

Как правило, это были обычные работяги, отцы семейств и изрядно недовольные вторжением одинокие мужчины, за которыми, если верить аурам, не числилось тяжких грехов. Или зябко кутающиеся в халаты женщины, которые, перехватив мой взгляд, поспешно осеняли себя охранным знаком и, уронив взгляд, шепотом предлагали гостям войти, чтобы не беседовать на сквозняке.

Немногочисленные прохожие, заметив мою фигуру с выбившимися из-под шляпы белыми волосами, торопились свернуть на соседнюю улицу – мрачная слава бежала впереди меня, избавляя от соглядатаев надежнее, чем униформа Управления. Другие, обнаружив неестественное оживление на улице, напротив, задерживались, но, быстро смекнув что к чему, тоже ретировались. У некоторых, впрочем, любопытство все же пересиливало страх, поэтому, проходя мимо злополучного дома, они так и норовили заглянуть в окна или подсмотреть в дверную щелочку. А одному даже взбрело в голову подойти к дежурящему на крыльце дюжему молодцу и начать его о чем-то расспрашивать.

Стражник сперва отмахнулся от зеваки, выразительно указав на экипаж Управления. Но потом, к моему удивлению, прислушался, остановил принявшегося активно жестикулировать

мужчину и позвал Лардо. Тот тоже заинтересовался посетителем, принялся о чем-то долго и обстоятельно его расспрашивать, не обращая внимания на поднявшийся ветер. И в общей сложности проторчал на крыльце с полсвечи, отпустив явно разочарованного прохожего только тогда, когда из лавки вышел Хог и сообщил, что закончил.

Ну наконец-то!

Я ускорил шаг, больше не желая мерзнуть на улице, но возникшая прямо у меня перед носом полупрозрачная дама в ярко-красном платье заставила повременить с возвращением.

– Арт, мы осмотрели ближайшие дома, – не скрывая разочарования, сообщила леди Камия. – Комнаты, крыши, чердаки, подвалы… Но тела нигде нет. Жители обычные. На появление стражников и сыскарей никто из них не начал паниковать – просто встревожились, но все было вполне естественно.

– Зато какой я тайник нашел на втором этаже одной старушки! – мечтательно протянул возникший рядом с леди Грем. – Там колечек, наверное, на целый Дом Радости наберется. А цепочек – и того больше. А сколько камешков… бабка, кстати, о кладе не знает – судя по слою пыли, в тайник уже пару веков не заглядывали. Так что имей в виду, Арт – если она помрет, ты сможешь со спокойной совестью обчистить дом и сказать, что нашел сокровище случайно.

– Если ты о госпоже Либман, то у нее есть внук, – проследив за взглядом старика, устремленным на стоящий напротив лавки домишко, вполголоса сообщил я.

– Ну и что? И внуки, бывают, умирают раньше времени!

Я с сомнением покосился на внезапно озаботившегося моим благосостоянием призрака. Подметил в его глазах искорки нездорового интереса, но не стал ничего отвечать.

Странный он какой-то сегодня. Ни слова возражения с самого утра, ни попытки саботировать расследование, ни гневных воплей… за три года, что я ношу перстень учителя, это первый случай, когда мне не хочется развеять гаденыша в прах. Где-то, наверное, кошка сдохла? Или я слишком напугал его в прошлый раз?

– В общем, мы зря потратили время, – с сожалением вздохнула леди Камия, заставив меня отвлечься от раздумий. – Арт, ты уверен, что это не повторение истории со шкатулкой?

Я качнул головой.

– Жрец поклялся именем своего бога, что она больше нигде не всплывет. И я склонен ему верить.

– Тогда мне больше нечего сообщить. Жук, ты что-нибудь

нашел в доме покойного?

Вернувшийся позже всех мальчишка виновато на меня глянул и неожиданно замялся.

– Я… извини, Арт, я не смог осмотреть его изнутри.

Вот уж когда мои брови взлетели высоко вверх.

– Как это?

– Прости. – Пацан сжался, словно его собирались побить, и втянул голову в плечи. – Я понимаю, что это очень важно. И я пытался… честно… несколько раз к нему подходил, но просто не смог туда войти. У меня не хватило духу.

Я замер на середине шага, леди Камия, которой я поручил просмотреть все дома по правую руку от лавки, изумленно округлила глаза, а подозрительно смирный старик, которому было велено проверить дома по левую руку, провернулся вокруг своей оси так, что седые лохмотья взметнулись выше головы, и с неожиданной яростью уставился на расстроенного мальчишку.

– Ты что сделал?!

На месте старого хмыря вдруг образовалось небольшое торнадо и свирепым вихрем нависло над съежившимся пацаном. Никогда такого раньше не видел – сегодня Грем сумел меня удивить дважды. Я даже не знал, что у него хватит сил на нечто подобное – образованная им воронка в мгновение ока разрослась до трех шагов в основании! А верхушка, размеры которой превышали основание вдвое, недвусмысленно склонилась над несчастным мальчишкой, словно гигантская пиявка, готовая вот-вот подцепить его острыми зубами.

– Ослушался хозяина?! – в раскручивающемся вихре и в самом деле сверкнули два раскосых желтых глаза. А голос стал шипящим, как у раздраженной змеи. – Да как ты посмел?!

– А ну-ка, цыц, – рыкнул я, ничего не понимая в происходящем. – Грем, место! Камия, угомони его, пока не упокоил я! Жук… не бойся – никто тебя не тронет. И скажи мне нормально: почему ты не смог войти в дом?

Мальчишка, кинув панический взгляд на торнадо, действительно напоминавший внешне разъяренную змеюку, запинаясь, ответил:

– Там слишком страшно.

Грем вздрогнул всем телом и внезапно исчез.

– Что именно тебе показалось страшным? – нахмурился я, заметив, как Лардо отпустил городского мага и требовательно махнул мне рукой. – Что ты почувствовал?

– Холод, – поежился Жук. – И страх… мне действительно стало страшно там. Так, будто внутри ждало что-то нехорошее.

И вот тогда я всерьез обеспокоился: духи и призраки не

ощущают перепадов температур. У них нет обоняния, осязания или иных органов чувств, какими привыкли пользоваться люди. Они даже видят и слышат иначе, чем живые. И не испытывают страха, потому что ничто в НАШЕМ мире не способно им навредить. Ну, кроме меня, конечно.

Но ведь что-то напугало мальчика?

– Что ещё можешь припомнить, Жук? – еще больше нахмурился я, напряженно оглядывая подозрительный дом.

– Это проявляется не сразу, – тяжело вздохнул дух-служитель. – Но чем ближе подходишь, тем больше становится не по себе. Сперва будто легкий ветерок дует в лицо, словно говоря: остановись. Потом это уже не ветер, а густая патока, сквозь которую приходится продираться с трудом. А возле двери вообще сплошная стена. И холод… как будто я снова оказался в переулке, где меня ждали те гады с ножами… я почувствовал это тогда. И сегодня ощутил снова. Разве такое возможно, Арт?

Я сузил глаза.

– Любой может почувствовать приближение Смерти. Правда, обычно это случается слишком поздно… Возвращайтесь. Я проверю сам.

– Не надо, – вдруг загородил мне дорогу так же внезапно вернувшийся Грем. Уже в человеческом виде, в лохмотьях, но невероятно серьезный и настолько встревоженный, что я поневоле проникся.

Фол! Да что сегодня творится с моими призраками?!

– Не ходи туда, – настойчиво повторил старик, словно не заметив, как его соседи беззвучно исчезли, до последнего сохраняя на полупрозрачных лицах выражение искреннего изумления. – Я умею чувствовать лучше, чем они. Не ходи туда, Арт.

– Поясни, – потребовал я, натягивая перчатки на озябшие руки.

– Дом опасен, – торопливо добавил Грем, словно боясь, что я передумаю. – Я проверил дверь, окна и готов поклясться, что совсем недавно там было что-то… или кто-то, оставивший после себя тот след, который почувствовал Жук. Ты его не ощущаешь… прости, но ты еще не очень опытный маг. А я много лет помогал Этору и видел такое, за что меня следовало бы казнить во второй раз. Но я, как и Жук, не смог туда войти! Арт, поверь, в этом доме побывала не только Смерть… это нечто совсем иное! Там пахнет тленом, Арт. И я готов поклясться, что ЭТО не принадлежит миру живых. Какая-то сущность… древняя, могущественная и невероятно опасная… недавно навещала этот дом!

Я небрежно стряхнул нападавшие на плечи снежинки.

– Что за сущность?

– Не знаю, – беспокойно дернулся призрак. – Мне заказан путь на ту сторону.

Да. По закону подлости, дух-служитель не может вернуться туда, откуда был призван, иначе развеется за несколько мгновений.

– Но сейчас этой сущности нет? – уточнил я, поправляя шляпу.

– Зато запах совсем свежий. А ты пока не готов к таким встречам.

– Хорошо, я услышал. А теперь возвращайся, – повторил я, и Грем медленно растаял в воздухе следом за остальными.

– Твоя очередь, Рэйш. Я закончил, – бросил, проходя мимо меня, Гордон Хог. Все еще недовольный, раздраженный и почему-то уставший так, будто только что самолично перекопал всю землю в огороде купца в поисках несуществующего клада. – Магии там нет. Но одну вещь могу сказать точно – непосредственно перед смертью купец находился в доме. Остаточные следы его ауры сохранились достаточно хорошо, чтобы утверждать, что до полуночи он был жив.

– А потом?

Хог скривился.

– Потом – не знаю. Однако наружу он не выходил – следов на улице нет. И, если верить людям Лардо, то не только купец не покидал лавку после полуночи, но и внутрь никто, кроме явившегося под утро подмастерья, не заглядывал. Такие вот дела.

Я проводил уходящего мага внимательным взглядом, а потом, подметив еще один выразительный жест Лардо, все-таки направился к дому, на ходу призывая силу, чтобы взглянуть на то, о чем говорили мои духи.

Тьма откликнулась мгновенно, будто только и ждала, когда я позову. Мягко обняв меня за плечи, разлетелась черными волнами во все стороны. Обдала спину порывом холодного ветра, игриво взлохматила волосы на затылке, легла на мои глаза непроницаемым покрывалом ночи, а потом неожиданно расступилась, и… мне вдруг стало ясно, что не только с домом и призраками в нем происходит что-то странное.

Кажется, у меня тоже наметились проблемы. Причем намного более серьезные, нежели говорил Грем.

Глава 3

На первый взгляд, вокруг мало что изменилось – все та же улица, две вереницы смотрящих друг на друга домов, тонкий слой снега, укрывающий прямую, как стрела, дорогу, и нечеткие силуэты, тут и там расцвечивающие пространство бесформенными серыми пятнами. Затянутое тучами небо, тяжелой тушей нависнув над притихшим городом, по-прежнему выбрасывало вниз колючими снежинками. И все так же мерзко завывал между домов ветер, который, резко усилившись, стал пробирать до костей.

Вот только сам город словно постарел лет на триста: на месте жилых домов теперь стояли обгоревшие, припорошенные снегом руины. Потемневшие от дождей и ставшие одинаково черными стены зияли неровными дырами. Крыши домов провалились, обнажив изъеденные временем балки. Сквозь разбитые стекла виднелись такие же почерневшие, словно опаленные неведомым пламенем комнаты, в которых царила полнейшая разруха.

Но самое неприятное заключалось в том, что вокруг меня больше не было ни единой живой души – там, где мгновение назад ходили люди, теперь находились их бледные подобия. Призраки. Полупрозрачные тени, которые деловито сновали возле самого моего носа, не замечая ни меня, ни моей растерянности. И даже, кажется, не подозревая о моем существовании.

Вот от дома напротив отделился рослый силуэт с размытым лицом, в котором я с огромным трудом признал Лардо Вейса. Покрутившись на месте, он неуверенно направился в мою сторону, размахивая руками и указывая кому-то на место, где я стоял. Прошел мимо раз, второй, третий, кажется, что-то при этом бормоча. Затем вернулся к другому призраку, очертаниями напоминавшего Готжа. Они заспорили, отчаянно жестикулируя и нервно притопывая на одном месте. Но слов я почему-то не расслышал. Да и вообще вокруг было подозрительно тихо. Ни криков, ни плача, ни звуков голосов, ни хлопанья дверей, ни скрипа снега под ногами, ни даже сводящего с ума тихого шепота. Верль будто вымер, наполнившись вместо людей полупрозрачными тенями. А из живых остался только я, недоуменно озирающийся посреди опустевшей улицы.

Со мной никогда не случалось ничего подобного – Тьма всегда была черна, холодна и абсолютно непроницаема. В Ней не было настоящего неба, солнца, домов и вообще ничего, кроме пустоты, пробирающего до костей холода и зловещего эха. Тьма

ревниво хранила свои секреты, пряча лицо под темным покрывалом, и всякий раз смыкалась так плотно, что я чувствовал себя запертым в тесной клетке, из которой был один-единственный выход.

И я пробивал его… настойчиво продавливал собственным телом, каждый миг чувствуя, как Ее острые зубы раз за разом вонзаются в плоть, яростно выгрызая оттуда целые куски.

Однако сейчас Тьма не отталкивала меня. Не пугала и не давила на плечи невыносимой тяжестью. Похоже, Фол выполнил свое обещание – я перестал быть для Нее чужим. И это сулило… что? Новые открытия? Очередные проблемы?

Дословно вспомнив последний разговор с отцом Лотием, я подумал, что напрасно не зашел в храм после посвящения. И совершенно зря за прошедшие несколько недель ни разу не воспользовался… хотя бы ради интереса… силой. Да, за это время поводов для призыва не было, но, возможно, тогда сегодняшнее происшествие не стало для меня таким неожиданным. И я не стоял бы дурак-дураком, пытаясь понять, что делать.

Впрочем, жрец никуда не денется, и ответы я с него обязательно стрясу. Да и учитель вскользь упоминал, что отнюдь не для всех магов Тьма остается непроницаемой. Но тогда тем более стоило воспользоваться Ее любезностью – я же не просто так сюда пришел?

Перестав обращать на «призраков» внимание, я огляделся и уверенно двинулся к лавке господина Игоора. Преобразившийся в худшую сторону фасад меня не смутил – подумаешь, двери больше нет, а окна выбиты каким-то забиякой? Отсутствие крыши тоже было не страшно – чтобы спастись от пронизывающего ветра, хватит и стен. Обрывки занавесок, примерзшие к остаткам оконной рамы, и вовсе ерунда. А вот оглушительный скрип снега под моими ногами, больше похожий на выстрелы из боевого жезла… и опечатки сапог, просто вопиющие о присутствии здесь живого… это было неприятно.

Оглянувшись на ровную цепочку следов, протянувшуюся от дома госпожи Либман, я понадеялся, что на них в ближайшее время никто не наткнется, и поднялся на крыльцо, пройдя прямо сквозь стоящего у входа парня из городской стражи. Его лица, естественно, не разглядел, но это было не так важно – я вполне освоился на новом месте. И, оказавшись в холле, уже по-хозяйски огляделся, ничуть не удивившись тонкому слою снега на полу, покрытым изморозью стенам и полному отсутствию призрака господина Игоора, чей скорбный вид так смущал меня в реальности.

Как известно, единовременно духи способны находиться только в одном мире, и купец почему-то выбрал мир живых. Так что следов его пребывания в среди мертвых и не должно было быть.

Все остальное существенных изменений не претерпело: прогнувшийся в центре прилавок, просевший шкаф с частично обрушившимися полками и полусгнившими рулонами, криво висящее зеркало в дальнем углу… даже остовы кресел и столика находились именно там, где я помнил. Дом, конечно, вымерз изнутри, снег лежал даже на ступеньках ведущей на второй этаж лестницы, но в целом все выглядело также, как и раньше.

Помня наставления учителя, я первым делом прошелся по комнате и установил по четырем сторонам света останавливающие знаки. Мало ли, что за твари обитают в этом месте? Мастер Этор всегда рассказывал об этом неохотно, будто речь шла не о возможной угрозе для жизни, а о какой-то мелочи. Я никогда этого не понимал. И злился, слыша настойчивые заверения в том, что унизительная слепота, поражающая меня во Тьме – это ещё и своеобразная защита. Дескать, пока не вижу я, не видят и меня. А раз не видят, то не воспринимают как добычу…

Впрочем, даже того, что я сумел выудить из упрямого старика, с лихвой хватало, чтобы поспешить с защитой: образующаяся знаками сеть, готовая накрыть всю комнату защитным куполом, должна была уберечь меня от атаки с улицы, а Прах, который я предусмотрительно добавил на окна и в дверной проем, мог испепелить любую тварь, которая попробует сюда прорваться.

Обезопасив таким образом тылы, я осмотрел первый этаж, уделив особое внимание углам и захламленной кладовке. Ничего интересного, разумеется, не нашел, кроме истлевшей одежды и резко постаревшей мебели. Но потом наткнулся возле лестницы на несколько впитавшихся в снег алых капелек и настороженно замер. После чего, присев на корточки и растерев между пальцами слипшиеся комочки снега, лизнул повлажневшую перчатку и тут же сплюнул.

Кровь. Причем, судя по всему, свежая. Но откуда ей взяться, если никого из живых тут просто быть не могло?

Выпрямившись, я сжал кулаки, одновременно активируя нанесенные на ладони знаки Боли и Окаменения, после чего, проклиная про себя скрипучие ступеньки, поднялся на второй этаж. По пути заметил ещё несколько алых капелек, почти скрывшихся под нападавшим сверху снегом. Наконец, уловил знакомый запах, осевший на языке горьковатым привкусом, и со всей ясностью понял, почему мы не нашли труп господина

Игоора.

Как выясняется, в том доме, где искали сыскари, его попросту не было, несмотря на заявление Хога, что купец до последнего мига находился внутри. Даже я ничего не почуял, потому что Смерть подстерегла свою жертву где-то здесь. В ДРУГОМ доме. Или на другой… если угодно, темной стороне. На втором этаже, откуда тянуло хорошо узнаваемой горечью.

Как и почему тут оказался смертный – дело десятое. Но я, когда выберусь, обязательно выясню, у кого хватило наглости затащить сюда живого человека.

Поднявшись наверх и оказавшись в полуразрушенном коридоре, над которым мрачно нависало темно-серое небо, я глубоко и как можно медленнее вдохнул, ища источник мерзкого запаха. Затем, стараясь не шуметь, направился во вторую комнату, откуда, как мне показалось, воняло сильнее. Заглянул за скособенившуюся дверь, на которой красовались отпечатки чьих-то огромных зубов, и… беззвучно выругался, крайне непочтительно отозвавшись об учителе, так мало рассказавшем мне об обитателях этого непонятного места.

Одно хорошо – тело господина Игоора я все-таки нашел. Оно лежало неподалеку от входа, небрежно брошенное на обломки… ну, видимо, кровати. Промерзшее насквозь, покрывшееся крохотными кристалликами льда. Безголовое, разумеется, лежащее в такой же замершей луже крови, но одетое в узнаваемый зеленый кафтан и те самые щегольские сапожки, на которые я обратил внимание ещё при первой встрече. Одна рука у купца была оторвана, обгрызена почти до костей и валялась возле дальней стены. Вторая рука и ноги еще оставалась на положенном месте, но, судя по плачевному состоянию трупа и тому, в каком количестве вокруг него собрались местные жители, это было ненадолго.

Надо сказать, гулей я видел вживую впервые и до этого момента искренне полагал, что они несколько меньше и не столь отвратительны на вид. Картинки, к сожалению, несколько приукрашивали действительность, так что впечатления от реальности оказались намного более мерзкими, чем я ожидал.

Попробуйте себе представить гигантскую крысу ростом с новорожденного теленка. Потом сдерите с нее шкуру, стешите топором большую часть темени и затылка, затем тресните плашмя по морде… только хорошенько, чтобы она сплющилась и стала ровной, как дно у сковородки. Проковыряйте в ней широкую щель и вставьте в получившуюся пасть четыре с половиной десятка треугольных зубов, расположенных в два ряда. Затем снабдите эту тварь длинными когтями. Обрубите ей хвост у

самого основания. Заставьте пустые глазницы светиться зловещими зелеными огнями, подарите ей способность гнусаво курлыкать при виде будущей жертвы, и… готово! Перед вами – гуль обыкновенный.

А теперь представьте, что таких тварей перед вами не одна, а сразу три, и все с радостным предвкушением смотрят на дверь, одновременно принюхиваясь к запаху свежатины. И вот тогда поймете, какие чувства я испытал, мельком заглянув в злополучную комнату.

Исходя из того, что мне было известно об их привычках, действовать пришлось быстро: сперва вышибить ногой болтающуюся на соплях дверь, обратить на слезших с трупа тварей объятую серебристым пламенем ладонь. Затем начертать перед собой символ Праха и облегченно выдохнуть, когда окаменевшие гули стремительно осыпались на пол тремя горками пыли. После этого ворваться внутрь, на ходу выхватывая из ножен клинок с вытравленным знаком Разделения на лезвии. Рывком оторвать от досок примерзшее тело. Еще одним рывком взвалить похрустывающую ношу себе на плечо и, уже не заботясь о производимом шуме, вернуться к лестнице. Кубарем скатившись в комнату первого этажа, активировать поставленную защиту буквально за мгновение до того, как наверху послышалось новое курлыканье сразу на несколько голосов, а по шатающейся лестнице царапнули невидимые когти.

Мгновением позже такое же курлыканье раздалось и на улице. Ему почти сразу ответили голоса из соседнего дома и, кажется, даже сверху. Потом по свежей поземке пробежались чьи-то быстрые лапы, с хрустом взломав намерзшие на лужах льдинки. Кто-то возбужденно засопел, наверняка обнаружив возле дома следы моих сапог. Следом за этим возле двери, перекрытой Прахом, мелькнуло с пяток стремительных силуэтов, а мгновением позже на крыльце нарисовалась ещё одна троица жадно облизывающихся гулей, один из которых при виде меня радостно вякнул и, задрав кверху уродливую морду, издал громкий протяжный рык.

Я лихорадочно огляделся.

Фолова бездна! Вот это я попал!

Учитель как-то обмолвился, что любой шум отзывается во Тьме долгим и весьма громким эхом. Поэтому топать ногами, громыхать железом и просто говорить вслух здесь не рекомендовалось. А применение магии и вовсе походило на звучание медного гонга, оповещающего всех заинтересованных о том, что во Тьме появилась долгожданная добыча. Местные жители слышали его издалека и поспешно мчались на зов,

соревнуясь друг с другом за право первого укуса. И горе тому неумехе, кто, потревожив их, не сумел бы вовремя сбежать.

Я, к слову сказать, почти сумел. Но, будучи не готовым к «теплой» встрече, оказался ограничен рамками своего же собственного заклинания. Наличие которого, безусловно, только что спасло мне шкуру, но при этом произвело столько шума, что скоро тут народу будет не протолкнуться.

Стоило ли оно того, я, откровенно говоря, затруднялся ответить, но в самый первый момент шкура показалась мне дороже тишины. А имея при себе всего два метательных ножа и довольно ограниченный запас магии, надеяться на счастливую случайность было самонадеянно. Поэтому я пожертвовал анонимностью ради спасения своей персоны и только потом пожалел, что не прислушался к совету старого призрака.

Убедившись, что защита работает прекрасно, а гули не лезут напролом, я, рискнув здоровьем еще разок, на мгновение ослабил защиту. После чего поднатужился и, чуть не порвав сеть неосторожным движением, вытолкнул изрядно обглоданного купца в реальный мир, успев вернуть ее на место до того, как встрепенувшиеся гули почуяли слабину.

Надеюсь, Лардо и Готж приятно удивятся, когда господин Игоор рухнет на прилавок, и помянут меня добрым-предобрым словом, если, конечно, узнают, кто их облагодетельствовал.

Ничем другим я, увы, помочь им не мог. Хотя, если честно, с огромным удовольствием свалился бы им на головы вместе с трупом – компания оголодавших гулей меня совсем не привлекала. Но сложность заключалась в том, что выход в реальность требовал сосредоточения и хотя бы толики времени. А ни того, ни другого я себе позволить не мог. Более того, даже при удачном стечении обстоятельств я не смог бы уничтожить всех собравшихся вокруг дома тварей: их оказалось слишком много. А понимание того, что новое применение знаков привлечет сюда других гостей, делало ситуацию совсем удручающей.

От невеселых размышлений меня отвлекло голодное урчание на лестнице.

Я с раздражением посмотрел на скрючившегося на одной из ступенек гуля – мерзкая тварь, с трудом уместившись на своем насесте, спокойно сидела возле самой защиты и неотрывно смотрела прямо на меня. Чуть выше нетерпеливо скребли лестницу ещё две уродливые сволочи. Третья с жадностью принюхивалась сверху. Несколько гулей с трудом балансировали на полусгнивших перилах. Кто-то метался по второму этажу, клацая когтями по деревянному настилу. Затем начал исступленно раздирать его на части, стремясь добраться до меня

через потолок. Где-то через десяток ударов сердца сумел-таки выломать одну доску, но наткнулся на матово мерцающий купол защиты и отпрянул, оглашая весь дом раздраженным рычанием, тут же подхваченным с улицы.

Возле двери, насколько я мог видеть, собралась целая стая, которая сновала туда-сюда в надежде отыскать уязвимое место в защите. Самые наглые даже рискнули сунуться в дом и тут же опали на землю кучками свежего праха.

Моих сил после этого заметно убавилось, но ещё на полсвечи их должно было хватить. Даже с учетом постоянно работающей охранной сети и того, что с каждым мгновением к дому подбиралось все больше и больше тварей.

Я мрачно покосился на беснующихся снаружи тварей.

Если меня сожрут, Хог наверняка обрадуется, заказчик убийства Лена останется безнаказанным, отец Лотий искренне пожалеет, что не убил меня собственноручно на алтаре, а его неприветливый бог лишится одного из своих посвященных просто по той причине, что тот, как выяснилось, так и не научился рассчитывать собственные силы.

Образ сурового владыки ночи вдруг предстал передо мной с такой четкостью, что я поневоле вспомнил, каким образом прошел посвящение. Недовольное лицо жреца, больше похожего на наемного убийцу, мягкие объятия темноты, принявшие в себя мое измученное сознание. Тихое потрескивание свечей, озаряющих неверным светом высеченное в черном камне огромное лицо, на какой-то миг ставшее для меня единственной опорой, не позволяющей сорваться в бездну…

И тут внезапная догадка чуть не заставила меня застонать от досады.

– Кретин! – я с досадой хлопнул себя по лбу и, зажмурившись, воссоздал перед внутренним взором образ своего… ну, теперь уже – своего бога. Таким, каким его изобразили в храме. И каким я ОЧЕНЬ СИЛЬНО пожелал его увидеть, одновременно стремясь к нему всей душой.

На удивление, сделать это оказалось намного проще, чем в прошлый раз – стоило только подумать о Фоле, как на мои плечи легла знакомая тяжесть. Лицо обдуло порывом ледяного ветра, но боли почти не было. Да и в разум больше не врывались чужие голоса: Тьма обошлась со мной милосердно. Пожалуй, только холода вокруг прибавилось, но с ним я уже научился мириться. А, ощутив Ее осторожное прикосновение, облегченно вздохнул и, помня о том, скольких усилий мне стоило пробиться к храму в прошлый раз, мощным рывком рванулся к цели.

Признаться, я до последнего ожидал яростного

сопротивления, ураганного ветра, леденящего кровь воя или ещё чего-то подобного. Своего рода испытания на прочность. Просто реакции на эту неслыханную, уже дважды повторенную дерзость. Но Тьма спокойно расступилась передо мной, открывая дорогу, и даже легонько подтолкнула в спину, сопроводив это действие едва слышным смешком.

В итоге меня швырнуло вперед невесомой пушинкой, в мгновение ока перенеся из окруженного гулями дома в центр города. Слегка приподняло над землей, будто издеваясь над моей беспомощностью и отвечая на длинную непечатную тираду, невольно исторгшуюся из моей глотки. А потом со всего размаху бросило на твердое. Причем с такой силой, что из меня в буквальном смысле вышибло весь дух.

Пришел я в себя лежа на полу, у основания знакомой до боли статуи Фола, распластанный перед ней, как промахнувшийся мимо жертвы ястреб, на полном ходу грудью ударившийся о землю. С той только разницей, что меня не размазало по плитам, а всего лишь поцарапало при приземлении. Так что затылок теперь немилосердно саднило, как минимум в паре ребер образовались трещины, а правую бровь после тесных объятий с постаментом рассекло так, что мое лицо оказалось залито кровью до самого подбородка.

Счастье еще, что в такую рань внутри не оказалось прихожан, поэтому никто не увидел моего позора. Так что я смог с кряхтением подняться и, оперевшись на алтарь, отдышаться, не слишком обращая внимания на то, куда именно попадает обильно льющаяся кровь.

– Это что, жертва? – вдруг насмешливо спросили у меня за спиной. – Неужто ты решил, наконец, вспомнить о своих обязанностях?

– Перебьетесь, – буркнул я, обернувшись и хмуро взглянув на чем-то очень довольного отца Лотия. – Просто по пути было.

Жрец, рассмотрев меня во всей красе, стер с лица неуместную улыбку и сокрушенно покачал головой.

– Эх, Рэйш…

После чего подошел и, выудив откуда-то чистую тряпицу, приложил к моему лицу.

– Ничему-то ты не учишься. Вместо того, чтобы врываться сюда и тревожить покой Фола, мог бы просто попросить. Разве это так сложно?

Я поморщился.

– Сколько сейчас времени?

– А сколько было, когда ты в последний раз призывал Тьму?

– Почти рассвело.

– Можешь гордиться: мы ещё не открывали врата храма, – с новой улыбкой сообщил жрец, и я озадаченно нахмурился.

Не понял… по заведенному порядку двери обители богов открывались строго на рассвете. Но, когда я зашел в лавку, на горизонте уже появились первые золотистые стрелы. Это что же, получается, я провел в доме всего несколько мгновений?!

– Тьма тебя любит, – подтвердил мою догадку святой отец. – Ее время течет для тебя гораздо медленнее, чем в реальном мире. Цени.

Я чуть не фыркнул. Но в этот момент из рассеченной брови снова хлынула кровь, заставив отвлечься. А затем мне стало не до колкостей, потому что заляпанный алыми пятнами алтарь внезапно вспыхнул багровым огнем и очистился. Ни крови, ни пятен, ни следов моих пальцев на нежной ткани, закрывающей холодный камень почти целиком. Просто раз – и готово. Очень удобный способ уборки.

Когда светопреставление закончилось, жрец смерил меня задумчивым взглядом.

– Твое подношение принято. И это необычно.

Я отобрал у него окровавленную тряпку и приложил ко лбу.

– Будем считать, что я сказал «спасибо», а Фол услышал.

– Я имел в виду другое.

Я тщательно вытер лицо и, убедившись, что кровь больше не идет, убрал тряпку в карман. Пусть не надеется, что оставлю ее тут – принесут, понимаешь ли, в жертву, а я потом знать не буду, где и что вдруг всплывет.

– Когда-нибудь, святой отец, вы обязательно расскажете мне подробности. Но сейчас, простите, я должен идти. У меня осталось незаконченное и очень важное дело.

– Конечно. Но имей в виду: о некоторых изменениях в твоем теле больше никто тебе не расскажет.

– Каких изменениях? – подозрительно прищурился я.

– Разных, – уклончиво отозвалась эта бритая сволочь. – К примеру, ты начнешь лучше переносить холод. Станешь меньше нуждаться в еде. Будешь более выносливым… Фол дает немалые преимущества своим последователям.

Я ненадолго задумался.

Насчет холода отец Лотий, пожалуй, не врет – я сегодня целую свечу проболтался на морозе и совсем не замерз. Да и во Тьме чувствовал себя более чем неплохо. Сокращение пищевого рациона мне тоже по душе – неблагодарное брюхо все время хочет жрать, так что я здорово сэкономлю, если его бурчание станет менее интенсивным. А насчет всего остального… мне показалось, или этот хитрец о чем-то умалчивает? Да и о магии

его стоит хорошенько расспросить.

– Я вернусь, – твердо пообещал я, глядя в непроницаемые глаза жреца.

– Я буду ждать, – едва заметно кивнул он, заботливо поправив сбитую мной жертвенную чашу на алтаре, и величественно удалился.

Глядя ему в спину, какое-то время я колебался, борясь между стремлением выяснить все и сейчас и желанием допросить еще одного неразговорчивого мерзавца, знающего о моей проблеме не немногим меньше, а то, может, и побольше жреца. Потом рассудил, что здесь меня сами приглашают, тогда как ТУДА могут однажды и не пустить. Подумал, что из этих двух типов второй может и не дождаться, поэтому все-таки оставил Лотия на закуску. А затем вышел из храма, свистнул скучающему кебмену, и, запрыгнув в экипаж, отправился в порт.

Глава 4

В последний момент я передумал и все-таки заскочил в Управление городской стражи. Наши, разумеется, еще не вернулись, так что стучаться к своим было бесполезно. Поэтому я черкнул Готжу короткую записку, чтобы он знал откуда труп, непрозрачно намекнул, что иду по следу, и, оставив ее дежурному, отправился по своим делам.

Мастер Ниро раннему визиту ничуть не удивился. Старики вообще плохо спят по ночам, так что я напрасно опасался, что мое появление испортит ему настроение. Напротив, одряхлевший маг оживился, когда я постучался в его дверь, и охотно снял защитные заклинания, позволив войти.

– Раненько ты вернулся, – проскрипел он, когда я перешагнул порог его комнаты. – Думал, раньше, чем через год-два не появишься.

– Почему это? – поинтересовался я, без спроса занимая единственный свободный стул.

Сидящий в кресле старик усмехнулся.

– Не дорос ты пока до настоящих вопросов. Но, видимо, я все же ошибся. Или что-то произошло? Что-то, с чем ты не смог разобраться сам, поэтому явился к старому пердуну за советом.

– Скорее, второе. Но, возможно, вы себя переоцениваете.

– Наглец, – хрипло каркнул мастер Ниро, окинув меня цепким взглядом. – Но наша порода вся такая. К тому же, мне тоже хотелось задать несколько вопросов по поводу твоего учителя… честный обмен, не находишь?

Я, поразмыслив, кивнул.

– Пожалуй. Кому начинать?

– Уважь старика, если не трудно, – надсадно закашлялся маг, поднеся к лицу мятый платок. – А потом я попробую ответить на твои вопросы.

– «Попробую» меня не устраивает, – сухо отозвался я. – Обещайте рассказать все, что знаете, иначе мы не договоримся.

– Шустрый какой. Всего я даже королевским палачам не смогу рассказать, так что давай ограничимся тем, что я правдиво отвечу на твои вопросы.

– Не согласен. Правдиво можно ответить «да» или «нет» и ограничиться только этим. Поэтому вы честно и подробно расскажете обо всем, что меня интересует. А взамен… из уважения к вашему опыту я сделаю это первым… я отвечу на ваши вопросы. Все, о чем учитель не запретил мне говорить. На мой взгляд, это будет справедливо.

Старик хмыкнул и неожиданно расслабился.

– Идет. Расскажи, как когда умер Этор?

Я улыбнулся.

– Я не видел.

– Почему? – нахмурился Нииро. – И как ты тогда получил его перстень?

– Он отправил меня во Тьму. Как обычно, показал след и велел не возвращаться, пока не найду источник. Вот только след оказался мертвым, поэтому я задержался. А когда выбрался, учитель уже не дышал. В руках у него лежал перстень и записка, в которой мастер… если говорить вкратце… поздравлял меня с успешным возвращением в мир живых и сообщал, что это было последнее испытание. Которое я, если смог прочесть эти строки, успешно преодолел и могу забрать его перстень в знак окончания ученичества.

– Что? – растерянно моргнул Нииро. – Этор отправил тебя по следу мертвеца?!

Я пожал плечами.

– Он часто так делал: там, где мы жили, мертвецов было в достатке. Просто след на этот раз оказался совсем свежим. И я не сразу понял, что он ведет во всех смыслах слова в могилу.

На лице старого мага проступило изумление.

– Ты – ищейка! И, судя по перстню, весьма неплохая! Так зачем он натаскивал тебя на мертвых?!

– Просто живых поблизости не оказалось, – понимающе ухмыльнулся я. – Поэтому учитель использовал единственный доступный материал.

– Куда же этот хрыч забрался, если даже королевские псы не сумели до него докопаться?

– Насчет королевских не знаю, а профессиональных убийц вокруг его хижины закопано немало. И не все из них еще успели полностью разложиться.

– Даже так? – задумчиво пробормотал Нииро, ненадолго прикрыв морщинистые веки. – Странно. Что же он тогда не поменял место жительства, если они напали на след? Из-за тебя? Ты знаешь, что на него долгие годы велась самая настоящая охота?

Я снова ощутил на себе внимательный взгляд.

– Учитель упоминал об этом.

– Почему тогда ты еще жив? И как он посмел назвать тебя учеником, если поклялся больше никогда не учить королевских сыскарей?

– Может, потому, что я не был сыскарем? Или потому, что я нашел мастера Этора сам? По почти выветрившемуся следу,

которому было много и много месяцев?

У старика дрогнули брови.

– Сколько тебе было лет, мальчик, когда ты рискнул нарушить его уединение?

– Девятнадцать.

– Так много? – неприятно удивился он. – Когда-то Этор не смотрел даже на тех, кому исполнилось десять. А ты… поздно открывшийся дар?

– Да.

– Причина?

Я спокойно взглянул в посверкивающие любопытством глаза мага.

– Месть.

– Весомо, – понимающе кивнул он. – Что-то натворил? Девица бросила? Предал лучший друг? Или, быть может, семья?

– Это имеет значение?

Мастер Ниро на мгновение запнулся, а потом, осторожно подбирая слова, добавил:

– Я очень хочу понять, почему Этор тебя выбрал. И почему именно ты… поздно созревший и так сильно опоздавший с полноценным ученичеством сопляк… заинтересовал его настолько, что он посвятил свои последние годы именно тебе.

Я на мгновение заколебался: отвечать на этот вопрос я не был обязан. С другой стороны, большой тайны в моем прошлом не было. Оно было горьким, это правда. Но ничего сверхординарного или загадочного я в нем не усматривал.

– Мне грозила плаха, – наконец, сказал я часть правды. – По ложному обвинению. Королевский суд не нашел доказательств моей невиновности, а оспаривать его вердикт оказалось некому. Правда, приняли это решение не сразу – сперва было довольно утомительное следствие, так что казни пришлось ждать долго. За это время я… скажем так, пересмотрел свои взгляды на жизнь и в назначенный день просто ушел во Тьму, спалив за собой все мосты.

– Значит, ты нашел убийцу? – с интересом сощурил глаза мастер. – На плаху отправляют только за это: смерть за смерть… Ты нашел тех, из-за кого тебя обвинили в убийстве?

– Я нашел исполнителя.

– Воспользовался новой силой?

– Да.

Старый маг глубоко вздохнул и, вынув руки из-под пледа, сложил их на груди.

– Любопытно. Сколько времени ты дожидался казни?

– Больше месяца.

– А сколько длилось следствие по твоему делу?

Я оскалился.

– Судебная система в Алтории весьма неторопliва, мастер. Но, думаю, вы и сами прекрасно это знаете.

– Хорошо, – послушно отступился Ниро. – Как долго ты искал учителя?

– Одну полную луну. Я понимал, что без наставника долго не протяну. Как и то, что найти официального учителя уже не смогу. Тогда я полагал, что за мной начнется охота, как за беглым преступником. Поэтому скрывался. И собирал слухи в надежде, что где-то найдется подходящий… может быть, уже немолодой, удалившийся от дел маг, которому окажется все равно, кем я был раньше.

– Где ты напал на след?

– Довольно далеко отсюда, – ответил я, почти не покривив душой. – Рыбаки подсказали, что в округе живет отшельник. Старый уже совсем, дряхлый… почти как вы… но старательно скрывающийся от людей и лишь изредка выходящий из своего лесного убежища. Один из тех парней смог его кое-как описать. Я его просто представил, шагнул во Тьму… и мой будущий учитель едва меня не прикончил, приняв за наемного убийцу. Когда стало ясно, что он ошибся, его слуги вышвырнули меня в ближайшее болото, чтобы не пачкал травку перед домом хозяина. Но я нашел его снова. Выполз из Тьмы у самого порога, волоча за собой какую-то присосавшуюся сущность. Мастер Этор ее прибил, а меня выходил, сказав, что такое упорство достойно вознаграждения. А когда изучил мои способности, решил, что у меня неплохой есть шанс не сойти с ума.

– Он не ошибся, – хмыкнул мастер Ниро, заглянув в мои бесцветные глаза. – Очень немногие знают, на что обрекает мага такой сложный дар, как наш. А в столь позднем возрасте здравый ум сохраняют единицы.

– Учитель тоже так говорил. Он поэтому и не хотел мной заниматься.

– Но все-таки передумал, – старик в очередной раз пристально взглянул на меня. – Сколько лет ты провел у него в обучении?

– Шесть с половиной.

– Сходится, – согласно кивнул Ниро, что-то посчитав в уме. – Ты что-то ещё получил от него в наследство, кроме перстня?

– Я ушел с пустыми руками, мастер. Тело я сжег, как и полагается. Перстень забрал. А из других вещей взять было просто нечего: ни книг, ни артефактов, ни даже записки, которая

сгорела сразу, как только я дочитал ее до конца.

– Жаль, – тяжко вздохнул маг. – Я надеялся, он сохранил хоть что-то… но Этор всегда был упрямым. И соблюдал только свои собственные правила. Впрочем, для охоты за сокровищами я уже слишком стар, хотя, можешь мне поверить, когда-то у твоего учителя была роскошная коллекция диковинок. Что-то он продал, когда покидал обжитые места, часть раздал бывшим ученикам, от которых потом отрекся. Некоторые вещи и по сей день всплывают на черных рынках от южных озер до самого Белого моря. Но большинство он просто уничтожил. А самые ценные вещи наверняка припрятал там, где никто, кроме него, не смог бы их найти. Жаль, что теперь они утеряны для мира… ты не солгал мне, мальчик. Поэтому я позволю тебе утолить любопытство так же, как ты сегодня утолил мое.

Я вопросительно приподнял брови.

Что? Вот так просто? Он больше ничего не хочет у меня выпытать?

– Спрашивай, – устало повторил старый маг, прикрывая глаза. – У меня к еще остались вопросы, но они подождут. Поэтому задавай свои, пока я еще в силах на них ответить.

Медлить я не стал и задал, наверное, самый важный вопрос, который тревожил меня с раннего утра:

– Скажите, мастер, что такое Тьма?

Ниро замер, на мгновение будто окаменев в своем кресле, а потом неожиданно запрокинул голову и… расхохотался. Правда, почти сразу закашлялся, вынужденно согнувшись и с силой сдавив ладонями грудь. А когда, наконец, отдышался, то посмотрел на меня так, что я внезапно вспомнил нелегкие годы ученичества. Учитель, бывало, тоже на меня так смотрел, когда я умудрялся сморозить какую-нибудь глупость.

– Молодец, Рэйш. Сразу быка за рога! – все еще посмеиваясь, маг утер рукавом выступившие на глазах слезы. – Да если бы кто-то знал ответ на твой вопрос, то давно бы озолотился! Впрочем, я в свое время задумался над этим много позже, чем следовало, так что ты в каком смысле оказался умнее.

Я непонимающе нахмурился.

– Простите, мастер. Я не совсем вас понял…

– Ничего. Иногда я сам себя перестаю понимать. Но ты действительно молодец – рано начал анализировать свои ощущения, хотя большинство из нас пользуются силой, даже не задумываясь, откуда она приходит и чем за нее придется заплатить. Мы, к сожалению, привыкли работать тем, что нам позволили, и уже не ищем других путей. Идем по заранее проторенной колее. Смотрим на мир зашоренными глазами. Но

если маг начинает задавать вопросы, это означает, что полученные им знания не укладываются в картину мира, созданную мало разбирающимися в жизни теоретиками. И перешагнул ту грань, за которой, помимо доверия, требуются еще и доказательства. Скажи мне, мальчик, почему ты вдруг задумался над этим?

Я хмыкнул.

– Есть причины. Так вы расскажете о своих выводах?

– Расскажу, – успокоившись, кивнул Ниро. – Хотя не уверен, что тебе это сильно поможет. Видишь ли, то, что мы совершенно необоснованно называем «Тьмой», на самом деле не первозданный мрак, не место обитания темных богов и даже не краешек чужой Вселенной. Не буду утверждать, что мои размышления есть единственно верная истина, но я бы сказал, что это – своего рода пограничье между миром живых и миром мертвых. То место, через которое проходят отлетевшие души. Кто-то быстрее, кто-то медленнее… но Тьмы не минует никто. Именно в ней неупокоившиеся духи находят себе привязки. И именно с Ее помощью возвращаются в наш мир.

– Учитель называл Тьму преддверием по пути из нашего мира в мир мертвых, – задумчиво обронил я.

– Я тоже так думаю, хотя умники из Королевского университета наверняка попытаются это оспорить. Понимаешь, классическая система обучения представляет Тьму в виде коридора, соединяющего два наших мира. Некоторые полагают, что какая-то часть этого коридора проходит внутри мира мертвых, пронзая его насквозь и выводя отлетевшие духи напрямую к богам, которым они были посвящены. Светлые забирают своих сразу, не давая душам блуждать во тьме. А вот темные могут затянуть с решением, если сочтут, что служение было недостаточно искренним. Такие души способны веками кружить во Тьме, не ведая покоя и терзаясь мучительными сомнениями. Но в конце концов и они уходят, чтобы и дальше исполнять волю своих покровителей. Если же человек не проходил посвящения, то его судьбу решает суд богов, взвешивая совершенные грехи на весах Ремоса. Те, кто окажется достоин перерождения, уйдут на новый виток жизни. А остальные будут отправлены во владения Фола на очищение, дабы сполна расплатиться за то, что сотворили при жизни.

Я кивнул: нарисованная мастером модель миров была мне хорошо знакома. Учитель об этом тоже говорил.

– Честно говоря, мне показалось, что Тьма не очень-то похожа на коридор, – осторожно заметил я, вспомнив свои утренние злоключения, и мастер Ниро выразительно скривился.

– На самом деле Она вообще на него не похожа. Но умники из университета до сих пор в это не верят. А если и верят, то помалкивают, чтобы такие, как ты, не смели выходить за рамки.

Я снова нахмурился.

– Зачем?

– Почитай как-нибудь историю отношений между Алторией и Лотэйном. Особенно ту ее часть, когда Лотэйн решил отказаться от темных богов. Думаю, тебе многое станет понятно.

– В Верле нет библиотек, – нейтральным тоном заметил я. – С чего бы это, не знаете?

– Если захочешь – найдешь, – насмешливо покосился на меня старик. – Я не об этом обещал тебе рассказать. Что же касается «коридора»… на самом деле это место гораздо шире и сложнее, чем простой черный тоннель. Даже опытные ищейки воспринимают его именно так и не видят дальше собственного носа – они абсолютно слепы во Тьме. К тому же, быстро истощаются и вынуждены ориентироваться только на след. Если он есть – они пройдут куда угодно. Если он ложный или слишком слабый – маг может потеряться. Каждый шаг во Тьме для ищейки – это движение по узкому мосту через пропасть, где любое неверное движение способно стать последним.

Я понимающе кивнул: до недавнего времени я тоже воспринимал Тьму именно так. Правда, мне всегда казалось, что за стенами мрака есть что-то еще. Целый океан неизведанных пространств, который до поры остается невидимым. Раньше я входил в него в кромешной тьме, не видя ничего, кроме кусочка земли под ногами, шел наугад, осторожно нащупывая дорогу, и мог только догадываться, где обрушится дно.

Но после посвящения все изменилось. И я хотел понять, почему.

– Когда-то умение ходить во Тьме не было для магов Смерти чем-то необычным, – тяжело вздохнул мастер Ниро. – Любой из нас делал это с легкостью. А теперь это – редкость. Умение идти по следу превратилось в фарс. О чем-то большем и говорить не приходится. И лишь единицы понимают, что настоящий маг Смерти – это нечто гораздо большее, чем просто заклинатель духов или специально обученная ищейка. Ведь все то, что сейчас считается разными видами темной магии, когда-то было единым целым. Просто ступени развития дара – от заклинателя к ищейке, от ищейки до боевого мага Смерти… кстати, ты никогда не задумывался, почему ни у некросов, ни у нас нет боевых заклинаний?

Я прищурился.

– Учитель говорил, что боевая магия опасна, поэтому от нее в

итоге решили отказаться.

– А он говорил тебе, что эти заклинания в большинстве своем рассчитаны на массовое поражение противника? – прищурился Ниро.

– Да.

– А о том, что они одинаково эффективны против как живой, так и неживой материи?

– Тоже.

– Так как ты сам считаешь, почему ее запретили?

Я пожал плечами.

– Слишком сильное оружие нужно или держать под полным контролем, или уничтожить. Но поскольку контролировать магов Смерти – дело довольно хлопотное, а возможная угроза с их стороны весьма серьезна, то Орден принял решение свести ее к минимуму.

Еще бы. Только представьте себе действие Праха в масштабе города или целого государства… надо думать, что Орден в какой-то момент запаниковал. Я бы на их месте точно занервничал, особенно, если бы знал, какой процент адептов Смерти сходит с ума в процессе обучения.

– Путей у них было всего два, – одобрительно кивнул старик. – Или вырезать нас поголовно, а затем регулярно уничтожать по мере появления новых адептов, или же сократить объем получаемых нами знаний. Поскольку тотальное уничтожение грозило смутой, а некоторые наши умения оказались полезными, то первый путь после был признан нецелесообразным. После этого программа обучения подверглась жесткой переработке, а магов Смерти превратили в придаток службы королевского сыска. И натаскивают лишь на те навыки, которые могут пригодиться системе… разумеется, я говорю о тех адептах, кто обучался официально.

Я сделал непроницаемое лицо.

– Твой случай – исключение, – бесстрастно продолжил Ниро, мельком покосившись за окно, где солнце уже вступило в свои права, уверенно осветив медленно просыпающийся город. – Которое стало возможным лишь потому, что твой учитель отказался от официального звания мастера и даруемых им привилегий.

– Вы хорошо его знали? – быстро спросил я, пристально следя за реакцией собеседника.

– Мы были врагами, – равнодушно отозвался маг. – Так сказать, идейными противниками, которые не могли сойтись во мнениях относительно некоторых принципиально важных вопросов. В том числе, по поводу обучения преемника. Кстати, я

был рад услышать, что в конце концов Этор изменил свое мнение… Но одновременно с этим я и огорчен, потому что некоторые принципы он так и не пожелал пересмотреть. Он ведь редко утруждал себя объяснениями, верно?

Я усмехнулся.

– Только когда я чересчур надоедал с расспросами. В остальном учитель считал, что я до всего должен доходить своей головой. И предпочитал теории практику.

– Вот и я о том же, – вздохнул Ниро. – Иначе ты не спрашивал бы меня о Тьме… Этор, кстати, чувствовал и понимал ее лучше многих. Хотя, возможно, на тебя у него просто не осталось времени.

Я невесело улыбнулся.

Пожалуй, в этом есть доля истины – день и час своей смерти учитель определенно знал. И, вполне вероятно, пожертвовал менее важными вещами ради самого, как он посчитал, главного. Возможно, поэтому мое обучение стало таким разрозненным. Я умел призывать до десятка духов одновременно, мог легко перемещаться за пределы мира живых, неплохо ориентировался во Тьме, был способен перехватить и удержать практически любой след, включая мертвый – на это меня натаскивали отдельно. Многое я просто знал, как и что нужно делать, однако порой мог только догадываться, почему надо поступить так или иначе.

Признаться, в последнее время отсутствие полноценной теоретической базы ощущалось особенно остро, а нехватка элементарных знаний, которые дают на первых курсах университета, вынуждало идти на неоправданный риск. И в этом смысле Верль и поселившийся в нем Ниро стали для меня настоящей находкой.

Никто ведь не думает, что я решил обосноваться в этом занюханном городишке без причины? И не надеется, что славящийся своим упрямством старик вдруг согласится поделиться со мной опытом или собранными за годы практики книгами, без которых я чувствовал себя как без рук?

Маги Смерти вообще особенные. Это я могу судить по себе. Рано или поздно Тьма оставляет в наших душах свой след. В ком-то он проявляется очень рано, в ком-то, напротив, довольно поздно, но по большей части те пороки, что сидят в нас с детства, к концу жизни становятся настолько выраженными, что нередко приводят к печальным последствиям.

Мастер Ниро, к примеру, был патологически жаден, сварлив и завистлив. А также самодоволен, подозрителен и весьма недоверчив.

Я успел многое о нем выяснить за те три года, что прошли со времени моего появления в Верле. Исподволь, аккуратно и постепенно собирал нужные слухи. Старательно избегал разговоров с коллегами. Практически никогда не заходил в эту часть города и демонстративно отстранялся от сотрудников Управления, всячески подчеркивая свою независимость. Заказы выполнял по минимуму, лишь бы было на что жить. И сделал все, чтобы старому мастеру стало известно о моем появлении.

Конечно, не ради того, чтобы в один прекрасный день напроситься в ученики – для беспрекословного послушания я стал уже слишком стар, а ничего иного Ниро бы не принял. Однако у меня получилось привлечь его внимание, имя старого врага ещё сильнее подогрело его интерес, а уж когда я, отыскав достойный повод, явился к нему за советом, то без особого труда получил приглашение на повторный визит.

Я не солгал ему, сказав, что учитель оставил меня без наследства – я действительно ушел налегке и все ещё отчаянно нуждался в наставнике. Мне нужны были книги, знания, опыт… все то, что ни у одного мага Смерти не выпросишь даром и, тем более, не получишь силой. Даже к одряхлевшему старику нельзя было прийти с просьбой о помощи или выкрасть необходимое – в лучшем случае остался бы ни с чем, как Йен. В худшем – уже объяснялся бы с Фолом по поводу всей глубины своих заблуждений.

Люди нашей профессии очень трепетно хранят свои секреты. И единственная возможность получить у них желаемое – это полюбовно договориться, предложив взамен за оказанную услугу нечто такое же ценное, что могли передать мне.

Проведя шесть лет на крохотном островке посреди бескрайних болот, я хорошо усвоил эту истину. И сейчас, глядя на одряхлевшего мастера Смерти, прекрасно понимал, как сильно мне повезло отыскать его на бескрайних просторах Алтории.

– Я прожил долгую жизнь, – внезапно сказал Ниро, отворачиваясь к стене. – И видел много такого, о чем не каждому можно рассказать. Но когда пришло время, и я начал задавать те же вопросы, что и ты, то понял одну важную вещь: на самом деле Тьма очень разная, мальчик. И для каждого надевает отдельную маску, в которой, как в зеркале, отражается то, что мы храним глубоко внутри. Я знал магов, которые, входя в Нее, видели увядающий лес и населяющих его немыслимых чудищ. Для кого-то Она оборачивалась знойной пустыней, кто-то, оказавшись посреди бурной реки, был вынужден всякий раз бороться с течением. А кто-то упорно попадал на заброшенное кладбище и регулярно смотрел на могилу с собственным именем. Как бы

странно это ни звучало, но каждый находит во Тьме что-то свое, Артур Рэйш… почему? Вряд ли кто-то может дать однозначный ответ. Но когда ты в следующий раз пожелаешь Ее призвать, то подумай: что такого Она могла увидеть в ТЕБЕ, что ей пришлось надеть именно эту маску?

Я непроизвольно замер, вспомнив темную сторону.

Значит, моя Тьма – это обледеневшие руины, в которых не осталось ничего живого? Серое небо, холодный ветер, хрупкий наст под ногами, неестественная и зловещая тишина, в которой чудится что-то недоброе?

– Наверное, вы правы, – кивнул я, подумав, что в какой-то момент действительно сжег и надежно похоронил свое прошлое. В нем больше не осталось ни семьи, ни друзей, ни привязанностей – только обломки былых страстей, утратившие краски осколки воспоминаний, равнодушное признание собственной правоты и едва теплящаяся, совсем не похожая на бушевавший когда-то пожар, ненависть.

Ниро остро на меня взглянул.

– Мне незачем тебя обманывать. Да ты и сам, судя по всему, мог бы многое мне рассказать.

– Я, в общем-то, для этого и пришел. Только не был уверен, что вы согласитесь уделить мне достаточно времени.

– Я тебя внимательно слушаю, – усмехнулся старик и, устроившись в кресле поудобнее, сделал приглашающий жест.

Глава 5

За окном уже давно рассвело, по улице вовсю носились экипажи и слышался обычный шум проснувшегося города, а я все продолжал говорить.

Ниро интересовало абсолютно все, начиная с истории проклятой шкатулки, окончание которой ему никто, естественно, не докладывал, и заканчивая последними словами Готжа перед моим уходом во Тьму.

Когда я рассказал о безголовом привидении, старый маг ощутимо насторожился. Когда я упомянул, где именно и в каком виде нашел тело купца Игоора, он внутренне подобрался и впился в меня подозрительным взглядом, будто решил, что от него что-то утаили. А когда я сказал, каким образом избавился от гулей и покинул заснеженный Верль, так же неожиданно расслабился.

– Вот уж и правда, дуракам везет… это был твой первый полноценный визит во Тьму?

Я кивнул.

– И, насколько я понимаю, Этор тебя к этому не готовил?

– Он работал со мной только в «коридоре».

– Счастливчик, – усмехнулся мастер Ниро. – Мне в свое время объяснили, что меня ждет, но я все равно едва не пропал. А ты не только вернулся без единой царапины, но ещё и мертвеца оттуда вынес, хотя обычно гули защищают добычу до последнего вздоха.

Я машинально потер правую бровь, на которой остался свежий шрам, и пожал плечами.

– О гулях учитель в общих чертах рассказывал. Только не уточнял, что во Тьме они тоже водятся и выглядят там более материальными, чем обычные люди.

– Это касается не только гулей, – «успокоил» меня мастер Ниро. – Во Тьме обитает столько всякой дряни, что порой диву даешься, откуда она там берется.

– Вот именно, – встрепенулся я. – Насколько я понял, гули… и, наверное, не только они… живут там давно и очень этим довольны. Но тогда почему я не встречал их, когда входил во Тьму раньше? Почему их не было в том «коридоре»?

Ниро усмехнулся.

– Еще один хороший вопрос, Рэйш. Тьма настолько пластична, что способна при желании сжаться в одну точку или, наоборот, расшириться практически до бесконечности. Причем это касается и пространства, и времени. Иной маг, нырнув в Нее на один вдох, выйдет оттуда глубоким стариком. А некоторые,

напротив, не потеряют ни единого лишнего мига…

Я мысленно хмыкнул.

Ну да. Когда-то я, заметив седину на висках, тоже переживал на этот счет. А потом ничего, привык. Не дергаюсь больше при мысли, что Тьма при каждом визите пожирает меня заживо. И лишь сегодня Она впервые не отняла у меня времени. Но, думаю, Фол уже понял, насколько я ему за это благодарен.

– Когда ты ступаешь на след, то инстинктивно стремишься найти кратчайший путь к искомому объекту, – продолжил маг. – Вся твоя воля направлена на это. Все силы и помыслы. В тот миг ты буквально живешь охотой, она – твоя единственная страсть…

И это верно: ощущение погони, захлестывающий с головой азарт, стремление во чтобы то ни стало добраться до жертвы… с этим, наверное, не сравнится ничто. В такие моменты я буквально пьянею. И сосредотачиваюсь на одной-единственной цели, испытывая, вероятно, такие же чувства, что и преследующая дичь гончая.

– Мастер Смерти, вставший на след, в чем-то уподобляется безумцу, – снова усмехнулся мастер Ниро, словно прочитав мои мысли. – А Тьма любит сумасшедших. И охотно открывает им дорогу, причем так, что никто другой на нее уже не ступит. Может, в определенном смысле теоретики из университета не так уж неправы – не исключено, что Тьма действительно создает для ищейки тоннель, по которому он проходит из одной точки в другую максимально коротким путем. Снаружи бродят голодные гули и иные сущности, которые при любых других обстоятельствах непременно накинулись бы на одиночку, но, пока маг внутри, они ему не страшны.

Я озадаченно потер подбородок.

– Получается, стены этого тоннеля действительно – наша защита?

– Пока ты находишься там, тебя даже не видят, – кивнул Ниро. – Тьма сжимается так плотно, что во время перехода ты неуязвим. В чем-то этот процесс сродни телепортации, потому что позволяет одним махом преодолеть большое расстояние. Только, в отличие от телепорта, работает исключительно за счет твоих жизненных сил, поэтому опасность умереть на переходе вполне реальна. Тем не менее, только благодаря «коридору» смертность среди новичков намного ниже, чем можно было бы ожидать. Но как только они начинают прозревать и открывают для себя настоящую Тьму…

– Как я сегодня?

– На них сразу обращают внимание местные жители, – охотно подтвердил старик. – Тьма – как шкатулка с секретом, Рэйш.

Сперва ты видишь только деревянную коробку, в которой нет ничего примечательного, потом начинаешь различать надписи, нащупываешь неровности, проверяешь замок… но в один прекрасный день он вдруг поддается твоим рукам, и у тебя появляется возможность заглянуть под крышку. И ты торопливо суешь туда свой длинный нос, даже не думая, что внутри может быть спрятана ловушка.

Я насторожился.

– Хотите сказать, это еще не все? Есть и другие области Тьмы, которые мне недоступны?

– Безусловно.

– И когда они откроются?

– Откуда мне знать? Может, и никогда.

Я кашлянул.

Ну да. С моим везением можно ожидать всякого. Особенно теперь.

– А как далеко получилось зайти у вас? – снова спросил я, сделав мысленную зарубку спросить об этом жреца. – Вы сумели открыть свою шкатулку?

Мастер Ниро с сожалением качнул головой.

– Только сдвинул крышку. На большее, к сожалению, не хватило времени. У меня остались силы лишь на один визит во Тьму. И дальше мне уже при всем желании не пройти. А вот у тебя может получиться… Но имей в виду, Рэйш: сегодня твое появление заметили. Наша магия оставляет на темной стороне очень яркий и узнаваемый след, по которому тебя легко отследить. Гули запомнили твой запах, поэтому впредь разумно выбирай место для входа. Надеюсь, ты снял перстень, пока там находился?

– Я был в перчатках.

– Хорошо, – маг успокоенно прикрыл веки. – Тогда проследить за тобой будет сложнее… кстати, ты обратил внимание, как с ТОЙ СТОРОНЫ выглядят люди?

– Конечно. С трудом узнал Лардо и Готжа.

– Ты сейчас выглядишь для гулей точно так же. И искать они тебя будут не по внешнему виду и не по запаху, потому что оттуда он не ощущается, а именно по перстню – во Тьме он горит, как звезда. Запомни это. И никогда не показывай его без веской причины. Ни здесь, ни там. То, что ты ушел из дома купца переходом, очень хорошо – гули потеряли твой след. И когда ты в следующий раз окажешься во Тьме, уже не смогут тебя подстеречь. Неосторожные маги, кстати, так и попадаются. Поэтому заранее продумывай, куда будешь уходить. Помни, что тебя могли вычислить и уже поджидают на той стороне. И

никогда не используй для входа одну и ту же точку – чем чаще ты меняешь местоположение, тем труднее тебя отследить. Ну и чем меньше обращаешься к магии, конечно. Кстати, сколько невербальных знаков ты освоил?

Я спокойно посмотрел на старика.

– Мне для работы достаточно.

– Какого они уровня?

– Большинство – простые, – не стал отрицать я. – Прах, Боль, Окаменение, Оглушение, Страх… есть парочка посложнее вроде Удара, Паутины или Трясины. Пробовал работать со стихийными знаками – предпочтение отдаю Огню, но во Тьме от него будет слишком много шума. Запоминающие и следящие знаки освоил в совершенстве. Однако с высшими знаком в основном в теории – учитель остерегался их использовать рядом с домом.

– Плохо! – внезапно отрезал мастер Ниро, снова открывая глаза и впиваясь в меня почти что злым взглядом. – Этор скверно тебя учил, раз не подготовил к настоящей работе во Тьме. Против некоторых тварей простые знаки не срабатывают. Уничтожить их магией бывает гораздо сложнее, чем хорошим клинком. Ты оружием хоть владеешь?

Я кивнул.

– Шпага, меч, простые ножи, метательные ножи…

– Да какая, к Фолу, шпага?! Я спрашиваю про другое оружие! – окончательно разозлился старик. – То, что можно использовать во Тьме. Этому-то Этор тебя хотя бы научил?!

– Все мои клинки зачарованы, – ровно отозвался я. – Арбалетом обзаводиться не стал – слишком дорогое удовольствие, но с его работой тоже знаком. У меня были хорошие учителя.

– Какие? – с ноткой презрения осведомился Ниро. – Те, что можно нанять за деньги?!

Я равнодушно пожал плечами.

– С деньгами у нас было негусто. Поэтому обучаться пришлось у наемников и убийц. У мастера Этора, к счастью, нашлись необходимые связи.

– Он что, платил за твое обучение? – недоверчиво прищурился маг.

– Это стоило ему недорого, – усмехнулся я, вспомнив, как учитель поднимал из болота притопленных зомби. Помнится, вокруг его хижины места свободного не было – за годы отшельничества он много кого там схоронил из числа охотников за чужим добром. Поднять замороженные трупы на поверхность особого труда не составило – магический лед сохранил тела в целости, так что в недостатке умений или плохой подвижности

мертвяков обвинить было трудно. Оружие у них тоже осталось – учитель был скуп до крайности и не любил разбрасываться ресурсами. Так что наставники по воинскому делу у меня были отменные. Бесплатные, можно сказать. Если, конечно, забыть о том, сколько крови эти упыри из меня выпили, пока с разрешения мастера гоняли по всему болоту.

– Твое оружие во Тьме бесполезно, – по-своему расценив мой ответ, проскрипел Ниро. – Железо там быстро ржавеет, а зачарованные клинки привлекают много внимания, поэтому использовать можно особые инструменты. У Этора в свое время была целая коллекция подходящих вещиц. В университете на нее, наверное, до сих пор облизываются… он тебе об этом не говорил?

Я внутренне подобрался.

– А должен был?

– Обычно учитель делится с преемником своими секретами, – внимательно посмотрел на меня старый маг. – Мастерством, книгами, оружием… дает, так сказать, на первое время, пока новичок не обзаведется собственным. Как такое оружие делают – не спрашивай: у каждого свои тайны. Но у простых кузнецов ты его не добудешь: почти все мы взяли его во Тьме. И там же храним до самой смерти. В реальной жизни оно бесполезно – слишком быстро сгорает, а вот на темной стороне без него делать нечего. Поэтому, если хочешь выжить – добудь подходящий клинок. Особенно, если тебе предстоит встреча с таким опасным противником…

– Вы знаете, кто убил купца? – встрепенулся я.

Мастер Ниро только улыбнулся.

– На моей памяти без голов свои жертвы оставляла только одна тварь. Хитрая, осторожная и намного более опасная, чем гули. Она появляется редко… лично я ее видел лишь однажды. Но Верль наверняка не забыл череду убийств, случившуюся чуть меньше полувека лет назад: двенадцать трупов за двенадцать дней, куча перепуганных родственников, с криками разбегающихся от безголовых призраков, море недоверия со стороны начальства, толпа стражников, бестолково гоняющихся за несуществующим преступником, и – ни единой зацепки, ведущей к убийце… тогда я ещё только начинал работать в сыске. Для меня это было делом чести, оставшимся, к сожалению, не раскрытым. Но серия смертей прекратилась так же внезапно, как и началась, без всяких видимых причин, а я, издалека приметив эту тварь, так и не смог ее догнать. Она исчезла. Надолго. Уснула или сбежала. Но теперь опять объявилась и снова начала охоту за головами. Поэтому отправляйся к Готжу и скажи – пусть поднимает старые архивы: судя по всему, в Верль вернулся

Палач…

* * *

В управление я вернулся ближе к полудню – в белой от налипшего сверху снега шляпе, в мокром плаще, уже плотно позавтракавший, но все равно недовольный: вытрясти из Ниро самую важную информацию мне так и не удалось. Хотя по текущему делу я получил достаточно сведений, чтобы всерьез задуматься над будущим.

– Явился? – недобро посмотрел на меня Нодли Готж, когда я без стука ввалился в кабинет. Стол у Старого Моржа, как и всегда, был завален бумагами, испачканные чернилами пальцы при моем появлении сжались, будто уже ощущали сладкий хруст горловых хрящей, а появившаяся на лице заместителя начальника Управления улыбка могла соперничать с оскалом упыря. – Нашел что-нибудь?

– Нет, – буркнул я, упав на ближайший стул. – Вернее, нашел, но не совсем то, что искал. Что у вас?

– У нас, – таким же недобрым тоном отозвался Готж, машинально пригладив встопорщившиеся усы, – обезглавленный труп, сильно поеденный какими-то тварями, и ты, добывший этот самый труп неизвестными следствию методами, а затем пропавший на полдня с места преступления. Еще что-нибудь услышать хочешь?

Я поморщился.

– Я искал след…

– Тогда где же убийца? – ласково посмотрел на меня Готж. – И почему призрак известного тебе торговца со скорбным видом висит теперь в нашем «холодильнике», постоянно указывая на собственное тело?

Я пожал плечами.

– Понятия не имею. И вообще, чего ты взъелся? Я же вас предупредил.

– Это меня ты предупредил. Задним числом. А вот Йен прочитал твою писульку, не зная всех обстоятельств дела, и знаешь, что он мне по этому поводу высказал?

Кхм. Честно говоря, оставленная у дежурного записка была очень короткой – я так торопился, что сообщил лишь самое главное: «*Труп под прилавком. Прикрой, пока не вернусь. Я во Тьме. Арт*». Но представив себе лицо Йена после ее прочтения, я закашлялся и, подняв на Готжа веселый взгляд, осторожно уточнил:

– А разве Йен не болеет?

– Болеет, – мрачно подтвердил Нодли, откладывая в сторону перо. – Но какая-то сволочь уже успела доложить ему о деле, поэтому он примчался сюда ни свет ни заря и тут же затребовал материалы. Поскольку Гуна и Транта я отправил опрашивать клиентов убитого, а ребята Лардо с моего согласия потрошат его дом, то отчитываться перед Йеном пришлось мне. Но еще до того, как я добрался до сути, сюда ворвался Чет, которому передали твою записку из Управления городской стражи, и звонко доложил, что ты…

– Спрятал под прилавком чей-то труп, – со смешком закончил я, поднимаясь на ноги. – А тебя попросил прикрыть, потому что окончательно продал свою душу Тьме… все ясно. Йен в это, конечно, не поверил, но объясниться все равно придется. Я пошел. А ты пока поищи одно старое дело.

– Раскомандовался тут, – проворчал Готж, мельком покосившись на клочок бумаги, который я бросил перед его носом. – Давай уже, проваливай. Нечего мне кабинет засорять.

– Так ты поможешь или нет?

– Посмотрю, что можно сделать.

– И на том спасибо, – ухмыльнулся я и только тогда ретировался.

Йен встретил меня, сидя за столом, как Готж – зарывшись с головой в бумаги. И, надо сказать, выглядел он неважно: бледное лицо с капельками пота на висках, болезненный румянец на заострившихся скулах, лихорадочно блестящие глаза… ему было настолько нехорошо, что, когда я вошел, Йен даже не кивнул. Только устало вздохнул и с укором спросил:

– Ты смерти моей хочешь?

Я удивился.

– В каком плане?

– В прямом. Ты хоть представляешь, что начнется, когда все вокруг начнут думать, что ты кого-то убил, а Управление тебя покрывает?

– Я убил? Йен, ты о чем?

– О тебе, – с досадой отозвался начальник городского сыска, раздраженно смахнув текущий по лицу пот. – У нас же не город, а большая деревня! В одном углу испортят воздух, в другом тут же поморщатся… как думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем дежурный растреплет о записке остальной страже? И сколько из них распустят языки, даже не поняв, о чем речь? Да через пару дней весь Верль будет судачить об убийстве купца, к которому ты приложил руку! А бургомистр опять вызовет меня в ратушу и потребует объяснений, в очередной раз намекнув, что ты

работаешь без должного оформления!

Я фыркнул.

– По закону, лицензия магу Смерти требуется только на частную практику. А я числюсь внештатным сотрудником, так что пусть твой бургомистр закроет рот, если не хочет, чтобы я заткнул его насильно.

– Господин Норриди? – вдруг пискнуло у меня за спиной, и в приоткрытую дверь, которую я не удосужился закрыть, заглянула испуганная физиономия мальчишки-писаря. – К вам посетитель!

– Закрой дверь и подожди в коридоре, – ледяным тоном отозвался Йен, воткнув в побледневшего пацана раздраженный взгляд. А когда Чет поспешно отпрянул, со страдальческим видом повернулся ко мне. – Ну что, доволен? Неужели так трудно хотя бы иногда держать язык за зубами?

Я развел руками, не став говорить, что за чужую глупость не в ответе, а Йен отвернулся и, в очередной раз смахнув выступивший на лбу пот, хмуро велел:

– Докладывай, что там у тебя.

Я взглянул на его изможденное лицо, но с советами лезть поостерегся и просто вкратце изложил, где и в каком виде нашел пресловутый труп. О гулях, естественно, распространяться не стал, о своих собственных трудностях тоже не упоминал, а вот разговор с Ниро касательно старых убийств изложил в подробностях, успев закончить к тому моменту, когда дверь кабинета снова распахнулась, и на пороге возник мрачный, как грозовая туча, Готж.

– Я нашел досье, – пинком захлопнув дверь, заместитель Йена плюхнулся на ближайший стул и бросил начальству пухлую папку с документами. – Ты был прав – сорок восемь лет назад в Верле прошла волна непонятных убийств, после которых не нашлось ни одного тела, зато имелось несколько безголовых призраков, куча заявлений от возмущенных родственников и даже строгий выговор от начальства. Убийцу так и не нашли. Он исчез после последней смерти и до сих пор в округе не объявлялся. Тела так и не были найдены. А призраки рассеялись примерно через месяц после прекращения следствия.

У Йена на лбу образовалась глубокая морщинка.

– Сорок восемь лет? Арт, тебе это ничего не напоминает?

– Годом раньше неподалеку отсюда разбилась «Путешественница», – спокойно согласился я. – Ниро уверен, что эти два события связаны, и в свое время даже наводил справки о Триголе.

– Там тоже происходили подобные убийства?

– На протяжении месяца после гибели судна, – буркнул

Нодли, откидываясь на спинку стула. – В деле есть его заметки: почерк убийцы абсолютно идентичен, но тогда у сыскарей не нашлось ни единой зацепки. Я мельком просмотрел досье – здесь говорится, что Ниро даже отправлял запрос в Управление стражи в Триголе, однако в здании архива полугодом раньше произошел пожар, и все документы сгорели. А данные по Верлю я принес – читайте сами.

– Но почему именно «Путешественница»? – нахмурился Йен, пододвигая к себе папку. – С той шкатулкой связана ещё какая-то тайна?

– Я был в храме, – отозвался я, мудро не упомянув, зачем туда возвращался. Отец Лотий, конечно, удивился, но на пару дополнительных вопросов ответил. – Жрецы готовы поклясться, что наши сегодняшние неприятности никак с ней не связаны. Ниро, с учетом временного промежутка, я тоже об этом спросил: он полагает, что шкатулка причастна к убийствам лишь косвенно – оба раза перед приходом Палача ее открывали. И ее сила безвозбранно выплескивалась в мир, привлекая к себе темные сущности. Ниро проанализировал сводки Триголя за несколько лет, прошедших с момента прибытия «Путешественницы»: в первый же год процент внезапных смертей, убийств и бытового насилия в городе и окрестностях увеличился втрое. В большинстве своем по самым обыденным причинам – пьянство, несчастные случаи, убийства на почве ревности, разборки между бандами… но были и нераскрытые дела вроде нашего. А также признаки повышенной активности нежити в районе болот и участившие пропажи людей. Ниро тогда указывал начальству на возможную связь, однако, поскольку дело забрало столичное УГС, этим никто заниматься не стал. К тому же, о шкатулке старик тогда не знал, а поделиться какой-либо информацией алтирские сыскари отказались. На второй год число смертей резко пошло на убыль, а на третий показатели Управления постепенно вернулись к обычному для Триголя уровню. Поэтому от предположений постороннего мага Смерти попросту отмахнулись.

– Хочешь сказать, нас ждет нечто подобное? – насупился Йен.

– На Верль недавно обрушилось проклятие темного бога, – кивнул я. – И, хоть нам удалось его нейтрализовать, след все равно остался. Ниро считает, что Палача сюда привлек именно он, и не сомневается, что это – далеко не все «радости», которые ожидают нас в ближайшем будущем.

– Веселенькая перспектива, – пробормотал Готж, беспокойно теребя длинный ус. – И, что самое мерзкое, мы никак не можем это предотвратить.

– Насколько я понимаю, наш убийца нематериален? –

посмотрел на меня воспаленными глазами Йен.

Я хмуро кивнул.

– Он приходит из Тьмы, утаскивает туда жертву и убивает, вышвыривая обратно только безголовый призрак. Да и то, вероятно, не всегда. Ниро удалось установить двенадцать подтвержденных случаев присутствия Палача по Верлю и девять по Триголю, а сколько их было на самом деле – один Фол знает. Духи ведь не всегда возвращаются в наш мир. Кому-то, может, и не захотелось восстанавливать справедливость или предупреждать живых об опасности. А кого-то Палач, может, сожрал целиком. Мы слишком мало о нем знаем, чтобы утверждать что-то с уверенностью.

– Ты его видел? – быстро спросил Готж, кинув на меня проницательный взгляд.

– Нет. Однако, если верить Ниро, приходит Палач всегда около полуночи. Работает быстро, в буквальном смысле слова: с одного удара. Крови после себя не оставляет, отрубленные головы забирает с собой. Появляется и исчезает незаметно, не потревожив охранных заклятий. Насчет последнего стало известно после смерти одной пожилой и очень мнительной пары, которая много средств вложила в сторожевые амулеты. Тогда ни один из артефактов, включая очень мощные и дорогие, не сработал. Так что слуги обнаружили исчезновение хозяев только к утру, и то лишь потому, что умершая госпожа объявилась на кухне в виде обезглавленного призрака. Что Палач представляет собой по внешнему виду, тоже никто не знает – Ниро видел его мельком, поэтому подробностей не разглядел. Заметил лишь наличие четырех рук и необычной форму клинков, растущих на месте кистей. Поскольку в классификации темных сущностей мастер ничего подобного не встречал, то сделал предположение, что Палач был создан искусственно…

– Слуга, что ли?! – непроизвольно отшатнулся от меня Готж.

Я поморщился.

– Дух-служитель всегда развеивается после смерти создавшего его мага, а Палач уже давно тут охотится. К тому же, далеко от хозяина ни один служитель отойти не может, а в ближайшие несколько десятилетий ни одного мага Смерти такого уровня поблизости не было – Ниро проверил эту версию в первую очередь. Так что никто не знает, с чем мы столкнулись. Я попробовал выйти на след во Тьме, но не преуспел – рядом с телом оказалось слишком много посторонних. Надо будет попробовать ещё раз.

Готж с сомнением покачал головой, словно не веря, что у меня что-то получится, но все же смолчал. Хотя не хуже меня

знал, что чем больше проходит времени с момента смерти, тем сложнее начинать охоту.

Я тоже умолк – больше мне сказать было нечего.

– Похоже, на этот раз убийцу придется ловить тебе, – наконец, со вздохом сообщил очевидное Йен, устало потерев виски. – Даже Хог тебе в этом не помощник. Да и мы… честно говоря, не знаю, что тут можно сделать. В темных сущностях я совершенно не разбираюсь.

– Мы пока проверяем клиентов торговца, – сочувственно покосился на него Готж. – Возможно, всплывет что-то, что могло привлечь к нему внимание Палача.

– Маловероятно, – качнул головой я. – Если верить Ниро, жертв он выбирал хаотично, независимо от возраста, пола и социального статуса.

– Связь есть всегда, – возразил наш усач, поднимаясь с жалобно скрипнувшего стула. – Иначе Палач зачищал бы целые кварталы. А раз жертв выбирали… пусть даже единственной причиной было то, что эти люди первыми попались ему глаза… то надо понять, чем именно они привлекли его внимание. Я просмотрю старые дела, где фигурировали призраки. Пролистаю отчеты, протоколы допросов… может, что и найду.

– Давай, – с новым вздохом согласился Йен, возвращаясь к бумагам. – А мне ещё посетителя принимать.

– Я тоже пошел, – понятливо кивнул я, поднимаясь следом за Готжем. Но уже на пороге все-таки обернулся и, взглянув на начальство через призму послушно откликнувшейся на призыв Тьмы, кашлянул. – Сходил бы ты к Хогу, а? Хоть он и гад, но маг из него что надо.

– Проваливай, – неприязненно буркнул Йен, не поднимая головы.

Я пожал плечами и, свято блюдя принцип «не просят – не лезь», вышел, мысленно пожелав упрямцу благополучно дожить до следующего утра.

Глава 6

– Госпожа Лора, я умер! – предупреждающе крикнул я, прежде чем захлопнуть дверь в комнату. Ответа дожидаться не стал – благонравная хозяйка никогда не одобряла моих шуток, зато хорошо знала, что, когда я так говорю, стучаться ко мне бесполезно.

Оставив на крючке у входа мокрый плащ и облепленную подтаявшими снежинками шляпу, я отодвинул от стены кровать и, нажав на неприметную панель, вытащил из обнаружившегося за ней углубления объемный, тихо звякнувший сверток.

Тайник был здесь, разумеется, до того, как госпожа Одди начала сдавать комнату постояльцам. Сама она не имела о нем ни малейшего понятия, однако от меня потайная ниша в стене не укрылась. Была ли она изобретением усопшего господина Одди или же он приобрел дом уже с секретом, я не знал. Но не воспользоваться представившейся возможностью было бы глупо, поэтому я занял именно эту комнату, с некоторым сожалением констатировав, что тайник пуст, а затем запихал в нишу свое барахло и наложил сверху несколько сторожевых заклинаний.

Развернув сверток, я придирчиво осмотрел спрятанное в нем «железо»: фамильная шпага пылилась тут больше девяти лет и, вероятно, будет валяться без дела до самой моей смерти. Арбалетные болты и усеянные магическими знаками наконечники для стрел – дело, конечно, хорошее, но что-то мне подсказывало, что воспользоваться ими во Тьме будет проблематично. Так что, по сути, выбирать приходилось между мечом и… ещё одним мечом – единственным, что я нашел в хижине учителя, и единственный, который мне удалось взять в руки.

Это был тот самый клинок, которым я когда-то учился сражаться с зомби. По виду, совершенно обычный полуторник. Ничем не примечательный, если, конечно, не считать магических знаков, усеивающие его от крестообразной рукояти до кончика лезвия.

Честно говоря, если бы у меня был выбор, я бы предпочел взять копье – мертвяков им рубить гораздо сподручнее, но в Алтории закон запрещал носить в городах оружие, за исключением представителей городской стражи. А я копье под плащом при всем желании не спрячу. Да и неудобно с ним таскаться по улицам, особенно если понятия не имеешь, когда оно может понадобиться.

Упаковав остальное барахло и убрав обратно в тайник, я присел на край постели и, достав из стареньких ножен меч,

задумчиво провел пальцами по клинку.

Знаки на нем рисовал сам мастер Этор, так что меч в действительности был не так уж плох. Хуже то, что я не знал, с чем именно доведется столкнуться. Что такое Палач и каковы его возможности. Его скорость, реакции, цели, защита… абсолютно незнакомый враг. Наихудшее для меня словосочетание. Да и от гулей меч – довольно слабая защита, особенно если твари соберутся в стаю. Но, что самое неприятное, я не чувствовал себя готовым к работе в новых условиях. Мне самым отвратительным образом не хватало данных.

Что за твари обитают на «теневой» стороне Верля? Насколько далеко тянутся занесенные снегом руины? И насколько эта проекция соответствует реальному городу? Как там ориентироваться, если они вдруг не совпадут? Составлять свою собственную карту, исследуя городок вдоль и поперек? Использовать только проверенные точки входа и выхода, на создание которых тоже понадобится время? Наконец, каким образом это сделать, если в каждом доме меня наверняка будут поджидать сущности всех видов и размеров, а использовать против них магию нежелательно?

В этой связи я задумался над тем, где добыть соответствующее оружие. Ниро дал понять, что своим не поделится. Мастер Этор мертв. В его личный тайник, если он существует, мне с нынешними возможностями не залезть. Так что вопрос с оружием сложный. Но даже если его получится решить, то как и где хранить добытое? Организовывать тайник во Тьме, надеясь, что гули не почуют запах магии? Или же прятать по старинке – под половицей в каком-нибудь подвале? Мастер Ниро сказал, что в реальном мире оно долго не просуществует, так что вопрос был более чем актуальным. Но я пока не представлял, как на него ответить.

Единственное, что я понимал точно – мне нужно было найти убежище, надежно защищенное от вторжения с ТОЙ стороны. Как-то не улыбалось всякий раз, когда потребуется уйти от погони, тревожить Фола по пустякам. Да и храм – вещь такая: когда-то пустят без проблем, а когда-то и отказать могут. Так что мне было необходимо обзавестись собственным логовом.

С этого-то я и решил начать.

Отложив в сторону меч, я по-новому взглянул на собственную комнату. Увиденным остался доволен: минимум мебели и максимум полезного пространства. Кое-что я за последние три года уже успел сделать – к примеру, нанес на стены сторожевые знаки, снабдил дверной и оконные проемы целым рядом полезных заклинаний, до поры до времени находящихся в

неактивном состоянии. Но тогда я действовал вслепую, работая по стандартной схеме и по-настоящему не понимая, зачем это нужно. И лишь сейчас, наконец, стала понятной паранойя учителя и то, почему для защиты своей хлипкой хижины он использовал элементы исключительно невербальной магии.

Что же касается моего убежища, то оно должно было быть, во-первых, доступным, чтобы я смог туда вернуться из любой точки города. Во-вторых, надежным настолько, насколько это вообще возможно в моем положении. В третьих, поддержание защиты не должно отбирать у меня много сил, иначе в ней просто не будет смысла. И, в-четвертых, о логове до поры до времени не должны пронюхать гули или иные твари, потому что это сведет на «нет» все мои усилия.

Небольшая комната, обстановку которой я знал как свои пять пальцев, подходила для этих целей идеально. Поэтому, привычно перейдя на второе зрение, я мысленно засучил рукава, а затем принялся за работу.

Но как только я начал рисовать знаки, Тьма снова преподнесла сюрприз – вместо того, чтобы ждать, пока я Ее призову, откликнулась сама. Поднялась откуда-то мягкой волной и заполнила все мое существо, не спрашивая моего согласия. Причем сделала это стремительно. Уверенно. И с такой легкостью, словно после посвящения какая-то Ее часть сумела остаться в моем теле, а потом лишь ждала повода вырваться наружу.

Я даже вздрогнуть не успел, как Она обволокла меня изнутри плотной пеленой знакомого, но уже терпимого холода. В глазах на мгновение потемнело, но зрение почти сразу восстановилось. Вот только видеть я стал совсем иначе и на несколько ударов сердца едва не решил, что снова провалился на темную сторону.

Всего за миг моя и без того полупустая комната стала выглядеть, как заброшенный приют для бездомных. Внезапно состарившиеся стены покрылись плесенью. Одинокий шкаф в углу просел, изъеденные временем стулья скособочились и лишились кто ножки, кто спинки. Выбитое окно зияло осколками стекол. Потолок частично обвалился, показывая серое небо. А сквозь появившиеся дыры в стене я снова, как и утром, увидел заснеженный город с торчащими остовами печных труб, полуразрушенными зданиями и следами некогда бушевавшего пожара.

Но при этом, в отличие от прошлого раза, обычный Верль так никуда и не делся. На фоне почерневших зданий все так же прогуливались люди. Тут и там слышался неразборчивый гомон, шум колес от проезжающих мимо экипажей, негромкое тявканье с

соседней улицы и взвизг придушенной кошки, тут же сменившийся звуками отчаянной драки. Какой-то мужчина, зябко передернув плечами, поднял воротник пальто и торопливо завернул за угол, ничуть не побледнев и не став похожим на призрака. А идущие ему навстречу две кумушки в коротких шубейках радостно заулыбались при виде друг друга и привычно остановились поболтать на углу соседнего дома…

Брр… раньше я думал, что отвратительнее гулей в ближайшее время ничего не увижу. Однако оказалось, что нет ничего хуже зрелища безмятежных, живущих своей обычной жизнью смертных, внезапно оказавшихся посреди мертвого города.

Я даже головой помотал, с трудом различая, что вокруг настоящее, а что – лишь шутка разыгравшегося воображения. И едва не уверился, что по прихоти Фола потерял над собой контроль. Однако потом зрение перестало двоиться, обе картинки постепенно слились, наложившись друг на друга в хаотичном порядке. Ощущение раздвоенности мира, хоть и не исчезло до конца, стало меняя ярким. Да и прильнувшая изнутри Тьма, как ни странно, не причинила вреда. Не сорвалась с пальцев убийственным заклинанием и не устремилась наружу смертоносной лавиной. Пропитав мое тело насквозь, как вода – мягкую губку, Она, словно разумное существо, остановилась на самой границе и там замерла, то и дело щекоча кожу легчайшими прикосновениями. Словно бы спрашивая: ну, что дальше?

Осторожно подняв правую руку и осмотрев пляшущие на кончиках пальцев язычки Тьмы, я прислушался к себе и с удивлением осознал, что больше не испытываю дискомфорта. Тьма стала частью меня. Жила во мне, пронизывая каждую жилку и каждую клеточку тела. И это было настолько естественно, что я впервые усомнился в правоте учителя, утверждавшего, что Тьма – это коварный, вечно голодный зверь, которого каждый раз во время призыва нужно укрощать.

Я в свое время так в это уверовал, что до самого последнего дня воспринимал призыв как смертельную схватку. Готовился к ней, тренировал волю, стискивал зубы и упрямо ломился сквозь выстроенные самим же собой стены.

А на самом деле, выходит, сражаться ни с кем не требовалось? И было достаточно лишь нескольких пролитых на нужном алтаре капель крови, чтобы Тьма, наконец, стала послушной?

– Ну, Фол… вот удружил, – пробормотал я, кинув рассеянный взгляд за окно и обнаружив снующие по улице полупрозрачные силуэты: невидимые для абсолютного большинства гули жадно

рыскали между торопящимися по своим делам людьми и старательно к чему-то принюхивались.

Солнечный свет их абсолютно не смущал. Обилие людей на оживленной улице – тем более. Они совершенно спокойно чувствовали себя посреди толпы и, в отличие от смертных, прекрасно знали, что их мир – не единственный.

Подойдя к окну, я некоторое время наблюдал за хаотичными перемещениями тварей, но вскоре обнаружил, что, несмотря на численность… я насчитал около двадцати гулей за десятую часть свечи… прямых столкновений с живыми они все-таки избегают. И причина такой осторожности очень быстро выяснилась: когда один из гулей не успел отскочить с дороги спешащего всадника, лошадь на полном ходу вдруг споткнулась и тревожно всхрапнула. Тварь, которую она задела боком, недовольно оскалилась и прыснула в сторону, а всадник, витиевато выругавшись, огрел ни в чем не повинную скотину хлыстом. После чего умчался, не заметив, что «обиженный» им гуль целеустремленно порысил следом.

Чуть позже еще один гуль замер посреди улицы и, обнажив клыки, уставился на движущегося прямо на него неплохо одетого господина. Дородный мужчина выглядел рассеянным и, видимо, о чем-то глубоко задумался, поэтому подтаявшие лужи и взбитая экипажами грязь не заставили его выбрать место посуше. Однако когда между его животом и носом напрягшегося гуля осталось всего ничего места, мужик неожиданно остановился, беспокойно заозирался и, машинально потерев то место, в которое ему уже дышала разинутая пасть, без видимых причин свернул в сторону.

Совпадение?

С сомнением проследив за ускорившим шаг господином, я ощутил, как тревожно всколыхнулась окутавшая меня Тьма. И едва не отпрянул от окна, когда все тот же гуль развернулся всем телом и тяжелым немигающим взглядом уставился прямо мне в глаза.

Повинуясь внезапно проснувшемуся чутью, я быстро опустил голову, продолжая искоса следить за насторожившейся тварью.

Та сделала несколько неуверенных шагов по направлению к нашему крыльцу, принюхалась. Поморщилась, будто наш дом пах для нее чем-то неприятным… да так оно, собственно, и было; моими стараниями, конечно. Наконец, скользнула под самое окно, на мгновение пропав из виду и почти сразу вынырнула прямо у меня перед носом, вскарабкавшись по наружной стене с легкостью опытного скалолаза.

Я непроизвольно замер, когда перед лицом бесшумно распахнулась широкая пасть, усеянная острыми зубами.

Раздувшиеся ноздри гуля дрогнули, когти, зацепившиеся за парапет, сжались, оставив на камне глубокие царапины. Я передернулся, невольно представив, какой скрип сейчас разнесся на темной стороне города, но с места не сошел. Даже напротив, подвинулся к окну так, чтобы гуль не смог проскользнуть внутрь, не задев меня хотя бы краем. А затем оперся обеими руками на подоконник, перекрывая доступ в свое недоделанное логово.

Видеть меня нормально тварь, как оказалось, не могла – ее напряженный взгляд блуждал по сторонам, будто то, что привлекло ее внимание несколько мгновений назад, бесследно исчезло. Она нетерпеливо покачивалась на широко расставленных лапах, пробовала подняться чуть выше. Затем спустилась чуть ниже подоконника, ненадолго отодвинулась и извернула короткую шею под совершенно немыслимым углом, будто это могло помочь сфокусироваться.

Я терпеливо ждал, не показывая виду, что заметил ее выкрутасы. Просто ленивый зевака у окна, которого заинтересовало противоположное здание… хорошо, что запах с темной стороны до меня не доносился. Иначе не уверен, что смог бы остаться спокойным. А вот Тьма сжалась в тугую пружину и, повинуясь интуитивному приказу, уползла куда-то вглубь, затаившись, как готовая к прыжку болотная гадюка.

Несколько мгновений гуль висел у меня перед глазами, беспокойно шевеля ноздрями и портя когтями несчастный карниз. Но потом все же сморщился, беззвучно чихнул и так же стремительно убрался, заставив меня облегченно выдохнуть.

Убедившись, что тварь вернулась на улицу, и никому из ее сородичей нет до меня дела, я медленно отступил вглубь комнаты, на всякий случай задвинув шторы. Задумчиво посмотрел на свои руки, на которых, будто почувствовав, что угроза миновала, снова появились крохотные язычки черного пламени. Очертил вокруг себя защитный круг, пользуясь жгутами Тьмы, как обычным пером. А когда обнаружил, что впервые в жизни могу работать с Ней без всяких посредников и постоянно истощающихся артефактов, растянул губы в недоброй усмешке.

* * *

Когда я закончил, в комнате царила непроглядная темень. Воздух был тяжелым, влажным, как в подземельях королевской тюрьмы, а на полу лежал тонкий слой черного инея, на котором тут и там проступали красноватые прожилки.

Смотреть на них простым зрением я не мог – в глазах все

плыло и двоилось, из-за чего казалось, что вокруг застыло целое море крови. В этой же «крови» были перепачканы пол, стены, потолок. Багровые потеки виднелись на моих руках и рубахе. Я постарался как можно плотнее закрыть потяжелевшие веки, но и под ними расплывались кроваво-красные пятна.

Конечно, не стоило надеяться, что покровительство Фола избавит меня от побочных эффектов. Судя по тому, что чувствовал я себя преотвратно, да еще и счет времени потерял, Тьма не стала менее жадной, если не сказать наоборот, потому что последняя пара свечей полностью выпала из моей памяти. Но если раньше Она сожрала бы меня подчистую, то сейчас я всего лишь остался без сил… простых, человеческих… тогда как мой магический резерв почти не пострадал.

С трудом поднявшись с коленей, на которых пришлось просидеть незнамо сколько времени, я ожидаемо пошатнулся и, дождавшись, когда в онемевших ногах восстановится кровоток, побрел в ванную комнату, остро сожалея, что маги Смерти не приспособлены к целительству. Был бы я Хогом – щас бы пошептал, поводил руками, и все. А так – сколько еще буду отходить после такого эксперимента…

Неожиданно из-под плотно сомкнутых век медленно скатилось две тяжелые горячие капли, и я замер, впервые за много лет по-настоящему встревожившись. Торопливо стер с лица невесть откуда взявшуюся гадость. С трудом, но все-таки распахнул глаза, поморщившись от стрельнувшей в затылке боли. Каким-то чудом рассмотрел на пальцах темное и с невыразимым облегчением подумал:

«Кровь».

После чего торопливо сунул голову в заранее приготовленный таз с холодной водой и на несколько ударов сердца позволил себе расслабиться.

Как всегда, это помогло, и сыто мурлыкнувшая Тьма, удовлетворившись матово-красным облаком, расплывшимся вокруг моего лица, медленно уползла вглубь, осев холодным комком где-то в районе солнечного сплетения. Правда, после ее ухода проснулся дикий голод, но я надеялся, что госпожа Одди не расстроится, если я похозяйничаю на кухне – она все равно готовит больше, чем может съесть за один раз.

– Фол, тебе жертвую, – буркнул я, покосившись на окрашенную кровью воду. Просто так буркнул. Не пропадать же добру? Но бог услышал: в ванной коротко сверкнуло, где-то на грани разума довольно усмехнулась Тьма, а когда я приоткрыл веки, вода в тазу оказалась кристально чистой. И в голове заодно посветлело. Даже дышать стало легче, что ли?

– Еще б пожевать чего организовали, было бы вообще отлично, – вполголоса пробормотал я, но ответа, естественно, не дождался. После чего разочарованно вздохнул и, кое-как вытерев мокрую шевелюру, отправился смотреть, что у меня получилось.

А получилось нечто любопытное. Я едва не споткнулся на пороге, когда перешел на второе зрение и увидел, во что превратилась моя комната: клетка… прямоугольная, в точности повторяющая контуры помещения клетка из тесно переплетающихся матово-черных жгутов, образующих сложный узор из магических знаков. Причем выглядели жгуты настолько реальными, что я не удержался – провел по ближайшему рукой. И задумчиво хмыкнул, ощутив пустоту и легкий холодок под пальцами.

Что ж, этого и следовало ожидать: Тьма не любила проявляться в этом мире. Зато на темной стороне построенная из Нее клетка будет прочнее стали. И, в отличие от обычного заклинания, не привлечет к себе внимания.

Конечно, встроенные в ее структуру знаки были самыми простыми: Оглушение, Ослепление, Страх, Паутина, Невидимость… но если раньше я рисовал каждый из них отдельно, искусственно вплетая в канву из нитей силы, то сейчас они стали единым целым. Полностью слились с основой, усиливая ее, перетекая один в другой настолько плавно и органично, что в созданной конструкции не осталось слабых мест. Она была совершенной. Законченной. И… почему-то очень знакомой.

Присмотревшись к узору внимательнее, я вспомнил, где видел нечто подобное, и тихо присвистнул: теперь понятно, почему у меня не получалось отыскать брешь в защите учителя. Более того, даже не видел ее толком – всякий раз при попытке приблизиться словно на стену натыкался.

Кажется, мастер Этор тоже умел работать с Тьмой напрямую, но почему-то не стал делиться со мной этим знанием. Теперь, к сожалению, не у кого спросить, зачем он так поступил. Хотя, возможно, он считал, что слепцу не понять красоту радуги, поэтому не стал тратить время, надеясь, что когда-нибудь я прозрею самостоятельно.

Я уже привычно призвал Тьму, машинально отметив, что с каждым разом Она отзывается все быстрее и охотнее. Впервые в жизни открылся Ей добровольно, позволив заполнить себя почти целиком. С облегчением убедился, что за пределы тела Она не выходит, и только после этого перешел на темную сторону.

Первым делом, конечно, осмотрел созданную клетку – отсюда она выглядела еще лучше, чем в реальности. То, что в обычном

мире казалось призрачным и невесомым, здесь обрело материальную основу. Черные жгуты превратились в мощные стальные прутья, от которых веяло приятным холодком. Пустоты между ними заполнились такой же черной полупрозрачной субстанцией, по крепости не уступающей прутьям. А внутри нее вился сложный узор из повторяющихся знаков, которые плавно переходили с решетки на «пустоты» и соединяли их в единое целое.

Насколько эта защита окажется эффективной против местных обитателей, сказать было сложно. Но, присмотревшись, я убедился, что бродящие снаружи гули не обращали на изменившуюся комнату никакого внимания. Их не привлекли ни знаки, ни металл, ни необычное строение клетки. Казалось, никто даже не увидел, что на месте полуразрушенного помещения появилось что-то новое. Правда, парочка особо беспокойных тварей, находившихся ближе всех к дому и, возможно, почуявших запах человека, поспешила-таки залезть в окно первого этажа и промчаться по лестнице, царапая когтями постаревшие ступеньки. Но вот дальше… возле моей двери гули неожиданно замедлились и вроде бы даже растерялись. Пометавшись какое-то время перед стеной, гули озадаченно поурчали, понюхали воздух, потрогали лапами наружную часть моей защиты…

Тут я, признаться, несколько напрягся.

Затем они пробежали дальше по коридору, не поленившись заглянуть в соседнюю комнату, где по вечерам любила отдыхать госпожа Одди. Покрутились там какое-то время и, разочарованно взвыв, промчались в обратную сторону. Не увидев ни меня, ни знаков, которые я уже приготовился активировать.

Когда они выскочили на улицу, я довольно кивнул. А потом на пробу прошелся по комнате, пиная сапогами невесть откуда взявшийся мусор. Прикинул, что смогу сделать с остатками шкафа и как буду использовать освободившееся пространство. Проверил заодно тайник, оказавшийся исправным даже на темной стороне. Убедился, что чувствую себя здесь так же комфортно, как и среди живых, и решил, что мастер Ниро был прав: Тьма для каждого из нас действительно разная. Более того, та Ее часть, что поселилась у меня внутри, разительно отличалась от той, что обитала снаружи. Она стала своеобразным мостиком, по которому я мог свободно приходить на темную сторону и возвращаться в любое понравившееся время. Избавила меня от неудобств и опасностей, связанных с «коридором». Открыла, можно сказать, глаза. К тому же, оказалось, что с Ней можно договориться и даже кое в чем даже управлять.

Осталось только научиться правильно это делать.

Глава 7

В этот день я возвращался во Тьму ещё несколько раз. Поначалу – чтобы забрать меч и посмотреть, как ведут себя в клетке нанесенные на лезвие знаки (*тут, хвала Фолу, все оказалось в порядке*). Затем – чтобы проверить, на сколько хватит моей выносливости. И, наконец, чтобы засечь точное время пребывания во Тьме, для чего сначала пришлось вернуться в реальность и зажечь мерную свечу.

Тогда же обнаружилось, что усталость моего физического тела никак не проявляется на темной стороне. Стоило мне туда уйти, как ноги переставали наливаться свинцом, голова необъяснимым образом светлела, шум в ушах моментально проходил, и я снова становился бодр и полон сил, будто ничего не произошло. Более того, за весь срок моего пребывания во Тьме воск мерной свечи так и не расплавился до отмеченной риски. А дрожащий на конце фитиля язычок огня замирал, как приморожeнный, и не шевелился до тех пор, пока я не возвращался в обычный мир.

Это явление было мне знакомо – мастер Этор не раз создавал во Тьме пространственно-временной карман, где время текло иначе, чем в реальности, и загонял меня туда вместе с вооруженными мертвецами. Так, утверждал он, мы экономили его личное время. Однако если учителю приходилось прилагать для этого определенные усилия, то сейчас время останавливалось самопроизвольно. Причем не только для меня, но и для свечи, которую я эксперимента ради перетащил на темную сторону.

Обнаружив, что здесь огонь остается таким же неподвижным, как и снаружи, а его пламя практически не жжется, я вспомнил слова Ниро о невезучих магах, выходивших из Тьмы глубокими стариками, и попытался нащупать живчик на собственной шее. Ничего не нашел, чему, естественно, удивился. После этого проверил пульс. Приложил руку к левой стороне груди, прислушался и… спустя некоторое количество времени с удивительным спокойствием констатировал, что мое сердце тоже не бьется, что было особенно странным, поскольку чувствовал я себя при этом даже лучше, чем обычно, и не потерял ни способности двигаться, ни скорости, ни реакции.

Любопытно, да?

Нет, с одной стороны это неплохо – стать раньше времени старой развалиной мне не грозило, да и другие последствия длительного пребывания во Тьме будут обходить меня стороной. А с другой… я задумался о том, сколько же на самом деле лет

было мастеру Этору, владевшему этой техникой в совершенстве, а также о том, какую цену возьмет Фол за очередной свой подарок.

Впрочем, ответ на второй вопрос я получил довольно быстро – как только вернулся в мир живых и понял, что едва держусь на ногах. Не потому, что сделал что-то неправильно или позволил Тьме больше обычного, а потому, что внезапно вернувшаяся усталость, о которой я едва не забыл, навалилась на мои плечи с удвоенной силой. Руки задрожали, словно после тяжелой работы, на теле выступил холодный пот, а внезапно очнувшееся сердце заколотилось с такой скоростью, будто хотело отомстить за мгновения вынужденной остановки. Даже зверский голод притупился, сменившись гораздо более насущной потребностью – выспаться.

Увы. Стоило мне добрести до кровати и, с облегчением на нее рухнув, закрыть слипающиеся глаза… всего-то на мгновение, как показалось… как в дверь кто-то яростно забарабанил и злым голосом потребовал:

– Арт! Открой немедленно!

Я заворчал.

Ну что за люди? Даже помереть спокойно не дадут.

– Даже не надейся отмолчаться, Рэйш! – пригрозили снаружи, будто неурочный визитер прочитал мои мысли. – Я знаю, что ты дома. Госпожа Одди сдала тебя с потрохами!

Я со стоном накрыл голову подушкой.

Йен… чтоб его… никого другого милая старушка, уже успевшая изучить мой скверный характер, не посмела бы пустить на порог. Вылечился, никак? Или слишком сильно припекло, раз он приперся сюда самолично? Наплевать. Не буду вставать: я только лег.

– Арт, поднимайся сейчас же! – рявкнул из-за двери Йен, окончательно потеряв терпение. – У нас очередное убийство! Вернее, два. И ты нужен мне НЕМЕДЛЕННО!

Да чтоб его еще на три дня лихорадка свалила…

Я тяжело вздохнул и сел, собираясь с мыслями. И лишь спустя какое-то время сообразил, что именно услышал: убийства?! Фолова отрыжка! На сколько же меня вырубило, ведь Палач имел привычку приходить после полуночи, а городскому сыску уже успели предъявить целых два трупа… то есть, призрака?! Или в Верле развлекается другой маньяк, увлеченно сносящий незнакомым людям головы?!

Ругнувшись, я подхватился с постели и, не обращая внимание на доносящийся из коридора грохот, поспешил к окну. Отдернув шторы, ругнулся еще раз при виде ночного неба и луны, выглядящей особенно зловеще на фоне руин, обласканных

метелью. Запоздало сообразил, что перешел на второе зрение совершенно машинально, заодно углядел одиноких гулей, вяло ковыряющихся в куче мусора возле одного из домов. После чего осмотрел пустынную улицу, насколько позволяла конструкция окна, подумал и… решил ничего не менять. Только после этого оделся, подхватил ножны с мечом и, распахнув содрогающуюся от ударов дверь, мрачно уставился на злого, как слуга темного бога, начальника городского сыска:

– Чего разорался? Хочешь всю улицу на ноги поднять?

Йен от неожиданности заткнулся, воззрившись меня с таким выражением, какое было у Лардо после посещения дома купца. Госпожа Одди, мнущаяся за его спиной, негромко ойкнула и отпрянула, когда качнувшаяся в ее руке свеча на мгновение осветила мое лицо. Почти сразу покрытое застывшим воском блюдечко выскользнуло из слабых старушечьих пальцев, с жалобным звоном разбившись о деревянный пол, и в коридоре снова стало темно, как во владениях Фола. Для всех, разумеется, кроме меня.

– Идем, чего встал, – буркнул я, когда в доме воцарилась неловкая тишина. – Госпожа Одди, господин начальник городского сыска очень сожалеет о причиненном вам беспокойстве и уже покидает ваш гостеприимный дом. Идите спать, пожалуйста.

Не дожидаясь ответа, я развернулся к лестнице, проигнорировав испуганную хозяйку. Йен, пробормотав что-то извиняющее, поспешил следом за мной. А когда мы спустились на первый этаж и услышали истовую молитву в исполнении внезапно охрипшей госпожи Одди, укоризненно вздохнул.

– Нельзя было как-то… помягче?

Я пнул обиженно скрипнувшую входную дверь и вышел на заметенное снегом крыльцо, возле которого нас дожидался неприметный кеб и отчаянно шмыгающий носом возница, завернувшийся в теплый тулуп так, что оттуда даже глаз было не видать.

– Я и так проявил чудеса сдержанности. Цени.

Это правда: я не успел выспаться, был голоден и, как следствие, зол. Поэтому пусть скажет спасибо, что сразу не послал. Если бы не труп…

– Такими темпами ты скоро будешь жить на улице, – с уверенностью предрек кутающийся в пальто начальник, первым спустившись по ступенькам. – И когда это случится, не вздумай просить у меня помощи – даже на порог не пущу.

Я оскалился, ни на миг не усомнившись в доброте госпожи Одди, благодаря которой уже третий год имею нормальную

крышу над головой. А Йен поспешил забраться в повозку.

– Что за шутки с осадками в этом году? Еще дождей толком не было, а уже сугробы наметает… совсем с ума сошла небесная канцелярия – всю погоду попутала.

– Помолись Ферзе, – равнодушно посоветовал я, забираясь следом. – Вдруг откликнется?

– Я, если и соберусь помолиться, то только Ремосу, – нахохлился Йен, упорно считавший, что человек должен достигать всего сам, а не оглядываться на богов. – Да и то, когда совсем прижмет. Кебмен! На Кузнечную!

– Как прикажете, – клацнул зубами возница, и застоявшаяся лошадь тронулась с места, с хрустом раздавливая тонкий ледок на замерзших лужах.

– Гляжу, тебе стало лучше, – скупо заметил я, когда повозка затряслась на ухабах.

Йен, физиономия которого и впрямь перестала быть такой кислой, как утром, выразительно скривился.

– Отваров напился. Свечи на две, надеюсь, хватит.

– Ты что, к знахарке ходил? – чуть не поперхнулся я, воззрившись на начальство в искреннем изумлении. Но наткнулся на свирепый взгляд и понял, что дальше лучше не уточнять: Хога Йен на дух не переносил. Особенно после того, как маг на приеме у бургомистра однажды выразил свое отношение к умственным способностям столичного начальства, назначающего на руководящие посты в городском сыске «всяких молокососов, едва закончивших университет». Говорил он при этом тихо, в уголке, в кругу хорошо знакомых ему людей, от которых не нужно было ждать подставы. Но, увы, не заметил одного из упомянутых «молокососов» и не учел его тонкий слух. Вследствие чего был удостоен мягкого порицания со стороны бургомистра и приобрел весьма упорного и крайне злопамятного если не врага, то уж точно недруга, который даже спустя два с половиной года не простил оскорбления.

Поняв по глазам Йена, что дальше эту тему продолжать не стоит, я пожал плечами и отвернулся, скользя по проносящимся мимо домам рассеянным взором. Второе зрение отключать не стал – гулей по округе шастало предостаточно, и упускать их из виду я не собирался. Но из-за раздвоенности восприятия, которая мешала нормально ориентироваться, оставил тончайшую линзу из Тьмы только в одном глазу. Левом. Тогда как правый снова сделал нормальным и видел им лишь то, что мог увидеть самый обычный человек.

Как вскоре выяснилось, так было намного удобнее, чем когда картинки накладывались друг на друга. Риск заработать

косоглазие, конечно, возрос стократно, да и результаты несколько отличались от первоначальных, зато я не потерял в информативности. И мог в любой момент проследить, что происходит в обоих мирах, не боясь чего-то упустить.

– Что у тебя с лицом? – неожиданно спросил Йен, когда я приспособился к двойному зрению и принялся экспериментировать с цветовой гаммой, чтобы лучше различать детали.

Я непонимающе повернулся.

– А что с ним?

– Ты не знаешь? Страшнее только в гроб кладут.

Хм. Знал бы Йен, как я сейчас вижу его физиономию… впрочем, думаю, зрелище человеческого черепа, обтянутого серой кожей, лишившегося губ, одного глаза и обоих век на втором, да еще зияющего огромной дырой в районе левого виска, ему бы точно не понравилось. Не знаю, правда, почему получился такой эффект, а на месте Йена оказался полноценный мертвец… ну, будущий мертвец, видимо. Зато мне, кажется, известно, каким образом он умрет. Хотя и непонятно, когда это случится и чья именно рука проломит ему голову.

– У меня в комнате нет зеркал, – ровно отозвался я, размышляя над неисповедимыми путями темных богов, благодаря которым я делал одно «приятное» открытие за другим. – От них слишком много проблем. Так что со мной не так?

Норриди внимательно посмотрел на мою подчеркнуто спокойную физиономию и кашлянул.

– У тебя один глаз почернел.

– Ну и что?

– А когда мы выходили из дома, черными были оба. И эти пятна на коже…

– Эка невидаль, – зевнул я. – Сегодня пятна есть, завтра нет… нашел, чему удивляться.

– Сейчас они пропали, – скупо заметил Норриди, не ведясь на мое показное равнодушие. – Но когда ты вышел из комнаты, я первым делом подумал о том, где взять лопату, чтобы упокоить одного подозрительно знакомого зомби.

Я хмыкнул.

– Против зомби лопата бесполезна. Как, впрочем, и меч. Мертвецы не любят огонь, так что в следующий раз бери с собой зажженный факел.

– Спасибо за совет, – ядовито отозвался Йен, подпрыгнув вместе со мной на ухабе. – Обязательно воспользуюсь при первом подходящем случае.

Я отмахнулся.

Раз этот упрямец язвит, значит, и в самом деле чувствует себя лучше. А вот его внешность меня несколько напрягала. Да и лошадиный скелет, бодро везущий нашу повозку по городу, не добавлял оптимизма. Интересно, я теперь всех буду видеть в таком неприглядном свете: правым глазом – живых, а левым – мертвых? И если да, то надо ли мне посоветовать Йену почаще носить с собой шлем, а кебмену – начать подыскивать новую лошадь? Или, может, вернуться к обычному зрению и не мучиться?

– Приехали, господа, – объявил возница, придерживая шумно дышащую конягу, которая знать не знала, что в скором времени переломает себе обе передних ноги. – Улица Кузнечная. К какому дому везти?

– К тому, где толчется больше всего народу, – мрачно ответил Норриди, нахохливаясь и отворачиваясь в сторону, будто от меня скверно пахло. Я же, напротив, высунулся наружу и кинул любопытный взгляд наверх. Жаль, кебмен был закутан так, что даже нос наружу не торчал. Но вот толпа одетых в форму городской стражи скелетов, очень даже живенько топчущаяся возле четвертого по счету дома, против воли заставила меня улыбнуться.

Нет. Пожалуй, с глазами ничего делать не буду – очень уж хотелось посмотреть вблизи на рожи Лардо и Готжа. Да и Хог наверняка где-то рядом ошивался. К тому же, возле стражников уже начала собираться стая жадно облизывающихся гулей, к которым постепенно подтягивались твари из соседних домов. А их из виду я точно упускать не собирался.

Посмотрев на то, какое количество нежити собралось на окрестных крышах, я вздохнул, неохотно признав, что Йен не зря вытащил меня из дома. И, машинально проведя ладонь по скрытым под плащом ножнам, первым отправился выяснять подробности.

* * *

Скелеты при ближайшем рассмотрении оказались очень даже ничего – беленькие, лысенькие, симпатичные… видимо, помрут своей смертью, так как видимых повреждений на ребятах из городской стражи я не нашел. Под пальто, конечно, не заглядывал, но полуразложившейся плоти на гладких, отполированных до блеска черепах, как у Йена, не виднелось. Хуже другое – без лиц они стали похожи друг на друга, как близнецы, поэтому мне пришлось изворачиваться и смотреть

попеременно то левым, то правым глазом, чтобы никого не перепутать.

– В чем дело, Рэйш? – насторожился при моем приближении Готж, на которого я уставился с особым интересом. Зря надеялся: ничем особым, кроме более массивного костяка, Старый Морж от других не отличался. Да и Лардо рядом не было, так что сравнить, увы, не получилось. – Что-то не так?

– Усов нет, – согласно кивнул я, прищурив правый глаз. – Но фигура к старости почти не изменится, так что тебе есть, чем гордиться.

Рука Готжа непроизвольно дернулась к лицу, но я уже отвернулся и, проигнорировав обернувшиеся ко мне пустые глазницы стоявших неподалеку людей, направился в дом – надо было взглянуть на место преступления. На гулей старался прямо не смотреть, хотя за крышами продолжал следить краешком глаза, двум вежливо скалящимся скелетам у входной двери равнодушно кивнул, а когда, переступив порог, ощутил во рту знакомый горьковатый привкус, поморщился.

– Девушку нашли около лестницы, – сообщил нагнавший меня Йен. – Это прямо по коридору и направо.

– Что? – удивился я, оглядывая холл. – Я думал, у нас тут труп, а не девушка.

– Вообще-то у нас два трупа, – раздраженно отозвался Норриди, хлопнув дверью. – Причем один из них принадлежит девице, которую звали Сарой Лэнли, а второй – ее брату, Питеру. Мертвыми их нашла соседка, зашедшая справиться о делах Сары… Трант старушку, наверное, до сих пор травами отпаивает, чтобы она могла хоть что-то внятно рассказать.

– Вообще-то уже рассказала, – с озабоченным видом вышел из коридора Барни Трант – невысокого роста, щуплый, одетый в простое серое пальто человек. Невыразительное лицо, за которое даже натренированному взору было трудно зацепиться, рассеянный взгляд, гладко причесанные… вернее, прилизанные волосы с идеально ровным пробором посередине. Встреть такого на улице и через миг даже не вспомнишь. При этом Барни обладал редким талантом находить с людьми общий язык, с легкостью выуживал информацию даже из самых несговорчивых свидетелей, а его присутствие всегда успокаивающе действовало на начальство.

Вот и сейчас Йен мигом забыл про недавнее раздражение и с живым интересом повернулся к своему лучшему сыскарю.

– Что ты выяснил?

– Не очень много, – невозмутимо откликнулся Трант, подходя ближе. – Женщина напугана и ожидаемо зациклилась на

ненужных деталях, но кое-что мне все-таки удалось узнать. Кстати, Рэйш, Хог еще наверху.

Я рассеянно кивнул, показав, что услышал, а затем отправился гулять по холлу, слушая сыскаря вполуха.

Домик, между прочим, был обставлен неплохо. Недорогая, но со вкусом подобранная мебель, интересный рисунок на шторах, претендующий на изысканность, необычные безделушки на полках, отличной работы старое, когда-то дорогое, но сейчас несколько потрепанное кожаное кресло, словно попавшее сюда из кабинета состоятельного аристократа… совсем непохоже на жилье двух обитателей бедного квартала, вынужденных думать только о хлебе насущном. Кажется, погибшие имели неплохой заработок, раз могли себе позволить такую обстановку. Но, в то же время, что-то помешало им продать старый дом и переехать в более престижный район.

Нелегальные доходы?

– Родители Сары и Питера погибли около пятнадцати лет назад, во время наводнения. Несчастный случай в доках, – тем временем доложил Трант. – Ближайших родственников не нашлось, поэтому после смерти четы Лэнли двое их малолетних детей едва не оказались на улице. К счастью для них, тогдашний владелец доков – господин Уэссеск – взял их под свою опеку. Посчитал себя в некотором роде обязанным присмотреть за осиротевшей парочкой, поэтому дал им работу, пустил в свой дом… его особняк стоит недалеко от нашего Управления… и исправно платил жалованье. На которое, к слову сказать, сироты не только могли содержать оставшийся от родителей дом, но и даже позволять себе время от времени некоторые излишества.

– Это ты о ком? – уточнил я, изучая висящий на стене выцветший от времени гобелен с изображенной на нем симпатичной пастушкой. – Я излишества имею в виду.

– О Питере, конечно, – невозмутимо пояснил Трант. – Он был младшим в семье. Сестра, как водится, старалась его уберечь от всего на свете и, по словам соседки, «дооберегласъ» до того, что мальчишка однажды попался на воровстве. Повезло, что молодой господин Уэссеск заступился, взяв пацана на поруки. Но вскоре Питер попался снова и был выставлен за дверь. С тех пор пошло-поехало: дурной характер, неудачная компания, проблемы с работой… Сара пахала за двоих, чтобы прокормить себя и этого обормота.

– Сколько же ему было лет, что она за ним как за маленьким ходила? – осведомился я.

– Воришкой он стал в двенадцать. По-серьезному попался в четырнадцать. Через несколько дней ему должно было

исполниться семнадцать… однако Палач вынес приговор раньше.

– Вовремя, – хмыкнул я, мельком покосившись на Йена. – С какого там возраста у нас разрешается отправлять подростков в каменоломни?

– С восемнадцати, – буркнул великий знаток законов и уложений. – Как и на плаху.

– Значит, у нашего короля должен быть личный счет к убийце – за попытку сорвать поставки заключенных на ценные для короны разработки.

– Заткнись, Рэйш, – поморщился Норриди. – Без тебя тошно. Барни, у тебя все?

– Не совсем, – качнул головой сыскарь, кинув в мою сторону укоризненный взгляд. – В последние пару лет Питер пристрастился к выпивке, поэтому сестра, устав от его выходок, стала реже возвращаться домой. Госпожа Дорна ей сочувствовала, но поделать ничего не могла – младший Лэнли совсем отбился от рук и даже посмел угрожать старушке расправой, если она ещё раз сунет свой нос в его дела. После этого соседка занервничала, но обратиться в городскую стражу ей помешала Сара. Не хотела, несмотря ни на что, видеть брата за решеткой. И даже каким-то образом утихомирила его на пару недель. Да так, что Питер носу из дома не казал. Однако вчера после обеда у них снова стало шумно. Госпожа Дорна слышала громкие голоса, какой-то грохот. На втором этаже все вверх дном перевернуто: окно разбито, мебель опрокинута, вещи раскиданы… пожилая дама уже хотела вызвать стражу, но ссора быстро прекратилась. После чего из дома выбежал взбешенный Питер с какой-то сумкой, и до настоящего времени его местонахождение нам неизвестно. А вот с Сарой вечером все было в порядке – через разбитое окно второго этажа соседка видела ее убирающейся в доме. Поэтому, собственно, и успокоилась. А встревожилась снова только утром, когда девушка по обыкновению не зашла к ней перед работой…

– Зачем? – встрепенулся Йен. – У них что, были настолько близкие отношения?

– С тех пор, как Питер запил, Сара оставляла у госпожи Дорны некоторые вещи. Боялась, что брат по пьяни разобьет, сломает или продаст: оставшиеся от матери безделушки, новые платья, немногочисленные драгоценности…

– А там разве было, что продавать?

– По словам старушки, было, – пожал плечами сыскарь. – Но сам я ещё не видел, поэтому точно сказать не могу. Когда Сара не пришла, госпожа Дорна, пользуясь отсутствием Питера, отправилась разузнать в чем дело. Но в дом попасть не смогла – дверь была заперта изнутри. К обеду ее беспокойство усилилось

настолько, что старушка рискнула пройти через задний двор… у них там калитка общая… и вошла через черную дверь. А обнаружив труп девушки, подняла крик…

– Йен, ты же сказал, что убийств было два? – осведомился я, повернувшись к сыскарям и вопросительно на них взглянув.

– Точно, – хмуро подтвердил Норриди.

– Но труп, получается, один?

– Пока – да.

– Убита девушка, и ее тело находится здесь? Исчез парень, и его тела никто пока не видел? А перед этим они бурно ссорились и, скорее всего, даже подрались?

– Похоже на то.

– Но ты все равно считаешь, что тут поработал Палач? – скептически заключил я, сложив руки на груди.

– А ты сам взгляни, – предложил Трант и махнул рукой в сторону единственного коридора, в глубине которого виднелась тень лестницы. – И вообще, чего ты сегодня с оружием сюда притащился? У нас что, война?

Я отвернулся и, одернув полу плаща, чтобы ножны не так бросались в глаза, буркнул:

– У кого – как.

После чего запахнулся поплотнее и отправился в указанном направлении, мысленно отметив, что у неприметного сыскаря, кто бы что ни говори, есть ещё один скрытый талант – он умел подмечать детали.

– Что так долго? – с уставшим видом спустился со второго этажа мастер Хог, умудрившись загородить собой коридор так, что мне пришлось бы протискиваться между ним и стеной. – Норриди две с половиной свечи назад уехал. Уже после того, как вернулся Чет и доложил, что не смог до тебя докричаться. Считай, полдня потеряли. Или ты у нас особенный, раз за тобой приходится выезжать персонально?

– А почему бы и нет? – доброжелательно улыбнулся я, щелчком пальцев приподнимая край шляпы так, чтобы стали видны мои глаза.

Хог непроизвольно отпрянул. Смешной такой, полуразложившийся человечек с наполовину выклеванным правым глазом, эффектно рассеченной щекой и разгрызенным горлом, в котором побулькивала тошнотворная красная масса.

Я даже порадовался, что не стал ничего делать со зрением. И, сполна насладившись выражением лица мага Жизни, на которого близость моей силы всегда оказывала угнетающее воздействие, спокойно прошел дальше.

– Надеюсь, тело ты не трогал? – поинтересовался напоследок,

но услышал в спину только сдавленное проклятие. – Спасибо. Я это запомню.

Что там еще бурчал себе под нос штатный маг, я уже не слушал – меня гораздо больше интересовало лежащее ничком тело, у которого отсутствовала голова. Но ещё больше интересовал безголовый призрак, с печальным видом покачивающийся возле стены.

Самое же странное заключалось в том, что тело на полу действительно было женским… изящное сложение, неплохой формы икры, виднеющиеся из-под задравшегося до колен подола, покрытое засохшей кровью платье не давали в этом усомниться… а вот призрак – мужским. И при виде него я всерьез усомнился в том, что понимаю ситуацию правильно. После чего прислонился к перилам лестницы и, испытывая дикое желание закурить, вполголоса пробормотал:

– Это что-то новенькое. Кажется, у Палача появилось чувство юмора?

Глава 8

Осмотр тела много времени не занял: причина смерти была более чем очевидной. Собственно, меня заинтересовала только рана – грубый, неровный срез с рваными краями. И особенно сколы на поврежденном позвонке, которые просматривались даже сквозь запекшуюся корку крови.

Одолжив у хмурого Йена платок, я не побрезговал протереть, а затем тщательно ощупать кости позвоночника, чтобы убедиться в выводах. Затем отбросил в сторону безнадежно испорченный клочок ткани и вопросительно посмотрел на Норриди.

– Голову нашли?

– Нет, – кратко отозвался тот, проводив недовольным взглядом окровавленный платок.

– Орудие убийства?

– Тоже.

– В доме есть камин, – обронил я, поднимаясь с колен и отряхивая руки. – Сара и Питер жили недостаточно богато, чтобы содержать прислугу или покупать готовые дрова. Значит, где-то должен найтись топор.

– Думаешь, Палач мог им воспользоваться? – язвительно осведомился Хог, не торопясь покидать дом. – Или у нас появились призраки, способные держать в руках настоящее оружие?

Я повернулся к нему.

– Ты тело осматривал?

– Только поверхностно, – отчего-то насторожился маг. – Вскрытие проведу в управлении. А что?

Я так же спокойно отвернулся.

– Теряешь квалификацию. Йен, я пройдусь по дому?

– А как же дух?! – ошарашенно спросил Норриди, неверяще на меня уставившись.

Я кинул взгляд на безголового брата жертвы, безучастно висящего неподалеку от девушки: довольно высокий худощавый паренек, самым важным в котором, на мой взгляд, был сам факт его существования. Закатанные до колен, живописно разодранные на коленках штаны, такая же драная, распахнутая до пупа рубаха, несколько старых шрамов на полупрозрачной груди, безупречно чистый срез у самого основания шеи…

Если не считать деталей, он ничем не отличался от призрака господина Игоора. Разве что пальцем ни на кого не указывал.

Я фыркнул.

– Куда он отсюда денется?

– Ты не собираешься его осматривать?!

– Я увидел все, что нужно.

Йен только вскинул брови, но возражать не стал, когда я двинулся дальше по коридору, внимательно изучая стены и пол. Крови на них оказалось совсем немного – всего несколько капель, веером брызнувших на доски неподалеку от тела. Некоторые из них оказались настолько мелкими, что я заметил их лишь вторым зрением. И то – только потому, что знал, где искать. Остальной коридор оказался чист. На кухне и в кладовой следов крови тоже не нашлось. А вот царящий на столе бардак и горы грязной посуды, беспорядочными грудами наваленные где попало, в том числе и на подоконнике, заставили меня поморщиться.

Нет, я не брезглив, но считаю, что место, где человек принимает пищу, должно быть чистым. А здесь словно стадо свиней порезвилось. Или одна свинья. К тому же, крайне неразборчивая в еде.

Мельком оглядев сваленные в кучу тарелки с прилипшими, а кое-где и протухшими частичками пищи, я покачал головой и вышел, предварительно оценив вымазанные в чем-то неопределенном ножи и убедившись, что к убийству девушки они не имели никакого отношения. Затем прошел до задней двери, выглянул во двор и, не обратив внимания на стегнувший по лицу порыв холодного ветра, остановился на пороге.

Задний двор был ожидаемо пуст, если не считать нескольких деревьев с рано облетевшими листьями и сложенной в дальнем углу поленницы. Высокий забор, отделяющий участок от соседей, выглядел крепким, хотя и не новым. Рассохшиеся доски нигде не отваливались. Распахнутая кем-то, давно не крашеная калитка, мерно поскрипывала на ветру. А тщательно подметенная дорожка, на которой парни из городской стражи успели оставить немало следов, уже начала покрываться свежим снежком.

Закрыв дверь, я вернулся к лестнице, а затем, проигнорировав вопросительный взгляд Йена и скептический – Хога, поднялся на второй этаж. Комнат наверху оказалось всего две. Одна, судя по обстановке, принадлежала убитой девушке – именно ее окна смотрели на дом госпожи Дорны. А во второй когда-то обитал ее слабохарактерный братец – незаслуженно оберегаемый неряха, вор и малолетний пьяница, чей призрак до сих пор не мог обрести покой.

То, что мальчишка умер именно здесь, сомнений не вызывало – в комнате наблюдалось необычайное оживление среди гулей: сразу четыре твари с азартом возились на полу, торопливо догрызая чужие кости и периодически сцепляясь друг с другом за особенно лакомые куски. Еще пятеро сидели на стенах, впиявив

когти прямо в кладку. Двое с напряженным вниманием следили за трапезой с потолка. И штук шесть нетерпеливо бродили по чердаку, время от времени с надеждой заглядывая в зияющие в потолке дыры, будто надеясь, что и им что-нибудь перепадет.

С независимым видом войдя внутрь, я сделал вид, что не заметил внезапного прекращения возни и настороженно обернувшихся гулей. Не отдернул руку, когда один из них, зажав в зубах берцовую кость, почти ткнулся носом в мои пальцы. Затем прошел к единственному окну, протопав сапогами прямо по тому месту, где совсем недавно состоялся роскошный пир. Проигнорировал спрыгнувшую на подоконник тварь, которая сощурила пылающие зелеными огнями глаза и оскалилась мне прямо в лицо. После чего оглядел скудно обставленную комнату и с досадой констатировал, что улик на этот раз не будет: от сброшенного во Тьму тела не осталось практически ничего, кроме разбросанных по полу осколков костей и неопознаваемых голубых лоскутов.

Мне даже не было смысла переходить на темную сторону: одежду Питера разорвали в клочья, мясо с костей сгрызли, за сами кости, похоже, по нескольку раз передрались, поделив добычу между сильнейшими. И даже пролившуюся на пол, кристаллизовавшуюся на холоде кровь сперва тщательно вылизали, а затем выгрызли вместе с куском ковра. И теперь спешно подбирали с пола последние капли, то и дело косясь на мою мрачную физиономию.

Да, я был недоволен, потому что опоздал. Палач сработал, как и в прошлый раз, точно и умело, а гули ловко подчистили место преступления. С купцом вышло бы также, если бы не явившийся спозаранку Робин, а в случае с Питером прошло слишком много времени. Палач ведь убивает в полночь. Хотя, может, эти сволочи командой охотятся? Он головы рубит, а гули подъедают остатки? Или он специально их приманивает, чтобы следов не оставлять?

Неожиданно мой взгляд мазнул по настенному зеркалу в обшарпанной раме. В отражении промелькнула хмурая рожа, белые волосы, упрямо выдвинутый подбородок… один глаз почернел так, что белка стало совсем не видно. Второй при таком освещении казался мутным, как у мертвеца. А губы выглядели синими, словно у утопленника.

И чего, спрашивается, Хог всполошился?

Эксперимента ради я закрыл по очереди левый и правый глаз, чтобы понять разницу, и с некоторым удивлением обнаружил, что картинка никак не изменилась. Ну разве что правым глазом я видел себя чуточку более похожим на живого, а левым – на

мертвого. Но ни тебе страшных ран, ни облезлой кожи и выпавших волос, ни дырок в черепе… просто я, без всяких дополнений и необычных отметин. Видимо, с отражением мой новый дар не работает.

Убедившись, что ничего нового в зеркале не появится, я уже шагнул было к выходу, но в самый последний момент вдруг остановился и, обернувшись, нахмурился.

Зеркало…

Я, как маг Смерти, категорически не приемлю этот предмет интерьера, особенно в жилом помещении. Не потому, что не люблю лишний раз смотреть на свою страшную морду, а потому, что прекрасно знаю, на чем зиждутся человеческие страхи и почему в доме умершего закрывают плотной тканью все отражающие поверхности.

Испокон веков гадалки и ворожеи пользуются зеркалами, как переходными мостиками между миром живых и миром мертвых. Медиумы с той же целью держат при себе хрустальный шар. А у нас тут две сомнительные смерти, и у каждой из жертв в комнате имелось зеркало! Причем большое, настенное или напольное, с достаточно широкой рамой, чтобы через нее прошло тело человека.

Фол! Кажется, теперь я знаю, как Палач затаскивает свои жертвы на темную сторону!

Забыв про суетящихся в комнате гулей, я отмахнулся от терпеливо дожидающегося в коридоре Йена и, стараясь не наступить на разбросанные по полу вещи, прошел в комнату девушки. Там первым делом обратил внимание на раздувавшиеся на ветру шторы, за которыми виднелось разбитое окно. Выглянув наружу, еще раз убедился, что отсюда прекрасно виден дом напротив. Опустив глаза, с некоторым трудом разглядел в наметенном за сутки сугробе очертания то ли вазы, то ли цветочного горшка. Обернулся, оценив устроенный в комнате кавардак. Придирчиво осмотрел опрокинутый стол, на одном краю которого нашлись подозрительные бурые пятна. Проверил их вторым зрением. А потом опустился на первый попавшийся стул и, подперев подбородок рукой, надолго задумался.

– Что? – устав дожидаться вердикта, поторопил меня вошедший следом Йен. – Арт, что ты нашел?

Я прикрыл глаза, сосредотачиваясь на ощущениях, но мне почти не понадобилось напрягаться: он был здесь – тот, от чьих рук умерла Сара Лэнли. Отнятие чужой жизни – как кроваво-красный след, перечеркивающий ауру убийцы крест-накрест. Его невозможно перепутать или не заметить. Как яркая метка, заманчивая и дразнящая своей доступностью мишень, в которую

так и хочется выстрелить. Или запах добычи, от поисков которой очень трудно отказаться.

Почувствовав его, хотелось все бросить и рвануть во Тьму, поддавшись накатившему азарту. Хотелось найти, догнать, схватить свою жертву за глотку, вдоволь насладиться ее страхом, вспомнить упоительное чувство безграничной власти над поверженным противником. Ощутить себя почти что богом. Судией. Или же палачом… как кому удобнее.

Однажды я уже поддался этому чувству. Открыл свою душу Тьме. Узнал, какой ценой дается справедливость. Итогом стал разгромленный, промороженный до самой крыши трактир, взбудораженный Орден магов, членам которого пришлось устранять последствия этого громкого происшествия, один умерший в страшных муках мужчина, из которого прямо на глазах у перепуганных посетителей вырвали душу. И сошедший с ума, поседевший в один миг паренек, сумевший удержать эту душу до прихода мастера Смерти и заставивший ее прилюдно сознаться в убийстве молодого Водного мага – Дерека Алена де Ленура, найденного мертвым в своем особняке двумя месяцами раньше…

Впрочем, сегодня в услугах ищейки не было необходимости – след оказался мертвым. Идти по нему – удовольствие не из приятных, поэтому я не сдвинулся с места и не позволил инстинктам согнать меня со стула. В первую очередь потому, что уже знал, куда они меня приведут.

– Арт, ты в порядке? – в голосе Йена впервые появились нотки беспокойства. – А-арт?…

– Да, Рэйш, что-то ты бледно выглядишь, – заметил с порога Трант.

– Для похорон как раз сойдет, – фыркнул притащившийся вместе с ним Хог, но, услышав позади тяжелые шаги, поспешил отступить в коридор, уступая место Готжу.

– Что тут у вас? – прогудел заместитель Йена, выразительно оглядывая разбитое окно и трепещущие на ветру занавески.

Ощутив себя на перекрестье взглядов, я тряхнул головой, прогоняя непрошенные воспоминания, и, поднявшись со стула, шагнул к стоящему в углу шкафу. Распахнув неплотно закрытую дверцу, торопливо перебрал висящие внутри наряды. Затем перевел взгляд на застывшего в дверях Транта и спросил:

– У Сары было голубое платье?

– А я почем знаю?! – изумился сыскарь, воззрившись на меня, как на больного.

– Так сходи и выясни. Если девушка тесно общалась с соседкой и хранила часть своих вещей у нее, бабка наверняка в

курсе.

– Рэйш, тебе нехорошо? – соизволил выразить сомнение моими умственными способностями Трант.

Я мрачно зыркнул в его сторону.

– Со мной все нормально. Но если я не получу информацию, то пойду и спрошу сам. Тебе нужен заикающийся, страдающий недержанием и склонный к немотивированным обморокам свидетель?

Сыскарь поморщился и вышел, посчитав жестоким дополнительно травмировать психику и без того перепуганной старушки. А когда вернулся, то, кинув на меня странный взгляд, доложил:

– Платье действительно было. Выходное. Из бело-голубой ткани с рисунком на подоле. Девушка надевала его только по особым случаям, но обмолвилась, что повод скоро появится.

Я с грохотом захлопнул скрипучую дверцу.

– В шкафу его нет.

– И что? – нахмурился Готж, выразительно переглянувшись с Йеном.

– Ничего. Кроме того, что я недавно видел его обрывки в соседней комнате.

На меня снова посмотрели, как на полоумного.

– Арт, в комнате чисто, – осторожно заметил Старый Морж, на всякий случай отступив к дверям. – Я только что там был.

– И, разумеется, ничего не увидел. Но тебе это простительно.

– Снова труп на темной стороне? – помрачнел Йен, внимательнее всех читавший мои рапорты. – Как в случае с торговцем?

– Только на этот раз я не могу вам предоставить доказательств – парня попросту съели. Хог. Эй, Хог. Отзовись! Я знаю, ты ещё не ушел!

– Чего тебе? – буркнул из коридора маг, помедлив пару мгновений.

– Время смерти Сары Лэнли!

– Около полутора суток назад. Точнее скажу позже.

– И? – вопросительно взглянул на меня Готж. – Платье-то тут причем?

Я тяжело вздохнул.

Как же трудно порой объяснять очевидные вещи…

– Смотрите: Сара жила в одном доме с братом. Потом Питер пошел по кривой дорожке, и ей пришлось работать за двоих, чтобы прокормить себя и его. Пацан был неглупым, но слабая воля и дурной характер взяли верх – он запил, превратившись в настоящую обузу для умницы-сестры. Правда, пил он тихо,

буянил, если верить соседке, редко, но при этом иногда все же становился агрессивным, что подтверждают угрозы и тот факт, что Сара в итоге предпочла уйти из дома и ночевать у подруг или на работе. Из-за этого брат и сестра, вероятно, часто ссорились, обвиняя друг друга во всех бедах. Он требовал денег. Она считала его дармоедом. Но при этом все равно любила, поэтому, несмотря ни на что, не обращалась за помощью к страже. А потом что-то изменилось – вчера около полудня Сара вернулась домой и, застав брата в очередном запое, не выдержала… или он что-то сделал, сказал… и они снова поругались. Но если раньше дело ограничивалось криками и взаимными обвинениями, то вчера в доме случилась серьезная размолвка. С бросанием ваз, опрокидыванием стульев… они боролись, не так ли?

– Мы этого точно не знаем, – нейтральным тоном отозвался Трант. – Но с высокой долей вероятности ты прав: они действительно выясняли отношения весьма бурно. И причиной, возможно, послужило агрессивное поведение юноши. Или же, что тоже не исключается, Сара сообщила брату нечто такое, от чего он пришел в ярость.

– Согласен, – кивнул я. – Но сейчас не это важное. Итогом ссоры стал побег брата из дома…

– Госпожа Дорна не солгала, – тут же влез Хог, заглянув в комнату. – Я ее проверил: Питер действительно покинул дом сразу после ссоры и больше не возвращался. Тогда как Сара до позднего вечера убиралась в своей комнате – соседка видела ее своими глазами.

– Это несколько не вяжется с твоими словами о времени ее смерти, – насмешливо заметил я.

Хог тут же огрызнулся:

– Время пока неточное. Мне необходимо исследовать тело!

– Исследуй на здоровье. Но я уверен, что первоначальная оценка верна – Сара умерла до наступления темноты.

– Чем докажешь? – тут же сориентировался маг. – Свидетельница утверждает обратное.

– С такого расстояния твоя свидетельница могла видеть только силуэт, – парировал я. – И могла лишь предполагать, что это именно Сара убирается в комнате. Расстояние между окнами домов таково, что детали никак не разглядишь. И уж тем более не увидишь лица того, кто убирался… вернее, находился вечером в комнате. Спроси, кстати, у своей старушки, как у нее дела со зрением? И горела ли вечером свеча в комнате?

– Горела, – тут же отозвался Трант. – Но одна и очень слабо. Хотя в одном ты прав: госпожа Дорна действительно неважно видит вдаль и вполне могла ошибиться.

– Ну уж женщину от мужчины она как-то отличила? – не сдавался Хог.

– Она увидела платье, – оскалился я. – То самое, голубое. И поэтому решила, что это – Сара, ведь больше, по мнению бабки, никто не мог бы его надеть.

– На что ты намекаешь? – подозрительно осведомился Хог, переступая порог комнаты.

– Сару Лэнли убил не Палач – я нашел след ее убийцы. Здесь. В этой самой комнате. И он принадлежит обычному человеку.

– А как же отрубленная голова? – насупился Хог. – Ее ведь не нашли.

Я пожал плечами.

– Об этом надо спрашивать у убийцы. И заодно выяснить, почему он вообще решил ее украсть.

– Найти его сможешь? – тревожно спросил Йен, буравя меня глазами.

– Нет, – безмятежно улыбнулся я, наслаждаясь выражением изумления на лицах собравшихся.

– Почему?!

– Потому что он мертв. Это след мертвеца, господа, и у меня нет ни малейшего желания на него вставать. Тем более что он ведет на темную сторону, где и заканчивается. В этом же самом доме. В соседней комнате. Как раз там, где гули уже успели дожрать второй труп.

– Откуда ты знаешь? – мрачно засопел Хог, кинув по сторонам настороженный взгляд.

– Я видел его останки. Вместе с обрывками того самого платья, которое убийца надел, чтобы сбить с толку пожилую соседку. Как за Игоором, туда не полезу – я не самоубийца. Так что на этот раз приведется поверить мне на слово. Или дожидаться, пока гули уберутся отсюда, и я смогу без помех достать с темной стороны то, что осталось от парня.

Йен вопросительно вскинул брови.

– Ты считаешь, что убийца – Питер?

– Госпожа Дорна пару недель назад намекнула, что следит за домом, – снова кивнул я, обведя внимательным взглядом сыскарей. – И Питер накрепко усвоил, что старушка, которой большую часть дня и особенно вечера нечем заняться, не сводит с него глаз. Поэтому после смерти Сары он ушел так, чтобы попасться соседке на глаза, а затем вернулся дворами… из окон соседнего дома задняя дверь и калитка не видны… пробрался в дом, нацепил платье сестры и изобразил бурную деятельность, чтобы бабка не подняла шум раньше времени.

– Зачем такие сложности? – хмуро спросил Готж.

– Убийство вряд ли было запланированным, – откликнулся я. – С сестрой, которая всю жизнь его содержала, мальчишке делить было нечего. За ее спиной он мог развлекаться, не особенно беспокоясь о завтрашнем дне. Сара вытащила бы его из любого дерьма. Поэтому ее смерть была ему невыгодна и стала, скорее всего, случайной. Скажем, они в очередной раз поссорились… здесь, возле окна. Сара сорвалась, накричав на брата. Тот был не в себе от злости и… ну, к примеру, в сердцах швырнул в сестру цветочный горшок. На удивление попал, хотя руки отчаянно тряслись с похмелья. Горшок при этом вылетел в окно. А Сара упала, неудачно ударившись головой об угол стола, и умерла мгновенно… Хог, не дергайся – следы крови Питер тщательно затер. Теперь их вижу только я. И то, когда смотрю через Тьму. После этого, как вы думаете, что стало с мальчишкой?

Трант задумчиво прикусил губу, Хог поморщился, а Йен с Готжем снова переглянулись.

– У него началась паника, – не дождавшись ответа, продолжил я. – Сестра мертва. Питер не знает, что делать… да, он вор и пьяница, но все же не убийца. И ещё он знает, что снаружи его оплошности так и ждет любопытная бабка, которая однажды уже пообещала, что сдаст его страже. За убийство ему грозила плаха. Неудивительно, что Питер испугался и принялся лихорадочно искать выход. Безусловно, ему нужно было подумать. Решить, как незаметно скрыться и сделать так, чтобы его не заподозрили в убийстве. Глупцом он не был – я об этом уже говорил. И трусом тоже. Поэтому он не побоялся показаться соседке на глаза, а затем вернулся в собственным дом кружным путем, чтобы убедить госпожу Дорну в том, что тревогу поднимать не надо.

– Но девушку нашли внизу, – неуверенно вякнул было Хог.

– Он отнес ее туда, потому что в коридоре удобнее работать топором и намного проще вымыть пол.

– На лестнице нет крови…

– Вероятно, Питер обмотал голову Сары тканью, чтобы не капало на ковер. Топор он взял в саду. Голову, судя по всему, где-то спрятал. А рубил уже мертвое тело. Сами посмотрите: брызг на стенах совсем немного. И срез сравнительно ровный – живого человека, если он, конечно, не опоен дурманом, ударить так уверенно может лишь профессиональный палач. Зато с трупом можно творить что угодно – он сопротивления не окажет.

– Но зачем было ее обезглавливать? – мрачнее, чем обычно, осведомился Готж.

– Зачем было прятать голову? – почти одновременно с ним

спросил Трант, потирая тщательно выбритый подбородок. – Не проще ли было изобразить для соседки Сару, а потом тихонько сбежать?

– Возможно, у Питера возникла более интересная мысль? – предположил я. – Возможно, он решил сымитировать нападение Палача, чтобы вину свалили на него?

– Чепуха, – фыркнул Хог, непримиримо сложив руки на груди. – О Палаче мы никому не сообщали – информация совершенно закрытая.

– Да брось. Парни из городской стражи могли от избытка чувств сболтнуть лишнее, а слухи знаешь с какой скоростью разлетаются? Стоит только одному брякнуть, что в Верле завелся маньяк, отрубающий людям головы, как на следующий день это будут обсуждать все, кому не лень! Или ты сразу догадался заставить Робина дать подписку о неразглашении? А может, уверен, что у ребят Лардо, осматривавших дом и видевших безголовый труп, который я выкинул на прилавок, не развяжется язык за чаркой-другой вина?

– Хорошо, допустим, – неохотно сдался маг. – Робина мы действительно не задерживали и клятву молчать об увиденном с него не брали. Я даже готов поверить, что мальчишка услышал что-то от дружков или от кого-нибудь еще. Мало ли народу шляется по тавернам? Но он точно не мог знать подробностей – это раз. А не зная их… если уж ты утверждаешь, что он не дурак… не стоило так рисковать и надеяться запутать следствие. Намного проще было поступить так, как говорил Готж – выиграть время своей пантомимой и незаметно скрыться, пока не подняли тревогу.

Я почесал затылок.

– Тут ты прав. Мальчишке следовало бежать, как только стало ясно, что игра удалась. Но он замешкался, пока замывал полы и прятал орудие убийства, поэтому задержался в доме допоздна. И вот тут-то и начинается самое забавное, потому что ровно в полночь объявился настоящий Палач и отрубил незадачливому имитатору голову. То ли в назидание, то ли просто обиделся. Если бы не призрак, мы бы так и считали мальчишку пропавшим без вести. Хотя, если бы не он…

Мне вдруг пришла в голову любопытная мысль.

– Кстати, кто-нибудь задумывался о том, почему нашего главного убийцу… того, с кого все началось… называют именно Палачом?

– Потому что он рубит своим жертвам головы? – после небольшой заминки предположил Трант.

Йен наморщил нос.

– Потому что он ведет себя, как обыкновенный палач?

– Не совсем, – кивнул я. – Но в чем-то ты правильно угадал: он действительно казнит их. Хладнокровно, методично, как преступников. А значит, есть за каждым из этих людей, по его мнению, какая-то вина: скажем, Питер убил сестру, пусть и по неосторожности. Внезапно разбогатевший купец, возможно, был нечист на руку… вам не кажется, господа, что надо поработать именно в этом направлении?

Готж в третий раз переглянулся с Йеном.

– Я посмотрю дела ещё раз. Может, что-то прояснится.

– Я проверю купца, – с молчаливого согласия начальников развернулся к выходу Трант. – Если ты прав, нам хотя бы будет с чего начать.

– Тогда я сам тут закончу, – со вздохом обронил Йен, опускаясь на стул, с которого я недавно встал. – А Родерик пусть едет к Уэссеску: в этом деле его имя засветилось уже дважды, так что надо бы его проверить.

– Почему дважды? – удивился я, впервые за долгое время пожалев о том, что не читаю чужие отчеты.

– Потому что последний заказ, над которым трудился господин Игоор, был сделан именно Грантом Уэссеском.

– Тот самый заказ, который купец едва не провалил?

– Да, – прищурился Йен. – Робин должен был закончить его в день смерти хозяина, но по понятным причинам не успел. Когда вы работали на месте, от Уэссеска приходил посыльный… настойчивый такой, очень вежливый тип с хорошими манерами. И он, по словам Лардо, был весьма раздосадован внезапной смертью господина Игоора, потому что тот и без того безнадежно опоздал со сроками.

Я хищно улыбнулся.

– Знаешь, я, пожалуй, составлю Родерику компанию. Что-то мне проветриться захотелось, свежим воздухом подышать… где-нибудь в районе доков. Никто не против, если я достану обрывки платья после возвращения?

– Езжай, – с подозрительно серьезным видом разрешил Йен. – Но имей в виду – за Гуна отвечаешь головой. И если соберешься во что-то вляпаться, будь добр – парня за собой не тяни. Ценными сотрудниками Управление не разбрасывается, так что он мне ещё понадобится.

Хороший у меня начальник, правда?

Сделав вид, что не расслышал последние слова, я неопределенно повел плечом и призвал Тьму прямо там, где стоял. Не из вредности, нет. Не настолько я мстительный тип. Просто так было гораздо быстрее, чем трястись полторы свечи в

холодном кебе. А Йен… да, бедняге не повезло отказаться к открывшемуся «тоннелю» ближе всех… что ж, надеюсь, он не примерзнет к стулу. А если и примерзнет, то Хог его быстро откачает.

Ну, по крайней мере я на это надеюсь.

Глава 9

В доках меня встретили мертвая тишина и полное запустение – ни рабочих, ни их помощников, ни обычной для такого места суеты… только древний старик, оставшийся здесь за сторожа, которого я застал мирно дремлющим в приютившейся возле закрытых ворот дряхлой сараюшке.

Гм. Еще же даже не ночь, а народу совсем нет. Мне казалось, работа тут не должна замирать ни на мгновение, однако хозяин, по-видимому, больше радел о подчиненных, нежели о собственной выгоде.

Бесцеремонно разбудив прикорнувшего на топчане деда, я хотел было задать пару насущных вопросов, но тот при виде меня сперва подскочил, как ужаленный, а когда разглядел в подробностях – схватился за сердце. Даже глаза закатил и начал оседать на пол, бормоча что-то о слугах Фола и том, что, дескать, «его время еще не пришло».

С трудом сдержав раздражение при виде трясущихся рук и стойкого заикания, я ценой немалых усилий уговорил перепуганного старика успокоиться. А потом, к собственному разочарованию, выяснил, что господина Уэссеска в доках нет. Более того, сторож вообще его в глаза не видел, хотя работал тут без малого десять лет. Дескать, хозяин предпочитал вести дела через поверенного – некоего господина Лигермана, который-то и заправлял всем от имени истинного владельца. Тогда как последний безвылазно сидел в своем доме где-то на окраине города и почему-то избегал показываться на людях.

Адрес хозяина дедок, к счастью, знал и охотно поделился информацией, написав дрожащей рукой номер дома и улицу на клочке бумаге. Но когда я вежливо поинтересовался, есть ли у деда семья, почему-то икнул и все-таки сполз с топчана безвольной куклой.

Оглядев распростертое на полу тело, я скептически поджал губы, не понимая, с чего вдруг такая реакция. Затем покосился на висящее на соседней стене зеркало, поморщился при виде бледной физиономии со вздувшимися, кажущимися в темноте черными венами и бездонным провалом на месте левого глаза. На всякий случай разбил стекло локтем и, отперев запертую изнутри дверь, ушел, запоздало подумав о том, что не стоило, наверное, заходить в сараюшку через «тоннель». Да и морду лица можно было попроще сделать. И вообще, не будить старика хриплым с мороза голосом, а просто потрясти за плечо, чтобы он не решил спросонья, что это Смерть за ним пожаловала.

– Жук, на выход, – скомандовал я, потерев сквозь перчатку перстень и предварительно убедившись, что гулей поблизости нет. – Мне нужны твои таланты.

– Арт! С тобой все в порядке?! – первым делом спросил материализовавшийся в шаге от меня мальчишка. Лицо его выглядело встревоженным, исцарапанные кулаки были сжаты, а во взгляде, которым он на меня уставился, появилось такое облегчение, что я ощутил слабый укол совести.

Надо же, хоть кому-то есть до меня дело. Пусть даже и призраку.

– Вполне.

– Значит, ты не ходил в тот проклятый дом?!

– Ходил, – спокойно ответил я. – Но со мной действительно все хорошо. Сможешь облететь здешние доки и проверить, есть ли тут живые?

Мальчишка мгновение помедлил, а затем покосился на дверь сараюшки и осторожно уточнил:

– Только живые?

– Мертвые меня тоже интересуют. Но еще больше мне интересен тот холод, который ты ощутил возле дома торговца. И сможешь ли ты почувствовать его здесь. Справишься?

Жук едва заметно улыбнулся.

– Конечно, Арт. Я быстро.

И исчез.

Я некоторое время постоял, размышляя, не вернуться ли мне в теплый сарай, но потом огляделся по сторонам и снова тронул потеплевший перстень.

– Грем?

– Что? – без промедления отозвался сварливый старик, проявившись на том же месте, где недавно был Жук, и оценивающе на меня уставился. – Живой, значит… это хорошо. А то я уж боялся, не утерпишь. Что с тем домом? И с тварью?

Обалдеть, какие все сегодня заботливые!

– Ничего. Дом стоит, как стоял, а тварь гуляет по темной стороне.

– И ты за ней не полез? – недоверчиво прищурился Грем. – Даже на след встать не пытался?!

– Я не дурак, чтобы вставать на след существа, о котором мне ничего не известно. И которое, возможно, имеет искусственное происхождение.

– С чего ты так решил?

– А тебе известна хоть одна сущность, которая казнит своих жертв за совершенные ими преступления? И которая смогла бы утащить человека на темную сторону, оставив после него лишь

обезглавленный призрак?

Старик заметно побледнел и оторопело на меня воззрился.

– ЧТО?!

Попав под порыв холодного ветра, я передернул плечами и отошел поближе к стене.

– Что слышал. Эта тварь разумна и осторожна, жертв выбирает не наобум, убивает мгновенно и при этом может воздействовать на оставшийся после смертного дух. Не знаю, как ты, но мне в энциклопедии нежити точно ничего подобного не встречалось. А уж чтобы убийца не только проникал в наш мир через зеркала, но и уводил жертву с их помощью на темную сторону…

Призрак вздрогнул.

– Но это же не… Арт, ты уверен в своих выводах?!

– Более чем. Если бы не поврежденные фантомы, об этих жертвах мы бы еще долго ничего не выяснили. Сам знаешь – духовную оболочку повредить не так-то просто. Обычному магу или созданию Тьмы это не под силу. Для высшей нечисти смертей пока слишком мало, для низшей то, что случилось, непосильная задача. Остается два варианта: либо мы имеем дело с совершенно новым видом, что, между нами говоря, маловероятно, либо…

– Неужели в мире снова объявился Палач? – вдруг прошептал Грем, горестно прикрыв веки.

У меня непроизвольно дернулась щека.

– Я этого не говорил. Но мне очень интересно знать, откуда ТЕБЕ известно его имя?

– Эт-то не имя, – сглотнул Грем. – Это его назначение… скорее, его функция.

Он неожиданно подался вперед и вытянул полупрозрачные руки, словно хотел взять меня за грудки, чтобы хорошенько встряхнуть.

– Арт, ты точно к нему не приближался?! Он тебя не почуял?!

– Говори, – властно потребовал я, не сдвинувшись с места и сжав пальцы правой руки в кулак. – Говори, что знаешь, пока у нас не началась еще одна волна смертей. Ты имеешь к Палачу какое-то отношение?

– Имел, – шепотом ответил старик, не способный противиться прямому приказу. А затем отлетел на место и там застыл, потерянный и какой-то несчастный. – Но только в теории. Мы с Этором изучали этот феномен, но, к своему огромному сожалению, так и не довели работу до конца…

Я поджал губы.

Интересно, что ещё я не знаю о своем почившем учителе?

– Подробности! – сухо велел, буравя глазами сникшего духа.

И Грем неохотно начал рассказывать…

* * *

Как водится, это был эксперимент – давнишний, сомнительный и довольно опасный. Один из тех, о которых широкой общественности не было и, скорее всего, никогда не будет известно. Личности заказчиков и исполнителей, само собой, не разглашались, но, судя по результату, к работе привлекались как маги Смерти, в то время еще не ставшие придатком службы королевского сыска, так и некросы, чья профессия считалась тогда не в пример более почетной, нежели сейчас.

Суть эксперимента заключалась в следующем – необходимо было создать искусственную сущность, способную взять на себя функцию поиска и ликвидации лиц, поимка которых обычными силами по каким-либо причинам оказывалась невозможной. Управляемую сущность, разумеется. Но имеющую некоторую долю самостоятельности и способную подстраиваться под обстоятельства в зависимости от поставленной задачи.

За основу… и это казалось очевидным решением… взяли одного из духов-служителей, возможности которых к тому времени были изучены достаточно хорошо. От магов Смерти требовалось лишь усилить их и сделать так, чтобы преобразованный дух полностью утратил эмоциональность, сохранив при этом способности к сбору и анализу информации. А некросы должны были позаботиться о том, чтобы данное существо могло с одинаковой легкостью находиться и в мире живых, и в мире мертвых.

Эксперимент, как ни странно, увенчался успехом: новая сущность получилась объективной, совершенно бесстрастной, на редкость устойчивой к внешним воздействиям и практически нечувствительной к магии.

Палач… так его назвали за безупречную функциональность… был полностью лишен эмоций. Он не нуждался в еде и воде. Мог стремительно передвигаться по темной стороне, отыскивая свои жертвы как ищейка – по запаху. Принципиально новый вид оружия, разработанный специально для Тьмы, дал ему огромное преимущество. И в итоге получился идеальный убийца, способный безропотно и максимально эффективно делать для блага короны самую грязную работу.

Послушание Палача тоже обеспечили некросы, накрепко привязав его узами крови. Причем для того, чтобы существование

ценного работника не оборвалось со смертью мага-создателя, узы были наброшены не на одного конкретного мага, а сразу на весь род. Таким образом, способность управлять потенциально опасным духом передавалась из поколения в поколение. Каждый раз – старшему в роду. А лояльность выбранного рода короне… в целях безопасности страны, разумеется… обеспечили целым набором магических печатей и клятвой на крови, исключив саму возможность предательства, потери ценного духа или контроля над ним.

Лишь в одном некросам не удалось сделать Палача безупречным – наделить его способностью спокойно пребывать среди живых. Зато он с успехом и сколь угодно длительно мог находиться на границе миров и в момент ее максимального истончения, наступающего, как известно, ближе к полуночи, буквально на миг… всего на долю мгновения… был способен разорвать ее, чтобы добраться до жертвы.

– Это должно было обеспечить безопасность наших границ во время смуты в Лотэйне и сопредельных государствах, – хрипло прошептал Грем, раскачиваясь, словно от горя. – Старые боги тогда были низвергнуты, новые еще не закрепились, в Лотэйне царила смута, которая грозила перекинуться и на Алторию… почти двадцать лет бесконечных войн и попыток сломать нашу веру… двадцать лет ненависти и взаимного уничтожения…

– Это было два века назад, – хмуро обронил я, припомнив краткий курс истории. – И в итоге закончилось нейтралитетом. Какое отношение имеет Палач к тем событиям?

– Лотэйн стал для нового вида служителей своеобразным испытательным полигоном.

– Их что, было несколько?!

– Как минимум трое, – вздохнул старик, опуская голову. – И все они с успехом использовались по прямому назначению, выкосив немало знати, отвечавшей за мятеж в Лотэйне и дружественном ему Рагорне. Храмам это, правда, не помогло – темные боги все равно были низвергнуты, их алтари разрушены, паства разогнана или уничтожена, однако войну все же удалось остановить. Алтория, несмотря ни на что, устояла. А магов и жрецов в Лотэйне после этого стало на порядок меньше.

Я прищурился.

– Палачей использовали вместо наемных убийц?

– Не только. В летописях я нашел упоминания о сражениях, исход которых по всем признакам никак не мог быть положительным для нас… слишком велика была разница в силах… но, тем не менее, алторийцы одержали верх. Причем не раз и не два. И во всех случаях очевидцы отмечали странную

магию, выкашивающую ряды противника, и восхищались умениями наших магов, способных за один раз обезглавить целый отряд.

– Что, прямо так и было написано? Лотэйнийцев рубили, как косой?

– Да. Они мерли, как мухи.

– Откуда ты знаешь, что там поработали Палачи? Может, и правда было такое заклинание? Боевая магия же теперь под запретом, но тогда ею пользовались не в пример активнее.

– Преобразование искусственных сущностей было делом всей моей жизни, – невесело усмехнулся Грем и расправил плечи. – Я с молодости этим увлекался и неоднократно натыкался в разных источниках на упоминания о попытках некросов работать совместно с магами Смерти. Этор, кстати, тоже ими интересовался. И мы долго работали вместе, регулярно задавая себе один и тот же вопрос: почему же эта работа, перспективность которой очевидна даже дураку, так и не была завершена? Где хотя бы промежуточные результаты? Или намеки на них, если уж были попытки совместного творчества? Информацию пришлось собирать по крупицам… нудно, долго и так утомительно, что тебе будет неинтересно об этом слушать. Но мы искали ее, как одержимые. Этор истово жаждал вернуть темное искусство в его первозданный вид, и считал, что объединение разных ее ветвей – главный шаг к возрождению. Ну а я всего лишь собирал материал для диссертации, что в итоге и привело к…

Старик решительно тряхнул головой, обрывая себя на полуслове.

– Неважно. Главное, мы с Этором нашли, что искали. И подтвердили догадку о создании нового вида духов с качественно новыми свойствами. Как минимум трех, поскольку интересующие нас эпизоды зачастую происходили в разных местах и в одно и то же время. Но и в более поздние годы, когда война благополучно завершилась, а Лотэйн оставил нас в покое, нередко случались смерти, которые объяснить иначе было невозможно. В архивах столичного сыскного Управления… если их, конечно, не подчистили… хранится немало дел, где фигурировали обезглавленные призраки. Загадочная смерть младшего герцога Туруйского, последующее исчезновение графа и графини Ортских, проклятие Иршанского замка, в который люди не суются уже полтора века… в царящей в послевоенные годы неразберихе зачастую исчезали целые семьи. Хотя это касалось не только благополучных с виду родов. Было время, когда бесследно исчезали наемные убийцы, знаменитые воры, целые теневые кланы, после ухода которых оставались лишь одинокие призраки

на могилах… все это было, Рэйш. Столица многое пережила в те годы. А кристаллы памяти, как известно, вещь стойкая и времени почти неподвластная, поэтому информация сохранилась, хоть и в сильно урезанном виде. Зато бумажные носители, увы, истлели, поскольку оказались как минимум столетней давности. И более поздних сведений нам отыскать так и не удалось, хотя Этор использовал все свои связи, чтобы до них добраться.

– Их уничтожили? – напряженно спросил я.

– Возможно. Хотя сделать это так, чтобы не оставить совсем никаких следов, крайне проблематично. Этор до последнего не верил, что это тупик. Но потом мы сопоставили даты, покопались в старых рукописях, сравнили кое-какие события и пришли к выводу, что более поздних дел просто не существовало. По той причине, что все потенциальные носители, которые могли быть связаны кровными узами с Палачами, к тому времени были мертвы.

Я буркнул:

– Замечательно. Я не смог бы спокойно спать, если бы знал, что в Алтории живут и здравствуют целых три рода некросов, имеющих в своем распоряжении столь мощное оружие.

– Их и не осталось… по крайней мере, я так думал до сих пор. Но, видимо, что-то все-таки всплыло. Ночь Кровавого Равноденствия помнишь?

Я неприязненно дернул плечом.

– Как такое забыть?

На уроках официальной истории эту скользкую тему почти не преподавали, обходясь общими фразами о готовившемся глобальном заговоре и своевременной работе тайных служб, вовремя предотвративших гражданскую войну. Об истинной подоплеке, разумеется, умалчивали. А итоги грандиозной чистки представили как неизбежную жертву, принесенную во имя страны и с целью избежать большего кровопролития.

Оно и понятно: по некоторым подсчетам, меньше, чем за сутки, солдатами регулярной армии было дотла сожжено несколько десятков родовых имений не самых бедных в Алтории семей и уничтожено почти полторы тысячи человек. Мужчины, женщины, дети… не пощадили даже слуг, виновных лишь в том, что были верны хозяевам до последнего вздоха. Говорят, король был слишком нетерпелив в своем стремлении покончить с заговорщиками одним ударом. И до того настойчив, что незадолго до тех событий рискнул даже проредить ряды своих подчиненных, включая тайную службу. В итоге, чистка оказалась настолько жесткой, что внезапно почувствовавшая свою уязвимость знать, позабыв о прежних разногласиях,

объединилась. Лишенная прежнего главы и немалой доли старых сотрудников тайная стража упустила контроль над ситуацией. Резонанс оказался таким большим, что это затронуло всю Алторию, включая армию и духовенство. Да и чернь с такой готовностью поддержала бунт, что правление Эрнеста Второго Кровавого, несмотря на победу в войне, очень быстро закончилось.

– Большинство погибших тогда семей не без основания гордились своими магами-некросами, – тихо сказал Грем. – Все уничтоженные семьи относились к родам безусловно магическим, древним, где испокон веков рождались темные маги большой силы. Я в свое время тщательно сверял списки. А остальные пострадавшие так или иначе были связаны с ними узами крови.

Я замер.

– Хочешь сказать…?

– Прямых доказательств, разумеется, нет, – покачал головой призрак. – Архивы вычистили в то время знатно, но цифры настораживают, согласись? В совпадения я не верю, а факты говорят сами за себя. Ведь с тех самых пор хорошие некросы – довольно редкое явления для Алтории, а маги Смерти… сам видишь, во что превратились.

Я сплюнул на землю.

– Если ты прав, то Эрнест должен был уничтожить эти рода целиком. Так, чтобы ни одного наследника не осталось.

– Так и было. Король предусмотрел даже бастардов, – кивнул Грем. – Его страх перед возможным возвышением некросов, в руках которых оказалось столь могущественный инструмент, как Палачи, был так велик, а что даже магические печати его не остановили. И клятва на крови. Полагаю, на самом деле убитых в те годы было гораздо больше, чем сообщалось. И резня продолжалась еще несколько лет. Вплоть до тех пор, пока маги не осознали масштабы угрозы, а самого кровавого короля Алтории не обезглавил его же собственный полководец.

Я беспокойно повел плечами.

– Полагаешь, Эрнест кого-нибудь упустил?

– Даже в такой резне кто-то мог уцелеть. Дальние родственники, тайные браки… да и случайные связи, заканчивающиеся рождением нежеланного плода, ни тогда, ни сейчас не являлись чем-то исключительным. Но беда в том, что если Эрнест действительно проявил недопустимую в его положении оплошность, то, скорее всего, уцелевшим наследником оказался человек со слабым магическим даром, не имеющий ни малейшего понятия о том, какой силой он владеет.

– Заклятия, накладываемые на род, и без того не отличаются

постоянством, – еще мрачнее добавил я. – А за столько лет… да на разбавленной крови… пройдя через несколько поколений, оно могло видоизмениться настолько, что его действие уже невозможно просчитать!

– Именно.

У меня волосы встали дыбом от мысли, что где-то в Верле сейчас находится человек, способный управлять Палачом. Какой-то недоучка, внезапно заполучивший в руки совершенное орудие убийства – безжалостное, неотвратимое, как месть Фола, и совершенное, как сама Смерть. Может, совсем ещё сопляк, едва-едва перешагнувший взросления… или неопытный ученик, едва начавший познавать азы темного искусства… не имеющий понятия о том, какая сила таится в его крови. Ослабив по недомыслию связывающий Палача поводок и потеряв над духом контроль, сколько бед способен принести такой человек! Всего одна ошибка, и утратившее привязку на крови чудовище начнет свободно разгуливать по городам, собирая кровавую жатву среди тех, чья жизнь покажется ему недостаточно безгрешной… лишенное понятия добра и зла, не умеющее отличить ошибку от злого умысла, не ведающее меры, не знающее сострадания, неумолимое, бесшумно подкрадывающееся с темной стороны к любому, кто покажется ему чуточку хуже остальных…

– И где нам теперь искать этого наследника? – хмуро осведомился я, осмыслив масштабы грядущей катастрофы.

– Понятия не имею. Но я, когда про безголового призрака услышал, чуть не помер во второй раз. Больно уж все похоже было. А уж когда ты про остальное рассказал… – Грем отвернулся. – Знаешь, когда-то я гордился тем, что почти всегда оказывался прав и редко менял свое мнение. Но тут… Эрнест, конечно, был предателем и трусливой тварью, но резон в его действиях все-таки был: один-единственный сорвавшийся с поводка Палач способен натворить таких дел, что потом всем Орденом замучаемся его вылавливать. С помощью такого духа в свое время даже на магов Смерти охотились. Так что в чем-то я короля понимаю. И, несмотря на интерес к самому проекту, обрадовался бы, если бы его вовсе не было. Теперь даже не сказать, что лучше: уничтожение всех до единого некросов и магов Смерти, так или иначе связанных с Палачом, или же клятва верности, давящая всем нам на горло тугим ошейником.

Я машинально потер шею.

– Лучше бы они вообще все это не затевали. Тогда и последствия расхлебывать бы не пришлось.

– Тоже верно, – вздохнул призрак. – Но, увы, неосуществимо.

– Арт, я закончил! – внезапно сообщил вынырнувший из

ниоткуда Жук, заставив меня придержать рвущиеся с языка ругательства. – Трупов нет. Из живых только старик в сарае и пьяный в хлам мужик возле забора. Холода я не почувствовал – то, что убивало людей в доме купца, здесь не появлялось. Зато я отыскал два тайника под полом сарая: один в углу – пустой и пыльный, а второй под топчаном, с несколькими серебряными монетами.

– Да что вы мне все чужие деньги подсунуть норовите? – едва слышно проворчал я, благодарно кивая ожидающему похвалы мальчишке. – Нельзя мне пока. К сожалению.

А затем повысил голос:

– Спасибо, Жук. Ты молодец. Возвращайся.

Пацан просиял от моих слов, словно ничего важнее в его жизни не было. А потом медленно растворился в воздухе, втянувшись в перстень тоненькой струйкой полупрозрачного дыма.

Я снова повернулся к Грему.

– Есть какие-то признаки, по которым я могу узнать о приближении Палача?

Тот отрицательно качнул головой.

– Разве что во Тьме рядом с ним тебе станет холоднее. Ну и избегай зеркал, Рэйш. Как и для любой темной сущности, для Палача зеркало – прямой проход в наш мир.

– А тебя он, скажем, почуять сможет? Или Жука?

– Скорее всего, да.

– Он для вас опасен? – нейтральным тоном уточнил я.

– Так же, как и для тебя.

– Хорошо. Еще вопрос: ты сказал, что изучал вместе с мастером Этором феномен Палача… каким, интересно, образом, если у вас не было подопытного образца?

Грем отвел глаза.

– Да вот как-то так…

– А точнее? – насторожился я, подметив эту странность.

– Ну, мы… знаешь… у меня-то интерес был чисто теоретическим – диссертация и все такое, а вот Этор… он всегда больше тяготел к практике. Поэтому мы… то есть, больше, конечно, он… мы как-то собрались и решили, что, в общем, надо попробовать объединить усилия.

Я вздрогнул.

– Вы пытались это повторить?! Вдвоем?!

Призрак поблек и едва слышно прошелестел:

– Вроде того.

– Что-о?! – у меня чуть дар речи не пропал. – Вы, два старых дурака, тоже захотели, мать вашу за ногу,

поэкспериментировать?!

– Мы не закончили проект, – оправдывался Грем, упорно глядя в землю. – Мы даже до середины не дошли, потому что споткнулись на собственно преобразовании и, скажем так, не пришли к единому мнению касательно необходимых служителю свойств и способа его привязки. Я настаивал на проверенной схеме, Этор доказывал, что она несостоятельна. Высмеял все мои поправки, припомнил наши прежние разногласия, и мы повздорили. Сильно. В смысле, как обычно, только на этот раз не без последствий.

Старик скорбно вздохнул и выразительным жестом потер тощую грудь. Как раз напротив сердца, где на драной рубахе ещё можно было разглядеть несколько багровых пятен.

– Больше он меня к той работе не подпускал. И держал в забвении до самой своей смерти. Но у него должны были остаться записи. Так что если ты что-то и узнаешь о Палаче, то только там.

Я скривился.

– Мне ещё два месяца нельзя приближаться к хижине. Учитель заклял ее после смерти.

– Только от тебя? – оживился Грем, быстренько прекратив изображать виноватого.

Я фыркнул – упоминание о подставе, лишившей меня самого важного, раздражало.

– Не знаю. Не проверял. Учитель письмо оставил. Предупредил, чтобы не совался. Но причин так и не объяснил. Как обычно, впрочем.

– Сколько времени ты был у него в обучении?

– А то ты не помнишь! Шесть с половиной лет.

– Так мало… – Грем смерил меня задумчивым взором. – За десять лет маг Смерти или сходит с ума, не выдержав близости Тьмы, или же набирает достаточно сил, чтобы прорвать барьер и… стать очередной Ее добычей.

Я раздраженно дернул щекой.

– Тьма меня больше не обжигает. Зовет только иногда, но это можно терпеть. А вот гули бесят. Даже тут, твари, бродят. Немного, но все-таки…

Старик вздрогнул всем телом и уставился на меня во все глаза.

– Ты видишь гулей?!

– Теперь да, – все ещё раздраженно буркнул я, снова покосившись по сторонам и примечая поздних гостей с темной стороны. – Две штуки вокруг сарая вьются, а третья скоро начнет к тебе принюхиваться. Чуют они, что ли?

Грем судорожно вздохнул, будто и в самом деле

почувствовал, как бродит вокруг него лысая тварь.

– Так возвращайся, чего замер? – рыкнул я, поднимая правую руку. – Мне еще работать сегодня. А коридор лучше делать так, чтобы гули не видели. Ты идешь?

Призрак, поколебавшись, медленно истаял в воздухе.

– Отлично, – так же внезапно успокоился я, чуть ли не с облегчением ощутив, как в груди послушно шевельнулся холодный комок Тьмы. Затем проследил за неторопливо удаляющимися гулями, потерявшими к докам всякий интерес, и кивнул. – А теперь поехали…

Глава 10

Когда я пинком распахнул дверь, Родерик Гун вздрогнул от неожиданности и едва не выронил поднесенный ко рту бутерброд. На столе перед сыскарем, окруженная заботливо сдвинутыми в сторону бумагами, красовалась тарелка с тонко порезанными ломтями жареного мяса, стояла кружка с какой-то непонятной бурдой и терпеливо дожидалась своей очереди более скромная по размерам миска с пирогами.

При виде сыскаря, которому мое появление только что испортило ужин, я довольно оскалился:

– Вставай! У нас новое дело!

– Какое новое?! – обалдело воззрился на меня Гун. – Я ещё со старыми-то не разобрался!

– Йен велел мне взять тебя с собой, так что заканчивай.

– Но я еще даже не начинал! – возмущенно подпрыгнул на стуле сыскарь. – Арт, имей совесть! Я сегодня без обеда!

– Ничего, потерпишь, – свистящим шепотом отозвался я, уставившись на него немигающим взглядом. – И вообще, ты уже не голоден.

На лице Родерика появилась гримаса мученика, а потом он горестно возвел глаза к потолку и послушно положил бутерброд обратно на тарелку.

– Когда ты так смотришь, у кого угодно аппетит пропадет! Куда хоть ехать, чудовище?!

– На Победную. Нам с тобой надо навестить некоего господина Уэссеска и задать ему несколько вопросов.

– Что?! Сейчас?! Рэйш, побойся Фола – почти ночь на дворе! Если твой господин Уэссеск не является убийцей, и в этом его не обвиняет Управление городского сыска, нам даже дверь не откроют!

Я зловеще улыбнулся, одновременно втягивая носом витающие в комнате ароматы.

– Ничего. Думаю, я смогу его уговорить на беседу.

Родерик несколько мгновений изучал мою бледную физиономию, на которой ещё не успели отцвести следы близкого общения с Тьмой, затем перевел взгляд на истекающее соком мясо и обреченно вздохнул.

– И за что Йен меня так ненавидит? Ни поесть нормально, ни поспать, ни отчет написать… – он неохотно отодвинул от себя тарелку и поднялся из-за стола. – Пошли, чудовище. С тобой нам, может, и правда откроют. Но учти: если я помру там голодной смертью…

Проследив за тем, как Гун снимает с гвоздя пальто, я ухмыльнулся и, пользуясь тем, что никто не видит, молниеносно цапнул с тарелки самый толстый кусок мяса. С наслаждением впившись в него зубами, чуть не заурчал, уподобляясь гулям. Мр-р-р… кому-то повезло сегодня хотя бы позавтракать, а я с самого утра не жрамши. Сперва не успел, потом уже не смог, а в «Трех коронах» всегда неплохо готовили. Жаль, конечно, что мясо хорошо прожарено – я бы предпочел с кровью – но не бежать же за ним в трактир?

– Ничего, что я ещё здесь? – как-то подозрительно спокойно осведомился Родерик, прекратив шуршать одеждой. – Знаешь, так приятно знать, что твой несостоявшийся ужин нашел достойного ценителя.

Я проглотил ещё один кусок, почти не жуя, и, вытерев руки о первую попавшуюся тряпку, отбросил ее в сторону.

– Согласен.

– Вообще-то это был мой шарф, – задумчиво заметил Гун, провожая глазами испорченную «тряпку».

В моей душе робко ворохнулось что-то похожее на смущение, но тут же пугливо сбежало.

– Значит, купишь себе новый. Идем. У нас мало времени.

Чтобы избежать сложностей, у лестницы я пропустил озадаченного парня вперед и благоразумно отстал: у позади идущего спрашивать всегда неудобно. На улице же стало не до разговоров: морозец к ночи усилился, заранее взятый мною кеб был открытым, и холодный ветер задувал внутрь так, что будь здоров, поэтому лишний раз открывать рот, теряя тепло, было неразумно.

Родерик его, к счастью, и не раскрыл. Так и просидел, нахохлившись, всю дорогу, не мешая мне наслаждаться проплывающими мимо живописными развалинами темной стороны и видом спешащих по своим делам, укутанных в драные тряпки скелетов. Однако когда возница крикнул: «Тпру!», сыскарь окинул мою неподвижную фигуру долгим взглядом и, выбравшись на улицу, буркнул:

– С тобой всегда было нелегко, Рэйш. Но в последние месяцы особенно. И это явно не к добру.

Я прошел мимо, по обыкновению сделав вид, что не услышал. И, велев вознице дождаться нашего возвращения, завертел головой в поисках нужного номера.

Дом номер двенадцать по улице Победной нашелся быстро – громадный такой домина, чем-то смахивающий на приземистый, старый, просевший под собственной тяжестью замок.

Грубоватый фасад, смотрящийся откровенно чужеродным

среди соседних, богатых лепниной зданий. Покрытые густой сеткой засохшей лозы стены; две пузатые башни, чернеющие узкими проемами окон. И теряющаяся за высоким забором остальная часть дома, о размерах которой можно было только гадать.

Ни в одном из окон свет не горел, так что «замок» производил довольно мрачное впечатление. Однако, стоило мне прикоснуться к молотку справа от калитки, как за забором тут же скрипнула дверь, в одном из окон второго этажа мелькнул и пропал слабый огонек, затем что-то хлопнуло, а чуть позже послышались торопливые шаги, и кто-то срывающимся голосом крикнул:

– Уже бегу!

Мы с Гуном переглянулись и одинаково удивились, когда через несколько мгновений изнутри загремели засовы, и окованная железными завитками калитка действительно отворилась, явив полноватого, уже лысеющего мужчину, который при виде меня склонился в глубоком поклоне и с видимым облегчением произнес:

– Прошу, господин маг. Хозяин ждет вас.

Ух ты, как интересно… что-то не припомню, чтобы я извещал господина Уэссеска о своем визите.

Я вопросительно приподнял брови в ожидании продолжения и не остался разочарован: мужчина, выдержав положенную паузу, стремительно разогнулся и, подняв повыше тускло горящий фонарь, обратил спокойный взор на озадаченного Гуна. Несколько мгновений изучал его, словно всерьез раздумывал, пускать ли на порог, а затем неожиданно поинтересовался у меня:

– Могу ли я узнать имя вашего спутника, господин маг?

Родерик привычным движением выудил из кармана бляху.

– Мое имя Гун, уважаемый. Сотрудник Управления городского сыска.

Я спрятал улыбку, а мужчина невозмутимо кивнул, будто ничего иного не ждал, и так же спокойно выдал:

– Мне очень жаль, сударь, но вам придется обождать снаружи. Насчет вас у меня нет никаких распоряжений. Хозяин ожидает только господина мага.

– Что? – растерялся сыскарь. – Рэйш, ты меня на улице оставишь?!

– Прошу прощения за неудобство, – без тени раскаяния повторил… ну, видимо, дворецкий. – У нас строгие порядки. Поэтому, если у господина следователя нет при себе письменного разрешения господина начальника городского сыска…

– Хорошенькое дело, – пробормотал Родерик, которому Йен,

разумеется, официального разрешения не давал. – Ладно, приглашу твоего хозяина на беседу прямо в Управление, коли он такой несговорчивый. Но, Рэйш, тебе придется беседовать впопыхах: чай, не лето уже – ноги стынут. Да и ветрища стоит…

Он поднял воротник, демонстративно подышал на сложенные лодочкой ладони, на которых не было перчаток, а потом ворчливо добавил:

– Пока господин маг будет внутри, я тут околеть успею!

Я согласно угукнул, попеременно изучая слугу то правым, то левым глазом.

– Зато смерть при исполнении награждается орденом, так что господин Уэссеск, можно сказать, поспособствует твоему повышению. Я даже предчувствую, что скажет по этому поводу Норриди.

На лице дворецкого впервые промелькнуло сомнение. Он быстро покосился на меня, на легко одетого Родерика, затем – на тревожно переминающуюся в стороне лошадь, которой тоже было холодно стоять без дела. После чего тяжело вздохнул и, решив, видимо, что проблемы с городскими сыском ему не нужны, обронил:

– Прошу вас немного обождать, господа. Я уточню у хозяина.

Отойдя на пару шагов в сторону, он что-то быстро поднес ко рту и шепнул несколько слов. Через несколько мгновений в его ладони тихонько тренькнул и невнятно забормотал переговорный амулет. Как мне показалось, вопросительно. Дворецкий так же тихо ответил, терпеливо выслушал новую порцию бормотаний, в которых я уже ничего не разобрал. А затем с видимым облегчением повернулся в нашу сторону и почтительно поклонился:

– Прошу вас, господа. Вы можете войти. Хозяин ожидает наверху.

Мы с Гуном снова переглянулись, а слуга уже направился к дому, подняв повыше фонарь. Фонарь, кстати, оказался обычным, без всяких новомодных магических штучек. Поэтому сгустившуюся темноту разгонял слабо и позволял рассмотреть только то, чтобы находилось в буквальном смысле слова в двух шагах.

Впрочем, смотреть было особо не на что – сад у господина Уэссеска не отличался благоустроенностью: кусты были давно не стрижены, деревья на зиму не обихожены, заботливо огороженные клумбы нигде не виднелись. Разве что опавшие листья под ногами не шуршали, да дорожку до калитки кто-то заботливо почистил от грязи. Но даже с учетом этого опустевший сад выглядел жутковато. Недаром идущий последним Гун

подозрительно притих и старался не отставать.

Внутри дом выглядел так же тоскливо, как и снаружи: огромный полупустой холл, заканчивающийся некогда роскошной, но уже давно потерявший блеск лестницей; тщательно задрапированные стены, которые могли бы стать эффектными, если бы не серый цвет обивки и не полное отсутствие украшений; массивные подсвечники, вышедшие из моды лет десять назад; бронзовые ручки на дверях, давно забывших о воске; да ещё гулкое эхо, разносящееся по всему этажу, будто в древних казематах.

Уже поднимаясь по лестнице, я заметил приютившееся в углу старинное зеркало в вычурной раме и скривился.

Его тут только не хватало! Жаль, под рукой ничего нет, а то руки так и чешутся запустить туда чем-нибудь тяжелым.

В полном молчании мы проследовали к самой дальней и, видимо, угловой комнате второго этажа, оказавшейся самым обычным кабинетом. Негромко постучав и выждав три удара сердца, дворецкий гостеприимно распахнул перед нами тяжелую деревянную дверь. А едва мы переступили порог, немедленно ее захлопнул, породив в коридоре еще одно долгое эхо.

Кстати, кабинет имел любопытную планировку и больше походил на вытянутый пенал, сходящийся узким клином к единственному, тщательно занавешенному окну. Прямо перед ним стоял массивный письменный стол с одинокой лампадой и аккуратной стопкой книг в углу; старинное кресло ручной работы, явно сменившее не одно поколение владельцев; а в нем, спиной к окну, восседал хозяин дома, который при виде гостей сделал приглашающий жест и с едва уловимой насмешкой произнес:

– Проходите, мастер Рэйш. Устраивайтесь. Признаться, я давно вас жду, так что разговор получится долгим…

* * *

Обычно я спокойно отношусь к чужой внешности – меня не смущает чужое уродство и вводит в состояние шока чья-либо неземная красота. Я и к себе-то отношусь более чем равнодушно, а уж уделять внимание кому-то еще… но господин Уэссеск сумел меня удивить. В первую очередь, своим голосом – ровным, рокочущим, на удивление низким и при этом настолько пронизывающим, что от него поневоле бросало в дрожь. Таким голосом только заклинания зачитывать – демонов там призывать, умертвия поднимать. А уж как должны на него реагировать

женщины…

Мне неожиданно захотелось взглянуть на обладателя столь редкого дара поближе, и мужчина, будто почувствовав, слегка подался вперед. Так, чтобы слабый свет от лампады на мгновение осветил его лицо – волевое, с несомненными признаками породы, но какое-то неестественное, с идеально выверенными пропорциями, словно передо мной находился не человек, а безупречно сделанная статуя.

По такому лицу нельзя было определить даже примерный возраст – господину Уэссеску с одинаковым успехом можно было дать и сорок лет, и все шестьдесят. При этом у него практически не было мимических морщин, из-за чего лицо казалось бесстрастным, равнодушным. И если бы не хищный огонек в темных, почти черных глазах и полный мрачного удовлетворения взгляд, которым хозяин дома одарил меня с порога, оно могло бы показаться безжизненным.

Впрочем, ощущение двойственности длилось недолго. До тех пор, пока я не моргнул и не увидел на месте человеческого лица скукожившуюся, почерневшую как от огня и уже отслаивающуюся от обгоревшего до неузнаваемости черепа плоть – явное следствие воздействия заклинания, причем не простого, а темного. А потом мужчина снова откинулся в кресле, избавив меня от созерцания неаппетитных деталей, и великодушно предложил:

– Присаживайтесь, господа.

Гун, если и заметил что-то странное, виду не подал и первым занял одно из стоящих напротив стола кресел. Я так же молча занял второе, постаравшись сесть вполоборота: смерть у господина Уэссеска будет непростой. И лицезреть ее последствия раньше времени меня не тянуло.

– Итак… – хозяин дома снова испытующе уставился на меня. – Мастер Артур Рэйш. Маг Смерти, зачем-то решивший посетить наш маленький городок и даже после трех лет службы сумевший остаться здесь чужаком. Ничем особым не выделялся, если не считать, конечно, недавний, чудом остановленный демарш любимицы Фола. Ни с кем не завел близких отношений. Никого не убил, что для мага вашей профессии довольно необычно. Практически не посещал храм. И все три года так старательно держал дистанцию с окружающими, что лично мне это показалось неестественным.

И вот тогда мне стало любопытно. Очень. Причем любопытен не сам факт осведомленности собеседника, а причина, побудившая его собрать на меня информацию. Безусловно, Верль – не ахти какой большой город, все жители для неглупого

наблюдателя здесь как на ладони, и затеряться среди них пришлому магу в принципе невозможно. Однако господин Уэссеск намекал сейчас совсем на другое. И именно поэтому вызвал мой пристальный интерес.

Отметив краем глаза, как тревожно дернулся Гун, я небрежно положил ногу на ногу.

– Все верно. Но мне кажется, необходимость соблюдать дистанцию возникла не только у меня.

По губам господина Уэссеска скользнула довольная усмешка.

– Вижу, вы понимаете суть проблемы. И это вселяет уверенность, что мое время не будет потрачено зря. Хотя, признаться, я надеялся, что эта встреча состоится немного раньше.

– Прошу прощения, что заставил ждать, – вежливо оскалился я, чувствуя, как внутри набирает обороты знакомый по охоте азарт. У меня так давно не было достойного противника… да что там… в наше время даже собеседника толкового найти непросто!.. что последние слова заставили мою кровь буквально вскипеть. Всего за несколько мгновений он сказал так много… и вместе с тем так мало, что внезапно вспыхнувшее любопытство было готов пожрать меня заживо. – Полагаю, вы уже знаете, что привело нас в ваш дом?

Господин Уэссеск благожелательно кивнул.

– Безусловно.

– В таком случае, я надеюсь, вы не откажетесь поделиться информацией? – снова спросил я, словно невзначай окинув погруженный в полутьму кабинет рассеянным взглядом: ни одного гуля в округе не было. Ни в этой комнате, ни в соседней, которая проглядывала на темной стороне сквозь громадную дыру в стене, ни даже на чердаке, сквозь пробитую крышу которого уже начинали проглядывать первые звезды.

Хозяин дома хмыкнул.

– Разумеется. Но сделаю это в обмен на ответную услугу с вашей стороны, мастер.

– Какую именно? – бесцеремонно встрял в разговор Гун, требовательно уставившись на владельца доков.

Тот безмятежно улыбнулся.

– Ничего такого, чтобы могло бы показаться незаконным или помешало исполнить ваш долг. Поверьте, молодой человек, я – наиболее заинтересованное в успехе вашего расследования лицо. И просьба моя совсем проста – я всего лишь хочу, чтобы вы завершили то, что начали.

Родерик заметно нахмурился и насторожился.

– И что это, по-вашему, означает? Как мы должны вас

понимать?

– Думаю, господин маг и так все понимает, – насмешливо отозвался господин Уэссеск, переплетя пальцы рук на животе. – Мне этого вполне достаточно.

Я поморщился.

– Давайте ближе к делу. Вы ведь хотите покончить с ним как можно скорее?

– До полуночи еще есть время, – словно невзначай обронил внезапно задумавшийся мужчина. – А любая ошибка может стоит очень дорого. Полагаю, вы не захотите рисковать понапрасну. Поэтому, если позволите, начну издалека. Для того, чтобы у вас появился хотя бы небольшой шанс…

Я сделал скептическое лицо, но он не обратил внимания. И на подпрыгнувшего в кресле Гуна тоже. Прикрыв глаза, господин Уэссеск на мгновение замолчал, а потом начал медленно говорить.

– Мое настоящее имя Уэсли Грант, – негромко сообщил он, заставив нервничающего Родерика замереть. – Родом я из местечка под названием Хорруэл… это на юге, не напрягайте память. Тем более, сейчас на картах Алтории даже названия такого нет: около ста – ста пятидесяти лет назад в тех местах бушевали страшные пожары, стершие с лица земли несколько десятков деревень, а затем эти гиблые места переименовали в Уэссеск. Но, насколько мне известно, там и по сей день неохотно селятся люди, плохо родит земля и на редкость бедны дичью многочисленные леса…

– Сама по себе земля обычно не вырождается, – нейтральным тоном заметил я, напряженно размышляя о сказанном и вспоминая недавний разговор с Гремом. – Да и звери редко покидают пригодные для жизни леса без веской причины.

– Считается, что это было стихийное бедствие, – ровно отозвался Уэссеск, не открывая глаз. – Поверьте, мор – совершенно жуткое дело: приходит ниоткуда, вольготно разбрасывает свои семена по человеческим поселениям, подчистую выкашивает жителей сразу нескольких областей, а потом так же незаметно уходит, оставляя после себя горы трупов и полыхающее до небес зарево пожаров, в огне которых дотла сгорают тела зараженных и все их имущество. Погибших тогда были тысячи – мор не щадил никого. На границе с Хорруэлом несколько месяцев стояло оцепление из королевской гвардии, чтобы ни один зараженный не покинул территорию. Потом там поработало магическое пламя, стершее все следы разразившейся трагедии. А после того, как заразу удалось остановить, в стране был объявлен трехдневный траур. Говорят, тогда король

прилюдно скорбел о несчастных.

– Вы говорите сейчас об Эрнесте Кровавом? – спокойно уточнил я, начиная подозревать, к чему была эта прелюдия.

Господин Уэссеск желчно усмехнулся.

– Совершенно верно. Хотя даже столь редкое для короля проявление человечности не спасло его от плахи.

– О, да, – небрежно заметил я. – Причем поговаривают, что зачинщиком волнений стали именно королевские гвардейцы… возможно даже те самые, что участвовали в описываемых вами событиях?

– О том мне доподлинно неизвестно, – снова искривил губы хозяин дома. – Но, как говорят, мор в те времена вспыхивал еще четыре раза. Преимущественно в отдаленных провинциях. И подчистую уничтожал местное население, не гнушаясь ни бедными, ни богатыми, ни простыми смертными, ни даже чародеями.

Я внутренне подобрался.

– И каждый раз королевская гвардия находилась в оцеплении? Стояла, так сказать, на страже интересов страны?

– Конечно. В этом ведь и есть ее предназначение, – подчеркнуто бесстрастно подтвердил мужчина. – Даже в те трудные для Алтории времена, когда пришлось пожертвовать малым для сохранения чего-то более значимого. Вопрос стоял о выживании, и угроза была действительно велика. А что может быть важнее спокойствия короны?

– Короля, вы хотели сказать? – прищурился я. – А верно ли говорят, что владетели уничтоженных провинций имели некоторое отношение к древним магическими семьям?

Господин Уэссеск, наконец, открыл глаза и пристально на меня взглянул.

– Это всего лишь слухи, господин маг. И они пока никем не подтверждены.

– Тогда возможно ли, что источник слухов просто не знал, что погибшие во время «мора» были темными магами? Скажем, непрямыми потомками семей, пострадавших во время одной небезызвестной вам ночи?

В глазах мужчины снова вспыхнул опасный огонек.

– Это непроверенные данные, мастер Рэйш. Боюсь, ни в одном архиве вы подобных сведений не найдете. Даже если очень постараетесь.

– Какие еще сведения? – завертел головой Родерик, когда мы скрестили взгляды и на несколько мгновений застыли, оценивая друг друга. – Рэйш, о чем он говорит?

Я промолчал, а про себя подумал, что, кажется, нашел нашего

потерянного наследника. Быстрее, чем думал, и ближе, чем мог бы надеяться. Вот только, судя по ауре, никакого дара у него не было. И заклятия поводка рядом тоже не виднелось. На Уэссеске, собственно, даже артефакта ни одного не висело, по которому можно было бы заподозрить его в связи с Палачом. Самый обычный человек… хорошо образованный, высокомерный, полностью в себе уверенный. И предпочитающий прятать свое необычное лицо в тени, следя за нами из темноты, словно зверь из засады.

– Так вот, обо мне… – словно спохватившись, вернулся к изначальной теме хозяин дома, когда молчание затянулось, а не получивший ответ Родерик начал слишком уж явно сверлить меня глазами. – О происхождении я заговорил лишь затем, чтобы вы знали: в моем оскудевшем роду больше не осталось наследников.

Ага. Значит, новых претендентов на роль хозяина Палача нам ждать не нужно. Уже хорошо.

– Надо сказать, отец мой не был общительным человеком, – продолжил Уэссеск. – Несмотря на то, что состояние ему досталось неплохое: собственное дело в Триголе и налаженные ещё дедом связи по всему побережью – это в то время было весьма и весьма немало. Но меня все равно растили в строгости. Чему способствовали проблемы со здоровьем и жесткие, еще прадедовские принципы, благодаря которым наш род уцелел в пожарах войны и избежал участи других подобных семей.

Хм. Выходит, не всех поразил загадочный «мор», наверняка имевший искусственное происхождение? А может, и мора как такового не было, и все это оцепление с тотальным уничтожением потенциально причастных к «заговору» лиц – лишь прямое следствие королевской паранойи. Не зря же после этого от Эрнеста отвернулись самые преданные гвардейцы?

– Но уцелели мы не без помощи, – неожиданно признался хозяин дома, кинув в сторону насторожившегося Гуна выразительный взгляд. – Как выяснилось, есть у мужчин нашего рода одна интересная особенность… правильнее сказать, НЕ КОНТРОЛИРУЕМАЯ особенность, благодаря которой наши возможные недоброжелатели не сильно нам докучают.

Та-ак. Вот мы и подошли к самой сути.

У Родерика сузились глаза.

– И что же это за особенность, сударь?

– У меня нет магического дара, юноша, – иронично улыбнулся господин Уэссеск, – поэтому я не могу точно описать природу этого явления. Но доподлинно известно, что у человека, рискнувшего вызывать мое неудовольствие, неминуемо

возникают неприятности. Мой отец считал это проклятием и всячески пытался от него избавиться. Дед, напротив, полагал, что оно поможет нам вернуть утраченные позиции, и приложил все силы, чтобы избавиться от конкурентов, которых во времена смуты, вызванной сменой династии, было очень немало. Я же, как видите, стремлюсь к разумной осторожности и стараюсь не злоупотреблять собственными возможностями. В частности, избегаю чужого общества и веду дела исключительно через третьи руки. С помощью людей, в которых абсолютно уверен и которые прекрасно осведомлены о том, что мое спокойствие – это залог их долголетия.

Гун замер, медленно-медленно скосив глаза на мое невозмутимое лицо.

– А о причинах ваши люди знают?

– Это старая семейная тайна, которую я открыл только вам в надежде, что вы правильно воспользуетесь полученными сведениями.

– И как, позвольте спросить, реализуется ваше… эм… проклятие? – осторожно поинтересовался Гун, на всякий случай освобождая руки.

С лица господина Уэссеска мгновенно исчезла фальшивая улыбка, а упершийся в меня взгляд стал напряженным и острым, как бритва.

– Самым неприятным для человека образом, – медленно проговорил он. – Причем не позднее полуночи следующего дня после прискорбного для него инцидента.

Хм. Видимо, простой намек господин Уэссеск посчитал недостаточным. Решил сразу обозначить размеры проблемы, чтобы не осталось никаких недоговоренностей.

– Как я понимаю, отменить или отсрочить данное явление вы не в состоянии? – осторожно уточнил я, и хозяин дома еще напряженнее кивнул.

– Особенность проклятия такова, что мне сложно говорить о его свойствах.

Я метнул на открывшего рот Родерика свирепый взгляд, и тот чуть не подавился следующим вопросом.

– Ценю вашу откровенность, – быстро сказал я, пока сыскарь не опомнился. А сам настороженно оглядел кабинет еще раз. – Теперь понимаю, почему вы при всем желании не могли прислать нам приглашение на беседу. Да еще подорванное в юности здоровье, не позволяющее покинуть пределы вашего уютного во всех отношениях замка, добавило немало трудностей…

Лицо господина Уэссеска немного расслабилось, а в голосе появилось наигранное воодушевление.

– Рад, что встретил понимающего собеседника.

Я же, напротив, помрачнел. Кажется, дело несколько сложнее, чем мне казалось. Запрет на прямое упоминание о Палаче свидетельствует о том, что нити связывающего заклинания все ещё довольно сильны. Но, как я и подозревал, видоизменились настолько, что любое лишнее слово может обернуться серьезными проблемами и для носителя. При этом Уэссеск ведет себя отнюдь не как человек, попавший в беду и нуждающийся в помощи. Он по-прежнему насмешлив и уверен в себе, прекрасно сознает свое превосходство и очень многого не договаривает.

Интересно, что же такое произошло, если после стольких лет молчания он вдруг решил заговорить?

– Взаимно. Но мне бы хотелось кое-что уточнить.

– Спрашивайте, – с готовностью отозвался хозяин дома, будто и не было недавнего напряжения. – Постараюсь развеять ваше любопытство.

– Вы очень любезны, – хмуро отозвался я. – Вы упомянули, что ваш отец искал причины родового проклятия… и даже пытался его снять.

– К сожалению, безуспешно.

– А где, позвольте спросить, он искал нужные сведения?

– Везде помаленьку. В старых книгах, летописях, в разговорах с заинтересованными людьми…

– Вам известны их имена? – моментально насторожился я, перехватив ещё один выразительный взгляд от господина Уэссеска.

Тот поощрительно улыбнулся.

– Только одно. Когда я был молод, в наш дом частенько приходил один человек. Он много времени проводил в кабинете отца, и они подолгу о чем-то беседовали. Иногда отец после этого уезжал. Когда-то надолго пропадал в библиотеке и появлялся только после того, как приходил приказчик и напоминал о проблемах в доках. Однажды даже запил, а я тогда впервые подумал, что больше не хочу видеть в нашем доме подобного гостя. И какое-то время его действительно не было видно. Отец запретил об этом спрашивать, поэтому мы целый год жили спокойно и дружно делали вид, что его вовсе не было. Но за день до того, как отца не стало, этот человек снова вернулся. И они в последний раз о чем-то поспорили… правда, так громко, что я услышал обрывок разговора и даже сумел разобрать одно-единственное имя…

У меня по затылку пробежал холодок, когда на губах хозяина дома вновь появилась двусмысленная улыбка.

– Этого человека звали мастер Этор Рэйш, – сказал он.

И я с внезапной досадой осознал, что мой счет к некстати умершему учителю многократно вырос.

Глава 11

– Не возражаете? – как ни в чем не бывало осведомился господин Уэссеск, доставая из ящика стола изящный бокал и небольшой, тщательно закупоренный пузырек.

Гун торопливо мотнул головой, будучи все ещё ошарашенным полученными сведениями, а я в очередной раз смолчал, по достоинству оценив подчеркнуто неторопливые движения хозяина дома и то, как он медленно цедит в бокал темно-вишневые капли какой-то настойки, давая мне время собраться с мыслями.

– Успокоительное, – наконец, соизволил пояснить мужчина, внимательно отмеряя дозу. И, отсчитав тринадцать капель, убрал лекарство обратно в стол. – В последнее время стал, знаете ли, плохо спать.

Не обращая внимания на гнетущую тишину, он достал с подоконника графин с водой, так же неторопливо наполнил бокал на две трети и, полюбовавшись сочным рубиновым цветом получившейся смеси, отпил половину.

– Итак, о чем мы говорили? Ах да, о вас, мастер Рэйш… и о том, что, впервые услышав ваше имя, я сразу подумал, что именно вы сможете мне помочь.

Я скептически хмыкнул.

– Вам не кажется, что вы несколько поторопились с выводами?

– Ничуть. То, что мне удалось о вас выяснить, не дает повода сомневаться в успехе.

Иными словами, господин Уэссеск считает, что я знаю все, что сумел выяснить о Палаче мастер Этор, и свято верит, что я смогу применить эти знания на практике, чтобы избавить его от проклятия?

Забавно…

Интересно, чтобы он сказал, если бы выяснил, что я не закончил обучение, как положено, а мой учитель был скрытным, двуличным и коварным типом, подставившем меня уже дважды?

Взглянув на надменное лицо Уэссеска, на котором светилась непоколебимая уверенность в собственной правоте, я решил, что будет неразумно раньше времени разочаровывать этого человека. После чего прикинул, сколько смогу из него вытянуть, и нейтральным тоном произнес:

– Допустим, вы правы. Но давайте все-таки предположим, что у вас… или нет, у вашего отца… был некий «друг», который считал себя обязанным оберегать душевное равновесие членов

вашей семьи. Друг верный. Очень принципиальный…

– Такой, что готов убить любого за свои принципы? – с мрачным видом подыграл мне хозяин дома, и я благодарно кивнул.

– Да. При этом хорошо знавший еще вашего деда. И накрепко привязанный к вашему роду узами старинной дружбы. Настолько прочными, что разорвать их способна лишь смерть.

Мужчина поморщился, словно хлебнул уксуса, но все же неохотно буркнул:

– Хорошо, допустим.

Я довольно улыбнулся.

– А теперь давайте предположим, что у вашего отца имелась возможность вызывать этого «друга» по собственному желанию.

– Не было такого, – быстро проговорил Уэссеск, метнув беспокойный взгляд в сторону закрытой двери, будто там мог кто-то подслушивать. – Наш общий «друг» всегда любил… скажем так… поспать. И спал обычно так крепко, что ничто не могло его разбудить. Кроме случаев, когда жизни его подопечных что-то по-настоящему угрожало.

Он на мгновение замолчал, к чему-то тревожно прислушавшись, но потом внезапно успокоился и уже увереннее добавил:

– Когда с этим… типом «дружил» мой прадед, подобное случалось дважды. Но каждый раз мой предок находился на волосок от гибели. Ему просто чудом повезло, поэтому дружбу со столь полезным созданием он называл благословением небес и не пытался ничего менять. Мой дед удостаивался подобной помощи уже неоднократно, однако в отношении него «друг» проявлял гораздо большую активность, потому что далеко не всегда обидчики желали моему родственнику смерти. Помню, отец как-то рассказывал, что однажды деда пытались обокрасть на улице какие-то проходимцы, но с ними произошел самый настоящий несчастный случай…

– Да что вы говорите? – изумился я.

– Истинно так, – развел руками хозяин дома. – Эти негодяи неудачно споткнулись и разбили себе головы. Все трое одновременно, представляете? Но именно поэтому дед высоко ценил своего старого знакомого и не стремился его огорчать. А знаете, что самое интересное во всей этой истории?

Я с живейшим интересом подался вперед.

– Расскажите, будьте так добры.

– То, что с каждым годом наш семейный друг стал навещал нас все чаще и чаще. Сперва к тем, кто во всеуслышание желал нам смерти, убеждая этих недобрых людей отказаться от своих

планов. Потом – к простым злопыхателям, уговаривая их стать добрее и честнее к нашей семье. Затем – к тем, кто не захотел поделиться своими доходами, а под конец – даже к тем, кто рискнул просто косо посмотреть на нас на улице…

– А вам не показалось, что ваш верный «друг» умышленно разыскивал ваших обидчиков? – спросил я, сделав знак дернувшему Гуна прикинуться ветошью и не отсвечивать. – Возможно, после визита к вашим недоброжелателям он на какое-то время становился более… тревожным? Несговорчивым или просто вспыльчивым?

– Скорее наоборот, – качнул головой Уэссеск. – Эти визиты его успокаивали. На время. Но с каждым годом периоды сна становились все короче, а однажды, когда отец ещё жил в Триголе, у «друга» внезапно повысилась активность, и он так долго и упорно прогуливался по городу, заходя в гости ко всем подряд, что… эм… как бы поточнее выразиться…

– Многие оказались удивлены его приходом? – предположил я.

Мой собеседник хмыкнул.

– Смертельно, я бы сказал, удивлены. Хотя видимых причин для посещения именно этих людей у него не было.

– По-вашему, эти визиты наносились безосновательно?

– Большинство «удивленных» отец даже в глаза не видел, – подтвердил Уэссеск. – Среди них были молодые люди, почтенного возраста господа и дамы… состоятельные и не очень… а также рабочие, чужая прислуга, обычные городские босяки, женщины легкого поведения и такие нищеброды, что рядом с ними отец по определению не мог долго находиться рядом. Не говоря уж о том, чтобы иметь с ними какие-то дела.

– То есть, системы в этих посещениях не было? – счел нужным уточнить я.

– Это больше походило на ураган… просто взрыв эмоций в одном отдельно взятом городе. Но отец все равно посчитал, что в случившемся была доля его вины. Поэтому и уехал.

– Скажите, у вас хорошая память на даты, господин Уэссеск? – внезапно поменял тему я, вызвав у собеседника неподдельное удивление. – Скажем, цифра «сорок восемь» вам ни о чем не говорит?

Уэссеск едва заметно вздрогнул и, не обратив внимания на внезапно побледневшего Гуна, замедленно ответил:

– Вы очень хорошо осведомлены, господин маг. Да, это – очень печальная дата в нашей семейной истории, потому что именно с нее начались трудности у моего отца.

Я неопределенно кашлянул.

– Полагаю, он был первым в вашем древнем роду, кто забеспокоился о последствиях дружбы с сомнительными личностями?

– Совершенно верно. Ему даже пришлось покинуть фамильное имение, сменив оживленный портовый город на малонаселенное захолустье.

– Как я понимаю, именно тогда он начал задавать разные вопросы, желая выяснить особенности семейного прошлого? И, вероятно, тогда же обратил внимание, что о некоторых вещах мужчинам вашего рода лучше не упоминать вслух?

– Да, – мрачно подтвердил мою догадку Уэссеск. – Насколько мне известно, во времена моего деда и прадеда таких ограничений не было. Все изменилось после Триголя. И не в лучшую сторону.

Я мысленно потер руки.

Отлично. Кое-что в этом деле начинает проясняться.

– А позвольте еще спросить… из чистого любопытства, конечно… если бы у вас был свой личный Палач, вы бы смогли приказать ему избавиться от какого-то конкретного человека? Например, от меня? Или от господина сыскаря? Или ваше желание тут ничего не решает?

Хозяин дома на мгновение замер, а у Гуна сделались большие глаза.

– К чему подобные вопросы, господин маг?

– Профессиональный интерес, – широко улыбнулся я, и он сжал челюсти.

– Не думаю, что здесь уместны шутки, мастер Рэйш, – предупреждающе сузил глаза Уэссеск. – Не зря говорят, что даже у стен есть уши.

Я только отмахнулся.

– Да бросьте. Вам уже давно следовало понять, что некоторые твари не воспринимают намеки или иносказания. Они умеют делать логические выводы лишь из простейших логических цепочек, поэтому не способны оценить ни насмешку, ни двусмысленность наших с вами фраз, ни игру слов. Их поведение, жестко закрепленное заклинанием, полностью укладывается в рамки заданного создателем формата, поэтому они не способны к саморазвитию или самосовершенствованию. И понимают только прямые указания к действию, так что истинный смысл нашей беседы остается для них недоступным.

Родерик мрачно зыркнул в мою сторону и неприязненно буркнул:

– Я в этом не уверен.

Я пропустил его ворчание мимо ушей, продолжая сверлить

глазами сидящего напротив мужчину.

– Хотелось бы услышать ответ на мой последний вопрос, господин Уэссеск.

– Нет, – после затянувшейся паузы обронил мужчина. – Мое желание ничего не решает: нужен повод. Хотя бы крохотный.

– Хорошо. Я вас понял. Какие обычно сроки бывают между появлением «повода» и его последствиями?

– Я уже говорил: не больше суток.

– А исполнение?

– Однотипное. Независимо от количества и статуса тех, кому не повезло.

Хм, важное уточнение. Надо будет это учесть.

– Если в течение одного дня ваше неудовольствие падет на нескольких человек со значительным временным интервалом, сроки наказания останутся такими же?

Хозяин дома на мгновение задумался.

– Если люди живут в пределах города – да. Наш «благодетель» умеет быстро перемещаться.

– А если кто-то из них успел уехать?

– Тогда у него будет немного времени, чтобы составить завещание.

Я ненадолго умолк, анализируя полученные сведения, а потом задал ещё один вопрос:

– Скажите, господин Уэссеск, кто-нибудь из ваших родственников хотя бы раз видел, как выглядит пресловутый «друг»?

– Нет, – качнул головой мужчина, сделав ещё один глоток из бокала. – Несколько поколений моей семьи свято верили в то, что кара, регулярно настигавшая всех наших врагов, это дар небес. Им когда-то очень гордились, старательно скрывали от окружающих, но в причинах не разбирались: боги капризны, а их милость недолговечна, поэтому никто не рискнул бы обидеть их недоверием и прийти в храм с вопросами. Однако с годами количество тех, кого наш «друг» облагодетельствовал своим присутствием, становилось все больше. Причем чем дальше, тем меньше отцу было понятно, почему и за какие грехи они пострадали. Конечно, мелкие неурядицы с конкурентами бывали во все времена – без этого в нашем деле никак. Но если обычно такие проблемы решаются с помощью слова и звонкой монеты, то в нашем случае возможные партнеры, рискнувшие хоть в чем-то не согласиться с отцом, начали исчезать ещё до того, как был заключен важный контракт. То же самое творилось с соседями, друзьями, знакомыми… причем с каждым разом их вина была все мельче и мельче, их непосредственное влияние на наши дела –

все призрачнее и незаметнее, тогда как мера наказания ни разу не менялась. Отец, заметив эту закономерность, встревожился. Из-за этого же постепенно отошел от дел, предпочитая менее выгодные, но надежные знакомства, за последствия которых не нужно было опасаться. Потом он начал осторожно собирать слухи, искать старые летописи, интересоваться магией, пытаясь докопаться до истины, стал наблюдать за своим… уже немногочисленным на тот момент… окружением, чтобы понять, кто может оказаться в зоне риска. Тогда же он составил свод правил для слуг, который действует в этом доме и по сей день. И выяснил, что периодичность появления его необычного «друга» носит строго циклический характер, но при этом постепенно промежутки его «сна» становятся короче.

Я нахмурился.

– Полагаю, каждое его пробуждение автоматически означает и кормежку?

– Совершенно верно. Насколько я знаю, «друг» никогда не уходил из этого мира в одиночку. Но если поначалу ему хватало одного «гостя» раз в двадцать-тридцать лет, то постепенно его аппетиты возросли. А после Триголя потребность в визитах стала настолько велика, что отец вовсе перестал общаться с кем-либо, кроме меня, чтобы не навлечь беду.

Я задумчиво забарабанил пальцами по подлокотнику.

Плохо. Значит, заклятие постепенно слабеет. Если бы его носителем был хотя бы плохонький маг, этого бы не произошло, поскольку хозяин всегда подпитывает магическое существо, тем самым гарантируя его существование. Двести лет назад так все делали. Иных привязок не существовало. Но в семье Уэссексов магическое зерно было уничтожено. А чудом уцелевший Палач… потусторонняя тварь, намертво привязанная к одному-единственному роду узами крови… не получая должной подпитки, была вынуждена искать пищу самостоятельно.

Однако, поскольку без причины убивать Палач не способен, то, вероятно, сперва ему приходилось искать повод, границы которого определены все тем же заклинанием. И если в исходных данных была заложена необходимость обеспечивать безопасность носителя, то, вероятно, убивать дух-служитель мог лишь тех, кто так или иначе нес угрозу хозяину. Причем степень угрозы, исходя из того, что нам известно, изначально не была определена. Или же при формулировке допустили опасную неточность. Благодаря чему Палач абсолютно одинаково расценивал и в сердцах брошенное слово, и открытое нападение, а при отсутствии последнего будет методично уничтожать всех, кто хотя бы однажды рискнул задеть хозяина. Скажем, купца, не

выполнившего вовремя заказ на новое платье, служанку, случайно разбившую дорогую вазу, или же пробегавшего мимо хулиганистого мальчишку, выкрикнувшего в адрес владельца мрачного особняка обидное слово…

У меня внутри шевельнулось что-то, похожее на сочувствие.

Уэссеск – сильный человек, если способен жить с таким грузом на душе. Понимаю теперь, почему он предпочитает уединение. И всецело одобряю его страсть к одиночеству, поскольку лишь благодаря ей мы сейчас не бродим в крови по колено, разбирая горы трупов после визитов Палача.

– Это – вынужденная мера, – перехватив мой выразительный взгляд, тут же отреагировал Уэссеск. – Без этого, боюсь, городу пришлось бы туго. А я ценю место, в котором живу, и не хочу создавать лишних трудностей. Близких у меня больше нет. Друзей тоже. А слуги… в доме остался только Григор. Он единственный, кто понимает меня с полуслова и способен предугадывать мои пожелания ещё до того, как я их выскажу. Да еще господин Лигерман, который следит за моими делами. Вот, собственно, и все мое окружение.

Я посмотрел на хозяина дома со смешанным чувством.

– Сколько вам успел рассказать мастер Этор?

– Не мне – отцу. Но я читал его дневник, и, поверьте, написанного там достаточно, чтобы остерегаться внимания Ордена и понимать, чем мне будет грозить открытие правды.

Вот, значит, почему он предпочитает отсиживаться в захолустье и помалкивать в тряпочку. Если в Ордене пронюхают, что самое страшное оружие Эрнеста Кровавого все еще живо, Уэссеска раздерут на мелкие клочки. В прямом смысле этого слова.

Я прищурился.

– Почему же тогда вы рискнули обратиться ко мне?

– Вы – одиночка, – спокойно ответил хозяин дома, уперев взгляд на оставшееся на донышке лекарство. – И за вами никто не стоит. А еще, если верны мои предположения насчет вашего происхождения, то вы с высокой долей вероятности придерживаетесь взглядов мастера Этора. И так же, как он, вряд ли захотите иметь дело с Орденом.

Он помолчал и через некоторое время добавил:

– К тому же, у меня не осталось выбора. Как я уже сказал, мой старинный «друг» спит все тревожнее, а время сна становится все короче.

Я снова насторожился.

– Думаю, не сильно ошибусь, если предположу, что его продолжительность напрямую зависит от возраста носителя?

– Не ошибетесь, – бесстрастно подтвердил Уэссеск. – Чем старше становится носитель, тем чаще происходит пробуждение. Отец даже вывел формулу, по которой можно рассчитать, в какой именно день его «друг» проснется. А также дату, когда он окончательно перестанет впадать в спячку.

Я нахмурился еще больше.

– А ваш отец, случайно, не рассчитал дату самого первого пробуждения своего «друга»?

– Нет. Вместо него это сделал темный маг, имя которого я вам уже назвал.

Я насторожился.

– Если верить ему, – ровно продолжил Уэссеск, крутя в руках недопитый бокал, – первое пробуждение состоялось двести сорок девять лет назад. А последнее… произойдет сегодня. В полночь, если быть точным.

– Как, сегодня?! – подпрыгнул на своем кресле Родерик.

Хозяин дома не уделил ему ни унции своего внимания. Напротив, он почему-то снова посмотрел на меня и, непонятно усмехнувшись, залпом допил бокал.

– Это – последняя ночь, когда он будет хоть как-то уязвим. Поэтому-то, мастер Рэйш, я и хотел с вами увидеться. Из всех возможных претендентов только у вас есть шанс избавить город от угрозы.

У меня вдоль позвоночника пробежал холодок. Что-то мне совсем не нравится наш разговор. И почему-то все больше кажется, что темная сторона недобро притихла.

– Почему вы так решили?

– Ниро стар. Ему не выдержать поединка, – так же спокойно пояснил Уэссеск, отставляя бокал в сторону. – А у вас, как я уже сказал, есть шансы.

– Вы уверены? – напряженно спросил я.

– Безусловно. В Верле больше нет темных магов, так что я в любом случае обратился бы к вам.

Я замер, лихорадочно оценивая ситуацию.

Итак. Передо мной сидит последний потомок некогда могущественного рода некросов, тесно связанный с искусственно созданной сущностью, единственное предназначение которой – убивать. Причем контроля над ней Уэссеск не имеет, но до сегодняшнего дня его это почему-то не смущало. Он совершенно спокойно жил, вел свои дела, зарабатывал на хлеб насущный и не порывался ни с кем делиться сомнениями. И это при том, что он точно знал, что такое Палач, и наверняка нашел способ им манипулировать… да-да, я на сто процентов уверен, что он научился если не управлять, то хотя бы подталкивать своего

невидимого «друга» к нужным решениям. И именно это примиряло его с ситуацией, иначе он уже попробовал бы что-то изменить. Особенно если знал о дате окончательно пробуждения духа. Как и о том, что Палач скоро полностью сбросит заклятие поводка, превратившись из духа-охранника в свободное от обязательств чудовище, которое продолжит действовать согласно заложенной создателем установке и станет неутомимо избавлять наш мир от многочисленных грешников. Единственным известным ему способом.

Представляете, сколько голов он срежет за какой-нибудь месяц?!

Вот и мне трудно представить. Каждый из нас хоть как-то да согрешил в этой жизни. Каждый когда-то да оступался. Но если боги снисходительно относятся к человеческим слабостям, то Палачу чуждо сострадание. Лишившись управляющего заклятия, он будет убивать всех без разбора: богатых – за то, что когда-то ограбили; бедных – за то, что хотя бы однажды позавидовали; нищих – за то, что пали духом; убийц – за смерть; мошенников – за обман; молодых – за страсть; старых – за жадность; детей – за ложь; взрослых – за большую ложь…

Может, только жрецы и уцелеют. Да и то, не факт: жрецами никто из них не родился, а Палачу наверняка будет без разницы, когда они совершили грех, приведший к покаянию. А значит, никто не будет в безопасности, и, скорее всего, в очень скором времени Верль превратится в город обезглавленных призраков, которые не найдут упокоения до тех пор, пока убийца не уснет или пока не найдется кто-то, кто сможет его уничтожить…

От подобных перспектив меня передернуло. А потом я посмотрел на абсолютно спокойного Уэссеска, с легким интересом следящим за выражением моего лица, подумал о том, что он оставил мне совсем мало времени, и… неожиданно прозрел. Понял внезапно, что же меня так напрягало в сегодняшнем визите. После чего почувствовал, как изнутри поднимается обжигающе холодная волна Тьмы, и медленно повернул голову.

– Гун, выйди, – сказал я ледяным тоном, воткнув в мечущегося по кабинета сыскаря тяжелый взгляд.

– Зачем? – растерянно обернулся Родерик, прекратив расхаживать туда-сюда, но, увидев меня, непроизвольно шарахнулся прочь. – Тьфу на тебя, Рэйш. Совсем сдурел… что у тебя с лицом?!

– Я сказал: выйди! – свистящим шепотом велел я, стремительно наполняясь холодом темной стороны и чувствуя, как от ее прикосновения занемели кончики пальцев. – Пошел вон

отсюда!

Гун торопливо попятился, когда вокруг моих рук заклубились черные отростки, похожие на щупальца осьминога, а потом глухо ругнулся и, метнув на Уэссеска злой взгляд, опрометью вылетел из кабинета.

А хозяин дома неожиданно рассмеялся. Тихо, невесело, но при этом не без нотки торжества.

– Слишком поздно, – растянул губы в резиновой усмешке он, когда я перевел бешеный взгляд на его утопающее в сумраке лицо. – Маховик уже запущен. И тебе его не остановить.

– Ты не мог знать, что я приду именно сегодня, – процедил я, впуская в себя Тьму до конца и бегло оглядываясь по сторонам. – И не мог быть уверен, что я вообще появлюсь.

– Нет, – согласился хозяин дома. – Но я надеялся, что ты догадаешься быстрее. Три года ждал, пока подвернется случай, наблюдал, оценивал… но ты был настолько слеп, что пришлось попросить моего «друга» оставить тебе подсказку. Прозрачную такую. Без головы.

Я тихо выдохнул.

Фол. Вот это-то меня и беспокоило: если бы дело было только в сроках, он мог попросить о помощи раньше. Если не лично и не у меня, то хотя бы в столичном Управлении. Еще пять… да хоть десять лет назад! Составить письмо, отправить магического вестника, наконец. Использовать тайнопись или любой из многочисленных шифров, если уж заклятие не позволяло действовать напрямую. Привлечь к этому слуг… того же дворецкого, который с успехом нанял бы гонца и отправил это грешное послание в Алтир. Орден там или нет… любое наказание меркнет в сравнении с тем, что мог натворить Палач без поводка. Потому что начал бы он, несомненно, с хозяина, и тому следовало заранее позаботиться о безопасности, не откладывая это на самый последний день!

Да и Орден сейчас уже не тот, что раньше. Не тронули бы они наследничка столь древнего рода. Сохранили бы ценную кровь. Хотя бы ради того, чтобы изучить ее феномен и прибрать Палача к рукам. За такой куш с ними и поторговаться можно было, о чем потомственный торговец, бесспорно, догадывался. И он не мог не просчитать, что еще пару лет назад его шансы уцелеть в этой передряге были бы очень и очень велики.

Но ему зачем-то понадобился именно я. Причем не три года назад, не два и даже не месяц, а именно здесь и сейчас. Уэссеск, вопреки здравому смыслу, пренебрег возможным риском и предпочел действовать издалека, самым диким и немыслимым для нормального человека способом, чтобы привести меня в этот

дом и радостно сообщить самую отвратительную в мой жизни новость за последние десять лет.

Фол… наверное, я совсем перестал понимать людей. Шесть с половиной лет одиночества, разбавленного обществом мертвецов, определенно сделали меня тугодумом. Или же просто Уэссеск – сумасшедший со своей собственной, извращенной логикой, которую я не в силах понять?

– Значит, купец – твоих рук дело? – хмуро спросил я, отбросив всякие церемонии.

Хозяин дома медленно наклонил голову.

– Надо же было дать тебе повод со мной встретиться?

– И ты убил его только для того, чтобы привлечь мое внимание?

Он вяло отмахнулся.

– Это было нетрудно. Всего-то и надо требовалось дать заведомо куцые сроки и достаточно сложный заказ. Я, как ты понимаешь, был недоволен, не получив в срок новый камзол… ну а Палач сделал все остальное.

Я сжал челюсти.

– А другого способа привлечь мое внимание ты, конечно же, не нашел?

– Так было надежнее, – невозмутимо ответил хозяин дома, подперев подбородок руками и немигающим взором уставившись на мои почерневшие пальцы.

Он словно не видел, как с них сорвалось несколько щупалец и протянулись в его сторону, готовясь вот-вот ухватить за горло. Он даже идущего от них холода, казалось, не замечал. И вообще едва ли не потерял интерес к происходящему.

– Ты должен был всерьез заинтересоваться и понять, что за противник тебе достался. И должен был начать искать способ его убить. Или хотя бы задуматься об этом, потому что, как ни прискорбно, я таких способов в свое время не нашел. Кстати, должен поздравить – после истории со шкатулкой ты заметно прибавил в силе, научился входить на темную сторону, начал осваивать новые трюки… это хорошо. А то я уже начал переживать, что ты так и останешься никчемной ищейкой.

И вот тогда внезапно успокоился. Тьма заполнила меня полностью, до неузнаваемости изменив лицо и напитав белки глаз первородным мраком. Я снова стал холоден и невозмутим, как раньше. Эмоции привычно отошли на задний план, уверенность в необходимости убийства обрела новые корни, и теперь меня удерживало на месте лишь желание узнать детали.

– О шкатулке тебе Палач доложил?

Он вдруг прикрыл веки, словно смертельно устал.

– Я приставил его к тебе ещё в тот день, когда ты прошел через городские ворота. У него есть уникальная способность передавать увиденное на одно зеркальце, специально зачарованное твоим отцом по просьбе моего родителя, так что можно сказать, все эти годы я внимательно следил за каждым твоим шагом. И по мере сил старался направлять в нужном направлении.

– Поподробнее не хочешь рассказать? – хмуро осведомился я.

– Это слишком долго, а у меня почти не осталось времени, – качнул головой Уэссеск, не поднимая лба от скрещенных ладоней. – Просто поверь на слово – все эти годы мой верный «друг» был рядом и пристально следил, чтобы ты не убился раньше времени. А я просто ждал, когда ты станешь сильнее, чтобы суметь его убить в единственную ночь, когда он станет наиболее уязвим.

Я сделал мысленную зарубку: сплести как можно скорее мощную личную защиту. Такую, чтобы не одну тварь близко не подпускала, независимо от того, где и в каком состоянии я нахожусь.

– Хорошо. Допустим, я тебе верю. Сару Лэнли ты тоже умышленно подставил под удар?

– Нет, – резко ответил Уэссеск. Но глаз, впрочем, не открыл. Только скривился, будто от зубной боли, да кончики пальцев побелели. – Это была случайность. У мальчишки просто не хватило воли дождаться, когда все образуется.

– А оно могло как-то «образоваться»? – язвительно поинтересовался я. – Особенно после того, как их родители погибли у тебя в доках? И не исключено, что не без твоей помощи?

Мужчина поморщился.

– Лорек Лэнли был профессиональным вором. Из числа тех, кто воровству на улице предпочитает кражи в особо крупных размерах. У него и жена была… под стать. Аферисты, можно сказать, высшей пробы, невесть как и зачем заглянувшие в эту глушь. Скорее всего, незадолго до этого попались на горячем и сбежали сюда пережидать бурю. А тут я со своими доходами и потребностью в квалифицированных кадрах… естественно, мимо такого куша они не могли пройти. И до того хорошо смогли себя показать, что я первое время понять не мог, с чего мне вдруг такое счастье. Но потом все пошло наперекосяк, провалилось несколько важных контрактов, и в результате я едва не потерял свое дело. Стал разбираться, обнаружил несколько ошибок. А потом Лигерман поймал эту парочку на мошенничестве и поспешил сообщить мне. Ну а там… сам понимаешь.

Я хмыкнул.

– А детей-то зачем взял? Совесть замучила?

– А тебе есть разница? – огрызнулся Уэссеск. – Мне все равно нужны были новые слуги, а тут – двое бездомных, на все готовых ради куска хлеба… упускать их было глупо. Вот я и забрал.

– У мальчишки открылись дурные наклонности?

– Было дело, – снова поморщился хозяин дома. – Сперва стащил со стола какую-то безделушку, пока я не видел, часто врал, хотя для этого не было никакого повода, затем Григор не досчитался столового серебра… Питер начал меня раздражать. Пришлось уволить мальчишку, пока раздражение не перешло во что-то более опасное. Убийцей детей я становиться не собирался – помню, как мучился отец перед смертью. И не хочу испытывать нечто подобное.

– А девочка?

– Работала. Стирала. Убирала. Ничего не могу сказать про нее плохого, кроме того, что… – Уэссеск вдруг опустил голову ниже и глухо добавил: – Зря она умерла. Я этого не ждал.

– Что с Питером?

– О нем я не жалею, – сухо отозвался он. – Кроме, разве что, того, что не видел, как его пожирали гули. Сестра все сделала для него. И была готова душу продать, лишь бы он стал прежним. Упрашивала взять его снова на работу. Искала для него любой шанс, хотела в школу при храме устроить.

Я равнодушно пожал плечами.

– Дурная кровь. Рано или поздно все равно проявится.

– Не у всех, маг, – тихо вздохнул Уэссеск, наконец, отнимая руки от лица и устало потирая шею. – К сожалению, не у всех.

Подметив в уголках его губ горькие складки, я неожиданно прозрел.

– О… так ты следил за девчонкой!

– Не твое дело, Рэйш! – огрызнулся хозяин дома, поспешив отвернуться и, как утопающий за соломинку, схватиться за успокоительное. А когда сдержанный и весь из себя самоуверенный аристократ залпом опустошил бокал, я тихо присвистнул и неожиданно понял, откуда Уэссеск так много знал о сиротах, почему Палач так быстро узнал о преступлении и по какой причине его последней жертвой был именно Питер Лэнли.

Гм. А не для Уэссеска ли Сара берегла свое лучшее платье?

Если да, то мужику сейчас наверняка нелегко. Раньше полуночи Палач наверняка отомстить не смог – особенности заклятия не позволяли, так что Уэссеску наверняка пришлось в подробностях наблюдать за тем, как была убита и обезображена Сара. А только затем дать волю своему чудовищу, сполна

расплатившись с мальчишкой за все его прегрешения.

В этот момент лампада на столе вдруг мигнула и погасла, погрузив кабинет в кромешную тьму. Погасла мгновенно, словно порыв ветра задул слабо тлеющую свечу. В тот же миг откуда-то снизу донесся звон бьющего стекла, сдавленный вскрик, в котором я к собственной досаде узнал голос Гуна. А потом Уэссеск поднял голову и, уставившись на меня расширенными глазами, едва слышно прошептал:

– Проклятье, Рэйш… еще слишком рано. Неужели я неправильно рассчитал время?!

Но мне уже было не до чужих переживаний: молниеносно провалившись на темную сторону, я сиганул в первую попавшуюся дыру в полу, про себя удивляясь тому, что здесь до сих пор не появилось ни одного гуля. Приземлившись в какой-то комнатушке, вихрем вылетел через пролом в некогда прочной стене, мысленно вспоминая, успел ли я поклясться Йену, что верну ему подающего надежды сотрудника живым. Ворвался в холл, на ходу поднимая руку с клубящейся в ней Тьмой…

И как раз успел увидеть, как на поверхности стоящего в углу напольного зеркала исчезает бездонная черная воронка, в которую что-то с неумолимой силой утягивает на дно разинувшего в беззвучном крике рот Родерика Гуна.

Глава 12

Тьма высасывает из человека душу так стремительно, что простой смертный может выжить в Ее объятиях лишь на протяжении нескольких ударов сердца. Поэтому я ни мгновения не раздумывал, прыгая вслед за Гуном и грубо проламывая тонкую ткань между мирами.

Уэссеск правильно рассчитал, когда пригласил нас обоих. И почти безупречно провел свою партию, рассчитав ее как по нотам. Всего одно-единственное резкое слово… или жест… или любой другой повод для неудовольствия, данный нами по незнанию, и он победил бы во всем.

Но я не дал ему такого шанса. По крайней мере, в отношении себя. А вот о Родерике, увы, подумал слишком поздно. Не учел его темперамента. И теперь был вынужден исправлять ошибку, рискуя потерять и без того невеликое преимущество.

Оказавшись на темной стороне, я увидел его сразу – застывшего на лютом морозе, посиневшего и уже начавшего покрываться тонким слоем серебристого инея. Жизнь в парне едва теплилась, когда я с ходу врезался в него, сбивая с ног. Торопливо рухнул сверху, пробивая нашими телами в истончившейся границе вторую дыру. Ругнулся, вывалившись уже в реальном мире и больно ушибив плечо. Затем приложил пальцы к холодной коже на шее Родерика. Коротко выдохнул. Поднялся. И, кинув на замерзшего до полусмерти, но все же слабо дышащего парня оценивающий взгляд, тут же шагнул обратно. Успев по пути прихватить чужой кинжал и с мстительной усмешкой проследить за градом осыпающихся на пол осколков огромного зеркала.

Палач, если и удивился исчезновению добычи, то виду не подал – так и стоял неподалеку, задумчиво водя по воздуху верхними конечностями и осматриваясь по сторонам. При виде меня с места не сдвинулся. Рычать не рычал. Только голову повернул на шум и неторопливо переступил лапами по хрустящему насту, словно раздумывая, его я клиент или же нет.

Выглядел он, надо сказать, весьма внушительно. И в чем-то его облик мне даже понравился. Конечно, для твари с телом паука и человекоподобным туловищем это – не слишком точное определение, но с ходу было сложно разобраться, что же он такое. Восемь многосуставчатых ног, способных изгибаться под невероятным углом и заканчивающихся когтистыми лапами; бочкообразное туловище, покрытое короткими, плотно подогнанными друг к другу бурыми волосками; ровный частокол

коротких игл, идущий вдоль хребта до самого затылка; хорошо развитый мужской торс с мертвенно-бледной, покрытой тонкими полосками шрамов кожей, толстой шеей и двумя парами конечностей, одна из которых имела длинные, по-паучьи гибкие пальцы с костяными наростами на костяшках и локтях, а вторая… верхняя… заканчивалась еще более длинными костяными наростами, похожими на лезвия секиры. Большая, полностью лишенная растительности голова с двумя затянутыми мутной пленкой бельмами на месте глаз. Широкая сетка красноватых прожилок, раскрашивающая морду и туловище твари причудливым рисунком. И, наконец, плотно сомкнутые, ярко-красные, словно вымазанные свежей кровью губы, которые при виде меня дрогнули в подобии улыбки… видимо, создатели Палача обладали извращенным чувством юмора, раз их детище могло позволить себе приветствовать жертв подобным образом.

И все бы ничего, если бы на загривке твари я не обнаружил висящие на иглах пропавшие головы убитых. Вернее, эти были не совсем головы, а, скорее, содранная с них кожа. Пустые, бессильно обвисшие маски, тщательно выделанные скальпы с развевающимися гривами волос и пустыми провалами на месте глаз. Жутковатые трофеи, один из которых Палач легко снял одной из нижних рук и водрузил себе на голову, закрыв мерзкую харю чьим-то незнакомым лицом.

Меня передернуло, когда сквозь дыры в коже проступили мутные бельма мертвеца. А тварь, изучив меня повторно, бесстрастно выдала:

– Не виновен.

И равнодушно отвернулась.

Я только хмыкнул, найдя зримое подтверждение своим догадкам. А потом представил, как этот монстр, выдернув на темную сторону очередного бедолагу, сперва зачитывает ему приговор, после чего лихо сносит башку одной из своих «секир» и с чувством выполненного долга сдирает с них кожу, чтобы обзавестись новым украшением.

Бр-р, какая гадость. И зачем ему фальшивые «лица»?

Тварь тем временем окончательно потеряла ко мне интерес, отступила на пару шагов, после чего вдруг уставилась куда-то мне за спину. Туда, где еще только-только приходил в себя полупрозрачный Родерик Гун, так неосторожно повысивший голос на хозяина этого монстра.

– Виновен… – услышал я такое же бесстрастное и хмыкнул снова, испытывая законную гордость от мысли, что очень своевременно испортил Уэссеску интерьер. Теперь, чтобы добраться до Гуна, Палачу придется искать новое зеркало. А уж я

приложу все усилия, чтобы ни одного подходящего на его пути не нашлось.

Жаль только, времени у меня не так много: ночь-то не вечная.

– Виновен, – уже увереннее повторил Палач и угрожающе качнулся в сторону Гуна.

Я потянул из ножен меч и без колебаний заступил ему дорогу.

– Виновен, – пробормотал в третий раз монстр, вознамерившись обойти меня, как досадную помеху. Не вышло – я снова сместился в сторону, оказавшись у него на пути. А потом еще раз и еще, благо приказа на мое убийство не поступало, а принимать такие решения самостоятельно монстр ещё не мог.

Наконец, Палачу надоело метаться по сторонам, и он сделал то, чего я никак не ожидал – создал «тоннель». Причем настолько быстро, что я едва успел отшатнуться, чтобы меня не затянуло следом.

Сказать, что это было неприятно, значит не сказать ничего: от открывшегося «коридора» пахнуло такой лютой стужей, что ещё год назад я бы, наверное, продрог до костей и от первого же дуновения ветерка осыпался горой мелких осколков. А теперь только выругался, стряхнул со шляпы колючие льдинки и, оглядевшись в поисках Гуна, сиганул следом.

– Некросы спятили, позволив искусственной сущности передвигаться, как ищейке! – пробормотал я, оказавшись на улице.

Родерик, как выяснилось, не просто пришел в себя, но ещё и умудрился, шатаясь, самостоятельно выйти в сад. А теперь целеустремленно ковылял к калитке, даже не подозревая, что невидимый убийца нарезает вокруг него круги, словно голодная акула.

– Фол! Понятно теперь, почему он такой шустрый!

Но на этом неприятные открытия не закончились. Как выяснилось, за оградой дома темная сторона отнюдь не пустовала – за приближением Гуна уже следили многочисленные зрители: гули, отсутствию которых я недавно удивлялся, никуда не исчезли. Напротив, густо облепив забор со стороны улицы, они с вожделением посматривали на приближающуюся добычу. Правда, ждали они молча. На заборе, у калитки, на соседних домах. И было их до того много, что моя уверенность в собственных силах ощутимо пошатнулась.

Одно хорошо – когда к забору приблизился Палач, гулей оттуда как веником вымело. А когда я следом за ним выбрался за пределы особняка, их и вовсе отнесло на крыши. При этом твари злобно щерились, клацали зубами и грозно шипели, когда Гун

проходил мимо, но присутствие Палача держало их на почтительном расстоянии.

Мне в этом плане повезло меньше – на меня уже начинали отвлекаться, коситься и пускать слюни, видимо, считая, что я стану следующей жертвой. Но, поскольку от Гуна я не отставал, то приблизиться гули так и не решились. Зато собирались отовсюду огромными стаями, порыкивая и повизгивая, спускались со стен, выползали из подворотен и следовали за нами такой внушительной свитой, что поневоле пришлось задуматься над тем, как поступить.

Пока я размышлял, Гун, морщась от каждого движения, неловко забрался в терпеливо дожидающийся кеб, и откровенно нервничающая лошадка припустила прочь, каким-то образом чуя следующую по ее пятам орду голодных тварей.

Я, спохватившись, помчался следом, стараясь не выпускать из виду Палача и вполголоса костеря Гуна за то, что он решил тащить за собой эту ораву. Наверняка ж в Управление намылился – Йену доложиться. А я даже остановить его не могу без риска для жизни.

Ну что за невезение?!

Тем временем напуганная присутствием нежити лошадка всхрапнула и припустила во всю прыть. Гун от толчка пошатнулся и, потеряв равновесие, упал на жесткое сидение. Палач при виде ускользающей добычи внезапно ускорился, оставив меня далеко позади. Следом за ним вприпрыжку умчались гули. А я представил, что мне предстоит теперь полночи бегать за кебом по всему городу и периодически то отгонять от него упрямого монстра, то бить все попадающиеся под руку зеркала и попутно отмахиваться от преследующих Родерика гулей… и крепко выругался.

Сколько у нас зеркал в Управлении? А на скольких из них Гун наткнется, пока доберется до Йена? И кто вообще сказал, что тварь не способна отойти от границы миров? Нииро говорил сугубо о временных рамках, а не о расстоянии. Так, может, ее предел – не пара шагов от отражающей поверхности, а все десять? Или двадцать? С учетом скорости, с которой Палач умеет перемещаться, преодолеть эти два десятка шагов в один миг для него будет раз плюнуть.

А если так, то что мы будем делать, когда монстр окончательно утратит связь с хозяином? Всем Управлением пойдем по домам – бить зеркала и уничтожать другие отражающие поверхности? Подключим к этому делу парней из городской стражи? Запремся сарае в надежде, что безумный дух не найдет способа до нас добраться?

Но потом мне в голову пришла другая мысль. Надо признать, совершенно дурацкая. Но иного способа отвлечь Палача от Гуна я не видел, поэтому сделал первое, что пришло в голову – остановился и, пользуясь тем, что гули скрылись из виду, выпустил в сторону оставшегося позади особняка ветвистую черную молнию. Не самую мощную, не слишком затратную, но все же способную доставить хозяину особняка некоторое беспокойство.

Убивать его я не планировал – господин Уэссеск был нам гораздо полезнее живым, чем мертвым. Однако у любимицы Фола, похоже, имелось на этот счет другое мнение, поэтому заклинание самым непостижимым образом вдруг вильнуло и вместо того, чтобы просто мазнуть по стене, влетело прямехонько в зашторенное окно. Да-да, в то самое, единственное, что имелось в кабинете хозяина дома.

Все остальное произошло мгновенно.

От удара стекло выгнулось и с жалобным звоном разлетелось на куски. Залетевший внутрь сгусток магии мгновенно заалел кроваво-красными искрами. Причудливо заиграли тени на внезапно осветившихся стенах. После чего хозяйская половина дома содрогнулась до основания, вылетевшие из окна черно-красные сполохи жадно лизнули наружную стену, а затем на тихой улочке прогремел оглушительный взрыв, от которого земля загудела у меня под ногами, а перед глазами заплясали разноцветные искры.

Перед внутренним взором, как живое, промелькнуло уставшее лицо господина Уэссеска, на котором я не так давно видел признаки насильственной смерти. Но жалеть о сделанном или менять что-либо было поздно – большую часть дома попросту стерло с лица земли, оставив лишь груду дымящихся развалин и торопливо вылизывающее камни пламя.

Когда эта мысль окончательно оформилась в моей растрепанной голове, на улице стало оглушительно тихо. Нет, огонь все еще потрескивал над развалинами дома, с заднего двора приглушенно завыл чудом уцелевший дворецкий. Однако курлыканье умчавшихся в погоню гулей прекратилось.

Когда я обернулся, мчащийся в Управление экипаж как раз исчез за поворотом, унося с собой оглушенного Гуна. Однако Палач его больше не преследовал – остановившись у предпоследнего дома, он обернулся и теперь задумчиво изучал догорающий дом. Почти одновременно с этим с крыши дальнего дома высунулась одна зубастая морда. Затем вторая, третья, после чего почуявшие магию гули начали возвращаться целыми группами. А ещё через несколько томительно долгих мгновений

Палач перевел неподвижный взгляд на мою замершую персону и угрожающе прошептал:

– Виновен…

Хм. Ему с меня в пору содрать не только лицо, но и всю кожу, а потом обрядиться в нее целиком, как на праздник. Пришел сюда, понимаешь, наследил, хозяина угробил… конечно, я виновен. Виноватее, можно сказать, некуда.

– Виновен! – теперь в бесстрастном голосе Палача прорезалось явное торжество.

Я попятился. А когда монстр отвел назад верхнюю пару конечностей и пригнулся, я отступил еще на шажок и сжал пальцы правой руки в кулак.

– Грем! Гре-ем, срочно вылезай! Мне нужен твой совет!

– Ну что опять? – проворчал старик, выбираясь из перстня. Но тут увидел стоящего напротив многоногого и многорукого монстра и икнул. – Светлые боги… Арт! Ты нашел Палача?!

– Лучше. Я теперь – его добыча, – процедил я, продолжая медленно отступать. – Так что давай, шевели извилинами и постарайся вспомнить, как его можно убить!

Но Грема при виде твари, кажется, заклинило. Его рот растерянно то открывался, то закрывался, глаза округлились так, что едва не вылезали из орбит, а из перехваченного спазмом горла вырывалось только подозрительное бульканье, словно старика сейчас удар хватит, несмотря на то, что он и так долгое время считался мертвым.

– Арт… – наконец, просипел он. – Что ты натворил?! Почему он начал на тебя охоту?!

– Убил его хозяина.

– Что?!

– Случайно. Убил. Хозяина, – по слогам, как для идиота, повторил я и попятился ещё дальше, не сводя глаз с задумавшегося монстра. – И теперь Палач хочет меня за это наказать.

Грем на такой ответ снова впал в прострацию, а я продолжал лихорадочно размышлять, но ничего умного в голову, как назло, не приходило.

Стоило признать, что я действительно сглупил. Поторопился. С учетом того, что тварь создавалась специально для борьбы с магами моего профиля, устойчивости и выносливости ей было не занимать. Да что там говорить – если верить Грему, в свое время она перебила такое количество некросов, что просто диву даешься. И ни один не сумел дать ей отпор. Так что мне с моим рылом надеяться было не на что.

Разве что в убежище попробовать спрятаться?

Ну, до утра, положим, я там отсижусь, как распоследний трус, а дальше? Переселюсь на край света, буду жить в страхе и шарахаться от каждого зеркала? Никогда больше не воспользуюсь Тьмой из опасения, что на той стороне меня годами будет ждать неутомимый и не умеющий забывать монстр? Его привязка к нашему миру и без того держалась на соплях, а теперь бешеного пса не сдерживала никакая цепь. Не поймает меня сегодня, так выловит завтра. А если не выловит, то покусает кого-то другого, а потом снова вернется за мной. Заняться-то ему теперь нечем. К тому же, он умеет перемещаться «тоннелями», и нет никакой гарантии, что ему не под силу проникнуть в мое логово. Но если это действительно так, что убежище станет не просто ловушкой, а заодно и могилой.

Тогда что остается?

– Беги! – внезапно разразился хриплым воплем Грем, когда Палач наконец шевельнулся.

Я, так и не придя к конкретному решению, молниеносно создал пространственный коридор, а тварь, словно только того и ждала, внезапно сорвалась с места и с такой скоростью ринулась в нашу сторону, что у меня аж пятки занемели при мысли, что их сейчас попросту отрежут.

Прыжок сквозь узкий тоннель. Мрак. Знакомый холодок меж сведенных лопаток. И вот я уже не на Победной улице, а на занесенной снегом Кузнечной, нутром чувствуя тяжелый взгляд, буравящий спину. Причем ощущение это было столь сильно, что я без раздумий нырнул во Тьму снова, но перед этим успел услышать короткий хлопок открывающегося коридора, тихий свист над головой, от которого сами собой зашевелились волосы на затылке, и ласковый шепот в ушах, настойчиво уговаривающий остаться.

Второй прыжок дался мне нелегко, несмотря на обещание отца Лотия. А на третьем я почувствовал, что происходит что-то неправильное. Темнота конечно расступилась, но не слишком охотно, да и схлынула далеко не сразу. Словно не хотела отпускать. Или же надеялась, что после крохотного промедления следующий по пятам Палач поможет мне передумать и остаться во Тьме навсегда.

Вывалившись на снег посреди пустынного перекрестка, я перекатился на спину и жадно хватанул ртом воздух.

Да что за ерунда? И почему у меня такое ощущение, что я тащил сквозь мрак не только себя, но и, как минимум, ещё парочку пассажиров?!

Беглый взгляд по сторонам доказал, что меня выбросило на окраине города. В одном из северных районов, куда после

наступления темноты даже городская предпочитала не соваться. Но я всегда чувствовал себя здесь как дома, потому что даже среди разбойников и убийц почти не было таких, кто рискнул бы заступить дорогу мастеру Смерти.

А потом неподалеку раздался скрип потревоженного снега. Тихий такой, едва уловимый и идущий, казалось, прямо из пустоты.

Внезапно обнаружив, что во время перехода меня целиком вышвырнуло в материальный мир, я торопливо вернул совмещенное зрение и вздрогнул, обнаружив, что Палач уже здесь и опять стоит на расстоянии всего в пару десятков шагов. Одна из его «секир» при этом легонько касалась заснеженной дороги и едва слышно царапала его кончиком лезвия.

Скрип-скрип… скрип-скрип…

– Виновен, – обрекающе прошептал Палач, встретив мой взгляд, и выразительно приподнял лезвие.

Я даже не сразу сообразил, почему он ещё не напал, но потом догадался – наверное, поблизости просто не оказалось зеркал, иначе все закончилось бы здесь и сейчас! Хотя это совершенно не помешало Палачу прогуляться за мной по всему городу и даже, может, стать тем непрошеным пассажиром, которого я был вынужден тащить сквозь Тьму на собственному горбу!

Тьфу ты, пропасть. И ведь даже спросить-то не у кого! Грем, как назло, куда-то запропастился и напрочь отказывался отвечать!

Я снова огляделся.

Интересно, как долго я смогу удерживать дистанцию? И как долго буду бродить по Верлю, прекрасно видя, что проклятая тварь следует за мной по темной стороне? А сколько при этом народу покажется ей виновными в мелких грешках? Скольких Палач успеет казнить, пока охотится за мной? Жрать-то ему что-то надо. А что он умеет жрать, кроме душ? Вот то-то же. Видимо, мне теперь придется ходить по улицам и попутно считать вываливающиеся из окон трупы. Или же вернуться на темную сторону по доброй воле в надежде, что хотя бы на какое-то время это его отвлечет.

Я ожесточенно потер костяшки на кулаке, пытаясь придумать что-нибудь толковое, но пока было ясно одно – следовало увести Палача как можно дальше от Верля. Только куда? Где найти безопасное место, чтобы можно было попытаться избавиться от твари, при этом не укокошив половину города?

Ответ пришел совершенно неожиданно, но именно в тот момент, когда я почти отчаялся его найти. После чего на душе сразу стало полегчало. Я неожиданно понял, что надо делать, а

затем без колебаний создал ещё один «тоннель», куда почти с облегчением запрыгнул. А вывалился уже на крохотном островке почти в самом центре Алторийской трясины.

За прошедшие три года приютивший меня остров ничуть не изменился. Все та же жухлая трава, сейчас покрытая густым слоем инея, все то же вонючее и невероятно глубокое болото, на фоне усеявшего берега снега кажущееся особенно грязным. Чахлые деревца посреди непролазной топи. И одна-единственная безопасная тропка, известная лишь нескольких посвященным.

Стоящая посреди островка хижина тоже выглядела заброшенной и хлипкой. Почерневшие от сырости деревянные стены, выбитые окна, зияющий чернотой дверной проем, в глубине которого виднелась покосившаяся от времени табуретка… правда, на темной стороне она смотрелась совсем иначе, но мне еще два месяца не рекомендовали туда заходить.

Размеренный скрип заставил меня оторваться от созерцания местных красот и обернуться: Палач уже был тут как тут и снова, как в городе, царапал снег кончиком «секиры», намеренно действуя на нервы.

– Что, думаешь, загнал в угол? – процедил я, когда смог разогнуться и вытрясти из гудящей башки поселившийся там вкрадчивый шепот.

Палач, разумеется, ничего не ответил, но портить снег все-таки перестал. А я показал ему неприличный жест и, доковыляв до хижины, привалился к стене плечом.

Фол! На это я совершенно не рассчитывал: мои силы утекали как вода в канализацию. Неужели это близость Палача так сказывалась? А может, все дело в том, что он просто встал на мой след?

Увидев на ярко-красных губах чудовища некое подобие улыбки, я чуть не сплюнул в снег.

Ну конечно! Он же ищейка и должен уметь отыскивать свои жертвы при любых обстоятельствах! А как это сделать, если не с помощью следа?

Получается, вот как себя ощущает человек, когда на его след встает мастер Смерти? И вот почему мое приближение преступники ощущают заранее? Когда из тебя высасывают жизненные силы, это, разумеется, чувствуешь. И заодно испытываешь массу «приятных» ощущений, которые мне, к слову, довелось испытать впервые.

Страха, правда, не было – бояться за себя я давно разучился, а вот внезапно навалившаяся слабость убивала. На плечи уже ощутимо давило, ноги дрожали, в глазах плыли разноцветные круги, словно я все-таки надорвался. Смешно. Всего-то три

коротких перехода, а мне уже хотелось лечь и уснуть, лишь бы не ощущать себя старой развалиной.

Но самое скверное в том, что, пока Палач держит мой след, эта слабость будет только усиливаться. Так что или я сдохну прямо здесь, у него на глазах, до предела истощившись за какие-то жалкие минуты. Или же рискну вернуться во Тьму и сдохну уже там, от его «секир», которыми тварь, судя по всему, владела мастерски.

Особого выбора, впрочем, не оставалось. Но прежде чем выбрать меньшее из зол, я все-таки сделал то, что мастер Этор мне делать категорически запретил – перешагнул через порог его старой хижины и лишь после этого провалился во Тьму.

После этого окружающий мир разительно изменился, и заброшенный остров стал еще более серым и унылым, чем раньше. Хижины на нем больше не было – вместо нее на стылой земле покоился внушительный по размерам сундук, наполовину зарывшийся в сугроб. А вокруг виднелась целая россыпь пока еще неактивных, но уже стремительно оживающих защитных заклинаний, которые всего через мгновение ярко засветились и накрыли весь остров плотным колпаком.

На моих губах зазмеилась довольная усмешка.

– Ну что, попался?

Палач, равнодушно покосившись на осветившееся разноцветными точками небо, недвусмысленно поднял сразу обе «секиры». Ну да ничего. Теперь мы с ним оба в ловушке, потому что войти в защитный круг мастера Этора еще было можно, а вот выйти обратно пока никто не сумел. Так что мы с тварью останемся здесь оба, что меня вполне устраивало.

Ножи против чудовища были бесполезны, так что я отстегнул мешающиеся ножны и скинул с себя неудобный плащ. Шляпа мне тоже ни к чему, поэтому улетела в снег и зарылась в него почти до макушки. После этого мне оставалось лишь ждать, потихоньку разминая обретшие привычную подвижность суставы. И молча радоваться возвращению сил и тому, что, благодаря Тьме, последние минуты моей жизни не будут омрачены ни слабостью, ни унизительным чувством беспомощности.

Палач, к счастью, не стал больше тянуть и ринулся в мою сторону сразу, как только я выпрямился. Всего три гигантских шага, короткий замах, яростный звон скрещиваемых клинков… и у меня руки онемели до самых плеч, когда на меч упало лезвие тяжелой «секиры».

Он был невероятно, просто чудовищно силен. И настолько быстр, что даже моей реакции не хватало, чтобы уследить за его движениями.

Первый же удар отдался болью в вывернутых суставах и заставил меня припасть на колено. Второй пришелся точно по голове – я напрасно забыл про вторую пару рук, поэтому быстро словил могучую оплеуху и отлетел на несколько шагов в сторону, каким-то чудом умудрившись не выронить меч.

Подняться мне уже не дали, но откатиться, на свое везение, я все-таки успел, поэтому сдвоенный удар чужих лезвий пришелся не на шею, а на край окованного металлическими полосами сундука. Тот низко загудел, завибрировал, пустив гулять по темной стороне тягучее долгое эхо и разразившись целым снопом ослепительно ярких искр. Старательно выписанный вокруг него сторожевой круг вспыхнул, но, как ни странно, никого не убил. Ни палача, на что я, признаться, рассчитывал, ни даже меня, и вот это уже было очень странно.

Обычно мастер Этор не церемонился с ворами, а потревоженная защита должна была воспринять нас с тварью именно так. Тем не менее, ничего особенно не случилось, кроме того, что Палач удивленно отпрянул и взмахнул руками, словно яркий свет был ему неприятен. А я, пользуясь паузой, вскочил с земли и, тряхнув полуоглушенной головой, снова выставил перед собой никчемную железку, чтобы не остаться перед тварью совсем безоружным.

Несколько томительных секунд мы настороженно кружили вокруг злосчастного сундука, на крышке которого не осталось ни единой царапины. Палач, судя по всему, был обескуражен, я, признаться, неприятно удивлен. Но осознание того факта, что он опять меня обманул, и я мог добраться до сундука намного раньше, помочь уже ничем не могло. До спрятанного внутри сокровища (*если таковое, конечно, там было*) добраться я бы все равно не успел.

Палач тем временем ускорил шаг и проворно выбросил вперед правую верхнюю лапу, видимо, надеясь до меня дотянуться через препятствие, однако через сундук перепрыгнуть почему-то не рискнул – снова пошел в обход, и у меня появилось несколько драгоценных секунд на раздумья.

После этого последовал новый рывок, и вновь я лишь чудом успел уклониться. Попробовать достать тварь парочкой знаков, но успеха не достиг. Использовал несколько боевых заклинаний из арсенала учителя – и тоже ничего не добился, кроме того, что Палач стал двигаться чуточку медленнее и осторожнее, словно предчувствовал, что у меня есть ещё пара фокусов в рукаве.

А затем наш танец перешел в совершенно новую фазу, потому что тварь вдруг рывком создала пространственный коридор и в мгновение ока оказалась у меня за спиной.

Все-таки он был слишком быстр для обычного человека. И абсолютно неуязвим ни для магии, ни для стали, что делало его воистину совершенным противником.

Метнуться в сторону я уже не успел – сильный удар сбил меня с ног и отшвырнул далеко от спасительного сундука. При этом одно из лезвий глубоко зацепило бок, и теперь рубаха медленно намокала, пропитываясь сочащейся из пореза кровью.

Зажав рану рукой, я снова перекатился, мысленно благодаря Фола за то, что в его владениях Смерть настигает глупцов несколько позже, чем в реальном мире. Собственно, на темной стороне я мог бы просуществовать какое-то время даже после прямого удара в сердце. А почему бы нет? Здесь же оно почти не билось. Да и боль была не такой острой, как ожидалось. Разве что слабость опять навалилась, да в ушах появился предупреждающий звон.

«Вот и все, отпрыгался, – спокойно констатировал я, перекатившись на спину и уставившись в морду склонившегося надо мной Палача. – Недолго музыка играла».

Монстр, словно в ответ на мои мысли, обрекающе занес «секиру». А я рывком содрал с себя остатки защиты, продемонстрировав нежити свою собственную, дотоле дремавшую внутри Тьму, и с ухмылкой прошептал:

– А вот это отобъешь, тварь?

Глава 13

Полностью открытый дар – это готовая бомба мощностью в несколько сотен простых огненных шаров. Открытый темный дар – это еще и неконтролируемый всплеск темной энергии, который при правильной подаче способен уничтожить население целого города вроде Верля. Когда-то подобный способ ухода считался своеобразной традицией у темных магов, включая обычных некросов и магов Смерти, так что я ни минуты не сомневался, когда уводил Палача на болота.

Остальное было делом техники. Защиты вокруг уже стояла, заряду во мне имелось достаточно, так что оставалось только поджечь фитиль. Ну а для того, чтобы тут все взлетело на воздух, было достаточно всего несколько капель моей крови.

– Рэйш, не смей! – хрипло крикнул кто-то с другого слоя реальности, когда я поднес к лицу окровавленную ладонь и быстро начертал на лбу неровный круг, в который схематично вписал повернутый острием вниз стилет.

Тьма во мне заволновалась, забурлила, но, прежде чем она вырвалась наружу, за спиной Палача наметилось какое-то шевеление и раздался невнятный шум, заставивший его обернуться. В следующее мгновение тварь выгнуло, словно от сильного удара, одна из лап с «секирой» оглушительно хрустнула и, отвалившись от туловища, рухнула прямо мне на живот. А еще через миг из спины Палача высунулось окровавленное лезвие, при виде которого мои брови сами собой поползли наверх.

– Рэйш, не спи! – свирепо гаркнул смутно знакомый голос, и туша Палача наконец-то перестала загораживать обзор. После чего надо мной склонилось совсем другое лицо, и я изумленно разинул рот, потому что совершенно не ожидал его здесь увидеть.

– Мастер Нииро?!

– Вставай! – жестко бросил старый маг, окинув меня быстрым взором. Выразительно скривился при виде пылающего на моей морде знака Фола. После чего отвернулся и ловко крутанул в руке внушительного вида бердыш, при виде которого я растерянно моргнул.

На темной стороне Нииро вовсе не выглядел стариком. Его спина не была скрючена болячками, плечи были гордо расправлены, жилистые руки снова стали сильными и крепкими, а длинные седые волосы больше не походили на паклю. Передо мной стоял настоящий маг Смерти. Внезапно помолодевший, ненадолго вернувший прежние силы и явно не собирающийся пасовать перед чудовищем, которого ничуть не смутила потеря

конечности.

– Уходи. Это не твой бой, – отрывисто бросил маг, когда я с трудом поднялся, зажимая рану рукой, а Палач угрожающе набычился.

– Поздно, – буркнул я, подбирая с земли меч и вставая с коллегой плечом к плечу. – На мне печать Смерти.

– С Фолом потом будешь разбираться. А сейчас угомони своего призрака. Если развеется, кто тебя доучивать будет?

Ах, вот кто позвал Ниро на помощь… с учетом того, что маги Смерти – не самые отзывчивые в мире люди, думаю, стоило немалого труда уговорить его сюда явиться. Так что спасибо, Грем, не ожидал.

Маг свирепо зыркнул в мою сторону, но потом ему стало не разговоров, потому что Палач наконец пришел в себя и очень даже прытко кинулся нас добивать, несмотря на отсутствие целой лапы и приличную по размерам дыру в спине.

Я попытался заслониться, но Ниро вдруг выступил вперед и с силой пихнул меня локтем. Да так, что от удара меня сложило пополам, распоротый бок вспыхнул, словно туда раскаленной лавой плеснули, из глаз снова посыпались искры, и я со стоном опустился на колени, пока проклятый старик ловко орудовал бердышом в попытках удержать Палача на расстоянии.

Причем, что самое удивительное, у него неплохо получалось. Тварь плясала вокруг него, опасно размахивая уцелевшей секирой, вторая пара рук то и дело пыталась ухватить старика за глотку, но Ниро каким-то непостижимым образом держался. Умело подныривал, уклонялся, порхал вокруг монстра словно опытный балерун, а его бердыш то и дело колол Палача то в бок, то в сочленение между грудью и мохнатым брюхом, а то пролетало в опасной близости от уязвимого горла.

Осознав, что меня только что вышиб из игры обычный старикан, я стиснул зубы и со скрипом поднялся снова. Крови к тому времени из раны натекло немало, так что шатало меня будь здоров. Перед глазами все плыло, ноги дрожали, но я все же упрямо сделал несколько шагов и, подобрав с земли меч, выдохнул. А потом наткнулся взглядом на отрубленную лапу и, выронив никчемную железку, цапнул костяную «секиру» в надежде, что к собственному оружию проворная тварь окажется более уязвимой.

Пока я ковырялся в снегу, сражающуюся парочку отнесло на другой конец острова, и мне снова пришлось за ними тащиться, то и дело смахивая со лба выступивший пот. Наверное, я оказался недостаточно расторопен. И вовсе не так хорош, как когда-то казалось. Сам себе был противен, но плестись быстрее просто не

смог – сил во мне осталось буквально на один замах, потому что даже сейчас, полностью увлеченный Ниро, Палач без устали тянул из меня энергию.

К тому времени, когда я до него добрался, мои ноги уже откровенно подгибались, а Ниро оказался зажат на небольшой отмели и отчаянно вертелся, стараясь подороже продать свою жизнь. Палач, стоя ко мне спиной, без устали кромсал его точными отрывистыми ударами и, судя по алым брызгам на снегу, действовал достаточно успешно.

Ниро при виде меня ругнулся, заставив монстра на мгновение отвлечься, а я очень вовремя пригнулся, пропуская над головой грозно свистящее лезвие.

– Пшел вон, дурак! – рявкнул старик, убедившись, что меня это не остановило.

Я только оскалился и замахнулся, от души шарахнув по ближайшей паучьей лапе своим новым оружием.

Эффект оказался неожиданно хорошим – от удара задняя правая нога у Палача подломилась, перерубленная примерно посередине. Сам он неловко пошатнулся и проворно развернулся всем корпусом, вынужденный теперь сражаться на оба фронта. Бердыш в руках мастера Ниира яростно сверкнул, вырывав из неподатливого тела приличный кусок плоти. Ну а я замахнулся во второй раз и что было сил обрушил «секиру» на протянувшуюся ко мне лапищу.

Из глотки Палача вырвался раздраженный вопль, когда отрубленная кисть с глухим стуком шлепнулась в снег. Из раны капнуло вниз всего несколько капель густой как смола и темной, почти черной крови. Я резко воодушевился. А потом мастер Ниро нанес еще один удар, и темная сторона содрогнулась во второй раз, когда ее сотряс бешеный рев внезапно потерявшего преимущество зверя.

Стремясь закрепить успех, я оттолкнулся и, поднырнув под обрубок, с силой воткнул свое импровизированное оружие в незащищенный бок. Палач снова взвыл, коротко взмахнул оставшимися конечностями, а потом вдруг крутанулся вокруг оси так, что я, не удержавшись, пушинкой отлетел назад и всем телом приложился о землю. Но еще успел увидеть, как внезапно развернувшийся монстр перехватил лезвие бердыша когтистой лапой. Как, невзирая на оставшуюся на металле кровь, мощно дернул его на себя. Как, не ожидав от него такой подлости, Ниро не успел выпустить из рук древко и опрометчиво качнулся следом. И как Палач единственной уцелевшей «секирой» нанизал его на острие, словно гусеницу – на иглу.

От удара старик вздрогнул и широко распахнул глаза, когда

толстые пальцы, выпустив бердыш, сомкнулись на его горле. Из перехваченной глотки вырвался сдавленный хрип, лицо Ниро побагровело. Но он даже дернуться не успел, как Палач высвободил окровавленное лезвие и почти без замаха снова ударил. Быстро, четко, одним-единственным мощным ударом отсекая нижнюю половину туловища мага и отбрасывая ее в сторону.

У меня помутилось в глазах.

Ниро… сварливый, упрямый, старый, но бесконечно ценный для меня маг… моя последняя надежда на нормальное обучение… проклятье, Ниро! Ну как ты мог быть таким неосторожным! Ты ведь прекрасно знал, что это будет твой последний бой! Знал и все равно явился!

Зачем?!

Смерть старика отозвалась в душе холодной яростью. А осознание того, что Палач отнял у меня единственную возможность не только закончить обучение, но узнать все тайны старого мастера, заставила не просто встать, а с глухим рыком подскочить с земли. В два прыжка преодолеть оставшееся до твари расстояние и с разбегу запрыгнуть ей на спину, после чего вырвать из паучьего туловища засевшие почти на всю длину лезвие «секиры», а затем с остервенением вонзить ее туда снова. С редким для себя бешенством. И с такой силой, какую я в себе до этого момента даже не подозревал.

Казалось бы, откуда что взялось, ведь всего мгновение назад я буквально помирал от истощения. Но при виде располовиненного мага и утекающих из него в буквальном смысле драгоценных капель знаний в меня словно демон вселился.

Вцепившись в жесткую шерсть зубами, я продолжал висеть на спине Палача даже тогда, когда он с негодующими воплями заметался по острову. Когда неистово принялся нахлестать воздух плечам обрубками рук. Когда тщетно пытался дотянуться до меня единственной уцелевшей «секирой». Висел, когда после очередного удара искалеченная тварь жутковато захрипела и с неистовой силой замолотила по воздух кривыми культяпками. После чего улучил момент и в ожесточении отсек сперва одну, а затем и вторую.

Палач содрогнулся всем телом, когда окровавленное лезвие вонзилось в развороченную грудную клетку особенно глубоко. В последний раз прыгнул на другую сторону острова, едва не угодив в болото. А потом наткнулся на сундук, упал, насадившись на него грудью, и, получив в лицо ослепительно яркий заряд сторожевого заклинания, медленно-медленно завалился на бок,

до последнего царапая когтями снег.

Защитный круг в последний раз вспыхнул и окончательно погас, но я не обратил на это внимания. А когда изуродованная до неузнаваемости туша обессиленно распласталась на забрызганном кровью снегу, спрыгнул на землю и продолжал кромсать ее лезвием. Работал безостановочно, как заведенный, не вспоминая ни про боль, ни про усталость. А остановился лишь тогда, когда под моими руками омерзительно хрустнул позвоночник, и кошмарная голова с остатками маски медленно покатилась в сторону болота.

Вот же проклятая тварь!

Тяжело дыша, я в последний раз обрушил на Палача «секиру» и едва не рухнул следом, внезапно обнаружив, что за эти несколько минут она потяжелела раз в десять, если не больше. Бок по-прежнему саднило, мокрая рубаха отвратительно липла к коже, по вспотевшей спине ненавязчиво гулял холодный ветерок, но я только сейчас осознал, что Палач действительно мертв. А когда эта мысль добралась до моего затуманенного сознания, я не отказал себе в удовольствии доковылять до укатившейся головы и от души ее пнуть, закинув далеко в трясину.

– Зря… – прошелестел из-за моей спины смертельно уставший голос.

Я как ужаленный обернулся. А все ещё живой мастер Ниро при виде проступившего на моей физиономии выражения криво усмехнулся и неопределенно махнул рукой.

– Таких тварей надо сжигать, Рэйш, иначе потом проблем не оберешься.

– Мастер!

– Темная сторона сильна, мальчик, – едва слышно прошептал он. – И мы становимся сильнее вместе с ней. Но мое время вышло. Ты сам видишь. Хотя несколько минут я все-таки могу тебе уделить. Подойди.

Стараясь не смотреть на жутковатый обрубок, в котором ещё каким-то чудом теплилась жизнь, я с трудом доковылял до старого мастера и опустился воле него на колени. Крови вокруг натекло сравнительно немного. Огромная рана вяло пульсировала и неохотно исторгала из себя темные сгустки. Конечно, это была агония, правда, благодаря Тьме растянутая на неестественно долгие мгновения, но даже эти мгновения были для мага бесценным подарком, потому что в любом другом месте Ниро уже был бы мертв.

– Зачем?! – только и спросил я, встретив насмешливый взгляд старого мага.

Ниро, кажется, прекрасно поняв подоплеку моего вопроса,

выразительно поморщился.

– Не из благородства, не надейся.

– Вы ведь могли и не приходить…

– Я просто устал умирать, мальчик, – снисходительно добавил он. – Да и смерть уже давно не кажется мне такой уж плохой альтернативой жизни.

Я с досадой покачал головой.

– И все же это не тот способ расстаться с жизнью, который вы заслуживали, мастер.

– Не намного хуже, чем тот, который выбрал ты, – презрительно отозвался старик. – Забудь про жалость – я этого не терплю. Хуже всего то, что я не обзавелся преемником. Впрочем, я знаю, о чем ты сейчас больше скорбишь. Так что на, держи.

В мои скользкие от крови руки упал тяжелый серебряный перстень.

– Полностью твоим он не станет – я все-таки не твой учитель, а на посвящение у нас нет времени. Но кое в чем, возможно, выручит. Оружие тоже возьми – пригодится. Но из Тьмы не выноси – рассыплется. Если сумеешь – создай личный пространственный карман и храни исключительно там. По крайней мере, это лучше, чем твои дурацкие железки. Книги и остальные вещи я, разумеется, спрятал, но если сумеешь добыть, они тоже твои. Старые знания не должны пропадать, особенно, если есть ещё кому их передать. А за свои я теперь спокоен.

Я открыл было рот, чтобы задать миллион самых разных и бесконечно важных для меня вопросов, пока у старика еще остались силы на них отвечать. Но у мастера Ниира внезапно изменилось лицо. Бледное и измученное, оно внезапно разгладилось, даже помолодело и озарилось таким внутренним светом, какой, наверное, горел в его душе лишь на самой заре становления темным магом.

– Вот, значит, ты какая… – прошептал он, глядя куда-то мне за спину.

Я дернулся, когда понял, кому именно это было сказано, а затем обратился в камень, потому что внезапно ощутил чужое присутствие и почувствовал, как на мои щеки легли две прохладные ладошки.

– Артур Рэйш… – тихо пропел нежный женский голос, и моих волос коснулось холодное дыхание Смерти. – Кажется, ты звал меня сегодня?

Печать на моем лбу вспыхнула, напоминая о призыве, который я так и не закончил, а затем адски заныла, ненавязчиво намекая, что, по сути, я сам себя приговорил. Сам призвал Смерть в надежде, что по пути она прихватит с собой и Палача. Да, это

было до того, как в дело вмешался маг. Да, я больше не собирался совершать глупостей. Но время пришло, и Смерть явилась на зов, как положено, тогда как я… у меня в голове, как назло, не осталось ни одной путной мысли, кроме того, что следует закрыть глаза, ибо посланницу Фола дозволено видеть лишь обреченным.

Прохладные пальчики с удивительной нежностью погладили кожу на моих щеках, а все тот же ласковый голос снова пропел:

– Неужели, ты обманул меня, Артур Рэйш?

У меня пересохло в глотке.

– Нет. Но предпочел бы встретиться несколько позже.

– Ты уже не в первый раз водишь меня за нос, – мягко укорила меня Смерть. – Тебе не кажется, что это нечестно?

– Я возьму на себя его долг, – неожиданно сказал мастер Ниро, совершенно ясными глазами взглянув на пришедшую по наши душу гостью. А затем протянул руку и одним движением стер с моего лба отчаянно горящую печать. – Ему ещё рано в твои угодья. А я как раз созрел. Как насчет обмена?

Смерть за моей спиной задумалась, а Ниро снова улыбнулся. Мягко, со смирением и какой-то необъяснимой нежностью. А посмотрел на посланницу Фола так, словно видел перед собой не черную вестницу, а женщину, краше которой не было никого в целом свете.

Эта странная улыбка так и осталась на его лице, когда последние огоньки в белесых глазах мага угасли. Растекшаяся вокруг него лужа покрылась тонкой корочкой измороси. Разрубленная грудь перестала пульсировать, медленно стекающая кровь застыла, будто холодное дыхание Смерти коснулось и ее. После чего голова старого мага склонилась на грудь, а с посиневших губ больше не слетело ни единого вздоха.

– Сделка заключена, – вкрадчиво прошептала Смерть, склонившись над моим ухом. – Но я еще вернусь за тобой, Артур Рэйш.

Я недрогнувшей рукой закрыл старику глаза.

– Буду ждать. Только не опаздывай, пожалуйста, как сегодня.

Она тихонько рассмеялась, однако руки с моего лица все-таки убрала.

А ещё через мгновение ощущение чужого присутствия исчезло, и я остался на острове совершенно один. Разбитый, как самый настоящий старик. Продрогший до костей. И уже ничего не понимающий в происходящем.

* * *

– Ну кто бы сомневался, что это ты… – пробормотал отец Лотий, когда на шум вышел из кельи и увидел меня лежащим на алтаре. – Больше ни у кого не хватило бы наглости врываться сюда таким варварским способом.

Да. В третий раз подряд использовать Тьму, чтобы добраться до храма, было с моей стороны не слишком вежливо. А уж падать на алтарь и сминать своим телом зажженные прихожанами лампадки, и того хуже.

Но другим путем с Алторийской трясины я бы не выбрался – оказывается, преодолеть защиту мастера Этора можно было лишь так – через темную сторону, да и то лишь потому, что я носил перстень учителя. Правда, это выяснилось далеко не сразу, так что я честно приготовился сдохнуть посреди вонючего болота. Однако напоследок все же решил засунуть нос в драгоценный сундук, рассудив, что хуже уже не будет, и при самом скверном развитии событий меня просто-напросто испепелит на месте.

Каково же было мое изумление, когда ничего страшного не случилось, а тяжелая крышка неохотно поддалась моим дрожащим рукам!

Когда же выяснилось что ключом к сундуку, как и к защитному куполу, все это время служило старое, изрядно потертое кольцо, впору было рассмеяться, а потом низко поклониться старику, который с такой поразительной точностью предвидел, когда я сумею пройти на темную сторону.

Однако веселиться мне тогда не хотелось, а магии хватило лишь на то, чтобы открыть «тоннель», доползти до храма и рухнуть, заливая кровью жертвенный алтарь. Причем рухнуть прямо там, на темной стороне, потому что выбраться в реальный мир у меня попросту не было сил.

Тот факт, что служители Фола тоже способны ходить сквозь Тьму, оказался для меня неожиданным и, честно говоря, не слишком приятным открытием. Однако отец Лотий действительно стоял рядом и с крайним неодобрением изучал мою обалдевшую физиономию.

– Что ты опять натворил, Рэйш? – не слишком любезно осведомился он, когда первый шок прошел.

– Мне бы иголку с ниткой, святой отец, – прохрипел я, из последних сил зажимая кровоточащую рану в боку. – Надо бы малость подштопать.

– Я что теперь, курсы кройки и шитья должен из-за тебя осваивать? – буркнул жрец, когда убедился, что издыхать немедленно я не собираюсь.

– Почему бы и нет? Глядишь, однажды пригодится.

Святой отец на это ничего не ответил, только мрачно зыркнул

из-под мохнатых бровей. А потом без особых церемоний ухватил меня за шиворот и буквально вытащил в реальный мир, не особенно бережно бросив под ноги своему богу.

Ну и ладно. Я не гордый. Полежу немного, отдохну…

– И почему мне никто раньше не говорил, что служители Фола способны передвигаться во Тьме? – пробормотал я, когда жрец молча наклонился, а его сильные пальцы принялись так же бесцеремонно ощупывать рану. Боль при этом стала на порядок сильнее, меня аж прострелило всего от копчика до затылка, однако уплывающее сознание упорно не желало гаснуть, а роящиеся в голове вопросы не давали так просто взять и помереть.

Жрец фыркнул.

– Я все-таки служу темному богу, Рэйш. Милостью Фола мы можем больше, чем простые смертные. Правда, только здесь, в храме. За его пределы наши возможности не распространяются.

– Это хорошо, – прошептал я, устало прикрывая веки. – Это успокаивает. Было бы печально узнать, что, помимо меня, по темной стороне шляется так много посторонних.

– Заткнулся бы ты, а? – неласково посоветовал жрец. После чего поднял голову, зычно крикнул своим, а затем кинул на меня ещё один неодобрительный взгляд. – Везучий ты, Рэйш. Еще б на полпальца правее, и мы бы с тобой уже не встретились.

Я из последних сил оскалился.

– Ничего. На том свете все равно бы увиделись.

– Надеюсь, хотя бы там Фол избавит меня от твоего общества, – проворчал отец Лотий и подвинулся, когда к нему подбежал ещё один жрец в светлых одеяниях. – Но ты напрасно решил, что можешь злоупотреблять его вниманием. Когда-нибудь это выйдет тебе боком.

Я хотел было ещё что-нибудь съязвить, но тут по моему многострадальному боку снова пробежались чьи-то пальцы, кожу сперва яростно закололо, а затем под ней растеклось блаженное тепло. И под благотворным действием целительной магии я самым настоящим образом поплыл. Успев, впрочем, напоследок услышать:

– На нем печать Смерти, осторожнее!

– Она не активная.

– Ты уверен в этом, брат мой?

– Да, можете его уносить.

И следом – тяжелый вздох отца Лотия.

– Хотя не представляю, что надо было такого натворить, чтобы даже Смерть от него отказалась…

* * *

Ровно через неделю я сидел в кабинете Йена и размеренно качался на стуле, дожидаясь, пока он дочитает рапорт.

Время было уже позднее, рабочий день закончился, народ давно разбрелся по домам, но Йена это, как всегда, не касалось. Собственно, он даже не особенно удивился, когда я без стука ввалился в его кабинет и с торжественным видом водрузил на стол стопку мелко исписанной бумаги.

Почерк у меня всегда был убористым и не слишком разборчивым, поэтому с рапортом Норриди провозился почти час. Но надо отдать парню должное, он честно повременил с вопросами и не стал интересоваться, где меня носило целую неделю, пока не дочитал до конца.

Естественно, в рапорте не было упомянуто, чем именно я занимался после того, как покинул территорию храма. Да и многие детали произошедшего на болотах я благоразумно опустил. Точнее, я вообще не стал упоминать, что там кто-то появлялся, а предпочел представить дело так, будто мы с Палачом вовсе не покидали дом милейшего господина Уэссеска. Но при этом нашумели достаточно, чтобы привлечь внимание мастера Ниро, благодаря которому, собственно, и удалось избавить мир от опасной твари.

Показания дворецкого, раскуроченное в хлам поместье и красноречивые явные следы темной магии, после которой на месте преступления даже лучшая в мире ищейка не смогла бы ничего почуять, были лучшим тому доказательством. И любой мастер Смерти мог в этом убедиться лично, если бы, конечно, сумел пройти на темную сторону.

Безусловно, толкущиеся на пепелище гули могли бы помешать ему уточнить детали, но хорошему мастеру нежить не помеха, правда? Даже если она бродит по развалинам огромной стаей в пару сотен голов и в ближайшие несколько месяцев не собирается оттуда сниматься.

На остров я, само собой, за эти дни не раз возвращался и по совету Ниро все там как следует зачистил. Останки старика вытащил в материальный мир и захоронил как положено. Издохшего Палача, разумеется, сжег. Там же, на темной стороне, использовав для этого соответствующее заклинание, благо защитный купол прекрасно гасил любую магию, не давая ей привлекать внимание гулей. А вот затонувшую в болоте голову, к собственной досаде, не нашел. Но какую она могла представлять угрозу?

Насчет того, что было в сундуке мастера Этора, как и о самом

факте его наличия, я тоже ни словом не обмолвился. Вещи Ниро, конечно же, осмотрел и кое-что даже перепрятал. Оружие тщательно перебрал, изучил, но по здравому размышлению решить приспособить для себя не чужой бердыш, а честно отвоеванную в бою «секиру», режущие свойства которой уже успел оценить по достоинству.

Рукояти для нее я, правда, не нашел, но в закромах старика имелось несколько подходящих заготовок. Так что я решил, что как только разберусь с делами, обязательно с ними поработаю.

До книг его я тоже успел добраться, хотя, признаться, сделать это оказалось нелегко. Старик запрятал свое сокровище так глубоко во Тьму, что я сто раз вспотел, пока его нашел. И едва не помер, пока его оттуда вытаскивал. Нет, сунуть нос внутрь еще не успел – не до этого было. А как только закончил убираться на острове, вернулся в Управление, потому что сильно подозревал, что более длительного отсутствия начальство мне не простит.

– Ты болван, – кратко охарактеризовал мои умственные способности Йен, когда добрался до последней строчки. – Одно хорошо – Гуна ты все-таки сберег, за что я тебе премного благодарен. Было бы сущим мучением отписываться за смерть в нерабочее время, если бы у тебя хватило наглости подставить его под удар Палача.

– Вот значит, какого ты мнения о собственных сотрудниках, – огорчился я. – Нет чтобы пожалеть о ценном кадре или хотя бы посочувствовать безутешной вдове… но нет, ты все о бумажках переживаешь.

– Жены у него нет, как и у тебя, впрочем. Но оно и к лучшему. Думаешь, я почему тебя в штат до сих пор не оформил как положено?

– Чтобы отчеты не заполнять, если однажды меня все-таки грохнут?

– Правильно, – одарил меня хмурым взглядом Йен и, отложив наконец рапорт, сцепил руки на столе. – Ты почему мне не сказал, куда именно направился?

– А чтобы это изменило? – хмыкнул я, продолжая балансировать на опасно качающемся стуле. – Ты бы Хога за мной прислал? Или рискнул кем-то из своих парней, от которых там не было бы никакого проку?

– Я бы отписал в тригольское Управление сыска.

– Ты и так это сделал.

– Да, но с опозданием почти в два дня! – сердито выдохнул Йен. – Они ведь уже с Палачом сталкивались, так что могли бы поделиться опытом! Что-нибудь подсказать…

Но я только отмахнулся.

– Опыта у них с гулькин нос. И тот совершенно бесполезный. Да и не сорвались бы они с места по первому твоему зову, чтобы устроить облаву на монстра, которого никто из нас даже толком не видел. А нас время поджимало, если помнишь.

Норриди сжал челюсти.

– Знаешь, иногда у меня складывается впечатление, что ты нарываешься специально. Ты хоть подумал, что могло случиться, если бы ты не нашел способа с ним справиться?

– Но я же справился. Да и Нииро пришел очень вовремя, хотя на его помощь я совершенно не рассчитывал.

– А если бы ты ошибся? – недобро прищурился Норриди. – Или бы старик не появился?

Я пожал плечами.

– Значит, ты избавился бы от лишней головной боли. А мою засохшую мумию лет через сто обнаружил бы какой-нибудь фанатик из Королевского университета, которому приспичило написать эссе по истории древнего Верля.

Норриди нахмурился еще больше.

– Это не шутки, Арт. Палач мог оставить тебя без головы. И всех нас заодно.

– Ты жуткий зануда, Йен, – отмахнулся я, поднимаясь со стула и забирая с вешалки не успевшее как следует высохнуть пальто. – И это, к сожалению, не лечится.

– Что еще должен знать, прежде чем сюда заявятся люди из тригольского Управления и начнут выяснять подробности? – словно не услышал шеф.

Я нахлобучил на голову шляпу.

– Не говори им, что я был в храме.

– А это имеет какое-то значение?

– Возможно. Но лишний раз тревожить жрецов ни к чему. Я и без того там порядочно намусорил.

– Думаешь, тригольцы не проследят твой путь от места гибели Палача до храма?

– Теперь это проблематично сделать даже очень хорошей ищейке.

– Ты уверен? – отчего-то усомнился в моих способностях Йен.

Я только оскалился.

– Пусть попробуют.

Уже спускаясь по лестнице и на ходу застегивая пальто, я подумал, что, наверное, можно было обойтись и без крайних мер. Но, во-первых, следователи из Триголя, если действительно соберутся приехать, могут начать разбираться в произошедшем, а мне этого не хотелось. А во-вторых, мне не понравились ощущения, когда по моему следу идет посторонний. Так что

накануне я почитал умные книжки, кое-что посчитал, прикинул и поэкспериментировал по досуге. И теперь, если кто-то все-таки попробует меня найти… что ж, вперед и с песней. В болоте еще осталось много свободного места. Да и гулей на темной стороне собралось достаточно, так что будет кому встретить гостей.

По крайней мере, до первого полнолуний.

Ну а потом в городе станет ещё немного больше следов темной магии, и разыскать какие бы то ни было следы станет попросту невозможно. Осталось только успеть этим до приезда чужаков, и вот тогда я смогу наконец спать спокойно.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ
Охота начинается

Пролог

Бывают дни, когда хочется отступить в тень, надвинуть на лицо шляпу и, закутавшись в плащ, полностью отстраниться от мира.

Рядом с тобой беспрестанно снуют прохожие, мимо то и дело проносятся экипажи, город живет обычной жизнью, но извечная людская суета тебя больше не касается. Ты – лишь сторонний наблюдатель, у которого появилась редкая возможность взглянуть на происходящее со стороны.

Оперевшись плечом на покрытую изморозью колонну, я рассеянно следил за скользящими по площади призраками.

Люди, как и всегда, куда-то спешили, бежали, иногда сталкивались, раскланивались друг с другом и лишь изредка останавливались, чтобы кинуть взор на высокие шпили городского храма. Некоторые, правда, все же заскакивали внутрь – кинуть монетку в жертвенную чашу. Пару раз внутрь забредали погреться нищие. Однако по большей части расчищенное от снега крыльцо пустовало, так что мне никто не мешал.

За последние пару недель погода в Верле заметно улучшилась. Сводящие с ума дожди прекратились, ненавистная слякоть исчезла. Зима наконец-то вступила в свои права, поэтому за ночь вокруг храма намело приличные сугробы. Мороз уже не просто щекотал кожу, а настойчиво кусал за нос, уши, заставляя кутаться в меха и невольно ускорять шаг. Ветер к середине дня, правда, успокоился, однако выглянувшее из-за туч солнце недвусмысленно намекало, что скоро станет ещё холоднее.

Впрочем, темной стороны это не касалось – в ее вечном сумраке солнца по определению не бывало, а температура всегда оставалась на привычном для меня уровне, так что за пару часов пребывания здесь я даже не замерз.

Проводив глазами скользнувшего под стеной дальнего дома одинокого гуля, я усмехнулся.

Явился, голубчик. Уже двенадцатый за последнюю свечу, но такой же трусливый, как и остальные. Следов возле храма я оставил достаточно, чтобы они заволновались, однако нежить, даже собравшись в стаю, не торопилась приближаться, словно обиталище богов пугало ее одним своим видом.

Собственно, именно поэтому я его и выбрал – с храмового крыльца главная площадь была как на ладони, подступы к зданию просматривались на несколько сотен шагов, да и людей здесь было предостаточно, так что я мог работать без помех и при этом оставаться для нежити совершенно недосягаемым.

Больше всего меня, конечно, интересовала магия и то, как ее проявления выглядят на темной стороне. Оказалось, что магические побрякушки и впрямь привлекают к себе внимание, буквально пылая на фоне полупрозрачных человеческих силуэтов. Причем, если пару недель назад артефакты были для меня едва различимы, то сейчас я смог без труда разглядеть даже те, что прятались под одеждой.

Защита на домах тоже обрела свой цвет и фактуру. Зеленые, красные, синие и даже серо-буро-малиновые сполохи выглядели чужеродными посреди занесенных снегом руин. Где-то они казались тусклыми и расплывчатыми – видимо, нуждались в подпитке. Защитный купол над зданием городской ратуши, напротив, был чересчур ярким и переливался всеми цветами радуги. Какие-то «лизуны» длинным шлейфом тянулись за особо состоятельными горожанами, а порой проносящиеся мимо экипажи напоминали ярко светящийся факел, за которыми с крыш домов наблюдали вездесущие гули.

Я видел, как пару раз особо наглые твари срывались с места, преследуя недосягаемую добычу. Некоторые следовали за пешеходами, неуверенно принюхиваясь и словно решая для себя, стоит ли тратить время. Однако большинство тварей все же проявляли благоразумие и следили за живыми издалека. Точно так же, как я сейчас пристально следил за ними.

Самое интересное заключалось в том, что в после последнего посещения храма я начал различать не только следы чужой магии, но и ауры. Серые, едва заметные у простых смертных, цветастые и яркие – у обладателей магического дара. К таким, кстати, гули присматривались особенно внимательно, но подходили далеко не к каждому. А уж если на улице появлялся жрец, то осторожные твари исчезали с улиц так стремительно, как, наверное, не улепетывали даже от Палача.

Этим утром я имел удовольствие встретиться со служителем Рода и мысленно присвистнул, обнаружив, что с темной стороны аура у отца Луга выглядит как ослепительно белый круг, размеры которого раза в четыре превышают ширину ауры обычного мага. С его появлением площадь перед храмом словно вторым солнцем осветилась. И огорченно погасла, когда святой отец, улыбнувшись прихожанам, неторопливо скрылся в дверях.

Меня он, кстати, не заметил. Видимо, последователям светлых богов путь на темную сторону был заказан. А вот от отца Лотия мое появление не укрылось, поэтому, как только в храме закончились службы, воздух рядом со мной пошел рябью и расступился, пропуская на темную сторону жреца.

– Любуешься? – вместо приветствия спросил святой отец,

остановившись у соседней колонны.

– Наблюдаю, – поправил его я, искоса взглянув на ауру: ожидаемо черная и на редкость густая, она просто кричала о том, что с ее обладателем лучше не связываться.

Гули, кстати, об этом тоже догадывались. И как только жрец появился на улице, с соседних крыш даже курлыканье прекратилось, а донесшийся до меня торопливый шорох красноречиво возвестил – святого отца нежить боялась гораздо больше, чем нового настоятеля. Быть может, именно потому, что он, как и я, прекрасно их видел.

– Как твои успехи? – снова спросил отец Лотий, когда я отвернулся. – Все ещё бродишь во Тьме наугад?

– В цвете ориентироваться стало легче, – признался я. – Но мне ещё многое непонятно.

– Например?

– Скажем, вот это, – я выразительно указал на его пылающую Тьмой ауру. – Почему у меня не так?

Святой отец тонко улыбнулся.

– Потому что я – лишь сосуд для божественной силы. А Тьма внутри тебя настоящая, живая… и она только твоя. Поэтому ты, хоть и помечен Фолом, все же не заклеймен. И ты действительно ему служишь, но при этом не находишься в услужении. Твоя Тьма – твое спасение, Рэйш. Именно поэтому ей ни к чему себя демонстрировать.

Я недоверчиво покосился на собственную руку, сохранившую те же очертания и пропорции, что и в мире живых. Но следовало признать, что в чем-то жрец прав: моя внутренняя Тьма – дама своевольная. При желании то сожмется в едва ощутимую точку, то растечется по всему телу, наполняя собой каждую клеточку.

– Призови Ее, – посоветовал отец Лотий, когда я на пробу сжал и разжал кулак.

Тьма, не дожидаясь приглашения, выскользнула наружу и заплясала вокруг пальцев крохотными язычками черного пламени. Подвижная, гибкая… и впрямь как живая. Игриво лизнув кожу, она сперва свилась над ладонью в плотный комок, а затем растеклась по руке черной перчаткой и опять исчезла.

– Мне подобное недоступно, – непонятно усмехнулся святой отец, когда я поднял на него вопросительный взгляд. – Из меня она сочится постоянно, но я не могу этим управлять. А тебе только что дали подсказку. Пользуйся.

Прежде чем я успел раскрыть рот, жрец развернулся и, подобно Тьме, бесследно испарился. А я снова сжал руку в кулак, позволив ей окутаться черным пламенем, и задумчиво повертел.

Пользоваться, говоришь?

– Кстати, Рэйш, – неожиданно вернулся отец Лотий, когда я уже решил, что достаточно нагулялся на темной стороне, и надумал повернуть к дому. – Скоро тебе поступит интересное предложение.

– И что?

– Соглашайся, – с серьезным видом посоветовал жрец, одарив меня внимательным взором. И после этого исчез уже окончательно.

Какое-то время я стоял, размышляя над его словами и рассеянно разглядывая прохожих, но потом решил, что нет смысла дергаться раньше срока, и встряхнулся. После чего нахлобучил поглубже шляпу и вышел из тени храма.

Пора было начинать охоту…

Глава 1

Вызов в Управление городского сыска пришел в тот самый момент, когда я, проклиная все на свете, выбрался с темной стороны и швырнул в угол покореженную деревяшку.

Три дня работы впустую! Три проклятых дня, на протяжении которых я так и не нашел способа привести в порядок трофейную «секиру»!

Нет, само оружие оказалось превосходным – легкое, прочное, да и гулей оно разрубало на раз-два. Тонкое лезвие шириной в полторы моих ладони, острый край, который не тупился даже после соприкосновения с камнем. Чуть загнутое острие, похожее на клюв хищной птицы… одним словом, вещица что надо. Но без древка орудовать ею было неудобно, а ни одна из присмотренных мною заготовок, к сожалению, не подошла.

Обрубок кости, к которому я планировал прикрепить древко, был не то чтобы коротким или узким – напротив, размеры он имел самые подходящие, да ещё и был полым внутри. Острый скол я, помучившись, все-таки опилил, однако прикрепить к нему древко оказалось не так-то просто.

Поскольку работал я исключительно на темной стороне, то обычные материалы для этого не годились, а магия «секиру» Палача практически не брала. Я не учел этого, когда выбирал себе оружие, поэтому в конце концов был вынужден просверлить в основании лезвия несколько отверстий под пальцы и временно орудовать им наподобие громадного кастета.

Неудача с «секирой» усугублялась ещё и тем, что, вопреки ожиданиям, ответов на свои вопросы я в Алторийской трясине не нашел. Сундук у учителя, конечно, оказался непростым, да и наполнен был совсем не камнями, но зачем магу Смерти бытовые артефакты в таком количестве? Очистить, нагреть или охладить воду в ванной я прекрасно умел и сам. В дополнительном отоплении помещений давно не нуждался. С пылью в комнате успешно справлялась обычная тряпка. Накладывать иллюзии мне тоже пока не требовалось. Книг у меня теперь тоже хватало. А вот самых ценных для меня вещей на острове не нашлось. За исключением мешочка с монетами, пары старинных мечей, которые наверняка бы заинтересовали какого-нибудь коллекционера, и потрепанного дневника, на который я убил целую кучу времени, но так до конца и не осилил.

– Мастер Рэйш! – деликатно поскребся кто-то в дверь, когда я скинул с себя грязный плащ и плюхнулся на единственный стул. Бессонная ночь давала себя знать – я устал, был голоден и опять

зверски хотел спать. – Простите за беспокойство, но вас желает видеть господин Норриди!

Я метнул на топчущийся в коридоре низкорослый скелетик, обряженный в форму Управления, раздраженный взгляд.

Чет. И какого демона Йен прислал его в такую рань?!

– Мастер Рэйш? – снова постучал посыльный. – В Управление пребыли важные гости, и господин Норриди настаивает на вашем присутствии.

– Скажи: скоро буду, – буркнул я, даже не подумав открыть дверь.

Мальчишка с облегченным вздохом умчался, а я, помянув Йена недобрым словом, отправился переодеваться.

Кеба на этот раз за мной не прислали, поэтому перемещаться на место пришлось через темную сторону. Зато сэкономленное время я потратил на перекус, поэтому в Управлении появился в гораздо более благодушном настроении, чем полсвечи назад.

Переместился, разумеется, не на площадь перед входом в здание, а в «холодильник», где мое появление не привлекло бы внимания ни магов, ни гулей. И уже потом, выбравшись в реальный мир, поднялся по лестнице, как нормальный человек.

Конечно, если бы по пути мне попался Хог или кто-нибудь из подчиненных Йена, вопросов было бы не избежать, но трупов на этот раз в «холодильнике» не лежало, Хога, соответственно, тоже не было, а из сотрудников мне по дороге так никто и не встретился.

Да и вообще, в здании этим утром было подозрительно тихо.

– Йен наверху, – вместо приветствия сообщил Родерик Гун – единственная живая душа, на которую я наткнулся в холле. – Готж в отъезде. Трант в отпуске. Так что не шуми – все равно никто не откликнется.

– А ты куда? – удивился я.

– У Лардо серия краж с использованием неопознанных артефактов. А народу мало – все болеют, так что шеф снял с дежурств Гуго и Вита, а сегодня ещё и меня, пока у нас тихо, попросил помочь.

Я посторонился, пропуская застегивающегося на ходу парня, а затем поднялся на второй этаж, на ходу машинально глянув в окно. После чего мысленно присвистнул и благоразумно избавился от линзы на левом глазу.

Кажется, гости к нам прибыли непростые, иначе с чего бы это гулям собираться здесь в таком количестве?

– Заходи, – неприветливо буркнул Йен, когда я переступил порог его кабинета. – Давно тебя ждем. Мог бы и поторопиться.

Я вместо ответа взглянул на его посетителей.

Гостей было двое, и оба мне категорически не понравились.

Мужчина лет за сорок – довольно крупный, тяжелый, если судить по тому, как прогнулось под ним кресло, и обритый налысо, словно жрец. Особенностей фигуры не разглядеть – на незнакомце был кожаный плащ, но судя по развороту плеч и характерным выпуклостям под одеждой, этот человек был воином. А под плащом у него прятались не только ножны, но и, похоже, броня.

Сидящая рядом женщина в мужской одежде выглядела намного моложе и гораздо изящнее спутника. Высокая грудь и туго обтягивающая бедра ткань позволяли предложить наличие прекрасной фигуры, да и точеный профиль привлекал внимание. Однако мой взгляд прикипел отнюдь не к нему, а к длинной косе гостьи – тугой, толстой, увенчанной на конце не кокетливой ленточкой, а двумя металлическими шариками с шипами… совершенно седой косе, по которой я, к собственному, удивлению, признал коллегу.

Так вот почему гули засуетились – передо мной находились маги. Видимо, те самые, которых мы ждали ещё две недели с половиной назад и которые умудрились привлечь внимание нежити, едва здесь появившись.

Кажется, кто-то из них умеет ходить на темную сторону?

– Артур Рэйш, это мастер Лойд и мастер Триш, – подтвердил мою догадку Йен. – Они прибыли, чтобы провести собственное расследование по делу Палача.

При этих словах гости одновременно обернулись, окинули меня оценивающими взглядами, а затем мужчина встал и коротко наклонил голову.

– Освальд Лойд. Столичное Управление сыска.

Я так же молча кивнул, отметив про себя бесцветные радужки гостя и узнаваемый перстень на правой руке.

Хм. Действительно, коллега. Значит, это не Триголь, а сама столица заинтересовалась нашим необычным делом?

Любопытно.

– Хелена Триш, – сухо представилась девушка, которой на вид было всего лет двадцать. Максимум, двадцать два. Твердый взгляд, такие же бесцветные радужки, нарочито поджатые губы… надо сказать, в фас мастер оказалась гораздо менее привлекательной. Хотя, если честно, женщину-мага своего профиля я видел впервые.

– Арт, будь добр, проводи наших гостей к поместью Уэссесков, – тем временем попросил Норриди. – Твой рапорт они уже читали и изъявили желание ознакомиться с деталями непосредственно на месте.

– Вообще-то мы намерены побывать во всех домах, где было зафиксировано появление Палача, – официальным тоном сообщил Лойд. – И нам нужны все дела, где он хотя бы косвенно или даже предположительно фигурировал.

Йен тоже поднялся из-за стола.

– Вам предоставят все необходимые документы и экипаж. А также подыщут временное жилье, где можно будет оставить вещи.

Я мысленно скривился.

Ну вот. Еще неделя точно насмарку. Сколько дней уйдет на так называемую проверку, один Фол знает. И даже если чужаки ничего не найдут… а после того, как я сжег доказательства, найти что-либо будет проблематично… времени на расспросы, поиск доказательств и свидетельств того, что я сообщил исключительно правду, уйдет немало. А у меня «секира» не готова. Дневник учителя до конца не освоен… дел невпроворот, а мне придется заниматься всякими глупостями.

Хотя, может, заезжие маги захотят сперва отдохнуть с дороги?

– Благодарю. Мы отправляемся немедленно, – благополучно похоронил мои надежды Освальд Лойд, и я, мысленно прокляв его целеустремленность, развернулся к выходу.

* * *

К моему удивлению, напарницу Лойд оставил в Управлении – копаться в документах. Девчонка при этом выглядела недовольной и какой-то… разочарованной, что ли? Однако возразить старшему не посмела и покорно поплелась за Норриди в архив, где они, скорее всего, и застрянут до следующего утра.

В итоге в город мы отправились вдвоем, если не считать Чета, которому в очередной раз пришлось взять на себя обязанности кебмена. При этом Лойд почему-то отказался сразу поехать в поместье Уэссексов, а вместо этого потребовал провести его тем же маршрутом, который несколько недель назад проделали мы с Йеном, когда впервые столкнулись с Палачом. Так что экипаж отвез нас не на Победную, как я думал, а на Семнадцатую улицу. К тому самому дому, где я впервые сумел перейти на темную сторону.

За эти недели здесь практически ничего не изменилось, если не считать образовавшихся вокруг лавки сугробов и приличной наледи на покатой крыше. После смерти хозяина за порядком больше никто не следил, поэтому и дорожка к крыльцу оказалась не расчищенной. Но нас, разумеется, это не смутило.

Выбравшись из кеба, я отошел на пару шагов, вернул на левый глаз темную линзу и, пользуясь тем, что Лойд немного отстал, наскоро огляделся.

Надо же… ни одного гуля в округе!

Это было довольно необычно с учетом того, что не так давно я здесь изрядно наследил. Но то ли следы магии уже успели полностью выветриться, а то ли тварей что-то отвлекло.

– Подожди, Рэйш, – окликнул меня со спины Лойд, и я, благоразумно убрав линзу, повернулся к замешкавшемуся коллеге. А он в это самое время выудил из-под плаща непонятное приспособление и, натянув его на нос, так же бегло, как я сейчас, оглядел заснеженную улицу.

Больше всего прибор напоминал обыкновенные очки, только с абсолютно черными линзами и широкими, на редкость массивными дужками, соединенными сзади резиновой лентой. На фоне блестящей лысины конструкция смотрелась жутковато. Но после того, как маг повертел головой, ее функция стала окончательно ясна – похоже, через прибор Лойд видел темную сторону, не прибегая к магии.

– Нежити нет, – вскоре подтвердил он мою догадку и, подняв «очки» на лоб, одарил меня изучающим взором. – Можем прогуляться во Тьму. Ты как, готов немного померзнуть?

Я вместо ответа шагнул в вечный сумрак.

Почему бы и нет? В рапорте Йена было достаточно подробно описано, где и как именно я расправился с Палачом, так что скрывать очевидное не было смысла. Единственное, о чем я пока не хотел распространяться – это свои возможности на темной стороне, так что заранее попросил Норриди придержать язык и пока не упоминать, в каком виде я иногда у него появляюсь.

Лойда долго ждать не пришлось – маг появился рядом со мной всего несколькими мгновениями позже. Выглядел он при этом гораздо старше, чем в реальном мире, и заметно бледнее. Его одежда особых изменений не претерпела, разве что чуть состарилась. Аура оказалась совсем неброской, определенно темной, но далеко не такой яркой, как у отца Лотия, так что в глаза совсем не бросалась. Зато очертания брони под плотно запахнутым плащом стали более отчетливыми. И совсем уж явно проступили обводы рукояти какого-то оружия, закрепленного возле левого бедра.

При этом осматривался чужак спокойно и чувствовал себя на темной стороне более чем уверенно, из чего я заключил, что вид мертвого города был для него не в новинку. А значит, Лойд уже давно перешагнул должность простой ищейки и являлся, как минимум, опытным заклинателем.

– В столице почище, – заключил маг, когда убедился, что Верль действительно не таит в себе угрозы. – И снега поменьше. Ну да где наша не пропадала…

Я снова промолчал. А Лойд тем временем направился к зияющему проему в наполовину разрушенной стене и, сразу обозначая границы нашего сотрудничества, коротко бросил:

– Рассказывай.

Пока я, исполняя распоряжение начальства, официальным тоном докладывал обстоятельства смерти господина Игоора, маг рыскал по всему дому, скрупулезно проверяя попадающиеся на пути помещения.

Приемная зала, опустевший прилавок, разбитое зеркало в металлической раме, замерзшие стены, покрытый толстым слоем инея коридор…

На утопающий в тени под лестницей угол Лойд взглянул без особого интереса, а вот подсобки проверил досконально. И задний двор заодно. Да и на второй этаж поднимался крайне осторожно, предварительно проверив каждую ступеньку, чтобы не грохнуться вниз, если какая-то из них вдруг развалится от старости.

Я следовал за ним по пятам, внимательно наблюдая за скупыми движениями профессионала. И это действительно было интересно – как-никак розыскной работе меня никто специально не обучал, поэтому учиться приходилось на ходу. А Лойд определенно знал что делал и методично обыскивал дом, не упуская из виду ни одной мелочи.

– Тело было найдено здесь? – отрывисто спросил он, когда добрался до жилой комнаты на втором этаже.

Следов крови в ней больше не было – гули выгрызли все подчистую вместе с изрядной долей обледеневшего пола. Зато отпечатков их лап и царапин от когтей имелось великое множество, и Лойд не успокоился, пока не обнюхал каждый след и не дослушал слегка подкорректированную версию моего первого появления в этом доме.

Следы от использованных тогда знаков до сих пор горели на стенах обоих этажей и стелились тонким слоем пепла на улице в тех местах, где издохли подпаленные мною твари. Лойд их, разумеется, заметил, однако от детальных расспросов воздержался. Вероятно, после того, когда я спокойно признал, что сглупил со знаками и, переоценив собственные силы, угодил в ловушку.

– Везунчик, – хмыкнул маг, когда закончил осмотр и убедился, что я ничего важного от следствия не утаил. – Но знаки – не самая большая ошибка, которую маги допускают в подобных

ситуациях. Если бы ты использовал вербальную магию, от тебя бы даже костей не осталось – откат во Тьме намного сильнее, чем в реальном мире. Да и шума от нее слишком много. А если бы в вашем городке обитали твари поопаснее гулей, они бы выследили и сожрали тебя задолго до нашего прихода, и никакие ухищрения бы от них не спасли.

Я мысленно согласился с тем, что темная магия, как бы парадоксально это ни звучало, совершенно не приспособлена для использования на темной стороне, а затем покосился на собственные руки. С недавних пор перчатки я носил даже дома и снимал их только в убежище или же на острове, куда стараниями мастера Этора нежити ход был заказан. Чужак тоже благоразумно спрятал свой перстень под одеждой. Да и амулетов на нем, как и на мне, никаких не было, так что внимания к себе мы не привлекали.

– Идем наверх, – скомандовал Лойд, когда закончил с осмотром места преступления. – Надо взглянуть, не приходил ли сюда кто-то еще.

Я так же молча последовал за ним на крышу и на всякий случай встал так, чтобы видеть не только близлежащие дома, но и улицу.

– Почему ты не проследил за Палачом сразу? – осведомился Лойд, когда обошел крышу и обнаружил на одном из парапетов след, заметно отличающийся от царапин, оставленных гулями. – Не поверю, что он не оставил после себя зацепок.

– Нежить помешала, – коротко напомнил я, не вдаваясь в подробности. – Магия отвлекла гулей, дав мне возможность уйти, но возвращаться в дом было опасно. А потом необходимость в этом отпала – тварь явилась за мной сама.

Маг бросил в мою сторону задумчивый взгляд, а когда я подошел ближе, отступил назад, давая возможность взглянуть на его находку.

– Знакомо?

При виде кучно лежащих восьми круглых отметин, слегка примявших снег на парапете, я отрицательно качнул головой.

Нет. Это определенно был не Палач. К тому же, след выглядел совсем свежим – его даже не успело замести поземкой. Но я, как ни старался, не сумел вспомнить тварь, которая могла бы оставить такой отпечаток. Да и не встречал пока в Верле другой нежити, кроме вечно голодных гулей.

Еще через полсвечи, во второй раз облазав дом сверху до низу, но так и не найдя похожих следов, мы снова забрались в экипаж и двинулись на Кузнечную, где не так давно было совершено двойное убийство. Сара и Питер Лэнли… несчастная

девчонка, которой откровенно не повезло с родственниками, и ее покатившийся по наклонной братец, получивший заслуженную кару от Палача.

– Что можешь о них рассказать? – спросил Лойд, когда вы выбрались из кеба и, снова оставив Чета мерзнуть на улице, вошли в дом. Маг при этом опять нацепил на нос свой необычный прибор, а я, улучив момент, незаметно использовал линзу. И лишь после того, как мы убедились, что и здесь подвоха ждать не стоит, одновременно перешли на темную сторону.

Дальше все пошло по тому же сценарию, что и в доме купца: я рассказывал, Лойд обыскивал. И мы опять в точности повторяли тот путь, что я некогда проделал, когда шел по следу Палача.

Зачем это понадобилось Лойду, я не спрашивал, а сам он не говорил. Зато маг добросовестно выслушал все мои предположения и результаты наблюдений, которые в итоге привели к правильным выводам.

– Голову девушки так и не нашли? – поинтересовался он, когда мы закончили с первым этажом.

– Нашли, – отозвался я, проходя мимо разбитого зеркала в холле. – Но не сразу. Оказалась зарыта в соседнем саду, под любимыми розами пожилой хозяйки. Ночь накануне была холодной, так что глубоко закопать свой трофей мальчишка не смог, а собаки учуяли запах мертвечины.

Маг кивнул в сторону зеркала.

– А это? Твоя работа?

Я кивнул.

– Разумно, – одобрительно хмыкнул коллега и, проходя мимо, вышиб локтем особо крупный осколок, чтобы ни у одной твари больше не появилось соблазна им воспользоваться.

Обменявшись понимающими взглядами, мы одновременно ухмыльнулись, и дальше процесс обыска пошел чуточку веселее. При этом вопросов от Лойда стало на порядок больше, в комнате жертвы он провозился не полсвечи, как раньше, а почти две, да и на остальной дом у него ушло раза в два больше времени, чем на лавку господина Игоора.

– Взгляни-ка сюда, – предложил он, когда мы добрались до крыши. А затем указал на парапет, где красовались такие же круглые отметины, что мы сегодня уже видели. – Как тебе это, а?

Я нахмурился: следы те же самые. И, судя по рыхлым краям, они очень-очень свежие.

– Что-нибудь чуешь? – вполголоса спросил Лойд, когда я выпрямился и настороженно огляделся.

– Нет.

– Как считаешь, сколько времени назад их оставили? – ещё

тише бросил маг, внимательно оглядывая с крыши дома молчаливый, недобро глядящий в ответ черными проемами окон город.

Я неопределенно повел плечом.

– Максимум, полсвечи назад.

– Хм. А я бы сказал, что тварь была здесь прямо перед нашим приходом. А может, увязалась от самой лавки и даже сейчас находится неподалеку.

Я прислушался, но с улицы не доносилось ни единого звука. Ни шороха снега под чужими лапами, ни скрипа ставен… просто мертвая тишина вокруг, словно мы стояли посреди древнего кладбища.

Лойд словно невзначай сдвинулся так, чтобы прикрыть мне спину, и отдернул полу плаща, открывая моему взору притороченный к поясу стик. Длинный, примерно до середины икры. С крестовидной рукоятью и свитый из двух перекрученных прутьев, где каждый виток поблескивал острыми, старательно иззубренными краями, способными, пожалуй, резать не только плоть, но и кости.

Из какого материала было создано это оружие, я сказать затруднялся. С виду было похоже на металл, однако ржавчины на прутьях я не заметил. Да и двигался Лойд слишком легко для большого веса, так что, возможно, эта штука была такого же происхождения, что и моя «секира».

Жаль, что ее пришлось оставить в «логове». С ней мне было бы сейчас гораздо спокойнее, однако демонстрировать ее раньше времени я не хотел, поэтому обошелся заговоренным мечом, на рукоять которого бесшумно легли мои пальцы.

Но на крыше по-прежнему было тихо. На нас никто не нападал, не скреб когтями мерзлую землю и даже не курлыкал, хотя отсутствие гулей в доме и на улице выглядело крайне подозрительно. За все время нашего пребывания здесь ни один даже близко сюда не подошел. При том, что ни отпугивающих знаков, ни какой бы то ни было защиты ни я, ни Лойд не использовали.

Хотя, может, гулей насторожило что-то еще?

Я осторожно подошел к краю крыши и выглянул на улицу.

Пусто.

Затем прошелся вдоль парапета, внимательно изучая наружную стену, но на покрытой тонким слоем снега, выщербленной от времени кладке никаких отметил не виднелось. Как и на покореженном отливе, сломанных рамах и даже на треснувшем посередине подоконнике. Следов не было и на самой крыше. Нигде, кроме проклятого парапета, словно неведомая

тварь прилетела сюда на крыльях. Или же перепрыгнула с соседней крыши, умудрившись за один присест преодолеть немаленькое расстояние.

Тронув Лойда за плечом и молча указав на соседний дом, я получив в ответ одобрительный кивок и первым двинулся к лестнице. Маг, немного подождав, двинулся следом, до последнего оберегая тылы.

Выбравшись на улицу и убедившись, что призрачная лошадь вместе с таким же призрачным Четом дожидаются на прежнем месте, мы так же осторожно вошли в дом милейшей госпожи Дорны – пожилой соседки, с которой когда-то дружила покойная Сара Лэнли. И пока ни о чем не подозревающая старушка дремала в собственной постели, внимательно осмотрели сперва первый, а затем и второй этаж, после чего, так и не обнаружив ничего подозрительного, снова выбрались на крышу.

– Смотри, – первым кивнул я, указывая Лойду на знакомые отметины в снегу. На этот раз они нашлись не на самом краю, а вблизи чердачного окна, на границе густой, почти сливового оттенка тени, отбрасываемой печной трубой.

Крыша на доме госпожи Дорны оказалась намного более крутой, чем в доме Сары и Питера Лэнли, гораздо менее сохранной, да еще и прилично обледенела, так что бродить по ней в поисках улик было опасно. Однако громадные дыры и толстая наледь на балках Лойда ничуть не испугали – отвязав от пояса веревку и кинув мне свободный конец, он лихо заскользил по прогнившей черепице, прямо на ходу вынимая из петель свой необычный стик.

Длины веревки как раз хватило, чтобы он добрался до полуразвалившейся трубы и смог за нее ухватиться. От резкого движения плащ на груди чужака распахнулся окончательно, и я мысленно присвистнул, обнаружив, что под одеждой действительно скрывалась броня. Причем не простая, а скроенная из похожего на кожу материала, на который были внахлест нашиты прямоугольные пластинки, чем-то смутно напоминающие искусно обработанную кость.

Самое любопытное заключалось в том, что на каждой из них красовались защитные руны. И исходя из того, сколько труда было вгрохано в эту защиту и сколько драли за свою работу рунные маги, я бы не смог на глаз определить даже примерную стоимость этого сокровища.

– Ничего, – с разочарованием сообщил Лойд, оглядев пространство вокруг окна. – Представляешь, абсолютно ни-че-го. А жаль. За каждую неизвестную магам тварь, которую нам удается обнаружить, Орден неплохо приплачивает.

Я покосился на тень у него под ногами, затем на соседние крыши, где по-прежнему было непривычно пусто, и молча потянул веревку на себя. А когда мы вышли на улицу и направились к экипажу, вполголоса добавил:

– Ничего. Думаю, на нашем веку тварей на всех хватит.

Когда мы без предупреждения вынырнули в реальный мир, замерзшая лошадь, которую успело припорошить снежком, тревожно заржала и едва не взвилась на дыбы, а чуть не кувырнувшийся с козел Чет сердито завопил:

– Вы что, с ума посходили, что ли?! Предупреждать же надо!

Выбравшийся следом за мной Лойд криво усмехнулся и, даже не взглянув на внезапно осекшегося мальчишку, забрался в кеб.

– Уф, холодрыга, – поежился он, запахивая плащ, пряча озябшие руки в рукава и нахлобучивая на лысую голову капюшон. – Сколько лет туда-сюда мотаюсь, а все равно каждый раз словно из морозильника выходишь.

Я только кивнул, мельком покосившись на его покрывшиеся инеем щеки. Отметил про себя проступившие на лице морщины, заметно потускневшие радужки, вокруг которых отчетливее проступили кровеносные сосуды. После чего забрался в экипаж, крикнул Чету, чтобы отправлялся на Победную, а потом указал на выглядывающие из-под капюшона «очки».

– Можно?

Лойд, испытующе глянув на меня снизу вверх, после недолго колебания все-таки отдал прибор. А я примерил необычное изобретение и, усевшись напротив мага, с любопытством уставился в окно.

Ну что сказать… прибор, несомненно, работал и действительно помогал увидеть темную сторону без прикрас. Правда, показывал он ее в черно-белом цвете. Так, как недавно видел я сам – без разделения на оттенки, без магических сполохов или следов от амулетов. Ну и, само собой, без аур.

Окинув взглядом проносящиеся мимо, разваливающиеся от старости дома, я также заметил, что, в отличие от моей линзы, сквозь стены прибор видеть не позволял. Людей он показывал исключительно в виде призраков, что было далеко не так занимательно, как наблюдать за жизнью симпатичных скелетиков. Зато нежить была видна на удивление четко и безо всяких усилий с моей стороны.

Глянув на прячущегося между домами одинокого гуля, я удовлетворенно кивнул и, сняв «очки», вернул их хозяину.

– Полезная штука. Особенно тем, что не привлекает к себе внимания.

– Изобретение Ордена, – отозвался Лойд, убирая прибор под

плащ. – Линза, что находится внутри, сделана из обработанного специальным заклинанием стекла. В ней самой магии никакой нет, поэтому нежитью она не воспринимается как артефакт. Срок годности у нее, правда, всего год. Но после выхода из строя она просто меняется на новую. Зато может использоваться как магами, так и обычными людьми.

– Твоя броня обработана по такому же принципу?

– Конечно, – усмехнулся маг. – Кто бы мне позволил щеголять по темной стороне, обвешавшись защитными амулетами?

– Дорогое, наверное, удовольствие – иметь такую амуницию?

Лойд благодушно кивнул.

– Ведущему следователю столичного Управления сыска пришлось бы копить на нее полжизни. Но сотрудникам Управления Орден выдает обмундирование бесплатно. И даже компенсации не требует, если вдруг что-то порвем или сломаем. Неплохо, да?

– Работа в Ордене всегда имела свои преимущества, – нейтрально заметил я, снова отвернувшись к окну.

– Также, как и жизнь вне закона, да, Рэйш?

Я кинул на оскалившегося мага спокойный взгляд и так же спокойно отвернулся.

– Не без этого.

Лойд негромко хохотнул, но развивать скользкую тему не стал, хотя явно знал обо мне больше среднестатистического следователя. А когда Чет домчал нас наконец до поместья Уэссесков, маг со смешком натянул на лоб «очки» и без предупреждения ушел на темную сторону, оставив меня в одиночестве.

На этот раз я за ним не последовал, дав чужаку возможность самому поискать зацепки. К тому же, ничего нового, кроме того, что было написано в рапорте, я бы ему все равно не рассказал, в чем Лойд сегодня уже не раз мог убедиться. Так что пускай себе копается на пепелище. Авось, что-нибудь интересное нароет.

– Что нам делать, мастер Рэйш? – пришибленно спросил с козел Чет, которому, похоже, стало стыдно за недавний испуг.

– Ждать, – флегматично отозвался я, опуская на левый глаз линзу и провожая исчезающего за забором Лойда. – Просто ждать. Ничего иного от нас не требуется.

Чет уныло кивнул и поглубже зарылся носом в воротник тулупа. Разогревшаяся от бега лошадь шумно всхрапнула, выпустив из ноздрей облако горячего пара. Через некоторое время мимо экипажа торопливо пробежал пара прохожих, заинтересованно покосившись на нашу компанию, но стоило мне снять шляпу, чтобы стряхнуть с полей снег, как количество

любопытствующих тут же убавилось. Даже те, кто следил за нами из окон соседнего дома, поспешили задернуть шторы и отойти вглубь комнаты, словно мое присутствие, как какая-то зараза, могло им чем-нибудь навредить.

Впрочем, после того, как огромное поместье сперва взорвалось, а потом и до неузнаваемости обгорело, мрачная слава, закрепившаяся за мной не по праву, обогатилась для разнообразия несколькими достоверными фактами. А после того, как на темной стороне произошел ещё один, намного более серьезный, чем в реальном мире, пожар, люди должны были вообще бежать от меня как от огня. Если бы, конечно, умели видеть то, что было доступно лишь темным магам.

К счастью, Лойд отсутствовал недолго – всего четверти свечи ему хватило, чтобы обежать по краю разрушенное поместье и вернуться ни с чем. Обгоревшие стены и торчащие балки, правда, мешали мне рассмотреть, что он там делал и как именно решал свои проблемы с гулями, но думаю, особой радости ему этот визит не прибавил. И неудивительно – после того, как магия перенасытила развалины так, что на них стало больно смотреть, там поселилось такое несметное количество нежити, что даже я старался лишний раз не приближаться к этому месту.

Не знаю, на что надеялся самоуверенный маг, когда решил туда прогуляться, но лично я за его трупом на темную сторону не полезу. Пусть лучше нового следователя сюда отправляют. Которого я, разумеется, тоже куда-нибудь с радостью пошлю.

– Ну что, домой? – с надеждой спросил Чет, когда живой и, к моему вящему удивлению, невредимый Лойд вынырнул из пустоты прямо посреди улицы и с озабоченным видом направился к экипажу.

– Нет. Надо еще в одно место заглянуть.

– В какое?

– Улица Седых Моряков, дом одиннадцать.

Я внутренне подобрался: по этому адресу совсем недавно проживал мастер Уоран Ниро! Но что заезжему магу могло понадобиться в его затхлом жилище?

– Хватит топтаться, Рэйш, – насмешливо бросил Лойд, проходя мимо. – Забирайся в кеб. И не делай вид, будто не знаешь, чей это дом.

– Я-то знаю, – медленно проговорил я, посторонившись. – А вот откуда о нем известно тебе?

– Когда погибает мастер Смерти, в Орден всегда отправляется магический вестник. Это закон, Рэйш.

– Да. Но насколько я знаю, обычно он отправляется преемником, – так же медленно добавил я, следом за Лойдом

подходя к двери экипажа. – Когда магический перстень меняет владельца, это происходит автоматически. Однако у Ниро не было учеников, поэтому мы отправили весть о его кончине в столицу обычным порядком. Вместе с рапортом.

Маг с некоторым усилием забрался внутрь.

– Да. Но тут есть одна неувязочка, Рэйш…

– Какая?

Он на мгновение обернулся.

– Сигнал от вестника, хоть и сильно искаженный, все-таки добрался до Ордена. Незадолго до того, как к нам поступила копия вашего отчета. И раз это произошло, значит, или ты мне солгал, и у старика все-таки появился наследник, или же… вестник был активирован непроизвольно в результате смерти мастера Ниро.

Я нахмурился.

– Ты что, обвиняешь меня в убийстве?

– Нет, Рэйш, – неожиданно улыбнулся Лойд. – Пока еще нет. Если, конечно, ты не дашь мне для этого повод.

Глава 2

Пока мы добирались до места, в моей голове крутились отнюдь не радужные мысли.

Само собой, никакого вестника о смерти Ниро я в столицу не отправлял, да и не мог этого сделать, поскольку еще ни разу не надевал его перстень. Собственно, я даже права на него не имел, так как являлся преемником другого темного мага. А поскольку одновременно обладать двумя перстнями было невозможно, то после смерти мага, в случае если он собственноручно не передал кому-то кольцо, оно по традиции отправлялось в специальный архив. На хранение. И находилось там до тех пор, пока не объявлялся законный наследник или же, если такого не было, пока среди выпускников магической школы не находился достойный кандидат, которому представители Ордена торжественно вручали артефакт, тем самым как символизируя, что, хоть сами маги не вечны, но наше искусство бессмертно.

Получить такой перстень из рук магистра Ордена было большой честью для молодого мага. И если перстень принимал нового хозяина, то старый род заново возрождался. В противном же случае перстень мог веками пылится в каком-нибудь схроне, пока о нем окончательно не забудут.

Ниро не хотел для своего наследия такой участи, поэтому в последний момент и передумал насчет меня. Но теперь единственным способом доказать мою непричастность к его смерти, было передать в руки представителя Ордена тот самый перстень, однако именно этого я сделать не мог – после того, как маг сам его отдал, артефакт бы никого другого не признал. А поскольку это автоматически означало, что я – наследник Ниро, то получалось, что тогда фиктивным являлось мое право на ношение перстня мастера Этора.

И в этом случае у следователей обязательно возник бы вопрос: а как умер сам старик Рэйш? И кто я вообще такой, если до недавнего времени Орден даже не подозревал, что в Алтории существует еще один темный маг с такой фамилией?

Если же кто-то начнет копаться в моем прошлом, то вопросов появится ещё больше. И рано или поздно кто-то догадается сравнить мою ауру с теми отпечатками, которые имеются в обширной базе столичного УГС. А мне бы этого очень не хотелось.

– О чем задумался, Рэйш? – насмешливо осведомился Лойд, когда нас чувствительно тряхнуло на ухабе. – Может, не будем

портить друг другу жизнь, и ты сразу скажешь, где перстень? На пепелище я его почему-то не нашел.

Ах, вот почему он вернулся так быстро! Видимо, поиск останков Палача маг совершенно правильно посчитал безнадежным делом. Или же у наших гостей изначально была не одна, а сразу две задачи. И ещё вопрос, какая из них окажется важнее.

Я поднял на Лойда спокойный взгляд.

– Может потому, что его там нет?

– Тогда где же он? – с преувеличенным вниманием спросил маг, глядя на меня бесцветными глазами. – Куда он мог деться после смерти Ниро?

– Понятия не имею. Но он точно не при мне. Или полагаешь, я остался бы в трезвом уме после того, как рискнул без спроса коснуться чужого перстня?

Чужак хмыкнул.

– Это-то меня и смущает. Насколько близко ты знал мастера Ниро?

– А насколько близко ты знаком с верховным магистром Ордена? – усмехнулся в ответ я.

Лойд оценивающе прищурился.

– Как считаешь, могло ли случиться так, чтобы Ниро ушел на охоту за Палачом, умышленно спрятав перстень где-то в другом месте?

– Хочешь знать, был ли он настолько уверен в провале, что решил заранее обезопасить свое наследие? – переспросил я. – Не уверен. Хотя жадность его была общеизвестной.

– Тоже верно, – задумчиво протянул маг, и на некоторое время в экипаже повисла тишина.

Я не солгал Лойду – перстня при мне действительно не было. Я не дурак носить с собой посторонний магический артефакт, который, к тому же, никогда не будет подвластен мне полностью. Но вот о том, что он благополучно пылится на дне старого сундука, магу было знать совсем необязательно.

– Какое отношение ты имеешь к старику Рэйшу? – снова спросил Лойд, когда молчание стало откровенно угнетающим.

– Он был моим учителем, – ровно ответил я, подчеркнуто глядя чужаку в глаза.

– Ты действительно его сын? Вы не слишком-то похожи.

– Мастер считал иначе.

– Тогда почему сообщил о твоем существовании Ордену всего три года назад? Почему умолчал о таком важном событии, как появление достойного ученика?

– Это было его право, не находишь? – усмехнулся я. – К тому

же, он не любил давать объяснения своим поступкам, и многое из того, что он делал, даже сейчас является для меня загадкой.

Да, это тоже правда. Копия документа, вот уже три года хранящаяся в тайнике и подтверждающая мое прямое отношение к древнему магическому роду, до сих вызывала у меня искреннее недоумение.

– Я могу взглянуть на его перстень? – неожиданно сменил тему Лойд.

Я, поколебавшись, приспустил с правой руки перчатку и продемонстрировал массивный перстень-печатку с невероятно сложной гравировкой и прекрасно известной в Ордене монограммой.

При виде нее Лойд кивнул и успокоенно откинулся на сидение, а я вернул перчатку на место и машинально погладил перстень сквозь толстую кожу.

Кольцо было старым, потемневшим от времени и носило на себе целый сонм честно заработанных царапин. Не чета той безликой штамповке, что получали большинство выпускников Ордена после окончания обучения. Когда-то давно его выковали вручную, по старой, уже утраченной технологии, после чего оно передавалось в роду Рэйшей на протяжении многих поколений.

И неважно, что последний маг этого рода так и не сподобился завести законных наследников. Неважно, что кровного родства между нами никогда не было – мастер Этор считал, что духовное родство намного важнее. И он был, наверное, прав, хотя я и сейчас не мог взять толк, почему из всех возможных претендентов на роль преемника учитель выбрал именно меня – упрямого, вечно спорящего с ним недоучку с безнадежно загубленной репутацией.

– В твоем личном деле говорится, что ты – неплохая ищейка с поздно проявившимися задатками заклинателя, – бросил в пустоту Лойд, когда я уже решил, что неприятный разговор окончен. – Но мне кажется, старик Рэйш тебя недооценил. Ты отлично держишься на темной стороне. К тому же, вынослив, неглуп, наблюдателен. Непонятно только, почему с такими способностями ты до их пор прозябаешь в глуши?

Я неопределенно пожал плечами.

– Тебя что-то держит? – догадался маг. – Какая-то магия? Долг? Или, может быть… клятва?

– Какая разница?

Лойд помолчал.

– Разница есть, Рэйш, – весомо обронил он через несколько ударов сердца. – Чтобы в одиночку уничтожить сущность вроде Палача, мало быть просто выносливым и неглупым. Для этого

необходимо редкое даже для темного мага хладнокровие, изворотливость и невероятная удача.

– Я был не один, – сухо отозвался я. – Если бы не Нииро, меня бы размазали по темной стороне тонким слоем.

– И все-таки подумай. Столица – это не захолустье. И возможностей развиваться для мага твоего уровня там намного больше, чем здесь.

– Что такое, Лойд? – делано удивился я. – Всего полсвечи назад ты обвинял меня в убийстве коллеги!

– Я лишь намекнул, что не исключаю этого, – поправил меня маг. – К тому же, согласись: из всех претендентов на роль убийцы твоя кандидатура подходит идеально.

– Благодарю покорно. Может, тебя это огорчит, но в тюремные казематы я совершенно не стремлюсь.

– Ты не поверишь, но большинство тех, кто там находится, утверждают то же самое, – в тон мне заметил Лойд. А когда я метнул на него раздраженный взгляд, вдруг негромко рассмеялся. – Не злись, Рэйш. Работа есть работа – я должен проверить все возможные версии. А версия с твоим участием кажется мне пока самой простой и понятной.

Я фыркнул.

– Это ещё почему?

– У тебя был и мотив, и возможность, и необходимые средства для реализации этой идеи.

– Что ты понимаешь под мотивом? – подозрительно уточнил я.

– Ну как же – Нииро был довольно успешным магом, несмотря на то, что в последние пару десятилетий удалился от дел, вышел из состава Ордена и прекратил официальную практику. Разумеется, у него в доме должны были найтись какие-то ценности. Раритетные книги, дорогие изделия, ценные безделушки…

Я смерил скалящегося мага недоверчивым взором.

– Я что, по-твоему, похож на идиота?

– То есть, с остальным ты уже согласен? – широко улыбнулся Лойд.

– Может, Нииро и удалился от дел, и силы его стали далеко не те, что раньше, но чтобы взломать защиту, поставленную магом такого уровня, целой жизни может не хватить, – буркнул я, поняв, что этот лысый мерзавец попросту издевается. – К тому же она завязана на один-единственный ключ…

– Точнее, на его перстень, – услужливо подсказал Лойд и так выразительно на меня посмотрел, что я едва не сплюнул.

– Да пошел ты!

– И это снова нас возвращает к вопросу, куда подевался бесценный артефакт, – удовлетворенно кивнул маг и, выглянув в окно, жизнерадостно сообщил: – Ого! Да мы уже приехали! Хороший у вас возница, Рэйш: домчал быстро и без осложнений.

Я одарил столичного коллегу сумрачным взором, отчего тот развеселился еще больше, и первым выбрался наружу.

До нужной двери мы добрались без проблем – дом, в котором снимал жилье погибший маг, оказался не защищен. Однако возле нужной комнаты я благоразумно остановился и, демонстративным жестом уступив дорогу, указал Лойду на рассохшуюся, давно не крашеную дверь.

– Прошу. Только после вас.

– Благодарю, – со смешком отозвался маг, заинтересованно изучая путаную, многослойную и невероятно сложную защиту, надежно защищающую комнату по всему периметру.

Конечно, если знать как, то вскрыть ее было можно – устав города и специальное предписание для городских магов предусматривали определенные рамки, согласно которым обладатели магического дара могли опечатывать свои жилища. А также четко прописывали случаи, когда в эти самые жилища можно было проникнуть совершенно официально.

Проще говоря, нас… в том числе и меня… обязывали встраивать во внешнюю защиту заклинание-ключ, созданное лишь для одного-единственного, специально придуманного и крайне редкого артефакта, который под сотней замков хранился в городской ратуше и выдавался лично начальнику городского сыска лишь с официального разрешения бургомистра. Йен, кстати, уже давно отправил прошение на его использование, но, поскольку с бургомистром он был не в ладах, то скорого разрешения ожидать не приходилось.

По-видимому, Лойду это было хорошо известно, потому что ломиться напрямик он не стал. А лишь с сожалением качнул головой и, нацепив на нос свой расчудесный прибор, одним махом переметнулся на темную сторону.

– Вот так намного лучше…

Отстав от него всего на долю мгновения, я проследил, как маг зашел в святая святых через огромную дыру в стене, на которой больше не было никакой защиты, а затем сдвинул «очки» на лоб и по-хозяйски огляделся.

– Скромно, – вполголоса бросил Лойд, по достоинству изучив обстановку. – Но со вкусом. Уважаю людей с чувством юмора.

Я мысленно усмехнулся.

Это да, в отличие от реальной комнаты, порядок на темной стороне царил идеальный. Да и как ему не быть, если комната

оказалась абсолютно пуста? Лойд не зря так впечатлился – здесь даже снега не осталось. Ни обломка мебели, ни книжной полки, ни жалкого обрывка бумаги – просто абсолютно ничего, словно до нас тут побывали щепетильные до отвращения воры и, не удовлетворившись обычным грабежом, вынесли из комнаты все до последней соринки.

– Где теперь будем искать? – нейтральным тоном осведомился я, когда до Лойда дошло, что делать здесь абсолютно нечего. – Может, в подвал заглянем? Вдруг у старика там тайник?

– Тогда уж лучше пошарить на чердаке, – неожиданно предложил маг и, безошибочно отыскав в коридоре старую лестницу, в два счета оказался наверху.

Скептически приподняв брови, я последовал за ним, но далеко от люка отходить не стал – перекрытия здесь выглядели ещё более ветхими, чем в доме госпожи Дорны, и у меня не было ни малейшего желания испытывать их на прочность.

Собственно, единственным надежным пятачком здесь было только пространство возле самого входа – тесное, узкое и, как водится, прячущееся в глубоком мраке, поскольку сверху его накрывала собой опасно накренившаяся балка. А на всем остальном пространстве внимание к себе привлекали только огромные дыры. Ну и вездесущая пыль, конечно, которую никто не удосужился убрать.

– Ничего, – с разочарованием протянул Лойд, убедившись, что никакого тайника нет и в помине. – Эх… ладно, хватит на сегодня. Возвращаемся в Управление.

Я понятливо кивнул. А когда раздосадованный коллега прошел вперед и начал быстро спускаться, все-таки не выдержал – обернулся и, окинув взглядом совершенно пустой чердак, растянул губы в нехорошей усмешке.

* * *

Пока мы добирались до центра города, я снова выпросил у Лойда прибор и с беспокойством обнаружил, что с гулями действительно творится что-то неладное. Обычно они сновали по улицам и поодиночке, и целыми группами. Внаглую бродили вдоль заборов, с надеждой заглядывали в окна, ползали по стенам и клацали зубами прямо возле людских лиц.

А тут с самого утра – никого. Так, мелькнула парочка тварей в подворотнях, да и те не рискнули за нами последовать. А остальные попрятались в норы, будто в городе вдруг объявилось

страшное зло.

– Настораживает, да? – тихо спросил Лойд, когда я, убедившись, что мне не почудилось, с задумчивым видом откинулся на сидение.

– Да уж, – согласился я, краем глаза продолжая следить за происходящим на улице. – Нетипично для нежити этого класса.

– Раньше такое бывало?

– Ни разу не замечал. Хотя, может, у вас при себе есть какая-нибудь штука, которая отпугивает гулей?

Лойд усмехнулся.

– Штука-то есть, – на его ладони, словно по мановению волшебной палочки, появился костяной свисток. – Отпугиватель. Стандартная модель. Радиус действия – сто шагов. Но разве ты видел, чтобы я им пользовался?

Я снял «очки» и с мрачным видом уставился на коллегу.

Что? Неужто даже в поместье Уэссесков не пришлось? Или гули даже оттуда сбежали, наплевав на остатки магии и то, что, привлеченный ее отголосками, рано или поздно туда обязательно бы явился кто-то живой?!

– Мне показалось, или твари чего-то опасаются? – наконец озвучил я свои предположения.

– Я думал, ты знаешь, – кратко отозвался маг. – Это же твой город.

И на это мне оказалось абсолютно нечего сказать.

Некоторое время мы ехали молча, по очереди прикладывая прибор к глазам и внимательно изучая темную сторону Верля. А когда Чет почти добрался до главной площади, я встрепенулся, бухнул кулаком по стенке и, стоило экипажу остановиться, выбрался на мороз.

– Рэйш, ты куда? – удивленно приподнялся Лойд, когда я решительно направился к ближайшему дому, прямо на ходу примеряя темную линзу и оглядываясь в поисках подходящей подворотни.

– Хочу взглянуть на это поближе. Чет, езжай. Если Йен спросит, скажи, что я задержусь.

– Погоди, я с тобой, – спохватился маг, когда мальчишка угукнул и занес для удара кнут, а казенная лошадка нервно стукнула по земле копытом. Не дожидаясь, пока она стронется с места, Лойд проворно выпрыгнул наружу, запахнулся в плащ и, нахлобучив на голову капюшон, поспешил меня нагнать.

Я от попутчика только отмахнулся – мне он ничуть не мешал. И как только кеб отъехал, рывком перешел на темную сторону.

Само собой, переться посреди одной из центральных улиц было не слишком разумным решением, однако, в отличие от

других дней, сегодня мне никто не мешал. Ни одна тварь не осмелилась выбраться из своего убежища, хотя я нагло шел у всех на виду и даже не старался ступать осторожнее, чтобы успевший слежаться снег не скрипел под сапогами.

Лойд, шепотом проклиная меня на все лады, крался следом, стараясь при этом держаться вблизи стен, чтобы в случае непредвиденной встречи иметь надежный тыл. Но и эта предосторожность оказалась излишней – на нас так никто и не напал. Только царящая в городе тишина стала совсем уж зловещей, да злорадно завывающий ветер неожиданно стих.

– Ты сумасшедший, Рэйш! – прошипел маг, когда мы почти дошли до площади. – Это ж надо было додуматься…!

– Тс-с, – вполголоса отозвался я, добравшись до последнего дома, а затем подкрался к стене вплотную и осторожно выглянул за угол. – Ого! Ты только взгляни!

Лойд, подкравшись ближе, послушно взглянул на площадь, но почти сразу отпрянул и приглушенно выругался.

– Демонова мать… это еще что за хрень такая?!

– Понятия не имею, – честно признался я. – Но картинка любопытная, согласись?

Лойд вместо ответа разразился целой порцией отборных ругательств, а я понимающе ухмыльнулся и снова уставился на здание Управления городского сыска.

А посмотреть там было на что – на темной стороне оно выглядело как протухший пирог, сверху донизу облепленный черными мухами. Вернее, не мухами, а вполне обычными гулями, зато было их столько, что я поневоле присвистнул.

Твари были повсюду – суетились возле дверей, скреблись вдоль забора… они, словно опарыши, медленно ползали по покрытым наледью стенам, ничуть не смущаясь наличием магической защиты. Они в бесчисленных количествах облепили просевшую от старости крышу. Тихонько курлыкали у дверей. Словно гнойники, топорщились на узких подоконниках. Их даже возле крыльца кишело видимо-невидимо, а время от времени с прилегающих к площади улиц выскакивали все новые и новые твари и торопливо вливались в это кошмарное покрывало, которое накрыло все здание от фундамента до чердака.

Вот, значит, куда подевались твари из города. Мне ещё с утра показалось, что их толчется вокруг УГС неоправданно много, но за время нашего отсутствия ситуация изменилась в худшую сторону и теперь, похоже, здесь собралась вообще вся нежить, что только обитала в Верле.

– Да что же творится в вашем гребаном городишке?! – шепотом рыкнул Лойд, когда запас ругательств иссяк. – Какого

Фола здесь собралось столько нежити, Рэйш?!

– Я же сказал – без понятия. До вашего появления гули вели себя как обычно.

– Хочешь сказать, это мы их сюда привели?! – окончательно взбеленился маг.

– Может, и не вы, – спокойно откликнулся я. – Но с вашим приходом определенно что-то изменилось.

Лойд глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, постепенно успокаиваясь. Немного помолчал, а затем уже нормальным голосом добавил:

– Триш не могла их насторожить. Она моя лучшая ученица и не совершила бы ошибки, используя магию посреди кишащего гулями города. Да и сигнала о помощи я не получал. К тому же, Триш – обычная ищейка. Способная, конечно, но ей ещё не время переходить на темную сторону. Я бы знал.

– Тем не менее, нас с тобой гули почему-то не преследовали, – задумчиво обронил я. – Я бы даже сказал, что нас вообще проигнорировали, так что это точно не связано ни с тобой, ни со мной.

– У вас в Управлении другие маги имеются? – спросил Лойд, окончательно придя в себя.

– Светлый. Один. Но с утра его в конторе не было.

– Может, кто-то из сотрудников балуется запрещенными артефактами?

– Норриди за этим очень жестко следит, так что у ребят при себе только стандартные, – покачал головой я. – К тому же, двое из них уже несколько дней в отъезде, ещё двоих он снял с дежурства буквально вчера, один с самого ранья ушел консультировать городскую стражу. Чет все утро провел с нами. Остаются только твоя ученица… и Йен.

– Триш не могла оплошать, – упрямо повторил маг, когда я выразительно на него покосился.

– А Норриди не маг.

– И что ты мне предлагаешь? – ядовито поинтересовался Лойд, когда на улице снова повисла гнетущая тишина. – Устроим обоим допрос с пристрастием? Обыщем на предмет запрещенных амулетов? Или, может, попробуем разогнать тварей своими силами?

Я хлопнул себя ладонью по бедру.

– Давай-ка сперва посмотрим на них поближе.

– Что-о?!

– Идем, – нетерпеливо повторил я, отлепляясь от стены и отряхивая успевший образоваться на плаще иней. – Только, будь добр, не крути башкой и дергайся – в реальном мире они все

равно до нас не дотянутся.

Лойд пробурчал что-то невразумительное и нервно провел рукой по покрывшейся тонким слоем снега лысине, но послушно вышел из Тьмы и натянул на нос «очки». А я, активировав линзу, нахлобучил шляпу и двинулся к Управлению, держась так, чтобы недовольный маг все время оставался по правую руку.

Народу в это время на площади толклось довольно много, так что мы с Лойдом, можно сказать, смогли затеряться. Прохожие, конечно, шарахались, издалека замечая черные плащи и подозрительный прибор Лойда, многие стремились обогнуть нас по максимально широкой дуге. Однако гули не обратили на это совершенно никакого внимания. И забеспокоились лишь тогда, когда мы приблизились к зданию почти вплотную и пересекли незримую границу, за которую простые смертные инстинктивно старались не заходить.

Вот тогда нас наконец заметили, и сразу несколько тварей отлепились от общей массы, чтобы узнать, что с нами не так.

– Ты и впрямь ненормальный, Рэйш, – процедил Лойд и тревожно замер, когда на его пути встали сразу три гуля и недвусмысленно оскалились.

– Иди прямо. Ты никого не видишь, – спокойно отозвался я, даже не подумав замедлиться или обернуться. А когда возле моей руки раздался двойной щелчок челюстей, непроизвольно сжал пальцы в кулак и едва слышно бросил: – Чтоб вы сдохли, твари проклятые!

– Рэ-э-эйш… – угрожающе протянул отставший маг, которого настойчиво принюхивающаяся нежить облепила уже со всех сторон.

– Шевели копытами, Лойд. Или у тебя коленки подогнулись?

– Да пошел ты… к Фолу!

– Спасибо, я там уже был – не понравилось. А ты прибор сними, раз такой нервный, – посоветовал я, с равнодушным видом пройдя сквозь строй неохотно расступившихся тварей. – И вообще, хватит причитать – мы почти пришли.

Бурча на весь белый свет и вполголоса чертыхаясь, Лойд наконец добрался до двери и, сочно обматерив заступившую ему дорогу тварь, с видимым усилием шагнул прямо сквозь нее. Гуль оскалился, в последний момент все-таки убравшись с дороги, а когда следом за магом вошел я, тварь раздраженно клацнула зубами и наконец убралась на улицу.

Окинув взглядом узкую лестницу, проходящую через все здание от подвала до самого чердака, я вздохнул и снял линзу с левого глаза.

Хорошо, что внутри ни одной твари не оказалось. Такого

испытания моя нервная система, пожалуй, могла бы не выдержать. Да и Лойд, вон, прибор снимает. Нечего его шокировать.

– Нежити нет. Посторонних артефактов тоже не чую, – буркнул маг, перехватив мой вопросительный взор. – По крайней мере таких, что могли бы вызвать столь бурную реакцию. Защита снаружи стандартная. Ничего необычного. И с утра в здании совершенно ничего не изменилось.

– Кроме гулей, – согласился я, направляясь к лестнице.

– Да. Странно, что ваша защита их больше не отпугивает.

– По мне, так она, наоборот, начала их привлекать, – проворчал я, спускаясь в подвал, где Йен хранил наши старые дела. – Но я, хоть убей, не понимаю, почему это происходит.

Лойд неопределенно хмыкнул, кажется, не слишком в это поверив, а когда мы добрались до двери архива, вдруг повернулся и совершенно серьезно спросил:

– Ты считаешь, твари явились сюда не для того, чтобы кого-то из нас выследить или убить?

– Разве ты видел, чтобы хоть одна из них пыталась сюда прорваться? – прищурился я. – Заклинания на стенах не повреждены. Гули их даже не тронули. А значит, им нет дела до того, что творится внутри. Они просто сидят и ждут.

– Чего?

– Не знаю, – медленно проговорил я. – Но думаю, это скоро выяснится.

Глава 3

Когда мы вошли в архив, оказалось, что там нас никто не особо и не ждет, а сволочь Йен, вместо того, чтобы разгребать скучные и пыльные бумажки, сидит за накрытым столом и, отодвинув дела в сторону, с удовольствием уплетает плюшки.

Напарница Лойда от него не отстала, потому что сидела напротив, мило улыбалась и, наплевав на субординацию, бессовестно трескала пирожок с повидлом.

Чет, кстати, тоже оказался здесь – скромно притулившись на табуретке, замерзший до полусмерти мальчишка зябко кутался в свой тулуп и жадно догрызал куриную ногу. Недопитая кружка стояла рядом, а стопка перепачканных в курином жиру салфеток наглядно доказывала, что наши коллеги с пользой проводили время.

– Это что ещё такое? – озадаченно крякнул Лойд, обнаружив царящую в архиве идиллию. Дела свалены в кучу, бумаги в беспорядке, а подчиненные вместо того, чтобы изо всех возможных сил выискивать компромат, сидят и громко чавкают… – Вам что, заняться больше нечем?!

Йен вместо ответа указал на стоящие в углу ящики, молча предлагая присоединиться. Триш, подавившись от неожиданности пирогом, подскочила со стула и мучительно покраснела. Тогда как Чет, одарив меня укоризненным взглядом, просто начал жевать интенсивнее. И, смутно подозревая, чем ему грозит наше появление, на всякий случай подтянул блюдо с жареной курицей поближе.

– Вот за что я люблю нашу контору, так это за то, что тут всегда есть что пожрать, – с чувством сказал я, решительно скидывая с себя шляпу и плащ. А потом перехватил сердитый взгляд Триш и спохватился. – Прошу прощения, миледи, с этикетом не в ладах, поэтому придется вам с этим смириться.

– Извини, Ос, – пробормотала девушка, заметив, что лицо наставника при этом закаменело. – Мы и на вас заказали. А то холодно на улице, а вы с утра на ногах…

– И правильно, – одобрительно кивнул я, со стуком приставив к столу грубо сколоченный ящик. – Небольшая пирушка будет очень кстати. Я проголодался. Лойд, и ты давай садись, нечего сопеть у меня за спиной. У тебя тоже маковой росины во рту не было.

Девица под суровым взглядом мага совсем сникла, но скандала, к счастью, не случилось – не дожидаясь, пока Лойд решит, что делать с провинившейся девчонкой, я вытянул ногу и,

носком сапога зацепив второй ящик, придвинул его к столу. Только тогда маг, наконец, отвел взгляд и медленно опустился на импровизированное «сидение».

– Ну? Что тут у вас? – деловито осведомился я, попутно выискивая что б такое вкусное слямзить. – Чем занимались? Что нарыли?

– Дела подняли, рассортировали и разложили по стопкам, чтобы было понятно, где что искать, – словно не заметив сгустившегося напряжения, бодро сообщил Йен. – Непонятные смерти, обезглавленные трупы и всевозможные призраки, которых за последние пятьдесят лет встречалось не так уж мало…

Я одобрительно кивнул.

Норриди молодец. Про жрецов я велел ему помалкивать, поэтому о «Путешественнице» даже в отчете не было сказано ни слова. Ну а если чужаки все-таки сообразят, что дела как-то связаны, то пусть отправляются в Триголь. В конце концов, именно оттуда началась эта история.

– Пока мы изучаем подборку, что когда-то составил Ниро, – добавил Йен в оглушительной тишине, а девушка, которой так никто и не предложил вернуться к трапезе, тихонько опустилась на свой стул. – Двенадцать достоверно подтвержденных им случаев по Палачу, а также три с половиной десятка предположительно связанных с его присутствием дел, что нарыл Готж.

– Из тех смертей, что были описаны мастером Уораном Ниро, я успела изучить почти все, – тихо сообщила Триш. – Думаю, он был прав – одинаковые смерти, отсутствующие тела и безголовые духи, которые больше ничем, кроме вмешательства посторонней сущности, не объяснишь.

Йен, утащив с блюда очередную плюшку, согласно угукнул.

– Еще я поднял дела на уже знакомого вам господина Уэссеска и выудил на свет божий все смертельные случаи, которые происходили или у него на фабрике, или в его доме, плюс дела, где так или иначе упоминалось его имя.

– Таких оказалось двадцать шесть, – немного смелее добавила девушка, и недовольная складка на лбу Лойда чуточку разгладилась. – И еще штук десять тех, где фигурировало имя его отца.

– Плюс те восемь, что я нарыл на его деда…

– Итого, уже за девяносто, – присвистнул я, а лоб Лойда разгладился окончательно. – Ничего себе Палач погулял по Верлю!

– Это – лишь те дела, где фигурировали насильственные смерти. Несчастные случае мы не учитывали. Ниро, кстати, уже

тогда высказал предположение, что со временем Палач стал менее разборчив в жертвах и с годами их количество стало расти. А еще старик сделал пометку, что когда-то эта тварь умела действовать не столь прямолинейно.

Мы с Лойдом быстро переглянулись, и лишь после этого маг соизволил взглянуть на еду.

– Поясните.

– В двух случаях из двенадцати смерти дела были закрыты за отсутствием состава преступления, – поспешила доложить девушка, пока он изучал наше небогатое меню. – С виду действительно похоже на простое стечение обстоятельств, но Нииро пометил эти дела как сомнительные. В первом случае матрос поскользнулся на пирсе и напоролся на торчащий из опоры металлический штырь. Во втором у пожилых супругов во сне остановилось сердце. По крайней мере, именно такое заключение дал судебный маг после вскрытия.

– Что же не понравилось во всем этом нашему старику? – смачно жуя пирог, осведомился я.

Триш покосилась на меня с осуждением.

– Прямой связи этих дел с Уэссеском мы пока не нашли, за исключением того, что ему принадлежали те доки. Но при осмотре пирса эксперт зафиксировал повреждение досок в том месте, где якобы поскользнулся матрос.

– Ну и что? Мало ли у парня было недоброжелателей?

– Загвоздка в том, что распил был произведен снизу. От самой воды. А нога у парня, когда под ним провалился пол, ухнула туда почти до колена. При таком способе падения он должен был шмякнуться или лицом вниз, или, что вернее, завалиться навзничь. Однако его почему-то повело в сторону и шарахнуло затылком именно о штырь.

– Свидетели были? – настороженно уточнил Лойд, все-таки добравшись до пирога.

Триш кивнула.

– Половина доков. Это случилось как раз в пересменку. И все допрошенные как один поклялись под заклинанием правды, что это была трагическая случайность.

– Хм. Насколько я помню, пересменки в доках традиционно проводятся в полночь…

– Именно, – подтвердила девушка и, сцепив руки под столом, зябко повела плечами. – Поэтому Нииро и обратил внимания на это дело. А с пожилой парой вышло еще интереснее. В ту ночь госпожа и господин де Шевальд, как и обычно, остались в доме одни. Слуг, как у них было заведено, отпустили до утра. Сам дом был опечатан довольно мощными для того времени сторожевыми

заклинаниями. И ни одно из них не было потревожено. Однако к утру хозяева дома благополучно скончались, после чего была вызвала служба городского сыска, и судебный маг выдал обычное для таких случаев заключение. Единственное, что его смутило, это наличие безголовых призраков, которые вплоть до окончания следствия таскались за ним по всему городу. И исчезли лишь после того, как жрец Рода провел службу по безвременно усопшим.

Я понятливо угукнул.

Да, о похожем случае Ниро мне тоже рассказывал, а Готж потом отыскал в архиве то старое дело. Тел, правда, тогда не нашли, а вот безголовый призрак присутствовал. Но я, разумеется, особенно не вникал – мне и без того проблем хватало, зато Лойду это дело чем-то приглянулось. И, прикончив-таки несколько плюшек, он пожелал изучить его повнимательнее.

Поняв, что дальше начнется все самое скучное и неинтересное, я быстро доел последний пирог и, отряхнув руки, поднялся.

– Благодарю за компанию, господа и дама. С вами было весьма приятственно, но с учетом предшествующей бессонной ночи компания подушки и одеяла кажется мне сейчас намного более ценной. Надеюсь, вы меня извините.

– Ты что, спать собрался? Сейчас?! – изумился Йен. – Арт, ты в своем уме?!

Я невозмутимо потянулся за шляпой и плащом.

– Я внештатный сотрудник. Мне можно. А о том, что мы сегодня нарыли, вам подробно расскажет и, наверное, даже покажет мастер Лойд. Только сначала я ребенка отсюда уведу… Чет, подбрось-ка меня до дома.

– Эх, а я так хотел послушать, – вздохнул притихший мальчишка и поднял на меня умоляющий взгляд. – Может, поедем попозже, а?

Я покачал головой.

– Страшные сказки еще никого счастливым не сделали. А вот доброе дело на том свете зачтется.

Чет встрепенулся.

– Правда, мастер Рэйш?

– Нет, конечно, – фыркнул я, подтолкнув обескураженного пацана к выходу. – Зато здоровый сон и крепкие нервы я могу тебе гарантировать.

* * *

Когда припорошенный снегом кеб укатил восвояси, я оглядел полупустую улицу и, дождавшись, когда последний прохожий завернет за угол, прямо с крыльца ушел на темную сторону.

Не знаю, насколько хороши столичные гости в роли ищеек, но с некоторых пор все мои следы вели исключительно во Тьму. Причем, если поначалу я пользовался темными коридорами как все темные маги – наугад пробивая пространство и не видя того, что скрыто за стенами, то со временем я научился переходить на темную сторону по-настоящему. А не так давно Палач наглядно доказал, что такие же проходы можно создавать прямо там, во Тьме, перемещаясь по Верлю в десятки раз быстрее, чем я мог бы сделать это в реальном мире.

Я, кстати, попробовал. И мне понравилось, несмотря на то, что сил на такие «внутренние» коридоры уходило гораздо больше, а сам процесс требовал предельной сосредоточенности.

Не знаю, быть может, не только я сумел до этого додуматься, однако подобный способ перемещения имел ещё одно неоспоримое преимущество – теперь мой след стало невозможно отследить. Ведь на темной стороне у меня почти не билось сердце, не бежала резво кровь по сосудам… здесь я был практически мертв. Так что любой, кто рискнул бы за мной последовать, в полной мере ощутил бы все прелести следа мертвеца. А с учетом того, что я завел привычку по несколько раз обрывать коридор и уже в другом месте создавать новый…

– Спасибо, Палач, – пробормотал я, одним прыжком оказываясь в соседнем квартале. – Хоть какая-то от тебя польза.

Путая следы, я умышленно заглянул в другой квартал, в третий. Поменял коридор еще пару раз и только после этого гигантским скачком переместился в единственное место, где мог чувствовать себя в абсолютной безопасности.

Остров мастера Этора Рэйша был по-прежнему пуст, неприветлив и производил откровенно угнетающее впечатление. Да, за последний месяц я постарался вычистить его и привести в порядок в обоих мирах, но что можно сделать с чахлыми кустиками, сугробами и единственной полуразвалившейся хибарой? Не цветочками же тут все засаживать?

Вздохнув, я подошел к сиротливо стоящему в сугробе сундуку и, приложив к замку руку с перстнем, откинул крышку.

«*Тьма над Тьмой дает свет*», – гласила выцарапанная чем-то острым надпись на внутренней стороне.

Окинув ее равнодушным взором, я опустил в сундук сперва одну, а затем и другую ногу, благо внутри уже давно ничего не лежало. Отстраненно проследил, как подошвы сапог начинают медленно погружаться в пошедшее волнами днище, ставшее

похожим на бездонную лужу. Осторожно нашарив ногами опору, сполз еще ниже. Затем уперся пальцами в края сундука. И, погрузившись во тьму примерно наполовину, непроизвольно задержал дыхание прежде чем поднять руку и опустить за собой тяжелую крышку.

– Фу, – выдохнул через пару ударов сердца, когда затопившая все вокруг густая мгла сперва окутала удушливой пеленой, а затем так же внезапно схлынула. – Медаль бы вам за такие шуточки, учитель… спасибо, что хоть лестницу оставили, а то прям не знаю, как бы сейчас спускался.

Узкая металлическая перекладина под моими руками была холодна как лед, но, к счастью, наледи в пространственном кармане, в отличие от крышки сундука, никогда не образовывалось. Так что я мог спокойно спускаться, не боясь соскользнуть и переломать по пути не только руки-ноги, но и шею.

О том, что учитель был мастером по части не только обычной магии, но и пространственной, я знал давно, однако даже сейчас до конца не понимал механизма создания подобных карманов. Учитель не стремился открывать свои секреты, большинство его книг оказались нечитаемыми, а в его личных записях было напущено столько туману, что у меня при всем желании не получилось воспользоваться советом старика Ниро.

Конкретно этот пространственный карман, пожалуй, был самым больших из тех, что я когда-либо видел. И, судя по обстановке, мастер Этор проводил здесь все свободное время: в большой комнате имелось не только удобная кровать, но и письменный стол, несколько кресел, просто огромное количество книг, в безупречном порядке выстроившихся на полках. Здесь даже уборная имелась и собственный погреб с неизменно свежими продуктами!

Не знаю, почему учитель не сказал, что оставил мне в наследство такое богатство. Но выстроенном им убежище было в сотни раз лучше того логова, что я создал на съемной квартире. Находясь на темной стороне, оно отвечало всем моим требованиям и позволяло неделями отсиживаться внутри, не опасаясь ни голода, ни холода, ни нашествия гулей. Не говоря уж о том, что время здесь текло по своим собственным законам, а при должном умении его можно было и вовсе остановить.

Усевшись за стол, я достал из ящика потрепанную тетрадь и бережно сдунул с нее пылинки.

Подумать только… если бы в тот день, когда я чуть не надорвался, пытаясь поднять сундук, у меня не хватило ума выгрести из него никчемные, на первый взгляд, безделушки, я бы

еще долго не сообразил, что внизу имеется фальшивое дно. Если бы не мое упрямство, я бы никогда не выломал к демонам те старые доски. И уж конечно, не рискнул бы засунуть внутрь руку, когда стало понятно, что в привычной мне Тьме кроется какой-то подвох.

Наверное, старик подозревал, что присущий его ученику дух соперничества и некоторая склонность к авантюризму заставят меня сделать нечто подобное. Иначе не встретил бы меня на столе его личный дневник, а на первой странице не проступила бы надпись, слова который навсегда врезались в мою память.

«*Мой лучший и самый преданный мой ученик*, – сообщала она, ввернув меня тогда в состояние, близкое к шоку. – *Уверен, сейчас ты искренне недоумеваешь, а то и ругаешь старика за то, что он всегда имел привычку путано изъясняться. Но у меня так много врагов, что даже сейчас я вынужден хранить молчание. И предпочел бы, чтобы ты не использовал этот схрон, а обошелся той малостью, что досталась тебе после моей смерти. Впрочем, зная твою любознательность и веря в твое упорство, могу лишь сказать, что бесконечно рад твоим успехам. Ты всегда был сильным, мой мальчик. И умел зреть в самую суть. Далеко не каждому удается в свой третий призыв живым пройти сквозь темную сторону. А у тебя получилось, ученик. Только поэтому я отдал тебе свой перстень. Носи его с честью, Артур Кристофер Рэйш. Смотри во Тьму глубже. И знай: я бесконечно горд тем, что воспитал настоящего темного мага*».

Пожалуй, за шесть лет ученичества это были первые теплые слова, что я услышал от сварливого мастера. Однако он и тут умудрился навертеть каких-то загадок, будто закольцованная на его перстень и безумно сложная защита могла бы пропустить сюда кого-то, кроме меня.

Почему он оставил на входе столь двусмысленное приветствие? И насколько глубоко я должен был заглянуть во Тьму?

Этот вопрос мучил меня на протяжении всех дней, что я исследовал схрон и, особенно, когда собирал и потихоньку перетаскивал сюда многочисленные вещи Ниро.

Как? Разве я не сказал, что успел побывать в его комнате и тщательно ее обчистить?

Правда, до блеска я вычистил только темную ее сторону, утащив оттуда оружие, книги, магические безделушки и вообще все до последней пылинки. Но не от жадности, нет. А лишь потому, что не был уверен, правильно ли понял старого мага, и потому, что прекрасно знал, что в реальном мире он не стал бы прятать ничего по-настоящему ценного.

И все же Тьма… многослойная, многогранная и таящая в себе неимоверное количество загадок…

Безусловно, учитель успел познать ее намного лучше меня и недвусмысленно намекнул, что я тоже способен на многое. Но что именно, по его мнению, я должен был в ней увидеть? И почему он считал это настолько важным, что целых два раза упомянул об этом в своем последнем письме?

Тот факт, что Тьма обласкала мой разум гораздо раньше дня, который я привык считать традиционным посвящением, особого удивления не вызывал. Свой первый темный коридор я создал в порыве отчаяния. Второй – качаясь на грани безумия. А третий, пожалуй, из того самого злого упрямства, о котором учитель всегда отзывался с сомнением.

Что именно я тогда сделал и каким образом добрался до его острова сквозь знаменитую Алторийскую трясину, мне и сейчас не удавалось вспомнить. Тьма владела мной тогда безраздельно. Мои слова и мысли имели отчетливый привкус безумия. А все, что тогда мной двигало, являлось не более чем жаждой мести и вполне естественным стремлением выжить.

Единственное, что я сейчас понимал, это то, что уже тогда сумел перейти на темную сторону. И именно этот факт стал тем определяющим моментом, благодаря которому мастер Этор все-таки решился взять ученика.

Что ж, одной загадкой меньше…

В который раз пролистав дневник в поисках ответов на остальные вопросы, я бездумно смахнул несколько последних страниц, которые учитель, по-видимому, не успел заполнить, и отложил тетрадку в сторону.

О смерти учителя я не жалел – как и Ниро, мастер Этор сам выбрал свой путь и честью прошел его до конца. Жаль было другого – за шесть проведенных с ним лет я так и не успел узнать его как человека. И теперь все, что мне оставалось – это строить догадки и гадать, каким бы было мое будущее, если бы мы встретились с мастером Рэйшем при других обстоятельствах.

– Хватит грустить, Арт. Ничего путного ты из этой рухляди больше не выжмешь! – вдруг проскрипели у меня над ухом, а спрятанный под перчаткой перстень знакомо потеплел.

Я сердито ее стянул и хлопнул по кольцу ладонью, но, к сожалению, в пространственном кармане призраки мне не подчинялись. В силу особенностей расположения убежища заклинание-привязка всякий раз начинало барахлить, из-за чего мои духи взяли за правило вылезать наружу без разрешения.

Проводив недовольным взором кружащееся под потолком облачко, я остро пожалел, что мастер Этор не оставил подсказок,

как управлять своим личным схроном. А радостно заулюлюкавший Грем безумным волчком закрутился над моей головой, после чего с шумом пролетел через всю комнату, врезался в ни в чем не повинные полки. И, прямо на лету схватив рухнувшую оттуда книгу… да, здесь он мог несколько больше, чем в реальном мире… и с радостным воплем бросил мне под нос.

– На, держи! Это твое домашнее задание на сегодня!

– Да чтоб тебя гули сожрали, – чуть не сплюнул я, с отвращением воззрившись на ужасающе толстый том со стершимся от времени названием. – Лучше помог бы с «секирой» разобраться!

– Я и помогаю, – невозмутимо отозвался призрак, размеренно летая туда-сюда вдоль полок и явно выискивая очередной увесистый томик. – Вот научишься трансфигурировать неживое, тогда, может, хотя бы спасибо скажешь.

Я страдальчески поморщился.

– Скорее я тебя все-таки прокляну.

– Тоже хорошо, – одобрительно кивнул Грем. – Хоть чему-то путному научишься, а там, глядишь, и в нормального мага превратишься.

– Гре-ем…

– Подожди, Арт, не кипятись. Я сейчас что-нибудь подберу, – проворковала выскользнувшая из перстня леди Камия и, сделав элегантный пируэт, отправилась на поиски нужной книги. Грем при виде нее моментально поблек и присмирел, а осторожно выглянувший наружу Жук одарил меня сочувственным взглядом и поспешил исчезнуть, пока его тоже к чему-нибудь не припахали.

– Вот, взгляни, – через некоторое время отозвалась леди, положив передо мной толстый справочник в кожаном переплете. – Не знаю, как насчет трансфигурации, но классификация темных заклинаний там точно имеется.

– Они же защитные, – снова вдохнул я, мельком взглянув на название. – И я их уже давно освоил.

– В теории, Арт. Пока еще только в теории.

– Конечно. Потому что для практики они совершенно не годятся. Как вообще могло получиться, что все наши заклятия невозможно использовать на темной стороне? – пробурчал я, возвращая книгу смущенно кашлянувшей даме. – И почему среди всего этого хлама нет ни одного внятного объяснения этому?!

– Может, ты просто не нашел нужную книгу? – мудро не показываясь на глаза, предположил Жук.

Грем пренебрежительно фыркнул.

– Скорее уж, он до сих пор в себе не может разобраться.

– В каком это смысле? – насторожился я, а старик важно надул щеки и наставительным тоном заметил:

– Порой вещам дается название не потому, что оно отражает их суть. А всего лишь по той причине, что кому-то так захотелось.

Я замер.

– Верно.

– Ве-е-ерно, – передразнил меня Грем. – А что это значит-то, ты хоть понял?

– Учитель сказал, что я должен зреть в самую суть, – нахмурился я, тщетно пытаясь уловить ускользающую мысль. Но мимолетная догадка мелькнула и пропала, так и не успев оформиться во что-то конкретное. – Смотреть во Тьму глубже…

Призрак огорченно вздохнул.

– Эх, Арт. Ничего-то ты толком не знаешь. И так и не научился видеть по-настоящему.

– Так помоги мне, если знаешь! Неужто это так сложно? – в сердцах бросил бросил я, поднявшись из-за стола с намерением накостылять засранцу по шее. Но призрак вместо ответа скорчил дурацкую рожицу и истаял в воздухе, злорадно хихикнув напоследок:

– Э-э, нет. Все, до чего ты не дошел сам, имеет свойство утрачивать ценность. А Этор учил тебя правильно. Так что думай, Рэйш. Шевели извилинами, потому что подсказку я тебе уже дал.

Ах ты, зараза!

С трудом уняв раздражение, я вернулся за стол и сжал руку в кулак, позволив таящейся внутри Тьме окутать ее плотной перчаткой.

Уже второй раз за эти дни мне давали непонятную подсказку, но у меня, как назло, не хватало сообразительности, чтобы ею воспользоваться. Сперва отец Лотий, теперь Грем… так чего именно я не вижу? Или, может, правильнее будет спросить: что же я вижу, но при этом никак не могу уловить суть?

– Тьма… – пробормотал я, пристально глядя на причудливый танец черных лепестков над перчаткой. – Может, хоть ты не будешь говорить со мной загадками?

«Что такое тьма, Артур?» – спросил однажды мастер Рэйш, когда я на последнем издыхании завалил поднятого им мертвяка и, хрипя от натуги, выбрался из проклятого болота.

«Холод», – сказал я тогда, с трудом добравшись до берега и обессиленно рухнув к ногам старого мага. – «Боль. Тишина».

«Нет, ученик. Тьма – это просто отсутствие света. А все, что ты перечислил – лишь результат твоих ожиданий».

– А Ниро считал, что ты носишь маску, – задумчиво обронил я, любуясь переливами черного пламени, которое никогда не

пыталось меня обжечь. – И что для каждого из нас ты припасла отдельное обличье. Почему так? И так ли это на самом деле?

Пламя, словно устав танцевать на моих костяшках, поблекло и медленно втянулось обратно под кожу. А я, устало потерев лицо, все-таки прислушался к голосу разума, убрал тетрадку в стол и, выудив из-под стола свою недоделанную «секиру», с тяжелым вздохом открыл принесенную Гремом книгу.

Времени на изучение заклинаний у меня теперь было предостаточно.

Глава 4

Когда я вернулся домой, на улице снова стемнело, а возле калитки из последних сил подмигивал желтым глазом старый бронзовый фонарь. Кажется, госпожа Одди давно не обновляла заклинание, но сама она уже давно по ночам на улицу не выходила, а мне дополнительное освещение не требовалось.

Тщательно вытерев ноги, я тихонько отпер дверь и отряхнул снег с плаща, чтобы не оставлять за собой следов. А потом на цыпочках двинулся к лестнице, но вдруг уловил краем глаза какое-то движение и, резко повернувшись, по привычке махнул рукой.

По погруженному во мрак холлу разнесся пронзительный звон, костяшки под перчаткой заныли, а под ноги мне просыпался целый дождь из сверкающих осколков. После чего со стороны из глубины первого этажа раздался хлопок, а дрожащий от негодования женский голос громко воскликнул:

– Артур Рэйш!

Я мысленно сплюнул.

Демон! И когда она успела поставить новое зеркало?!

– Прошу прощения, госпожа Одди, я нечаянно.

– Но вы говорили это вчера!

– Да-да. И мне действительно очень жаль…

– И на прошлое неделе тоже!

– Не волнуйтесь, я возмещу весь ущерб, – откликнулся я, с ужасающим хрустом наступив на осколки и осторожно заглянув в полутемный коридор, ведущий в дальнюю спальню. – Кстати, не подскажите, какой сегодня день?

Видневшаяся сквозь дыру в двери ржавая кровать с кучей полуистлевших тряпок заставила меня передернуться. Но лежащий на ней дряхлый скелет в умилительном розовом чепчике только клацнул челюстью и раздраженно отмахнулся.

– Такой же, какой был с утра! Посыльный из Управления приходил сегодня!

Ага. Значит, со временем я все-таки не промахнулся, и Йен не будет, как в прошлый раз, орать, что трое суток не мог меня найти.

– Благодарю, госпожа Одди, спокойной ночи, – вежливо поблагодарил я и, уже не стараясь соблюдать осторожность, бегом взбежал по скрипучим ступенькам, а затем зашел в оплаченную на месяц вперед комнату и с досадой захлопнул дверь.

И какого, спрашивается, демона старой дуре втемяшилось в

голову, что в приличном доме обязательно должно быть настенное зеркало? Бью их, понимаешь, бью… а она все равно упорно их покупает, будто забыла, что к нам почти никто не ходит!

Да и кто осмелится напроситься в гости к мастеру Смерти?

Мой взгляд неожиданно зацепился за клочок бумаги, лежащий на несмятой постели, а правая ладонь сама собой сплела в воздухе основу сразу для двух атакующих знаков.

Так. В чем дело?

Окна закрыты. Охранные заклинания не потревожены. Быстрый взгляд по сторонам показал, что ничего важного не пропало. Разве что пыль с тумбочки кто-то демонстративно вытер, да записку на виду оставил, тем самым намекнув, что мне стоит уделить больше внимания защите своего жилища.

– БОМ-М-М… – вдруг громко пробили в гостиной старинные часы, едва не заставив меня вздрогнуть.

Тьфу ты. Полночь. С некоторых пор самое нелюбимое мое время суток.

– БОМ-М-М!

«*Арт, ты нужен нам в Управлении*», – гласила выведенная незнакомым почерком надпись. – «*Приходи, как только вернешься*».

– Лойд, – прищурился я, медленно опуская занесенную руку. После чего так же неторопливо прошелся по комнате, изучая ее сразу в обоих мирах, и совершенно не удивился, обнаружив на подоконнике отпечаток чужого ботинка.

Разумеется, след он оставил на темной стороне – другим способом в мою каморку было не проникнуть. Вопрос в другом – нашел ли незваный гость вход в мое логово? Или же просто заглянул в окно, увидел «клетку», после чего на пару мгновений вернулся в реальный мир и, бросив на видном месте записку, утопал тем же путем, что и явился?

Перейдя на темную сторону полностью, я ещё раз оглядел толстые «прутья» заклинаний и вплавленные между ними знаки, однако видимых повреждений не нашел.

Что ж, ладно. Посмотрим, что будет дальше. Тем более что я уже отдохнул, перекусил и, благодаря остановленному времени в схроне, выспался на два дня вперед.

Единственное, чего я опять не смог – это в очередной раз приделать древко к проклятой «секире». Ну и само собой, не переоделся, потому что тащить на остров весь свой гардероб посчитал излишним. Но если с оружием пока не все идеи себя исчерпали, то что делать с одеждой, я уже не знал.

С того времени, как Палач показал короткий путь через

темную сторону, прорехи на моих штанах и рубахах стали образовываться с завидной регулярностью. Добротные, недавно купленные и, казалось бы, неплохо пошитые вещи вдруг начали разваливаться буквально на глазах. Пожалуй, только сапоги да такие же кожаные вставки на плаще и шляпе ещё держались, хотя и их за месяц потрепало изрядно. Так что, по-видимому, очень скоро мне придется начать одеваться по моде столичных коллег.

Наскоро сменив одряхлевшую рубаху и вынув из шкафа последнюю приличную куртку, я выкинул старье в мусор и, приладив ножны на новый пояс, с сожалением провел рукой по бедру.

Эх, Палач… всем хороша твоя «секира», но без древка я не мог ее даже как следует закрепить. Лойду, вон, хорошо, его штукенция из прутов достаточно тонкая, чтобы он мог носить ее под плащом. Да ещё и материальная, к тому же. А я до сих пор не знал, каким образом приладить свое оружие и при этом спокойно чувствовать себя в обоих мирах.

Не бросать же его всякий раз, когда понадобиться выйти в реальность?

Да и в схроне хранить такую вещь не выход: оружие должно быть под рукой всегда, в любой момент. Как на темной стороне, так и в обычном мире. Так что пока мне, увы, приходилось ломать голову над этой проблемой и использовать обычный зачарованный меч.

Оповещать хозяйку дома о своем уходе я, против обыкновения, не стал и, привычно попетляв по сонному Верлю, никем не замеченный переместился в «холодильник».

Трупов за время моего отсутствия там, как ни удивительно, не прибавилось. Следов присутствия гулей внутри я тоже не нашел. Поэтому, поднимаясь по лестнице уже в реальном мире, искренне недоумевал, какого Фола Йену от меня понадобилось.

Решив не будить прикорнувшего на кушетке в холле Чета, я сразу поднялся в кабинет начальства и несколько озадачился, обнаружив, что дверь, против обыкновения, распахнута настежь, а само начальство вместе с напарницей Лойда торчит у окна и с увлеченным видом что-то разглядывает через невесть откуда взявшиеся вторые «очки».

– И снова здрасти, – вполголоса бросил я, кидая на стол шляпу. – Вызов дошел до адресата. Кто и зачем меня искал?

Казалось бы, что такого сделал? Просто поздоровался. Однако после этих слов Триш аж подпрыгнула на месте и как ужаленная развернулась, нацелив в мою сторону сразу три активных знака, один из которых был настроен на смерть. Йен, правда, отреагировал менее бурно. Но и у него физиономия

вытянулась, когда волшебный прибор Лойда показал ему мою призрачную морду такой, какой она выглядела на темной стороне.

– Фу… Арт, что за привычка врываться без стука?

Глупый вопрос я проигнорировал. А Хелена рывком содрала с себя «очки» и, только убедившись, что это действительно я, опустила заметно подрагивающую руку.

– Не делайте так больше. Пожалуйста, мастер Рэйш, – тихо попросила она, резко отвернувшись и тем самым ввернув меня в еще большее недоумение.

Девчонка выглядела бледной и откровенно напуганной, но прежде чем я спросил, чем же ее так впечатлила моя небритая физиономия, в коридоре послышались торопливые шаги, а через пару мгновений в кабинет ворвался чем-то изрядно недовольный Лойд.

– Явился? – осведомился маг, одарив меня сумрачным взором. – Я искал тебя две с половиной свечи назад, но дома никого не оказалось. Где тебя носило?!

Я демонстративно приподнял ворот свежей рубахи.

– Дела. Что могло такого произойти, что ты решил испачкал мой ковер и вполне мог бы стать причиной отмены визита к портному?

– Сейчас покажу.

Кинув на Норриди недоумевающий взор, я пожал плечами, когда Лойд знаком велел Хелене отдать ему прибор и то же самое потребовал от Йена. После чего он решительно спустился сперва в холл, а затем и на улицу, прямо на ходу надевая «очки».

Молча выйдя за раздраженным магом на мороз, я дождался, когда мы отойдем на пару десятков шагов, а когда Лойд остановился и рыкнул сквозь зубы что-то непонятное, скептически приподнял бровь.

– В чем дело?

Маг все с тем же раздражением бросил мне «очки».

– Надевай. Смотри.

Больше не став ничего уточнять, я послушно забрал прибор, а когда мир вокруг меня преобразился, вопросительно уставился на лежащие у меня под ногами два тела.

– Что это? – спросил я, быстро опознав в скрюченных, наполовину припорошенных снегом трупах самых обыкновенных гулей.

– А сам как думаешь?

Нахмурившись, я окинул тела внимательным взором и довольно быстро выяснил, почему нежить выглядит столь непрезентабельно – на глотке ближайшей твари зияла

красноречивая рана. Неширокая, примерно с два моих пальца. Зато, по-видимому, достаточно глубокая, чтобы лишить нежить псевдожизни.

– Что скажешь? – хмуро осведомился Лойд, когда я взглянул на второе тело и убедился, что с ним произошла такая же беда. – Чья это может быть работа?

– Пока не знаю. Но точно не моя.

– Не надо, – вдруг быстро сказал маг, когда я собрался присесть на корточки, чтобы изучать трупы получше. – Гули слишком близко. Не нужно давать им повод думать, что мы видим тела. Мы просто гуляем. Осматриваемся. И не имеем никакого отношения к темной стороне.

Я с досадой отступил.

– Ты прав. Но это все равно не моя работа. Хотя бы потому что я бы снес им обоим башку. Так намного проще.

Маг кивнул.

– Согласен. А теперь пойдем-ка, погуляем еще. Думаю, я нашел кое-что любопытное.

Сделав вместе с Лойдом несколько шагов в сторону, чуть дальше и правее от трупов, я огляделся и замер, обнаружив на снегу знакомые отметины. Восемь углублений. Всего восемь крохотных темных точек, похожих на следы от воткнутых в сугроб пальцев…

Медленно обойдя подозрительное место по кругу, но так и не найдя поблизости других свидетельств присутствия неведомой нежити, я поднял на Лойда выразительный взгляд.

– Других следов нет. Я проверил, – ровно сообщил он, а затем, добросовестно изображая праздного гуляку, неторопливо направился прочь. – Половину площади обошел, все следы изучил, но тварь словно сквозь землю провалилась. Ни отметин на снегу, ни крови, ни трофеев. Все так же, как на той крыше.

– Когда появились тела? – все же спросил я, медленно двинувшись за ним и буквально носом уткнувшись в снег в тщетной надежде найти что-нибудь, что могло пролить свет на эту загадку и что мог бы упустить более опытный маг.

– Около трех свечей назад.

– Снаружи в это время было шумно? Или ты по каким-то другим причинам вдруг решил выглянуть в окно?

– Триш позвала, – усмехнулся Лойд. – Твоему другу так понравился наш визуализатор, что он не поленился все здание обойти, желая лично убедиться, что гули не пролезли внутрь. И вот на втором круге как раз и наткнулся на тела, которые словно нарочно положили перед самым нашим носом.

– Хм, – кашлянул я, представив, каким шоком должно было

стать для Йена открытие темной стороны. – И как Норриди отреагировал?

– Как любой нормальный человек – залез обратно в кабинет и с тех пор носу оттуда не кажет, добровольно взяв на себя обязанности наблюдателя. А Триш ему в этом помогает.

Я мысленно присвистнул.

Ого. Теперь Йен, наверное, и заснуть-то нормально не сможет. По крайней мере, предварительно не обыскав весь дом. А то и такой же прибор себе закажет, причем за любые деньги, дабы быть уверенным, что рядом никто не притаился.

– Тварь, как я понимаю, никто из них не видел? – предположил я, молча порадовавшись, что хотя бы мальчишку от этой правды мы уберегли.

– Нет, – качнул головой Лойд и остановился, дожидаясь, когда я подойду вплотную. – Хотя эти два часа они глаз не сводили с площади и дежурили посменно, чтобы ничего не упустить.

– Интересно, зачем она вообще убила гулей?

– Спроси лучше, почему она убила только двоих, – мрачно посоветовал Лойд и жестом велел мне обернуться. А когда я взглянул на здание Управления через «очки», ядовито поинтересовался:

– Теперь понимаешь, почему я тебя искал?

* * *

Назад я вернулся задумчивым и на редкость молчаливым, до глубины души впечатлившись тем, что увидел на темной стороне.

Нет, гулей вокруг здания больше не стало. Но если раньше они просто кружили вокруг него и тревожно рыскали вдоль забора, то теперь целыми гроздьями свисали с верхних этажей, когтями и зубами вцепившись в ветхую кладку или полусгнившую черепицу. Ни одна из них больше не прогуливалась под забором. Ни одна не посмела спрыгнуть вниз, чтобы загородить нам дорогу. Никто из них даже на мертвечину не покусился, хотя лакомиться сородичами гули никогда не брезговали.

Нет. К ночи площадь перед зданием оказалась девственно пуста. А твари испуганно жались к крыше и тревожно курлыкали всякий раз, если вдруг кому-то из них доводилось неосторожно сорваться.

С какой при этом скоростью нежить взбиралась обратно, испуганно разевая пасть, тяжело дыша и бешено перебирая лапами, было любо-дорого посмотреть. Но они действительно

боялись… до дрожи, до поросячьего визга боялись неведомой твари, которая с такой легкостью избавилась от тех двоих.

И в этой связи невероятно важным становился вопрос Лойда: почему же она убила только их? И по какой причине сами гули пытались спрятаться от нее именно на нашей крыше?

– Возможно, их привлекла стоящая снаружи защита? – предположила Триш, когда мы, оставив Норриди караулить у окна, уселись за его стол. Коса у девчонки за время вынужденного дежурства растрепалась, под глазами от напряженного всматривания во Тьму залегли круги, но глаза сверкали по-прежнему живо. И страха в них, что мне понравилось, никакого не было.

На ее вопрос я слабо качнул головой.

– Раньше они не обращали на нее внимания. Да и не только на нашем здании стоит «охранка».

– А может, дело в самой твари? – задумчиво уронил устроившийся на подоконнике Йен. – Вдруг именно наша магическая защита не дает ей приближаться к зданию, и гули это заметили?

Лойд рассеянно провел ладонью по блестящей от пота лысине: в здании было довольно жарко, но ни он, ни я, ни Триш не рискнули раздеться, чтобы облегчить себе жизнь.

– Не знаю… маловероятно.

– Почему нет? Тела ведь лежат достаточно далеко от входа, – неожиданно не согласилась девушка. – Следы ты тоже нашел там. И если бы гули не были уверены, что здесь она их не достанет, разве не спрятались бы они где-то еще?

– Гули тупые. Они не умеют строить логические цепочки.

– Но жить-то они все равно хотят, – возразил от окна Йен, и я не мог с ним не согласиться.

– Итак. Что будем делать, дамы и господа? – осведомился Лойд, когда в комнате повисла напряженная тишина. – Мы здесь. Тварь на темной стороне. Как и гули. Других магов, которые могли бы их убить, я так полагаю, в городе нет. Тем не менее, кто-то все же перерезал им глотки. Кто-то, кто явно обитает во Тьме и кого мы с вами ни разу ещё не видели. У кого какие мысли на этот счет?

– Что ты предлагаешь? – беспокойно заерзала Триш, когда взгляд наставника остановился на ней. – Хочешь попробовать убить эту тварь?

– Для начала хотя бы выловить.

– Не возражаю, – к моему удивлению, откликнулся Норриди. – Мне в моем городе такая мерзость не нужна.

Я хмыкнул.

– Не волнуйся. На количество трупов в твоем «холодильнике» ее присутствие не повлияет. Так что статистика преступлений, если тебя тревожит именно это, никоим образом не ухудшится.

– Да?! А если эта дрянь потом во кус войдет? Может, прикончив гулей, она надумает за людьми гоняться! И что мне тогда прикажешь делать?!

– Говорят, когда-то такие звери и впрямь водились, – задумчиво обронил Лойд, заставив меня изумленно обернуться. – Сам я не видел – только читал, что когда-то нечто подобное создавали специально, чтобы охотиться на людей именно с темной стороны. Потом от них избавились, конечно. Кого-то перебили, кого-то просто разобрали за опыты. Но чем Фол не шутит? После Палача я уже ничему не удивлюсь.

– Ох, Род! И что за какие грехи мне выпала такая доля? – горестно вздохнул Норриди, со стуком уткнувшись лбом в стекло. – Городишко маленький, народу – раз-два и обчелся, нормальных преступников по пальцам пересчитать можно… а поди же ты! То Смерть по нему свободно шастает, то гули атакуют, то неведомые твари норовят кого-нибудь сожрать!

Лойд ухмыльнулся.

– Смиритесь. Такова судьба всех городов, где решает поселиться темный маг.

– Это еще почему? – совершенно искренне удивился Йен. И я вместе с ним, если честно.

– Потому что само наше присутствие привлекает сюда нежить, – спокойно пояснил маг. – Мы для нее – добыча. Единственные живые, которые способны появляться в мире мертвых. Единственные, до кого они хотя бы в теории способны дотянуться. Наша магия как маяк для них. Запах крови – как самая сладкая приманка. Вот они и рыщут по темной стороне, выискивая даже слабые ее признаки. А когда находят, то собираются огромными стаями в надежде, что однажды кто-то из нас допустит ошибку.

Йен ненадолго обернулся и одарил меня мрачным взором.

– Так это я тебя должен благодарить за все, что тут в последнее время творится?!

Я с невозмутимым видом кивнул.

– Конечно. Ты разве не видел, как я свистом Палача к себе подзывал? И свежее мясо вокруг Управления разбрасывал, чтобы гули не дай бог мимо не проскочили?

– Разумеется, это его вина, что за последние годы нежити тут стало гораздо больше, – так же спокойно подтвердил Лойд, словно не заметив насмешки. – Но в последних событиях в какой-то степени виноваты и мы с Триш. Ведь теперь темных магов в

Верле стало в три раза больше.

Йен насупился ещё сильнее, а потом подумал и, развернувшись всем корпусом, с нескрываемым подозрением уставился на наших гостей.

– Тогда может, вы и притащили ту тварь с ближайшего болота?!

– Не исключено, – ничуть не смутившись, отозвался Лойд, заставив Норриди округлить глаза и поперхнуться. – Поэтому-то я и предлагаю на нее поохотиться.

– Каким, интересно, образом? – буркнул Йен после небольшой паузы, а на мага я лишь выразительно взглянул: меня этот вопрос тоже заинтересовал.

– Устроим ей ловушку. Положим приманку, затем загоним, окружим и засадим в клетку. Или убьем, если выловить ее живой не получится.

Я с сомнением покачал головой.

– Как ты себе это представляешь? Мы даже не знаем, с чем имеем дело.

– Что нам, в первый раз на неизвестного зверя охотиться?

– Тварь хитра и осторожна, – возразил я. – Следы, которые мы с тобой видели, были оставлены нарочно – она хотела, чтобы их нашли. И в то же время, она явно уверена, что у нас не получится ее догнать, иначе не действовала бы столь демонстративно.

– Ты говоришь так, словно у нее есть мозги, – фыркнул маг.

– Мозги или нет, но зачатки разума у нежити вполне возможны. А вообще, прежде чем что-либо затевать, надо сперва решить, с нежитью какого уровня… хотя бы приблизительно… нам доведется столкнуться.

– Хорошо. Твои предположения?

Я ненадолго задумался.

– Ну… с учетом всех данных я бы сказал, что мы имеем дело далеко не с низшей, но все-таки и не с высшей нежитью.

– Откуда такие выводы? – оценивающе прищурился Лойд, а Триш заинтересованно обернулась.

Я пожал плечами.

– Она явно быстрее гулей. Скорее всего, сильна, ловка, но при этом имеет сравнительно небольшие размеры… тушу вроде Палача мы бы точно не смогли не заметить… и, в отличие от низших тварей, почему-то брезгует мертвечиной.

– Неплохо, – с одобрением протянул маг. – Что еще?

– Присутствие высшей твари я бы обнаружил гораздо раньше – они обычно довольно прожорливы. Но, поскольку эта активизировалась только сейчас, то, скорее всего, она пришлая. Быть может, вы и впрямь ее спугнули, пока сюда добирались.

Может, она присмотрела кого-то из вас ещё раньше… скажем, на одном из дел, где вы или же другой темный маг вполне мог допустить оплошность. А может, эта штука просто дремала в глубине здешних болот и проснулась после того, как я убил Палача и устроил зарево до самых небес, которое только слепой бы не заметил.

Лойд широко улыбнулся.

– Очень хорошо, Рэйш. Следователь из тебя получился бы толковый.

– Я давно ему об этом говорю, – фыркнул Норриди. – Но переходить в штат он категорически не желает.

– Таковы были условия нашего сотрудничества, – спокойно заметил я. – Но мне кажется, мы отвлеклись. Может, кто-то хочет дополнить мои наблюдения?

– Я бы сказала, что наша тварь, хоть и обладает редкими свойствами, все же довольно чувствительна к воздействию магии, – кашлянула Триш, чем привлекла к себе всеобщее внимание. Йен, впрочем, быстро вспомнил о своих обязанностях и вернулся к наблюдению, а вот я, напротив, задержал на девчонке изучающий взгляд. – Иначе гули не вели бы себя так непонятно. Но защита на здании очень старая и давно толком не обновлялась. Даже для низшей нежити она не представляет серьезной угрозы. Так что, если тварь и впрямь ее опасается, то значит, она или ещё очень молода…

– Или же была недавно ранена, – пробормотал я, припомнив объяснения учителя.

– А ещё у нее очень своеобразное чувство юмора, – странным голосом добавил вдруг Йен, заставив нас с недоумением обернуться к окну. – Господа, думаю, вам надо на это взглянуть. Я, конечно, не знаток нежити, но мне почему-то кажется, что мастер Лойд ошибся, и мозги у этой твари определенно имеются.

Глава 5

Когда мы с Лойдом во второй раз за вечер выбрались на мороз, снаружи царила непроглядная темень. Ночи зимой всегда наступали быстро, внезапно, словно кто-то одним щелчком гасил тусклое солнце, а эта ночь уже давно перевалила за половину. Так что единственным, что сейчас освещало центральную площадь, был приглушенный свет, льющийся из окон Управления, и слабо светящиеся звезды на шпилях городского храма.

Немного отойдя от дверей конторы, я поднял голову и кинул на крышу настороженный взгляд, но густо облепившие ее гули даже не подумали перебраться пониже, чтобы взглянуть, что за дураки решили прогуляться по Верлю ночью. Правда, взглядами они нас провожали более чем внимательно. И я был готов поклясться, что в этих взглядах, помимо вечного голода, горело еще и сожаление.

– Что же это за сволочь решила над нами посмеяться? – проворчал закутанный в плащ до самый бровей маг, набрасывая на голову капюшон.

Добравшись до трупов, я поправил «очки» и, оглядев живописную композицию, негромко хмыкнул.

– Да, это и впрямь похоже на издевательство.

А дело все в том, что за время нашего разговора в кабинете неведомый шутник успел прикончить еще парочку гулей. После чего зачем-то притащил их на площадь и аккуратно уложил чуть выше первых. Причем в абсолютно таких же позах, и в этом определенно просматривался умысел.

Вторая пара нежити, как и первая, лежала на боку, строго нос к носу и поджав под себя передние лапы. Задние у них были вытянуты, обрубки хвостов прижаты к паху. А на глотках виднелись такие же четкие раны, как и у первых, так что в личности создателя этого «натюрморта» сомневаться не приходилось.

– Очень необычно для нежити, – заметил я, обойдя оставленный тварью «подарок» и указав Лойду на характерные борозды в снегу. – Даже для высшей. Смотри: на этот раз она специально их сюда приволокла.

Маг, ускорив шаг, прошел по следу немного дальше, но когда я его догнал, указал на чернеющие в снегу багровые капли и сердито сплюнул.

– Убила она их здесь – вон, напачкала. И лишь после этого оттащила к тем, которых почикала раньше.

Я наклонился и зачерпнул пригоршню снега.

– Но зачем?

– А я почем знаю?! – раздраженно бросил Лойд, тревожно переступив ногами. – Если бы сожрала кого-нибудь, я бы понял – охота, добыча и все такое. Но она ведь даже не притронулась! Просто прикончилась и бросила нам под окна.

Маг зябко хлопнул перчатками друг о друга, растер лицо – к ночи мороз совсем разыгрался. А я слепил из снега плотный комок и, швырнув его в сторону Управления, задумчиво посмотрел на лежащие в отдалении трупы.

– Всего несколько ударов сердца прошло, пока Йен отвлекся. Но она за это время успела убить, приволочь тела, уложить их определенным образом и снова скрыться.

– Быстрая сволочь, – неохотно признал Лойд, по-достоинству оценив проделанную нежитью работу. – И наглая. Пожалуй, наглее и быстрее нее только демоны.

Я бросил на мага настороженный взор.

– Ты с такими уже сталкивался?

– Однажды. В столичное Управление как-то депеша пришла, что в горах поселилась тварь, сумевшая сожрать сразу трех местных заклинателей. По слухам, вроде демон. Мелкий такой… вон с тот домик размерами. А раз демон, то всяко разбираться с ним надо было не местным колдунам, вот нас туда и отправили целым отрядом. Я тогда еще только-только ученичество закончил, был подмастерьях, так что руководил охотой мой наставник… – у Лойда непроизвольно дернулась щека. – Но он там, к сожалению, и остался, а вот мне, можно сказать, повезло.

– Демона-то хоть поймали? – кашлянул я, когда маг ненадолго замолк.

– Нет. Отряд ошибся в оценке его возможностей, замешкался и упустил время для атаки, так что тварь в итоге пришлось уничтожить. При этом двое наших погибли, один перегорел, третий сошел с ума, а я с тех пор навсегда запомнил, как нужно правильно ставить ловушки на высшую нежить.

Я отвел взгляд.

– Бывает…

– Ладно, идем обратно, что ли? – вздохнул маг, зябко кутаясь в тонкий плащ. – Все равно ничего нового не узнали. Да и морозец у вас тут не по сезону забористый, а во Тьме, кроме кожи, ни одна тряпка долго не служит.

Гм. Так вот почему у меня одежка стала разваливаться…

– Может, заберем тела с собой? – предложил я, когда Лойд отвернулся и целеустремленно порысил обратно. – Надо бы их нормально осмотреть. Вдруг тварь оставила еще что-то, кроме отметин на горле?

– Как ты себе это представляешь? – фыркнул он, не оборачиваясь. – Хочешь по темной стороне прогуляться и проверить, насколько у гулей хорошо со зрением?

– Ну, необязательно же резать трупы у них перед носом.

Лойд вдруг остановился и резким движением развернулся.

– Ты хочешь предложить что-то конкретное? – после короткой паузы спросил он, изучающе глядя на мое закрытое «очками» лицо.

Я, поколебавшись, кивнул.

Пожалуй, только сейчас я начал понимать учителя и то, почему он так неохотно расставался со своими секретами. Любое открытие для темного мага – это, в первую очередь, преимущество. Перед нежитью, конкурентами, возможными врагами. И, поскольку каждое новое достижение увеличивало наши шансы на выживание, то никто не торопился делиться им с посторонними, не будучи точно уверенным, что эти знания не обернуться против него.

Вот и я под пристальным взглядом столичного коллеги почувствовал себя неуютно. Более того, какой-то холодный комок вдруг образовался в груди при мысли, что я собираюсь ему довериться. Но отступать было поздно, насчет трупов я тоже не шутил, поэтому все-таки продолжил, очень тщательно подбирая слова.

– Для гулей мы с тобой на одно лицо, – медленно проговорил я, выразительно покосившись на свободные одежды Лойда. – Если разделимся, то один сможет отвлечь внимание, а второй в это время попробует сходить на темную сторону за телом.

Маг со скептическим видом оглянулся, смерил взглядом расстояние до здания, после чего качнул головой.

– Слишком близко. Даже сделать ничего не успеем.

– Успеем. Главное, суметь оттащить гуля подальше.

– Да куда ты его оттащишь? Оглянись – мы на пустыре, Рэйш! Здесь даже укрытия никакого нет!

Я усмехнулся.

– Вообще-то есть. Надо только приволочь гуля не к Управлению, а к храму.

– К какому ещё храму? – дрогнул маг, воззрившись на меня почти растерянно. А потом проследил за моим взглядом и едва не покрутил пальцем у виска. – Ты в своем уме? До него же расстояние почти в три раза больше!

– Зато гули туда не подходят. Шагов на сорок там простирается мертвая зона, от которой они шарахаются как от огня.

– И что? Тебя еще на середине пути перехватят! Знаешь, с

какой скоростью они умеют бегать?!

Я спокойно кивнул.

– Конечно. Но велика вероятность, что из-за твари, которая убила их сородичей, они побоятся отлепиться от крыши. Или, по крайней мере, промедлят, дав нам немного форы. Тогда как, если идти в здание напрямую, им даже напрягаться не понадобится – спрыгнул себе вниз и готово, можно встречать гостей.

– Нет. Даже я не рискнул бы состязаться с ними в скорости, – покачал головой маг. – На темной стороне силы уходят вдвое быстрее.

«Ну, не всегда и не у всех», – подумал я, сделав для себя зарубку в памяти.

– Но даже если ты и прав, и гули действительно тебя отпустят, – продолжил тем временем маг, выразительно обведя глазами заснеженную площадь. – Что ты собрался делать дальше? Намереваешься выпотрошить тела прямо там, возле храма? На виду у жрецов?

– Почему бы и нет? Мы же не на алтарь их класть собираемся. Да и жрецов внутри по ночам не бывает, так что помешать нам будет некому.

Лойд немного помолчал. А затем подошел ближе и, цепко на меня взглянув, вполголоса добавил:

– Надеюсь, ты не собрался использовать прямую темную тропу отсюда и до храма?

От этого вопроса холодок в груди стал отчетливее, но на моем лице отразилось лишь вежливое недоумение.

– Имеешь в виду коридор, созданный непосредственно на темной стороне?

– Тропу, – ровным голосом поправил Лойд, по-прежнему не сводя с меня пристального взора. – С некоторых пор коридоры сквозь сжатое пространство принято называть темными тропами. А тропы, которые начинаются и заканчиваются на темной стороне, принято называть прямыми.

Я мысленно пожал плечами: тропы так тропы. Хотя, по-моему, термин «коридор» лучше отражает суть того, что происходит.

А вслух нейтральным тоном заметил:

– Я слышал, что такие бывают. Но пока не видел, чтобы кто-то из магов ими пользовался.

Ну да. На себя я во Тьме не смотрю, а Палач, разумеется, не в счет.

– Само собой, – фыркнул Лойд, а потом неожиданно расслабился. – Они, конечно, хороши – по ним можно ходить на любые расстояния. Но внутри них время ведет себя как больное,

так что никто не суется туда без острой необходимости. Мне как-то довелось увидеть дурака, который прошел такой тропой на спор. Так вот, нырнул он туда двадцатилетним парнем, а вывалился обратно столетним стариком, от которого, к тому же, разило безумием. Ничего так цена за выигрыш, да?

Я благоразумно промолчал.

Что ж, с безумием я уже был неплохо знаком, и оно меня не пугало. А насчет возраста… пока особых изменений я в себе не замечал. В зеркала, правда, смотреться не любил, но Йен бы обязательно всполошился, если бы на моей физиономии вдруг проступили дополнительные морщины.

– Уверен, что потянешь такое расстояние? – вдруг безо всякого перехода осведомился Лойд, кинув полный сомнения взгляд на далекие шпили храма.

Я хмыкнул.

– Не был бы уверен, не предлагал.

– А если тварь еще здесь? И захочет поучаствовать в погоне?

– Ты за этим проследишь. И крикнешь, чтобы я вернулся в реальный мир, если станет совсем жарко.

Лойд еще раз смерил взглядом расстояние от нас до Управления, потом до храма. Беспокойно покосился на подозрительно притихших гулей. Прошелся мимо меня туда-сюда, о чем-то задумался, что-то подсчитал. А затем наконец, обронил:

– Рискованно, Рэйш. Очень.

– Знаю. Но я готов попробовать, если ты прикроешь мне спину.

– Одному мне за всем не уследить: слишком много переменных. Хотя… пойдем, – вдруг встрепенулся маг и заметно посветлел лицом. – Кажется, я знаю, кто нам с этим поможет.

* * *

– Вы оба ненормальные! – с нескрываемым раздражением пробормотала Триш, протопав мимо нас по направлению к храму. – Это ж надо было до такого додуматься! Я еще понимаю мастер Рэйш – о вас я сегодня уже досыта наслушалась, но чтобы мой мудрый и осторожный наставник вдруг пошел у кого-то на поводу…

Она сердито всплеснула руками и, надвинув на лицо «очки», укорила шаг. А мы с Лойдом понимающе переглянулись, после чего он нацепил на нос второй прибор и, прежде чем отойти на заранее оговоренную позицию, философски пожал плечами.

– Женщины…

Я терпеливо дождался, когда между нами останется шагов тридцать, и тоже приготовился. Плащ, чтобы не мешал при беге, я заранее оставил в холле, а шляпу передал под личную ответственность Норриди. Йен, естественно, эту авантюру не одобрил, но Лойд с таким уверенным видом пообещал, что все риски возьмет на себя, что тот в конце концов все же отступился.

Да, стоять в одной куртке посреди продуваемой всеми ветрами площади было глупо, но мороза я почти не чувствовал: холод темной стороны так давно и глубоко пробрался мне под кожу, что оттого, что теперь его стало чуточку больше, хуже я себя не почувствовал.

Где-то через четверть свечи Хелена наконец добежала до храма и, заскочив на крыльцо, помахала оттуда рукой.

Так, один наблюдатель готов.

Чуть позже Лойд добрался до своего наблюдательного пункта, который мы решили разместить примерно по центру площади, чтобы маг в равной степени мог уследить и да зданием УГС, и за соседними домами, и за неведомой тварью, если та вдруг надумает объявиться. Ну и чтобы я его, естественно, мог увидеть, потому что никакой крик на темную сторону, разумеется, не дойдет.

Отлично. Второй наблюдатель тоже на месте.

Йена на улицу мы по понятным причинам не пустили. Третьего прибора столичные гости с собой не привезли, так что бедняге ничего не оставалось, как следить за происходящим через окно и грызть ногти от беспокойства.

– Пошел! – наконец крикнул через всю площадь Лойд и я, поплевав на ладони, решительно скользнул во Тьму.

Переход на этот раз получился быстрее и гораздо легче, чем обычно – я словно под лед провалился, одним махом перейдя на другой слой реальности. Правда, быстро сориентировался, встряхнулся. Ну а уж нагнуться и подхватить валяющиеся под ногами тела было делом техники, после чего мне оставалось только сорваться с места и под яростную жестикуляцию Лойда со всех ног кинуться к храму.

Да, эту часть плана я в последний момент слегка изменил и прихватил с собой не один, а сразу два трупа. Нести их оказалось не столько тяжело, сколько неудобно. Но вот беда – дохлые гули отменно смердели. А я даже нос не мог прикрыть, потому что обе руки оказались заняты.

Где-то на двадцатом прыжке у меня за спиной послышалось беспокойное шевеление, а затем и взволнованное курлыканье. Но оглядываться я не стал – некогда. Тут слегка отвлечешься, как

споткнешься о какую-нибудь деревяшку, кувырнешься в сугроб и, чего доброго, сломаешь ногу. А без ноги на темной стороне даже очень хорошему магу делать нечего. Так что я лишь перехватил увесистых тварей поудобнее и прибавил ходу.

К счастью, расчет оказался верен, и большинство гулей так и не осмелилось покинуть безопасное место. Однако кое-кому присутствие неизвестного убийцы показалось недостаточно веской причиной, чтобы отказаться от славной трапезы, так что сразу несколько крысюков, помедлив некоторое время, все же спрыгнули с крыши и, учуяв запах человека, ринулись в погоню.

Скосив глаза на отчаянно жестикулирующего Лойда, я увидел четыре пальцы и мысленно ухмыльнулся.

Всего четверо… не так уж много для темного мага.

Ах нет… кажется, ещё двое гадов успели проголодаться. Итого, шестеро. Но если учесть, что гулей здесь собралось больше сотни, это был наилучший из всех возможных вариантов.

Прикинув на глазок расстояние до храма, возле которого информацию о преследователях честно дублировала Триш, я мысленно перевел дух.

Успею.

Бежать все ещё было нетрудно, насчет быстро убывающих сил Лойд тоже изрядно преувеличил – я мчался так, что ветер свистел в ушах, а дома на краю площади слились в одну смазанную полосу, и не чувствовал усталости. Потом я, конечно, свалюсь и какое-то время буду совершенно недееспособен, но сейчас мне даже дышать глубоко не требовалось – телу, которое толком не живет, дополнительного питания не требовалось.

Или, думаете, нежить просто так здесь такая шустрая?

Впрочем, поймав на мгновение взглядом растерянно вытянувшуюся, поразительно быстро приближающуюся физиономию Триш, я со смешком подумал, что, пожалуй, способен сейчас потягаться в скорости даже с темными тварями. Палач с его удивительными талантами мне, конечно, оказался не по плечу, а вот гули – да, с ними я, пожалуй, мог побороться на равных.

Увы. Стоило проявить некоторую толику самодовольства, как толстяк Абос неожиданно решил от меня отвернуться. Примерно за сотню шагов до крыльца одна из волокущихся по земле туш зацепилась за что-то когтями, и я прямо на бегу споткнулся, едва не пропахав носом слежавшийся снег. Хорошо, хватило ума выпустить мешающуюся ношу, чтобы вовремя сгруппироваться. Но даже так меня отшвырнуло на несколько шагов вперед, лихо перевернуло через голову и с силой приложило коленом о наст.

Твою мать!

– Ремос, старина, да что ж ты делаешь, а?! – с досадой прошипел я, проворно вскакивая на ноги. А затем обернулся, увидел несущихся во весь опор шестерку тварей, крепко выругался и, прихрамывая на правую ногу… ринулся им навстречу!

– Рэйш! Что ты творишь?! – шевельнул вдалеке губами Лойд, а его лицо исказилось от ярости.

«Успею», – упрямо подумал я, подбегая к брошенным трупам. После чего наклонился, рывком подхватил одну из туш и с хеканьем зашвырнул ее прямо в пасть подбежавшего гуля.

От удара тварь взвизгнула, кувырнулась в воздухе и, не выдержав столкновения с увесистым телом, с хриплым воем рухнула в снег. Не давая ей опомниться, я подбежал и с силой двинул башмаком облезлой крысе в висок, а пока ошеломленная нежить пыталась подняться, выхватил меч и одним ударом снес ей голову.

Снова нагнувшись и подхватив уже обезглавленный труп, я тем же испытанным приемом встретил второго подбежавшего гуля. А пока тот барахтался в сугробе, прямо на лету располовинил следующего, а затем повернулся к первому, чтобы избавить его от необходимости подниматься. И со злым удовлетворением отметил, что хотя бы в отношении низшей нежити Лойд был прав – они действительно тупые.

Следующую пару тварей мне пришлось встречать впопыхах, посреди залитого кровью поля, и потратить некоторое время, чтобы подловить их на ошибке. Какое-то время мы танцевали на утоптанном снегу, пару раз мне даже удавалось их зацепить, а однажды я и сам едва не подставился – ушибленное колено подвело. Но после недолгой немилости жабоподобный бог вновь повернулся ко мне лицом, и очень скоро заснеженную площадь украсили ещё два уродливых трупа.

Эх, сюда бы мою «секиру»…

С последним гулем тоже пришлось повозиться, потому что эта тварь оказалась намного более опытной, менее юркой и, как следствие, более осторожной. Однако когда с ней удалось, наконец, расправиться, с крыши конторы спрыгнули еще несколько радостно курлыкающих тварей и, не выдержав душераздирающего зрелища ускользающей добычи, тоже ринулись в погоню.

С трудом отыскав среди окровавленных тел те, ради которых все это и затевалось, я снова взвалил их на спину и что было сил припустил к храму. Но то ли на этот раз гули мне попались особенно резвые, а то ли ушибленная нога давала себя знать, но до спасительной зоны добраться мне уже не дали.

Когда до нее оставалось всего пара десятков шагов, Триш вдруг подпрыгнула и знаками показала, чтобы я бросал все и спешил к ней со всех ног. А потом и Лойд откровенно разнервничался и заметался по площади, как попавший в ловушку заяц. Что-то, кажется, даже прокричал, а затем так яростно замахал нам руками, что я поневоле встревожился.

Наверное, я ещё никогда в жизни так быстро не бегал, как в те бесконечно долгие несколько ударов сердца. Наплевав на боль, последние шаги я уже даже не бежал, а практически летел, слыша позади угрожающий хруст земли под когтями и жаркое дыхание за спиной.

Поняв по внезапно посеревшему лицу Триш, что все равно не успеваю, я прямо на бегу сбросил с плеча истекающую кровью тушу и отшвырнул ее подальше. А когда стало ясно, что и это не помогло и, как минимум, один гуль находится на расстоянии прыжка, я сбросил второй труп и, проворно отскочив в сторону, поднял на него свое единственное оружие.

Раскинувший лапы гуль, решивший именно в этот момент совершить бросок, буквально насадился брюхом на острие. При этом плешивая тварь оказалась так велика, что от мощного удара я не просто отступил – меня самым невероятным образом швырнуло навзничь. А смердящая туша еще и навалилась сверху, яростно щелкая слюнявой пастью, бешено толкаясь лапами и почти не обращая внимания на торчащие из спины полторы ладони закаленного железа.

С трудом увернувшись от гнилых зубов, я обхватил одной рукой мощную шею, прижимая хрипящую тварь к земле, а второй принялся остервенело кромсать мертвую плоть, заливая черной кровью лицо и рубаху. Но при этом с досадой отметил, как ещё одна троица тварей с огромной скоростью несется к месту схватки, откуда, что самое обидное, до спасительной зоны было уже рукой подать.

Нет. Похоже, уйти они мне отсюда не дадут. Вон, как спешат. Знают, гаденыши, что к храму им нет ходу, вот и торопятся, чтобы хоть одним зубом, но вцепиться в живую плоть.

Наконец, отчаянно дергающийся гуль захрипел и обмяк, умудрившись напоследок цапнуть меня за плечо. С трудом отпихнув тяжелую тварь в сторону, я почти сразу поднялся, но вынуть клинок не успел – видимо, Абос решил, что уже достаточно сегодня помог, и снова от меня отвернулся. Потому что испытанный в боях клинок в самый неподходящий момент застрял в кости; я, естественно, его бросил и торопливо поковылял к храму, но последняя троица гулей к тому времени оказалась до отвращения близко. И, когда я с облегченным

вздохом вывалился в мертвую зону, они не только не остановились, но ещё и к прыжку приготовились, видимо, рассудив, что игра стоила свеч.

Признаться, я несколько огорчился, обнаружив ошибку в собственных расчетах. Лойд, которого я на мгновение поймал взглядом, выразительным жестом схватился за голову. Триш, на удивление не испугавшись, спрыгнула со ступенек и бросилась на помощь, даже не подумав, что сейчас это бесполезно. Ну а я…

Я, полагаю, слишком долго раздумывал, не свалить ли мне отсюда подобру-поздорову, наплевав на конспирацию. И, наверное, только поэтому успел заметить мелькнувшую на краю сознания смазанную тень – приземистую, чем-то похожую на детский мячик или клубок спутанных ниток, и услышать необычный звук, похожий на щелканье невидимых четок.

Щелк… щелк-щелк…

Признаться, когда прямо у меня на глазах снежный настил под одной из тварей беззвучно раскрылся, выпустив в густом облаке снега это нечто, я самым настоящим образом оторопел. А странная тварь, буквально на долю мгновения мелькнув у меня перед глазами, мазнула парочкой полупрозрачных «нитей» по шее ничего не подозревающего гуля и тут же исчезла.

Да-да. Просто раз – и ее не стало, тогда как мчащийся во весь опор зверь неожиданно споткнулся и, лихо кувыркнувшись через голову, с придушенным воплем рухнул, пропахав в снег приличную борозду.

Всего через один удар сердца такой же беззвучный взрыв раздался под лапами второго, а миг спустя и третьего гуля. Прямо на моих глазах они один за другим зашатались и рухнули в сугроб. А когда накрывшая их с головой снежная дымка рассеялась, на площади снова никого не было. Только Триш беззвучно развевала рот, пытаясь поверить в то, что мы сейчас увидели, да растерянно замерший Лойд так и держался за голову, переводя диковатый взгляд с издохших гулей на такого же обалдевшего меня.

Глава 6

– Так тебе и надо, – мстительно заметил Йен, накладывая на рану последний стежок. – Жаль, что тебе всю руку не откусили, тогда, может, ты бы запомнил, где следует остановиться.

Я неохотно приоткрыл один глаз.

Плечо уже почти не болело, так что можно было обойтись и без штопки. С коленом тоже ничего страшного не случилось – завтра буду как новенький. Но если уж Норриди что-то вбил себе в голову, то переубедить его никому не удастся. Так что пришлось смолчать и позволить ему воткнуть в меня иглу.

– На, одевайся, – буркнул он, когда с раной было покончено, а на плечо легла тугая повязка.

Я с сожалением проводил глазами безнадежно испорченную одежду, которая отправилась в мусорную корзину, и, мысленно скривившись, натянул на себя запасную рубаху Йена. Рукава у нее оказались чересчур длинными, в груди немного жало, но лучше уж так, чем смущать голым торсом единственную даму или подвернуться пристальному осмотру со стороны ее наставника, только-только поднявшегося в кабинет.

– Как все прошло? – спросил я, когда заметил, что Лойд не только вернулся, но и внимательно изучает шрамы на моей коже.

Маг вместо ответа продемонстрировал нам пустой пузырек.

Да, я прекрасно помнил, что на темной стороне магам категорически не рекомендовалось оставлять ни волосы, ни обрывки кожи, ни тем более кровь. Как и то, что остатки живой плоти прекрасно уничтожались огнем или обыкновенным растворителем, о котором я недавно вычитал в дневнике учителя и тоже теперь носил при себе.

Другое дело, что после того, как я перед уходом шепотом принес Фолу небольшую жертву, об этом можно было не беспокоиться. Но я же не мог сказать, что Лойд зря на целый час задержался на темной стороне, чтобы облить этой дрянью землю? Как не мог попросить его отвернуться, ибо никаких божественных символов на моем теле увидеть ему было не дано.

– Тварь больше не объявлялась? – на всякий случай уточнил Йен, когда мы с магом обменялись понимающими взглядами, и Лойд, качнув головой, опустился на стоящий рядом стул.

– Я не видел. А гули как забились на крышу, так оттуда до сих пор не слезли, так что мне никто не мешал.

– Так что же там все-таки произошло? – отерев ладони, присел на подоконник Йен. – Что это за тварь и почему она вас не тронула?

– Что за это такое, мы пока не знаем – я никогда ничего подобного не видел, – ровно отозвался маг. – Нас с Триш она не заметила, потому что мы находились в реальном мире. А вот Рэйшу сегодня крупно повезло.

Я подхватил со стола шляпу и, нахлобучив ее на голову, плюхнулся на соседний стул.

– Боги не любят, когда их тревожат по пустякам. Они и живых-то не особо жалуют, а уж если в двери храма стучится нежить… так что да, мне повезло. Зато образцов для изучения мы получили предостаточно.

Йен неприязненно покосился в мою сторону.

– Даже спрашивать не буду, каким местом ты думал, когда планировал эту дурацкую операцию. Но буду благодарен, если после окончания работ вы вышвырнете эту падаль подальше и больше никогда не вспомните, что я по доброй воле на это согласился.

– Можем трупы на площади сжечь, – предложил я. – Под веселые пляски, радостный свист толпы и торжественные песнопения жрецов.

– Заткнись, Арт. Сейчас не время для твоих шуточек. Скажи лучше, оно того стоило? Вы хоть что-нибудь полезное там нарыли?

Мы с Лойдом быстро переглянулись.

– Можно сказать, что нарыли, – признался я, натягивая на себя куртку и снова усаживаясь за стол. – Правда, саму тварь я толком не разглядел. Но мне показалось, что какое-то подобие лап у нее все-таки есть. Еще она очень маленькая, примерно с мой кулак, и действительно очень быстро передвигается. Я бы даже сказал, слишком быстро для обыкновенной нежити.

– Почему она убивает именно таким способом, тоже не совсем понятно, – мрачно добавил маг, усаживаясь на соседний стул. – Раны на трупах одинаковые. Одна и та же ширина, ровные края… их явно нанесли не зубами, а когтями. Только тварь почему-то ими не режет, что было бы логичнее, а колет. Как копьем.

Я кивнул.

– И это при том, что длина когтей у нашего убийцы не самая подходящая.

– С чего вы решили? – встрепенулась устроившаяся в кресле Йена Триш, которая, хоть и не умела ходить на темную сторону, но следила за нашими действиями с помощью «очков». При этом, разумеется, не слышала, о чем мы говорили, и поэтому, похоже, не во всем разобралась.

– На каждом трупе мы нашли по две раны. Одинаковой

ширины, глубины и располагающихся друг напротив друга: одна на горле, вторая на загривке. А это значит, что рабочих когтей у нашей твари, как минимум, два. Но оба довольно короткие. И действует она ими одновременно. Вот так…

Я вытянул указательные пальцы на руках и быстрым движением свел их вместе. Так, чтобы кончики фаланг на мгновение соприкоснулись.

– Это неудобно для существа таких размеров, – одобрительно кивнул Лойд, который один из трупов вскрывал собственноручно. – Неудобно, в первую очередь, чисто технически, ведь к гулю ещё надо суметь подобраться. А они – твари пугливые, чуткие. Тем не менее, когда мы осматривали место убийства, следов борьбы нигде не было. Значит, тварь не только быстра, но, скорее всего, не имеет отчетливого запаха и, к тому же, умеет неплохо маскироваться. А еще, возможно, передвигается не только по снегу, но и под ним. Роет норы, прогрызает ходы…

«Или же создает прямые тропы, как Палач», – добавил я про себя, но вслух, конечно, ничего не сказал. В отчетах об этом не упоминалось, и мне показалось преждевременным сообщать столичным коллегам, что полученная ими информация, мягко говоря, неполна.

– Может, она использует когти таким образом не потому, что это удобно? – неожиданно подала голос Триш.

Мы посмотрели на нее с удивлением.

– Обычно гулей действительно убивают, отсекая голову, – напомнила девушка. – В любом учебнике об этом написано. Как вариант – можно разрубить туловище, после чего гуль, конечно, сразу не умрет, но ослабнет. А если его не добить, то вскоре он будет съеден собственными сородичами.

– Но у нашего убийцы короткие когти, – запоздало сообразил я. – Перерубить шею с одного удара ими не получится, поэтому тварь ломает гулям всего один позвонок.

Триш кивнула.

– И рассекает дыхательное горло…

– Ну, это лишнее – гули ведь не дышат в полном смысле этого слова.

– Но тварь-то об этом может не знать, – возразила девушка, заработав в моих глазах несколько дополнительных баллов. – Вряд ли она читала наши учебники.

– Зато, если она пришла сюда из других краев, то, может, просто привыкла так охотиться? – предположил Норриди. – Есть в вашей классификации какие-нибудь монстры, которых следует убивать именно таким способом?

Триш фыркнула.

– Да сколько угодно. Мороки, например. Или болотные слизни.

– Что ещё за мороки? – с подозрением осведомился Йен. – В наших краях такие водятся?

– Нет. Мороки – это гигантские змеи, которые предпочитают прятаться среди барханов. Они – пустынные жители и в здешних снегах вряд ли сумели бы выжить.

– То есть, темная сторона не везде такая, как у нас?

– Нет, конечно, – усмехнулась Триш. – Она лишь старит местность, придает вещам ветхость, но на климат практически не влияет. Если у вас зима, то и на темной стороне будут лежать сугробы до колена. А если ты окажешься посреди пустыни, то ничего практически не изменится. Разве что жарче станет, да скорпионов прибавится.

Гм. Начитанная девочка. Вот только Ниро рассказывал совсем по-другому.

– Так. Ладно, – по-настоящему заинтересовался Норриди. – А что насчет слизней?

– Я их только на картинках видела, – недолго поколебавшись, призналась девушка и, прикрыв глаза, без запинки продекларировала: Класс – низшие, подтип – беспозвоночные. Встречаются чаще в средней полосе, вблизи болот. И внешне похожи на комок слизи с доброй дюжиной щупалец, которыми они шарят под водой поисках добычи.

– Что, прямо уж так и ровно дюжина? – с едва уловимой насмешкой уточнил Йен, когда она снова открыла глаза и вопросительно на него посмотрела.

– Ну, может, и меньше. В книгах где как написано. Но больше, чем дюжина, я в описании не встречала.

Гм. А я встречал. Ну да не суть важно.

– А почему их можно убить только одним ударом? – снова спросил Йен, когда я с равнодушным видом отвернулся.

– Потому что у слизней нет головы и всего один нервный узел, который располагается в глубине тела. Щупальца рубить бесполезно – они быстро отрастают, да еще иголки ядовитые имеют на концах.

Угу. А еще эти твари шустры сверх меры, умеют ловко нырять и часто набрасываются на свои жертвы именно под водой, опутывая их щупальцами. И хоть сами по себе слизни не слишком велики и охотились, в основном, на некрупную добычу, плавать на темной стороне все равно не рекомендовалось.

Но в целом девочка ответила правильно. Хоть она и не умела пока ходить на темную сторону, но подковал ее Лойд неплохо.

Чувствуется выучка, с теорией у нее тоже дела обстояли довольно сносно. Главное, чтобы она потом на практике не растерялась, иначе грош цена всем этим книжным знаниям.

– Так, коллеги… вам не кажется, что уже довольно поздно? – громко поинтересовался я, заметив, что Норриди чересчур пристально уставился на даму и уже собрался открыть рот для очередного вопроса. – С учетом того, что скоро начнет светать, предлагаю всем разойтись по домам, а остальными делами заняться потом. Все равно ваши бумажки никуда не убегут.

Триш встрепенулась, будто хотела возразить, но потом покосилась на наставника и быстро кивнула.

– Поддерживаю. День и впрямь был насыщенным. Да и вряд ли нас сегодня кто-нибудь потревожит.

Я слегка удивился такой покладистости, но потом обратил внимание, как сгорбился за столом непривычно молчаливый Лойд, и толкнул локтем несколько озадачившегося Йена. А тот, только сейчас сообразив, что столичный гость после всей этой беготни настолько умаялся, что вот-вот заснет, неловко кашлянул:

– Если хотите, можете устроиться здесь. Большинство кабинетов пустые. Подушки и одеяла тоже найдем – у нас тут нередко сотрудники остаются.

– Благодарю, – отчего-то отказалась девушка. – Но мы лучше на постоялый двор поедем. Ваш возница способен нас туда забросить?

– Конечно. Сейчас его разбужу.

Триш благодарно кивнула. А едва Норриди ушел, осторожно потеребила наставника за плечо, а когда тот открыл глаза и виновато улыбнулся, протянула ему плащ.

– Пойдем спать, Ос. Мы на сегодня закончили.

Я проследил за тем, как они поднимаются из-за стола, как собирают остальные вещи и вместе уходят, по пути о чем-то вполголоса разговаривая. Прислушался к медленно удаляющимся шагам Лойда. Затем выглянул окно, чтобы убедиться, что Чет успел подогнать ко входу казенный экипаж. Наконец, проводил глазами исчезающий в темноте кеб и вопросительно посмотрел на вернувшегося Норриди.

– Ну? И как тебе наши гости?

Йен плюхнулся на свое законное место и, взъерошив густую шевелюру, странно улыбнулся.

– Нормально, работать можно. А тебе?

– Честно говоря, пока не решил.

– Что ж так? – рассеянно переспросил он. – Неужели испугался конкуренции?

Я вопросительно приподнял одну бровь.

– Разве похоже, что я чего-то испугался?

– Да что у тебя за привычка отвечать вопросом на вопрос? – вдруг поморщился Норриди, выдвинув верхний ящик стола и достав оттуда небольшую фляжку. – Знал бы ты, как она меня раздражает!

Я только фыркнул.

Знал бы он, сколько меня раздражает в людях по жизни! Как много среди них тех, кого я вообще не хотел бы видеть, и тех, от кого я бы с огромным удовольствием избавился…

– Ты домой или тут переночуешь? – через некоторое время снова спросил Йен, с чувством хлебнув из фляжки и аж причмокнув от удовольствия.

– Ни то, ни другое. Мне еще надо поработать.

– Ночь же на дворе, – удивился Норриди, но я только улыбнулся.

– Вот именно.

После чего подхватил со спинки стула плащ и, успев услышать напоследок протестующий вопль, мгновенно провалился во Тьму. Туда, где даже глубокой ночью царили мягкие сумерки и где меня, как и все предшествующие дни, ждали неотложные дела.

* * *

– С добрым утром, – с мрачным видом сообщил Йен, когда вскоре после полудня я переступил порог его кабинета. – Долго дрыхнешь, Рэйш. Мы тебя уже заждались.

Я кивнул Лойду, жестом поприветствовал стоящую у окна даму и, бросив на спинку стула мокрый плащ, с удовольствием сел.

Кажется, гостям пошел на пользу недолгий отдых. Лойд выглядел намного лучше, чем несколько часов назад, и вновь казался снова собранным и бодрым. Триш была задумчивой и слегка рассеянной. И только Норриди выглядел расстроенным, хотя ни одной видимой причины этому я не нашел.

– Что-то ты частенько стал ночевать вне дома, – укорил меня Йен, когда я вытянул ноги и со сладким хрустом потянулся. – Вчера тебя найти не могли, сегодня Чет опять не достучался… Неужто у тебя наконец-то случились перемены на личном фронте?

– Завидуешь? – флегматично отозвался я.

– Кому? Твоей подружке? Напротив, сочувствую бедной леди,

которой каждое утро приходится лицезреть такой кошмар.

Я, не сдержавшись, зевнул.

– Пора бы и тебе кого-нибудь завести. Может, тогда перестал бы походить по утрам на оголодавшего гуля.

– Вот только от тебя мне советов не хватало, – неожиданно огрызнулся начальник, стрельнув глазами в сторону Триш. – В отличие от некоторых, я всю ночь работал, а не развлекался!

Я поднял на него красные от недосыпа глаза.

– Йен, ты чего такой злой?

– Триш вчера случайно «очки» забыла на подоконнике, – вместо него отозвался Лойд. – А любопытство, как известно, до добра не доводит, вот господин Норриди и придумал себе работу до самого утра.

– И что случилось?

– На. Полюбуйся, – с раздражением буркнул Йен, и мне на колени прилетел упомянутый прибор.

Я удивленно крякнул, но все же подошел к окну и, потеснив Триш, поднес «очки» к глазам.

Как и вчера, я явился в Управление одним большим прыжком через темную сторону, поэтому о том, что творится на улице, не имел ни малейшего понятия. Для пеших прогулок по городу я слишком устал, кеб за мной, разумеется, не прислали, а хранилище для трупов было на редкость удобным местом, куда я мог переместиться быстро и не привлекая к себе внимания.

От гулей его прикрывали неплохо сохранившиеся перекрытия первого и второго этажа. Эти же самые перекрытия оказались непроницаемы для волшебного прибора, в чем я вчера успел убедиться. Плюс на дверях «холодильника» стояла приличная защита, так что я, создавая прямые тропы, совершенно ничем не рисковал.

Однако Йен выглядел по-настоящему встревоженным. И всего через пару мгновений я наконец понял, что его так довело.

На безлюдной площади перед зданием двумя рядами лежали наполовину занесенные снегом тела.

В вертикальном ряду, судя по более толстому слою снежного покрова, находились более старые трупы – видимо, те, что мы обнаружили вчера. А чуть выше находились все остальные. Кем-то старательно уложенные в одинаковые позы, причем так, что вместе мертвецы образовывали стилизованную букву «Т».

Тихо присвистнув от удивления, я быстро пересчитал гулей.

Четыре снизу, десять сверху…

Выпавший за ночь снег, конечно, сгладил следы и припорошил кровавые пятна, однако отметины от борозд, оставшиеся после того, как тела притащили сюда, все еще хорошо

просматривались.

– Надо же, как интересно…

– Мне вот уже ни капельки неинтересно, – нервно пробормотал Йен. – Эта сволочь действительно над нами издевается. Да ещё и послания составляет, хотя кто-то вчера нас уверял, что у нее мозгов на это не хватит!

Проигнорировав ворчание друга, я отнял от лица «очки» и повернулся к Лойду.

– Ты на улицу сегодня выходил?

– Имеешь в виду темную сторону?

– Да.

– Я что, похож на идиота? – сухо поинтересовался маг. – Но трупы осмотрел, если ты об этом. И почти уверен, то это именно те твари, которые успели вчера добраться до храма. В том числе и те, которых убил ты.

Хм. В принципе, это было возможно – вчера перед уходом с темной стороны мы с Лойдом поднапряглись и вышвырнули трупы за пределы мертвой зоны. Заметили бы когда-нибудь беспорядок боги – вопрос, конечно, спорный, но как минимум один жрец мог увидеть наши художества. А мне бы не хотелось объяснять потом отцу Лотию, по какой причине мы намусорили у самого входа в божественную обитель, да еще и не убрали за собой.

– Действительно, очень интересно, – протянул я, снова повернувшись к окну. – Насколько я помню, парочке гулей я вчера отрубил головы… их наша зверушка тоже сюда приволокла?

– Во втором ряду лежат. С левого краю, – сообщила Триш, тоже поднеся к глазам прибор.

Я озадаченно повертел головой, но с такого расстояния трупы выглядели целыми.

– Она что их, по кускам собирала, что ли?

– А то! Я тут до рассвета проторчал, наблюдая, как она это делает, – неприязненно сказал Норриди. – Но все равно ни демона не понял, как и, главное, для чего эта тварь вообще надумала их здесь выложить.

– Честно говоря, это больше похоже на трофеи, – задумчиво уронил я, изучая мертвецов. – Но на кой ляд ей было притаскивать сюда всех?

Триш зябко поежилась.

– Может, она с нами играет?

– Не исключаю. Вопрос только – зачем? Йен… Йен! – повысил голос я, когда Норриди угрюмо промолчал. – Что ты видел, пока таращился сегодня в окно?

– Ничего, – буркнул тот. – Снежок взвился, снежок опал, и на

пустом месте возник новый труп. Еще через какое-то время на другом участке снежок взвился, опал, и у безголового гуля вдруг башка «приросла» на место.

– Тварь их по порядку выкладывала?

– Что? – сперва не понял Йен. Но потом все же сообразил, о чем именно я у него спрашиваю. – Не совсем. Сначала притащила тех, которых убил ты, а уже потом остальными занялась, укладывая их слева направо, будто это действительно важно.

– Хм. И сколько времени у нее ушло на каждый труп?

– Где-то по четверти свечи.

Я покачал головой и снова ненадолго обернулся.

– На десять тел у нее должно было уйти около двух с половиной свечей. Плюс еще полсвечи на другие тела. Ну, может, чуть больше или меньше с учетом того, что ты от волнения вполне мог ошибиться. Итого получается больше трех мерных свечей. Неужто ты все это время проторчал тут и ни разу не отлучился?

Йен неожиданно смешался.

– Ну, кто ж знал-то… вдруг она бы еще что-нибудь придумала?

Мда-а… зря, пожалуй, Лойд доверил ему «очки». Было бы лучше, если бы Норриди вообще никогда не узнал про темную сторону. А теперь, глядишь, и впрямь при первом удобном случае кинется прибор себе заказывать. А то может, и сон окончательно потеряет, решив, что угроза оттуда станет однажды такой же реальной, как все то, что происходит в обычном мире.

– Что теперь делать-то будем? – тихо спросила Триш, когда в кабинете воцарилось неловкое молчание.

Я с невозмутимым видом бросил Лойду прибор, вернулся на свой стул и хлопнул ладонью по колену.

– Как что? Завтракать, конечно!

– Ты что, больной? – мрачно посмотрел на меня Норриди. – Или тебя эта тварь совсем не беспокоит?

Я пожал плечами.

– Она там. Мы здесь. Ей не дано выбраться в этот мир, а мы можем сколько угодно долго не выходить в тот. Значит, серьезной угрозы нет. К тому же, ты забыл, что расследовать наши гости приехали совсем другое дело. Вот им-то я и предлагаю вам заняться, а обсудить детали можно и в процессе перебирания бумажек. Разве кто-то с этим не согласен?

На мне скрестились сразу пристальных взгляда, но из всех только у Йена он был еще и недоверчивым.

Да, работа темного мага порой грязна и опасна, но в ней есть и определенные преимущества. В частности, привыкнув к тому,

что, помимо этого мира, есть ещё и другой, который независимо от нашего желания живет своей собственной жизнью, со временем начинаешь проще смотреть на вещи. И, пока на темной стороне кто-то кого-то жрет, в этом вполне можно успеть сделать что-то полезное. Ну, или хотя бы перекусить.

Чем не философия?

– Я бы от тоже перекуса не отказался, – наконец усмехнулся Лойд, тем самым завершив так и не начавшийся спор.

– Не возражаю, – сдержанно улыбнулась Триш, откладывая в сторону «очки». И после этого Йену больше ничего не оставалось, как со вздохом подняться, крикнуть дежурящему внизу Чету и, отсчитав казенные золотые, отправить пацана в ближайший трактир.

Глава 7

Как и следовало ожидать, в архиве я долго не просидел и при первой же возможности слинял, предпочтя пыльным бумажкам прогулку на свежем воздухе.

Оказавшись на улице, я даже удивился – настолько там все преобразилось с того раза, как я выглядывал туда в последний раз. Как ни странно, но после полудня неожиданно распогодилось, затянутые тучами небеса впервые за две недели полностью очистились, а от бьющего прямо в глаза солнца я с непривычки аж зажмурился – настолько оно показалось мне ярким.

Смахнув с ресниц невольно выступившие слезы, я надвинул пониже шляпу и, прищурившись, окинул взглядом залитую светом площадь.

Народ, как и всегда, занимался своими делами. Подняв воротники, бежали по искрящемуся снегу многочисленные прохожие. Со свистом туда-сюда сновали покрытые инеем экипажи. Сзади к некоторым из них были прикреплены деревянные санки, а внутри сидела закутанная в меха молодежь, которой за счастье было с ветерком прокатиться по городу, несмотря на сильный мороз. Неподалеку от здания городской ратуши стайка детей устроила игру в снежки, и облепленные неопрятными комьями мальчишки с воплями носились вокруг сложенных из снежных глыб, старательно пытаясь выбить из-за импровизированных крепостей идейного противника.

При этом дети, как водится, были заняты исключительно собой, поэтому мало обращали внимание на то, что происходило вокруг. Неудивительно, что пешеходы, пряча улыбки, старались загодя обогнуть место эпопейной битвы. Опытные возницы мудро сворачивали в сторону. Но иногда кто-то из них все равно привставал на козлах и сердито грозил кулаком, потому что время от времени неосторожно брошенный снаряд все равно пролетал в опасной близости от лошадиных морд или же с грохотом врезался в карету.

Правда, недовольных среди пассажиров или прицепившихся к кебам «зайцев» я, пока наблюдал за этой возней, к собственному удивлению не заметил. Зато обратил внимание, что, как и вчера, к зданию Управления городского сыска люди старались не приближаться. Собственно, к нам и без того не стремились заглядывать в гости, однако в последние пару дней эта тенденция стала столь очевидной, что не заметить ее я просто не мог.

Если получше присмотреться, становилось видно, что люди

старались огибать даже то место, где неведомая тварь решила продемонстрировать свои трофеи. Трупы гулей никто из простых смертных не видел, на них никто не смог бы даже наступить. Тем не менее, протоптанные в сугробах дорожки упорно огибали подозрительное место, и ни один след не пролег к телам ближе, чем на пять-шесть шагов.

Водрузив на голову утащенные из кабинета Йена «очки», я принялся вытаптывать вокруг трупов свою собственную тропинку.

Гулей насторожить не боялся – что им ещё один призрак среди множества прочих? Так, лишняя тень над безмолвными снегами темной стороны. Ну а то, что тень вела себя не совсем обычно, им, скорее всего, было невдомек.

– Развлекаешься? – раздался сзади знакомый голос, когда я завершил вокруг мертвецов второй круг.

Подняв глаза на вышедшего из дверей Лойда, я невольно зацепил взглядом и облепивших верхнюю часть здания гулей.

Сидят, родимые. Ждут чего-то и даже не шелохнутся. Только провожают людей несчастными глазами и беззвучно разевают пасти, если кто-то оказывался достаточно близко.

– Пойдем, прогуляемся по городу, – неожиданно предложил маг, когда я уже собрался спросить, какого демона ему от меня нужно. – Хочу ещё разок взглянуть на то поместье Уэссесков. И сегодня мне для этого понадобится проводник.

Хм. Ему что, мало того, что я и так уже доложил в рапорте? Палача детально описал. Как оно все было, поминутно рассказал. Целых два раза. Даже подробную схему нарисовал, кто из нас и где находился в каждый конкретный момент времени. Со стрелочками. А ему все неймется. Или, может, в эту лысую голову пришла какая-то новая мысль?

Услышав скрип ворот и видев, как Чет выгоняет из конюшни уже запряженный гнедой лошадкой кеб, я мысленно вздохнул и, меся снег сапогами, направился к экипажу.

Эх. Значит, придется ехать – Лойд ведь не отстанет. А с учетом того, что он до сих пор не отказался от мысли отыскать пропавший перстень Ниро, мне и дальше придется соблюдать осторожность.

Забравшись в кеб, я к собственному недоумению обнаружил, что сегодня мы едем не одни – внутри уже находилась Триш, закутанная в такой же кожаный плащ, как у Лойда. Но, прежде чем я успел спросить, почему мы берем с собой девчонку, если приборов у нас только два, Лойд уже запрыгнул следом, Чет звонко щелкнул кнутом, и отдохнувшая за ночь лошадка бодро взяла с места, едва не опрокинув меня на сидящую напротив даму.

До поместья Уэссесков мы добирались в молчании. В присутствии Триш разговор почему-то не клеился, да и когда мы прибыли на место и втроем подошли к покосившейся калитке, обсуждать что-либо лично меня не тянуло.

– На темной стороне небезопасно, поэтому сперва пройдемся так, – сообщил Лойд, решительно заходя на территорию поместья. Триш молча последовала за ним, а мне оставалось равнодушно кивнуть.

Как захотят, так и будет. Хотя я тоже предпочел бы лишний раз не дразнить непонятную тварь, по крайней мере пока мы не выясним, что она собой представляет.

Гули, кстати, нам не мешали – когда мы прибыли, в окрестностях поместья не было ни одной твари, так что Лойду даже отпугиватель применять не пришлось. Видимо, загадочный убийца сумел напугать нежить так сильно, что даже в перенасыщенное магией место они предпочитали не соваться. Зато теперь я понимал, по какой причине в прошлый раз маг здесь не только быстро управился, но и, к моему удивлению, вышел отсюда живым.

Затем про протяжении почти двух свечей мы методично исследовали обгоревшие развалины, поочередно передавая друг другу «очки» и вычерчивая на снегу схему произошедшего. Но если Лойд планировал подловить меня на деталях, то зря – за прошедший месяц я подготовился к проверке основательно. И, поскольку с самого начала знал, что она обязательно будет, то привнес в свой рапорт максимум достоверности.

В частности, еще до того, как сжечь останки Ниро, я принес их сюда вместе с трупом Палача, от которого собравшиеся вокруг дома гуля прыснули, как крысы – от голодного волка. Даже изуродованный и абсолютно безобидный, древний монстр наводил на низшую нежить такой ужас, что я без помех сумел сделать все, что задумал, и только потом поджог окоченевшие трупы.

Уже по этой причине я мог без колебаний указать Лойду на те места, где якобы погиб мой не случившийся наставник. Нарисовал на земле примерную схему, как мы при этом двигались. Прямо в шагах вымерял и отметил расстояние, на котором от меня был Палач, когда добивал старика… да и вообще, перенести на новую местность нарисованную в уме схему острова, который за шесть с половиной лет я изучил как свои пять пальцев, было совсем несложно. Так что Лойд, если, конечно, у него была такая цель, при всем желании не смог бы подловить меня на вранье.

В мою пользу безусловно говорили остатки пепла, которые

нашлись именно в тех местах, где я оставил приметные камушки. А также сломанные стены, распиленные «секирой» балки, разрушенная кладка и все те характерные следы схватки, которые я очень постарался сделать реалистичными.

Снять слепок аур, благодаря усиленному магией фону, следователям, правда, не удалось, но и без того, как я надеялся, картина выглядела достоверной.

Когда мы закончили, и Лойда удовлетворил полученный результат, Триш, завладев на время «очками», что-то пометила карандашом в прихваченном из Управлении блокноте. После чего маг поманил нас обоих пальцами и, собрав в кружок, задал совершенно неожиданный вопрос:

– Коллеги, нравится ли вам это тихое и замечательное во всех отношениях место?

У девушки от удивления на мгновение пропал дар речи, а я, недоверчиво кашлянув, по привычке задал встречный вопрос:

– Нравится в качестве чего?

– В качестве ловушки для одной знакомой твари, – оскалился Лойд, и вот тогда на лице Триш проступило понимание.

Я же, прищурившись, по-новому оглядел истоптанные нами развалины.

А что? Идея очень даже неплохая. Высокий магический фон, держащийся не только в этом, но и в потустороннем мире, сделает незаметными любые артефакты и прикроет собой даже активные знаки, которые мы могли бы использовать против нежити. Благодаря ему же, у нас появится возможность использовать более серьезную магию, в том числе и вербальную, не боясь при этом крупно наследить или привлечь в город дополнительную нежить.

Ну конечно. Я ведь в прошлый раз ауру здесь и так капитально испортил. Вокруг этого места воздух буквально пылал, причем неделями, так что за прошедший месяц все твари в округе должны были увидеть зарево над городом и явиться проверить, какой болван оставил им такую большую и яркую подсказку.

Однако за целый месяц никто по-настоящему так и не надумал нас навестить. Скорее всего, не потому, что всем было наплевать или голодной нежити на болотах не осталось. Просто Палач охотился в этих местах на протяжении нескольких десятилетий. Так что, даже если здесь и обитала когда-то высшая нежить, то или сбежала от греха подальше, или же Палач попросту ее уничтожил. И в последнее, честно говоря, верилось скорее.

– Ну, что думаете? – снова спросил Лойд, когда молчание

несколько затянулось.

Я встряхнулся.

– Что ты предлагаешь?

И вот тогда маг ухмыльнулся и, хлопнув меня по плечу, бросил:

– Сейчас покажу.

Вырвав из блокнота Триш чистый листок, он уселся на вывороченный из земли кусок кладки и, схематично набросав очертания поместья, принялся быстро наносить на нем новые пометки.

Сама мысль превратить пустое пространство перед домом в одну большую ловушку мне невероятно понравилась. Деревьев здесь было совсем немного – я как-то упоминал, что за садом бывший хозяин поместья не следил. Выложенные камнями дорожки тоже никому не мешали, тем более что на темной стороне они выглядели вовсе не так аккуратно, как здесь. Руины дома, само собой, должны были остаться в стороне. А перенасыщенный магией воздух существенно облегчал работу со знаками, что делало бывшее фамильное гнездо Уэссексов просто идеальным местом для наших целей.

Набросанная на другом листке и наложенная на первый руническая схема показалась мне, правда, нереально сложной. Но, думаю, лишь потому, что я прежде не имел дела с демонами и, соответственно, никогда не готовил на них ловушек. А вот у Лойда подобный опыт был, и, если мы сумеем отыскать правильную приманку, то выловить проворную тварь будет не так уж сложно.

Вопрос о том, чем именно ее заманивать, мы пока оставили на потом. И ещё почти на свечу погрузились в споры по поводу знаков, рун, уровня защиты и того, стоит ли рисковать, используя на темной стороне вербальную магию. В итоге сошлись на том, что для крайнего случая нужно готовить и то, и другое. Даже накидали примерный список того, чем можно будет воспользоваться. А когда мы почти закончили, на улице появился еще один экипаж и оттуда, торжественно размахивая какой-то бумажкой, с радостным видом выпрыгнул Йен Норриди.

– Господа, я добыл разрешение на взлом комнаты Ниро! – сообщил он и, кивнув зябко дующему на ладошки Чету, толкнул скрипучую калитку. – Бургомистр его почти три недели мурыжил, но все-таки подписал!

Триш окинула раскрасневшегося Йена одобрительным взглядом, Лойд удовлетворенно кивнул, а я поправил сползшую на лоб шляпу и вполголоса заметил:

– Естественно. Потому что, если бы он протянул с этим

немного дольше, ты бы его наверняка убил.

* * *

Загадочный артефакт, о котором ходило столько слухов, я сегодня увидел впервые и, признаться, остался несколько разочарованным. Невзрачный камушек, похожий на отполированный кусок булыжника, вот собственно и все, что он собой представлял.

В магическом плане он, правда, выглядел несколько иначе, но даже испускающий слабое радужное сияние, этот сомнительный осколок все равно не стоил столько, сколько, по слухам, заплатила за него городская казна.

Одно радовало – привязывался артефакт к лишь одному конкретному человеку – доверенному лицу, которое назначал и за которое лично отвечал перед Орденом каждый бургомистр. При этом, пока владелец был жив, бесценный камешек оберегал его от любых проявлений магии, обеспечивая тем самым почти идеальную защиту. В случае кражи убивал вора без суда и следствия прямо на месте преступления. При попытке физического воздействия как на сам камень, так и на его владельца, мгновенно отправлял сигнал в ближайшее отделение УГС, а в случае смерти хозяина утрачивал свои свойства, и после этого его можно было смело отправлять на свалку.

Разумеется, наличие у властей универсальной отмычки уже не первый год будоражило умы магического сообщества. Первое время многие шли на ухищрения, приобретая недвижимость на подставных лиц, создавая тайники за пределами городов, а простые люди даже отказывались от услуг магов из опасения, что в случае чего их дома могут быть вскрыты за долю мгновения.

Однако во-первых, как и всегда в подобных случаях, существовала довольно большая прослойка населения, которая не попадала под закон «Об ограничениях магической защиты личного имущества». А во-вторых, за десять лет, что в Алтории существовал этот закон, ещё не случалось такого, чтобы артефакты были похищены или использованы не по назначению.

Орден вообще крайне щепетильно относится к собственной репутации. И при всех его минусах я не мог не уважать его за это. К тому же, прекрасно понимал необходимость доступа в магические защищенные помещения, особенно в случае, если там было совершено преступление. Но сам закон при этом при не одобрял. Поскольку являлся, так же как и мастер Ниро, непривилегированным… проще говоря, не состоящим в рядах

Ордена магом. И не больно-то радовался мысли, что в мое жилище в любой день и час мог войти посторонний.

В Верле носителем драгоценного артефакта являлся не кто иной как племянник бургомистра: господин Дидье Вьен – неулыбчивый тощий парнишка, который прибыл вместе с Йеном и двумя амбалами из числа личной охраны главы города. Я его прежде видел только мельком – мне его персона была надобности. Да и сейчас он интересовал нас лишь потому, что без него мы не могли открыть комнату мастера Ниро.

Прибыв на улицу Седых Моряков, мы всей толпой поднялись на второй этаж, и под нашими любопытствующими взорами паренек без труда открыл злополучную дверь.

Вся процедура заняла три удара сердца, пока пацан выуживал из-под рубахи подвешенный на цепочке камень и трясущимися руками прикладывал его к нужному месту. После этого защита исчезла. Амбалы, подхватив мальца под локотки, тут же уволокли ценного члена общества и укатили восвояси. А мы, обменявшись скептическими взглядами, наконец-то зашли в святая святых и недоверчиво огляделись.

Да, признаю – царящий в комнате старика кавардак совсем не придавал его памяти уважения или трепета. Валяющиеся под ногами тряпки, толстый слой пыли на полках, немытые окна, давно не меняное белье на постели… должен признать, при жизни мастер Ниро был не самым аккуратным магом. Но все же он был своим, темным, да и к тому же спас мою шкуру, поэтому, остановившись на пороге, я не стал брезгливо морщится, а лишь молча отдал дань этому странному человеку.

– Это что, его дневник? – кривясь от скверного запаха, осведомилась Триш и пальцем указала на пылящуюся на столе тетрадь.

Лойд, переступив через кресло, наклонился над столом, ногтем подцепил обложку и… отшатнулся, когда тетрадка вдруг вспыхнула, а над ней ненадолго проступила огненная надпись.

– «Тьма над тьмой дает свет», – озадаченно прочитал Йен, на всякий случай отступив от стола подальше. – Это что, пожелание? Напутствие? Совет?

Тетрадка вскоре прогорела, оставив на столе кучку бесполезного праха, Лойд с напарницей недоуменно переглянулись. И никто… совершенно никто не взглянул в сторону выхода, чтобы увидеть мое окаменевшее лицо.

Когда огонь погас окончательно, Лойд, поколебавшись, все-таки вернулся к столу, проверил беспорядочно наваленные на нем бумаги и по очереди выдвинул старые, рассохшиеся от времени ящики. В двух из них оказались личные вещи Ниро,

которые мага совершенно не заинтересовали. А вот над третьим Лойд удивленно крякнул и ненадолго завис. А когда все же развернулся и показал то, что так его удивило, я впал в шоковое состояние повторно, потому что на ладони чужака лежало не что иное как кольцо… массивный серебряный перстень-печатка, при виде которого мне вдруг остро захотелось протереть глаза, потому что то, что я видел, было попросту невозможно.

– Он мертв, – сухим бесстрастным голосом сообщил Лойд, достав из того же ящика клочок пожелтевшей бумаги и прочитав то, что на нем было написано. – «Палач мне не по зубам, но узреть его – дело всей моей жизни. Иллюзий по данному поводу не питаю, поэтому вестник уже отправлен. Все, что тут осталось, завещаю городскому сыску. А тому, кто это читает, ловить больше нечего. У.Н».

– Предсмертная записка? У мага Смерти?! – несказанно удивилась Триш, когда маг умолк и, хмурясь, повертел кольцо в руках. – Неужели перстень действительно пустой?

Лойд кивнул.

– Абсолютно. Я даже не могу определить, что и когда в нем было. Но монограмма та самая. Личная метка не тронута. Похоже, Ниро под конец жизни окончательно свихнулся от жадности и решил никому не оставлять свое наследство. Но все же проверь полки, Триш. Вдруг там найдется что-нибудь ценное?

Не дожидаясь, пока чужаки начнут обшаривать чужую комнату, я махнул Норриди и вышел, чувствуя себя потерянным и каким-то больным.

Ниро все предусмотрел, когда собирался в свой последний рейд. Даже то, что его смертью обязательно заинтересуются, и рано или поздно кто-то из коллег приедет в Верль, чтобы вернуть в Орден его фамильный перстень.

Он предвидел и то, что столичные гости первым же делом заявятся ко мне – к единственному магу, которому он чисто теоретически мог завещать свое имущество. И заранее избавил меня от проблем, подыскав магическому перстню достойную замену, в которой теперь никто и никогда не признает подделку.

Судя по тому, что найденный Лойдом перстень выглядел идентичным моему, готовился к уходу Ниро давно и весьма основательно. Кольцо было того же размера, с такой же гравировкой, даже с похожими царапинами на потемневшем от времени серебре! За месяц или даже за год такого эффекта не добьешься – кольцо было состарено умышленно и, похоже, естественным путем. А значит, Ниро в любом случае не собирался возвращать в Орден символ своего могущества. И с самого начала планировал обмануть тех, кто захочет забрать то,

чем он так дорожил.

Вернувшись на улицу, я вдохнул холодный воздух и, оперевшись спиной на забор, вдруг ощутил, что дико, прямо до безумия, хочу закурить.

Неспешно уносящиеся прочь ароматная дымка… горьковатый привкус табака на языке, тихонько тлеющий пепел, то и дело обжигающий пальцы…

Сейчас мне этого не хватало. Как никогда, хотелось затянуться поглубже и, отпустив на волю вьющийся кольцами дым, отдать ему, помимо собственного тепла, ещё и мысли – тягостные и ненужные. Невесть откуда взявшуюся печаль. Выдохнуть вместе с ним всю горечь, которая успела во мне накопиться. И оставить внутри лишь пустоту – чистую, звенящую, свежую, как морозное утро. А потом развернуться и просто уйти, навсегда забыв про упавший на землю пепел.

Не знаю, сколько я так стоял, бездумно рассматривая занесенную снегом улицу, но в какой-то момент невесть откуда взявшаяся тяжесть в душе исчезла. Мне стало легко, спокойно, словно я наконец-то принял решение, с которым долго тянул. Да и курить почти расхотелось. А чуть позже по крыльцу прогрохотали тяжелые сапоги, и на мое плечо без предупреждения упала чужая рука.

– Ну что ж, радуйся, Рэйш, ты полностью оправдан, – торжественно объявил Лойд, проходя мимо. – Столичное УГС больше не имеет к тебе претензий!

Я промолчал, проводив забирающегося в кеб мага взглядом.

А когда Лойд скрылся внутри, отвернулся и смачно сплюнул, потому что однажды уже слышал эти слова. Но ни тогда, ни сейчас, не испытывал по этому поводу ни малейшего восторга.

Глава 8

– Здор-рово, Арт! – это было первое, что я услышал, вернувшись в Управление. – Как дела? Как жизнь? Я смотрю, новых трупов вы пока ещё не наработали?

Я с недоумением воззрился на сидящего на «дежурной» кушетке Родерика Гуна. В уличной одежде, наполовину расстегнутый, румяный и, как всегда, улыбающийся во все сто зубов.

Видимо, давненько уже нас дожидался – мех на его шапке за это время успел растаять, а следы от сапог на полу благополучно высохли.

– Всем привет! Где вас носило? – помахал он рукой, бодро подхватываясь с кушетки. – Я тут уже полсвечи сижу! Думал, вообще никого не дождусь, потому что шеф вдруг подобрел и отправил всех отдыхать!

– Чтобы Норриди и вдруг сказал, что нет работы? – удивился я. – Окстись, Род. Такого трудоголика, как наш шеф, надо ещё поискать. Кстати, а тебя-то каким ветром сюда занесло? Неужто Лардо больше не нуждается в твоих услугах?

Гун мотнул головой.

– Наоборот, у него в Управлении сейчас работа кипит и дым идет коромыслом. Я просто по дороге заскочил узнать, что тут у вас и как, и не нужна ли кому-нибудь помощь.

– Если бы была нужна, я бы тебя уже вызвал, – сообщил Йен, следом за мной заходя в холл. – Можешь работать дальше, но переговорный амулет далеко не убирай. Может, и впрямь скоро понадобишься.

Потопав ногами и стряхнув с пальто снег, Норриди суховато кивнул и направился к лестнице, считая, что больше по данному поводу сказать нечего.

– Хорошего дня, шеф! – жизнерадостно крикнул ему вслед Родерик. Но ответа, как водится, не получил – после посещения комнаты старика Ниро у Йена отчего-то испортилось настроение. А затем Гун увидел, как с улицы зашли Лойд и Триш, и, на удивление быстро разобравшись что к чему, неприлично присвистнул.

– Ого. Мое почтение, мастера. Не знал, что у нас такие гости!

Лойд мазнул по Гуну равнодушным взглядом и, не раздеваясь, прошел мимо. Триш, вежливо кивнув, молча последовала за наставником на второй этаж. Родерика, правда, такое отношение не покоробило, но когда гости исчезли из виду, он подошел ближе и все-таки негромко поинтересовался:

– Это что, всегда так? Мастера Смерти все такие отмороженные?

– Почти, – охотно согласился я, стряхивая со шляпы снег. – Но ты мог бы уже и привыкнуть. Кстати, как там дела у Лардо? Разобрались вы со своими кражами?

– Не-а, – сокрушенно развел руками Гун. – Там глупость какая-то получается. Сами кражи вроде пустяковые, но кто, почему и, главное, как именно крадет, до сих пор никому не понятно.

– А что украли-то хоть? – без особого интереса осведомился я.

– Ты не поверишь, – вдруг хохотнул Гун и, наклонившись еще ниже, заговорщицки шепнул: – Куклы!

Я от неожиданности даже поперхнулся.

– Чего?!

– Ага. Я тоже сперва не поверил, когда услышал. Но все честно, без дураков – по Верлю и впрямь бродит какой-то чудак, который ворует у детей любимые игрушки!

Я, не сдержавшись, прыснул.

Вот же идиотизм! Мы тут за опасной тварью гоняемся, которая режет гулей, как глупых кролей, уже на темную сторону выходим с опаской, ловушку на полноценного демона собрались ставить, у них, понимаешь ли, куклы пропадают!

Нет, ну где справедливость, а? И почему городская стража вообще занимается такими глупостями?!

– Обчищены дома известных людей, – правильно расценив выражение моего лица, с досадой пояснил Гун. – Причем народу пострадало немало. Дети аристократов бунтуют и требует возвращения своих любимцев, родители в шоке, городская стража в бешенстве… но на прошлой неделе исчезла кукла из дома очередного богатея, а на этой похитили игрушку у племянницы самого бургомистра.

– И что? – ухмыльнулся я, представив, какую панику мог навести не слишком уважаемый мной господин Жакрис Вьен, когда узнал, что у его малолетней родственницы кто-то осмелился похитить любимую куклу. – Свидетели хоть какие-то имеются?

Родерик огорченно вздохнул.

– В том-то и дело что нет. Следов взлома нигде не нашли, слуги тоже никого подозрительного не видели. А когда выяснилось, что во время ограбления и охранные амулеты смолчали, кто-то из окружения бургомистра высказал «умную» мысль, что воры использовали для краж неизвестный артефакт. Ну а раз преступление было совершено с помощью магии, то господин Вьен сразу вызвал к себе нашего шефа. А шеф, услышав,

чем именно ему предлагают заняться… ну… сам понимаешь. Ты знаешь его не хуже меня.

Я тихо присвистнул.

Странно, что Норриди ничего об этом не рассказал. Но, судя по тому, что в данный момент делом занимаемся не мы, а Лардо, то начальник Управления городского сыска, когда его вызвал к себе бургомистр, наотрез отказался вести сомнительное дело о пропавших куклах. Скорее всего, они при этом в очередной раз повздорили. Йен, разумеется, ушел. Бургомистр в отместку затянул ему подписание важной бумаги. Проблемой странных краж в итоге пришлось заняться бедняге Лардо. Ну а Йен, немного поостыв, в качестве извинений отправил Вейсу на помощь Вита и Гуго. А когда стало понятно, что одним днем поиск пропавших кукол не завершится, то в Управление городской стражи был сослан еще и Гун. Все равно другой работы у нас в то время не было.

– Мда-а, – со смешком протянул я, по достоинству оценив размах свалившихся на Йена трудностей. – Кто бы знал, что, пока я решал свои проблемы, у вас тут чуть апокалипсис не случился!

– Самое скверное в том, что в этом дурацком деле нет ни единой нормальной зацепки, – пожаловался Гун. – Ни следов, ни свидетелей, ни подозреваемых! И ладно, если бы ворам приглянулись обычные дешевые куклы… не-е-ет, им только игрушки богатеев подавай!

– А что, имуществом бедняков совсем никто не заинтересовался?

– Представь себе, нет! – с возмущением подтвердил парень. – Да и неужели из-за такого пустяка нас бы заставили бегать по морозу?!

Я озадаченно поскреб подбородок.

– Странное вообще-то дело. А много кукол уже пропало?

– Достаточно. Шестнадцать только на этой неделе. И почти в два раза больше на прошлой.

– Хм. А когда начались первые кражи?

– Да где-то две недели назад и начались, – припомнил Родерик. – И с тех пор у Лардо нет ни одного спокойного дня. Каждую ночь у кого-то что-то пропадает. И главное, нет бы преступнику сгрести в охапку все куклы сразу и уносить их целыми пачками, ведь родители-то не бедные, и куклы в комнатах детишек навалены целыми горами. Но ведь по одной берет, гад. Здесь такую, там сякую утащит. И выбирает всегда самых красивых!

– Что?! – снова закашлялся я. – Ваш чудаковатый вор не только впал в детство, но он, оказывается, еще и эстет?!

Но Гун с самым мрачным видом кивнул.

– Да. Он забирает лишь самые лучшие. А вообще, если кто-то спросит мое мнение, то я считаю, что вор работает не один – их там, наверное, целая банда орудует. Потому что одному человеку не под силу обчистить столько домов за такие короткие сроки, при этом никого не встревожив и не насторожив.

– Интересно, с чего бы это вдруг в Верле появляться банде, специализирующейся на кражах дорогих кукол? – с самым серьезным видом задумался я. – Может, это новое веяние в преступном мире? Добравшееся до нас тлетворное влияние столицы? И поэтому вместо кражи дорогих украшений у нас теперь стало модно воровать детские игрушки?

– Да иди ты… – в сердцах бросил Родерик. – Сам понимаю, что звучит бредово, но бургомистр настроен более чем решительно. В конце недели Лардо еще отчитываться перед ним придется и придумывать оправдания, по какой причине за столько времени он так и не поймал опасного преступника!

– Короче, чепуха какая-то получается, – подытожил я результаты работы парней из Управления городской стражи, а Родерик уныло вздохнул и, натянув на уши шапку, двинулся к выходу.

– Ладно, пошел я. Буду опять гоняться за таинственными похитителями кукол.

– Удачи, – сдержанно кашлянул я, представив, как ребята Лардо будут устраивать розыскные мероприятия и, что немаловажно, допрашивать предполагаемого преступника, выпытывая у него причины столь странного пристрастия к чужим игрушкам. – Расскажешь потом, чем все закончилось!

– Само собой, – так же уныло отозвался Гун, исчезая за дверью, а я покачал головой и, мысленно благодаря Йена, что не нам приходиться заниматься такой ерундой, отправился наверх.

* * *

Когда я зашел в кабинет, Йен с чрезвычайно хмурым видом стоял у окна, Триш снова восседала в его роскошном кресле, а Лойд, склонившись над столом, неспешно подписывал какие-то бумаги.

– Ну, вот и все, – с довольным видом сказал он, отложив в сторону последний листок. – Все, ради чего нас сюда посылали, сделано. Расследование завершено, дело закрыто, перстень мастера Ниро скоро вернется в Орден, а по поводу Палача я буду ходатайствовать, чтобы тебе, Рэйш, выдали какую-нибудь

награду. Все-таки не каждый день провинциальному мастеру Смерти удается завалить такое чудовище. Я полагаю, страна должна знать своих героев и по мере возможностей материально их поддерживать.

Я отмахнулся и сел на свободный стул.

– Отстань. К чему мне награды? В Орден я все равно вступать не собираюсь.

– А может, и стоило бы? – внимательно посмотрел на меня маг. – Должность внештатного сотрудника местного УГС, как мне кажется, не твой уровень. А принадлежность к Ордену дает немало привилегий.

– Знаю. Но меня и здесь все устраивает.

– Как хочешь, – поразительно легко отступился Лойд, а потом повернулся к подчеркнуто смотрящему в окно Йену и добавил: – Наша работа здесь почти закончена, однако отчет я могу написать и по возвращении, а командировочный лист оформили на неделю вперед, поэтому, если господин Норриди не возражает, мы бы хотели слегка задержаться.

– Задержаться? Зачем? – недоверчиво обернулся Йен.

– Ну… раз уж мы управились раньше, чем планировали, то не грех было бы попытаться малость подзаработать.

– В каком смысле? – ещё больше удивился Норриди.

– У вас в городе бродит неизвестная науке тварь, – терпеливо пояснил Лойд. – А Орден за такие вещи прилично платит. Конечно, будет идеально, если мы сумеем доставить ее в столицу живой, однако даже за труп нам всем полагаются приличные отступные. И если вы не против, мы с Триш хотели бы поучаствовать в охоте.

Лицо Йена слегка разгладилось.

– То есть, вы нам поможете?

– Конечно, – ухмыльнулся маг. – От денег хуже еще никому не становилось. Но даже если бы за тварь никто не заплатил, то бросать коллег в беде – последнее дело.

Йен недоверчиво покосился на сдержанно улыбнувшуюся Триш, затем на меня, снова на Лойда. А когда до него наконец дошло, что гости не шутят, и никто его тут не бросит один на один с непонятным потусторонним монстром, он с таким облегчением вздохнул, словно до этого момента на его плечах лежали огромные горы.

Гм. Странно, что он так переполошился из-за какой там твари. Хотя, может, просто решил на меня не надеяться? Или же новости о темной стороне так сильно его впечатлили, что Йен опасался, что мне с этой штукой не справиться в одиночку?

– Благодарю, буду рад оказанной помощи, – официальным

тоном сообщил Норриди и, окончательно посветлев лицом, вернулся к столу. – Какой у нас план действий?

Лойд неопределенно хмыкнул.

– Ну, для начала хорошо было бы перекусить и отдохнуть…

– Нет проблем, сейчас организуем.

– А затем я бы хотел обсудить с коллегами детали предстоящей охоты и набросать детальную схему ловушки, о которой мы недавно говорили.

Йен снова недоуменно завертел головой, но я лишь молча кивнул.

Само собой. Те каракули, которые Лойд рисовал на улице, на нормальный план походили мало, а магические руны не терпят суеты. Чтобы не взорвать по ошибке полгода, схему придется выверять до последнего знака, до самой крохотной черточки. А это – работа не одного дня и даже не двух. Дай бог, к концу недели уложимся, да и то, если будем корпеть над бумагами с утра до ночи.

– Наконец, для того, чтобы все прошло благополучно, нам понадобится еще один помощник, – закончил Лойд, выразительно оглядев нашу троицу. – Рэйш однозначно пойдет со мной на темную сторону. И во время подготовки, и во время самой охоты. Господин Норриди, если пожелает, может играть роль наблюдателя – нам это будет только кстати. Но если что-то пойдет не так, и особенно, если кого-то ранят, понадобится кто-то, кто сможет вытащить нас с Рэйшем с темной стороны. А поскольку других претендентов на эту роль нет… Триш, думаю, настало время познакомить тебя с оперативной работой поближе.

Некоторое время в кабинете царила ошеломленная тишина, а затем побледневшая Триш встала и тихо сказала:

– Хорошо, учитель. Я попробую.

Я про себя только головой покачал.

Плохая идея – тащить девчонку на темную сторону накануне важного дела. Слишком молодая, неопытная, совсем еще зеленая. Хотя наставнику, наверное, виднее?

– Господин Норриди, если позволите, мы воспользуемся для этого вашим подвалом.

– Что? Сейчас?! – опешил Йен, когда понял, что натаскивать ученицу Лойд собрался не просто где-то в городе, а непосредственно в Управлении. – А как же гули?!

– У вас тут пока тихо. Снаружи подвал хорошо закрыт, да и нашей твари туда не добраться, так что в данный момент это лучшее место для пробного погружения на темную сторону.

А вот с этим я так же мысленно согласился.

– А… вы разве раньше этого не делали? – совсем занервничал

Норриди, кинув на Триш беспокойный взгляд. Но девчонка только поплотнее сомкнула губы, откинула за плечо седую косу и твердо сказала:

– Я справлюсь.

– Я поприсутствую, если не возражаете, – обронил я, поднимаясь из-за стола.

Триш откровенно засомневалась, но Лойд лишь благодарно кивнул – как и я, он прекрасно понимал, что вдвоем в первый раз удерживать ученика на темной стороне намного сподручнее, чем в одиночку.

Так мы и вышли – впереди маг, затем – с таким видом, словно идет на казнь, бледная как полотно девчонка, а последним, нервно кусая губы, Йен Норриди. Который, хоть и радел за благополучие вверенного ему города, все же не желал подвергать риску неопытную ученицу.

Перед входом в подвал Лойд притормозил, давая мне возможность разблокировать замок на двери. А когда Йен сунулся следом, негромко попросил:

– Не надо. Ничего интересного вы там не увидите.

Норриди, конечно, кивнул, однако далеко, судя по всему, уходить не собирался. И когда маг захлопнул перед его носом дверь, поднялся по лестнице всего на два пролета, после чего принялся мерить шагами холл, составив компанию ничего не понимающему в происходящем мальчишке.

Для опытного мага погружение на темную сторону – привычный и вполне комфортный процесс если, конечно, при этом соблюдены правила безопасности. Но для первого раза Лойд выбрал не самое удачное помещение, поэтому, оставив его настраивать ученицу, я первым провалился во Тьму и на всякий случай прибрался.

Ну как прибрался… старые коробки отбросил в угол, сдвинул к стене тяжелые столы. Наткнуться на препятствие, упасть или пораниться здесь было проще простого, а вот убрать последствия собственной ошибки в сто крат труднее, чем наверху.

Отойдя к двери и оставив свободным максимально доступное пространство, я сложил руки на груди и принялся терпеливо ждать.

Процесс настройки – дело серьезное, при правильном настрое ученик намного легче проходит посвящение и гораздо быстрее привыкает к происходящим с ним переменам.

Однако Лойд почему-то не стал долго возиться. Или, может, Триш сама не захотела оттягивать неприятную процедуру. И, как только наставник зашел ей за спину и требовательно положил ладони на плечи, Тьма передо мной неохотно расступилась.

Наверное, девчонке и впрямь не стоило нырять на темную сторону после недавно пережитого стресса. Облепившие здание гули, охотящаяся на них неведомая тварь, зрелище настигающих меня тварей, алая кровь на белом снегу… подсознательно она была не готова еще раз увидеть все то, что не так давно наблюдала через волшебный прибор. И, как ни пытался Лойд ее успокоить, отчаянно нервничала, вместе с ним погружаясь во Тьму.

Когда на темной стороне ее силуэт из призрачного стал достаточно четким и намного больше похожим на настоящий, Триш тяжело задышала и запрокинула голову, словно ей не хватало воздуха.

– Холодно… – прошептала она побелевшими губами. – Очень холодно, Ос…

Правильно. Это со стороны хорошо наблюдать за тем, как кто-то беззаботно прогуливается по снегу. Смотреть, как вырываются из его рта облачка пара. Как легко он перепрыгивает с одного земляного пятачка на другой. И лишь оказавшись здесь, понимаешь, что в действительности все немного иначе.

Конечно, со временем к царящему здесь холоду привыкаешь, но первое погружение похоже на то, как если бы тебя медленно и неспешно опускают под ледяную воду.

Сперва под ней оказываются стопы. Потом немеют и сводятся судорогой икры. Затем мертвенный холод взбирается выше, больно кусая за бедра, требовательно царапая живот, грудь и медленно, но настойчиво подбираясь к горлу. Одновременно с этим ты чувствуешь, как тебя со всех сторон постепенно сдавливают невидимые мягкие стены. Понимаешь, что каждым мгновением они сходятся все больше. Ощущаешь себя соринкой, неспешно уходящей на дно бескрайнего океана. И понимаешь, что, чем дальше падаешь, тем больше становится холод. Тем сильнее продолжает давить вода, не позволяя сделать лишний вздох, не разрешая просто перевести дыхание и превращая царящую вокруг темень в самый настоящий ад.

Потом, наконец, Тьма смыкается вокруг тебя полностью, принося с собой облегчение и мертвую, невыносимо давящую на уши тишину.

Какое-то время ты слепо барахтаешься в ней, тщетно пытаясь нащупать опору. Света все ещё нет. Что находится вокруг – неясно. А ещё через несколько мгновений приходят голоса… и внезапно в душе оживают все страхи, подсмотренные во снах кошмары и все те ужасы, о которых ты раньше подспудно догадывался, но отчаянно надеялся, что они никогда не воплотятся в реальность.

И вот эта реальность здесь. Рядом. Ты остаешься с ней один на один. А если вспомнить, что все это происходит в абсолютной темноте, то становится понятно, почему Триш внезапно задергалась.

– Тише… тише, малышка, – прогудел Лойд, быстро оказавшись на темной стороне и уверенно придержав ученицу. – Не бойся. Я рядом.

– Я ничего не вижу! – отчаянно вскрикнула она, судорожным движением схватившись на руки наставника. – Ос! Почему я ничего не вижу?!

– Ты привыкнешь. Это нормально, поэтому успокойся, Триш, и просто дай себе время.

Девчонка в последний раз выгнулась и полностью перешла во Тьму, застыв под руками учителя, как замерзшая в стужу сосулька. Губы у нее отчетливо посинели и задрожали, на ресницах образовался налет серебристого инея, седая коса тяжело обвисла, а вплетенные в нее металлические шарики мгновенно обледенели.

Да, не подумал Лойд, что для начала ученицу следовало избавить от железок. С непривычки они больно обжигают, и в том числе и по этой причине в перчатках работать здесь все же сподручнее.

– Ос… – сдавленно прошептала девушка, когда он медленно разжал руки и попытался отойти. – Ос, не уходи. Пожалуйста!

– Все хорошо, Триш. Я здесь, – глухо повторил маг, оставшись от нее на расстоянии вытянутой руки. – Дыши, девочка. Старайся, привыкай. И постарайся не кричать – на темной стороны звуки разносятся быстро и очень далеко.

Девчонка неуверенно кивнула, но как только он окончательно выпустил ее плечи, ее лицо вдруг посерело и болезненно исказилось. Она сдавленно охнула, поспешным жестом прижимая к ушам ладони, рот ее болезненно искривился, а широко распахнутых глазах мелькнула такая мука, что я невольно ей посочувствовал.

Шепот темной стороны навязчив и невероятно жаден до человеческого разума. Он сводит с ума, настойчиво ввинчивается в уши. Сперва он только пугает, раздражает, затем злит и одновременно утомляет, а под конец выматывает так, что нужно немалое мужество, чтобы заставить себя услышать его снова.

Триш об этом, видимо, не догадывалась, поэтому накатившая из ниоткуда звуковая волна стала для нее полной неожиданностью. А с учетом того, что юная мастерица по-прежнему ничего не видела, неудивительно, что на девчонку накатила паника.

Вскрикнув раненой птицей, она вдруг без предупреждения рванулась в сторону и, хоть я постарался ее обезопасить, с размаху врезалась в секционный стол. От удара громоздкая конструкция содрогнулась и со скрипом проехалась ножками по каменному полу. Девчонка вскрикнула от боли, сложилась пополам и, слепо зашарила руками в воздухе, чуть не опрокинулась навзничь. Лойд, поняв, что ученица не справляется, приглушенно выругался. А я в два шага оказался рядом и цепко ухватил недоученную магичку за локоть.

– А-а-а! – в голос завизжала она, почувствовав сомкнувшиеся на руке пальцы. – Ос. Что это?!

Я поспешил зажать ей рот и, наклонившись, раздраженно рыкнул:

– Не ори. Всех гулей в округе перепугаешь!

– Кто это?! – замычала Триш, отчаянно мотая головой. – Кто?! Ос, помоги мне. Я ничего не вижу!

Тьфу ты, пропасть. Совсем забыл, что мой голос звучит здесь совсем иначе.

– Это Рэйш. Не трясись. Никто на тебя не нападет.

– Ос… Ос, помоги! – внезапно всхлипнула Триш и разом обмякла, а я с рук на руки передал ее наставнику и с неудовольствием отступил.

Я был прав – девчонка ещё не готова перейти на темную сторону полностью. Слишком слаба. Чересчур юна. Впечатлительна. И, к сожалению, весьма уязвима.

Уже выходя в реальный мир, я мысленно покачал головой.

Меня в свое время никто не жалел – учитель, ничего не объяснив, просто вышвырнул меня в коридор и ушел, не больно-то переживая о том, как я сумею выжить. И, в отличие от той же Триш, у меня не было тогда никаких «очков», поэтому о том, что такое темная сторона, я до того момента не имел ни малейшего представления.

А она даже с такими подсказками не сумела справиться. Хотя наставник, я уверен, уже не раз и не два успел объяснить, что именно ее ждет.

– Все хорошо… ты молодец… для первого раза просто отлично, – утешающе забормотал Лойд, поднявшись из Тьмы вместе с перепуганной и дрожащей от холода ученицей. – Не надо, милая. Все закончилось. К этому просто надо привыкнуть.

Я скептически поджал губы, когда, почувствовав себя на твердой земле, девчонка негромко всхлипнула и, прижавшись к магу, неожиданно разрыдалась. Причем разом, в голос, так отчаянно и горько, словно пережитый кошмар до сих пор стоял у нее перед глазами. А Лойд, вместо того, чтобы сказать что-то

толковое, вдруг обнял ее в ответ и, наклонившись, бережно коснулся губами покрытой инеем макушки.

– Тихо… тихо, моя хорошая… я здесь, я тебя не брошу.

– Ос…

– Я знаю. Да, было страшно. Но так всегда бывает. С этим надо просто смириться и жить дальше.

– Прости меня, Ос, – через некоторое время выдавила Триш, подняв голову и со слезами посмотрев на мага. – Прости. Я тебя подвела.

Лойд стер с ее ресниц влажные капельки и, бережно проведя кончиками пальцев по заплаканной щеке, непривычно мягко улыбнулся.

– Ну что ты, девочка моя. Ты прекрасно справилась. И я тобой очень горжусь.

Та-а-к. Кажется, Лойд кое о чем умолчал, когда представлял нам свою ученицу? И их связывает нечто гораздо большее, чем отношения учителя и ученика?

Развернувшись к выходу, я наткнулся взглядом на открытую дверь и замершего в проеме Норриди, который с окаменевшим лицо смотрел на прильнувшую к чужаку девушку.

Зря, Йен. Не знаю, когда она успела тебе приглянуться, но, пожалуй, вы напрасно целый день просидели вдвоем в архиве. И возле окна намедни часами сидели тоже напрасно.

Триш не твоя.

Уже – не твоя. Хотя, зная тебя, не сомневаюсь, что ты никогда не покажешь ей своего сожаления.

Впрочем, может, оно и правильно – маги нашего профиля не слишком-то приспособлены для отношений. Ни для одноразовых, ни, тем более, для серьезных – Тьма слишком быстро убивает в нас все живое. И если ты еще не увидел этого во мне, то женщина вроде Триш тебя когда-нибудь точно разочарует.

Перехватив мой внимательный взгляд, Йен сделал вид, что ничего не происходит, и принялся быстро подниматься по лестнице. А я, в последний раз взглянув на обнимающуюся парочку, молча вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Глава 9

Следующие несколько дней слились для меня в одну утомительно долгую полосу бесконечных перемещений. С утра и до поздней ночи я проводил время в Управлении, затем прыжком уходил в схрон, сколько мог работал с доставшимися в наследство книгами. Урывками ел. Спал. Иногда ругался с некстати вмешивающимися в процесс призрака. И с первыми лучами солнца старался вернуться обратно, чтобы продолжить то, что Лойд называл обычной охотой.

Схему ловушки он за это время действительно нарисовал, изведя для этого целую кипу бумаги. Пока он был занят, мы с Триш несколько раз возвращались в поместье Уэссесков, чтобы замерить напряженность магического поля, и по возвращении Лойду нередко приходилось корректировать расчеты, чтобы в нужный момент все сработало как надо.

– На самом деле круг для ловушки должен быть тройным, – говорил он, старательно вычерчивая на бумаге руны. – Внутренний – сдерживающий, чтобы демону было некуда деть, второй – атакующий… он, само собой потребует от нас больше всего внимания. Ну а наружный – защитный, чтобы то, чтобы, когда мы выплеснем туда прорву магии, все это добро не вылилось наружу и не подожгло весь город к Фоловой бабушке.

Глядя на высшие руны, которые маг умело вплетал в три тесно прилежащих друг к другу круга, я мог только молча завидовать и старательно запоминать то, чему меня никогда не учили. А когда время теории закончилось, и настал ответственный момент, поскольку схему понадобилось воплотить в реальность, я с беспокойством понял, что до нужного уровня попросту могу не дотянуть.

Когда мы втроем выехали на место и принялись накладывать по периметру поместья Уэссесков защитные знаки, я к собственному неприятному удивлению вдруг на собственной шкуре почувствовал, насколько же это утомительное занятия. Работать одновременно с таким количеством рун и заклинаний мне, конечно, довелось впервые, но после того, как мы поставили вдоль забора первый и самый простой ряд, пришлось полдня потом отлеживаться в схроне, чтобы хоть как-то восстановить силы.

Дело усложнялось ещё и тем, что работать приходилось на темной стороне, а там, как известно, бродила неугомонная тварь, которая за последние дни уже дважды притаскивала под окна Йену свои смердящие «подарочки». Где уж она находила гулей,

если, как мне казалось, все они давно отсиживались на нашей крыше, было неведомо, однако зверюга как-то умудрялась вылавливать одиночек и охотно демонстрировала нам свои трофеи.

Ни к одному из трупов она, как и раньше, притронуться не соизволила. Но, если считать, что, кроме гулей, на темной стороне Верля жрать было абсолютно нечего, страшно представить, скольких она убила, раз уж остальное в нее просто не влезло.

Работать из-за этого приходилось с оглядкой. Сперва несколько часов знаками занимался я. Затем, пока я отдыхал, подключался Лойд. Йен и Триш при этом постоянно контролировали процесс с помощью «очков», и только когда первый, контрольный круг был наконец закончен, мы смогли вздохнуть спокойно.

– Вот и хорошо, одну задачу выполнили, – выдохнул Лойд, когда вывалился с темной стороны и прямо как стоял, так и рухнул на снег, жадно хватая ртом воздух. – Теперь мы хотя бы будем знать, если тварь окажется рядом. Сигнальных заклятий тут столько, что даже комар не пролетит незамеченным. Да и отпугивающие я напоследок сделал. Мало ли? Вдруг сигнальных окажется недостаточно?

– А если она все-таки сумеет сквозь них пройти? – тихонько шмыгнула носом кутающаяся в позаимствованный в закромах Управления тулуп.

– В конторе же не смогла. Значит, и тут не получится.

– А вдруг вы ошиблись? – нервно приплясывая на морозе, поинтересовался от забора Йен. – Вдруг эта сволочь вообще не переносит повышенного магического фона?

Лойд, трудом отдышавшись, неохотно поднялся с земли.

– Если бы это было так, гули сейчас толпились бы здесь, а не обсиживали вашу крышу. Но их нет. А значит, сюда наша зверушка хотя бы один раз да наведывалась. А то, может, и скушала кого, пока мы с вами не видели.

Йен, вынужденный признать правоту магу, умолк. А я, предварительно сверившись со схемой, оглядел пустующее пространство перед руинами и тихонько бросил:

– Ну вот. Теперь осталось самое сложное.

– Ты прав: ловушки придется делать две, – с озабоченным видом подтвердил Лойд. Как и я, одет он был неприлично легко, но ни меня, ни его это пока не волновало. – Верхнюю часть Триш нарисует тут, а нижнюю нам с тобой придется продублировать на темной стороне. Только разметку сперва надо сделать, а то края могут не совпасть.

– Зачем вам ловушка еще и в этом мире? – клацнул зубами Йен. – Тварь же живет на темной стороне. Разве нет?

– Да. Но для мы охотимся на нежить предположительно высшего класса. Поэтому и ловушку на нее ставим как положено. То есть, растягиваем заклинание и в пространстве, и во времени, создавая между двумя слоями реальности подобие клетки. Верхушка ее останется здесь, наверху, дно окажется внизу, во Тьме. А прутья мы сделаем так, чтобы они перекрыли всю эту часть пространства полностью. Только так можно быть уверенными, что тварь не сбежит.

– Как у вас все сложно, – пробормотал Норриди и, натянув поглубже меховую шапку, принялся утопывать снег под ногами. Замерз, конечно. И немудрено – без малого пять свечей тут болтаемся. А работы сделано не так уж много.

На Триш Йен, как я заметил, старался не смотреть и напрямую с ней больше на заговаривал. Молодец, конечно, отстранился, хотя девчонка даже не поняла, почему это произошло. Но я ее не винил – в таком возрасте влюбленность в сильного и мудрого наставника была простительна. А вот чем при этом думал Лойд… впрочем, известно чем. Но это, разумеется, не мое дело.

– Ну, начнем, что ли? – демонстративно поплевав на ладони, предложил маг, когда перевел дух и немного пришел в себя.

Я окинул его недоверчивым взором.

– А не свалишься?

– За собой лучше следи, – оскалился тот, показав белые, по-волчьи острые зубы. После чего слегка притопнул ногой и одним махом перепрыгнул на темную сторону.

В этот день мы, конечно, много уже не сделали – только и того, что, регулярно сверяясь со схемой и теми знаками, что в это время рисовала Триш, начертали на темной стороне основу под первую линию.

Рисовать вызвался я. В том числе и потому, что Лойд и без того сегодня много сделал. Но ещё и причине того, что учиться такой сложной работе надо было именно в процессе, самому, набивая руку, получая опыт… ну и шишки заодно за неправильно насованную линию.

– Рэйш, твою темную душу! – гаркнул маг, когда я от усталости слегка напортачил. – Какого демона ты поставил защитный знак там, где должен быть сдерживающий?!

Я, смахнув выступивший на лбу пот, выпрямился и, с трудом отогнав черных мушек перед глазами, оглядел получившийся рисунок.

Что ему не нравится? Схема как схема. Какую дал, такую я и

делаю.

– Связку добавь, болван! – раздраженно сплюнул Лойд, поняв, что я не демона не понял. – Связку между ними сделай, иначе при активации они сольются и перетянут слишком на себя много!

Ах, вот о чем он толкует! Конечно! Когда мы делаем кольцевую ловушку, то сколько сил туда вольем, столько в ней и будет. Для того и требовался такой точный расчет, для того и выверялись все руны до мельчайших деталей. Тут было важно все – какая из них и где находится, какие между ними связующие элементы… промахнешься хоть на волосок с размерами, и во время активации энергия или переполнит какой-нибудь знак, да так, что тот взорвется, или попросту выльется наружу, и тогда – прощай, тварь. Прощай, маг. И прощай, половина города.

– Сейчас исправлю, – буркнул я, снова присаживаясь на корточки и меняя одну линию на другую.

– Мы в свое время именно на этом погорели, Рэйш, – жестко ответил Лойд, когда я переделал как надо. – И повторения я не хочу. Понял?

Я молча кивнул. После чего в очередной раз сверился со схемой и, убедившись, что Триш в реальном мире одновременно со мной создает внутренний круг, со вздохом принялся рисовать дальше…

В общей сложности на ловушку мы угрохали ещё три дня. В первый я успел нарисовать только внутреннюю часть схемы, на которую маг добавил несколько необычного вида знаков, способных, как он утверждал, вытянуть из нежити часть сил, чтобы сделать ее менее подвижной.

На следующий мы вдвоем с Лойдом сумели сделать второй.

Третий же мне пришлось заканчивать в одиночку, потому что маг в это время ушел наверх и взял на себя самое сложное – сводил нити обоих схем воедино так, чтобы между двух миров образовалась совершенно цельная, надежная и практически идеальная ловушка.

Если не придираться к деталям, чем-то она напоминала рыбацкую сеть, только натянутую не вдоль русла реки, а поставленную вертикально. Внутри нее имелось свободное пространство – для приманки, а с одной стороны «сети» мы сделали небольшое отверстие. Разумеется, пока оно было открыто, ловушка выглядела неполной, поскольку в одном месте на темной стороне знаки как бы наползали один на другой, перекрывали друг друга, искажая, меняя и портя при этом первоначальный рисунок. Но Лойд умудрился рассчитать все так, что при активации силовые линии должны были сместиться, а «клетка» – быстро вытянуться, чтобы намертво запечатать

оставшийся проход и заключать тварь в магическую тюрьму.

Что он планировал делать с ней дальше, меня, если честно, не особенно интересовало. Потащит ли ее с собой в Алтир, распотрошит ли на месте… мне было совершенно без разницы, лишь бы он убрал ее с улиц нашего города.

Даже Йен, существенно обогатив свои знания о темной стороне, за эти дни взглянул на Лойда другими глазами. Девушка там или нет, но ценить качественно проделанную работу он умел. И когда после почти недели беспрерывных трудов столичный умелец, наконец, сообщил что закончил, Норриди через «очки» оглядел то, что у него получилось, и вынужденно признал:

– Да, господа. Это действительно круто.

И сразу после этого перед нами снова во весь рост встала проблема приманки.

Лойд небезосновательно полагал, что приманка должна быть обязательно живой, чтобы тварь на нее однозначно клюнула. Менее кровожадная и неопытная Триш настаивала, что достаточно будет и мертвой. Мне, в свою очередь, казалось, что она при этом должна быть ещё и свежей… ну а Йен, устав слушать наши споры, сделал по-умному и предложил запастись на всякий случай всеми тремя приманками одновременно.

В итоге, когда мы собрались на пустыре перед домом Уэссесков в последний раз, на темной стороне уже лежала целая гора парного, истекающего кровью мяса. Рядышком красовалась парочка дохлых гулей, за которыми нам накануне пришлось изрядно побегать. А в нагрузку имелась бездомная кошка, которая сейчас исступленно царапала деревянную клетку и которую с помощью Чета мы этим утром выловили на улице.

– Ну что, господа, поехали? – предложил Лойд, когда мы в последний раз собрались вокруг гигантской, невероятно сложной, но пока ещё неактивной ловушки.

Йен вместо ответа решительно надвинул на глаза «очки». Триш, передав наставнику клетку, прошла в центр нарисованного круга. А когда она знаком показала, что готова работать, мы с Лойдом переглянулись и, не сговариваясь, провалились на темную сторону.

Охота началась…

* * *

На этот раз старый Верль встретил нас метелью. Порывы ветра оказались настолько сильными, что нападавшие за утро и не успевшие толком слежаться снежные хлопья то и дело

поднимало с земли, комкая как простую бумагу, а затем закручивало в тугих вихрях и мстительно швыряло нам прямо в лицо, заставляя прятаться за воротником и спешно уходить в укрытие.

Убежище мы, естественно, подготовили заранее – Лойд, недобро помянув темных богов, залег за поваленным бревном, предварительно постелив на снег теплую овчину. Мне пришлось довольствоваться остатком стены, под которым были предусмотрительно настелены доски, а сверху накрыты таким же толстым тулупом, как и у Триш.

Шагах в десяти слева от меня и справа от Лойда находилась готовая к активации ловушка. С другой стороны мы специально оставили пустое пространство, над которым я немного поколдовал и изменил сигнальный круг таким образом, чтобы одна его часть, как горлышко у бутылки, втянулась внутрь и создала один-единственный проход, который привел бы тварь прямиком к устью ловушки.

Сам проход оказался строго между мной и Лойдом, имел длину около тридцати шагов, но при этом просматривался от начала и до конца, так что в нужный момент маг мог дернуть за спрятанную под снегом ниточку заклинания и мгновенно захлопнуть ловушку.

Со всех остальных сторон мы с ним были надежно защищены. Вздумай тварь подобраться откуда-то еще, ее гарантированно отпугнули бы сторожевые знаки, которые на фоне повисшей над руинами радуги были совершенно не видны. Ну а если она вздумала бы упорствовать, то остальные заклинания с шумом и грохотом отшвырнули бы ее обратно. Так что, даже если тварь оказалась бы невидимой, мы бы в любом знали где ее искать.

Когда ветер немного стих, и мне за шиворот перестали сыпаться колючие льдинки, из-за кустов раздался бодрый голос Лойда:

– Слышь, Рэйш… давно хотел тебя спросить… так, ради интереса.

– О чем? – покосившись на чернеющие сбоку развалины, буркнул я.

– Ты в самом деле ничего не забирал у Ниро?

– Ты же видел защиту. И сам ее вскрывал. Чужаки туда до нас не входили.

– Да я не про комнату говорю, – хмыкнул лежащий в сугробе маг. – На темной стороне тоже ведь ничего не было. Тебе не кажется это несколько… неестественным?

Я молча возвел глаза к небесам.

– Лойд, неужели ты думаешь, что старик оставил бы там

ценные вещи, не озаботившись хоть какой-нибудь защитой? Ты ее там видел? Нет. А если бы она и была, то единственным ключом к ней мог быть только его перстень. Но перстень ты достал из стола своими собственными руками. И я готов хоть сейчас поклясться, что никогда раньше не прикасался к этой вещи.

– Значит, старик и впрямь куда-то запрятал свои сокровища, – с разочарованием протянул Лойд, так и не подняв головы из-за куста. – Эх, а все-таки жаль… теперь-то мы уже никогда не узнаем, чего и сколько он успел накопить.

Я благоразумно промолчал.

– Слышь, Рэйш, а все-таки, – через некоторое время повторил маг. – Если бы ты бы его учеником, то куда, как тебе кажется, куда мог бы заныкать ценности?

– Откуда ж мне знать? – совершенно искренне изумился я. – Он считал себя идейным врагом моего учителя. Мы и знакомы-то почти не были!

– Но шкуру-то он зачем-то полез тебе спасать, – рассудительно заметил этот упрямец. – Если бы он плохо тебя знал, зачем бы ему тогда было рисковать?

Я еще раз оглядел окрестности, но вокруг было по-прежнему пусто.

– В том, чтобы умереть достойно, есть определенный смысл, – сказал тихо, но так чтобы он услышал. – А Нииро, как мне кажется, любил красивые жесты. А еще, я думаю, он давно хотел уйти. Просто долго ждал подходящего случая.

После этого Лойд надолго умолк, и потянулись долгие минуты томительного ожидания.

Свирепая метель постепенно затихла, наметенные ею сугробы еще больше скрыли нас от любопытных глаз, превратив в два неприметных холмика. Вокруг по-прежнему царила неприятная тишина, и лишь в угрюмо чернеющих невдалеке развалинах тихонько поскрипывала наполовину отвалившийся ставень.

– Эй, Рэйш, – наконец, не выдержал Лойд этого угнетающего молчания и снова завозился под снегом. – А как ты темным магом стал, а?

Я ненадолго прикрыл глаза, мысленно костеря про себя болтливого мага.

И что ему неймется? Тихо, свежо, хорошо вокруг… только лежи и мечтай себе в удовольствие. Я бы, наверное, так и сделал, если б умел. А то, может, и задремал, если бы не надо было следить за периметром. А этого болтуна, видишь ли, на разговоры потянуло. Да и вопрос он, как назло, выбрал отвратительный.

Перед внутренним взором, как наяву, встала картина из моих кошмаров.

Приземистый каменный потолок, холодные липкие стены, железная дверь с крошечным, забранным стальными прутьями отверстием. Жесткие нары, тонкий соломенный тюфяк и гнетущая тишина, в которой лишь изредка слышится надсадный кашель из соседней камеры…

В тот день на улице тоже выпал снег – легкий, пушистый, прекрасный. Но если в детстве с его приходом в моей душе каждый раз просыпалось что-то трепетное, светлое, неразрывно связанное с ожиданием чуда, то накануне казни я об этом уже не думал. В тот день я стоял посреди тесного каменного мешка, недвижимо смотрел на брошенный через решетку номер «Столичного вестника» и с холодным равнодушием сознавал, что именно здесь и сейчас моя прежняя жизнь закончилась…

– Рэйш? – встрепенулся Лойд, когда я не ответил. – Эй, Рэйш! Ты что там, уснул? Я вообще-то вопрос тебе задал!

– Прости. Я бы не хотел об этом вспоминать, – наконец, глухо уронил я, не поднимая головы.

– Понимаю, – невесело усмехнулся маг. – А я вот впервые «потемнел», когда мать схоронил. Сопляком еще был, мне даже десять тогда не исполнилось. Но она болела сколько себя помню – всегда очень слабая была. Тогда я не знал, отчего так, вот и не ожидал… да и не верил, если честно, что она так быстро сгорит.

– Все мы кого-то теряли, – тихо уронил я, старательно вслушиваясь в гуляющих меж обгоревших балок ветер. – Кто-то родных, а кто-то – себя самого.

– Я не ждал этого, правда, – горько повторил Лойд. – Я вообще тогда не думал о смерти. Только все хотел, чтобы мать вернулась. Кроме нее, у меня никого ближе в жизни не было, так что когда ее не стало… знаешь, как я обрадовался, когда снова ее увидел?

Я приподнял голову, но сугроб, в котором залег маг, больше не шевелился. А когда я снова улегся, оттуда неожиданно донеслось:

– Видеть призраков в наших краях всегда считалось дурным знаком. Да оно, в общем-то, нигде особенно не приветствуется. Даже в Алтории. Народ-то у нас до сих пор суеверный, в глубинке так и вовсе дремучий, как тот лес. Так что вся эта магическая дребедень для них все равно что поклонники темных богов для инквизиторов в Лотэйне. Мне, правда, повезло – к тому моменту, когда я рискнул сказать, что вижу умерших, в деревню заехал бродячий маг. Он-то и стал моим наставником, а потом и в столицу укатил, оформив ученичество как положено. Но с тех уже много воды утекло. Может быть, даже слишком…

Когда маг снова умолк, я тоже не стал тревожить

воцарившуюся тишину.

Порой, даже если что сказать, слова уже не нужны. Достаточно просто понимания. Сопричастности. И, лежа на земле под слоем наметенного снега, я как никто знал, как важно… и как нам порой не хватает именно этого – иметь рядом того, кто услышит, поймет, узнает, но нужный момент смолчит.

Какое-то время мы просто лежали, думая каждый о своем и ненадолго забыв, зачем именно мы сюда явились. Однако потом ветер окончательно стих, и в клетке беспокойно завозилась кошка.

Говорят, животные, хоть и не видят, но чувствуют многое, что происходит на темной стороне. И когда рыжая оборванка внезапно раздулась, а затем сердито заурчала, уставившись мне куда-то за спину, мы с Лойдом одновременно встрепенулись.

Правда, сделать что-либо никто из нас уже не успел – в тот же миг шагах в пятнадцати сзади и немного правее меня вдруг что-то с силой бабахнуло. Сперва один раз, затем другой… мгновенно активировавшаяся защита брызнула разноцветными искрами…

На внезапно загоревшемся снегу один за другим вспыхнули сразу четыре защитных знака.

Под каждым сперва разлетелся в стороны снег.

Затем вверх выстрелило густое облачко снега.

Неведомая тварь словно пробовала защиту на зуб, жадно тыкаясь в нее носом и каждый раз смещаясь к мне чуточку ближе. Но ни Оглушение, ни Замедление, ни даже Страх на ней отчего-то не сработали. А вот после того, как последней по глазам ударила ослепительно-красная Боль, на темной стороне раздался пронзительный, до отвращения тонкий визг, словно кто-то полоснул по стеклу ножовкой.

От мощной звуковой волны меня аж перекорежило и появилось желание поскорее зажать уши. Запертая в клетке кошка уже не шипела – она дурниной орала, тщетно пытаясь вырваться. Подскочивший с земли Лойд до рези глазах всмотрелся в поплывшую над сугробами снежную дымку. А потом вытянул руку в совершенно другую сторону и торжествующе гаркнул:

– Вот она, Рэйш!

После чего я обернулся и, наконец, впервые взглянул на нашего загадочного убийцу.

Глава 10

Неведомая тварь стояла шагах в тридцати от меня, прямо у входа в созданными нами магический коридор, ведущий к бешено царапающейся, тщетно рвущейся на волю и отчаянно воющей кошке.

Нежить и впрямь оказалась невелика ростом – всего-то с локоть в высоту, и то, я немного преувеличил. Большая часть ее тела скрывалась под слоем снега, но голову я все-таки рассмотрел и понял, почему в прошлый раз она показалась мне похожей на клубок перепутанных нитей.

Дело в том, что на башке у этого монстра был надет… самый обыкновенный носок. Или какая-то очень похожая, грязно-серого цвета тряпица с рваными краями на концах. Внизу она была перетянула шелковой лентой из числа тех, которые девчонки вплетают себе в косы. Чуть выше неопрятными клочьями из тряпицы торчали нитки, похожие на скверно завитые локоны. А на самом верху, словно съехавший набок парик, виднелась толстая снеговая шапка, под которой, словно неумелой детской рукой, были небрежно намалеваны большие черные глаза и пришита на вместо носа крохотная синяя пуговица.

Если уж совсем подключить фантазию, то я бы сказал, что передо мной оказалась… кукла. Самая обыкновенная, небрежно сляпанная и откровенно потасканная. Вместо туловища у нее имелся лишь обычный тряпичный мешок, а вместо рук красовались тоненькие костяные палочки.

Ног ее я не видел – тварь наполовину зарылась в снег. Однако когда она вдруг юркнула в сугроб и с невероятной… немыслимой даже для нежити скорости помчалась в сторону истошно воющей кошки, я с холодком понял, что у нее там не ноги, а наверное, колесики. Или целая прорва подвижных щупалец, которыми она молотила с такой скоростью, что вокруг нее взлетали целые снежные облака.

– Приготовься, Рэйш! – заорал Лойд, когда тварь, проделав в снегу глубокую борозду, ринулась к вожделенной добыче. Несчастная кошка при этом испуганно взвыла и бешено заметалась, едва не опрокинув клетку. Я напрягся, впервые за долгое время чувствуя, как потеют под перчатками руки. Маг присел на корточки, чтобы лучше видеть убийцу. Почти прозрачная ниточка заклинания в его руке опасно натянулась…

Как вдруг на темной стороне что-то изменилось.

Не добравшись до насмерть перепуганной кошки каких-то пятнадцати шагов, тварь внезапно дернулась и остановилась.

Случайно или нет, но при этом взрыхленный ею снежный бугорок остановился точно напротив нас с Лойдом. До наружного круга ловушки оставалось всего ничего. Истекающее кровью мясо все еще выглядело соблазнительно. Давящаяся собственным криком животное и вовсе было похоже на вкусный десерт…

Но тварь отчего-то насторожилась.

И, поколебавшись несколько долгих ударов сердца, вдруг начала медленно и осторожно отступать назад.

Почему она не сделала этого одним прыжком, я не знаю. Она ведь могла, мы оба видели. Да и просто вильнуть задом и со свистом умчаться ей тоже было вполне по силам. Но вместо этого она вдруг высунула из-под снега жутковатую голову и, повернувшись из стороны в сторону, внезапно уставилась прямо на меня.

О том, что творится в этой тряпичной башке, можно было только догадываться, но мне отчего-то показалось, что за неумело нарисованным лицом скрывалось нечто большее, чем просто голодная нежить.

Кукла вела себя достаточно разумно, что осознавать, что мы неспроста здесь объявились.

Они видела границы нашей защиты.

Она до урчания хотела сожрать оставленную нами приманку, но при этом чуяла, что что-то не так. И я, неотрывно глядя в нарисованные углем глаза, вдруг ощутил, что на сей раз столкнулся с чем-то, о чем даже в старых книгах было ничего не написано.

– Спокойно, Рэйш, – напряженным велел Лойд и медленно-медленно выпрямился, сжимая в руке спасительную нить. – Не двигайся. Пусть она подойдет ближе.

Тварь, словно и впрямь поняла, что именно он сказал, внезапно развернулась всем корпусом и уставилась на мага так же, как мгновением назад смотрела на меня. Внимательно. Пристально. Оценивающе. После чего снова попятилась и, встав так, чтобы видеть нас с Лойдом одновременно, раззявила внезапно обнаружившуюся под тряпкой пасть и тихо, на грани слышимости, зашипела.

– Тс-с-с… – вырвалось угрожающее из-за тройного ряда похожих на иголок зубов. – Тс-с-с-с…

Мы с Лойдом застыли, как завороженные глядя, как в глубине ярко-красной глотки трепещет тонкий, раздвоенный на конце язык.

– Тс-с-с… – снова выдала тварь, легонько качнувшись на месте.

При этом из-под снега раздалось уже знакомое мне: щелк-

щелк… щелк… так, словно внизу у нежити располагались не просто ноги, а громадные крабьи клешни, которыми она недвусмысленно щелкала, словно намеревалась отрезать кому-то голову.

– Рано, – так же напряженно заметил Лойд, когда я выразительно покосился на ловушку. – Надо чтобы она зашла за третий круг. Иначе только потеряем заряд.

– Тс-с-с, – в очередной раз прошипела нежить, без предупреждения метнувшись в мою сторону.

Я при этом тревожно застыл. У Лойда на лице проступило непередаваемое выражение. А тварь, как чуяла, так же резко остановилась, причем точно перед границей защитного знака и медленно, осторожно, изучающе тронула снег перед ним.

О том, что мы вплели Боль и Оглушение со Страхом абсолютно на всех сторонах гигантского сторожевого круга она, само собой, знать не могла. Однако после неудачной попытки его преодолеть что-то в ее башке все-таки произошло. Она явно понимала, что за пылающие багровыми искрами линии заходить больше не следует. Прекрасно видела даже неактивный знак, хотя учебники в голос утверждали, что нежити это недоступно! Пыталась его даже потрогать, но как только по знаку пробежала предупреждающая искра, тут же отдернула лапу!

Она была умнее всех тварей, у которых мне когда-либо доводилось читать.

Она была быстра, осторожна, хитра. И, Фол меня побери, при этом ещё и училась!

В последний раз прошипев что-то неразборчивое, тварь так же неожиданно юркнула обратно под снег, фыкнула в нашу сторону целым столбом из колючих льдинок, а затем проворно заработала лапами, и снежный бурун над ее головой с устрашающей скоростью двинулся прочь.

– Фолова бездна! – ругнулся маг, обреченно опуская руки. – Да что ж тебя не устроило-то, уродина?! Жратвы – море, доступ открыт, а ты, сволочь такая, сбегаешь!

– Ма-а-ау! – с невероятным облегчением выдала чудом спасшаяся кошка.

Я сжал челюсти, поняв, что ловушка не удалась. А потом посмотрел вслед ужасающе быстро удаляющейся твари, торопливо обернулся, прицельно смерив расстояние до клетки. После чего решительно стряхнул с себя снег и перешагнул через защитную черту.

– Рэйш, ты сдурел?! – ахнул Лойд, когда я вышел на середину коридора и, сунув два пальца в рот, оглушительно свистнул. – Ты что делаешь, кретин?!

Снежный бурун, к тому времени уже оказавшийся на границе видимости, вдруг дрогнул и застыл, словно по нему ударили палкой.

– Кошка ей показалась недостаточно хорошей добычей. Но ты был прав, – не поворачивая головы, уронил я и сбросил с себя плащ и шляпу. – Ловить ее надо на живца. Только жертву придется взять побольше.

– Рэ-э-эйш! Что ты задумал, дурак?!

Бурун, поколебавшись, совершил по пустырю небольшой круг и снова оказался напротив входа в ловушку.

– Рэйш! – яростно прошипел Лойд, когда он неуверенно качнулся в нашу сторону. – Рэйш, мать твою разэтак, какого демона ты собрался делать?!

– Иди сюда, тварь! – вместо ответа крикнул я, сложив ладони рупором. – Ты слышишь, мелочь непричесанная? Я здесь. И я тебя жду!

– Все-таки ты кретин, – простонал маг, когда бурун встрепенулся, осыпавшись комками и продемонстрировав мелькнувшую внизу тряпичную голову. – Она же бегает быстрее гулей!

Я быстро на него покосился.

– Успей замкнуть ловушку, Ос. Остальное – моя проблема.

А потом заметил, что бурун сдвинулся с места и понесся в мою сторону с умопомрачительной скоростью, после чего наконец развернулся и кинулся бежать.

Как при этом выругался Лойд, было любо-дорого послушать. Забористый, цветастый и на диво изобретательный мат в его исполнении выглядел особенно сочным. Я, впрочем, особо не прислушивался – мне было слегка не до того. Все, что меня тогда занимало, это пятнадцать несчастных шагов до проклятой клетки, которую нужно было успеть захлопнуть вовремя.

О том, что при этом происходило у меня за спиной, можно было только догадываться. Лойда я больше не видел. А о том, что где-то там, наверху, остались его напарница и Йен, вообще, признаться, позабыл.

Четырнадцать шагов… тринадцать…

Отлично. Я все еще живой и по-прежнему мчусь к намеченной цели.

Двенадцать… одиннадцать…

Порядок. Только бедная кошка вновь начинает истошно орать, справедливо предчувствуя, что на этот раз отвертеться ей не удастся.

Десять…

Взбивая сапогами снег, я с сожалением думаю, что надо было

перед этим здесь все подмести. Тогда и бежать было бы легче, и снежная пыль не так сильно бросалась бы в глаза.

Девять, восемь…

За моей спиной впервые слышится угрожающий клекот.

Семь… шесть…

Нет, не клекот – это с дикой скоростью стучат по земле вонзающиеся в нее костяшки.

Пять…

Наверное, у твари все-таки не две ноги, а немного больше, потому что вскоре щелчки сливаются в один сплошной гул. И он становится тем сильнее, чем быстрее неведомая мерзость нагоняет мня со спины.

Четыре…

Надо же! Я совсем близко! Как, впрочем, и она.

Три… два…

Напрасно Лойд на меня кричит.

Один!

Меня легонько толкают в спину. Едва заметно, едва ли не с нежностью, проводят по куртке коготками, больше похожими на ласковые женские пальчики. Одновременно с этим слышится мерзкий скрип разрезаемой кожи. Что-то с силой пинается меня под лопатку и дергает за волосы. Затылок обдувает легким ветерком.

Неужто не успел?!

Одновременно с этим я, получив нежданное ускорение, делаю последний рывок. Затем разворот. Прыжок… И, уже пролетая над горой свежего мяса, прямо на лету хватаю стоящую поверх истекающего кровью мяса клетку.

А в следующее мгновение за спиной раздается оглушительный взрыв.

Кажется, вся темная сторона содрогается после него в агонии. По глазам бьет яркая вспышка. В ушах поселяется низкий гул, быстро переходящий в невыносимо громкий, удивленно-яростный и до отвращения пронзительный визг. В носу что-то лопается со звоном, и дальше я почти ничего не слышу – меня вышвыривает из внутреннего круга с устрашающей силой и попросту уносит прочь, как пушинку.

При этом я, кажется, лечу в одну сторону, бедная кошка – в другую. Меня кувыркает в воздухе, ломает, швыряет как сломанную игрушку. На невероятной скорости я со свистом и грохотом пролетаю через половину пустыря, чудом миную разбитое окно и торчащие из рам стеклянные осколки. В последний момент успеваю заметить на своем пути невесть откуда взявшуюся стену. Зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как

меня размажет по ней кровавой лепешкой. Затем – удар, темнота, бешеный водоворот искр в глазах…

После чего где-то там, в глубине, под толстым слоем черного покрывала мелькает изящный женский силуэт, а знакомый голос с укором шепчет:

– Это снова ты, Артур?

«Ага, проездом, – проносится у меня в голове ошеломленное. – Прости, красавица, но, кажется, ты и в этот раз чуток опоздала»…

* * *

Первым чувством, которое я испытал, когда пришел в себя, была боль. Слабая, зудящая, тупая. Зато практически вездесущая, словно меня живьем окунули в чан с кипятком, затем дали время ожогам зажить и, только когда на месте старых дыр наросла новая кожа, наконец-то позволили прийти в себя.

Особенно сильный зуд вгрызался в левое плечо и яростно щипал, не давая уснуть. Немного кололо под правой лопаткой. Едва заметно, но все же противно скреблось на левом боку. Немного поднывало ушибленное колено. И отчаянно саднил ушибленный при падении затылок, будто оттуда успели выдрать приличный клок волос.

Когда я открыл глаза, первым, на чем сфокусировался взгляд, оказалась длинная, покрытая застарелой гарью и сажей деревяшка, торчащая прямо у меня из груди.

Однако…

Кажется, не слишком удачно я сегодня упал, раз при падении меня насадило на нее, как мертвую бабочку.

Впрочем, удивление длилось недолго – на мое счастье, деревяшка прошла чуть левее и ниже, чем могла бы, поэтому по-боевому торчала не из самой груди, а всего лишь из-под расцарапанной подмышки. Чудом не вонзилась в спину, сумев разодрать лишь последнюю приличную куртку. Поэтому и кровищи на импровизированном колу практически не было. Поэтому же я чувствовал себя относительно неплохо.

Когда зрение окончательно вернулось, я на пробу повернул голову влево-вправо и скривился, когда перед глазами все поплыло.

Все-таки здорово меня приложило. Особенно если учесть, что затылком я шарахнулся с размаху, да еще не на снег, а, судя по ощущениям, на очень даже твердый и совсем не гладкий булыжник.

Так. В чем мне еще не повезло?

Висок, я судя по всему, все-таки успел рассадить при падении, из носа тоже еще течет, но уже подсыхающая корочка делает свое дело – большая кровопотеря мне не грозит. Левая рука болит, но вроде работает. Правая в порядке. Ноги, насколько я могу понять, тоже. В ушах, конечно, до сих пор стоит гул, в груди при каждом вздохе колет. Так что, наверное, парочку ребер я все-таки сломал. Но и это не страшно с учетом всего того, что успело тут произойти.

Стоило пошевелиться, как рядом раздался скрип снега и надо мной склонилось знакомое лицо.

– Живой, – с удовлетворением сказал Лойд, разглядывая меня так внимательно, словно искал куда б ударить. – Не знаю, почему, но ты невероятно везучий придурок, Рэйш. Даже представить не могу, как ты с таким отношением к работе до сих пор себя не угробил.

С трудом сев, утерев идущую носом кровь и осторожно потрогав громадную шишку на затылке, я взглянул на царящие вокруг разрушения и удивленно присвистнул.

Ничего себе ловушка для демонов…

Эта хреновина рванула так, что взрывом не только разнесло созданные мною развалины – посреди поместья теперь дымилась огромная воронка! Ярко-красная, словно жерло проснувшегося вулкана, прямо вся пышущая, ещё горящая… жаром от нее несло так, что, даже находясь на приличном отдалении, я чувствовал, как стягивает кожу на лице. А уж что творилось с магическим фоном…

Думаю, если бы в округе осталась хотя бы одна приличная тварь, она бы уже скакала вокруг забора, захлебываясь слюной.

От попавшего внутрь мяса, естественно, ничего не осталось. Ни гулей, ни кусков свежайшей говядины, за немалые деньги купленной на ближайшем рынке. Зато вместо нее в воздухе витал совершенно дивный аромат жареного мяса, причем настолько густой и сочный, что я поневоле сглотнул и мельком покосился по сторонам, ища пропавшую кошку.

Видимо, зря – клетка оказалась сломанной, а дверца открытой, так что пушистой мурлыки давно и след простыл. Но пусть уж лучше она свободно разгуливает теперь по темной стороне, чем если бы мы сожгли ее заживо.

Кривясь и морщась, я встал, с трудом доковылял до воронки и, заглянув внутрь, удовлетворенно кивнул.

– Славный шашлычок получился.

– Да. Жаль только, что на образцы ничего не осталось, – с сожалением вздохнул Лойд, подходя ближе, и тоже заглянул

вниз. – За одни отчеты Орден ничего не заплатит – им, гадам, доказательства подавай. А они теперь тю-тю.

– По мне, так и демон с ними, с доказательствами. Лишь бы на темной стороне стало чище.

– И то верно. Ты как сам-то? – со смешком осведомился Лойд. – Вон, от куртки одни лохмотья остались – небось, всю спину тебе исполосовали, а?

Почувствовав гуляющий меж лопаток холодок, я зябко повел плечами – всего на волосок промахнулась тварь. Куртка в клочья, рубаха тоже свисает неопрятными лоскутами, но, как ни странно, шкуру проклятая кукла мне так и не попортила.

– Ты точно уверен, что тварь мертва? – спросил я, когда убедился, что кроме ссадин и царапин, серьезных повреждений так и не получил.

– Куда она денется? Круг на взрослого демона рассчитан. Через такой ни одна нежить не переступит. Разве что ее кто-нибудь через него перенесет – на живых он, к счастью, почти не действует.

Я сплюнул и, проследив, как плевок с шипением исчезает на раскаленной земле, отвернулся.

– Вот и отлично.

– Пойдем, – ухмыльнулся Лойд. – Йену тебя передам – я на твою битую рожу уже сполна насмотрелся. Так что пусть теперь он тебя убивает.

Я удивленно обернулся.

– А что, были ещё желающие?

– Конечно. Если бы нас не разбросало в стороны, я бы первым же делом тебя и пристукнул. Это ж надо было додуматься – ловить нежить на живца! Да за такое мой наставник удавил бы тебя там же, где нашел. А если бы ты был при этом уже мертв, он бы сперва нашел толкового некроса, заставил его тебя воскресить, а потом прибил бы повторно. В назидание. Потому что на моей памяти ещё ни один темный маг не плевал на правила Ордена с такой высокой колокольни!

Я передернул плечами.

– Какая разница, если все получилось?

– А если бы ты не успел? – с ноткой раздражения осведомился Лойд.

– А если бы не успел ты? – насмешливо откликнулся я. – Стало бы лучше или, может быть, что-то бы изменилось?

Маг поморщился, однако спорить дальше посчитал бессмысленным.

Ну и правильно. Главное, что дело сделано, а уж детали для отчета можно и опустить.

Естественно, сразу мы не ушли. Перед уходом требовалось еще раз обойти периметр, чтобы убедиться, что других тварей или следов того, что опасная нежить выжила, не осталось. Затем все собрать, проверить, уничтожить оставшиеся знаки, изменить насыщенность магического фона, для чего Лойду даже пришлось выйти наверх и взять у Триш соответствующий прибор. А потом ещё все это зафиксировать, потом составить специальную схему, внести туда кучу сопутствующих данных… словом проделать всю ту кучу безусловно важных для Ордена, но совершенно неинтересных вещей, которые были строго обязательны для официального протокола и которых я всеми силами старался избегать.

Лишь когда Лойд посчитал, что все формальности выполнены, мы смогли наконец вернуться в реальный мир.

При виде моей окровавленной физиономии со следами нешуточного мордобития Йен мгновенно насупился, Лойд добродушно хохотнул, а в глазах Триш внезапно загорелся такой неподдельный восторг, что я даже усомнился, что правильно понял причину, по которой она так обрадовалась.

– Это было потрясающе! – прошептала она, глядя на меня сияющими глазами. – Вы нарушили все правила обычной охоты, мастер Рэйш, но результат того стоил!

– Так, Триш! – с напускной серьезностью прикрикнул Лойд. – Ты что такое несешь?! Не вздумай ничему учиться у этого чудовища!

– Хорошо, учитель, не буду, – рассмеялась она и вдруг как девочка закружилась на почерневшем снегу, глядя на посветлевшее небо и широко улыбаясь миру, в котором, как и положено, добро всегда побеждает зло.

В контору мы вернулись примерно через полторы свечи – уставшие, вспотевшие, зато довольные. Но если Лойд, Триш и Йен тут же поднялись наверх, то я, оказавшись в холле, с усталым вздохом опустился на кушетку.

Бездна… а все же ребра болят. И башку в повозке растрясло, так что меня снова мутило.

Но ничего. Через пару дней кости заживут, и я опять буду как новенький. Зато когда гости уедут, и царапины заживут, я наконец займусь тем, что так долго откладывал. Ведь для настоящего мага Смерти охота, чтобы ни говорил Лойд, никогда не заканчивается.

Глава 11

– Ну что, Рэйш… счастливо оставаться! – широко улыбнулся Лойд, остановившись перед выходом из здания. – Хоть ты и отмороженный на всю голову, но мне, если честно, понравилось с тобой работать.

Я коротко кивнул.

– Взаимно.

– Не, ты молоток. Без дураков, – охотно признался маг, а затем понизил голос и со смешком сообщил: – Правда, должен сказать: защита на комнате у тебя получилась откровенно дерьмовой.

– Да пошел ты к Фолу! – оскалился я: вот же поганец, все же испробовал ее на прочность. А то и взломал, умудрившись не оставить после себя следов. Демонов охотник!

Тем не менее, я все же подошел и крепко пожал протянутую руку.

– Спасибо, Ос. Ваша помощь пришлась очень кстати. А если вдруг соскучишься, возвращайся. Здесь тебя всегда будут ждать не только многочисленные гости, но и целый набор незабываемых впечатлений.

Маг коротко хохотнул, после чего с чувством хлопнул меня по плечу и вышел. А я едва заметно улыбнулся.

Да, Лойд оказался на удивление неплохим мужиком. Много знающим, немного хмурым, зато изобретательным и весьма неглупым. Да и в качестве темного мага он показал себя превосходно. Тем более, что за последние несколько дней до конца командировки мы с ним успели не только отдохнуть, но и отменно поразвлечься.

Едва пришедшие в себя после исчезновения главного врага гули не смогли даже толком насладиться обретенной свободой, как мы выбрались на темную сторону и устроили настоящую облаву. Лойд наконец-то дождался повода вдосталь помахать своим жутковатым стиком, я, окончательно успокоившись на его счет, вытащил из схрона «секиру»…

Как я уже успел убедиться, столичный маг был надежным напарником. Однако и воином он оказался весьма справным, так что за эти дни мы накрошили в капусту такое количество нежити, что в Верле после этого и впрямь стало легче дышать.

Вы можете представить, что могут натворить на темной стороне два вошедших в раж темных мага?

Вот и гули расстроились. В итоге мы перебили их если не всех, то почти всех, да и то, последних пришлось отлавливать

специально. Оружие Лойда рубило нежить превосходно, заостренные концы «прутов» сперва насаживали гулей, словно баранов на вертел, а затем маг проворачивал свой жутковатый тесак, и несколько десятков лезвий буквально разрывали тела тварей на куски. Причем иногда и не по одному за раз. Но при этом и мою «секиру» маг тоже оценил по достоинству.

Спрашивать, где и у кого я ее добыл, Лойд по привычке не стал – в нашей среде излишнее любопытство не поощрялось. Однако слегка закругленное, невероятно тонкое и прочное костяное лезвие привело его в восторг. А уж то, с какой легкостью оно шинковало гулей и еще на подлете разваливало их на две половинки, заставило его с уважением присвистнуть.

– Роскошная штука, Рэйш, – сказал Лойд, поглядев, как я с ней управляюсь. – И махаешь ты ею прилично. Древка, конечно, не хватает, но думаю, ты обязательно что-нибудь сообразишь.

Я тогда только кивнул. Идей по этому поводу уже почти не осталось, но я все же питал надежду, что хотя бы в бумагах Ниро найдется какая-нибудь подсказка, раз уж мастер Этор не догадался меня ими снабдить.

Под конец дело дошло до того, что мы с Лойдом даже соревноваться начали, кто и сколько укокошит гулей за один подход. Порой выигрывал он, иногда больше везло мне… но только под конец твари все же сообразили, что лезть на рожон не стоит, и вместо того, чтобы с ходу набрасываться, они начали искусно прятаться, стараясь переждать беду в нашем лице в каком-нибудь тихом местечке. Нам приходилось искать их в подвалах, обшаривать подворотни и заглядывать во все укромные уголки, где они могли чисто теоретически спрятаться. Порой нам и впрямь удавалось кого-то вытащить. А иногда создавалось впечатление, что напуганные расправой твари попросту начали уходить из города, пока мы не перебили их всех.

В итоге темная сторона Верля теперь казалась на редкость спокойной и практически вымершей, будто на ней отводили душу не два мага, а два настоящих палача. Зато когда мы наконец закончили, по улицам города можно было неспешно прогуливаться, не опасаясь, что кто-то внезапно сиганет на спину.

Проводив глазами уходящего мага, я на мгновение даже пожалел, что веселье закончилось. Но что поделаешь – дарованное гостям время все-таки истекло, и пришла пора вернуться в столичное Управление сыска, чтобы отчитаться о проделанной работе.

– Спасибо, мастер Рэйш, – несмело улыбнулась Триш, которую за эти дни мы тоже успели неплохо натаскать на темной стороне. – Я очень многое узнала благодаря вам. И это был

действительно бесценный опыт, который я никогда не забуду.

Я молча кивнул, показывая что услышал, и понадеялся, что она и впрямь сумеет воспользоваться моими советами. В ответ тепло одетая девчонка улыбнулась шире, а затем коротко махнула рукой застрявшему на лестнице Йену и убежала следом за наставником, который в этот момент лихо забрасывал последние вещи в экипаж.

Кстати, он все же оставил нам один из визуализаторов, тем самым заставив Йена окончательно признать поражение. А на мой вопрос, как же Лойд будет отчитываться за пропажу ценного имущества, маг только отмахнулся.

– Спишем и все дела. Что нам, в первый раз возвращаться с потерями?

Норриди после этого, кажется, совсем скис, однако в последний момент все же сообразил, как отплатить чужаку за столь щедрый дар. И, пересилив себя, с немалым трудом выпросил у бургомистра казенный кеб, чтобы гостям не пришлось ждать ходящий от разу к разу дилижанс до Триголя или трястись в дешевой повозке вместе с добрым десятком пассажиров. Добравшись за пару дней до единственного крупного города в нашей глуши, там они могли уже спокойно пересесть на регулярно ходящий до столицы транспорт и всего через неделю пути оказаться в столице.

Сидящий на козлах возница, когда я вышел на улицу, чтобы проводить гостей, лихо взмахнул кнутом и, едва дождавшись, когда Лойд и Триш заберутся внутрь, прикрикнул на флегматично обмахивающуюся хвостом лошадку. Смирная вороная кобылка всхрапнула, дернулась в постромках, и кеб неохотно сдвинулся с места. А затем совершил по площади небольшой круг и, постепенно набирая ход, скрылся из виду в густой снежной пелене.

– Ну, вот и все, – проговорил Йен четвертью свечи позже, когда я поднялся к нему в кабинет и занял свое привычное место за столом. – Тварь вы убили, о Палаче мы, можно сказать, тоже отчитались, все подозрения против тебя оказались несостоятельными…

Я проследил, как Норриди по привычке тянется за фляжкой, где вот уже три с небольшим года не кончалось какое-то особенно крепкое пойло, и хмыкнул.

Да. С Нииро удачно вышло. Из-под удара он меня все-таки вывел. А уж то, что Лойд решил задержаться и помочь с нежитью, для Верля было вообще бесценно.

Обычно темные маги не отличались отзывчивостью и крайне редко совершали благие дело. Но столичный выскочка предложил

помощь по собственной воле и с честью прошел это испытание до конца. Да и поохотиться на гулей для него оказалось не в тягость, а в удовольствие, что для нашего брата являлось огромной редкостью.

– Как поживает Лардо? – спросил я, когда Йен по привычке сделал всего один глоток и убрал фляжку обратно в стол. – Все ещё дуется на тебя за тех кукол?

– Прислал сегодня письмо с нарочным. Просил оставить ему Гуго и Вито на пару дней, чтобы закончить отчеты для бургомистра. При этом клятвенно пообещал, что послезавтра отпустит их восвояси, а нашего Гуна даже соизволил похвалить.

– Да ну? Чтобы ворчун Лардо и вдруг кого-то похвалил? – удивился я, демонстративно положив шляпу прямо перед носом Норриди, но тот этого словно не заметил. – Неужто наш Родерик все-таки поймал ему вора?

– Нет. Гун просто взял на себя львиную долю его работы. А насчет краж – не знаю. Оно там само как-то незаметно утряслось.

– Хочешь сказать, больше никто не ворует?

– Да, – задумчиво кивнул Йен. – Как это ни странно, но за последние четыре дня больше никто и ничего не стащил.

Я мысленно хмыкнул.

Это было, конечно, странно, да и вряд ли Вейс даст бургомистру внятное объяснение произошедшему. Однако, насколько мне известно, старший господин Вьен не захочет особо копаться в причинах. Для него самое главное, что преступник исчез… а это, с учетом отсутствия новых краж, было очевидно. После этого и Лардо, я думаю, вздохнет с облегчением.

У меня, правда, были на этот счет другие соображения, но я предпочел о них умолчать. И в рапорте, который зануда Йен все-таки с меня стребовал, тоже ни словом по этому поводу не обмолвился, поскольку улик у нас не было, а на простые измышления бургомистру было наплевать.

То же самое казалось и магов Ордена – без доказательств, как правильно заметил Лойд, нечего и думать туда соваться. Но все доказательства сгорели на том грешном пустыре, и теперь нам оставалось лишь догадываться, имела ли проклятая тварь какое-то отношение к кражам.

– Ладно, пошел я, – поднялся я, когда Йен, глянув в окно, слегка загрустил. – Если что, оставишь записку под дверью. Я увижу.

– Привет зазнобе, – рассеянно отозвался Норриди, думая явно о своем.

Я понимающе хмыкнул. И, уже выходя из кабинета, молча порадовался, что на протяжении вот уже десяти лет моей

единственной женщиной была и остается лишь Тьма. Молчаливая, холодная, смертельно опасная, но при этом искренняя и преданная. И я не настолько сошел с ума, чтобы начать ей с кем-нибудь изменять.

* * *

Темная сторона Верля, как и всегда, встретила меня тишиной. Ветра на этот раз почти не было, только легкий снежок медленно кружился на улицах и невесомым покрывалом опускался на искореженные, местами обгоревшие и наполовину разрушенные дома. Так, словно Тьма тоже устала от безрадостной картины и хотя бы снегом хотела прикрыться, чтобы хоть чуточку освежить мертвый город и сделать его не таким унылым.

Глубоко вдохнув холодный воздух, я уже привычно крутанул в руке «секиру» и прошелся по центральным улицам, повсюду встречая непривычное запустение.

Следов на снегу не было – после последней охоты уцелевшие гули затаились и не торопились показываться на глаза. Оставленные нами трупы тоже исчезли, но это меня как раз не удивило – то, что помимо гулей, на темной стороне обитают и другие падальщики, было вполне естественно. По-моему, я на днях даже шурша видел, да и из подворотен не так уж редко доносился крысиный писк.

Другое дело, что мелочь не стремилась показываться на глаза, да и не рискнула бы напасть на темного мага. Были у них мозги или нет, но жить, как правильно заметил Йен, они все же хотели, поэтому ненужных встреч стремились избегать и при звуке шагов моментально прятались по щелям, терпеливо дожидаясь, пока я пройду мимо.

Завершив на сегодня обход города, но так и не найдя ни одной крупной твари, я удовлетворенно кивнул и, забросив «секиру» в тайник, вышел на светлую сторону.

Как это ни удивительно, но уже третий день подряд мне никто не попадался на пути, и я возвращался домой, даже не размявшись.

С «секирой» пока придумать ничего не удалось – древко на ней упорно не желало держаться. Но я и к кастету прекрасно приноровился, а на непредвиденный случай все равно таскал с собой меч… который, кстати, давно следовало привести в порядок.

Глянув через окно на выглянувшую на небе луну, я бросил на стул грязный плащ и вытянулся на постели.

Скучно, господа. Ни новых убийств, ни краж, ни даже толковой охоты за те три дня, что прошли с отъезда Лойда и Триш, увы, не случилось.

Поэтому мне было скучно. Спать после нескольких часов, проведенных в схроне, совсем не хотелось, так что я забросил руки за голову и невидящим взором уставился в потолок, пытаясь понять, как буду жить дальше. Здесь, в крохотном и ставшим теперь спокойным Верле, где, благодаря недавней охоте, жители ещё долго не будут нуждаться в услугах темного мага.

Может, снова на болота податься? Начать травить нежить по окрестностям, раз уж в городе никого не осталось?

А что?

Оружие у меня теперь справное, работать им я тоже наловчился, навыки на гулях отточил, с дневником учителя наконец разобрался. Вещи Ниро, правда, до сих пор оставались нетронутыми, но я на днях заглянул в один из его талмудов и даже попытался воспроизвести пространственно-временной карман, схема которого нашлась на самом видном месте…

Но увы. В отличие от мастера Этора, этот вид маги подчиняться мне наотрез отказался, хотя я немало времени угробил, чтобы как следует в ней разобраться. К несчастью, это требовало качественно иных навыков, нежели те, что сумел передать мне учитель. Проще говоря, я должен был годы угробить на овладение этим искусством с нуля, так что о личном пространственном кармане, похоже, придется надолго забыть.

Неожиданно в комнате повеяло холодком и прямо на кровать, возникнув из воздуха, спланировал обрывок бумаги.

«*Ты мне нужен. Срочно*, – с удивлением прочитал я, поймав обгоревшую по краям записку. – *Жду после полуночи у мельницы в Нирне*».

– Лойд? – удивился я, безошибочно узнав корявый почерк мага. – Какого демона? Ты же должен быть сейчас на полпути к Алтиру!

Бомм! – размеренно сообщили из гостиной часы, сообщая о приближении полночи.

Бомм!

И это вывело меня из недолгого раздумья.

Нирн – мелкая рыбацкая деревушка, расположенная неподалеку от Триголя. Я там в свое время когда-то побывал и впечатления об этом месте сохранил самые неприятные. Но, если Лойд все-таки не уехал из Триголя как планировал, то за каким рожном ему понадобилось торчать в этой дыре?

Или что-то случилось?

Что-то, что заставило его отложить возвращение в столицу и

задержаться в нашей забытой богами глуши?

– Охота? – вслух удивился я. А потом ещё раз перечитал записку, с опозданием сообразил, что Лойд в своей манере просит о помощи, затем отыскал прикрепленную к бумаге ниточку поискового заклинания и тихо присвистнул.

Видать, его и впрямь прижало, если он рискнул дать мне свой след. Я не раз видел бедолаг, которому не повезло ощутить идущего за ними по пятам темного мага, и мог только пожалеть Лойда, добровольно решившего испытать это сомнительное чувство.

Бомм! – в третий раз прогудели хозяйские часы, заставив меня рывком поднялся с постели.

чтобы там ни случилось, но действовать следовало быстро. Лойд когда-то не пожалел ни времени, ни сил, чтобы помочь нам с опасной тварью, так что не откликнуться на его просьбу я попросту не мог. А помощь, судя по всему, требовалась немедленно, иначе не стал он бы звать меня так, как мог бы позвать не просто напарника, а друга. Поэтому, наскоро одевшись и вернувшись на темную сторону, я выудил из тайника не успевшую сегодня поработать «секиру» и, смяв в кулаке записку, встал на след.

На этот раз азарт от погони был слабым и отдавал горьким привкусом беспокойства.

Лойд, Лойд… во что же ты вляпался, если пришлось потратиться на полноценного вестника? Неужели тварь, с которой ты столкнулся, оказалась настолько сильна?

Что это? Демон? Вампир? Другая высшая мерзость, которую проморгали тригольские сыскари?

Очутившись меж непроницаемо черных стен знакомого коридора, я почти бегом помчался по следу, видя его не глазами, а нутром, чувствуя всем своим существом, как чувствует и видит добычу получившая команду «фас» ищейка.

Расстояние до Нирна было немаленьким, но я не зря зашел на тропу именно на темной стороне. Старую мельницу в той деревне я тоже прекрасно помнил, поэтому не пожалел сил, чтобы оказаться там как можно скорее.

Наверное, если бы я так не спешил, то нашел бы время постоять и подумать, почему Лойд вообще обратился ко мне. По какой причине он не привлек к этому гораздо более опытное и многочисленное тригольское Управление, и отчего его след казался не просто стойким, а ещё и очень свежим, словно маг знал, каким именно образом я перемещаюсь во Тьме. Знал и не сомневался, что я успею оказаться на месте вовремя.

Первая мысль о том, что что-то не так, посетила мою дурную

голову, когда сразу на выходе с тропы сразу обе мои ноги влипли в какое-то удерживающее заклинание, и я, оказавшись посреди единственной улицы Нирна, не смог сделать по ней ни единого шага.

Подозрения эти переросли в уверенность, когда всего через миг после этого мое горло захлестнула наброшенная сзади удавка, а затем с силой дернула, буквально пришпилив меня к ближайшей стене. А следом за этим такие же прочные путы обернулись вокруг запястий, плеч, бедер и щиколоток, врезавшись в кожу с такой силой, что на снег закапала кровь.

Наконец, когда я увидел вывернувшего из-за угла ближайшего дома Лойда, смысл непонятной записки стал окончательно ясен: столичный маг и впрямь начал новую охоту.

Вот только на этот раз его дичью были не твари, а я.

– Ну здравствуй, Рэйш, – приветственно кивнул он так, словно мы с ним, по меньшей мере, приятели. А затем подошел ближе и, заложив руки на ремень, тонко улыбнулся. – Давно не виделись. Как жизнь?

Я быстро огляделся по сторонам.

Нирн, как и положено, выглядел заброшенным и мрачным. Разрушенные дома, разбитые окна, уныло торчащие из стен обломки печных труб… когда-то в этой деревеньке я сполна познал, что такое ненависть к людям. Но, как говорил мастер Этор, история имеет свойство повторяться, вот только сегодня объектом для всецело охватившего меня чувства стала не жестокая толпа, а такой же маг, как я сам.

– Как тебе обстановка? – издевательски осведомился Лойд, когда я оглядел развалины и с толикой облегчения понял, что Триш поблизости нет. – Ничего не жмет? Не давит? А то я могу еще немного затянуть.

Чувствуя, как удавка еще больше врезается в горло, я зло сплюнул, но, к сожалению, не попал.

– Ничего, – ничуть не расстроился чужак. – Скоро у тебя и на это желания не останется. Хотя я надеюсь, ты достаточно вынослив, чтобы я смог сполна удовлетворить свое любопытство.

– Что тебе нужно, Лойд?

– Совсем немного. Но для начала, если не возражаешь, я бы хотел кое-что обсудить…

Глава 12

Услышав из-за дальних домов характерный скрежет и осторожное курлыканье, Лойд достал из-за пазухи отпугиватель и коротко свистнул.

От раздавшегося пронзительного и резкого звука меня едва не перекорежило, а подкрадывающиеся к мельнице гули с обиженным визгом кинулись прочь. Только с шумом осыпалась черепица под когтистыми лапами да послышался быстро удаляющийся шорох. После чего на темной стороне снова все стихло, а Лойд, прихватив у стены какой-то чурбак, поставил его напротив и сел, уставившись на меня снизу вверх с каким-то болезненным любопытством.

– Вообще-то, я тебя обманул, – сообщил он, когда вдоволь на меня налюбовался. – Те знаки, которые я нарисовал внутри ловушки, изначально были рассчитаны не только на демонов, но и на магов. Я посмотрел, как ты работаешь на темной стороне, и должен сказать, что это действительно сильно. Твоя выносливость тоже впечатляет – осилить наружный круг ловушки в одиночку до тебя еще не удавалось никому. Но ты сумел. Молодец. Хвалю. Жаль, что мне удалось проверить тебя на прочность. Я ведь уже тогда придумал способ тебя туда заманить, но не ожидал, что ты в последний момент все переиграешь.

Я скривился.

Вот же козел. Да и я тоже хорош. Доверился, мать его. Открыл спину. Повезло еще, что сиганувшая следом тварь меня подтолкнула, иначе угодил бы туда сапогом, и привет родителям.

– В прошлый раз ты сумел через них перепрыгнуть, но сейчас знаки прямо у тебя за спиной, – тем временем продолжил Лойд. – Так что теперь ты слаб, уязвим и совершенно ничего не можешь мне противопоставить.

Да уж знаю, урод. Первым же делом попробовал тут что-нибудь поджечь, только не сразу понял, куда девались все силы и почему твоя бледная морда так и маячит у меня перед глазами.

– Зачем же тянуть? – прохрипел я. – Приманку создавать, силы на ловушку тратить, тревожить темную сторону… убил бы сразу. Зачем было мучиться?

– Нельзя, – с сожалением протянул маг. – Старые перстни частенько с секретом и имеют привычку метить убийц своих хозяев. А иногда ставят метку даже на того, кто в момент смерти просто окажется рядом, так что я лучше подожду, пока ты сам сдохнешь. Так надежнее.

Я с трудом сглотнул, чувствуя, как бегут по коже горячие

струйки. Дергаться в магических путах было опасно – удавка врезалась так, что я едва мог вздохнуть. А на то, что творилось в запястьями, вообще было страшно смотреть. По моим ощущениям, заклинание вгрызлось туда до самых костей. И всего одного лишнее движение могло хватить, чтобы оставить мне на память короткие культяпки.

– И зачем я тебе сдался, позволь спросить?

– Видишь ли, Рэйш… – медленно проговорил маг, глядя куда-то в сторону. – Мне кажется несправедливым, что именно тебя старик Этор сделал своим наследником.

Я чуть не закашлялся.

– Причем тут учитель?! Неужто ты позарился на его перстень?!

– И да, и нет, – так же медленно отозвался Лойд, все еще глядя куда-то мимо. – Но у тебя нет на него никаких прав. Ты не урожденный Рэйш. Тем не менее старик так высоко тебя оценил, что с какого-то перепугу вдруг завещал все свое имущество. Разве это справедливо?

Я оскалился.

– Тебе-то откуда знать, кем он мне приходился?

– У него не было прямых наследников, – сухо уронил маг, впервые взглянул на меня прямо. – По крайней мере, так утверждают столичные записи. И в чем-то это действительно так – за всю жизнь у старика Рэйша родился только один ребенок. Девочка. Лишенная дара, слабая и так тяжело болевшая с самого детства, что он при первой же возможности отдал ее замуж за какого-то провинциального барончика и поторопился вычеркнуть ее имя из фамильного древа.

– Может, он на старости лет все-таки сумел зачать сына, – выплюнул я. Не из упрямства, а лишь чтобы потянуть время.

Но Лойд лишь покачал головой.

– О рождении наследника Рэйш не стал бы молчать так долго. Мальчик в семье – это же гордость. Мальчик в древнем, но уже увядающем роду – это радость вдвойне. А если он при этом ещё и маг… но я наводил справки. Запись о тебе появилась в столичных архивах только три года назад. И сделала их старик собственноручно. Так что ты не истинный Рэйш. Просто подделка. Хотя с учетом твоих способностей я, пожалуй, могу понять, почему старик тебя выбрал.

Я сжал зубы.

– Он был неплохим человеком. Особенно в сравнении с остальными.

– Он был упрямым чванливым болваном! – на мгновение потерял самообладание Лойд. – И превыше всего ценил

собственную значимость для мира! Считал себя уникальным! Избранным! И верил, что принять его искусство под силу лишь только такому же, как он, гордецу! Темному, которому Тьма будет благоволить также, как когда-то она благоволила самому… подумать только… великому Этору Рэйшу!

Я неловко шевельнул рукой, но вдруг ощутил лизнувший ее знакомый холод и неверяще замер.

– Да, – с отвращением подтвердил Лойд, покосившись на мою окровавленную руку. – Тьма тебя любит, Рэйш. И позволяет делать такие вещи, которые большинству из нас недоступны. Я подозревал об этом, когда мы впервые встретились. Но лишь когда Триш сказала, что видела у тебя черные глаза, окончательно в этом уверился.

Ах вот почему она испугалась, впервые взглянув на меня через «очки»! Напрасно я не выждал положенного времени и поднялся в кабинет сразу, как только вынырнул с темной стороны. Тьма всегда отпускала меня неохотно, настойчиво шептала в уши, цеплялась за плечи, всеми силами стараясь удержать внизу. Да и Йен не раз говорил, что какое-то время после возвращения я напоминаю ходячий труп с совершенно жуткими глазами.

Жаль, что я не понял этого сразу. А вот Лойд, наоборот, сделал правильные выводы и теперь оценивающе щурился, словно ждал, что я начну возражать.

– Ты такой же, как он, – кивнул он, когда понял, что спорить я не стану. – Самоуверенный, упрямый, обожающий плевать на общепринятые законы и правила. Но кое-чего у тебя не отнять…

Лойд снова покосился на мою ладонь, а я вдруг ощутил, как по ней, помимо крови, медленно стекает что-то холодное и липкое, и скосил глаза.

– Тьма живет в тебе, – подтвердил мою догадку сидящий напротив маг. – Это редкий дар, Рэйш. Очень редкий, потому что он означает, что для Тьмы ты свой. Так же как шурши, демоны, гули и прочая нежить. Благодаря этому ты чувствуешь себя в ней как дома. Тебя не мучают призраки прошлого. Не угнетает его голос. Ты даже не стареешь на темной стороне! А еще способен преодолевать без последствий любые расстояния и создавать прямые тропы, о чем такие как я всегда могли только мечтать.

Я фыркнул.

– И что? Только из-за этого ты решил, что от меня надо избавиться?

– Напротив, – сумел-таки меня удивить Лойд. – Ничего личного, Рэйш. Ты и впрямь неплохой напарник, успешный маг и хороший воин. Но мне нужен твой перстень. А сам ты, как я

понимаю, не захочешь мне его отдать.

Я только ощерился.

По собственной воле передать кому-то свой перстень? Знак моей силы и еще невеликого, но все же растущего мастерства? Предать доверие учителя и добровольно отдать какому-то чужаку то, что он так долго создавал и чем так гордился?

Да лучше сдохнуть! И пусть потом этот гад помучается, пока будет сдирать перстень с трупа!

– Я так и предполагал, – спокойно отозвался Лойд, когда я изловчился и все-таки до него доплюнул, оставив смачную харкотину на тщательно вычищенном сапоге. – Поэтому и предпринял меры.

– Надеюсь, Триш не в курсе, что, помимо нежити, ты иногда охотишься на своих?

– Триш – хорошая девочка, – рассеяно бросил маг. – Ни к чему ей знать такие подробности. Да и не охочусь я на коллег. Как правило. Пока меня сильно не достанут. Но тут уж, как говорится, дело чести.

Я скривился.

– Много ли чести в том, чтобы сидеть тут и дожидаться, пока я истеку кровью?

– Зачем сидеть? Я скоро уйду. Насколько хватит заряда у перстня, конечно, не знаю, но думаю, к утру все как раз закончится. И тогда я вернусь, чтобы забрать то, что принадлежит мне по праву.

– Перстень тебя не признает, – процедил я, когда маг встал и, пнув завалившийся набок чурбан, демонстративным жестом подбросил на ладони отпугиватель.

Лойд усмехнулся.

– Он не признает чужака. А родную кровь, пусть и слегка разбавленную, ни один родовой артефакт оттолкнуть не сможет. Тебе он достался не по праву, но я исправлю это упущение. И фамильное наследие Рэйшей не канет в забвение лишь по причине того, что жадный старик не захотел мне его передать.

– Ты? – прохрипел я, наконец-то начиная прозревать. – Хочешь сказать, это ТЫ его наследник?!

Лойд спокойно кивнул.

– Его дочь была моей матерью. Так что да, я – прямой и единственный законный наследник Этора Рэйша, и мне гораздо больше пристало носить этот перстень, чем какому-то безродному бродяге.

– Безродный или нет, но это был его выбор, – сжал челюсти я. – Видимо, ты не заслуживал доверия, раз старик тебе отказал.

– Он считал, что я убил собственного наставника! –

огрызнулся Лойд, и его лицо исказилось от ярости.

– Да ну? И что, позволь узнать, натолкнуло его на эту любопытную мысль? Ах да, – язвительно добавил я. – Помнится, ты упоминал, что во время охоты на демона кто-то из магов совершил ошибку. Кажется, поэтому весь ваш отряд полег в горах? Не тогда ли ты узнал об особенностях магических перстней? И не потому ли мастер Этор тебе отказал, что увидел в твоей ауре метку убийцы?

Лойд едва не зарычал.

– Это была случайность! Ты понял, ублюдок?! Просто дурацкое стечение обстоятельств и один-единственный неровно нарисованный знак, из-за которого демона тогда не смогли удержать в ловушке!

– Вот оно что… полагаю, тот защитный круг рисовал именно ты? Наверное, поэтому ты так хорошо его запомнил?

– Это был мой первый круг, – процедил Лойд, буравя меня бешеным взором. – Проверка, которую я, к сожалению, не прошел. Но старик Рэйш решил, что я сделал это специально! И когда я пришел к нему за помощью… пришел в первый раз за все эти годы! То он вышвырнул из собственного дома, как сопливого щенка!

– И с тех пор ты его ненавидишь…

На скулах мага загуляли желваки.

– Я же сказал: ничего личного, Рэйш. Наши отношения со стариком тебя бы не коснулись, если бы не кольцо.

– Конечно, – устало отозвался я. – Но поскольку оно у меня, то ты придумал липовую отмазку, заманил меня в ловушку и собрался убить, лишь бы заполучить то, чего не смог взять честным путем.

– Не тебе меня судить, Рэйш!

– Само собой. За меня это сделает Тьма.

– Это будет нескоро, – растянул губы в неприятной усмешке Лойд. – До тебя она доберется намного быстрее. И кстати…

Подойдя вплотную, он распахнул полу моего плаща и, едва не отрезав мне ногу, вытащил из специально прилаженных петель мою незабвенную «секиру».

– Это я тоже заберу, – довольно кивнул он, просунув пальцы в отверстия на лезвии и вдоволь налюбовавшись устрашающим «кастетом». – Тебе она больше ни к чему.

– Что б ты сдох, Лойд, – тихо пожелал я ему в спину. На что лысый гад только посмеялся и, беззаботно насвистывая себе под нос, направился прочь, бросив меня умирать в опустевшей деревней.

Впрочем, не совсем опустевшей – стоило только магу

отдалиться, как на соседней крыше снова что-то заскреблось.

Гули…

Ну конечно, трусливые падальщики не осмелились бы пересечь невидимую границу, которую очертил вокруг мельницы отпугиватель. Но как только артефакт отнесли в сторону, почуявшие кровь твари начали возвращаться и теперь собирались в стаю, с нетерпением ожидая, когда его действие закончится.

Вот, значит, какую смерть приготовил для меня Лойд?

До утра времени оставалось еще прилично, так что к его возвращению от меня не останется даже костей. После этого ему надо будет только подойти, разгрести сапогом обрывки одежды и спокойно забрать то, что по праву принадлежало только мне.

– Что б ты сдох, Лойд, – обессиленно дернувшись, устало повторил я и обвис на проклятых путах.

– Прощай, Рэйш, – донеслось в ответ издевательское, а еще через миг короткий вихрь возвестил, что предатель-маг вернулся в обычный мир и оставил меня один на один с радостно загалдевшими гулями.

* * *

При виде первого неторопливо спустившегося со стены, опасливо клацнувшего зубами крысюка я на мгновение испытал знакомое отчаяние. Но миг слабости тут же прошел, и меня охватила злость.

– Вон пошли, твари облезлые, – процедил я, когда следом за первой тварью из соседних домов и подвалов начали опасливо вылезать остальные.

Три, четыре, пять…

Помня о том, что совсем недавно здесь был второй маг, нежить не спешила кидаться в атаку. Твари неуверенно переглядывались, настороженно нюхали воздух, то и дело приседали, если им казалось, что неподалеку слышался какой-то шум, но все же медленно и неумолимо приближались, капая на снег липкой слюной.

Я дернулся раз, другой, но использованное Лойдом заклинание держало надежнее любых цепей. Ловушку на стене он тоже начертал с умом. В магическом плане я был абсолютно сух и не имел возможности не то что использовать знаки – я даже малозатратную вербальную магию не мог сейчас применить. Хотя видит Фол, я бы с удовольствием рискнул засветиться на всю темную сторону, лишь бы выбраться из ловушки и успеть снести Лойду башку.

– Да что б вас всех разорвало! – прошептал я, бешено дернувшись в третий раз и тут же ощутив, как кровь быстрее побежала по горлу.

Почуяв ее пьянящий аромат, гули утробно взвыли и, резко осмелев, начали выползать не только из соседних, но уже из крайних домов. Причем не по одному-два, а целыми группами, после чего целеустремленно порысили к мельнице, неотрывно глядя на прикованного к стене меня.

Демон! И за что мне такая глупая смерть? Может, проще будет дернуть головой посильнее и больше ни о чем не беспокоиться?

Увы. Я, может, и дурак, но совсем не самоубийца. А оторванная башка даже на темной стороне вряд ли снова прирастет.

Все-таки попытавшись вырваться в последний раз, я рванулся до черных искр в глазах, но лишь ещё больше ослаб и, уже со всех сторон слыша радостное курлыканье, устало прикрыл глаза.

Проклятье…

Ну почему мне так не везет?

– Артур? – моей макушки коснулся легчайший ветерок, похожий на холодные дыхание Смерти.

Я замер. Гули, кажется, тоже. А затем мою спину осыпало совсем уж нехорошим морозцем, после чего из-за моей головы выскользнула изящная женская ручка и почти ласково погладила по щеке.

– Ну здравствуй, Артур… вот мы и снова встретились.

Я нервно скосил глаза в сторону, но, как и раньше, никого не увидел.

– И тебе здравствуй, красавица. Вспомнила, что я уже два раза срывался с крючка, и решила сегодня явиться пораньше?

– А ты все так же дерзок, – тихонько рассмеялась Смерть, не торопясь показываться на глаза. – Все так же остер на язык… Но что же ты не встречаешь меня как положено?

Я криво усмехнулся и демонстративно шевельнул прикованными ладонями.

– Ну прости, красавица. Не могу.

– А если бы мог?

– Тогда, может, и колено бы перед тобой преклонил. Все-таки ты очень настойчивая, а я уважаю упрямых леди.

За моей спиной снова послышался хрустальный смех, больше похожий на мелодичный перезвон колокольчиков.

– На это, пожалуй, стоило бы посмотреть. Но прежде ответь мне на один вопрос.

Ишь, какие мы сегодня разговорчивые! Зато гули, кажется,

как увидели мою собеседницу, так и обомлели. По крайней мере, ни один не посмел больше сделать в мою сторону ни единого шага. И ни один не рискнул показать ей зубы, чтобы не дай Фол не привлечь к себе Ее пристальное внимание.

– Я к твоим услугам, красавица, – ухмыльнулся я, радуясь, что хотя бы пару лишних мгновений ещё поживу.

– Что такое Тьма, Артур? – вдруг совершенно неожиданно поинтересовалась Смерть.

– Тьма – это отсутствие света, – даже не задумавшись, выпалил я.

– А что такое свет? – снова огорошила Она меня. А когда я ошарашенно промолчал, к моей щеке прильнули ледяные губы, и шепнули над самым уходом: – У тебя три удара сердца, Артур. После этого… с тобой или без тебя… я уйду.

Что-о?! Я или умру, или останусь тут скитаться вечным призраком?!

Хорошенький же выбор предоставила меня Смерть!

– Так что ты скажешь? – снова прошептали Она. После чего я лихорадочно метнулся взглядом в одну сторону, в другую, но гули и впрямь застыли, будто чья-то властная рука действительно остановила время.

Три удара сердца…

Всего три удара!

Но если учесть, что на темной стороне оно у меня почти не бьется, то Смерть сделала воистину королевский подарок! Итог, конечно, в любом случае будет один и тот же, но лучше уж отправиться вместе с Ней на перерождение, чем сдохнуть от зубов гулей, а после этого вечно скитаться во Тьме, порой даже не понимая, кто я и как тут оказался.

Демон!

Так что же такое свет?!

– Свет – это тепло, – торопливо пробормотал я, в то время как мои мысли лихорадочно заметались. – Свет – это солнце, огонь, весна… но ты, наверное, не об обычном мире спрашиваешь?

Бомм! – как удар колокола в старинных часах, гулко содрогнулось мое сердце.

– Свет, свет… – ещё быстрее забормотал я, кидая по сторонам отчаянные взоры. – На темной стороне света никогда не бывает. Здесь же нет солнца. Нет тепла. Здесь вообще ничего нет, кроме нежити… и нас! Но если считать, что ты говорила о том свете, что мы способны принести сюда с собой, то свет… свет – это жизнь! Та божественная искра, что есть в нас самих, и которую мы, смертные, всегда носим в сердце!

Бомм! – во второй раз ударило у меня в груди.

Но Смерть на это ничего не сказала.

– А еще свет – это вера! – выкрикнул я, чувствуя, как холодеют держащие меня пальцы, и как сумрак в моих глазах сменяется медленно гаснет, сменяясь самой настоящей тьмой. – Вера! Ты слышишь?! Пока мы верим, мы все ещё живем!

Смерть снова промолчала, а я вдруг почувствовал, что самым настоящим образом тону. Я будто в первый шагнул во Тьму и снова, как тогда, ощутил на себе ее ледяное дыхание. Снова, как и тогда, оказался посреди тюремной камеры и невидящим взором уставился на брошенную мне под ноги свежую газету.

Зачем это понадобилось делать охраннику, я ни тогда, ни сейчас не знал, но как наяву увидел выделенным черным шрифтом заголовок. И так же, как в ту ночь, вдруг почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног.

«*Ужасное происшествие в Белом квартале!* – кричал огромный заголовок на первой странице. – *После долгого расследования Королевский суд Алтира наконец-то огласил приговор юному графу Артуру Кристоферу де Ленуру и признал его виновным в совершении жестокого убийства. По данным следствиям, в ночь с пятнадцатое на шестнадцатое лиственя этого года младший сын графа де Ленур, находясь в состоянии алкогольного опьянения, стал причиной гибели собственного брата – Дерека Алена де Ленура, образцового военного и прекрасного светлого мага, чья смерть потрясла столицу меньше двух месяцев назад. Казнь преступника назначена на тринадцатое число этого месяца. Но накануне в особняке семейства произошла очередная трагедия! Два дня назад около часа пополуночи граф Кристофер де Ленур был найден повешенным в собственном кабинете! Прибывшие на место происшествия следователи алтирского сыскного Управления уверены, что граф покончил жизнь самоубийством. Собственноручно написанная им предсмертная записка не дает ни малейшего повода в этом усомниться. А уже этим утром нам сообщили, что накануне около полуночи убитая горем графиня Элеорона де Ленур выбросилась из окна собственной спальни. Расследование еще ведется, однако следователи уверены, что очередная ужасная смерть в этом несчастливом семействе – прямое следствие той страшное трагедии, которая всколыхнула весь город с гибелью Дерека Алена де Ленура…*»

Я хорошо помню, как закончил читать эту страшную статью.

Помню, как сразу после этого в моей душе что-то оборвалось.

Помню жуткие черные стены, которые сомкнулись вокруг меня, словно стены склепа. И холод… тогда я впервые в жизни испытал дикий, невыносимый, воистину смертоносный холод, от которого останавливается сердце.

Сколько я так стоял, шатаясь под тяжестью обрушившихся на меня известий, не знаю. Я плохо помню то, что случилось потом. Зато моя память каким-то чудом сохранила знание о том, что в тот день, как и сегодня, в столице шел снег. Снег был повсюду. На земле, на крышах, на головах прохожих. И точно такой же снег тогда выпал в моей душе. Горький, черный, по-настоящему мертвый снег, который мы видим лишь в моменты беспросветного отчаяния.

Именно тогда мой разум впервые накрыла пелена безумия. Тогда же я впервые в жизни ушел темной тропой. Сквозь холод и тьму, как ведомый инстинктами зверь, на одном чутье вернулся в опустевший особняк де Ленуров и уже там, стоя во тьме, вдруг увидел яркие, подсвеченные алыми искрами, но совершенно отчетливые следы, которые уходили прочь от места преступления.

Словно раненый зверь, я в каком-то наитии ринулся по этому следу. Как озлобленный пес, ворвался в припортовый кабак и с рыком накинулся на приютившегося в углу тщедушного человечка. За два месяца запах крови на его одежде уже успел порядком выветриться, но я хорошо видел светящийся след, что тянулся к нему от места убийства. Видел багровые следы в ауре истошно завопившего смертного. И я зубами выгрыз из него эту ауру… вместе с душой… лишь для того, чтобы с появлением всполошившихся магов выплюнуть из себя уже истаивающего призрака и обессиленно упасть, исчерпав свои новые возможности до последней капли.

О том, что обвинения с меня сняты, я узнал гораздо позже, в один из редких проблесков сознания, которые иногда, но все же посещали мою опутанную безумием душу. Что это было, я уже теперь не помню, но словно лучик света озарил однажды сгустившуюся надо мной тьму и незнакомым, полным сочувствием голоса произнес:

– Как жаль. Дом умалишенных для мага такого уровня – это нонсенс. Будь у него учитель, из мальчишки вышел бы толк.

Следующий светлый миг застал меня уже на полпути в Триголь.

Еще один проблеск разума привел в приютившуюся рядом с Зеленым озером деревушку.

Тогда, насколько мне известно, в Нирне было намного более людно, чем сейчас. В те годы рыбный промысел процветал, деревня жила богато. Да и пролегающий неподалеку тракт приносил с собой частых гостей, которые все как один останавливались именно здесь – в «Четырех бочках», где когда-то варили один из лучших элей по всей округе.

На растерянно озирающегося оборвыша завсегдатаи и гости трактира взглянули с отвращением. Грязный, покрытый синяками и ссадинами, с разбитыми в кровь пятками, я являл собой по-настоящему жалкое зрелище. Но даже так я не заслуживал брошенных из окна огрызков. Как не заслуживал ни плетей, ни едких насмешек от тех, что наивно считал себя выше меня по положению.

Наверное, именно тогда я отдалился от человечества. Тогда же понял, что люди – это жадная до зрелищ, жестокая и радостно улюлюкающая толпа, в которой не нашлось ни одного приличного человека, способного заступиться за сумасшедшего.

И лишь старый рыбак, на которого мне повезло натолкнуться на выходе из деревни, стал для меня лучиком света в пучине тьмы. Одинокий, хромой и уставший от жизни калека, который первым рискнул меня пожалеть.

– Ступай к болоту, мальчик, – шепнул он мне, вовремя углядев седые космы среди безобразно свалявшихся колтунов. – Там есть один маг. Он поможет.

Именно так я узнал о мастере Эторе Рэйше.

И именно поэтому я, однажды сюда вернувшись, не тронул проклятую деревню. Не тронул, видимо, зря, потому что прошлое действительно возвращалось, и я снова ощутил себя здесь, на этой же самой улице, недалеко от старой мельницы и того самого проклятого трактира. Вот только рядом не было никого, кто мог бы мне помочь.

Воспоминания – как отблески молнии: внезапно возникнув, они так же быстро и погасли, почти не украв у меня отмерянного Смертью времени. Но, заново вспомнив печальный отрезок той жизни, я внезапно понял, о чем Она меня спрашивала. И с каким-то новым чувством оглядел погруженную в полумрак улицу.

Для темного мага в порядке вещей – прикасаться к Тьме и слышать ее шепот. Но по-настоящему на темную сторону мы уходим лишь в минуты страшного, всепоглощающего и по-настоящему убивающего душу отчаяния.

У каждого из нас в прошлом был день, о котором мы не хотим вспомнить. Гибель близких, предательство любимых… за каждым магом Смерти стоит своя собственная невеселая история. Однако только сейчас, здесь, глядя в глаза жадно облизывающихся тварей, я вдруг осознал, что в действительности не хочу умирать. Что я, несмотря ни на что, все ещё не сдался. Не пал духом. А ставшее для меня мостиком отчаяние не заполонило мою душу полностью. В ней по-прежнему осталось место для дружбы, сочувствия, желания бороться… и в ней пока ещё действительно остался свет.

– Свет – это надежда, – в каком-то прозрении прошептал я, замерев под холодными руками Смерти. – Вот что заставляет нас идти вперед! И вот почему даже здесь мы остаемся живыми!

Пальцы на моей щеке легонько сжались и, бережно проведя по покрывшейся инеем коже, медленно отдалились.

– До встречи, Артур Рэйш, – со смешком отступила Смерть.

И мне почему-то показалось, что в это момент она торжествующе улыбается.

А затем ощущение чужого присутствия окончательно исчезло, удавка на моем горле резанула кожу чуть глубже, а из-под нее, словно голодная змея, выползла тоненькая черная струйка. Слабая, неуверенная, но все же истинно моя.

Бомм! – в третий раз гулко содрогнулось мое сердце, извещая об окончании отпущенного Смертью срока.

– Тьма… тебе жертвую! – крикнул я буквально за миг до того, как приготовившиеся к прыжку гули снова ожили.

Пляшущие перед моим лицом черные язычки вспыхнули, в мгновение ока превратившись в густое, пышущее мертвенным холодом пламя. Удавку на моем горле с силой дернуло, щедро брызнувшая из-под нее кровь окропила загородившее полмира пламя, и в тот же миг весь мир вокруг меня заволокла густая черная пелена.

Я успел только увидеть, как прямо на меня несется раззявившая пасть мертвая тварь, следом за которой в едином порыве ринулись остальные гули. Невольно зажмурился, непроизвольно напрягся, одновременно сжав кулаки. А потом с тоской подумал:

«Секиру» бы мою сюда»…

И сперва даже не поверил, когда в правую ладонь что-то требовательно, толкнулось.

Изумленно распахнув глаза, я растерянно уставился на закрывшую меня с ног до головы черную пленку, за которой, как за надежным щитом, ярились и бесновались гули. Затем шевельнул рукой, с трудом скосив глаза и растерянно их округлив, обнаружив, что перед моим лицом покачивается подозрительно знакомое лезвие. На пробу им взмахнул, насколько позволяли путы. И тихо, недобро рассмеялся, обнаружив, что кисть теперь совершенно свободна.

Наскоро избавившись от дурацкого заклинания, я отступил от стены, едва не уткнувшись носом в отделившую меня от гулей неодолимую преграду – ожившая Тьма трепетала, дрожала и переливалась, как жидкое облако, слегка прогибаясь всякий раз, когда снаружи в нее врезалось очередное тело.

При этом она была здесь, со мной. Она сочилась из глубоких

порезов, но не падала на землю, а собиралась и сама по себе сплеталась в невиданный доселе щит. Плотная, густая, слегка напуганная тем, что между нами происходило. Но по-прежнему мягкая, прохладная и удивительно верная, особенно после того, как я впервые ее накормил.

Секира в моей руке тоже оказалась создана из того же удивительного материала. Матово-черная, удивительно легкая, она не потеряла ни свойственного прежней «секире» изящества, ни невероятной остроты. Но, что самое важное, теперь у нее появилось настоящее древко. Именно такое, какое мне было нужно – тонкое, твердое, выточенное Тьмой именно под мою руку, оно легло в ладонь так, словно так и было задумано.

– Спасибо тебе, Смерть, за подсказку, – задумчиво проговорил я, глянув на израненное запястье и обнаружив, что от перстня к нему протянулись такие же черные язычки, обвив наподобие повязки и надежно закрыв глубокие раны. – Я понял теперь: во всех нас изначально есть свой свет и своя тьма. И каждый сам волен выбрать, к кому из них обратиться.

Тьма, словно услышав, благосклонно мурлыкнула, а затем выгнулась навстречу, обхватывая меня со всех сторон и заключая к крепкие объятия. Но на этот раз я не только не отшатнулся, но ещё и подался вперед. А когда прошел через нее насквозь и обнаружил, что поверх окровавленной одежды лег такой же прочный, черный как ночь доспех, то недобро улыбнулся испуганно отшатнувшимся гулям и крутанул в руках новую секиру.

– До скорой встречи, Лойд. Я уже иду.

Глава 13

Когда я перевел дух и опустил маслянисто блестящее лезвие, в Нире царила мертвая тишина. Правда, сейчас она была спокойной, я бы даже сказал – умиротворенной, а начавшийся недавно снегопад белым одеялом накрыл остывающие трупы, которых теперь на улице хватало.

Оглянувшись в дальний конец, где из-за гор изуродованных тел по-прежнему виднелась старая мельница, я провел рукой по выпуклым пластинам доспеха, на которых, несмотря ни на что, не осталось ни единой царапины, и спокойно отвернулся.

Теперь я знал, почему наша магия вела себя здесь так бестолково – Тьма, как и все темные боги, испокон веков ценила тишину. Поэтому все наши знаки, вспышки, взрывы и крики ее бесконечно раздражали. Они были придуманы для верхнего мира, для светлой его половины, и только там могли быть использованы без опаски. А для темной стороны требовалось нечто иное. Нечто, что могло быть создано только здесь, в ней. Совершенно другое, не чуждое этому месту оружие. И теперь оно у меня появилось.

Кстати, святой отец, вы были правы – моя Тьма это и впрямь мое спасение. Ведь для того, чтобы обрести в Ней настоящую защиту, от меня потребовалось только одно – вера. А для того, чтобы заполучить хорошее оружие – всего лишь желание убивать.

Правда, я сегодня умышленно не торопился: до утра ещё хватало времени, так что Лойд мог и подождать. Зато после того, как я по очереди обошел все дома и прикончил последних гулей, темная сторона Нирна действительно полностью вымерла.

Заметив под одной из стен помятую, облитую чем-то черным шляпу, я так же задумчиво провел рукой по растрепанным волосам и подумал, что вместе с новым доспехом она будет выглядеть неуместно. После чего похлопал рукой по плечам, без особого удивления обнаружил появившуюся под пальцами жесткую ткань, а затем набросил на голову послушно сотканный Тьмой капюшон и снова улыбнулся.

Ну что ж, Лойд.

Я готов.

Так что теперь настала очередь с тобой поквитаться.

Знакомый трактир, как и раньше, выглядел с темной стороны обычной развалюхой. Обветшалая крыша, упавший забор, замусоренный двор, в котором собралось на удивление много народу…

Следы Лойда вели именно туда, так что я не мог ошибиться.

Да и не мог маг уйти далеко от мельницы – прямыми тропами столичный он пользоваться не умел, а ближе всех к деревеньке было только одно спокойное место.

Подойдя ближе, я настороженно оглядел толпу беспокойно шевелящихся призраков и передумал прямо здесь выходить с темной стороны.

Что за суета? Что там у них случилось?

Прямо на моих глазах от толпы отделился полупрозрачный силуэт и, взмахнув руками, вдруг кинулся бежать.

Мальчишка. Судя по всему, местный, потому что, пробежав пол-улицы, он заскочил в один из домов и там надолго исчез.

Следом за ним со двора вышло еще несколько сокрушенно качающих головами людей. Судя по шевелящимся губам, они что-то оживленно обсуждали. Некоторые настойчиво пытались заглянуть в окна первого этажа, но когда оттуда вышел еще один призрак и повелительно взмахнул рукой, народ неохотно отхлынул к забору.

Недолго поколебавшись, я все же зашел за угол и выбрался в реальный мир. А убедившись, что новый доспех и устрашающе острая секира исчезли, закутался поплотнее в свой старый плащ и подошел к трактиру.

– Что тут у вас случилось?

– Маг… темный… – прошелестело по округе, и собравшиеся вокруг дома зевали стали стремительно рассасываться. Большая часть испарилась сразу, как только увидела мои забрызганные кровью волосы. Остальные попятились чуть позже, разглядев подозрительно блестящие сапоги и следы порезов на некогда добротных штанах.

Израненные руки я благоразумно спрятал в рукава, чтобы никого не шокировать. Однако даже вышедший на крыльцо здоровенный мужик в мясницком фартуке попятился, когда я вынырнул из темноты и требовательно на него посмотрел.

– У нас тут это… – выдавил он, поспешно освобождая дорогу. – Несчастный случай, господин маг! Так что вы… ну… того… очень кстати тут появились. А то до Триголя-то далече – пока еще оттуда следователи пожалуют…

– Кто-то умер?

– П-постоялец, – съежился здоровяк, когда я мазнул по нему равнодушным взглядом. – Они только вчера вселились. Вдвоем в одну комнату. Третья, значитца, справа.

Я молча повернулся и прошел мимо, очень надеясь, что это не то, о чем я подумал, и в третьей комнаты я не найду уже остывающий труп Триш. Если она что-то заподозрила, Лойд вполне мог избавиться и от нее. Не думаю, что с его стороны там

были какие-то чувства. Просто боготворящая его девчонка – молодая, сочная, наивная до безобразия… кто бы на его месте Лойда отказался?

Пройдя насквозь полупустой зал и перехватив от постояльцев несколько опасливых взглядов, я свернул в узкий коридор и мысленно отсчитал третью дверь по правую руку.

Донесшие изнутри рыдания меня сперва обрадовали, а потом и насторожили, поэтому я не стал стучаться и, наплевав на приличия, мощным пинком открыл злополучную дверь.

Внутри обнаружилась полураздетая, но живая и совершенно невредимая Триш. Сидя на пороге смежной комнаты, она держала на коленях голову Лойда и, исступленно комкая его пальцами окровавленную рубаху, горько рыдала, будучи не в силах остановиться.

Маг, к моей досаде, оказался безнадежно мертв. Однако в самой комнате царил идеальный порядок. Было непохоже, что на них напали или что они собирались от кого-то обороняться. Во втором помещении тоже, на первый взгляд, все было в порядке, за исключением огромной кровавой лужи на деревянном полу и отчетливых следов инея на стенах.

Чуть позже я заметил окровавленные «очки», брошенные неподалеку от входа, небольшой ровный порез на горле полуголого мага, а также большую рваную рану на виске, от которой он, видимо, и скончался.

Так, что за дела? Какая сволочь умудрилась меня опередить?

– Господи, Род… за что?! – вдруг сдавленно всхлипнула девчонка, размеренно баюкая на руках неподвижного мага. А потом подняла голову и уставилась на меня заплаканными глазами.

– Мастер Рэйш?!

– Что тут у вас произошло?

– Что вы… как вы сюда попали? – не стыдясь слез, прошептала девушка.

Я, помедлив, достал из кармана записку.

– Что? – всхлипнула она, пробежав по ней глазами. – Он позвал вас сюда? Но зачем?!

Я неопределенно пожал плечами. Если она ничего не знала, то и смысла открывать сейчас я не видел.

– Лойд мне ничего не говорил, – прерывисто сказала Триш, с трудом удерживаясь, чтобы снова не заплакать. Голос ее все еще был хриплым от рыданий, на ресницах дрожали слезы. Но, судя по тому, что кровавая лужа уже успела подостыть, горевала девчонка довольно давно. – Мы остановились здесь, потому что по дороге Лойд сказал, что что-то заметил в лесу. Что-то

показалось ему неправильным на темной стороне, и он захотел проверить. Утром, как обычно, сходил на охоту, но вернулся ни с чем. И тогда мы решили, что сделаем это вдвоем. Завтра. И я даже не знала, что он отправил вам вестника, потому что сегодня мы уже собирались спать…

Она опустила глаза и стыдливо одернула края окровавленной ночнушки.

– Простите…

Только тогда я, поколебавшись, все-таки зашел внутрь и присел возле сдавленно всхлипывающей девушки на корточки.

– Так что у вас все-таки произошло? Почему Лойд так… и как это вообще случилось?!

Триш вскинула на меня блестящие глаза.

– Не знаю, мастер Рэйш! Все было в порядке, клянусь! Стандартная защита, обычные сигнальные заклинания по периметру. Их никто не тревожил, да и Лойд ничего такого не говорил. Ближе к полуночи он ушел бриться и сказал, чтобы я… я его подождала, – залившись румянцем, выдавила она. – Его долго не было. Я в это время ждала в постели… как он попросил. А потом услышала шум, прибежала, открыла дверь, а там…

Она вдруг снова обхватила голову мертвеца и, низко наклонившись к лицу наставника, тихо обреченно завыла. А я, осторожно отведя ее руку, внимательно осмотрел обе раны, но быстро убедился – та, что на виске, действительно оказалась для Лойда смертельной. Какой-то ловкач проломил лысому уроду башку и тем самым лишил меня права на законную месть.

Нет, ну что за непруха?!

– Кто это сделал? – сухо осведомился я, поднимаясь на ноги.

– Никто, – внезапно озадачила меня девушка. – Он сам… случайно… но, господи, как же все это глупо!

– Сам?! – недоверчиво переспросил я. А затем переступил через тело, заглянул в ванную и, быстро осмотрев место смерти, растерянно прислонился к косяку.

Демон меня задери… это было невероятно, немыслимо, невозможно! Но, похоже, девчонка сказала правду. Окон в этой комнате специально не делали, дверь имелась одна-единственная, пройти внутрь мимо Триш было попросту невозможно, так что, если это не она…

Я набросил линзу на левый глаз и оглядел обе комнаты ещё одним быстрым взглядом.

Нет. Аура у нее оказалась кристально чистой, да и кровавых следов нигде не было – Лойд и впрямь ушел в ванную комнату один. Бриться, как и говорил. И никто его в это время не тревожил. При этом на табуретке была аккуратно сложена его

одежда. В большой бадье у стены плескалась уже остывшая вода. На криво повисшим умывальником зеркале щедрой россыпью пламенели кровавые капли. А под ним виднелась выпавшая из руки мага бритва… увы, самая обычная, но тоже – со следами крови.

Похоже, оставив Триш в спальне, он тихо ушел на темную сторону, не сомневаясь, что в ожидании бурной ночи девушка даже не задумается, зачем он забрал с собой в ванную «очки». Скорее всего, они лежали здесь же, на тумбочке, прикрытые до поры до времени полотенцем. Когда Лойд ушел, на стенах, естественно, появился иней, а когда маг вернулся, в комнате наверняка заиндевели не только стены, но и пол, на котором да сейчас не до конца растаяли лужи.

Не исключено, что перед уходом Лойд даже побрызгался в деревянной бадье, чтобы все выглядело достоверно. Затем оделся, неспешно прогулялся до мельницы, по возвращении снова снял и тщательно вычистил одежду. Но не учел, что после прогулок на темную сторону лужи так основательно замерзнут, и неосторожно взялся за бритву, позабыв перед этим вытереть пол.

Потом его, наверное, что-то отвлекло. Быть может, Триш проявила нетерпение, а может, он просто что-то услышал. В итоге рука его дрогнула, и на нежном горле появился первый порез. Лойд, разумеется, выругался и, возможно, отшатнулся от зеркала, но потом его нога поскользнулась на обледеневшей лужей, рука с зажатой в ней бритвой метнулась в сторону, задев и разбив с краю мутноватое зеркало. Бритва выпала, укатившись под умывальник. Сам маг от удара пошатнулся и, поскользнувшись уже на собственной крови… вон, еще длинный след остался… со всего маху грохнулся на пол, умудрившись по дурости своей с устрашающей силой шарахнуться головой об обитый железом край дубовой бадейки. Да так, что на металле появилась глубокая вмятина, а в башке у мага образовалась приличная дыра, откуда потом и вытекли мозги вместе с кровью, лишив меня таким образом удовольствия.

Фол…

Это и впрямь выглядело невероятным, но примчавшаяся на шум Триш, видимо, не все уроки позабыла, когда ворвалась в ванную и обнаружила наставника на полу. Едва отойдя от шока, она первым делом кинулась не к телу, а, как настоящий следователь, цапнула с тумбочки «очки». Полотенце при этом, разумеется, улетело в лужу и теперь медленно пропитывалось кровью. А Триш, дрожащими руками приложив к лицу прибор, должна была до рези в глазах всматриваться во Тьму в поисках возможного убийцы, но на расстоянии сотни шагов рядом с

Лойдом никого действительно не было.

Убедившись в этом, она в ужасе отшвырнула прибор в сторону и только тогда, вероятно, закричала, привлекая внимание постояльцев. А когда все более или менее выяснилось, хозяин трактира отправил маленького сынишку домой, а сам вышел на улицу, чтобы успокоить людей и, наверное, отправить в Триголь вестового.

Прикрыв глаза, я едва не выругался с досады.

Демон! Как же так… ну разве можно было подохнуть столь нелепым образом?! Простая неосторожность, совпадение, а может быть просто рок?

Лойд… эх, Лойд, а я ведь приготовил тебе такую теплую встречу! И вот теперь ты мертв, Триш в слезах, а я у меня от разочарования даже слов подходящих не нашлось, чтобы сказать ей что-нибудь утешительное.

– А почему вы в таком виде, мастер Рэйш? – наконец заметила мое плачевное состояние девушка. Нет, кровь из порезов больше не шла – Тьма довольно успешно сделала перевязку. Но одежда все равно была грязной, от меня пахло кровью, а следы на полу остались такие, словно я только вышел со скотобойни.

– Я не успел поговорить с твоим наставником, – неохотно признался я, когда ее взгляд пробежался по моей одежде. – Мы действительно должны были встретиться. Здесь, сегодня, буквально полсвечи назад. Но я опоздал. Шел по темной стороне, вот и нарвался на гулей. А когда освободился… мне очень жаль, Триш. Я даже не знаю, что тебе еще сказать.

Девушка понуро опустила голову, машинально гладя кожу на лице умершего мага, но потом все же нашла в себе силы встать и решительно вскинуть голову.

– Ничего, я справлюсь, мастер Рэйш. Вы поможете мне с протоколом?

– Конечно, – тяжело вздохнул я, но делать было нечего. Раз уж меня угораздило оказаться рядом, то труп придется оформлять как положено. – Доставай бумаги, Триш. Буду учить тебя составлять отчеты…

* * *

– Как-то странно все это, – задумчиво проговорил Йен, когда я вернулся в Верль, мы уладили все формальности. – Не находишь?

Я пожал плечами.

– Я видел и более странные вещи. Да и на дурацкие смерти мы с тобой уже досыта насмотрелись.

– Да. Чего только стоит утопившийся в тарелке с супом приказчик, оставивший после себя кучу долгов. Или упившийся вусмерть кучер, которого в тот день, видите ли, девчонка бросила…

Как и всегда в последнее время, когда речь заходила о женщинах, Йен тут же осекся и метнул в мою сторону предупреждающий взгляд. Но я сделал вид, что не заметил заминки, да и какой был смысл бередить его раны?

Конкурента у Норриди, конечно, не стало, однако даже после того, как прибывшие на место происшествия тригольские сыскари обследовали трактир и согласились, что смерть Лойда была случайно, Триш не пожелала даже на день заглянуть в Верль. Собственно, она и о Йене даже не спросила. И, как только разобралась с бумагами, первым же дилижансом укатила в столицу – отчитываться перед высоким начальством и докладывать им собственную версию произошедшего.

Безусловно, она была еще очень молодым и неопытным магом, которому в таком серьезном деле не могли полностью довериться, но три подписи лучших тригольских специалистов, которых отрядили на это странное дело, должны были убедить столичное УГС, что гибель одного из его следователей и впрямь стала результатом нелепого стечения обстоятельств.

Я со своей стороны подпись под протоколом ставить отказался. Будучи неофициальным сотрудником Управления, я починялся только Норриди, а тот, выслушав доклад, попросил лишь стандартный рапорт. Который я ему и принес в надежде, что, раз это дело находится в ведении тригольских коллег, от нас отчета в столицу уже не потребуют.

Так оно и оказалось.

Единственное, что мне понадобилось объяснить – это свое неожиданное появление в Нирне и многочисленные трупы, найденные сыскарями на темной стороне деревни. Ответы на оба вопрос у меня были готовы заранее, так что после того, как Триш подтвердила, что Лойд действительно планировал новую охоту и лишь в последний момент вспомнил, что поблизости есть неплохой темный маг, от меня быстро отстали.

Сейчас, по прошествии почти трех месяцев после того дурацкого случая, я мог честно признать, что, пожалуй, такой исход лично для меня был наиболее удачным. Но иногда… хоть и изредка… я все же жалел, что не успел разобраться с мерзавцем сам. И не опробовал на нем остроту своей новой, воистину оказавшейся безупречной секиры.

От старой я, правда, тоже не спешил избавляться и, отыскав клешню Палача неподалеку от злополучного трактира, добросовестно отволок ее в схрон. Мало ли, кому еще понадобится? Вдруг и я когда-нибудь на старости лет надумаю завести ученика?

По темной стороне я за это время тоже нагулялся достаточно. Опробовал прочность доспеха, успел по достоинству оценить и окончательно приноровиться к новому оружию. Напугал всех тварей на расстоянии двух дневных переходов от Верля. Почистил наконец близлежащие болота. Прошелся, как жнец с косой, вдоль немногочисленных деревень. Вживую увидел тварей, которых учитель раньше показывал только на картинках… одним словом, славно поохотился. А когда крошить в капусту стало некого, и при виде меня даже высшие твари начали поспешно прятаться в норы, то всерьез задумался, а не перебраться ли мне на какое-то время в Триголь?

Там, у побережья, наверняка какие-нибудь прыткие зверушки водятся. Так что от переезда и мне будет польза, да и местные сыскари смогут вздохнуть спокойнее.

Именно об этом я размышлял, когда нелегкая принесла в приемную очередного посетителя. И когда я только-только собрался сообщить Йену, что вскоре планирую уехать, в кабинет с радостным выражением на лице ворвался уставший от безделья Родерик Гун.

– Собирайтесь, народ! – выдохнул он, едва не снеся по пути дверь – У нас новый труп! А значит, намечается новое веселье!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ
Охотник за душами

Пролог

– Чувак… слышь, чува-а-ак! Помоги, а? – услышал я, вывернув на безлюдную улицу.

Одинаковых маршрутов на темной стороне я никогда не придерживался – меньше было шансов, что подловят. Однако места, где нежити скапливалось особенно много, старался посещать почаще. Вот и сейчас, выбравшись с Рудной, услышал невнятный шум и решил проверить в чем дело.

Возле наполовину обвалившейся стены сидели двое. Гулей, разумеется. Кого же еще? Довольно тощих, скорее всего залетных, потому что местных я уже давно повывел, зато радостно повизгивающих и с надеждой глядящих на торчащую из стены перекладину, на которой кто-то болтался. Еще одна тварь подбиралась к бедолаге сверху, с трудом балансируя на осыпающейся крыше, однако при виде меня нежить испуганно присела, раззявила пасть и, коротко вякнув, опрометью кинулась прочь. А ещё через мгновение оставшиеся внизу гули тоже углядели опасность и, поджав хвосты, с негодующим визгом скрылись в переулке.

Я проводил их спокойным взглядом.

Значит, все-таки местные. Чужие меня бы не испугались.

– Спасибо, чувак! – с чувством поблагодарили сверху, и только тогда я присмотрелся к говорившему повнимательнее.

Невезучая жертва оказалась самым обыкновенным призраком. Проще говоря, неприкаянной душой, которую каким-то ветром занесло на темную сторону Верля. Полупрозрачный, слегка светящийся в сумраке силуэт не мог не привлечь внимание нежити. А если он при этом ещё и нашумел… хм. Неудивительно, что его быстро отыскали.

Подойдя поближе, я всмотрелся в нелепо болтающегося на кончике балки призрака. Мелкий какой-то, худосочный и совершенно незнакомый мне мужичок, одетый в откровенное рванье.

– Ты кто такой? – спросил я, остановившись прямо под ним и уперев кончик секиры в землю.

Призрак заискивающе улыбнулся.

– Дык это… Рыжун я… Кривым ещё кличут. Может, слыхал?

– Вор? – поморщился я, но под маской мужичок не увидел. И радостно вякнул, когда я взмахнул секирой и одним ударом обрубил балку у самого основания.

Судя по тому, как неловко он шлепнулся в снег, призраком мужичок себя пока не ощущал. Руки у него после встречи с

гулями ощутимо дрожали, дышал он часто, прерывисто, хотя в этом не было необходимости. Да и вел он себя как человек, совсем недавно оказавшийся на темной стороне – нервно вздрагивал, все время озирался и пугливо пятился, только сейчас, кажется, сообразив, что попал куда-то не туда.

– А… э-э… и где это я? – пробормотал он, тревожно уставившись на матово-черное лезвие секиры. Затем перевел взгляд на такой же черный доспех, частично скрытый под длинным плащом, покосился на низко надвинутый капюшон, из-под которого виднелась кожаная маска, закрывающая нижнюю половину лица, и поежился. – Откуда ты взялся, чувак?

Я хмыкнул.

– Это потусторонний мир. А я, можно сказать, тут живу.

– Ы-ы-ы… а откуда тогда здесь взялся я?

– Ты умер. Фол отправил сюда твою душу, потому что, по-видимому, при жизни ты серьезно нагрешил.

Мужичок, в очередной раз тревожно оглянувшись, ещё быстрее попятился в сторону.

– Не-не-не-не… этого не может быть!

– Может. Смирись.

– Н-не хочу… – икнул мужичок, убедившись, что вокруг, насколько хватало глаз, царит лишь разруха и запустение. – Н-не могу… это нечестно!

А затем вдруг развернулся и опрометью кинулся бежать, нелепо размахивая руками. При этом на спине у мужичка зияла приличных размеров дыра, оставленная на память чьим-то кинжалом. Но сам он этого, разумеется, не ощущал. И даже не догадывался, что кровавый след на рубахе ему теперь придется носить до самого перерождения.

Я не стал его догонять – за мелкие грешки сюда никого не ссылают, так что передо мной был как минимум тать, а как максимум – убийца. Так что пусть бежит… пока может. Все равно далеко не уйдет.

Не добравшись до поворота каких-то нескольких шагов, бессвязно бормочущий мужичок внезапно сообразил, что ему совершенно необязательно бежать прямо. А сообразив, тут же свернул, лихо перепрыгнул через наполовину присыпанную снегом груду камней и скрылся среди развалин.

Всего через пару ударов сердца с той стороны послышался испуганный вопль, звонкий щелчок челюстей и невнятная возня. Но вскоре все стихло, и на редкость везучий гуль довольно заурчал, впервые за долгое время решив, что ему повезло на охоте.

Отточенное до бритвенной остроты лезвие лишило его

нехитрой радости, с легкостью перерубив толстую шею. Не ожидавший такой подлости гуль, захрипев, упал и протестующе забился, а из его пасти с протяжным стоном вылетело крохотное белое облачко и прямо на глазах со сдавленным писком исчезло.

– Прощай, чувак, – равнодушно сказал я, стряхнув с оружия алые капли. После чего развернулся, вышел снова на улицу и, прислушавшись к торопливому шороху лап, создал ещё одну темную тропу – до утра с гулями хотелось бы покончить.

Глава 1

Весна в этом году припозднилась, да ещё и долго раскачивалась, прежде чем осчастливить нас своим приходом. И лишь к середине второго месяца соизволила убрать грязный снег с улиц да кое-как подсушить дороги. Зелени к этому времени ещё толком нарасти не успело, почки на деревьях лишь недавно начали распускаться, поэтому, несмотря на смену погоды, Верль все равно выглядел серым и унылым.

Пряча глаза от яркого солнца, я пригнул голову и, перепрыгнув через разлившуюся перед Управлением лужу, открыл дверь.

– У меня плохие новости, – хмуро сообщил Йен, стоило мне переступить порог его кабинета.

Я повесил на вешалку грязный плащ и кинул туда же недавно купленную шляпу.

– Неужто кто-то ещё внезапно умер?

Стоящий у окна Норриди… с некоторых пор он завел дурную привычку часами таращиться на улицу… покачал головой.

– Дело о пропавшем купце закрыто. Ты был прав – тело обнаружили вчера неподалеку от борделя, куда этот болван отправился на ночь глядя.

– Причина смерти? – без особого интереса осведомился я.

– Сердце не выдержало, – усмехнулся Йен. – Господину Морамону было за шестьдесят, но молодые дамочки по-прежнему сводили его с ума. Хорошо хоть, супруга покойного знала об изменах и не прокляла дурака, когда ей сообщили, где и как он провел свою последнюю ночь. А услышав, что умер супруг прямо на одной из продажных девок, леди Морамон только обрадовалась, что старый кобель избавил ее от своего присутствия.

– За проклятие Фол ее бы не облагодетельствовал, – флегматично заметил я, по привычке откинувшись на спинку стула и уложив ноги на соседний. – Но, может, она и права – купец свое заслужил. Хотя, если он был так охоч до женщин, то умер, скорее всего, счастливым.

Норриди фыркнул.

– Владелец притона испугался, что его обвинят в гибели богатого клиента, поэтому и попытался избавиться от тела. Но что хорошего в том, что известного купца обнаружили голым в придорожной канаве?

– А ему уже все равно. Призракам стыд неведом.

– Ну да. Как я мог забыть! – саркастически отозвался Йен. –

Ты же у нас специалист по всякой нежити!

Я спокойно кивнул. А Норриди, внезапно умолкнув, вернулся к столу, с грохотом отодвинул стоящее рядом кресло и буквально упал в него, подняв на меня тяжелый взгляд.

– Арт, я уезжаю…

Я вяло удивился.

– В отпуск, что ли? Ну и правильно, тебе давно следовало отдохнуть.

– Ты не понял: я уезжаю из Верля, – тихо сказал Норриди, откинувшись на спинку кресла и безвольно уронив руки на колени. – Вчера пришел приказ о распределении – меня переводят в столицу. На должность начальника западного участка.

– Даже так? – задумчиво обронил я.

Йен слабо улыбнулся.

– Ты же знаешь – я давно об этом просил. Четыре года в глуши – достаточный срок, чтобы досыта наесться деревенской экзотикой.

Это верно. Норриди явился в Верль незадолго до смерти мастера Этора, сразу по окончании Военно-управляющей академии, откуда его прислали как молодого, подающего надежды, но не отличающегося покладистостью специалиста, который рискнул перед самым распределением ввязаться в спор с начальником академии и прилюдно в этом споре победил.

Не знаю, что и как там у них случилось – Йен неохотно об этом рассказывал. Но зная его, ничуть не сомневаюсь, что с подачи престарелого маразматика парня вполне могли вычеркнуть из претендентов на хорошее место и вместо того, чтобы дать возможность сделать блестящую карьеру, отправили ловить воров на окраину. Туда, где молодой наглец и гонор бы подрастерял, и уму-разуму заодно набрался. А когда срок ссылки вышел… или, скорее всего, когда на одном из столичных участков освободилось подходящее место… какой-то умник отыскал среди гор бумаг резюме Йена и решил выцарапать способного парня из глубинки.

Иными словами, Норриди уезжал из Верля навсегда.

– Что скажешь? – так же тихо спросил Йен, когда я задумчиво качнул сапогом, к подошве которого прилип нехилый комок грязи.

Надо же. Ни воплей на этот раз, ни скандала по поводу моих дурных манер. Похоже, весть о переводе оказалась для него такой же неожиданностью, как и для меня. Но все равно непонятно, из-за чего Норриди так разнервничался. Разве это не была мечта всей его жизни? Да и Триш вроде бы в столице работает…

– Поздравляю, – наконец, кивнул я, поднимаясь со стула. – Хороший шанс подняться по карьерной лестнице и зажить, наконец, нормальной жизнью. Когда отбываешь?

– Завтра. Мои обязанности возьмет на себя Готж, пока сюда не пришлют замену. Гун и остальные уже в курсе. Дела им сегодня передам. А с утра как раз и отправлюсь. Мне надо прибыть в главное сыскное Управление Алтира десятого числа.

А сегодня уже третье… да, времени осталось впритык. Я бы на его месте прямо сейчас с места сорвался – с дилижансами в Триголе по весне всегда беда. Дороги грязные, а в нашей глубинке ещё и раскисшие, так что ему следовало поторопиться, чтобы явиться на место вовремя.

– Рад за тебя, Йен, – спокойно сказал я. – Удачи.

Однако на лице Норриди особой радости почему-то не появилось.

– Арт, подожди, – вымученно улыбнулся он, когда я забрал с вешалки плащ и шляпу и направился к выходу. – Слушай, я знаю, что это, наверное, глупо, и у тебя какие-то свои счеты к столице… но в чем-то я согласен с Лойдом – Верль, как мне кажется, не твой уровень. И я был бы рад, если бы ты…

Норриди вдруг напрягся, словно перед прыжком в прорубь, и, рывком поднявшись из-за стола, во весь голос выпалил:

– Тоже отправился в Алтир! Я бы даже написал ходатайство на выделение для тебя служебной квартиры! Вот! Так что скажешь?

Я от изумления чуть не споткнулся.

Что-о-о?! В столицу?! Я?! Да ещё и в пропахшее клопами служебное жилье?!

– Йен, ты спятил, – убежденно ответил я, остановившись в дверях.

– Но почему бы и нет?! Ты хороший маг! Благодаря тебе, у нас такая раскрываемость, что даже столичное УГС обзавидуется! Поверь, твои услуги очень бы там пригодились! Да и мне было бы спокойнее, если бы рядом остался хоть один надежный человек. Да, я знаю, что ты почему-то не любишь большие города! Знаю, что ты давно здесь прижился… но, Арт! На Верле белый свет клином не сошелся! И ты заслуживаешь намного большего, чем просиживать штаны в этом Родом забытом месте и вечно оставаться внештатным сотрудником, хотя вполне мог бы стать полноценным следователем!

– Пока, Йен, – покачал головой я, нахлобучивая шляпу, и вышел за дверь.

Норриди изнутри крикнул что-то еще, но я уже не прислушивался.

Да и зачем? Столица и я – две вещи несовместные. К тому же, в штат к Норриди я все равно не пойду, не говоря уж про кого-то другого, следовательно на служебную квартиру можно не рассчитывать. А снимать в Алтире жилье – дорогое удовольствие. Йен же не вытребует для меня у начальства тройной оклад? Да и кто бы подарил неслыханные привилегии пришлому, никому не известному новичку? Ему бы с сотрудниками найти общий язык, в текущих делах нормально разобраться… короче, в Алтире Йену будет не до меня. А мне, скорее всего, не до него. Хотя…

Пока я размышлял и прикидывал, что и как буду делать дальше, ноги сами собой принесли меня к дверям городского храма. Утренние службы уже закончились, поэтому народу внутри было немного. И никто не обратил внимания, как я проскользнул мимо величественных, выполненных с невероятным искусством статуй и оказался в самом темном углу, где возвышался массивный, источающий холод постамент.

– Давно не виделись, Фол, – пробормотал я, коротко взглянув из-под шляпы на упирающееся макушкой в потолок каменное изваяние. – Демон знает, зачем меня сюда принесло, но вот… зашел, так сказать, поздороваться.

– Рад тебя видеть, Рэйш, – словно по заказу, раздалось сзади.

Я обернулся, а вынырнувший из Тьмы отец Лотий одарил меня внимательным взглядом.

– Не надумал ещё воспользоваться моим советом?

– Каким? – насторожился я.

– Тебе разве не поступало в последнее время никаких предложений?

Я непроизвольно вздрогнул.

Откуда…?! Впрочем, какая разница, откуда святому отцу об этом известно. Меня больше насторожило, почему он сказал о предложении Йена во множественном числе. Тьфу, демон! Норриди же не первый, кто намекнул, что мне пора вернуться в столицу! Не далее как три месяца назад о том же самом говорил и Лойд!

– Ты засиделся в глуши, – спокойно повторил слова Йена отец Лотий, когда я недоверчиво на него уставился. – Пора двигаться дальше, Рэйш. Теперь ты к этому готов.

А раньше, получается, не был?!

Под пристальным взором жреца я прикусил язык и не стал язвить, как обычно. Очень уж сильно изменилось в этот момент его лицо. И очень уж знакомый блеск ненадолго появился в его глазах, так что это не отец Лотий со мной сейчас говорил, а сам Фол решил осчастливить своим присутствием.

Однако…

Неужто владыка ночи тоже считает, что мне пора уехать?

– Прощай, Рэйш, – неожиданно улыбнулся жрец, подтверждая наихудшие мои опасения. – Когда будешь в столице, будь добр, загляни в храм. Скоро у моего коллеги появится к тебе важное дело.

Не дожидаясь ответа, святой отец развернулся и снова скользнул на темную сторону, а я, окончательно помрачнев, развернулся к выходу.

Вот он, печальный удел посвященных. Хочешь не хочешь, а когда к тебе обращается сам Фол, тут уж по-любому не откажешь. Просто так его благословение не дается. И пусть за возвращение шкатулки он сохранил мне жизнь, но за подаренные им возможности на темной стороне я-то пока не рассчитался. И, видимо, владыка ночи полагает, что в Алтире я смогу послужить ему гораздо лучше, чем здесь.

Проклятие!

Раздраженно потерев внезапно зазудевшее плечо, я поймал краем глаза скользнувшую во мраке тень и ускорил шаг.

С другой стороны следовало признать, что приглашение в столицу прозвучало достаточно вежливо. Сперва Лойд, затем Йен, теперь вот отец Лотий… думаю, если я снова откажусь, просьба Фола обязательно прозвучит в четвертый раз, только в несколько иной форме.

Скажем, уехавшего в столицу Норриди зверски укокошат в каком-нибудь переулке, и мне наверняка захочется выяснить, почему это произошло. Или же Управление в Верле внезапно расформируют. А то ещё что-нибудь скверное случится. И мне все равно придется отправиться дальше. В Триголь, в соседний Ривон, в какой-нибудь ещё городок поблизости. А рано или поздно мой путь все равно закончится в Алтире, потому что о Лене я тоже не забыл. И не собирался бросать поиски его убийцы. Просто считал, что именно сейчас для этого не время.

Но темный бог рассудил иначе.

* * *

Когда дверь экипажа распахнулась, и туда с размаху влетел дорожный мешок, грустно смотрящий в окно Йен аж подпрыгнул от неожиданности.

– Арт?! Ты что творишь?!

– Я передумал, – хмуро бросил я, забираясь внутрь. – Подвинься.

Норриди ошеломленно разинул рот, но под моим мрачным

взглядом поспешно его захлопнул и пересел, чтобы освободить место.

– Ничего не говори, – предупредил я, когда он наконец-то сообразил, в чем дело, и моментально просиял.

Йен уже наверняка успел попрощаться с Гуном, с Вито, с Гуго и даже с огорченно шмыгающим носом Четом. Готж ему наверняка прочитал целую лекцию, которую с натяжкой можно было назвать этаким напутствием молодому поколению. В столицу он, разумеется, ехать отказался, хотя Йен наверняка его звал. Верль был для Старого Моржа настоящим домом, и менять его на сомнительные прелести Алтира старик не захотел.

Я тоже не стал затягивать прощание с людьми, которые на протяжении трех лет работали со мной бок о бок. Родерик, конечно, оболтус, но все же неплохой парень. О Вито и Гуго я вообще не мог сказать ни единого скверного слова. Барни Трант – молоток, с его помощью Готж наверняка продержится до приезда нового шефа. Ну а Чет, когда вырастет, наверняка пополнит ряды сотрудников верльского Управления городского сыска, а со временем, может, и в начальники выбьется, благо для этого у него были необходимые задатки.

Лардо на встречу не пришел – у него, как обычно, появились срочные дела, однако прощальное письмо с нарочным он все же прислал и даже не поскупился на теплые слова в отношении уезжающего Йена. О том, что я тоже покидаю город, он, правда, не знал, но, наверное, приятно обрадуется, что я перестал мотать ему нервы. А Хога мы сегодня вообще не ждали – Норриди был с ним не в ладах. Так что, коротко переговорив с теми, кто явился попрощаться, я без особых сожалений отвернулся и, как только экипаж тронулся с места, устало прикрыл глаза.

В эту ночь, как назло, выспаться мне дали – сперва я приводил в порядок остров, чтобы уверенным, что в мое отсутствие туда никто не залезет. Затем скрупулезно отбирал вещи, которые стоило взять с собой. Естественно, успел не по разу поругаться с суетливо мечущимся по схрону Гремом, которого мой отъезд несказанно обрадовал. А когда наконец улегся спать, то до утра не мог избавиться от настойчиво всплывающих в памяти картин прошлого, а под конец был ещё и вынужден принимать не совсем обычного посетителя.

– Значит, ты все решил? – грустно спросил Лен, безликой тенью замаячив где-то на границе сознания.

Я одарил его сумрачным взором.

– Это дело принципа, Лен. Я и так долго тянул.

– Жаль, – вздохнул брат, на удивление легко отступаясь. – Как бы эти поиски не завели тебя в такие дебри, откуда ты не

сможешь выбраться.

– Я давно во Тьме. Еще один шаг ничего не изменит.

– Это меня и пугает. Ты ведь уже прошел посвящение Фолу?

– Откуда знаешь?

– Чувствую метку, – тяжело вздохнул Лен. – Будь осторожен, брат. Мне бы не хотелось встретить тебя во Тьме раньше времени.

Я только хмыкнул.

– Я не боюсь смерти. И не стремлюсь попасть на тот свет отдельно от тела.

– Тогда чего же ты ждешь от столицы? Мести? Правды?

– Может быть, справедливости?

– Для того, кем ты был, довольно странное желание, – недоверчиво покачал головой призрак, постепенно истаивая во тьме. – А для того, кем ты стал, оно ещё и опасное.

После этого уснуть я, конечно, уже не смог и до самого рассвета бесцельно просидел на сундуке, тщательно взвешивая все «за» и «против» и думая о том, сколько всего мне предстоит сделать.

Древнее болото, окружившее остров со всех сторон, настороженно следило за тем, как я пакую вещи, но даже после того, как я рискнул потревожить защиту учителя, оттуда не выполз ни один мертвяк. Поверхность трясины, как и раньше, выглядела обманчиво твердой и неестественно блестела. Но наступить на нее я бы не рискнул – стоило только подошвам сапог коснуться кромки воды, как та беззвучно расступалась и, плотно обхватив сапоги, настойчиво тянула вниз. На дно. А о том, какая здесь была глубина, оставалось лишь догадываться – даже на темной стороне вода вокруг острова выглядела совершенно черной и непроницаемой для моего взора.

В том, что вскоре сюда придется вернуться, я не сомневался – в схроне осталось немало полезных вещей. А с учетом того, что прямые темные тропы, как и говорил когда-то Лойд, можно было создавать на любые расстояния, то уход из Верля не стоило называть окончательным. По большому счету, наличие удаленного от Алтира и никому не известного схрона, куда я мог вернуться в любое время, было намного лучше, чем такой же схрон, только под носом у Ордена. Проще говоря, с переездом в столицу я в на самом деле ничего не потерял.

Ну, кроме жилья, конечно.

– А все же, Арт, почему? – нарушил молчание Йен, когда кеб миновал городские ворота и бодро припустил по дороге.

Я неохотно приоткрыл один глаз.

– Что?

– Почему ты решил уехать? – поспешил Норриди он, решив,

что я неправильно его понял.

Хм. И что ему на это сказать? Правду? Открыто признать, что таково было желание Фола? А может, дать понять, что в столице мне наконец-то понадобилось закончить старые дела?

Недолго подумав, я все-таки решил ответить нейтрально:

– Весна, Йен…

– Чего? – озадачился таким ответом Йен.

– Весна, говорю, – терпеливо повторил я. – Перелетные птицы в это время возвращаются на юг, а темные маги стремятся туда, где водится больше тварей.

Глава 2

К тому моменту, как мы пересекли черту города и поменяли скрипучий, разваливающийся от старости дилижанс на чистенький алтирский кеб, мое и без того не радужное настроение скатилось к отметке «отвратительно» и было готово рухнуть до уровня «хуже некуда».

Йену что? Его на воротах пропустили без проблем, едва увидев предписание из главного столичного сыскного Управления. А вот меня в Алтире никто не ждал. И с учетом того, что на моей кислой физиономии было большими буквами написано, что я маг, то пошлину за въезд с меня содрали даже не двойную, а тройную. Потому что для въезжающих темных, видите ли, в столице не так давно ввели дополнительный сбор!

Норриди над выражением моего лица только хрюкнул. А когда стражник на въезде равнодушно сообщил, что за несанкционированное применение магии в столице меня, ко всему прочему, ждет не только приличный штраф, но и арест, этот гаденыш едва не заржал. Хорошо хоть, ему хватило ума делать это тихо, иначе до главного Управления столичного сыска… или сокращенно ГУСС, как было указано на дверной табличке… мы могли бы и не добраться.

– Я ненадолго. Только зарегистрируюсь и спрошу про жилье, – бросил Йен и, как только экипаж остановился, бодро выпрыгнул наружу. – Ты подождешь?

– Пойду лучше прогуляюсь, – буркнул я, выбираясь следом и окидывая мрачным взором безликое здание, в котором светилось лишь одно-единственное окно на первом этаже. – Потом увидимся.

Йен откровенно замялся. Утро было ранним, солнце лишь пару свечей назад соизволило позолотить небо, так что улицы столицы ещё пустовали. А бодрствовали в это время лишь служебные патрули, рано подхватывающиеся с кроватей пекари и неудобные гости вроде нас, которые не по своей воле прибыли в Алтир в эту несусветную рань.

– Как я тебя найду, Арт? Город же большой…

– Не волнуйся, не потеряюсь, – отмахнулся я, после чего развернулся и, закинув на плечо дорожный мешок, направился прочь, провожаемый недоумевающими взглядами озадаченного кебмена и такого же озадаченного Норриди.

ГУСС вместе с сиротливо стоящим возле него кебом быстро осталось позади, но за Йена я не волновался. Общежитий для городских служащих в Алтире имелось не так много, а уж

Управление западного участка и вовсе было одно, так что потеряться нам не грозило. А вот о себе следовало позаботиться. Как минимум, найти жилье на ближайшие дни. Перекусить с дороги, умыться. И, пока Норриди дожидается оформления, обязательно отметиться в Ордене.

Насколько я помнил из прошлой жизни, к вопросу о регистрации вновь прибывших магов столичные власти относились крайне щепетильно, так что тянуть с этим делом не стоило. Правда, я очень сомневался, что Регистрационная палата была открыта в такую рань.

Кстати, стоило признать, за те десять лет, что меня не было в Алтире, столица изменилась в лучшую сторону. Она ощутимо раздалась вширь, раздобрела, обзавелась разноцветными фонарями, яркими вывесками, широкими, но на удивление чистыми тротуарами, и выглядела совсем не так, как я помнил. Да и жилых домов здесь прибавилось, и теперь они стали похожи на разноцветные, налепленные друг на друга соты, внутри которых кипела абсолютно непонятная мне жизнь.

Надо же… когда-то этот квартал считался довольно бедным, но поди же ты – всего десять лет, и теперь все застроили так, что яблоку упасть негде. Конечно, здешнее жилье – не чета особнякам, которые испокон века стояли в Белом квартале. Но почти все дома были высокими, в три, а то и в четыре этажа. Заборов вокруг них практически не имелось, поэтому двери выходил прямо на улицу. На окнах виднелись украшенные затейливой резьбой ставенки, за ними – чистые, тщательно выглаженные занавески. Ни лишней соринки кругом. Ни подозрительных личностей в подворотнях… близость главного столичного Управления сыска определенно сказывалась на внешнем виде этой части столицы.

Правда, если рядом с городской стеной в глаза приезжим первым делом бросались постоялые дворы, то здесь, куда ни глянь, мелькали лавки, лавки, лавки… причем, не просто обозначенные вывесками, а самые настоящие. С витринами. С ярко горящими над ними магическими фонарями. И с такой мощной защитой, что я просто диву давался.

Мимо таких обычно идешь аккуратно, придирчиво изучая защитное плетение, и до последнего затрудняешься сказать – то ли мимо обычной лавочки прошел, а то ли в доме обстроился обеспеченный маг.

Заглянув в одну из витрин, где под светом магических фонарей блистали и переливались дорогие украшения, я недоверчиво покачал головой. Затем заглянул во вторую, третью, и, прищурившись от бьющего в глаза света, с ноткой грусти

понял, что отвык от этого великолепия. Более того, отвык от людей, от суеты. И если сейчас, когда на улицах почти не было прохожих, ещё мог любоваться обновленной столицей, то всего через несколько свечей мне наверняка станет неуютно.

Припомнив расположение улиц, я свернул с Главного проспекта в Зеленый переулок и, срезав таким образом приличную часть пути, всего через полсвечи оказался на Королевской площади.

Гм. Хвала Фолу, хотя бы тут мало что изменилось, и главный храм Алтории как стоял на этом месте сто лет назад, так и по сей день никуда не делся. Более того, вокруг него до сих никто не осмелился отщипнуть ни крохи свободного пространства, хотя ютящиеся с краю выглядели угрожающе старыми и гроздьями буквально нависали над площадью.

По сравнению с Верлем, главный храм страны выглядел исполинским. Высоченный, со множеством острых шпилей на куполах и белоснежными колоннами у входа. Украшенный многочисленными барельефами и скульптурами неизвестных героев, он возвышался посреди площади как древний великан. И излучал такую ауру силы, что я, даже находясь на приличном расстоянии, уважительно присвистнул.

Поискав глазами, у кого бы уточнить дорогу к Регистрационной палате, я к собственному удивлению не увидел в округе ни единой живой души. И, почесав затылок, направил стопы прямиком к храму, благо его двери даже в это время оказались открытыми.

Внутри, как ожидалось, никого не было. За исключением таких же исполинских, как сам храм, выточенных с невероятным мастерством статуй с изображениями алторийских богов.

Первым, на кого наткнулся мой взгляд, был, разумеется, Род. Отец всего сущего и прародитель, как утверждают, человечества. А внешне – самый обычный мужик в роскошных золотых одеяниях и с совершенно каменной… во всех смыслах этого слова… физиономией.

Неподалеку от него, купаясь в льющихся с потолка потоках света, стояли остальные светлые боги: Лейбс, покровитель кузнецов, Ремос – бог справедливости, богиня красоты Ферза, бог познания и мудрости Сойрос. На границе света и тени загадочно улыбался жабоподобный Абос. Но даруемая им удача всегда была двуликой и нередко оборачивалась неприятными последствиями, поэтому к светлыми богам Абоса относили весьма условно.

Истинно же темные боги предпочитали оставаться тени и избегали излишне яркого света. Суровый Рейс, как и положено покровителю битв, носил тяжелые доспехи и сжимал в руках

огромный двуручник. Покровительница воров Малайя, приютившаяся между дальних колонн, традиционно прятала лицо под капюшоном. Ее сестра Ирейя, страстная поклонница загадок и тайн, и вовсе была закутана в бесформенный балахон. А бесстрастный Фол по традиции стоял в самой глубине зала. В погруженной в кромешную тьму глубокой нише, где незаметно для прихожан сходились сразу три стены, и куда даже в яркий солнечный день не проникало ни единого лучика света.

Остановившись напротив своего бога, я по достоинству оценил привилегии его расположения.

– Все дороги ведут к тебе? Да, Фол? – усмехнулся я, подходя к постаменту вплотную.

Бог, разумеется, не снизошел до ответа. А вот сгустившаяся вокруг него Тьма неожиданно шевельнулась.

– Я могу что-то для тебя сделать, брат? – негромко осведомился вышедший из нее жрец. Наголо обритый, чем-то смутно похожий на отца Лотия, только намного более массивный и, как водится, одетый в длинную черную рясу. Вот только подпоясана она была не простой веревкой, а серебряной цепью. Из чего я заключил, что натолкнулся на важную шишку, и предпочел проявить уважение.

– Благодарю, святой отец. Я всего лишь зашел отметиться.

– Издалека прибыл? – понимающе улыбнулся жрец, пробежавшись глазами по моей запыленной одежде.

– Из Верля. Меня просили передать вашим коллегам послание из местного храма.

Святой отец вопросительно приподнял удивительно светлые, словно выгоревшие на солнце и кажущиеся белыми брови, когда я полез за пазуху и выудил оттуда запечатанный храмовой печатью конверт, который обнаружил в день отъезда на пороге собственного дома. Но все же принял послание отца Лотия и, благодарно кивнув, тут же его распечатал. А когда прочитал короткую записку и снова поднял на меня взгляд, в нем, как мне показалось, что-то изменилось.

– Благодарю, брат мой. Ты привез хорошие вести.

– Я не служитель храма, святой отец, – на всякий случай поправил его я. Но жрец на это лишь загадочно хмыкнул.

– Фолу виднее.

Что на это сказать, я попросту не знал, поэтому не стал ни спорить, ни что-либо пояснять. А потом мой взгляд упал на высеченный из глыбы черного базальта постамент: на нем, как и в основании статуи в Верле, виднелись какие-то насечки и выбоины, но что это такое, я не знал. А у отца Лотия спросить позабыл. И вот сейчас, увидев их снова, мне неожиданно стало

интересно. Настолько, что я подошел, мимоходом оглядел каменное основание через линзу, но убедился, что в одном месте беспорядочные с виду закорючки подозрительно напоминают полуистершиеся, практически нечитаемые буквы, и повернулся к жрецу.

– Святой отец, не подскажете, что это?

– Мое имя отец Гон, брат мой. Что именно тебя заинтересовало?

– Вот это, – для верности я провел рукой по надписи и поежился от ощущения идущего от нее потустороннего холода. Впрочем, он был не таким жгучим, как в тот раз, когда я впервые его коснулся. Но когда мои пальцы дошли до последнего знака, то даже сквозь перчатку порядком озябли, так что я поспешил убрать руку и вопросительно взглянул на жреца.

А тот неожиданно улыбнулся.

– Это древнее благословение на лотэнийском, мастер Рэйш. И одновременно совет.

– Какой? – насторожился я.

– Тьма над Тьмой дает свет, – тихо шепнул жрец. А когда я ошарашенно замер, святой отец развернулся и со смешком ушел обратно во Тьму, оставив меня в полном обалдении.

* * *

Возле храма я в общей сложности проболтался около двух свечей. Не с досады и тем более не в надежде, что отец Гон внезапно вернется и пояснит свои слова – как и моему учителю, святым отцам это было несвойственно. Поэтому я попросту выжидал время. Сперва прогуливался по огромному храму, раздумывая над словами жреца и от безделья изучая расставленные повсюду статуи. А затем вышел на улицу и остановился в стороне от главного входа, откуда можно было совершенно безнаказанно взглянуть на темную сторону Алтира.

Светиться раньше времени в чужом городе, где наверняка обитали не только глупые гули, я посчитал неразумным. Поэтому, спрятавшись в тени, незаметно изучал живущий своей жизнью город и молча делал выводы.

Как оказалось, в Алтире, по сравнению с Верлем, и впрямь было почище. И в плане снега, которого на земле практически не осталось, и в отношении нежити. Разумеется, с исчезновением сугробов теплее в том мире не стало, однако темных уголков заметно прибавилось. А вот гулей, как это ни странно, я за пару свечей так и не увидел. Не говоря уж про что-то более опасное

или крупное.

Самое интересное заключалось в том, что дома на темной стороне столицы выглядели не так безобразно, как на окраине. Да, у них точно так же отсутствовали стекла и двери, а местами здания казались черными, словно внутри когда-то бушевали пожары. Зато у большинства домов, в отличие от Верля, имелась нормальная крыша, да и стены были не такими обшарпанными, благодаря чему даже на темной стороне Алтир казался намного сохраннее.

В какой-то момент я задумался над тем, что говорила по этому поводу Триш, и был вынужден признать, что с приходом весны Тьма и впрямь стала выглядеть чуточку иначе. Да, ярких красок и буйства зелени от нее никто не ждал, однако подтаявший снег и исчезновение изморози на стенах говорили сами за себя. И это ничуть не отменяло, а скорее даже подтверждало утверждение мастера Ниро о том, что темная сторона способна меняться.

Правда, когда я счел, что насмотрелся достаточно, и собрался вернуться в обычный мир, то был неприятно удивлен, обнаружив, что за время моего отсутствия кто-то позарился на оставленные возле колонны вещи. Этим «кем-то», как вскоре выяснилось, оказался обычный беспризорник, который посчитал себя вправе по-тихому стырить мой вещмешок и брошенную поверх него шляпу.

Само собой, когда я возник у него за спиной, крадущийся вдоль стены пацан ничего не заподозрил. А вот когда на его плечо упала тяжелая рука, он аж подскочил на месте. После чего испуганно обернулся и, узрев мои седые волосы, с придушенным визгом кинулся бежать.

– Стоять! – рявкнул я, цапнув сопляка за ворот латаной-перелатаной куртки. – А ну, верни мои вещи!

Чумазый мальчишка… лет десять ему было, не больше… уже не стесняясь, в голос взвыл и попытался вывалиться из разношенной, явно не своего размера одежды. А когда ему это не удалось, то бухнулся на колени и, глядя снизу вверх отчаянно большими глазами, быстро-быстро затараторил:

– Простите, дяденька маг! Я не хотел! Я не знал! Просто мимо проходил, поэтому не убивайте меня, пожалуйста!

– Убивать? – удивился я, вздергивая пацана на ноги. – Да на кой ты мне сдался – магию ещё на тебя тратить… нет, малой. Убивать тебя ни к чему. А вот послужить немного придется.

– Не надо, дяденька маг! – совсем перепугался сопляк. – У меня мамка больная! И две сестренки маленькие! Если вы меня рабом сделаете, кто их кормить будет?!

– Об этом надо было думать до того, как хватать чужие вещи. А теперь терпи, – безжалостно отрубил я и, начертав на лбу пацана знак-маячок в виде полукруга с двумя точками внутри, выпустил расползающийся от ветхости ворот. – Как тебя зовут?

Мальчишка, брякнувшись от неожиданности на задницу, едва не задал стрекача. Но, видимо, с магами он все же сталкивался, поэтому отползать в сторону начал медленно и осторожно, не сводя с меня испуганных глаз. А когда убедился, что на расстоянии в пять шагов метка начинает прижигать ему кожу, остановился и с обреченным видом вздохнул:

– Сенька.

– Иди сюда, – велел я, подбирая с земли выроненный воришкой мешок. – На. Держи. А это отдай…

Сняв с вихрастой головы шляпу, я водрузил ее на положенное место и, всунув ошалело моргнувшему пацану мешок, развернулся к нему спиной.

– А теперь идем. Для начала покажешь дорогу.

– К-куда? – икнул мальчишка, кажется, только сейчас начиная соображать, во что именно вляпался. Еще бы. Со своими, столичными, бояться ему было нечего – ну, сдали бы его городской страже и все дела. Кому он, собственно, нужен? А вот чужак, незнамо откуда прибывший, за попытку грабежа мог сотворить с ним все что заблагорассудится. Тем более что метка уже стояла, и ни один судья в мире не смог бы доказать, что мелкий раб не приехал сюда вместе с хозяином. А если даже кто-то и заподозрил бы неладное, то за нищего пацана всяко было некому заступиться.

– Д-дяденька маг… ну, пожа-а-алуйста… отпусти-и-ите! У меня ж мамка… и сестренки… я ж не могу так просто…

Я не стал оборачиваться на его нытье. А когда услышал, как сзади торопливо стучат чужие башмачки, коротко добавил:

– Регистрационная палата. Самый короткий путь. Вздумаешь обмануть, напасть или позвать на помощь – голову оторву. Усек?

Мальчишка только жалобно хлюпнул носом.

– Да-а…

– Кеб вызывать надо?

– Не-е-ет. Тут недалеко-о…

– Тогда иди первым, – сухо велел я, немного замедлившись.

Сенька, издав душераздирающий вздох, послушно ускорил шаг и забежал вперед, при этом постаравшись обогнуть меня так, чтобы нельзя было дотянуться рукой. А я, глянув на съежившегося, пугливо втянувшего голову в плечи воришку, только хмыкнул.

Вот и нашелся мой провожатый. Зуб даю, что до

Регистрационной палаты мы доберемся быстрее, чем Йен уладит свои дела в ГУССе.

Так оно и вышло. Пацаненок, даром что скулил всю дорогу, довел меня до нужного места кратчайшим путем и даже ни разу не попытался сбежать. Конечно, подворотни и грязные улочки, по которым мы шли, доверия не внушали, зато не прошло и четверти свечи, как я оказался перед массивным четырехэтажным зданием и удовлетворенно прочитал на прикрепленной к нему табличке:

– «Официальное представительство алторийского Ордена магов. Регистрация, оформление, помощь». Отлично!

– Дя-а-а-аденька маг… – снова заныл мнущийся перед роскошными дверьми с позолоченными ручками воришка.

Я отобрал у него мешок и отвесил сочный подзатыльник.

– Проваливай.

Сенька аж подскочил от неслыханной радости и, даже не спросив про метку, со свистом умчался. А я, ослабив поводок, чтобы сопляк раньше времени на нем не повесился, толкнул тяжелую створку.

Официальное представительство Ордена, вопреки ожиданиям, оставило у меня сугубо положительные впечатления. Внутри было чисто, тихо и тепло. Симпатичная девушка-немаг тут же поинтересовалась, по какому вопросу я изволил явиться. Выяснив, что мне нужно зарегистрироваться, она вежливо улыбнулась и лично проводила на второй этаж, в зал ожиданий, где уже находилось два приезжих мага. После этого указала кабинет, куда следовало пройти, когда подойдет моя очередь, затем предложила присесть и испарилась, одарив напоследок ещё одной ослепительной улыбкой.

– Какой, однако, сервис, – вполголоса удивился я, отойдя в сторону и усевшись так, чтобы видеть и дверь, и соседей по залу.

Угу. В прошлый раз, когда я сталкивался с представителями Ордена, на меня смотрели, как на бешеного пса, внезапно оборвавшего привязь. Через некоторое время стали поглядывать с откровенным презрением. И наконец, с брезгливой жалостью. Хотя я, как мне кажется, не заслужил ни того, ни другого, ни третьего.

Ну да не суть важно.

Ожидание мое, как ни странно, не затянулось – всего через четверть свечи из кабинета вышел дородный господин в богатой одежде и, окинув присутствующих надменным взором, неспешно удалился. Вместо него внутрь заскочил сперва один мой сосед – красноносый, лопоухий и откровенно нервничающий субъект в длинном пальто, которое шло ему, как морской кильке – шуба. А когда он вышел, внутрь ненадолго заглянул и второй посетитель

– немолодой темный маг, в которого я безошибочно признал неплохого некроса.

Когда же наконец пришел мой черед проходить регистрацию, то оказалось, что за время моего отсутствия в столице процедура упростилась донельзя. От меня только и требовалось, что назвать свое имя да приложить перстень к специальному устройству в виде хрустальной сферы, которая невесомо парила над регистрационной стойкой и изменила цвет с белого на зеленый сразу, как только я к ней прикоснулся.

За стойкой, к слову сказать, восседал совсем ещё молодой светлый маг, обладающий бесценным талантом быстро заполнять необходимые бумажки. На меня он даже не взглянул, с головой уйдя в работу. Зато, потратив не больше десятой части свети, я закончил все формальности, не слишком охотно оплатил очередную немаленькую пошлину и оказался, к собственному удивлению, совершенно свободен.

Правда, когда я уже собрался уходить, сидящий за регистрационной стойкой паренек неожиданно встрепенулся и впервые поднял голову от бумаг.

– Где вы планируете остановиться, мастер Рэйш?

Я удивился.

– Это что, тоже необходимо указывать?

– Желательно, но необязательно, – кашлянул регистратор. – Чтобы определиться с жильем и известить нас о вашем местопребывании, у вас есть несколько дней. Но мне сейчас пришло подтверждение вашего статуса, а следом за ним и это…

Я перегнулся через стойку и недоверчиво уставился на паренька. А затем перевел взгляд на сферу, внутри которой зеленый туман внезапно смерил цвет на алый.

Все эти новомодные маго-технические устройства были для меня в новинку – сказывалось длительное пребывание вдали от цивилизации. Но, насколько я понял, когда маг перстень прикладывал к сфере, устройство сравнивало отпечаток его ауры с имеющейся в Ордене базой. И выдавала цветовое подтверждение о том, что данный маг являлся официально зарегистрированным, а перстень действительно принадлежал ему.

Но в моем случае, кажется, что-то пошло не так.

– Что это значит? – осведомился я, убедившись, что сфера как покраснела, так больше и не собирается светлеть.

Паренек пожал плечами.

– Скорее всего, на ваше имя имеются ещё какие-то документы, помимо стандартной записи в архиве. Хотите, я проверю? Или, может, прислать данные на ваш постоянный

адрес?

Я пожал плечами.

– Давайте сейчас.

– Сей момент, – улыбнулся маг и, поднялся из-за стола, вышел в соседнюю комнату. А когда вернулся, в его руках покачивалась тоненькая, покрытая изрядным слоем пыли, запечатанная магической печатью папка. – Вот. Кажется, это вам.

– С чего вы решили?

– На ней написано: «Артур Рэйш». И пометка внизу: «Лично в руки». Оставлено три с половиной года назад.

Забрав папку, я глянул на надпись, но убедился, что аккуратный убористый почерк, как и магическая печать, которой была запечатана папка, были мне хорошо знакомы.

– Так где вы все-таки остановились, мастер Рэйш? – отвлек меня коллега от изучения необычного «подарка».

– Я пока не решил. А почему вас это волнует?

Парень взял со стола клочок бумаги и что-то на нем чиркнул.

– Вот, возьмите.

– Зеленый квартал. Улица Гербовая, дом девять, – прочитал я.

– Когда я отправляю запрос на имя гостя, сюда приходят все сведения, которые есть по нему в нашей базе, – счел нужным пояснить регистратор. – Полное имя, характеристика магического дара, дата и место рождения, места, где маг останавливался в столице во время прошлых своих визитов… ну, вы понимаете: учет, безопасность и все такое. Так вот, на имя «Артур Рэйш» выскочил именно этот адрес.

– И чей это дом, позвольте поинтересоваться?

– Ваш, – усмехнулся парень, а когда я недоверчиво прищурился, со смешком добавил: – В базе указано, что по этому адресу находится фамильный особняк рода Рэйшей. И мне показалось, что эта информация вам пригодится.

Глава 3

Из Регистрационной палаты я вышел в глубокой задумчивости и, поймав первый попавшийся кеб, сразу отправился на Гербовую – выяснять, что за дом достался мне по наследству. Читать в трясущемся экипаже было, конечно, неудобно, но я не хотел ждать и, приложив перстень, распечатал загадочную папку, достав оттуда короткое письмо от учителя.

«*Ну, здравствуй, мой догадливый и верный своему слову ученик!* – в знакомом стиле начиналось послание трехлетней давности. – *Помня нашу первую встречу, ничуть не сомневаюсь, что однажды ты вернешься в Алтир и, будучи законопослушным темным магом, обязательно зайдешь в палату для Регистрации*…»

На этом месте я хмыкнул.

Шутником, однако, был мастер Этор. И, кажется, провидцем, потому что каким-то образом предвидел мои действия на годы вперед.

«*Возможно, тебе покажется это странным, но после долгих раздумий я все же решил переоформить старый особняк на твое имя. Не уверен, правда, что ты оценишь его по достоинству, но аренда за дом внесена на пять лет вперед. После этого стазис спадет, наследие наших с тобой предков осыплется прахом, и древнее имя нашего рода останется высеченным лишь на надгробиях Кенсингтонского кладбища. Навести его, если посчитаешь мой подарок ненужным. Плату внесешь от входа – я оставил тебе нужную сумму. И – да, будь добр, перед уходом приберись в кабинете, а то Нортидж снова станет ворчать. Э.Р.*»

Аккуратно сложив письмо и убрав его за пазуху, я откинулся на сидении и прикрыл глаза.

Значит, учитель не просто так возвращался в столицу незадолго до смерти. Было бы дело только в документах, он сделал бы это в любое другое время. За год, за два, да хоть за все десять. Но он предпочел явиться сюда в самый последний момент. Спешно переоформил бумаги. Поставил или обновил уже имеющуюся защиту на доме. Оставил несколько вполне прозрачных намеков, кучу недомолвок и всего полтора года на решение новой загадки.

– Прибыли, господин… тпру-у! – вырвал меня из задумчивости хрипловатый голос возницы, и кеб, прокатившись по инерции еще несколько шагов, встал как вкопанный. – Улица Гербовая, дом девять. С вас четыре медяка.

Выбравшись наружу и отдав кебмену положенную плату, я огляделся и без подсказки нашел тот самый особняк, который

учитель решил завещать мне после смерти.

Впрочем, его невозможно было с чем-то перепутать – завалившийся на один бок, почерневший от времени, поросший плющом и буквально рассыпающийся на части дом волей-неволей привлекал к себе внимание.

Стоя в окружении богатых садов и роскошных усадеб, он прямо-таки кричал: вот оно, жилище страшного темного мага! Выбитые окна, покосившиеся двери, прогнившая крыша, полуразвалившееся крыльцо… В довесок к ним имелась ржавая, не раз погрызенная кем-то ограда, засохшие на корню деревья и голые кусты, двумя рядами стоящие вдоль криво вымощенной дорожки. Осталось только паутину сверху развесить, стаю летучих мышей на чердак загнать, усеять пространство перед домом чучелами каких-нибудь монстров. И все – готова иллюстрация к классической книге про некроманта.

По достоинству оценив юмор наставника, я с усмешкой взглянул на дом вторым зрением. Некоторое время ошарашенно таращился на возвышающийся на добрых три этажа белокаменный особняк, огражденный сразу четырьмя слоями опупительно сложной защиты. На мощную ограду. Кованные ворота. Погруженный в глубокий стазис сад, ничуть не напоминающий старый погост. Наконец, разглядел над ним тоненькую пленку искусно наложенной иллюзии. А затем признал в сидящих возле ворот двух гигантских черных псах самых настоящих духов-хранителей, и вот тогда тихо присвистнул.

Ничего себе подарочек оставил после смерти мастер Этор! Я буду не я, если не окажется, что псы натасканы вырывать души из каждого, кто осмелится сунуть свой нос дальше решетки. А защита наверняка настроена таким образом, чтобы испепелять любого, кто посмеет ее потревожить.

Интересно, какой источник столько лет поддерживал ее в столь безупречном состоянии? И для чего понадобилась накладывать под нее ещё и иллюзию, если ни один здравомыслящий человек и без того сюда не полезет? Хотя, может, мастер решил уберечь от возможной угрозы не столько воров, сколько любопытных соседских детей?

Покачав головой, я подошел к ограде, бросил на землю мешок и, сняв с правой руки перчатку, поднес к воротам переданный учителем перстень.

Как только он соприкоснулся с защитой, наброшенная на дом сеть заклинаний мгновенно активизировалась, сверкнув в реальном мире слабенькой радугой. Сидящие у входа духи-псы, которых я видел лишь через линзу, встрепенулись и, как по

команде повернув головы, оскалились. В моей голове при этом пронеслась безумная мысль, что с количеством растущих в этих пастях зубов учитель явно перемудрил. Еще через миг оба духа сбросили многолетний стазис и, разразившись беззвучным рыком, от которого на темной стороне наверняка содрогнулась половина города, метнулись к ограде…

Но тут в замке что-то щелкнуло, и светопреставление над домом мгновенно прекратилось.

Наложенная прежним хозяином иллюзия испарилась, открыв моему взору величественный и ничуть не пострадавший от времени особняк. Порыв сильного ветра одним махом выдул с раскинувшегося перед ним газона опавшие листья. Решетка бесшумно отворилась, открывая собакам доступ к моему бренному телу. Я сжал челюсти, надеясь, что дрессировкой мастер Рэйш не пренебрегал. Но с места все равно не сошел. Даже когда жутковатые псы с устрашающей скоростью нарисовались возле руки с перстнем и одновременно клацнули зубами.

Я поспешно отдернул кисть, вполне обоснованно опасаясь остаться без важной части тела. А затем рывком перешел на темную сторону и прямо из воздуха выудил секиру, намереваясь разнести тут все по камешку, если что-то пойдет не так.

Псы, которым я едва не обрубил носы, с раздраженным рычанием отпрянули и встопорщили шерсть на загривках. Я в ответ окутался Тьмой, из которой прямо поверх одежды соткалась броня, неподвластная даже острым когтям гулей. А как только духи подступили снова, развернул секиру древком вперед и мощным ударом сбил с ног сперва одного подскочившего пса, а затем плашмя ударил лезвием второго, заставив его жалобно заскулить.

Видит Фол, я не хотел уничтожать этих существ, потому что они были созданы учителем и, по идее, могли бы неплохо мне послужить. Но призраки, которыми я не могу управлять, мне не нужны. Духи, которые хотя бы в теории способны причинить мне вред, попросту опасны. Так что, если и сейчас звери проявят неповиновение, я разрублю их на куски без малейших угрызений совести.

Поднявшийся с земли пес, у горла которого нервно подрагивало лезвие, видимо, тоже это понял, так как застыл, не смея даже хвостом лишний раз шелохнуть. Второй, получив хлесткий удар по морде, оказался более настойчивым и попытался снова накинуться, но был остановлен второй секирой, которая беззвучно возникла в моей левой руке и уперлась кончиком в мохнатую глотку.

Не знаю, сколько бы мы так стояли и играли в гляделки, но,

скорее всего, у меня бы вскоре закончилось терпение. И быть тогда небольшому апокалипсису, если бы из глубины сада не метнулось полупрозрачное облако, а зычный голос не рявкнул:

– Гроза! Шквал! Фу! Не видите, что ли?! Хозяин вернулся!

Буквально в тот же миг передо мной нарисовался еще один призрак. На этот раз человеческий – немолодой, усатый и слегка полноватый в талии мужик в туго обтягивающем бело-синем камзоле. На меня остро взглянули непроницаемо черные глаза. Такой же острый взгляд мазнул по бешено горящему перстню, по доспеху, готовым к завершающему удару секирам. После чего дядька принял благообразный вид и, приложив правую руку к груди, с достоинством поклонился.

– С возвращением, мастер Рэйш. Мастер Этор предупреждал, что вы, возможно, появитесь. Прошу вас, проходите. Дом в полном вашем распоряжении.

– Сидеть! – вместо ответа процедил я, не сводя напряженного взгляда с собак. Те недовольно заворчали, но потом покосились на матово-черные лезвия секир, на пылающий всеми оттенками алого перстень и все-таки опустились на мохнатые зады.

– Место! – снова велел я, не торопясь прятать оружие, и псы, прижав уши к головам, неохотно вернулись на тумбы у входа. – Без приказа далеко от ограды не отходить. Нарушителей сперва задерживать и только после моего разрешения жрать. На прохожих не лаять. Вести себя тихо. Убивать молча. Услышу хоть один необоснованный вопль – развею к Фоловой бабушке.

На громадных собачьих мордах появилось неописуемое выражение, и даже физиономия дворецкого заметно вытянулась. А я натянул перчатку на руку, настороженно огляделся, но убедился, что рядом нет ни нежити, ни посторонних. После чего разжал пальцы и, не дожидаясь, когда секиры истают в воздухе, так же быстро вернулся в реальный мир.

– Кхм, – деликатно кашлянул появившийся следом за мной дух, когда я выглянул за ворота и, никого поблизости не обнаружив, с грохотом их захлопнул. – Прошу прощения за недоразумение. Хозяин, вам не о чем волноваться – в пределах поместья вашу магию не учует ни один демон. Даже если вы позабудете про перчатки.

Я раздраженно покосился на смирно сидящих собак.

– Я бы предпочел не рисковать.

– Теперь Гроза и Шторм не осмелятся ослушаться: духи-служители такого уровня подчиняются лишь тому, кто сумел их одолеть.

– Хочешь сказать, тебя мне тоже придется приручать? – хмуро осведомился я.

Призрак качнул головой.

– В этом нет необходимости: достаточно того, что вам подчиняется перстень. Но сейчас вам в любом случае лучше пройти внутрь. В доме защита на порядок выше.

– Ты – Нортидж? – осведомился я, не торопясь воспользоваться приглашением.

– Да, хозяин. Мои предки служат роду Рэйшей на протяжении вот уже четырех поколений.

Я окинул призрака скептическим взором.

– Неужели они все были вот в таком неприличном виде?

– Ну зачем же? Когда-то мы служили вашему роду будучи живыми. Теперь служим мертвыми.

– Тогда почему я вижу только тебя одного?

– Остальным слугам, за исключением садовника, запрещено покидать дом, – спокойно пояснил дворецкий. – Но если вы пройдете внутрь, я вас познакомлю и постараюсь все объяснить. Прежний хозяин оставил на этот счет некоторые указания.

Я откровенно заколебался. Затем в последний раз покосился на присмиревших псов, подхватил с земли дорожный мешок и, закинув его на спину, хмуро бросил:

– Веди. Но если мне что-то не понравится – не обессудь: церемониться ни с кем не буду.

* * *

Внутри дом отличался более чем скромным убранством. Никаких вычурных гобеленов, никаких позолоченных ручек, минимум мебели и максимум свободного пространства – все было так, как учитель предпочитал видеть при жизни. И так, как вполне устраивало меня самого. При этом дом был построен на редкость добротно, попавшаяся мне на глаза мебель выглядела удобной и крепкой, обивка радовала глаз неброскими тонами и безупречно гармонировала со строгим, тщательно выдержанным стилем, которому мастер Этор оставался верен даже после смерти.

В холле меня дожидалось несколько взволнованно перешептывающихся призраков: две молоденьких, похожих, как две капли воды, горничных, пышнотелая кухарка с большим половником в руке, усатый садовник, которого я признал лишь по заткнутому за пояс, устрашающего вида секатору, и сам дворецкий, который, едва залетев внутрь, по-военному четко скомандовал:

– Р-равняйсь! Смир-рно!

Горничные, хихикнув, честно попытались исполнить приказ, но при виде моей кислой физиономии прыснули и, изобразив весьма даже элегантный книксен, прикрыли ладошками рты. Дородная дама в белоснежном переднике лишь демонстративно подбоченилась. А садовник, хоть и изобразил нечто напоминающее команду «смирно», да вот беда – большое пузо никак не желало втягиваться, так что старания дворецкого пропали впустую.

– Что вы умеете? – знаком показав, что можно расслабиться, поинтересовался я, оглядев команду призрачных слуг.

– Почти все: кормим, чистим, убираем, – усмехнулась кухарка, так же демонстративно взмахнув половником.

– В пределах дома мы способны находиться в любом из миров, – сообщил более дельную информацию дворецкий. – Работаем как с материальными, так и не с материальными предметами. Следим за домом. Обучены защищаться.

Я с сомнением покосился на неловко потупившихся девушек и особенно на садовника.

– Это как?

– А вот так, – кухарка моментально преобразилась, вместо двух рук у нее невесть откуда появился добрый десяток конечностей, и в каждой было зажато что-то увесистое. Скалки, например, топор, чугунные сковородки… причем очень даже настоящие скалки и сковородки. Точно так же, как настоящими были мгновенно появившиеся в кулачках у горничных внушительного вида ножи и целый набор громадных секаторов, которыми щелкнул воинственно тряхнувший усами садовник.

Оглядев это сомнительное воинство, я деликатно кашлянул, и слуги без напоминания вернулись к прежнему виду.

– Что еще?

– В пределах дома наши возможности практически не ограничены, – с нескрываемой гордостью сообщил господин Нортидж. – Управляющая сфера еще прежним хозяином была подключена ко всем необходимым лавкам, так что заказать продукты, вызвать служащего или пригласить портного мы способны без вашего участия.

– Портного-то зачем? – не понял я.

Дворецкий приосанился.

– Полагаю, вскоре вам понадобится костюм на выход, мастер Рэйш. Так что, если вы не против, я возьму на себя смелость пригласить достойного мастера.

Я нахмурился.

– Так. Отставить посторонние траты. Сначала я хочу взглянуть на документы и выяснить, во что мне обойдется ваше

содержание.

– Конечно, мастер Рэйш. Прошу за мной.

Оставив внизу лукаво переглядывающихся горничных, недоверчиво хмыкнувшую кухарку и озадаченно чешущего в затылке садовника, я следом за Нортиджем поднялся на третий этаж и зашел в услужливо открытую им дверь.

– Проходите, мастер Рэйш. Это кабинет прежнего хозяина. Все необходимые бумаги он оставил здесь.

Я мельком огляделся.

Что ж, и тут мне, пожалуй, нравится. Два кресла, стол, пара шкафов у задрапированной тканью стены, одно окно, старинная бронзовая люстра под потолком… как и внизу, здесь не имелось ничего лишнего. И, в то же время, все необходимое можно было хранить под рукой.

– А там что? – кивнул я на неприметную дверку в углу.

– Второй кабинет, – едва заметно помрачнел дворецкий. – Но слугам туда нельзя, так что, боюсь, вытереть пыль там будет некому.

Ага. Вот, значит, в каком кабинете учитель советовал мне покопаться. Само собой, я так и сделаю. Но сначала разберусь с насущными проблемами.

– Где бумаги? – спросил я, подходя к столу. И, коротко глянув в окно, уселся в большое кожаное кресло, которое стараниями призраков сохранилось в безупречном состоянии.

Нортидж в это время метнулся к шкафу и приволок оттуда целую кипу всевозможных папок с документами. После чего аккуратно разложил их на столе, и я с головой погрузился в отчетность…

Как и следовало ожидать, с домом я провозился почти до вечера. Бумаги отняли мое время вплоть до самого полудня, после чего мы с дворецким обошли особняк, и призрак детально доложил обо всем, что мне показалось важным.

Проблем, требующих моего непосредственного вмешательства, оказалось на удивление немного, и почти все они решились в процессе осмотра. При этом все помещения первого и третьего этажа, включая хозяйскую спальню, содержались в идеальном порядке. А вот второй давно не использовался, поскольку находился в глубоком стазисе. Но выслушав причину, по которой учитель закрыл целый этаж, я решил ничего не менять: гостевые спальни, два зала для приемов, оружейная комната и дополнительные уборные мне были без надобности. К тому же, людей я не любил. Чужих людей не любил тем более, как и домашних питомцев, кстати. Поэтому считал нецелесообразным вводить в обиход помещения, которые в

ближайшие лет сто мне точно не понадобятся.

Зато нашедшаяся в подвале управляющая консоль, с помощью которой регулировалась мощность защитного поля, меня откровенно порадовала. А пять предназначенных для его бесперебойной работы и до отказа заряженных артефактов-накопителей, каждый из которых был рассчитан на три года службы, и вовсе привели в восторг.

Единственное, что меня беспокоило, это то, что без официально подтвержденного статуса в Ордене мое новоиспеченное богатство могло оказаться под угрозой. Универсальные отмычки, как я уже упоминал, использовались повсеместно, в том числе и в Алтире. Но до тех пор, пока дом принадлежал известному в столице мастеру и, соответственно, не подпадал под действие закона «Об ограничениях магической защиты личного имущества», этот вопрос не вставал.

Однако как только станет известно, что в особняке Рэйша объявился наследник, мне надо будет ждать официального уведомления. Скажем, денька через два, когда сведения из Регистрационной палаты доберутся до соответствующего чиновника. И к тому времени мне желательно определиться, что важнее: принципы или же собственная безопасность.

Касательно расходов, от текущих до планируемых в самом ближайшем будущем, я буквально выпотрошил своего нового дворецкого. Если бы тот умел потеть, то, наверное, взмок бы в попытке удовлетворить мои запросы, в которых внезапно всплыли последствия неплохого образования. Зато я получил исчерпывающие сведения и был вынужден признать, что наследство мне досталось не только недешевое, но и толковое. Да и денег на его содержание мастер Этор оставил достаточно.

Поначалу, узрев сумму, положенную им три с половиной года назад на счет в Королевском банке Алтира, я несколько растерялся. Нет, шестизначные цифры не являлись для меня чем-то запредельным, однако новость о том, что годами ютившийся посреди вонючей трясины маг обладал такими средствами, стала для меня неожиданностью. Более того, деньгами старик распорядился мудро: большая их часть была вложена в недвижимость, что-то находилось на созданном на мое имя счету, а что-то он благоразумно перевел в облигации и припрятал в тайнике, который дворецкий тут же и продемонстрировал.

Тщательно изучив его содержимое и отложив на потом стремительно копящиеся вопросы, я принялся рыться в многочисленных накладных и вскоре выяснил, что учитель и впрямь оплатил все налоги, расходы на содержание дома и даже пошлину на использование магии в столице аж на пять лет

вперед. Вернее, с учетом прошедших трех с половиной лет, срок этот был несколько меньше. Зато сам дом, как и остальное имущество, включая нехилый участок земли в южном районе Алтира, действительно оказались переписаны на мое имя. И тот факт, что мастеру Этору понадобилось выкупать землю вблизи Кенсингтонского парка, меня откровенно насторожил.

– Что-нибудь еще, мастер Рэйш? – учтиво поинтересовался дворецкий, когда я завис над последней бумагой.

Я, не отрывая взгляда от накладной, кивнул.

– К завтрашнему дню подготовьте отчеты о планируемых расходах на ближайший месяц, квартал, полугодие и год. Плюс такой же отчет по доходам за прошлый год и то, что вы планируете потратить в этом.

– Сведения вам предоставить в перерасчете на золото или серебро? – деловито уточнил Нортидж.

– В золоте. Заодно выясни, какой нынче курс при переводе. И еще мне понадобится список банков, с которыми можно работать удаленно.

– Утром все данные будут у вас на столе. А теперь, если вы закончили, осмелюсь предложить вам отужинать.

Я только отмахнулся.

– Позже. Я не голоден.

– Я все понимаю, хозяин, – тихо, но настойчиво повторил дух. – Но дела могут и подождать. Позволю себе напомнить, что уже вечер, а вы сегодня даже отобедать не соизволили. И это не есть хорошо.

Что? Какой еще вечер?!

Я недоверчиво покосился в окно, но на улице и впрямь давно стемнело. Но благодаря качественному, незаметно подстраивающемуся под нужный уровень, освещению я этого не заметил. Более того, совершенно позабыл про Йена и о том, что собирался его навестить, но теперь это точно могло подождать. Даже в том случае, если Норриди по давней привычке не отправился ночевать в служебное жилье, а улегся спасть в новом кабинете.

– Велеть Марте, чтобы все разогрела? – беспокойно осведомился Нортидж, когда мой пристальный взгляд остановился на его полупрозрачной персоне.

Я, подумав, кивнул. А когда дворецкий испарился, с хрустом потянулся и, слыша, как гремят внизу сковородки, подумал, что обо мне и впрямь пытаются заботиться. И сознавать это оказалось на удивление приятно.

Глава 4

Впервые за последнюю неделю мне удалось не только вкусно поесть, но и как следует выспаться. Хозяйская спальня – такая же лаконичная и просторная, как остальные помещения – оставила после себя более чем приятные впечатления. Аккуратно сложенная, заботливо вычищенная и выглаженная одежда тоже весьма порадовала. Ну а горячий завтрак, несмотря на то, что приготовила его мертвая кухарка, и вовсе оказался выше всяких похвал.

– Благодарю, очень вкусно, – бросил я, поднявшись из-за стола, и благодарно кивнул настороженно взирающей на меня Марте. – Но обед я, скорее всего, пропущу – у меня дела в городе. Нортидж, ты где?

– Все уже готово, хозяин, – тут же материализовался у выхода призрак и услужливо придержал дверь, пока я покидал столовую. Но прежде чем уйти, я все же полюбопытствовал – обернулся и как раз успел увидеть, как превратившиеся в небольшие вихрики горничные проворно смели со стола грязную посуду. – К какому часу пригласить вам портного?

– Завтра после полудня.

– Документы от вашего имени в представительство Ордена отправить? Или вы ещё не приняли окончательного решения по поводу членства?

Я так и замер посреди лестницы.

– Ты что, и их уже успел состряпать?!

– Образцы заявлений хранятся в вашем столе, – спокойно отозвался дворецкий. – Я всего лишь заполнил их от вашего имени.

Я отмер.

– Оставь, я посмотрю. Какие-нибудь происшествия за ночь были?

– Да. Четыре попытки несанкционированного проникновения на территорию поместья. Все успешно пресечены.

– Та-а-ак, – протянул я, добравшись до кабинета и открыв дверь. Надо же, как интересно. Не успел толком устроиться, а на мое имущество уже кто-то покушается. – Чья это работа, выяснили?

– Никак нет. Защита показывает, что попытку проникновения совершила неустановленная сущность.

– Живая или мертвая?

– Похоже, что мертвая, – едва заметно подал плечами Нортидж, бесшумно залетая в кабинет. – Попытки прорыва

совершены с темной стороны. Через небольшие промежутки времени, зато последовательно и по всему периметру. После того, как защита отбросила существо в последний раз, попытки проникнуть внутрь прекратились.

Я насторожился.

– И сколько времени этому существу понадобилось, чтобы обежать весь участок?

– Три удара сердца, хозяин.

– Скверно. Тварь, которая перемещается по темной стороне с такой скоростью, может быть опасной.

– Я установил защиту на максимум, – согласился призрак, подлетев ближе и жестом указав на громоздящуюся на столе стопку бумаги. – Вот данные, что вы вчера затребовали. Я взял на себя смелость спрогнозировать примерные доходы и расходы на ближайшие полгода с учетом вашего нового статуса и связанных с ними возможных мероприятий.

Я бегло просмотрел бумаги.

– Никаких излишеств, гостей и ненужных трат. Про графу «торжественный прием» забудь и при мне даже не вспоминай. По поводу продуктов не спорю – кухарке виднее, что почем. А вот это убери… новые накопители нам ни к чему. Бумаги в Орден отправь сегодня же – пусть оформляют членство. Остальное меня устраивает. Только насчет одежды ты погорячился. Так что давай, исправляй-ка цифру в графе «костюмы» с десяти на один, и мы с тобой поладим.

– Как это, не будет гостей, хозяин? – недоверчиво переспросил дворецкий, когда я вернул ему бумагу. – Что, совсем?!

– Мой дом – моя крепость. И в ней я предпочитаю жить один.

Нортидж озадаченно замер.

Видимо, в его понимании молодой маг по приезду в столицу должен сразу начать закатывать пирушки и транжирить доставшееся ему наследство в попытке понравиться местной знати. Однако мне было совершенно безразлично его мнение по этому поводу. Это в девятнадцать я не задумывался, откуда берутся деньги, и тратил больше, чем мог бы заработать в принципе. Но жизнь приучила меня к бережливости, да и тратить на всякие глупости то, что сумел накопить бесконечно уважаемый мною человек, я считал нецелесообразным.

– Хорошо, как скажете, – наконец, кашлянул дворецкий, и тема была закрыта. После чего я жестом отпустил призрака восвояси, а сам направился к неприметной дверке в углу и, приложив к ней серебряный перстень, решительно повернул ручку.

О том, что рабочий кабинет учителя окажется непростым, я подозревал заранее, поэтому не особенно удивился, когда вместо комнаты обнаружил за дверью лишь древнюю каменную кладку. С опозданием, правда, но все-таки догадался прикинуть схему дома, и вспомнил, что в реальном мире в этом месте и впрямь была несущая стена. После чего вернул на левый глаз темную линзу. Ожидаемо увидел на месте кладки плотную черную массу, внешне напоминающую полупрозрачный студень. А затем без колебаний нырнул на темную сторону и улыбнулся, обнаружив, что в потустороннем мире кабинет у учителя действительно был, да и защитил его мастер практически так же хорошо, как и сундук на острове.

О том, что ключом к нему тоже будет служить перстень, догадаться было несложно: стоило коснуться им студня, как вязкая черная масса мгновенно разошлась в стороны. После чего я без всяких помех зашел в небольшое помещение, но, кроме самого обычного стола и лежащей на нем папки с надписью «Артур», больше ничего не увидел.

Кажется, все самое важное учитель заранее перенес в схрон, иначе полки здесь не стояли бы пустыми. А может, старик перепрятал остальные сокровища куда-то еще, потому что, как и большинство магов, не любил хранить ценности в одном месте. Впрочем, лично мне с лихвой хватало того, что он оставил. Так что я не испытал разочарования, обнаружив внутри не несметные богатства, а лишь очередную папку с документами.

Присев за неимением стула на краешек стола, я без особого интереса распустив одряхлевшие завязки. Но первый же лежащий внутри листок бумаги, оказавшийся вырезкой из старой газеты, поверг меня в состояние, близкое к ступору.

«Ужасное происшествие в Белом квартале! – как в бреду прочитал я, чувствуя, что земля, как когда-то давно, вновь уходит из-под ног. – После долгого расследования Королевский суд Алтира наконец-то огласил приговор юному графу Артуру Кристоферу де Ленур и признал его виновным в совершении жестокого убийства»…

От неожиданности я едва не выронил папку, но в последний момент все же ее удержал, упустив из виду лишь один-единственный листок. После чего заставил себя нагнуться, поднял с пола проклятую статью и бросил ее на стол, словно та внезапно превратилась в ядовитую гадину. Все ещё не веря, торопливо перечитал газетную вырезку от начала и до конца, затем открыл папку и высыпал на стол целую стопку кем-то старательно подобранных бумаг.

– «*Трагическая гибель аристократа !..*»

– «*Сенсация! Безжалостно убит молодой наследник древнего рода!..*»

– «*Убийца пойман!*» – посыпались друг на друга громкие заголовки. – «*Королевский прокурор требует для Артура де Ленур смертной казни!..*»

– «*Защитник убийцы не пожелал обжаловать приговор!*»

– «*Высокородный граф отказался от сына-преступника!..*»

– «*Смертная казнь назначена на послезавтра!..*»

– Господи… – прошептал я, расширенными глазами глядя на страшные заголовки и растерянно перебирая пожелтевшие от времени вырезки, которые кто-то не поленился собрать и подчеркнуть особо сочные выражения. – Учитель, зачем?!

– «*Граф де Ленур не вынес позора и повесился в собственном доме!*»

– «*Графиня де Ленур трагически погибла, выпав из окна супружеской спальни!*»…

Неожиданно мне под руки попалась бумага совершено иного качества – плотная, грубая, мгновенно впитывающая в себя чернила и способная десятилетиями храниться в специальных архивах, не поддаваясь ни времени, ни влаге. На каждой стоял штамп северного Управления столичного городского сыска.

– «*Протокол допроса Артура Кристофера де Ленур*», – не веря своим глазам, прочитал я. – «*Заключение судебного мага по итогам освидетельствования Артура де Ленур: вменяем, на момент осмотра призраков алкогольного и наркотического опьянения не выявлено…*»

А следом: число, подпись и полуистершаяся от времени, почти нечитаемая магическая печать.

– «*Заключение судебного мага по итогам осмотра места преступления… следов присутствия посторонних личностей не обнаружено*»…

И снова: число, подпись и такая же блеклая печать.

– «*Протокол допроса свидетеля номер два*»…

– «*Протокол допроса свидетеля номер три*»…

– «*Заключение старшего следователя Гидеро по делу номер… предварительный вывод: виновен, направить дело в суд по статье «умышленное убийство»*.

– «*Заключение старшего следователя Гидеро по делу номер… на основании материалов дела, свидетельских показаний и заключения судебного мага…* – фамилия и имя старательно вымараны, – *рекомендовано рассматривать дело графа Кристофера де Ленур по статье: самоубийство*».

– «*Заключение старшего следователя Гидеро по делу номер… на основании материалов дела, свидетельских показаний и*

заключения судебного мага… – на имя мага посажена большая жирная клякса, – *рекомендовано рассматривать дело графини де Ленур по статье: несчастный случай*».

А затем стандартно: число, подпись и та же самая печать, что и на деле графа Кристофера де Ленур. И снизу, как на остальных бумагах, ярко-красный штамп от королевского прокурора: «Одобрено. Дело закрыть».

Утерев выступившую на лбу испарину, я отодвинул в сторону протоколы, незнамо кем и когда похищенных из архивов столичного УГС, и наткнулся ещё на несколько газетных вырезок.

– «*Несчастный случай в одном из столичных домов: бывшая служанка утонула в собственной ванной! Хлое Бартон не повезло!*»

– «*Дерзкое нападение в центре столицы! Пожилому садовнику перерезали горло прямо на глазах у прохожих!*»

– «*Трагическая смерть на празднике! Вчера, во время проведения ежегодного фестиваля иллюзий, погиб известный светлый маг Найдиш Оменах. Во время выступления опытный пиромант и прекрасный иллюзионист допустил ошибку в построении заключительного заклинания в связке и заживо сгорел на глазах у сотен зрителей! Прибывшая на место происшествия команда целителей не смогла сохранить жизнь пострадавшему чародею. Гибель Найдиша Оменаха была признана трагической случайностью*»…

– «*Столичный некролог… сегодня, на сорок восьмом году жизни, безвременно ушел из жизни один из лучших сотрудников северного Управления городского сыска Оливер Гидеро. Опытный следователь, образцовый семьянин и прекрасный друг, он навсегда останется в нашей памяти, а его имя навечно будет вписано в историю сыска как имя честного, бесконечно преданного своему делу героя*»…

– «*Протокол судебного вскрытия тела Оливера Гидеро. Заключение: острая недостаточность сердца. Признаков насильственной смерти не обнаружено*»…

– Не обнаружено, – машинально повторил я вслух, добравшись до конца протокола. После чего разжал похолодевшие пальцы, позволил бумаге спланировать на пол и, обессиленно опустившись на колени, невидящим взором уставился в стену.

Волею случая в моей памяти намертво отпечатались имена и лица всех, кто свидетельствовал против меня на Королевском суде.

Хлоя Бартон… милая смешливая девочка, которую я ни разу даже пальцем не тронул, но которая почему-то сказала на суде,

что я в те годы не только много пил, но и не гнушался приставать к служанкам.

Старик Тридор, который стриг розы в нашему саду больше десяти лет. Он тоже сообщил королевскому прокурору, что я частенько возвращался домой не в себе. Да оно и понятно: богатенький мальчик, шумные вечеринки, дорогое вино, элитный табак…

Да, у меня было много пороков. Я был бабником, пьяницей и завзятым дуэлянтом. Но никогда, даже в пьяном угаре, я не тащил женщин в постель силой. И уж тем более не притронулся бы к несовершеннолетней дочери садовника, несмотря на то, что юная Эйлин мне по-настоящему нравилась, и то, что уже в четырнадцать лет вся округа в шутку звала ее роковой красоткой.

Насчет личности погибшего мага ничего не скажу – когда меня освидетельствовали, я беспробудно спал. Но если вспомнить количество спиртного, которое я выхлестал накануне, да еще прибавить пару косяков, купленных с рук у какого-то прощелыги, заключение о моей вменяемости и отсутствии опьянения, мягко говоря, не соответствовало действительности.

Оливера Гидеро я тоже прекрасно помнил: здоровенный такой, вечно хмурый мужик, который часами мог задавать одни и те же вопросы. Но старший следователь в столице – это вам не мальчик на побегушках. Хорошая зарплата, семья, двое детей… вряд ли человек на такой должности мог позволить себе утаивать от целителей серьезную болезнь. Или же взял и вот так просто помер в каких-то сорок с хвостиком лет, причем, если судить по дате некролога, это случилось всего через месяц после того, как закончилось следствие по моему делу.

Кажется, кто-то проделал гигантскую работу, вылившуюся в небольшую горку лежащей на столе бумаги. Кто-то, кто всерьез заинтересовался моим сомнительным делом. Кто так же, как и я, не сомневался, что меня подставили, и имел достаточно влияния, чтобы не просто разворошить архивы ГУССа, но и добыть доказательства.

Но кому и зачем понадобилось подставлять молодого, ничего собой не представляющего балбеса? Тогда у меня не было дара. Я был бесконечно слаб, заносчив, глуп и при этом искренне верил, что весь мир обязан под меня прогнуться.

Если бы я в то время наступил на ногу кому-то действительно важному, меня бы без затей прирезали в ближайшей подворотне. Если бы я нахамил сильным мира сего, то сел бы в тюрьму намного раньше и совсем по другому обвинению.

Наконец, почему моим прошлым заинтересовался учитель? И почему спустя столько лет мастер Рэйш, ни словом не

обмолвившийся об этом раньше, вдруг решил дать мне подсказку? Но вместо того, чтобы сказать прямо, предпочел подбросить очередную загадку, будто искренне верил, что эти знания могут быть смертельно опасными.

* * *

Когда я спустился вниз, буря в моей душе улеглась, а на тщательно выбритую физиономию вновь легла бесстрастная маска. Привычный холод в груди вытеснил эмоции, обласканное Тьмой сердце вновь застучало медленно и ровно, а мешающуюся на глазу линзу я в последний момент сообразил-таки разместить не поверх зрачка, а за ним. Так, чтобы прохожие при виде меня не шарахались, а коллеги до поры до времени не узнали, что я могу смотреть на оба мира одновременно.

Правда, выглянувшие на шум горничные все равно прыснули в стороны, будто не хозяина увидели, а какого-то монстра. Да и собаки-призраки отчего-то заерзали, стоило мне приблизиться к воротам.

– Людям на глаза не показываться, шум в мое отсутствие не поднимать, – коротко велел я, проходя мимо.

Псы неуверенно вильнули хвостами, словно говоря, что услышали, а я надвинул шляпу поглубже и вышел, предварительно убедившись, что за домом никто не следит.

Гулять по Алтиру после полудня оказалось не слишком хорошей затеей – весеннее солнце было жарким, а в ясный день оно уже явственно припекало, так что мой кожаный плащ был сегодня не слишком неуместен. Если бы не щекочущий в районе солнечного сплетения холодок, я бы спекся всего за полсвечи. А так ничего, только вспотел немного и откровенно устал опускать голову, чтобы глаза не слепили отражающиеся от окон яркие блики.

Народу в это время на улицах было не в пример больше, чем вчера поутру, однако, как ни странно, при виде меня никто не спешил переходить на другую сторону. Женщины не шарахались прочь. Мужчины спокойно проходили мимо, а некоторые, углядев мои седые пряди, даже вежливо раскланивались и в знак уважения приподнимали шляпы.

Да, столица – это вам не суеверная глубинка, где виде темного мага народ судорожно хватается за амулеты и до поросячьего визга боится сглаза. Изрядно отвыкнув от нормального отношения, я первое время испытывал сильное желание оглянуться, чтобы понять, кого приветствуют все эти

люди. И лишь убедившись, что в Алтире маги Смерти воспринимаются как должное, окончательно успокоился и дальше пошел, уже не пряча от прохожих лица.

До западного района столицы я добирался в общей сложности около полутора свечей. Сперва просто бродил по городу, вспоминая улицы и подмечая, что и в какой степени здесь изменилось. Но потом все же плюнул и взял кеб, который домчал меня до сыскного участка в два счета.

– Кто такой? К кому? По какому делу? – скучным голосом осведомилась неопрятная толстая тетка, сидящая на входе в Управление в обнимку с замызганным журналом.

Я огляделся.

М-да. Не повезло Йену. Здание не очень старое, в целых два этажа, да ещё и с подвалом, где я уже успел вторым зрением отыскать просторный «холодильник». Но обшарпанные стены, измалеванная похабными надписями входная дверь, которую никто почему-то не удосужился вымыть, грязное до отвращения крыльцо и разваливающаяся лестница на второй этаж старили его лет на сто.

Не знаю, кому как, а мне показалось, что это самый занюханный участок во всем городе. А уж сидящая на входе тетка с устаревшим журналом регистрации посетителей и вовсе делала его похожим на бандитский притон.

– Кто такой? К кому и по какому делу? – все с тем же скучающим видом осведомилась дама, когда я задержался с ответом.

– Артур Рэйш. К Йену Норриди. С чрезвычайными важными сведениями.

– Кто такой Йен Норриди? – не меняя тона, спросила толстуха, чиркнув что-то у себя в журнале.

Я хмыкнул.

– Начальник ваш. Вот уже второй день.

– Да? И что за важные сведения вы ему принесли?

Я наклонился и доверительным шепотом сообщил:

– У него служебное жилье обокрали.

– Правда? – неожиданно оживилась регистраторша и впервые подняла на меня глаза. – Ой!

То, что мое имя ей ни о чем не говорило, я уже понял. Но вот белые волосы и цвет глаз она опознала правильно. После чего немного помялась и шепотом уточнила:

– А что украли-то, господин маг?

– Все, – мрачно уронил я, и после этого тетка расплылась в широкой улыбке.

– Проходите, многоуважаемый мастер Рэйш. Вам на второй

этаж, первый кабинет налево. Уверена, господин Норриди будет счастлив вас видеть!

– Благодарю, – кивнул я и беспрепятственно добрался до нужной двери.

По пути, правда, мне попалось несколько небритых, откровенно забулдыжного вида субъектов со значками городской стражи на замызганной форме. У стойки оформления документов в углу первого этажа двое в штатском держали под локти лысого мужичка, который что-то пьяно бормотал и все время пытался ткнуться носом в пол. Чуть дальше медленно, ни на кого не глядя, вытанцовывала на огромных каблуках разбитного вида, полностью погруженная в себя девица в откровенном наряде. Еще дальше виднелись распахнутые настежь двери кабинетов, в которых сновали туда и суда какие-то люди. Из-за всей этой неразберихи в холле стоял неумолчный гул. И лишь на втором этаже было чуточку потише. Да и почище, надо признать, хотя беглый осмотр показал, что прибирались тут совсем недавно. И, честно говоря, не слишком качественно, потому что годами скапливавшуюся в углах грязь по определению невозможно вымыть, даже если двое суток кряду скрести этот свинарник щетками.

– Какого демона вы претесь без разрешения?! – окатил меня с порога раздраженный рев, стоило чуточку приоткрыть дверь. – Управление городской стражи расположено этажом ниже!

Я осторожно просунул нос в образовавшуюся щелку.

– Эм… Привет, Йен. Вижу, ты не в духе?

– Арт?! – моментально сбавил обороты Норриди. А когда убедился, что это действительно я, выскочил из-за обшарпанного стола и, торопливо захлопнув дверь, с чувством сжал мои плечи. – Демон тебя задери… Арт, где ты был?! Я уж решил, что-то случилось, и тебя придется искать по всему городу с собаками! Но ты – вот он, живой и чисто выбритый! А я, понимаешь, сижу тут как дурак и вынужден в одиночку разбираться с этим бардаком!

Я насмешливо хмыкнул.

– Что? Не такой службы ты ждал от столичного Управления сыска?

– Да это просто невыносимо! – воскликнул Йен, всплеснув руками и с чувством пнув попавшуюся под ногу урну. – На первом этаже годами ютилась городская стража! А два года назад в связи с ростом магпреступлений в ГУССе решили, что на западном участке пора создать отдельное представительство, но выделить на эти цели отдельное здание город наотрез отказался! У них, видите ли, нет свободных помещений! Вернее, помещения-то

есть, да только денег на их ремонт никто не дает! В итоге повсюду толпами бродят пьяницы, проститутки и подонки со всего района! А я сижу в бывшем кабинете начальника стражи и не знаю, куда деваться, потому что вся эта шваль так и норовит улечься на моем пороге, невнятно блея, что они, дескать, ни в чем не виноваты!

Так вот отчего на нем лица нет… бедняга. Наверняка вторые сутки на ногах. Носится туда-сюда как угорелый. Устал, конечно. Под глазами вон какие круги залегли. Морда серая, унылая… будто всю жизнь тут проработал, а я не явился на службу сутки с лишних назад.

– В чем проблема-то? – хмыкнул я, изучая скромное убранство кабинета. – Поставь пропускник на лестнице и все дела. Еще лучше – выпроси у начальства денег на отдельный вход, а с этой стороны все замуруй намертво.

– А разве так можно? – на мгновение опешил Йен. Но вскоре отмер, и в его глазах отразилась бешеная работа мысли. – Точно! Перекрыть лестницу не проблема. Вот только… Арт, а если страже от нас что-то понадобится?!

– Пусть в стену стучат. А при особой нужде и добежать могут. Благо тут недалеко.

– Тьма тебя сожри, Арт… ты гений! – с чувством произнес Норриди и, едва не прослезившись, снова потянулся, чтобы вцепиться мне в плечи.

Я на всякий случай отступил, чтобы находящийся в некотором неадеквате приятель не удумал чего похлеще, но тут внезапно распахнувшаяся дверь чувствительно наподдала мне по мягкому месту, а на пороге возник озабоченно хмурящий брови паренек лет двадцати трех.

– Шеф! У нас новый вызов! Кеб уже ждет внизу.

– Как?! Опять?! – ужаснулся Йен.

– Ага. Улица Светлая, семнадцать. Несанкционированное проникновение в жилище.

– Вашу ж мать… четырнадцатый вызов за сутки! Нет, это невозможно! – простонал Норриди, едва не схватившись за голову. После чего махнул рукой пареньку, тот без лишних слов умчался, а Йен сердито сдернул со стоящей неподалеку от входа вешалки пальто и направился к выходу.

– Арт, составишь компанию по старой памяти? – просительно улыбнулся он уже с порога. – Мне бы сейчас любая помощь пригодилась.

Я покачал головой.

– Это тебе не Верль. Если меня там заметят, ты потом замучаешься бумажки оформлять, пытаясь объяснить, кто я такой

и почему в момент расследования находился на месте преступления.

– Твоя правда, – огорченно вздохнул Йен, выходя в коридор и запирая за мной дверь. – Жаль. Но я все же надеюсь, что ты передумаешь. С моим магом особо каши не сваришь.

– Разве у тебя есть штатный маг? – удивился я.

Норриди криво улыбнулся и кивнул куда-то в сторону. А когда я отыскал взглядом притулившегося возле тетки-регистраторши еще более молодого паренька, чем тот, который сообщил про вызов, то, честно говоря, признал в нем коллегу лишь по цвету волос и прикрепленной к вороту кожаной куртки форменной бляхе.

– Вот это и есть твой маг?!

– Команда молодая, – уныло подтвердил Йен, когда я в искреннем изумлении к нему повернулся. – Не притертая. Да и неукомплектованная еще. Нас всего пятеро на район: два мага, два следователя и я. А надо в два раза больше. Но другой нет, так что… Кстати, меня поселили на Каретной, дом двенадцать. Будет время – заходи. А теперь пока, Арт. Мне действительно надо идти.

– Пока, Йен, – задумчиво обронил я, провожая его глазами.

Когда Норриди поравнялся с седовласым пареньком, который с большим трудом тянул даже на ищейку, сидящая за столом тетка вдруг вскинула голову и с милейшей улыбкой на лице что-то сказала Йену. Норриди сперва ошарашенно замер. Затем снова схватился за голову. Наконец, догадался переспросить о чем-то злорадно скалящуюся тетку, а затем повернулся и во весь голос рявкнул:

– Арт, мерзавец, что ещё за ограбление?!

Я в ответ только ухмыльнулся. А новый начальник западного УГС сердито погрозил кулаком и быстро вышел, потому что разбираться с последствиями моих шуток ему было недосуг.

Глава 5

Покинув участок, я снова взял кеб и отправился в южную, наиболее старую часть города – погулять в окрестностях Кенсингтонского парка, поглазеть на окраины и заодно проверить, что за участок вблизи этого места приобрел когда-то мастер Этор.

Ехать пришлось долго, да ещё в экипаже меня порядком растрясло, так что впечатления от прогулки остались препаршивые. Зато мне удалось взглянуть на темную сторону этой части столицы, наглядно убедившись, что, по крайней мере, в благополучных районах дела с нежитью обстояли неплохо.

Собственно, за всю поездку я заметил лишь одного-единственного гуля – на редкость крупную, мордатую, но весьма осторожную тварь, которая мелькнула в окне последнего этажа и тут же пропала. И сколько я ни присматривался потом в проносящиеся мимо дома, сколько ни петлял по узким улочкам, вконец загоняв старенькую лошадку, но больше никто на глаза не попался.

Видимо, разбросанные тут и там сыскные участки и работающие в них темные маги даром свой хлеб не ели. И если не всех, то большинство обитавших здесь тварей точно повывели. А оставшихся заставили попрятаться в совсем уж глухих уголках и в таких глубоких подвалах, что из окна проезжающего кеба я точно не мог их увидеть.

Экипаж я остановил неподалеку от Кенсингтонского парка и, отпустив раскрасневшегося на жаре кебмена, дальше пошел пешком, внимательно присматриваясь к табличкам на домах.

В письме учителя был указан конкретный адрес – Кенсингтонская аллея, двадцать два. Но пока мне попадались лишь нечетные номера, и это приводило в недоумение.

Наконец, углядев вдалеке пустое пространство между тесно сдвинутыми крышами, я решил проверить, что там такое, но вовремя заметил колыхающиеся от ветра верхушки деревьев и остановился. А потом все-таки остановил пробегавшего мимо мальчишку и сунул ему под нос бумажку с адресом.

– Вам туда, господин маг, – махнул рукой тот, указав на просвет между домами.

– Там же парк, – удивился я.

– Ага. Но именно туда вам и надо.

Отпустив пацана, я с ворчанием потопал в указанном направлении, в какой-то момент даже пожалев, что рано отпустил кеб. Идти до места оказалось прилично, да ещё и солнце совсем

озверело, так что я снова вспотел и едва не переметнулся на темную сторону. Туда, где попрохладнее. Но вовремя вспомнил, что в городском парке, скорее всего, будет нелегко найти толковое укрытие, и передумал.

Кенсингтонский парк оказался самым обычным куском давным-давно заброшенного леса, который однажды попал в пределы городских стен и уже забыл те времена, когда его пытались облагородить.

Низенькую деревянную ограду, что раньше обозначала границу зеленой зоны, не красили, наверное, лет сто, если не больше. Разросшийся вокруг нее бурьян стоял густой стеной почти в человеческий рост, и лишь в некоторых местах был примят и ободран вездесущими мальчишками. Нестриженые деревья росли вкривь и вкось. Некогда служившие украшением парка металлические ворота покрылись густым слоем ржавчины. А в изобилии растущая перед ними зеленая поросль делала затруднительным процесс проникновения на огороженную территорию.

Скептически оглядев неожиданное препятствие, я покачал головой и, подобрав полы длинного плаща, принялся пробиваться к воротам. На удивление, довольно быстро до них добрался, потому что за первым, самым большим и колючим кустом внезапно обнаружилось, что не я один такой умный. И кто-то уже не раз проделывал этот путь, сумев создать кривоватую, узкую, но вполне приемлемую тропинку.

Зачем при этом понадобилось оставлять на месте первый куст, я не понял, но на всякий случай огляделся. Однако ни бутылок, ни обычного городского мусора, который непременно образуется в местах частого пребывания людей, нигде не увидел. Да и примятой травы возле ограды не было, так что, если кто-то и завел привычку навещать это заброшенное местечко, то это точно не дети, не влюбленные парочки и не алкаши.

Не удовлетворившись простым осмотром, я на всякий случай проверил и темную сторону, но и тут все было на удивление спокойно. Так что я толкнул провисшую до земли створку и беспрепятственно зашел, следуя по извилистой дорожке, как заблудившийся в лесу путник – по звериной тропе.

Густая трава и кусты некстати загораживали обзор, что в моей профессии было неприемлемо, лезущие в глаза ветки отчаянно мешались и постоянно норовили за что-то зацепиться. Так что я вздохнул с облегчением, когда кусты наконец закончились, и передо мной во всей красе раскинулся старый, неухоженный парк, под сенью которого царила густая тень и благословенная прохлада.

Тропинка, кстати, тянулась в самую его глубину и лишь спустя пару сотен шагов рассыпалась на несколько таких же старых, старательно выложенных булыжниками, но давно не используемых дорожек.

На глазок определив самую свежую из них, я свернул направо и без спешки двинулся вдоль деревьев, стараясь краем глаза держать границу парка и при этом следить за всем, что происходит в обоих мирах.

Настораживал тот факт, что вокруг было неестественно тихо. Ни птица в ветвях ни чирикнет, ни шмель над травой не пролетит. А такого в лесу быть не должно. Даже в городе хоть бродячий пес да изредка гавкнет. Или некстати раскаркается сидящая на крыше ворона. А тут ничего. Только вездесущие комары назойливо звенят над ухом, да мошкара нахально вьется перед лицом.

Углядев далеко впереди характерные холмики, я мысленно хмыкнул: теперь понятно, почему дорожка сюда заросла. Немного найдется желающих гулять и развлекаться вблизи надгробных камней.

Приблизившись к низенькой кованой оградке, я любопытства ради прошел вдоль нее и довольно скоро нашел табличку – висела, криво прибитая, к опорному столбу, к которому когда-то крепились и ныне валяющиеся в траве ворота. Прочитав на ржавой железке небрежно выцарапанное: «Кенсингтонское кладбище», я удовлетворенно кивнул, но внезапно обнаружил под названием наполовину стершийся номер и удивленно присвистнул.

Ого. Так вот что за землю прикупил старик Рэйш! Но кто бы мне раньше подсказал, что «двадцать два» – это, оказывается, номер не дома, а земельного участка!

– И зачем ему понадобилось древнее кладбище? – буркнул я, заходя внутрь и настороженно оглядываясь.

Так. Что там было в письме?

«*Наследие наших с тобой предков осыплется прахом, и имя нашего древнего рода останется высеченным лишь на надгробиях Кенсингтонского кладбища. Навести его*…»

Вероятно, мастер Этор спрятал здесь нечто ценное, иначе не отправил бы меня в такую даль, да ещё столь иносказательно. Но меня пока больше волновало, что в письме речь шла о плате, которую следовало оставить у входа. Однако сколько и, главное, кому я должен был заплатить, если в этом заброшенном Родом месте уже лет сто не было смотрителя, было неясно.

На всякий случай оценив магический фон у входа, но не обнаружив поблизости ни ловушек, ни даже отдаленных

признаков магической защиты, я осторожно прошел вперед, изучая полуистершиеся надписи на надгробиях.

Ни знакомых имен. Ни единой свежей даты. Даже потревоженных могил и то не встречалось. Мертвецы как были здесь похоронены десятилетия или даже столетия назад, так до сих пор и лежали в земле, как приличные люди. А если и опрокинулось где-то тяжелое надгробие, то это явно произошло не по злому умыслу и, судя по вросшим в мох обломкам, задолго до моего рождения. Ну а если вдруг когда-то сюда наведывались любители наживы, то наверняка ушли ни с чем: ни одного склепа в округе не имелось, а с лежащих в земле бедняков попросту нечего было взять. Ну, кроме саванов, конечно.

Но тогда зачем учитель меня сюда прислал?

Вряд ли он мог допустить, чтобы его именитые предки оказались похоронены в столь невзрачном месте. А если и так, то их прах давно перенесли фамильную усыпальницу, из чего следовало заключить, что родичей в письме он упомянул лишь для красного словца.

Остаются сами могилы и то, что могло быть в них захоронено.

Вернувшись ко входу, я окинул задумчивым взглядом ровные ряды надгробий, образующие один гигантский прямоугольник, но на каждом стояла лишь дата смерти и виднелось всего одно имя. Ни номеров. Ни оград. Ни меток. Ни единого признака, что кого-то из усопших в ближайшие годы навещали. Расстояние между холмикам тоже было примерно одинаковым. Но ни один из них не был как-то помечен. И ни над одним темная сторона не изменила свой цвет.

Хм. А может, говоря об оплате, наставник имел в виду не собственно деньги, а число монет, которые могли соответствовать номеру могилы?

Я торопливо порылся в памяти.

Из всех наличных денег, что он мне оставил, монеты были лишь в сундуке, который я открыл несколько месяцев назад. Тридцать девять золотых, четырнадцать серебряных и… кажется, восемь медяшек?

Хм. Номер вертикального ряда, номер горизонтального ряда и порядковый номер могилы? Но если так, то искать следует слева или справа от центральной дорожки? А считать могилы надо от входа или от дальней части ограды?

«*Плату оставь у входа*…»

Ладно, попробуем посчитать от ворот.

Недолго поразмыслив, я дошел до тридцать девятого ряда и, остановившись между двумя параллельно стоящими

надгробиями, снова огляделся. Вскоре обнаружил, что надпись на левом покрыта грязно-желтым налетом, который наверняка был когда-то похож на золотой, и решительно сошел с дорожки влево, отсчитывая про себя горизонтальные ряды.

Вот и четырнадцатый.

И снова: направо или налево?

Уже приблизительно догадываясь, что именно искать, я стряхнул с заплесневевших плит паутину и довольно кивнул: направо. После чего добросовестно прошагал мимо семи одинаково древних холмиков и, остановившись перед восьмым, вопросительно приподнял одну бровь.

Что дальше?

С виду могила выглядела совершенно обычно, и признаков того, что внутри лежал кто-то из рода Рэйшей, на ней, разумеется, не было. Начертанное… вернее, грубо выдолбленное в камне имя принадлежало некоему Принстону Уолшу, о котором я никогда прежде не слышал.

Являлся ли он магом, купцом или простым работягой… обо всем этом надгробная плита не сообщала. Но мужик был явно непростым, раз уж о нем упомянул наставник, хотя помер господин Уолш лет этак за триста до моего рождения. Но вот что меня по-настоящему заинтересовало, так это небольшая круглая выбоина, расположенная под датой смерти. С виду самая обычная… ну мало ли, могильщики повредили, пока устанавливали. Или отскочивший камень царапнул во время транспортировки. Вот только на темной стороне эта выбоина имела слишком уж правильные края и больше всего походила на…

Я задумчиво потер нагревшийся под перчаткой перстень. А затем постучал по нему костяшкой указательного пальца и позвал:

– Наро-о-од! Просыпайтесь. Для вас появилась работа.

* * *

– Ну наконец-то… опомнился! – ворчливо заявил Грем, проворно выпорхнув наружу. – Неделю были никому не нужны, а тут нате вам, понадобились! Что, нельзя было хоть разок на прогулку выпустить по дороге?!

– Помолчи, – сурово велела леди Камия, появляясь на свет следом за стариком. – Если бы ты не орал полночи накануне отъезда и не пытался всунуть в мешок сразу все книги из схрона, нас бы тут не заперли так надолго… Арт, дорогой, как у тебя

дела?

– Мы что, уже в столице? – недоверчиво поинтересовался Жук, высунув из перстня вихрастую голову и с любопытством повертев ею в разные стороны. – Да, это точно не Верль. Арт, а почему ты опять привел нас на кладбище?

Я усмехнулся.

– Судьба такая у магов Смерти – время от времени прогуливаться именно по таким местам. Мне надо, чтобы вы здесь осмотрелись.

– Что ищем? – деловито осведомилась леди, одним махом взлетев на недосягаемую для меня высоту.

– Все непонятное и необычное: магические метки, символы, руны… и еще – родственников некоего Принстона Уолша, которые, возможно, похоронены поблизости.

Жук, окончательно выбравшись из перстня, переглянулся с Камией и бодро отрапортовал:

– Будет сделано.

А когда они умчались, я повернулся к демонстративно дующемуся Грему, который перед отъездом из Верля и впрямь успел устроить мне веселый вечерок с криками, воплями, а также швырянием древних фолиантов, и вполголоса уронил:

– Нужна твоя помощь. Взгляни-ка на надгробие. Хочу знать, что ты по этому поводу думаешь.

Старик, словно и не дулся только что, встрепенулся и, прекратив изображать оскорбленную невинность, хитро прищурился. Но понял, что я не впечатлился его ужимками, настроился на работу и оперативно облетел подозрительное надгробие.

– Хм… – задумчиво выдал он, едва ли не носом ткнувшись в заплесневелый, местами потрескавшийся и выщербленный с одного краю камень. – Материал старый. Судя по цвету, основу взяли не из местных штолен – в здешних краях камень не такой пористый. Но надписи относительно свежие. Я бы дал им от силы лет сорок-пятьдесят. Причем сделали их поверх более старых насечек, так что насчет Принстона Уолша можешь забыть.

– Подделка? – нахмурился я.

Грем, внимательно изучив камень с другой сторону, качнул головой.

– Нет. Надгробие настоящее. Только имя на нем чужое, и я не могу сказать, кого здесь похоронили на самом деле.

– Так. А что насчет выбоины?

– О-о, – уважительно протянул призрак. – Тут ты прав – это действительно интересная штука. Но чтобы понять, кто и зачем ее сделал, тебе понадобится ключ.

– Перстень, я надеюсь, для этого подойдет?

Грем одарил меня удивленным взором.

– Молодец, додумался. В доме Этора, полагаю, тоже побывал?

Я согласно угукнул.

– Хорошо, – задумчиво проговорил старик. – Там должно быть мно-о-ого интересного… А насчет могилы скажу так – открыть ее обычным способом, скорее всего, не удастся. Та выбоина, что ты перед собой видишь, ненастоящая.

– В каком смысле?

– В прямом. Ее проковыряли специально, чтобы привлечь твое внимание. А настоящий замок находится на темной стороне. И открывать его тоже придется оттуда. Раньше, кстати, маги часто так делали, если хотели что-то спрятать. Но потом искусство напрямую работать с Тьмой было утрачено, и теперь лишь немногие из вас способны интуитивно повторить то, чему когда-то вас обучали всех поголовно.

Вот теперь настала моя очередь пристально смотреть на разглагольствующего призрака.

Увы. В некоторых вопросах старый дух был невероятно скрытен, упрям и прямо-таки помешан на идее, что до самых важных вещей толковый маг обязан доходить самостоятельно. Причем меня он толковым никогда не считал, однако любые мало-мальски ценные сведения все равно выдавал дозировано и скупо. Словно считал, что, узнай я всю правду, то прямо сразу возгоржусь, после чего улягусь на кровать и больше ни за что не подниму с нее отяжелевший зад, ибо стремиться мне станет не к чему.

– Арт, мы закончили. Больше никаких Уолшей в округе не похоронено, – доложил вернувшийся Жук. Как раз в тот момент, когда я раздумывал, загнать дурного старика в перстень еще на пару недель или он может еще пригодиться. – Есть Уотербеки, Уолсбери и Уэртусы… вон, целыми семьями лежат в соседних могилах… а Уолш всего один.

– Магических меток тоже нет, – подтвердила леди Камия, величественно выплывая из-за ближайшего надгробия. – Все чисто, дорогой. Можешь работать.

Я благодарно кивнул и поднял руку с перстнем.

– Нет, – неожиданно воспротивился старик. – Лучше оставь нас здесь – неспокойно мне что-то сегодня. И, пожалуйста, будь осторожен – если что-то пойдет не так, помочь на темной стороне мы не сможем. В лучшем случае, предупредим.

– Я помню, – ровно отозвался я, снимая шляпу и аккуратно устраивая ее на могильном камне. – Все, ждите. Попробую узнать, что же там такое запрятано.

Под беспокойными взглядами призраков я медленно и осторожно растворился во Тьме. А когда оказался на темной стороне и обнаружил, что новая броня уже привычным холодком обласкала кожу, махнул рукой оставшимся по ту сторону реальности духам.

Хм. Наверное, надо было раньше сообщить, что у меня теперь новый доспех и оружие. А то застыли вон с отвисшими челюстями, таращатся как на привидение…

Отвернувшись, я уже собрался снять перчатку и вплотную заняться подозрительным надгробием, но в этот момент вдруг понял, что во Тьме что-то неуловимо изменилось.

Нет, в округе по-прежнему все было спокойно. Никто не завыл на окраинах парка и не заскрежетал зубами от злости. Но все же что-то было определенно не так. И мне понадобилось почти два удара сердца, чтобы сообразить, что мое восприятие этого места снова стало иным.

Когда-то давно, еще на заре ученичества, мне казалось, что Тьма – это бескрайний океан с непроницаемо черными водами. Потом у этого океана появились оттенки. Со временем Тьма поблекла, позволив заглянуть туда, где раньше я видел лишь черноту, после чего и вовсе расцветилась чужими аурами и следами от творимой в обычном мире магии.

Но сегодня я с удивлением обнаружил, что в ней все равно осталось немало секретов. Таились места, которые раньше я воспринимал как что-то мутное и расплывчатое, и лишь сегодня каким-то непонятным образом увидел, что даже у этой, новой и доступной мне Тьмы, есть особенная, ни с чем не сравнимая, если не сказать что пугающая глубина.

Я неожиданно почувствовал себя так, словно полжизни провел под дождем и только сейчас обнаружил, что под ногами все это время хлюпали лужи. Большие и маленькие, неглубокие и кажущиеся совсем бездонными… жидкая Тьма сгущалась во всех мало-мальски заметных выемках, ютилась в канавах, переливалась и сверкала в ямках, промоинах и даже в самых обычных трещинках. А местами образовывала тоненькие ручейки и годами скапливалась между могилами, образуя не просто лужи, а самые настоящие озерца.

Непонимающе оглядевшись, я к собственной досаде выяснил ещё и то, что не наступил на них раньше не потому, что не видел – просто лужи искусно прятались между плит, предпочитали ютиться между неплотно пригнанными камнями, натекали между корнями и старательно избегали открытых мест. Ни одна из них не разлилась посреди ведущей к могилам тропинки. И ни одна не посмела выползти на окружающий кладбище пустырь.

Более того, именно сейчас я впервые за долгое время подумал, что здесь, на темной стороне, где никогда не было солнца, и теней тоже, по идее, быть не должно. Но я всегда их видел. Чувствовал, что это неправильно. И интуитивно обходил стороной, хотя и не всегда мог объяснить, почему мне так не нравилось находиться с ними рядом.

Осторожно переступив ногами, я в качестве проверки медленно опустил сапог в ближайшую лужу. Проследив за тем, как черная жижа плеснула на нос, так же осторожно нащупал подошвой твердую поверхность. Убедился, что вижу и воспринимаю расстояние до дна совершенно правильно, а затем снова нахмурился, ощутив, как сквозь доспех просачивается едва заметный холодок.

Необычное ощущение. Но запоминающееся. Почти такое же, какое я испытал этим утром, когда заглянул в кабинет мастера Этора.

Впрочем, с лужами у меня еще будет время разобраться. Сперва следовало закончить то, ради чего я, собственно, и явился.

Уже без опаски наступив в следующую лужу, я подошел к могиле Уолша вплотную и, в последний раз оглядевшись по сторонам, снял с правой руки защиту. Затем стащил перчатку и, поморщившись от брызнувших в разные стороны кроваво-красных искр, приложил пылающий багровым пламенем перстень к камню.

Одного короткого прикосновения оказалось достаточно, чтобы массивное надгробие вздрогнуло и без предупреждения провалилось внутрь. А я на всякий случай отступил от края образовавшегося провала и, всмотревшись в царящую внизу темень, тихо присвистнул, обнаружив, что вглубь могилы уходят старые, выщербленные и узкие до неприличия ступени.

Глава 6

Только через несколько мгновений до меня дошло, что в новом восприятии мира есть еще одна странность – оказывается, ступени, как и лужи, я видел лишь одним глазом – левым. Тогда как в правом по-прежнему царила невнятная муть, в которой, как я ни присматривался, не было ни намека на то, что в земле появилась приличная по размерам дыра.

О том, почему это произошло, долго гадать не пришлось: линза… раньше я считал, что в этом мире она не понадобится, и всегда снимал перед тем, как войти во Тьму. Но сегодня попросту забыл об этом и теперь с недоверием изучал образовавшийся проем, во мраке которого то появлялись, то вновь исчезали очертания лестницы.

– Однако… – пробормотал я, убедившись, что на темной стороне линза обладает не менее полезными свойствами, чем в реальном мире. После чего разбросал вокруг могилы несколько сигнальных знаков и, поставив ногу на первую ступеньку, начал аккуратно спускаться.

Ощущения при этом были точно такими же, как и тогда, когда мне приходилось забираться в схрон. Дикий холод, мгновенно обжигающий кожу. Черная пленка, ненадолго перекрывающая взор… а затем все. Словно под воду погрузился. И всего через миг оказался в совершенно другом помещении.

Круто изогнутая спиралью лестница, идти по которой можно было лишь полубоком, доставила мне немало неприятных ощущений. Однако, вопреки ожиданиям, никаких ловушек на ней не оказалось, и я без помех спустился в небольшой, облицованный камнем зал.

Собственно, ничего интересного в нем тоже не оказалось. За исключением очень мощной магической защиты, которая густой сетью опутывала его стены изнутри. Скорее всего, в нее были вплетены какие-то элементы, которые при взгляде снаружи не позволяли заподозрить наличие здесь магии. Однако что это за знаки и что за руны, я не имел ни малейшего понятия, да и заклинание такой сложности видел, если честно, впервые.

На всякий случай изучив и запомнив его рисунок, я оглядел зал в поисках подсказок и вскоре подметил в стенах три неглубоких ниши, в которых, как живая, клубилась жидкая Тьма. Причем ее я тоже видел исключительно левым глазом, в то время как правый упорно пытался доказать, что никаких ниш там не было и в помине.

Немного привыкнув к этой раздвоенности, я подошел ближе

и обследовал каждую из ниш. Первые две оказались пустыми – моя рука, погрузившись во Тьму почти по локоть, так и не сумела ничего нащупать. А вот в третьей меня ждала награда – маленькая деревянная шкатулка, которая глухо щелкнула и открылась сразу, как только я приложил к крышке магический перстень.

Наверное, я уже давно не испытывал такого любопытства, как в тот момент, когда осторожно, в любой миг ожидая какой-нибудь пакости, поднимал тяжелую крышку. Однако внутри с таким тщанием запрятанной вещицы не оказалось ни уникального амулета, ни умопомрачительной мощи артефакта, ни даже старинного свитка с каким-нибудь древним заклинанием. Всего лишь кусок бумаги… совсем небольшой и неровно оборванный с одного краю. А на нем в столбик было написано десять имен.

– Айнеро, – в некоторой растерянности прочел я, – Дейнеши, Ирранэ, Карино, Летари, Маори, Норрату, Саэфи, Таэро, Уортэ.

Напротив трех имен находились небрежно начертанные значки, чем-то напоминающие развернутые лезвием влево топоры. Первое, второе, четвертое и восьмое имена были аккуратно зачеркнуты. А напротив шестого и девятого и вовсе стояли вопросительные знаки.

Озадаченно повертев бумажку в попытке отыскать признаки тайнописи, скрытые заклятия или иные свидетельства того, что во всем этом был какой-то смысл, я тяжело вздохнул: ничего.

Но когда я уже собрался убрать ее за пазуху, она скукожилась, будто ее опалило огнем, и буквально рассыпалась у меня в руках. Вместе со шкатулкой. После чего мне оставалось только стряхнуть с ладоней пепел и растерянно пробормотать:

– Фол… и что все это значит?!

Неожиданно снаружи послышался шум, и один из сигнальных знаков полыхнул тревожными алыми огнями.

Я тихо ругнулся и со всей доступной скоростью рванул к выходу – пора было выбираться из каменной ловушки, а то как бы древний схрон и впрямь не превратился в могилу.

Мне понадобился всего один удар сердца, чтобы взлететь по лестнице и выглянуть наружу. После чего я был вынужден отпрянуть и выругаться повторно, потому что за то недолгое время, что я пробыл внизу, ситуация на кладбище разительно изменилась.

Совсем недавно тихое и пустое, оно кишмя кишело всевозможными тварями. Гули, шурши, какие-то грибообразные слизни, похожие на потерявшие панцирь улиток… спокойно лежавшая на надгробиях плесень тоже внезапно ожила и принялась отваливаться от камней целыми кусками. Повисшие

между плитами нити паутины напряглись, задрожали, производя на редкость низкий и неприятный гул. Древнее кладбище буквально ожило, словно с моим приходом кто-то протрубил в невидимый рожок. Более того, нежить неумолимо стягивалась к могиле Принстона Уолша, а самые наглые уже нетерпеливо бродили вдоль оставленных мною знаков, радостно повизгивая и скребя когтями землю.

Бросив взгляд на пылающий перстень, я выругался в третий раз и, вернув на месту перчатку, ненадолго прикрыл глаза.

Демон…

Но ничего не попишешь – сегодня я проявил беспечность, и теперь за нее придется расплачиваться.

Короткий вздох, мгновение тишины, чтобы собраться с мыслями. Затем изменить маску так, чтобы она прикрывала лицо полностью, и вот я уже готов к работе. Одновременно с этим в обеих моих руках возникло по секире, только древко у них я укоротил, чтобы было сподручнее работать.

Как там говорил мастер Этор, прежде чем вышвырнуть меня в болото к мертвецам?

– Ну что, поехали… – прошептал я. И, проворно выбравшись из могилы, шагнул прямо в гущу стремительно набегающей нежити.

Работать длинным лезвием в толпе неудобно – для оружия вроде моих секир необходимо пространство для маневра. Но я не зря сделал древки совсем короткими – место для работы следовало еще расчистить.

Больших усилий для этого не потребовалось: секиры врезались в мертвую плоть много легче, чем нож – в румяную курицу. После каждого взмаха на землю и на меня летели разрубленные тела, покрытые слизью ошметки, чужие лапы, когти, уши и даже хвосты, но разбираться, кого и в какое место пырнуть, мне было откровенно некогда. А вот когда перед могилой расчистилось достаточное пространство, я отошел подальше, чтобы ненароком не угодить ногой в яму. После чего перехватил секиры поудобнее и, удлинив древко на каждой из них раза в полтора, начал рубить уже в полную силу.

Сколько я изображал из себя ветряную мельницу, сказать затрудняюсь – время на темной стороне текло в своем собственном ритме. Но мне показалось, что времени прошло достаточно много, потому что вокруг образовался настоящий вал из разрубленных тел, под ногами все хлюпало и чавкало, однако нежить почему-то не заканчивалась.

Чтобы не споткнуться, я был вынужден сместиться в сторону, чтобы не дать тварям повода использовать тела убитых в качестве

опоры для прыжка. Но лишь когда мы отошли к ограде кладбища, я смог кое-как оглядеться.

Каково же было мое изумление, когда, нагородив вокруг целые завалы из тел, я обнаружил, что нежити меньше не стало. Напротив, гули и слизни все прибавляли и прибавляли в числе. Среди них стали появляться и совсем мелкие особи, и те, что покрупнее. Пугливые шуршы, наплевав на инстинкт самосохранения, перли напролом как ненормальные, и я не раз давил их сапогами, когда становилось ясно, что ударить или пнуть уже не успею.

Самое поганое, что выбирались они отнюдь не из леса. И не с деревьев спрыгивали, наседая со всех сторон так, что я ужом вертелся, чтобы не попасться на чьи-нибудь когти. Нет, твари выбирались наружу прямо из-под земли! Из-под дальних корней, из-под съехавших набок надгробий! Точнее, из тех самых… будь они неладны… черных луж, которые я по незнанию принял за наполненные Тьмой расщелины!

Судя по всему, именно в этом заключалась причина, по которой я до сегодняшнего дня встречал так мало нежити в городе. Там, наверху, среди домов и захламленных подворотен, ее и впрямь водилось немного. Но не потому, что ее успели повывести! А потому, что все, кто не желал попасться на глаза темным магам, нашли себе новое убежище! Незаметное большинству из нас! Глубокое! И воистину совершенное, потому что никогда прежде я не слышал, чтобы Тьма образовывала каверны, и в этих самых кавернах кто-то жил!

Когда же я понял, что даже для больших каверн тварей на свет выбиралось слишком много, в мою голову пришла еще одна нехорошая догадка: скорее всего, многих из этих карманов были схожи по строению с теми, что создавали темные маги для схронов. А быть может, на темной стороне маги и вовсе ничего не создавали сами, а лишь использовали то, что сумела создать сама Тьма. Но, если это так, а «лужи» на самом деле – не что иное, как обычные пространственные карманы, то кто сказал, что они должны быть небольшими?

У меня аж зубы заныли при мысли, что вся темная сторона может быть изрыта такими кавернами, как старый сыр. А если они между собой ещё и сообщаются…

Фол… да что же это творится в мире?! И почему ни мастер Этор, ни мастер Ниро ни разу об этом не говорили?!

«*Тьма над Тьмой дает свет*», – некстати всплыло в моей памяти откуда-то из самых глубин подсознания, озарив взбаламученный разум очередным откровением.

И вот тогда я прозрел и сообразил, наконец, о чем мне так

долго толковали. Идиот. А поняв, что к чему, торопливо набросил на правый глаз вторую темную линзу и впервые за несколько месяцев взглянул на Тьму через Тьму. Так, как мне давно советовали.

Наверное, если бы не твари, у меня бы хватило времени и знаний, чтобы по достоинству оценить раскинувшееся перед моим взором разнообразие и всю красоту многочисленных оттенков окружившего меня бескрайнего океана. Если бы не необходимость уворачиваться от чужих челюстей и отшвыривать ногами тех, кто упорно пытался подползти снизу, я бы, возможно, даже восхитился.

Тьма больше не скрывала от меня деталей. С нее словно сорвали полупрозрачную вуаль, и все, что раньше казалось обманчивым и блеклым, внезапно обнажилось, заиграло новыми красками и стало на редкость отчетливым, ярким и реальным до дрожи.

Но мне было некогда отвлекаться. Все, что меня интересовало, это то, что теперь я видел округу до самого горизонта, причем с поразительной четкостью. А все, что имело значение, это скорость, с которой врубались в тела мои секиры, и силы, которые даже на темной стороне имели тенденцию медленно, но верно убывать.

Когда же я всерьез задумался, а не свалить ли мне отсюда подобру-поздорову, напор тварей внезапно ослаб. Непонятно почему, но в задних рядах вдруг произошло волнение. Упорно пытающиеся пробиться ко мне гули сперва застопорились, а затем начали тревожно озираться. Некоторые даже удивленно закурлыкали и попытались отпрянуть.

А затем одна из морд неожиданно дрогнула и внезапно провалилась вниз, словно кто-то с силой дернул нежить за ноги. После этого волнение в той стороне стало явственнее, а мгновением позже сразу две твари одна за другой исчезли в большой луже, успев напоследок лишь удивленно вякнуть.

Настороженно отступив на пару шагов в сторону, я заработал секирами с ещё большим ожесточением, но краем глаза все же следил за периметром и иногда успевал заметить, как находящиеся с краю твари одна за другой беззвучно падают на землю. Некоторые бесследно исчезали в лужах. Другие просто валились замертво, и вокруг них ненадолго образовывалась кучамала.

Кто или что вдруг надумал мне помочь, я не имел никакого понятия, однако подмога пришлась очень кстати. Заметно подрастерявшие задор гули больше не ломились вперед как оголтелые, а начали неуверенно отступать. Болтающиеся под

ногами слизни все реже бросались мне под ноги. А шурши в какой-то момент и вовсе с испуганным писком ринулись прочь, стремясь как можно скорее нырнуть в ближайшую лужу. Однако по пути их тоже настигал мой неведомый помощник, и одна за другой шуршы либо падали на землю, либо ныряли в лужи и больше уже не возвращались.

Когда тварей почти не осталось, я отступил ещё немного, а затем запрыгнул на ближайший надгробный камень, чтобы получить наилучший обзор. Но непонятная тварь, так вовремя подсобившая мне в схватке, почему-то не торопилась нападать. То ли удовлетворилась гулями и слизнями, а то ли просто решила не связываться.

Разумеется, ничего хорошего я от нее не ждал. Но и уйти, не разобравшись, тоже посчитал неправильным. Поэтому предпочел выждать еще немного времени и с мрачным удовлетворением кивнул, когда поверхность одной из луж выгнулась наружу, словно мыльный пузырь, а затем с тихим чпоканием разошлась, открыв моему взору на редкость большой черный сгусток, внутри которого смутно проступил человеческий силуэт.

– Рэ-э-эйш… – внезапно разнеслось по притихшему кладбищу.

А затем внутри сгустка двумя неестественно яркими точками сверкнули желтые глаза, и я с холодком осознал, что переоценил свои силы.

* * *

Нежить бывает разная: низшая и высшая, крупная и не очень. Но среди высших тварей самыми опасными по праву считаются разумные виды, куда традиционно относили вампиров, моргулов и демонов.

Вампиры – довольно хрупкие, осторожные и крайне уязвимые для темного мага существа, которые предпочитали жить стаями и редко охотились в одиночку.

Демоны являлись гораздо более агрессивными и опасными созданиями, но демон не стал бы выжидать, когда меня укокошат твари попроще.

Так что, похоже, мне не повезло нарваться на моргула… одну из малоизученных и опасных тварей, о которой даже в записях учителя упоминалось вскользь. И о слабых сторонах которой мастер Этор отзывался лишь одним словом: «Неизвестны».

Не знаю, доводилось ли ему сталкиваться с высшей нежитью, но я подобную тварь увидел впервые. И, пожалуй, впервые за долгие годы не знал, как на нее реагировать.

Как оказалось, у моргула не было тела в том понимании, в каком мы привыкли говорить о нежити. Сгусток тьмы… оформленное в виде человеческого силуэта облачко тумана. К тому же, моргул не стоял на земле, как положено, а завис над ней, словно привидение. Вокруг его головы колыхалось плотное черное покрывало, смутно похожее на низко надвинутый капюшон. Но под ним ничего, кроме мерцающих желтых глаз, больше не было. Собственно, я даже не мог сказать, что это такое и было ли у твари лицо, или же она, как Палач, носила безликую маску.

При виде моргула мои оставшиеся не у дел призраки откровенно запаниковали. У Грема жутковато исказилось лицо, леди Камия схватилась за сердце. Жук и вовсе отпрянул, уставившись на зависшую над лужей тварь с потусторонним ужасом. А затем принялся отчаянно махать руками, привлекая мое внимание.

Наверное, они были правы, когда вдруг все вместе начали жестикулировать, советуя сваливать подобру-поздорову. Но свалить в реальный мир было нельзя: моргул – не гуль. И если он видит на темной стороне так же, как я, то его не обманет ни плащ, ни шляпа – по отсвету перстня он отыщет меня везде. И в любом месте, куда бы я ни направился, меня будут ждать его подручные.

А использовать прямую тропу я не мог, потому что сдуру послушался Грема и оставил своих призраков снаружи. Так что, если я вздумаю бежать, их немедленно утянет за мной, но не внутри перстня, как раньше, а как собак на поводках. По воздуху. И развеет ещё до того, как я снова ступлю на твердую землю.

– Рэ-э-эйш… – снова прошелестел моргул, когда я осознал всю незавидность своего положения. – Отда-а-ай… что взя-а-ал…

Я ошарашенно моргнул.

Демон меня задери! Эта тварь еще и разговаривает?! К тому же, знает о списке и специально поджидала, догадываясь, что однажды за ним кто-то придет?!

– Отда-а-ай, – прошептал сгусток, и глаза под капюшоном засветились ещё ярче, притягивая к себе внимание, завораживая и парализуя волю. – Отда-а-ай, Рэйш. Это мое.

– Перебьешься, – процедил я, отводя взгляд, и сжал окровавленную секиру покрепче.

Глаза моргула вспыхнули в последний раз и так же внезапно погасли. А затем сгусток уплотнился, ужался, утратив сходство с человеческой фигурой. После чего из-под «плаща» высунулись две на редкость длинные клешни с острыми когтями, и моргул одним молниеносным движением прыгнул вперед.

Наверное, я слишком долго на него таращился. Или что-то ещё сделал неправильно, потому что момент атаки оказался бездарно упущен. Кажется, я просто выпал из реальности. Всего на миг, на одно-единственное жалкое мгновение. И о том, что не только Палачу, а, похоже, любой высшей нежити, доступны прямые темные тропы, додумывал уже на лету: удар у моргнула оказался такой силы, что меня попросту отшвырнуло назад, сбив по пути добрый десяток надгробий. А затем ещё и приложило спиной о землю, да так, что чуть искры из глаз не посыпались.

Если бы не доспех, меня бы, наверное, разорвало. А может, и расплющило. Или располовинило где-нибудь на уровне груди. Но Тьма, к счастью, уберегла – громадные когти лишь со скрежетом прошлись на нагрудным пластинам, не причинив вреда. Но, когда я упал, мгновенно сомкнулись на горле, настойчиво пытаясь пробить, продавить, расплющить неподатливую броню, которая лишь чудом держалась под чудовищным напором.

О том, насколько мне повезло, можно было судить уже по той легкости, с которой моргул вздернул меня с земли и подвесил за глотку на высоте человеческого роста. Сомкнувшиеся на горле пальцы источали просто адский холод. От него слабели руки, немели губы, кожа покрывалась огромными мурашками. Впившиеся в мое лицо, бешено горящие глаза буквально грызли душу, вымораживали ее и едва не выворачивали наизнанку. А прячущийся под капюшоном нечеловеческий разум оказался настолько силен, что я почти физически ощутил, как что-то липкое и мерзкое пытается пролезть в мои мысли.

– Список, – холодно велела тварь, со скрежетом смяв доспех. Исходящий от нее холод стал ещё сильнее, золотые глаза оказались совсем близко, и я вдруг понял, почему о моргулах было известно так мало.

Обладающая даром влиять на разумы, невидимая для большинства живых тварь и впрямь была достойна называться опаснейшей и сильнейшей. Если бы не линзы, я бы, скорее всего, даже не понял, что именно на меня напало. А если бы не доспех, она выпотрошила бы меня с первого удара. И никакие амулеты или умения от этого бы не спасли.

– Отдай. Что взял, – по слогам повторил моргул, глядя мне прямо в глаза. От его пронизывающего взгляда меня снова повело, мысли моментально спутались, на тело навалилась невесть откуда взявшаяся апатия. Руки сами собой разжались. И лишь где-то на задворках сознания мелькнула вялая, стремительно угасающая мысль, что меня сейчас сожрут заживо.

Впрочем, слабость длилась недолго. Левое плечо внезапно обожгло болью, да так, что я едва не заорал в голос. Зато голова

моментально очистилась, мысли снова стали ясными и четкими, в перехваченное горло протиснулся глоток сухого воздуха, а выкашлял его обратно я уже сам:

– Пошел… к Фолу!

Прокатившаяся по моему телу волна жара помогла избавиться от некстати накатившего оцепенения. Мои пальцы снова сомкнулись на рукояти секиры, а вывернувшаяся под углом кисть крутанулась, совершая привычное движение, от которого остро отточенное лезвие должно было развалить моргула на две половинки…

Да. Должно было.

Однако почему-то не смогло. Более того, моргул даже не заметил моего удара. Его клешня как держала меня за глотку, так и продолжала постепенно сжиматься! А секира прошла сквозь него и впрямь как сквозь обыкновенный туман! Ни на миг не увязла! Ни малейшего сопротивления не встретила! Только ветерком ее обдуло, после чего бескровный порез молниеносно затянулся, сама секира без предупреждения растворилась во Тьме, а удивленно глянувшая на меня тварь озадаченно замерла.

– Жрец? – недоверчиво переспросила она, повертев мою голову сперва в одну, а затем и в другую сторону. Но ответа не дождалась и, наконец, раздраженно рыкнула: – Тогда умри.

Что уж она там себе нафантазировала и с чего вдруг решила, что Фол осчастливил меня полноценным саном, я уже не задумывался: все мое внимание заняла внезапно обнаружившаяся у моргула глотка, в глубине которой, словно звезды на небе, в черном водовороте кружились крохотные серебристые искорки. Одновременно с этим в мои уши ворвался знакомый гул и тяжелый, настойчивый шепот, больше похожий на многоголосый крик ужаса.

«Души… – сглотнул я, безошибочно определив, что именно вижу. – Эта тварь питается душами! Он материален лишь частично! Вот почему его так трудно убить!»

Крики между тем стали громче и отчетливее. Кружащаяся перед моим взором жуть обрела поразительную четкость, расширилась и заменила, казалось, весь остальной мир. Я больше не видел ни кладбища, ни деревьев, ни вплотную стоящего моргула. Все исчезло, кроме этой бесконечной воронки, в которой медленно и величественно кружился водоворот из живых звезд. А потом я почувствовал, как меня постепенно утягивает в эту тьму. Просто вытаскивает душу из тела и неумолимо тянет вниз. Туда, где с таким отчаянием рыдали и плакали неупокоенные души.

– Арт, нет! – вдруг ворвался в почти поглотившую меня ночь чей-то звонкий дрожащий от напряжения голос. – Не смей

обижать его, тварь!

Меня тряхнули за ворот, больно дернули за волосы, а затем и вовсе бросили наземь, заставив очнуться от морока.

– Беги, Арт! – тоненько вскрикнул все тот же голос. – Я его задержу!

Я с трудом сел. В башке все звенело, перед глазами плыла серая муть, ребра болели, а руки-ноги были совсем ватными, словно из меня долго и упорно тянули жилы, а потом без предупреждения отпустили, чтобы посмотреть, что из этого получится.

Но сквозь мутную пелену я, словно в бреду, все же успел увидеть, как в пасти моргула исчезает пара босых детских ножек.

Господи, Жук… зачем?!

Пошатнувшись от слабости, я заставил себя встать на одно колено, но беззаветно преданный мне мальчишка оказался твари на один зуб. Без труда спеленав и заглотив его отчаянно храбрую душу, довольно урчащая нежить снова ринулась ко мне, намереваясь закончить начатое.

Противиться ей я уже не мог – проклятая тварь оставила меня совершенно без сил. Да что там – она и душу едва из меня не вытянула! Так что теперь ей оставалось только подойти и забрать то, что осталось. Вот только следом за Жуком на пути моргула выросла элегантная леди в роскошном алом платье и решительно загородила меня собой.

– Не смей! – напряженно сказала леди Камия, с вызовом глядя твари в глаза. – Меня жри, а мальчика тебе не отдам!

Моргул при виде второго призрака издал нетерпеливый чавкающий звук, и я едва не взвыл от стыда, поняв, что служители решили принести себя в жертву. А когда тварь наклонилась и одним махом заглотила вторую душу, хрипло выругался и со стоном поднялся на ноги, крепко сжимая в руке вернувшуюся секиру.

Проклятье… не так я себе представлял их будущее. Видят боги, не заслужили подобной смерти ни зарезанный в подворотне пацан, ни заколотая изменником-мужем женщина. Все, что я мог, это подарить им спокойное посмертие и дать возможность снова ощутить себя живыми, чтобы со временем, когда наберусь знаний, окончательно их отпустить. Но теперь этого не будет, потому что сегодня я совершил ошибку и окончательно лишил их надежды на перерождение.

– Уходи, Арт, – без предупреждения возник на темной стороне Грем и так же, как Жук и Камия, встал между мной и моргулом. – Больше я ничего не могу для тебя сделать.

Прямо на моих глазах старик обратился в тот самый вихрь,

который я уже однажды имел счастье лицезреть, и с огромной скоростью ринулся к твари. А я, ненавидя собственную слабость, заставил себя подняться на ноги и, ухватившись за ближайшее надгробие, с матюгами поковылял следом.

Да, наверное, я совсем дурак, раз не ушел сразу и не открыл тропу отсюда и до самого дома. Но как я мог уйти, когда в это время моргул пытался прикончить сварливого, упрямого, но все же моего старика?! Как я мог предать Камию и Жука? И как мог сбежать, зная, что кроме меня некому будет за них отомстить?!

Уткнувшаяся древком в землю секира стала мне неплохой опорой и надежным костылем, благодаря которому я так и не упал. Но вот скорости она, увы, не прибавляла. Так что помочь Грему я ничем не мог. Разве что ковылять следом за неистово крутящимся посреди кладбища вихрем в надежде, что подвернется случай, и все-таки найду слабое место у неубиваемой твари.

– Вон отсюда! – прорычало из вихря, когда до него осталось всего несколько шагов. – Арт, ты меня понял?! Не смей собой рисковать!

– Вам можно, а мне нет? – прошептал я, с трудом добредя до очередного надгробья.

– АРТ!

Я оскалился и, оттолкнувшись от плиты, сделал еще один шаг, но тут, наконец, вихрь распался, и я с горечью увидел, что, какими бы возможностями ни обладал строптивый призрак, для моргула он все равно был очень слабым соперником. Потому что проворная тварь выиграла недолгую схватку и держала старика за горло точно так же, как меня недавно, тогда как ее распахнувшаяся во всю ширину глотка уже пыталась засосать в себя очередную душу.

Старик, надо отдать ему должное, сопротивлялся отчаянно. Из его полупрозрачного тела то и дело выстреливали длинные жгуты, пытаясь хлестнуть, поранить и хоть как-то придержать моргула. Но и они проходили через него насквозь, лишь изредка успевая за что-то зацепиться, а потом снова соскальзывали, словно потусторонняя тварь умела регулировать степень материальности собственного тела.

Увидев, что я не послушал совета, Грем издал подозрительный булькающий звук. Его лицо исказилось от ярости, глаза расширились и опасно полыхнули… Но потом он передумал возмущаться и разом обмяк. После чего каким-то странным, почти торжественным жестом возложил ладони на сомкнувшиеся на его горле когти, крепко их обхватил и посмотрел на меня долгим, на редкость спокойным взглядом,

какой бывает у людей, которые только что приняли нелегкое, но жизненно важное решение.

Моргул не стал терять времени зря – рывком надвинувшись на жертву, он наклонился и буквально всосал молчаливого призрака в себя.

А потом на меня накатило странное безразличие.

Вот и все. Все, кого я знал и ценил, было мертвы, и сражаться стало не за кого. Я мог уйти, выкинув этот день из памяти. Мог предаться отчаянию, которое однажды едва не поглотило мою душу. А мог и остаться, чтобы дать моргулу последний бой и проверить, действительно ли эта тварь неуязвима.

Моргулу мой выбор, как и следовало ожидать, понравился.

Сыто заурчав, он медленно, уже никуда не торопясь, двинулся в мою сторону, демонстративно подметая полами длинного «плаща» землю и царапая верхушки надгробий длинными когтями. Расслабленный, прекрасно сознающий свое преимущество, неуязвимый и разумный монстр, который никогда не сможет насытиться.

Но еще до того, как он успел до меня добраться, из-за одной из могил выметнулось что-то некрупное и, с визгом пролетев добрые пару десятков шагов, что было сил вцепилось моргулу в загривок.

Что именно это было, я не понял – неожиданный помощник был очень мал ростом и на удивление проворен. Однако моргул не воспринял его в качестве угрозы, а его лапа без особо труда содрала присосавшуюся сущность, после чего с хрустом смяла ее в кулаке и отшвырнула прочь до того, как я успел ее разглядеть.

Однако стоило признать, что коготки моргул себя отрастил что надо – каждый длиной в половину моего локтя. Острые, загнутые внутрь и способные оставлять царапины не только на камне, но и на моей броне, они и впрямь выглядели устрашающе. И я, глядя на то, как монстр медленно поворачивает руку, словно демонстрируя свое оружие, только сейчас сообразил, что хотя бы в момент прикосновения к жертве и хотя бы одна часть тела у него становится материальной! Точно так же, как материальной она была в тот миг, когда Грем сумел к нему прикоснуться!

Кажется, неведомая сущность оказала мне услугу, подсказав, куда именно я должен ударить. Но как сделать, чтобы материальными у моргула стали не только когти?! В прошлый раз у меня не вышло – секира прошла через него, как сквозь дым. А вот у мелкой все же получилось. Почему, спрашивается? И как убить проклятую тварь, если она становится уязвима лишь там, где соприкасается с жертвой?!

До крови прикусив губу, я разжал пальцы, позволив своему

единственному оружию бесследно раствориться во Тьме. А затем оттолкнулся от надгробия, выпрямился и, пошатнувшись от слабости, развел в стороны руки.

– Давай, – процедил я, когда моргул оказался на расстоянии пары шагов. – У меня нет защиты. На, жри. Все равно же не отвяжешься.

Тварь, как мне показалось, улыбнулась. А затем одним рывком приблизилась вплотную и испытанным на сотнях и тысячах жертв приемом ухватила меня за горло. Вот только на этот раз я не стал брыкаться и даже отшатнуться уже не пытался. А напротив, потянулся вперед всем телом и вцепился в нее рукам, ногами и едва не зубами, стремясь прильнуть как можно теснее.

О том, что происходит, моргул, разумеется, вскоре догадался. Но еще до того, как тварь успела отшатнуться, я ощутил, как твердеет подо мной чужое тело, и, мысленно возблагодарив Тьму за способность меняться по первому зову, выпустил из брони сразу несколько десятков шипов.

И на этот раз все прошло как надо – от удара тварь дрогнула и, запрокинув голову, оглушительно громко завизжала. Тонко, на одной пронзительно высокой ноте, от которой меня едва не вывернуло наизнанку. Правда, это не помешало притянуть ее ближе и выпустить из брони еще пару десятков шипов, нанизывая тесно прильнувшего моргула, как барана на шампуры. А когда он, наконец, затих и грязной тряпкой обвис у меня в руках, брезгливо скинуть с себя останки и с отвращением сплюнуть.

– Одна слабость у тебя все-таки есть, урод, – выдохнул я, ощущая как дрожат коленки, а затем поспешил присесть на корточки, чтобы не упасть. – Ты не выносишь крепких объятий. Но Тьма меня задери, если я когда-нибудь ещё раз рискну воспользоваться этим знанием!

Глава 7

Когда я отдышался и пришел в себя, от моргула осталась лишь бесформенная куча, похожая на брошенную в грязь старую тряпку. А пока я размышлял, надо ли ее сжечь или же оно само исчезнет, из-под «плаща» начали вылетать маленькие, но очень яркие звездочки-души. Причем много душ. Сотни, если не больше, огоньков закружились вокруг меня в каком-то диком хороводе, при виде которого неожиданно полегчало на сердце.

Значит, все-таки будет у Грема, Жука и Камии новая жизнь. И у остальных она тоже когда-нибудь настанет. Пусть не сразу. Пусть до этого дня пройдет еще много лет, но теперь у них появился шанс. Главное, чтобы души нашли дорогу к своим богам до тех пор, пока их не почуял кто-то из местных жителей и не надумал полакомиться.

– На твое усмотрение, Фол, – буркнул я, откровенно не зная, что с ними делать.

Левое плечо снова ожгло, а затем огоньки начали один за другим исчезать. Так, словно темный бог действительно услышал, а у духов и впрямь появилась надежда на возрождение.

Правда, когда искорок осталось всего три, они отчего-то не захотели уходить вместе с остальными. Все кружились и кружились перед моим лицом, как заведенные. А когда я устало отмахнулся, неожиданно обиделись – отпрянули в сторону, после чего коротко сверкнули и, внезапно разросшись, появились передо мной совсем в другом виде.

– С тобой было весело, Арт, – со смешком сказал Жук и вдруг лихо подмигнул. Чисто вымытый, причесанный и совсем не похожий на того босяка, каким я нашел его на улице. – Не знаю, как тебе удалось прибить эту тварь, но ты молодец. Правда. Рад, что довелось с тобой поработать. Не скучай!

Пока я обалдело таращился, мальчишка помахал рукой, и одной чистой душой на темной стороне стало меньше.

– Я тоже буду скучать, Артур, – с теплой улыбкой сказала леди Камия. Заметно помолодевшая, похорошевшая и превратившаяся в по-настоящему блистательную леди, от вида которой перехватывало дыхание. – Ты прекрасный мальчик. Жизнь обошлась с тобой жестоко, но ты все еще не утратил веру в людей. И надежда на лучшее в тебе тоже жива. Жаль, что мы расстаемся, но я хочу, чтобы ты был счастлив, дорогой. И всегда помнил, что одной только местью жизнь не ограничивается.

У меня в горле встал ком, когда леди подлетела ближе и, оставив на моей щеке невесомый поцелуй, исчезла. Машинально

коснулся ладонью того места, где только что были ее губы, и ощутил игривый холодок между пальцами, который, впрочем, сразу исчез.

– Неплохая работа, ученик, – вдруг хмыкнул за спиной до боли знакомый голос, и я как ошпаренный обернулся, уставившись на того, кого здесь не могло да и не должно было быть.

Грем… но в то же время и не совсем он… смотрел на меня с едва уловимой насмешкой и какой-то необъяснимой, почти отеческой нежностью, которую я в нем доселе даже не подозревал. Вместо старых тряпок на нем был надет добротный бархатный камзол, украшенный золотым шитьем. Вместо грязных ладоней и обломанных ногтей виднелись ухоженные руки настоящего аристократа. Никаких перстней на его пальцах, правда, не было, но мне и не нужно было их видеть… как не требовалось смотреть на монограмму на торчащем из нагрудного кармана краешка носового платка… передо мной стоял не старый ворчливый самодур, а много повидавший и успевший устать от этих знаний темный маг, которого я совершенно не чаял встретить.

– Мастер Этор?!

– Не совсем, мой мальчик, – улыбнулся старик, в лице которого причудливым образом переплелись черты учителя и вечно недовольного брюзги Грема. – Даже хорошему некросу не удалось бы самостоятельно загнать свой дух в перстень, а я ведь даже не некрос. Так, недоучка, которому на старости лет случайно удалось использовать одно древнее заклятие.

Я удивленно привстал.

– То есть, Грем…

– В нем есть небольшая часть от меня, – кивнул мастер Этор. – Старик когда-то служил нашей семье, а после смерти не отказался принять в себя крохотную частицу моей прежней сущности. Меньше, конечно, чем хотелось бы, но вполне достаточно, чтобы оставаться в курсе событий.

Так вот почему старик вел себя так странно. То простой в доску, грубоватый и озабоченный женскими прелестями работяга, то, наоборот, умудренный жизнью наставник, которого мне отчаянно не хватало.

– Но зачем?!

– Не мог же я бросить тебя одного? – улыбнулся призрак. – Да и присмотреть было нужно. Вдруг ты бы меня разочаровал и не сумел постичь сути нашего искусства?

Я насторожился.

– То есть, вы считаете, что мне удалось-таки ее постигнуть?

– Ты ходишь на темную сторону. Тебя приняла Тьма. Тебе благоволит сильнейший из темных богов… да, ученик, – кивнул учитель. – Я действительно сделал из тебя темного мага. Вернее, ты сделал это сам. Я лишь указал дорогу.

После таких слов я смешался, а мастер Этор подошел вплотную и, положив ладонь на мое плечо, тихо добавил:

– Я действительно многого тебе не сказал, Артур. Но ты смышленый парень. Сам догадаешься, почему. И сам всего добьешься. В этом плане мне больше нечему тебя учить, и я бесконечно горд, что обрел достойного преемника. Да, я не планировал, что так все обернется, но время пришло, и нам все-таки пора расстаться. Носи мой перстень с честью, ученик. Используй все, что я тебе оставил. Обязательно прочти дневник до конца. А если надумаешь покопаться в прошлом, отыщи вторую половину списка. И запомни: мое полное имя – Этор Гредиар Рэйш. Но лет сто пятьдесят назад оно звучало бы как Этор Гредиар Уолш, а еще раньше я носил бы фамилию Уортэн. Ищи свои корни, Артур, так же, как я когда-то нашел свои. И тогда поймешь, кто и почему тебя подставил.

Вздрогнув всем телом, я качнулся вперед, чтобы ухватиться за призрака и задать миллион едва не взорвавших мою голову вопросов, но мастер Этора уже побледнел. И, одарив меня все той же мягкой улыбкой, исчез, оставив меня одного посреди разгромленного кладбища.

Это было слишком для одного-единственного дня. Слишком много потерь. Слишком много откровений. Да и загадок за последние сутки набралось столько, что я уже не знал, за какую браться в первую очередь. Мастер Этор… Грем… все так сложно, что в это было почти невозможно поверить. Но что самое печальное, я вновь потерял учителя, которого ценил и безгранично уважал. Только на этот раз – потерял насовсем.

Сколько бы я так стоял, пытаясь разобраться в случившемся и хоть как-то успокоить вконец растрепанные чувства, пожалуй, один Фол знает. Однако со смертью моргула обитатели темной стороны снова зашевелились, и мне поневоле пришлось отвлечься.

Заслышав сдавленный хрип возле одной из могил, я встряхнулся и, отложив другие проблемы на потом, отправился искать выживших, по пути вернув в ладонь безотказную секиру.

Твари есть твари. Сколь бы их ни осталось, лучше было добить их сейчас, чем ждать, пока они восстановятся и снова начнут портить тут воздух.

Шумели, как мне показалось, возле могилы Принстона Уолша. Уже успевшей, кстати, закрыться, поэтому сейчас ничто

не напоминало о том, что под ней имеется самый настоящий схрон.

Однако кто именно шумел, я так и не увидел. Зато вовремя вспомнил, что именно в эту сторону улетела отброшенная моргулом, напрочь лишенная инстинкта самосохранения сущность, которая с какого-то перепугу решила атаковать высшую тварь.

Мне, признаться, было интересно на нее взглянуть. К тому же, кем бы она ни являлась, ее все равно следовало уничтожить. Поэтому я не поленился походить по округе, переворачивая попадающиеся на пути камни и проверяя глубину тут и там поблескивающих луж. Но, к собственному сожалению, никого не нашел. Тварь, хоть и была ранена, пострадала не смертельно и сбежала, как только восполнила силы… к примеру, выпотрошила вон того гуля, которого совершенно точно загрызли, а не зарубили секирой.

Из больших луж, хоть я и слышал, что там кто-то скребется, наружу никто не вылез. Но оно, наверное, и к лучшему, потому что я находился не в лучше форме, чтобы продолжать бой, а восполнить силы, в отличие от сбежавшего «помощника», было нечем.

Наконец, удостоверившись, что больше на кладбище меня никто не ждет, я создал темную тропу и, попетляв по уже изученным местам, которым уделил днем так много времени, вернулся домой, на Гербовую. После чего сбросил пропахшую мертвечиной куртку, кое-как стащил сапоги и, отмахнувшись от суетящихся слуг, завалился спать.

Думаю, небольшой отдых я заслужил.

* * *

Разбудили меня уже под вечер – встревоженный дворецкий деликатно потряс меня за плечо. А когда я открыл глаза, Нортидж склонился в виноватом поклоне и умоляюще сложил руки перед собой.

– Простите, хозяин. Помню, что вы не велели вас беспокоить, но к нам пришли из Управления городского сыска. Двое магов. И у них постановление на ваш арест.

От изумления я чуть с постели на свалился.

– Нортидж, ты шутишь?!

– Никак нет, мастер Рэйш, – испуганно дернулся призрак. – Господа маги где-то с полсвечи ожидают у дверей и уже начали проявлять нетерпение!

– Что ж ты их столько времени за воротами-то продержал? – поинтересовался я, взглядом отыскивая одежду.

Ах вот она, уже чистая и выглаженная, ждет меня на стуле. Жаль, что я по приходу рубаху не снял, но где-то в мешке наверняка осталась запасная. А вообще прав был старик – надо было озаботиться новым гардеробам, а то, если бы не расторопные горничные, пришлось бы встречать гостей в нижнем белье.

В ответ на мой вопрос Нортидж откровенно смутился.

– Вы сказали никого пускать, мастер Рэйш. А когда господа маги попытались проникнуть силой, Гроза их немного… эм, шуганула.

– Немного – это насколько? – насторожился я, проворно натягивая штаны и нашаривая в мешке новую рубаху. – Нам пора заказывать заупокойную по погибшим при исполнении?

Дворецкий всплеснул руками, а когда я принялся переодеваться, деликатно отвернулся.

– Ну что вы, хозяин. Вы же сами сказали: без приказа не убивать. Так что собачки только отпугнули нарушителей, и господа маги существенно не пострадали.

– И то хорошо, – пробормотал я, накидывая поверх рубахи тщательно вычищенную куртку, плащ и подхватывая любимую шляпу. – Обвинять меня в убийстве служителей порядка нет повода, а от всего остального я как-нибудь отбрехаюсь.

Когда я вышел во двор, оказалось, что насчет гостей Нортидж ничуть не преувеличивал, потому что за воротами меня действительно ожидали два рослых скелета в слегка помятой форме Управления городского сыска. Причем, судя по следам на одежде и искореженным бляхам, собаки не особенно церемонились с нарушителями спокойствия, однако, как и я приказал, никого не убили. Даже не покалечили. Причем, поскольку я велел разбираться с нарушителями тихо, лай они не подняли и придавили гостей аккуратно. Без лишнего шума. А теперь эти самые гости раздраженно метались вдоль непреодолимой для них ограды, злобно поглядывали в сторону дома и явно испытывали желание сделать что-нибудь не полезное для моего здоровья.

Запоздало избавившись от линзы на правом глазу, я взглянул на коллег обычным взором.

Действительно, маги. Темные. Оба – с новенькими визуализаторами, с помощью которых, вероятно, за последние полсвечи успели не раз и не два взглянуть на особняк. Со служебными бляхами, прикрепленными к воротникам одинаковых кожаных курток. Один из гостей, судя по седому

ежику волос, работал по той же специальности, что и я, а вот второй определенно был некросом. Соответственно, хоть и владел темной магией, но не мог переходить на темную сторону, зато наверняка умел поднимать зомби, тревожить духов и избавляться от особо назойливых сущностей, у которых хватало наглости выбраться в реальный мир.

– Артур Рэйш, вы арестованы! – раздраженно заявил маг Смерти, стоило мне подойти к воротам. Молодой, не в меру ретивый парень с агрессивным выражением лица и небольшим шрамом на побитой оспой щеке.

Второй маг, постарше и поопытнее, промолчал – похоже сравнивал мою ауру с той, что им предоставили в ГУССе. И, найдя ее соответствующей описанию, так же молча кивнул.

Я положил ладонь на холку ближайшей псины, которая при моем приближении перестала скалиться и немедленно села. Но ворота открывать не стал – успеется. Просто внимательно оглядел коллег и, не заметив у них в руках соответствующих документов, спокойно осведомился:

– На каком основании?

– На основании пункта одиннадцать королевского указа «О применении магии».

– Несанкционированное использование? – искренне удивился я. – Господа, вы уверены, что вас проинформировали правильно?

Некрос вместо ответа достал из-за пазухи бумагу с гербовой печатью и развернул, позволяя мне прочитать постановление Королевского прокурора, выданное представителям главного Управлению столичного сыска.

– Хм, – озадачился я, убедившись, что и имя, и пункт якобы совершенного мной правонарушения совпадали с тем, о котором только что сообщили гости. – Боюсь, я буду вынужден попросить вас уточнить детали.

– Детали будете в УГС выяснять! – рыкнул седой молодчик, злобно покосившись на присмиревшую псину. Видимо, это он попытался обойти защиту и проникнуть в дом через темную сторону. Внутрь его защита, разумеется, не пустила, а вот собачка все-таки дотянулась. Лапкой. Или зубками. Вероятно, поэтому у мальчика такой потрепанный вид.

С частью, некрос оказался более благоразумным.

– Сегодня около полудня в районе Кенсингтонского кладбища были зафиксированы избыточные эманации магии Смерти. Прибывшие на место патрульные зарегистрировали всплески до одиннадцати с половиной баллов по пятнадцатибалльной шкале. Вызванный ими наряд магов обнаружил следы присутствия темного. Сличение слепков ауры указало на вас, мастер Рэйш,

поэтому наш начальник приглашает вас на беседу в главное столичное сыскное Управление для выявления обстоятельств произошедшего.

Хм. Вот оно что.

– Я так понимаю, под нарядом магов вы подразумеваете себя? – уточнил я.

– Разумеется. Ваш след с места происшествия отыскать не удалось, поэтому мы взяли постановление на арест. И будем вынуждены привлечь специалистов для взлома защиты вашего жилища в случае, если вы откажетесь проследовать с нами добровольно.

Я покосился на раздраженного коллегу с пониманием.

Теперь понятно, отчего он такой взвинченный. Встать на след мертвеца – удовольствие ниже среднего. А мои следы теперь все такие, да еще и обрывались в самых неожиданных местах. Так что парню, можно сказать, не повезло.

– Еще один вопрос, – кашлянул я, прежде чем принять окончательное решение. – Третья поправка к одиннадцатому пункту все ещё в силе?

– Разумеется, – без тени сомнения отозвался некрос. – До выдвижения официального обвинения арест на имущество и счета накладываться не будет.

Только после этого я успокаивающе махнул дворецкому, скомандовал собакам «место» и отпер ворота, крикнув напоследок слугам, чтобы позаботились о ужине, потому что до темноты я из УГС, скорее всего, не вернусь.

На мое заявление коллеги скептически хмыкнули, однако надевать магические путы или ограничивать мою свободу иным способом никто не стал. В этом не было необходимости. А в случае, если бы я надумал бежать, мои данные просто разослали бы во все города страны, после чего мне пришлось бы очень сильно постараться, чтобы скрыться от правосудия.

До главного Управления столичного сыска мы добирались на служебном кебе, на котором господа маги прибыли по мою душу. Но разговора в пути не получилось: белобрысый, судя по всему, ещё злился, а некросы по природе своей не особо разговорчивы.

Само здание я уже видел – не далее как как вчера Йен проходил там регистрацию и заодно подавал заявку на служебное жилье. К тому же, когда-то именно отсюда, вернее, из расположенного в подземелье изолятора, я впервые в жизни ступила на темную тропу, так что нужный адрес даже спустя десять лет отыскал бы с закрытыми глазами.

Внутри, как и в Регистрационной палате, обстановка с тех пор разительно изменилась и вместо заваленными бумагами

столов и суматошно носящихся сотрудников нас встретил со вкусом оформленный, прекрасно освещенный холл, мягкая мебель, минимум народу, видимо, дожидающегося своей очереди, несколько закрытых дверей с порядковыми номерами и улыбчивая девушка за регистрационной стойкой, мимо которой мои провожатые протопали, даже не взглянув.

Пройдя через уютный холл к спрятанной в углу лестнице, мы поднялись на третий этаж, и вот там народу оказалось гораздо больше. Мужчины и женщины в штатском, но с аурами магов, которые с преувеличенно серьезным видом сновали по коридору и без явной системы перемещались из кабинета в кабинет. При этом у одних в руках находились папки с документами. Кто-то с осторожностью переносил большие коробки. Иногда мимо с озабоченным видом кто-то пробегал, но особой суеты я не заметил.

Как и раньше, в главном Управлении столичного сыска жизнь текла размеренно и спокойно, дела решались неспешно, а преступники, до суда содержащиеся в местном изоляторе, могли и подождать. Благо спешить им было уже некуда.

– Сюда, – буркнул белобрысый, дойдя почти до конца длинного коридора, и свернул в неприметный закоулок, оканчивающийся массивной, явно не из простых пород дерева сделанной дверью без номера. – Ждите, я узнаю что и как.

Мы с некросом остановились, а его напарник тем временем осторожно постучал, затем ещё осторожнее приоткрыл дверь и, просунув в образовавшуюся щель голову, чуть приветливее буркнул:

– Он здесь, шеф.

– Пусть зайдет, – донесся изнутри спокойный голос. И маг неохотно отступил, распахивая деревянную створку уже на всю ширину и знаком показывая, что я все расслышал правильно.

Внутрь со мной никто из провожатых не пошел. Видимо, начальство посчитало это излишним. А я, как только за спиной закрылась дверь, отступил в сторону и быстро огляделся.

Хм. Кажется, положительные перемены, произошедшие с УГС в целом, коснулись и этого кабинета. Жутковатые серые стены теперь были прикрыты мягкой зеленой обивкой. Вместо дощатого скрипучего пола был настелен ковер, а вместо безликого казенного стола и рассохшихся стульев стояла отличного качества, простая, но удобная мебель, делающая обстановку приятнее, спокойнее и, наверное, доверительнее.

Хозяин кабинета за эти годы тоже сменился, что в общем-то было и понятно. Теперь вместо щуплого, похожего на крысу и вечно щурящегося господина… чтоб он сдох… Кукниса за

громадным письменным столом восседал крупный, одетый в черно-синий мундир мужчина с бесстрастным выражением лица и цепкими серыми глазами, которые следили за мной с нескрываемым интересом.

Внешне этот человек напоминал нашего Готжа, только чуть старше, чуть лучше сохранившийся и с явной сединой в некогда темных волосах. Такая же короткая стрижка, роскошные усы и очень схожие черты лица… честное слово, я, когда его увидел, даже подумал, что Старый Морж приходится ему родственником. Но потом нашел несколько значимых отличий и мысленно пожал плечами: даже если кровная связь между этими людьми и была, то настолько дальняя, что Готж о ней не подозревал. Иначе обязательно предупредил бы нас перед отъездом.

К тому же, судя по ауре, этот мужчина был магом. Причем светлым и явно не последним в Ордене. Но, в отличие от того же Хога, он не видел в мне врага народа и, несмотря на постановление, все еще не изучал никакой угрозы.

– Проходите, мастер Рэйш, – вежливо предложил хозяин кабинета, когда наши взгляды встретились, а затем указал на стоящие возле его стола два кресла. – Мое имя Нельсон Корн. И в данный момент времени я представляю руководство столичного УГС.

Я подошел и, подумав, выбрал левое кресло – он выглядело чуточку более удобным. После чего с комфортом уселся и принялся без стеснения рассматривать собеседника. Он, в свою очередь, продолжил рассматривать меня. И какое-то время мы занимались сущими глупостями, пока Корну, наконец, не надоело, и он с легким смешком не заметил:

– А вы совсем не волнуетесь, Рэйш.

Я вопросительно изогнул бровь.

– Разве у меня есть для этого повод?

– А разве нет? Или это не ваши следы обнаружили мои сотрудники, когда отправились проверить сообщение о несанкционированном применении темной магии на территории Кенсингтонского парка?

– Насчет магии не знаю – я ее не использовал, а вот неупокоенной нежити у вас по окраинам бродит весьма прилично.

У Корна чуть сузились глаза.

– Для столицы это беспрецедентный случай. За последние пять лет такого количества низших, собравшихся в одном месте, не было зафиксировано ни разу.

– А как насчет высших? – усмехнулся я, и вот тогда на лицо начальника ГУССа словно облачко набежало.

– Что вам известно? – отрывисто спросил он, буравя меня тяжелым взглядом. – Учтите, Рэйш, я собираюсь инициировать полноценное расследование, и если вы в этом замешаны…

– Не надо меня пугать, – спокойно отозвался я. – Я приехал в столицу только вчера и, согласно завещанию мастера Этора Рэйша, отправился взглянуть на землю, которая с некоторых пор принадлежит мне.

– Простите, вы сказали: ВАМ принадлежит?

– Совершенно верно. Запросите базу, данные Регистрационной палаты…

– Уже запросил, – буркнул Корн, помрачнев ещё больше. – Но насчет вашей собственности там нет ни единого слова.

– Видимо потому, что я еще не подал документы на вступление в права наследования. Но, полагаю, архивные сведения касательно принадлежащей нашей семье недвижимости, а также копии накладных на дом и участок номер двадцать два по Кенсингтонской аллее вам вполне доступны. Исходя из четвертой поправки к одиннадцатому пункту королевского указа «О применении магии», на принадлежащей мне территории я могу делать что угодно, вплоть до проведения ритуалов крови, и это не подпадает под статью о несанкционированном применении магии. Я же всего лишь очистил принадлежащие мне земли от нежити. И, признаться, удивлен, что мне вообще пришлось этим заниматься.

Маг зыркнул на меня совсем неприветливо.

– Что за оружие вы там использовали?

– Нестандартное, – был вынужден признать я. – Но магических следов после себя оно не оставляет.

– Ну да. Только трупы. Кроме вас, на кладбище присутствовал кто-то еще?

– Мои служители.

– Сколько?

– Трое.

– Я могу с ними побеседовать или хотя бы увидеть?

– Нет, – ровно отозвался я. – Они погибли, спасая мне жизнь.

– Смерть трех служителей не могла вызвать столь резкое повышение магического фона, – нахмурился господин Корн. – Такие всплески нехарактерны даже для массовой гибели низшей нежити. Это – уровень полноценного демона.

Я кивнул.

– Вы правы.

– Значит… все-таки демон?! – вздрогнул маг.

– Скорее, моргул. Но я не уверен. Тварь такого уровня для меня в новинку.

Корн уставился на меня долгим неподвижным взглядом, а потом без предупреждения встал из-за стола и вышел в коридор. Вероятно, искать на меня компромат. Или же отправить своих людей проверить версию с демоном.

Я в это время от нечего делать принялся глазеть по сторонам и случайно обнаружил в кабинете господина начальника не только причудливую магическую защиту, но и целых два неплохо укрытых тайника. Один из них я, скорее всего, смог бы вскрыть на темной стороне безнаказанно, а вот второй, полагаю, сумел бы только взорвать. Да и то без гарантии, что хранящиеся внутри сведения уцелеют.

Когда я уже начал прикидывать, как бы половчее вскрыть защиту, не привлекая внимание хозяина, господин Корн наконец вернулся и, бросив на стол тонкую папку с бумагами, посмотрел на меня совсем уж недружелюбно.

– Мне нужны детали.

Я подумал, но решил, что утаивать от коллеги, от чьих действий зависела безопасность столицы, сведения о высшей твари не было особого смысла, поэтому не стал упорствовать и кратко изложил суть своих утренних приключений.

Правда, кое-какие факты я все-таки опустил, а кое-что намеренно исказил, поскольку не был уверен, что здешние маги умеют использовать Тьму во Тьме и видеть проклятые лужи. Если бы это было так, им бы не потребовались приборы для изучения потустороннего, которые здесь, похоже, использовались повсеместно. Да и по столице давно прошли бы массовые зачистки, и никакие гули не поджидали бы меня на кладбище в таком количестве. А раз это было не так, то не стоило раньше времени сообщать коллегам, что они ещё многого не знают. Или о том, что на темной стороне… да и в реальном мире… я вижу гораздо больше них.

К счастью, Йен со своим стремлением к порядку и безграничной любовью всевозможным рапортам изрядно меня поднатаскал в деле правдивого изложения событий. Потом, конечно, Корн найдет неточности и наверняка потребует объяснений, но к тому времени я уже придумаю, что ему ответить. В крайнем случае сошлюсь на семейные особенности дара, и тема, чем и как именно я завалил моргула, отпадет сама собой.

Когда я умолк, Корн долго молчал, переваривая не слишком приятные для себя известия. Затем снова поднялся и вышел. Но на этот раз отсутствовал совсем недолго. А когда вернулся и сел за стол, то уставился на меня таким непонятным взором, что мне едва не показалось, что второй сейф придется взрывать прямо

здесь и сейчас.

– Вы работали внештатным сотрудником верльского сыскного Управления, – внезапно не спросил, а констатировал маг, когда мои пальцы привычно сплели под столом активный знак.

Я закончил знак и как можно независимее пожал плечами.

– Было такое.

– Не хотите заняться привычным делом? – вдруг без перехода поинтересовался Корн. – Судя по отчетом, с вашим появлением общая раскрываемость преступлений в Верле превысила планку в семьдесят процентов, а по магпреступлениям эта цифра вплотную приблизилась к отметке в девяносто. Это очень много даже для провинции. А у нас вечная нехватка специалистов вашего профиля.

Хм. Вот чего он так долго пропадал. Всю мою подноготную, похоже, поднял. С самого первого дня, как Йен оформил меня внештатным сотрудником, и до последнего дела, в котором я только чудом умудрился не замараться. К тому же, четвертой поправкой я его уел, поэтому начальнику ГУССа ничего не оставалось, как признать поражение и… предложить мне работу.

– Верль – тихий городок, – нейтральным тоном заметил я. – Особых преступлений нет, серьезных тварей тоже.

– То есть, Палача вы серьезной тварью не считаете? – криво улыбнулся Корн.

– Тогда мне просто повезло.

– Да? А сегодня?

Я снова подумал, а потом погасил знак и развеял остатки магии.

– Сегодня мое существование было оплачено жизнями трех отличных служителей. Не могу назвать это грандиозным везением, но со стороны, возможно, виднее.

– Так что вы скажете насчет моего предложения? – словно не услышал Корн.

– Я подумаю.

– Хорошо. Завтра жду вас в кабинете с подробным рапортом о случившемся.

Я вопросительно приподнял брови, но маг, по-видимому, сказал все, что хотел, так что мне ничего не оставалось, как пожать плечами и выйти. После чего в сопровождении тех же самых магов спуститься на первый этаж. Оставить их где-то в районе регистрационной стойки. А уже возле самого выхода услышать восторженное: «Мастер Рэйш!», и, обернувшись, с удивлением обнаружить, что хоть кто-то в столице рад меня видеть.

Глава 8

Окликнула меня, разумеется, Хелена Триш – раскрасневшаяся от волнения, с вызывающе короткой стрижкой и заметно похорошевшая с нашей последней встречи. Одежда у нее, конечно, скромнее не стала, но вот появившаяся на лице улыбка свидетельствовала, что трагедию с учителем она благополучно пережила. И если не пришла в себя полностью, то как минимум находится на верном пути.

– Мастер Рэйш! – повторила она, торопливо спустившись по лестнице и почти бегом пробежав мимо удивленно обернувшихся магов у стойки. Вместе с ними, кстати обернулись и все до единого посетители, коротавшие время в холле.

Вот они, плюсы и минусы сыскного дела – где надо, о тебе вообще ничего не слышали, а где не надо, каждый норовит посмотреть на мага с такой звучной фамилией.

Приблизившись, Триш снова улыбнулась, показав жемчужные зубки, и едва слышно хихикнула, когда я жестом опытного следопыта приложил два пальца к полям своей верной шляпы.

– Давно не виделись, Хелена.

– Я тоже рада встрече, мастер Рэйш. Не знала, что вы в столице.

– Дела, – неопределенно отозвался я, исподволь рассматривая и запоминая ауры всех, кто нагло глазел на меня из холла.

Ничего особенного. Светлые, темные… светлых почему-то было больше. А из темных, за исключением той парочки, что меня сюда привезла, внимание привлекала лишь одна персона. Женщина лет тридцати или чуть старше, что стояла на одной из ступенек лестницы, неодобрительно буравила глазами спину Триш и с явным нетерпением постукивала ноготками по перилам.

Сказать, что она была красавицей, я бы не рискнул. Слишком тонкие, непримиримо поджатые губы, слишком широкие скулы и слегка раскосые глаза, вызывающе подведенные черным карандашом. Но что-то в ней было такое… хищное. Какая-то непередаваемая пластика, свойственная всем диким кошкам. И на удивление сочная аура прирожденного темного мага.

А ещё у дамы была такая же короткая стрижка, как у Триш. Точнее, это Триш зачем-то остриглась так же вызывающе коротко. И если учесть, с каким неудовольствием более старшая и опытная леди-маг смотрела на молодую, все ещё импульсивную и по-юношески наивную девчонку, то причина сходства напрашивалась сама собой.

– Моя наставница. Лора Хокк, – смущенно кашлянула Хелена,

проследив за моим взглядом. – Извините, но мне пора. Рада была встрече, мастер Рэйш.

Я молча кивнул. А проследив за тем, как Триш торопливо возвращается к новой наставнице, и за тем, как та коротко и сжато отчитывает подопечную, развернулся и вышел: меня эти дела не касались.

До вечера я проболтался в городе, экспериментируя с линзами и проверяя возникшие утром догадки. К сожалению, даже с двумя линзами никаких луж из реального мира я не видел. В лучшем случае, это были мутные, едва заметные облачка, похожие на клочья серого тумана. В худшем на месте луж вообще ничего не было, будто они мне вовсе привиделись.

На темную сторону, улучив момент, я тоже сходил. Причем, как в тихом и малопосещаемом проулке, так и вблизи алторийского храма. Вот там лужи снова были, но, как я и предполагал, их количество существенно разнилось в разных районах города, а ближе к центру… вернее, к храму… они полностью сходили на нет. При этом все до единой лужи благоразумно жались к домам, прятались за мусорными баками, скрывались в тени зданий и нигде… даже на самой захудалой улочке… не стремились привлечь к себе внимание.

Внутрь я, само собой, ни в одну не полез. Но те, у которых не увидел дна, тщательно запомнил и по возвращении решил пометить на карте, которая наверняка найдется где-нибудь в закромах моего нового дома.

К Йену тоже сегодня не пошел – слишком устал после моргула, да и настроение не располагало к встречам, так что, находившись по городу до гудящих ног, я повернул обратно на Гербовую и перед тем, как зайти в дом, тщательно исследовал всю округу. Как в реальном мире, так и на темной стороне – на случай, если у моргула все же была свита, и кто-то из нежити сумел меня запомнить.

К счастью, никому я не был нужен и никто меня не выслеживал, так что на ужин я явился вовремя и с удовольствием отдал должное прекрасно приготовленным блюдам, в которых новая кухарка оказалась непревзойденной мастерицей.

Моя скупая похвала, как и утром, стала для нее полнейшей неожиданностью. И почему-то заставила растеряться, хотя, на мой взгляд, я не сказал ничего лишнего. Тем не менее, мой уход из столовой сопровождался гробовым молчанием. Даже горничные испуганно притихли. Садовника я вообще со вчерашнего дня не видел и лишь по подстриженным вокруг дома кустам мог судить, что он все ещё здесь. Нортидж моим заявлением тоже почему-то озадачился, причем настолько, что не

пошел провожать меня наверх, как давеча. И лишь после того, как я поднялся в кабинет, на кухне послышались приглушенные разговоры и едва слышно загремели кастрюли.

Ночь, вопреки ожиданиям, прошла спокойно. Я отлично выспался, успел худо-бедно смириться с потерями и на следующее утро вспомнил о моргуле лишь тогда, когда попытался потянуться и зашипел, обнаружив, что, несмотря на броню, спину вчера все-таки повредил.

– Х-хозяин?! – с испуганным всхлипом отпрянул Нортидж, когда я спустился вниз и, ввиду полнейшего отсутствия зеркал в доме, попросил его взглянуть на мой тыл. – Кто же это вас так?!

Кое-как изогнувшись и ощупав спину, я констатировал наличие там огромного синяка от макушки до самой задницы. И мысленно порадовался, что, помимо него, ничего серьезного не заработал. Мелкие царапины не в счет. Гудящая башка и подкатывающая к горлу тошнота при поворотах головы тоже. Ну а слабость… а что слабость? В пору ученичества со мной и не такое бывало. Особенно когда учитель на полдня загонял в один из своих пространственных карманов…

На этой мысли я застыл на середине движения и в шоке уставился на ничего не понимающего дворецкого. А потом выругался, с досадой хлопнул себя по лбу и прямо из дома создал темную тропу, успев напоследок крикнуть:

– До обеда меня ни для кого нет. Если кто спросит, скажите, что я временно мертв!

Что при этом подумал Нортидж, я, наверное, никогда не узнаю – у моего дворецкого имелась одна полезная черта: он не оспаривал приказов. Ну а о том, что порой это было совсем некстати, я подумал гораздо позже. Уже после того, как осознал, что далеко не каждый посетитель сумеет понять мой странный юмор.

Пока же я с огромной скоростью несся обратно в Верль, чтобы проверить очередную догадку. А выскочив в центре Алторийской трясины, с трудом отдышался и лишь после этого заставил себя по-новому взглянуть на окружившую остров воду.

Дурак… святые боги, ну каким же надо быть дураком, чтобы сразу не заметить поразительного сходства проклятых луж с той водой, что окружала убежище учителя непроходимым болотом!

Мне и раньше казалось, что под его водами кроется нечто большее, чем просто илистое дно или спрятанные под ним, погруженный в длительный стазис мертвецы. Конечно, я подозревал, что защита этого острова была лучшим творением мастера Рэйшем. Венцом его искусства. Самой совершенной и воистину идеальной клеткой, внутри которой только он и я могли

чувствовать себя в безопасности. Но до этого дня даже не догадывался, что помимо обычной защиты учитель использовал природные свойства темной стороны и обустроил убежище в центре образуемой ею громадной каверны.

Именно сюда он сталкивал меня, когда учил управлять мертвецами.

Здесь же я впервые познал, что такое настоящий холод.

Именно в этих пустотах я, еще неопытный тогда и совершенно не представляющий, что происходит, сопляк не раз замерзал до полусмерти. И на протяжении долгих часов или сидел, вынужденно слушая ввинчивающийся в уши шепот, или до седьмого пота рубился на мечах в тщетной попытке укокошить очередного зомби.

Подойдя к кромке воды и взглянув на нее через линзы, я безошибочно разглядел прячущуюся под слоем воды густую сеть охранных заклинаний. Причем не одну, а сразу десяток, которые целыми гроздями покрывали пространство вокруг острова и недвусмысленно намекали, в каких именно местах учитель прикрыл ими естественные каверны.

Войдя в воду до середины голенища, я опустил туда руку с перстнем и вздохнул, когда привязанная к кольцу защита дрогнула и расступилась, пропуская меня дальше. А затем задержал дыхание, сделал еще один шаг, с трудом, но все таки увидел дно, и буквально провалился во Тьму, одновременно доставая секиру.

Открывшаяся моему взору пещера оказалась сравнительно небольшой, но любовно обустроенной, оборудованной полками, стойками с оружием и всем тем, что постепенно скапливается в подвалах любого состоятельного мага, но что по каким-то причинам жалко продать. Наверное, здесь были все доспехи и все мечи, которые мастер Этор коллекционировал годами. Всевозможные латы, арбалеты, амуниция, аккуратно разложенные по полкам амулеты… как уже разряженные, так и сохранившие почти весь свой заряд.

О назначении некоторых из я них я, к своему стыду, даже не догадывался. Часть вообще увидел впервые в жизни. А к некоторым, оценив насыщенность ауры, предпочел бы и вовсе притрагиваться, пока не освою высшие ступени темного искусства и не научусь на глаз определять, что же за штука такая.

Зомби, кстати, здесь тоже имелся. Один, но обряженный в такое количество обмундирования, что я при виде него только крякнул. Признаться, раньше я думал, что мастер Этор просто усыпил зомбяков, которые в свое время доставили мне немало неприятностей. Но оказалось, что старик не пожелал

разбрасываться ценным материалом, а по окончании ученичества использовал его для других целей. И превратил некогда неплохих убийц в достойных уважения стражей, которые должны были уберечь его наследие от воров.

Почуяв, что в схроне появился посторонний, мертвец ожидаемо ожил, но стоило мне показать перстень, как укутывающая зомбяка плотным коконом защита вспыхнула, и он снова отступил к стене, впав в состояние спячки.

Выбравшись наружу и аккуратно восстановив защиту, я по очереди обошел каждый из двенадцати схронов, которые бездонными, невидимыми простому глазу ямами окружали остров. Но везде обнаруживал лишь вещи… много… очень много вещей, совокупную ценность которых было трудно даже представить. И, разумеется, в каждом из схронов обязательно дремал один или парочка мертвых стражей, справиться с которыми даже мне с моими нынешними навыками было бы весьма проблематично.

Будить их и проверять, станут ли они подчиняться, я не стал. И без того было понятно, что все свои секреты мастер Этор привязал к фамильному перстню. Но сколько на это ушло времени и сил. Годы… десятилетия кропотливого труда!

В то же время я с грустью осознал, что заботливо сохраненное, надежно спрятанное и оставленное исключительно для меня сокровище в действительности было не так уж и нужно. И его значимость меркла в сравнении с теми огромными, воистину не имеющими цены знаниями, которыми учитель мог бы, но не успел со мной поделиться.

Именно об этом я думал, когда смотрел на собранные наставником магические вещи. И только теперь сознавал, почему он так и не сказал об этом: если бы я не понял этой истины сам, то оставленных в наследство ценностей оказался бы недостоин. А если бы понял, то они утратили бы всякий смысл. И даже в этом старый мог оказался провидцем.

– Эх, Грем… – вздохнул я, закончив с кавернами и вернув на место последнюю защитную сеть. – Жаль, что тебя больше нет рядом. Может, ты и был занудой, но теперь мне будет тебя не хватать.

* * *

Когда я вернулся домой, в столице вовсю царила полуденная жара, а душный воздух дрожал и переливался над домами, словно сейчас было не начало весны, а как минимум середина лета.

Тащиться в такую погоду в Управление не хотелось. Писать для Корна нудный рапорт не хотелось тем более, но учитель сказал, что я должен покопаться в своем прошлом и добыть вторую половину составленного им списка. А где можно было найти нужную информацию? Правильно, в закрытых архивах Управления, куда мне доступ был пока заказан.

Напрягать своими проблемами Йена я не собирался, да и ни к чему ему было знать о вещах, за которыми охотится высшая нежить. Самым же быстрым способом получить доступ к архивам было вступить в Орден и одновременно с этим войти в ряды доблестных стражей порядка. А значит, рапорт писать все равно придется. И ехать в Управление тоже. Желательно до того, как Корн устанет меня ждать и пришлет сюда людей с еще одним постановлением.

С большим опозданием позавтракав и в третий раз подряд введя в ступор стеснительную кухарку, я поднялся наверх, чтобы провести пару часов за утомительным ручным трудом. А когда отчет для Корна был готов, неожиданно выяснилось, что именно на сегодня Нортидж пригласил известного в Алтире портного, и мне еще пару свечей пришлось изображать из себя манекен, периодически порыкивая, если какая-нибудь иголка случайно впивалась под кожу.

После этого Нортидж собственноручно обработал мне спину лечебной мазью, которую успел заказать, пока я гулял в Верле. Затем наступило время обеда. После него пришлось разобраться с письмами, которые успели прийти в мое отсутствие, включая подтверждение из Ордена о том, что я теперь являюсь его полноправным членом. А также вежливую просьбу явиться в представительство. Так сказать, лично подтвердить статус и получить соответствующие документы.

В итоге до столичного УГС я добрался лишь во второй половине дня, причем не в самом лучшем расположении духа. Господин Корн, у кабинета которого на этот раз толпилась куча народу, не смог принять меня сразу, а ждать в общей очереди, в которой все неумолчно галдели и то и дело ругались за право первым попасть внутрь, я не захотел. Поэтому, изучив защиту, прошел туда по темной стороне, после чего положил рапорт на заметно постаревший, но ещё добротный стол. И, прицепив к нему ниточку одного хитрого заклинания, вернулся в холл. Отдыхать. Предварительно рассчитав время так, чтобы запечатанный конверт через некоторое время выдернуло в реальный мир прямо перед носом у будущего шефа.

Ждать ответа долго не пришлось. Не успел я вытянуть ноги в кресле на первом этаже и задремать, как на третьем раздался

невнятный шум. После этого по коридору пронесся настоящий бумажный вихрь, а магически усиленный голос Корна раздраженно рявкнул на все Управление:

– Рэйш! Немедленно в мой кабинет!

Зевнув, я поднялся с нагретого места и потащился на третий этаж. И на этот раз народ в коридоре охотно расступился, образовав живой коридор, по которому я, словно смертник на казнь, проследовал к нужной двери.

– Ты что творишь?! – вызверился будущий шеф, стоило мне без разрешения занять облюбованное еще в прошлый раз кресло. – Какого демона магичишь прямо в здании, в котором, между нами говоря, магия практически не работает?!

– Это не совсем магия, – едва удержался от зевка я. – И ничего плохого я пока не натворил. Просто доставил по назначению рапорт, который вы просили. Кто ж знал, что народу в Управлении окажется столько, что все друг друга покусать будут готовы? Хотя, может, господин Вилли Рант успел и сюда поутру заскочить? Иначе почему у ваших сотрудников такие кислые лица?

Окинув мою помятую физиономию свирепым взглядом, Корн открыл было рот, чтобы высказать все, что он думает по этому поводу. Но имя лучшего столичного портного, как и его занудный характер, по-видимому, были прекрасно известны начальнику главного столичного Управления. Поэтому вместо того, чтобы обозлиться еще больше, он лишь понимающе хмыкнул. После чего уже спокойно взял со стола рапорт и погрузился в чтение.

– Неплохо, – скупо отозвался будущий шеф о моих литературных талантах, когда добрался до последней строчки. – Суховато, но емко и по делу. Что вы решили насчет моего предложения?

– У меня будет два условия.

Корн нахмурился.

– Боюсь, вы не в том положения, чтобы ставить условия при найме на работу, Рэйш.

– Насколько мне известно, закон не обязывает вас отказываться их выслушать.

Нехорошая складка на лбу шефа стала заметно глубже.

– Но это не значит, что у меня есть желание это делать.

– Тоже верно, – вынужденно признал я и, поднявшись из-за стола, коротко кивнул. – Всего хорошего, Корн.

Уже направляясь к выходу, я почувствовав направленный в спину взгляд, но начальник ГУССа ничего не сказал и не стал меня останавливать. Я же в свою очередь решил слегка охладить обстановку и открыл тропу прямо на пороге кабинета.

Конечно, я догадывался, что Корну не понравится мое предложение. Но того, что он даже выслушать ничего не захочет, я, если честно, не ожидал, ведь условия, которые я предлагал, были совсем несложными.

Во-первых, я, как и раньше, хотел работать в качестве внештатного специалиста, что давало некоторые вольности в плане распорядка дня и избавляло от необходимости терпеть напарника. А во вторых, я высказал желание работать преимущественно на западном участке столицы.

Только и всего.

Собственно, я мог бы оформиться у Йена и без одобрения высокого начальства. Но статус официального консультанта ГУССа давал гораздо больше возможностей, так что настаивать действительно стоило. Так что, поразмыслив, я через некоторое время все-таки вернулся и оставил на столе упрямца еще одну записку.

Если уж ему выслушать лень, то пусть хотя бы прочитает. А если он и после этого будет упорствовать… что ж, значит, столичному Управлению не повезло. Потому что в кресле руководителя оказался твердолобый болван, который не умеет просчитывать собственную выгоду.

Вернувшись домой, я первым же делом вызвал Нортиджа и хорошенько расспросил его про Уолшей, Уортенов и ближайших родственников представителей этого древнего семейства. А когда обнаружил, что старый служака мало чем способен помочь, затребовал у него все книги по истории Алтории и особенно те, где имелись упоминания о родах, владевших темным искусством.

Их, к сожалению, оказалось немного, да и нужных сведений там не нашлось. Так что я плюнул на усталость и еще раз смотался на остров – порыться в книгах мастера Этора и заодно перечитать дневник, в котором могли остаться подсказки.

Начать я решил именно с дневника, потому что это было быстрее, чем перелопачивать горы книг в поисках незнакомых имен. Вернее, с того, что открыл самую первую страницу и, помня совет темного бога, запечатленный на крышке сундука, взглянул на нее через темные линзы.

Упущенные мною сведения, как вскоре выяснилось, находились в самом конце – те самые страницы, которые я наивно посчитал не заполненными. Теперь же, под двумя слоями Тьмы, на них проступили совсем другие чернила. Красные. И, ежась от понимания того, что мастер Этор умудрился постичь даже магию крови, я с замиранием сердца прочитал:

«*Теперь все правильно, ученик. Последняя ступень пройдена, раз ты сумел увидеть и прочесть эти строки. Схрон всегда поможет,*

если понадобится переждать беду или просто уединиться. Но, чтобы не запутаться в датах, используй хронометр – так сподручнее контролировать время. О могиле молчи. Никто не должен знать, что истинное величие нашего рода зависит от тебя, иначе охота за тобой возобновится. Чтобы избежать этого, вторую половину списка я отдал не другу, но давнему врагу. Найти его будет непросто – Норрату на старости лет всегда становились затворниками. Но старый ворон перед смертью обязательно вернется в родное гнездо, так что рано или поздно ты его все равно встретишь. Сожги дневник, когда закончишь читать. Больше он тебе не пригодится. Знай: на темной стороне силу мага всегда можно определить по тому, как далеко он видит. Помни: чем глубже погрузишься во Тьму, тем старше тебе покажется все, что в ней находится. И береги кольцо, Артур – оно открывает многие двери. Даже те, куда я не советовал бы тебе заглядывать».

Дальше шло несколько десятков формул, которые я постарался запомнить. А в самом низу виднелась монограмма: «Э.Г.У», при виде которой я кое-что вспомнил и встрепенулся. После чего потянулся за карандашом, начертал на полях дневника все имена, оставленные учителем, и обнаружил, что два из них уже известны: Уортены… в дальнейшем Уолши… как оказалось, были далекими предками мастера Этора. А Норрату дали начало другому… необязательно темному роду, к которому принадлежал враг мастера Этора и у которого я должен был добыть вторую половину загадочного списка.

– Что ж, ещё одной тайной меньше, – пробормотал я, наконец-то поняв, почему, переходя на темную сторону, маги видят Тьму совершенно по-разному.

Как выяснилось, и Триш, и мастер Ниро были по-своему правы. Просто Триш ещё не научилась как следует видеть Тьму, а старый маг, напротив, уже навидался всякого и был достаточно силен духом, чтобы спокойно смотреть на темную сторону без прикрас.

Что же касается меня, то все те ужасы, которые могли случиться, произошли со мной до того, как я создал первую темную тропу. И в охватившем меня всепоглощающем безумии ее кошмары оказались далеко не так страшны, как могли бы быть. Вот, в общем-то, и вся разгадка.

Избавившись от дневника, я стряхнул с ладоней пепел и задумчиво посмотрел на ломящиеся под тяжестью книг полки.

Ладно, одно дело сделано, пора было приступать к следующему. Я, правда, не знал, сколько времени это займет, но надеялся, что хотя бы к концу жизни управлюсь.

Глава 9

Домой я вернулся с опухшей головой, красными от недосыпа глазами и несказанно разочарованным тем, что в стопке прочитанных мною книг нужных сведений не оказалось.

Не зная, где именно искать, и не увидев в бумагах учителя других подсказок, я взялся перечитывать все тома подряд, начиная с верхних полок и постепенно спускаясь вниз.

Хронометр, кстати, тоже нашел – валялся в углу: старинная, причудливой форму штука с двумя мерными колбами. В одной бодро пересыпался туда-сюда речной песок, в другой мерно падали сверху вниз маленькие круглые камушки. Колбы переворачивались вручную – первая соответствовала времени, необходимому для сгорания одной мерной свечи, вторая – количеству дней, проведенных в схроне.

Принцип работы был схематично изображен на рисунке, который обнаружился на другой стороне хронометра: указанное колбами время разнилось с реальным в нужное количество раз. На сколько именно – показывало встроенное сбоку колесико с меткой, указывающую на цифру от одного до семи. Иными словами, я мог задать хронометру любую скорость течения времени и за одни прошедшие снаружи сутки провести здесь и день, и целую неделю.

Для начала я задал себе веху в два дня, чтобы не слишком отстать от жизни и случайно не попасть в списки пропавших без вести. Но, естественно, даже за это время все имеющиеся в схроне книги не одолел. Собственно, отобранная мною стопка была лишь одной из многих, так что, закончив с ней и подсчитав объем остальной работы, я искренне огорчился.

– Хозяин, у нас проблема, – сообщил Нортидж, как только я возник на пороге собственного дома.

– Что там еще? – буркнул я, мечтая только об одном – куда-нибудь лечь и уснуть на недельку-другую. – Кто-то опять пытался к нам проникнуть?

– Нет, хозяин. Попыток взлома больше не было. Но думаю, вам стоит на это взглянуть.

С трудом погасив раздражение, я окинул дворецкого тяжелым взглядом, но увидел, что тот и впрямь встревожен, и поплелся на задний двор, где, вопреки отданному приказу, нервно метались призрачные псы.

При виде меня Гроза и Шторм припали на брюхо, виновато метя землю хвостами и старательно отводя глаза.

Не обратив на них внимания, я перешел на темную сторону и

остановился у границы своих владений, которые в реальном мире были обозначены внушительной каменной оградой.

За оградой лежали тела. Много тел… и все они когда-то принадлежали нежити. Гули, шурши, уже начавшие разлагаться слизни, какие-то паукообразные твари, которым я даже названия не смог сразу придумать… мертвецов было так много, что я поначалу даже растерялся. Но потом подметил, что в их расположении прослеживается определенный порядок: ближе всех к дому лежали твари поменьше, затем находились те, что покрупнее, и наконец дальше всех лежали наиболее крупные особи, уложенные вокруг дома аккуратным полукругом.

Старательно отгоняя от себя нехорошую догадку, я остро взглянул на дворецкого.

– Ваша работа?

– Нет, мастер Рэйш, – почему-то шепотом ответил Нортидж. – Еще две свечи назад здесь ничего не было. Мардж регулярно делает обходы.

– Мардж это кто? – невежливо перебил его я.

– Садовник наш. Ну, вы видели.

– Продолжай.

– Так вот, в вечерний обход здесь ещё ничего не было. А когда Мардж прошел вдоль периметра в следующий раз, они уже лежали.

– Собаки не рычали?

– Вы не велели поднимать шум, – едва слышно отозвался дворецкий. – Поэтому мы ничего не слышали. Мардж потому и поспешил на задний двор, что собак на месте не было. А когда пришел, они носились вдоль ограды и скалились. И еще ему показалось… простите… что ваших псов впервые в жизни что-то смогло напугать.

Опустив глаза на тревожно ерзающих собак, я перехватил взгляд чуть менее крупной Грозы, и удивился, когда псина вдруг подползла и просительно ткнулась носом в мою ладонь. Здоровенная, лохматая, зубастая и по-настоящему опасная зверюга будто просила о помощи, пряча морду у меня на бедре! Более массивный Шторм, подхватившись на ноги, прижался с другой стороны, но так, чтобы встать между мной и смирно лежащими трупами. И я был готов поклясться, что внутри этого большого тела как заячий хвост дрожит какой-то необъяснимый, первобытный страх перед навестившим нас существом.

Успокаивающе положив ладони на мохнатые холки, я вновь обернулся к дворецкому и кивнул на тела.

– И много их тут?

– Не знаю, хозяин. Мы не считали. Но трупы, считай, по всему

периметру разложены. Словно напоказ.

– Скорее, как трофеи, – медленно проговорил я и, отпустив собак, вплотную приблизился к защите.

О том, что за тварь любит таким образом демонстрировать свои успехи, я прекрасно знал, но до последнего не хотел верить, что она могла уцелеть.

Та ловушка в Верле была без преувеличения отменной, а поставленная вокруг нее защита и того лучше. Мы с Лойдом все предусмотрели и обо всем подумали, когда заманивали проклятую куклу в круг. Ни один демон не смог бы там выжить. Ни одна нежить бы не уцелела. К тому же, после взрыва на протяжении целых трех месяцев в Верле было на удивление тихо. Никто не пропадал, не умирал, и даже кукол у детей воровать перестали. Потом мы с Йеном уехали, целую неделю тряслись в дилижансе, я в это время практически не выходил на темную сторону и, соответственно, не оставлял после себя следов…

Но тогда тем более невероятным казалось, что тварь… если это, конечно, она… могла не просто уцелеть в огне, но и последовать за нами в столицу. Более того, на протяжении длительного времени никак себя не проявлять. И только сейчас почему-то решила открыться, причем сделала это столь недвусмысленно и дерзко.

Призвав Тьму и окутавшись сотканной из нее броней, я велел призракам не высовываться и, не обратив внимание на тревожный вскрик, переступил черту, за которой бесчинствовала непонятная тварь.

Я должен был убедиться, что это именно она. Или своими глазами увидеть, что это кто-то другой решил надо мной подшутить.

На этот раз тела лежали в разных позах и далеко не так ровно, как в Верле. Но в пользу куклы говорило отсутствие крови на земле и на чудом сохранившихся островках снега – наша тварь любила убивать вдалеке, предпочитала не оставлять следов, а уже потом притаскивала и укладывала трупы так, как считала нужным.

Хотя сегодня она, возможно, просто не успела разложить их красиво?

Против нее свидетельствовали разные виды нежити, особенно те, которыми кукла раньше пренебрегала. Однако, когда я наклонился над ближайшим гулем и ногой перевернул тяжелую тушу, последние сомнения отпали: на загривке и на горле твари виднелись идентичные раны с идеально ровными краями, шириной примерно в два моих пальца и, вероятно, достаточной глубины, чтобы с одного удара раздробить гулям шейные

позвонки.

– Х-хозяин, что это? – пробормотал Нортидж, когда я по очереди обошел тела и, убедившись, что всю нежить убили одним и тем же способом, вернулся к крыльцу. – И кому понадобилось украшать наш газон свежими трупами?

Я окинул притихший двор хмурым взглядом.

Кому понадобилось, я уже знал. Но вот зачем? И почему тварь решила проявить себя именно сейчас?

Было до крайности маловероятно, что в столице каким-то чудом завелась вторая кукла, которая знала меня в лицо. И это неизменно приводило к вопросу: как она могла уцелеть? Разве что и впрямь создала в последний момент темную тропу и вместо того, чтобы сдохнуть, была всего лишь ранена?

Если так, то три месяца спокойствия вполне можно было объяснить. Не исключено, что кукла, подобно зомби из схрона, умела впадать в спячку и восстанавливаться во сне. А может, после неудачи в Верде она ушла отъедаться в другое место, где дичь водилась попроще и посговорчивее. Но даже так оставалось неясным, зачем она последовала за нами в столицу.

Насколько я мог судить, кукла и впрямь была разумна. По крайней мере, она видела нашу защиту, понимала, что прикасаться к знакам опасно, наконец она умела делать выводы и не повторять ошибок! Но именно это-то и было странно – исходя из логики обычной нежити, кукле следовало напасть на меня, когда я этого не ждал. Если она хотела отомстить или закончить начатую три месяца назад охоту, то возможностей для этого была масса. В Верле, по дороге в Алтир, вчера и даже сегодня… особенно на кладбище! Но вместо этого кукла предпочла не атаковать исподтишка, а напротив, затаилась. И нашла способ привлечь к себе внимание единственным безотказным способом, который не позволил бы усомниться в том, что это именно она.

Я сжал челюсти, неожиданно вспомнив, что же напрягало меня весь вчерашний день. Но предположить, что неведомым помощником, который так вовремя сократил поголовье нежити на кладбище и оказался настолько сумасшедшим, что рискнул атаковать даже моргула, была та самая кукла…

Нет. Это просто в голове не укладывалось.

– Нортидж!

– Да, хозяин, – встрепенулся дворецкий и, прекратив разглядывать жутковатый натюрморт, подлетел к крыльцу.

– Защиту держать на максимально возможном уровне. Закажи ещё накопителей, потому что в таком режиме старые будут разряжаться в несколько раз быстрее. Слугам быть начеку. Собак держать во дворе и снять запрет на шум.

– Будет сделано, – сухо, по-военному, отрапортовал дворецкий. – Как нам поступить, если тварь снова попытается сюда проникнуть?

Я окинул соседние дома задумчивым взором.

– Она не станет. Она умеет учиться на ошибках.

– Понял, – озадаченно поскреб затылок призрак и, догадавшись, что других указаний не будет, стремительно растаял в воздухе.

Я какое-то время еще постоял на крыльце, пристально разглядывая пустые крыши, но ничего подозрительного так и не увидел. После чего все-таки зашел в дом, поднялся в спальню и, наскоро ополоснувшись, завалился спать, не в первый раз за сегодня добрым словом помянув учителя и его любимую присказку, что утро вечера мудренее.

* * *

Ночью нас никто не побеспокоил, и я на удивление хорошо выспался. Затем меня снова накормили, причем именно теми блюдами, что я похвалил в прошлый раз. Кухарка сегодня оказалась менее стеснительной, поэтому, когда я закончил с завтраком, рискнула поинтересоваться, что я предпочел бы увидеть на обед.

– Нортидж, мне показалось, или Марта меня побаивается? – вполголоса спросил я, поднявшись в кабинет.

Дворецкий неловко потупился.

– Есть немного.

– И с чего бы ей это делать, позволь узнать?

– Да как же не бояться, хозяин, – удивился призрак. – Вы не устраиваете приемов. Не приводите гостей. Чуть не убили собак, хотя обычно с Грозой и Штормом нелегко сладить. От вас каждый день разит Тьмой. Позавчера и вовсе явились, принеся на своем плаще останки высшей нежити. Конечно, слуги боятся!

Я поднял на Нортиджа удивленный взгляд.

– Вы же призраки. Чего вам опасаться?

– В первый день от вас сильные исходили эманации Смерти… нам они хорошо знакомы. И никто из нас не рвется снова испытывать их на себе.

– Насколько я помню, я пока ещё никому из вас не угрожал… разве что собакам?

– Вот они-то как раз души в вас не чают: сильный хозяин – это повод для гордости. А люди устроены так, что если даже сильнейшие из нас едва не попали под вашу секиру, то и

остальным, наверное, стоит опасаться.

– Глупости, – буркнул я. – Я маг, а не убийца. К тому же сильно сомневаюсь, что прежний хозяин дома вел светскую жизнь и что ни день зазывал сюда гостей.

– Да. Но Этор Рэйш был мастером Смерти.

– А я по-твоему кто?!

Призрак уставился на меня большими непонимающими глазами.

– П-простите, хозяин, но ваша метка… разве вы не темный жрец?!

– Да Фол с тобой, – чуть не отпрянул я. – С чего такие мысли, Нортидж?!

Тьма. Сперва моргул обзывался, а теперь духи-служители с чего-то всполошились!

Под моим взглядом дворецкий неожиданно смешался.

– Да просто очень уж странная у вас метка. Заставляет… ну… вроде как держаться в стороне, а заодно всем и каждому говорит, что связываться с вами – все равно что плевать у подножия храма. Сразу, может, оно и не убьет, но по дороге к дому обязательно кирпич на голову свалится.

– Хочешь сказать, от меня пахнет Смертью? – нахмурился я.

– На вас Ее печать, – подтвердил призрак, нервно комкая отворот рукава. – Но одно дело, когда печать стоит на мертвом теле, а совсем другое – на живом. Я такое только у темных жрецов видел. Да и то, не у всяких.

Я озадаченно замолчал.

Про печать-то я прекрасно помнил, откуда она взялась. Как и то, почему она стала неактивной. Но, пожалуй, надо будет на досуге ещё разок заглянуть в храм и поинтересоваться у отца Гона, что же за метку подарил мне Фол, которую не дано видеть живым, зато разрешено видеть мертвым. И по какой причине жрец обозвал меня братом, если ни в физическом, ни в духовном плане у нас не было ничего общего.

– Мастер Этор Рэйш был моим учителем и человеком, мнение которого я уважал и ценил, – наконец, уронил я, не глядя на дворецкого. – Он доверил вам защиту и заботу о своем доме. И пока у меня не было повода заподозрить, что вы делаете это плохо или неправильно.

Нортидж тяжело вздохнул.

– Так-то оно так, хозяин. Но уж простите меня за правду – вы нам не доверяете. Ставите дополнительную защиту на ночь, а на темной стороне так вообще…

– Я никому не доверяю. Но со временем попробую привыкнуть хотя бы к тому, что обо мне теперь есть, кому

позаботиться.

На лице дворецкого появилась неуверенная улыбка.

– То есть, вы даете нам шанс?

– Как и ваш прежний хозяин, я очень ценю тишину и одиночество. Но если выбирать между живыми и мертвыми слугами, безусловно, отдам предпочтение мертвым. Хотя бы по той причине, что могу вас полностью контролировать. И, к тому же, с вами меньше хлопот.

– Спасибо, хозяин, – задумчиво отозвался Нортидж. – Кажется, я понял. Можно идти?

Я кивнул, и дворецкий бесшумно испарился. Но не успел я сесть за стол и прикинуть дальнейшие планы, как призрак снова вернулся. Но теперь он выглядел настолько встревоженным, что стало ясно – что-то опять стряслось.

Когда я следом за растрепанным призраком вышел на улицу и взглянул на темную сторону, причина столь бурной реакции Нортиджа стала понятной: за ночь наша трудолюбивая кукла все-таки закончила укладывать трупы вокруг дома, как надо, и теперь они окружали поместье красивым тройным кольцом. При этом все твари были развернуты носом в одну сторону, но, если шуршей и гулей наш упорный гость расположил в направлении слева направо, то лежащих посередке слизней, наоборот, справа налево.

Был ли в этом какой-то смысл, я не знал и, честно говоря, выяснять не хотел. Но с каким-то мрачным удовлетворением осознал, что кукла не собирается оставлять меня в покое.

Одно во всем этом было хорошо – тварь продолжала сокращать поголовье нежити и в целом по столице, и вокруг моего дома в частности. А это в свою очередь означало, что посыльных от моргула можно уже не ждать. Хотя, наверное, стоило при случае намекнуть коллегам из ГУССа, чтобы на темной стороне вели себя осторожнее.

Подошедшие собаки молча сели у ограды, как и вчера, прикрыв меня своими телами. Но на этот раз ни удивления, ни раздражения их присутствие не вызвало. А вот то, что сегодня псы вели себя намного спокойнее, позволяло предположить, что в данный момент времени загадочной куклы поблизости не было.

– Хорошая собака, – хмыкнул я, потрепав по загривку прильнувшую слева Грозу. Самка удивленно замерла, а Шторм обернулся и неуверенно вильнул хвостом.

– И ты хороший, – подтвердил я, глядя призрачному зверю в глаза.

– Они будут слушаться, хозяин, даже не сомневайтесь, – деликатно кашлянул зависший неподалеку дворецкий. – Собственно, они теперь ваши с потрохами и подстроятся под

любые ваши желания.

Я внимательно оглядел притихших собак.

– Да? И в чем это будет выражаться, интересно?

– Ну, – ненадолго задумался Нортидж. – К примеру, вчера, если помните, они испугались твари, которая притащила сюда трупы. А сегодня ночью вели себя спокойно. Даже меня не разбудили, хотя наверняка видели, как она перекладывает тела.

– И ты полагаешь, что это произошло…

– Потому что твари не боитесь вы, – совершенно серьезно посмотрел на меня дворецкий. – Скоро вам даже приказывать не понадобится – собаки и так вас прекрасно поймут.

– Р-р, – согласно проурчала Гроза, подсунув под мою ладонь остроконечное ухо.

– Гр-р, – тихо подтвердил Шторм, окончательно убедив меня в том, что служителей себе учитель подобрал с умом.

– Хозяин, не надо ли что-нибудь сделать с телами? – снова спросил Нортидж, отвлекая меня от неожиданно обретенных питомцев.

Я пожал плечами.

– Как хочешь. Но я бы не советовал вам удаляться от защиты дальше, чем на несколько шагов.

– У меня разрешенный радиус около десяти. У собак – три. Слугам за порог дома ход вообще заказан, но, если вы скажете…

– Нет, – покачал головой я. – Думаю, если тела убрать, завтра к утру нам натаскают новых.

– Так смердеть же начнут, хозяин!

– Когда начнут, тогда и сожжем. А до тех пор пускай лежат. Мне даже интересно стало, чем нас ещё собираются «порадовать».

Нортидж вздохнул.

– Как изволите. Хотя не могу сказать, что одобряю такое решение. Кстати, я забыл сказать: полсвечи назад прибегал посыльный – принес конверт на ваше имя из Управления городского сыска.

– Да? И где он? – моментально оживился я.

– Посыльный, разумеется, ушел, потому что я не счел необходимым отрывать вас от завтрака, – с достоинством ответил призрак. – А конверт – вот он.

В тот же миг перед моим носом прямо из воздуха возник большой белый конверт с узнаваемым красным штемпелем ГУССа.

Нетерпеливо его вскрыв, я обнаружил внутри один-единственный листок бумаги. А на нем – всего два коротких слова:

– «*Вы приняты*».

Глава 10

Уже подходя к Управлению западного участка, я обратил внимание, что возле него крутилось подозрительно много народу. Правда, зевак или праздно одетого люда там не было – только расторопные, озабоченно хмурящие брови и одетые в однотипные робы мужики, регулярно снующие от здания к целой веренице тяжело груженых подвод и обратно.

Для чего они это делают, я догадался, когда подошел ближе и обнаружил, что одна из стен Управления практически разобрана, и на ее месте группа рабочих сноровисто налаживает новый дверной проем. Еще одна группа во главе с магом споро возводила новую лестницу. А на втором этаже третья бригада как раз заканчивала настилать новый пол.

Обогнув занявшие половину улицы подводы, я мысленно похвалил Йена.

Молоток. Времени даром не терял. И всего за пару дней практически целиком воплотил в жизнь мою задумку, обустроив для посетителей отдельный вход. Чего ему это стоило он, наверное, никогда не признается, но с учетом того, что Норриди должен был сперва составить проект, затем согласовать его, выбить из руководства деньги на строительство, после чего найти людей и заставить их работать в три смены, думаю, за эти дни в шевелюре Йена появился не один седой волосок.

Пока снаружи кипела работа, я беспрепятственно воспользовался старым входом и, кивнув уныло вздыхающей регистраторше, поднялся в облюбованный Йеном кабинет.

– Привет, Арт, – устало улыбнулся Норриди, когда я занял единственный стул в недавно отремонтированной, но ещё бедноватой на мебель комнате. – Как видишь, я бессовестно украл у тебя ценную идею и надеюсь, что хотя бы завтра этот сумасшедший дом, наконец, закончится. Ах да, прости, я ведь даже не спросил, как ты устроился… нашел жилье? Или нужно помочь?

Я качнул головой.

– Не надо. Все уладилось.

– Ну и слава Роду, – выдохнул Йен и откинулся на спинку кресла с видом человека, у которого закончились последние силы. – Честно говоря, я выжат как кислюк. Сил никаких больше нет. Бьюсь лбом обо все подряд двери, стучу, ору, но никакая зараза не желает мне помочь с персоналом!

– Хм. Значит, я как раз вовремя.

– В смысле?

Я молча достал из-за пазухи официальное предписание о прикреплении моей персоны к западному Управлению и сунул Йену под нос.

Весь день вчера потратил на оформление бумажек. Сперва к Корну съездил, все обговорил, уладил, подписал. Затем в Орден пришлось тащиться, чтобы и там все согласовать. Прошел заодно тест на профпригодность, дабы никто не усомнился, что я и впрямь темный маг. Пару свечей потратил на собеседование с каким-то крючкотвором, которому приспичило убедиться, что я в достаточной мере знаю законы. Само собой, устал как собака, хотя в обеих конторах со мной обошлись достаточно вежливо. Но все равно бумажная волокита заняла столько времени, так что уже к обеду я засомневался, что это была хорошая идея.

– Арт… – восторженно прошептал Норриди, неверяще прочитав бумагу. – Тьма тебя забери! Неужели правда?!

– Заткнись, – проворчал я, будучи не в силах видеть, как расцветает и прямо-таки наливается жизнью его уставшее лицо. – И не вздумай задавать дурацкие вопросы.

Йен поднял на меня горящие глаза.

– Не буду… честное слово, не буду! А ты к нам надолго?

– Пока не попрошу о переводе.

– А у тебя полномочия прежние?

– Даже чуть больше, чем в Верле. Корн настоял.

– Это значит, я теперь могу без последствий пустить тебя на место преступления?!

– Да.

– И бляху тебе тоже выдали?

Я мрачно уставился на возбужденно подпрыгивающего шефа.

– Я же сказал: никаких дурацких вопросов.

– Ага, – счастливо улыбнулся Йен, а затем обмяк и прямо так, с идиотской улыбкой на морде, расплылся на кресле, словно издохшая медуза. – Господи, Арт! Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть!

– Мои условия ты знаешь, – на всякий случай напомнил я.

– Оклад стандартный, плюс двойная оплата в выходные, в праздники и по ночам… ничего не перепутал?

Я в третий раз кивнул и все-таки отвернулся, потому что радостная физиономия Йена уже начала слегка раздражать.

Ну да. Я прекрасно понимаю – пацанчика его еще учить и учить, так что маг с любым, даже с самым крохотным стажем, будет для Норриди сродни благословению небес. Но это же не повод так скалиться и пытаться допрыгнуть до потолка?

– А все-таки что произошло? – через несколько мгновений все-таки не утерпел Йен и опять полез с глупыми вопросами. – Ты

же не хотел ехать в столицу. Тем более, не хотел возвращаться на службу.

– Я этого не говорил.

– Арт, не держи меня за дурака!

– Я не держу. Но если тебя волнуют причины, то можешь считать, что я заскучал.

Норриди неожиданно посерьезнел.

– У тебя что, проблемы? Может, нужны деньги? Или я могу еще что-нибудь для тебя сделать?

– Можешь, – неожиданно согласился я. А когда Йен встрепенулся, со смешком добавил: – Жду не дождусь, когда ты наконец-то начнешь писать за меня рапорты.

– Да иди ты в…

Неожиданно в дверь деликатно поскреблись.

– Эй, шеф! – просунула в щелку нос прехорошенькая девчушка с аурой светлого мага. – Вы там как? Живы?

Глянув на побагровевшую физиономию Норриди, я едва не заржал.

– В храм иди, придурок! – с чувством закончил фразу Йен и только тогда повернулся к гостье. – Заходи, Лиз. Что у тебя?

Дверь приоткрылась пошире, и на пороге возникла худенькая белобрысая девчонка лет семнадцати-восемнадцати в строгом черном платьишке, бежевом пальто и кокетливо заломленной беретке.

– У нас вообще-то труп, – стеснительно сообщила она, стрельнув в мою сторону глазками. – Вы едете или как?

Норриди моментально подобрался.

– Что за труп? Где? Кто передал?

– Стража внизу просигналила. Тело нашли на улице, около половины свечи назад. Патрульные проверили. Пока не опознали, но говорят, что труп наш.

– Арт, ты и впрямь объявился очень вовремя, – скороговоркой проговорил Йен, подхватываясь и прямо на ходу сдергивая с вешалки верхнюю одежду. – Целых три дня нас Род миловал, а сегодня явился ты и…

– И у тебя сразу труп, – с новым смешком согласился я, тоже поднимаясь на ноги. – Очень удачное совпадение.

– Арт, познакомься, это Лиза Шарье, – отмахнулся Йен. – Одна из лучших выпускниц Школы магов и без преувеличения весьма толковая юная леди. Лиз, это наш внештатный маг – мастер Артур Рэйш. Отличный специалист, мой коллега еще по Верлю. Он, правда, слегка того – маги Смерти все малость с прибабахом, но ты его не бойся.

– Я не кусаюсь, – с самым серьезным видом подтвердил я.

Девчонка хихикнула в кулачок и, взмахнув золотыми косами, умчалась, а Йен набросил на себя пальто, тщательно запер дверь и лишь после этого кинул на меня обеспокоенный взгляд.

– Ты только не пугай мне персонал, ладно? – тихонько попросил он, прежде чем мы двинулись к выходу. – Их и так мало, а с твоими шуточками и последние разбегутся.

– Постараюсь, – кашлянул я. – Но обещать ничего не буду.

* * *

По дороге штатные маги Управления рассматривали меня с нескрываемым любопытством. Девчонка в моем присутствии чувствовала себя на удивление свободно, спокойно болтала и даже пыталась задавать вопросы. А вот паренек, которого звали Тори и который оказался старше напарницы от силы на пару лет, выглядел настороженным. Тем не менее, интерес у них в глазах светился абсолютно одинаковый, но Йен не дал им возможность удовлетворить любопытство и вместо пустых разговоров заставил Лизу еще раз пересказать полученный от патрульных рапорт.

Когда казенный кеб остановился, Тори первым выбрался на улицу и галантным жестом подал девушке руку. Норриди на это внимания не обратил, а вот Лиза слегка зарделась и поспешила следом за шефом, к которому уже подошел одетый в стандартную униформу патрульный.

Из второго кеба, прибывшего на пару мгновений позже, выбрались оба наших следователя – такие же преступно молодые, до ужаса неопытные парни в штатском, зато добросовестно взявшие с собой блокноты, карандаши и набравшие целые карманы всевозможных амулетов, от которых у меня зарябило в глазах.

Я машинально потер кольцо под перчаткой, однако впервые за несколько лет оно не отозвалось на призыв.

Грем, Жук, Камия… я так привык с ними работать, что и сейчас подспудно ждал, что вот-вот в воздухе появится ворчливый старик или шустрый пацан на пару с изысканно одетой леди. А когда никто не откликнулся, с тяжелым вздохом осознал, что напрасно потревожил перстень учителя, и с сожалением опустил руку.

Увы. Друзей терять тяжело. А верных друзей – тем более. Но, пожалуй, хуже всего, когда их нет совсем. Потому что, когда некого терять, жизнь становится унылой и пустой.

Стараясь держаться так, чтобы на левый глаз не попадал блеск чужих побрякушек, я нагнал Йена, и вместе с патрульным

мы зашли в небольшой проулок, где под стеной одного из домов, почти спрятавшись за каменным выступом, лежал на боку не по сезону одетый мужчина.

Собственно, из одежды на нем была лишь отлично пошитая рубашка и простые черные брюки, которые, по идее, должны были составлять пару довольно дорогому камзолу. Ни шляпы, на сапог, ни пальто на мужчине не оказалось. Как и явных признаков насильственной смерти. Создавалось впечатление, что человек сюда пришел, спокойно улегся на землю, свернулся калачиком и умер.

– Кто обнаружил тело? – начал со стандартного вопроса Йен, мельком взглянув на труп.

– Дети, – сообщил патрульный – рослый блондин с румяными щеками и тяжелым подбородком. – В прятки играли, увидели труп, подняли шум. Мы с напарником находились неподалеку, так что интервал между обнаружением тела и первичным осмотром был совсем небольшим.

Я глянул на наших следователей, уже торопливо что-то строчивших в блокнотах, но они, видимо, успели получить соответствующие инструкции от Йена, поэтому ближе, чем на пять шагов, к трупу не подошли. И амулеты свои мне под нос не совали.

Уже не особенно прислушиваясь к тому, что говорил патрульный, я обошел тело, одновременно ища следы и в этом, и в потустороннем мире. Затем наклонился над трупом, провел тыльной стороной ладони по мертвенно-бледному лбу, коснулся плотно закрытых век. Потом отступил, внимательно огляделся ещё раз и знаком показал Лизе и Тори, что они могут заниматься своими делами.

Девчонка при этом просияла и тут же склонилась над трупом, а мой коллега, поколебавшись, полез в карман за «очками» и, почти как я недавно, принялся кружить по переулку.

– Личность убитого пока не установили, – тем временем продолжал докладывать патрульный. – Вещей при нем никаких не было. В лицо его никто не опознал. Карманы брюк тоже были пустыми. А пальто и сапоги, скорее всего, сперли бродяги – их тут немало шарится по ночам…

– То есть, версию убийства ради ограбления дежурный маг посчитал маловероятной? – уточнял Норриди. – И естественные причины смерти, я так полагаю, он тоже исключил?

Патрульный кивнул.

– В ауре убитого обнаружены следы воздействия магии. Причем, характер и интенсивность магического следа позволяет с высокой степенью вероятности предположить ее умышленное

использование. Дежурный маг посчитал, что для нищих бродяг это чересчур сложно. Хотя ограбить мертвеца им, конечно, ничто не помешало.

Оттеснив следователей, один из которых продолжал что-то старательно записывать, а второй выудил из-под куртки непонятного назначения артефакт и наставил его на труп, я вышел из проулка и взглянул на фасад дома, возле которого нашли мертвеца. После чего вернулся к патрульному и поинтересовался:

– Кто проводил первичный осмотр тела?

– Господин Шоттик, – повернулся ко мне блондин. – У нас всего два штатных мага на участке: Шоттик и Херьен. Сегодня дежурил именно Шоттик.

– А где его можно найти?

– Дык он все здесь осмотрел, сказал, что дело – ваше, и уехал.

– И давно? – прищурился я.

– Да как закончил, так и запрыгнул в кеб. У нас за ночь еще семь краж на участке было, вот он и помчался по другим адресам.

– По инструкции, он должен был дождаться нашего специалиста, прежде чем передавать дело в УГС, – нахмурился Йен.

– Да, но у него смена как раз закончилась, – неловко кашлянул патрульный. – И раз уж вы все равно здесь со своими людьми, то я, пожалуй, тоже пойду.

Я вопросительно взглянул на Норриди, то тот, к моему удивлению, неохотно кивнул, что означало – разговаривать со свидетелями, заканчивать осмотр места происшествия, заниматься транспортировкой тела и остальными формальностями, которые обычно брала на себя городская стража, нам придется исключительно своими силами. Да-да, вшестером, хотя у той же стражи на подобные вещи народу выделялось почти в два раза больше. Но, по-видимому, порядки в столице несколько отличались от того, что было у нас в Верле, и с этим приходилось мириться.

– Что скажешь, Арт? – спросил Йен, когда блондин козырнул и отбыл восвояси.

Я поморщился.

– Ты зря его отпустил.

– Кого? Патрульного?

– Да. Этим делом должны заниматься не мы.

Норриди нахмурился.

– Хочешь сказать, дежурный маг что-то напутал?

Вместо ответа я поманил пальцем скромно стоящую в сторонке девчонку, которая с нескрываемым интересом

прислушивалась к разговору.

– Лиз, скажи-ка нам, что ты здесь видишь?

Девчонка послушно взглянула на труп и приосанилась, как первокурсница на экзамене.

– Ну, тело принадлежит мужчине лет сорока – сорока пяти. Судя по внешности, он коренной алториец. Неплохо развит физически, с хорошим достатком, но определенно не маг, о чем свидетельствует отсутствие на теле метки Ордена. Смерть произошла в результате воздействия неизвестного заклинания. Вот только господин патрульный немного напутал, мастер Рэйш: у убитых не бывает аур, поэтому изменений в ней дежурный маг обнаружить не мог. Однако на теле действительно сохранились следы магического воздействия, от которого больше всего пострадал мышечный корсет, что вызвало непродолжительный… судя по степени затвердевания мышц, порядка четверти свечи… паралич. В том числе дыхательной мышцы, что, вероятно, и привело нашу жертву сперва к потере сознания, а затем и к гибели.

Я одобрительно кивнул.

– Время смерти определить сможешь?

– На глаз, около полуночи или чуть раньше. Точнее смогу сказать после использования полного цикла диагностических заклинаний.

– Хорошо. А у тебя какие мысли по этому поводу, Тори?

Паренек, до этого задумчиво теребивший повязанный на шею черный платок, бросил в мою сторону удивленный взгляд.

– Следы воздействия магии я тоже заметил, но пока не могу ничего сказать по поводу ее источника.

– Что тебя смутило?

– Поблизости нет следов убийцы, – твердо сказал Тори, глядя мне в глаза. – Как нет признаков использования маскирующих заклинаний. То есть, или жертву убили в другом месте, а затем притащили сюда, причем это сделал явно не тот, кто убивал. Или же имело место воздействие на жертву неизвестного артефакта, что еще больше затрудняет нам поиск.

– Если это был артефакт, то где он? О дистанционном воздействии можешь не говорить – следов использования магии на домах нет, а значит, воздействие было нацеленным.

– Может, у убийцы был подельник?

– А ты здесь чьи-нибудь следы видишь? – вкрадчиво осведомился я.

Тори удивленно вскинул брови, снова схватившись за «очки», но тут в разговор снова вступила Лиз.

– Я вижу, мастер Рэйш. Судя по остаточным эманациям аур,

не так давно в переулке побывало пятеро посторонних. Господина Шоттика я знаю, и господина патрульного тоже не считала. Так что, скорее всего, часть следов принадлежит детям, которые нашли труп, но, возможно, кто-то из тех, кто приходил сюда до них, похитил одежду жертву и артефакт.

– Как думаешь, в столице много людей не в курсе, что расследованием подобных дел занимаются маги Смерти? И много ли среди них найдется дураков, которые рискнули бы оставить свои следы на месте преступления? Да, и еще меня интересует, что вы думаете насчет перстня жертвы?

– Какого перстня? – удивилась девчонка.

Я легонько пнул мертвеца под локоть, чтобы стала лучше видна его правая рука. А точнее, изящная, холеная, принадлежащая явно не простому работяге кисть со скрюченными пальцами.

– На среднем пальце полоска незагорелой кожи – наша жертва носила кольцо или перстень. Средняя фаланга неестественно выгнута – значит, палец сломали, чтобы снять дорогую вещь. Какие отсюда следуют выводы, господа и дама?

– Мужику не повезло, – вполголоса уронил один из следователей, но перехватил мой взгляд и осекся. – Простите.

– Что он вообще делал в этом районе посреди ночи? – задумчиво проговорил другой. – Одежда не самая дешевая, руки ухоженные, а умер в грязном переулке, будто для этого не нашлось места поприличнее…

– И в лицо его никто не узнал, – нейтральным тоном заметил я. – Даже дети, которые всегда замечают всех, кто хоть как-то выбивается из общего фона.

– То есть, жертва жила не здесь? – уточнила Лиз.

– Скорее, он вообще не местный, иначе не гулял бы посреди ночи в этом районе, – кашлянул Норриди, а затем обвел глазами сотрудников. – Но даже если он проживал в городе, отрабатывать все равно будем все версии. Лиз – зафиксируй все на кристаллы, чтобы нам было потом с чем работать. Брил, займись опросом жильцов из близлежащих домов. Может, кто-то из них что-то слышал или сумеет опознать жертву. Торн, проверь все постоялые дворы в радиусе квартала и выясни, не пропадал ли у них постоялец. Если да, то узнай, когда он прибыл и сколько еще планировал остаться в городе. Если нет, то придется просить доступ у городской стражи в их картотеку. Тори, от тебя требуется проверить все следы, которые есть в переулке на случай, если у убийцы действительно был подельник. Может, хотя бы бродяг найдем, которые рискнули оставить жертву без вещей. Арт…

Я скептически поджал губы.

– Ты не хочешь пригласить сюда городскую стражу?

– Пока не вижу повода. Но даже если ты прав, то прежде, чем вернуть дело, мы должны предоставить доказательства. И, поскольку пугать потенциальных свидетелей я тебе не позволю, то, будь добр, помоги Тори.

Я пожал плечами. Помочь-то не проблема, хотя я предпочел бы провести это время с большей пользой.

– На темную сторону ходить умеешь? – спросил парня, когда Йен, раздав указания, отправился вместе с Брилом опрашивать жильцов, а остальные разошлись по своим делам.

Тори угукнул, удивив меня этим донельзя.

– Конечно. Уже с год как.

– Хм. И далеко видишь?

– Шагов на десять-пятнадцать.

Так мало?! Впрочем, он совсем ещё пацан, опыта нет совсем, да и вряд ли Фол облагодетельствовал его так же, как некоторых.

– Хм. Не хочешь взглянуть на нашего жмурика поближе?

Паренек на мгновение растерялся, словно не ожидал, что я приглашу его с собой. Но быстро собрался, поправил печатки, которые, как и я, носил не снимая, и сосредоточенно прикрыл глаза, начав постепенно истаивать в воздухе.

– Кто тебя учил? – спросил я, дождавшись, когда он полностью исчезнет. И перешел во Тьму сразу за ним, остановившись шагах в десяти.

От звука моего голоса Тори вздрогнул и обернулся. Совсем какой-то бледненький, с черными кругами под глазами и почему-то глядящий на меня, как на моргула. Хотя броню я благоразумно спрятал под плащом, да и секиру на свет божий не вытаскивал, а если и прикрыл нижнюю часть лица маской, то сугубо из соображений безопасности.

– М-мастер Р-рино… – заикаясь, пробормотал юный маг, по моему примеру прикрывая нижнюю часть лица платком, который носил на шее.

– Не знаю таких, – поморщился я и отгородил нас от соседних домов целой сетью сигнальных знаков. Тьма или нет, но о кукле я не забыл и не горел желанием наткнуться на тварь в самый неподходящий момент. – А стажировку ты где проходил?

– З-здесь же. В Управлении. Т-только на северном участке был. И немного в центральном.

– Понятно…

– А это з-зачем? – посиневшими губами выдавил парнишка, когда такую же сеть из знаков я набросил сверху, прикрыв наши головы.

– Не люблю, когда тараканы за ворот сыплются. Посмотри-ка на следы.

– Чего на них смотреть? Это ж обычные гули! – удивился Тори, когда я махнул в сторону видневшихся на стене и на земле вокруг тела глубоких царапин. – Н-наверняка за душой приходили. Они всегда так д-делают, когда кто-то умирает. Все надеются, что и им перепадет.

– Верно, – согласился я, изучая труп с темной стороны, однако даже при взгляде из Тьмы на нем ничего нового не появилось. Скрюченное тело, ни малейших признаков насилия и лишь слабое свечение вокруг головы и туловища, подсказывающее, что перед смертью на мужика кто-то истратил нехилый заряд магии. Деталей, которые были видны Лиз, я, к сожалению, не различал – не та специализация. Но не сомневался, что мужик помер именно так, как она сказала – от удушья. – Куда бродяги делись, можешь сказать?

Тори поправил сползающий с носа платок и с сожалением покачал головой.

– Нет, я так далеко не вижу.

– Ладно. Тогда давай прогуляемся.

– Куда?!

– Что значит куда? По следу.

– А вы разве можете отличить след ребенка от следа взрослого?!

Я опустил взгляд вниз, где на припорошенной снегом земле совершенно четко отпечатались следы двух пар детских ботинок, а рядом так же четко были видны ещё три вида отпечатков. Причем, если детские, дойдя до места, где был обнаружен труп, тут же поворачивали обратно, то взрослые протоптали снег вокруг тела значительно глубже. И, оставив после себя хорошо утоптанную полянку, уходили дальше по переулку, исчезая за поворотом.

Хм. Еще одна польза от линз. Знал бы раньше, что они будут так полезны на темной стороне, вообще бы никогда не снимал. А сколько я бы времени сэкономил на расследованиях в Верле… эх!

– Идем, – с сожалением вздохнул я, попутно оглядываясь в поисках луж. Нигде таковых, к собственному удивлению, не нашел и только после этого отправился на поиски воришек.

Тори, шмыгнув носом, поспешил следом, но вскоре я заметил, что он отстал. Вроде и ногами перебирал шустро, и было очень похоже, что парень действительно старался. Однако когда я дошел до поворота и обернулся, юный маг Смерти едва-едва преодолел половину пути и пыхтел так, словно на его плечах лежали целые горы.

– Тяжело? – нахмурился я, увидев, с каким трудом ему дается каждый новый шаг.

– П-просто х-холодно очень. И видно совсем плохо.

– Сколько времени ты обычно проводил на темной стороне?

– П-пару ударов сердца, – неохотно выдавил Тори, и я молча ругнулся, досадуя, что не догадался спросить сразу.

Рано ему было разгуливать по этому миру. Это меня Тьма принимала за своего, а юного мага Смерти она выпьет досуха, потому что защиты от нее у мальчишки не было.

Правда, стоило отдать Тори должное – когда я предложил ему вернуться, парень лишь упрямо набычился. По темной стороне он шел, словно путник против сильного ветра – наклонившись вперед и низко пригнув голову. Однако все-таки шел. И, зная, каких усилий ему это стоило, я мысленно поставил мальчишке плюсик.

– Держись за мной, – посоветовал я, когда он наконец-то приблизился. Тори устало кивнул, но внезапно поскользнулся на ровном месте и не упал лишь потому, что успел вцепиться в мое предплечье.

– Какой вы х-холодный… – клацнул зубами он, с трудом выпрямившись и поспешно разжав пальцы.

«А ты горячий, – озадаченно подумал я. – Неправильно это для темного мага. Живым нельзя долго находиться на темной стороне».

Свернув на соседнюю улицу, я ещё несколько раз проверял, не свалился ли по пути юный упрямец. Но Тори теперь шел шагах в семи от меня и выглядел чуточку бодрее, чем поначалу. Губы у него, конечно, стали почти черными, зубы отчетливо постукивали, слой инея на ресницах приобрел угрожающие размеры, однако глаза посверкивали не столько упрямством, сколько любопытством, поэтому уговаривать мальчишку вернуться я не стал – каждый маг сам должен определить для себя черту, за которую не стоит переступать.

Тори пока держался.

Пройдя дальше по улице и свернув еще пару раз, мы очутились во дворе заброшенного дома, где следы троих бродяг расходились в стороны. Две пары отпечатков тянулись в подвал, кое-как оборудованный для жилья, а третья уверенно направилась на второй этаж.

– Стой спокойно, – велел я Тори и, без труда вытащив нас обоих в реальный мир, двинулся первым делом именно к подвалу. Можно было, конечно, сделать все это тише и быстрее, но я поостерегся долгое время оставаться на темной стороне, и не рискнул бросить мальчишку одного, несмотря на то, что в округе

не было ни подозрительных луж, ни нежити.

Само собой, при нашем появлении двое нищих, одним из которых оказалась давно не мытая, благоухающая изысканными «ароматами» дама, перепугались до смерти, завидев наши шевелюры. Долго не могли понять, что нам от них понадобилось. Неопрятный и такой же смердящий мужик что-то лепетал и все время испуганно кланялся, попеременно косясь то на Тори, то на меня. Забившаяся в угол баба тихонько всхлипывала и время от времени начинала жалобно подвывать. Но когда до нее дошло, что нам нужна лишь чужая одежда, нам ее тут же и предоставили – добротные кожаные сапоги с модными отворотами, справный камзол и теплое шерстяное пальто, которое эти двое уже умудрились не только запачкать, но и порвать.

Расспросы долгое времени не заняли – напуганная до икотки парочка даже не подумала скрывать, что прошлой ночью обобрала мертвого мужика. Правда, до их прихода он, оказывается, не лежал на земле, а просто сидел у стены, обняв колени руками. То, что можно было с него стянуть, они добросовестно сняли, а вот стащить штаны и рубаху не смогли – мужик к их приходу уже окоченел, а ломать ему руки и ноги нищие постеснялись. Вернее, их просто-напросто спугнул пробегавший мимо прохожий, поэтому нам и не достался раздетый донага труп.

Насчет кольца я тоже оказался прав – его забрал третий мужичок, которого мы с Тори нашли в одной из комнат второго этажа. Забравшись под ворох старых тряпок, нечесаный и нещадно воняющий бродяга спал, пока мы его не разбудили. Но, в отличие от подвальных «соседей» причитать не стал, хотя испугался не меньше, и, не успел я задать вопрос, как он трясущимися руками протянул массивный золотой перстень.

– Что скажешь? – вполголоса сказал я, показывая его Тори.

Посиневший от холода мальчишка хлюпнул носом.

– Мне кажется, или он магический?

– Не кажется, – усмехнулся я, знаком предлагая взглянуть на кольцо через «очки». А когда пацан послушно натянул на нос прибор и тихо ахнул, я с удовлетворенным видом убрал находку в карман.

– Ну и что? – сварливо осведомился Йеной, когда мы с Тори вернулись… а путь обратно в реальном мире занял несколько больше времени, чем по темной стороне… и предоставили ему доказательства. – Это ещё ни о чем не говорит!

Лиз, оглядев перстень, прикусила губу.

– Простите, шеф. Но перстень не просто магический – это «кольцо сна».

– То, что используют при бессоннице? – блеснул знаниями Йен.

– Не только. Оно очень полезно, когда надо не просто уснуть, а сделать это, например, быстро или на определенный срок. Например, если простому служащему надо выспаться перед важной встречей. Или студенту перед экзаменом. А то и королевскому гонцу, у которого мало времени на отдых.

– Но наш мертвец не похож на служащего или студента.

– Да он и на гонца-то откровенно не тянет, – пробормотал все еще зябко кутающийся в пальто, отчаянно мерзнущий Тори. – Однако это не значит, что перстень он носил для красоты.

– Ну хорошо, – сдался Йен, искренне не понимая, почему молодежь так огорчена находкой, а я, напротив, нагло скалюсь ему в лицо. – Пусть это то самое «сонное кольцо». Чем это нам поможет?

– У таких колец есть побочный эффект – если пользоваться ими слишком часто, у человека нарушается режим сна. Иногда вообще становится невозможно заснуть без артефакта. А порой после его использования бывает очень трудно проснуться, – тихо добавила девушка, и вот тогда до Норриди стал о наконец что-то доходить.

– Посмотри на его лицо, – счел нужным добить его я. – Смотри, какие круги под глазами, дряблые веки, морщины… мужик безумно устал, и у него явно были проблемы. Кем он был и чем занимался, уже не важно – главное, что он пришел сюда по делам. Кого-то ждал. Может, за кем-то следил… кстати, надо бы отправить запрос Корну – пусть поищет, не был ли он нашим коллегой. Важно то, что прошлой ночью беднягу не вовремя сморило. И, поскольку накануне он слишком часто пользовался кольцом, то в самый ответственный момент, когда наш жмурик решил просто сесть и на пару мгновений прикрыть глаза, то… уснул. И больше не проснулся.

– Хочешь сказать, его никто не убивал?! – дрогнул Йен. – И нам не надо было начинать расследование?! Искать свидетелей, опрашивать очевидцев… это все – работа впустую?!

– Я говорил тебе об этом с самого начала.

– Откуда же тогда окоченение?! И паралич?!

– По ночам все ещё довольно холодно, господин Норриди, – виновато потупилась Лиз. – А изменения в мышцах при низких температурах очень схожи с теми, что бывают при параличах. Мы это на целительском деле проходили. Простите, что я направила вас по ложному следу. Мастер Рэйш был прав – этим делом должна заниматься городская стража.

– Ты ещё молода, – машинально отозвался Йен, напряженно о

чем-то раздумывая. – Тебе простительно путать некоторые вещи.

– Ей – да. А как насчет дежурного мага? – вкрадчиво уточнил я.

И вот тогда на лицо Норриди набежала легкая тень.

Глава 11

– Жрать хочу, – проворчал я, плюхнувшись на единственный стул в кабинете Йена. – Зря ты уперся – надо было бросить труп сразу, как только стало ясно, что он не наш. А не заканчивать с опросом жильцов, составлять протокол и не заниматься всем тем, чем изначально должна была заняться городская стража и ее начальник, который отвечает за действия своих людей перед бургомистром.

Йен, повесив на вешалку пальто, только отмахнулся.

– Если все начнут делать то, что должны, лишь наполовину, ничего хорошего УГС это не принесет. Поэтому дело я передам городской страже, когда наши ребята принесут все отчеты. Жольду и его парням останется лишь установить, кем был тот мертвец, и какого демона он прошлой ночью болтался по нашему району.

Я поморщился.

– Я бы предпочел задать пару вопросов Шоттику, но до завтра этот хорек не появится. А Жольду надо подсказать, чтобы проверил своего мага на компетентность.

– Ладно, не шуми, – вдохнул Норриди, наконец-то усаживаясь за стол. – Я, честно говоря, тоже проголодался, но боюсь, что в трактир нам послать некого. Следователи заняты, магов отправлять как-то неловко, а Чета здесь нет. Эх! А ведь толковый мальчишка. И сколько всего успевал сделать по мелочам, пока остальные были заняты!

– Хм, – кашлянул я, неожиданно вспомнив про неудачливого воришку из храма. – А у тебя вообще есть вакансия для помощника следователя или ещё какая-нибудь мелкая должность, чтобы кого-то нанять?

Йен уныло кивнул.

– Объявление в «Столичный вестник» я ещё вчера подал, но пока никто не рвется помогать городскому сыску. Да и оклад, если честно, для столицы смешной.

– А если я найду человека, примешь его на подработку?

– Да я хоть демона готов принять, если он согласится перекладывать бумажки и исполнять мелкие поручения.

– Ну, демон не демон… – я прислушался к себе и активировал поставленную на Сеньку метку. – Посмотрим, что из этого получится. Но, по крайней мере, сегодня за обедом нам будет кого послать в трактир.

Спустя полсвечи дверь кабинет распахнулась, и на пороге возникла озадаченная до крайности Лиз, за спиной которой

неуверенно мялся чумазый, скверно одетый и воровато озирающийся мальчишка.

– Шеф, тут беспризорник какой-то объявился. Я его в коридоре поймала. Говорит, что ему надо к вам.

Я махнул рукой.

– Это ко мне. Пусть зайдет.

– Дя-а-аденька маг! – при виде меня с невыносимым облегчением выдохнул Сенька и потер лоб, на котором пылала моя метка. – Что же вы делаете-то, а? Нельзя ж так с людьми. Знаете, как оно жжется?!

– Знаю.

– Вы же обещали, – обиженно хлюпнул носом пацан, а потом покосился на Йена и совсем уж уныло протянул: – Все-так сдать меня решили, да? Но я ничего даже сделать не успел. Дяденька следователь, честное-пречестное… клянусь, я не виноват!

Норриди скептически оглядел лохматое недоразумение.

– Арт, ты уверен, что это хорошая идея?

– Нет, – ухмыльнулся я. – Но ты искал замену Чету. Я ее нашел. А уж соглашаться на такой вариант или нет – дело твое. Главное, помни – если меня не накормят здесь, я уйду обедать к себе. И когда именно вернусь, никто не знает.

– Нечего меня шантажировать. Эй, мелкий… как там тебя… зайди в кабинет и закрой дверь. Лиз, спасибо. Мы сами разберемся.

Девчонка, взмахнув длинными косами, развернулась и, подмигнув сжавшемуся мальчишке, ушла. А Сенька, получив недвусмысленный сигнал от метки, неохотно перешагнул через порог, явно находясь в полной уверенности, что как только за ним захлопнется дверь, мы тут же набросимся на него и сожрем. По крайней мере, глаза у него были большими-пребольшими, и, если бы не поводок, он удрал бы отсюда так быстро, как только смог.

– С этого дня ты будешь исполнять приказы вот этого господина, – сообщил я, указав на скептически изучающего будущего сотрудника Йена. – Подчиняешься ему и беспрекословно, ведешь себя с сотрудниками вежливо, не врешь, не воруешь и изо всех сил стараешься нам понравиться. За работу тебе заплатят. Не мешок золота, конечно, но семью прокормить сможешь.

Сенька почти в ужасе уставился на Йена.

– Что?! Работать на сыскарей?!

– Это – твоя плата за доставленное мне беспокойство, – спокойно известил его я. – Если по истечении месяца господин Норриди скажет, что ты отработал весь срок честно и без

нареканий, я избавлю тебя от метки. Если он сообщит, что ты схалтурил, носить тебе ее до конца своих дней. Понял?

– Да, господин маг, – понурившись, выдавил пацан.

– Отлично. Тогда сходи на первый этаж, умойся, а потом возвращайся сюда. У нас для тебя есть первое и очень ответственное задание.

Проводив Сеньку взглядом, Йен состроил совсем уж кислую гримасу.

– Если ты хочешь, чтобы он на меня работал, пусть сперва почистит одежду и причешется.

– Дай ему задаток, – посоветовал я. – И похлопочи заодно, чтобы ему выделили форму.

– Да? А если он сбежит и с задатком, и с формой?

– Ему некуда бежать. При активном поводке я могу определить его местонахождение с точностью до десятка шагов.

– Хм. А зачем ты повесил на него поводок? – полюбопытствовал Йен.

– За дело.

– За какое?

– Слушай, тебе заняться нечем? – удивился я, поднимаясь со стула. – Отчеты сами собой написались и уложились в папку? Или, может, ты надеешься, что за сегодня больше никаких происшествий не случится?

Норриди скорчил еще одну гримасу.

– Тебе, между прочим, тоже придется написать рапорт. Подробный. И желательно побыстрее, потому что я хочу закончить с трупом до обеда, а на тебя за несвоевременную сдачу могу наложить немаленький штраф.

– Тьфу на тебя, – расстроился я. – У меня первый рабочий день, а ты уже штрафами грозишься.

– На том и стоим, – довольно оскалился шеф. – Свободного кабинета у меня, правда, нет, но можешь сесть вместе с Тори. Форму отчета он тебе покажет – она немного отличается от той, к которой ты привык. Ну а когда закончите, так и быть, я тебя покормлю.

– Имей в виду: голодный маг опасен для общества, – на всякий случай напомнил я.

Йен только отмахнулся. После чего я все-таки ушел заниматься скучной бумажной работой, которая, как водится, никому, кроме работников архива, окажется не нужна.

* * *

С бумагами я закончил примерно через две свечи, но дело начальнику городской стражи мы в тот день все равно не отдали, потому что Лиз и Тори еще не до конца освоились с отчетностью, особенно по тяжким преступлениям. И если бы не артефакты, которые Йену удалось выбить для своих сотрудников, мы и до утра могли не управиться.

Я, если честно, вообще таких артефактов раньше не видел, поэтому не пожалел времени, чтобы разобраться, как они работают. И приятно удивился, узнав, что теперь нам не надо было детально описывать место преступления – вместо этого приборы фиксировали все происходящее на специальные кристаллы, которые затем можно было просмотреть на стоящем в кабинете следователей устройстве. Что интересно, снимок получался настолько четким, что можно было рассмотреть даже очень мелкие детали. Более того, при правильной настройке прибор мог фиксировать даже ауры. А если вставить в прибор такую же линзу, какая имелась в «очках», можно было получить картинку с темной стороны, что было огромным прогрессом для городского сыска и отличным подспорьем в нашей работе.

Правда, когда мы наигрались с приборами и принесли уже готовые документы Йену, оказалось, что господин Диран Жольд – начальник городской стражи западного участка, изволил свалить из Управления и возвращаться до утра не собирался. Так что дело осталось лежать в кабинете Норриди, следователи и маги занялись вчерашними кражами, а я, предварительно оставив Йену свой адрес, отправился домой. Отдыхать. И дочитывать книги, которые принес этим утром в Алтир, рассудив, что мотаться в Верль каждую ночь нерационально. Тем более, когда в доме есть собственный схрон.

Ночь, как ни странно, прошла спокойно. К обеду мы ждали очередного визита портного, чтобы примерить вещи, которые он клятвенно пообещал пошить к завтрашнему дню. Однако, когда я закончил завтракать и, понимаясь на третий этаж, по привычке бросил взгляд в окно, и без того не слишком радужное настроение испарилось, будто его и не было, потому что снаружи нас ждал очередной сюрприз.

– Она что, издевается? – мрачно осведомился Нортидж, взявший за правило провожать меня утром из столовой до кабинета.

Я не ответил, но похожая мысль крутилась и в моей голове тоже. А все потому, что этой ночью проклятая кукла в очередной раз нас навестила, но вместо того, чтобы подбросить новые трупы, решила поменять местами старые. И, утащив во Тьму большинство шуршей и слизней, выложила на земле идеальный

полукруг из гулей, обращенный основанием к дому.

Причем, если бы дело ограничилось только этим, я бы, может, отмахнулся и забыл. Но под образованной телами дугой кукла аккуратно уложила друг напротив друга еще два трупа, с безупречной точностью изобразив не что иное, как метку принадлежности. Ту самую, которая буквально вчера пылала на лбу многострадального Сеньки.

– А вот это уже становится интересным, – пробормотал я, оглядев художества твари и убедившись, что ошибки нет. – Она определенно за мной следит, но почему-то не нападает.

– В каком смысле, хозяин? – удивился дворецкий.

– Да если б я знал…

Спустившись на улицу и, перейдя на темную сторону, я внимательно оглядел окрестности, но кукла и сегодня осталась себе верна, поэтому на глаза так и не показалась. Хотя, судя по беспокойному поведению собак, находилась где-то поблизости и наверняка следила за моей реакцией.

– И что тебе надо, а? – вполголоса бросил я во Тьму. – Какого демона ты таскаешься за мной по всему городу? Да еще соришь под моими окнами, будто больше заняться нечем?

Тьма, как и следовало ожидать, не отреагировала. Однако когда через полсвечи я снова выглянул в окно, никаких гулей там уже не было. Лишь виднелись вдавленные в землю отпечатки чужих тел, а рядом впервые за несколько дней появились знакомые восемь отметин. Как наглядное подтверждение того, что насчет куклы я догадался правильно.

Правда, спокойно подумать над этой проблемой мне не дали – всего через четверть свечи к нам пожаловал зануда-портной, подвергнувший нешуточному испытанию мое терпение. А после того, как господин Вилли Рант нас наконец-то покинул, у ворот дома нарисовался казенный кеб, и оттуда выскочил чем-то ужасно взбудораженный Сенька.

– Мастер Рэйш! – замахал руками он, стоило мне показаться в окне. – Господин Норриди срочно вызывает вас в Управление! Мастер Рэ-э-эйш! Вы меня слышите?!

– Ну вот, началось – проворчал я, выйдя из кабинета и знаком велев попавшейся на глаза горничной… не помню, как там ее звали… принести мои шляпу и плащ. – И почему у Йена все и всегда оказывается срочно?

При виде вышедшего вместе со мной дворецкого нетерпеливо подпрыгивающий у ворот Сенька почему-то оторопел. И все время, пока призрак следовал за мной к воротам, на ходу выслушивая распоряжения, пацан смотрел на него широко раскрытыми глазами, будто это зрелище было из ряда вон

выходящим. И лишь когда кеб тронулся с места, он с трудом оторвал взгляд от растворяющегося в воздухе призрака и посмотрел на меня с возросшим уважением.

– Ого. Я и не знал, что маги так могут!

– Мы много чего умеем, – рассеянно отозвался я. – Только не всегда используем.

К сожалению, расспросить Сеньку о причине столь срочного вызова, оказалось невозможным: пацан и сам только ничего не знал. Сказал только, что около четверти свечи назад в Управление поступила информация о всплеске темной магии где-то на южной окраине нашего участка. После чего Йен поднял всю команду по тревоге и спешно выехал на место преступления, а пацана отправил за мной, наказав привезти как можно скорее.

Судя по всему, на этот раз дело и впрямь было серьезным, потому что кеб несся по улицам с такой скоростью, словно за ним гнались демоны. На поворотах его отчетливо заносило, поскрипывающий экипаж то и дело угрожающе раскачивался и пару раз находился буквально на волосок от опрокидывания. Вторя испуганному писку Сеньки и моей ругани, сидящий на козлах хрипатый кебмен бесцеремонно орал на не вовремя решивших перейти дорогу прохожих. Несколько раз я слышал истошный женский визг и возмущенные мужские крики, но, к счастью, мы так никого и не зашибли. А всего через десятую часть мерной свечи кебмен с громким «тпру-у!» остановил распаренную лошадь, доставив нас на пересечение Седьмой и Четырнадцатой улиц в Ремесленном квартале, где к тому времени уже толклось непривычно много народу.

О том, что дело плохо, я догадался уже по тому, что среди толкущихся на улице людей не было ни одного постороннего. Рослую фигуру Нельсона Корна тоже заметил – начальник столичного сыскного Управления возвышался над остальными почти на голову. А его светлая аура сияла на порядок ярче, чем у магов, кого уже успели сюда подтянуть, и тех, кто ещё только выбирался из беспрестанно прибывающих кебов или без предупреждения выныривал с темной стороны.

Навскидку я насчитал около тридцати светлых и почти дюжину темных магов, по тревоге вызванных со всех близлежащих участков. Все они как один носили визуализаторы и выглядели до крайности встревоженными. Светлые уже вовсю сновали между домами, без предупреждения выламывая двери, вышибая окна и без особых церемоний вытаскивая и выталкивая оттуда растерянных, ничего не понимающих жильцов. Темные, которых легко можно было отличить по кожаным плащам и закрытым платками лицам, мгновенно рассредоточивались по

округе и огромным кольцом охватывали стоящий на перекрестке дом, при виде которого у меня волосы на загривке встали дыбом.

Нет, на первый взгляд он не выглядел жутко или угрожающе – в реальном мире это было вполне симпатичное, недавно покрашенное, купающееся в густой зелени двухэтажное здание, которое совершенно не походило на обитель зла. Будь я обычным человеком, прошел бы мимо и испытал разве что мимолетное чувство тревоги, заставившее ускорить шаг.

Однако на темной стороне с домом творилось нечто невообразимое. Тьма сгустилась над ним так плотно, что я не мог разглядеть ни стен, ни крыши. Она клубилась вокруг него, словно гигантская змея, закручиваясь в тугие черные кольца. Живая, подвижная, рассерженная донельзя, она гневно вскидывалась, стоило только кому-то неосторожно приблизиться. Рассерженно вспыхивала, то и дело пытаясь дотянуться до чужаков когтистыми лапами. А как только непрошеные гости отдалялись, вновь накрывала дом тяжелым плотным колпаком, поверх которого стоящие на улице маги торопливо сплетали громадную сеть из защитных заклинаний высшего порядка.

– Что происходит?! – выдохнул я, подбежав к Корну, напряженно следящему за темной стороной через «очки».

– Рэйш? – нахмурился маг, даже не повернув головы. – Молодец, что пришел. Вставай в круг. Сегодня нам понадобятся все силы. Надеюсь, лишних жертв удастся избежать, но, если светлые не поторопятся, весь квартал вскоре будет усеян трупами.

– Да в чем дело-то?! Чья это работа?!

– Не знаю. Мы не заходили внутрь. И отец Гон сказал, чтобы мы даже не пытались.

– Отец Гон? – замер я, мгновенно припомнив темного жреца из храма. – Что с ним?

Корн, наконец, повернулся и, одарив меня сумрачным взором, неохотно сказал:

– Настоятель внутри. Пытается ЭТО остановить. Но я совершенно не уверен, что у него получится.

И вот тогда я осознал, что уже видел нечто подобное. Не далее как полгода назад, в Верле, когда волей обстоятельств одна маленькая девочка по незнанию вызвала гнев темного бога. Тогда это была случайность. Некстати потревоженная частичка божественной плоти, ныне надежно укрытая от посторонних взоров внутри древнего храма. Но что могло случиться сейчас, если Тьма вновь стала похожа на рассвирепевшего зверя? И кто посмел разгневать ее настолько, что она была готова убивать всех без разбору? Причем желании это было столько велико, что даже могущественный жрец… а чин настоятеля являлся высшим в

храмовой иерархии… оказался не в силах ее успокоить?

Вопрос о том, каким образом столь высокий сан мог достаться темному жрецу, я оставил на потом. Но при этом был уверен – если уж отец Гон явился сюда лично, значит, и впрямь случилось что-то плохое.

– Рэйш, ты куда?! – крикнул Корн, когда я развернулся и быстрым шагом направился к дому. – Стой, кретин! Тьма тебя убьет!

Я вместо ответа рывком ушел на темную сторону и, нацепив обе линзы, не без содрогания взглянул на проклятый Фолом дом.

Да, это действительно было похоже на проклятие – точно такое же, что разгневанный бог едва не наложил на Верль. Тогда я, правда, видел гораздо меньше, чем сейчас, но сочащуюся из-под стен и зло шипящую, неистово кричащую на все голоса Тьму ни за что и ни с чем бы не перепутал.

Кто-то внутри этого дома рискнул вызвать гнев темного бога.

Какой-то болван посмел нанести владыке ночи смертельное оскорбление.

А поскольку Фол не шибко любил разбираться, кто именно нагрешил, то его гнев был склонен распространяться на всех, кто окажется рядом. На своих. На чужих. На правых и виноватых. Просто за то, что не предотвратили святотатство. Не захотели, не успели или попросту не смогли.

Полнясь дурными предчувствиями, я приблизился к дому вплотную и едва успел отшатнуться, когда от стены выстрелил широкий черный «лизун» и попытался ударить меня в грудь.

Однако…

С досадой отступив назад, я предпринял еще одну попытку войти, но и на этот раз Тьма не пожелала расступиться. Не узнала меня. А может, была слишком рассержена, чтобы делать скидку на наше давнее знакомство. Более того, меня едва не хлестнуло выросшей прямо из стены когтистой лапой. Но лишь когда она, прочертив в земле глубокие борозды, неохотно втянулась обратно в стену, я обнаружил, что Тьма не сама по себе отступила – что-то удерживало ее внутри. Делало чуточку медленнее и неповоротливее, чем обычно. Заставило отойти назад, а не разрастись еще на пару десятков локтей. И отпустить глупого мага вместо того, чтобы рвануться навстречу и заглотить его целиком.

– Отец Гон… – прошептал я, с опозданием догадавшись, что именно делал для города находившийся внутри жрец. А затем вскинул голову и сквозь разошедшиеся на мгновение черные облака успел увидеть на втором этаже окутанную Тьмой человеческую фигурку, которая из последних сил пыталась

перетянуть гнев темного бога на себе. Точно так же, как это однажды сделал я.

Более того, судя по тому, как поблекла аура, святой отец явно проигрывал эту схватку. Удерживая Тьму в доме, он не замечал, что темная сторона медленно, но верно затягивает его в себя. И если такому как я переход в потусторонний мир ничем особенным не грозил, то отец Гон был и оставался человеком. Да, помеченным Фолом. Да, хранящем в себе частичку его божественной мощи. Однако абсолютную защиту Фол дарил своим последователям лишь в пределах храма. Тогда как снаружи жрецы становились так же уязвимы для темной стороны, как и обычные люди.

О том, что случится, если здесь погибнет высокопоставленный темный жрец, думать очень не хотелось. Еще одно проклятие, мор, извержение вулкана или выпущенная на охоту Смерть… кто знает, чем обернется для столицы гибель настоятеля? Однако, насколько я успел понять логику Фола, сохранность древней шкатулки, как и жизнь одного-единственного жреца, ценились им гораздо больше, чем население целого города. И если мы не сможем уберечь отца-настоятеля, то все усилия Корна пойдут прахом, и нас развеет над развалинами Алтира еще до того, как Глава ГУССа додумается объявить полномасштабную эвакуацию.

Эх, была не была… все равно объяснять времени нет.

Глубоко вздохнув, я отошел на несколько шагов, а затем разбежался и буквально прыгнул в клубящуюся вокруг дома Тьму, лишь в самый последний момент создав темную тропу.

Меня ожидаемо обожгло. По спрятанной под плащом броне царапнули холодные щупальца. Лицо обдуло целым ураганом из колючих льдинок, но на тропе Тьма была практически бессильна. Поэтому, проскочив сквозь нее, я кубарем выкатился уже на втором этаже и как раз успел увидеть, как прямо на меня медленно, будто во сне, валится покрытый толстой коркой инея и совершенно неподвижный жрец, изо рта которого сочится легкое облачко пара.

Еще не успев толком сообразить что к чему, я подхватился с пола и уперся ладонями в спину отца Гона, не давая ему рухнуть навзничь. Руки жреца были разведены далеко в стороны, словно перед падением он пытался обнять весь мир… или же защитить его от божественного гнева. Покрытая ледяной коркой ряса хрустела под пальцами. Замерзшее до состояние сосульки тело, казалось, вот-вот рассыплется на куски… однако оно еще было теплым. Не таким горячим, как у Тори, но все же отец Гон был жив. Он все ещё боролся. И я, поднатужившись, уперся ногами в

пол, не позволяя ему выпасть на темную сторону окончательно.

Наверное, мне ещё никогда не приходилось испытывать такого напряжения, как тогда. Казалось, я держал не промерзшего до хруста человека, а гранитную глыбу, на которую сверху одна за другой… видимо, в довесок… упало ещё несколько тяжелых плит. Причем с такой силой, что от натуги у меня что-то хрупнуло в груди, в глазах помутилось, а в носу стало отвратительно мокро и горячо.

– Фол, тебе жертвую, – прохрипел я, почувствовав на губах привкус крови. А когда Тьма негодующе взвыла, с трудом повернул голову и так же хрипло гаркнул: – Он не твой, поняла?! И нечего тут орать!

Тьма от такой наглости аж поперхнулась, на мгновение прекратив выть, шипеть и причитать, как обычно. Давление наверху тоже ослабло, да и льющаяся из носа кровь свернулась, дав мне возможность нормально вдохнуть. Но размышлять, что и почему, было некогда, поэтому, поднатужившись, я все-таки вытолкнул полумертвого жреца в реальный мир. После чего с трудом выпрямился, потряс звенящей башкой и устало повторил:

– Он не твой. Фол сам решит, когда ему умереть.

Ошеломленно молчащая Тьма застыла, словно вздыбленная волна, запечатленная на холсте умелым художником. Все еще живая, почти разумная и внезапно расцветившаяся тысячами серебристых точек, которые то гасли, то заново вспыхивали в толще непроницаемо черной воды.

Сейчас она как никогда напоминала бескрайний, живущий своей собственной жизнью океан. Могущественный. Древний. Холодный, но отнюдь не равнодушный. И он смотрел на меня из бесконечно далекой глубины сотнями и тысячами глаз. Внимательно изучал. Сравнивал. А может, и раздумывал, что со мной сделать.

Длилось это всего один удар сердца, за время которого я успел за себя и порадоваться, и огорчиться, и на всякий случай передать Фолу большой привет.

А потом Тьма наконец приняла решение.

Поднявшиеся до потолка волны одновременно сдвинулись, окружив меня со всех сторон, как водяные валы – попавший в шторм корабль. На бесконечно долгое мгновение зависли над головой, словно давая время проникнуться этим пугающим зрелищем, после чего без предупреждения рухнули вниз. С шумом, грохотом и торжествующим воем, от которого моментально заложило уши. Но не расплющили, не раздавили за святотатство, а лишь заставили пошатнуться, вздрогнув от ощущения стремительно пропитывающего одежду холода. И,

окатив с ног до головы ледяным водопадом, с шумом плеснули на дощатый пол.

Правда, долго они там не задержалась – просочившись сквозь многочисленные дыры, Тьма проворно стекла вниз и исчезла в недрах первого этажа. Какое-то время оттуда ещё слышалось негромкое журчание, но потом затихло даже оно, и внезапно опустевший дом погрузился в неестественную тишину.

Ошеломленно выдохнув и с удивлением осознав, что еще жив, я машинально провел рукой по лицу и вздрогнул, обнаружив, что с пальцев стекают тягучие, похожие на ожившую ртуть капли. Затем помотал головой и, стряхнув с себя целый веер таких же сверкающих брызг, торопливо переступил ногами, под которыми стремительно исчезала большая лужа. Какое-то время пытался осознать, что именно сейчас произошло, но вовремя вспомнил, что в реальном мире остался замерзший до полусмерти человек, и поспешил вернуться к жрецу.

Ему, кстати, повезло – если бы не благословение Фола, Тьма обглодала бы его до костей за пару мгновений. Но даже с моей помощью ему пришлось несладко – когда я наклонился и тронул его за похолодевшую руку, отец Гон едва мог шевелить губами. Дышал он тяжело, с видимым усилием проталкивая воздух сквозь перехваченное спазмом горло. Помутневший взгляд казался расфокусированным. А голос был таким хриплым, словно святой отец успел не один раз его за сегодня сорвать.

– Рэйш…

– Лежите, святой отец, – озабоченно сказал я, сняв с левой руки перчатку и дотронувшись до его лба. Кожа жреца все ещё была холодной и покрытой мелкими кристалликами льда, которые только-только начали таять. – Вам бы в тепло. Давайте я вас отнесу.

– Нет, – просипел отец Гон. – Помоги встать.

Я нахмурился, но когда жрец ухватился ледяными пальцами за мое предплечье, все же помог. Придержал. Затем поискал глазами стул, но тот стоял слишком далеко, и к тому же на нем что-то лежало. Поэтому я усадил едва держащегося на ногах служителя на первое, что попалось под руку – на старый, окованный металлическими полосами деревянный сундук. После чего прислонил тяжело дышащего мужчину к стене и вздрогнул, когда тот открыл глаза и, взглянув на меня совершенно ясным взглядом, сказал:

– Брат Лотий был прав – ты принес во Тьму свет. И чтобы ни случилось, этот свет не должен погаснуть.

Я озадаченно промолчал.

Ну и к чему он это сказал? И как это следовало понимать? Я

же не светлый маг. Тем более не святой. Так при чем тут моя Тьма и чужой свет?

– Сегодня произошло святотатство, – так же тихо добавил жрец, с силой сжав мою руку. – Убили одного из наших, Рэйш.

– Кого? Жреца? – вздрогнул я. – Темного?!

Отец Гон тоскливо покосился на стоящий у окна стул, и я только сейчас заметил, что на нем кто-то сидит. Вернее, не сидит, а уже полулежит, не подавая признаков жизни. И, поскольку я все ещё смотрел на Тьму через Тьму, то воспринимал лишенное жизни тело не как человека, а как ничем не примечательный предмет интерьера.

Запоздало избавившись от правой линзы, я подошел к мертвецу и сжал челюсти, обнаружив, что на стуле и впрямь находится жрец. Причем не простой, а обритый наголо, как все последователя Фола. В разорванной от горла и до самого паха, насквозь пропитавшейся кровью рясе. На лбу у него после смерти проступила метка в виде перевернутого острием вниз кинжала, которую темный бог оставлял всем своим последователям, а на левой стороне груди зияла огромная дыра – жутковатая, с торчащими наружу осколками ребер и застывшими внутри сгустками крови.

Похоже, святому отцу кто-то вырвал сердце.

И, судя по тому, что владыка ночи был готов сравнять с землей всю столицу, эта смерть в планы Фола никак не укладывалась.

– Его звали отец Кан, – прошелестел из противоположного угла комнаты отец Гон. – Как правило, мы не доверяем такие дела сыскарям: трудности храма не должны ложиться на чужие плечи. Но в этом деле замешаны не обычные люди – у отца Кана забрали не только сердце, но и душу. Поэтому я прошу тебя, брат: помоги!

Глава 12

К тому времени, как в комнату поднялся Корн, отец Гон уже пришел в себя, полностью оттаял и мог нормально говорить.

Как выяснилось, около половины свечи назад, по Тьме, которую темные жрецы ощущали намного лучше магов, прошло нехорошее волнение, как всегда случалось, если из жизни раньше времени уходил темный жрец. Каким образом настоятель узнал, что это отец Кан, нам, естественно, не сообщили, но, вероятно, между последователями Фола существовала некая связь, позволявшая даже на расстоянии определить, кому из них требуется помощь.

Являлось ли это привилегией почитателей владыки ночи, или же подобное умение было доступно и светлым жрецам тоже, я не знал. Но так или иначе отец Гон всполошился, сразу же отправил служку в ГУСС и в ближайший участок заодно, который по стечению обстоятельств находился под управлением Йена, а сам кинулся на помощь собрату. Но, к сожалению, не успел. И прибыл в злополучный дом в тот самый момент, когда душа отца Кана уже покинула тело, а хранившаяся в нем частичка божественной мощи вырвалась в мир и едва не стала причиной локального катаклизма.

Стоило отдать отцу Гону должное – он оказался не только мудрым, но и очень мужественным человеком. Пойти вопреки воле собственного бога, даже зная о том, что Фол, мягко говоря, не совсем прав… на это далеко не каждый верующий решится. Что уж говорить о служителях. А то, что сделал для города святой отец, попадало не просто в категорию самопожертвования, а вполне могло сойти за подвиг.

– Я благодарен вам за помощь, святой отец, – хмуро сказал Корн, когда жрец закончил недолгий рассказ, а маги осмотрели тело и дали предварительное заключение. – Божественный гнев – не та вещь, последствия которой я хотел бы лицезреть у себя в городе. Но меня интересует другое: кто убил вашего брата? Вы видели кого-то или что-то, что могло бы помочь нам в расследовании?

Я тоже вопросительно уставился на отца Гона.

В реальном мире следов присутствия убийцы не было – пока мы ждали подкрепления, я успел обойти дом и убедиться, что ничего необычного в нем не осталось. Ни отпечатков сапог, ни орудия убийства. А на темной стороне некстати разгулявшаяся Тьма стерла абсолютно все следы, которые мог бы оставить убийца. И это – одна из немногих причин, по которой темных

магов обычно допускают к месту преступления последними.

– Боюсь, что нет, – огорчил нас святой отец. – У меня не было возможности уделять внимание деталям, так что я вряд ли смогу вам помочь.

– Мы осмотрели дом, – кратко сообщил возникший в дверях незнакомый маг, когда Корн ненадолго задумался. – Все чисто, шеф. Ни следов, ни костей, ни крови. Даже падальщиков поблизости не осталось.

– Проверяйте соседние, – так же хмуро бросил Корн, и маг, кивнув, бесшумно исчез. После чего начальник ГУССа повернулся в мою сторону и ещё более хмуро бросил: – А теперь я хочу услышать твою версию.

Я, не растерявшись, так же хмуро ответил:

– Рапорт будет через две свечи.

– Детали, Рэйш. Немедленно, – недобро прищурилось руководство, прямо-таки нутром чуя, что я пока не готов предоставить правдивые сведения. Но пока я напряженно раздумывал, как много лишнего успел сегодня увидеть Корн и его люди, меня неожиданно выручил отец Гон.

– Боюсь, это моя вина, что мастер Рэйш поступил столь опрометчиво, – сообщил служитель Фола, виновато улыбнувшись. – Это я его сюда призвал.

Я от такого заявления чуть не поперхнулся, а у Корна вытянулось лицо.

– Вы ЧТО сделали? Воздействовали на моего мага?!

– Это был жест отчаяния, – не моргнув глазом подтвердил жрец. – Отец Кан являлся достойным последователем Фола, и удержать доставшуюся ему в дар божественную силу оказалось нелегко даже мне. Я ведь не маг. И уж тем более не бог, хотя вниманием Фола, хвала Тьме, не обижен. Тем не менее, даже мне понадобился человек, способный удержать нас обоих вдали от темной стороны. А с мастером Рэйшем мы на днях познакомились в храме – он привез в Алтир добрые вести от наших братьев с окраины. Поэтому, заметив поблизости знакомую ауру, я счел возможным применить дарованное мне Фолом умение, благодаря чему господин Рэйш некоторое время не мог в полной мере себя контролировать. Мне бесконечно жаль, что пришлось прибегнуть к крайним мерам, господин Корн, но поверьте, это был единственный способ уберечь город от Тьмы. Приношу вам свои искренние извинения за этот инцидент.

При виде покаянно склоненной головы отца-настоятеля у Корна на скулах заиграли желваки.

– Извинения принимаются.

Я благоразумно смолчал, хотя до этого дня даже не

подозревал, что темные жрецы способны воздействовать на разум. А когда отец Гон выпрямился, я вопросительно приподнял бровь, молча интересуясь, зачем он солгал. Но настоятель лишь кротко улыбнулся и, прежде чем уйти, так же кротко добавил:

– Благодарю за участие в делах храма, господин Корн. Я очень надеюсь на скорейшее выяснение обстоятельств этого дела.

– Не волнуйтесь, святой отец, контроль за ним возьмет на себя главное сыскное Управление Алтира, – мрачно отозвался Корн. – Я лично прослежу за ходом расследования.

– Если от храма понадобится помощь, мы готовы оказать ее в любое время. И да, мастер Рэйш… раз убийство произошло на вашем участке, вероятно, именно вы будете вести дело. И, поскольку у вас наверняка появилось множество вопросов, я буду ждать вас у себя в келье для беседы… скажем, завтра около полудня. А теперь господа, позвольте откланяться.

– Само собой, у меня масса вопросов, – пробормотал я, провожая взглядом удаляющегося жреца. – И с каждым мгновением их становится все больше. Кстати, Корн, а разве мы не должны задержать его для дачи показаний?

Начальство недовольно поджало губы.

– У служителей храмов, тем более высших чинов, масса привилегий. Собственно, даже если бы убийцей оказался он, мы не смогли бы его обвинить. Для этого существует храмовая стража. Нам повезло, что он вообще соизволил что-то рассказать. И если тебе удастся вытянуть из него дополнительные сведения, я буду сильно удивлен.

– Вы что, действительно собираетесь взять меня на это дело? – удивился я.

– Ты и так в него вляпался по самое не могу. Так что я на время снимаю тебя с западного участка – пока не разберемся с убийством жреца, будешь работать в моей команде. Приказ о переводе подготовят сегодня же. И да, пусть тебя осмотрит целитель.

– Зачем? Боитесь, что после вмешательства жреца у меня мозги начнут работать набекрень?

– Судя по тем отчетам, что я получил сегодня из Верля, тебе это уже не грозит, – буркнул Корн. – Но все равно проверься. Может, хотя бы запомнишь, что когда звучит приказ «стоять!», надо стоять, а не лезть на рожон, как голодный козел – в огород!

Я фыркнул.

– Ваши обвинения несостоятельны, Корн. Вы же слышали отца Гона – у меня было помрачение сознания.

Серые глаза мага недобро блеснули.

– Надеюсь, память оно тебе не отшибло, а подробный рапорт

появится у меня на столе в течение ближайшей свечи.

– И почему начальство везде одинаковое? Всех только бумажки интересуют… – пробормотал я, когда маг направился к выходу. – Эй, Корн!

Маг, уже стоя на пороге, неохотно обернулся.

– А у вас в городе в последнее время, случаем, куклы не пропадали?

Брови Корна взлетели высоко вверх.

– Какие ещё куклы?!

– Обыкновенные. Тряпичные. Красивые.

– У тебя точно было помрачение сознания, – убежденно произнес маг и, покачав головой, все-таки ушел. А я озадаченно поскреб в затылке и, пользуясь тем, что никто не слышал, пробормотал:

– Значит, скоро начнут. И тогда ты сам придешь ко мне с этим дурацким вопросом.

* * *

Когда с формальностями было покончено, и тело отца Кана, наконец, увезли, я спустился на первый этаж и, щурясь от блеска всевозможных артефактов, притащенных сюда сотрудниками Корна, вышел на улицу.

В доме делать было абсолютно нечего – внутри толклось слишком много народу. Темные маги, светлые маги, прибывшие по тревоге патрульные, спешно организующие оцепление, чтобы сотрудникам Корна никто не мешал… Маги Смерти, натянув на физиономии одинаковые черные платки, целой толпой бродили по темной стороне и тщетно пытались отыскать следы убийцы. Некросы скрупулезно исследовали первый этаж и подвал в надежде, что хотя бы там что-то осталось. Светлые ходили по соседним домам, опрашивая соседей и заодно выясняя, не нужна ли кому-то помощь целителей. Ну а простые смертные, которых с каждой свечой становилось все больше, суетились снаружи, развив настолько бурную деятельность, что посреди всего этого бедлама было совершенно невозможно находиться.

К тому же, оказалось, что после гибели жреца эманации Смерти были настолько сильными, что в доме напрочь отказывались работать магические устройства, так что следователям пришлось описывать место преступления по старинке – вручную. Заодно перерисовывать на бумагу особо важные детали, фиксировать расположение мебели и при этом долго, с чувством материться.

Вознамерившись прогуляться по соседним улицам, пока все не утихнет, я свернул за угол и буквально через пару шагов наткнулся на удрученного Йена, готовящегося забраться в кеб.

– Эй, ты чего такой кислый? – удивился я.

При виде меня Норриди обернулся и скорчил недовольную гримасу.

– А каким я должен быть? Такое дело попалось интересное, а его забирают в ГУСС. Корн даже слушать ничего не захотел, потому что это, видите ли, не наш уровень!

– Хочешь сказать, ты был готов расследовать это дело своими силами?

– Конечно!

– Ты ненормальный, – резюмировал я, мельком заглянув в экипаж и обнаружив, что команда западного участка восседает там в полном составе. Причем выглядит так же уныло, как и начальник. – Другие стараются дело посложнее спихнуть на плечи товарищей, а тебе все приключения подавай, загадки, интриги…

Норриди фыркнул.

– А какой интерес расследовать скучные кражи или выезжать по каждому чиху, который покажется городской страже магически усиленным?

– Да, ложные вызовы это, конечно, проблема, – я сочувственно похлопал его по плечу. – А вообще, можно еще разок поговорить с Корном. Наверняка ему понадобятся толковые сотрудники.

– До нас он не снизойдет, не надейтесь, – насмешливо бросил проходящий мимо маг. – Его люди – это ж отдельная каста. Да и снабжение у них не чета нашему. Так что остается только сидеть у себя в участке и ждать, когда великие и могучие сыскари из ГУССа торжественно объявят о закрытии очередного громкого дела.

Мы с Йеном одновременно обернулись.

Хм. Высокий, худой, сутулый, в форме городского управления стражи, да еще и с аурой светлого мага… я никогда прежде этого типа не видел. А вот Норриди, судя по выражению лица, был с ним знаком. Правда, ни малейшего восторга от данного факта не испытывал.

– Шоттик… тебе-то здесь что понадобилось?

Маг скривился.

– Как и вы – прибыл по тревоге. Но раз тут уже все оккупировали люди Корна, то я отбываю на другое место происшествия, откуда меня так не вовремя сдернули. Честь имею, господа.

Мы проводили уходящего мага глазами, а когда тот скрылся за поворотом, я повернулся к Йену.

– Это и есть тот тип, который нас вчера подставил?

– Шоттик – тот еще гад, – мрачно подтвердил Норриди. – Уже не первый раз скидывает на нас чужое дело.

– Что ж ты тогда Жольду не высказал пару ласковых?

– Я высказал. Еще утром. Но он заявил, что во всех случаях причины усомниться у дежурного мага были, так что формально наказывать его не за что.

Я прищурился.

– Хм. Подними-ка дела, где у Шоттика возникли «сомнения» по поводу несанкционированного использования магии, и не передавай пока Жольду последнее.

– Последнее я ему уже отдал, – с досадой отвернулся Йен. – Мы как раз из-за него сегодня и полаялись.

– Но копии-то у тебя остались?

– Само собой. Я же не дурак.

– Тогда я, пожалуй, загляну к тебе с утречка. Прям даже интересно стало, что ж это за маг, грешки которого начальник городской стражи готов прикрывать даже от УГС.

Обогнув Йена, я свернул за соседний дом и беспрепятственно нырнул на темную сторону. При этом царящий в реальном мире шум моментально затих, блеск многочисленных артефактов приглушился. Снующие туда и сюда люди стали похожи на безликих призраков, а я облегченно вздохнул.

Ну вот. Теперь можно нормально работать, а в дом отца Кана вернуться после того, когда оттуда уберутся люди Корна. Благо первичный осмотр я уже провел и мог не опасаться, что они затопчут улики.

Конечно, наилучшим вариантом было бы начать осмотр именно с эпицентра, а затем постепенно двигаться от него по спирали, чтобы ничего не пропустить. Но, как выяснилось, в соседних домах тоже бродили люди Корна – я слышал скрип потревоженных половиц и голоса… все же звуки на темной стороне разносились о-очень далеко. А потом и силуэты заметил – судя по всему, коллеги прочесывали территорию, как и предписывали правила: по двое. Один работал, другой прикрывал.

Если я не ничего не напутал, в окрестностях их должно было быть еще шесть… ну, может, восемь пар, если кто-то подтянулся позже. И, чтобы с ними не столкнуться, я предпочел начать осмотр с другого конца улицы, благо места на всех хватало.

По мере удаления от эпицентра я обратил внимание, что стены домов начали постепенно меняться. Нет, я и раньше

встречал опаленные, словно помеченные пламенем здания, в том числе и в Верле. Но впервые видел, чтобы осевшая на них сажа имела такой насыщенный цвет, поэтому, дойдя почти до конца улицы, все же решил вернуться к исходной точке, желая убедиться, что это не случайно.

Как выяснилось, догадка была верна, и рядом с домом жреца все близлежащие дома оказались покрыты жирным налетом абсолютно свежей копоти. Так, будто на перекрестке кто-то подорвал начиненную чернилами бомбу, и во время взрыва густую взвесь с огромной силой разбросало по окрестностям.

В итоге ближние дома оказались густо обсыпаны «чернилами» от фундамента до самой крыши. Чуть дальше сажи становилось меньше, и она виднелась лишь на тех стенах, что были обращены непосредственно на улицу. По мере удаления от перекрестка она все больше бледнела и чахла, становясь похожей на брызги из ближайшей лужи. И лишь шагов через двести окончательно сходила на нет.

Хм.

Отец Гон сказал, что немного опоздал, и к моменту его прихода брат Кан был уже мертв. То есть, заключенная в его теле сила уже успела просочиться наружу. Но если в реальный мир ей помешал вырываться отец-настоятель, то на темной стороне все равно жахнуло так, что здесь должна была земля содрогнуться.

Не удивлюсь, если окажется, что в реальном мире в это же самое время вдруг начали без видимых причин беситься домашние животные, у кого-то из жильцов прихватило сердце, а пара-тройка стариков внезапно решила испустить дух. Но если учесть, что божественная сила ударила по всем направлениям сразу, то на расстоянии, куда осела «сажа», не должно было остаться никакой нежити. Да и в реальном мире в пределах дома жреца не могло остаться никого живого.

Отсюда возникает вопрос: у кого хватило наглости поднять руку на служителя бога? Чужих останков в доме не было – я проверил, так что, получается, наш убийца – не человек? Но тогда почему его тела не было на темной стороне? Он что, испарился? Или улетел?

Если же допустить, что убийца пришел с темной стороны, то на ум приходят только два варианта – это или темный маг, или представитель высшей нежити. Жрецы в силу отсутствия возможностей выйти на темную сторону вне храма отпадают, хотя спросить у отца Гона все равно придется. Темные маги в столице все наперечет, к тому же, на каждом стоит регистрационная метка, следы которой даже после излияния божественного гнева было бы не так просто скрыть. А что касается нежити, то ни

вампиру, ни демону, ни моргулу не было нужды создавать себе сложности – их пищей испокон веков служили души, а не сердца. Да и не так-то просто демонам проникнуть в реальный мир, если, конечно, им кто-то или что-то не поможет.

Во второй раз дойдя до конца улицы, я перешел на соседнюю, вернулся по ней до злополучного перекрестка, но ничего нового не увидел. Затем таким же образом исследовал ещё три улицы, отходящие от площади перед домом отца Кана, как лучи от солнца, и своими глазами убедился, что «сажа» разлетелась по округе примерно на одинаковое расстояние.

Ладно, с этим понятно.

Если взять за рабочую версию, что убийцей все-таки была мертвая сущность, то, как вариант, она могла уйти и через «лужу». Так что надо будет сегодня же заглянуть в подвал и проверить, нет ли там подозрительных щелей или каверн.

Я, правда, сомневался, что нечто подобное обнаружится в жилище темного жреца, но тогда тем более странной кажется его смерть, и еще более непонятной выглядит причина, по которой неизвестный болван рискнул разозлить темного бога.

Дойдя до конца последней улицы, я ненадолго остановился на очередном перекрестке, но потом все же свернул в крайний дом и, убедившись, что нежити там нет, поднялся на крышу.

Сверху окрестности места преступления были видны как на ладони.

Вот тот самый дом, где недавно бушевала Тьма. Небольшая площадь перед ним и расходящиеся в разные стороны пять прямых, как стрела, улиц. Лежащий на крышах снег прекрасно подтверждал мои выводы, поскольку ближе к площади из-за осевшей сверху копоти он был абсолютно черным, а уже там, где стоял я, имел почти безупречный белый цвет, словно рядом с моими сапогами божественной дланью была проведена жирная черта. И тем, кто во время взрыва оказался внутри гигантского круга, можно сказать, не повезло.

Аккуратно ступив на каменный парапет, я прошелся по нему до самого края. Внимательно осмотрел соседнюю улицу и ведущий туда проулок, а затем смерил взглядом расстояние до ближайшей крыши.

Недалеко. При желании можно с легкостью перепрыгнуть.

Опасность заключалась в том, что под слоем снега нельзя было оценить степень сохранности черепицы. И, не зная, куда приземлишься, неосторожный прыгун рисковал переломать себе не только ноги, но и шею, особенно, если окажется, что под сугробами притаился полусгнивший люк.

Неожиданно уловив краем глаза какое-то движение, я

отпрянул от края крыши и развернулся, одновременно пригибаясь и выхватывая из Тьмы секиру. Боевую стойку принял рефлекторно – в отличие от местных коллег, напарника, способного прикрыть спину, у меня не было. Поэтому возникший на крыше соседнего дома маг Смерти вызвал в моей душе не чувство облегчения, а, скорее, настороженность.

Незнакомец стоял довольно далеко, шагах в сорока, и, чуть пригнув голову, внимательно меня рассматривал. Разметавшиеся на ветру длинные седые волосы не позволяли усомниться в принадлежности мага к нашей касте, а кожаные, плотно обхватывающие широкий торс доспехи и неестественно бледная кожа лишь подтверждали первоначальные выводы.

Единственное, что меня удивило – это то, что чужак не посчитал нужным прикрыть лицо платком, как все остальные. Однако деталей с такого расстояния я разглядеть не сумел, а проступившие под кожей черные вены меня нисколько не удивили.

– Кто ты? – спросил я, не торопясь опускать секиру.

Незнакомец молча поднял руку, показывая бляху сотрудника главного сыскного Управления. От моей она отличалась лишь наличием широкой красной полосы по верхнему краю. Так что сомневаться не приходилось – это был действительно коллега. Видимо, один из тех, кого Корн отправил проверять окрестные дома.

Поводов для беспокойства вроде не имелось, но я, наверное, слишком привык бродить на темной стороне в одиночестве, поэтому появление живого существа на уровне инстинктов воспринимал как нечто неправильное. Именно поэтому не убрал секиру, а лишь отвел ее за спину. И опустил лезвие, спрятав острый кончик в сугроб. Поэтому же я успел рывком его вздернуть, когда незнакомец в один миг оказался рядом. И привыкнув сперва рубить, а уж потом смотреть, совершенно машинально отмахнулся.

Черное лезвие, взметнув в воздух целое облако снежного пуха, без труда рассекло туловище мага, с отвратительным хрустом разрубив его где-то на уровне груди. Чужак от удара вздрогнул и, взмахнув длинными седыми космами, без единого звука завалился навзничь, обдав меня едва уловимым, смутно знакомым запахом, природу которого я не смог сразу определить. А я так же машинально стряхнул с лезвия алые капли, поменял стойку и только через целый удар сердца сообразил, что случайно убил человека.

Наверное, у каждого в жизни хотя бы раз случался непродолжительный ступор, когда где-то глубоко в душе ты уже

понимаешь, что совершил непоправимую ошибку, но разум отчаянно медлит с решением, словно надеясь, что в действительности ничего не произошло. Ты стоишь как дурак, непонимающе смотришь на то, что сделали твои руки, отчаянно пытается понять, как же оно могло получиться, но еще не до конца сознаешь последствия.

Какой-то жалкий миг, отделяющие тебя от паники. Всего мгновение. Ну, может, два, после которых жизнь изменится кардинально…

Так и я замер, растерянно глядя на распростертое тело и тщетно пытаясь осознать, что же в действительности натворил. А очнулся от ступора лишь тогда, когда неподалеку раздался пронзительный женский крик.

Глава 13

Мне понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, что кричат не с соседней крыши, как показалось поначалу, а откуда-то снизу. По-видимому, с улицы. Точнее, с первого этажа или из подвала одного из близлежащих домов.

«Значит, никто не видел, – бесстрастно заметил разум, когда я поднял голову и убедился, что свидетелей поблизости нет. – А раз нет, значит, доказать никто не сможет».

О том, как поступить с телом, я еще не придумал, хотя вариантов имелась масса, и в голове уже начали прокручиваться все возможные, от самых очевидных до откровенно невероятных.

Проблема заключалась в том, что с королевским правосудием я однажды уже сталкивался и не горел желанием снова попадать в те же самые жернова. Да и в справедливости вынесенного приговора мог с полным основанием усомниться. И даже если я смогу доказать, что смерть была случайной (*ну не мог я отреагировать иначе, когда кто-то попытался подкрасться со спины!*), ничего хорошего от Королевского суда ждать не приходилось, да и о работе в Управлении можно было сразу забыть.

Следовательно, предпочтение стоило отдать незаконным методам избавления от тела. Особенно с учетом того, что ему, в отличие от меня, уже все равно, что будет дальше. И только мысль о том, что труп никуда не сбежит, тогда как кому-то из наших могла требоваться помощь, заставила меня отложить решение этого важного вопроса на потом.

В последний раз взглянув на убитого мага, я так же бесстрастно отметил, что крови из раны вытекло совсем немного. Но время на темной стороне всегда жило по своим собственным законам, так что в действительности незнакомец мог еще какое-то время оставаться в сознании. А то и зубы скалить, как когда-то Ниро, до тех пор, пока за его душой не явится леди Смерть.

Впрочем, отводить с посеревшего лица белые пряди и внимательно его рассматривать, времени не было – услышав ещё один вскрик, перешедший в невнятные причитания, я развернулся и, создав тропу, переместился на крышу дома, откуда, как мне показалось, исходил шум.

Поскольку он находился в числе густо обсыпанных «сажей» зданий, встретить внутри нежить я не опасался. Сейчас наличие шума означало лишь то, что кричал живой человек. Точнее, женщина, которой сейчас было очень плохо.

Торопливо спустившись на чердак, а затем и на верхний этаж,

я пинком распахнул сперва одну, а затем и все последующие двери. Однако комнаты второго этажа оказались пусты, так что мне пришлось искать источник звука этажом ниже, а затем и в подвал спускаться, вход в который оказался замаскирован под частично отвалившейся панелью в стене.

Уже стоя на лестнице, я снова услышал приглушенный женский голос, настойчиво зовущий кого-то по имени, а затем и шум падающих камней. Но не насторожился, а напротив, успокоился, потому что шуметь на темной стороне мог только человек, тогда как нежить перемещалась практически бесшумно.

Первое, что я увидел, когда спустился вниз, было лежащее в углу неподвижное женское тело, одетое в знакомый кожаный доспех и наполовину прикрытое рваным плащом. Над ним, низко склонившись, сидела ещё одна женщина – стройная, в таком же кожаном наряде и с коротко стриженными, абсолютно седыми волосами. А чуть поодаль, прислонившись к стене, полулежало третье тело. Мужское. Безнадежно мертвое тело темного мага, из груди которого кто-то вырвал сердце так же, как и у отца Кана недавно.

– Триш? – осторожно позвал я, без особого труда признав в сгорбившейся девчонке бывшую ученицу Лойда.

Та вздрогнула и, ощетинившись каким-то невзрачным кинжалом, вскочила на ноги.

– Мастер Рэйш?!

Я подошел ближе, бегло взглянул на Триш, а затем и лежащую на груде камней женщину – ее новую наставницу, на щеке которой пламенели четыре безобразные раны от чьих-то когтей, а виске набухал здоровенный кровоподтек.

На свое счастье, леди была жива – обтянутая черной кожей грудь вздымалась ровно, лицо было бледным, но не мертвенным. Так что, похоже, ее просто качественно оглушили. Хотя, если бы удар пришелся не вскользь, изуродовав щеку, а чуточку ниже, то лежать бы ей с распоротым горлом. Или с пробитой грудной клеткой, как тот маг, в котором я с некоторым трудом признал неприветливого парня, что не так давно вместе с напарником-некросом приходил меня арестовывать.

– Что произошло? – нахмурился я, повернувшись к Триш.

Та вздрогнула и с некоторым опозданием, но все-таки спрятала оружие в ножны.

– Н-не знаю. Мы с наставницей отправились исследовать второй этаж. Крис сказал, что пойдет проверить подвал. Все было тихо, и я не слышала ничего подозрительного. Но когда мы закончили, Ларе показалось, что Крис слишком долго не выходит. И на крик он тоже не отозвался, поэтому мы решили проверить. Я

осталась у лестницы, Лора спустилась вниз. Но почти сразу она вскрикнула. Я побежала на шум и увидела… вот это.

Девчонка испуганно покосилась на мертвого парня.

– Но рядом никого не было, мастер Рэйш. Клянусь! Я… я даже не увидела, кто это сделал!

Я помрачнел. А потом подошел к парню вплотную и наклонился, чтобы осмотреть рану, но обнаружил, что кровь по краям не успела даже свернуться, и нахмурился ещё больше. А когда снял перчатку с левой руки и дотронулся до тела, то невольно вздрогнул – оно было еще теплым! То есть, с учетом того, насколько быстро здесь остывали люди, получалось, что парня убили буквально за мгновение до того, как его нашли! Быть может, он был ещё жив, когда его увидела Лора! Потом ее оглушили, убийца забрал сердце и скрылся, причем проделал это с воистину фантастической скоростью. Однако, если вход в подвал был всего один, но при этом ни Триш, ни я не увидели ничего подозрительного, значит, либо убийца – невидимка и просочился наружу, пока Триш занималась наставницей, либо он все еще здесь, а я настолько слеп, что не способен его обнаружить.

Я накинул темные линзы на оба глаза и на всякий случай ещё раз осмотрел подвал, но все было чисто. Действительно чисто – ни черных луж, ни царапин на стенах, ни отпечатков лап гулей, ни размазанной по полу слизи… вообще ничего! Кроме алых брызг на стене, возле которой был убит Крис, и на удивление небольшой лужи крови, от которой… что тоже невероятно… не вело к выходу никаких следов.

От нехорошего предчувствия у меня похолодело в груди, а потом я заметил, что с окровавленного воротника кто-то сорвал служебную бляху, и на мгновение замер, осененный жутковатой догадкой. А затем со всей возможной скоростью кинулся к лестнице, и уже с первого этажа, где Триш не могла меня увидеть, во весь голос гаркнул:

– Вон отсюда! И наставницу выводи! Живо!

Темная тропа привела меня прямиком на крышу. Правда, не на ту, откуда я ушел несколькими ударами сердца раньше – я хорошо помнил наставления Ниро и подставляться не собирался, – а на соседнюю, откуда хорошо просматривались окрестности.

Место, где я стоял, тоже было прекрасно видно – вон там остались мои следы. По краю парапета и чуть дальше, где я развернулся, чтобы ударить бесшумно подкравшегося коллегу. А вон там стоял он сам. Да, вот его отпечатки – две пары глубоко вдавленных в снег следов от сапог, вокруг которых я только

сейчас заметил щедрую россыпь багровых капель.

О том, что это за тип и как сумел приблизиться с такой невероятной скоростью, я в прошлый раз вопросом не задавался. И не подумал, каким именно образом он мог появиться на крыше абсолютно незаметно для меня. А, похоже, об этом стоило задуматься, потому что человек так быстро двигаться попросту не способен. А раз он не человек, значит, я правильно его убил.

От последней мысли на душе слегка полегчало. Но быстрый взгляд на то место, где я разрубил чужака, снова заставило меня напрячься.

Я хорошо помнил, где это случилось. Прекрасно видел, что в том месте ещё осталась небольшая лужица крови. Вот только тела там больше не было. Лишь примятый снег в том месте, где оно когда-то лежало. Ровная цепочка багровых капель, ведущая к краю крыши, и два совершенно четких отпечатка мужских сапог, оставшихся на парапете.

Полнясь дурными предчувствиями, я перепрыгнул на нужную крышу, но понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться – отпечатки были не моими. Более того, они выглядели точно так же, как и на первой крыше. Та же глубина следов, тот же рисунок на подошве… а значит, думать о том, что кто-то незаметно пришел и спер мертвеца в мое отсутствие, не приходилось.

Это что же получается, мужик очнулся, встал, собрал себя по кускам и спокойно ушел?!

Фол! Кого же я тогда разрубил?! И почему эта тварь выглядела так, что я даже вблизи не понял, что она в действительности не живая?!

Внимательно присмотревшись, я обнаружил, что под слоем снега рядом с тем местом, где лежала странная тварь, что-то виднеется. Бесформенный, похожий на окровавленную тряпку комок, поверх которого что-то подозрительно блеснуло.

Когда же я подошел и, стряхнув ладонью снег, взглянул на оставленный мертвецом «подарок», то невольно замер – передо мной лежало сердце… да, совершенно обычное человеческое сердце. Вот только с одного боку в него демонстративно воткнули сорванную с убитого мага бляху, а с другой кто-то столь же демонстративно откусил приличный кусок.

* * *

– Так, – Корн облокотился на стол, прикрыл глаза и сжал ладонями виски. – Хокк, повтори ещё раз: что именно ты

увидела?

Сидящая рядом со мной наставница и, вероятно, напарница Триш болезненно поморщилась.

По возвращении ей перевязали голову и наложили несколько швов на левую щеку, однако от доклада начальству ни рана, ни головная боль, ни рекомендации целителей ее не избавили. И как только стало известно, что у нас ещё один труп, все главное Управление поднялось на дыбы. В квартале Ремесленников случилась настоящая буря, которая, полагаю, не утихла до сих пор. А нас троих, включая Триш, сразу после беседы с прибежавшими на место происшествия следователями немедленно вызвали к Корну.

При мысли о погибшем парне Лора дернула щекой.

– Не знаю, шеф. Когда я спустилась в подвал, Крис стоял у стены, а над ним склонился этот… это нечто. Я даже не успела ничего толком рассмотреть, кроме того, что оно было очень похоже на призрака!

Я недоверчиво на нее покосился.

Какой призрак? Мужик был совершенно обычным! Морда, одежда… даже значок! Или наш убийца из той же категории, что и моргул? И умеет становиться материальным по собственному желанию?

– Он с тобой говорил? – не меняя позы, осведомился Корн.

– Нет. Я даже понять ничего не успела, как он схватил Криса за глотку и одной рукой вскрыл его, будто устрицу! Никогда такого не видела. Кровищей всю стену залило, словно из фонтана. А когда эта тварь отбросила тело в сторону, я… я растерялась, шеф. Сдуру крикнула. Тогда-то этот урод меня и увидел и сразу… прыгнул, наверное? Не поняла даже, что это было. Помню только, как щеку обожгло и как летела спиной вперед. Еще морду его помню полупрозрачную… когда он приблизился, я его все-таки успела немного рассмотреть. Но что было дальше, не знаю, потому что очнулась уже в реальном мире, когда подлатали целители.

– Триш?

– Я вообще ничего не видела, – тихо ответила она, когда Корн наконец отнял руки от лица и устало посмотрел на молодую сотрудницу. – Когда я прибежала, в подвале никого не было.

– Как могло получиться, что ты оставила напарницу одну?

– Я действовала по инструкции. Дом мы к тому времени уже осмотрели – предварительно с помощью визуализаторов, а затем и на темной стороне. Следов нежити нигде не было. Так что, когда Крис не ответил на условленный знак, мы не сильно встревожились. Но Лора все равно пошла проверить, что с ним.

Спустилась в подвал. Мне велела остаться у входа, на случай, если кто-то войдет или если Крис все же успел выйти на улицу. Почти сразу я услышала шум, прибежала на помощь, а там Лора лежит. И Крис… уже не дышит.

– Хокк, а почему он вообще оказался в вашей паре? – сухо осведомился маг, отставив удрученную девчонку в покое.

– Простите, шеф, – прикусила губу наставница. – Вы же знаете – Дертис не умеет ходить на темную сторону, а в одиночку там делать нечего. Вот Крис и напросился с нами, пока напарник был занят в доме жреца. Правила ведь этого не запрещают.

Корн тяжело вздохнул.

– Пока вы находитесь на виду друг у друга – нет.

– Вы правы, – виновато понурилась Хокк. – Но Крис же неуправляемый совсем… был. Я велела ему ждать у входа, а ему вдруг приспичило подвал осмотреть. Как он выразился: на всякий случай. Вдруг мы, когда приборы использовали, что-то пропустили? Идея, конечно, была так себе, но возвращаться назад, чтобы дать ему подзатыльник, мне показалось нелепым, так что – да, все правильно: это моя вина. И я готова понести наказание.

Но начальство неожиданно покачало головой.

– Если не Крис, то погиб бы кто-то другой. Или ты, или Триш, или кто-то из тех, кто еще оставался в тот момент на темной стороне. Рэйш, твое мнение?

Я перехватил тяжелый взгляд начальника главного столичного Управления и невольно посочувствовал мужику.

Два трупа за одно утро, причем оба убиты непонятной тварью с интервалом буквально в полсвечи, да ещё когда одной из жертв являлся сотрудник Управления, а мы до сих пор не только не поймали убийцу, но даже понятия не имели, что это за тварь…

Честное слово, Корну я не завидую. Когда о случившемся узнает пресса… а гибель жреца долго скрывать не удастся… его живьем сожрут. Если не высокое начальство, так обыватели. А если станет известно, что в городе орудует мертвый маньяк, с удивительной легкостью вырезающий сердца у живых, то в столице начнется такая паника, что хоть стой, хоть падай.

– Рэйш? – нахмурившись, повторил Корн, когда я не ответил сразу.

Я вздохнул.

– Боюсь, ничего нового я не добавлю, кроме того, что, когда я встретил эту тварь, она выглядела живее всех живых и была очень похожа на обычного темного мага. Цвет волос, глаз, даже то, как он реагировал…

Демон! Да он даже сквозь линзы воспринимался обычным

человеком! Хотя об этом я, разумеется, никому не докладывал.

– Но что-то же тебя насторожило, раз ты без разговоров всадил ему железку в брюхо? – еще больше нахмурился шеф.

Я ненадолго задумался.

– Разве что скорость, с которой он перемещался на темной стороне. Тот факт, что он, в отличие от всех остальных, не захотел закрывать лицо платком. И еще запах…

– Что за запах? – тут же насторожился Корн.

– Тварь пахла пылью, – наконец определился я с терминами. – Знаете, старым таким тряпьем, которое много лет пролежало в закрытом сундуке и которое вдруг задумали потрясти. Живые так не пахнут. Нежить, впрочем, тоже. А все непонятное на темной стороне меня учили сперва рубить, а уж потом смотреть, что это было.

Корн тревожно забарабанил пальцами по столу.

– И какие у тебя мысли по этому поводу?

– Убийство жреца, скорее всего, его рук дело. Один и тот же способ, вырванные сердца, похищенные души… ваш парень тоже ведь остался без души?

– Маги только что подтвердили, – сумрачно кивнул Корн.

– Тогда считайте, что убийцу мы знаем, так сказать, в лицо. Насчет того, почему он принял такой облик, ничего сказать не могу, как и о том, почему нам с Хокк он представился в таком разном виде. Но это не моргул. Точно. И я впервые видел, чтобы кто-то мог собраться воедино после того, как его разрубили на части, и после этого спокойно уйти, словно ничего не случилось.

– Если это нежить, то как она сумела добраться до жреца? – не поверила Триш. – С Крисом-то понятно – он находился на темной стороне. Как и мы. Но отец Кан? Он-то умер у себя в комнате!

– Не только маги умеют преодолевать границу между мирами, – ровно отозвалась ее наставница. – Демонам это умение тоже доступно. Правда, не всем и не везде. Наверное, как и другой высшей нежити. Да, шеф?

Корн задумчиво откинулся в кресле.

– Границы миров нередко истончаются сами по себе. В местах наибольшего скопления магической силы. В храмах. На старых капищах…

– Или просто в хорошо намоленном месте, – кивнула Хокк. – Жилище истово верующего жреца для этого вполне подходит, и какая-нибудь особо наглая тварь действительно могла до него дотянуться. Даже при отсутствии зеркал. Там и нужен-то был всего один удар. Но вряд ли обычная нежить рискнула бы разгневать темного бога. Они же все под Фолом ходят. Как и мы с

вами.

– Это уровень не просто нежити, а как минимум, демона, – прикусила губу Триш. – Но мы не могли втроем пропустить такую тварь – они всегда оставляют следы.

Лора покачала головой.

– После того, что творилось в доме и вокруг него, следов могло и не остаться. Меня больше интересует, как тварь сумела так быстро оттуда исчезнуть? Радиус воздействия Тьмы после смерти отца Кана был достаточно велик, пока отец-настоятель не ограничил его домом. И взрыв должен был произойти мгновенно, в момент смерти жертвы. Как убийца успел оттуда уйти?!

– Он использует темные тропы, – тихо сказал я, и коллеги одновременно обернулись. Но если на лицах Триш и Хокк проступило недоверие, то Корн моментально помрачнел.

– Прямые тропы? – переспросила девчонка, а когда я кивнул, растерянно переглянулась с наставницей. – Но, если книги не врут, они доступны очень немногим. Даже среди нежити. И тогда получается, это действительно кто-то из высших. Причем не самых слабых.

– На вампира он не похож, – покачал головой я. – Да и не жрут вампиры человечину. На моргула тоже не тянет – не тот уровень. Насчет демона… не знаю. Все, конечно, возможно. Но демона мы бы точно распознали с такого расстояния. Во второй-то раз прятать его следы было нечему – Тьма к тому времени уже успокоилась. А я их не увидел. Не почувствовал даже толики возмущения в пространстве. И до последнего был уверен, что наткнулся на своего.

– Так, – неожиданно стукнул ладонью по столу Корн. – Хокк, объявляй по городу «желтую» тревогу. Магам на темную сторону поодиночке и даже парами не ходить – только в присутствии второй двойки и не иначе. Никакой самодеятельности. Никакого шума в прессе. Известите городскую стражу, чтобы были начеку. Усильте патрули. На каждую подозрительную смерть выезжать немедленно, предварительно уведомив меня лично. Доклады по этим делам отправлять тоже мне, причем ежедневно, а при необходимости и чаще. Рэйш, тебя я временно закрепляю за парой Хокк и Триш. Старшинство остается за Хокк. И прошу вас, коллеги, соблюдайте осторожность – похоже, в городе объявился умрун.

Глава 14

– «Умрун – разновидность высшей нежити, относящейся, как и моргулы, к категории так называемых не классифицируемых сущностей, – громко и с выражением прочитала Триш, когда мы спустились в архив, и девчонка достала с полки какой-то древний справочник. – Сам по себе умрун нематериален, однако способен вселяться в мертвое тело и, таким образом, приобретать новые качества»…

– Какой только гадости в мире не водится! Сколько работаю, а про таких уродов впервые слышу, – проворчала из-за полок Хокк, у которой единственной из нас троих имелся соответствующий доступ. Триш, как следовало догадаться, была для этого слишком молода. А мне еще не успели его выдать.

– Умруны встречаются очень редко, – снова заглянула в справочник Триш. – Пожалуй, даже реже, чем демоны. Здесь говорится, что они нарождаются из неупокоенных духов, но при этом умрунам сперва надо несколько лет хорошо питаться, чтобы набрать силу и обрести способность вселяться в чужое тело.

– А «телу» при этом обязательно быть мертвым? – заинтересовался я, с комфортом устроившись за столом в ожидании, пока дух-служитель, исполняющий обязанности архивариуса, принесет документы.

Триш зашуршала страницами.

– Не знаю, мастер Рэйш, – наконец, сказала она. – Тут по этому поводу ничего не говорится. Но есть указание, что способности умруна во многом зависят именно от свойств занятого им тела.

Из-за полок раздался тихий присвист.

– Так вот зачем шеф велел поднять все дела о пропавших без вести магах за последние двадцать лет!

– И много там получается? – снова поинтересовался я, качнувшись на стуле и заглянув за ближайший стеллаж, от пола до потолка уставленный большими коробками.

Хокк, как раз пытающаяся снять с полки одну из них, раздраженно фыркнула.

– На день работы хватит.

– Для одного дня ты там больно долго копаешься.

– Так встань и помоги!

Я молча встал и, дойдя до напарницы, забрал у нее из рук тяжелую коробку. Затем так же молча ее унес, поставил на стол, снова вернулся… и так ещё двадцать заходов, потому что дух-служитель именно столько раз останавливался и указывал

полупрозрачным пальцем на нужные полки.

Уголовные дела в архиве, как это обычно бывает, были рассортированы по номерам, а номера, соответственно, сгруппированы в отдельные коробки. К примеру, с первого по сотый, со сто первого по двухсотый… и так далее. Соответственно, внутри каждой коробки находилось много «лишнего», и из него нам надо было выбрать именно те папки, которые требовались.

Дело осложнялось еще и тем, что, в отличие от моих духов, местный служитель не мог разговаривать или двигать материальные предметы. Да и внешне он больше походил на размытое белое облачко с руками, чем на нормального человека. Видимо, некросы поскупились на магию, когда его создавали. Однако человеческую речь архивариус понимал, умел довольно быстро перемещаться, скорее всего, был наделен какими-то защитными функциями, да и с остальными обязанностями вполне справлялся. Но что самое главное – он обладал безупречной памятью и помнил, где что лежит, начиная с самых древних, покрытых плесенью и давно забытых папок, и заканчивая самыми свежими делами, благодаря чему можно было сэкономить время на поисках.

– Спасибо, Рон, – поблагодарила Хокк, когда я поставил на стол последнюю коробку, а архивариус качнул верхней частью того, что заменяло ему тело, изображая поклон. – Ты нам очень помог.

Дух снова поклонился и, крутанувшись волчком, исчез, а Хокк вернулась к столу, подтянула поближе первую коробку и, стряхнув с нее пыль, приложила к имеющейся в верхней части магической печати свой перстень.

– Ну что, начнем?…

Как и ожидалось, на разбор бумаг мы угробили кучу времени. Коробки Хокк открыла сразу все, и каждый из нас взял себе сразу по несколько штук. Девушкам, разумеется, достались коробки поменьше и полегче, а мне как мужчине отдали те, что побольше и потяжелее. При этом большинство дел, в которых «повезло» копаться мне, были старыми и закрытыми за истечением срока давности. Соответственно, за ними толком не следили, и бумаги валялись как придется, так что их порой приходилось долго разыскивать и складывать по номерам, которые, хвала Роду, имелись в правом верхнем углу каждой страницы.

– Бардак, – бурчала Триш, когда в полной мере осознала размах предстоящей работы. – Вот не поленюсь, проверю журнал у дежурного и узнаю, кто в последний раз открывал эти папки, и пусть его премии лишат за такое обращение с документами!

– Долго искать придется, – рассеянно отозвалась Хокк, просматривая очередное дело. – В последний раз твою коробку открывали лет, наверное, сто назад. Рэйш, что у тебя?

Я задумчиво повертел в руках дело, на которое наткнулся примерно с полсвечи назад. Дело как дело, номер двести четырнадцать дробь семнадцать, о бесследном исчезновении дворянина, которое произошло около десяти лет назад. Как и многие другие, закрытое за истечением срока давности. Одним словом, ничего примечательного… если бы не выпавший из папки старый, потрескавшийся от времени портрет, при виде которого у меня на мгновение похолодела рука.

На потрете был изображен мальчишка лет девятнадцати, смазливый, голубоглазый и светловолосый. Из числа тех самоуверенных, избалованных вниманием сопляков, которые чуть ли не с рождения мнили себя выше остальных. Капризный изгиб рта, дерзко обрезанная челка, полный насмешки взгляд… неизвестному мастеру удалось на редкость точно подметить детали. И показать готовность юнца бросить вызов любому, кто осмелится сказать, что он не в состоянии завоевать мир.

Как говорилось в отчете, дворянчик был ошибочно обвинен в совершении тяжкого преступления, однако через два месяца, в связи с тем, что следствию все-таки удалось установить личность преступника, оправдан. Все обвинения с него были сняты, однако, покинув изолятор временного содержания, чудом избежавший плахи парень бесследно исчез, и до настоящего времени его местонахождение было неизвестно.

– Эй, Рэйш! – нетерпеливо спросила Хокк, когда я не ответил не вопрос. – Ты что, оглох?

Я закрыл папку и бросил на стол.

– Просто задумался.

Она бросила заинтересованный взгляд на дело.

– Нашел что-то важное?

– Вряд ли. О магии здесь нет ни единого слова, как и о связи с умруном. Кстати, у меня сложилось впечатление, что за последние годы в столице пропадали больше светлые маги, а из темных я нашел дела лишь на четверых. Но никого пока не опознал.

– У меня всего один, – вздохнула Триш и подвинула к моей папке свою. Совсем тоненькую и дряхлую.

– Плюс у меня двое, – подытожила результаты наших трудов Хокк. – Итого, семь потенциальных тел, которыми мог завладеть умрун. При условии, конечно, что маги были здешними, а эта тварь не прибыла сюда по темной стороне из какой-нибудь глубинки.

– А ты среди «своих» магов никого не узнала?

– Нет. Портреты пропавших вложены, но умруна я не увидела.

– Триш, дай-ка нам твое дело, – попросил я. А когда забрал протянутую девчонкой папку, и оттуда первым же делом вывалился листок с еще одним портретом, мы с Хокк одновременно воскликнули:

– Да вот же он!

И правда – с портрета на нас смотрел тот самый маг! Убранные в хвост длинные седые волосы, густые брови, грубоватые черты лица, тяжелый подбородок… вен под кожей, правда, не было видно, но даже я, видевший нежить совсем недолго, был уверен, что не ошибся.

«Умруном» оказался некий Шерин Войдо – маг Смерти, который без вести пропал в районе Северного порта столицы восемнадцать с половиной лет назад. Было ему на тот момент тридцать два года. Работал на северном участке. Ни жены, ни детей к моменту исчезновения не нажил. И даже напарника не имел, поскольку в те времена темных магов было удручающе мало, и патрулировать столицу им приходилось в одиночку. Да и маготехника была развита довольно слабо, так что рисковали наши коллеги намного больше, чем сейчас. Соответственно, время от времени их схарчивали на темной стороне, не оставляя даже костей.

Расследованием исчезновения Войдо занимался его коллега – мастер Ирвин Друсс. Дело он вел примерно с месяц, причем даже отыскал предполагаемое место смерти и нашел там же следы присутствия высшей нежити. От его лица также было написано прошение на имя начальника столичного сыскного Управления с просьбой организовать обыск складов, расположенных на территории порта. Но получил ли Друсс разрешение, было неясно, потому что после трех с половиной недель активных поисков он внезапно бросил расследование, и больше этим никто не занимался. А еще через два года дело об исчезновении Шерина Войдо перевели в разряд безнадежных «висяков» и, наконец, закрыли за отсутствием доказательств.

– Рон! – крикнула Хокк, когда прочитала последнюю страницу и пришла к тем же выводам, что и я. – Эй, Рон! Подними-ка документы на некоего Ирвина Друсса, что служил в Управлении лет восемнадцать-двадцать назад! Узнай, где еще он работал, кроме ГУССа, когда уволился, чем занимался после службы, и, если он ещё жив, то поищи его адрес! Триш, сходи, возьми у него коробку, а то у меня голова разболелась.

– У тебя повязка намокла, – нейтрально заметил я, когда

девчонка подхватилась на ноги и умчалась вслед за мелькнувшим среди стеллажей архивариусом.

– Не твое дело, – огрызнулась Хокк, и на этом вопрос с лечением мы посчитали исчерпанным.

К сожалению, магия светлых плохо работала на темных. На некросах просто похуже, а на таких, как мы с Хокк, и вовсе кое-как. Более того, полученные на темной стороне раны быстрее всего почему-то заживали при переходе с темной стороны в реальный мир, так что, по большому счету, Хокк в целителе не нуждалась.

Почему мы излечивались именно так, никто доподлинно не знал. Но один мой знакомый светлый однажды обмолвился, что в целительстве существует так называемый «эффект стазиса», при котором живое тело после непродолжительного пребывания в стазисе начинает работать намного эффективнее. И, соответственно, приобретает повышенную регенерацию. На короткое, само собой разумеется, время.

Существовало также мнение, что на темной стороне наши тела испытывали тот же эффект, что происходил с обычными людьми во время стазиса, а при возвращении в реальный мир этот стазис снимался. Так это или нет, я не проверял. Но склонялся к мысли, что знакомый был прав. Жаль только, что в пределах здания Управления Корн запрещал сотрудникам переходить на темную сторону, поэтому напарнице придется потерпеть до тех пор, пока мы не закончим дела в архиве.

– Кажется, нам не повезло, – озабоченно пробормотала Триш, вернувшись через четверть свечи с небольшой коробочкой, которую Хокк тут же и открыла. – Хм, тут всего три папки. Одна – досье на мастера Ирвина Друсса за то время, что он служил проверяющим в Регистрационной палате. Там всего два листка, и оба ни о чем, потому что работал он там всего два года. Второе – на мастера Ирвина Друсса, который проработал сперва простым дежурным магом, а затем получил звание мастера Смерти и прослужил в ГУССе почти десять лет. Наконец, третье – это дело, открытое по факту его смерти в тот же год, когда пропал и мастер Войдо.

Я встрепенулся.

– Дата смерти Друсса?

– Четвертое число седьмого месяца одна тысяча двести тридцать пятого года со дня основания Алтира.

Мы с Хокк переглянулись.

– Через месяц после исчезновения Войдо… Как он умер, Триш? – заметно напряглась Хок.

Девушка села за стол и, доставь самую тонкую папку,

вчиталась. А вскоре вздрогнула и подняла на нас ошарашенный взгляд.

– Бог ты мой…

– Что? – нетерпеливо привстала наставница. – В чем дело, Триш?

– Его убили, – тихо ответила девушка.

– Где? Когда? Кто?!

– В Северном порту. Только тело нашли не сразу.

Я насторожился.

– Да? И как же именно умер Друсс?

Триш сглотнула.

– Вы не поверите: ему вырвали сердце. А убийцу до сих пор так и не нашли.

* * *

– Хокк, у тебя повязка намокла, – первое, что сказал Корн, когда мы без стука ввалились в его кабинет, и решительно настроенная леди положила на стол подборку документов.

– Фол с ней, с повязкой. Шеф, вам надо на это взглянуть.

– Что-то по последнему делу? – нахмурил седые брови начальник ГУССа.

Хокк уперлась в стол обеими руками.

– Вы велели докладывать ежедневно, а при необходимости и чаще. Так вот, я считаю, что необходимость уже возникла. Читайте. И только попробуйте сказать, что я не права.

Отложив в сторону документы, которыми занимался до нашего появления, Корн одарил нашу троицу подозрительным взглядом, но и Триш, и ее жутковато выглядящая с намотанными на голову окровавленными бинтами наставница смотрели на него более чем серьезно. Да и я не видел повода для зубоскальства. Информация, которую мы нарыли в архивах, по отдельности не воспринималась как нечто недоброе, но, когда мы собрали все вместе, проверили и уже ближе к ночи убедились, что ошибки нет, даже неопытная Триш догадалась, что в столице происходит что-то нехорошее.

– Садитесь, – буркнул шеф, оглядев нашу троицу и убедившись, что уходить мы не собираемся.

Дамы послушно заняли два стоящих рядом стула, а мне, поскольку свободных мест не осталось, пришлось отойти в сторону и присесть на подоконник. Корн тем временем погрузился в чтение и на протяжении четверти мерной свечи в кабинете был слышен только шелест страниц и поскрипывание

кожаного сидения под шефом.

Наконец, Корн поднял глаза от бумаг и хмуро осведомился:

– Насколько это точная информация?

– Мы просмотрели все случаи бесследного исчезновения магов за последние два десятка лет, – сухо доложила Хокк. – Таких оказалось восемнадцать. Восемь из них были темными. Сведения о семерых мы нашли в общем разделе, а один в эту сводку не попал, поскольку был найден через несколько месяцев после предполагаемой даты убийства. Все маги исчезли из поля зрения Управления в интервале от восемнадцати до двадцати лет назад. Большинство были приезжими, двое – наши бывшие сотрудники. Один, как впоследствии выяснилось, был убит, причем тем же способом, что и отец Кан – ему вырвали сердце. По этой причине из списка пропавших мастера Друсса в конечном итоге исключили.

– После этого мы подняли все дела, где фигурировали жертвы с вырванными сердцами, – спокойно сообщил я. – Таких набралось чуть больше двадцати. Все – обычные люди без толики магических способностей, преимущественно малообеспеченные, одинокие и в большинстве случаев имевшие то или иное отношение к криминальному миру. О них, естественно, никто не беспокоился, заявлений от родственников в ГУСС не поступало. Не исключено, что погибших было гораздо больше, просто нам о них не докладывали. Те трупы, на которые в архиве все-таки завели дела, были найдены в различных районах города, однако чаще всего эти смерти списывали на разборки между бандами и на ритуальные убийства. Зато угадайте, в какой временной промежуток это произошло?

– От восемнадцати до двадцати лет назад, – тихо сказала Триш. – Затем подобных убийств в Алтире долго не было. И вот сегодня сразу две жертвы…

Хокк сумрачно кивнула.

– После этого мы решили поднять более старые дела и попросили у Рона документы за последние не двадцать, а пятьдесят лет – все, где упоминались или фигурировали жертвы подобные Крису или отцу Кану. Как думаете, что мы обнаружили?

Корн ненадолго прикрыл глаза.

– Тысяча двести пятнадцатый год от основания Алтира… семь жертв с вырванными сердцами… ни одного убитого мага. Убийца неизвестен. Тысяча двести шестнадцатый: ещё семь трупов, найденных в разных районах города с интервалом в один-два месяца. Убийца по-прежнему не найден. Одна тысяча двести семнадцатый – шесть трупов с вскрытыми грудными клетками. Плюс один без вести пропавший темный маг. После этого

Управление столичного сыска устраивает большую облаву на темной стороне, итогом которой становятся несколько сотен уничтоженных гулей, бесчисленное число мелкой нежити и один умрун. За его поимку Управлению пришлось заплатить жизнями четырех сотрудников и кратковременным магическим коллапсом в столице, случившимся из-за использования боевых темных заклятий. Тогда же я потерял своего первого наставника…

– Значит, вы знали об умруне, – спокойно заключил я, когда шеф устало опустил плечи.

– Догадывался. Но не был уверен, что тварь вернулась. Все-таки с тех пор много времени прошло, и в тот раз мы ее гарантированно уничтожили. А в случае со жрецом нельзя было исключить и ритуальное убийство. Если бы не Крис…

– Откуда вы знаете, что тот умрун был один?

– Умрун – редкая тварь. Опасная, но не очень прожорливая. Чтобы прокормиться, ему нужна в среднем одна душа в полтора-два года. При этом новорожденная тварь обычно слаба, поэтому ведет себя осторожно: сперва наедается впрок и впадает в некое подобие спячки. Лет на пятнадцать-двадцать, иногда больше. И лишь когда тварь окончательно дозреет, она выходит на охоту. Именно тогда умрун становится способен вселиться в человеческое тело и начинает перемещаться в поисках добычи.

– Но двадцать погибших сорок лет назад, ещё двадцать погибших двадцать лет назад… вам не кажется, что это похоже на цикл? И даже если вы стопроцентно убили первого умруна, то кто сказал, что он не успел создать себе товарища? В двести семнадцатом, если помните, пропал темный маг…

Корн одарил меня мрачным взором.

– Умрун может выбрать себе любое тело и приспособить его для собственных нужд. В нем он будет практически неуязвим, и для этого необязательно выбирать мага. К тому же, для неокрепшей твари встреча с магом Смерти может быть опасна.

– Зато в нашем теле твари будет гораздо удобнее, – буркнула Хокк.

– На темной стороне мы чувствуем себя как дома, – согласился я. – Мы видим, слышим и чувствуем Тьму гораздо лучше, чем некросы. Легко переходим с темной стороны в реальный мир, и для этого не нужны никакие заклинания – это наше природное умение, которое умруну очень бы пригодилось.

– Для него наше тело – идеальное вместилище, шеф. И мне очень не нравится, что двадцать лет назад наши коллеги стали пропадать в таком количестве.

– Умруны не живут стаями, – хмуро возразил Корн. – Для каждой твари нужны довольно большие охотничьи угодья,

которые они ревностно охраняют от посягательств.

– Да, но как-то они все-таки размножаются, – возразила Хокк. – И откуда-то все же берутся.

– Мы не знаем, каким именно образом это происходит.

– Может, они не жрут какую-то из похищенных душ, а каким-то образом ее преобразуют? И, пока первый умрун продолжает охотиться, она впадает в спячку, чтобы лет через двадцать окончательно созреть? – предположила Триш. – А может, умрун в действительности ест не столько сам, сколько носит неокрепшему умруненку? Ну, знаете, как родитель, который сперва выкармливает детеныша молоком, а когда у того прорезаются зубы, то и мясом? В смысле, душами? Вы ведь говорили, что обычно они едят по одному человеку в полтора-два года. Но у нас-то народу погибло в два раза больше!

Начальник ГУССа заметно вздрогнул.

– Что, если ваш первый умрун все-таки успел создать преемника? – закончила мысль Триш ее наставница. – Поэтому, когда одну тварь убили, вторая была слишком молода, чтобы питаться, а сейчас, когда она созрела, все повторяется?

– Но пропал не один маг, а семеро…

– Вот именно. И Войдо мы с Рэйшем видели собственными глазами… вернее, не его, а то, во что он превратился. Я считаю, что в прошлый раз убийства в Алтире прекратились лишь потому, что главного умруна вы действительно убили, поэтому некому было выкормить остальных. Но где гарантия, что детеныши сдохли? И что тот умрун, который все-таки выжил, не надумал их выкормить? Не зря же он так активно начал убивать. Двое за сутки, шеф! А что будет дальше?!

Триш поежилась.

– Страшно подумать, что произойдет, если через несколько лет у нас вместо одного умруна появится семеро. Или даже больше, если мы чего-то не учли.

Корн помолчал, а потом снова взглянул на меня.

– Что скажешь, Рэйш?

Я пожал плечами.

– Думаю, насчет тел Хокк права, и умруны в действительности редко встречаются не потому, что им трудно в кого-то вселиться – скорее всего, они предпочитают жить в телах темных магов. И не расползлись по миру лишь потому, что нас довольно мало, но при этом нас не так-то легко убить. Меня беспокоит другое – двадцать лет назад пропало сразу семеро наших… если помните, когда пропал первый темный маг, в Управлении поднялся шорох, была устроена целая облава… а потом – ничего. Семь человек исчезли. Шесть магов Смерти и

один некрос, но особой реакции от ГУСС не последовало. Почему, Корн? Вы, случайно, не в курсе?

– Я узнаю, – глухо отозвался светлый, которой, кажется, уловил мою мысль. – Что-то еще?

– Да. По какой-то причине смерти в то время прекратились. Облаву на умруна в тот раз никто не устраивал, однако тварь все равно затихла. Возможно, снова впала в спячку. Возможно, уже переродилась в нечто более опасное. А может, ушла охотиться в другое место, предварительно создав детенышей и оставив свои угодья на них. Теперь же как минимум один из них созрел и вышел из спячки. Но при этом сразу после пробуждения он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы напасть на темного жреца. И вскоре после этого – на темного мага. Даже на двух, если считать меня. Это должно означать, что перед спячкой умруна хорошо накормили. А последней жертвой двадцать лет назад, если помните, был мастер Ирвин Друсс. После его смерти убийства в столице прекратились. Какой вывод мы должны из этого сделать?

– Что наши души более ценны для умруна, чем души обычных людей? – сглотнула Хокк. – Возможно, ценнее, чем других магов?

– Верно. И еще мы должны предполагать, что умрун, который продолжил охоту в столице двадцать лет назад, убил последнюю жертву не для себя. Или же, что тоже возможно, после его смерти съеденные души… может, не все, но хотя бы последние… перешли к детенышу.

– Поэтому наш умрун вышел из спячки не просто зрелым, но и намного более опасным, чем папаша!

– Да, – снова кивнул я. – И вселился в тело Войдо, которое ему заранее приготовили.

– То есть, его специально хранили все эти годы? Но тогда значит, и остальные шесть трупов тоже лежат где-то до сих пор и ждут своей очереди?!

– Скорее всего. Иначе Войдо не начал бы охоту с темного жреца.

– Причем тут отец Кан? – насторожился Корн.

– Притом, что, как любой высшей нежити, душа святого человека должна быть для умруна намного более ценной добычей, чем, скажем ваша душа или моя. Намоленная, благословленная, напитанная божественной силой… как думаете, насколько она питательна для новорожденного умруна?

У Триш внезапно изменилось лицо.

– Что вы хотите этим сказать, мастер Рэйш?

Я демонстративно сложил руки на груди.

– Хорошо, я задам вопрос по-другому. Чем вообще так ценна

для нежити человеческая душа? И чем отличается от простой души та, что наделена божественной силой? Почему даже самые мелкие ее крохи, случайно задержавшиеся в нашем теле, способны творить чудеса? Исцелять раны? Дарить долголетие? Или давать новую жизнь?

– Хочешь сказать, умрун убил жреца ради этого? – вздрогнул во второй раз Корн. – Из-за искры?!

– Думаю, он хочет, чтобы его братья как можно скорее вошли в полную силу, – кивнул я. – Чтобы их пробудить, необязательно ждать ещё год или два. Достаточно дать им душу, несущую в себе ту самую искру, что отделяет мертвое тело от живого. Душа Криса – это лишь довесок. И как только таких душ накопится достаточно… скажем, по одному на каждого жаждущего пробуждения умруна… у нас появится грандиозная проблема. Если, конечно, мы не найдем эту тварь раньше.

– Но где ее искать?! – схватилась за голову Триш, а Хокк с Корном тревожно переглянулись.

– На темной стороне, разумеется. Там, где всегда холодно, где иначе течет время и есть немало мест, где похищенные тела способны годами храниться в неизменном виде.

Хог уставилась на меня расширенными глазами.

– Полагаешь, где-то там у умруна есть логово?!

– Конечно. И если мы вовремя его отыщем, нам больше не придется никого хоронить.

Глава 15

Ночью я долго не мог уснуть, ворочаясь в постели и тщетно пытаясь остановить бесконечно крутящуюся в голове мешанину из мыслей.

Умрун, список, упорно преследующая меня от самого Верля кукла… не многовато ли для одного темного мага? Да еще внезапно всплыло одно старое дело, в котором явно не хватало страниц. Тех самых, кстати, что до сих пор лежали в папке у меня в кабинете и хотя бы частично проливали свет на внезапное исчезновение младшего сына графа Кристофера де Ленур.

Самым странным в нем было то, что в отчетах нигде не упоминалось, что я бежал из следственного изолятора. Там не было ни слова о том, что именно тогда у меня открылся дар. Нигде не говорилось, что после смерти настоящего убийцы обезумевший, но оправданный судом мальчишка был отправлен в Дом умалишенных, откуда через некоторое время снова сбежал. Причем в заключении следователя Гидеро говорилось, что причиной столь неуравновешенного состояния парня вполне могли послужить «неурядицы в семье».

Неурядицы, представляете?!

Три смерти подряд, одна нелепее другой… и в двух из них Управление городской стражи не усмотрела злого умысла! Самоубийство?! Да, долгое время мне тоже так казалось. Но добытые мастером Этором бумаги доказывали обратное. И, как минимум, заставляли задуматься: а почему все, кто лжесвидетельствовал по моему делу, погибли? Служанка, садовник, маг? Даже старший следователь, который определенно не был дураком, а значит не мог не увидеть некоторых несоответствий! Кто подставил меня? Кто заказал убийство моего брата? И кому вообще могло помешать несчастное семейство де Ленур?

После гибели родителей все наше имущество наверняка отошло дальним родственникам. Близких у нас в Алтире не осталось – мать была, хоть из древнего, но очень небогатого рода, до сих пор прозябавшего где-то в южных провинциях. Отец, потомственный военный, долгое время служил в тех местах, а потом получил титул за заслуги перед короной и переехал в столицу. Но даже если он успел кому-то перейти дорогу или же если кто-то позарился на сколоченное им состояние, то зачем нужно было мстить так страшно? И почему, если к делу подошли столь основательно, нашу семью не уничтожили полностью?

Разве что, когда погиб отец, перед этим потеряв практически

все, что было ему дорого, я стал не нужен? Но все равно остается непонятным, как Орден мог меня упустить, зная, что беглец – не просто последний из рода де Ленур, но и незарегистрированный темный маг.

Чтобы во всем этом разобраться, мне требовался полноценный доступ в архив. Но прийти к Корну и просто его потребовать, было нельзя. А значит, оставалось набраться терпения и ждать подходящего случая в надежде, что однажды удастся распутать этот клубок интриг и отыскать того или тех, кто был повинен в смерти моих близких.

Утром, как следовало ожидать, я встал разбитым и уставшим. Невеселые мыли так и не дали толком уснуть, так что завтрак я проглотил почти не жуя. С трудом, но все-таки вытерпел очередной… надеюсь, что последний… визит портного, явившегося провести окончательную примерку. Затем мрачно зыркнул на Нортиджа, который посчитал, что ранее утро – лучшее время для визита обувщика, и самовольно пригласил нужного специалиста. Но все же смолчал – новые сапоги это всегда благо, тем более, что снятие мерки заняло совсем немного времени.

Что меня удивило, так это то, что за прошедшую ночь новых трупов на темной стороне больше не появилось. То ли кукла меня услышала, а то ли, что более вероятно, ни одного гуля в округе уже не осталось. И настырная тварь «осчастливит» нас новыми трофеями в следующий раз, устелив ими лужайку перед домом, как хвастливая баба – новыми нарядами.

После примерки я, как и обещал, заскочил к Йену – покопаться в его делах и кое-что для себя уточнить. Однако Норриди на месте не застал – оставшийся за старшего Сенька сообщил, что ночью на участке произошла очередная кража, поэтому все сотрудники уехали и вернутся не раньше полудня.

Меня это, разумеется, не устраивало, потому что после полудня я должен был встретиться с отцом Гоном, но Йен, как оказалось, предвидел мой визит и оставил нужные бумаги на столе. Откуда я их и забрал, не поленившись для этого прогуляться на темную сторону, чтобы не ломать другу дверь. А когда пролистал документы и убедился, что насчет Шоттика не ошибся, и этот паскудник действительно перекидывал несложные, но муторные дела на ребят Йена, мое раздражение выросло на порядок.

Так. Кажется, этому придурку неймется. И, видимо, пока он не получит по морде, так и будет сбрасывать свою работу на неопытную молодежь, которая до сих пор не разбирается, когда ее дурят.

Узнав от Сеньки детали очередного вызова, я забрал из стола Норриди несколько бланков и, наскоро их заполнив, снова ушел на темную сторону. А когда вернулся, мое раздражение наконец-то улеглось.

Да, делать гадости ближнему – это вам не редиску сажать. Это особое, самим Фолом дарованное умение, которое я за долгие годы тренировок освоил в совершенстве.

Главный столичный храм встретил меня тишиной и приятным полумраком. День сегодня выдался пасмурным, поэтому свет сочился сквозь окна и витражи слабо и неохотно. А возле ниши, где возвышалась статуя Фола, и вовсе царила непроглядная темень, в глубине которой, молитвенно сложив руки перед алтарем, стоял человек, с которым мне было крайне важно поговорить.

– Здравствуй, брат Рэйш, – обронил отец Гон, когда я перешел на темную сторону и остановился у него за спиной. – Рад, что ты нашел для меня время.

– Вы сказали, что будете ждать, святой отец. Я пришел. И вы были совершенно правы – у меня накопилась масса вопросов.

Жрец обернулся и, ничуть не удивившись, поманил меня за собой. А когда мы зашли в ближайшую келью, гостеприимно указал на каменную скамью, стоящую возле массивного, вырубленного из гранитной глыбы стола.

– То, о чем я хотел с тобой поговорить, не предназначено для людских ушей. Но, полагаю, длительное пребывание во Тьме не составляет для тебя труда.

Я молча сел и, проследив, как жрец устраивается на такой же скамье по другую сторону стола, вопросительно на него посмотрел.

– Почему вы упорно называется меня братом, святой отец?

– Потому что ты один из нас, – улыбнулся жрец, и я от неожиданности даже закашлялся.

– Боюсь, это преувеличение. Да, я прошел посвящение Фолу, но никогда не принимал и не собираюсь принимать сан. Я маг, а не священник, отче. Да и святости во мне…

– Ты не жрец, Рэйш, – успокоил меня отец Гон. – Таким, как ты, не пристало сидеть в стенах храма. Тебе не нужна ничья защита. И ты всегда сам по себе… но, в то же время, живешь и действуешь во имя нашего общего бога. Покажи-ка мне метку.

Я поколебался, но все-таки снял куртку, закатал рукав рубахи и продемонстрировал совершенно чистое плечо. Однако отсутствие метки святого отца ничуть не смутило. Он улыбнулся, протянул руку и коснулся моей кожи. При этом его пальцы ненадолго окутались Тьмой, почти в тот же миг плечо обожгло, а

затем на нем медленно и неохотно проступила печать Фола – перевернутый острием вниз стилет, заключенный в круг.

– Ты помечен владыкой ночи, Рэйш, – удовлетворенно кивнул отец Гон, когда метка снова исчезла. – И, кажется, он не желает, чтобы об этом кто-то узнал.

– Отец Лотий знает, – буркнул я, опуская рукав. – Это он проводил посвящение.

– Братьев можешь не опасаться: мы всегда узнаем друг друга. Отныне в стенах любого темного храма ты можешь рассчитывать на поддержку. Каждый из нас поможет, если в том возникнет необходимость. Наше братство создано не столько по вере, сколько по духу, Рэйш. И именно по духу ты – один из нас.

Я набросил на плечи куртку.

– Очень сомневаюсь.

– Тебя любит Тьма, не так ли? – все с той же улыбкой предположил жрец. – После посвящения твои возможности на темной стороне возросли. Причем, намного. Как далеко ты прозреваешь ее, Артур Рэйш?

– Почему вы спрашиваете?

– Для темного мага триста шагов – это, как правило, предел. А ты видишь дальше… намного дальше, брат. И умение это пришло к тебе лишь после посвящения. Не так ли?

Я нахмурился.

Да, пожалуй, после сделки с темным богом со мной и впрямь начали происходить странные вещи, начиная с того, что я впервые сумел перейти на темную сторону и научился не бороться, а принимать в себе Тьму. Затем мое видение потустороннего снова изменилось, и если полгода назад его мрак был однородным, то вскоре я начал различать тона и полутона. Затем стал ощущать присутствие магии. Наконец, не так давно обнаружил, что во Тьме есть какая-то особенная, скрытая от большинства темных магов глубина, и уже всерьез задумывался над тем, как ее измерить.

– Призови ее, – попросил отец Гон, пока я размышлял над его словами. – Я хочу взглянуть на твою Тьму, брат. Ты позволишь?

Поколебавшись, но не ощутив внутреннего протеста, который вынуждал меня не пользоваться дарами Фола в присутствии коллег или скрывать от них новую броню и оружие, я вытянул руку и сделал то, о чем меня попросили.

При виде пляшущего на ладони черного пламени отец Гон вздрогнул и, подавшись вперед, вцепился пальцами в край стола. Но не попытался дотронуться – только смотрел, однако выглядел при этом так, словно узрел настоящее чудо.

И моей Тьме такое отношение, кажется, понравилось.

Насыщенная, густая, она разрослась, раздобрела и будто красовалась перед невольным наблюдателем. То выстреливала вперед длинными языками и почти касалась его пальцев, то снова игриво пряталась под кожей.

– Как же она прекрасна… – прошептал жрец, когда пламя затрепетало и, внезапно опав, свилось в небольшой клубок, уютно устроившийся на моей ладони. – Просто невероятно! Она холодная, брат?

Я покачал головой.

– Значит, и на темной стороне ты должен чувствовать себя как дома…

Я снова промолчал. А про себя подумал, что, пожалуй, отец Гон прав – на темной стороне мне с некоторых пор было так же комфортно, как и в обычном мире. Я легко туда приходил и так же легко возвращался. Меня не терзал прежний холод. Не мешали живущие там голоса. Я чувствовал себя во Тьме… пожалуй, что хорошо. Мог оставаться там сутками напролет, хотя многие насмерть замерзали через полсвечи. Ценил ее тишину. Уважал ее силу. А ещё мне бесконечно нравилось ее мрачноватое, навеки застывшее в оковах зимнего сна, но по-своему привлекательное постоянство.

– Почему отец Лотий не сказал о последствиях сразу? – спросил я, когда жрец опустил руки и глубоко вздохнул.

– Возможно, потому, что ты не был готов это услышать. А может, брат Лотий подозревал, что вы, темные, предпочитает сами до всего докапываться, а не получать готовые ответы со стороны?

Я взглянул на жреца с подозрением.

– Вы, случайно, не знали моего учителя, святой отец?

– Не имел чести, – тонко улыбнулся отец Гон. – Но думаю, он был мудрым человеком, раз ты спокойно сидишь здесь и на редкость смирно переваривaешь весть о том, что тебя благословил сам владыка ночи.

– Когда это Фол успел меня благословить? – насторожился я.

– Вчера. В доме моего брата по вере. Разве ты не почувствовал?

– Нет. Меня там облили какой-то гадостью с ног до головы. Если это и было благословение…

– Оно самое, – подтвердил отец Гон. – Тьма не просто тебя любит – она живет в тебе, Рэйш. И вчера Фол сделал для тебя то же самое, что делают светлые жрецы, окупая младенцев в освященную Родом купель.

Я недобро прищурился.

– И как это отразится на мне в дальнейшем?

– Не знаю, – признал темный жрец. – Когда благословение получает обычный человек, он обычно становится жрецом. Но когда благодать владыки ночи касается мага, да ещё и темного… говорят, когда-то таких, как ты, называли жнецами. Собирателями жизни. А иногда и палачами. Но это не совсем верное название, как мне кажется. Я бы сказал, что ты воин… воин бога, Рэйш. И, вероятно, Фол готовит тебя к чему-то особенному, раз не просто отметил, но и напитал твою Тьму своим благословением.

* * *

В храме я в общей сложности проторчал до обеда… это если считать время в обычном мире. Однако в действительности мы проговорили с отцом Гоном намного дольше, потому что, как оказалось, время на темной стороне текло гораздо медленнее не только для меня одного.

– На самом деле Тьма подстраивается не под каждого, – поведал жрец, когда я задал вопрос на эту тему. – И это нормально. Вот ты, к примеру, насколько старыми видишь эти стены?

Я оглядел выщербленные, покрытые многочисленными сколами и царапинами стены храма, выглядящие так, словно их долго и упорно пытались разрушить.

– Не знаю, святой отец. Но мне кажется, что им тысяча лет, не меньше.

Отец Гон протянул руку и, коснувшись моих пальцев, хмыкнул:

– А я их вижу вот так…

Я вздрогнул и удивленно моргнул, после что от легчайшего прикосновения жреца храм мгновенно преобразился. Вместо гнилого мха на стенах появились древние фрески, треснутый посередине стол внезапно стал целым и помолодел, казалось, на целое столетие, да и пол под нашими ногами больше не напоминал решето.

– Здесь моя воля чуточку сильнее твоей, – сообщил святой отец, отпуская мою руку. Я снова моргнул, и все вокруг стало как прежде. – Поэтому могу показать тебе то, что вижу сам. Но ты, я думаю, способен погрузиться во Тьму гораздо глубже и увидеть намного больше меня.

– Вообще-то я вижу одни развалины, – криво улыбнулся я, оглядывая виднеющиеся над головой балки, покрытые мхом стены и наполовину рухнувшие, но все ещё выглядящие крепкими

ворота, за которыми виднелся разрушенный город. – Причем отсюда и до самого горизонта.

Отец Гон без всякого удивления кивнул.

– Фол подарил тебе возможность лицезреть его владения такими, какие они есть. Но имей в виду: Тьма всегда подстраивается под сильнейшего. Более слабый маг, прикоснувшись к тебе, увидит то же, что и ты. Это может тебя выдать. Но в то же время темная сторона пластична настолько, насколько ты этого захочешь. Не забывай: Тьма – ключ ко всему, Рэйш. Сумеешь воспользоваться этим знанием, и для тебя не будет никаких преград.

– Значит, то, что я порой ощущают себя здесь мертвым, нормально? – задумчиво предположил я.

Жрец кивнул.

– На темной стороне ты становишься сродни ее обитателям. Чем сильнее маг, тем меньше он похож на человека. В этом твоя сила, брат – нежить не чует в тебе живого, а значит, не воспринимает как добычу. Но в этом же и твоя слабость, потому что добычу в тебе могут увидеть те, кто должен прикрывать твою спину.

– То есть, никаких напарников и коллег на темной стороне у меня быть не должно? – заключил я и нахмурился.

Собственно, оно и понятно. Просто поначалу остерегаться своих у меня не было необходимости – кроме меня, в Верле не осталось магов Смерти. Потом туда пришел Лойд… и Триш. Но Лойд, даже если что-то заподозрил, когда мы готовили ловушку, уже приличное время был мертв. А Триш оказывалась рядом со мной во Тьме лишь дважды. В первый раз она была слепа как новорожденный котенок, поэтому не могла ничего заметить. Во второй, когда убили Криса, конечно, прозрела, но наверняка видела лишь немногим дальше Тори, а в момент, когда я оказался рядом, была гораздо больше озабочена состоянием наставницы. Да и что можно толком увидеть из подвала?

Насчет Хокк я мог не беспокоиться – в тот единственный раз, когда мы оказались на темной стороне вместе, она находилась без сознания. Ну а Тори видел во Тьме очень недалеко, так что особой разницы ощутить был не должен. Так что, получалось, единственными, кто мог заметить и оценить мои способности, был отец Гон и… умрун?

На последней мысли я слегка подвис.

Тьма меня забери…

– А как насчет магии, святой отец? Вам тоже кажется, что на темной стороне она лишняя?

– Истинному темному магу она не нужна – для этого у него

есть Тьма, которая способна стать и броней, и оружием одновременно. Но об этом, насколько я понял, ты и сам уже догадался.

Вместо ответа я продемонстрировал ему материализовавшуюся в ладони секиру.

– Очень хорошо, – усмехнулся отец Гон, по достоинству оценив мое приобретение. – Значит, о магии можешь забыть насовсем. Эти умения тебе больше не пригодятся.

– Я понял. Но знаки мне пока нечем заменить. Вернее, я ещё не придумал, как это сделать.

– Придумаешь, – без тени сомнения отозвался святой отец. – Магия некросов была создана не для того, чтобы тревожить темную сторону. Их заклинания предназначены для мира живых, тогда как твоя сила – исключительно для мира мертвых. Чувствуешь разницу?

Я окинул святого отца внимательным взором.

– Я размышлял об этом. Но все еще не понимаю, почему это произошло.

– А что ты знаешь о темных временах в Лотэйне? – прищурившись, спросил жрец.

Я не стал врать:

– Почти ничего.

– Эх. Вот с этого и стоило бы начинать разговор, – вздохнул отец Гон, а затем поднялся и коротко бросил: – Обожди здесь. Я скоро вернусь.

Я молча кивнул. Но, поскольку ожидание затянулось, сидеть мне быстро наскучило, и я решил проверить, насколько все-таки пластична окружающая Тьма. И получится ли у меня изменить восприятие так, как советовал сделать жрец.

Путем долгих проб и ошибок я установил, что для смены окружающей обстановки было достаточно всего лишь изменить кривизну моих линз. При определенном положении они действительно позволяли увидеть темную сторону не в таком мрачном свете, как обычно, причем, регулируя угол наклона, я мог добиться постепенного «старения» или, наоборот, «омоложения» окружающего мира. Ровно на столько, на сколько сам этого хотел.

Открытие было чрезвычайно интересным, но, как водится, не без подвоха. Как выяснилось, чем больше темная сторона становилась похожа на обычный мир, тем хуже я в ней видел. Скажем, в восприятии жреца мои возможности сокращались сразу до нескольких десятков шагов. А если я искривлял линзу до такой степени, что переставал видеть разницу между темной стороной и реальностью, то видимость падала практически до нуля.

И еще меня тревожил вопрос: могу ли я подстраиваться под окружающих, меняя кривизну только одной линзы? Потому что, если нет, то затея теряла всякий смысл, ведь, изображая слабого мага, я на самом деле становился уязвимым.

– Ну что, наигрался? – со смешком осведомился отец Гон, когда наконец вернулся в келью и застал меня возле стены, на которой моими стараниями то появлялась, то снова исчезала огромная дыра. – Имей в виду: у каждого мага есть определенное расстояние, на котором он начинает влиять на восприятие других. И оно тоже может меняться. А вместе с ним будет меняться и ясность прозрения.

Я вздохнул и оставил стену в покое.

– Я уже догадался, отче. Спасибо. Теперь буду думать, как это можно использовать.

– На, – жрец вместо ответа протянул увесистый томик в кожаном переплете. – Изучай историю становления, расцвета и краха темных богов. Там есть кое-что про тех, кого когда-то звали жнецами Фола. Правда там написана или нет, не знаю. Но, думаю, тебе будет интересно.

– Хранить ее только на темной стороне? – поинтересовался я, забирая книгу.

– Разумеется. Секретными эти сведения не являются, но по прочтении сам решишь, стоит ли ими с кем-то делиться.

«Уберу в кабинет», – решил я, взвесив томик и прикинув, что за один присест его точно не одолеть.

– Когда прочитаешь, я буду ждать тебя с новыми вопросами, – понимающе хмыкнул жрец. – А теперь мне пора. До встречи, Рэйш.

– Эм, – озадаченно кашлянул я, когда он отвернулся и направился прочь. – Святой отец, а вам разве не любопытно узнать, как продвигается расследование?

– Все, что я должен знать о смерти отца Кана, я уже знаю, – ответствовал отец Гон, даже не обернувшись. – Не волнуйся, братья будут соблюдать осторожность и постараются избегать тех мест, где границы миров истончены. Укрыть их в храме, конечно, не удастся, но я постараюсь свести риск к минимуму. Прихожан я уже предупредил. Наших светлые братья тоже приложат усилия, чтобы привлечь сюда благодать богов. Нежити после этого станет гораздо сложнее охотиться. Но все-таки будь осторожен, Рэйш. И постарайся убить умруна как можно скорее. Пока он жив, души тех, кого он пожрал, останутся неупокоенными. А я бы не хотел такой судьбы ни для кого. Особенно для тебя.

– Причем тут я?

Жрец на мгновение остановился.

– Притом, что со вчерашнего дня в тебе живет та же сила, что и во мне, брат. А значит, именно ты станешь для умруна новой целью.

Глава 16

Не успел я вернуться домой, закрыть темную тропу и убрать полученную от отца Гона книгу в кабинет, как на пороге возник Нортидж и с озабоченным видом сообщил, что меня не единожды спрашивали какие-то люди. Более того, народу за это утро возле дома побывало так много, что дворецкий на всякий случай вооружил слуг и велел держать оборону на случай, если нас вдруг начнут штурмовать.

Штурмовать дом, конечно, никто не рискнул, однако первая половина дня прошла в напряженном ожидании. А незадолго до моего прихода у ворот остановился казенный кеб, и оттуда выскочил мальчишка-посыльный в форме городского Управления стражи, который, между прочим, караулил у ворот до сих пор.

Велев дворецкому выяснить, что ему от меня понадобилось, я заглянул на кухню и утащил оттуда бутерброд, пока Марта возилась с обедом. А когда с удовольствием его прожевал, вернулся Нортидж и с еще более озабоченным видом сообщил, что меня не просто ждут, а буквально-таки жаждут увидеть в ГУССе и передают, что мне немедленно… вот прямо сейчас… следует туда явиться.

Сейчас так сейчас…

Оставив мальчишку нетерпеливо подпрыгивать у ворот, я подхватил с кушетки плащ и одним прыжком сиганул через темную сторону прямо в кабинет Нельсона Корна. Естественно, никого при этом не предупредил, так что шеф наверняка пережил несколько неприятных мгновений, пока не сообразил, что это всего лишь я, и швырять огненным заклинанием ни в кого не надо.

– Какого демона ты творишь, Рэйш?! – рявкнул Корн и аж приподнялся над креслом, когда я с невозмутимым видом стряхнул со стула выпавший при моем появлении иней и опустился на холодное сидение. – Совсем ополоумел! Я же велел не шляться по темной стороне в одиночку!

Я пожал плечами.

– Посыльный сказал – явиться срочно. Я явился.

– Да?! А где ты болтался все утро?! Мои люди не могли тебя найти!

– У меня была беседа с отцом-настоятелем Гоном, – напомнил я. – И вы удивитесь, но он даже не заинтересовался деталями расследования, потому что уже откуда-то узнал об умруне.

Корн, шумно выдохнув, упал обратно в кресло.

– Проклятье, Рэйш… с этого дня переговорник с собой носить будешь! Иначе я с вами скоро поседею!

– Вы и так почти седой, – не преминул заметить я. Но перехватил свирепый взгляд от шефа и поспешил сменить тему: – А зачем мне переговорник?

– Чтобы я знал, что ты еще живой! И не ломал голову, отправляя людей на твои поиски и гадая, найдут ли тебя живьем или же надо ждать очередной труп с вырванным сердцем!

С опозданием сообразив, откуда такая паника, я неловко кашлянул.

Кажется, кто-то решил, что, раз я исчез, то это автоматически означает, что у умруна появилась ещё одна питательная душа. А напрасно. Не такой уж я дурак, чтобы соваться во Тьму, предварительно все не проверив. Беспокойство Корна, конечно, понятно и даже в чем-то лестно – всегда приятно знать, что тебя ценят. Но переговорник, хоть убейте, носить не стану – на темной стороне он будет только мешать.

– При всем уважении, шеф, но идея не самая лучшая, – осторожно начал я, когда Корн немного успокоился и пригладил встопорщившиеся волосы. – Амулеты для темного мага строго противопоказаны. Вы же знаете…

– Молчи, – устало отмахнулся светлый. – Мне сейчас не до шуток.

– Да я вроде не шучу.

– Никаких споров, Рэйш. Все, закончили на этом. Теперь докладывай, что удалось узнать в храме.

Наморщив лоб, я вкратце изложил все то, что касалось нашего дела. В том числе и то, что отец Гон подтвердил мою мысль о значимости человеческих душ для нежити, а также предрек, что охота будет продолжаться, и первоочередными жертвами умруна обязательно будут темные маги и жрецы.

– Своих он предупредил и постарается удержать в стенах храма, – передал я обещание святого отца. – Там им ничего не грозит. Насчет светлых отец Гон не слишком уверен, но считает, что, если умрун не найдет кого-то получше, то на корм детенышам пойдут и они.

Корн забарабанил пальцами по столу.

– Магов в столице много. Невозможно будет всех удержать от походов на темную сторону.

– Намоленных мест тут тоже хватает, – возразил я. – А зеркала и вовсе есть в каждом доме. Если умрун так силен, как предполагает отец-настоятель, то нам его будет не сдержать.

– Надо сдержать, Рэйш. Надо. Если в столице начнут один за другим умирать жрецы, ничего хорошего не будет.

– Согласен. Но отец-настоятель готов пойти нам навстречу. К слову, а от меня-то что требуется? Зачем вызывали, да еще так срочно?

Корн тряхнул головой.

– Раз ты живой и невредимый, то бери кеб и отправляйся на Седьмую набережную. Хокк и Триш уже там, но я хочу, чтобы и ты на это взглянул.

– Еще один труп? – встрепенулся я.

– Два трупа. И обоих вскрыли так же, как вчера.

Я помрачнел.

– Значит, минус еще две души…

– Иди, Рэйш, – устало повторил шеф. – И постарайтесь найти следы этого ублюдка.

На этот раз кеб мне пришлось-таки взять, потому что припортовые районы я знал плохо, а за последние десять лет там должно было все так измениться, что темная тропа могла привести меня прямиком в могилу.

Пожилой кебмен, надо отдать ему должное, торопился изо всех сил, и его пегая лошадка перебирала ногами довольно бодро. Однако на нужную улицу мы все равно прибыли лишь через три четверти свечи, потому что располагалась она на другом берегу Фемзы, да еще так ловко пряталась среди ремесленных кварталов, почти целиком занимающих все левобережье, что даже старожила не сразу ее нашел.

Почему улицу назвали Набережной, если к собственно набережной она не имела ни малейшего отношения, кебмен не сумел объяснить. Зато по моей просьбе сбавил ход, пока мы проезжали через Старый мост, и я смог вдосталь налюбоваться видом величественной и могучей Фемзы, а также по достоинству оценить стоящий над ее левым берегом черный смог.

Не знаю уж почему, но кузнецы и кожевенники традиционно считали, что в их деле необходим лишь живой, собственноручно высеченный и приручeнный огонь, и что якобы только так их изделия получались качественными и долговечными. Поэтому, если весь правый берег уже много лет отапливался и освещался исключительно с помощью магии, то над мастерскими левобережья днем и ночью нещадно коптили тысячи труб, превращая эту часть город в один из самых непрестижных районов столицы.

Местом преступления на этот раз оказался не дом, а узкий проулок между двумя зданиями. Когда я прибыл, вокруг уже стояло плотное оцепление из числа сотрудников городской стражи. А рядом толклось несколько магов, среди которых я углядел одного незнакомого светлого… он как раз пытался

успокоить молодую барышню, истерично рыдающую на ступеньках соседней лавки… и сразу троих темных магов.

Когда я выпрыгнул из кеба, все трое одновременно обернулись, и, помимо Хокк и Триш, я с удивлением признал в коллеге Тори. При этом подчиненный Йена, хоть и выглядел встревоженным, однако был отнюдь не испуган. А при виде меня его лицо неожиданно осветилось, будто парнишка и впрямь верил, что я могу чем-то помочь.

– Мастер Рэйш! – воскликнул он, когда я подошел ближе и чуть приподнял шляпу в знак уважения к дамам. – А мы как раз о вас говорили!

Я покосился на недовольную физиономию Хокк, которая, надо признать, выглядела намного лучше, чем вчера, и хмыкнул.

– Даже спрашивать не буду, что именно вы обсуждали. Что можете рассказать про убийство?

– Где ты был? – вместо ответа холодно осведомилась напарница, сверкнув из-под челки глазами. – Тебя все утро не могли найти. Меня не предупредил, Корна в известность не поставил… надеюсь, ты еще не забыл, что старшей в тройке назначена именно я?

Я иронично поклонился.

– Польщен, что ты беспокоилась, но с Корном я уже все уладил. Триш, так что там с убийством?

Стоящая рядом девчонка неуверенно покосилась на раздраженную наставницу, но Хокк лишь сжала челюсти и отвернулась. А я, оценив состояние ран на ее щеке, сделал вывод, что, вопреки приказу начальства, на темную сторону она все же сходила, иначе кровоподтек на лице выглядел бы намного страшнее, а начавшийся вчера отек не сумел исчезнуть так быстро.

Бинты с головы она тоже сняла. Но при этом не попыталась скрыть уродливые шрамы. Для темного мага это было смело. А для женщины – ещё и дерзко. Но Хокк, видимо, чужое мнение не волновало. И мне это было подозрительно знакомо.

– Убитые – Рональд и Клайв Боресски, – наконец, решилась открыть рот Триш, после чего Хокк раздраженно дернула плечом и отошла в сторону. – Клайв держал магазинчик на правобережье, Рональд – его племянник. Этим утром они зашли в скобяную лавку по соседству. Они и раньше здесь частенько бывали, так что хозяин опознал обоих. Господин Саттон уверяет, что покупатели находились в прекрасном расположении духа… якобы у старшего Боресски наклевывалась выгодная сделка. Купив, что хотели, оба ушли. А меньше, чем через десятую часть свечи с улицы послышался крик.

– Кричала девушка, – добавил Тори, – кинув быстрый взгляд на всхлипывающую на ступеньках барышню, возле ног которой валялась опрокинутая на бок пустая корзина. – Она шла к суконщику на соседнюю улицу и обоих Боресси увидела издалека – те как раз выходили из лавки господина Саттона. Она решила, что господа совершили удачную покупку, раз остановились между домами, что-то оживленно обсуждая. Но потом что-то случилось… леди показалось, что прямо из стены дома, где находится лавка, вышел человек. Выглядел похожим на живого, но перемещался так быстро, что она толком ничего не успела разглядеть, кроме бледного лица и длинных белых волос. Этот человек шагнул вперед, протянул руки и, как ей показалось, толкнул господ Боресси в спины. После этого тут же отступил назад и снова исчез в стене, а мужчины захрипели и рухнули лицом вниз. Испугавшись, девушка подбежала, чтобы узнать, не нужна ли им помощь, и только тогда заметила, что у обоих Боресси вскрыты грудные клетки. На ее крик из лавки выбежал господин Саттон и тут же вызывал городскую стражу. Соответствующий артефакт он приобрел ещё с год назад, когда кого-то из его соседей обокрали. А прибывшие патрульные сразу перенаправили вызов в ГУСС. Все это произошло трех свечей назад, дежурный маг обследовал тела и передал дело нам. Свидетелей тоже успели опросить, но, кроме леди, никто и ничего не видел.

– Так. А ты тебя каким ветром сюда занесло? Насколько я помню, левобережье не относится к западному участку.

– У меня тут родственники живут, – отчего-то смутился Тори. – Я зашел их навестить, но по дороге услышал шум и вот…

– Тела уже увезли? – снова повернулся я к Триш.

– Конечно, мастер Рэйш. Мы тут все утро провели и как раз хотели возвращаться.

– На темную сторону тоже ходили?

– Нет. Шеф запретил в отсутствии второй двойки. И, поскольку вас мы так и не нашли…

Гм. Так вот почему Хокк злится!

– Спасибо, Триш, – хмыкнул я и, обогнув Тори, отправился посмотреть на место, где погибли люди.

Собственно, ничего примечательного там не было. Две стены довольно плотно примыкающих друг к другу двухэтажных домов, надежная кирпичная кладка, узкий проход, упирающийся в давно не чищенный тупичок. И огромная подсыхающая лужа крови у самого входа, над которой в изобилии вились жирные мухи.

– И что же тебе тут могло понадобиться, умрун? – пробормотал я, изучая ничем не примечательные стены. Но на

темной стороне тоже все было тихо. Только виднелись два отпечатка мужских сапог возле угла одного из домов. И такие же следы остались неподалеку от лужи, что ещё раз подтверждало – охотится тварь умеет в обоих мирах. Правда, в реальном ее пребывание сильно ограничено временем.

Следов крови у стены я практически не нашел – видимо, умрун сразу ушел темной тропой. Других отпечатков в округе тоже не было – я не поленился обойти скобяную лавку со всех сторон и глянуть на нее через линзы. Мельтешащие перед глазами сперва скелеты, а затем просто призраки меня не смутили, а вот наличие магической защиты на доме господина Саттона, напротив, заинтересовало.

– Зачем хозяину скобяной лавки такая «охранка»? – спросил я, заметив, что Тори следует за мной по пятам и с любопытством присматривается ко всему, что я делаю.

– Господин Саттон очень трепетно относится к своей собственности, – тут же ответил парень. – И, когда его соседа ограбили в том году, приобрел целую связку дорогущих охранных артефактов. Я видел внутри парочку. Они и впрямь производят впечатление.

Я поднял голову, взглянув на стены в последний раз, и мысленно согласился.

Да. Если сравнивать с другим домами, лавка выглядела зажженным во тьме маяком, который не увидит только слепой. И поскольку в местах скопления большого количества магической энергии рано или поздно истончалась граница между мирами, а наш умрун при желании мог почти мгновенно перемещаться от одного подобного места к другому…

– Триш, у вас есть карта, на которой указаны все перенасыщенные магией участки столицы? – обернулся я, когда закончил осмотр и убедился, что ничего нового больше не увижу.

– Я еще поутру запросила ее в архиве, – отозвалась вместо девчонки Хокк и, подойдя ближе, окинула меня раздраженным взором. – А ты для темного мага слишком беспечен, Рэйш. Не думаешь, что умрун в любой момент может вернуться и напасть снова?

Я усмехнулся.

– Вчера он убил двоих. Примерно в то же время, что и сегодня. На меня он кинулся, скорее всего потому, что было по пути, и ушел, когда оказалось, что легко и быстро добычу взять не удастся. Заметь: ни вечером, ни ночью о новых жертвах нам не сообщали. И если считать, что сожранные души умруну следует переварить, то полагаю, что не ошибусь, если скажу, что следующую пару трупов надо ждать только к следующему утру. Я

почти уверен: далеко от места выхода в наш мир умрун отойти не может. Скорее всего, у него есть возможность сделать лишь на один шаг… максимум, два от границы… после чего он должен вернуться обратно, пока его тело не начало разлагаться. Если бы тело принадлежало обычному человеку, у нежити не было бы даже этого шага, но мы привычны к переходам из мира в мир, поэтому умрун чувствует себя в теле Войдо вполне комфортно.

– Это всего лишь предположение, Рэйш.

– Не совсем. Я такое уже видел. Правда, граница миров тогда преодолевалась с помощью зеркал, но при этом и время, и расстояние для духа имело большое значение. А во-вторых, ты, вероятно, не обратила внимания на время смерти жертв, которые были убиты двадцать и сорок лет назад – все они погибли именно ранним утром.

Хокк нахмурилась, явно пытаясь вспомнить, а вставшая с ней рядом Триш недоверчиво на меня посмотрела.

– Вы запомнили время смерти всех сорока жертв, дела которых видели всего один раз, мастер Рэйш?

– Не всех, – поморщился я. – Но согласись, на простое совпадение это не тянет.

– Да, пожалуй…

– И все же рисковать не стоит, – решительно отрубила Хокк. – На темную сторону выходить опасно. К тому же, для двух полноценных двоек у нас нет одного мага.

– Почему это нет? – обиделся Тори. – А я?

– Боюсь, вы, как и Триш, ещё не слишком опытный маг, мастер Норн. Начальство не поймет, если я позволю вам отправиться в потустороннее при сложившихся обстоятельствах.

– Иными словами, вы мне не доверяете? – насупился парнишка, но получил от меня незаметный постороннему глазу втык и сердито умолк.

Хокк, убедившись, что больше он глупостей не сморозит, резко отвернулась и направилась к ожидающему неподалеку кебу. Триш, виновато покосившись на Тори, убежала следом. А я сочувственно хлопнул парня по плечу и негромко уронил:

– Она правильно поступила. Себя опытный маг в большинстве случаев успеет защитить. Как вариант, вернется в обычный мир, оставив на темной стороне пару клочков собственной кожи. А вот тебя или Триш в случае возвращения умруна ни она, ни я спасти уже не успеем. И с этой точки зрения лучше вовсе туда не ходить, чем подарить умруну сразу несколько драгоценных душ. Ты меня понял?

– Да, мастер Рэйш, – тяжело вздохнул Тори, опуская сведенные плечи. – Простите.

– Я так полагаю, место преступления ты через визуализатор успел осмотреть?

– Конечно. А зачем бы я тут торчал столько времени?

– Тогда составь по возвращении отчет и передай привет Йену. Я загляну в участок, как освобожусь, и вот тогда мне будет интересно послушать твои выводы.

Тори удивленно на меня покосился, но, подумав, все же кивнул, после чего отправился на поиски свободного кеба – рабочий день в участке давно начался, так что ему пора было возвращаться. И то, еще придется изрядно попотеть, чтобы не получить втык от шефа за опоздание. Йен ведь зануда каких мало – ещё заставит парня объяснительную писать…

– Мастер Рэйш? – вдруг позвал Тори, когда я двинулся следом за леди к кебу.

Я обернулся.

– Вы говорили сегодня про защиту лавки господина Саттона… а можно спросить: как вы увидели ее без визуализатора?

Перехватив недоверчивый взгляд Тори, я мысленно крякнул.

Внимательный мальчик. И неглупый. Хотя, думаю, очень скоро не только он задастся подобным вопросом.

– У вас есть какой-то артефакт наподобие того, что выдает Управление? – предположил юный маг, когда я всерьез задумался над ответом.

– Что-то вроде того.

– Именной? Неужто фамильный? – с надеждой вскинулся Тори, а потом с уважением добавил: – Я читал про вашу семью. Говорят, ваши предки много изобретений запатентовали. А можно мне будет на него посмотреть?

Я кашлянул.

– Когда-нибудь. Если докажешь, что сумеешь им воспользоваться.

– Спасибо, мастер Рэйш! – просиял мальчишка и, помахав рукой, убежал ловить свой кеб. А я так же мысленно вздохнул и, перехватив нетерпеливый взгляд от уже сидящей в экипаже Хокк, наконец-то сдвинулся с места.

Пора было решать, как вести себя на темной стороне. То ли отказываться от сотрудничества с Корном и продолжать бродить во Тьме в одиночестве, то ли как-то адаптировать броню и искать правдоподобное объяснение появляющемуся из воздуха оружию.

Вопрос о том, чтобы кому-то довериться, я не рассматривал. Но Корн и его архив были нужны мне позарез. А значит, хотя бы какое-то время придется прислушиваться к его приказам.

Итого, что же получается?

Правильно, надо будет по-тихому сходить на темную сторону и поэкспериментировать с полученными от отца Гона данными. Но перед этим просмотреть полученную от него книгу и поискать, нет ли там ответов на мои вопросы. Он же не зря ее отдал, правда? И не зря намекнул, чтобы я порылся в истории Лотэйна? А там, может, и имена из списка всплывут, и я наконец пойму, в какую сторону двигаться дальше.

Глава 17

На обратном пути я вновь получил возможность посмотреть на полноводную, омывающую крутые берега Фемзу. Этой весной и без того немаленькая река разлилась достаточно широко, чтобы подтопить прибрежные районы. Причем, насколько я помнил, она и раньше не отличалась особой чистотой, а теперь ее воды окончательно потемнели, да так, что на темной стороне вообще походили на болотную жижу.

Пока мы переезжали через мост, сидящая напротив меня Хокк не произнесла ни единого слова, все ещё продолжая злиться. Триш, попеременно поглядывая то на нее, то на меня, тоже неловко молчала, а у меня уже живот сводило от голода. Однако от предложения перекусить обе моих спутницы категорически отказались, а Хокк насупилась ещё больше, когда на правом берегу я выскочил из кеба и пообещал явиться в Управление через полсвечи.

Йен встретил меня на редкость смурной физиономией, которая не разгладилась даже после того, как я сообщил, что отправил попавшегося в коридоре Сеньку за обедом в ближайший трактир. Ремонт в «нашей» половине Управления уже закончили, строительный мусор убрали, новых вызовов за утро не поступало, о чем мне по секрету доложила Лиза, так что было непонятно, отчего Норриди так скис.

– В чем дело? – осведомился я, когда Йен с мрачным видом вгрызся в принесенный Сенькой бутерброд. – Какая муха тебя укусила?

– А ты не слышишь?

Я прислушался и через некоторое время действительно обнаружил, что сквозь толстые перекрытия и недавно настеленный пол пробивается невнятный шум.

– Что это?

– Жольд. Все утро орет как резаный, мечется по первому этажу, будто его в мягкое место ужалили, и периодически швыряет в стены что-то тяжелое. Что за бумаги ты ему подсунул этим утром, не расскажешь?

– Ничего особенного. Просто предоставил счета за ложные вызовы сотрудников твоего Управления. С подробным обоснованием по каждому случаю и с подсчетом стоимости проведенных работ.

– Ч-что?! – чуть не подавился Йен. А когда прокашлялся и отдышался, то воззрился на меня почти с суеверным ужасом. – Арт, ты спятил?!

Я с наслаждением вгрызся в ещё горячее мясо.

– Не бурчи. Не видишь: я тебе деньги добываю на новое оборудование. А если Жольд не соизволит унять своего мага, то мы еще и ремонт за его счет в кабинетах сделаем.

– Знаешь, сколько всего я после твоих выкрутасов потом наслушаюсь?! Да Жольд мне никогда в жизни этого не простит!

– Напротив, он на тебя сейчас молиться должен, чтобы ты не отправил копии этих актов Нельсону Корну с просьбой наложить на городскую стражу штраф, причем с формулировкой «за необоснованные траты». В крайнем случае, если у кого-то появятся вопросы по поводу выдвинутых претензий, пусть обращаются ко мне.

Йен несколько мгновений таращился на меня, как на какую-то диковинку, а потом неожиданно успокоился.

– А и правда. Я же тех счетов в глаза не видел. И моя подпись под ними не стоит.

– Правильно, – кивнул я, активно пережевывая свой кусок. – А поскольку ты все равно находишься в подчинении у Корна, то все вопросы переадресовывай ему. Думаю, он будет рад обнаружить, что городская стража пытается использовать его ресурсы не по назначению. Кстати, забыл сказать… я сейчас с Триш в одной команде работаю. Не хочешь ей что-нибудь передать?

Норриди замер.

– С Триш? Ты…?! Нет, – твердо сказал он после недолгого раздумья. – Не хочу.

– Ну и ладно, – равнодушно пожал плечами я и потянулся за бутербродом. – А Тори для меня, случаем, ничего не приносил?

– Приносил, – несколько заторможенно отозвался Йен и протянул папку, в которой аккуратной стопкой лежало несколько аккуратно заполненных листов. – Забежал как раз перед твоим приходом. Сказал, ты просил какой-то отчет.

– А ты что, даже не заглянул?

– Я не имею привычки без спроса читать чужие бумаги.

– Ну и зря, – фыркнул я, вытерев руки и взявшись за документы. – К тому же, ты напрасно говорил, что с мальчишкой каши не сваришь. Вон, какой доклад настрочил: все самое важное сумел ухватить. На, почитай и зацени.

Норриди недоверчиво забрал у меня отчет и, пока я дожевывал свой паек, внимательно его просмотрел. Потом отложил бумаги в сторону. Подумал. И, наконец, нервно сцепил руки над столом.

– Арт, эти сведения не подлежат распространению. Это расследование ГУССа, и ты не имеешь права разглашать детали.

– Почему это не имею?

– Это же свидетельские показания. Знаешь, что бывает, когда сотрудники УГС выдают секретную информацию, пусть даже и коллегам по работе?!

Я ухмыльнулся.

– А Тори не проходит у нас по этому делу как свидетель – он наравне со всеми участвовал в следственных мероприятиях. К тому же, Корн забыл написать приказ о моем переводе, так что в данный момент я, как и Тори, по-прежнему нахожусь у тебя в подчинении. Следовательно, подавая тебе рапорт, ни я, ни он на нарушили ни одного закона.

Норриди закашлялся.

– Арт… я тебе, конечно, благодарен за доверие и желание держать в курсе событий, но знаешь…

– До чего же ты скучный, Йен, – фыркнул я, забирая со стола бумаги и подхватывая с вешалки плащ. – Все, я пошел. Кстати, если тебе интересно, то Триш работает с новой напарницей и уже полностью оправилась от шока.

Что там в ответ пробурчал Норриди, я не разобрал – темная тропа гостеприимно распахнула свои объятия, и Тьма услужливо проводила меня до самого ГУССа.

Должен признать, путешествовать по темной стороне, не привязываясь к чужому следу, было намного удобнее, чем в мою бытность простой ищейкой. Но, дабы не смущать коллег некоторыми вольностями, которые допускало звание посвященного, в реальный мир я вынырнул не в здании Управлении, а чуточку раньше. В соседнем переулке. И вошел в главные двери как самый обычный человек, на которого никто, кроме девушек за регистрационной стойкой, не обратил внимания.

На этот раз в архив я спускался один и порядком утомился на входе, представляясь дежурному магу и объясняя, по какой причине я должен оказаться внутри именно сегодня и именно сейчас.

Как выяснилось, Хокк все-таки свредничала, не предупредив его о моем приходе, а поскольку пропуск на мое имя Корн до сих пор так и не выписал, то дежурный наотрез отказался меня впускать. Собственно, я бы, наверное, смог просочиться через защиту в архиве и без его разрешения, но рассудил, что шум поднимать ни к чему, и отправился к Корну. По темной, разумеется, стороне.

О том, что сказал Корн, когда я в очередной раз испортил ему интерьер, говорить не буду, за исключением того, что шеф, мягко говоря, не обрадовался. Зато пропуском я обзавелся в рекордно короткие сроки. А когда добрался наконец до архива, то

обнаружил, что на двух сдвинутых столах уже разложена подробная карта города, над которой в соблазнительных позах склонились две затянутые в черную кожу леди.

Моего появления они, увлекшись картой, не заметили. Поэтому, когда я с размаху бросил на подоконник взятую у Йена папку, они одновременно подпрыгнули, ощетинились кто кинжалом, кто арбалетом. А когда до дам дошло, что бесшумно выступивший из тени силуэт – это всего лишь я, Триш отерла покрывшийся испариной лоб, а Хокк с отвращением опустила арбалет.

– Рэйш, ну ты и мерзавец. Это ж надо было так нас напугать!

Я хмыкнул.

– Вот уж не знал, что вы такие пугливые. Мне казалось, архив защищен достаточно, чтобы вы не опасались появления умруна.

– Это здание относится к числу тех, вокруг которых десятилетиями поддерживается стойко повышенный магический фон, – выдохнула Триш, убирая кинжал в ножны. – Так что появление умруна – не такое уж невозможное событие, как могло бы показаться на первый взгляд. Если не прямо здесь, то где-нибудь по соседству.

Я покосился по сторонам, но был вынужден признать, что столичные маги знали толк в защитных заклинаниях: здание ГУССа было закрыто со всех сторон так плотно, что сквозь густую сеть заклинаний я даже через линзы не видел, что творится за стенами. Да и дыр в них практически не было. А те следы разрушений и все потенциально слабые места, что я сумел увидеть, были старательно прикрыты дополнительными щитами, не потревожив которые, ни один маг… тем более, нежить… не смогли бы сюда проникнуть.

– Что вы нашли? – осведомился я, подходя к столу и с любопытством взглянув на истыканную булавками карту.

Хокк прищурилась.

– Мне показалось, тебе это не так интересно, как возможность набить пустое брюхо.

– У голодного мага хуже обстоят дела с вниманием и координацией – это научно доказанный факт, – рассеянно обронил я, рассматривая результаты чужих трудов. – Но вы, судя по всему, уже большую часть работы сделали?

– Да уж конечно! Не ждать же, пока ты соизволишь отобедать!

– Все места, где за последние полвека были найдены трупы с вырванными сердцами, мы отметили, – подтвердила Триш. И, сверившись с лежащим рядом с картой документом из какого-то дела, ловко воткнула очередную булавку. – Синий квартал, Желтый квартал, даже пару эпизодов в Белом … множество

эпизодов на левобережье… в общем-то, я почти закончила. Остались лишь жрец, Крис и две последние жертвы. И еще надо пересмотреть дела «исчезнувших» и поставить метки там, где в последний раз видели без вести пропавших людей, которые могли бы стать жертвами умруна.

– Я займусь, – кивнул я, подходя к оставленным с прошлого визита коробкам.

– Лучше отметь магов, – проворчала Хокк, возвращаясь к карте и тоже вооружаясь булавкой. – А я пока закончу с магически активными объектами.

– Подожди, я помогу, – отряхнула руки Триш и, убрав в коробку последнее дело, притащила целую стопку новых. – Какое счастье, что мы со вчерашнего дня ничего не убирали. Сортировать эту кипу во второй раз было бы совсем невесело.

Я мысленно согласился, но вслух ничего не сказал. А вскоре до меня дошло, почему Хокк отдала всего семь дел, с которыми не предполагалось большой возни. Злопамятная баба прекрасно знала, что точных сведений о местах, где исчезли маги, ни у кого не было. И, чтобы определить их хотя бы приблизительно, надо бы просмотреть кучу бумаг, включая показания свидетелей и заключения следователей.

Безусловно, обычных людей за эти годы пропало в столице гораздо больше, чем магов, однако их ценность для расследования была намного меньше, чем тех семерых, с которыми предстояло разбираться мне. Впрочем, торговаться из-за таких мелочей я посчитал ниже своего достоинства, поэтому с головой ушел в работу, лишь изредка отвлекаясь, когда Триш спрашивала совета.

– Хокк, ты, случайно, не знаешь, где искать Улицу Зеленых Бутылок?

– Это на левом берегу, где-то между Девятой набережной и Кожевенной.

– А… нашла. А про Глиняную Кирку ты когда-нибудь слышала?

– Там же, – бурчала Хокк, шурша бумагами. – Может, не рядом, но это точно не правобережье. Здесь таких дурацких названий нет.

– Хм. Ладно, – смутилась Триш, уткнувшись в очередное дело, и на некоторое время в архиве стало тихо.

Свечи через полторы передо мной во весь рост встала проблема, как отметить на карте нужные районы, если в большинстве случаев конкретного места исчезновения так и не удалось определить. Но затем, подметив, что к булавкам, обозначающим магически активные объекты, леди стали крепить

крохотные клочки бумаги с номерами, дабы не запутаться, я позвал Рона, и вскоре на карте появились целые группы булавок, обвязанных красными нитками.

В паре эпизодов огороженные места были сравнительно небольшими – там, где показания оказались взяты толково и описаны очень детально. Но где-то, напротив, я брал участки с приличным запасом на случай, если свидетели ошиблись. И только в случае с Шерином Войдо удалось достоверно указать не только улицу, но и дом, где один из бродяг видел, как невезучий маг переходит на темную сторону.

– Хокк, а тебе, случаем, Дом милосердия на глаза не попадался? – через некоторое время снова нарушила молчание Триш.

Лора зевнула, деликатно прикрыв ладошкой рот.

– Это там, где держат безумцев?

– Ага. Что-то я никак не могу его найти.

– Потому что он расположен не в черте города, – рассеянно отозвался я, всецело поглощенный работой. – На полдня пути чуть севернее Алтира есть деревушка, а в ней – заброшенный монастырь, пустовавший аж с позапозапрошлого века. Дом для умалишенных уже лет двадцать как туда переехал.

– Тебе-то откуда это известно? – с подозрением осведомилась Хокк. – Ты ж не местный.

Я равнодушно пожал плечами.

– Знакомого туда однажды провожал.

– Да? И как его звали?

– Де Ленур! – радостно откликнулась Триш, торжественно воткнув булавку в нужное место. А затем достала из папки прекрасно знакомый мне портрет и, кинув на него мимолетный взгляд, с сожалением вздохнула. – Какая жалость. Такой красавчик… а целитель утверждает, что он был законченным психом!

* * *

Когда мы наконец закончили, карта столицы оказалась усеяна булавками, обрывками бумаги и всевозможными пометками. Причем местами они стояли так плотно, что с первого взгляда было сложно определить, где и чьи метки. Но в целом картина вырисовывалась следующая: большая часть булавок, обозначающих пропавших людей, располагалась на правом берегу Фемзы, в стороне от реки, охватывая ее почти ровным полукругом. Меньшая часть в момент исчезновения находилась

на левом берегу, но оно и понятно – в той стороне находилось гораздо меньше объектов, повышающих магический фон в столице.

Такая же тенденция просматривалась и в отношении погибших, о которых мы достоверно могли сказать, что их смерть была делом рук умрунов. За сорок лет было найдено чуть более сорока тел с вырванными сердцами, причем двадцать девять из них были обнаружены все там же, на правом берегу, вблизи мест с резко повышенным магическим фоном. Скажем, в районе наибольшего скопления магических лавок, возле домов с очень сильной магической защитой, вблизи темных и светлых святилищ и даже неподалеку от центральной площади, где возвышался главный храм Алтории.

При этом умрун не делал различий по возрасту, социальному статусу или каким-то иным признакам, а выбирал горожан, похоже, наобум. Лишь бы жертва находилась вблизи места с истончившейся границей миров. Единственное, что меня удивило, это то, что женщин среди пропавших практически не встречалось, а среди и убитых и вовсе не было ни одной.

Это выглядело довольно странно, особенно, если учесть, что мы имело дело с нежитью. А с другой стороны хоть как объясняло, что после убийства Криса умрун не воспользовался возможностью, чтобы запихнуть в свое ненасытное нутро две новых души. Что ж, будет считать, что он у нас джентльмен. А может, у девушек-магов что-то не так с душами, и они ему попросту не нужны.

Наконец, самое интересное касалось пропавших без вести темных магов. Как выяснилось, шестеро из семерых были утащены умруном на правом берегу Фемзы, причем все с той же привязкой к границе между мирами и зданиям, рядом с которыми она была нарушена. И лишь один-единственный Шерин Войдо выбивался из общей картины, поскольку исчез на левобережье, в районе Северного порта и в непосредственной близости от доков.

– Забавно, – протянула Хокк, отойдя на шаг и окинув преобразившуюся карту внимательным взглядом. – Хотя смещение к правому берегу вполне объяснимо – слева практически нет мест с истончившейся границей, за исключением нескольких лавок и пары святилищ.

– Да, – согласилась Триш. – И, оказывается, на месте сегодняшнего убийства сорок лет назад уже кто-то умирал.

– Да и двадцать лет назад поблизости исчез один из местных жителей. Кажется, наш умрун отличается завидным постоянством. А значит, в других местах тоже стоит ожидать новых жертв.

– Это нам на руку: несколько десятков подозрительных участков намного проще обыскать, чем всю столицу.

Хокк задумчиво кивнула.

– Надо сказать Корну. Пусть усилит патрули в этих районах и даст информацию магам на всех участках. Имеет смысл временно выселить народ, который живет вблизи объектов с повышенным магическим фоном. Самые опасные здания вообще огородить, чтобы никто не подходил. Лавки закрыть. Защиту на домах убрать и поставить поблизости дежурных магов с визуализаторами. А нашим передать, чтобы соблюдали дистанцию и не приближались к указанным домам ближе, чем на несколько шагов. Рэйш, что думаешь?

Вместо ответа я взял с соседнего стола карандаш и двумя быстрыми движениями обвел две окружности. Первую – по краю наружной, очерченной булавками границы, которая пришлась на верхнюю треть карты, а вторую соответственно по нижней части, ближе к прибрежным районам, тем самым отделив немалую часть города, где чаще всего случались нападения и исчезновения людей.

– Ты прав, – так же задумчиво согласилась Хокк, заметив, что я заключил в двойной круг почти все пространство между Старым и Новым мостами. – Это – эпицентр, где встреча с умруном может произойти с наибольшей вероятностью.

– Только у самой реки нападений почти не было! – прошептала Триш, во все глаза уставившись на карту.

– Да. Кроме Друсса, тут больше никто не погиб.

– Значит, логово умруна находится где-то тут, – девчонка замедленным движением провела ладонью по очерченному мною пространству. – И если мы его найдем…

Хокк решительно тряхнула головой, а затем достала из кармана фиксирующий кристалл и, приподняв над столом, сделала снимок карты.

– Так. Я пошла к Корну – пусть принимает решение и организует облаву на этого урода. Может, даже сегодня, чтобы утром не убирать за ним новые трупы.

– Я с тобой, – подхватилась Триш и первой помчалась к выходу. – Хочу быть в курсе событий.

Я проводил обеих взглядом, а когда снаружи хлопнула дверь, снова повернулся к расстеленной на столе карте.

Женщины есть женщины. Красивые, умные, а в каких-то вещах они нас, мужчин, даже превосходят. Но одного им понять не дано: ни один зверь не станет убивать рядом со своим логовом, так что очерченный мною круг – это не что иное, как охотничьи угодья умруна. Там он отыскивает жертв, там же у него

наверняка есть присмотренные и отмеченные Тьмой дома, которые он, словно опытный следопыт, каждый день проверяет на предмет, а не попал ли кто в его силки.

А вот логово с «детенышами» он должен был спрятать так, чтобы не привлечь к нему наше внимание. Где-то в стороне. Скорее всего, в черте города, но там, куда мы бы никогда не сунулись и где ни за что не подумали бы его искать.

Мой взгляд упал на прибрежные районы, где за все сорок лет произошло лишь одно убийство, а на губах появилась мимолетная усмешка.

Если мастер Ирвин Друсс, занимавшийся делом Войдо, не был глупцом, то он, как и мы, наверняка додумался посмотреть карту. И в конечном итоге расследование привело его в северные доки. Там же умрун его и убил. Единственного из всех. Случайного гостя. А скорее всего, не гостя, а ненужного свидетеля. И это означало, что мне тоже стоило прогуляться к Северному порту и своими глазами взглянуть на место, где когда-то убили наших коллег.

Глава 18

Откладывать визит в порт смысла не было – Корн наверняка не станет тянуть с облавой и буквально через пару свечей весь город будет кишеть патрулями, причем как в реальном мире, так и на темной стороне. А мне светиться было нельзя. И переносить прогулку на завтра нельзя тоже – боюсь, в эту ночь коллеги вытопчут все следы, которые им самим были не видны, но которые мог бы увидеть я, пользуясь темными линзами.

Выйдя из Управления и обнаружив, что солнце уже клонится к горизонту, я молча посетовал, что в реальном мире время бежит так быстро. После чего огляделся, убедился, что прохожих поблизости нет, и одним прыжком оказался дома: надо было подготовиться к ночной прогулке.

Собаки встретили меня так, словно не видели полжизни. Неистово виляли хвостами, тыкались мордами в ладони, а отстали только тогда, когда я хлопнул обоих по холкам и оттолкнул – времени на нежности не было.

Бросив на крыльце приметную шляпу и плащ, я сменил обычную одежду на броню, а затем поколебался и все-таки решил закрыть лицо полностью. Мало ли – вдруг все-таки на наших нарвусь? Да и надежнее оно в шлеме. По крайней мере, никто со спины не подкрадется и не шарахнет по затылку так, чтобы я в одночасье вырубился.

– Хозяин, вы надолго? – поинтересовался Нортидж, появившись на темной стороне и кинув настороженный взгляд на глухой шлем, под которым пряталось не только мое лицо, но и волосы.

Оглядев себя со всех сторон, я удовлетворенно кивнул.

– К вечеру вернусь.

– В таком случае ужин в восемь. Какие-нибудь пожелания относительно блюд имеются?

– Главное, чтобы на тарелке лежал хотя бы один кусок мяса. А остальное мне без разницы.

Дворецкий понятливо кивнул и испарился. А я в последний раз проверил броню, вооружился секирой, оттолкнул настойчиво лезущих под руки псов, после чего шагнул сквозь Тьму и, привычно попетляв по столице, вышел на левобережье.

В этой части города я хорошо помнил лишь одно место, куда мог создать прямую тропу, поэтому переместился не сразу в доки, а на место недавнего убийства. В тот самый тупичок рядом со скобяной лавкой, откуда этим утром мои коллеги вывезли два обезображенных трупа.

Поскольку время было позднее, лавка господина Саттона уже закрылась, да и прохожих стало заметно меньше. И, судя по тому, что они вдруг начали сердито коситься на небо, дружно потянулись за капюшонами, а самые невезучие попытались прикрыть головы руками, на улице пошел дождь.

Само собой, до меня тяжелые капли не долетали – для этого во Тьме было слишком холодно. И вместо ливня с неба просыпался лишь легкий снежок, при виде которого я с удовлетворением подумал, что с каждым днем темная сторона нравится мне все больше.

Поскольку сегодня мы не смогли обследовать место преступления до конца, для очистки совести я все же обошел соседние с лавкой дома, но, как и ожидалось, ничего нового не узнал. Умрун пришел, сделал свое кровавое дело и ушел, практически не оставив следов. Так что Хокк и Триш правильно не полезли во Тьму этим утром – только время бы потеряли.

Уже по дороге к докам я начал присматриваться в поисках мест, куда можно было без опаски вернуться темными тропами. В частности – крыши домов, широкие выступы на стенах – желательно такие, где мог уместиться лишь один человек. Пронзающий серые небеса шпиль единственного на все левобережье темного святилища… нет, прямо сейчас я не собирался туда сворачивать. Но кто знает – может, однажды мне придется спасать свою шкуру, и знание местности сыграет в этом немаловажную роль.

В отличие от полупустых, неумолимо погружающих в сумерки жилых районов, в доках по-прежнему кипела и бурлила жизнь. Несмотря на сгущающуюся темноту, повсюду сновали люди, народ все время куда-то бежал, что-то перетаскивал, откуда-то выкатывали и непонятно куда катил огромные бочки… видимо, не так давно в порт прибыло торговое судно, иначе с чего бы поднялась такая суета?

Ради интереса я прошелся по пирсу, пользуясь тем, что живые меня не видели, но вид полуразвалившегося судна, наполовину ушедшего под темную, похожую на деготь, воду меня совершенно не впечатлил. Как, и многочисленные «призраки», которые сноровисто его разгружали, а затем складывали поднятое из трюма барахло на стоящие неподалеку телеги.

Рядом с кораблем, насколько хватало глаз, на черных водах покачивалось бесчисленное множество более мелких суденышек. Подтопленные и насквозь проржавевшие баркасы, чудом державшиеся на плаву и такие же древние баржи, дырявые лодки и убитые вусмерть лоханки всех размеров и мастей, причем от большинства на поверхности реки виднелись лишь покрытые

плесенью мачты…

Признаться, я не ожидал, что их окажется так много. И совсем не думал, что застану речной транспорт в столь плачевном состоянии. С другой стороны, отец Гон сказал, что я вижу больше, чем обычные маги, и вполне возможно, для той же Триш Фемза выглядела совсем иначе.

Не найдя у пирса ничего интересного, я развернулся и углубился непосредственно в доки, внимательно осматривая их один за другим и выискивая следы пребывания нежити.

Что удивительно, ее здесь не оказалось. Ни самой нежити, ни отпечатков лап тех же гулей, ни характерных остатков, появляющихся в местах обитания слизней. Ни шуршей. Ни крыс. Ни одной, даже самой крохотной лужи… темная сторона в доках казалась мертвой во всех смыслах этого слова.

И мне это не понравилось.

Пройдя вдоль берега до самого края порта, я снова повернул к жилым кварталам и двинулся в обратную сторону, старался подметить все мало-мальски важные детали.

Вот тут недавно пробежал одинокий гуль. На той стене осталась узнаваемая царапина от его когтей. В куче старого тряпья неподалеку слышась подозрительная возня, будто две мыши не поделили кусок сыра. Но все это – шагов за двести от реки. В глубине запутанных улочек. Между домов. Среди ничего не подозревающих людей. А ближе – ни звука, ни шевеления, словно нежить стремилась избегать этого места. Будто кто-то отделил его от остального города невидимой, но очень жирной чертой.

Прогулявшись таким образом до другого конца доков и везде увидев одну и ту же картину, я наконец вернулся на улицу, по которой сюда пришел и, остановившись у пирса, задумчиво пожевал губами. Затем решил проверить еще одну догадку и перепрыгнул тропой сперва на Старый мост, а затем и на правый берег, пройдясь по нему точно так же, как недавно по левому.

Картина здесь практически ничем не отличалась от той, что я увидел на левобережье – создавалось впечатление, что мелкая нежить старалась держаться подальше от берега. Следы ее пребывания я не раз видел в охотничьих угодьях умруна, на которые всего пару свечей назад указал коллегам, а тут – ничего. И никого. Хотя, казалось, все должно было быть наоборот.

Снова вернувшись на мост, я оперся на перила и так же задумчиво уставился на черные воды Фемзы.

На темной стороне река выглядела совсем иначе, чем в реальности. Черная, молчаливая, холодая, но почему-то не сумевшая замерзнуть. В этом мире ее волны казались тяжелыми,

неповоротливыми, какими-то маслянистыми и похожими на деготь. А торчащие из-под воды остовы кораблей придавали ей совсем уж недобрый вид.

Мимо меня бесшумно пронесся полупрозрачный экипаж, расплескав по дороге большую лужу. При виде несущихся в мою сторону брызг я машинально отступил на шаг, но вовремя вспомнил, что нахожусь не в реальном мире. А проследив за тем, как призрачные капли бесследно исчезают, не долетев до меня всего на волосок, вдруг нахмурился и посмотрел себе под ноги.

На темной стороне, несмотря на дождь, так и не появилось ни единой лужи. Здесь не барабанили тяжелые капли по мостовой. Не оседала вода на коже и волосах. На земле даже следов влаги не имелось, потому что вода во Тьме или испарялась, или же смерзалась в ледышки.

Но тогда почему Фемза выглядит так, словно ее коснулось дыхание Смерти? И почему, когда все вокруг припорошено снежком, ее воды по-прежнему выглядят влажными, черными и… подозрительно похожими на ту самую Тьму, что я видел в проклятых лужах?!

Окинув неверящим взором все пространство между мостами, я едва не отпрянул от перил.

Да нет… не может такого быть, чтобы ВСЕ РЕЧНОЕ РУСЛО превратилось в одну гигантскую лужу!

Проклятье. Вот почему рядом с ней не было ничего подозрительного – все лужи стекали сюда. И вот почему река не замерзла – вместо обычной воды в ней неторопливо переливалась сама Тьма! Точно такая же, как в бесконечно далекой отсюда Алторийской трясине!

Похолодев от собственной догадки, я активировал вторую темную линзу и невольно вздрогнул, когда обнаружил, что вместо воды между берегами колыхалась и скручивалась тугими жгутами знакомая черная жуть. Но что самое главное, там, под ней, начали проступать очертания давно затонувших кораблей! Причем едва-едва, словно даже моих способностей не хватало, чтобы пробить эту несусветную глубину! И словно там, внизу, таилось гораздо большее по размерам пространство, чем можно было себе представить.

Фол… теперь все, наконец, встало на свои места – бегущая прочь от этого места нежить, отсутствие случаев бесследного исчезновения людей в этих районах и один-единственный убитый маг, который оказался не в том месте и не в то время.

Кажется, я все-таки нашел логово умруна.

Остались сущие пустяки: спуститься туда и удавить проклятую тварь, пока она не успела вырастить потомство.

* * *

Когда мои сапоги коснулись кромки воды, наверное, стоило ненадолго остановиться. Так сказать, прочувствовать величие момента или же насладиться последними мгновениями спокойной жизни, прежде чем шагнуть в вечный сумрак. Но я лишь поморщился, в который уже раз огляделся, а затем сделал еще один шаг и буквально провалился в бездну, успев напоследок задержать дыхание.

Правда, падать оказалось неглубоко – твердая земля почти сразу ударила по пяткам. Возникшая перед глазами черная пленка немедленно сгинула. Ощущение сдавливающих грудь тисков прошло так же быстро, как и появилось. Я спружинил, приземлившись на ноги и одновременно вскинув секиру, однако нападать на меня никто не спешил. Более того, рядом вообще никого не оказалось, хотя перед тем, как войти, я полагал, что здесь меня будут ждать полчища нежити и хотя бы один умрун.

Хм.

Медленно повернувшись вокруг своей оси, я внимательно осмотрелся, но был вынужден признать, что скрывавшаяся под водой каверна и впрямь оказалась гигантской. Собственно, это было не что иное, как настоящее речное русло – с годами высохшее, растрескавшееся и ставшее похожим на древнее кладбище.

Судов на дне Фемзы оказалось так много, что я в первый момент даже не поверил своим глазам. Разбитые лодки громоздились повсюду целыми горами, вдалеке виднелись насквозь проржавевшие остовы сразу двух торговых судов, рядом мирно покоились опрокинутые шлюпки, боты, челны, а между ними – просто несметное количество щепок, досок, цепей, полуразвалившихся ящиков и никому не нужных якорей… Фол. Какого хлама здесь только не было! Наверное, и те суда, что виднелись сверху лишь краешком, в действительности находились именно тут, как если бы столица тысячу лет простояла без людей, и за это время в ней не только дома, но и реки успели состариться.

Я с трудом удержался, чтобы не помотать головой, сбрасывая наваждение.

Ничего себе логово выбрал умрун. Окажись я на его месте, подыскал бы что-нибудь поприличнее. Ну да ладно, надо работать, а то неровен час кто-то все же догадается заглянуть под воду, и тогда у твари будет столько душ, сколько она даже с оголодавшими детенышами за один присест не сожрет.

К тому же, маловероятно, что умрун устроил лежку вблизи

берега, а значит, мне снова придется прогуляться.

Обратившись в слух и настороженно поглядывая по сторонам, я медленно двинулся между разбитыми судами, как можно аккуратнее ставя ноги, чтобы не шуметь, и заодно прикидывая про себя, а где бы я создал логово, если бы хотел сохранить детенышей в безопасности.

Явно не посреди груды щепок и не под ненадежной конструкцией из гнилых досок. Не под опрокинутыми лодками. Не на видном месте. И определенно не в куче земли, небрежно наваленной возле одного из судов.

Миновав своеобразный коридор из корабельного мусора, я пробрался между килями двух лежащих вплотную друг к другу баркасов и осторожно выглянул из-за наполовину вросшего в речное дно огромного якоря.

Так. Пустое пространство впереди – это и хорошо, и плохо.

Хорошо – потому что я всегда смогу увидеть, не крадется ли кто следом. Плохо – потому что точно так же кто-то мог увидеть и меня. А поскольку дальше начинался новый завал, который идеально подходил для засады, то следовало хорошенько подумать, прежде чем выходить на открытое место.

В конце концов, я решил потратить немного больше времени и обойти опасный участок по дуге, хоронясь за разбитыми кораблями и прикрываясь висящими на сломанных мачтах рваными парусами. А когда благополучно завершил маневр и миновал ещё один завал, то уперся в перегородившую речное русло огромную баржу – единственное из судов, которое стояло достаточно прямо и сохранилось настолько хорошо, что это казалось подозрительным.

Вариантов преодолеть неудобное препятствие было два – или потратить еще полсвечи, чтобы обойти его стороной, или же взобраться по ржавой лестнице, пройти по такой же ржавой палубе и спуститься с другого борта, где наверняка найдется вторая лестница.

Первый вариант выглядел чуточку более простым, второй казался более быстрым. Хотя, по большому счету, оба были одинаково рискованными, поэтому я, подумав, решил идти напрямик. А по пути заглянуть в объемистый, надежно прикрытый от вторжения извне толстыми листами железа трюм, где мог скрываться не только обычный умрун, но и целая стая какой-нибудь живности.

Правда, когда я подошел ближе, оказалось, что баржа была далеко не такой прочной, какой выглядела издалека. Более того, мне даже забираться никуда не понадобилось, потому что ближе к корме один из листов обшивки оказался отогнут в сторону, так

что от меня требовалось лишь войти внутрь, осторожно пересечь трюм и проделать в такую же дыру другом борту.

Проще, как говорится, простого.

Напоследок оглянувшись и окинув внимательным взглядом притихшее кладбище, я скользнул внутрь. Но прежде чем оставить за спиной отверстие в борту, на мгновение задумался.

Этим утром отец Гон предположил, что на темной стороне я могу обходиться без магии. Более того, не должен ее использовать, если не хочу потерять подаренное Фолом преимущество. Однако сейчас охранные знаки мне бы очень пригодились – прикрыв ими дыру, я мог, по крайней мере, не опасаться, что кто-то ударит в спину.

Но если не магией, то как тогда это сделать?

Я медленно поднял руку, на которой послушно заплясало черное пламя, сжал пальцы в кулак, затем снова их разжал, любуясь переливами темного огня. А затем перевел задумчивый взор на обшивку и в каком-то наитии начертал в воздухе знакомые до последней черточки знаки: Прах, Боль, Оглушение… Да, начертал прямо так, своей собственной Тьмой. И удовлетворенно хмыкнул, обнаружив, что она не только по-прежнему послушна, но и охотно, без подсказок, сама свивается в нужные фигуры. Так, словно знала, что я хочу от нее получить. И прекрасно помнила древние формулы, будто уже не раз и не два создавала их для таких как я.

Отступив на шаг, я полюбовался на сотканную из Тьмы паутину, надежно перегородившую дыру в обшивке.

Так вот о чем толковал настоятель. Сила темного мага в действительности заключается не в формулах и не в вычитанных тайком знаниях. Тьма – вот наше подспорье на темной стороне. В ней сосредоточено все: наша защита, оружие и даже магия. Та самая, идеально подходящая лишь для этого мира сила – опасная, неслышная и абсолютно незаметная для нежити. Неимоверно древняя, исконно темная магия темной стороны, которой мы, маги Смерти, способны не только подчиняться, но и управлять.

Успокоившись за собственный тыл, я уже увереннее двинулся прочь и вскоре оказался в узком коридоре, один конец которого был наглухо завален всевозможным хламом, а второй уводил совсем не в ту сторону, куда я планировал пойти.

Поколебавшись, я все же решил не трогать завал, чтобы не оповещать умруна о своем появлении. Но коридор, как назло, оказался тесным, из стен тут и там торчали острые железки. Под ногами беспрестанно что-то похрустывало, поскрипывало и ломалось, так что полностью соблюсти тишину мне при всем желании не удалось.

Одно хорошо – нежити в каверне, похоже, и впрямь не водилось, поэтому до конца коридора я добрался без всяких препон. А оказавшись у тяжелой, похожую на сейфовую, металлической двери, всерьез призадумался, стоит ли ее открывать. После чего прикинул, сколько времени потрачу на обходной путь. Сравнил с оставшимся позади завалом. Наконец, решил, что хрен редьки не слаще, обеими руками взялся за металлическое кольцо и рывком его повернул.

Звук при этом раздался такой, что меня едва не перекорежило. Мгновением спустя так же отвратительно громко взвизгнули давно не смазываемые петли. Тем не менее дверь все-таки поддалась и неохотно распахнулась, а за ней меня ждал огромная рукотворная «пещера». Которая, судя по ощущениям, располагалась прямо под рубкой и, вероятно, именно по этой причине могла похвастать столь внушительными размерами.

Несмотря на отсутствие иллюминаторов, совсем уж кромешной царящая внутри тьма не была. По крайней мере, для меня. Скорее всего, по той причине, что в густой темноте мягко мерцали десятки и сотни крохотных, зависших на высоте человеческого роста, бело-желтых огоньков. Благодаря им я без особого труда рассмотрел рядами стоящие вдоль стен узкие металлические ящики, а чуть дальше – приличное по размерам пустое пространство, заканчивающееся очередным завалом, который внешне напоминал громадную пирамиду.

Самый крупный, насыщенно-желтого цвета огонек мерцал именно над ней. И с учетом того, что я находился не в храме, вряд ли это означало что-то хорошее.

Набросив на дверной проем еще одну сеть защитных заклинаний, я спустился по короткой лестнице и медленно двинулся между ящиков. Узкие, длинные, покрытые толстым слоем ржавчины, они производили настолько гнетущее впечатление, что я поневоле сравнил их с гробами. А потом подметил, что от каждого огонька тянется вниз тоненький лучик света, кончик которого упирался в крышку своего «гроба», и сжал зубы.

Не нравится мне это. Просто ОЧЕНЬ не нравится. Но умруна нигде не видно, а значит, надо идти дальше.

Добравшись до последнего ряда «гробов», я остановился на краю пустого пространства, отделяющего меня от пирамиды, и напряженно всмотрелся вдаль.

Пирамида выглядела неровной, какой-то скомканной и словно осевшей под собственной тяжестью. Из чего были сложены ее стены, я поначалу даже не понял. Но потом увидел торчащий наружу обрубок с подозрительно знакомыми очертаниями… в

другом месте усмотрел еще один, затем третий. Наконец, догадался взглянуть на этот чудовищный холм обычным зрением и содрогнулся: пирамиды была сложена из человеческих тел. Мужских, женских… молодых и старых… навеки застывших в вечном холоде темной стороны. Давным-давно обледеневших, с неестественно вывернутыми конечностями, с мертвыми лицами и абсолютно пустыми глазами, в которых издевательски ярко поблескивали зажженные кем-то огоньки.

Причем тел было столько, что я даже навскидку мог определить, что их намного больше, чем количество пропавших, чьи дела мы смогли отыскать в архиве. Так что получалось, что умрун или охотился не только в столице, или же его эти твари обосновались в Алтире задолго до того, как о них узнали сотрудники ГУССа.

Сотни тел… многие и многие сотни! А если считать, что и в гробах кто-то лежит…

Я поднял взгляд на верхушку этого жуткого холма, а затем рискнул забраться на ближайший гроб, чтобы понять, что же находится наверху. И едва не сверзился, обнаружив, что на вершине пирамиды лежит лежит огромная надгробная плита, больше похожая на алтарь. А на ней распято обнаженное женское тело – такое же мертвое, как все остальные, покрытое толстой коркой льда, но неестественно вздутое в районе живота и размеренно пульсирующее, словно там, внутри мертвой женщины, билось огромное сердце. Или же медленно и упорно созревала какая-то тварь, о которой я не имел ни малейшего понятия.

С трудом подавив порыв метнуть туда секиру, а затем спалить тут все к Фоловой бабушке, я спрыгнул вниз и еще раз огляделся. Неожиданно ощутил, как больно кольнуло плечо. На какой-то миг почувствовал, что где-то рядом действительно бьется в агонии чья-то жизнь… причем не одна. И лишь после этого до меня наконец дошло, что за огоньки я увидел – это были души… насильно вырванные, притащенные сюда и намертво закрепленные в полупрозрачных путах. Безусловно светлые и чистые души, из которых таящиеся в гробах, ещё не успевшие народиться умруны, годами высасывали силы.

Но Тьма… как же их было много! Мы-то опасались пришествия семерых тварей, а получалось, что нежити спало в гробах намного больше!

Это ж сколько лет умруны создавали этот питомник?! Сколько душ успели загубить! И почему-то никто… ни разу… даже не заподозрил, что под огромной, многолюдной, полной таких вот светлых и неиспорченных душ, столицей творятся

воистину страшные вещи!

Мне даже показалось, что душа, которая тихонько тлела на вершине пирамиды, выглядела особенно сочной и свежей. И, присмотревшись к ней, я вдруг осознал, что знаю, кем она когда-то была.

Отец Кан… не самый последний в духовной иерархии жрец, тем не менее, оказавшийся совершенно беззащитным перед могущественной тварью и ставший пищей… для кого? Или для чего?!

Кожу на плечо вновь обожгло, да так, что у меня в глазах помутилось. Всего на долю мгновения. Но за это время я успел взглянуть на мир через пелену боли и неожиданно понял, что эта боль… она не моя. Потому что рядом с пирамидой сама Тьма беззвучно кричала и корчилась. Ее корежило и бесконечно мучило то, что созревало в раздутом до безобразия, покрытом черными венами животе. Над ним само пространство искривлялось и плыло, словно мираж над знойной пустыней. И, будто стенки мыльного пузыря, истончалась граница между мирами.

Более того, мне вдруг показалось, что Тьма всеми силами пыталась это остановить. Свила вокруг женщины плотный кокон. Стремилась уничтожить то, что сокрыто в ее животе. Но нарыв почти созрел и вскоре должен был лопнуть. А вместе с ней разорвав границу между мирами, выпустить в реальный мир тех, кто десятилетиями… а может, и столетиями… терпеливо ждал этого дня.

Когда жутковатая истина дошла до моего сознания, я шальными глазами оглядел сотни гробов, прячущихся в громадном трюме. И впервые подумал, что нежить пришла сюда не сама по себе. Ее кто-то заботливо создал, любовно взрастил и теперь готовился выпустить в новый мир. Напоенную силами человеческих душ. Надежно укрытую в телах, которым не страшен солнечный свет. Полностью готовой к жизни в не знающем ужасов темной стороны мире, куда эти твари скоро получат свободный проход.

– Фол… – прошептал я, в шоке уставившись на вершину пирамиды. – Это же полноценные врата!

– Правильно, – вдруг проскрипело сверху, и неподвижно лежавшая женщина внезапно повернула голову, уставившись на меня мутными бельмами глаз. – Для их открытия не хватает одной души, так что ты очень вовремя к нам заглянул. Отдай мне свою душу, жрец! Отдай сам или умри, и я все равно ее заберу!

Глава 19

В тот же момент позади раздался шорох, и я развернулся, одновременно поднимая секиру. А потом беззвучно выругался, обнаружив, что крышки сразу двух ближайших гробов сдвинулись с места, и оттуда с хрустом выбираются два незнакомых мага Смерти… вернее, два дозревших умруна в телах моих коллег, без вести пропавших около двадцати лет назад. А следом за ними из темы бесшумно выходит третий… бедняга Шерин Войдо, с которым я уже имел удовольствием встретиться.

И почему я решил, что в других телах умруны не приживаются? В те времена пропавших магов было всего семеро. А вокруг вон сколько заготовок. Сотни! И над каждым страдает чья-то украденная душа, вынужденная по каплям отпаивать сонную нежить до тех пор, пока ее силы полностью не перейдут в умруна.

Как бы ни были ловки умруны, такое количество темных им при всем желании было бы не собрать, даже если они стаскивали сюда тела со всей страны. Такого количество без вести пропавших магов Орден ни за чтобы не пропустил. А раз наверху пока было тихо, значит, большинство людей в гробах являлись обычными смертными. И это значило, что умрунам для жизни все-таки подходили любые тела. Другое дело, что маги являлись намного более ценной добычей, а темные и вовсе считались деликатесом, ведь именно в наших телах умруны получали способность возвращаться в реальный мир.

А ещё я вдруг подумал о другом. Мне весь день не давала покоя мысль, куда же подевался старший умрун, который создал Шерина Войдо? Облаву ведь не него, как признался Корн, никто не устраивал. Уйти из столицы он, конечно, мог, но зачем, если о нем никто не знал, а пищи вокруг оставалось видимо-невидимо? Он же не дурак – бросать такие богатые угодья. К тому же, нежити не свойственна благодарность или меценатство. Мертвые твари всегда голодны, жадны до крови. И с этой точки зрения более старый и опытный умрун, скорее, выгнал бы Войдо со своей территории, как делают взрослые хищники с подросшим молодняком.

Наконец, меня беспокоил вопрос о том, а сколько вообще взрослый умрун может эксплуатировать человеческое тело. Ведь, если тело простого смертного могло храниться на темной стороне, как в стазисе, столетиями, то тела темных магов, раз уж умрун регулярно появлялся в реальном мире, должны довольно быстро разрушаться. И тогда не значит ли это, что создатель

Войдо на самом деле никуда не ушел, а просто сменил одно тело на другое, и именно этим объяснялась его невероятная скорость и сила? И не значит ли это, что в действительности мы имеем дело с той же самой тварью, которая убила более полудюжины магов около двадцати лет назад? Тварью, которая не успела закончить охоту из-за чересчур быстро разрушившегося тела, поэтому была вынуждена во второй раз впасть в спячку, чтобы вселиться и полностью подчинить себе другое?!

– Фол… как ты мог такое допустить? – с досадой пробормотал я, следя за выбирающимися из ящиков умрунами.

Твари… полностью одетые, обутые и даже вооруженные, словно все двадцать лет в таком виде пролежали в гробах, медленно распрямились, повертели головами. После чего, наконец, заметили меня и, растопырив пальцы, будто на концах у них имелись длинные когти, так же медленно двинулись в мою сторону.

Войдо неторопливо двинулся следом, словно пастух – за молодыми и ещё неопытными псами, которых только-только начал натаскивать на кабаном. Остановился он на границе разделявшего нас свободного пространства, тогда как двое его сородичей двинулись дальше. И впрямь – как науськанные хозяином псы. При этом выглядели умруны не слишком уверенно. Их движения казались дергаными, скованными, сонными, и только в мутных глазах постепенно разгорались недобрые искорки, словно новорожденная нежить начала себя осознавать.

Отступив так, чтобы видеть всех троих, я выхватил из Тьмы еще одну секиру. Но, когда умруны приблизились на расстояние удара, я вдруг услышал за спиной тихое, подозрительное знакомое пощелкивание, смутно похожее на стук голых костяшек. Или же жреческих четок, от звука которых у меня волосы на затылке зашевелились.

Щелк-щелк. Щелк-щелк…

Фол! Только тебя здесь не хватало!

Проворно отпрянув от пирамиды и одновременно пригнувшись, я едва успел заметить, как мимо меня с угрожающим щелканьем пролетело что-то некрупное. Стой я всего на пару шагов ближе, и проклятая кукла, невесть как и зачем прокравшаяся в каверну, вцепилась бы мне в загривок. Но вместо этого она с устрашающей скоростью проскочила мимо и с воинственным клекотом вцепилась… в горло одного из умрунов!

От удара мертвый маг пошатнулся и неуклюже взмахнул руками, пытаясь ухватить яростно верещащую тварь за голову. Та ловко увернулась, с невероятной скоростью перепрыгнула умруну на плечо, после чего с силой полоснула по его горлу теми

полупрозрачными нитями, которые я уже видел раньше, А затем в мгновение перепрыгнула на его соседа, вцепившись и в его в глотку тоже. После чего хрипло заклекотала и с невероятным проворством переметнулась на ближайший гроб, где ненадолго замерла и позволила наконец себя рассмотреть.

Да, это была она… та самая тварь, которую мы едва не убили в Верле. Растрепанная, дочерна обгоревшая и все с тем же нелепым носком на уродливой башке, где под слоем копоти больше не виднелись нарисованные глаза, зато ярко пламенел ощерившийся множеством острых зубов широкий рот.

Правда, я немного ошибся в оценке ее внешности – снизу у твари, конечно же, не имелось никаких колесиков. А невероятную скорость ей придавали восемь тонких, изогнутых и похожих на обглоданные косточки лапок.

Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, что «лапки» – это не что иное, как человеческие пальцы. Да-да, низ у твари состоял из двух человеческих кистей, стоящих на кончиках фаланг, при этом шесть из них служили твари опорой, два она недвусмысленно подняла и использовала вместо рук, орудуя ими с так скоростью, что за ними было почти невозможно уследить. А последние два пальца… вероятно, большие… были развернуты фалангами вверх и наподобие штыря удерживали на весу жутковатую голову.

У меня по спине пробежал холодок, когда кукла, словно маленький скорпион, проворно развернулась на крышке гроба и разинула пасть, откуда вырвалось злобное шипение. А затем перевел взгляд на атакованных ею умрунов и озадаченно замер, обнаружив, что те до сих пор стоят, шатаясь, словно от сильного ветра, и держатся за распоротые глотки, будто забыли, что для псевдожизни воздух им больше не нужен!

Хотя, может, кукла повредила им позвоночник, поэтому они и не могли сдвинуться с места?

В этот момент от ступора очнулся и Войдо. Заворчал, заклокотал, едва не забулькал, выражая негодование. И решительно двинулся кукле, сумевшей повредить ему сразу два драгоценных тела. Та при этом снова ощерилась и, ловко щелкнув верхними «пальцами», проворно исчезла среди гробов. После этого Войдо, искривив бледное лицо, задумался, но, вопреки ожиданиям, не погнался за прыткой тварью. А развернулся и целеустремленно двинулся в мою сторону, прямо на ходу поднимая руки со скрюченными пальцами и метя ими в мое лицо.

Убедившись, что двое его товарищей по-прежнему недееспособны, я временно выключил их из сферы своего внимания и полностью сосредоточился на старшем умруне.

Двигался тот не в пример лучше и быстрее, а еще, насколько я понял, умел создавать темные тропы.

Правда, сегодня он почему-то не захотел воспользоваться этим умением, хотя это было бы логично. А не добравшись до меня всего пары шагов, вдруг с удивительным проворством прыгнул, одновременно выстрелив наружу целым десятком прятавшихся до поры до времени в подушечках пальцев острейших когтей. Почерневшие губы умруна при этом приоткрылись, обнажая острые клыки. В глазах вспыхнуло мрачное пламя. А из горла вновь вырвался глухой рык – по-видимому, человеческая речь была ему недоступна. И этим он сильно уступал своему старшему родичу – моргулу.

Увернувшись от когтей, я отмахнулся секирой и удовлетворенно хмыкнул, когда под ноги умруну упала отрубленная по локоть лапа.

Правда, кровь из раны практически не сочилась, да и нежить она совершенно не смутила. Собственно, умрун даже не замедлился, потеряв конечность, а когти второй руки замелькали перед моим лицом с такой сумасшедшей скоростью, что я только диву дался. Более того, все-таки словил приличную оплеуху и был вынужден отступить, в последний момент пнув настырную тварь в пах и отбросив ее на пару шагов.

Недовольно рыкнув, Войдо остановился, буравя меня тяжелым взглядом.

Его приятели все ещё невнятно гыкали неподалеку, однако, насколько я мог заметить, снова начали двигать руками. С места пока не сошли – видимо, повредила их кукла неплохо, однако уже раскачивались, словно маятники, поворачивали вслед за нами головы и ожесточенно щелкали зубами, словно заранее разрабатывали смерзшиеся за время спячки челюсти.

Вот же гадость.

Тем временем Войдо наклонился и, подобрав отрубленную руку, приставил ее к плечу. Я только сплюнул, увидев, как из обрубков навстречу друг другу выстрелило несколько десятков багрово-красных тяжей, притянув к себе поврежденную конечность. А потом и выругался, наконец-то поняв, каким образом разрубленная надвое тварь сумела собрать себя воедино и спокойно уйти с крыши на своих ногах.

На полное восстановление умруну понадобились жалкие доли мгновения. После чего жгуты с чавканьем всосались обратно в тело, а Войдо поднял обе руки, сжал и разжал кулаки, словно проверяя их работоспособность. А затем растянул губы в мерзкой усмешке и снова двинулся в мою сторону.

Какое-то время мне пришлось туго, потому что, хоть по силе

мы и были равны, в скорости я умруну все-таки уступал. При этом он был практически безоружным, но каким-то чудом успевал отшатнуться буквально за миг до того, как рядом с ним пролетала моя секира. И он больше ни разу не подставился, как тогда, на крыше. А еще – старательно берег не только голову, но и ноги, отскакивая всякий раз с таким проворством, что я досадливо рычал и начинал новый замах.

Да, иногда мне везло, и время от времени на пол падали то отрубленные когти, то пальцы, то клочья кожи с обрывками одежды… Но во всем этом не было особого смысла – проклятая тварь восстанавливалась быстрее, чем я успевал по ней ударить. И вскоре наш поединок превратился в некое подобие фарса, в котором умрун лишь нагло скалился и терпеливо ждал, когда у меня закончатся силы.

Еще через какое-то время оставшаяся не у дел парочка наконец-то восстановилась и с хриплым рыком поковыляла на помощь вожаку. Ноги они переставляли ещё хуже, чем поначалу, однако рассыпаться на части не собирались. И даже с учетом того, что их способности к восстановлению существенно уступали Войдо, с тремя умрунами мне по определению было не справиться.

Но, похоже, Фол в эту ночь решил проявить неслыханную щедрость, потому что новички до нас так и не добрались. Всецело занятый Войдо, я мог лишь краем глаза видеть, как в последний момент одна из тварей неестественно выгнулась, замерла и вдруг неистово замолотила руками по воздуху, оглашая темную сторону хрипловатым криком. Затем она пошатнулась особенно сильно и медленно, до последнего сопротивляясь, завалилась навзничь, продолжая беспорядочно дергать конечностями. Мгновением позже на ее грудь запрыгнула уже знакомая мне кукла и с чавканьем вцепилась зубами в глотку, безжалостно разрывая мышцы, связки, кости и все, до чего могла дотянуться.

С умруном при этом случился такой припадок, что под одеждой начали с громким хрустом лопаться обледеневшие позвонки. От раздавшегося звука у меня что-то екнуло внутри, а Войдо недоверчиво обернулся. Третий умрун тоже остановился и принялся растерянно топтаться на месте, как потерявший хозяина зомби. А я, улучив момент, оттолкнулся от стены и, избежав очередного удара когтистой лапы, со всего маху шарахнул секирой по Войдо, очень надеясь, что на этот раз отшатнуться он не успеет.

Короткая заминка обошлась умруну очень дорого. Конечно, я торопился, да и подустать успел, если честно, поэтому нанесенный в спешке получился не таким эффектным, каким мог

бы быть. Однако половину башки я твари все-таки снес. А вместе с ней умудрился распилить его тело практически пополам. От макушки до самого паха. После чего отскочил обратно и с удовлетворением проследил за тем, как тварь медленно валится на пол.

О том, сколько времени ей понадобится на восстановление такой раны, я уже не думал. Не теряя времени, я отсек бьющейся в конвульсии нежити сперва верхние, потом нижние конечности, а затем и уродливую башку. Сперва хотел пнуть ее посильнее, чтобы жгуты или что там у нее было не дотянулись до тела, но вовремя вспомнил, что высшую нежить следует сжигать. Причем как можно скорее. После чего всерьез озаботился возникшей проблемой, но, так и не придумав где взять огонь, решил использовать доступные средства.

Сгусток черного огня, послушно возникший на ладони, выглядел достаточно внушительно, чтобы я рискнул его использовать. Подвижный, то и дело выстреливающий вверх языками холодного пламени, он буквально просился на свободу. И я позволил ему безнаказанно стечь по перчатке, чтобы упасть на осквернённое умруном тело. На всякий случай приготовился ударить, но дополнительного вмешательства не понадобилось: холодный огонь с такой готовностью вгрызся в ещё шевелящиеся останки, словно ждал этого всю жизнь. А потом принялся торопливо пожирать мертвое тело, в считанные мгновения прогрыз кожаную броню, расплавил плоть, обуглил, а затем и растворил кости. И не успел я толком удивиться, как на полу вместо довольно-таки массивного мага осталась лишь кучка дымящегося праха, от которого не надо было ждать подвоха.

Облегченно вздохнув, я поднял голову и взглянул на нерешительно замершего умруна. Второй после атаки куклы так и не поднялся с пола. Да и как тут подняться, если твою оторванную голову проворно утаскивает во тьму такая же прожорливая тварь? А перед этим она успела отгрызть тебе не только руки, но и попортить сухожилия на ногах?

Словно почувствовав, как мои губы под маской растягиваются в нехорошей ухмылке, последний умрун вдруг развернулся и, гыкнув что-то неразборчивое, поковылял прочь, явно намереваясь скрыться среди нагромождения гробов. А то и разбудить кого-нибудь из сородичей. Но сорвавшийся с моей руки огненный сгусток не дал ему такой возможности – бесшумно преодолев разделявшее нас расстояние, огонь с негромким шлепком впечатался нежити в спину и в мгновение ока превратил ее в объятий черным пламенем факел.

Распоровший воздух пронзительный визг заставил меня

поморщиться, но брошенный вслед второй сгусток быстро заставил тварь заткнуться. Третий ударил в распластанное поодаль тело, мгновенно накрыв его густой черной волной. И после этого мне оставалось лишь молча любоваться на яростно пляшущее на полу черное пламя, которое не дарило, а напротив – жадно поглощало царящий вокруг слабый свет.

Когда с умрунами было покончено, я обвел глазами заставленный гробами трюм и мрачно улыбнулся.

Что ж, теперь я знаю, что с вами делать. И, что самое главное, понял, как вас можно убить.

* * *

На то, чтобы вскрыть гробы и запустить внутрь каждого крохотный темный огонек, понадобилось немало времени. Я безумно устал, перемазался в ржавчине, пока отодвигал тяжелые крышки, но все же не поленился и залез во все ящики, попутно убедившись, что они не пустые.

Одновременно с этим я не забывал и о кукле. Однако за все время, что я возился с нежитью, странная тварь меня не побеспокоила. Я ни разу не услышал знакомого щелканья, словно костяная мелочь затаилась и чего-то ждала.

Зато меня несказанно порадовало, что с гибелью умрунов прикрепленные к ним души наконец-то получали свободу. Правда, после того, как в гробах остался лишь прах, они почему-то не пожелали уйти, а лишь стянулись к подножию пирамиды и там застыли, словно слепцы, у которых не было поводыря.

Совершив по трюму полный круг и остановившись под светящимся облаком из душ, я запрокинул голову и прицельно взглянул на лежащую на алтаре женщину.

Чей это был алтарь? Какого бога? Вряд ли светлого. И вряд ли это был темный из числа тех, кому у нас поклонялись. Если бы такое задумал кто-то из них, Фол бы не позволил мне это увидеть. И подчиняющаяся ему Тьма не прилагала бы столько усилий, чтобы задержать открытие врат между мирами.

Чем это грозило темной стороне, я доподлинно не знал. О том, чем это закончится для реального мира, мог только догадываться. Правда, догадки эти были сплошь невеселыми и так или иначе приводили к мысли, что слияние миров даже в одной точке, скорее всего, будет грозить гибелью обоим. В противном случае меня бы здесь не было, а печать на моем плече на вспыхнула адовым пламенем, заставляя поторопиться с решением.

С такого расстояния верхушку пирамиды я толком не видел. И мог рассмотреть лишь запрокинутую назад, свесившуюся с алтаря голову лежавшей там женщины. Мертвенно-бледное, исказившееся от ненависти… и ее мутные глаза, которыми она неотрывно за мной следила.

– Проклинаю тебя, – вдруг выплюнула она, когда мы встретились взглядами. – Проклинаю, жрец! Твой бог тебя не спасет!

Я качнул на ладони секиру, но не счел необходимым отвечать. А затем вспомнил, что не освободил последнюю, самую важную для Фола душу, и, смерив расстояние до верха, приготовился создать туда темную тропу.

Какого же было мое удивление, когда Тьма впервые не откликнулась на мой призыв. Я не то что тропу не создал – меня попросту туда не пустили! Причем не только на пирамиду, но и никуда вообще. Ни к гробам. Ни к стене. Я даже к выходу не сумел переместиться, хотя раньше не испытывал подобных затруднений!

Хотя, возможно, внутри каверн прямые тропы просто нельзя было создавать?

Слишком велика была здесь глубина. Слишком тяжело было пробиваться сквозь черные стены. Не зря умрун ни разу не воспользовался этим умением. И не зря ни один из троих не попытался меня подловить, несмотря на то, что такое решение выглядело очевидным.

– Значит, придется лезть самому, – пробормотал я, убедившись, что по-другому я наверх не заберусь. После чего временно развеял не нужную больше секиру, подошел к пирамиде вплотную, взялся за торчащие из кучи тел конечности и уже собрался подтянуться, как сзади на мои плечи легли две твердые ладошки, и знакомый женский голос мягко посоветовал:

– Остановись.

От ощущения дохнувшего в спину холода я замер и медленно-медленно опустил руки, лихорадочно размышляя, зачем ко мне опять явилась леди Смерть.

– Души, – безошибочно угадав мои тревожные мысли, сказала Она. – Ты правильно угадал насчет проводника. Без меня они не найдут дорогу к своим богам.

– То есть, на этот раз ты пришла не за мной? – на всякий случай уточнил я, по-прежнему не оборачиваясь.

Мне показалось, что Смерть улыбнулась.

– Еще не время, Артур.

– Хорошо. Понял. А теперь можно я пойду?

– Иди, – едва слышно рассмеялась Она. – Но имей в виду –

как только доберешься до вершины, я тебя все-таки заберу. Живым возле врат не место.

У меня беспокойно екнуло сердце, а коснувшийся затылка холодок стал гораздо отчетливее.

– Если мне туда нельзя, то как я могу уничтожить врата?

– Думай, – шепнула Смерть, наклонившись к самому моему уху. – Ты ведь маг, Артур. Вот и пользуйся тем, чем владеешь.

– Полагаешь, Тьма сумеет их уничтожить?

– Если захочешь.

– И ты не станешь этому мешать?

– Я буду неподалеку, – снова рассмеялась Смерть, легонько сжав мое плечо и тут же его отпустив. Холодное дыхание на моем затылке тоже исчезло, словно леди милосердно отошла, давая мне время прийти в себя. – Я всегда рядом, Артур. Только ты не можешь меня увидеть.

Я прикрыл глаза и пару раз глубоко вдохнул и выдохнул. После чего, не поднимая глаз, все-таки повернулся, с благодарностью поклонился и, успев увидеть край белоснежного подола, из-под которого выглядывали кончики лакированных белых туфель, поспешно отвел взгляд.

– Благодарю за подсказку, – пробормотал, торопливо выпрямляясь и так же поспешно разворачиваясь к выходу. После чего быстрым шагом направился прочь, всем существом чувствуя Ее насмешливый взгляд.

– Не так далеко, Артур, – со смешком сообщила Смерть, когда я оказался на полпути к двери. – И не надейся на коридор – он уже перекрыт.

Я чертыхнулся про себя, но послушно остановился.

К советам леди стоило прислушаться. И если Она сказала, что я двигаюсь в неправильном направлении, значит, я и впрямь качаюсь на грани совершения последней в своей жизни ошибки.

Так. Ладно. Давайте подумаем. Коридор, насколько я помнил, был единственным выходом из трюма, но он уже перекрыт… впрочем, почему это единственным? Разве кто-то мешает мне сделать другой?!

Мысленно посетовав на собственную недогадливость, я создал на ладони приличный по размерам темный сгусток и швырнул его в ближайшую стену. Та вздрогнула от удара, болезненно прогнулась, а затем неохотно раскрылась пугающе большим цветком с ядовито-черной сердцевиной и ярко-красными лепестками мгновенно расплавившегося железа.

Ни рева, ни грохота, ни скрежета повреждаемого металла я, к собственному удивлению, так и не услышал – моя Тьма уничтожила препятствие стремительно и абсолютно бесшумно.

Всего пара мгновений, и в стене образовалось гигантское отверстие, сквозь которое просматривалось серое небо. И куда легко мог заехать всадник верхом на коне.

– Очень хорошо, Артур, – откуда-то издалека прошептала Смерть. – А теперь поспеши. Времени осталось немного.

Я, забывшись, развернулся к пирамиде лицом, но, на мое счастье, леди в белом там уже не было. А на месте, где она только что стояла, клубилась сплошная Тьма, причудливо расцвеченная крохотными точками неприкаянных душ.

Почувствовав идущий изнутри взгляд, я снова поклонился, отдавая дать мудрости и предусмотрительности Смерти, а затем создал на ладонях ещё два сгустка темного огня. И по очереди швырнул в сторону пирамиды.

Нет, про отца Кана я не забыл и первый сгусток создал именно для него, бросив огонь так, чтобы он перерубил связывавшую душу и врата пуповину, тем самым даря жрецу долгожданную свободу. Второй сгусток предназначался женщине, которая не была ни живой, ни мертвой. То ли магичка, то ли ведьма… я понятия не имел, кем или чем она в действительности являлась. И выяснять не собирался. Но очень надеялся, что для моей Тьмы она окажется уязвимой, и искренне обрадовался, когда на вершине пирамиды расцвел роскошный огненный цветок, а стены трюма завибрировали от раздавшегося оттуда пронзительного, полного одновременно нечеловеческой ненависти и боли крика. Который стал поистине невыносимым, когда на алтарь просыпались искры со второго сгустка, а следом за этим беззвучное пламя одним махом накрыло пирамиду от верхушки до самого основания.

– Беги, – выдохнула мне в затылок Тьма, когда я застыл, завороженный невероятным зрелищем. Следом за этим кожу на плече больно куснула метка, я лишь тогда я, опомнившись, со всех ног кинулся прочь.

Дыра в стене меня сильно выручила, позволив не тратить время на обходные пути, и вывела на ту же сторону, откуда я пришел. С одной стороны, это было хорошо – по крайней мере, дорогу сюда я уже разведал и успел запомнить ориентиры. А с другой, сюда-то я шел спокойным шагом, часто останавливался, поэтому кое-чего не учел. И только сейчас обнаружил, что бежать в каверне оказалось намного тяжелее, чем просто на темной стороне. Воздух, как назло, стал вязким, тяжелым и густым, как патока. А я и без того переутомился, пока расправлялся с нежитью, а сейчас вдруг с неприятным удивлением обнаружил, что слишком быстро выдыхаюсь.

Каким-то шестым чувством ощутив, как напряглось за мной

пространство, я ускорился как только мог. А когда увидел пылающие на небе отголоски поднявшегося над баржей алого зарева, молча ругнулся и ещё немного поднажал, инстинктивно чувствуя, что там сейчас случится что-то очень и очень нехорошее. Вот только до берега еще оставалось приличное расстояние, и я не вовсе не был уверен, что успею его преодолеть.

Впрочем, как я уже говорил, этой ночью Фол находился в приподнятом настроении, и, наверное, именно его волей сгустившаяся вокруг баржи Тьма отсрочила неизбежное ровно на столько, сколько мне потребовалось, чтобы добраться до края каверны. И лишь когда моя нога коснулась долгожданного берега, а с губ слетел облегченный вздох, она наконец отступила. После чего позади жахнуло так, что я от неожиданности аж присел. А потом серое небо осветилось ослепительно яркой вспышкой, по ушам ударил звук слегка приглушенного расстоянием взрыва. Еще через мгновение по высохшему руслу пронеслась смертоносная волна, сметая на своем пути не только утлые лодчонки, но и вообще все, что рискнуло там оказаться…

Мне не хватило всего мгновения, чтобы выбраться из проклятой каверны. Собственно, я уже даже голову из-под воды высунул и изо всех сил спешил выбраться на родную и знакомую темную сторону. Однако пронесшийся по каверне взрыв заставил меня, мягко говоря, поторопиться. А грубо выражаясь, просто вышвырнул вон и, словно пробку из бутылки, с устрашающей силой бросил на камни.

Наверное, если бы доки не подступали к реке вплотную, я бы отделался царапинами и синяками. Но увы – там, где река выплюнула меня из своего нутра, как назло, здания стояли слишком плотно друг к другу. И слишком близко к воде. Хорошо еще, броня никуда не делась, иначе меня бы просто размазало о стены. Но даже в ней я приложился с такой силой, что в ушах зазвенело, в груди что-то подозрительно хрустнуло, а голова надолго перестала соображать.

Когда я пришел в себя, все уже было кончено. Вода в Фемзе успела успокоиться, плеснувшие на берег волны стекли обратно, оставив на земле мокрые «лизуны». Раздавшийся из недр гигантской каверны гул почти сошел на нет. Нависшее над городом небо вновь обрело унылый серый цвет. И только я полулежал посреди груды камней, оставшихся после столкновения со стеной, и бессмысленно изучал растекшуюся вокруг большую лужу, из которой у меня не было ни сил, ни желания выбираться.

Сколько я так просидел, бессмысленно таращась в пустоту, не знаю. Башка отчаянно гудела, на губах было солоно, спина ныла,

наверняка обзаведшись еще одним кровоподтеком от макушки до самой задницы… впрочем, я все еще был жив, и это казалось чудом.

– Леди, походу я ваш должник, – пробормотал я, ощупав руки и ноги и убедившись, что серьезных травм не получил. – И тебе, Фол, благодарствую, потому что на темной стороне чудеса случаются редко и лишь с твоего ведома. Не поверишь, но я оценил. Спасибо.

Темный бог, естественно, до ответа не снизошел, однако кровь из разбитой губы сочиться моментально перестала. Гул в башке тоже подозрительно быстро затих. А когда неподалеку раздались торопливые шаги и послышались голоса, я пришел в себя настолько, что даже смог самостоятельно создать тропу и, провалившись во Тьму, безвольным мешком рухнул на лужайку перед собственным домом.

– Господин Рэйш?! – тут же заполошно кто-то вскрикнул, и надо мной склонилось обеспокоенное лицо дворецкого. – Хозяин! Что с вами?! Чем вам помочь?!

Я с трудом приоткрыл один глаз.

– Сколько сейчас времени?

– Что?! – искренне опешил Нортидж. Но тут же спохватился и доложил: – Почти восемь, хозяин.

– Значит, на ужин я не опоздал, – прошептал я. После чего снова закрыл глаза и провалился в глубокий сон, очень надеясь, что по пробуждении меня все-таки накормят.

Глава 20

Целую неделю после этого магическое сообщество трясло, словно в лихорадке, а Корн и вовсе был похож на встрепанное, беспрестанно рычащее чудовище, которое не вовремя пробудили от зимней спячки.

Взрыв в той каверне почувствовали все. И маги, и не маги, и особенно маги Смерти, у которых от прошедших по темной стороне судорог едва не случилось помрачение рассудка.

Правда, о том, что к моменту взрыва во Тьме находилось около двух десятков моих коллег, я узнал гораздо позже. Как и о том, что вскоре после него бедняг на протяжении половины дня кого выворачивало наизнанку, кого просто мутило, а самые чувствительные рухнули без сознания на том месте, где их застала взрывная волна, и пришли в себя лишь к следующему утру.

При этом стоило признать, что темная сторона Алтира пострадала далеко не так сильно, как я опасался. Вышедшая из берегов Фемза изрядно подпортила береговую линию. Несколько десятков прибрежных строений взрывной волной разрушило до основания, многие дома остались без стен, но большинство все-таки устояло, поэтому и в реальном мире серьезных разрушений не случилось.

Да, те здания которые были серьезно повреждены на темной стороне, и в обычном мире оказались на грани краха. Жившие по соседству люди ощутили в момент взрыва беспричинную тревогу и даже страх. Кто-то поддался панике и выбежал из дома. Кто-то забился в угол в твердой уверенности, что наступил конец света. Домашние животные полночи выли, мяукали, пищали, верещали, хрюкали и чирикали на все голоса. Но к утру и они успокоились. А когда выяснилось, что новых убийств в Алтире не случилось, паника среди населения постепенно сошла на нет.

Тем не менее, Орден изрядно всполошился, и на протяжении целой недели сотрудники Управления носом землю рыли, обшаривая оба наших мира в поисках источника случившегося катаклизма. Искали умруна, искали его логово, детенышей, пропавших магов и особенно причину, по которой на темной стороне случился жуткий переполох.

Я, естественно, провел эту неделю в Управлении и вместе со всеми ходил в патрули, изображая бурную деятельность. Однако держался от коллег особняком, всячески избегал разговоров, по-прежнему предпочитал гулять во Тьме в одиночестве, тем самым доводя Хокк до настоящего бешенства. А еще к собственному

удивлению обнаружил, что никто, кроме меня, не воспринимает раскинувшуюся во Тьме Фемзу как нечто подозрительное или опасное. О том, что под тонким слоем «воды» скрывается громадное пустое пространство, никто из магов даже не заикнулся. И, естественно, под воду тоже не полез. Один я, улучив момент, все-таки слазил туда полюбопытствовать, но убедился, что ничего, кроме праха, в каверне не осталось, и только после этого вздохнул с облегчением.

Был, правда, неловкий момент, когда Корн вызвал меня в кабинет и грозно осведомился, какого демона я не прибыл на начатую той ночью облаву и почему Хокк, как старшая в группе, понятия не имела, куда я запропастился. При этом вопрос был поставлен ребром, и шеф смотрел на меня со вполне обоснованным подозрением. А когда я честно признал, что не видел приказа, потому что сразу в тот день отправился домой, а слуги имели четкий приказ не будить хозяина до утра, он ещё и разозлился. Даже пригрозил, что с завтрашнего дня все-таки повесит на меня и следящий, и переговорный амулеты одновременно, чтобы впредь держать ненадежного сотрудника под контролем.

Мягко говоря, он намекал, что на облаву я не пошел специально. Иными словами, струсил, предпочтя отсидеться дома в то время, как остальные рисковали собой на темной стороне.

Я не стал его разубеждать. Но на всякий случай напомнил, что в ГУСС меня перевели неофициально и всего на несколько дней, пока не закончится расследование. После чего Корн, который вряд ли успел хоть раз толком выспаться за эту неделю, окончательно рассвирепел и послал меня… обратно на западный участок. Куда я и свалил в тот же день ко всеобщему удовольствию.

Ну, не совсем ко всеобщему – встретивший меня на следующее утро Шоттик этому факту совсем не обрадовался. Вернее, при виде моей персоны его буквально перекосило. Но, судя по тому, что количество вызовов для сотрудников Йена резко сократилось, вопли господина Жольда все же возымели эффект, и теперь ни один маг не рисковал передать нам дело, пока в нем не появлялись достоверные сведения о том, что оно действительно наше.

С Корном я с тех пор больше не общался. Но и приказа об увольнении тоже не получил, хотя, если честно, был почти уверен, что вскоре мне вручат соответствующее уведомление.

Тот факт, что я так его и не дождался, свидетельствовал о редком благоразумии шефа. Но при этом означал, что я все еще его внештатный сотрудник со всеми вытекающими правами и

обязанностями.

По этой причине писать отчеты о проделанной работе мне все-таки пришлось. А потом тащить их в ГУСС, чтобы оставить на регистрационной стойке с пометкой «Нельсону Корну. Лично».

С Хокк я в тот день тоже не увиделся и предпочел ее не искать – после моего исчезновения леди-маг все еще была зла. А Триш я увидел лишь мельком, когда покидал здание, но и она оказалась настроена недружелюбно.

С отцом Гоном тоже успел перемолвиться парой слов и искренне порадовался, узнав, что душа его брата действительно вернулась в лоно нашего общего бога. О том, откуда жрецу стало об этом известно, допытываться не стал. Но и раскрывать все подробности встречи с умруном тоже не торопился.

Впрочем, как оказалось, оно и не требовалось, потому что святой отец и так прекрасно знал, что именно случилось на барже. Более того, даже кое-что дополнил в моем рассказе и согласился, что создание врат между мирами не могло быть затеей обычного умруна или даже демона. Правда, ответа на мой вопрос, какой твари под силу такое осуществить, он не знал. И напоследок посоветовал вести себя во Тьме осторожнее.

Я честно сказал, что попробую. Но, поскольку до врученной жрецом книги до сих пор не добрался, то надолго в храме задерживаться не стал и пообещать вернуться позже, когда разберусь с делами и одолею вышеупомянутый томик. Отец Гон после этого расщедрился на благословение, от которого наконец-то перестали ныть и саднить полученные во время взрыва царапины. А потом вдруг решил дать совет.

– Тьма многогранна, брат, – сказал он, прежде чем я ушел. – И в ней сокрыто много уровней, на многие из которых простому магу нет хода. Тебя Фол благословил не только видеть, но и посещать самые нижние ступени его владений. Но не забывай: самые крупные хищники предпочитают дремать на дне. А в более светлые воды поднимаются лишь во время охоты.

Предупреждению я внял, хотя и не до конца его понял. Но с того дня взял за правило, куда бы ни пошел, присматривать подходящие места для прокладки прямых троп. Во всех районах столицы. На крышах, в переулках, возле храма и даже на вершине городской ратуши, куда, кроме как по единственной лестнице, было не взобраться.

За эти дни я облазил город вдоль и поперек, запоминая и отмечая на карте все мало-мальски подходящие места для безопасного перемещения. И заодно занося в память данные об объектах, рядом с которыми граница между мирами истончалась больше всего.

Да, с некоторых пор я тоже научился ее видеть. И теперь мог если не предотвратить, то хотя бы предугадать, в каком месте высшая нежить… а ее, я так полагаю, в кавернах под Алтиром осталось немало… чисто теоретически способна выходить в реальный мир.

В том, что уничтоженные мною врата были не последними, я не сомневался. На барже под Фемзой я уничтожил лишь исполнителей. Пешек. Но раз организатор всего этого безобразия мне на глаза не попался, значит рано или поздно он, как гигантский кашалот, все же всплывет на поверхность.

И к тому времени я хотел точно знать, где его искать.

* * *

В тут ночь я долго не ложился, по-настоящему увлекшись книгой отца Гона, до которой у меня наконец-то дошли руки. Чтиво оказалось более чем занимательным, хоть и непривычным по стилю изложения, но я многое для себя узнал. И даже подметил в тексте пару знакомых имен, после этого простив неизвестному автору и чрезмерно сложный, местами даже вычурный язык, и обилие описаний.

О том, что темный пантеон пришел в нашу страну из Лотэйна, я знал давно, поэтому первые несколько десятков страниц нетерпеливо пролистал, не горя желанием вникать в детали непростой жреческой жизни и запоминать значение ритуалов. Но вот упоминание о темных магах меня насторожило, и дальше я читал уже вдумчиво, порой возвращаясь к началу главы и заново перечитывая то, что не понял с первого раза.

Как выяснилось, помимо собственно жрецов, у темных богов были и другие разновидности последователей. Простые люди, от которых, как правило, не требовалось ничего, кроме слепого поклонения, случайные поклонники, готовые изображать верность ради одного-единственного дара, вдумчивые служители, которые искали в храме какие-то свои истины. И, разумеется, маги, отношение к которым у разных богов было очень неоднозначным.

Большинство из них одобряло посвящение и всеми силами поощряло проведение обрядов над магами всех видов и возрастов. Изначально в Лотэйне была даже такая практика, что едва родившегося младенца с даром посвящали тому или иному богу, не спрашивая на то его согласия.

Потом времена изменились, нравы смягчились, и жрецы… вероятно, не без подсказки свыше… пришли к выводу, что

осознанное и добровольно принятое посвящение гораздо ценнее того, что проводится над неразумным дитем. От обрядов над новорожденными, конечно, служители храмов не отказались, однако все чаще над детьми стали проводить ритуалы так называемого «предпосвящения». Тем самым как бы обозначая, что ребенок предназначен конкретному бога, но даря ему иллюзию выбора, дата которого назначалась лишь после того, как у мага окончательно формировался дар.

Подобная практика существовала во всех отделениях темной части жреческого Ордена. И только Фол… самый могущественный и непримиримый… этого никогда не одобрял. Вместо «предпосвященных» владыка ночи предпочитал видеть в своих рядах несговорчивых, непреклонных, но сильных духом. Как простых людей, так и магов. Вернее, особенно магов. И особенно темных, среди которых со временем появилась совершенно особая, ни на кого не похожая каста так называемая каста жнецов.

С каждым из них темный бог заключал своеобразную сделку – служение в обмен на некоторые привилегии. При этом слепого подчинения Фол не только не требовал, но и не одобрял, вследствие чего среди жнецов было очень много хороших магов, но крайне мало истинно верующих и ни одного слепого обожателя, которыми так дорожили светлые боги.

Условия сделки для каждого жнеца были разными. Фол никогда не скупился на благословения, поэтому жнецы обретали немалую власть на темной стороне и во многом превосходили обычных темных, поскольку обладали способностью видеть Тьму через Тьму, практически не старели, пребывая на темной стороне и… что меня больше всего порадовало… безнаказанно пользовались прямыми темными тропами.

Автор трактата даже высказал предположение, что обратить таких магов в свою веру для владыки ночи было намного ценнее, нежели отыскать очередного жреца. Воины Фола испокон веков олицетворяли все то, что древний бог так высоко ценил – независимость, даже если порой она граничила с дерзостью, способность развиваться, здраво мыслить и никому и ничему в этом мире слепо не верить.

В этом была какая-то своя, особая философия, которой я в ту ночь коснулся лишь краешком. Но после этого мое отношение к владыке ночи несколько изменилось. И, поразмыслив над полученными сведениями, я пришел к выводу, что каждому из жнецов Фол таким образом предоставлял тот самый выбор, в котором многим из нас было изначально отказано. Давал возможность прийти к нему самостоятельно. Со временем, но по

доброй воле. Да, не без приманки в виде новых возможностей и силы. Но при этом Фол никого не заставлял. И, взращивая из многочисленных жнецов единицы истинно преданных ему магов, он на протяжении тысячелетий сохранял неоспоримую власть над темной стороной, которую олицетворяли те самые маги, в чьих телах до поры до времени хранилась божественная благодать.

– Хозяин? – осторожно позвал Нортидж, неслышно появившись в кабинете. – Простите, что отвлекаю, но мне кажется, вам стоит на это взглянуть.

– Что, под наши окна подбросили очередной труп? – не отрываясь от книги, хмыкнул я.

– Да, хозяин. И боюсь, вам это не понравится.

Неохотно оторвавшись от текста, я поднялся из-за стола, без всякой спешки спустился на первый этаж, вышел на улицу, добрался до защитной сети, которую тоже успел немного преобразить и вплести в заклинания учителя свои собственные, сотканные из Тьмы, чтобы именно она хранила покой в моем доме.

Остановившись возле границы, я засунул руки в карманы и насмешливо хмыкнул, обнаружив лежащую за оградой голову. Да, просто голову, без тела. Причем седовласую голову, которую не так давно прямо на моих глазах кое-кто благополучно отгрыз у новорожденного умруна.

Что ж, теперь я понимаю, что именно встревожило Нортиджа. Об умрунах он ничего не знал, поэтому решил, что одна моя знакомая тварь пристукнула кого-то из темных магов и приволокла его голову, чтобы похвастать добычей.

В том, что она уцелела при взрыве, я практически не сомневался. Кукла сумела пережить ловушку для демонов. Обладала на редкость развитой интуицией. Была довольно умна, на удивление проворна. И, разумеется, раз уж я, находясь на грани истощения, сумел доковылять до берега, то уж ей-то сам Фол велел благополучно спастись вместо того, чтобы по-глупому сгореть в моем пламени.

Без всякого удивления осмотрев успевшие изрядно подпортиться останки, я одним движением швырнул в них сгусток огня и, дождавшись, когда они догорят, без всякого страха перешагнул границу.

– Хозяин, вы куда?! – не на шутку всполошился дворецкий. – А вдруг она еще там?!

Я только улыбнулся.

– Конечно, она здесь. Как и одна знакомая мне леди, она всегда находится где-то рядом… эй, мелочь! Покажись! Я хочу тебя видеть.

Собаки у ограды глухо заворчали, Нортидж непонимающе умолк, но через пару мгновений приглушенно ахнул, когда в окне соседнего дома возникла неказистая кукла и, спрыгнув с подоконника, одним движением оказалась возле того места, куда недавно положила свой трофей.

За эти дни она успела сменить старый носок на новый и выглядела чуточку более опрятно, чем в прошлый раз. Копоти на нарисованной мордочке почти не осталось. Более того, судя по оставшимся по бокам разводам, тварюга честно пыталась умыться. Но, поскольку нормальных рук у куклы не было, то получилось у нее не очень удачно. Нарисованные угольком глаза расплылись и поблекли. Вместо пуговицы на месте носа появилась некрасивая дыра. Ротовая щель на этот раз была закрыта, но я не сомневался, что количество зубов в ней осталось прежним.

Под моим внимательным взглядом кукла неожиданно забеспокоилась, переступила лапами и вдруг нервным движением поправила сбившиеся на макушке колтуны. После чего еще более нервно переступила костяными лапами и неуверенно глянула на меня снизу вверх.

– У тебя был миллион возможностей напасть, – медленно проговорил я, изучая ее с высоты своего роста. – Вчера, сегодня, месяц назад… но ни одной из них ты не воспользовалась.

Кукла замерла. А когда я присел перед ней на корточки… без брони, абсолютно безоружный… и вовсе попятилась, словно всерьез опасалась, что я ее пораню.

– За все время, что я тебя видел, ты не напала на меня ни разу, – тихо сказал я, глядя на то место, где у твари были глаза. – Даже в Верле ты охотилась лишь на гулей. Именно ты убила тех двоих, что хотели меня коснуться на входе в Управление. А также тех, кто ринулся в погоню. И особенно тех, кто рискнул на меня огрызнуться. Верно?

Кукла отступила ещё на шажок, а потом неуверенно подняла пару верхних пальцев и согласно ими щелкнула.

– Тогда, у ловушки, ты ведь не хотела меня убить? – прищурился я. И тогда кукла щелкнула пальцами гораздо увереннее. – Ты пошла за мной, но лишь потому, что я сам велел тебе это сделать. Так?

И снова – согласный щелчок.

– Ты видела знаки, которые нарисовал во внутреннем круге Лойд?

Третий щелчок.

– Знала, что они способны меня убить?

Четвертый щелчок. Сразу двойной, словно тварь вспомнила

про тот случай и рассердилась.

– Значит, это ты вытолкнула меня из круга, когда Лойд его активировал?

– Тс-с-с! – сердито прошипела кукла, снова переступив ногами и царапнув костяшками смерзшуюся землю.

Я улыбнулся и встал.

– Значит, это ты его убила, пока я резал гулей возле старой мельницы. Ты слышала, как я его проклял. И сделала то, на что у меня не хватило времени.

Кукла издала странный воркующий звук и щелкнула на этот раз трижды. По-видимому, отвечая на каждое из моих обвинений. А затем с гордостью тряхнула жутковатой головой, на случай, если в первые ее ответы я не поверил.

А я удовлетворенно кивнул и окончательно успокоился, потому что все-таки получил ответы на вопросы, которые так долго меня тревожили.

Безусловно, Лойд не мог умереть так глупо, как это прозвучало в отчетах. Что-то или кто-то должны были… просто обязаны были его подтолкнуть. Напугать до такой степени, что он даже закричать толком не сумел. А единственное, на что его хватило, это машинально отмахнуться от напавшей на него твари. Или быть может, не напавшей, а всего лишь ему привидевшейся. Скажем, в том самом зеркале, куда маг смотрелся во время бритья. И где в самый неподходящий момент промелькнула жутковато оскалившаяся рожица.

При виде нее даже я, скорее всего, отшатнулся бы и попытался его разбить. Лойду же просто не повезло. Именно поэтому, когда я пришел, в ванной меня ждал не растерзанный труп с признаками насильственной смерти, а всего лишь нелепо убившийся маг, который на редкость крепко приложился затылком.

Конечно, поначалу я мог лишь догадываться о причинах, побудивших Лойда ударить по зеркалу. И до последнего скорее подозревал, чем был уверен, что напугала его именно кукла. Но когда проанализировал все, что с нами случилось, и вспомнил все наши встречи с тварью, то со временем понял одну простую вещь – кукла явилась в Алтир не за нами с Йеном, а только за мной. Именно мне она с таким фанатичным упорством демонстрировала свои трофеи. Обычно так поступают охотничьи псы. Или правильно воспитанные коты, приносящие хозяевам убитых мышей и этим демонстрируя свою преданность.

Но нежить – не пес. И выражать свою преданность не стала бы даже демону – для этого у нее попросту не хватало мозгов. Оставалось понять лишь одно – с чем именно мы имели дело? И,

кажется, именно сегодня я наконец-то нашел правильный ответ.

– Значит, ты – дух-служитель, – заключил я, когда проанализировал и отбросил самые невероятные гипотезы. – Быть может, с несколько расширенным набором функций, но все-таки дух. Не нежить.

Кукла, как мне показалось, с облегчением щелкнула.

– Это значит, у нее есть хозяин… – тихонько прошептал спрятавшийся за моей спиной Нортидж. – И это он велел ей вас оберегать!

Я недоверчиво прищурился.

Хозяин? В Алтире, где меня никто не знал, а если и знал когда-то, то пребывал в полной уверенности, что Артур де Ленур давно сгинул со света? Нет. Что-то тут было не так. Да и не помню я друзей, кто мог бы иметь в подчинении духа такого уровня, да ещё отправил его за мной следить с наказом охранять от любых опасностей.

Я знаю – на Кенсингтонском кладбище именно кукла расправлялась с гулями, пока я разбирался с могилой. Именно она столь бездумно и самоотверженно атаковала явившегося по мою душу моргула. Она молчаливо следовала за мной по пятам в Верле. Невзирая на полученные в ловушке раны, упорно притащилась в столицу. Настойчиво напоминала о себе, притаскивая пред мои очи убитых тварей в надежде, что однажды до меня все-таки дойдет, почему она эта делает. И даже в каверну умудрилась за мной пролезть, вмешавшись именно в тот момент, когда это было нужно.

Скажите, какой из магов мог позволить себе создавать таких сильных духов? И кому из них я мог быть настолько дорог, чтобы он оставил мне в наследство это маленькое, но невероятно полезное чудовище?

– Кто твой хозяин, мелочь? – прошептал я, во все глаза уставившись на неловко поправляющую локоны куклу.

Та вскинула голову, уставившись на меня долгим, но определенно разумным взглядом. После чего досадливо щелкнула, попыталась что-то сказать. А когда вместо нормальных слов из ее глотки вырвался лишь невнятный клекот, неожиданно подпрыгнула, быстрее молнии совершила на лужайке широкий круг. Ловко, почти идеально ровно, процарапала в земле двойную замкнутую линию. После чего быстро и уверенно начертала внутри две литеры, при виде которых я едва не поперхнулся

– «А.Р», – растерянно прочитал Нортидж, с любопытством подлетев ближе. – Что это означает, хозяин?

Я ошеломленно промолчал. Но когда кукла выпрыгнула из круга и испытующе на меня посмотрела, а дворецкий повторил

свой вопрос, наконец задумчиво уронил:

– Артур Рэйш. Но я, хоть убей, не понимаю, что это значит.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ
Жнец

Пролог

– Вот и закончилась полка, – вздохнул я, втискивая ветхий том на последнее свободное место на стеллаже. – Осталось перетащить сюда ещё пару сотен книг из схрона, и шкафы снова станут полными.

Сидящая на потолке Мелочь досадливо щелкнула костяшками, а я растер уставшее лицо и вышел из второго кабинета, прямо на ходу пройдя сквозь границу миров.

Ещё четыре дня пролетели впустую. Ещё полтора десятка книг, в которых я не обнаружил ни единого указания на разгадку имен из списка. В архив главного сыскного Управления мне попасть больше не удалось – после истории с умруном Корн обозлился и аннулировал мой пропуск, так что пришлось вернуться в схрон и заняться библиотекой учителя вплотную. Но, похоже, мастер Этор перемудрил, когда пытался спрятать свою тайну. А может, это я дурак, раз за столько времени не сумел ничего выяснить?

– Ужин, мастер Рэйш? – предложил Нортидж, стоило мне вернуться в обычный мир.

Я бросил взгляд за окно, где царили глухие сумерки.

– Да, пожалуй.

– Сейчас все будет, – поклонился дворецкий и, неодобрительно покосившись на выбравшуюся из кабинета куклу, испарился.

Мои слуги и сейчас сторонились Мелочи, особенно после того, как выяснилось, что она считает своим долгом меня охранять. Однако, прежде чем впустить это существо в дом, я провел соответствующий ритуал, и теперь Мелочь стала не только намертво привязанным к перстню служителем, но и утратила способность противиться моим приказам.

Собственно, сейчас она зависела от меня целиком и полностью. Более того, могла жить лишь до тех пор, пока билось моё сердце. С моей смертью маленькое чудовище должно было погибнуть, так что волей-неволей Мелочи пришлось бы заботиться о моем благополучии, даже в том случае, если я ошибся насчет её происхождения или неправильно определил навязанные ей функции.

А сомнения на этот счет имелись. Правда, ни подтвердить их, ни опровергнуть я не мог, а Мелочь оказалась не в состоянии внятно ответить на мои вопросы.

Я покосился на замершую на подоконнике куклу – с тех пор, как она здесь появилась, в доме стало беспокойно. Всего за

несколько дней Мелочь успела до печенок надоесть дворецкому, напугала горничных, всполошила собак и всерьез поцапалась с кухаркой.

За мной она таскалась по пятам даже в хорошо защищенном доме. Кабинет, спальня, столовая… Мелочь умудрялась пролезть абсолютно везде и всюду, каким-то образом протискиваясь сквозь защитные заклинания. Не говоря уж о том, что с того момента, как я провел её сквозь внешний щит, кукла получила возможность ходить туда-сюда в любое время дня и ночи.

Трупы под окна она, к счастью, подбрасывать перестала. Зато неожиданно выяснилось, что у Мелочи есть любимое место: она могла часами стоять на подоконнике в моем кабинете и таращиться в окно, время от времени забавно наклоняя голову и издавая щелкающие, а иногда воркующие звуки. Зачем она это делала, я поначалу не понимал, но однажды заметил, что кукла украдкой поправляет спутанные «волосы» на макушке. И после этого заподозрил, что она не просто изучает ландшафт за окном, а банально любуется отражением.

– Хозяин, ужин готов, – торжественно возвестил материализовавшийся посреди кабинета Нортидж.

Я рассеянно кивнул. А Мелочь с довольным цоканьем развернулась, ловко перепрыгнула с подоконника на стол и выразительно на меня уставилась. Типа, ну что, пойдем?

Естественно, ей понравилась наша кухня – там находилось много предметов, которые даже на темной стороне давали нормальное отражение. Серебряные подносы, начищенные до блеска чайники, кастрюли, ножи… в отсутствие зеркал для Мелочи это была единственная возможность на себя полюбоваться. Но, поскольку Марта её на дух не переносила и в первую же ночь устроила знатный тарарам в попытке выгнать из своих владений проворную тварь, пришлось Мелочи запретить там появляться без согласия кухарки. И она послушно не появлялась. Только огорченно вздыхала всякий раз, когда я проходил мимо заветных дверей.

– Ну, идем, – хмыкнул я и протянул Мелочи руку. После чего кукла быстрее молнии шмыгнула на плечо и негромко выдохнула:

– Хысь!

– Не «хысь», а «хозяин», – наставительно заметил Нортидж, когда я направился к выходу. – На худой конец, «мастер Рэйш». Когда ты нормально разговаривать научишься?

Мелочь тут же насупилась. А когда призрак растаял в воздухе, приглушенно фыркнула, спрятала морду у меня на шее и принялась негромко бормотать:

– Хы-ы-сь… хысь… хы-хы-ысь…

Увы. Человеческая речь ей упорно не давалась, хотя я видел, с какой настойчивостью кукла прислушивалась к разговорам, шевелила губами и упорно пыталась повторять за нами слова. Но по непонятным причинам зубастый рот издавал, в основном, шипящие или рычащие звуки. И они, если честно, порядком раздражали. Особенно когда Мелочь начинала повторять их, как заведенная.

– Х-хысь… хысь-хысь… – продолжала давиться труднопроизносимым словом кукла.

– Артур, – наконец, сжалился я, и Мелочь удивленно замерла. – Меня зовут Артур. Можно Арт.

– Аш-ш? – недоверчиво переспросила она. – Ар-р-рш-ш?

– Арт.

– Арс-с-с, – с явным трудом прошипела кукла. Затем подумала и, высунув раздвоенный язык, очень старательно повторила: – Артс-с!

Я кивнул.

– Можно и так.

Только тогда Мелочь облегченно вздохнула и наконец-то умолкла, а я зашел в услужливо открытые дворецким двери, увидел неловко мнущуюся у стола кухарку и понял, что точно сегодня обожрусь. Потому что не попробовать все то, что она так старательно приготовила, было бы настоящим преступлением.

Глава 1

– Жди здесь, – велел я, остановившись следующим утром возле храма, и подставил ладонь, куда Мелочь с готовностью спрыгнула. – Боги не любят, когда тревожат их покой, а ты все ещё больше похожа на нежить, чем на нормального служителя. И проверять реакцию жрецов на твоё появление я не собираюсь.

Кукла понятливо щелкнула костяшками, а затем покосилась на стоящие поодаль дома.

– Можешь поохотиться, – разрешил я. – Только живых не трогай и магам на глаза не попадайся.

– Ысь! – вытянулась во фрунт Мелочь и внезапно растаяла прямо у меня на глазах.

Каким образом она это делала, я, хоть убейте, не понимал. Даже сейчас я по-прежнему ощущал прикосновение к ладони, знал, что кукла никуда оттуда не делась. Мог сколько угодно теребить поводок, который подтверждал, что Мелочь находится совсем рядом, но линзы упорно показывали, что моя рука пуста. Более того, при попытке коснуться мелкого чудовища пальцы упорно проходили его насквозь. Будто им мешало что-то. Отклоняло мою руку, как невидимый щит. И до тех пор, пока кукла была накрыта этим странным щитом, я не мог её ни увидеть, ни прикоснуться, несмотря на все свои магические умения.

Но вот, наконец, Мелочь шевельнулась, и над ладонью, словно марево в пустыне, задрожало потревоженное пространство. Под ним проступил смутно угадывающийся силуэт. В следующее мгновение я ощутил слабый толчок, и рука действительно опустела. А вскоре перстень просигналил, что кукла находится далеко от меня. В одном из домов, что окружали главную площадь Алтира со всех сторон.

– Это хорошо, что помимо троп ты ещё и невидимостью пользоваться умеешь, – пробормотал я. – Раз умеешь ты, значит, смогу и я. Осталось понять, как ты это делаешь.

Все ещё размышляя на тему нового питомца, я так и вошел в храм – по темной стороне. И совсем не удивился, обнаружив неподалеку от статуи Фола загадочно улыбающегося настоятеля – отец Гон, похоже, всегда знал, кто и когда надумает навестить его обитель. Или же у него были очень хорошие осведомители.

– Ты прочитал книгу? – спросил он, как только я приблизился. Причем спросил так, словно мы расстались пару свечей назад, и продолжали разговор, который не закончили в прошлый раз.

– Ну, для начала здравствуйте, святой отец, – усмехнулся я, протягивая ему увесистый томик. – Книгу, естественно, прочитал, иначе бы не явился. Но, как вы и обещали, у меня появились новые вопросы.

Жрец без всякого удивления кивнул и спрятал книгу за пазуху.

– Пойдем. Я готов уделить тебе время.

Очень хорошо. Правильно я явился сюда с рассветом. В это время прихожан в храме немного, да и темные жрецы предпочитают творить обряды не по утрам, как служители Рода, а ближе к ночи, когда Фол входит в полную силу.

– Садись, – сказал отец Гон, приведя меня в ту же келью, где мы беседовали больше двух недель назад. – Должен признать, я ждал тебя немного раньше.

Я пожал плечами. Раньше не получилось – появление Мелочи заставило меня изменить планы. Но как только с ней все утряслось, я вспомнил о жреце и зашел прояснить кое-какие детали.

– Спрашивай, – понимающе улыбнулся отец Гон, когда я уселся за каменный стол. – В ближайшие пару свечей нас никто не потревожит.

– Скажите, святой отец, в чем заключалась истинная причина низвержения темных богов в Лотэйне?

– Кхм, – удивленно кашлянул жрец. – Мне казалось, в книге есть подходящий ответ.

– Там говорится, что это произошло по вине одного из жрецов, – терпеливо пояснил я. – Якобы он сделал что-то, что нарушило правила сосуществования между богами, в результате чего темные боги сперва утратили прежние позиции, а затем и вовсе были изгнаны.

– Я точно не знаю, кто это был…

– Меня интересует не это, святой отец. Мы оба с вами понимаем, что уничтожить целый культ не так просто. Также мы знаем, что боги… и темные, и светлые… предпочитают действовать чужими руками. Поэтому то, что ваша книга называет «уничтожением темного пантеона», в действительности было войной, которая привела к истреблению сперва темных магов, затем темных жрецов и, наконец, обычных верующих, которых на протяжении нескольких лет резали по всему Лотэйну, как у нас когда-то некросов. Но в Алтории в те времена некросов насчитывалось относительно немного. И с ними было не так сложно справиться. Тогда как темный пантеон в Лотэйне занимал лидирующие позиции много веков. В те времена темные храмы и святилища имелись в каждой деревне. Верующих было море, а

каста жрецов стояла лишь на одну ступеньку ниже королей. Одним щелчком пальцев от них было не избавиться – для этого требовались усилия сотен тысяч людей, причем правильно настроенных, вооруженных и свято верящих в свою правоту. Но если тех, кто верил в темных богов, было гораздо больше, чем почитателей Рода, то как могло получиться, что против темных богов восстали не только светлые жрецы, но и вся страна? И как вышло, что эту войну жрецы Фола все-таки проиграли?

У отца Гона изменилось лицо.

– Это сложный вопрос, Рэйш, – тихо сказал он, опустив глаза. – Потому что в действительности это была не одна война, а три. И первая случилась задолго до того, как в Алтории услышали про наш пантеон.

– То есть, автор книги соврал?

– Скорее, умолчал о некоторых деталях.

– Мне хотелось бы о них услышать, святой отец, – спокойно сказал я, изучая неподвижное лицо настоятеля. – Вы же не просто так дали мне эту книгу? Я её прочел. И теперь хочу разобраться.

Отец Гон поднял взгляд и некоторое время пристально на меня смотрел, словно на моем лбу появилась ещё одна метка, кроме той, что оставила леди Смерть. Но вскоре его лицо расслабилось, напряженные плечи опустились, а затем жрец задумчиво обронил:

– Ты удивил меня во второй раз, брат. Но, как я уже сказал, детали мне неизвестны. За полторы тысячи лет, прошедшие с момента первой войны между темными и светлыми жрецами, многое было утрачено. И теперь достоверно о тех временах могут поведать лишь боги.

– Мне можно покороче и попроще, святой отец, – холодно улыбнулся я. – Так сказать, основные вехи, начиная с первопричины.

– Причиной войны стал действительно человек, – вздохнул служитель Фола. – В книге говорится, что это был один из жрецов, но, к сожалению, древний текст, дошедший до нас в единственном экземпляре, да ещё дефекты перевода… знаешь, как оно бывает? Достаточно один раз написать слово неправильно, и дальше ошибка прокрадется во все копии, породив ложные домыслы и спрятав правду под толстым слоем очень правдоподобной лжи.

Я насторожился.

– То есть, это был не жрец?

– Увы, – качнул головой святой отец. – Источником всех наших бед стал самый обычный маг.

– Темный? – ещё более настороженно уточнил я.

– Боюсь, что так. Хотя в то время маги были другими. Тогда их никто не разделял на некросов и магов Смерти. Собственно, их и темными-то ещё не называли – это случилось гораздо позже. А если бы и назвали, то вовсе не из-за приверженности к тем или иным богам – чаще всего эти люди даже не были верующими. Но при этом они служили. И думаю, ты уже догадываешься, кому.

Я внутренне подобрался.

– Вы сейчас говорите о жнецах?

– Всего одна буква, Рэйш, – невесело усмехнулся отец Гон. – Жрец… жнец… невелика, вроде бы, разница, зато как сразу меняется смысл, правда? А если не знать, что в те времена темными магами не рождались, а становились исключительно с благословения Фола…

Я помрачнел.

– Хотите сказать, это была его ошибка? Или у кого-то из магов после посвящения снесло башню?

– Я не знаю, по каким критериям Фол отбирал себе жнецов, – покачал головой настоятель. – Говорят, боги редко ошибаются, но порой и одной оплошности достаточно, чтобы обречь на гибель весь пантеон. Благодаря Фолу помеченные им маги стали невероятно могущественными. По силе они стояли даже выше жрецов. А когда у простого человека появляется возможность жить вечно, от соблазна трудно удержаться.

– Для того, чтобы обрести бессмертие, надо навсегда остаться на темной стороне, – возразил я. – А на это не каждый согласится.

– Поверь, найдутся желающие. Тьма сильна, брат. Но человеческий разум устроен таким образом, что из всех бед и страстей он тяжелее всего справляется не с болью или страхом, а, как ни странно, с одиночеством. Сильный духом не нуждается в компании – он самодостаточен сам по себе. Однако для тех, кто хотя бы раз дал слабину, одиночество – смертельный яд. Оно отравляет сознание. Сперва медленно и почти незаметно. Затем все больше, вынуждая искать спасение от царящей вокруг мертвой тишины. Прислушиваться к голосам… а ты не хуже меня знаешь, как быстро может свести с ума шепот темной стороны. Знаешь, отчего Тьма так покровительствует безумцам. И можешь себе представить, что произойдет, если в её недрах решит обосноваться… пусть всего один, но долгоживущий и очень могущественный маг.

Я поёжился.

– Хотите сказать, полторы тысячи лет назад произошло именно это? Кто-то из темных ушел во Тьму насовсем и с годами окончательно там сбрендил?

– Я могу лишь догадываться, Рэйш. Но Фол не опроверг мою

догадку, когда я задал ему этот вопрос. И не пожелал ответить, по какой причине он не остановил то, что тогда произошло.

– Чего же тот маг хотел добиться? Он ведь чего-то хотел, когда уходил во Тьму, правда? – предположил я после недолгого молчания.

– Думаю, ты со мной согласишься, что темная сторона всем хороша, за исключением того, что в ней слегка… пустовато, – кашлянул святой отец. – И я предполагаю, что тот, кто решит уйти туда насовсем, рано или поздно захочет сделать это место чуточку более привычным для себя. Или, говоря другими словами, более живым.

И вот тогда я вздрогнул.

Фол! Но ведь темная сторона не терпит живых. В ней никто из простых смертных не сумеет остаться надолго. Она или вытолкнет чужака обратно, или, что более вероятно, сожрет! А оживить её можно лишь одним способом – стереть границы между мирами. И если все было так, как я думаю, то получается, что тот маг полторы тысячи лет назад возжелал создать…

– Врата?!

– Ты уже видел, что это такое, – сумрачно кивнул жрец. – И можешь представить реакцию Ордена, когда в один из дней границы реальности были нарушены. Когда это случилось, прорыв, если верить летописям, закрывали совместными усилиями. Светлые и темные, маги и жрецы… благодаря этому катастрофы удалось избежать, но позиции темных богов существенно пошатнулись. Среди верующих пошло волнение, а Фолу и вовсе пришлось отказаться от жнецов. Это были страшные времена, Рэйш, – тихо признался отец Гон. – Темные маги, пока закрывали один-единственный прорыв, в большинстве своем погибли, ибо только они были свободно вхожи на темную сторону. И они же приняли на себя основной удар. Вторым заслоном от Тьмы были мы, жрецы, став для братьев по духу источником силы. И лишь в последнюю очередь нам помогали светлые. Разумеется, после того, как врата закрыли, волнения в Ордене продолжались ещё долго. Но, поскольку простых верующих это практически не коснулось, и им никто не пояснял причин, по которым вдруг стали разбирать древние святилища, то темный пантеон все-таки устоял. И какое-то время в Лотэйне было тихо…

– Пока история не повторилась?

Святой отец снова вздохнул:

– С тех пор в мире больше не появлялись новые жнецы – Фол сдержал свое обещание. Магический дар у выживших жрецы надежно заблокировали. А тех, кто не пожелал подчиниться,

попросту уничтожили. Фол после этого надолго отстранился от верующих. Его алтари замолчали. Темные рода оскудели и в конце концов угасли. За ними тщательно следили, а ритуалы в храмах проводились лишь в присутствии наблюдателей от Ордена. Но божественный след, оставленный в человеческом теле, рано или поздно все равно проявится. Поэтому через некоторое время у потомков тех жнецов, кто выжил во время ликвидации врат, стали рождаться одаренные дети. И они, как ты догадываешься, несли в себе то, чего у обычных магов раньше не было.

– Они сохранили способность переходить на темную сторону? – удивился я.

– Не так, как благословленные Фолом, но да. И Орден счел это умение полезным, ведь угроза темной стороны никуда не делась, а мы оказались не в состоянии сдерживать её в одиночестве.

Я нахмурился.

– Значит ли это, что разделение на некросов и магов Смерти началось ещё тогда?

– Скорее всего, – подтвердил отец Гон. – Только поначалу оно было не намеренным. Просто у кого-то из так называемых темных магов лучше получалось ходить в потустороннее, а кто-то предпочел работать с другими сторонами своего дара. К тому же, с годами выяснилось, что вы обладаете талантами, которые были недоступны даже жнецам…

«Скорее, не нужны», – подумал я. Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

– Именно их стало принято называть темным даром, – тем временем продолжил настоятель. – Все ваши знаки, заклинания, которые оказались действенными как для реального мира, так и для темной стороны… Орден посчитал, что угрозы в себе они не несут, поэтому вскоре в Лотэйне появились школы для темных магов. Вас продолжили обучать, но уже по другой методике. О жнецах больше никто не вспоминал. Ваш дар находился под контролем. Утерянное равновесие таким образом восстановилось, и оба божественных пантеона вновь стали сосуществовать на равных.

Я недоверчиво прищурился.

– Значит, изначально все темные маги были жнецами?

Настоятель кивнул.

– Да, брат.

– Но если их не стало, а Орден нашел менее опасную замену, и в конце концов все стало хорошо, то почему случилась вторая война?

– Около трехсот с небольшим лет назад появились сведения, что темные жрецы начали возрождать запрещенные ритуалы. Это не было санкционировано Орденом, – быстро добавил отец Гон, когда я одарил его подозрительным взглядом. – Обряды проводились отдельными энтузиастами. Втайне. Над темными магами, число которых к тому времени существенно возросло. Но, поскольку многое за эти годы было утрачено, да и сама ваша магия изменилась, то старые ритуалы утратили смысл. И стали приводить не к укреплению связи человека с богом, а к бездумному и подчас опасному усилению темного дара.

– Что же тогда Фол не вмешался, если обряд так безбожно исковеркали?

– За отступниками вскоре началась охота, – спокойно добавил жрец. – Появления новых врат нельзя было допустить, как и того, чтобы по земле свободно разгуливали чудовищной силы маги, неподконтрольные никому и ничему. Если верить нашим записям, именно темная часть Ордена первой выступила против появления псевдо-жнецов, но в итоге из этого не вышло ничего хорошего. Война – это всегда война. И она страшна вдвойне, когда врагами становятся братья по вере.

Я задумчиво посмотрел на отца-настоятеля.

– Выходит, вы сами сократили число темных жрецов, магов и последователей своих богов?

– Это было неизбежно.

– А как же светлые?

– Поначалу играли роль сдерживающей силы. Пытались предупредить кровопролитие, и лишь благодаря им мы сумели сохранить некое подобие порядка. Но люди всегда остаются людьми, даже если находятся у власти. И когда появляется соблазн расправиться с давними недругами, немногие устоят перед искушением.

– Иными словами, светлые в какой-то момент решили вас добить?

У отца Гона закаменело лицо.

– Это черные страницы в истории нашего Ордена, Рэйш. Но раскол произошел не только среди темных братьев. Многие светлые были против нашего уничтожения. Причем против настолько, что в Лотэйне едва не случился переворот, и в конфликт оказались втянуты не только жрецы, но и король, армия и, конечно же, верующие. А спустя пару десятилетий наш Орден превратился в дымящиеся руины, на которых вновь избранное руководство попыталось выстроить что-то толковое.

– Насколько я понял, у них все же получилось нечто приемлемое, только оно больше не предусматривало наличия

темных храмов, – заметил я.

– Да. Они решили не рисковать, поэтому для второго пантеона в Лотэйне не осталось места, а мои братья и те светлые, кто их поддержал, решили заблаговременно покинуть страну. Мы бежали из Лотэйна вместе, Рэйш. Более того, многие наши реликвии уцелели лишь благодаря светлым собратьям. Они прикрывали нас собой. Прятали наших детей, жен и даже выкраденные из храмов осколки алтарей. Они спасли нам жизнь. Верой своей. Бесстрашием. Мужеством. И уже здесь, в Алтории, мы решили сохранить это единство. Именно поэтому все наши храмы до сих пор являются общими. Поэтому мы чтим любых богов и ценим их помощь. Мы по-прежнему едины, Рэйш. Как раньше. И именно это доказывает, что мы выбрали правильную дорогу.

Я немного помолчал, переваривая услышанное.

– Вы говорили, что войн было три, святой отец…

– Третьей войной я считаю охоту на некросов, начатую Эрнестом Кровавым чуть более ста лет назад, – согласился жрец. – Тогда темные маги были прорежены в последний раз, после чего ветка некросов и магов Смерти окончательно разделилась.

– Мой учитель говорил, что это было сделано умышленно.

– Он сказал тебе правду. Есть мнение, что Эрнест Второй не сам придумал устроить резню, а ему эту идею очень грамотно подсказали.

– Кто? Светлые?

– Этой информацией я не владею. Но Лотэйн, как ты знаешь, до сих пор поддерживает отношения с Алторией. И я не думаю, что в те времена здесь водилось меньше лотэйнийских шпионов, чем сейчас. А уж о предубеждении короля по поводу магии только глухой не слышал.

Я задумчиво стукнул пальцами по столу.

– То есть, его величество напрасно обвиняли в скудоумии? И в Алтории едва не началась гражданская война лишь потому, что кто-то сыграл на его страхах? Скажем, сообщил, за какие грехи темные маги были изгнаны из Лотэйна. Намекнул, что эксперименты, которые в то время проводили некросы, могут привести к нехорошим последствиям. И все. У короля внезапно помутился рассудок. Он наплевал на все проекты, плоды которых принесли стране столько побед. Испугался, что темная часть Ордена лишит его короны. И в итоге посчитал, что болезнь легче предупредить, чем лечить. А, поскольку воевать против жрецов у него была кишка тонка, то весь его энтузиазм обрушился на магов. Естественно, на темных, из которых получилась отменная

мишень. Нас в итоге стало ещё меньше. А темное искусство превратилось в полезный для государства придаток, который подчас используется не по назначению.

Отец Гон наклонил голову.

– Не могу с тобой не согласиться. Последствия той резни Орден магов не может устранить до сих пор. Вас по-прежнему мало. И вы настолько разобщены, что в этом даже мне видится злой умысел.

– Вы тоже считаете, что разделение было не только умышленным, но и оправданным?

Под моим пристальным взглядом отец-настоятель улыбнулся.

– Если бы это было так, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Тогда почему я здесь? – напряженно спросил я. – И почему итогом моего посвящения стало то, что я, по вашим словам, превращаюсь в жнеца?

– Я не сказал, что ты жнец, – снова улыбнулся отец Гон. – Я сказал лишь, что ты похож на него. Но это совершенно не значит, что я должен тебя опасаться или бежать докладывать руководству, что наш мир вновь качается на грани катастрофы.

– Откуда вы знаете, что это не так? – снова нахмурился я. – Может, отец Лотий – тот самый отступник, который провел ритуал посвящения неправильно? А я, может, законченный безумец, от действий которого равновесие вскоре снова нарушится?

Жрец тихо рассмеялся.

– Отец Лотий – мой старый друг и коллега, которого я уважаю и очень ценю. Поверь, Рэйш, проведенный над тобой ритуал – это не столько посвящение, сколько молитва. Брат Лотий искренне помолился за твою жизнь перед алтарем, и Фол в кои-то веки откликнулся. Ну а то, что вы заключили с ним сделку, было не его инициативой, а, если помнишь, твоей.

Я озадаченно моргнул.

Тьма… а ведь верно!

– Так что не перебивай, брат Лотий не нарушил никаких законов, – доверительно сообщил отец-настоятель. – А отчитываться за действия бога он не должен. Но в письме отец Лотий просил за тобой присмотреть. А ещё он предположил, что ты можешь быть полезен храму. И, как видишь, оказался прав.

– Простите, святой отец. Я все равно не понимаю… мне что, не надо больше скрывать свои возможности? – недоверчиво переспросил я.

Жрец вздохнул.

– Надо, брат мой. Хотя бы потому, что несведущие маги и

наши светлые коллеги вполне могут принять тебя за жнеца. И тогда охота, о которой я говорил, возобновится. А я бы не хотел, чтобы её целью стал ты. И тем более не хотел бы, чтобы кто-то начал возводить хулу на темное братство.

– Мне кажется, вы лукавите, святой отец, – немного помолчав, уронил я. – На вашем месте, узнав о моих способностях, я бы как минимум насторожился. А вы вместо этого даете информацию, как лучше использовать мой дар.

На губах отца Гона снова появилась улыбка.

– Когда ты научишься слышать божественный глас в мельком оброненной фразе, видеть его знамения в красоте заката и узнавать его волю в случайных, на первый взгляд, встречах… ты меня поймешь, Артур Рэйш. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Я покосился на жреца с сомнением.

Нет уж, спасибо. В храм я уходить не планирую. Как не собираюсь принимать сан, брить голову на лысо или творить запрещенные ритуалы.

– Грань между одаренностью и безумием так же тонка, как и граница между мирами, – словно не заметил моей заминки отец Гон. – Но ты эту границу пока не преступил. К тому же, не так давно ты избавил Алтир от беды. Сохранил, а не уничтожил пресловутое равновесие. А таких вещей боги не забывают.

– А вы не думали, что это самое равновесие могло быть нарушено кем-то вроде меня? – задал я мучивший меня на протяжении целой недели вопрос.

– Имеешь в виду, не объявлялся ли в Алтире настоящий темный жнец? Нет, Рэйш, исключено, – качнул головой настоятель. – О них больше тысячи лет никто не слышал. Старых жнецов кого уничтожили, кто сам отказался от дара. А чтобы создать нового, недостаточно одного благословения. Для этого требуется проведение сложного и весьма трудоемкого ритуала. Но даже если кто-то из жрецов вдруг сошел с ума и рискнул его начать, то отголоски все равно докатились бы до главного храма. А таких на моей памяти не было.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. И, предупреждая твой второй вопрос, сразу скажу – да, ты не единственный, кто за эти годы получил благословение Фола. Время от времени такие люди появляются в поле нашего зрения, и для мира это – большое благо. Одним из таких избранных был твой учитель – мастер Этор Рэйш. И его старинный друг – мастер Уоран Нииро. Но, поскольку их обоих уже нет в живых, то я не удивился твоему появлению. И тем более не удивился, узнав, что последний потомок Рэйшей получил

такое же благословение, какое сумел заслужить его знаменитый отец.

«*Тьма над Тьмой дает свет*, – машинально вспомнилась мне надпись на сундуке и такая же фраза в прощальном послании Ниро. – Значит, они оба были в курсе про жнецов. И имели причины умалчивать о своих способностях».

– Орден магов тоже об этом знает? – спросил я, напряженно размышляя над услышанным.

Отец Гон усмехнулся.

– Мы не считаем нужным докладывать ему, кому благоволит наш бог. А темное благословение просто оставляет следы в ауре, поэтому жрецы Фола всегда знают, кому и когда оно досталось. Хотя лично я на твоем месте задался бы сейчас не этим вопросом.

– А каким? – насторожился я.

– Почему, если любой темный маг несет в себе потенциальную угрозу, жреческий Орден не предпринимает усилий для вашего уничтожения? Почему, если темные неизменно притягивают к себе нежить, вы по-прежнему остаетесь ценны, в том числе и для храма? И почему, с таким тщанием сохранив летописи давно минувших дней, мы, служители Фола, не стремимся исправлять допущенную в исходном тексте ошибку?

Я замер.

А и правда?!

– Потому что мы лучше всех знаем, как опасна бывает оставленная без присмотра Тьма, – тихо сказал настоятель. – И знаем, что единственные люди, кто способен её сдержать, это, как ни странно, вы, темные. Маги, способные преодолевать границу между мирами. Регулярно нарушающие её, но при этом и оберегающие её целостность. Вы одновременно и проклятие, и спасение для нашего мира. Самые опасные, но и самые нужные маги. Вы – стражи темной стороны. И только от вас зависит, насколько близко Тьма сумеет к нам подобраться.

Я от таких откровений чуть не поперхнулся.

– Иногда я думаю, что Фол был не так уж неправ, когда отказался от жнецов, – едва слышно уронил отец Гон через пару мгновений. – Тогда они были сильны, но их было так мало, что каждая потеря больно ударяла по границе. Теперь же магов много… да, слабых, порой вообще никчемных, зато гораздо более многочисленных. Владеющих другими знаниями и умениями… Но при этом нужные вам знания постепенно множатся. Ваши силы почти без потерь передаются из поколения в поколение. Граница между мирами по-прежнему хранится в неприкосновенности, а Фол, как и раньше, не сдает своих позиций.

– Полагаете, он сделал это специально?

Настоятель пожал плечами.

– Кто знает, какими категориями мыслят боги? В свое время могущества жнецов испугался даже наш Орден. А страх – очень мощное оружие, особенно в умелых руках. Именно благодаря ему темный пантеон в Лотэйне в конечном итоге был уничтожен. Но тебе, брат, я могу сказать одно – кем бы ты ни был, Фол не зря привел тебя именно сюда и именно сейчас. И если считать, что твоей первоочередной задачей является охрана границ нашего мира…

Я напрягся.

– По-вашему, надо ожидать создания ещё одних врат?

Отец Гон посмотрел на меня долгим внимательным взглядом.

– Как бы не чего похуже. И в подобной ситуации я… честное слово, Рэйш… приму помощь хоть от жнеца, хоть от чистокровного демона. И пойду на любые жертвы, если это поможет уберечь наш мир от разрушения.

Глава 2

Выйдя из храма, я первым же делом коснулся перстня, проверяя надетый на Мелочь поводок, но кукла была на месте. Сидела на окне второго этажа того самого дома, где я в последний раз её почувствовал, и терпеливо ждала моего возвращения.

– Иди сюда, – велел я, добравшись до края площади, и Мелочь послушно спрыгнула вниз. При этом невидимость с себя она сняла, однако приземлилась не посреди мостовой, а в сторонке, в небольшой сугроб под окнами первого этажа. Уже оттуда вопросительно на меня посмотрела. Но лишь когда я протянул руку, подтверждая, что она может приблизиться, кукла отряхнулась и запрыгнула на ладонь.

Откуда в ней взялась эта необъяснимая деликатность, я мог лишь догадываться. Но уже заметил, что Мелочь никогда не прикасалась ко мне без разрешения. Она не шлепалась с лихим писком на подушку, когда я ложился спать. Не тыкалась мордой в ладони, как встречающие у ворот собаки. Пробравшись в спальню или кабинет, она устраивалась где-то неподалеку, но всегда вела себя тихо и так, чтобы её не было видно. И я не понимал, то ли дело заключалось во вбитом на уровне инстинктов почтении к хозяину, а то ли моё зубастое чудовище запомнило, как невежливо я обошелся при первой встрече с умруном, и теперь проявляло разумную осторожность.

– Поводком пользоваться умеешь? – спросил я, держа на ладони свою растрепанную нечисть.

– Дсь! – решительно шикнула она и для верности щелкнула костяшками.

– Очень хорошо. Тогда идем прогуляться. Ты – здесь, я – в реальном мире. Можешь охотиться, но так, чтобы тебя не опознали. Если заметишь что-то необычное – просигналишь. Справишься?

Мелочь довольно заурчала – проявленное доверие ей польстило. После чего она бодро застучала костяшками, разворачиваясь на ладони наподобие маленького скорпиона, и спрыгнула обратно в сугроб. А я проследил за тем, как она стремительно растворяется в воздухе, и только после этого вернулся в обычный мир, благо на улице в такую рань никого не было.

Да, оставлять куклу одну во Тьме было не совсем правильно, но, во-первых, она и раньше там прекрасно ориентировалась. Во-вторых, я отдал ей приказ и мог надеяться, что глупостей моё

чудовище не натворит. Наконец, после разговора со жрецом следовало хорошенько подумать, а во Тьме отвлекаться на посторонние мысли было чревато. Поэтому домой я отправился пешком, как самый обычный человек, а по пути попытался разложить по полочкам все, что сегодня услышал.

Самыми важными мне показались сведения о том, что мастер Этор и мастер Ниро именно от Фола получили способность видеть Тьму через Тьму и умение пользоваться кавернами, из чего следовало, что способности у нас троих были одинаковыми. Смущало другое – когда мы убивали Палача, Ниро воспользовался обычным бердышом, хотя, как я теперь понимаю, намного проще было создать темный огонь и спалить живучую тварь к Фоловой бабушке.

Получается, Ниро не знал о такой возможности? Он же не мог сглупить, отказавшись от заведомо лучшего оружия ради того, чтобы я об этом не узнал? Нет. Старик, хоть и устал от жизни, но умирать до последнего не собирался.

А как же тогда мастер Этор? Кавернами-то он пользовался мастерски. С Тьмой работал напрямую, как я. Благословение от бога тоже получил. Но значило ли это, что он умышленно ограничил себя в использовании Тьмы? Или же, подобно Ниро, о своих истинных возможностях на темной стороне попросту не догадывался?

Вытащив из памяти дневник учителя и перелистав в уме его страницы, я не нашел там ни одного намека на то, что Этору Рэйшу было что-то известно, и снова задумался.

Хорошо, оставим это. Пока будем считать, что учитель, если не знал, то о многом догадывался, но скрывал эти сведения даже от единственного ученика. Вопрос в другом, как говорит отец Гон – какое отношение эти сведения имеют к оставленному наставником списку? В книге упоминалось несколько имен, которые показались мне смутно знакомыми. Вернее, это были имена трех родов, откуда в свое время Фол не единожды выбирал для себя жнецов: Дораши, Ахаро и Шарено.

В моем списке имелись похожие фамилии: Дайнеши, Айнеро, Карино. Получается, они лотэйнийские? Но что означают нарисованные напротив них топоры? И почему рядом с некоторыми поставлен вопросительный знак?

Наконец, самый главный вопрос – зачем мастеру Этору вообще понадобилось скрывать эти сведения? Ведь, по большому счету, все темные маги… и некросы, и маги Смерти, в том числе, и предки Рэйшей… когда-то пришли в Алторию из Лотэйна. Кто-то раньше, кто-то позже, конечно. Но отец Гон открытым текстом сказал, что мы все – дальние потомки печально знаменитых

лотэйнийских жнецов. Так зачем же учитель выделил именно эти десять фамилий? Почему так настойчиво указывал на свое прямое родство с Уолшами и Уортэнами. И почему посчитал сохранение этой тайны настолько важной, что спрятал её в глубине древней могилы, после чего забросил дела в столице и на долгие годы выпал из поля зрения Ордена магов и, особенно, Ордена жрецов?

– Непонятно, – пробормотал я, проходя мимо целой череды ярко освещенных лавок. Затем краем глаза поискал крадущуюся следом Мелочь. Нигде её не нашел. После чего обратился к поводку, и с удивлением обнаружил, что кукла прилично отстала.

Обернувшись, я скорее почувствовал, чем увидел, что она остановилась возле одной из витрин и завороженно таращится на выставленные там товары. Поводок не позволял в полной мере ощутить эмоции служителя, но отголоски неподдельного восторга до меня, хоть и не сразу, все-таки докатились. После этого я, естественно, вернулся полюбопытствовать. И, пройдя примерно половину улицы в обратном направлении, озадаченно крякнул, обнаружив, что моё маленькое чудовище в немом восхищении застыло возле лавки кукольника и жадно пожирает глазами выставленные на витрине игрушки.

При этом она не просто на них смотрела, а машинально поглаживала свои собственные «волосы», которые каждое утро и вечер старательно расчесывала. Время от времени верхняя пара её лап неуверенно прикасалась к стеклу, словно желая дотянуться до игрушек. Магическая защита, конечно, заставляла в последний момент их отдергивать, но вскоре кукла словно забывала об этом и опять подступала к витрине вплотную.

Стоило признать, неизвестный мастер знал свое дело, потому что созданные им куклы и впрямь выглядели как живые, фарфоровые лица были старательно раскрашены, тщательно завитые локоны волнами падали на хрупкие плечи, а пошитые со всем тщанием платья и костюмы в точности отражали последние тенденции столичной моды. Даже на темной стороне куклы, несмотря на состаренный вид, выглядели достойно и, скорее всего, пользовались большим спросом. Было бы это не так, хозяин не рискнул бы занять помещение в престижном квартале. И не тратился на магическую защиту, которая, впрочем, для Мелочи наверняка была на один зуб.

– Ничего отсюда не брать, – предупредил я, ненадолго вернувшись на темную сторону.

Мелочь вздрогнула от неожиданности и, раззявив широкую пасть, грозно зашипела. Но быстро меня узнала, захлопнула рот и, кинув полный разочарования взгляд на витрину, послушно от неё отошла.

Больше она не безобразничала, поэтому домой мы вернулись без приключений. Но, поскольку теперь я постоянно отслеживал перемещения Мелочи, то вынужденно отвлекался, и ничего путного в мою голову больше не пришло. В том числе, и в отношении списка. Единственное, о чем я подумал, это о том, что копии моих отчетов со старого места службы ещё долго будут храниться в столичном архиве. А также то, что Корн их наверняка видел, когда знакомился с моим личным делом. С памятью, я полагаю, у него все в порядке. Так что, если в Алтире начнутся такие же странные кражи, как в Верле… боюсь, у него возникнут ненужные вопросы.

– Хозяин, вам депеша из Управления, – доложил Нортидж, стоило мне войти в дом и бросить на кушетку запылившийся плащ.

– Да? И кому же это не спится в такую рань?

– Господин Норриди желает видеть вас в своем участке.

– Когда принесли? – не особенно удивился я. После недели затишья было бы странно, если бы у Йена что-нибудь не случилось.

– Около четверти свечи назад, хозяин. Посыльный сказал, что вас ждут туда к девяти.

Я кивнул.

– Отлично. Тогда буди Марту, накрывай на стол… до девяти мы успеем ещё разок перекусить. А сделать это определенно стоит, потому что до ночи я, скорее всего, не вернусь.

* * *

Когда мы с Мелочью появились в кабинете Йена, тот, как ни странно, оказался пуст, а на столе лежала небрежно начерканная записка.

– «*Спускайся в общий зал*», – озадаченно прочитал я, пока кукла изучала незнакомое для себя помещение с темной стороны. Проще говоря, совала нос во все углы, пробовала на прочность чужой стол, бегала по потолку, старательно изучала поставленную мною на прошлой неделе защиту и раз за разом убеждалась, что лично для меня… а значит, и для нее… она везде остается проницаемой. – Что ещё за общий зал?

Вернувшись на темную сторону, я заглянул в одну из дыр в стене и, обнаружив, что на первом этаже той половины здания, что занимала городская стража, толчется подозрительно много народу, с опозданием сообразил:

– Ах, вот оно что… кажется, у нас собрание?

Оставив Мелочь осваиваться, я вышел в реальный мир, спустился на улицу, как самый обычный человек. Затем обогнул здание Управления и вошел в соседнюю дверь, возле которой, как и всегда, с унылым видом сидела неопрятная регистраторша.

При виде меня она махнула рукой, показывая, в какую именно дверь надо проследовать, будто без неё было сложно догадаться. Я так же молча прошел мимо и изрядно удивился, обнаружив, что в холле первого этажа, куда обычно патрульные притаскивали бандитов и проституток, находится толпа незнакомых людей, одетых в форму городской стажи. А в дальнем углу, под наполовину замурованной лестницей, ютилась команда Йена. А именно: два его штатных мага, два следователя и пугливо озирающийся Сенька, которому было ужасно неуютно находиться среди такого количества блюстителей порядка.

Норриди я отыскал у другой стены, в компании здоровенного бугая в штатском, на воротнике которого красовалась бляха Управления городской стражи. Мужик, судя по росту и размаху плеч, родился в семье горных троллей. И, похоже, унаследовал не только их внешность, но и характер, потому что свирепо зыркал из-под мохнатых бровей, время от времени глухо порыкивал. А поскольку в холле было довольно душно, то ещё и частенько смахивал пот со лба и теребил окладистую бороду, которой, судя по ухоженному виду, очень гордился.

«Ну наконец-то!», – проступило в глазах Норриди, когда его рыскающий взор наткнулся на мою кислую физиономию. В тот же момент он толкнул локтем соседа, здоровяк обернулся, на мгновение мы скрестили с ним взгляды, и я как-то сразу понял, что передо мной находится господин Диран Жольд собственной персоной. Начальник Управления городской стражи западного участка и с некоторых пор мой почти что враг, который, судя по тому, как изменилось его лицо, конца своих дней не забудет про написанные мною требования на возмещение ущерба.

– Ти-и-хо! – рявкнул потомок троллей, и в помещении мгновенно воцарилась тишина. – Заткнитесь все и слушайте сюда! Сейчас коллеги из сыскного Управления сообщат важную информацию, по которой вы, голодранцы, будете передо мной отчитываться!

Я только хмыкнул, когда доблестная городская стража подтянула животы и попыталась изобразить на лицах служебное рвение. После этого вперед вышел Йен и, состроив совсем уж скорбную морду, не слишком охотно буркнул:

– Доброе утро. Возможно, до кого-то из вас уже дошли последние новости, но, поскольку начальство приказало ввести городскую стражу в курс дела, я вынужден отвлечь вас от

исполнения ежедневных обязанностей, а кого-то, возможно, даже от законного отдыха.

По залу прокатился неодобрительный гул.

– Собственно, перейду сразу к делу, – словно не услышал Йен, а гул под свирепым взглядом господина Жольда мгновенно стих. – Сегодня ночью из собственной спальни бесследно исчез младший племянник герцога Искадо. Его зовут Роберт Лернан Искадо. Мальчику всего десять. И он – светлый маг, причем довольно сильный, его сиятельство очень обеспокоен судьбой своего близкого родственника, однако требований о выкупе пока не поступало. О личностях похитителей также ничего неизвестно, поскольку по непонятным причинам магическая защита в особняке, откуда исчез мальчик, была отключена. Версия с побегом уже проверяется – пока для её подтверждения нет достаточного количества улик. По делу работает специальный отдел Управления дворцовой стражи совместно с главным сыскным Управлением Алтира, однако руководство посчитало необходимым поставить в известность и все сыскные Управления города, и городскую стражу.

– Мы-то тут причем? – буркнул стоящий неподалеку мужик. – Пусть «спецы» этим занимаются.

– Вместе с магами, – поддержал его второй. Но тихо. Так, чтобы до Жольда не донеслось. – Это же их работа. Тем более, сопляк из их числа.

– Если окажется, что мальчишку держали взаперти на нашем участке, а мы его упустили, мало никому не покажется, – возразил третий. – А если его найдут по частям в каком-нибудь подвале, то отымеют сразу всех. И «спецов», и сыскарей, и нас заодно.

Стражники уныло вздохнули – об этом они и так догадывались. А потом кто-то из тех, кто стоял ближе к начальству, рискнул задать вполне резонный вопрос:

– Если мальчик – маг, то почему его не смогли найти с помощью метки? У него же клеймо в ауре должно стоять.

– По непонятным причинам его метка неактивна, – ещё более неохотно сообщил Йен.

– Тогда, наверное, племянник герцога уже мертв?

– Нет. Сигнала о гибели магов его профиля в ближайшие сутки в Орден не поступало. И метка мальчика не проходила ни через одни городские врата, поэтому есть основания полагать, что юный герцог не покидал пределы столицы, но при этом его магические способности сильно ограничены.

«То есть, на него попросту нацепили глушилку. А то, что в Орден не прилетел вестник смерти, позволяет с уверенностью

утверждать, что пацан ещё жив», – заключил я и непроизвольно зевнул.

Стражники, между прочим, были правы насчет мальчишки. Такими вещами должны заниматься люди из специального отдела и, конечно же, сыскари из ГУССа. Их ведь для того и содержали за счет королевской казны. Само собой, исчезновение юного герцога вызовет огромный общественный резонанс. То есть, его исчезновение будут обсуждать, смаковать и, конечно же, со знанием дела комментировать все неудачи сыскарей. При этом немалая часть работы все равно ляжет на плечи простых стражников. На тот случай, если они… то есть, мы… каким-нибудь чудом что-то узнаем, заметим или случайно сообразим. После чего люди Корна бодро примчатся на зов, в самый решающий момент все разрулят, всех побьют. А потом гордо доложат его величеству об очередной громкой победе. Так же, как недавно сделал мой бывший шеф, когда стало ясно, что умрун в столицу уже не вернется.

К тому, что там ещё говорил с трибуны Йен, я больше не прислушивался. Стандартные вопросы, такие же стандартные ответы. Сколько раз я такие уже слышал – даже припомнить трудно. Конечно, от стражников звезд с неба никто не требовал. Но быть внимательными во время патрулирования и всматриваться в лица прохожих им теперь придется больше обычного.

– Арт, я смотрю, тебе неинтересно? – чуть не застал меня врасплох незаметно подобравшийся Норриди. – И судьба пропавшего мальчика тебя совсем не волнует?

Я, не сдержавшись, снова зевнул.

– Это не наше дело. Не наше от слова «совсем», и ты сам это прекрасно понимаешь. Но раз уж оно тебя так задело, то не волнуйся – я услышал. И если встречу где-нибудь юного герцога, то обязательно тебе сообщу.

– Ты даже не поинтересовался, как он выглядит, – сердито буркнул Йен и сунул мне под нос красиво выписанный портрет, где был изображен кучерявый светловолосый и улыбчивый мальчишка лет десяти. – На, чудовище. Смотри.

Я послушно посмотрел. Запомнил. Убедился, что породистый сопляк и впрямь чем-то похож на первого советника и, по совместительству, ближайшего родственника его величества Ринорка Шестого. После чего вернул портрет Йену и спокойно осведомился:

– Это все? На сегодня дел больше не планируется?

– Щас, разбежался, – неприветливо отозвался тот. – Этой ночью произошло сразу три кражи с применением магических

артефактов. Так что бери свою шляпу, садись в кеб и на скорое возвращение домой можешь не рассчитывать.

– Умеешь же ты обрадовать, друг, – чуть не сплюнул я вслед уходящему шефу. А потом подметил мелькнувшую в толпе физиономию штатного мага из Управления городской стражи и понял: в новом деле есть какой-то подвох. Иначе Шоттик не выглядел бы до омерзения довольным, словно собственноручно ограбил все три дома и был уверен, что мы никогда об этом не догадаемся.

Глава 3

По дороге Йен упорно хмурился и наотрез отказался со мной говорить. А все потому, что мы не сошлись во мнении, на какое из мест преступлений следует отправиться в первую очередь. Зануда Норриди всю жизнь считал, что расследовать дела надо строго по порядку. Начинать с того, которое получил первым, и лишь после окончания первичного смотра приступать к следующему. Я же полагал, что более разумно использовать территориальный принцип: какое место преступления находилось ближе, с того и начинать. Если, конечно, дело не являлось срочным или сверхважным.

Но сегодня у Йена было особенно дурное настроение, поэтому кеб доставил нас Тьма знает куда. В смысле, аж на Сорок четвертую улицу, в дом под номером тринадцать, откуда, по словам патрульных, этой ночью исчез дорогой артефакт. Его исчезновение обнаружила хозяйка дома – одинокая пожилая леди, живущая в большом особняке вместе с парой проверенных слуг и целой сворой тявкающих собачонок.

Когда кеб остановился перед некогда роскошным крыльцом, а Йен постучал в дверь, внутри раздался пронзительный лай. Потом послышались шаркающие шаги, на пороге возник немолодой усатый дворецкий, одетый в видавшую виды ливрею. Вокруг него вилась целая куча мелких, одинаковых черно-рыжих шавок, ошейники которых стоили раза в три дороже одежды слуги. После этого лай стал совсем оглушительным, и я был вынужден отступить в сторону, чтобы не оглохнуть.

Почти сразу после того, как Йен, перекрикивая собак, представился, из дома выбежала пожилая дама и, расквохтавшись, принялась подбирать с пола малогабаритных питомцев хозяйки. Ходки через три ей это, наконец, удалось, и после того, как псин заперли в одной из комнат, нам было позволено войти в дом.

Разумеется, первым в эту собачью обитель зашел Йен – как самый главный. За ним, морщась от запаха, просочились оба старательно глядящих под ноги следователя. Затем Тори, как галантный кавалер, попытался пропустить вперед Лизу, но я успел вовремя схватить её за золотую косу и, оттянув назад красиво посаженную головку, строго спросил:

– Ку-уда?! Тори, ты собрался угробить свою очаровательную коллегу?

Лиза удивленно скосила на меня глаза.

– Почему это угробить?

– Это простая вежливость, мастер Рэйш, – сухим, насквозь официальным тоном сообщил паренек, с неодобрением глядя на зажатую в моем кулаке толстую косу. – По правилам этикета мужчина должен пропустить леди вперед. Хотя, возможно, вам это неизвестно. Как и то, что обращаться с леди так, как поступили сейчас вы, совершенно недопустимо.

Я ухмыльнулся.

– Давай не будем выяснять границы моей невоспитанности. Боюсь, они находятся далеко за гранью твоего воображения. Мне просто интересно: а если бы мы оказались на темной стороне, ты бы тоже пропустил её вперед?

Тори насупился.

– Темная сторона – это другое.

– Да ну? А если бы это был бандитский притон?

– Вы говорите глупости, – процедил мальчишка, сердито буравя меня глазами. – Какое отношение к обычной вежливости имеет притон или место, где вообще не существует никаких правил?

Я вместо ответа заглянул в дверной проем, стукнул кулаком по ветхой стене, а когда с потолка рухнул приличный кусок штукатурки, насмешливо покосился на мага.

– Теперь мои аргументы выглядят более убедительными?

– Ой, – пискнула Лиз, сообразив, что вполне могла остаться без прически. – Спасибо, мастер Рэйш. Я не заметила.

– Вежливость для темного мага – это прах, – отчеканил я, глядя на побледневшего парня. – его собственный прах, на котором радостно станцуют привлеченные шумом гули. Ты меня понял?

Тори опустил глаза.

– Да, мастер Рэйш. Слабые не выбирают место в шеренге.

– Вот именно.

– Тогда, наверное, первым лучше было зайти вам? – тихонько предложила девушка, ничего не понявшая из нашего разговора. – Вы же у нас самый сильный. С вами нигде не страшно.

– Напротив. Если бы мы оказались на темной стороне, первым я пустил бы туда твоего друга.

– Почему?

Я нехорошо улыбнулся.

– Чтобы, пока его жрут притаившиеся за углом твари, можно было успеть среагировать.

Лиз хихикнула и воззрилась на меня с преувеличенным ужасом, полагая, что это была шутка. Однако Тори не сказал ни слова. И, развернувшись, так же молча вошел в пустой коридор.

В отличие от непосвященной подруги, он должен был

помнить, что лет сто назад существовало правило, на соблюдении которого настаивало руководство нашего Ордена. Сильных темных тогда было мало, каждого из них берегли как зеницу ока, поэтому в безвыходных ситуациях слабые маги зачастую жертвовали собой, учителя ставили перед собой учеников, а более опытные старались держаться в стороне от молодняка.

Сейчас, конечно, все изменилось, но правило до сих пор никто так и не отменил. И в случае, если боевая двойка оказывалась перед выбором – погибнуть вдвоем или дать шанс спастись хотя бы одному, маги чаще всего выбирали последнее.

Подтолкнув хихикнувшую девицу в спину, я по привычке вошел в дом последним. А как только за нами закрылась дверь, на всякий случай проверил поводок, однако Мелочь была уже здесь, бесшумно кралась за нами по потолку. А значит, дополнительно контролировать ситуацию было не нужно, что для меня, честно говоря, было внове.

Хозяйка дома выглядела под стать своему ветхому жилищу – древняя, сморщенная, не слишком опрятная, но по-своему милая старушенция, которая чем-то напомнила мне мадам Одди. Та тоже подслеповато щурилась, когда разглядывала незнакомцев. Носила дома такие же меховые тапочки и зябко куталась в шаль, будучи в полной уверенности, что по дому гуляют страшные сквозняки, от которых дырявый платок непременно её избавит.

– Прошу прощения, что потревожила вас, господа следователи, но у меня пропала очень ценная вещь, – сказала леди Муэра, когда Йен представился во второй раз и представил всех остальных. – Она дорога мне как память о покойном муже, и я бы очень хотела, чтобы её вернули. Прошу вас, присаживайтесь.

Скрипучий старушечий голос полностью оправдал мои ожидания. Как и сидящая на руках у хозяйки маленькая собачонка. Дряблые пальцы престарелой леди рассеянно перебирали густую белую шерсть, порой начинали теребить дорогой кожаный ошейник. А иногда задерживались на специально сшитом для шавки кафтанчике, который выглядел много лучше, чем та самая шаль, в которой хозяйка дома вышла нас встретить.

К нашему приходу она явно готовилась, потому что, как только Норриди и маги присели на старые стулья, обитые потускневшей от времени тканью, старушка протянула портрет. Он тоже выглядел старым и выцветшим от времени, однако ничего лучше у нас пока не было.

– Видите эту брошь, господин Норриди? – проскрипела мадам Муэра, ткнув трясущимся пальцем в изображение на портрете. – Муж подарил её на день нашей свадьбы, и с тех пор она всегда

была со мной.

– Где она находилась вчера вечером? – осведомился Йен, передавая портрет следователям, чтобы те могли опознать пропажу.

Хозяйка дома торжественно возложила трясущуюся ладонь на левую сторону груди.

– Конечно же, на мне.

– Вы не сняли её перед сном? – удивился Норриди, а портрет тем временем ушел гулять по рукам.

– Я же сказала: она всегда была при мне. Но этим утром брошь исчезла, поэтому я и вызвала вас.

Лиз с Тори скептически переглянулись, а портрет тем временем добрался до меня, и вот тут-то я, что называется, обалдел – на белом подвенечном платье весьма недурственной юной леди красовалась знаменитая «алторийская лилия». Единственный в своем роде защитный артефакт, о котором я ещё слышал в далеком детстве и который, по слухам, дарил своему владельцу почти абсолютную защиту от магии.

Артефакт был достаточно древним и имел весьма богатую историю. Этакая местная легенда о том, как один столичный ювелир создал удивительный по красоте искусственный цветок, а затем другой умелец влил туда нехилую порцию магии. Насколько я знал, много лет назад «лилию» выкупил у последнего хозяина какой-то баснословно богатый купец. Одно время это событие активно обсуждалось в светских кругах, и даже мои родители не остались в стороне от темы, но я тогда был слишком мал, чтобы уделить этой новости должное внимание. И все, что я помнил, это то, что в золотую оправу броши было вставлено несколько десятков разнокалиберных бриллиантов. А также то, что выкрасть такую вещь, опять же по слухам, считалось практически невозможным.

И тут такой сюрприз…

Я совершенно по-новому взглянул на пожилую леди, на глазах которой выступили слезы.

– Помогите мне, господа, – прошептала она, украдкой вытирая морщинистые щеки. – Кроме этой броши и памяти о муже, у меня ничего не осталось. Я готова уплатить любое вознаграждение за её возвращение. Пожалуйста. Не сочтите за труд…

– Мы бы хотели осмотреть дом и переговорить со слугами, – скрепя сердце сказал Норриди, поднимаясь со стула. На его брюках при этом остались клочья собачьей шерсти, которую, видимо, позабыла смахнуть с сидения пожилая служанка. А вот я мысленно похвалил себя за предусмотрительность, потому что

единственный из всей команды не захотел соблюдать правила этикета.

Естественно, беседовать со слугами я не стал – этим могли заняться Брил и Торн. А вот по дому прогуляться не отказался и, как только леди Муэра дала добро, первым же делом двинулся исследовать хозяйскую спальню. Раз уж артефакт пропал именно там, то и следы следовало искать поблизости. А мне вдруг стало интересно взглянуть на знаменитую «алторийскую лилию» и заодно убедиться, что она действительно так хороша, как о ней говорили.

К сожалению, в спальне пожилой леди ничего интересного не оказалось, кроме потрясающе выполненного портрета, на котором была в полный рост изображена хозяйка дома в годы её далекой юности. Портрет, стоило признать, был по-настоящему хорош. Молодая леди Муэра тоже. Однако никаких следов пребывания артефакта в помещении я не нашел и этим немало озадачился. До тех пор, пока не вспомнил ещё один немаловажный факт и не спустился в гостиную уточнить у хозяйки, не подвела ли меня память.

– Все правильно, господин маг, – несказанно огорчила меня пожилая леди. – Моя «лилия» не определяется с помощью магии. И именно об этом я сказала дежурному магу, когда этим утром он явился на вызов. Но он пообещал, что пришлет сюда лучших специалистов, и что вы непременно поможете! Вы ведь поможете?

Ах, Шоттик… скользкий ты гад…

– Конечно, миледи, – подтвердил я, мысленно представив, как распну светлого на дыбе. – Но для этого мне нужно осмотреть вашу шаль.

– Пожалуйста, господин маг, – удивилась хозяйка и с явным трудом выпуталась из видавшего виды шедевра вязального мастерства. Я с величайшей осторожностью, чтобы не стрясти на себя пыль, его принял, после чего бережно разложил на диване и осмотрел, уделив особое внимание большому колтуну, который, вероятно, с годами нарос вокруг броши, а также приличной дыре в том месте, где, по-видимому, когда-то крепилась «лилия».

Нитки в этом месте выглядели особенно ветхими. Слегка потяни, надави, и они сами расползутся под пальцами. А артефакты вроде «лилии» тем и примечательны, что их действительно очень сложно украсть. Зато можно подобрать с пола случайно оброненное сокровище и унести его отсюда в кармане.

– Слуги не при чем, – отрапортовали следователи, как только я выдернул их из кухни и осведомился, нет ли среди домочадцев леди Муэры непорядочных людей. – На ночь в доме оставалась

лишь одна служанка, но мы проверили её показания под амулетом правды – к броши она не прикасалась и понятия не имеет, куда та могла запропаститься.

– Охранные амулеты на доме старые, но их никто не тревожил, – добавил Брил, когда я кинул задумчивый взгляд на зашторенное окно. – Хозяйка поклялась, что перед сном на улицу тоже не выходила. И всю ночь провела в постели, так что артефакт украли именно там. Лиза сейчас проверяет сад на предмет чужого присутствия. Но Тори сказал, что через первый этаж в дом никто проникнуть не мог.

«Значит, надо проверить второй», – решил я и, оставив парней, снова поднялся наверх.

– На крыше чисто, – доложил спустившийся сверху Йен, на шее которого покачивался покрытый пылью визуализатор. – Ни следов взлома, ни иных признаков присутствия человека. Там лет сто, наверное, никто не убирался, чердачное окно замуровано намертво, а следы на полу только мои… А-апчхи! И то лишь потому, что мне каким-то чудом удалось открыть вросшую в пол дверь.

– Будь здоров, – рассеянно отозвался я, проходя мимо. – Допроси-ка ещё разок служанку. Наверняка она бы услышала, если бы дверь открывали ночью. И ещё узнай, не выходила ли хозяйка, скажем, на балкон? Старушка совсем древняя. Вдруг о чем-то да позабыла?

Норриди вместо ответа буркнул что-то неразборчивое, но ожидаемого «сам спроси» я все-таки не услышал. Кажется, начальство уже оттаяло, хотя по обыкновению пыталось этого не показать. Зато, когда я ещё раз осмотрел спальню и заглянул в спрятанную за неприметной дверкой уборную, на пороге нарисовалась присланная шефом та самая пожилая леди, что избавила нас от собак, и смущенно пробормотала:

– Простите, господин маг, но мы ею сейчас не пользуемся. Канализация забилась, а починить некому.

Я аккуратно прикрыл дверку, чтобы в спальню не просачивался характерный душок.

– Почему же некому? Разве в доме нет мужчин?

– Роберт ничего не смыслит в таких делах, – извиняюще пояснила женщина. – А на хорошего мастера у госпожи Муэры… простите… нет денег. Там же на магии что-то завязано. Управляющий артефакт почему-то забарахлил, вот и некому теперь разобраться. А услуги бытового мага стоят дорого.

– Неужели у леди настолько плохи дела?

– Покойный господин Муэр оставил ей немало долгов. Но леди отказалась продавать единственную в доме ценную вещь,

поэтому вынуждена доживать свои дни вот так… но это, конечно же, никого не касается. Простите ещё раз, господин. Это и не моё дело тоже. Я не должна была о этом говорить.

Я окинул внимательным взглядом опустившую голову служанку, но, прежде чем покинуть спальню, все же спросил:

– Вы все время находитесь рядом с леди Муэрой?

– Да, господин маг.

– И она действительно носила брошь, не снимая?

– Даже спать с ней ложилась, – подтвердила служанка. – Бывает, накроется шалью, закутается в неё как в кокон и так засыпает, дерба свое сокровище в руке.

– То есть, украсть брошь, не разбудив хозяйку, было невозможно?

– Именно так, господин маг, – кивнула дама и бросила выразительный взгляд на аккуратно заправленную, но такую же старую, как остальной дом, постель, где как минимум пару дней назад стоило бы сменить простыни. – Но, если честно, я совсем не уверена, что брошь пропала именно этой ночью.

Я резко обернулся.

– Почему вы так решили?

– Потому что… – служанка понизила голос, – вы же видели эту ужасную шаль, господин маг. Хозяйка не разрешает к ней прикасаться, и там даже пауки однажды расплодились, да так, что я с трудом их потом оттуда вытряхнула.

– Ну и что?

– А то, что леди Муэра стара. И очень плохо видит. Она могла не понять, что под руками у неё не брошь, а тот кошмарный колтун. А раз так, то кто знает, где и когда она её потеряла? Днем хозяйка кутается в шаль так, что нам не видно, носит она брошь или нет. А ночью никого к себе не впускает. Даже меня, хотя я не раз предлагала, ведь ходить даже до уборной ей с каждым годом становится все труднее.

– Что?! – ошеломленно повторил я, кинув шальной взгляд на заветную дверку. – Тьма! Леди, когда, говорите, у вас забарахлил управляющий артефакт?!

– Неделю назад или чуть меньше.

– А за это время ваша хозяйка хотя бы раз покидала дом?

– Нет, конечно, – удивилась дама. – Она уже лет пять на улицу не выходит, с собаками гуляю я и наш верный Роберт. А гостей здесь почти не бывает. Хозяйка очень ценит уединение и не стремится поддерживать отношения даже с соседями.

Я с тоской посмотрел на проклятую дверь, но осенившая меня дурацкая идея была слишком похожа на правду.

Ну ведь в самом деле! Если никто не мог попасть в дом в

принципе, а слуги не крали бесценную «лилию», то получается, что хозяйка сама её потеряла! Причем, скорее всего, не вчера и даже не позавчера, потому что, как самая обычная старушка, была слепа, почти ничего не чувствовала кончиками пальцев и быстро забывала недавние события!

Исходя из всего того, что мы узнали, самым вероятным местом, где она могла бы обронить свое сокровище, была именно спальня, где леди Муэра проводила немало времени. А точнее не спальня, а эта самая уборная, куда старушка, вероятно, побрела посреди ночи, но зацепилась шалью и сама не заметила, как державшаяся на сопле брошка с тихим плеском булькнулась в…

В общем, вы поняли.

Конечно, «алторийская лилия» была настолько удачно сделана, что определить её с помощью магии представлялось абсолютно невозможным делом. Однако влиять на другие артефакты она наверняка могла! И в этой связи мне кажется, я правильно определил причину, по которой в канализационной трубе появился посторонний предмет, а надежный, десятилетиями служивший управляющий артефакт вдруг начал работать со сбоями.

Тьма! Я точно убью Шоттика по возвращении!

– Арт! Как у тебя дела? – неожиданно раздался из коридора обеспокоенный голос Йена, а следом послышались его тяжелые шаги. – Что-то ты долго возишься. Нашел что-нибудь?

– Конечно, – оскалился я. – Иди-ка сюда, дорогой друг. Сейчас я объясню тебе, как можно снискать славу героя…

Примерно через полторы свечи мы снова забрались в кеб и в гнетущем молчании потащились на следующее место преступления. При этом молодежь выглядела на редкость воодушевленной, взгляды, которыми они обменивались, были откровенно веселыми. Но если маги и следователи потешались над незадачливой старушкой, то Норриди вновь насупился и мрачно смотрел в окно, время от времени поднося в лицу надушенный платок и закрывая им свой многострадальный нос.

– Да что ты в самом деле? – с деланым равнодушием заметил я, когда он в третий раз попытался перебить настойчиво преследующий его запах. – Всего-то делов, что помогли несчастной бабушке отыскать её потерю. И вообще, своими глазами увидеть знаменитую «алторийскую лилию», – это, знаешь ли, огромная удача.

Йен бросил на меня злобный взгляд.

– Тебе хорошо говорить! Не ты же доставал из канализации этот дурацкий артефакт!

– Ну, такое важное и ответственное дело должен был

совершить самый мудрый и самоотверженный человек в коллективе. И никто из нас не собирается оспаривать тот факт, что ты, как руководитель, с честью выдержал это непростое испытание.

В салоне раздалось сдавленное хихиканье.

– Что тебя демоны сожрали, Арт! – Норриди с досадой покосился на развеселившихся подчинённых. – В следующий раз в трубу полезешь ты! А я посмотрю, как ты будешь это делать! И каким оттуда вылезешь, особенно, если тебе выпадет честь доставать из дерьма не поддающуюся магии побрякушку!

– Если нам придется ещё раз вскрывать канализацию, я лучше Шоттика туда засуну, – ухмыльнулся я. – Головой вниз и, желательно, насовсем, а то после его визитов слишком часто стал портиться воздух.

Йен поджал губы.

– Если надумаешь нести Жольду новые счета, сперва покажи мне. Я все подпишу.

– Договорились. Только включи туда стоимость новой одежды, потому что эту… прости, но все-таки лучше поменять.

Йен мрачно зыркнул из-под насупленных бровей, но злиться все-таки перестал. Точнее, он перестал злиться на меня, потому что переключил свое внимание на более достойный объект. Так что Шоттик напрасно решил нам отомстить за недавний разнос. Нечистых на руку людей Норриди не любил, пожалуй, даже больше, чем я. Жажда справедливости была у него в крови. А это значило, что штатному магу Управления городской стражи в скором времени грозили крупные неприятности. В которых я, как внештатный сотрудник Управления городского сыска, планировал принять самое деятельное участие.

Глава 4

С остальными двумя кражами мы провозились несколько дольше, но в небогатом западном районе, где обитали самые обычные граждане, взять было практически нечего. Аристократы здесь традиционно не селились, дорогих лавок никто не открывал, поэтому громких краж тоже совершать было негде. И некому, если уж на то пошло. В итоге всего через сутки мы отдали коллегам из городской стражи незадачливого воришку с магической отмычкой, с помощью которой он вскрыл чей-то захламленный особняк. А ещё через день представили пред грозные очи господина Жольда растрепанную девицу, в руки которой случайно попало наполовину разряженное «кольцо сна», благодаря чему она всего за одну ночь умудрилась обчистить карманы полутора десятков неосторожных мужчин, которые рассчитывали провести незабываемую ночь.

После этого в Управлении снова наступило затишье.

Я, пользуясь случаем, смотался в Верль и притащил из схрона ещё один мешок с книгами. И не вылезал из кабинета до тех пор, пока в одном из томов не наткнулся на сделанную карандашом короткую пометку: «*Важно !*»

Книга была об истории темного искусства и представляла собой не что иное как воспоминания одного из магов, жившего в Алтории чуть меньше трехсот лет назад, когда темное искусство находилось на пике своего расцвета. Мага звали мастер Рейно Лерс и был он, если верить предисловию, некросом, причем неплохим и довольно известным, поскольку много лет изучал вопросы наследования темного дара.

Именно рядом с этим абзацем мастер Этор оставил первую пометку, поэтому дальше я принялся читать с удвоенным интересом. И вскоре выяснил, что уже в те времена наши коллеги проводили не то чтобы селекционную работу, но все же стремились к тому, чтобы одаренные дети рождались в более чистых в магическом плане семьях. Оно, в общем-то, и понятно: что чем больше у ребенка имелось одаренных предков и чем сильнее был дар у родителей, тем выше была вероятность, что малыш его унаследует. Однако Лерс обнаружил и другую закономерность, причем гораздо менее приятную для магического сообщества.

Он считал, что темный дар по определению нестабилен и имеет волнообразно протекающие периоды расцвета и последующего спада, причем, по наблюдениям Лерса, это происходило ритмично. Когда через одно поколение, реже – через

два или даже три. В переводе на нормальный язык это означало, что магический дар у темных магов передавался не напрямую – от отца к сыну, а переходил от деда к внуку или даже к правнуку, причем, независимо от количества детей, только к одному наследнику.

Когда мастер Лерс отметил эту закономерность, он вывел прямую зависимость между временем, в течение которого длился период спада, и одаренностью магов в каждом конкретном роду. Даже привел алгоритм, по которому эту кривую можно было рассчитать. А также выяснил, что в семьях, где спады происходили реже и длились дольше, в целом магический дар постепенно усиливался из поколения в поколение, а в тех, где спады оказывались короткими и частыми, наоборот – угасал.

Открытие для того времени было весьма спорным, поскольку в своих исследованиях Лерс опирался преимущественно на архивные записи и не смог привести коллегам убедительных доказательств. К тому же, он уверял, что полноценный темный дар способен перейти только к одному-единственному наследнику, тогда как везде и всюду случалось, что дар наследовали по двое, трое и даже больше детей в семье.

Одним словом, в теории имелись белые пятна, который на тот момент не было возможности заполнить. Из-за чего, как это часто бывает, гипотеза Лерса не была воспринята серьезно, а сам Лерс был осмеян и вынужденно ушел из Ордена. Однако не отказался от необычной идеи и посвятил её изучению всю оставшуюся жизнь, правда, до этого дня я нигде не встречал упоминаний о его работах и не слышал, чтобы маг с таким именем совершил какое-нибудь революционное открытие.

И вот здесь-то мне на помощь пришел мастер Этор, который сделал на полях ещё несколько важных пометок.

В частности, сослался на документально подтвержденный случай из истории провинциального рода Бейлис, который в свое время вызвал немалый общественный резонанс. История оказалась довольно проста, а род, о котором шла речь, был, разумеется, темным. Среди его отпрысков когда-то встречались и некросы, и полноценные маги Смерти, однако суть заключалась в другом. Около восьмидесяти лет назад последними представителями этого семейства оказались два брата. Причем оба были довольно слабыми магами, но один являлся слабеньким некросом, а второй умел ходить на темную сторону.

К тому времени маги Ордена уже научились определять и фиксировать величину магического дара, поэтому способности братьев были известны с рождения. Однако когда один из них погиб, то дар второго через некоторое время показал приличные

показатели роста. И это привело в замешательство как самого мага, так и представителя Ордена, которого попросили провести контрольный замер.

Мастер Этор мне об этом рассказывал. Давно, ещё на заре моего ученичества, но я тогда не придал его словам большого значения. Однако сейчас, зная то, что открылось мне в последнее время, я был вынужден пересмотреть теорию Рейно Лерса.

Возможно, он был прав, когда утверждал, что полноценный темный дар способен воплотиться лишь в одном-единственном наследнике. Когда их становилось больше, дар дробился и понемногу слабел. С каждым новым поколением. С каждым рожденным молодым магом. Однако все же не угасал, потому что с гибелью более старых представителей темного семейства, молодые маги получали дополнительную порцию силы и все-таки могли продолжить род.

На этом месте учитель сделал ещё одну пометку: «Разделение», а на следующей странице жирно подчеркнул на полях: «*Женщины !*»

Я, если честно, так и не понял, что он хотел этим сказать, но когда подобрался к последней главе, то наткнулся на весьма любопытный вывод, к которому автор книги пришел под конец своей долгой жизни.

Лерс почему-то считал, что женщины по определению не могли стать хорошими магами, поэтому категорически не одобрял приход в профессию леди. Возможно, в чем-то он и тут оказался прав, потому что по-настоящему сильных темных магичек наш мир действительно не видел. Да, встречались отдельные личности вроде той же Хокк или Триш, но их всегда были единицы. А во Тьму, кто бы что ни говорил, их толкала такая же жизненная необходимость, как и мужчин-магов, поэтому думаю, что несильно ошибусь, если скажу, что дамы редко выбирали свой путь осознанно.

А вот абзац, где Лерс рассуждал о передаче магического дара детям, мастер Этор выделил отдельно. Там говорилось, что, если ребенок родился в семье, где магом являлся отец, то действие кривой, отражающей периоды спада и расцвета магического дара, проявлялось в полной мере. В семьях же, где магами являлись оба родителя, кривая резко уплощалась, а периоды спада… как и расцвета, впрочем… становились в полтора-два раза длиннее, из-за чего в таких семьях с определенной периодичностью могли родиться как великие темные маги, так и полные бездари. Наконец в случае, если магом была мать, а отец являлся простым человеком, даже один-единственный ребенок был обречен на неполноценный дар.

Триста лет назад таких семей было немного, однако во многих Лерс подметил эту нехорошую тенденцию. Он, правда, связал её с тем, что женщины-маги не предназначены для этой роли, и именно поэтому их потомство оказывалось несостоятельным в магическом плане. Однако мастер Этор размашисто написал на полях слово «*чушь !*», и я был склонен с ним согласиться.

А вот дальше начиналось самое интересное, потому что чуть ниже учитель сделал ещё две пометки: «*перетягивания дара*» и «*блок*», рядом с которым стоял жирный вопросительный знак. Здесь же, в тексте, мастер Рейно Лерс выдвинул предположение, что во время беременности одаренная мать, пользуясь магией, вполне могла оттягивать дар младенца на себя и именно этим ослаблять собственное дитя. Но если поставить между ними блок и лишить её этой возможности…

От этой идеи у меня аж дух захватило – настолько она выглядела правдоподобной. Но, к сожалению, в конце следующего абзаца имелась очередная приписка, также сделанная рукой учителя, только совсем другими чернилами. И она печально гласила: «*выкидыш*», «*Рита*» и через знак равенства – «*бесплодие*», тем самым перечеркнув все предыдущие предположения и поставив жирный крест на возможности вмешательства в процессы наследования магического дара.

Закончив читать уже глубоко за полночь, я с некоторым опозданием задумался над тем, откуда мастер Этор мог с такой уверенностью говорить о негативных последствиях магического блока для матерей. А потом вспомнил, что у него когда-то была дочь… вспомнил Лойда и его слова о тяжелой болезни матери. Напрочь забыв о том, что уже темно, срочно вызвал в кабинет недоумевающего дворецкого. И, задав ему несколько простых вопросов, устало откинулся в кресле.

Рита…

Вот, значит, какие скелеты водились в вашем шкафу, учитель: Рита…

Боюсь даже представить охвативший вас ужас от известия, что ваша одаренная дочь ожидает первенца от обычного смертного. Причем ожидает тайно и тайно же планирует позорное для столь именитого отца замужество. Зная ваш сложный характер, нетрудно предположить, чем закончился ваш разговор. Но страшнее всего, пожалуй, было бы узнать всю глубину вашего отчаяния, когда, оказавшись перед нелегким выбором и сделав его во имя продолжения рода, но вопреки воле единственной дочери, вы все же поняли, что совершили ошибку.

В тот день вы потеряли не только нерожденного внука, но и

дочь, мастер Этор. А я, пожалуй, теперь знаю, почему вы так спешно оставили столицу. И почему, все-таки дав согласие на брак с неодаренным, но по-прежнему дорогим для дочери человеком, вы больше не стремились поддерживать с ними отношения. А вместо этого ушли из Ордена, бросили все свои научные изыскания, отказались от золота, славы, даруемых вашим статусом привилегий и из известного мага превратились в обычного отшельника.

Нортидж также сказал, что барон Ирвин Лойд был гораздо старше своей одаренной супруги. И, наверное, если покопаться в архивах, где-нибудь наверняка найдется информация о его первой жене или о внебрачном сыне, которого утратившая способность к материнству Рита Рэйш с радостью приняла и воспитала вместо родного.

Это автоматически означало, что Освальд Лойд изначально не имел прав на доставшийся мне магический перстень. Однако родители, по-видимому, решили не рассказывать сыну о прошлом. Как не стали этого делать вы, мастер Этор, увидев в ауре неродного вам внука свежую метку убийцы. И как не сделал этого первый наставник Лойда, который вообще не вникал, да и не мог, пожалуй, вникнуть в тонкости ваших непростых отношений.

Да, судьба распорядилась так, что мальчишка, которого вы выгнали из дома, вырос, заматерел и через некоторое время снова явился вас навестить, мастер Этор. Но кто знает, чем бы закончилась эта встреча, если бы к тому времени вы, учитель, были бы живы, а вместо вас Освальда Лойда не встретил молодой темный маг по имени Артур Рэйш…

* * *

Засидевшись в кабинете почти до утра, но так больше ничего путного и не надумав, в конце концов я решил отправиться на боковую и с хрустом потянулся. На темной стороне усталость почти не чувствовалась, от долгого напряжения глаза не болели, голова по-прежнему соображала, а если и хотелось размяться, то лишь от того, что я все ещё не привык подолгу проводить время за книгами.

Единственное, что мешало – то, что заботами учителя фамильный особняк Рэйшей выглядел во Тьме и в реальности практически одинаково, поэтому, чтобы понять, в каком мире нахожусь, мне порой требовалось приложить некоторое усилие.

Привычно покосившись в сторону окна, я с некоторым

удивлением обнаружил, что куклы на привычном месте нет. И вышел в коридор, надеясь, что моё зубастое чудовище не наводит опять шорох на кухне и не гоняет горничных по дому. А когда услышал доносящиеся снизу раздраженные голоса, тяжело вздохнул и направился к лестнице.

Каково же было моё удивление, когда, заглянув в столовую, я увидел не только Мелочь, но и остальных слуг в полном составе, при этом кукла выглядела растрепанной больше, чем обычно, и сидела в дальнем углу с видом окруженного, но не сломленного бойца. Тогда как призраки встали перед ней полукругом, требовательно уперев руки в бока, а Нортидж при этом ещё и строго выговаривал:

– Это никуда не годится. Ну-ка, скажи ещё раз: хо-зя-ин…

– Хыс-сь! – прошипела Мелочь и сердито клацнула зубами. Кидаться на домашних я ей запретил, поэтому единственное, что оставалось загнанной в угол кукле – это огрызаться.

– Да не так, глупая твоя голова! Хо-зя-ин! Давай, повторяй, не то мастер Рэйш будет недоволен!

– Хы-хы-хысь!

– Кошмар, – сокрушенно покачал головой дворецкий. – Никаких сдвигов. Боюсь, друзья мои, она никогда не научится.

– Тс-с-с! – сердито шикнула на него кукла, а затем негодующе застрекотала лапами. – Гыс-с! Тс-с-са-а!

– О, глядите-ка, новые звуки освоила, – обрадовалась одна из горничных.

– Ну да, – не слишком радостно согласилась вторая. – Только толку с этого никакого – она все равно слова не выговаривает. Наверное, язык слишком длинный.

– Или извилины короткие…

– Ы-ысь! – насупилась кукла, приоткрыв зубастую пасть. – Хсь ныс-с-ся!

– Ну давай, говори ещё, – поторопила куклу первая горничная. – Ты ведь можешь, я знаю. А то куда это годится? Неужто тебе самой не стыдно, а?

– Хватит, – проворчала вторая. – Сколько уже можно уговаривать? Наверное, она и впрямь ничего не умеет.

– Усь! – возмущенно пискнула кукла и даже подпрыгнула над столом. – Кысь! Хось!

– Умеет, – удовлетворенно протянула кухарка. – Вишь, как задергалась. И все она прекрасно понимает… ну-ка, дайте я попробую.

После чего потянулась в ближайший шкаф, выудила оттуда начищенный до блеска серебряный поднос и, помахав им перед носом настороженно замершей куклы, пообещала:

– Если сможешь сказать слово «хозяин», дам посмотреться.

– Уус-с-сь, – тихо, угрожающе прошипела кукла, однако на поднос уставилась с таким выражением, словно всерьез считала, что это – достойная награда за мучения.

– Сначала скажи.

– Хс-сь… хыс-с-а-а-ынс-с…

– Уже лучше, – довольно кивнула Марта, снова взмахнув подносом. – Но недостаточно хорошо, ещё раз!

Кукла раздраженно щелкнула костяшками и, наоборот, замолчала, призраки, зачем-то вознамерившиеся научить её разговаривать, заволновались. Я тоже не сразу понял, что происходит, но потом все-таки додумался потревожить поводок и замер, обнаружив, что единственной переполняющей Мелочь эмоцией была не злость или раздражение, а тихая обреченная тоска, граничащая с почти человеческим отчаянием.

Невольно вспомнив, как Мелочь восхищалась красивыми куклами в той лавчонке, я так же неожиданно осознал, что мой новый дух, хоть и не был живым в полном смысле этого слова, тоже умел понимать и чувствовать. Испытывать боль, радость, разочарование, страх… и вот такую слабую, похожую на детскую и совершенно не заметную постороннему глазу тоску, которая вот-вот грозила перейти в безысходность.

С досадой подумав, что упустил из виду этот момент, я распахнул двери и быстрым шагом прошел через всю столовую. Наклонившись над столом, в гробовом молчании подхватил Мелочь ладонью под брюхо. Так же молча забрал у растерянно отпрянувшей Марты поднос. Вернулся в кабинет. И, пристроив поднос на подоконнике так, чтобы в него было удобно смотреть, посадил куклу рядом.

– На. Любуйся. Больше тебя никто шантажировать не будет.

Не глядя на растерянно застывшую Мелочь, я так же быстро вышел, умылся и, только забравшись в постель, с некоторым опозданием сумел оформить в слова то странное чувство неправильности, которое ощутил сегодня в столовой.

Наши слабости – то уязвимое место, которое мы всеми силами стараемся утаить от врагов. Наша боль, страхи, сомнения и, конечно же, привычки, которые могут показаться окружающим странными или смешными. Слабости есть у всех. Так или иначе. Но если их увидит близкий человек, он никогда не будет смеяться или тыкать пальцем в лицо. Он смолчит, даже если посчитает наши чудачества забавными. Однако когда их пытаются использовать те, кто, по идее, должен прикрывать нам спину… это почти что предательство. Даже по отношению к нелепой, невесть как прибившейся к нам игрушке, по какому-то

недоразумению решившей назвать меня хозяином.

Уже закрывая глаза, я ощутил осторожное прикосновение к поводку и робкую, похожую на первый весенний цветок, благодарность. И такую же неуверенную признательность, которую Мелочь, кажется, переживала впервые в жизни.

Я не стал от неё отстраняться. И не стал проверять, где именно устроилась на ночь моя необычная нечисть. Только подумал, что меня в свое время от отчаяния удержала именно рука учителя. Суровая, мозолистая и умеющая очень больно ранить… но лишь благодаря ей я сумел вырваться из окружившей меня стены безумия. И выкарабкался из той непроглядной Тьмы, куда меня так безжалостно столкнули.

Глава 5

– Арт, у нас ЧП! – с ходу заявил Йен, когда я следующим утром переступил порог его кабинета.

– Какое? Неужто мальчишку-герцога все-таки прибили?

– Тьфу на тебя, не каркай, – непритворно отшатнулся Норриди, при этом едва не навернувшись с новенького кресла. Судя по всему, оснащение Управления шло полным ходом, потому что, помимо кресла, в кабинете наконец-то появился нормальный стол, два шкафа и даже аккуратный диванчик для посетителей. – Нет, хвала Роду, мальчишка ещё жив, но его пока не нашли. Зато у нас второй маг пропал. Девушка. И тоже светлая. Корн с самого ранья разослал уведомления во все участки и велел быть особенно внимательными.

Я закрыл дверь и сел на первый попавшийся стул.

– Так. Что за девушка? Откуда? Когда пропала?

– Обычная девушка, слегка за двадцать, не замужняя, – покопавшись в бумагах, Йен выудил оттуда бланк приказа и приложенный к нему миниатюрный портретик. – Вот она. Три дня назад представилась в Регистрационной палате как леди Мелани Крит. Цель визита в столицу – поиск работы. Леди два с половиной года назад закончила учебу в Ривонской магической академии по специальности «воздушная магия», какое-то время работала там секретарем, но недавно уволилась и решила перебраться в Алтир. Три дня назад заселилась в одну из комнат постоялого двора под названием «Щипаный гусь», а утром к завтраку не спустилась. И на следующий день не явилась тоже. Поскольку комнату леди оплатила за три дня вперед, то хозяин не забеспокоился и решил, что постоялица подыскала себе жилье получше. А его в известность не поставила, потому что… ну, потому что с господами магами всякое бывает. Тем не менее, когда сроки оплаты вышли, и надо было сдавать комнату другому постояльцу, а леди Крит так и не объявилась, ему пришлось вызвать городскую стражу и взломать дверь. Все вещи леди находились внутри, однако её самой нигде не оказалось. Дежурный маг зафиксировал наличие следов ауры исчезнувшей коллеги, но, как и в случае с племянником герцога, вестник смерти в Орден не прилетал.

– Очень интересно, – пробормотал я, рассматривая черно-белый, явно сделанный впопыхах портрет хорошенькой девицы в недорогом, но опрятном пальто. Наверняка его создали с помощью одного из следящих кристаллов, как те, что повсюду таскали с собой наши следователи. Очень уж после них

характерный след оставался – три белые полоски в углу. – Что по этому поводу говорит Корн?

– Ничего вразумительного. Но есть предположение, что это дело рук умруна. В ГУССе не исключают, что тварь могла вернуться.

Я нахмурился.

Нет, исключено – баржу и все, что находилось поблизости, я очень качественно сжег. А перед этим так же качественно избавился от тел, которые нежить хотела использовать в качестве заготовок. Вряд ли в столице имелось ещё одно гнездо, хотя, конечно, проверить не помешает.

– А вообще, для умруна слишком уж место выбрано неудачное, – вдруг усомнился в выводах начальства Йен. – «Щипаный гусь», если верить Сеньке, находится где-то на южной окраине Алтира. И в этом районе нет ни одного здания с повышенным магическим фоном. Так что, если это и был умрун, то похитил он леди где-то в другом месте. А с учетом того, что она приезжая и вряд ли отправилась бы в одиночку гулять по незнакомым улицам, предварительно не спросив у хозяина постоялого двора дорогу, эта версия видится мне маловероятной.

– От нас требуется что-то конкретное? – снова спросил я, поискав на столе Йена другие бумаги по пропавшей девушке, но ничего не нашел.

– Нет, – покачал головой Норриди. – С делом, как мне сообщили, работают люди Корна. От нас просят лишь оказать содействие в случае, если возникнет необходимость.

– Очень хорошо, – задумчиво отозвался я. – Тем более, это не наш участок… кстати, а у тебя на сегодня запланированы какие-то выезды?

Норриди уныло вздохнул.

– Нет. Все тихо, как в могиле. Никто, как ни странно, не умирал, никуда не пропадал, и никого за эти дни даже не обокрали. Скукотища.

– Тогда, если не возражаешь, я займусь своими делами.

– Переговорник возьми, – безрадостно посоветовал Йен, когда я поднялся со стула и направился к выходу. – Вдруг что-нибудь случится, и ты мне срочно понадобишься?

– Если понадоблюсь, Сеньку пришлешь.

– А вот не пришлю. У тебя там, оказывается, такие звери на воротах сидят, что я, может, не хочу рисковать жизнью сотрудников, которые попробуют до тебя докричаться. Да-да, – прищурился Норриди, когда я вопросительно приподнял брови. – Я на днях решил все-таки посмотреть, где ты теперь обитаешь, и знаешь… если б я раньше знал, что у тебя в столице такое житье,

я б, может, не переживал, уговаривая тебя сюда переехать!

– Я не знал, что оно у меня есть. А звери… звери теперь мои. И я не велел им убивать посторонних до тех пор, пока те не начнут выламывать ворота или швыряться атакующими заклинаниями.

Норриди фыркнул.

– Ну и как, по-твоему, я должен выковыривать тебя из этой крепости? Флагом на обочине махать? Может, сложить руки рупором и покричать погромче?

– Я подумаю над этим, – пообещал я, надевая шляпу и открывая дверь. – А пока присылай Сеньку. Он, по крайней мере, призраков не боится. Да и голос у него довольно звонкий.

На темную сторону я перешел сразу, как только оказался на улице.

– Мелочь, ты где? – вполголоса бросил, заходя в глухую подворотню. И тут же услышал сверху тихий щелчок. – Молодец. Иди сюда. Ты мне понадобишься.

Процокав костяшками, сбросившая невидимость кукла спустилась со стены ближайшего дома, послушно запрыгнула на ладонь и уже оттуда перебралась на плечо.

– Держись крепче, – на всякий случай предупредил я, а когда она вцепилась в воротник, создал темную тропу.

Раньше, беря куклу с собой, я делал лишь одиночные и короткие прыжки во Тьме, поскольку сомневался, что Мелочь хорошо переносит прямые тропы. Но даже после череды затяжных прыжков кукла никуда не свалилась, не потерялась и не сломалась. А когда я сделал небольшой перерыв, лишь уважительно прищелкнула костяшками и снова вцепилась в меня клещом.

За последние пару недель я поставил в Алтире более сотни меток в местах наибольшего скопления магии, преимущественно на крышах, конечно, потому что оттуда открывался хороший обзор. На то, чтобы проверить их все, я угробил весь день и большую часть вечера, вымотавшись так, что едва стоял на ногах. Зато доподлинно выяснил, что границу между мирами никто в приметных местах не тревожил, а значит, версию с умруном можно было считать несостоятельной.

Когда рабочий день закончился, народ разбрелся по домам, а большинство начиненных магией вещиц, которые горожане носили в сумочках и под одеждой, перестали маячить у меня перед глазами, работать во Тьме стало намного сподручнее. Расцвеченная артефактами и прочими магическими излишествами темная сторона выглядела, конечно, привлекательнее, чем раньше, но переизбыток цвета порой

мешал. Как и мельтешащие по улицам размытые силуэты, поэтому ближе к вечеру я заглянул домой – отдохнуть и переодеться, а когда на город спустилась ночь, снова вышел на охоту.

Привлекать к себе внимание не хотелось – мало ли кого Корн отправил патрулировать город ночью? Мелочь, опять же, светить было нельзя. Поэтому, чтобы не отвечать на неудобные вопросы, я заранее избавился от приметной шляпы, закрыл лицо маской полностью, позволил проявиться сотканному из Тьмы доспеху и только после этого отправился на охоту.

Во дворец герцога Искадо я соваться не стал, небезосновательно полагая, что незаметно преодолеть стоящую там защиту мне не удастся. К тому же, люди из спецотдела и сотрудники ГУССа наверняка облазали там все вдоль и поперек, да ещё и не по одному разу. Поэтому первым делом я решил отправиться не в Белый квартал, а на южную окраину Алтира. Взглянуть поближе на место, откуда исчезла леди Мелани Крит.

Найти «Щипаного гуся» оказалось несложно – заведение располагалась всего в половине свечи пешего ходу от южных ворот и наилучшим образом подходило для малообеспеченных, не слишком привередливых чужаков, которым надо было на пару дней где-то остановиться. Чистый опрятный двор, с умом расположенные подсобные помещения и выделенная леди комната на втором этаже произвели на меня приятное впечатление. Внутрь, чтобы не тревожить оставленную коллегами магическую защиту, я заходить не стал, однако через темную сторону не преминул оглядеть небогатую обстановку, благо обилие дыр в стенах это позволяло.

Судя по тому, как лежали вещи, девушка благополучно заселилась, успела разложить в шкафу вещи и даже оставила возле умывальника баночку жидкого мыла, из чего можно было заключить, что быстро съезжать она не планировала. Единственная постель в комнате оказалась разобрана, как если бы магичка готовилась ко сну. Однако простыня выглядела практически не смятой, словно леди Крит все же успела забраться под одеяло, но вскоре что-то заставило её подняться и покинуть постоялый двор. Молча. Никого не предупредив. Но без особой спешки и исключительно своими ногами, потому что следов борьбы я ни на темной стороне, ни в реальном мире (*для чего пришлось заглянуть в окно*) не увидел.

Самое интересное заключалось в том, что, судя по стоящим у комода ботинкам, девушка ушла босиком. И, вероятно, в ночной рубашке, потому что её, хоть и не новое, но неплохо пошитое платье на пару с теплым плащом так и остались висеть у входа.

Для юной магички это было нетипично, неправильно и нелогично. Так что Корн не зря поднял тревогу – с учетом того, что это уже второе необъяснимое исчезновение, с ним и впрямь было что-то неладно.

А вот следов чужой магии я не нашел. Ни в комнате, ни в коридоре, ни во дворе темная сторона не несла на себе отпечатков присутствия постороннего мага. Как не было в ней других подозрительных следов, которые указали бы на похищение. Но если леди ушла сама, то кто или что заставили её это сделать?

Обойдя окрестности постоялого двора в третий раз, в конце концов я был вынужден признать, что не знаю ответа на этот вопрос. Потому что, если девушка ушла своими ногами, то после неё должны были остаться следы. А мостовая на темной стороне выглядела так, словно Мелани Крит никогда на ней не появлялась. И это было более чем странно, потому что приехала она сюда именно по этой улице. И не оставить магически определяемых отпечатков по определению не могла.

Собственно, ввиду их отсутствия я даже ищейкой не сумел поработать. Не с чем оказалось работать – ни единого следа, на который можно было бы встать. И это тоже было очень странно.

– Мелочь, как у тебя с нюхом? – наконец, нашел я приемлемый выход из ситуации. – Сможешь определить, куда ушла наша жертва?

Кукла спрыгнула на пол, проворно обежала комнату по периметру и, остановившись у окна, которое в реальном мире оказалось закрыто изнутри на щеколду, издала непонятный горловой звук. Поводок в это же самое время передал охватившее Мелочь сомнение, словно и для неё отсутствие следов было внове. Однако вскоре она завертелась на месте, словно стрелка компаса в поисках направления. Тихонько поцокала, щелкнула пару раз костяшками. И, наконец, устремилась к двери, а оттуда вниз по лестнице и на улицу, где почти сразу свернула в подворотню и стремглав помчалась по узкому переулку.

Не рискнув создавать тропу в незнакомом месте, я кинулся следом, ориентируясь исключительно на поводок, но бежать, как ни странно, далеко не пришлось. Не успел я как следует разогнаться, как Мелочь свернула ещё в один переулок, запрыгнула на стену одного из домов, а затем посоветовала резко затормозить и посмотреть себе под ноги.

Сжав в ладони древко материализовавшейся секиры, я остановился. Нашел под стеной две крохотные черные лужи, в которых пропавшая девушка даже при желании не смогла бы утонуть. После чего услышал настороженное пощелкивание

сверху, вскинул голову и оторопел: между домов на высоте почти двух человеческих ростов висела кукла… конечно же, моя. Чья ещё? Более того, она вновь находилась под тем же щитом невидимости, о котором я думал со все возрастающим интересом. А увидел её я лишь потому, что Мелочь за что-то зацепилась. И теперь мерно раскачивалась на таких же невидимых качелях, заставив меня на всякий случай отступить.

Мне понадобилось время, чтобы настроить линзы и хотя бы примерно понять, на чем именно сидела неугомонная кукла. Это было похоже на застрявший на бельевой веревке клок длинных, нещадно спутавшихся волос. Или же остатки тончайшей, почти прозрачной паутины, которую любовно сплел, а затем почему-то порвал на мелкие лоскуты большой, но слегка неадекватный паук.

В какой-то момент мне показалось, что щит Мелочи и структура паутины имеют сходную природу. По крайней мере, пространство над ними дрожало и переливалось совершенно одинаково. Однако, присмотревшись так и этак и пару раз коснувшись секирой свисающей почти до земли бахромы, я наконец, сообразил, что это такое. А сообразив, не особенно удивился тому факту, что в густонаселенном Алтире обитают не только умруны и моргулы, но и такие неприятные твари, как вампиры.

Как и демонов, вампиров относили к высшей нежити, только, в отличие от своих старших братьев, эти твари предпочитали не атаковать добычу в лоб, а подстерегали её из засады. Для этого у вампиров имелась ловчая сеть, с помощью которой они привязывались к подходящему человеку, невероятное чутье, позволяющее находить добычу на огромном расстоянии, длинные щупальца и способность паразитировать на чужой ауре, вытягивая из неё все соки до тех пор, пока жертва не умирала от истощения.

Поскольку вампиры – очень слабые духи, то в качестве добычи им подходила далеко не каждая аура. За здорового человека с уравновешенной психикой им было почти невозможно зацепиться. А вот если на пути попадался убитый горем старик или подавленная изменой возлюбленного девушка… внезапно осиротевший мальчишка или ещё кто-то, кому нанесли тяжелую душевную травму… вот тогда для тварей наступало время долгожданной охоты. И в этом им очень помогали разбросанные вокруг логова сети, которые умели цепляться бахромой за поврежденные ауры и, разматываясь словно бабушкин клубок, указывали хозяевам, кем можно поживиться.

Будучи осторожными настолько, насколько вообще себе могли позволить паразиты, вампиры предпочитали нападать на

одиноких, умирающих или глубоко несчастных людей. И научились делать это настолько виртуозно, что жертва и понятия не имела, что стала объектом охоты. Но если кто-то начинал подозревать неладное, и в доме обреченного появлялся маг, то вампир моментально сворачивал щупальца и бесследно исчезал, так что целитель чаще всего не обнаруживал ничего подозрительного. Ничего, кроме физического и морального истощения, которое вполне можно было объяснить естественными причинами.

Казалось бы, в чем беда, если вампиры обитают на темной стороне, а их жертвы – в обычном мире?

Но эту разновидность тварей не зря отнесли именно к высшим – вампиры были достаточно умны, чтобы скрывать свое существование, и, как все высшие, умели выходить в наш мир. Пусть не целиком, как умрун, пусть не с помощью призыва, как демоны… но бахрома их сетей была настолько тонка, что находилась и в том, и в другом мире одновременно. И если уж она, мимолетно коснувшись, получала шанс вцепиться в чью-то ослабленную ауру, вырвать её оттуда без помощи мага было уже невозможно.

Правда, та ловчая сеть, которую обнаружила Мелочь, оказалась порвана, почти лишилась бахромы и с легкостью распалась на две части, едва я провел по ней кончиком лезвия. Произойти это могло лишь в двух случаях: либо создавший её вампир был мертв, либо вблизи его логова поселилась более опасная тварь, с которой паразит не рискнул конкурировать.

Оба варианта не сулили городу ничего хорошего. Но, прежде чем что-либо предпринимать, я решил разобраться с ещё одним важным делом и, свистом подозвав Мелочь, велел ей снять невидимость.

Кукла приказ послушно исполнила, позволив рассмотреть себя со всех сторон. Затем снова набросила щит, необъяснимым образом исчезнув. Некоторое время после этого она по моей просьбе буквально мерцала, то появляясь, то пропадая из виду. До тех пор, пока я не сообразил попросить её делать это помедленнее и не отрегулировал линзы так, чтобы в подробностях наблюдать этот завораживающий процесс. Для этого пришлось настроить их так, чтобы местность вокруг максимально состарилась. Только тогда я обнаружил, что Мелочь не исчезает в полном смысле этого слова, а словно растворяется в окружающей нас Тьме. Вернее, это Тьма сперва расступается, как накатывающиеся на утес черные волны, а затем снова смыкается вокруг куклы омывая её со всех сторон и накрывая волнами, словно куполом.

– Тьма многослойна… – с опозданием вспомнил я слова учителя. – Бездна меня забери! Она многослойна в буквальном смысле слова!

Я чуть не сплюнул с досады, только сейчас в полной мере осознав, почему, оказавшись на темной стороне, маги так по-разному её воспринимают.

Да мы просто живем на разных её уровнях! Барахтаемся, как дети в воде, даже не подозревая, насколько это в действительности опасно! Кто послабее и поосторожнее, обычно держится ближе к поверхности и, само собой, ближе к берегу. Кто посмелее, наоборот, любит заплывать подальше. А самые дерзкие рискуют погружаться совсем уж в глубокие воды. Туда, где Тьма гораздо темнее, гуще и во много раз холоднее.

Именно там, у дна, скрываются самые крупные, неповоротливые и жуткие твари, о существовании которых многие из обитателей суши даже не догадываются. Когда океан спокоен, и добычи внизу хватает, гигантским монстрам не надо подниматься на поверхность – им и так хорошо. Но если пищи внизу становится меньше, или если над сонной тварью появляется косяк жирной сельди, искушение порой оказывается так велико, что она все-таки всплывает на поверхность. И вот тогда океан бурлит и волнуется. Застигнутая врасплох сельдь бросается врассыпную, но гигантская пасть выныривает из воды и захлопывается до того, как беспечная рыба успевает сбежать.

Порой, стоя на берегу, мы даже видим, как это происходит. А иногда глубинным монстром может оказаться не безобидный кит, а почуявшая запах крови гигантская акула. И горе тому магу, кто решит неподготовленным нырнуть на глубину или самонадеянно позабудет про главное правило выбивания на темной стороне.

– Мы охотимся лишь на тех, кого можем увидеть, – прошептал я, ненадолго прикрыв глаза. – Но это не значит, что на нас не нападет тот, кого мы видеть не способны!

Так вот почему моргул показался мне недостаточно материальным – мы просто находились с ним на разных глубинах! До тех пор, пока его тело было погружено во Тьму больше, чем моё, я не мог до него дотянуться! Но как только умрун поднялся на мой уровень, мы стали друг для друга одинаково уязвимы! По этой же причине Хокк не сумела толком разглядеть эту тварь! Умрун выглядел для неё смутной тенью, тогда как для меня он был настоящим, живым. Поэтому же и я виделся ему намного более перспективной и аппетитной добычей, чем неожиданно растерявшаяся магичка!

Это также объясняло тот факт, что я смог без особого труда продемонстрировать отцу Гона свое видение темной стороны,

хотя для жреца этот уровень был по определению недоступен. Святой отец, в свою очередь, сумел подтянуть меня наверх, показав мне свой собственный уровень. И тем самым намекнул, что необязательно все время проводить на глубине!

Я, болван, сразу не смог понять истинного смысла этого удивительного открытия, но сейчас до меня наконец-то дошло. Ведь возможность свободно перемещаться на разных слоях Тьмы означала, что темные маги, как самые обычные ныряльщики, способны не только определять, но и менять глубину своего прыжка! Проще говоря, если я научусь правильно чувствовать уровень, на котором находится коллега-маг, то смогу подстроиться под него! Сместиться немного глубже или, наоборот, подплыть ближе к поверхности, чтобы не утягивать его за собой и не менять его видение мира! Это избавит меня от огромного количества проблем. Даст возможность свободно перемещаться по темной стороне и пользоваться всеми её преимуществами. А ещё позволит не только нормально существовать в переполненном магами городе, но и сведет к минимуму риск обнаружения Мелочи!

– Оказывается, от тебя гораздо больше пользы, чем я думал, – прищурился я, взглянув на удивленно замершую куклу. – Подсказка дельная, молодец. Осталось только научиться ею пользоваться.

Глава 6

Уставший маг – легкая добыча для нежити, поэтому я не стал задерживаться во Тьме надолго. Не обнаружив поблизости от постоялого двора других сетей, я вернулся домой и завалился спать, посчитав, что утро вечера мудренее. Правда, уже перед уходом Мелочь задержалась возле одного из домов и всем видом продемонстрировала, что с ним не все ладно. Но я, как ни старался, так и не понял, что именно она хотела показать, поэтому решил вернуться сюда позже. После того, как научусь нырять на ту же глубину, что и кукла.

Поскольку на следующий день Йен не прислал посыльного с просьбой явиться на работу, то экспериментировать я решил здесь же. Прямо у себя дома, рассудив, что, раз тут стоит хорошая защита, то нечего и судьбу искушать. К тому же, рядом с особняком меня точно никто не будет ждать во Тьме, а если что и случится, то без помощи я не останусь.

Выйдя на задний двор и вместе с Мелочью нырнув на привычный для себя уровень, я довольно долго пытался призвать Тьму и заставить её пропустить меня глубже. Нет, сама она послушно откликалась на зов, даже собиралась в плотное облако, в котором я, как в коконе, по идее должен был плавно опуститься на желаемую глубину. Однако дальше этого дело не пошло – меня словно не пускало что-то. Выталкивало, как только я ощущал, что вот-вот провалюсь. Какой-то дурацкий барьер, стоящий между мной и очередным слоем. И я, промучившись все утро, так и не сумел его преодолеть.

– Может, вам просто рано туда заходить, хозяин? – деликатно заметил Нортидж, когда я сел на крыльцо и задумчиво подпер рукой подбородок. Мелочь растерянно топталась на месте, не зная, как мне помочь. – Говорят, чем дальше во Тьму, тем меньше в маге должно остаться живого.

– Во мне его и так немного. Нет, дело в чем-то другом.

– Может, в защите? – тихонько предположила высунувшаяся из окна горничная.

Я собрался было отмахнуться, но потом с удивлением обернулся.

– Что ты сказала?

– Защита, господин, – ужасно смущаясь, напомнила девушка-призрак. – Мастер Рэйш поставил её так, чтобы она закрывала дом и с темной стороны тоже. Ну, чтобы твари не смогли подобраться к нам ни сверху, ни снизу… может, вы не можете пройти дальше, потому что это она вас не пускает?

– Как тебя зовут? – резким движением поднялся я.

Служанка неловко опустила глаза.

– Шейла, господин.

– Ты умница, Шейла. Спасибо.

– Только далеко от дома не отходите, – заволновался дворецкий, когда я поднялся и решительно двинулся к ограде. – Хозяин, собаки смогут защитить вас только в пределах трех шагов от границы!

– Я помню. Мелочь, идем.

Кукла послушно соскочила с крыльца и шмыгнула через границу. А когда следом за ней из-под прикрытия магического щита вышел и я, она юркнула мне в ноги, устроилась между сапогами, после чего задрала голову, подняла верхнюю пару лапок и демонстративно подпрыгнула. Раз, другой… будто хотела провалиться под землю.

– Я понял, – кивнул я. – Чтобы попасть на нижний уровень, мне надо утонуть. Но тебе стоило раньше сказать, что я болван, и что в хорошо защищенном пространстве попросту невозможно провалиться глубже.

Мелочь неловко отвернулась. А я прикрыл глаза, выпустил на свободу Тьму и, окутавшись ею наподобие кокона, коротко велел:

– Вниз.

На этот раз барьера я не почувствовал, но и той легкости, с которой раньше доводилось уходить на привычный для себя слой, не осталось и в помине. Я погружался с усилием, буквально чувствуя, как продавливаю собой, буквально продираюсь сквозь внезапно загустевшее пространство. А оно вместо того, чтобы расступиться, упорно сопротивлялось и поддавалось медленно, неохотно, из-за чего создавалось впечатление, что я тонул в вязком киселе, который, к тому же, оказался до безобразия холодным.

Нечто подобное я уже испытывал, когда нырял в каверну под Старым мостом. Но сейчас холод стал почти невыносимым. Пожалуй, если бы я ухнул в «кисель» сразу, как в полынью, это было бы легче перенести, чем вот так, постепенно, погружать в ледяную воду сперва ноги, потом спускаться туда по пояс, по грудь. И наконец, провалиться по самое горло, терпеливо ожидая, когда же безумный холод поглотит меня с головой.

Наконец, под ноги толкнулось что-то твердое, и Тьма так же неохотно расступилась, позволив мне совершить судорожный вздох и исторгнуть изо рта густое облачко пара.

На этом слое и впрямь оказалось холодно. Намного холоднее, чем я привык. От жуткого мороза не спасала ни одежда, ни броня. Гуляющий повсюду ледяной ветер выдувал тепло практически

мгновенно. А ещё здесь было темно… в смысле, темно совсем. Как в гробу. Правда, темнота напрягала меня ровно до тех пор, пока я не вспомнил про линзы и не убрал их, открывая вид на изначальную Тьму.

На этом слое Алтир выглядел совсем иначе, чем наверху. От зданий остались лишь небольшие холмики, покрытые смерзшейся, укрытой слоем искрящегося снега земли. Ни нормальных стен, ни фундамента, ни крыш… вернее, они были – такие же обгоревшие и полуразрушенные, как и раньше, – но теперь почему-то выглядели прозрачными. Вернее, призрачными. Из-за чего создавалось впечатление, что ты стоишь посреди огромного кладбища, только в могилах лежали не человеческие останки, а дома… целые кварталы, от одного вида которых становилось не по себе. При этом между зданиями виднелись протоптанные кем-то дорожки, в основе которых, вероятно, сохранились остатки мостовых, а тут и там из-под снега выглядывали огромные трещины, глубину которых я откровенно затруднился определить.

Со скрипом сжав и разжав кулаки, я даже сквозь перчатки ощутил, как от холода онемели пальцы. Все тело задубело, словно я как минимум пару свечей простоял на морозе. Губы потрескались. Кожа покрылась ледяными кристалликами. А на бровях и ресницах выступил густой слой инея, как у Тори, когда я случайно затащил парня на слишком большую для него глубину.

Наверное, он чувствовал себя точно так же, оказавшись в привычном для меня мире. Комфортный для него уровень лежал намного ближе к поверхности, поэтому на моем ему было плохо и, пробудь мы там немного дольше, парень вполне мог замерзнуть до смерти. Но, несмотря ни на что, у юного мага все-таки хватило выдержки, чтобы остаться. А значит, хватит и у меня. Надо было лишь дать себе время привыкнуть.

Неожиданно внизу что-то завозилось, и из слежавшегося сугроба с сердитым фырканьем высунулась Мелочь. Судя по густому слою инея на кудряшках, ей тоже было неуютно, однако двигалась она ненамного медленнее, чем обычно. Да и оглядывалась по сторонам вполне уверенно. Правда, едва взглянув на меня, кукла обеспокоенно застрекотала, а затем забегала по снегу, то и дело взмахивая передними лапами и всем видом показывая, что мне пора всплывать.

– Да, – прошептал я, чувствуя, что скоро околею. – Хорошего понемногу…

После чего снова призвал Тьму и, ухватившись за неё, как за плечо верного друга, с неимоверным усилием вынырнул… можно даже сказать – вырвался на предыдущий слой. Который после

лютого мороза показался мне восхитительно теплым, а сухой, кажущийся раскаленным воздух я глотнул с таким наслаждением, словно это был божественный нектар.

– Хозяин, что с вами?! – тревожно вскрикнул Нортидж, когда я с хрустом согнул обледеневшие колени и медленно завалился на бок. – Господин?! Мастер Рэйш!

– Хсь?! – вторила ему нервно приплясывающая рядом кукла. – Хы-ысь?! Хы-ы-ыся!

Я вместо ответа лишь клацнул зубами и только теперь ощутил, насколько же в действительности замерз. Меня била крупная дрожь. Успевший образоваться на броне ледок испарялся с едва слышным шипением. Пробравшийся под кожу холод все ещё жадно грыз внутренности и колол изнутри тысячами мелких иголок. Но это ж какая температура должна быть внизу, если даже я не сумел продержаться там дольше пары мгновений?!

– Хозяин! Хозяи-и-ин! – окончательно всполошился Нортидж, и следом за ним к ограде бросились тревожно повизгивающие собаки. – Мардж, ты где?! Ему срочно нужна помощь!

Надо же… Здесь, на темной стороне, духи были почти реальны, но именно сейчас я с удивлением ощутил, что мои призрачные псы все-таки живые, теплые. А когда они прижались сразу с двух сторон, пытаясь согреть непутевого хозяина собственным дыханием, мне наконец-то стало хорошо. И почему-то подумалось, что тепло… оно ведь бывает не только физическим, но и душевным. И именно оно согревало меня сейчас лучше всяких одеял.

А ещё я так же неожиданно вспомнил одну важную вещь, которую успел увидеть на нижнем слое – там, рядом с холмом, что находился под нашим домом, я не увидел никого живого. Ни слуг, ни собак, хотя Нортидж в первую встречу уверял, что они способны существовать в обоих мирах. Получалось, что только до определенного уровня? Но, что самое удивительное, вокруг особняка не было магической защиты. А это значило, что мастер Этор не смог или же не успел её поставить. И ставить её придется мне, если, конечно, я хочу себя обезопасить.

– Все в порядке, – хрипло выдохнул я, когда почувствовал, что снова могу говорить, и успокаивающе махнул слугам, чтобы не суетились. – Хватит. Не мельтешите. Сейчас до конца оттаю и можно будет попробовать ещё разок.

– Какое «разок»?! – схватился за голову Нортидж, а примчавшийся на крики садовник одарил меня укоризненным взором. – Хозяин, вы в своем уме?! Кто ж вас оттуда вытащит, если вы совсем окоченеете?!

– Как кто? Мелочь, конечно.

Нортидж покосился на куклу с явным сомнением. Я же, собравшись с силами, все-таки встал с земли и, протянув Мелочи руку, с улыбкой добавил:

– Она сможет. Она способная. Да?

– Дсь! – подтвердила та, ловко запрыгивая на ладонь.

– Вот и отлично. Кстати, скажи-ка, Нортидж, а насколько хорошо ты меня сейчас видел?

– Ни насколько, – насупился дворецкий, а садовник быстро-быстро помотал головой. – Вас вообще было не видать. Даже в магическом плане. Как сквозь землю провалились оба. Но если вы считаете, что ради невидимости стоило так рисковать…

Я благодарно потрепал Грозу по холке.

– Очень даже стоило. Так что давай, зови Марту – пусть разогревает обед. Я снова проголодался. А потом надо будет ещё разок сходить на нижний уровень и постараться пробыть там чуточку подольше.

* * *

В этот день я ещё не раз спускался на нижний уровень под неодобрительными взглядами слуг. Однако очень быстро понял, что просто так привыкнуть к безумному холоду не получится – на это уйдут годы, как в мою бытность учеником. Быть может, целые десятилетия, но у меня не было столько свободного времени, поэтому пришлось изобретать другие способы выжить.

Наращивание брони помогло увеличить время нахождения на нижнем слое, особенно после того, как я закрыл голову глухим шлемом и почти перестал дышать. Из обычного мира перемещаться туда оказалось крайне опасно – резкий контраст между теплом мира живых и безумным холодом мира мертвых в несколько раз ускорял процесс замерзания, так что я едва не сдох, когда опробовал этот способ. А вот плавное соскальзывание из соседнего слоя получалось проще всего. И задержаться внизу я мог немного дольше, поскольку, тело успевало хоть как-то перестроиться и начать готовиться к экстремально низким температурам.

Над тем, как ускорить этот процесс, я ломал голову до самого вечера. Но идея, как обычно, осенила меня совершенно неожиданно. И была проста как подоконник: раз уж я не могу согреться на темной стороне с помощью одного слоя брони, то кто мешает создать два? Или три? Кто мешает надеть их один на другой так же, как мы одеваем детей в сто одежек в морозы? Слои же необязательно должны быть толстыми – достаточно, чтобы

между ними оставалась узенькая прослойка тепла. А затем ещё одна. И еще… Осталось только сбегать на темную сторону и прикинуть, сколько слоев понадобится нарастить, чтобы больше не умирать от холода.

Путем проб и ошибок где-то к полуночи я выяснил, что для более или менее комфортного пребывания на нижнем уровне мне понадобится пять полноценных слоев брони. Когда их становилось больше, шлем получался слишком толстым, и обзор сокращался до неприемлемого расстояния. А если меньше, то находиться внизу дольше трех ударов сердца я был просто не в состоянии. В том плане, что моргать ещё получалось, а вот нормально двигаться и махать секирой, увы, нет.

К сожалению, на вопрос, почему на нижнем уровне не работали линзы, ответа я так и не нашел. Однако по большому счету, в них не было необходимости – стоя на дне, я был абсолютно невидимым для тех, кто находился выше. А вот то, насколько они оставались досягаемыми для меня, ещё требовалось проверить. Ведь умрун каким-то образом видел Криса и Хокк, так что, скорее всего, живых с этого уровня распознать все-таки было можно. Хотя, возможно, не всех и не всегда.

А ещё неожиданно выяснилось, что визиты на нижний уровень сжирали мои резервы с устрашающей скоростью. Если на привычном слое я мог пребывать целыми сутками, то максимум, что я сумел добиться сейчас – это шестая часть свечи, если считать в реальном мире. После чего на меня напал такой жор, что я в один присест уничтожил все запасы обомлевшей от восторга кухарки и был готов сожрать хоть подошву от сапога, лишь бы заглушить обуявший меня звериный голод.

– Надо бы ещё накопительных амулетов прикупить, – озабоченно пробормотал Нортидж, когда еды на кухне не осталось. – Так вы будете быстрее восстанавливаться, хозяин. А ещё лучше – с собой их брать, чтобы восполнять силы по мере того, как Тьма их съедает.

– Разве на темной стороне не опасно пользоваться магией? – осторожно уточнила Марта, убирая со стола посуду.

Я задумчиво поскреб подбородок.

– Вообще-то, на нижнем слое я не заметил следов магии. Ни вокруг нашего дома, ни около соседних, хотя защита там стоит ого-го… так что не исключено, что на этом уровне она вообще не работает. Или работает, но не оставляет следов.

– Вы опять хотите туда отправиться и проверить? – неожиданно насторожился Нортидж.

Я зевнул.

– Конечно. Но не сегодня.

– Вот и правильно, – поддержала меня кухарка. – Спать давно пора, мастер Рэйш. А у вас ещё Мелочь не кормленная.

Я удивленно поискал глазами куклу и нашел её на соседнем столе, возле старательно начищенного чайника. Маленькое чудовище задумчиво перебирало разлохматившиеся кудри и осторожно трогало нарисованное лицо. Причем чем-то оно, похоже, Мелочь не устраивало, потому что через некоторое время кукла метнулась к очагу и, окунув костяшку в золу, принялась старательно подводить глаза. Причем после каждой черточки она придирчиво изучала отражение, после чего раздраженно стирала нарисованную линию, а затем бежала за очередной порцией сажи и начинала все заново.

Потом она занялась чисткой лапок, став невероятно похожей на прихорашивающуюся муху. Она точно так же разгибала каждую конечность, зачем-то вытягивала её, снова сгибала. После чего выдавливала из пасти капельку густой, но абсолютно прозрачной слюны и быстро-быстро втирала в сочленения между костяшками.

Пожалуй, именно тогда я впервые задался вопросом – а что же в действительности представляет собой это создание? И чем именно оно питается? Судя по зубам, Мелочь должна быть хищной. Однако я ни разу не видел, чтобы она пожирала нежить или смотрела на людей голодными глазами.

Безусловно, какую-то энергию она получала от меня. Вернее, от перстня. Скорее всего, этого хватало, чтобы нормально существовать, но вряд ли куклу изначально задумывали такой мелкой и неказистой. К тому же, пусть не физически, но хотя бы в плане разума она действительно развивалась. И если предположить, что её создавали в качестве защитника, то могло ли быть так, что Мелочь способна стать чем-то большим, чем обычная кукла?

Перейдя на темную сторону, я по-новому взглянул на своего духа-служителя, и Мелочь, почувствовав мой взгляд, немедленно обернулась. За целый день, что мы провели вместе, наша связь заметно окрепла, и мне больше не надо было тревожить поводок, чтобы уловить эмоции куклы: досаду, едва уловимое раздражение и необъяснимое разочарование, которое она испытывала всякий раз, когда видела собственное отражение.

– Что же тебе в себе не нравится? – задумчиво проговорил я, глядя на быстро отвернувшуюся куклу. – Думаешь, с твоим отражением что-то не так?

Мелочь тревожно переступила лапами, но не обернулась. И

она явно чувствовала неловкость оттого, что её застали за столь неподобающим занятием.

– Иди-ка сюда, – позвал я и протянул руку. А когда досадливо фыркнувшая кукла на неё запрыгнула, так же задумчиво добавил: – Чем ты должна питаться, чтобы нормально расти?

Мелочь замерла.

– Да и как ты сможешь меня защитить, оставаясь такой маленькой?

– Рсь, – вдруг тихонько выдала она, подняв голову. – Р-р-рсь!

– Значит, все-таки будешь расти? – догадался я, а призраки удивленно переглянулись.

– Дсь! – встрепенулась кукла и дважды щелкнула костяшками, чтобы показать, что я правильно её понял.

– Чего же тебе для этого не хватает?

– Артсь!

– Чего? – изумился я.

– Ар-ртс-с! – старательно вытянув губы трубочкой, повторила Мелочь и очень осторожно тронула меня за палец. – Артс!

Я озадаченно крякнул.

– Не понял. Почему это должно зависеть от меня?

– Всь, – тяжело вздохнула кукла, после спрыгнула на стол, а затем тыкнула кончиком костяшки в мою ладонь и изобразила передними лапами нечто невразумительное. – Огсь!

– Огонь? – ещё больше удивился я, а потом наконец сообразил, что она имела в виду. – Вот этот огонь тебе нужен, чтобы повзрослеть?!

На моей ладони расцвел черный цветок, а Мелочь радостно дрогнула.

– Дсь!

– Хозяин, я бы на вашем месте поостерегся кормить её чистой Тьмой, – тихонько заметил Нортидж, когда кукла утробно заурчала и с жадностью уставилась на пляшущий перед её глазами огонь. – Обычные духи-служители не нуждаются в дополнительной подпитке.

– Ты прав, – медленно проговорил я, и Мелочь моментально сникла. Её голова опустилась, кудряшки уныло обвисли, после чего до меня донеслась волна уже знакомой тоски, которая вскоре сменилась обреченным смирением. – Но, видишь ли, в чем дело… мне кажется, Мелочь способна на большее. А мастер Этор всегда говорил, что даже слабому ученику стоит дать хотя бы один шанс. Так что на. Держи.

Кукла изумленно дрогнула, когда от моей ладони отделился крохотный комочек Тьмы и завис у неё перед глазами. Неверяще вскинула голову, уставилась на меня долгим-предолгим

взглядом. Наконец, вытянула длинный язык, слизнула драгоценный подарок, после чего с довольным урчанием взобралась на мою ладонь, где свернулась клубком, обняла сразу четырьмя лапами большой палец и затихла, напоследок выдохнув едва слышно:

– Спсь!

Хмыкнув, я с интересом оглядел свое погрузившуюся в подобие спячки чудовище. Но Мелочь не отреагировала ни когда я встал из-за стола, ни когда поднялся кабинет, уложив её рядом с подносом. Только пробормотала что-то неразборчивое и, окутавшись небольшим черным облачком, уснула ещё крепче, оставив меня гадать, во что же она когда-нибудь превратится.

Глава 7

Следующим утром я по привычке заглянул в Управление, чтобы узнать последние новости. И изрядно удивился, обнаружив, что на нашей половине царит нездоровое оживление, а сотрудники носятся из кабинета в кабинет в воодушевленными лицами и что-то бурно обсуждают. При этом немалая часть коридора оказалась завалена пустыми коробками, скомканной бумагой, однако никому не было никакого дела до образовавшегося бардака.

– Что у вас произошло? – полюбопытствовал я, заглянув в кабинет Йена. – Отчего твои сотрудники такие взбудораженные, да ещё отказываются пояснить в чем дело?

Норриди, стоявший возле стола спиной к двери, медленно обернулся и воззрился на меня с престранным выражением.

– Да вот… оборудование новое получили. Народ просто радуется.

– Хорошее хоть оборудование? – уточнил я, снимая шляпу и плащ.

– Похоже на то.

Я внимательно посмотрел на друга, но тот не выглядел сильно обрадованным. А когда я вопросительно приподнял одну бровь, молча интересуясь причинами, Йен отошел от стола и махнул в сторону зависшей над столешницей стеклянной сферы наподобие той, что я видел в Регистрационной палате. Только раза в три больше.

– Ого, – удивился я, подходя ближе и рассматривая мерцающий перед сферой полупрозрачный экран, на котором строчка за строчкой выводились какие-то циферки. – Отличное приобретение, Йен! Поздравляю.

– Спасибо, – замедленно кивнул Норриди. – Теперь у нас есть удаленный доступ к главному архиву Управления алтирского сыска, и больше никому не придется мотаться туда всякий раз, когда понадобится поднять какое-нибудь старое дело. Здорово, да?

– Ещё бы, – был вынужден признать я, когда Норриди ткнул в сферу пальцем и назвал моё имя, а над ней развернулось второе окно, где красивыми ровными буковками вывелась вся информация, что имелась на меня в Управлении. Начиная с данных, которые я сообщил в Регистрационной палате, и заканчивая отчетами с предыдущего места работы и даже результатами моей проверки в столичном представительстве Ордена магов. – Похоже, тебе теперь вообще никуда ходить не

потребуется – вся база на жителей и гостей Алтира теперь у тебя на столе. Наверняка и архивные дела тоже доступны. А то, может, и сведения из обычных архивов, которых в столице с некоторых пор целых два. Если не секрет, чем ты подкупил Корна, что он расщедрился на такую роскошь?

Йен неожиданно скис.

– Это не я.

– Так. Тогда кому же мы обязаны этим королевским подарком?

Норриди тяжело вздохнул и достал из стола уставленный целой кучей печатей приказ.

– На, полюбуйся.

Забрав у него бумагу, в самом верху которой красовалась гордая фраза «Приказ о поощрении», я вполголоса прочитал:

– «За проявленное мужество, отвагу и несомненный героизм сотрудников западного Управления алтирского городского сыска приказываю вынести личную благодарность… – далее перечислялись имена подчиненных Йена, за исключением моего и Сеньки, – с занесением в личное дело».

Ниже шла неразборчивая подпись, в которой я с немалым трудом опознал имя Нельсона Корна, под ней – печать главного алтирского сыскного Управления, при виде которой я невольно присвистнул. А ещё чуть ниже чьей-то рукой было аккуратно приписано: «*Заявку на новое оборудование удовлетворить*». И дата – позавчерашнее число.

– Йен, вы что, короля успели спасти, пока мы гонялись за умруном?! – озадаченно спросил я, подняв на друга непонимающий взгляд.

– Хуже, – мрачно отозвался Норриди и, покопавшись в столе, протянул ещё одну бумагу. Правда, на этот раз не такую пафосную. – Читай. Только не вздумай ржать.

Все ещё недоумевая, я послушно взглянул на бумагу.

– «В главное столичное сыскное Управление, уважаемому господину Нельсону Корну от миледи Ильзы Муэры»… что?!

– Она отправила в ГУСС официальное письмо, – деревянным голосом подтвердил Норриди. – С благодарностью. И Корн так же официально переадресовал его нам. Вместе со сферами.

– А ты указал в отчете, откуда и каким именно образом тебе удалось добыть «алторийскую лилию»?!

– А ты разве не видел, что этот гад написал в приказе? «За проявленное мужество, отвагу и героизм»…

Я все-таки не сдержался и заржал.

Ай да Корн, ай да сукин сын! Представляю себе каменную морду, с которой он, отложив отчет Йена и прочитав письмо от

леди Муэры, принялся невозмутимо заполнять графы этого дурацкого приказа.

За мужество и героизм… нет, это ж надо! Пожалуй, давно я не видел столь изощренного издевательства, обличенного в красивые, насквозь официальные и правильные слова.

– Корн – козел, – с чувством согласился со мной Норриди, отшвырнув от себя папку с документами. – Так. Давай сюда письмо! И не вздумай проболтаться, за что нам вынесли эту треклятую благодарность!

Все ещё посмеиваясь, я вернул бумаги и, проследив, как Йен со злостью запихивает их обратно в стол, понимающе хмыкнул.

Конечно. Если кто-то узнает, за какие именно заслуги сотрудникам западного УГС вынесли официальную благодарность, ребята превратятся в посмешище. О «лилии» через пару лет даже не вспомнят, а вот над тем, что Йена щедро наградили за сражение с канализационной трубой, будут насмехаться ещё долго. И Корн, собака такая, прекрасно об этом знал. Хорошо хоть, денег на сферы не пожадничал – это хоть как-то сглаживало впечатление от подставы. Да и с чувством юмора у него, стоило признать, все было в полном порядке.

– Значит, у твоих следователей тоже появилось дополнительное оборудование? – хмыкнул я, когда Йен плюхнулся в кресло и забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Да. Только попроще. Доступа к ряду данных у них, естественно, нет, так что все, что находится по грифом «секретно», они могут получить лишь с моей персональной сферы и исключительно в моем присутствии. Разумеется, если эти данные будут доступны мне. Я же тоже не ко всему допущен.

Я неприлично присвистнул.

– Даже если и так, то все равно такой доступ – огромное подспорье в работе. А сколько времени сэкономится на ожидании ответов на запросы…

– Да, – все ещё недовольно буркнул Норриди. – Оборудование совсем новое, я бы даже сказал экспериментальное, потому что в столице мы – первый участок, куда его поставили в таком количестве. Из Управления прислали магов, чтобы все подключили и отладили. С моей сферой они закончили ещё вчера, теперь на очереди Тори и Лиза. Думаю, уже к вечеру мы будем оснащены по последнему слову маготехники.

– Тогда тебе надо проявить больше уважения к благородному порыву леди Муэры. Если бы не она, ты бы ещё лет десять ждал ответа на свою заявку, и ещё неизвестно, в какой степени её бы удовлетворили.

Йен тяжело вздохнул.

– Да я все понимаю. Но Корн умудрился сделать это так, что я до сих пор чувствую себя оплеванным.

– По-моему, ты уделяешь слишком много внимания мелочам, – убежденно произнес я, краем глаза просматривая собственное досье. О де Ленурах там, хвала Фолу, не было ни слова, а в графе «родители» значилось лишь одно имя – «Этор Рэйш». – На твоем месте я бы запихнул письмо от леди Муэры поглубже в стол. Вместе с благодарностью. И воспользовался любезностью Корна, предварительно усилив меры безопасности в Управлении.

– Я как раз хотел тебя об этом попросить…

– Не вопрос, – кивнул я. – Только пусть ребята закончат с установкой, а потом я поколдую над защитой. Если, конечно, у нас не появится какое-нибудь срочное дело. Как, кстати, движется расследование по пропавшим светлым?

Норриди с облегчением выдохнул.

– Насколько мне известно, пока без особых успехов. Я был вчера у Корна на совещании – он сказал, что, по версии следствия, племянник герцога покинул дворец сам, предварительно отключив защиту в жилом крыле. Следов борьбы ни в спальне, ни в доме, ни рядом с ним, как и признаков присутствия посторонних, обнаружено не было. Родители утверждают, что конфликтов в семье, способных вынудить сына на побег, не случалось. Явных признаков того, что юный маг готовил уход из дома заранее, тоже обнаружить не удалось. Другие дети в Белом квартале не пропадали. Так что сыскари Корна предполагают, что кто-то воздействовал на молодого герцога с помощью магии разума. Заставил его отключить защиту и покинуть охраняемый дом, затем мальчишку схватили и все за собой прибрали. Да так тщательно, что люди из ГУССа сумели отследить ребенка лишь до соседней улицы, а потом его следы затерялись, и даже лучшие ищейки ГУССа не смогли на них встать.

– То же самое и с девушкой…

– Ты был там? – быстро переспросил Норриди.

Я кивнул.

– Картина идентична тому, что ты сейчас описал. Кроме, пожалуй, одной детали… и раз уж у тебя появилась возможность проверить мои догадки, не выходя из кабинета, то будь добр – запроси в архиве дела по пропажам светлых за ближайшие десять-пятнадцать лет и сравни цифры по южному и, скажем, западному участкам. Меня интересует периодичность исчезновений и места, где пропадали люди. А также обрати внимание, местными они были или нет. Ещё я хочу получить сводки по всем смертям,

признанными сыскарями или целителями естественными. Скажем, по безнадежно больным, старикам… быть может, имеет смысл покопаться в делах по самоубийствам…

– За тот же период? – деловито осведомился Йен, демонстративным жестом разминая пальцы.

– Если получится, то больше.

– А насильственные смерти из поиска исключаем? – на всякий случай уточнил он. – Пропажи детей отдельно смотреть?

– Нет, – после недолгого раздумья решил я. – Дети обычно привлекают много внимания, а тем, кого я ищу, это совсем не нужно.

После чего Йен кивнул и так же деловито добавил:

– Хорошо. Сегодня пороюсь сам, а завтра подключу Брила и остальных. Заодно протестируем новую систему и узнаем границы её возможностей.

Я поднялся.

– Если что, до обеда я буду прогуливаться по южному кварталу. Домой планирую вернуться поздно.

– А после обеда тебя надо будет искать в районе «Щипаного гуся»? – с понимающим хмыканьем уточнил Йен.

– Необязательно. Но на крайний случай возьми вот это… – на стол шефа легла зачарованная медная монетка. – Если срочно понадоблюсь, сожми её в руке – метка на монете активирует поводок. По нему я найду тебя везде.

Норриди довольно хмыкнул и убрал артефакт в карман. А когда я потянулся за одеждой, он все же не удержался и спросил:

– Арт, почему ты не просишь меня искать пропавших темных магов? Думаешь, никто из ваших не мог исчезнуть по той же причине, что Роберт Искадо или леди Мелани Крит?

Я нахлобучил шляпу.

– Просто ты говорил насчет магии разума. А на таких, как я, в реальном мире она практически не действует.

* * *

Остановившись под мертвой вампирской сетью, я запрокинул голову и прищурился, пытаясь отыскать её самостоятельно. Но нет. Пока паутина висела без движения, я даже с помощью линз её не видел. Вот уж и правда – идеальная ловушка. Жаль, что она не работает.

– Мелочь? – негромко позвал я, поднимая руку, и ничуть не удивился, когда через мгновение воздух перед моим лицом задрожал, а затем со стены ближайшего дома на подставленную

ладонь спрыгнула сбросившая невидимость кукла. Ещё через миг по гладкому доспеху процокали костяшки, и Мелочь переместилась на правое плечо, откуда вскоре послышалось удовлетворенное:

– Хсь!

Несмотря на то, что вчера я накормил это чудовище Тьмой, кукла осталась такой же, как раньше – маленькой, растрепанной и не умеющей выговаривать полные слова. Однако её эмоции заметно изменились. И если накануне в них превалировали грусть и разочарование, то сейчас Мелочь ощущала прилив сил. И была переполнена странным нетерпением, от которого буквально приплясывала на месте, не рискуя лишний раз тревожить поводок.

– Ну давай, показывай, что ты нашла – усмехнулся я, без труда считав нехитрые чувства духа-служителя. – Ты ведь нашла, а?

Мелочь обрадованно пискнула и, слетев обратно на землю, принялась бегать под паутиной и время от времени высоко подпрыгивать, одновременно воздевая к небу верхнюю пару лапок.

– Вниз так вниз, – покладисто кивнул я, окутываясь дополнительными слоями брони, а затем медленно погрузился на нижний слой.

Холод оттуда, разумеется, никуда не делся, но стал вполне терпимым. А вот вампирская сеть теперь выглядела настоящей, потому что на такой глубине на ней, как и на моем доспехе, образовался густой слой инея, и мне уже не требовалось прилагать усилия, чтобы её увидеть.

Правда, насчет того, получится ли у меня до неё дотронуться, я поначалу сомневался. Однако Тьма не подвела и по первому требованию вложила в мою ладонь древко безотказной секиры. Первое же касание лезвия отозвалось в тишине хрустальным звоном, а затем обледеневшая паутина дрогнула, растрескалась и осыпалась на землю миллионами сверкающих осколков.

Когда это произошло, я поднял голову и настороженно огляделся, благо призрачные стены домов не мешали обзору. Однако в округе до самого горизонта не виднелось ни гулей (*если они здесь, конечно, водились*), ни вездесущих крыс, ни более крупной нежити. А раздавшийся от падения льдинок шум был мгновенно поглощен гнетущей тишиной, которая на этом уровне Тьмы ощутимо давила на нервы.

Мелочь тем временем покрутилась вокруг разбитой сети и снова подпрыгнула, привлекая внимание. А когда я повернулся, отбежала на несколько шагов и подпрыгнула в третий раз. После

этого мне ничего не оставалось как последовать за куклой и попутно отметить, что в этом месте даже хруст снега был практически не слышен. Зато отсутствие стен и прекрасный обзор позволяли двигаться напрямик, прямо сквозь призрачные строения и такую же призрачную мебель.

Да, ориентироваться в таких условиях оказалось сложнее, потому что поставленных на верхнем уровне меток или иных следов присутствия магии, по которым можно было бы опознать призрачные здания, не осталось. Но я не зря столько времени потратил на изучение карты Алтира. Так что, когда Мелочь остановилась, я точно знал, что мы находимся на тридцать второй улице южного участка. В тот самом месте, где кукла вчера проявила беспокойство, а я так и не смог понять его причину.

Как выяснилось, именно здесь, между домами под номерами девять и десять, была натянута ещё одна ловчая сеть. Не в пример больше, чем та, которую я только что разбил. С совершенно другим, невероятно сложным, но определенно целым плетением и покрытая таким же густым слоем инея. Однако, если первая паутина была тусклой и мертвой, то эта сверкала и переливалась, словно усыпанная бриллиантами. А когда я подошел, свисающая до земли и на редкость густая бахрома заинтересованно качнулась в мою сторону, заставив Мелочь тихо, угрожающе заворчать.

Каким именно образом сеть крепилась к домам, я, если честно, долго не мог понять. Для меня она выглядела так, словно кто-то, проходя по улице, просто подбросил её в воздух, и сеть сама по себе повисла на высоте двух человеческих ростов. Аккурат над очередной небольшой трещиной в насквозь промерзшей земле. Но потом я вспомнил, что паутина находится на границе миров, попеременно проявляясь то в одном, то в другом. Так что при желании вампир мог закрепить ловушку и слоем выше. Там, где увидеть её не мог ни я, ни другой темный маг, ни даже жрец.

«И кто сказал, что вампиры – плохие охотники?», – мысленно проворчал я, до печенок проникнувшись талантом изобретательных тварей. Однако сеть пока трогать не стал. Только постарался изучить со всех сторон. А когда основательно подмерз, вместе с куклой вернулся на привычный для себя уровень.

– Мелочь, поблизости ещё есть такие же штуки? – вполголоса спросил я, когда к суставам вернулась подвижность, а ледок на броне с тихим шипением испарился.

Кукла озадаченно промолчала.

– Сходи, поищи, – велел я. А когда она растворилась во Тьме,

стряхнул с перчаток не успевшие отвалиться льдинки и снова отправился на постоялый двор, откуда недавно исчезла леди Мелани Крит.

Хотелось кое-что проверить.

«Щипаный гусь» на нижнем уровне выглядел абсолютно таким же, как и соседние здания – полупрозрачные стены, такая же ненадежная крыша и едва угадывающаяся лестница на второй этаж, по которой я при всем желании не смог бы подняться. С другой стороны, раз не смог я, значит, и нежить туда не заберется, так что опасаться нападения стоило лишь на земле или…

Мой взгляд скользнул по виднеющейся неподалеку очередной трещине.

…Из таких вот естественных щелей, которые на хорошо просматриваемой следовало рассматривать, в том числе, как естественные укрытия.

Кстати, местоположение трещин в точности соответствовало расположению луж на верхнем уровне, так что передо мной находились не просто провалы в земле, а входы в каверны. При желании я мог туда даже спуститься, благо размеры некоторых трещин позволяли, но мысль о том, что в этом месте большинство нежити обитает именно под землей, удержала от необдуманного поступка.

Ещё я обнаружил, что на нижнем уровне магическая защита стала бесполезной. Мощные щиты, которые люди Корна установили вокруг комнаты леди Крит, не отреагировали, когда я слепил снежок и зашвырнул его в окно. Я смог свободно войти в дом прямо сквозь стену. Сумел беспрепятственно кинуть ещё один снежок сквозь полупрозрачный пол – защита снова не сработала, я специально сходил это проверить. Жаль только, попасть в саму комнату у меня не получилось, потому что в призрачном доме и лестница на второй этаж оказалась совершенно бесполезной. Зато я смог убедиться, что люди с этого уровня совершенно не просматривались. Ни в обычном виде, ни в виде скелетов, ни в виде призраков. И даже светлый маг, за которым я, периодически выныривая наверх, проследовал до конца улицы, оказался с такой глубины недосягаемым.

С темными ситуация была аналогичной: пока маг оставался в реальном мире, для обитателя глубин он как бы и не существовал вовсе. Но как только маг переходил на темную сторону… даже если при этом он находился близко к поверхности… любой местный житель получал возможность рассмотреть его достаточно хорошо. Вплоть до черт лица, особенностей одежды и даже ауры.

Чтобы убедиться в этом, я метнулся обратно в Управление и отыскал увлеченно ковыряющегося в новенькой сфере Тори. Потом не утерпел и подбросил ему на стол записку с просьбой проверить заботу защитных заклинаний. А когда исполнительный парень вошел во Тьму и принялся обходить нашу половину здания, я получил достаточно времени, чтобы подтвердить свои догадки, и был вынужден признать, что ношение платков на темной стороне все же имело некоторый смысл.

Кстати, аура у мальчишка оказалась на удивление широкой, плотной и густой, тогда как физическое тело выглядело размытым, словно я смотрел на него сквозь толщу воды. А вот меня Тори не заметил, хотя пару раз проходил так близко, что при желании мог дотронуться рукой. Наверное, если бы я при этом пошевелился, он бы увидел смазанную тень или дрожащее марево над потревоженным пространством. Но я ещё не забыл умруна и то, как его обнаружила Хокк, поэтому не рискнул привлекать к себе внимание.

Собственно, я бы, наверное, ещё долго развлекался таким образом, потому что освоение нижнего уровня открывало весьма заманчивые перспективы. Но, к сожалению, к тому времени успел снова продрогнуть до костей, поэтому дальнейшие эксперименты пришлось отложить. Заодно ко мне запоздало пришло понимание того факта, почему умруну пришлось занять тело темного мага – никто другой не смог бы продержаться на нижнем уровне дольше пары мгновений. По этой же причине тело ему пришлось сменить – если оно леденело на нижнем уровне так же, как моё, то наверняка должно было быстро разрушиться.

– Бсь! – расстроенно выдала сидящая на земле Мелочь, когда я вернулся на тридцать четвертую улицу, на то самое место, откуда отправил её на разведку. – Хсь уусь!

– Я не ушел, а отправился проверить важную гипотезу, – хмыкнул я, ощутив идущее по поводку негодование. – И я вернулся за тобой, видишь? Не бросил. Не забыл. Так что хватит бурчать. Докладывай, что нашла.

– Тсь, – помедлив пару мгновений, выдала Мелочь и трижды щелкнула костяшками. – Тысь, тысь!

– Три сети, говоришь? – неприятно удивился я. – Точно такие же? Живые?

– Дсь!

– Так. И далеко?

– Нсь!

– Тогда веди, – велел я, уже догадываясь, что домой теперь долго не вернусь. – Только давай по этому уровню, а то я ещё до конца не оттаял.

Глава 8

Примерно к полудню, порядком замерзнув и устав как собака, я наконец явился домой и первые же делом устремился на кухню. Долгое пребывание на нижнем уровне не лучшим образом сказалось на моем самочувствии, однако после третьей смены блюд зверский голод поутих, зато усталость навалилась с удвоенной силой.

Как оказалось, даже при соблюдении мер безопасности на нижнем слое я истощался почти втрое быстрее, а восстанавливался гораздо дольше, чем обычно. И если бы не своевременный перерыв в расследованиях, вряд ли сумел оказать Йену посильную помощь.

– Вам бы поспать, хозяин, – тихо посоветовал Нортидж, когда я наконец выбрался из стола и тряхнул головой в попытке прогнать накатившую сонливость.

– Дсь! – неожиданно согласилась с дворецким Мелочь.

Я с подозрением оглядел собравшихся в столовой слуг, но на лицах призраков было написано лишь сочувствие. Причем настолько явное, что я даже порадовался отсутствию зеркал. И подумал, что, наверное, дела мои и впрямь плохи, если даже кукла сочла необходимым сделать замечание.

Пришлось использовать хронометр и почти на сутки завалиться спать во втором кабинете. А когда отмеренное мне время истекло, я снова мог связно мыслить и без опаски вернуться на нижний уровень. Однако, прежде чем туда сунуться, я все-таки расстелили на столе карту города и отметил все места, где мы с Мелочью обнаружили ловчие сети.

Как выяснилось, вампиры являлись не только осторожными тварями, но ещё и неплохо ориентировались в сторонах света: три из четырех сетей располагались на восточной границе южного участка и шли с севера на юго-восток. А вот последняя, мертвая, находилась у северной границы. И если учесть, что именно с той стороны располагалась печально известная Фемза, то я ни на миг не усомнился, что знаю причину, по которой хозяин паутины предпочел перебраться в более спокойное место.

Безусловно, конкурировать с подвижным и агрессивным умруном неповоротливая тварь не могла. Большую часть жизни вампир проводил в тщательно спрятанном логове, откуда наружу торчали лишь гибкие щупальца. Ими он вслепую сплетал свою паутину. Ими же разбрасывал ловчие сети. Но поскольку длина щупалец могла достигать десятков и даже сотен шагов, то поиски вампира являлись довольно хлопотным делом.

– Похоже, вам досталась очень древняя тварь, хозяин, – озабоченно произнес Нортидж, когда я закончил работать с картой. – Обычно ловчие сети располагаются вокруг логова вампира и находятся тем дальше, чем длиннее у него отростки. А здесь четкой дуги ещё даже не видно.

– Это какой же размах щупалец должен быть, если сети охватывают сразу три квартала? – озадачился я. А потом провел на карте две гигантских окружности, которые охватывали южный, западный и восточный участки, а пересекались лишь по линии расположений «паутин». – Видимо, придется нам ещё немного погулять по Алтиру, Мелочь. Где найдем новые сети, в той стороне наверняка будет и логово.

– Но вам придется обойти больше половины города, хозяин…

– Да, это работа не на один день, – согласился я, а затем отправил Мелочь за шляпой и плащом. – Но другого варианта нет, если, конечно, Йен не даст нам подсказку.

– А вы будете участвовать в расследовании по делу юного герцога, мастер Рэйш? – поинтересовался Нортидж, который, как всякий добросовестный слуга, регулярно выписывал на дом «Столичного вестника» и был в курсе последних новостей. – Я слышал, главное Управление бросило на поиски пропавшего мальчика свои лучшие силы.

Я покачал головой.

– Это – юрисдикция Нельсона Корна, и мне там нечего делать. А вот вампиры уже наша проблема. Пропустить древнюю тварь на подконтрольной территории было бы крайне неприятно, поэтому её поиски мы начнем именно с западного участка.

– А если её там не окажется?

– Значит, сообщим коллегам с восточного, южного и северного.

– Думаете, они сумеют отыскать вампира быстрее вас? – с сомнением переспросил призрак.

Я только улыбнулся. После чего забрал шляпу у вернувшейся Мелочи, протянул ей руку, а когда кукла запрыгнула на плечо, с усмешкой сказал:

– Может, и нет. Но у вампиров есть одна особенность – они живут и охотятся стаями. И если одна из них решила обосноваться в Алтире, то работы хватит на всех.

* * *

– Арт, ты был прав! – с ходу выпалил Йен, стоило мне только появиться у него в кабинете.

– Насчет чего? – озадачился я, придвигая к столу кресло для посетителей.

– Насчет всего. Я вчера весь день проторчал у сферы, пробивая твои запросы. Сперва проверил общую смертность в городе за последние двадцать пять лет. Затем запросил её по всем участкам. Заодно вытащил данные по естественным смертям и самоубийствам. И вот вот какую штуку обнаружил, если смотреть по столице в целом, то картина за эти годы вроде бы не поменялась: цифры по общей смертности из года в год колеблются совсем незначительно. Но, если верить статистике, двадцать четыре года назад в южных кварталах Алтира стало происходить кое-что странное. Я проанализировал данные архива, – Йен вывел над сферой полупрозрачное окно и потыкал пальцами в появившиеся на нем циферки. – Смотрел сперва только некриминальные смерти: болезни, смерть от старости… так вот. Где-то с конца тысяча двести двадцать восьмого года количество естественных смертей на юге столицы начало увеличиваться. Сперва незначительно, на двадцать-тридцать случаев в год, через пару лет это было уже не плюс двадцать, а плюс все сорок пять смертей, ещё через год почти шестьдесят… и так вплоть до сорок первого года, когда южные кварталы достигли небывалого пика по этому показателю, превысившего показатель восемнадцатого почти в три раза. Затем – обрыв. Тишина. Количество смертей без видимых причин снова вернулось к условной норме и до настоящего времени остается более или менее стабильным.

Я подсел к столу и с интересом уставился на экран.

– Хочешь сказать, в последние двенадцать лет на этом участке тихо?

– Как в могиле.

– Так. А что насчет исчезновений?

– Не поверишь: меньше, чем в любых других районах города. За тот же срок на востоке, западе и на севере Алтира бесследно исчезло почти в два раза больше людей, чем на юге. А где-то к сороковому году цифры по районам практически выровнялись.

– По магам тоже?

– В том-то и дело: маги в те годы в южных кварталах вообще не исчезали. Их убивали, с ними происходили несчастные случаи, они умирали от старости… но исчезновений не было. Аж до сорок второго года, когда пропали сразу двое светлых. Ещё через год – новое исчезновение. А через три – сразу шестеро, после чего вновь наступило затишье. Вплоть до недавнего времени, когда пропала Мелани Крит.

Я недоверчиво прищурился, но цифры на экране выглядели

более чем красноречиво.

– Ты дела по другим пропавшим посмотрел?

– Не успел ещё, – с сожалением покачал головой Йен. – Только в самые последние заглянул и сразу тебе скажу – почти все пропавшие в том районе маги, как леди Крит, были приезжими.

Я нахмурился.

– Прошерсти-ка дела по другим исчезнувшим и выясни, не было ли у них в недавнем прошлом какой-нибудь драмы. Гибели родственников или детей, разрыва с мужем или женой… может, кто-то из них был на то время серьезно болен или ранен?

Йен поднял на меня озадаченный взгляд.

– По последним точно ничего такого не было. Большинство пропавших были молодыми, здоровыми и не самыми слабыми магами. И почти все они явились в Алтир с целью подзаработать.

– Скверно. Что-нибудь ещё интересное нашел?

– Да, – кивнул Норриди и, стукнув ногтем по сфере, вывел над ней второй экран. – Ещё я посмотрел криминальные сводки по районам за те же двадцать пять лет и обнаружил другую закономерность – в те годы, когда на юге Алтира участились естественные смерти, там же пошли на спад показатели по тяжким преступлениям.

Я непонимающе моргнул.

– Чего?

– Убийств, говорю, в эти годы стало почти в два раза меньше, – терпеливо повторил Норриди, а затем кивнул на сферу. – Вот статистика с двадцать третьего по пятидесятые годы. Более ранние цифры по тяжким, похоже, в базу ещё не завели, но даже так видно, что они небольшие. А теперь сравни с северным участком.

Перед его лицом появился третий экран.

– Ого, – присвистнул я, глянув на цифры, но они и впрямь выглядели необычно. – Тут что, местные теневые воротилы передел имущества затеяли? Или кто-то пытался развязать гражданскую войну?

– Мне это тоже не понравилось, – буркнул Йен, и перед нами появилось ещё два таких же экрана, сверху донизу испещренных цифрами, значками и совсем уж мелкими подписями. – Поэтому я поднял цифры и по своему участку тоже: последние полтора десятка лет тут просто взрыв преступлений. Изнасилования, убийства, бытовуха… сам видишь: сейчас у нас творится Фол знает что, поэтому-то, видимо, и решили создать новое Управление. После этого я решил залезть в данные по восточным районам. Видишь?

Я опять присмотрелся к показателям.

– На протяжении того же времени все, как и у нас, а в последние полтора года вдруг резкий спад по тяжким.

– Даже по кражам, – тихо сказал Норриди. – И не только по ним. А посмотри, что творится со статистикой по естественным смертям… и сравни, что тут было десять лет назад. Как тебе разница?

– Получается, каждые двенадцать лет в одном из районов столицы идет необоснованный всплеск смертей среди стариков и безнадежно больных? – так же тихо переспросил я.

– И одновременно там же снижается количество убийств! Даже магпреступлений становится заметно меньше. И люди в этих районах почти перестают пропадать. Особенно маги!

– А потом все возвращается на круги своя…

– Думаешь, это цикл? – напряженно спросил Норриди, когда я откинулся на спинку кресла и в задумчивости уставился на мерцающие в воздухе экраны. – Сперва был юг, потом север, теперь восток… Арт, ты тоже видишь, что каждые двенадцать лет по районам города проходит какая-то странная волна? Люди мрут как мухи от, казалось бы, обычных причин, зато при этом меньше воруют, насилуют и убивают… ты говорил, все дело в умруне. Но, может, не только в нем? Может, мы чего-то не учли?

– Где сейчас самая хорошая статистика по магпреступлениям? – встрепенулся я.

– На восточном участке. Но естественные смерти пока в разумных пределах. Похоже, новый цикл начался совсем недавно.

– А как насчет исчезновений? Много народу пропало за последние пять лет в этом районе?

– Двое. Четыре и шесть года назад. Из них двое магов.

– Насколько я помню, дворец герцога расположен где-то на севере столицы…

– Да. А девушка пропала на юге.

– Не исключено, что скоро кто-то пропадет и на твоем участке, – задумчиво обронил я. – И, скорее всего, это случится довольно скоро.

– С чего ты решил? – насторожился Норриди. – Арт, ты что-то выяснил? Я должен об этом знать?

Я окинул друга таким же задумчивым взглядом. Но решил, что нет смысла утаивать важные сведения и, откинувшись в кресле, спросил:

– Что тебе известно о вампирах?

* * *

– Значит, ты считаешь, это из-за них? – нахмурился Йен, когда я закончил. – Полагаешь, твари могли иметь отношение к исчезновениям светлых в столице?

– Причем тут светлые? – удивился я. – Маги для нежити, конечно, ценная добыча, но к расследованию ГУССа это не относится. Я совсем не поэтому просил тебя порыться в архиве.

Норриди недоверчиво нахмурился.

– Тогда зачем? И почему ты считаешь, что вампиры здесь ни при чем?

Я наклонился над сферой, тыкнул пальцем сперва в один, а потом во второй экран. А когда вывел нужную информацию, повернулся к Йену.

– Мальчишка, если верить сыскарям из ГУССа, был абсолютно здоров, как физически, так и душевно. А это значит, что ни один вампир не смог бы за него зацепиться. И уж тем более, не осмелился бы напасть на более опытного мага вроде леди Мелани Крит.

– Что-то я совсем перестал тебя понимать…

– Любой маг способен понять, когда к его ауре прицепляется что-то чужеродное, – терпеливо пояснил я, дав другу время прочитать выданную сферой информацию. – Тем более, отследить, откуда пришло воздействие. Помимо прочего, светлые носят при себе защитные артефакты и кучу всякой другой магической дребедени, поэтому для вампира мои коллеги хоть и желанная, но абсолютно недосягаемая добыча.

– Ну а если маг совсем молодой и неопытный?

– За одаренными детьми тщательно следят, особенно, если это дети состоятельных родителей, – качнул головой я. – Их просто так не украдешь.

– Герцога же украли, – упрямо набычился Йен. – И никто не знает, кто и зачем. Ведь за него даже выкупа не потребовали!

– Да, с мальчишкой вышло непонятно, – был вынужден признать я. – И чисто теоретически я могу поверить, что родители соврали, а в семье герцога Искадо в действительности было не все так ладно, как они говорят. Поэтому пацан… опять же, теоретически… мог стать уязвимым для вампира. Но тут есть несколько «но». Во-первых, это дело ГУССа, а люди Корна никакой связи с нежитью до сих пор не усмотрели. Во-вторых, если бы в ауре юного герцога появились хоть малейшие признаки истощения, его бы сразу показали целителям. В-третьих, во дворце стоит отменная защита, которая не по зубам ни одной твари…

– Мальчик ушел оттуда сам, – напомнил Норриди.

– Это только предположение. Но даже если ты прав, и пацан

сбежал или же находился под действием какого-то заклинания, то кто тогда заглушил его метку? И куда делись магические отпечатки с улицы?

Йен озадаченно поскреб в затылке.

– Ну… сам он, скорее всего, не сумел бы этого сделать. И его друзьям-приятелям такое тоже не под силу. Но есть же, наверное, какие-то амулеты, специальные артефакты…

– Это уже другой вопрос, – кивнул я. – Наличие артефакта действительно могло бы объяснить отсутствие следов и подавленную метку мага. Вот только нежить, если помнишь, не умеет пользоваться артефактами.

– Пожалуй, ты прав, – неохотно признал мою правоту шеф.

– К тому же, сеть, что я нашел возле постоялого двора, была мертвой, – счел нужным напомнить я. – Если в том районе когда-то и охотился вампир, то к моменту исчезновения леди Мелани Крит он оттуда ушел. Не забывай: вампиры не утаскивают своих жертв на темную сторону, а питаются ими на расстоянии. Человек при этом живет как обычно, спокойно выходит на улицу, общается с соседями… и медленно чахнет у всех на виду, пока у него не заканчиваются жизненные силы. Порой это длится нескольких недель, а то и месяцев. И заканчивается тихой смертью во сне, которая всем кажется закономерной и ожидаемой. Цифры, которые ты мне дал, вполне укладываются в эту картину. За тем исключением, что я пока не понял, как они связаны со статистикой по магпреступлениям.

Йен огорченно вздохнул.

– Эх… получается, мальчишку и леди Крит похитили обычные бандиты, и нам вскоре надо ожидать или требований выкупа, или два новых трупа? А я так надеялся, что ты порадуешь меня интересной гипотезой!

Я ухмыльнулся.

– Чего нет, того нет, так что вернуть домой юного герцога и утереть нос Корну у тебя не получится. Зато могу предложить поохотиться на целую стаю нежити, которая потихоньку сокращает население столицы.

– Опять нежить… и опять высшая. Что ей тут, медом намазано? – скривился Норриди. – Самый крупный город в стране с самым большим количеством темных магов, а я что ни день, то о новой твари узнаю!

– Ты что, забыл, о чем говорил Лойд?

– Да помню я, – с досадой отозвался Йен. – Но все равно это ненормально, что такие, как ты, привлекают к городам целые полчища тварей. Кстати, почему ты думаешь, что тут действует всего одна стая вампиров? Вон, какой у нас разброс по

естественным смертям – то один район, то другой… тебе не кажется, что это многовато?

– Напротив. Как раз это и свидетельствует в пользу одной-единственной группы нежити, которая годами умудрялась скрывать свое существование в переполненном магами городе.

– Поясни.

– Мы оба знаем, что до недавнего времени в столице обитал, как минимум, один моргул и несколько умрунов. В том, что здесь есть вампиры, мы теперь тоже в курсе. Источник питания у этих видов нежити один – люди. Но кто-то предпочитает их души, кому-то нужны сердца, а кто-то обожает лакомиться жизненными силами, если бы охотничьи интересы этих тварей где-то пересекались, то вампиры, будучи самыми слабыми, ушли бы из столицы первыми. Этого, как мы видим, не произошло, – рассудил я. – Значит, высшие все же неплохо сосуществуют вместе. Однако от охотничьих угодий умруна вампиры, тем не менее, предпочли держаться подальше. Значит, конкуренция среди них все же присутствует. Возникает вопрос: как бы они себя повели, если бы рядом обосновалась другая стая, которая начала бы претендовать на тот же источник пищи, что и наши вампиры?

Йен пожал плечами.

– Ты сам говорил: нежить не умеет делиться.

– Верно. Поэтому, как и в случае с другими хищниками, у кормушки вскоре осталась бы более сильная и многочисленная стая. И постаралась бы взять под контроль как можно большую территорию. С учетом того, что щупальца у вампиров могут достигать очень большой длины, думаю, не ошибусь, что такой территорией следует считать всю нашу большую и густо населенную столицу.

– Хорошо, допустим. Но ты говорил, что вампиры ведут малоподвижный образ жизни и крайне редко покидают логово. Почему же у нас тогда получился такой разброс цифр по участкам?

Я усмехнулся.

– Я не сказал, что они совсем его не покидают. А разброс произошел потому, что твари, скорее всего, время от времени меняют места для охоты. Сперва обрабатывают один район, затем, когда количество стариков и больных в нем сократится до минимума, перебираются в другой, потом в третий… и так – каждые двенадцать лет, чтобы не дать нам повод заподозрить, что со этими смертями что-то не так.

Йен одарил меня мрачным взором.

– Думаешь, у обычной нежити хватит на это мозгов?

– У обычной – нет. А вот высшая все ещё очень плохо изучена.

И в последние несколько столетий информации по ней практически не прибавилось. Насколько мне известно, живого вампира вообще никто не видел. По крайней мере, целиком. А по трупу нельзя достоверно судить о его повадках. Однако смена охотничьих угодий означает, что вампиры понимают не только то, что им нельзя привлекать к себе внимание, но и знают, как этого избежать. Это говорит об их разумности. А умный враг – это опасный враг, Йен. От таких надо избавляться в первую очередь.

Норриди помолчал.

– Если они такие умные, то как ты планируешь с ними справиться?

– На наше счастье, вампиры очень уязвимы. Они мало поддаются простому оружию, зато боятся огня и очень чувствительны к магии, поэтому-то и избегают встреч с одаренными. Все, что от нас требуется, это добраться до их логова и спалить. И именно этим я собираюсь заняться. Правда, есть одна проблема…

– Какая? – насторожился Норриди. – Ты же нашел их сети. Они должны быть связаны с логовом, иначе вампир не смог бы узнать, что у него появилась жертва.

– Ниточка должна быть, – медленно проговорил я. – Ты прав: когда бахрома прицепляется к ауре, сеть дает сигнал хозяину. Но никто не знает, как это происходит. По крайней мере, мне не удалось найти ни одного щупальца, которое вело бы к логову. Соответственно, отследить его расположение я не смог.

– Что? Совсем никаких следов? – не поверил Йен.

– Ни единого. Я облазал весь квартал, обыскал все подворотни, подвалы и закоулки. Но сети болтаются на границе миров, и ни в одном из них от паутины не отходит более или менее толстых отростков. Они все одинаковые. И почти все находятся на виду.

– А если их просто спалить?

Я покачал головой.

– Любое магическое воздействие воспринимается сетью как враждебное. Поэтому, если мы коснемся бахромы оружием или попробуем направить на неё поисковое заклинание, то велика вероятность, что вампир просто оборвет с ней связь. А может, не только с ней, но и с остальными тремя, и тогда стая заляжет на дно. Причем, скорее всего, надолго.

Норриди взъерошил волосы пятерней.

– И что ты предлагаешь?

– Надо отыскать другие сети, – пожал плечами я. – И начать стоит с восточной части, где вскоре ожидается всплеск смертей среди пожилых и увечных. Какими бы длинными ни были

щупальца у вампиров, они не бесконечны. И по расположению новых сетей мы сможем хотя бы приблизительно установить, где находится последнее логово.

– Но на это уйдут недели! Месяцы! Неужели нет другого способа выманить этих тварей?

– Вообще-то есть, – неожиданно усмехнулся я. – Но тебе это наверняка не понравится.

Глава 9

– Простите, мастер Рэйш, вы ЧТО хотите, чтобы я для вас сделала?! – ошарашенно переспросила Хелена Триш, которую я следующим утром выловил рядом с главным сыскным Управлением. Девчонка, судя по всему, направлялась на работу и, что было редкостью, была на улице одна, чем я и воспользовался. – У вас что, нет на участке штатного мага?!

– Тори не подходит мне по ряду параметров. А Лиз здесь не помощник. Мы, конечно, привлечем её для работы, но мне понадобится толковый напарник на темной стороне.

– Но почему я?! Почему вы не обратились к господину Корну?!

Я хмыкнул.

– Твой шеф меня отчего-то невзлюбил, да так, что лишил доступа в центральный архив и, скорее всего, не даст в помощь даже самого захудалого мага. По крайней мере, пока не получит железных доказательств. Твою наставницу, я полагаю, просить бесполезно. А больше я никого в столице не знаю.

Триш прикусила губу и быстро огляделась, но в столь ранний час на улице ещё никого не было. Только пожилой дворник возле соседнего дома лениво шваркал метлой по тротуару да где-то вдалеке спешил по своим делам одинокий прохожий.

– Вы уверены насчет вампира? – после недолгого молчания снова спросила девчонка. – У нас такой информации нет.

– У нас пока тоже лишь предположения. Но наличие ловчих сетей выглядит достаточно убедительным основанием для проверки, правда?

Триш недоверчиво прищурилась.

– Когда вы их обнаружили? И главное, как? Их ведь даже визуализаторы не определяют! Может, у вас на участке были подозрительные смерти, о которых не сообщали в ГУСС?

Я понимающе усмехнулся.

– Смертей пока не было. По крайней мере, в последние пару месяцев, если не считать гибель отца Кана, иначе твой шеф уже вверх дном перевернул бы весь район. А сети… скажем, так: буквально на днях я нашел нечто, очень на них похожее. Поэтому-то их и надо проверить.

Девушка ненадолго задумалась.

– Вы уже передали эту информацию в другие участки?

– Нет. У нас не хватает данных.

– А извещение в ГУСС отправили? Вы же знаете правила, мастер Рэйш – при обнаружении любых признаков высшей

нежити следует незамедлительно…

Я кивнул.

– Само собой, подробный рапорт появится на столе твоего шефа в самое ближайшее время. Но в мои обязанности входит лишь обнаружение и, по возможности, уничтожение нежити. А бумажками у нас по традиции занимается Йен.

– Кто? – едва заметно вздрогнула Триш.

– Йен Норриди, – невозмутимо повторил я. – Из Верля. Тощий такой педантичный зануда с большими печальными глазами… Помнишь его? Йена недавно перевели в столицу, и теперь он – начальник западного участка Управления алтирского сыска. Ты разве не знала?

Триш откровенно растерялась.

– Я… нет, конечно. Откуда?!

– Ты же была неподалеку от дома, где убили отца Кана, – напомнил я. – Мне казалось, вы должны были увидеться.

– Нет, – тихо ответила девушка, отведя взгляд. – Я не заметила там вашего друга. Наверное, мы разминулись, когда ставили оцепление, а потом нас с Лорой отправили на темную сторону. Тогда же погиб Крис. И после этого мне уже было не до того.

Я мысленно присвистнул, только сейчас сообразив, почему Норриди в тот день был таким мрачным. И почему по-глупому торчал за углом вместо того, чтобы упереться рогом, нагло явиться пред строгие очи господина Корна и настоять на своем участии в расследовании.

Вот же болван.

– Так ты поможешь? – кашлянул я, когда молчание несколько затянулось. – Собственно, мне нужно лишь чтобы ты поприсутствовала на месте преступления и присмотрела за нашими магами, если что-то пойдет не так. Это не займет много времени. Обычная проверка, по итогам которой будем решать, надо ли извещать ГУСС о нашей находке. Никакого риска, никаких геройств. Просто ребята у нас молодые, неопытные. А ты, хоть и не закончила обучение, знаешь и умеешь намного больше. Да и в команде работаешь неплохо.

Триш снова огляделась.

– Я… не знаю, мастер Рэйш. Честное слово, я бы очень хотела помочь, но не думаю, что это хорошая идея. Лучше обратитесь к Нельсону Корну – так будет правильнее.

– Ладно, – отступился я, протягивая ей бумажку с адресом. – Если все-таки надумаешь, вечером приходи. Йен наверняка будет рад тебя увидеть.

После чего развернулся и ушел, оставив девчонку потерянно

стоять посреди улицы. А когда завернул за угол, сразу нырнул на темную сторону и, свистнув Мелочь, отправился на восточный участок – нам предстояло много работы.

* * *

– Добрый вечер, мастер Рэйш, – уважительно наклонил голову Тори, когда я вышел из Тьмы и махнул ему, приглашая приблизиться. – Я получил записку и, как вы просили, пришел немного пораньше.

Я приветственно кивнул мальчишке и придирчиво оглядел его экипировку: теплая одежда, толстая кожаная куртка, под которой угадываются очертания таких же кожаных нагрудных пластин, сапоги на толстой подошве, перчатки, черный платок, прячущий от любопытных взоров нижнюю половину лица, и глубокий капюшон, скрывающий приметные волосы.

Молодец. Ничего лишнего с собой не взял, кроме стареньких ножен со входящим в стандартное обмундирование кинжалом и визуализатора. Больше никаких амулетов и защитных артефактов… юный маг правильно подготовился к походу на темную сторону.

Когда я подошел, Тори вопросительно на меня посмотрел, но не задал ни единого вопроса, что меня приятно порадовало. А когда я знаком предложил ему надеть визуализатор, послушно нацепил прибор и замер, ожидая дальнейших распоряжений.

– У тебя хороший потенциал и отличные задатки для дальнейшего развития, – медленно проговорил я, остановившись в паре шагов от навострившего уши парня. – Ты неглуп, наблюдателен, обучаем, и Йен считает, что у тебя есть неплохие шансы сделать карьеру. А позвал я тебя сюда потому, что, возможно, после сегодняшней ночи эти шансы могут существенно измениться. Как в положительную, так и в отрицательную сторону.

Я снова бросил на Тори испытующий взгляд, но мальчишка по-прежнему молчал, терпеливо ожидая продолжения.

– Думаю, ты не хуже меня знаешь инструкции и понимаешь, что, придя сюда, мы нарушаем ряд правил, которые приняты в столичном Управлении сыска. Тебе это известно?

– Да, мастер Рэйш, – спокойно отозвался Тори. – По инструкции, мы не должны вмешиваться в дела соседнего участка. А в случае обнаружения высшей нежити или же при подозрении на неё нам следует немедленно известить руководство ГУССа.

Я кивнул.

– Насколько я знаю Йена, в этот момент он уже заканчивает писать рапорт и готовится вручить его Сеньке. Но на стол к господину Корну этот документ попадет только завтра утром. Знаешь, почему?

– Потому что уже поздно, – едва заметно улыбнулся Тори, кинув выразительный взгляд на почерневшее небо. – И рабочий день закончился даже в ГУССе. Там, конечно, есть дежурный маг, но в столице почти всегда неспокойно, поэтому маг наверняка проведет полночи в разъездах. И если конверт не будет помечен как срочный, то с высокой долей вероятности пролежит на регистрационной стойке до самого утра.

– Правильно. Но мы с Йеном – люди провинциальные, в столице ещё не освоились и таких тонкостей не знаем. Поэтому конверт, разумеется, будет обычным, и с ним поступят именно так, как ты описал. Как считаешь, почему?

Тори помялся.

– Я был бы вам благодарен за разъяснения, мастер Рэйш, – через некоторое время признался он.

И вот тогда я улыбнулся.

– У тебя будет время над этим подумать. А пока я хочу попросить тебя об услуге.

Тори удивленно вскинул голову.

– Меня?!

– Прежде чем здесь появятся наши коллеги, я должен кое-что для себя выяснить. Но помочь мне может только темный маг, способный выходить на темную сторону. Справишься?

Мальчишка снова ненадолго задумался, за что я мысленно поставил ему ещё один плюсик, а затем решительно кивнул.

– Да, мастер Рэйш. Что для этого надо сделать?…

Спустя полсвечи я одобрительно хлопнул недоумевающего паренька по плечу и отправил его на соседнюю улицу – встречать наших коллег, которые вот-вот должны были подъехать. А сам прошелся по пустой улочке вперед-назад и, в последний раз оглядев свои метки, удовлетворенно кивнул.

Умница Тори сделал то, о чем я бы не рискнул попросить кого-то другого – задал для меня на темной стороне правильные ориентиры. Информацию я, конечно, получил не всю, о многом ещё придется подумать и не раз потом проверить, но самое главное я для себя понял. И выяснил, что чисто теоретически смогу работать в команде с другими темными, не раскрывая своих секретов.

Тори, конечно, не понял смысла всех манипуляций. В частности, того, зачем я ушел на темную сторону и положил на

место, где он стоял, увесистый булыжник. Он также был не в состоянии увидеть, как ещё один камень Мелочь по моему приказу утащила на нижний уровень и положила точно под первым. Так, чтобы все три точки совпали. Зато он смог сказать, на каком расстоянии, находясь в реальном мире, заметил меня с помощью визуализатора. И подтвердил предположение о том, что радиус работы прибора почти не зависел от того, кто им пользовался.

Это значило, что с расстояния примерно в тридцать шагов (*при условии, что я находился на своем привычном уровне, конечно*) меня мог увидеть любой человек, надевший чудо-прибор. И не видел никто, если я сразу уходил на нижний уровень. Даже темный маг. Даже с визуализатором последней модели. Проще говоря, на нижнем слое Тьмы я становился недосягаем для живых так же, как и они были недосягаемы для меня. Причем Тори ничего не заметил и не почувствовал, даже когда я, находясь на глубине, приблизился к метке вплотную и наступил на камень ногой.

Когда я попросил парня снять прибор и перейти на темную сторону, все оказалось ещё интереснее, потому что там прибор переставал работать точно так же, как мои линзы на нижнем уровне. А без помощи дополнительных устройств Тори видел меня на привычном для себя расстоянии, то есть, примерно за пятнадцать шагов.

Я также попросил его проанализировать ощущения в момент, когда я пересекаю границу видимого им пространства. И оказалось, что при приближении к границе Тори начинает испытывать заметно больший дискомфорт, нежели находясь во Тьме в одиночестве. Проще говоря, как только я подошел, парень принялся стремительно замерзать. И по мере того, как я подходил ближе и, соответственно, заставлял его погружаться на свой уровень, это происходило все быстрее.

Я же для себя отметил, что в момент пересечения границы, которую нам для чистоты эксперимента пришлось начертить на земле, одежда юного мага стала прямо на глазах покрываться инеем, а из его рта начали вылетать облачка пара. Когда я отошел назад, иней и пар пропали, будто на темной стороне резко повысилась температура, а Тори почувствовал себя более или менее сносно.

После этого я начал экспериментировать с линзами и настроил одну из них так, чтобы видеть мальчишку таким, каким он выглядел в реальном мире – бледненьким, но без черных вен под кожей и с горящими от любопытства глазами. Вторая линза показывала его таким, каким он был на моем уровне –

помертвевшим, осунувшимся и изрядно смахивающим на зомби. После этого я попытался медленно «всплыть» на верхние уровни, одновременно контролируя изображение на линзах, и к собственному удивлению, очень скоро нашел способ их совместить.

К тому моменту Тори снова перестал мерзнуть, из его рта больше не вылетали облачка пара, даже когда граница оказалась нарушена, а я стал видеть на темной стороне так же плохо, как и он, то есть, всего на пару десятков шагов вперед. Из чего заключил, что вертикальное перемещение во Тьме – вполне посильная для меня, хоть и небезопасная задача, которая требовала определенных навыков, хорошего чутья и соблюдения максимальной осторожности, особенно, если вокруг простирается неисследованная зона, где вполне могла затаиться нежить.

Сегодня от этой проблемы нас избавила Мелочь, которую я за полсвечи до встречи с Тори отпустил пробежаться по окрестностям. Результатом её охоты стало несколько шуршей, пара залетных крыс и один подозрительно мелкий гуль, но мне так было спокойнее. Да и мальчишку я бы не стал подставлять, заведомо зная, что с плохо развитым даром он не сможет себя защитить.

Наконец, последнее, что я проверил тем вечером, это ощущения Тори, когда он ждал меня на темной стороне, а я уходил на глубину и начинал кружить вокруг него, как акула вокруг добычи.

Видимую им границу я, правда, не рискнул преступить, считая подобный эксперимент слишком смелым. А вот по кромке все-таки прошелся. И не зря – как выяснилось, во время движения Тори действительно смог меня заметить. Краешком глаза, как мираж или едва угадываемое волнение в глубине океана в момент, когда под лодкой проплывает гигантский кит. И это означало, что менять глубину пребывания во Тьме следовало за пределами того расстояния, которое было доступно для моих коллег. Ни в коем случае не нарушать границы их восприятия. А если их нельзя было не нарушить, то заранее выбирать безопасную глубину и ориентироваться, прежде всего, на происходящие с магам внешние изменения. Вроде облачков пара или появления инея на одежде.

Разумеется, выяснять, на каком расстоянии кто из них способен ориентироваться на темной стороне, мне придется самостоятельно и исключительно опытным путем. Темные маги, конечно, не все поголовно вруны, но у каждого есть право не распространяться о своих талантах. А ещё все мы постепенно развиваемся, и тот же Тори через год может расширить границы

своего видения с пятнадцати, скажем, до тридцати шагов. Или даже больше. И это тоже следовало учитывать.

К тому моменту, как я закончил подводить итоги эксперимента, на улице стало совсем темно, а я как раз успел добраться до места встречи. Там, как и следовало ожидать, уже нетерпеливо приплясывали на месте Лиза Шарье, Йен и молчаливый Тори, рядом с которыми оживленно переговаривались оба наших следователя. А когда я подошел, откуда-то из темноты вынырнул запряженный гнедой лошадкой экипаж, и оттуда бодро выскочила Хелена Триш.

При виде полностью экипированной для работы на темной стороне магички я довольно кивнул, а вот на физиономии Йена появилось растерянное, если не сказать что ошарашенное выражение.

Да, о разговоре с Триш я ему не говорил. Однако очень скоро удивляться пришлось не только ему, потому что из того же экипажа с мрачным выражением на лице выбралась её наставница – милейшая леди Лора Хокк. И, оглядев нашу озадаченную компанию, хмуро осведомилась:

– Кто-нибудь объяснит, какого демона тут происходит?!

* * *

Объясняться, разумеется, пришлось мне, и Хокк это, само собой, не понравилось. Едва я подошел, она сдвинула брови и, кинув на напарницу сердитый взгляд, процедила:

– Тебе стоило передать полученную информацию сыскарям из ГУССа! Но ты, как я поняла, привык плевать на любые правила! И, судя по всему, к этому склонен не только ты один!

Йен, к счастью, последних её слов не расслышал, поскольку в это время стоял возле кеба и терпеливо выслушивал что-то от Триш. Лицо его при этом оставалось совершенно бесстрастным – первый шок прошел, и теперь Норриди нацепил на морду привычную маску. А свирепый взгляд, который он на мгновение бросил в мою сторону, обещал все муки ада за то, что я не предупредил его о появлении посторонних. Особенно о Триш, к визиту которой он, как и следовало догадаться, был абсолютно не готов.

Ну и ладно. Зато эти двое наконец-то пообщаются в неформальной обстановке. На мой взгляд, это стоило того, чтобы слегка отступить от плана и привлечь к нашей авантюре чуть больше людей, чем задумывалось изначально.

– Рэйш, ты вообще меня слышишь?! – прошипела Хокк,

заметив, что я отвлекся. – Ты хоть понимаешь, что будет, если выяснится, что ты нарушил инструкции, а я вместо того, чтобы отвести тебя в Управление, стою тут и теряю время?!

Я невозмутимо пожал плечами.

– Так в чем проблема? Веди. Только подумай, на каком основании ты собираешься представить меня пред очи своего шефа?

– Что значит, на каком?! Ты утаиваешь от ГУССа важную информацию!

– Какую информацию? – вежливо поинтересовался я, после чего Хокк едва не зарычала.

– О вампирах!

Я так же вежливо приподнял брови.

– М-м-м… прости, ты о чем?

– Ты что, издеваешься?! – процедила леди-маг, буравя меня злым взглядом. – Не далее как этим утром ты сообщил Хелене, что нашел в столице несколько ловчих сетей и собираешься устроить охоту на нежить!

– Ну и что?

– Ни ты, ни твой непосредственный начальник не соизволили передать эту информацию в ГУСС! Это нарушение всех существующих правил! Вот что!

– Да? – удивился я. – И кто же тебе об этом сказал?

– Триш!

– А почему тогда ни она, ни ты не передали эту важную, с твоей точки зрения информацию, в ГУСС сами?

Хокк аж поперхнулась от такого вопроса.

– Как это «почему»?!

– Вот так, – я посмотрел на неё с недоумением. – Ты утверждаешь, что ещё этим утром получила чрезвычайно важные сведения, но при этом, насколько я понимаю, до Корна они так и не дошли. Кто, по-твоему, в этом виноват?

– Не переворачивай все с ног на голову, Рэйш! – угрожающе прорычала магичка, качнувшись в мою сторону. – Это ты нарушил инструкции!

– В каком, интересно, месте? Мы с коллегами вышли, понимаешь ли, на легкую прогулку, у нас есть интересные темы для беседы, этим утром я действительно видел твою напарницу и предложил ей к нам присоединиться… но, насколько я знаю, законом это не запрещено.

– Триш говорила о вампирах в столице! – окончательно взбеленилась Хокк. – И о том, что ты надумал отыскать их логово!

– Может, я соврал, чтобы иметь повод пригласить на прогулку красивую девушку, потому что иначе она не

соглашалась?

Леди-маг уставилась на меня долгим тяжелым взором, но с моим учителем ей было не тягаться. Ни появившееся на её лице выражение, ни свирепо раздутые ноздри, ни гневный взгляд не произвели на меня ни малейшего впечатления.

– На прогулку? – тихо переспросила она, глядя на меня так, словно готовилась собственноручно придушить.

Я невозмутимо кивнул.

– Почему нет? В последние дни в Алтире стало скучновато. А что может быть увлекательнее прогулки в компании верных друзей и прекрасной леди? Или ещё лучше – погони за несуществующим монстром, на которого было бы забавно устроить шуточную облаву? Скажем, в качестве тренировки для молодых сотрудников Управления?

У Хокк вытянулось лицо.

– То есть, это игра? Ты вытащил своих сотрудников на улицу посреди ночи только для того, чтобы развлечься?!

– У нас ещё очень неопытные маги, – не моргнув глазом, подтвердил я. – И тренировка в условиях, максимально приближенных к реальным, может пойти им на пользу.

– Значит, ты просто морочил Триш голову? – ещё тише повторила Хокк, не сводя с меня глаз. – И никаких вампиров в Алтире нет?

– Ну, может, и есть. Никто ж не проверял. Но лично я ни одного вампира не видел и охоту сегодня устраивать не планировал, в чем готов поклясться на амулете правды. Если хочешь, можем прямо сейчас поехать в Управление, чтобы в этом убедиться.

– Рэйш… – гневно выдохнула Хокк.

– Так мы едем или нет? – осведомился я, сделав шаг по направлению к кебу. – Если нет, то я бы попросил тебя не портить людям развлечение. А если да, то будь готова объяснить Корну, по какой причине ты выдернула его из постели.

Хокк снова умолкла, продолжая прожигать во мне взглядом дыру и, видимо, прикидывая весомость своих подозрений. Формально придраться ей было не к чему – доказательств пребывания в Алтире вампиров у меня действительно не имелось. Да, насчет сетей я не соврал, но ни один из магов Корна не был способен их увидеть, так что на прямой вопрос, есть ли у меня улики, я мог с чистой совестью сказать «нет». А слово к делу не пришьешь. Так что реального повода будить начальство у Хокк не было. Не считать же поводом голословные утверждения, которые я в два счета мог опровергнуть, не соврав при этом ни единым словом?

– Я это припомню, Рэйш, – наконец, тихо сказала Хокк, поняв, что ничего не добьется. – Тебе эти шуточки даром не пройдут.

Я оскалился.

– Всегда знал, что женщины – мстительные создания, так что ты меня не удивила. Ну а теперь тебе, наверное, пора домой?

– Обойдешься, – огрызнулась магичка, решительно направившись к остальным. – Мы пойдем с вами и посмотрим, что за игры вы устроили. Имей в виду: если ты соврал Триш, Корн тебя завтра в порошок сотрет! А если ты соврал мне сейчас, я поутру башку тебе откручу за бессонную ночь! Понял?!

– Предпочитаю, чтобы за бессонную ночь леди меня благодарили, – пробормотал я, а затем кинул быстрый взгляд на Йена. Тот как раз закруглил разговор с Триш и, стоило нам приблизиться, изобразил нечто похожее на галантный поклон.

– Доброй ночи, мастер Хокк. Наслышан о вас от своего внештатного мага.

– Вы тоже готовы подтвердить, что сегодняшняя прогулка не имеет отношения к поиску высших тварей? – задала ему вопрос в лоб рассерженная магичка.

Норриди пожал плечами.

– Я же не дурак выгонять людей на охоту в темное время суток. А вот тренировка им не повредит. И почему бы поводом для неё не сделать поиск полумифических обитателей темной стороны?

В качестве доказательства наши следователи, которых мы по понятным причинам не посвящали в детали, синхронно зевнули. Лиз, тоже слышавшая лишь официальную версию происходящего, с предвкушением оглядела погруженную в темноту улицу. Тори неопределенно пожал плечами. После чего Триш взглянула на меня с такой обидой, что я едва сдержал смешок.

Честное слово, мне казалось, она азартная девочка и не станет делать глупостей. В лучшем случае, проявила бы любопытство, в худшем – просто не пришла. Но вот того, что Триш заявится не одна, я, если честно, не ожидал. Хотя, по большому счету, это уже не имело значения.

Глава 10

До Кривого переулка, называемого в народе Желтым из-за цвета черепицы, а из-за близости кожевенных мастерских ещё и Тухлым, мы добрались в два счета. В светлое время суток тут было довольно людно, однако сейчас жизнь в этих местах почти затихла, и лишь хлюпающая под ногами грязь напоминала, что ещё недавно её месили не только наши сапоги.

Главной же особенностью переулка являлось то, что на довольно большом протяжении идти по нему можно было только по одному. Стены домов порой смыкались настолько тесно, что для того, чтобы попасть из одного здания в другое, достаточно было просто перешагнуть через подоконник. И, насколько я понял, пока изучал этот район, соседи нередко так и делали, особенно после обильных дождей, когда подтопленная улочка превращалась в непреодолимую полосу препятствий.

– Ну что, коллеги, вот вам первое задание на сегодня, – бодро возвестил я, остановившись у входа в переулок. – Давайте представим, что прямо посреди этой улице расположена вампирская сеть, мимо которой вам необходимо пройти, не коснувшись её нитей. А чтобы усложнить вам жизнь, в качестве дополнительного задания я попрошу использовать разные пути преодоления препятствия. Повторяться нельзя ни при каких условиях, однако в фантазиях вас никто не ограничивает. Итак? Есть желающие проверить свою сноровку первыми?

Вся команда, сгрудившись вокруг нас с Йеном, недоверчиво уставилась на узкое пространство между домами.

Конечно, если повернуться боком, то в нем можно было разминуться. С трудом. Впритирочку. Но если учесть, что недавно прошел дождь, и внизу было грязи где по щиколотку, а где и по колено, да ещё и стены никто не удосужился вымыть, то задача представлялась трудновыполнимой.

«Сеть» здесь, разумеется, тоже была – Мелочь её целых полторы свечи плела из крепких веревок, которые я купил тут же, в соседней лавке, за полцены. На настоящую эта сеть, конечно, походила мало. Зато свисающие до земли веревочные концы кукла сделала максимально достоверными. И испачкала их настолько добросовестно, что лично я поостерегся бы туда соваться в чистой одежде.

При виде преграды темные маги подобрались и, как по команде, приложили к лицам визуализаторы, моментально став похожими, как близняшки. Следователи, помедлив, тоже воспользовались приборами, но довольно быстро от них

отказались – видимость что в реальном мире, что на темной стороне была в это время суток примерно одинаковой, а веревочная паутина во Тьме и вовсе выглядела едва заметной. Просто потому, что там она была призрачной.

Подмену Триш и Хокк распознали мгновенно, после чего мне досталось сразу два быстрых взгляда: один недоумевающий, а другой откровенно разочарованный. Однако вслух леди ничего не сказали и лишь отступили в сторону, когда идти первой храбро вызвалась Лиза Шарье.

– Грязью меня не напугать, – заявила она и, гордо подняв голову, устремилась на штурм веревочного препятствия. Довольно быстро до него добралась, после чего совершенно не по-дамски опустилась на четвереньки и, ловко просочившись мимо веревок, благополучно оказалась на другой стороне.

– Тори? – предложил я, обернувшись к изучающему раскинувшееся впереди грязевое море пареньку.

Мальчишка одарил меня укоризненным взором, однако спорить не стал и быстрым шагом двинулся к «паутине». Примерно на середине пути он разбежался и вместо того, чтобы испачкать коленки, просто перепрыгнул через импровизированную «сеть». При этом он плохо хорошо рассчитал свои силы и приземлился не слишком удачно, отчего одна его нога лихо проехалась по грязи, и наш доблестный маг со всего маху плюхнулся в коричневую жижу, взметнув брызги почти до небес.

Лиз, испуганно ойкнув, кинулась поднимать невезучего парня, а тем временем на штурм «паутины», не дожидаясь приказа, двинулись наши следователи. Парнями они оказались отчаянными и смекалистыми. Поэтому, подобрав с земли пару раздолбанных деревянных ящиков, соорудили импровизированную лесенку и один за другим перепрыгнули на ту сторону, умудрившись не только не пострадать, но и почти не запачкаться.

Я им даже мысленно поаплодировал, после чего принялся следить за Йеном, который с недовольным видом стронулся с места.

– За Триш ответишь, – процедил он, проходя мимо. Но я сделал вид, что не расслышал. А Норриди тем времени взял такой же хороший разбег, что и Тори, однако перепрыгнул через веревку, оттолкнувшись одной ногой от стены. Так прыжок получился гораздо выше и ровнее, поэтому приземлился Йен без потерь. И подошел к ожидающим его сотрудникам с таким видом, словно каждый день только и делал, что сигал через грязные лужи, соревнуясь с остальными за звание лучшего прыгуна.

– Теперь ваша очередь, леди, – широко улыбнулся я, приглашающим жестом указав на «паутину».

Триш при этом разобиделась окончательно, а Хокк состроила зверскую гримасу, после чего просто-напросто нырнула на темную сторону, благополучно прошла через ставшее для неё призрачным препятствие и вынырнула уже рядом с Тори, заставив того с досадой поджать губы и мысленно посетовать на собственную недогадливость.

Хелена, к моему несказанному удивлению, поступила ещё проще и, взглядом спросив разрешения у наставницы, просто встала на её след. Со стороны это выглядело так, словно девчонка занесла ногу для очередного шага, после чего растворилась в воздухе, а закончила движение уже рядом с Хокк, которая в последний момент предусмотрительно отступила в сторону, чтобы не столкнуться с ученицей.

– Ну что, Арт, остался только ты, – язвительно сообщил из-за «паутины» Йен. – Как будешь выкручиваться?

Но я только покачал головой.

– Мне перебираться на ту сторону нет необходимости.

– Это ещё почему?

– Потому что следующее испытание ожидает вас возле птичьего рынка, а добраться туда можно только с этой стороны улицы.

– Что-о?! – в голос воскликнули Лиз, Йен и оба следователя.

– Арт!

– Мастер Рэйш, вы шутите?!

– Нам что, придется возвращаться? – растерянно переспросила Триш. – И опять через грязь?!

Я сокрушенно развел руками.

– За углом тупик, так что да. Но на этот раз ограничений я ни на кого не накладываю. Жду вас за углом.

С этими словами я развернулся и спокойно двинулся в обратную сторону. А ещё через пару мгновений ошеломленного молчания мне в спину прилетел возмущенный вопль:

– Арт! Сволочь! Ты что, предупредить не мог?!

Я ухмыльнулся.

Конечно, мог. Но зачем, если мне было важно, чтобы все они вошли в переулок?

– Ну и чего ты этим добился? – сухо осведомилась Хокк, без предупреждения вынырнув с темной стороны и загородив мне дорогу. Следом за ней из Тьмы выбралась Триш и с таким же недовольным видом присоединилась к наставнице. – Зачем было устраивать эту глупую проверку?

Я обошел сердитых магичек по дуге и кинул выразительный

взгляд за их спины.

– Оно того стоило, Рэйш? – продолжала упорствовать Хокк. – Скажи!

– Ну, то, что Лиз – девочка прямолинейная и не брезгливая, мы знали и раньше, – нейтральным тоном заметил я. – У Тори, как оказалось, имеется некоторая фантазия, но хорошим охотником ему ещё только предстоит стать. О том, что Йен любит использовать чужие методы, я давно знал и ничего нового для себя не открыл. А вот вы, красавицы, сегодня доказали, что помощи от вас ждать не стоит.

– Что ты сказал?! – резко затормозила Хокк.

Я насмешливо на неё покосился.

– Я заранее предупредил, что при движении на ту сторону никаких ограничений нет, кроме того, что вам нежелательно повторяться. Не запрещены ни подсказки, ни взаимопомощь. Заметь: когда упал Тори, Лиз ему помогла. Остальным, как ни странно, помощь не потребовалась. А на обратном пути… оглянитесь и посмотрите сами.

Хокк и Триш непонимающе обернулись: в это время Брил и Торн как раз срывали «паутину» со стен, освобождая проход для остальных. Тори им активно помогал, хозяйственная Лиз старательно сматывала веревки в кольца. Йен, как и положено начальству, терпеливо ждал, когда подчиненные закончат, а заодно посматривал по сторонам через визуализатор. Тогда как обе магички, обладавшие самым высоким потенциалом, просто ушли, бросив остальных разбираться с трудностями в одиночку.

– Вот в чем ваша проблема, – спокойно пояснил я происходящее. – В бою вы рассчитываете только на себя и только друг за друга готовы держаться. Это – важное условие для работы в паре. Но в команде действуют по-другому. А вы, как оказалось, этого не умеете.

Триш после моих слов вспыхнула, Хокк непонимающе нахмурилась. А я, слегка приподняв шляпу, прошел мимо и напоследок бросил:

– Доброй ночи, леди.

* * *

Собственно, в дальнейшей прогулке по городу смысла не было, потому что я узнал все, что хотел, и не видел смысла повторяться. Но для чистоты эксперимента все же протащил компанию через две других «паутины» и лишь после этого разрешил им остановиться.

Магички покинули нас вскоре после этого, окончательно разочаровавшись в моих методах и убедившись, что ничего противозаконного мы не совершаем. Участвовать в остальных проверках они, правда, не отказались. Даже поджавшая губы Хокк не возразила, когда я отправил коллег штурмовать вонючий подвал. О том, что настоящая вампирская паутина там есть, только не на входе, как я пообещал, а на выходе, леди, разумеется, не подозревала, хотя все добросовестно проверила. Более того, и Хокк, и Триш, не по разу её зацепили, когда преодолевали оборудованные нами препятствия. Более того, ни одна не заметила ничего подозрительного и даже не поняла, что их используют. Из чего я заключил, что среднестатистический темный маг и впрямь не способен обнаружить вампира, а значит, всю работу по его поимке мне опять придется взять на себя.

Тем не менее, сказать, что эксперимент удался, я бы не рискнул – ничего из того, что я предполагал, во время прогулки не случилось. И ни одна гипотеза так и не подтвердилась, хотя я очень старался предусмотреть все возможные варианты.

Мне пришлось нелегко в процессе отслеживая ситуации сразу через две линзы и поводок. И ещё сложнее пришлось во время прыжков на темную сторону и обратно. Подгадывать время надо было очень быстро и точно, делая поправки на временные потоки на разных слоях Тьмы. Мои доспехи то промерзали насквозь, потому что я не всегда успевал нарастить достаточную толщину брони, то начинали дымиться, когда с них испарялась влага. Плюс, приходилось следить, чтобы эти манипуляции не привлекли внимания магичек.

Честное слово, за половину ночи я вымотался так, что к концу забега рубаху на мне можно было выжимать. Но, к сожалению, все усилия оказались напрасными, потому что по непонятной причине бахрома вампирских сетей не отреагировала ни на одного из сотрудников Управления. Ни на простых людей, в качестве которых я пригласил наших следователей, ни на вооруженного слабеньким амулетом Йена, ни на светлого мага, ни на темных. И даже на Триш, которая не так давно пережила тяжелую душевную травму и на которую я, если честно, возлагал особые надежды.

Похоже, Хелена успела полностью оправиться от горя, или же вампиры поосторожничали, узрев её ауру. А я в итоге остался ни с чем и по сути вернулся к исходной точке, за исключением того, что других идей у меня больше не было.

– Ну что? – улучив момент, тихо спросил Йен, когда мы свернули на одну из городских площадей и присели отдохнуть на скамейку возле городского фонтана.

– Ничего, – так же тихо ответил я. – Ты не поверишь, но я не нашел абсолютно ничего, что могло бы привлечь внимание вампира.

– Это что же, нам придется выставить по наблюдательному пункту, чтобы отследить, кто станет следующей его жертвой?

– У тебя нет такого количества специалистов. А возле одной сети можно сидеть месяцами, так и не дождавшись результата.

– Тогда что будем делать? – прикусил губу Норриди, краем глаза следя за тем, как Лиз умывается водой из фонтана, Брил и Торн брызгаются в нем как маленькие, а Тори потерянно бродит возле дальних домов.

Я поморщился.

– Не знаю, Йен. У меня больше нет путных мыслей, как выманить вампира из логова, при этом его не спугнув, а привлекать мирное население ты категорически отказываешься.

– Если пострадает кто-то из местных жителей, Корн меня колесует, – мрачно предрек Норриди. – А тебя отдаст в Орден. На опыты. Или в виде чучела поставит у себя в кабинете, дабы остальные запомнили, что закон нарушать нельзя.

– Да брось, Йен. Что мы, в первый раз, что ли?

– Не ты ли мне говорил, что в Алтире к этому относятся гораздо строже? – фыркнул Норриди. – Если во время поимки вампира помрешь ты, мне придется заполнять всего две бумажки – рапорт о твоей смерти и ходатайство на прекращение выплаты заработной платы. А если убьет кого-то из мирного населения, таких бумажек будет сотня. По одной на каждую инстанцию, которая надумает меня проверить. Не говоря уж о том, что должность я после этого наверняка потеряю. Вот и думай, что лучше.

– Похоже, придется привлекать сыскарей из ГУССа, – признал я после недолгого молчания. – Мне этого очень бы не хотелось, но другого выхода пока не вижу. Как думаешь, у Корна есть нужное оборудование?

– Имеешь в виду, если ли у них приборы, позволяющие засечь вампира или бахрому его ловчих сетей? Сомневаюсь, иначе нас бы тут не было. Но вот о том, почему ТЫ способен их видеть, наверняка кто-нибудь спросит.

– Они и так спросят, – проворчал я, поправляя съехавшую набок шляпу. – Но после моргула вряд ли сильно удивятся.

– Это что-то запрещенное? – вяло поинтересовался Йен. – Мне стоит об этом знать?

– Не думаю.

– Ну и пес с тобой, – зевнул Норриди, аристократично прикрыв рот ладонью. – Если тебя поймают на горячем, я все

равно успею тебя уволить. Может быть, даже задним числом… Кстати, время уже за полночь перевалило. Не пора ли отпустить всех по домам?

Я отмахнулся.

– Ты начальник, тебе и решать.

– Тогда всем спать, – тряхнул шевелюрой Йен, после чего поднялся со скамьи, где мы сидели вдвоем, и направился к фонтану – распускать свое перепачканное, но довольное приключениями воинство. – Так, народ! Слушай мою команду…

Я проследил за тем, как он отдает короткие распоряжения, а уставшие сотрудники постепенно расходятся по домам. Первыми умчались следователи – у них, оказывается, родственники жили неподалеку. Затем ушел Йен, взяв на себя обязанность вызвать кеб для смущенной такой заботой Лизы. Когда она благополучно укатила, шеф, отчаянно зевая, поплелся искать второй экипаж, потому что служебное жилье располагалось не в той стороне, где проживала наша магичка. И в конце концов на площади остались только я и Тори, который отчего-то не спешил никуда уходить.

– О чем-то хочешь спросить? – поинтересовался я, когда пацан все-таки подошел и с неловким видом остановился у «моей» скамейки.

Тори быстро оглянулся, но площадь была пуста.

– Да, мастер Рэйш… то есть, не совсем. Я понимаю, вы преследовали сегодня какие-то свои цели, о которых не хотите никому говорить. Господин Норриди вас поддерживает и, полагаю, это действительно важно. Возможно, даже секретно. Поэтому я не буду сейчас задавать вопросов про вампиров, но хочу кое-что предложить.

Я заинтересованно сдвинул шляпу на затылок.

– Тебе не спится? Я вас мало сегодня погонял? Или ты нашел что-то достойное внимание, пока мы с твоим шефом совещались?

– Нашел, хотя вряд ли это связано с тем, о чем вы говорили, – тихо признался юный маг и снова тревожно огляделся. – Не знаю… может, я и не прав, но мне кажется, я наткнулся на след убийцы. И был бы очень благодарен, если бы вы на него взглянули.

Я удивился, но без колебаний поднялся с нагретого сидения.

– Ты прав, это действительно интересно. Особенно потому, что обнаружить такой след на площади, где не так давно толклась целая куча народу, задача не из легких.

– А он на самом краю мне попался, – шмыгнул носом Тори. – Я случайно его увидел и почти сразу потерял. Поэтому хотел, чтобы взглянули вы. Вдруг я просто перепутал?

– А вдруг нет? – усмехнулся я и следом за парнем направился

к противоположному концу площади, где совсем недавно юный маг так долго и с таким фанатичным упорством что-то рассматривал.

Площадь по размеру была невелика, поэтому до нужного места мы добрались быстро. А вот потом Тори ещё долго топтался возле домов в попытке отыскать нужный след.

Я его не торопил. Быть может, парень в первый раз делает такое серьезное открытие, а в нашей профессии личный опыт порой ценнее любых наставлений. Поэтому я терпеливо дождался, пока юный маг укажет на нужный след, и только тогда перешел на темную сторону.

Мальчишка оказался прав – прямо под окном жилого дома на снегу отпечатался четкий след грубого мужского ботинка. Причем не простой, а выглядящий так, словно мужик случайно наступил в лужу крови и теперь оставлял за собой провокационные отпечатки.

Как и говорил Тори, след на земле был всего один. От правого, насколько я мог понять, ботинка. И кроме как под той стеной, других следов поблизости не имелось. Причем даже в снегу и даже на темной стороне.

Это означало, что мужик, скорее всего, взял грех на душу давно или же был не исполнителем, а лишь соучастником убийства. Причем с высокой степенью вероятности можно было предположить, что решающий удар наносил тоже не он, иначе мы бы отследили его до самого дома. В смысле, я бы точно отследил, даже если после смерти жертвы прошло несколько месяцев.

Знаком велев пареньку не снимать визуализатор, я обошел всю площадь в попытке понять, куда подевался наш недоубийца. И после долгих блужданий все-таки нашел ещё один след – совсем бледный и ведущий прочь от площади. После этого он обрывался уже окончательно, и даже мне не удалось понять, к какому дому или в какую сторону он в действительности вел.

Поскольку район был не наш, то формально я мог развернуться и спокойно уйти, предварительно засняв отпечаток на один из кристаллов, которые наши маги всюду таскали с собой. Затем передать его коллегам из восточного участка и навсегда забыть о неприятном инциденте.

Был бы я один, то, скорее всего, так бы и сделал. Но когда я выбрался с темной стороны и наткнулся на горящий азартом взгляд Тори, то заколебался. А потом заметил, что парня буквально потряхивает от возбуждения, и спросил:

– Что? Хочешь попробовать выследить?

– Если вы не против, – кивнул раскрасневшийся от волнения коллега.

Я прищурился.

– А ты на след-то когда-нибудь вставал?

– Да, но не слишком удачно, – признался он. – Я не смог пройти по тому следу, который мне дал учитель. Ни разу.

– И теперь хочешь реабилитироваться… или же доподлинно выяснить, что к работе ищейки не пригоден?

Тори упрямо набычился.

– Я хочу понять, на что способен. И будет лучше, если я заранее выясню, за какие дела мне браться не следует, ведь в противном случае я могу подвести тех, кто рискнет на меня положиться.

– Хорошо, – согласился я. – Давай поохотимся. Ты встаешь на след – я слежу, чтобы ты не убился. Идет?

Тори с облегчением кивнул.

– Спасибо, мастер Рэйш. Один я бы не рискнул.

– Тогда вперед, – хмыкнул я и, хлопнув его по плечу, отступил в сторону. – Но имей в виду – если тебя унесет незнамо куда, на поиски мне понадобится время. И, скорее всего, придется тоже встать на след. Только уже на твой, и это может быть неприятно.

– Ничего, переживу, – улыбнулся парнишка, присматриваясь к отпечатку, к которому я его привел. – Учитель меня к этому готовил, так что я представляю, что меня ждет. Жаль, конечно, что я не взял переговорник или хотя бы «следилку», но кто же знал, что они понадобятся?

– На темной стороне носить артефакты небезопасно.

– Я потому и не взял. Вы сказали, что мы идем охотиться на нежить, вот и… я все правильно делаю, мастер Рэйш? – неожиданно забеспокоился юный маг, подняв голову и вопросительно на меня посмотрев.

Я оценил, как он стоит, и покачал головой.

– На след лучше вставать одной ногой. Вторая тебе понадобится на случай, если на том конце придется отпрыгнуть. Объект может стоять у стены, и тогда ты в неё врежешься. Он может оказаться на краю обрыва, и это значит, что ты туда упадешь. Поэтому к следу прикасайся осторожно, краешком. Тьма сама приведет тебя куда надо. Твоя задача при этом – не упасть.

– Учитель говорил, что тропа ищейки похожа на обычную лесную дорожку, – непонимающе нахмурился паренек, послушно занеся правую ногу над следом. – Идешь по ней и идешь… пока она не закончится.

Я поморщился.

– Так написано в книжках. На самом деле след, в который ты планируешь вляпаться – это как конец туго сжатой пружины. Как

только ты его коснешься, Тьма тут же спустит крючок, и тебя вышвырнет к объекту преследования. Время, которое ты при этом проведешь на тропе, строго индивидуально. Но для объекта охоты это всегда мгновение. Не больше.

– Это значит, ищейка живет на тропе в своем собственном временном потоке?

– Не в своем, – усмехнулся я. – А в том, что подарит ему Тьма. Если гость придется ей по вкусу, его пропустят быстро и без проблем. Если он окажется грубияном, то задержится на тропе на столько, на сколько пожелает Тьма. Так что будь вежлив с ней, Тори. И помни – лучше быть безумным, чем мертвым. И лучше выйти с тропы седым, чем не выйти с неё совсем.

Мальчишка с серьезным видом кивнул.

– Я запомню, мастер Рэйш. Спасибо.

И лишь тогда наступил наконец на след. После чего его мгновенно окутала Тьма, на меня подуло знакомым холодком. А ещё через миг Тори исчез, отправившись на свою первую в жизни охоту.

Глава 11

Разумеется, я не сошел с ума, чтобы просто так, без присмотра, отпустить неопытного юнца в неизвестность. На той стороне его мог ждать готовый к атаке убийца, свора бродячих псов, стая нежити и демон знает что ещё, при встрече с чем юный маг мог растеряться и по глупости своей отправиться в гости к Фолу. А я этим вечером дал Йену клятвенное обещание, что по моей вине никто из его людей сегодня не умрет. Поэтому, как только пацан исчез, у меня в руке активизировался магический поводок, который я успел прицепить к воротнику его куртки. А когда с нижнего уровня вынырнула Мелочь, я отдал поводок ей и коротко бросил:

– Присмотри.

Кукла, понятливо щелкнув, исчезла. А я принялся с интересом гадать, отсчитывая про себя время, в течение которого молодой маг вляпается в неприятности. И не особенно удивился, когда уже на двадцатом счету поводок куклы беспокойно дернулся.

Что ж, для первого раза неплохо. По крайней мере, тропой Тори пройти сумел, наверняка отыскал того, кого нужно. Успел даже рот открыть, объясняя убийце, зачем пришел, и… теперь осталось сделать так, чтобы тот мужик не взял на душу ещё один грех.

Естественно, на след юного мага я вставать не стал: чем сильнее маг, тем тяжелее объект охоты переносит его присутствие. А остановка сердца у двадцатилетнего парня наверняка вызвала бы много вопросов. Поэтому я просто перешел на темную сторону, подтянул поводок Мелочи и создал прямую тропу, совершенно точно зная, что уж мимо куклы точно не промахнусь.

Тропа привела меня в какой-то замызганный кабак, находящийся между Цветочной и Серебряной улицами с поправкой на плюс-минус пару сотен шагов. Я здесь раньше не бывал, однако неподалеку находились сразу две моих метки, благодаря чему даже на темной стороне можно было сориентироваться. Ну а в том, что передо мной именно кабак, я понял по наличию огромного, до отказа забитого «призраками» зала, валяющимся тут и там полуразвалившимся обеденным столам и лавкам, наличию роскошной для такого места барной стойки и полупрозрачному пузатому мужику, который беззвучно орал на стопившихся вокруг мужиков, которые ему чем-то не угодили.

Тори я увидел тут же. На полу, прямо посреди зала. Парень лежал лицом вниз, и вокруг его головы уже расплывалась кровавая лужа. Рядом лежали осколки глиняной кружки, которой, судя по всему, ему зарядили по затылку. А над его неподвижным телом как раз склонилось двое верзил.

Мелочь сидела неподалеку – затаилась на потолочной балке и даже невидимость снимать не стала, хотя магов в кабаке не было. Но над тем, почему она не вмешалась, когда Тори оглушили, я задуматься не успел – один из верзил занес над горлом паренька нож, поэтому пришлось срочно вмешаться. Проще говоря, вынырнуть из Тьмы перед носом у отшатнувшегося мужика и, пнув его по лицу, ровным голосом сообщить:

– Столичное Управление сыска. Всем оставаться на местах.

В кабаке на мгновение повисла безрадостная тишина, в которой было слышно только, как из разбитого носа на пол капают тяжелые алые капли. Мужики, по-моему, даже дышать перестали, вылупившись на меня во все глаза. Пузан за стойкой подавился. Верзила, которому я разбил лицо, сдавленно захрипел, зажав двумя руками свою несчастную носопырку. Но потом медленно поднялся с колен, посмотрел на меня налитыми кровью глазами. После чего промычал что-то нечленораздельное, махнул своим и… вся толпа вдруг в едином порыве ринулась в мою сторону.

Надо сказать, для бандитов это было нетипичное поведение: за нападение на сотрудника УГС им грозила тюрьма, а за убийство – смертная казнь. И они об этом прекрасно знали. Но, видимо, и без того достаточно нагрешили по жизни, если без раздумий схватились за ножи.

Некоторое время после этого мне было не до рассуждений – когда на тебя бросается толпа аж из двадцати шести рыл, становится как-то не до жиру. Если бы я был светлым, меня бы там и похоронили, не позволив сотворить ни одного заклинания. Но Тьма дарила своим избранникам немало преимуществ, поэтому, когда на меня с ревом полетела вооруженная толпа, я просто ушел обратно на темную сторону. Через мгновение вынырнул совсем в другом месте, с чувством приложив по темечку удачно подвернувшего громилу. Не дожидаясь, когда он упадет, а его соседи повернутся, снова ушел во Тьму. Через мгновение опять вернулся, по пути сломав кому-то челюсть и заодно сразу обе руки. И так ещё двадцать четыре раза, пока наконец на полу не оказались все без исключения посетители, кроме трясущегося за стойкой хозяина, у которого единственного хватило ума не наставлять на меня нож.

Нет, я бы мог, конечно, быть вежливым и пырнуть их по-

благородному шпагой. Но во-первых, вежливым я был далеко не со всеми, а шпагу уже лет десять как в руках не держал. Во-вторых, за убийство местных жителей, да ещё и на чужой территории, ГУСС меня достал бы потом с объяснительными. Наконец, в-третьих, передо мной находились не просто соучастники, но и свидетели. А бездумно расходовать столь ценный материал я посчитал нерациональным.

Разбив об столешницу последнюю башку и сломав для верности чудаку ещё и ногу, я придирчиво оглядел поле боя и удовлетворенно кивнул.

Ни одного убитого. Ни одного дееспособного. Отлично.

– Н-не трогайте меня, г-господин маг, – проблеял толстяк и трагично заломил руки, когда я повернулся к стойке. – Я н-не виноват… меня з-заставили… жену и д-деток убить и расчленить угрожали!

Да? А не слишком ли ты хорошо одет для простого подметалы? А ещё у тебя на пальце есть перстенек с секретом. Не знаю, правда, что там за магия, но скоро выясню. Только сперва разберусь с более важными делами.

– Г-господин маг… – снова затрясся толстяк, когда я шагнул в его сторону. – Не убивайте меня! П-пожалуйста! У меня же жена! И д-детки. Малые!

Где-то это я уже слышал…

– Заткнись и сиди тихо, – велел я трясущемуся как в лихорадке жирдяю, после чего склонился над Тори, по достоинству оценил рваную рану на его затылке, после чего перевернул парня на спину и бесцеремонно похлопал по щекам. – Ну-ка, просыпайся, герой. Тори-и… давай, открывай глаза. Я же вижу, что ты живой.

Мальчишка со стоном приоткрыл одно веко.

– Мастер Рэйш?

– Вставай, – повторил я, помогая парню подняться. А когда усадил его на чудом уцелевший стул, бросил кабатчику: – Неси лед. И тряпки. Надо перевязать.

Толстяк мгновенно засуетился. Сперва убежал в подсобку за льдом, затем самолично завернул его в чистую тряпицу. Даже попытался приложить к разбитой голове пацана, но я рыкнул, и он, тряся толстыми брылями, убрался обратно за стойку. Где трусливо затих и даже дышать опасался, пока я осматривал рану, останавливал кровь и занимался всем тем, чем обычно в таких случаях занимаются целители.

– Спасибо, мастер Рэйш, – поморщился Тори, когда я закончил перевязку и приложил к его многострадальному затылку мешочек со льдом. – Я даже не понял, кто это меня так.

Только вошел, только представился как положено… и сразу темнота. А потом уже вы рядом стоите и смотрите на меня, как на дурака.

– Ты не дурак, – хмыкнул я, убедившись, что парень в порядке. – Просто поторопился. И зря один сюда сунулся. Надо было меня сначала позвать. Или хотя бы патруля дождаться.

– Да какой в этом районе патруль? – вздохнул юный маг, придерживая рукой холодный мешочек. – Это ж окраина. Тут днем с огнем никого из участка не сыскать. Я вот тоже постоял, подождал, никого на улице не увидел… и решил, что возвращаться за вами долго.

– Зато разумно.

– Ваша правда, – с ещё одним вздохом согласился Тори. А потом наконец заметил тихонько стоящего в углу кабатчика и скривился. – Это ты, паскуда, меня по башке огрел?!

Под моим взглядом толстяк едва не поседел.

– К-как можно, господин маг?! Я ж предупредить хотел… я ж чуть богу душу не отдал, когда вас увидел… думал, вот оно, избавление моё пришло. А Громых как размахнется, да как вдарит вам промеж ушей! А лапища у него знаете какая тяжелая?! В один удар стол на две половинки ребром ладони разрубает. Чудо, что вас на месте не убило. Не иначе сам Род за вами приглядывает!

– Ты ври да не завирайся, – хмуро сказал я, когда мужик угодливо заулыбался и принялся быстро-быстро кланяться. – Что у тебя тут за шваль образовалась? Чем занимались? Как промышляли?

Кабатчик горестно всплеснул руками.

– Да всем, господин маг. Убийствами, грабежами, похищениями…

– Какими похищениями? – одновременно встрепенулись мы с Тори.

– Да вон, сами посмотрите. В подвале они! Родом клянусь, что ещё живые!

Мы с парнем переглянулись, но он был явно не в состоянии исследовать чужие подвалы. Так что я оставил его караулить жирную гниду и велел Мелочи проследить за обоими. А сам кинул на валяющихся на полу красавцев парализующее заклинание и, успокоившись на их насчет, толкнул неприметную дверцу, на которую трясущимся пальцем указал кабатчик.

За ней оказалась старая, но недавно подлатанная и почти не скрипучая лестница. Ещё дальше – узкий коридор и вторая дверца, скрытая от посторонних глаз простенькой, но эффективной иллюзией. Если бы не линза, даже я мог бы её

пропустить. Ну а случайно забредшему посетителю и вовсе показалось бы, что стена перед ним цельная.

За дверью я нашел ещё одну, только на этот раз не деревянную, а каменную лестницу, которая уводила в глубокий подпол. Причем глубокий настолько, что на стенах тут и там стали появляться островки колючего, абсолютно неестественного для разгара весны инея.

Оказавшись перед третьей по счету, на этот раз – железной дверью, которая была покрытой инеем практически целиком, я почувствовал себя неуютно. Это было неправильно. Ненормально, и я не о глубине подвала говорю. Нет, под столицей наверняка нарыто немало катакомб, в которых нечистые на руку дельцы хранили ворованное добро. Здесь царил совсем другой холод. И у меня аж под ложечкой засосало при мысли, что ГУСС умудрилось это пропустить.

Дверь открылась от толчка довольно легко, но с ужасающим скрипом. Внутри было ещё холоднее, чем в коридоре. Небольшое, вырытое прямо в земле и облицованное камнем помещение было похоже на тюремный каземат, в котором доживали свои дни смертники. На полу я заметил несколько круглых, примерно с мой кулак в диаметре, отверстий. Такие же дыры виднелись и в стенах, и даже на потолке, однако на вентиляцию совсем не походили. А посреди помещения стояло три каменных гроба, накрытых тяжелыми крышками, в которых кто-то заботливо высверлил многочисленные отверстия.

Невольно вспомнив про баржу, я машинально поискал наверху светляков, но ничьи души не висели здесь под потолком. Только магические руны пылали на выбитых прямо в камне знаках. Защитные руны. Гасящие магию. И делающие этот каменный мешок абсолютно недосягаемым для магического взора.

Сцепив зубы, я подошел к первому гробу и, с усилием толкнув крышку, с грохотом скинул её на пол.

Гроб оказался пустым, однако, судя по опаленным стенкам и слежавшемуся на дне пеплу, им не раз пользовались. А если жертва проявляла упрямство или же похитители не получали выкупа, от неугодного пленника избавлялись просто и незатейливо – просто кидали внутрь пару магических огоньков и закрывали крышку, ожидая, пока от человека останется лишь кучка праха.

Очень удобно, не так ли?

Чувствуя, как в душе поднимается злость, я открыл второй гроб и, обнаружив там такую же картину, искренне засомневался, что мои свидетели доживут до приезда сыскарей из ГУССа.

Честное слово, я бы удавил их собственными руками и считал бы, что поступил правильно, несмотря на мнение идиотов из Королевского суда.

Третий гроб так просто вскрыть не удалось: снаружи крышку удерживали цепи, которые даже мне не удалось сорвать с нахрапа, а также целая сеть охранных заклинаний, словно внутри не людей удерживали, а каких-нибудь демонов.

Впрочем, для демона эта защита была слишком слаба. Да и не нуждались твари в вентиляционных отверстиях. Но я был слишком раздражен, чтобы всерьез об этом задуматься, поэтому, недолго думая, перешел на темную сторону и, обнаружив, что на проржавевших цепях висят ещё и замки, попросту спалил их, призвав темный огонь.

Сдвинуть после этого крышку оказалось совсем несложно, потому что вместе с цепями я уничтожил и охранную сеть. Кто её создал, мне было без разницы, но, судя по некоторым элементам, плетение было достаточно старым. Хотя и периодически обновлялось. Скорее всего, с помощью обычного артефакта-накопителя.

Но что самое отвратительное, оказалось, что третий гроб не пустовал – внутри я нашел сразу два высушенных от времени тела, обнявшихся, словно возлюбленные. Одно из них, судя по длине волос, когда-то принадлежало женщине. А вот второе явно было детским. Навскидку, это был подросток лет семи или восьми. А если точнее, мальчишка, при виде которого у меня в груди шелохнулось страшное подозрение.

Когда прямо у меня на глазах от тела женщины отделился и с тихим хлопком испарился крохотный огонек, похожий на расправившуюся крылья маленькую птицу, эти подозрения окрепли. И окончательно превратились в уверенность, едва я отвел в сторону закоченевшую, чудовищно худую руку девушки и увидел такое же изможденное, серое, помертвевшее мальчишечье лицо, обрамленное белокурыми волосами.

Это был не кто иной как Роберт Лернан Искадо – младший племянник герцога Искадо и доверенного лица его величества Ринорка Шестого Справедливого. Тот самый пропавший мальчик-маг, на которого я смотрел со все возрастающим недоверием.

Фол меня забери… что должно было произойти, чтобы всего за несколько дней цветущий пацан превратился в эту ссохшуюся и резко постаревшую мумию?! Он исчез на прошлой неделе! Даже если все это время его не кормили, он все равно не должен был измениться так страшно!

А леди Мелани Крит?! Полагаю, это её вестника я только что видел. И это значит, что девчонка, которая выглядит сейчас как

столетняя старушка, действительно умерла, а в Ордене всего через пару мгновений поднимется тихая паника.

Поняв, что вестника я увидел лишь одного, а не двух, я спохватился и торопливо склонился над мальчишкой. С трудом, но все же услышал слетевший с его губ невесомый вздох, после чего глухо выругался, схватил на руки умирающего пацана и… неожиданно не смог вытащить его из гроба.

Как оказалось, перед смертью леди Крит так крепко обняла юного герцога и так тесно к нему прижалась, что не было никакой возможности оторвать её от мальчика, не переломав хрупкие, высохшие до состояния яичной скорлупы кости. Пришлось, матерясь как сапожник, вытаскивать из гроба обоих и, держа на руках, словно фарфоровых кукол, опрометью нестись наверх. К теплу. К свету. Туда, куда скоро по тревоге должны были прибыть маги из ГУССа, потому что защиту с мальчишки я только что снял, и его метка должна была растревожить все поисковые заклинания в столице.

Проблема заключалась в том, что юный герцог находился на той стадии истощения, когда от смерти его отделяла лишь пара мгновений. А я не был ни светлым, ни даже целителем. И, пока бежал наверх, едва не свихнулся, пытаясь придумать, как сохранить высокородному мальчишке жизнь.

– Мастер Рэйш! – ахнул Тори, когда я выскочил из подсобки и со всей аккуратностью, на которую был способен, уложил на стойку два тела. – Что это?!

– Помоги, – отрывисто бросил я, сбрасывая с себя плащ и накрывая им обоих. – Девушка мертва. Я видел вестник. Но мелкого ещё можно вытащить. Подержи – ему нужно тепло. А я сейчас вернусь.

– Хорошо, сделаю, – севшим голосом отозвался Тори. А я одним прыжком ушел на темную сторону и, углядев в её вечном сумраке первый цветной огонек, со всей доступной скоростью бросился туда.

Я знаю, взлом чужого жилища – это серьезное правонарушение, особенно если оно сочетается с кражей ценного имущества. Но ничем иным помочь юному герцогу я был не в состоянии. Только собрать для него как можно больше богатых магией побрякушек, а затем перекачать из них энергию в надежде, что хотя бы на ней он продержится до приезда грамотного целителя.

Сорвав сразу три подходящих огонька, я вернулся к Тори и одобрительно кивнул, обнаружив, что за время моего отсутствия парень сумел выпутать мальчишку из объятий леди Мелани Крит, укутал его в плащ и прижал к собственной груди, одновременно с

этим схватив мальца за исхудавшую руку.

Когда я бросил приложил к груди пацана связку украденных артефактов, веки герцога слабо дрогнули, а с обветренных губ слетел слабый стон. В сознании или нет, но умирать маленький маг отчаянно не хотел, поэтому даже без посторонней помощи сделал то, на что я надеялся – одним махом вытянул из амулетов энергию и снова подозрительно затих.

Когда это случилось, Тори вскинул на меня испуганный взгляд, но я лишь качнул головой и снова ушел на темную сторону.

Нет, пацан ещё жив. И он будет жить, пока я смогу обеспечивать его достаточно сильными источниками. Как это скажется на его здоровье в дальнейшем, я, конечно, сказать не возьмусь. Но моя задача – не думать о будущем, а удержать мальчика в этом мире до приезда людей Корна. А они, как я надеялся, уже на всех парах мчались в этот гнилой кабак, чтобы выяснить, наконец, что здесь происходит.

– Толстяк сбежал! – крикнул Тори, когда я во второй раз появился в обеденном зале и бросил на стойку ещё одну связку артефактов. – Мастер Рэйш! Он удрал, и я не смог его остановить!

Лежащий на его руках мальчик освобождённо вздохнул, артефакты один за другим принялись стремительно гаснуть, и у меня на душе немного полегчало. Но тут я заметил, что кабатчик и впрямь улепетывает во все лопатки, и далеко не сразу сообразил, что я вижу его только левым глазом. Через линзу. При этом вокруг жирной гниды разливается ядовитое желтое свечение, которое слишком уж явственно слепит мои глаза.

– Фолова бездна! – пораженно воскликнул Тори, поднеся к глазам визуализатор. – Он уходит по темной стороне. Простой человек! Мастер Рэйш, как это возможно?!

Я сцедил сквозь зубы ещё одно проклятие. После чего рывком ушел во Тьму и, дернув поводок притаившейся рядом куклы, скупо бросил:

– Задержи.

О том, что с использованием магии и резким повышением магического фона я должен был перебудить всю окрестную нежить, я, естественно, знал. Как и о том, что в каморке дежурного мага восточного участка сейчас во все колокола звонит тревожная сирена. Впопыхах я оборвал в домах все защитные нити, грубо потревожил охранные заклинания, оставил после себя массу следов. Конечно, это упростит процесс поиска коллегам из городского сыска. С другой – здорово усложнит работу мне, потому что прыткого толстяка следовало найти во чтобы то ни стало. И желательно до того, как его сожрет нежить

или им заинтересуются люди из ГУССа.

Кинув быстрый взгляд на порозовевшие щеки юного герцога, я подсчитал, насколько хватит добытых мной амулетов. После чего выскочил на улицу и, убедившись, что Тори меня не видит, одним громадным прыжком переместился в точку, где находилась умчавшаяся в погоню Мелочь.

На удивление, толстяк проявил недюжинную прыть и за это время успел добежать аж до соседней улицы, остановившись только на перекрестке, где скалилось моё маленькое чудовище. На безымянном пальце правой руки кабатчика по-прежнему сияло и переливалось слепяще яркое кольцо. При этом его хозяин выглядел более чем пристойно для человека, случайно оказавшегося на темной стороне. Только потел слишком сильно. И мелкими шажками пятился прочь, не сводя глаз с угрожающе щелкающей куклы.

– Далеко собрался? – вкрадчиво поинтересовался я, ещё одним прыжком оказавшись за спиной у этого борова.

Толстяк аж икнул от неожиданности. А затем медленно-медленно обернулся и при виде моей лучезарной улыбки внезапно обмяк. При этом, что странно, ни инея, ни трупных пятен на его лощеной морде не виднелось. И вообще, он выглядел редкостным живчиком для существа, которому жить осталось меньше десятой части мерной свечи.

– Г-господин маг… – пролепетал кабатчик, грузно оседая в снег. – Я н-не виноват…

Я вздернул его за шкирку и поставил на разъезжающиеся ноги.

– Откуда у тебя это?! – рыкнул, дернув его за оплывший палец. Но перстень снять так и не сумел – стоило мне его коснуться, как толстяк в голос взвыл, весь побледнел-посинел-позеленел. После чего клещами вцепился в мою руку, а когда я приставил к его горлу лезвие секиры, ещё и обмочился. – Говори, тварь. Живо, не то обрежу к демонам собачьим!

– Не надо, господин маг! Не снимайте! Умоляю! Я все расскажу!

– Говори, – процедил я, демонстративно качнув в ладони секиру. Лицо кабатчика после этого исказилось до неузнаваемости, а потом он обвис на моей руке как тряпка, вскинул покрытое потом лицо и быстро-быстро залепетал:

– Он мне в наследство достался… от бати… говорят, если его надеть, никакая нежить тебя не тронет! Не знаю, почему… не спрашивал никогда… но батя зря на скажет. Он на этом такие деньжищи сколотил… знаете, сколько во Тьме барахлишка магического припрятано?! А сколько можно взять из домов, пока

хозяева спят?! Следов ведь после нас не остается: как пришел, так и ушел – никто не увидел. Потом что взял – продашь, денюжку в копилку положишь. Затем снова продашь и глядишь – приданое дочерям уже наполовину собрал…

– Откуда перстень взялся у твоего отца?!

– Не знаю, господин маг! – истово прошептал мужик. – Всеми светлыми богами поклянусь, он не говорил! Слышал только, что от деда получил. А тот ещё от кого-то… но подробностей мне не сообщали. Только про плату сказали: кому и сколько я должен буду за него заплатить!

Я чуть не сплюнул в снег.

– Что тебе, денег было мало? Барыжил недостаточно рьяно?

– Да кто ж меня спрашивал-то? – испуганно пробормотал толстяк. – Если бы я отказался, меня бы сразу и похоронили. В гробу. Как остальных. А я что, не человек, что ли? Может, я и торговал краденым… может, у меня в трактире и столовались все окрестные бандиты… но я ведь тоже жить хочу, господин маг. А чтобы жить, приходится выбирать: или ты, или тебя!

– И чем же ты расплачивался за свободный проход на темную сторону? – процедил я.

– Д-душами, – сглотнул толстяк, а у меня потемнело лицо. – По двое в месяц, не меньше. Раз в год хотя бы одного мага, но обязательно надо было добыть. И всех в клетку… под замок. И ни в коем случае не заходить туда до следующей партии. Когда от старых ничего не оставалось, тела я сжигал, а потом закладывал новые…

Фол! Двое за месяц! Как минимум раз в год маг! Это сколько же народу в том подвале перемерло?!

– Как ты узнавал, что в клетку можно войти?

– На стенах иней пропадал, господин маг. И в коридоре становилось не так холодно.

– Отец твой тоже расплачивался за привилегии оставаться живым на темной стороне?! – рыкнул я, едва сдерживаясь, чтобы не удавить этого хряка.

– Да, – всхлипнул кабатчик. – И не только он.

– Что значит, не только?!

– То и значит, г-господин маг. В каждом, почитай, районе у меня собрат по несчастью есть. У каждого такой же перстень – издалека узнать можно. Кому жребий выпадет, тот в ближайшие годы и платит за всех дань. Остальные в это время отдыхают, делают свои обычные дела, заодно присматривают на всякий случай, кого можно без лишнего шума принести в жертву. Потом меняемся. Зато у нас, почитай, вся местная братва собирается. Наводки спрашивают, процент регулярно отстегивают… и я давал

что просили. Да, давал! – снова всхлипнул толстяк, когда я ухватил его за глотку и чуток придушил. – А как не дашь – жить-то надо?! Кто отказывался тянуть жребий, первым в гроб попадал! А у меня семья! Дети малые…

– Заткнись, – выдохнул я, шалея от того, что узнал. – Заткнись и не смей мне говорить про семью! Кому ты продавал души, сука?! Кто платил тебе за чужие души?!

– Н-не знаю! – пискнул кабатчик, когда мои пальцы сжались вокруг его горла сильнее. – Не видел их никогда! Только трупы потом сжигал!

– И на их место живых подкладывал?! – скрипнул зубами я. – Девчонку из «Щипаного гуся» твои люди похитили?!

– Да, – плаксиво сознался кабатчик. – У меня информаторы на все постоялых дворах, вот на той неделе один и сообщил, что есть подходящая магичка на примете. Мол, приезжая, молодая, города совсем не знает… я к ней человечка-то подослал. Он амулет ей в карман подбросил. Ну, она следующей ночью сама ко мне и пришла.

– Что за амулет?!

– Под стойкой у меня лежит, – съежился жирдяй. – Маленький такой, на монетку похож. У кого в кармане хотя бы день пролежит, тот к ночи разум потеряет. Себя забудет, на темную сторону уйдет… сам. Как крыса – на зов волшебной дудочки. Где ту монетку для него заговорят, туда и придет. Жаль только, монетка лишь один раз срабатывает. Потом приходится новую доставать.

Я недобро прищурился.

– И много у тебя таких монеток?

– С каждого трупа сыплются, – шепотом сознался толстяк. – Иногда по две бывает, и тогда я в следующий раз двоих стараюсь в один гроб подложить. Если монетка медная, значитца, можно обычную жертву принести. Если серебряная, то надо всенепременно мага искать.

– С юным герцогом Искадо ты поэтому связался? Тебе две серебряных в последний раз выпало?

– Д-да, господин маг, – истово закивал он. – Первый раз за тридцать два года. Только-только жребий вытянул и сразу на тебе подлянку. Сперва я решил, все – конец мне пришел. Самому придется в гроб укладываться, ибо где я им столько магов за раз и без шума добуду?! Но пару недель назад один из информаторов донес, что подбросил монетку какому-то одаренному сопляку на рынке…

Кабатчик тяжело вздохнул и понурился.

– Необученный он ещё. Совсем дурной. Вот и прицепился к

первому встречному, не посмотрев, кто и во что одет. Даже лица не запомнил, идиотина, зато гордился собой… пока Громых его не удавил. Я ждал-ждал, когда мальчишка ко мне пожалует, а он все не шел и не шел. Я и не знал поначалу, кто это. Подумал, что сопляк мою монетку-то нашел да и выкинул. И успокоился, старый болван. А когда время для жертвы подошло, а мы так второго и не нашли… когда в самый последний миг этот сорванец в пижаме все-таки появился… просто камзолы он не носил одни и те же! Тот, куда монетка попала, почти две недели в шкафу провисел! И вот недавно его снова надели, а монетка-то и сработала. Представляете?! И что я должен был после этого делать? Обратно его отправить, беспамятного, чтобы весь ГУСС потом на дыбы взвился? Или удавить пацана, когда у меня уже сроки горели?!

Я с трудом заставил себя отвести лезвие от жирной шеи.

– И как часто вы бросаете жребий?

– Каждые двенадцать лет, господин маг. Таковы правила.

– Когда его проиграл ты?

– Почти два года тому, – вздрогнул он и тяжело плюхнулся на землю, когда мои пальцы без предупреждения отпустили его ворот, а подгибающиеся коленки отказались держать грузное тело. – Поэтому и мучаюсь теперь с вами…

– Два года, – медленно повторил я, со смешанным чувством глядя на барахтающегося в снегу человека. – Двадцать четыре души, смерть которых лежит на твоей совести. А до этого сколько их было? Сколько циклов ты успел захватить?

– Один, – непонимающе замер толстяк. – Но в тот раз все прошло хорошо, господин маг. Время кормежки всегда одинаковое – около полуночи. И если правильно подгадать с посетителями, то никто не заподозрит неладного, если один или два из них не вернутся к столу.

Я на мгновение прикрыл тяжелые веки, а потом тихо спросил:

– А знаешь, кому ты все это время прислуживал, тварь? Догадываешься, кому продавал соседских детей и стариков?

– Да какая разница? – пробормотал этот урод, отведя глаза. – Своя шкура, небось, ближе к телу. А я тех людей, почитай, живыми-то и не видел.

– Ты заключил сделку с нежитью, – сухо известил его я. – И годами кормил её людскими душами в надежде, что тебе оставят твою. Ты знаешь, кто такие вампиры? Неужто не догадывался, каким образом они питаются, раз убирал за ними трупы?!

На губах толстяка появилась просительная улыбка.

– Пощади! – прошептал он, жалобно косясь на кончик секиры. – Клянусь жизнью, я все потом отмолю! Все грехи! Все

ошибки! И за тебя тоже замолвлю словечко! Каждый день поминать в молитвах стану! Только опусти, Родом тебя прошу! Не бери лишний грех на душу!

Неожиданно в моей голове прозвенел тревожный звоночек – это подходило к концу время, которое я отвел для истощенного мальца и добытых мной амулетов. Через несколько ударов сердца эти запасы закончатся, и тогда юный герцог умрет.

– Опусти… – едва слышно повторил кабатчик, когда я сжал челюсти. – Богом молю – не губи отца трех дочерей и их единственного кормильца!

Секира в моей руке задумчиво дрогнула, а затем ткнулась острым кончиком в землю.

– Проваливай.

– Род тебя не забудет, благодетель! – просиял кабатчик. Жирные щеки расплылись в льстивой улыбке, в глазах загорелась надежда. – Спасибо, святой человек! Век твоей доброты не забуду! Жизнью клянусь!

После чего проворно вскочил, поклонился едва ли не до земли. Приглушенно охнул, схватившись за поясницу. Но все же отвернулся и торопливо похромал прочь, даже не заметив, как за окном ближайшего дома мелькнула и пропала гибкая тень.

Когда он удалился шагов на тридцать, смирно сидящая в сугробе кукла вопросительный пискнула. Но в погоню не ринулась. Только проводила быстро удаляющегося человека недоверчивым взглядом и передала через поводок что-то вроде: «Хозяин, как же так?!»

Я молча отвернулся и направился в обратную сторону, мысленно отсчитывая последние оставшиеся юному герцогу мгновения. И удовлетворенно кивнул, когда позади раздался короткий вскрик, торжествующий рык сразу на несколько голосов и звуки раздираемой плоти.

Я же говорил – времени у герцога осталось немного, поэтому тратить его на такую мразь я не стал. Да и метка убийцы в ауре мне не нужна. На такого как я привлеченная большого количеством артефактов нежить напасть не осмелится – для тварей я сейчас сродни моргулу. Или умруну, от которого следует держаться подальше. А вот разгуливающий во Тьме человек – легкая добыча. Особенно после того, как я изменил свойства кольца одним несложным заклинанием.

– Забери у него перстень, – не оборачиваясь, бросил я, услышав сзади довольный щелчок. – И не следи – скоро сюда пожалуют маги. Тебя не должны опознать.

Кукла, судя по звуку, прямой тропой прыгнула в гущу

пирующих гулей. Оттуда раздался испуганный писк, звучный хруст, словно Мелочь, не мудрствуя, просто откусила мертвецу палец. Затем звуки пиршества возобновились. А вскоре неподалеку снова простучали костяшки и послышалось тихое урчание.

Когда же я вынырнул в реальный мир, оказалось, что у нас появилась новая проблема – неподалеку от того места, где появился я, неожиданно обнаружилась лишняя кучка снега. Так, словно незадолго до моего возвращения кто-то ещё успел сходить на темную сторону и незримой тенью поприсутствовать при нашем разговоре с толстяком.

Кто это был – догадаться несложно: возле сугроба, зябко кутаясь в промерзшую насквозь куртку, стоял бледный, как покойник, Тори. А рядом валялся разбитый визуализатор, при виде которого я остановился и всерьез призадумался, как же теперь быть.

Глава 12

Какое-то время мы молча стояли, глядя друг другу в глаза и каждый думая о своем. Я был занят оценкой ущерба, который мог нанести моим планам любопытный юнец. Тори, судя по решительному лицу и сдвинутым бровям, пытался понять, какова будет моя реакция на его появление.

– Что с Робертом? – наконец, спросил я, решив начать с самого простого вопроса.

Тори неловко переступил ногами.

– Приехали люди из ГУССа. Темные и один светлый. Целитель. Я передал мальчика ему. На тот момент он ещё дышал, хотя энергия в амулетах почти закончилась.

Очень хорошо. Значит, мои расчеты были верны, и мальчишка все-таки выкарабкается.

– Я пошел за вами, чтобы узнать, не нужна ли помощь, – добавил Тори, с вызовом вздернув подбородок.

– И как? – невозмутимо осведомился я. – Узнал?

– Похоже на то. Хотя я не все расслышал, да и увидел далеко не все, что планировал.

– Досадно, когда предел видимости визуализатора составляет всего тридцать шагов, да? – посетовал я, краем глаза подметив, как у парнишки сжались челюсти. – Меня больше интересует, как тебя отпустили люди из ГУССа? Ты же по сути единственный вменяемый свидетель.

И вот тогда Тори неожиданно отвел взгляд.

– Они и не отпускали. Я сбежал. Сказал, что буду ждать их главного за стойкой, а пока они возились с Искадо, выбрался из дома через темную сторону.

– И тебя не засекли? – не поверил я.

– Им было не до меня, – буркнул парень, по-прежнему не поднимая глаз. – Они с теми придурками возились, которых вы побили. Кто-то из них не вовремя пришел в себя и поднял шум. Пока его успокаивали, маг, который должен был за мной следить, отвлекся. Потом кто-то из людей Корна полез в подсобку и нарвался на ловушку. Пока её обезвреживал, умудрился повредить несущую балку, так что там едва крыша не рухнула. Моему охраннику прилетело по голове. Он упал. Вот я и удрал, пока мужик не очухался.

Я покачал головой.

– Уму непостижимо. Мы со всем разобрались, злодеев повязали, все им на блюдечке готовое преподнесли, но и этого оказалось недостаточно. По наши души народ что, приехал

ушибленный на голову? Или они все как один косорукие?

На губах Тори промелькнула вымученная улыбка.

– Не знаю. Никогда их раньше не видел.

– А кого тогда видел? – нейтральным тоном осведомился я, бдительно посматривая по сторонам, чтобы не пропустить ещё одного нечаянного свидетеля.

– Вас видел, – проворчал парень, глянув на меня исподлобья. – Но больше все-таки слышал. Этот урод что, и впрямь торговал чужими душами, чтобы можно было побольше наворовать?

– Боюсь, что так.

– И сам обкрадывал богачей, заходя в дома через темную сторону?

Я кивнул.

– Верно.

– А вы уверены, что это именно вампиры? – настороженно спросил Тори, быстро покосившись по сторонам.

– Почти на все сто.

– И молодого Искадо с той магичкой тоже покалечили именно они?

– Только вампиры умеют так иссушать тела и души. И только они, входя в раж, способны довести до полного истощения совершенно здорового человека.

– Вы же говорили, что эти дела между собой не связаны, – насупился Тори. – И утверждали, что причиной исчезновения светлых не могут быть твари, потому что не способны зацепиться за здоровую ауру!

– Я ошибался, – спокойно признал я. – Один только Йен верил, что связь между похищениями и вампирами все-таки есть. И он оказался прав. Но в свое оправдание могу сказать, что, если бы нежити не помогали люди, то смертей в этом городе стало бы на порядок меньше.

– Почему же вы тогда не убили толстяка? – осведомился Тори, заставив меня хмыкнуть. – Он же людей продавал. Чужие жизни на свою выгоду выменивал…

– Думаешь, в обычной жизни мало тех, кто занимается тем же самым, только иначе? Если всех убивать на месте, мы до конца жизни от крови не отмоемся.

– Но он же с тварями стакнулся, мастер Рэйш! С нежитью!

– Да, – согласился я. – Причем с высшей. И своими руками выкормил для нас с тобой целое гнездо, с которым Управлению ещё предстоит разбираться.

Тори снова поднял голову и пристально на меня взглянул.

– Тогда зачем вы его отпустили, мастер Рэйш? Разве не

должен был этот человек попасть в руки правосудия? Разве не должен он был понести заслуженное наказание?

Я не отвел взгляда.

– Ты считаешь, он его не понес? Или полагаешь, я должен был казнить его на месте?

– А вы бы смогли? – совсем тихо спросил Тори.

– Смог бы, – так же тихо ответил я, и после этого парень надолго замолчал.

Я не торопил его, давая возможность самостоятельно прийти к какому-то решению. Не давил, не старался ни в чем убедить… работа темного мага сложна, и подобные трудности возникают довольно часто. Проблема в том, что зачастую кроме нас самих некому осудить нас за содеянное. Даже с учетом того, что закон – штука скользкая, и в нем достаточно дыр, чтобы благополучно проскочить между жерновами. Но есть одна неоспоримая истина, которую я усвоил ещё во времена далекой юности: чтобы безнаказанно нарушать закон – надо досконально знать закон. А вот оправдано его нарушение или нет, каждый решает для себя сам. И сам определяет, где находится граница дозволенного.

Тори, судя по всему, раньше не приходилось этого делать. И я дал ему время, чтобы раз и навсегда определиться с вещами, которые при неправильном выборе будут мучить его всю оставшуюся жизнь.

Наконец, паренек встряхнулся, расправил плечи и вдруг решительно отпихнул от себя поврежденный визуализатор.

– Я разбил линзу, чтобы нельзя было прочесть, что она записала, – твердо сказал он, глядя мне в глаза. – С расстояния в тридцать шагов, конечно, почти ничего не видно, но я постарался уничтожить все записывающие кристаллы. И готов под присягой подтвердить, что толстяк умер не от вашей руки. Вы как раз шли за ним, когда из засады напали гули. Вы, конечно же, хотели, но все равно не успели его спасти. Любой, кто захочет прочесть ваши следы, сможет в этом убедиться. И увидеть, что во время нападения вы находились достаточно далеко, чтобы не суметь этому воспрепятствовать.

– Ты умный парень, – невесело улыбнулся я, когда Тори прикусил губу и отвернулся. – Йену действительно повезло с командой. Но есть решения, о которых ты обязательно пожалеешь. И никакие слова и поступки от этого не уберегут.

– Он заслужил смерть, – упрямо повторил Тори, сжав кулаки. – Та девушка… целитель сказал, что она закрыла племянника герцога своей аурой и умерла первой, потому что пожертвовала собой ради него. Она позволил себя убить, чтобы подарить мальчишке призрачный шанс выжить. Вы слышите,

мастер Рэйш?! Это она его спасла. Не мы.

– Знаю, – кивнул я и прошел мимо молодого мага. – Мы оба с тобой опоздали. И если бы тебе не приспичило погоняться за призраком, они погибли бы оба. На наше счастье, леди Мелани Крит была очень мужественной девушкой. Жаль, что она умерла, так и не дождавшись помощи.

– Мне тоже жаль, – прерывисто вздохнул Тори. – Она не должна была умереть, мастер Рэйш. Никто из тех, чьи тела сжигали в том подвале, не должны были умирать так страшно. Когда в лесу на нас нападет зверь, мы к этому хотя бы готовы. Или постараемся уйти от звериной тропы, чтобы уберечься от беды. А что делать, если предать готовы те, за чье благо мы сражаемся с нежитью? И если тварями оказываются те самые люди, которых мы, по идее, должны защищать?!

Я на мгновение обернулся.

Эх, мальчик… если бы ты знал, как часто меня одолевают подобные вопросы!

– Мы сражаемся за таких, как Мелани, – уронил я в оглушительной тишине. – И за тех, кто не способен защитить себя сам. Чаще всего, ты прав, и им угрожают простые твари. Но иногда – такие же люди, как мы с тобой. И лично я не вижу между ними разницы. Если ты жил как последняя тварь, то и умереть должен как тварь. А толстяк, по моему разумению, сдох совершенно заслуженно.

– Спасибо, мастер Рэйш, – после короткой паузы сказал Тори и коротко наклонил голову. – Я вас понял.

– Не стоит. Это – только мой способ избавиться от угрызений совести. Может, ты когда-нибудь найдешь получше?

– Я попробую, – бледно улыбнулся он и наклонился за разбитым прибором. – Но сейчас нам, пожалуй, лучше вернуться. У людей Корна наверняка скоро возникнет куча вопросов…

* * *

Когда мы подошли к кабаку, здание выглядело совсем иначе, чем когда я видел его в последний раз. Наружная стена зияла теперь огромными дырами, стекла в окнах были выбиты, тяжелая крыша просела, потому что какой-то дурак умудрился повредить опорные столбы. А на пустой некогда улице стояло сразу шесть кебов с эмблемами главного столичного сыскного Управления, а вокруг них сновало так много народа, что я едва не решил, что ошибся адресом.

Разумеется, вокруг полуразрушенного дома маги уже

установили плотное оцепление. Светлые все ещё исследовали помещения внутри, темные по обыкновению дожидались своей очереди. Повсюду носились следователи с записывающими кристаллами. А четверо крепких мужичков с матюками заволакивали в большую «клетку на колесах» покалеченных мною бандитов.

Что самое удивительное, несмотря на шум, ни одного прохожего на улице так и не появилось. И дабе занавески в соседних домов не дрожали, словно соседи всерьез опасались, что их повяжут вместе с невезучими посетителями известного на весь район притона.

– Ну кто бы сомневался, что без тебя здесь не обошлось! – вдруг раздраженно рыкнул знакомый голос, и от ближайшего кеба отделилась рослая плечистая тень. – Рэйш! Какого демона, позволь спросить, ты тут делаешь?!

Ну конечно, Нельсон Корн собственной персоной. Как же такое громкое дело и без него?

– Доброй ночи, шеф, – лучезарно улыбнулся я, разводя руками. – Похоже, у меня чутье на неприятности. Уже по улице нельзя пройти, чтобы во что-то такое не вляпаться.

– Рапорт. На мой стол. Через полсвечи, – отчеканил начальник главного сыскного Управления, буравя меня глазами. – И чтоб в деталях пояснил, что ты делал в этом районе посреди ночи!

– Ага, – зевнул я, даже не удосужившись прикрыть рот рукой. – Но у вас вообще-то другой свидетель есть. Более надежный.

И бесцеремонно подтолкнул в спину напрягшегося Тори.

Что я, один должен отдуваться? Пусть пацан привыкает к непростой жизни темного мага.

– Краткую версию в его изложении я уже слышал, – даже не взглянув на парня, процедил Корн. – Теперь мне нужна другая. Более правдоподобная.

– Боюсь, наши показания совпадут, и вы ничего не выгадаете, – озабоченно поскреб затылок я.

– Хочешь сказать, вы и впрямь отправились в шутку поохотиться на вампиров, и вдруг на тебе! Тут как тут целое логово, где погибла наша коллега и едва не погиб родственник короля?!

– Да. Звучит не слишком убедительно, – вынужденно признал я правоту шефа. – Но эта версия единственная. И её, кстати, могут подтвердить ваши без преувеличения лучшие маги: мастер Триш и мастер Хокк, которые присутствовали на нашей тренировке и, смею надеяться, не откажутся в этом признаться.

Корн уставился на меня так, словно я только что сожрал вместе с перьями его любимую канарейку. Тори тоже покосился, но, в отличие от шефа, с неподдельным восторгом. Пришлось с силой наступить ему на ногу, после чего излишне эмоциональный парень моментально скис. И дальше его заботила лишь безвинно пострадавшая конечность, а не та полуправда, которой я по обыкновению пытался накормить начальство.

Не знаю, сколько бы мы ещё препирались, но тут в руке Корна ожил переговорный амулет. О чем кричал неизвестный докладчик, я не понял, однако шеф мигом помрачнел. А меня кольнуло дурное предчувствие и появилось стойкое ощущение, что мне сейчас надо оказаться совсем в другом месте.

– Тьма волнуется, – неожиданно поднял голову Тори и долгим взглядом посмотрел на стоящий неподалеку кабак. – Что-то происходит, мастер Рэйш.

Я прислушался к себе.

– Ты прав. Полночь. Как там говорил толстяк: это время кормежки тварей? Не потому ли он попытался сбежать, когда сообразил, что жертвы сегодня не будет?

– Похоже, что так. Интересно, что сделает с ним вампир, если явится на трапезу и поймет, что его обманули?

– С ним – не знаю, – оскалился я. – Но тварь спугнуть нельзя, иначе второго шанса ещё долго не представится… Корн! Эй, Корн. Не спи. У вас внизу люди ещё остались?

Шеф посмотрел на меня диким взглядом.

– Какие люди?

– Да сотрудники ваши, – с досадой бросил я, торопливо ощупывая карманы и выуживая оттуда металлическую бляху – символ принадлежности к Управлению, который я с наглым видом и вручил обалдевшему шефу. – Демон! Корн! Да не молчите же. Есть там ваши люди или нет?!

– Есть, – странным голосом отозвался наконец шеф, глядя на то, как я в спешке снимаю с себя сапоги и разматываю портянки. – Гробы исследуют, которые там ещё остались.

– Велите им оттуда убраться. Немедленно. И ребят с амулетами срочно выведите наружу.

– Зачем?

– Затем, что граница между мирами начала истончаться, – нетерпеливо отозвался я и, покончив с сапогами, отставил их в сторону. – Тори, присмотри. Я скоро вернусь.

– Нет. Подождите, я с вами! – спохватился парень, когда я прямо так, босиком, направился к кабаку, на ходу расстегивая куртку.

– Тебе нельзя. Ты худой и костлявый. Вампира от тебя может

стошнить.

– Что-о?!

– Рэйш, ты что задумал?! – растерянно бросил сзади оставшийся не у дел Корн.

Я усмехнулся.

– Вампиру нужна жертва. И он за ней придет, как делал это каждую ночь на протяжении почти двух лет. А нам с вами нужен вампир. Значит, мы найдем ему подходящую жертву и попробуем отследить его до логова. Поскольку вы, Корн, занимаете высокую должность, то подставляться не должны. Профессиональная этика в вашей конторе тоже на уровне, поэтому рисковать своими сотрудниками вы тоже никому не позволите. Из тех двоих, кто не находится в вашем прямом подчинении, один на роль жертвы, к сожалению, не подходит. Придется эту почетную обязанность исполнить мне – как самому красивому, вкусному и весьма привлекательному с точки зрения нежити магу, у которого нет от голодной твари ну совершенно никакой защиты.

– Рэйш, ты что, спятил? – тихо спросил шеф, когда я почти бегом кинулся к дверям кабака.

– А сапоги-то вы зачем сняли?! – донеслось следом озадаченное от Тори.

Я отмахнулся.

– Чтобы не испортить. Дорогие больно, зараза. Корн, имей в виду: если ты сейчас же не отзовешь своих людей, я их выдворю. И тебе это не понравится.

Услышал меня шеф или нет, я так и не понял. Однако, пока бежал до мелко вибрирующей лестницы, успел столкнуться, как минимум, с четырьмя следователями и аж с шестью коллегами преимущественно светлого окраса. Все они посмотрели на меня, как на придурка, у которого, к тому же, случилось временное помрачение сознания. Но стоило отдать им должное – народ по первому же слову шефа дисциплинированно собрался и унес с собой даже самые слабые артефакты, которые могли насторожить быстро приближающегося вампира.

О том, что он действительно близко, сообщила Тьма, принявшаяся тревожно нашептывать на ухо, едва я перешел на темную сторону. И стремительно растущее напряжение в пространстве, которое я ощущал каждой клеточкой тела. О ненадежности границы между мирами можно было также догадаться по идущей по стенам подвала ряби, в которой я безошибочно признал то же явление, которое видел возле алтаря на взорванной барже. Вскоре на темной стороне неожиданно посветлело, так что я едва успел захлопнуть за собой дверь, запрыгнуть в пустующий гроб и набросить на себя цепи,

изобразив из себя издыхающего хомяка. А вот задвинуть на место крышку, к сожалению, не успел. И только поэтому сумел увидеть то, чего никто из моих коллег никогда в жизни не видел.

Честное слово, поначалу я даже не понял, что за цветы распустились вокруг просверленных в стенах отверстиях. И почему потолок вдруг расцвел роскошными бело-розовыми лепестками, испускающими мягкое серебристое свечение. Только спустя пару мгновений, когда между лепестков просунулись и недобро зашевелились нежнейшие «тычинки», а затем принялись медленно вытягиваться в мою сторону, до меня наконец дошло, на что они похожи: на сомкнутые, словно едва распустившиеся коконы, ловчие сети. Да-да, точно такие же, какие я видел на нижнем уровне, только ещё свернутые в бутоны. Плотные. Но прямо на глазах раскрывающиеся сотнями крохотных лепестков и выпускающие целые тучи тончайших, едва видимых нитей, которые, словно паучий кокон, принялись опутывать занятый мною гроб.

О том, что отверстия в камне были предназначены именно для них, а не для жертв, я, если честно, понял лишь когда такие же нити выползли из-под каменного днища и принялись осторожно исследовать моё тело. Сперва они невесомо касались одежды, затем принялись забираться под рубаху. Затем, опустившись почти полностью, сети… которые, видимо, были не просто сетями, а теми самыми щупальцами, о которых я когда-то читал… накрыли меня почти с головой. И, прикоснувшись к ауре, засветились ещё ярче, заставив меня затаить дыхание.

Вот, выходит, почему я не нашел у сетей отростков – их попросту не было, потому что сами сети и являлись продолжением тела вампира. Само собой, я видел, как по земле стелется тончайшая бахрома, но стоило раньше догадаться, почему поблизости от неё всегда имелся хотя бы один вход в крошечную каверну.

О том, что щупальца у вампиров могли достигать невероятной длины, я прекрасно знал, но даже не предполагал, что в действительности их может быть так много. Возможно, позарившаяся на меня тварь и впрямь была очень стара. Возможно, мы имели дело с одним-единственным, но очень крупным вампиром. Как бы то ни было, он все ещё не спешил пробовать меня на зуб, а лишь аккуратно исследовал и тщательно проверял, словно не хотел тянуть в рот всякую гадость.

Разумеется, совсем без защиты на темной стороне я не остался – под рубашкой по-прежнему находился тоненький слой брони, которая должен был уберечь меня от неприятных последствий. Возможно, наткнувшись на неё, в какой-то момент

опутывающие меня нити отчего-то напряглись и отступили, словно им не понравилось. А я при этом был вынужден изображать обездвиженную жертву и с возрастающим беспокойством следил, как они одна за другой принялись втягиваться обратно в стены.

В чем именно было дело, неясно – то ли в броне, а то ли в Мелочи, которая в этот момент терпеливо ждала снаружи, но упустить привередливую тварь я не мог, поэтому, убедившись, что вампир не планирует меня жрать, придумал лишь один способ привлечь его внимание.

– На, подавись, – прошептал я, с силой полоснув запястьем по острому выступу на стенке гроба.

На камень неохотно пролилась темная, кажущаяся почти черной, кровь, и бегство нитей на мгновение приостановилось. Чтобы не остаться ни с чем, я рискнул даже высунуть руку наружу и помахать ею в воздухе, разбрасывая вокруг гроба тягучие теплые капли. А когда понял, что проклятые щупальца хоть и медленнее, чем поначалу, но все же трусливо втягиваются в стену, тихо выругался и снял защиту полностью. После чего призвал в себя Тьму и, выставив её напоказ, как самый лакомый для нежити десерт, с отвращением повторил:

– Жри, сволочь. И только попробуй потом сказать, что не понравилось.

Признаться, я до последнего был уверен, что полностью контролирую ситуацию. И полагал, что, когда вампир увлечется трапезой, я смогу поджечь его щупальца и сделать так, чтобы темный огонь добрался до остального тела. В крайнем случае, проследил бы за дорожкой из полыхающих отростков, определил по ним направление и уже после этого вычислил расположение логова.

Однако вместо того, чтобы вернуться в гроб вежливо и деликатно, вампир неожиданно выстрелил из всех отверстий целыми снопами белесовато-розовых нитей. И, в мгновение ока спеленав меня как мумию, что было силы дернул вниз. Так, что я без единого звука провалился на нижний уровень, после чего меня спеленало ещё туже, вокруг туловища будто сжались кольца гигантского питона. После чего меня дернуло снова, на этот раз – в сторону, и с ужасающей скоростью поволокло по безумно холодной земле, а затем бросило в первую попавшую каверну и с такой силой шарахнуло затылком о камни, что из меня на какое-то время попросту вышибло дух.

* * *

Судя по всему, в отключке я пробыл недолго, потому что, придя в себя, обнаружил, что меня все ещё куда-то тащат, не особенно при этом заботясь о комфорте. Башка гудела, рук и ног я не чувствовал, зато на коже образовался такой налет льда, что было ясно – долго на нижнем уровне я не протяну.

При этом до логова мы все ещё не добрались, хотя вампир наверняка торопился. Однако из-за бесконечной болтанки я не мог сориентироваться и совершенно не представлял, в каком районе столицы нахожусь. Опутавшие мою голову нити не позволяли рассмотреть, что творится в округе. То и дело бьющие по голове выступы мешали сосредоточиться. Тело мне больше не подчинялось, шевелиться я не мог, и если бы не отсутствие необходимости дышать, я бы, скорее всего, уже задохнулся. Или замерз к Фоловой бабушке.

Единственное, на что меня хватило, это потянуться через поводок к Мелочи, но тут меня снова обо что-то шарахнуло, да так, что искры из глаз посыпались, и я во второй раз потерял сознание, так и не успев дотянуться до куклы.

Когда я пришел в себя снова, то первой мыслью, которая посетила мою многострадальную голову, было то, что я лежу на роскошной перине с содранной заживо кожей. Боли, правда, почти не было, потому что ещё в подвале я отключил болевые рецепторы, но ощущения оставались наимерзейшими.

Увы… насчет содранной кожи я, похоже, был прав, потому что мельтешащие вокруг моего лица щупальца оказались покрыты множеством крохотных отверстий, в которых белели сотни таких же крохотных зубов. Когда одна такая дрянь лениво мазнула меня по щеке, на покрывающем кожу слое льда осталась длинная ссадина, по которой вскоре мазнуло другое щупальце. И, если мои ощущения верны, то тысячи таких же отростков сейчас впивались в моё тело и медленно, со вкусом, выгрызали в нем целые коридоры.

Больше всего, насколько я мог видеть, их скопилось на животе и на груди, потому что именно там была сосредоточена сжавшаяся в комок Тьма. Да, та самая драгоценная моя Тьма, ради которой оголодавший вампир не побоялся притащить меня в свое логово.

О его размерах судить я не мог – для этого попросту не хватало данных. Но судя по раздающемуся отовсюду чавканью, периодически прерываемому сладострастным причмокиванием и гулкими стонами, логово твари расположилось в какой-то каверне, если верить эху, довольно большой, но точнее я, к сожалению, определить не мог.

Второй вывод, который я сделал, прислушиваясь к

раздающимся звукам, это то, что в логове обитало несколько вампиров. Самый большой, на чьем необъятном теле я, по-видимому, и лежал в виде этакого десерта, лакомился наиболее сочными кусками, одновременно с этим присосавшись к ауре – от него исходили низкие, гулкие и отдающиеся долгой вибрацией в теле стоны. А твари поменьше попискивали где-то в стороне. Причем навскидку я насчитал целых пять разных тональностей, которыми нежить сопровождала поедание меня любимого.

Выводы, прямо сказать, были неутешительными. За то недолгое время, что я пробыл на нижнем уровне, я успел досконально промерзнуть, ослабнуть и обледенеть. Живых мест в моем теле с каждым мгновением становилось все меньше. Присосавшиеся к ауре твари жадно высасывали из неё энергию. А от меня требовалось лишь спокойно лежать в окружении целого сонма зубастых щупалец и терпеливо дожидаться финала.

Мысленно посетовав на собственную промашку, я снова прислушался к себе и, обнаружив, что крохотный комочек Тьмы, до которого так рьяно пытались добраться твари, ещё не погас, бережно потянулся к нему мыслью. Такой маленький, слабый… совсем уже крохотный темный огонек, больше похожий на тлеющую искру…

Но, как известно, даже из одной искры можно раздуть настоящий пожар. Для этого требовалось лишь подходящее топливо. А для того, чтобы убивать во Тьме, требовалось совсем немного – желание. И именно его-то у меня было в достатке.

К несчастью для нежити, я хранил в себе Тьму достаточно давно, чтобы обращать внимание на такие мелочи как боль, обмороженные руки или парализованные конечности. Тьма была для меня и защитой, и одновременно оружием. И по первому зову наполняла любую часть тела, которой мне вздумалось отнять у кого-то жизнь. А на этот раз желание моё было так велико, что одних рук или ног для этого не хватило, поэтому я позволил Тьме буквально растечься по телу. Подарил ей свободу. И со спокойной душой отдался на её волю, надеясь, что живущей во мне ненависти к тварям будет достаточно, чтобы спалить тут все дотла.

Когда моя кожа полыхнула живой Тьмой, вампиры заволновались, а мягкая «перина» подо мной болезненно содрогнулась. Затем по каверне поплыл мерзкий запах горелой плоти. Ещё через пару мгновений тело подо мной забурлило и задергалось, словно вампира обварили кипятком. Наконец, по ушам ударил громкий, болезненно-тонкий визг, которому вторил более низкий, похожий на раскаты грома, рев более крупной особи. После чего бледно-розовая пелена перед моими глазами

ненадолго спала, и я наконец-то увидел, что собой представляют пресловутые вампиры.

Сказать, что вид беспрестанно шевелящейся розовой массы, больше напоминающей кусок освежеванной туши, не произвел на меня сильное впечатление, было бы неверным. Размеры вампира, чье тело заполнило громадную каверну от пола до потолка, действительно впечатляли. Как выяснилось, розовая дрянь была везде – подо мной, вокруг меня и даже сверху угрожающе нависали покрытые наростами складки. Сейчас они, правда, больше походили на подгоревший стейк, да и воняли соответствующе, но зрелище выглядело на редкость отталкивающим.

На свое счастье, наслаждался я им недолго – охвативший меня холодный огонь мгновенно перекинулся на исходящую стоном тушу. Над моей головой взвились и тут же сгорели дотла несколько сотен, если не тысяч зубастых щупалец. За первым рядом в мою сторону выстрелил второй, затем третий и даже четвертый ряд длинных отростков. Но все они моментально ссыхались от малейшего прикосновения к пламени, после чего безобидными черными снежинками осыпались на ещё свежие ожоги.

Вскоре я почувствовал себя раскаленным слитком, который нерадивый кузнец нечаянно бросил на огромный и склизкий пудинг. Пылая, как факел, я медленно и неумолимо погружался в горящую плоть и плавил её, словно горячий нож, воткнутый в мягкое масло.

Тварь подо мной все это время кричала, не переставая. Её нежная плоть обугливаясь прямо на глазах. А я, погружаясь в отвратительно воняющее месиво все глубже, тихо шалел, только сейчас по-настоящему сознавая ошеломительные размеры поселившейся здесь нежити и тот факт, что занятая её тушей каверна в действительности была в несколько раз больше, чем я мог себе представить.

Зато как я жалел в тот момент, что не чувствую рук и не могу заткнуть ладонями уши. И как отчаянно хотел уткнуть куда-нибудь нос, который отказывался вдыхать запах горелого! Вампир подо мной шипел, вертелся во все стороны и извивался, словно гигантский червяк на сковородке. И безостановочно орал так, что я был готов продать душу первому попавшемуся демону, лишь бы тварь хоть на мгновение заткнулась.

В какой-то момент вид мучительно оплывающих и разваливающихся на куски складок, грозящих вот-вот похоронить меня под собой, стал почти непереносимым, и я закрыл глаза, решив, что лучше сдохнуть от неизвестности, чем узнать перед

смертью, что ты сдох, потому что разжиревшая тварь рухнула на тебя каким-нибудь неудобным местом.

Наконец, падать я вроде бы перестал, а дважды разбитый затылок все-таки коснулся пола. Лучше от этого, правда, не стало, зато я внезапно понял, как чувствуют себя люди, которые умудрились одновременно обморозиться и обгореть.

Что? Говорите, такого не бывает? Ну, мне, значит, повезло. Как минимум в том, что промерзшие до костей суставы постепенно оттаяли, и теперь я мог хоть ползком, но все же передвигаться.

Ощутив некоторую свободу действий, естественно, я не преминул этим воспользоваться. Но если нормальный человек постарался бы сбежать, то я, напротив, устремился к беснующейся твари. Видеть её я, правда, почти не видел – каверну к тому времени до самого потолка заволокло черным дымом. Но так как дышать мне было необязательно, то серьезным препятствием он не стал, а ориентировался я исключительно на звук и с мстительным удовольствием хватал изуродованными руками все, до чего мог дотянуться.

По расчетам выходило, что мелких я почти всех угробил – тоненький писк до меня больше не доносился. Да и медлительные они были – даже от меня не смогли убежать. А вот самая большая тварь упрямо не желала умирать и все ещё громко орала, доводя меня до бешенства. Однако как я ни кружил по холодному полу, как не пытался найти её голову или чем там она думала, так и не смог отыскать ничего похожего.

– Сдохни, – шептал я растрескавшимися губами, с которых то и дело слетали черные искры. – Да сдохни же, тварь поганая! Когда ж ты кончишь орать?!

Вампир, чуя угрозу, забился в угол и тщетно попытался подтянуть к себе уцелевшие складки. Однако я был упорен. И зол. Поэтому со скрипом полз на шум, продолжая настойчиво шарить вокруг себя руками. Мгновенно сжигал все, чего касались мои обмороженные пальцы. Иногда поднимал голову и швырял сгустки огня прямо с рук, подозревая, что недобитый вампир мог попытаться сбежать через щели в стенах или потолке. Через какое-то время, конечно, падал. Затем снова поднимался на четвереньки. И упрямо полз дальше, стараясь не думать, что в какой-то момент даже мои резервы могут закончиться.

Собственно, они должны были закончиться уже давно – на нижнем слое, как показали эксперименты, я истощался гораздо быстрее. Однако в каверне оказалось не так холодно, как в самом городе-призраке. И, возможно, именно поэтому на поверхности я ни одной твари до сих пор не встретил.

Наконец, когда ползти стало совсем тяжко, моя макушка уперлась во что-то твердое. Сперва я решил, что все-таки добрался до стены, но вскоре сообразил, что стена не будет гудеть как колокол от соприкосновения с черепушкой, и попытался изучить неожиданное препятствие, которое вовсе не походило на тело вампира, хотя оказалось достаточно большим, чтобы я не сумел найти его краев.

Подняв голову и прищурив отчаянно слезящиеся глаза, я все-таки сообразил, что на пути стоит здоровущая железяка. Затем ощупал её и решил, что наткнулся на большой стол. Проще говоря, опору, с помощью которой мог лучше обозреть окрестности и обнаружить затаившегося вампира.

Кряхтя и ругаясь на собственную немощь, я уцепился за край стола и заставил непослушное тело подняться. Но после этого изможденный организм попросту отказался повиноваться, и я ничком повалился на ледяную столешницу, успев в последний момент рухнуть на неё не плашмя, а боком. После чего со стоном перевернулся и пустым взглядом уставился на далекий потолок в надежде, что там найдется стимул пошевелиться.

Как оказалось, стимул действительно был. Прямо там, надо мной. В виде накрепко прилипшей к потолку толстой пиявки, которая уже ничем не напоминала то жирное страховидно, которое я с таким наслаждением жег.

Вампир потерял большую часть своей гигантской массы. Вокруг него больше не вилось ни единого щупальца. Он был почти так же слаб, как и я, поэтому попытался использовать единственную возможность сбежать от ополоумевшего мага. Однако, когда я оказался прямо под ним и наткнулся на ненавидящий, но совершенно разумный взгляд, оказалось, что силы у нас по-прежнему остались. У твари – на то, чтобы с яростным рыком отлепиться от потолка и рухнуть вниз всей оставшейся массой. А у меня – чтобы вскинуть дрожащие руки с изуродованным пальцами и выбросить ему навстречу два сгустка черного пламени, в которых вампир спекся прямо на лету, обдав меня напоследок целой россыпью дымящихся ошметков.

И лишь тогда в каверне, наконец, воцарилась блаженная тишина. Охватившее меня пламя измученно опало. Шипящая на полу плоть окончательно обуглилась. Погасли пугающе яркие отсветы на стенах. Перестала тлеть одежда на моей груди. После этого в пещере вновь стало темно, как прежде, а я блаженно прикрыл саднящие веки и тихо вздохнул. Потому что на ни что другое сил у меня попросту не осталось.

Глава 13

Пожалуй, впервые после приезда в столицу мне снился сон. На удивление яркий, со множеством мелких деталей и настолько реалистичный, что мне на какое-то время показалось, будто я и впрямь вернулся в далекое прошлое, чтобы взглянуть на некогда значимых людей.

Себя я ощущал при этом безнадежно больным и безумно уставшим от жизни стариком. Лежа на пушистой перине, буквально утопал среди мягких подушек. С трудом держал голову над старательно взбитым одеялом, которое то и дело норовило меня придушить, и со все возрастающим изумлением смотрел на тех, кто пришел меня навестить.

Почему-то моими гостями сегодня были исключительно женщины. Рыженькие и черненькие, красивые и не очень… казалось, все леди, которых я когда-либо знал, сочли своим долгом навестить обессиленного героя. Некоторых я даже вспомнил. К примеру, вон та шатеночка в голубом платье когда-то заливисто хохотала над моими скабрезными шутками. Рыженькая красотка, к которой я однажды подкатил, воротила тогда от меня нос. С теми двумя брюнетками мы неплохо проводили время в одной из закрытых комнат известного среди столичной молодежи элитного кабака. Но это было так давно, что сейчас действительно казалось сном. Причем не самым удачным.

Вскоре среди вереницы проходящих мимо женщин начали попадаться и совершенно незнакомые лица. Большинство принадлежали леди в весьма почтенном возрасте, с которыми я ни сейчас, ни тем более в прежние времена не рискнул бы заигрывать. Сурового вида матроны, больше похожие на мегер, одна за другой проходили мимо, по пути кидая на меня одинаково внимательные взгляды. Некоторые при этом хмурились. Кто-то даже кривился. Несколько зачем-то задержались возле постели. Но ни одна не произнесла ни слова, пока странная делегация не закончилась, а суровые леди не исчезли из поля моего зрения.

«Что за чушь?», – подумал я, прикрывая веки и сползая вниз по скользкой подушке.

Постель оказалась страшно неудобной. Шелковые простыни были холодными и склизкими, словно их специально смазали жиром, а пуховая перина – настолько толстой, что я проваливался в неё с головой. Проблем добавляла и целая армия подушек, упакованных в такие же склизкие серебристые наволочки. И как я ни старался удержаться повыше, все равно упорно соскальзывал

вниз, с раздражением провожая глазами вставшие на дыбы подушки, которые грозили утопить меня до конца.

О том, чтобы выбраться из этого кошмара, я задумался почти сразу, потому что барахтаться в мягком плену было настоящей пыткой. Опоры под ногами, как я ни старался её нащупать, почему-то не было. Попытка выкрутиться из простыней успеха не принесла. Наброшенное кем-то сверху толстое одеяло оказалось так тяжело, словно вместо него на груди лежала могильная плита. Руки утонули где-то в глубине необъятного ложа, да так, что едва-едва могли стронуть окружившие меня стены. А что касается ног, то периодами я вообще их не чувствовал. Знал, что они где-то там. Яростно пинался, тщетно стараясь сбросить огромное одеяло. Но лишь ещё больше запутывался и, тихо зверея от собственной беспомощности, все быстрее тонул в этом издевательски реалистичном кошмаре.

Наконец, меня все это достало, и я рванулся прочь, в последнем усилии выпростав голову из-под тесно сомкнувшихся подушек. Хотел было кликнуть слуг, но тут заметил, что комната уже не пустует, и с надеждой взглянул на подошедшую к изголовью женщину.

– Миледи… – прохрипел я, уставившись снизу вверх на её красивое, ухоженное, но полное грусти лицо.

– Для тебя я всегда буду просто Камией, Артур, – печально улыбнулась она и, протянув руку, откинула белую прядь с моего взмыленного лица. – Ты так много для меня сделал, что я не могла не прийти. Жаль, что это происходит так быстро. Но я не буду указывать тебе дорогу. Я верю: ты сильный. И сам со всем справишься. Поэтому, когда придет время, я с удовольствием тебя встречу и провожу по тому пути, который ты сам однажды выберешь.

Я непонимающе замер и сам не заметил, как снова стал неумолимо погружаться в подушечную пучину.

– Что происходит?!

Леди снова улыбнулась и молча покачала головой. А потом отступила на шаг и медленно истаяла в воздухе, до последнего держа меня строгим взглядом и словно пытаясь о чем-то сказать.

Окончательно перестав что-либо понимать, я забарахтался ещё активнее, но, похоже, силы были неравны. Меня упорно утягивало вниз, в море серебристых простыней и невероятно мягкой, но уже осточертевшей перины. Не хотел я на ней лежать. Я, может, и ослаб после схватки с нежитью, но ещё не был ни старым, ни, хвала Фолу, больным. А значит, и разлеживаться было некогда. Я должен оттуда выбраться. Просто должен.

– Стой! – прохрипел я, бешено работая руками и отшвыривая

упорно падающие сверху подушки. – Камия! Вернись!

– Позволь, я тебе помогу, – неожиданно раздался снаружи тихий голос, и мою ладонь обхватили прохладные, определенно женские пальцы.

Я без зазрения совести за них ухватился, но когда все же вынырнул наружу, то едва не отправился обратно – женщина, которая сидела на краешке постели и крепко держала меня за руку, была хорошо знакома. Белокурая. Поразительно красивая. Одетая в белое подвенечное платье и лучащаяся теплой, бесконечно родной улыбкой. А её глаза… боже, как же давно я не видел этих глаз. Сияющих, бесконечно мне дорогих и горящих неподдельной любовью, которую могла подарить одна-единственная женщина на свете!

– Мама… – сглотнул я, неверяще глядя на призрак той, о которой ничего не слышал более десяти лет.

– Мальчик мой, – улыбнулась она, а затем подняла вторую руку и невесомо коснулась пальцами моего огрубевшего лица. – Как же ты вырос…

Я молча прижался к её ладони и на мгновение замер, впитывая идущее от неё тепло. Какое-то время лежал, наслаждаясь давно забытым ощущением дома. Держал её руку, лихорадочно перебирал роящиеся в голове вопросы. И думал. Я ведь так много хотел у неё спросить. Ещё больше хотел сказать того, что не успел когда-то. Но как только я собрался с духом, чтобы озвучить переполнявшие меня эмоции, она неожиданно отстранилась, а улыбка на её губах погасла.

– Ты тонешь, Артур, – уронила она, тревожно сжав мои пальцы. – Твоя душа качается на самой кромке, и долго я её не удержу.

Я как открыл рот, так его и закрыл: новость была из разряда хуже некуда.

– Значит, я во Тьме? – спросил я, одновременно оглядывая комнату, которая подозрительно напоминала домашнюю спальню.

– Все время, – подтвердила мама. – И Смерть уже у тебя за спиной. Но это не значит, что ты должен прекратить бороться.

– Это не в моих правилах. Ты ведь знаешь…

– Да, – на её губах снова мелькнула улыбка. – Ты не зря выбрал такую профессию: у мага твоего профиля есть преимущество перед простым смертным – вы себе не принадлежите. А все, что у вас есть, всегда будет носить отпечаток того, кому вы себя предназначили.

– Ты говоришь о Фоле? – насторожился я.

Но мама лишь покачала головой. После чего неожиданно

наклонилась и запечатлела на моей лбу невесомый поцелуй.

– Тьма больше любит безумцев, а Смерть предпочитает дерзких, – прошептала она, отстраняясь. – Помни об этом, Артур. Помни и борись. Я сделала для тебя все, что могла.

Пока я лихорадочно соображал, что к чему, она поднялась с постели и отступила на шаг, окутавшись мягким серебристым сиянием, её облаченный в белый шелк силуэт поплыл, словно узор на мокром стекле, черты лица поблекли и быстро истаяли. Вместе с ней стали расплываться и очертания комнаты. А у меня в это время вдруг засаднило кожу на лбу, после чего прострелило место поцелуя такой болью, что я едва не подпрыгнул на постели.

О том, чья метка горит на моем лице, я не забыл – Смерть, однажды кого-то пометив, больше никогда не отступалась. А значит, мама была права – я качался на самой грани. И умирал… прямо сейчас, в это самое мгновений! А значит, вампир вымотал меня сильнее, чем я рассчитывал. Быть может, его слюна или чем он там в меня плюнул, была ядовитой, и этим можно было объяснить посетившие меня галлюцинации. А может, я просто истощил свой дар и банально бредил, медленно издыхая в прокопченной каверне. И единственным, что оставалось для меня реальным – боль… острая, растущая миг от мига и словно сжигающая меня изнутри. А ещё – необъяснимое чувство, что я не просто умираю, а действительно тону.

В какой-то момент с моих глаз словно пелена упала, и я наконец увидел, что нахожусь не дома, а все в той же гигантской, заполненный дымом пещере. Только лежу не на давешнем столе, а словно провалился в невесть откуда взявшийся гигантский аквариум, до краев наполненный густой серебристой субстанцией, похожей то ли на ртуть, то ли на жидкое зеркало.

Горящая, словно в огне, метка Смерти недвусмысленно доказывала, что я не только с головой увяз в этой гадости, но и планомерно иду ко дну. Надо было поторопиться – встречаться с леди в белом раньше времени не хотелось. Однако, сколько я ни бултыхался, сколько ни пытался выбраться, подняться к поверхности не удавалось, потому что окружившая со всех сторон блескучая дрянь надежно сковывала по рукам и ногам.

О том, какого размера этот аквариум и есть ли у него стены, я мог лишь догадываться. О том, что за субстанция её наполняла, думать было и вовсе некогда. Но надеяться, что на дне волшебным образом вдруг найдется пробка или слив, явно не стоило. До верха я тоже добраться не смог. Секира здесь была бесполезной. Магия не работала. Я даже тропу не мог создать, потому что законы нижнего слоя этого не позволяли!

Фолова бездна. Да что ж за подстава?! Умудриться выжить в

пасти гигантской пиявки, чтобы потом глупейшим образом утонуть в чане с жидким дерьмом?!

Молча выругавшись и буквально слыша, как пересыпаются в моем личном хронометре последние песчинки, я извернулся и сделал то единственное, что ещё мог – шарахнул по окружающей меня гадости темным огнем. Ударил не глядя. Всем телом, как вампира недавно. И, окутавшись черным пламенем, даже не подумал о том, что активировать магический снаряд в замкнутом пространстве, мягко говоря, не самая лучшая затея.

От удара «аквариум» содрогнулся так, что у меня потемнело в глазах. От громкого хруста заложило уши. Взрывная волна оказалась настолько мощной, что грудную клетку едва сплющило в плоский блин, а изо рта с веселым бульканьем вырвались крохотные пузырики. Меня закрутило, завертело, как пылинку, словно я по дурости не аквариум разрушил, а разбил на тысячи осколков границу между мирами, и теперь оттуда бешеным фонтаном хлестала взбесившаяся Тьма.

Её могучим потоком меня буквально вынесло наружу и играючи швырнуло на холодные камни. Чувствуя себя раздавленной лягушкой, я кое-как переждал, пока сверху прекратит литься сверкающий водопад. А когда извержение закончилось, с трудом приподнялся на дрожащих руках и… раза три вывернулся наизнанку, исторгая из судорожно содрогающегося нутра целые реки проклятой «ртути», которой, как выяснилось, все же наглотался от души.

Что самое мерзкое, эта дрянь оказалась теплой, липкой и склизкой до безобразия. Но мне сейчас было не до эстетических переживаний. Поняв, что все-таки выбрался, я облегченно выдохнул и завалился навзничь. Прямо в блескучую, похожую на громадную соплю лужу, в которой красиво отражался утопающий в дыму потолок.

* * *

Лежать на «сопле» оказалось на удивление удобно. Её поверхность была мягкой и слегка пружинила при движении, а холод темной стороны сквозь неё почти не пробирался, несмотря на то, что я был бос, почти гол, изрядно потрепан… хотя стоп! Потрепан?! А куда подевалась кровь? И почему не болит башка, если я точно помню, что вампир второпях успел стесать моим затылком все камни на поворотах?!

С чмоканьем оторвав от «сопли» одну руку, я с вялым интересом оглядел неповрежденную кожу.

Гм. Ссадин нет, голова на месте, кости целы, словно меня и не грызли зубастые твари. Шишки на затылке тоже не ощущались. И крови вокруг действительно не видно. Может, показалось, что меня пытались сожрать заживо? Может: вампир был ядовит, и все, что я видел, это всего лишь глюк?

Дождавшись, когда дым рассеется, я приподнял вверх сперва одну, а затем и другую ногу, но убедился, что под жутким рваньем, в которое превратились брюки, не осталось ни ран, ни следов обморожения. Значит, глюка не было – одежда сама по себе в лохмотья бы не превратилась. Да и лед с кожи куда-то подевался. Наконец, я заставил себя оторвать влипшую в студенистую массу голову, оглядел совершенно чистый живот и плюхнулся обратно, задумчиво созерцая потолок.

Странные дела творятся на нижнем уровне… как это ни удивительно, но я был жив, здоров и, если бы не безумная слабость, мог бы назвать себя совершенно невредимым.

Не знаю, сколько бы я так валялся, размышляя о вечном, но тут в каверне раздался шум, и мне пришлось сесть, на всякий случай приготовившись ударить.

Каково же было моё изумление, когда откуда-то сбоку с негодующим писком выкатилась не озлобленная тварь, а моя растрепанная Мелочь. Которая, при виде меня радостно взмахнула лапками и с огромной скоростью устремилась навстречу. Но, не добежав до растекшейся по полу «сопли» пары шагов, внезапно замедлилась, а затем и вовсе остановилась, настороженно крутя головой. Человеческие пальцы, заменявшие ей ноги, нервно стукнули по полу. А когда Мелочь на пробу, будто пловец перед прыжком в воду, пощупала поверхность лужи, на костяшке появилось черное пятно, словно кость от соприкосновение с липкой массой попросту обуглилась.

Обнаружив это, кукла сердито шикнула и снова уставилась на меня. После чего я вздохнул, тщательно вытер руку об остатки рубахи и протянул открытую ладонь.

– Иди сюда.

Мелочь соображала быстро, поэтому отбежала на несколько шагов, а затем взяла разбег и, лихо перепрыгнув через лужу, приземлилась на ладонь. Не дожидаясь, пока я сожму пальцы, она переметнулась на плечо, ощупала верхними лапами мою шею и беспокойно спросила:

– Арт-с жись?

– Ага, живой, – согласился я, с кряхтением поднимаясь на ноги. – Не знаю, как и почему, но, похоже, мы с тобой ещё поохотимся.

– Дсь, – облегченно выдохнула Мелочь. А когда я, шлепая

босыми пятками по лужам, выбрался на сухое, она спрыгнула вниз и устремилась в сторону, то и дело оглядываясь и словно советуя поторопиться.

Совету я, конечно, внял, но прежде чем уйти, все же решил оглянуться. И со смешанным чувством оглядел гигантскую каверну, в которой решила обустроиться вампирская семья.

Она действительно была похожа на пещеру. Причем, если судить по прямоугольной форме и относительно ровным стенам, хотя бы частично она была рукотворной. В самом центре… там, где я недавно стоял… виднелось неглубокое, круглое и довольно приличное по диаметру углубление, до краев наполненное все той же непонятной субстанцией. Правда, к тому времени, когда я оттуда выбрался, «сопля» загустела и стала похожей на настоящее зеркало. Но как только я попытался отойти, она внезапно ожила и метнула мне под ноги длинный серебристый «лизун», куда я с приглушенной руганью и вляпался.

Пытаясь избавиться от непонятой штуки, я подрыгал сперва одной ногой, затем второй – безуспешно. Затем попробовал сместиться влево и вправо, даже попрыгал в надежде, что оно само отвалится. Но лужа подо мной как чуяла, куда я двинусь, и мгновенно перемещалась следом, успевая нырнуть под босые стопы буквально за миг до того, как они касались земли. При этом выше щиколоток непонятная субстанция не забиралась, поранить или остановить меня не старалась, а выделяемое ею тепло делало перемещение по каверне достаточно комфортным.

«Аквариум» я, кстати, тоже нашел – он стоял неподалеку на каменном возвышении и выглядел как… наковальня. Здоровенная, мне примерно по грудь. Шагов шесть в длину и почти столько же в ширину. Правда, не металлическая, а созданная все из того же студенистого, похожего на расплавленное серебро, вещества, в котором я недавно едва не захлебнулся.

Осторожно приблизившись, я на пробу ткнул в него пальцем и тихо присвистнул, обнаружив, что «наковальня» тоже, оказывается, жидкая. В том смысле, что она легко пропустила внутрь мой палец и даже руку до самого локтя, не доставив ни малейшего дискомфорта. Глубже совать конечности я, правда, не рискнул, потому что не был уверен, что они там не останутся. Но непонятная штука оказалась неопасной и без промедления выпустила их обратно, измазав по пути все той же блескучей гадостью.

Когда же прямо у меня на глазах эта субстанция начала твердеть и облепила руку на манер перчатки, до меня наконец дошло, на какой именно «стол» я так неосторожно улегся. И чем

больше я на него смотрел, тем больше он напоминал самый обычный алтарь.

– Фол? – настороженно протянул я, вскинув голову и уставившись на глубокую нишу в стене, которая нашлась сразу за «наковальней». – Твои проделки?

Однако нашедшийся за алтарем массивный каменный постамент пустовал. Зато вокруг него, утопая в обугленных ошметках, виднелись целые горы мелко дробленого базальта, при виде которого у меня по спине побежал холодок.

Да нет… не может быть!

Обернувшись, я совершенно по-новому взглянул на гигантский зал и только сейчас заметил, что вдоль стен стоят такие же постаменты. Два слева, три справа… все они, как и первый, были пусты. Вокруг каждого виднелись такие же груды битого камня, подозрительно похожие на осколки. И если вспомнить, что помимо трех основных темных богов в нашем пантеоне есть ещё и условно темные Абос, Сол и Йрейя, то становилось очевидным, что судьба забросила меня в неимоверно древнее, невесть когда и кем разрушенное святилище.

Вот тогда мне стало понятно, отчего вампир вырос таким здоровым – вероятно, когда алтарь ослаб, привлеченная его эманациями тварь смогла безнаказанно сюда пробраться. В отсутствие материального вместилища… проще говоря, статуй, осколки которых лежали сейчас на полу… даже могучий Фол не смог шугануть отсюда наглую тварь. При этом силы в алтаре оставалось достаточно, чтобы подпитывать предприимчивого вампира. И тот десятилетиями жирел, набирался сил и постепенно опутывал своими сетями немаленькую столицу.

Естественно, отыскав такую прекрасную кормушку, тварь соблюдала предельную осторожность и по каплям цедила силу и из алтаря, и из смертных, год от года становясь все сильнее. Она даже научилась менять район охоты, каким-то… пока ещё непонятным мне образом… заключив сделку с тварями в людском обличье. После этого ей оставалось только сидеть на месте и раз в двенадцать лет перебрасывать щупальца из одного квартала в другой. А когда еды становилось меньше обычного, к её услугам оказывались каменные гробы с готовыми жертвами, на энергии которой вампир мог без опаски растить многочисленное потомство.

Впрочем, даже если бы кто-то и догадался, что за нежить орудует в Алтире, достать вампира в таком логове было невозможно. Много ли в столице жрецов, способных переходить на нижний слой Тьмы? А магов? Правильно, только я один. И

столице крупно повезло, что вампир узнал об этом так поздно.

– Артс! – настойчиво повторила Мелочь, когда я задержался у алтаря. – Хсь! Пырсь идсь!

– Да, – замедленно повторил я, не сводя с него глаз. Но дотронуться так и не решился. – Ты права: пора идти.

А затем отвернулся и следом за куклой двинулся к выходу, который нашелся за ближайшим постаментом.

Узкая, наполовину заваленная камнями лестница вывела нас на нижний уровень Тьмы, в котором, как и прежде, царило запустение. Но то ли я согрелся внизу, то ли налипшая на кожу зеркальная масса ещё продолжала действовать, однако холода я практически не почувствовал. Даже без брони. Да что там – на мне и сапог-то не было! Тем не менее, босые стопы испытывали лишь легкий дискомфорт, хотя прежде я не мог выдержать дольше пары мгновений без многослойного доспеха.

Повертев головой, я вскоре обнаружил, что вампир уволок меня довольно далеко от злополучного кабака. В самый центр города, на главную площадь, где даже в призрачном виде угадывались знакомые по реальному миру постройки. Впрочем, это было логично – где же ещё быть древнему святилищу, как не в основании такого же древнего храма?

Здесь, на нижнем слое, тоже имелись каменные постаменты, на которых должны были стоять статуи богов. Только, в отличие от святилища внизу, постаментов тут было не шесть, а все тринадцать, расположенных двумя вписанными друг в друга полукружиями, на противоположных концах которых находились вечные антагонисты – Фол и Род. Наружный ряд традиционно образовывали темные боги, в точности повторяя расположение постаментов и в верхнем храме, и в каверне. Внутренний, соответственно, светлые, тем самым символизируя единство пантеона и тот неоспоримый факт, что светлая его часть уже много тысячелетий находится под защитой темного.

Правда, на этом слое святилище выглядело бедновато. Здесь не было ни стен, ни статуй, ни даже их осколков. Да и выемка в центре зала не виднелась, словно это было не настоящее святилище, а всего лишь копия. Только темный алтарь стоял на положенном месте. Но и он выглядел так, словно был… мертв? Если бы я не видел святилище в каверне, то вряд ли понял в чем разница.

Но тогда что же получается? Если этот алтарь мертв, то и в реальном мире стоит обманка?

Отступив от фальшивого алтаря, я недоверчиво прищурился. А когда Мелочь снова нетерпеливо подпрыгнула, позволил себе всплыть на привычный для себя уровень. Медленно, неторопливо,

с интересом следя за тем, как прозрачные стены храма прямо на глаза наливаются красками, обзаводятся фресками и становятся материальными. Как вместе с ним из темноты проступают сперва очертания, а затем и статуи богов, которые испокон веков стояли на отведенных для них местах. Как вырастает над моей головой высокий сводчатый потолок. Как появляются на нем искусно выполненные витражи. Наконец, как наполняется первородной Тьмой лицо стоящего напротив меня бога и оживают его каменные глаза.

– Здравствуй, Фол, – отчетливо произнес я, приложив ладонь к фальшивому алтарю. – Тебе жертвую.

В тот же момент прилипшая к коже густая серебристая масса с тихим плеском упала на пол и молниеносно впиталась. Одновременно с этим статуя владыки ночи явственно шевельнулась. Тьма вокруг неё стала гуще, отчетливее. По полу прошла едва заметная дрожь. После чего изваяние снова стало обычным, а в разнесшемся по Тьме низком гуле послышалось предостережение.

О чем именно хотел сказать владыка ночи, я не понял, но когда неподалеку раздались торопливые шаги, решил, что не готов к разговору с отцом Гоном. Поэтому вместо того, чтобы встретить настоятеля как подобает, я махнул кукле и создал темную тропу. Сперва в Управление – оставить весточку Йену, а затем и домой.

Надо было о многом подумать.

Глава 14

– Хозяи-и-ин! Мастер Рэйш, у вас посетитель!

Я накинул на плечи новую рубаху и с недоверием уставился на влетевшего в гардеробную дворецкого.

– Нортидж, какой посетитель? Сейчас ночь. И я вернулся всего полсвечи назад!

– А он уже тут как тут, – нервно сцепил на животе руки призрак. – Вы правы, хозяин, это подозрительно. Но на вашем месте я бы не стал держать такого гостя за воротами.

Застегиваясь прямо на ходу, я поднялся в кабинет и выглянул в окно, за которым ещё царили мягкие сумерки. До рассвета оставалось около двух свечей, весь остальной город мирно спал. Но, видимо, я чего-то не учел, раз отец Гон стоял внизу и нервно мерил шагами дорожку перед воротами.

– Что будем делать, хозяин? – тревожно спросил Нортидж, комкая полы ливреи. – С темными жрецами шутки плохи.

Я вздохнул. Что делать… что делать…

– Проси. Но слуги пусть будут начеку.

Спустя некоторое время отец Гон уже стоял в моем кабинете и беспокойно теребил длинную рясу. Выглядел он при этом встревоженным, я бы даже сказал возбужденным, и, несмотря на попытки взять себя в руки, исходящее от него напряжение заставляло насторожиться.

Не дожидаясь, когда я предложу присесть, жрец остановился перед столом и буквально впился в меня потемневшими глазами.

– Рэйш, что сегодня произошло?!

Я ощутил слабый укол в плечо и поднял на гостя спокойный взгляд.

– В каком смысле, святой отец?

– Ты был во Тьме? Видел что-нибудь необычное? Фол с тобой разговаривал?!

Метка шевельнулась явственнее, поэтому я лишь вопросительно приподнял брови.

– Я был на охоте: в столице расплодилось на удивление много высших тварей. Мне удалось избавиться от нескольких вампиров, но, к сожалению, одежда после этого пришла в полную негодность.

– Вампиры?! – отчего-то не поверил жрец.

Я молча кивнул, и метка немедленно притихла. Странно да? С чего бы это Фолу желать, чтобы я молчал об алтаре? Да ещё утаивал эти сведения от отца-настоятеля, который, по идее, должен быть предан ему всей душой?

– Ты убил тварей? – снова спросил отец Гон, когда в комнате повисло тяжелое молчание.

– Да, святой отец. Хотя не думаю, что это были последние твари, с которыми нам довелось столкнуться.

– Значит, ты нашел их логово? Как? Где?

– Мы охотились в восточных районах, – ответил я совершеннейшую правду, и метка на моем плече окончательно успокоилась. Видимо, эти сведения запретными не являлись. – Может, вы слышали: недавно в столице пропало двое светлых магов. Мы их нашли. Девушку, к сожалению, спасти не удалось, но мальчик остался жив. Им сейчас занимаются наши лучшие целители. Корн со своим людьми, насколько мне известно, до сих пор находится там, а я заскочил домой переодеться.

Святой отец помедлил.

– До меня дошли сведения, что вампиру кто-то помогал… кто-то из нашего мира, Рэйш.

Вот теперь настала моя очередь остро взглянуть на жреца.

– И давно вы об этом узнали?

– Сегодня ночью. У меня появилось предчувствие. И очень скверное ощущение того, что на темной стороне происходит что-то нехорошее.

– Вас посетило правильное ощущение, святой отец, – усмехнулся я и, прислушавшись к метке, вкратце рассказал о том, что узнал от сбежавшего кабатчика. А когда я закончил, жрец побледнел, неожиданно сгорбился и буквально рухнул в гостевое кресло, словно у него не осталось сил.

– Боже… я надеялся, что это всего лишь кошмары, – прошептал он, закрыв руками лицо. – Сегодня мне непрозрачно намекнули, что кто-то из паствы нас предал. Заключил сделку с высшими, и ценой этого договора стали чистые души!

Я поколебался, но, поскольку метка больше не откликнулась, все же выложил на стол окровавленный перстень. Серебряную печатку с грубоватым рисунком на ободке и тяжелым, старательно отполированным навершием.

При виде него у отца Гона во второй раз изменилось лицо.

– Это то, что я думаю, Рэйш?

– Это один из перстней, которые Орден выдает темным магам по окончании ученичества.

– Свободный пропуск на темную сторону, – сглотнул жрец.

– Я забрал его у человека, в подвале дома которого находились последние жертвы вампира, – ровно сообщил я. – Кольцо, как видите, старое. Скорее всего, фамильное. Но знаки, обозначающие принадлежность к роду, кем-то старательно затерты, поэтому мы никогда не узнаем, с кого из моих коллег его

сняли.

Отец Гон вздрогнул.

– Это ОЧЕНЬ плохо, Рэйш.

– Хуже всего то, что таких перстней по городу гуляет несколько. Человек, который его носил, признался, что у него были сообщники, но имен сообщить не успел. От кого они получили перстни, он тоже не знал, но сказал, что конкретно это кольцо попало в его род довольно давно.

– Несколько десятилетий назад?!

– Скорее, сто пятнадцать, – пристально посмотрел я на жреца. И отец Гон вздрогнул во второй раз.

– Ты думаешь…?!

– После бойни, устроенной Эрнестом Кровавым, таких перстней в Алтории осталось море. И вряд ли все они были похоронены вместе с мертвецами. Но за столько лет магические кольца должны были растерять весь заряд, не говоря о том, что чужаку… тем более, простому смертному… они не стали бы подчиняться. А это значит, кто-то сумел провести ритуал передачи. И этим «кто-то» определенно был темный маг. Святой отец, вы точно уверены, что лотэйнийских жнецов больше не осталось?

Жрец устало прикрыл глаза.

– Я уже говорил тебе, Рэйш… не в этом дело.

– А чем тогда? – насторожился я.

– У нас возникла новая проблема, – признался настоятель. – И она гораздо серьезнее вампиров, потому что этой ночью кто-то пробрался в древний храм и пробудил темный алтарь от спячки.

Я мысленно крякнул, а метка снова ненавязчиво потеплела.

Ну вот, что я говорил? Но кто же знал, что на него нельзя ложиться? Хорошо ещё, что Фол меня за жертву не посчитал. Только притопил чуток за святотатство, зато изволил подлечить. А теперь упорно советует помалкивать на эту тему, хотя, казалось бы, в чем проблема? Жрецы ведь свои, темные!

Глянув на мрачное лицо настоятеля, я, правда, усомнился, что истинное положение дел его бы обрадовало. А когда тот удрученно вздохнул, все же решил поинтересоваться:

– Почему вас так это встревожило, святой отец? Разве активный алтарь – это плохо для храма?

Отец Гон одарил меня хмурым взглядом.

– Ты многого не знаешь, Рэйш. Но поскольку на данный момент ты единственный, кто способен погружаться во Тьму достаточно глубоко, тебя это касается напрямую.

– То есть, дело совсем плохо? Мне пора подумать о завещании?

Настоятель так же мрачно кивнул, и мне стало не до шуток. А он тем временем поднялся и, подойдя к окну, невидящим взором уставился на улицу, словно там могли найтись ответы на его вопросы.

– То, о чем я тебе расскажу, не должно покинуть пределы этой комнаты, – обронил он, когда я вопросительно повернулся в кресле. – Есть вещи, которые простым смертным знать не следует. И даже мои братья далеко не обо всем осведомлены. До меня эти знания дошли от прежнего настоятеля храма. И так же, как в свое время он был обязан хранить эту тайну, так и мне долгие годы приходилось молчать. А сегодня Фол сам отправил меня к тебе…

Я внутренне подобрался, но святой отец на меня не смотрел. Казалось, он полностью погрузился в себя и теперь с трудом выталкивал из себя слова, которые однажды поклялся не произносить.

– Ты как-то сказал, что боги не действуют напрямую, – продолжил тем временем настоятель. – И это совершеннейшая правда, хотя возможности вмешиваться в наши дела у них по-прежнему есть. Обычно для того, чтобы оставить нам знак, не нужно давать ярких знамений, раскалывать горы, сжигать города или иным способом привлекать наше внимания. Жрецы для того и есть, чтобы распознавать желания богов в легчайших колебаниях ткани мироздания. В самых обыденных событиях, в поступках прихожан или в собственных предчувствиях, в которых порой бывает больше правды, чем в клятвах королей. И лишь в случае, когда мы не уверены, что поняли бога правильно, мы обращаемся к нему с молитвой или уходим туда, где божий глас чувствуется четче и острее…

– Вы говорит о темной стороне, святой отец? – настороженно уточнил я.

– Совершенно верно. Где, как ни во Тьме, глас темного бога звучит наиболее отчетливо?

– Значит, именно поэтому вам разрешено посещать темную сторону, – догадался я. – А как насчет светлых? У них тоже есть особое место, куда весточки от Рода и остальных светлых богов доходят быстрее?

– Думаю, да. Но подробностей, как ты понимаешь, нам никто не раскрывает. Дело в другом, Рэйш – на темной стороне не просто отражается все, что происходит в реальном мире… на самом деле, зависимость здесь обратная.

Я замер.

– То есть, это реальный мир является отражением Тьмы?!

– В той части, что касается темных богов и их интересов – да, – тихо подтвердил жрец, и я всерьез призадумался.

Это что же получается? Тьма – не просто изнанка мира живых, а её основа? То самое изначальное, бесконечно древнее, а местами даже мрачное прошлое, на столпах которого построено настоящее? Наверное, поэтому, если внизу происходит катаклизм вроде взрыва в большущей каверне, то в реальном мире дрожат и рушатся здания? И именно поэтому те, кому по долгу службы положено ощущать подобные перемены, всегда знают, когда ожидать очередной гадости?

– Это как-то связано с тем, что темные маги по-настоящему сильны лишь на темной стороне? – осторожно переспросил я.

– Не только маги, – ещё тише признался жрец. – Это правило касается даже богов.

И вот тогда я наконец начал понимать. А ещё впервые подумал о том, что, раз темные боги обретают максимальное могущество именно во Тьме, значит, их настоящий храм должен находиться не в реальном мире, а на темной стороне. В самой защищенной и по возможности глубокой каверне, где сможет безопасно существовать наполненный запредельной силой древний алтарь. Тогда как наверху, для верующих, останется лишь его отражение. Бледная тень, проще говоря фальшивка, по бликам на которой доверенные жрецы должны угадать настроение своего сурового бога.

– Мы не знаем, в каком измерении или на какой глубине наши боги в действительности находятся, – с едва слышным вздохом сообщил отец Гон. – Мне известно лишь то, что по-настоящему воплотиться они способны только на нижнем слое Тьмы. Ненадолго. И лишь в том случае, если для них найдется подходящее вместилище.

– Вы имеет в виду статуи?

Настоятель ненадолго обернулся.

– Да, Рэйш. Некоторые виды камня устойчивы не только к магии, но и к воздействию божественной силы, поэтому мы издревле используем их в храмах. Обладая таким вместилищем, даже могущественный Фол способен открыто вмешиваться в дела своей паствы.

– Но примерно тысячу лет назад его вместилище было уничтожено, верно? – спокойно предположил я, после чего отец Гон поджал губы и снова отвернулся к окну.

– Не только оно. В Лотэйне в то время набирала силу смута. Большинство жнецов погибли при закрытии врат, дар у остальных закрыли, темные рода оскудели, поэтому хранить покой Фола стало некому. Позиции пантеона заметно пошатнулись. Темные жрецы пребывали в растерянности. А угроза разрушения главного алтаря стала настолько реальной, что в конце концов было

принято решение его… уничтожить.

– Что?! – вздрогнул я.

– Оставлять главное святилище на территории Лотэйна стало слишком опасно, – пояснил настоятель. – Ты видел статуи в храме – незаметно вывезти их из страны было невозможно. Поэтому и их, и алтарь пришлось разбить на части и аккуратно перевезти в безопасное место. С благословения и разрешения Фола, конечно.

От таких новостей у меня волосы на затылке зашевелились.

– Хотите сказать, вы переместили в Алторию ВЕСЬ темный пантеон?!

– Нам пришлось это сделать. Верующие по одному перевозили осколки сюда. В Алтир. Чтобы заложить их в основание нового храма.

– Но это же демонова прорва работы!

– Ты прав. Статуя любого бога несет в себе часть его силы. А мы с тобой говорим о темных богах, сила которых опасна для всего живого. Одно касание даже крохотной её капли, и целый город может стать проклятым… Помнишь Верль?

Я зябко поежился. Конечно, помню. Тогда я впервые лицом к лицу повстречался с Леди в белом. И совершенно случайно заключил сделку с владыкой ночи, за что и расплачиваюсь до сих пор.

– Наши предшественники знали, что делали, когда дробили статуи на части, – не заметив моего жеста, добавил отец Гон. – Меньше объем – меньше риск, что они принесут беду. К тому же, для каждой из этих частей было создано свое персональное хранилище. Надежное, тщательно опечатанное и очень хорошо защищенное. В Верле тебе повезло наткнуться именно на такое. Насколько велика опасность повреждения защитного чехла, ты уже знаешь. Но сейчас его содержимое хранится здесь. В Алтире. Как и множество других. И больше они никому не принесут вреда, потому что мы спрятали их от внешнего мира.

Я поневоле вспомнил беспорядочные нагромождения камней в нижнем храме и мысленно присвистнул, представив, какую гигантскую работу пришлось провести, чтобы сперва раздробить огромные статуи на тысячи или даже десятки тысяч осколков, а затем по одному… тайком… упаковать их в специально оборудованные шкатулки и перевезти в Алторию, причем так, чтобы об этом никто не догадался.

Интересно, каким образом жрецы доставляли потом осколки статуй в каверну? Глубоко погружаться во Тьму никто из них не мог, иначе вампирам попросту не удалось бы обосноваться под храмом. Выходит, осколки извлекали из шкатулок и по одному скидывали в отверстие каверны? А там куда упадет, туда и

ладно?

– Какую роль во всем этом играли жнецы? – помолчав, осведомился я, открыв для себе ещё одну страничку из невеселой истории лотэйнийского пантеона.

– Самую непосредственную. Из уцелевших родов Фол выбрал десять особо доверенных лиц и передал им часть своей силы для уничтожения алтаря. С их же помощью осколки потом были перевезены и установлены на темной стороне Алтира.

– Десять? – вздрогнул я. – Вы сказали: десять?!

Фол. Кажется, теперь я знаю, что за имена были в списке учителя: Айнеро, Дейнеши, Ирранэ, Карино, Летари, Маори, Норрату, Саэфи, Таэро, Уортэн. Демонова печенка. Вот и ответ!

Настоятель, не оборачиваясь, кивнул.

– Это была самая сложная работа. Ни одному смертному не под силу разрушить алтарь бога. Но жнецам это удалось. И после того, как в Алтире был заложен новый храм, никого из них больше не видели.

– Что с ними случилось?

– В летописях указано, что Фол, исполняя данное богам обещание, призвал души жнецов к себе. Все они умерли на алтаре нового храма, тем самым отдав ему подаренную ранее силу.

Я откинулся на кресле, лихорадочно прокручивая в голове новые сведения.

– А если бы кто-то из них все-таки уцелел, это имело бы ценность для храма?

– Конечно, – невесело хмыкнул настоятель. – Каждый такой маг – потенциальная угроза. И вероятный создатель новых врат. Так что, если бы кто-то из смертных вновь обрел силу Фола, за ним начала бы охоту не только храмовая стража, но и нежить. Для высших – это единственный способ получить свободный проход в наш мир. Но, как я тебе уже говорил, истинных жнецов больше тысячи лет никто не видел и, само собой, не создавал.

– Но, если помните, на той барже были почти готовые врата!

– Я согласен. Это и впрямь тревожно, – вздохнул настоятель. – Но у меня нет оснований не верить своему богу. Если поверил даже Род… кто я такой, чтобы в нем усомниться?

– По-вашему, врата пытался создать кто-то ещё? – недоверчиво переспросил я. – А это вообще возможно?

– Почему же нет? Нежить тысячелетиями искала способ добраться до мира живых. И я не думаю, что за столько времени они совсем в этом не преуспели. Конечно, если бы демоны или моргулы нашли простой и безотказный способ, наш мир давно бы утонул в крови. Но раз ты видел почти готовую заготовку, значит, они все же близки к прорыву. И в ближайшие сто лет нас ждут

серьезные испытания.

– Почему так долго? – нахмурился я.

– Для открытия врат нужно много душ, – тихо признался отец Гон. – Так много, что единовременно в мире живых просто нет столько народу. Да и не все души попадают на темную сторону. Большинство сразу уходят на перерождение или на вечный покой в обиталище своего бога.

Я ненадолго задумался, а потом в мою голову пришла ещё одна мысль.

– А вы не думаете, что умруны, которых я убил, могли попытаться воспроизвести возможности жнеца, вселяясь в тела темных магов? И для этого начали убивать ваших собратьев?

– Была у меня такая мысль, – сознался священник. – Когда забрали душу отца Кана, я первым делом решил, что кому-то понадобилась его сила. Не исключено, что именно эта душа помогла умрунам вплотную приблизиться к цели. Но ты их, к счастью, остановил. А я предпринял меры, чтобы больше такого не произошло.

– Думаете, заготовка для врат была всего одна?

– Если бы это было не так, мир бы уже качался на грани катастрофы. А Фол пока не подавал тревожных сигналов.

Я снова задумался, но в конце концов все же кивнул.

– Хорошо, не буду спорить. Хотя по жнецам у меня ещё остались вопросы.

Настоятель покачал головой.

– Поверь, Рэйш, даже если бы кто-то захотел возродить старые обычаи, то на создание жнеца потребовалась бы масса энергии. А наш бог до сих пор не имеет полноценного вместилища. Без него обряд такой сложности попросту не осуществить.

– Так вас не поэтому встревожило пробуждение алтаря?

– Доступ к нему имели лишь избранные, – тихо сказал отец Гон. – Но я туда не спускался. Ни вчера, ни сегодня, ни в ближайшие два десятилетия, которые занимаю пост настоятеля.

– Вы не захотели туда спуститься или же не смогли? – полюбопытствовал я, хотя, в общем-то, уже знал ответ.

Отец Гон опустил голову.

– Без полноценного благословения ни я, ни кто-либо из братьев не способен этого сделать. А полноценное благословение, как в старые времена, можно получить только у алтаря… получается замкнутый круг, Рэйш. И именно поэтому я обеспокоен. Тот, кто сумеет завладеть алтарем, получит небывалую власть на темной стороне. И кто это будет – человек, бог или обычная тварь, мне неведомо. Плохо то, что уже много

веков святилище остается практически беззащитным. И так будет до тех пор, пока статуи в первохраме не вернутся на законные места.

– Что же Фол не позволил жнецам сделать это сразу? – скептически поджал губы я. – Если лишь они могли спускаться так глубоко во Тьму, зачем было убивать их раньше времени? Поставили бы статуи на место, а уж потом ложились на новенький алтарь…

Настоятельно невесело улыбнулся.

– Об этом надо спрашивать у Фола. Не исключено, что Род дал совсем немного времени на исполнение клятвы. Или же Фол понадеялся, что потомки уцелевших жнецов когда-нибудь обретут достаточно сил, чтобы закончить восстановление храма. А может, дело было в чем-то ещё. Этого мы не знаем. Но уже давно ждем от него знака и следим за всеми, кто получил его благословение. В надежде именно на то, что кто-то сумеет сделать то, чего не смогли другие.

Под испытующим взглядом святого отца я мысленно крякнул.

Ну вот ещё. Спасителя из меня сделать надумали. Хотя насчет тварей он прав – если уж жалкий вампир додумался, что можно безнаказанно качать силу из алтаря, то другие высшие и подавно сообразят. Вампир, чтобы что ни говорил, сослужил храму добрую службу, потому что, скорее всего, ослабил алтарь настолько, что другие высшие его эманации не ощущали. Но теперь вампира нет. Алтарь вскоре начнет набирать силу. Так что хочешь не хочешь, а с ним надо что-то придумывать, пока его не отыскал какой-нибудь демон.

Метка на моем плече слегка потеплела, а я неожиданно успокоился: настоятель не солгал – его действительно тревожило лишь это. И Фол по-прежнему верил ему, иначе мне бы не позволили рассказать обо всем остальном. С другой стороны, некоторые сведения владыка ночи все же посчитал преждевременными, но ему лучше знать своего жреца. Кто я такой, чтобы спорить с богом?

А вот насчет исчезнувших жнецов у меня появилась ещё одна мысль.

Все же я не верю в подобные совпадения, поэтому десять имен из списка и десять исчезнувших лотэйнийских родов не давали мне покоя. Конечно, обмануть Рода Фол не смог бы при всем желании. Клятва бога – это совсем не то, что клятва пройдохи. Но что, если владыка ночи убил своих последователей… я даже готов поверить, что жнецы по доброй воле легли на алтарь… не сразу? Что, если между приездом в Алтир и жертвоприношением прошло некоторое время? Скажем,

хотя бы месяц или два? Хотя, если постараться, и одного-единственного дня достаточно, чтобы попытаться обзавестись потомством. Ведь у тех, кто отказался от Фола, в итоге родились одаренные дети. И если даже у потомков отступников и предателей через несколько поколений открылся темный дар, то почему владыка ночи не мог, не отступая от клятвы, совершить маленькую вольность? И подарить возможность продлить род тем, кто остался верен ему до конца?!

Но если я прав, и темный бог действительно схитрил, значит, как минимум у шестерых из тех десяти жнецов остались в Алтории живые потомки. Хотя нет. Уже у пятерых. Ведь у мастера Рэйша, чьи предки тоже находились в списке, не осталось прямых наследников. А я, разумеется, не в счет.

Итого, у нас есть целых пять направлений, по которым можно и нужно работать. Но, в то же время, шансов докопаться до правды немного. Я почти уверен, что наследники других родов, как и Рэйши, соблюдали крайнюю осторожность. Вполне вероятно, кто-то из них знал свои корни. Помнил, в чем его ценность. И не один раз за прошедшие века успел сменить фамилию.

– Что ж, не буду отнимать у тебя время, – тяжело вздохнул отец-настоятель, отходя наконец от окна. – Жаль, что ты не смог мне помочь. Но по крайней мере послание Фола я тебе передал.

– Благодарю, святой отец.

– Если не против, я заберу перстень, – неожиданно предложил гость, покосившись на окровавленное кольцо на моем столе. – Возможно, Фол поможет установить принадлежность этой вещи. Своих последователей он должен знать, особенно, если они мертвы. А ещё мне, признаться, очень хочется отыскать людей, которые торговали с нежитью человеческими душами.

Я пожал плечами.

– Забирайте, конечно. Но имейте в виду: Корн тоже захочет на него взглянуть.

– Это не займет много времени. Уже к полудню я или смогу помочь вам в расследовании, или же просто верну кольцо.

– Договорились.

Проводив гостя к выходу, я самолично закрыл за ним ворота и, вернувшись в кабинет, задумчиво уставился в окно.

Что ж, мне есть с чем работать дальше. Подтверждение своим догадкам я только что получил – Фол не прислал бы жреца без причины. И я мог с уверенностью сказать, что источник информации он нашел для меня самый надежный. Другое дело, что пока я увидел лишь одну ниточку, за которую можно было зацепиться – Норрату. Тот самый род, один из представителей

которого упорно враждовал с Рэйшами, и у которого по непонятным причинам находилась вторая половина списка. Как я думаю – с результатами умозаключений учителя и, возможно, с именами ныне существующих, чудом уцелевших в череде кровопролитных войн потомков лотэйнийских жнецов.

Может, я не прав, и никакой связи между этими событиями нет, но кто-то же должен был стоять за всем, что происходило в столице. Кто-то две с половиной сотни лет назад собрал оставшиеся после убийства некросов перстни, а затем использовал, чтобы создать условия для размножения высших в столице. Быть может, появления моргула на кладбище – событие из той же серии подозрительных случайностей, которые случайностями больше не кажутся. Тем более что тварь знала о списке. И знала, где и у кого он хранится.

А ещё меня очень тревожил вампир, которого я сегодня так удачно прибил. Не для того ли его на протяжении нескольких десятилетий подкармливали, чтобы он и дальше оставался возле алтаря? Согласитесь, лучшего охранника для темного святилища трудно придумать.

Вопрос в том, кому это могло понадобиться?

Жаль, ответа у меня пока не было.

Глава 15

Когда я вошел в кабинет Нельсона Корна, солнце перевалило далеко за полдень. За это время я успел сделать много важного и полезного – к примеру, поспал. А теперь был готов предстать пред строгими очами сурового начальства и изложить свою версию произошедшего.

Сам Корн находился на привычном месте – за огромным столом, и как всегда выглядел не выспавшимся и злым. Рядом на креслах расположились ещё четыре человека, однако знаком я был лишь с одним. Причем он смотрел почти так же, как шеф ГУССа – словно был готов собственноручно меня придушить. Несмотря на то, что я честно его предупредил, что живой, и попросил собрать у Корна небольшое совещание.

– Всем доброго дня. Йен, где сапоги? – осведомился я, когда перехватил свирепый взгляд Норриди.

Тот в первое мгновение аж опешил.

– Какие сапоги?!

– Мои. Те, что я передал на хранение Тори.

– Ах твои… разумеется, я их выкинул, – буркнул Йен, метнув на шефа настороженный взгляд. – Между прочим, ты опоздал. Мы уже полсвечи ждем. И единственное, что тебя извиняет, этот тот факт, что ты впервые на моей памяти соизволил с кем-то поздороваться!

Я сокрушенно развел руками.

– Ты прав: столица плохо на меня влияет.

– Довольно! – раздраженно прервал нашу перепалку Корн, и в комнате воцарилась мертвая тишина. – Рэйш, сядь и будь добр наконец объяснить, что за комедию ты сегодня устроил!

Я без возражений закрыл дверь, но прежде, чем усесться на свободное кресло рядом с Норриди, пробежался взглядом по собравшимся.

Хм. Я, конечно, предполагал, что Йен будет выглядеть в столице белой вороной, но не думал, что из четырех начальников сыскных участков только у него не окажется магического дара. Его коллег я сегодня увидел впервые и не особенно удивился, обнаружив, что двое из них являются темными магами. Один, судя по ауре, был неплохим некросом, другой – магом Смерти. А последний и вовсе оказался светлее некуда, так что можно сказать, что в руководстве столичного Управления соблюдался магический паритет. Йен, похоже, выступал здесь в роли нейтральной стороны. Но мне вдруг стало интересно, кем был тот

умник, что рискнул вытащить Норриди из глубинки, если и без него талантливых управленцев в Алтире хватало.

– Я прочел твой рапорт, – сухо сказал Корн, когда я все-таки сел и кивком поблагодарил присутствующих за терпение. – Но мне непонятно, почему ты не принес его лично, а предпочел опять подбросить, как вор.

Я пожал плечами.

– У меня были срочные дела. А отвечать на вопросы, когда вы уже в курсе событий, гораздо легче. Надеюсь, присутствующие уже успели ознакомиться с этой информацией?

– Что произошло в подвале? – словно не услышал Корн. – Почему ты ушел? И главное, какого демона запер дверь так, что её почти полторы свечи не могли сломать мои люди?!

О! Так они её все-таки сломали? Молодцы, не ожидал.

– С Робертом Искадо все в порядке? – не преминул ответить вопросом на вопрос я. А что? Очень интересная забава. Я могу и сутками так препираться.

Корн скрипнул зубами.

– Да. Девушке помочь не удалось – на днях её похоронят на Королевском кладбище со всеми полагающимися почестями. А её родителям выплатят компенсацию в том же размере, что получают семьи героев короны в случае потери кормильца. Его величество распорядился. Роберт Искадо пока находится под присмотром целителей, но угрозы для жизни больше нет.

– Мы успели вовремя, – подтвердил сидящий слева от шефа маг – худощавый, хорошо одетый, приятной наружности светлый лет сорока с хвостиком. – Ещё бы полдня, и мальчика было бы уже не спасти.

А потом он перехватил мой вопросительный взгляд и спохватился.

– Прошу прощения, нас не представили. Грегори Илдж. Начальник восточного участка столицы.

– Хьюго Рош, – хмуро представился немолодой некрос, когда мой взгляд плавно обратился в его сторону. Под традиционными для его профессии бесформенными одеяниями было сложно угадать фигуру, но, судя по второму подбородку, сероватому цвету лица и выступающему брюшку, маг не утруждал себя физическими упражнениями. Да и на солнце находиться явно не любил. Хотя для повелителя кладбищ это как раз нормально. – Южный участок.

– Грэг Эрроуз, северный, – так же хмуро сообщил немолодой седовласый маг, сидящий справа от Корна. – А вы, я так полагаю, тот самый Артур Рэйш?

Я внимательно посмотрел на коллегу: высокий, сухощавый и

жилистый, он был из той категории неудобных людей, которым с одинаковым успехом можно дать и сорок, и все шестьдесят лет. Абсолютно гладкая и неестественно светлая кожа. Бесцветные глаза. Цепкий взгляд… и абсолютно никакого оружия, что моментально возводило его в категорию крайне опасных противников.

– Чем же я так знаменит, что вы уделили мне столько внимания, мастер Эрроуз? – иронично осведомился я.

Маг даже не улыбнулся.

– Своим громким именем, редким для темного послужным списком, долгим отсутствием, внезапным появлением, а также тем тарарамом, который вы устроили в первый день своего пребывания в столице.

– Давайте ближе к делу, господа, – снова вмешался Корн, прервав этот увлекательный диалог. – Рэйш, я хочу знать, какого демона ты ушел из кабака, да ещё и не предупредил никого об этом!

Я сделал невозмутимое лицо.

– Прошу прощения, шеф, но обосновавшаяся в подвале тварь не спрашивала моего согласия, когда утаскивала на темную сторону.

– Как она могла тебя утащить, если оттуда не было выхода?!

– Что значит, не было?! Да под тем гробом такая дыра в земле выдолблена, а в ней столько всяких ходов нарыто, что без бутылки не разберешься!

В комнате воцарилось ошеломленное молчание.

– Какие ещё ходы? – наконец, непонимающе переспросил некрос.

– Что за дыра? – удивился светлый.

– Мои люди все там проверили, – нахмурился Корн. – Никаких ходов там не было. А через те отверстия, которые есть в стенах, ты бы при всем желании не пролез.

Я выразительно возвел глаза к потолку.

– А днище у «моего» гроба кто-нибудь из вас догадался осмотреть?!

Некрос и Эрроуз быстро переглянулись.

– При чем тут днище?

– При том, что оно держалось на соплях, и стоило стукнуть по нему хорошенько, как тут же рухнуло вниз! Прямо в пещеру, которую кто-то заботливо выдолбил для голодного вампира!

Маги снова переглянулись, а на лице светлого отразилось напряженная работа мысли.

– Нет, – наконец, был вынужден признать он. – Насчет выпадающего днища мне ничего не сообщали.

Правильно. Потому что я испортил его всего пару свечей назад, когда придумывал, что вам сказать по поводу своего исчезновения и при этом не упоминать про нижний слой. Конечно, резать камень было не слишком удобно, но секира прекрасно справилась, избавив меня от необходимости врать. Так что, если кто-то прямо сейчас пожелает проверить правдивость моих слов, то очень сильно удивится незаметным с первого взгляда, но весьма существенным повреждениям злополучного саркофага.

О том, что под ним есть пещера я, естественно, узнал до того, как взялся за работу. Ну а ходы, которых благодаря вампиру там имелось великое множество, на всякий случай обрушил, с чем мне невероятно помогла маленькая и проворная Мелочь.

– Ну и что? – все же усомнился в моей версии некрос. – Даже если и была там пещера, ни один вампир не стал бы в ней селиться. Они не живут так близко к поверхности.

– Зато он мог проделать достаточно широкий проход, чтобы при необходимости утянуть туда жертву, – задумчиво добавил Эрроуз и окинул меня внимательным взглядом. – Возможно, именно поэтому мы так долго не находили трупов с характерными изменениями. Как вам удалось выбраться, Рэйш? Я так понимаю, вампир затащил вас прямиком в логово?

Я кивнул.

– На это и был расчет. Магию я не использовал, чтобы его не спугнуть. А от оружия и артефактов избавился заранее.

– Мы нашли в подвале следы крови…

– Вампир был слишком осторожным, – вынужденно признал я. – Пришлось его немного раззадорить.

– То есть, ты умышленно полез к нему в пасть? – с нескрываемой угрозой переспросил Корн.

Я посмотрел на начальство с укором.

– Обрубить вампиру щупальца – только полдела. Задень мы ненароком хоть одно, и тварь тут же сбросила бы их, как ящерица – хвост. А я хотел достать её целиком. Согласитесь, высший такого уровня даже для столицы это нонсенс. Тем более я ведь написал в отчете – ему помогали сверху. Причем не один год.

– Да, мы уже допросили подозреваемых, – с мрачным видом подтвердил Корн. – Но все они утверждают, что были лишь исполнителями. Распоряжения им отдавал исключительно Фатто.

– Кто?

– Трактирщик… которого ты, между прочим, упустил!

– Зато я успел вытрясти с него полезную информацию, – возразил я. – Правда, так и не понял, кто зачаровывал ему монетки. И где толстяк добыл артефакт, которые убирает за

жертвами магические следы, в том числе и на темной стороне.

– Артефакт у них действительно был, – немного успокоившись, сообщил Корн. – Откуда взялся, сообщники не знают, но предполагают, что из того же источника, что и монетки. Принцип его действия нам неизвестен, поэтому есть вероятность, что версия подельников правдива. Сам артефакт мы тоже не нашли, хотя спецы обыскали все здание. Говорят, Фатто прятал его где-то на темной стороне и доставал лишь по особым случаям.

– То есть, насчет мальчишки он мне соврал?

Корн сумрачно кивнул.

– Его люди ждали мальчика на улице несколько дней кряду в надежде, что монетка все же подействует. А как только это случилось, выловили его на полпути к кабаку и убрали следы с улицы. Монетку мы, кстати, тоже нашли – она так и лежала в кармане его камзола. И она действительно была зачарована, пока мастер Рош не избавил нас от угрозы.

– Эта вещь крайне необычна по структуре, – снова подал голос некрос. – Работа старая, сплав мне неизвестен, но чеканка, скорее всего, лотэйнийская. У нас такие не делают. Заклятие, как я подозреваю, было слабым, поэтому легко отцепилось от металла. Но, зная, насколько осторожны вампиры, я этому совершенно не удивлен.

– Полагаю, что с учетом этой находки можно смело утверждать, что вампиры, как большинство высших, тоже обладают способностью влиять на разум, – вставил свое веское слово мастер Эрроуз. – Возможно, не напрямую, иначе мастера Рэйша здесь бы не было. Но умение переносить эту магию на посторонний предмет встречается мне среди нежити впервые. Кстати, Рэйш, вы ничего не почувствовали, пока находились в логове?

Я качнул головой.

– Насколько я помню, магия этого вида лучше всего работает на ослабленном, но все же здоровом разуме. А меня по пути несколько раз приложило головой о камни. Так что, если вампир и пытался чем-то воздействовать, я этого не ощутил.

– Жаль. Нам бы эти сведения очень пригодились.

– А как насчет монеток? – заинтересованно обернулся в мою сторону некрос. – Вы, случайно, не находили их в логове?

– Думаете, у меня было время рыскать там в поисках клада?! Естественно, я не обыскивал логово! И как только дело запахло жареным, убрался оттуда со всей доступной скоростью.

– Не сердитесь, коллега, – миролюбиво поднял руки некрос. – И согласитесь, что такие вещи не стоит оставлять без присмотра.

Тем более, на темной стороне.

Я промолчал. Но про себя отметил, что Рош все же прав, поэтому в следующий раз имеет смысл пошарить в каверне на предмет оставшихся монет. Маловероятно, конечно, что вампир зачаровал их все и сразу – гораздо выгоднее было делать это по одной и по мере надобности. Но все же проверить стоило – даже зачарованные нежитью, подобные предметы с удвоенной силой притягивают к себе внимание тварей. К тому же, там могли остаться другие артефакты. И их тоже следовало по возможности изучить.

– Почему ты не остановил толстяка, Рэйш? – все ещё недовольно осведомился Корн, когда некрос умолк, а мастер Эрроуз ненадолго задумался. – И вообще, как ты мог его упустить?! Вы же оба находились на темной стороне! Мне казалось, это всецело твоя стихия!

Я поморщился.

– Меня тогда больше заботило состояние здоровья юного герцога, поэтому с толстяком, ваша правда, я опоздал. И не ожидал, что у Фатто окажется вещь, с помощью которой он будет передвигаться по темной стороне быстрее, чем я. Что же касается его смерти, то в этом я чист. Мастер Норн может подтвердить, что толстяк умер по собственной глупости.

– Мастер Норн как раз дает показания, – деликатно кашлянул Йен, отвлекая внимание на себя. – Но лично меня интересует, как именно ты убил вампира?

Я усмехнулся и, порывшись в карманах, достал оттуда самый обычную зажигалку. Да-да, элементарный артефакт, который не так давно нашел среди многочисленного добра в схроне, но до этого дня не думал, что оно понадобится. Устройство, кстати, элементарное – крохотное огниво, заключенное в металлический корпус, такой же крохотный камешек, с помощью которого высекалась искра, и совсем уж мизерное количество магического катализатора, которое даже магический фон не способно было изменить.

– И все?! – не поверил некрос, когда я демонстративно подбросил на ладони самое веское свое доказательство.

– А зачем больше? – внезапно усмехнулся прекрасно понимающий суть вопроса Эрроуз. – Всего одна искра, полученная в нужное время и в нужном месте, грамотно разлитый катализатор, и любой вампир спечется, как миленький, не успев даже крякнуть.

Я отсалютовал ему зажигалкой, на боку которой зияла приличная дыра, и после этого Корн, хоть и неохотно, вынужден был поверить.

– И все-таки ты больной, Рэйш, – устало произнес он, когда недолгое обсуждение моей полубезумной, но увенчавшейся успехом авантюры, прекратилось. – Все вы, темные, малость ушибленные на голову… без обид, господа. Просто констатация факта.

Некрос, маг Смерти и я ухмыльнулись почти одновременно.

– Я другого не понял, Рэйш: как ты в храме-то оказался? – так же устало осведомился Корн, сделав вид, что не заметил наших ухмылок. – Трактир же находится совсем в другой стороне.

Я независимо пожал плечами.

– Откуда мне было знать, что вампир обустроит логово недалеко от главной площади? И что жирная тварь в процессе издыхания попытается обрушить там стены и потолок? Мне пришлось уходить в спешке, а ближайшим безопасным местом оказался именно храм. Вот я туда и приполз.

– А то, что из-за близости к логову там обрушилось несколько витражей и пострадали древние фрески, тебе известно?

– Что, святоши уже нажаловались? – ухмыльнулся я.

– Я получил сегодня официальное письмо из Ордена, – подтвердил шеф. – И в нем руководство убедительно просит меня заранее предупреждать, если мы надумаем снова провести операцию близи места моления прихожан.

Хорошо работает отец Гон. Оперативно. И что самое приятное, снова помогает мне безбожно нарушать инструкции.

– Теперь храмовая стажа начала собственное расследование, – хмуро добавил Корн. – И это значит, что наших специалистов туда теперь долго не допустят.

Правильно, нечего им там делать. К тому времени, как жрецы закончат обеспечивать мне алиби, следов вампира вообще будет не найти.

– Зато настоятель помог нам с другим, – с непроницаемым лицом сообщил я и положил на стол перед Корном серебряный перстень. – С помощью именно этой вещи господин Фатто свободно разгуливал по темной стороне. Наложенная на кольцо защита уберегала их от нападения нежити и заодно стирала следы их пребывания в домах добропорядочных горожан.

Корн повертел находку в руках, а затем снова перевел тяжелый взгляд на меня.

– Откуда перстень взялся у Фатто?

– Он не сказал.

– А какое отношение к этому имеют жрецы?

– Я взял на себя смелость показать эту вещь отцу-настоятелю, – спокойно сообщил я. – Как вы знаете, у его святейшества свои источники информации, которые он

предпочитает не раскрывать. Но когда мы встретились, он уже был в курсе нашей проблемы. И изъявил желание помочь, поскольку, как он выразился, проблема нежити касается всех, и было бы неэтично сваливать её на наши плечи.

– Что он сказал? – нетерпеливо подался вперед некрос.

– Этот перстень когда-то принадлежал вашему коллеге, – ответил я. – Род Диллос… Вам это ни о чем не говорит?

Господин Рош моментально помрачнел.

– Его уничтожили больше сотни лет назад. Люди Эрнеста Кровавого.

– Совершенно верно. Но история перстня на этом не закончилась. Отец Гон не сумел узнать, каким именно образом он попал в руки предков Фатто, зато у него было видение о ещё шести подобных перстнях, владельцы которых давно погибли, а их вещи были обезличены и переданы в пользование столичным бандитам.

– Он назвал вам их имена? – заинтересованно привстал со своего кресла Эрроуз.

Я достал из-за пазухи сложенный вчетверо листок бумаги.

– Лучше. Он дал мне их адреса. С тем условием, что при допросе этих людей обязательно будет присутствовать кто-то из жрецов.

Корн уставился на меня, как на сошедшего с небес вестника Рода.

– Демон тебя задери… Рэйш, как тебе удалось заставить святош сотрудничать?!

– Я умею хорошо убеждать, – ухмыльнулся я.

Шеф какое-то время смотрел на меня с нескрываемым подозрением, но потом, видимо, вспомнил, каким именно образом подписал приказ на введение должности внештатного сотрудника, и, вытянув из моих пальцев перечень адресов, тоже хмыкнул.

– Теперь я буду знать, кого привлечь, если снова возникнут разногласия с храмом. Так, господа, если у вас нет животрепещущих вопросов, я бы предпочел закончить обсуждение и вплотную заняться подельниками Фатто. Эрроуз, Рош, Норриди, к завтрашнему утру жду от вас отчетов по поимке вот этих личностей. – Корн демонстративно взмахнул листком, щелкнул пальцами, и на столешницу спланировало три его копии. – Грегори, твои люди, раз уж они все равно не спят, понадобятся мне уже сегодня…

– Я тоже могу идти? – с самым невинным видом осведомился я, когда начальники одновременно встали, забрали свои копии и двинулись к выходу.

Корн только отмахнулся.

– Уйди с глаз моих. Но будь добр в следующий раз, когда выведешь своих магов на «тренировку», поставить в известность ГУСС, Управление городской стажи и руководство Ордена заодно, чтобы не мне приходилось одному разгребать оставшиеся после тебя трупы и оправдываться перед королем.

Я с усмешкой устремился вслед за остальными.

– Ну что за несправедливость? – вполголоса пожаловался, нагнав Норриди. – Вампира ему убей, племянника герцога найди, святош на откровенность разведи… а что вместо благодарности?

– Дополнительный рапорт, – буркнул Йен. – Не забывай: ты пока работаешь в моем Управлении. И отчет от тебя требуется по всей форме.

– И ты туда же, – проворчал я. А когда за нами захлопнулась дверь, на всякий случай предупредил: – Имей в виду, до следующего утра, хоть убей, бумажки строчить не буду. А если ты вздумаешь устроить облаву по «нашим» адресам из списка, то и до вечера не сяду.

Йен насупился ещё больше.

– Ну и проваливай. Все равно команду раньше, чем через две свечи мне не собрать.

– Вот и отлично, – зевнул я. – Как только все появятся, кликнешь. А до тех пор можешь смело считать, что я умер. И до рассвета воскресать точно не собираюсь.

* * *

Облавы прошли по столице тем же утром, практически одновременно по всем адресам, что добыл для ГУССа его святейшество. Ни с одним из них он не ошибся, и в подвале указанных настоятелем домов мы нашли такие же «гробы» и следы пребывания в них людей.

Уже вечером, отдохнув и по привычке взявшись за очередную книгу из схрона, до меня неожиданно дошло, что все это время я занимался полной ерундой. Ведь намного проще было не перелопачивать горы мусора в поисках истины, а сразу пролистывать тот или иной том в поисках пометок на полях. В этой книге, к примеру, пометок не оказалось, так что я с чистой совестью мог отложить её до лучших времен. В следующих двух тоже было пусто, поэтому через некоторое время и они отправились во второй кабинет. И лишь в четвертой, которая была написана на древнем лотэйнийском, нашлись следы чернил на полях. Вот только я, к сожалению, не владел языком в

достаточной степени, чтобы до конца понять, о чем же велась речь. Хотя кое-что у меня, конечно, получилось.

В частности, в тексте имелось несколько глав, посвященных храмовым ритуалам, причем намного более подробно описанных, нежели в книге жреца. Детали мне, правда, оказались недоступны, но из пометок учителя стало ясно – в большинстве своем отец Гон сообщил верные сведения. Быть может, за исключением того, что упоминаемый им способ посвящения в жнецы был не просто трудоемким и энергозатратным, но ещё и смертельно опасным для участвующего в нем мага.

Самые интересные, с моей точки зрения, моменты мастер Этор попросту вымарал, словно посчитал их заблуждением. А примерно с середины книги пометки пропали вовсе, из чего я заключил, что больше полезного в ней ничего нет, отложил рукопись к основной стопке, а затем взялся за следующую.

Примерно до полуночи мне удалось неплохо поработать, обогатив свои знания в самых разных областях. На темной стороне время текло неспешно, книги теперь читались гораздо быстрее, и процесс поиска информации упростился в разы.

А после полуночи в кабинет прокралась Мелочь и, забравшись по привычке на подоконник, принялась наводить там марафет. Но, поскольку последние дни выдались бурными, то накрывающая её голову тряпка здорово износилась, нарисованная рожица поблекла, а местами сажа так глубоко въелась в ткань, что уже не отчищалась никакими средствами.

Не сумев привести себя в порядок, кукла огорченно сникла. И не пошевелилась даже тогда, когда я встал, открыл ящик стола и, достав оттуда перевязанный бечевкой небольшой сверток, положил рядом с ней на подоконник.

– Ысь? – непонимающе вскинулась она, когда я толкнул пальцем в твердое брюшко. Надо сказать, за последние дни Мелочь слегка округлилась и стала чуть меньше походить на скелет. В области суставов отчетливее проступили связки и сухожилия. Основания человеческих ладоней, служивших ей туловищем, окончательно срослись. Верхняя пара лап почти перестала касаться земли, обзавелась пока ещё короткими, но уже функциональными пальцами. А нижние лапы изогнулись ещё больше, приобрели способность пружинить во время бега, а на подушечках последних фаланг появились наросты, подозрительно похожие на шипы.

Когда я указал Мелочи на сверток, она растерялась, как ребенок, которому впервые в жизни что-то подарили. Сперва долго смотрела на меня, потом – на сверток. И только когда поняла, что я не шучу, протянула к нему лапу. И медленно-

медленно, будто все ещё сомневалась, подцепила кончиком пальца завязанную бантиком бечевку.

Терпеливо дождавшись, когда её неуклюжие «руки» начнут разворачивать сверток, я отошел обратно к столу и вернулся к работе. А через некоторое время услышал за спиной прерывистый вздох, за которым последовало потрясенное молчание.

– Артс?! – неверяще прошептала кукла, когда добралась до содержимого свертка.

– Это твоё, – подтвердил я, не оборачиваясь. После этого последовала ещё одна долгая пауза, а затем – торопливое шуршание.

Не удержавшись, я все-таки покосился за спину, но сбросившая с себя грязную тряпку Мелочь предусмотрительно отвернулась. И все, что мне удалось увидеть, это её маленькая, сморщенная, похожая на сушеную, обгоревшую в огне, жутковато перекрученную сливу голова. И такой же уродливый, покрытый бородавками затылок.

Зачем её создали такой страшненькой, было решительно непонятно. Однако свое уродство кукла прекрасно осознавала, более того – переживала по этому поводу и прилагала массу усилий, чтобы хоть как-то его скрыть.

Наверное, я совершил глупость, заглянув на днях в лавку кукольника и сделав у него крайне необычный заказ. Однако сейчас, глядя, как сопящая от усердия Мелочь пытается натянуть на себя сшитую из черной кожи маску, я с удивлением понял – нет, не глупость. После чего протянул к подоконнику руку и, ухватив слишком тесную маску за край, с усилием её дернул.

Мелочь испуганно замерла, но кукольник и впрямь оказался мастером. Основываясь лишь на приблизительных размерах, он сшил на редкость удачный заказ, потому что маска села на Мелочь как влитая. И когда кукла неуверенно развернулась, я только усмехнулся, обнаружив перед собой не растрепанный кошмарик, а очень даже представительное чудовище с тщательно прорисованными, кажущимися почти живыми глазами, удивленно раскрытым ртом и роскошной шевелюрой, созданный из блестящего конского волоса.

Желая закрепить эффект, я достал из свертка вторую деталь одежды и, приложив кусок раскроенной особым образом кожи к брюху куклы, ловко завернул его концы вверх и застегнул на спине небольшими черными пуговицами. После чего развернул Мелочь лицом к подносу и сказал:

– На, любуйся.

Сказать, что кукла оторопела, увидев свое отражение, значит не сказать ничего. Она как разинула пасть, в шоке глядя на саму

себя, так и забыла её закрыть. Все ещё страшненькая, неказистая, но приобретшая в этом виде какой-то особенный лоск. И ту самую жутковатую ауру, которую, вероятно, приобретал и я, когда упаковывался в такой же черный доспех.

– Ну что, нравится? – со смешком осведомился я, когда из пасти Мелочи вырвался восхищенный не то вздох, не то стон. – Это, конечно, на время, пока не подрастешь. А там придется заказывать новый.

– Артс-с-с, – шепотом повторила кукла, с необычайной осторожностью тронув пальцами свое новое лицо. После чего вытянула тонкие губы, высунула язык и, старательно проговаривая каждый звук, тихо выдохнула: – Хо-зя-ин!

Я удовлетворенно кивнул.

– Ну вот и говорить наконец-то научилась.

– За-щи-та, – намного увереннее прошипела преобразившаяся кукла. – Моя за-щи-тить Артс!

– Не возражаю, – едва не рассмеялся я. А Мелочь спрыгнула на пол, затем с огромной скоростью обежала стены, после чего забралась на потолок, свесилась с люстры и довольно прошептала:

– Нра!

Ну и слава Фолу. Значит, деньги потрачены не зря.

В этот момент дверь кабинета бесшумно отворилась, и на пороге возник озабоченно хмурящий брови Нортидж.

– Хозяин, только что пришла срочная депеша из Управления. Вас вызывают в участок.

Я поморщился.

– Что там опять случилось?

– Убийство.

– Значит, надо ехать, – вздохнул я, отлепляясь от подоконника. – Мелочь, слезай. Мы снова идем на охоту.

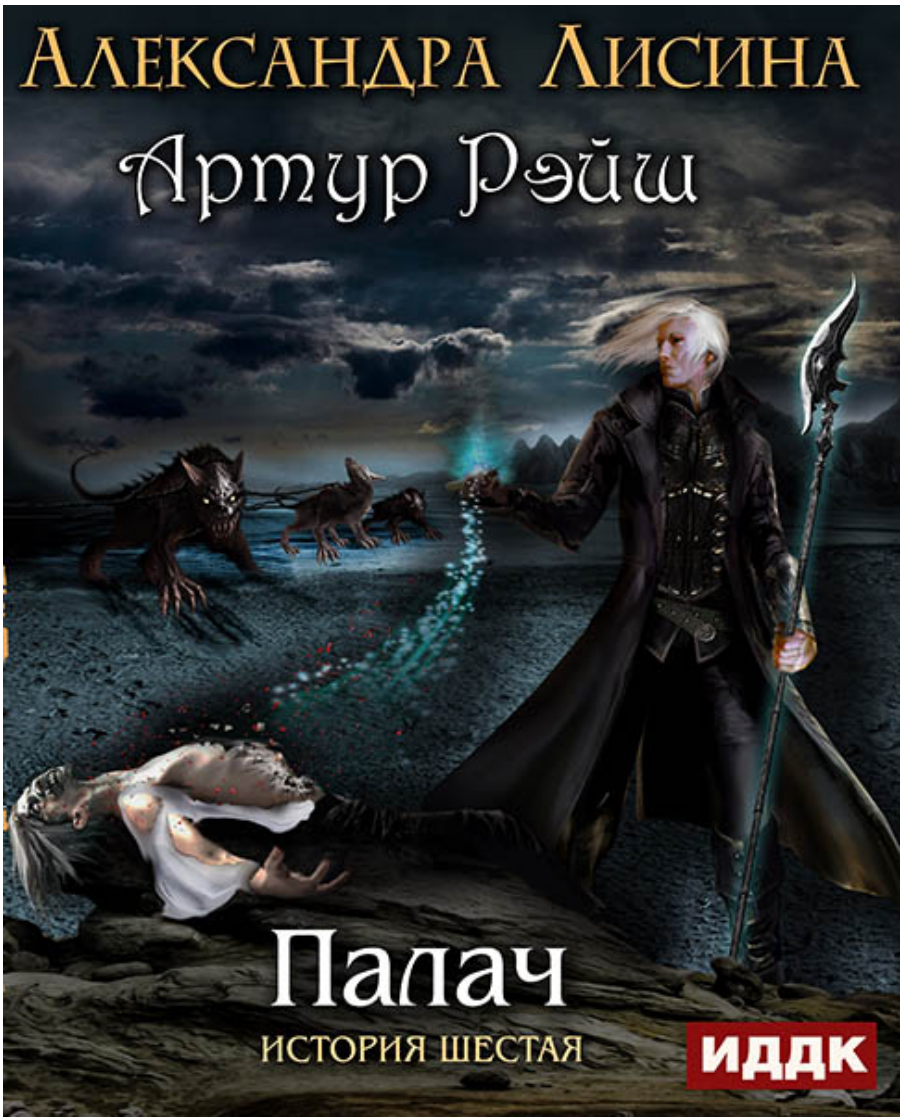
– У-усь! – проурчало маленькое чудовище и, качнувшись на люстре, спрыгнуло на пол.

Нортидж при виде преобразившейся Мелочи испуганно отшатнулся, а когда воинственно размахивающая «руками» кукла промчалась к двери, осенил себя охранным знаком.

– Матушка моя, кого вы себе в питомцы-то приобрели, хозяин?!

– Понятия не имею, – честно признался я. После чего подхватил с кушетки шляпу, набросил на плечи плащ и быстро вышел, даже не надеясь, что скоро сюда вернусь.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ
Палач



Пролог

– Уф! – выдохнул я, выбравшись из схрона и выгрузив следом тяжелый мешок. – Что-то в последнее время мне больше таскать приходится, чем магичить… Может, пришла пора сменить профессию с мага на грузчика?

– Шутимс-с, – фыркнула заметно подросшая Мелочь, запрыгнув на мешок. – Артс-с лучше-с-с магом-с!

– Ну конечно!

Я выпрямился и с отвращением взглянул на сегодняшнюю добычу: и ведь даже четверти книг не вытащил из схрона! Те, которые я уже прочел и решил, что они не пригодятся, мы сегодня вернули – нечего им занимать место в доме. Но внизу до сих пор оставалось столько добра, что аж тоска брала при мысли, что его придется отсюда выволакивать, а затем внимательно просматривать и сортировать.

И зачем мастер Этор натаскал сюда столько хлама? Немалая часть собранных им текстов оказалась неполной, содержащаяся в них информация была противоречивой и представляла интерес разве что для фанатично интересующихся историей теоретиков. Неудивительно, что две трети книг вернулись обратно на полки. Да, попадались среди них и полезные экземпляры, порой даже бесценные, но чтобы их найти, я потратил столько сил и времени, что это не оправдывало никакие успехи.

Хорошо еще, что в Управлении в моих услугах почти не нуждались. После поимки Фатто и последовавших за этим обысков воры, мошенники и убийцы резко притихли. Количество преступлений на участках ощутимо снизилось. На улицах города стало гораздо спокойнее. А когда газеты раструбили о раскрытии очередного громкого дела и об уничтожении целой стаи вампиров, народ вообще предпочел в темное время суток из дома не выходить. Ведь раз в Алтире так долго обитала одна стая тварей, то где гарантия, что поблизости не притаилась другая?

В итоге, я уже почти неделю занимался своими делами и ждал новостей от Нельсона Корна. Правда, очень сомневался, что он добьется толку от тех, кто торговал с нежитью. И, как вскоре выяснилось, оказался прав – дружки Фатто, как и он сам, не были посвящены в детали, понятия не имели, кто передал им магические перстни, и под страхом смерти поклялись, что не знают, кто выступил в роли посредника между ними и вампирами. Его даже в лицо никто не видел. А единственное, что сыскарям из ГУССа удалось установить – то, что это все-таки человек. Скорее всего, маг. А может, и группа магов, цели

которых нам были решительно непонятны.

О том, сколько закрытых ранее дел пришлось поднять сыскарям и сколько исчезновений удалось наконец раскрыть, я не спрашивал. Мне это было неинтересно. Ну, а насчет всего остального Корн молчал. Да и не обязан он был перед нами отчитываться.

Захлопнув крышку сундука, я поплевал на ладони и взгромоздил тяжеленный мешок на плечо.

– Ну что, домой?

Но Мелочь неожиданно не согласилась. За последние дни из мелкого и растрепанного чудища она превратилась в чудище довольно увесистое и вполне солидное. Росту в ней теперь было не с мой кулак, а почти в два раза больше. На пузе под кожаным «доспехом» ощутимо добавилось мясца. Скукоженная плоть под шлемом тоже стала распрямляться, заполняя имевшиеся под ним ямки. Даже косточки на лапах больше не казались голыми – с каждым днем плоти на них постепенно все прибавлялось, и на сегодняшний день кукла представляла собой очень даже неглупое создание, которое, к тому же, с каждым днем все лучше осваивало человеческую речь.

Правда, в схрон за мной она идти не захотела, зато, пока я орудовал внизу, наверняка успела облазать весь остров. Нашла, естественно, немало интересного. Поэтому, как только я собрался открыть тропу, отбежала к берегу и, безошибочно отыскав место, где несколько месяцев назад погиб мастер Ниро, требовательно на меня уставилась.

– Уусь?

Я кивнул.

– Да, здесь был убит человек.

– Друг-сь?

– Нет. Просто коллега.

Мелочь подумала, после чего отбежала в другую сторону и, потоптавшись на огромном, выжженном до черноты пятне, снова кинула на меня вопросительный взгляд.

– Арт-с у-усь?

Я покосился на место, где убил Палача.

– Да. Моя работа.

– Нежис-сь?

– Пожалуй, что нет. Нежитью его назвать, наверное, нельзя, но и от духа-служителя в нем уже ничего не осталось.

Мелочь, удовлетворившись ответом, выбралась из пятна, но напоследок остановилась и, как собака, взрыхлила задними лапами землю, словно пыталась закопать место сожжения. Я на это только хмыкнул – все же кукла мне досталась более чем

странная, а потом открыл тропу: пора было возвращаться.

Но прежде, чем я на нее ступил, по темной стороне прошло непонятное волнение. Потревоженная Тьма на мгновение ожила, зашептала на ухо что-то предупреждающее, после чего вдруг поднялась на дыбы, глухой стеной встав вокруг затерянного в болотах островка, но почти сразу рассеялась. А затем откуда-то издалека донесся долгий, заунывный, явно не звериный вой, услышав который Мелочь ощетинилась и угрожающе зашипела. А я внезапно передумал уходить и, бросив на землю тяжелый мешок, усмехнулся.

– А давай-ка прогуляемся немного по Верлю. Кажется, здесь объявился интересный гость.

Глава 1

Охота на этот раз ожиданий не оправдала – следов твари, о появлении которой предупредила Тьма, найти так и не удалось. Но в ближайшее время имело смысл наведываться сюда почаще, ведь другого темного мага в город до сих пор не прислали. Заглянув ради любопытства в местное сыскное Управление, я не нашел там следов пребывания коллеги. Из чего заключил, что для тригольского УГС, отвечавшего за покой в этом районе, затерянный на болотах городок никакого интереса не представлял. Зато Старый Морж вновь восседал на своем законном месте – то есть, в бывшем кабинете Йена. Гун, Гуго и Вит тоже работали в прежних чинах, и только Чета я нигде не увидел. Видимо, его опять куда-то отправили с поручением.

Желание пообщаться со старыми знакомыми я подавил в зародыше – ни к чему было давать людям повод для сплетен. А вот в храм все-таки заглянул. И не особенно удивился, когда обнаружил, что возле алтаря Фола на темной стороне меня встретил отец Лотий и поприветствовал так, словно мы только вчера расстались.

– Здравствуй, Артур, – поздоровался жрец, стоило мне приблизиться. – Рад видеть тебя в добром здравии. Ты просто так сюда вернулся или же по делу?

– А у вас есть что мне предложить? – вопросом на вопрос ответил я, остановившись напротив статуи владыки ночи.

– Как знать… если я скажу, что меня посетило предчувствие, ты поверишь?

– Почему бы и нет? Жизнь научила меня доверять предчувствиям жрецов. Особенно, если они недобрые.

Отец Лотий едва заметно улыбнулся.

– Работа в столице пошла тебе на пользу, Артур. Ты стал мудрее.

– Скорее, осторожнее, – не согласился я. – Но полагаю, вы уже в курсе последних событий в Алтире. Отец Гон упомянул, что поддерживает с вами связь.

– Все верно, Артур. Как видишь, я был прав, и твоя помощь в столице пригодилась. Но боюсь, за последние несколько недель ты привлек к себе слишком много внимания. И это уже становится опасным.

Я насторожился.

– У вас есть конкретные подозрения? Кого именно я должен опасаться?

– Это всего лишь предчувствие, – виновато развел руками

жрец. – Но ты и без меня прекрасно знаешь – в последние дни Тьма волнуется больше обычного. Поэтому я посоветовал бы тебе соблюдать осторожность. А лучше и вовсе повременить с визитами на темную сторону или свести их количество к минимуму.

– Что вам известно о твари, которая объявилась в Верле? – нахмурился я: залегать на дно в мои планы пока не входило.

– Ничего.

– То есть, вы не слышали сегодня…?

– Слышал, конечно, – вздохнул жрец. – Я довольно много времени провожу на темной стороне: наблюдаю, слушаю, делаю выводы… но до сегодняшнего дня Тьма была относительно спокойна. И проснулась она лишь с твоим возвращением.

Я поморщился.

– То есть, это я привел сюда тварь?

– Не исключено, – тихо отозвался отец Лотий. – Предвидение, к сожалению, не всегда дает четкую картинку, но мне почему-то кажется, что тварь не одна. И на твой след она встала отнюдь не случайно.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить сказанное.

– Вы хотите сказать, кто-то начал на меня охоту? – наконец, сумел я оформить в слова свои предположения.

– Мне так показалось, – уклончиво ответил жрец.

– Хорошо. Тогда кто это? Или что? Какой твари я успел перейти дорогу, но при этом позабыл ее обезглавить?

– Тебе лучше знать, Рэйш. Фол на этот счет ничего не говорил.

– А почему он предупредил об этом вас, а не меня?

Отец Лотий снова улыбнулся.

– Быть может, потому, что ты не захотел его услышать?

– Прекрасное оправдание… – пробормотал я, кинув быстрый взгляд по сторонам. Однако храм был пуст, и лишь окутанное мраком изваяние следило за нами мертвыми глазами. – Откуда ж мне знать, что именно надо рассматривать в качестве божественного знамения? Я вообще-то не жрец. Даже не послушник, чтобы свободно находить или правильно понимать божественные знаки.

Улыбка святого отца стала шире.

– Так за чем же дело стало?

– Э, нет, – поспешил разочаровать его я. – Договор есть договор, и данных Фолу обязательств я нарушать не собираюсь. Но грозить мне саном – это удар ниже пояса, знаете ли.

– Не волнуйся, Рэйш, – тихо рассмеялся жрец. – Насильно

тебе никто голову брить не станет и в рясу, разумеется, не обрядит. В нынешние времена такое не принято. Но все же подумай. Быть темным магом и при этом официально ходить под рукой темного бога – это очень серьезная привилегия.

– Благодарю покорно, обойдусь своими силами.

– Ну, как знаешь, – все ещё посмеиваясь, отступился жрец. А когда успокоился и вновь посерьезнел, совсем другим тоном добавил: – И все-таки будь осторожен. Почаще прислушивайся на темной стороне. Тьма благосклонна к тебе, и ее предупреждения не стоит игнорировать. Так что, если однажды тебе вдруг покажется, что на глубине зарождается буря…

Я кивнул.

– Я уже знаю, где ее можно переждать. Благодарю за совет, святой отец.

– В таком случае удачи, Артур Рэйш, – коротко наклонил голову отец Лотий, постепенно отступая в тень. – Не забывай: Фол следит за тобой.

– Да тут разве забудешь? – буркнул я. А когда жрец наконец ушел, почесал отчаянно зудящее плечо и, кинув ещё один взгляд на Фола, тихонько добавил: – А вот такие намеки я понимать умею. Но было бы совсем замечательно, если бы ты хотя бы иногда соизволял их пояснять.

Домой мы вернулись ближе к вечеру – пользуясь случаем, я все-таки заглянул на нижний уровень Тьмы в Верле и прогулялся по призрачному городу. Однако, к собственному разочарованию, и здесь загадочной твари не обнаружил. Ни глубоких каверн, где могла бы укрыться крупная нежить, ни одного подозрительного участка, который заставил бы меня насторожиться. Даже в городском храме на нижнем слое ничего примечательного не нашлось, кроме таких же пустых постаментов, что я уже видел в Алтире.

Вопреки ожиданиям, потайной пещеры под ними тоже не имелось, как и осколков статуй, и следов присутствия настоящего алтаря. Похоже, отец Гон не солгал – первохрам в Алтории имелся один-единственный, а все другие, пусть и строились по его образу и подобию, особой силы не имели.

Чтобы не уходить из Верля совсем уж с пустыми руками, я отправил Мелочь порезвиться в попавшихся на пути кавернах. Из-за слишком узкого прохода самому мне туда было не протиснуться, но оно и не требовалось – добычи на нижнем уровне почти не имелось, словно после устроенной мной бойни твари до их пор опасались селиться рядом с людьми.

Странного воя я тоже больше не слышал, поэтому вернулся в Алтир со спокойной душой. Однако стоило мне переступить

порог дома, как Нортидж тут же меня огорошил:

– Вас ожидает гость, мастер Рэйш.

Я со стуком опустил тяжелый мешок на пол.

Да, после конфуза с настоятелем главного столичного храма мне пришлось несколько изменить правила обращения с посетителями. Поэтому теперь отцу Гону и некоторым другим жителям города не придется дожидаться меня у ворот.

– Что за гость? Откуда? Когда явился?

– Он представился как Нельсон Корн из главного Управления столичного сыска. А явился около половины свечи назад и изъявил желание вас дождаться. Я взял на себя смелость проводить его в гостиную.

Я покосился на Мелочь, и та понятливо растворилась во Тьме. После чего я забросил книги в кабинет, а затем на всякий случай проверил защиту на доме… да, за последнюю неделю я решил ее обновить. И, хотя работа ещё не была закончена, вряд ли в Алтире найдется другой такой особняк, куда было бы нелегко забраться даже с нижнего слоя Тьмы.

Естественно, я не отказал себе в удовольствии пройти в гостиную по темной стороне и потрепать по холкам довольно скалящихся псов. Гроза и Шторм сидели тут же, в комнате, предупреждая необдуманные поступки со стороны гостя. Остальных слуг видно не было, но я не сомневался, что посетитель находится под присмотром с того самого мига, когда рискнул переступить порог моего дома.

Шеф, стоит отметить, вел себя пристойно и дожидался меня как приличный человек – сидя в кресле и листая какую-то книгу. Рядом, на подлокотнике, лежал визуализатор, из чего следовало заключить, что о духах-служителях Корн уже знал и наверняка приложил все усилия, чтобы получше их изучить.

– Долго гуляешь, Рэйш, – бросил Нельсон Корн, когда я вышел в реальный мир и предстал пред строгими очами начальства. – Интересно, где тебя носит, если ни дворецкий, ни твой непосредственный начальник не знают, как тебя найти?

Я незаметно стер сапогом выпавший на ковре иней.

– Вообще-то, у Йена есть со мной связь. Когда надо, он знает, как меня найти.

– Отлично. Тогда почему этой возможности нет у меня?

– Может, потому, что до сегодняшнего вы не изъявляли особого желания меня видеть?

Корн недобро прищурился, но я сделал вид, что не заметил.

– Что у тебя за духи такие? – снова спросил он после небольшой паузы.

Я пожал плечами и уселся в кресло напротив.

– Обычные служители.

– А почему они могут существовать и в реальном мире, и на темной стороне? Насколько я помню, простому служителю доступно лишь одно место для постоянного обитания. При переходе в другой мир он попросту рассеивается.

– Вы не слишком хорошо знакомы с достижениями нашей семьи, – усмехнулся я. – Еще два с половиной десятилетия назад Этор Рэйш сумел доказать, что при определенных условиях служители способны переходить из мира в мир без потери основных функций. Для этого нужно совсем немного – хороший источник энергии и замкнутое пространство, внутри которого искусственно ослабляется граница между мирами.

Корн окинул гостиную задумчивым взглядом.

– То есть, привязка к месту строго обязательна?

– Колец такой мощности пока не существует, поэтому пока это возможно лишь на ограниченном участке пространства, – кивнул я, краем глаза следя за тем, как мои призрачные псы укладываются рядом с креслом и при этом внимательно наблюдают за гостем. – А если и удалось бы создать подобный артефакт, вы бы все равно его запретили.

– Правильно, – сумрачно подтвердил шеф. – С границами миров не шутят, Рэйш.

– Я в курсе. Тем не менее, патент на изобретение был получен совершенно законным путем, и Орден признал его безопасным. В том числе и потому, что радиус действия магического источника весьма невелик. А при разрушении или повреждении любого из его элементов граница между мирами не рушится, как вы, вероятно, подумали, а возвращается к исходному состоянию. Это естественное свойство пространства, которое доказано достаточно давно и не нами. Конечно, если вам интересно ознакомиться с параметрами и убедиться в надежности устройства…

Но Корн только отмахнулся.

– Позже, Рэйш. Я пришел сюда не за этим.

Я изобразил на лице вежливое недоумение.

– Тогда зачем?

– Собирайся, – велел шеф, поднимаясь с кресла. – Нам с тобой надо кое-куда прогуляться.

– Что, сейчас?! – изумился я, бросив выразительный взгляд за окно.

– Совершенно верно. Поэтому будь добр, оденься во что-нибудь приличное и избавься хотя бы на время от своей ужасной шляпы.

Я недоверчиво оглядел шефа и только сейчас сообразил,

почему он явился в мой дом не в форменном мундире, как обычно, а в изысканном камзоле. И вообще выглядел так, словно собрался на аудиенцию к королю. Правда, перехватив раздраженный взгляд Корна, я счел за лучшее оставить при себе вопрос, чем ему не угодила моя шляпа. И, поскольку начальство проявляло нетерпение, отправился наверх – переодеваться, мысленно похвалив Нортиджа за то, что он все же настоял на пошиве парадного камзола.

Немного позже, забираясь следом за Корном в дожидавшийся у ворот кеб, я с досадой подумал, что отвык от дорогих тканей, золотого шитья, тугих поясов и врезающихся в горло воротничков. Но шефу, судя по всему, понравился мой парадный камзол. Да и на стянутые на затылке, тщательно приглаженные и напомаженные волосы он взглянул с одобрением.

– Так куда мы все-таки едем? – осведомился я, когда экипаж тронулся с места.

– Увидишь, – отчего-то усмехнулся Корн, заставив меня обеспокоиться. И лишь спустя полсвечи, когда кеб домчал нас до Белого квартала, а подозрения относительно королевской аудиенции начали стремительно укрепляться, шеф соизволил наконец добавить: – Не дергайся, Рэйш. Не на эшафот тебя везу. На днях герцог Искадо выразил Управлению признательность за спасение племянника. А сегодня его брат Аарон Искадо вместе с супругой Эланией устраивают скромный семейный ужин в честь благополучного возвращения сына. Поскольку к его спасению ты тоже приложил руку, то герцог изъявил желание с тобой встретиться. И я с удовольствием выполняю его просьбу, надеясь, что ты не посрамишь чести Управления и ответишь на все вопросы, которые его сиятельство захочет задать.

* * *

Известие о грядущем ужине меня совершенно не обрадовало. Да и в том, чтобы поздороваться за руку с герцогом Искадо, я особой пользы для себя не усматривал, поэтому пребывал не в самом лучшем расположении духа. А когда кеб наконец остановился, и я, выбравшись на улицу, увидел дом, где нам предстояло пробыть целый вечер, мое настроение окончательно ухнуло в бездну.

Безусловно, красивый трехэтажный особняк не заслуживал подобного отношения. Заново покрашенный, обновленный и окруженный целым облаком белоснежных цветов на заботливо подстриженных деревьях, он выглядел светлым и чистым как

никогда. Густая зелень ухоженного сада красиво оттенялась желтоватым светом из открытых окон, доносящиеся изнутри голоса добавляли старинному особняку не только уюта, но и жизни. Однако мне до зубовного скрежета не хотелось переступать порог дома, где лет десять назад произошло тройное убийство.

– Чего застыл, Рэйш? – хмыкнул Корн, проходя мимо. – Заходи, гостем будешь.

Я мрачно взглянул на спешащего к воротам дворецкого.

Что ж, было бы странно ожидать, что за столько лет большой дом в престижном квартале столицы никому не приглянется. Подумаешь, убийство… пусть даже и тройное. В каждом из стоящих здесь особняков кто-то когда-то умирал. К тому же, для широкой общественности дело представили как трагическую случайность, поэтому нет ничего удивительного в том, что особняк обрел новых хозяев. Да и кому какое дело, что здесь на самом деле произошло?

Седовласый благообразный слуга поприветствовал моего шефа как старого знакомого. Нас с почтением проводили сперва в богато обставленную гостиную, где не осталось ни одной знакомой мне вещи, а затем, забрав верхнюю одежду, пригласили на веранду, где уже был накрыт стол и собрались немногочисленные гости.

Я почти не удивился, обнаружив в числе приглашенных господина Грегори Илджа – начальника восточного сыскного Управления Алтира. Именно благодаря его усилиям маленький Роберт все-таки выжил, так что появление здесь светлого было закономерно.

Из двух присутствующих дам одна, судя по всему, являлась хозяйкой дома – изысканно одетая леди лет сорока пяти с аристократичной внешностью и причудливой шляпкой, прикрывающей вьющиеся белокурые волосы. Второй же едва было можно дать двадцать. Она была хороша собой и, судя по сходству с Эланией Искадо, приходилась ей дочерью.

Обе леди при нашем появлении поднялись со стоящего у стены диванчика и вежливо улыбнулись. Слегка опередив их, с соседнего кресла встал худощавый молодой человек с уже сформированным светлым даром… видимо, старший сын… а также крепкого сложения мужчина лет пятидесяти. Такой же белокурый, как супруга и дети, с правильными чертами лица. Разумеется, светлый маг, причем неслабый. Но почему-то одетый не в парадный камзол, а в военного покроя мундир, при виде которого у меня в голове что-то щелкнуло.

Вот так номер… кажется, отец Роберта имел прямое

отношение к спецотделу дворцовой стражи. И, судя по знакам отличия, занимал там весьма немаленький пост. А если вспомнить, что именно его люди не сумели отыскать пропавшего мальчика, то стоило усомниться в словах шефа насчет герцога Искадо: кажется, поговорить со мной хотел не только он.

Наконец, мой взгляд остановился на последнем госте – лично с милордом герцогом мы знакомы не были, но о том, как он выглядит, я прекрасно помнил. И должен сказать, что за прошедшие годы его сиятельство практически не изменился, разве что в тщательно уложенных светлых волосах появилась густая седина, да морщин на лице заметно прибавилось. Впрочем, стариком я бы и сейчас его не назвал. В свои шестьдесят с хвостиком лет герцог Искадо был весьма энергичен, обладал острым умом, великолепной памятью, прекрасно развитым светлым даром и по праву считался одним из влиятельнейших людей в Алтории.

– Милорд, – учтиво наклонил голову Корн, и я постарался в точности скопировать его жест. – Господа, леди… мое почтение.

А герцог неожиданно усмехнулся и, подойдя, по-свойски положил шефу руку на плечо.

– Да брось, Нельсон. Сегодня все неофициально, поэтому и обстановка совершенно обычная.

Я мысленно крякнул. Да уж, обычная… с того мига, как мы сюда вошли, присутствующие уже раз пять успели нарушить этикет, но никто почему-то не стремился исправлять свою оплошность. Более того, все вели себя так, будто в доме собрались лучшие друзья, перед которыми не надо было исполнять принятые в высшем обществе ритуалы. Но, наверное, таковы сегодня правила игры?

Что ж, придется соответствовать.

– Я так полагаю, Артур Рэйш? – в очередной раз грубо нарушил регламент герцог и подчеркнуто обернулся в мою сторону. – Верон Искадо. Рад знакомству.

Я без всякого стеснения пожал протянутую руку.

– Взаимно, милорд.

– Молодец, – хмыкнул его сиятельство, окинув меня одобрительным взглядом, после чего самолично представил всех присутствующих, а когда официальная часть подошла к концу, подмигнул сестре и с преувеличенным энтузиазмом спросил: – Элания, а не пора ли нам пригласить гостей за стол?

Леди с готовностью улыбнулась и взялась за колокольчик для слуг. Ее супруг собственноручно подвинул к столу одно из кресел, старший сын по примеру отца взялся за второе, а его сестра Лидия без предупреждения упорхнула обратно в дом.

Правда, ненадолго. Стоило нам рассесться на указанные хозяйкой дома места, как младшая леди Искадо уже вернулась. Причем не одна, а с виновником, так сказать, торжества, в честь которого здесь собрались почти все заинтересованные в нем люди.

Стоило признать, целители над мальчишкой потрудились славно, потому что он выглядел очень хорошо для того, кто всего неделю назад был готов отдать Фолу душу. Конечно, он все ещё был бледен и болезненно худ, под глазами до сих пор виднелись темные круги, а взгляд выглядел напряженным и каким-то затравленным. Однако не это насторожило меня больше всего – как оказалось, пацан за эти дни стал совершенно седым. И, вероятно, именно по этой причине в числе приглашенных оказались не только сильнейшие светлые маги столицы, но и опытный мастер Смерти.

Глава 2

Это был самый странный ужин, какие мне только доводилось посещать в своей жизни. Все правила этикета были забыты. Присутствующих рассадили как попало, не вспоминая ни о рангах, ни о степени родства. На столе стояли самые простые блюда и не имелось ни одной бутылки с вином. А слуги, расставив тарелки и подносы с едой, моментально испарились и больше ни разу не появились, что создало на веранде совсем уж домашнюю атмосферу. Высокопоставленные чиновники вместо того, чтобы обсуждать дела, то и дело упражнялись в остроумии и даже изволили шутить. Молодой лорд Искадо старался им не мешать. Леди Элания и леди Лидия делали вид, что дружеские пикировки за столом в порядке вещей. Корн умело поддерживал непринужденную беседу со всеми присутствующими. И никто… ни словом, ни делом… не упоминал о событиях, которые стали причиной этого необычного ужина.

Илдж, судя по всему, был нечастым гостем в этом доме, поэтому выглядел несколько пришибленно. И слишком уж явно косился в сторону виновника «торжества». Но после того, как шеф по-дружески пихнул его локтем в бок, Грегори наконец-то перестал пялиться на седые волосы юного лорда. И влился в общую беседу, которая все больше начинала напоминать самый обычный спектакль.

Заметив сгорбившегося за столом маленького Роберта, я мысленно покачал головой. Кажется, это была плохая идея – продемонстрировать его сильнейшим магам Управления, замаскировав смотрины дурацким ужином. Судя по застывшей в его глазах тоске, мальчишка прекрасно все понимал, подозревал, что произошедшие с ним перемены пугают родителей, отдавал им должное за попытку разрядить обстановку, но при этом с тревогой ожидал мнения экспертов.

Перехватив настороженный взгляд Роберта, я ободряюще подмигнул и знаком попросил передать большое красное яблоко. Поскольку сидели мы далеко друг от друга, то просто так отдать его мальчик не мог. Для этого яблоко пришлось бы бросить. И когда до Роберта дошла эта крамольная мысль, а сам он вскинул на меня испуганный взгляд, я демонстративно приподнял ладони, молча подтверждая, что готов ловить.

Не знаю, позволяли ли ему раньше так грубо нарушать этикет, но сегодня маленькому лорду простилось бы все. Более того, любые эксперименты, способные отвлечь его от тягостных раздумий, приветствовались и одобрялись. Причем настолько, что

герцог Искадо, внимательно следивший за нашей пантомимой, в какой-то момент демонстративно отвернулся. И с умным видом ткнул пальцем в сад, заставив повернуть в ту сторону головы всех присутствующих.

Когда стало ясно, что уличать нас стало некому, затравленное выражение в глазах мальчишки сменилось сперва на недоверчивое, а затем и на озорное. А я, поймав брошенное им яблоко, с удовлетворением увидел на бледном лице слабую улыбку.

Наконец, ужин закончился, и настало время для традиционной застольной беседы. Поскольку она столь же традиционно предназначалась исключительно для мужчин, то дамы, извинившись, вскоре покинули веранду. Затем Аарон Искадо под благовидным предлогом отослал в дом сыновей. После чего, что совсем удивительно, Корн одарил меня выразительным взглядом и молча велел прогуляться, оставив светлых одних.

Приказ есть приказ, каким бы странным или иррациональным он ни выглядел. Поэтому я поднялся и вышел в гостиную, намереваясь, впрочем, вернуться в сад другим путем.

К сожалению, купив наш старый дом, лорд Аарон Искадо изволил все тут переделать, вплоть до того, что снес несколько стен и перекроил помещения первого этажа по собственному усмотрению. И теперь в особняке не просто не осталось ничего знакомого – дом даже пах иначе. Хотя, наверное, это было и к лучшему.

Поплутав по комнатам, я вскоре нашел что искал – уютный эркер, рядом с которым находился ещё один выход в сад. Полностью стеклянная дверь, почти не видная за тяжелой шторой, была, конечно, предметом роскоши. Но, что самое важное, она заменила часть стены, на которую когда-то пролилось так много крови.

Остановившись перед ней, я на мгновение прикрыл глаза, заново переживая миг, когда, стоя тут же, на этом самом месте, вел бессмысленный спор с братом. Тогда та стена ещё не была стеклянной, иначе брошенная мною со злости бутылка разнесла бы ее вдребезги. А дверь на улицу располагалась в соседней комнате. Слева от окна стояла обитая бархатом кушетка, справа – старинный, за бешеные деньги купленный для мамы клавесин.

Лена обнаружили здесь же – он лежал у стены, прижав окровавленные ладони к широкой ране на шее. Разбитая бутылка валялась рядом, но с первого взгляда было трудно понять, какие брызги оставило вино, а какие нарисовала на стене кровь из разрезанного осколком горла.

Открыв глаза, я с тяжелым сердцем отодвинул штору и толкнул стеклянную дверь.

На заднем дворе было хорошо: темно, тихо, прохладно. В тот проклятый день на улице шел дождь, а сегодня небеса казались чисты как никогда…

Я аккуратно закрыл дверь и медленно двинулся вдоль дома.

Стена. Еще одна стена… вот тут, под балконом, земля когда-то была вымощена каменными плитами. Именно на них нашли тело моей матери, якобы с горя выбросившейся с третьего этажа. Теперь же здесь росла трава, и даже на темной стороне не осталось следов, по которым я мог бы найти убийцу. Десять лет – это много даже для Тьмы. Но, пожалуй, это правильно, что мне довелось узнать правду не сразу. В противном случае я сошел бы с ума намного раньше.

Миновав цветущую лужайку, я обогнул дом почти полностью и остановился неподалеку от веранды.

Так странно – вернуться в свой старый дом и увидеть произошедшие с ним перемены. Герцог за разговором обмолвился, что особняк был приобретен семейством Искадо всего шесть или семь лет назад. Видимо, родственники не придумали, что с ним делать, и выставили на продажу. Важно то, что когда-то это место было обагрено кровью моих близких и будило во мне лишь отчаяние и злость, а теперь тут росли цветы и вовсю щебетали птицы. Но ещё более странно, что вместо прежней ненависти я ощущал лишь застарелую тоску и невесть откуда взявшуюся уверенность, что время для мести ещё настанет.

– Господин маг? – едва не застал меня врасплох напряженный мальчишечий голос.

Я обернулся и с удивлением воззрился на прячущегося среди кустов Роберта.

– Папа сказал, что вы спасли меня, мастер Рэйш, – тихо сказал мальчик, не спеша выбираться на дорожку. – Я этого не помню, но можно кое о чем вас спросить?

Я поискал глазами куда бы присесть и, не найдя поблизости скамейки, опустился перед парнишкой на корточки.

– Можно, конечно.

Роберт воровато покосился на веранду, но сквозь закрытые шторами окна видно было плохо. Только смазанные силуэты собравшихся за столом магов, которые в этот самый момент решали его судьбу.

– Тогда, в подвале… – несмело начал мальчик, подойдя ближе и нервно теребя ворот белоснежной рубашки. – Мне было очень холодно. Так, что я не мог ни пошевелиться, ни позвать на

помощь. А ещё я помню Мелани. Она говорила, что холод, убивающий нас, не из этого мира, и что он не предназначен для живых. Это правда?

Я насторожился, а Роберт тем временем понизил голос до шепота.

– Я почувствовал, когда она умерла, мастер Рэйш. Не видел, но все равно узнал, когда жизнь ее покинула. Потому что раньше Мелани была теплой… там, внутри… а потом тепло из нее ушло. Как будто его выдуло ветром. И после этого холод стал пробираться в меня.

– Ты почувствовал его в себе? – недоверчиво переспросил я, не понимая, как такое стало возможным.

Роберт снова дернул за ворот, словно тот его душил, и кивнул.

– Когда Мелани ушла, мне показалось, что я тоже вскоре умру. Я не хотел этого. И подумал, что если попробую согреть Мелани, то она… возможно, вернется?

– Тебе нравилась Мелани? – осторожно уточнил я, даже не пытаясь представить, что довелось пережить пацану, несколько часов или даже дней пролежавшему в каменном гробу в обнимку с трупом.

– Она спасла мне жизнь, – прерывисто вздохнул мальчик. – И я каждый день думаю, что, может, было бы лучше, если бы мы поменялись местами.

– Ты ни в чем не виноват. Она знала, что нет смысла умирать двоим, когда может погибнуть лишь один. И это был мудрый выбор. Действительно мудрый, хоть и очень тяжелый.

По губам Роберта скользнула невеселая улыбка.

– Вы говорите как мой отец…

– Уверен, если бы он оказался в том подвале, то поступил бы как Мелани.

Мальчишка поднял на меня испуганный взгляд.

– Почему?!

– Потому что люди всегда пытаются спасти то, что им дорого, – ровно пояснил я. – Мелани посчитала, что ты достоин жить. Она верила, что ты справишься, и поэтому боролась до конца.

У Роберта подозрительно заблестели глаза.

– Она не должна была умирать!

– Да. Я пришел слишком поздно.

– Я… я не это хотел сказать, – вздрогнул всем телом юный герцог. – Простите, мастер Рэйш! Это не ваша вина!

– Как посмотреть, – невесело хмыкнул я. – Поверь, не только ты один сожалеешь о смерти этой девушки. Но лишь у тебя есть

возможность доказать, что она погибла не зря.

Роберт Искадо сглотнул, подумал и тихо сказал:

– Да. Наверное, вы правы. И когда-нибудь я придумаю, как это сделать.

Я улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Как ты себя чувствуешь?

– Мне душно, – признался мальчик, отводя взгляд. – Все время душно в городе и особенно в доме. Мне иногда снится, что там живут совсем другие люди. Я вижу, как они смеются, разговаривают…

Вот теперь настала и моя очередь вздрагивать.

– Кого именно ты видел?

Роберт сжал кулаки.

– Женщину. И двоих мужчин. Но они уже умерли. Здесь, в этом доме.

– Ты видел, как это произошло? – быстро уточнил я, но мальчишка отрицательно покачал головой.

– Я просто знаю, что когда-то они жили здесь, а теперь мертвы. Мне кажется, я вижу призраков, мастер Рэйш, – мальчик понизил голос до шепота. – И я боюсь, родителям, если они узнают, это не понравится.

Час от часу не легче…

У меня волосы на затылке зашевелились, когда мальчишка вновь поднял взгляд, и там промелькнуло до боли знакомое отчаяние.

– Что мне делать, мастер Рэйш? Я больше не могу здесь находиться. Мне словно воздуха не хватает и все время кажется, что вот-вот случится что-то плохое. Да и солнце этой весной почему-то слишком яркое, оно слепит глаза, – так же тихо добавил Роберт, в третий раз потянув за ворот рубашки. – И оно такое горячее, что мне теперь хорошо только в подвале. Можно, я до вас дотронусь?

Я, поколебавшись, стянул перчатку с левой руки.

– Теплая, – прошептал юный герцог, коснувшись моей ладони ледяными пальцами. – Но внутри вас тоже живет холод, мастер Рэйш. Только не каждый может его почувствовать.

– А ты чувствуешь? – так же тихо спросил я, всматриваясь в побледневшее лицо юного мага.

– Я его вижу. В вас, в тех магах, которых ко мне приводили. Я думаю, это потому, что в гробу тоже было холодно и темно. И теперь тьма приходит ко мне во сне, что-то шепчет, гладит по голове, зовет… иногда мне даже кажется, что это Мелани. Наверное, я схожу с ума?

Я мысленно выругался.

– Нет, Роберт. Ты просто меняешься. Но этого не надо бояться.

– Разве я не умираю? – недоверчиво переспросил мальчишка. – Мама сказала: мой дар начал слабеть. И целитель подтвердил. Но разве это не означает для светлого мага верную смерть?

– Нет, – повторил я, напряженно размышляя над услышанным. – Тьма всего лишь заметила тебя и приглашает в гости. Но, если не захочешь, она не станет настаивать.

– А если я откажусь, мой дар станет таким, как прежде?

– Не знаю, – честно ответил я. – Думаю, лучше спросить у твоего дяди. И моего непосредственного начальника который вообще много чего повидал по жизни.

Роберт заколебался.

– А вы могли бы сделать это для меня, мастер Рэйш?

– Попробую, – кивнул я. А когда мальчик поклонился и отступил обратно в тень, я вполголоса пробормотал: – Тем более, мне и самому интересно это выяснить.

* * *

– Ну и что скажешь, Рэйш? – как ни в чем не бывало осведомился Корн, когда я вернулся на веранду и без приглашения занял чужое место. – Твое мнение о мальчике?

Я перехватил настороженный взгляд герцога Искадо.

– Полагаю, он на полпути к тому, чтобы перейти на темную сторону.

– С чего ты решил? – пристально посмотрел на меня шеф. Судя по всему, такая мысль уже приходила в его голову, потому что он не выглядел особенно удивленным.

– Роберт часто размышляет о смерти. У него слабеет магический дар, и он стал чувствовать Тьму. Ему некомфортно находиться в мире живых, поэтому он неосознанно ищет дорогу в мир мертвых. И если вы мне сейчас скажете, что в истории Ордена бывали случаи, когда светлый маг становился темным, то я отвечу – с Робертом Искадо происходит то же самое.

Какое-то время в беседке царила мертвая тишина.

– По-вашему, такое возможно? – через некоторое время задал вопрос отец мальчика.

Я пожал плечами.

– Лично мне о подобных случаях неизвестно. Но, судя по тому, как изменился ваш сын после похищения, велика вероятность, что мои выводы верны.

– Нельсон? – обернулся к шефу герцог Искадо.

– Подобные случаи действительно бывали, – неохотно подтвердил мое предположение сидящий поодаль Корн. – Не могу сказать, что речь идет именно о смене магического дара, но достоверно известно, что некоторым светлым при определенных обстоятельствах удавалось, так сказать, «потемнеть».

Я мысленно присвистнул: а вот это уже интересно… Хотя, если подумать, не так уж и невероятно, ведь трагедию, приведшую его на порог смерти, мальчишка все-таки пережил. Тьма его тоже пометила – седина в волосах наглядное тому доказательство. А значит, чисто теоретически он мог попытаться преодолеть границу между мирами. Но для Роберта это будет смертельно опасное испытание, от которого родители, разумеется, хотели его уберечь.

– Какие у него шансы? – снова спросил Аарон Искадо, а его брат озабоченно нахмурил брови.

– Его дар угасает, – неловко кашлянул Грегори Илдж, когда все взгляды обратились в его сторону. – Когда я увидел его в первый раз, мальчик был истощен, но его аура выглядела нетронутой, хотя и более блеклой, чем обычно у детей его возраста и уровня дара. Поначалу это могло быть объяснено контактом с нежитью. Однако за последнюю неделю с Робертом успели поработать лучшие целители столицы. А аура не только не стала ярче, но и, напротив, истаивает прямо на глазах.

– Вы правы, мастер Илдж, нам не удалось остановить этот процесс, – дернул щекой герцог Искадо. – Насколько мне известно, во время первого контакта вы успели измерить насыщенность ауры моего племянника. Вы уверены в том, что получили верные цифры?

– Разумеется, ваше сиятельство. Стандартный аурометр у меня всегда с собой, и я готов поклясться, что на сегодняшний день насыщенность фона вокруг вашего племянника составляет всего тридцать шесть единиц.

– Неделю назад он был равен сорока, – прикрыл глаза отец Роберта. – А если верить вашему рапорту, то почти сорока пяти на момент освобождения из подвала. Мастер Рэйш, каково ваше мнение?

Я спокойно встретил горящий отчаянием взгляд хозяина дома.

– Думаю, сроки окончательного угасания дара вы и сами уже определили: светлым магом ваш сын перестанет быть, самое большее, через месяц. Для прогнозов касательного темного дара пока не хватает данных.

– Что тебе для этого нужно? – напряженно спросил Корн.

– Для начала хотя бы статистика. В идеале – конкретные примеры и особенно сведения о том, где и как происходило изменение магического дара у магов, о которых вы говорили.

Корн поморщился.

– Если бы у меня была статистика, я бы не спрашивал твоего мнения. Сам понимаешь – предположение о смене магического дара противоречит всему, что мы знаем о магии. Но я за эту неделю перерыл все доступные архивы и наткнулся на пару случаев, когда светлые маги после похожих ситуаций, как с Робертом, вдруг без всяких причин начинали сходить с ума.

– То есть, они все-таки не погибали? – уточнил я.

– Погибали. Но позже, когда исхитрялись попасть на темную сторону. А перед этим утрачивали магический дар и, как результат, становились легкой добычей для нежити.

– А вы не находили упоминаний о случаях, когда светлые утрачивали дар, но при этом не уходили на темную сторону? Может быть, кого-то из них успели изучить?

Корн смерил меня мрачным взглядом.

– Шутишь? За последнее столетие таких случаев было задокументировано всего два. И оба мага погибли одинаково. По свидетельствам очевидцев, они были одержимы идеей попасть на темную сторону и в конце концов ее реализовали. Один – ради того, чтобы встретиться с близкими, смерть которых подтолкнула его во Тьму. Второй – потому, что устал слышать в голове потусторонний шепот. В один из дней он исчез из собственного дома, а его обглоданные кости случайно нашли на темной стороне наши сыскари. Опознали лишь по монограмме на обрывках одежды. Да и то, не сразу.

– Да уж, данные не обнадеживают, – согласился я. – Но их все равно мало. Статистическая выборка в два человека – это ничто. Поэтому я не знаю, что вам посоветовать, кроме того, что в ближайшее время не стоит оставлять Роберта одного, особенно по ночам. Тьма становится гораздо активнее в это время суток. И ее шепот более настойчив именно в темноте.

– Может, имеет смысл дать ему какие-то амулеты? Накопительные, защитные, какие-то еще, чтобы шепот стал неслышным? – поджал губы Аарон Искадо.

– Вряд ли они помогут. Когда русло реки высыхает, в него нет смысла доливать воду из ведра.

– По-вашему, я должен смотреть и ждать, как из моего сына уходит магия?! – неожиданно вспылил отец.

Я спокойно на него посмотрел.

– Вы должны подготовить себя и его к тому, что в жизни мальчика очень скоро все изменится. Я, конечно, не эксперт. Но

Тьма не любит отпускать тех, кого однажды пометила. И еще она очень любит искушать. Если Роберт позволит ей себя сломать, вы потеряете сына. Безумие – это, конечно, не смерть в полном смысле этого слова. Но к чему оно приводит у магов, вы уже слышали.

С губ лорда Аарона слетело сдавленное проклятие, после чего мужчина вскочил и заметался по веранде раненым зверем. Герцог вел себя более сдержанно, но и ему, судя по глазам, внешнее спокойствие давалось нелегко.

– Это можно как-то приостановить? – после долгой паузы спросил он, подняв на меня вымученный взгляд. – Хотя бы до тех пор, пока мы не найдем способ вернуть мальчику магию?

Я сокрушенно развел руками.

– Относительно здоровья и светлого дара Роберта вы, полагаю, и так делаете все возможное. А по темному я уже говорил: для точных прогнозов слишком мало данных.

– Если не возражаете, я продолжу поиски материалов по этой теме, – обронил Корн, и герцог устало кивнул. – Возможно, в библиотеке Ордена найдется новая информация. Я уже отправил запрос на доступ в закрытые архивы. Ответа жду завтра к обеду.

– Спасибо, Нельсон. Буду обязан.

– Тогда, милорд, если не возражаете…

– Да, идите, – так же устало отмахнулся его сиятельство. – И, Корн, дайте Рэйшу все исходные данные. Возможно, темный маг сумеет найти то, что проглядели мы с вами.

Корн молча поклонился и, знаком велев мне выметаться за дверь, вышел следом. Когда же мы добрались до ожидающего на улице экипажа, шеф порылся за пазухой и бросил металлический жетон с эмблемой Управления и четырехзначным номером.

– Как знал, что скоро понадобится… держи. Твой новый пропуск, Рэйш. Архивариус уже предупрежден, так что вся возможная информация по делу Роберта Искадо мне нужна не позднее, чем послезавтра к утру. Тебя до дома подбросить?

Я сжал в руке тяжелый кругляш.

– Нет, пожалуй. Сам доберусь.

– Ну, как знаешь.

Корн захлопнул дверцу экипажа, и кучер подстегнул успевшую задремать лошадку. Я посторонился, чтобы меня не обрызгало грязью из ближайшей лужи, и, проводив взглядом исчезающий в темноте кеб, перешел на темную сторону.

– Присмотри за мальчиком, – вполголоса бросил я, прежде чем открыть тропу. А когда из-под забора раздалось тихое урчание, сразу отправился в архив – времени на сбор информации оставалось не так уж много.

Глава 3

В архиве я проторчал не до рассвета, как планировал, а аж до следующего вечера, несмотря на помощь архивариуса и широкие полномочия, которые давал новый жетон. Как выяснилось, Корн подарил мне не только доступ в архив ГУССа, но и в целый ряд не менее важных помещений, включая хранилище ценностей, где находились редкие, мощные и недоступные для изучения артефакты. А также считавшиеся утерянными монографии, древние рукописи, рассыпающиеся от старости свитки… все то, что Управление собирало годами и старательно прятало от общественности.

Как и следовало ожидать, большинство книг, которые показал мне Рон, были либо ценными, либо редкими, либо то и другое сразу, либо же официально запрещены к распространению Орденом магов. Какие-то забраковал храм, поскольку они высказывали мысль о главенстве одного пантеона (*светлого или темного соответственно*) и содержали призывы к тотальному уничтожению поклонников иных богов.

Поскольку книги и артефакты выносить без специального разрешения было нельзя, а полистать некоторые рукописи я счел необходимым, то пришлось обустроить рабочее место прямо в хранилище и перенести туда дела, которые я хотел изучить. Сложность заключалась в том, что они находились в разных помещениях. И для того, чтобы пройти из одного в другое, мне всякий раз приходилось с помощью жетона открывать и закрывать несколько дверей, а это довольно утомительно. Но самое «веселое» началось после того, как я закончил читать указанные Корном дела, проанализировал данные и подумал, что наличие двух безумцев-светлых вовсе не означает, что их не было больше. Об этих смертях ГУСС узнал из показаний свидетелей. Но сколько светлых пропало в столице за последние сто лет? Неужто все исчезновения были связаны с умруном и вампирами? А если нет?

Архивариус аж в лице поменялся, когда я попросил его снова поднять дела, над которыми мы не так давно работали с Триш и Хокк. Светлые нас тогда интересовали меньше темных, но кое-какая информация по ним требовала переосмысления. Пришлось возвращаться в архив, выгружать с полок все двадцать с лишним коробок и тащить в хранилище, тихо матерясь сквозь зубы. При этом Рон даже сделал попытку помешать мне забрать лишнее, но я не захотел тратить время на отбор папок, которые имели отношение к новому делу.

– На месте рассортирую, так удобнее, – буркнул я, когда

призрак попытался заступить мне дорогу. – А будешь упрямиться, брошу все там, и сам потом думай, как вернуть их обратно.

После этого архивариус мешать перестал и лишь с тоской следил, как я загромождаю хранилище коробками. А когда уже за полночь я наконец взялся за разбор бумаг, бедняга отлетел в угол, где и застыл наподобие караульного. Ну, или соглядатая, что вернее. Корн ведь не оставил бы меня в святая святых совсем без присмотра, правда?

Ближе к утру моя голова распухла от обилия новых сведений и ощутимо гудела, а к следующему вечеру была готова попросту лопнуть. Зато я нашел все, что хотел, и теперь мог с чистой совестью сказать, что потратил время не зря.

– Рэйш? – удивленно поднял голову от бумаг Корн, когда я без предупреждения ввалился в его кабинет. – Ты что тут делаешь? Рабочий день давно закончился. Или ты нашел что-то по делу Искадо?

Я рухнул в первое попавшееся кресло.

– Нашел. Вы были правы – речь о смене дара здесь, скорее всего, не идет. Это противоречит главному постулату о формировании магического дара, у которого, как утверждают, возможна лишь одна основа.

– Так… – заинтересованно подался вперед шеф. – Значит, по-твоему у мальчика есть шанс остаться светлым?

– Нет, – огорошил я его. – Темпы угасания дара свидетельствуют о том, что процесс необратим. И вам это известно. Но это отнюдь не значит, что Роберт Искадо не способен перейти на темную сторону.

У Корна на лбу пролегла глубокая морщина.

– Поясни.

– Все довольно просто, – вздохнул я. – Находясь на пороге смерти, мальчик и так оказался на волоске от того, чтобы перейти границу. Не исключено, что вампир от жадности даже пытался выдернуть мальчишку на темную сторону, но не успел. Или передумал. В итоге Роберта коснулась Тьма, с которой светлым контактировать строго противопоказано. У вас нет от нее защиты. Поэтому ваш дар во Тьме неминуемо гаснет.

– Что ты нашел по тем двум погибшим магам? – ещё больше нахмурился шеф.

– Их было не двое, – тихо сказал я. – Если помните, в прошлый раз Хокк принесла бумагу с номерами дел, где фигурировали бесследные и необъяснимые исчезновения светлых магов. За последние двадцать лет таких набралось всего десять – это те маги, чьи вестники смерти так и не прилетели в Орден. Помимо них, были другие пропавшие, чьи вестники все же

прибыли по назначению, но тел найти сыскарям так и не удалось. Часть из этих пропавших, безусловно, находится на совести умруна, вампиров и людей вроде Фатто, которых в столице и сейчас немало. Но потом мне подумалось, что кого-то мы упустили лишь потому, что забыли одну важную вещь – вестники смерти от светлых магов не прилетают с темной стороны. Просто потому, что они на это не рассчитаны.

Корн уставился на меня широко раскрытыми глазами.

– Хочешь сказать, те десятеро…

– Скорее всего, только шесть, – признался я и выложил на стол список имен, которые показались мне подозрительными. – По крайней мере, в их жизни прослеживаются очень похожие события. У каждого из шестерых накануне исчезновения случилась серьезная жизненная драма. Двоих бросили любимые женщины, один похоронил молодую жену, один потерял семью во время пожара, и сразу двое лишились высокооплачиваемой работы.

– Кукнис? – пробормотал Корн, прочитав последнее имя. – Помню эту плешивую крысу, незнамо как умудрившуюся столько лет занимать мое место. Лет восемь назад он попался на краже секретных данных и попытке продаже их лотэйнийцам. Но прежде чем его отправили на эшафот, этот червяк умудрился симулировать сумасшествие, а как только оказался в доме для умалишенных, тут же сбежал… как считается, в Лотэйн.

Я покачал головой.

– Из Дома милосердия сложно сбежать даже магу. Там такая защита стоит… да и маг, который проводил освидетельствование Кукниса, находился на хорошем счету. У него безупречная репутация… была. Вплоть до того самого случая.

– Его посчитали сообщником Кукниса, – кивнул Корн. – И даже было выдвинуто обвинение, но господин Леннорс бесследно исчез незадолго до оглашения приговора. Прямо из тюремной камеры, где находился во время следствия.

– У него остались жена и трое детей…

– Неужели ты думаешь, что у преступников нет семей? – усмехнулся шеф. – Знаешь, сколько слез было пролито в этом кабинете ради освобождения отъявленных мошенников и убийц?

Я вздохнул и выложил на стол еще один лист.

– Незадолго до исчезновения господин Леннорс был освидетельствован светлым магом по имени Грегори Илдж. В протоколе осмотра черным по белому написано: «глубокая депрессия… угнетение… уход в себя». Как считаете, господин Леннорс симулировал? Или Грегори Илдж оказался некомпетентен? Возможно, он тоже был сообщником Кукниса? А

если нет, то разве мог человек в столь подавленном состоянии, как у Леннорса, продумать и совершить дерзкий побег?

Шеф одарил меня мрачным взглядом.

– Для организации побега нужен активный, живой и настроенный на победу ум, – добавил я. – А Леннорс перед исчезновением был буквально раздавлен. Это описание не преступника, а жертвы, Корн. И если вы внимательно прочтете рапорт Илджа, то убедитесь – уважаемый целитель находился на грани отчаяния.

– Что ты хочешь сказать, Рэйш?!

– Мне кажется, он был невиновен, – признался я, выкладывая перед носом шефа сразу несколько листов, включая план заброшенного монастыря, в котором некогда обустроили дом для умалишенных. – Протоколы допросов охранников из Дома милосердия я тоже нашел. Как и схемы магической защиты здания. Из показаний сыскарей, проводивших там обыск после побега Кукниса, ни в одном месте защита нарушена не была. Однако в комнате, где его держали, оказался несколько завышен магический фон. Напомню – в комнате безумца-мага, у которого накануне заблокировали дар, и который мог уйти оттуда лишь двумя способами – с помощью подкупленной охраны или же… через темную сторону.

Угу. Как я когда-то.

Корн замер, уставившись на меня как на безумца.

– Хочешь сказать…

– Умение входить во Тьму хорошо тем, что оно не всегда является врожденным, – невесело усмехнулся я. – Именно по этой причине даже простым смертным при определенных обстоятельствах доступна темная сторона. А Кукнис к тому времени фактически стал обычным человеком. К тому же, сумасшедшим. А Тьма, как известно, любит безумцев. Поэтому, раз уж охранники на амулете правды поклялись, что не открывали Кукнису дверь, то получается, что он ушел оттуда сам. Через Тьму. Где, вероятно, и сгинул к демонам собачьим.

– А Леннорс? – напряженно спросил Корн.

– Боюсь, ваш целитель сошел с ума от горя. Обвинение по его делу было ложным. Будучи хорошим магом, он ведь мог и обмануть амулет правды, так что единственное прямое доказательство его невиновности, как я полагаю, в расчет не принималось. А после того, как Леннорс испарился из камеры, следствие получило последнюю и самую вескую улику его причастности к исчезновению Кукниса, и больше в честность этого человека никто, кроме его семьи, не верил. В том числе и потому, что он до сих пор считается беглецом, а не погибшим.

Шеф утер внезапно вспотевший лоб.

– Если не верите, можете пригласить Грегори Илжда и поинтересоваться, не было ли у него личных мотивов при проведении освидетельствования Леннорса, – добил его я. – Но не думаю, что амулеты правды поймают его на лжи.

– Подожди… Рэйш, это, конечно, безумие, но не хочешь ли ты сказать, что любой человек потенциально способен стать темным магом?! – внезапно охрипшим голосом спросил Корн.

– Нет, конечно. Но войти во Тьму может каждый.

– Как это понимать?!

– Тьма – всего лишь мир, находящийся за гранью реальности, – спокойно пояснил я. – Чтобы попасть на темную сторону, магия не нужна. А вот для того, чтобы оттуда выйти, одного желания уже недостаточно. Поэтому живыми оттуда выбираются лишь те, в ком есть зерно, которое наш Орден называет темным даром. Чем оно сильнее, тем увереннее маг чувствует себя на темной стороне. И тем больше у него шансов вернуться.

Шеф надолго замолчал, невидяще глядя прямо перед собой. Недолгий шок и растерянность быстро прошли, маг снова был собран и напряженно размышлял над новыми сведениями, осмысливая и переосмысливая не только свой прежний опыт, но и пытаясь понять, как его можно использовать.

– Хорошо, я проверю Илджа, – наконец, уронил он совсем другим тоном и остро на меня взглянул. – Что можешь сказать насчет остальных четверых?

– Картина сходная, – ровно отозвался я и бросил на стол последние пару листков. – У людей внезапно случилась беда, после чего они, сами того не желая, открылись Тьме. И, скорее всего, каждому она что-то посулила: забвение, избавление от боли… я же говорил: темная сторона любит искушать. Кукнис по решению суда был лишен дара, поэтому на эту стадию изменений никто не обратил внимания. Леннорсу дар тоже заблокировали. А вот остальных четверых не успели проверить. Однако все они исчезли в среднем спустя месяц-полтора после своей личной трагедии. И, если верить показаниям друзей, соседей и тех, кто знал пропавших, незадолго до исчезновения у каждого случались осечки с магией. Причем неоднократно. За помощью ни один из четверых не обращался, поскольку все они были целиком погружены в свое горе. А не-магам подобные «осечки» ни о чем не говорят.

– Но почему именно эти четверо? – забарабанил пальцами по столу Корн. – И почему только мужчины? У многих людей случаются трудные периоды в жизни, но если бы каждый после

пережитого горя уходил во Тьму, у нас бы магов просто не осталось.

– Вы правы. Чтобы по доброй воле перейти на темную сторону, надо полностью утратить рассудок. Или дойти до такой степени отчаяния, что становится все равно – жить или умереть. Женщины переносят боль легче – им дозволено плакать, кричать, бить в доме посуду и любым способом выражать свою боль. Для мужчин запретов больше, поэтому не все справляются. Те, кто слабее, иногда сдаются. И вот тогда к ним приходит Тьма…

Корн с подозрением прищурился.

– Рэйш, сколько времени ты проторчал в архиве?

– Сутки, – непроизвольно зевнул я. – И с вашего позволения следующие планирую нагло проспать.

– Стой, – спохватился шеф, когда я выразительно взглянул на дверь. – Так что нам теперь делать с Робертом Искадо?!

– Не мешайте ему, – серьезно посоветовал я.

– В каком смысле?!

– Если Роберт захочет уйти во Тьму, он туда уйдет, как бы вы этому ни противились. Сегодня или завтра, через неделю или год, но он все равно перейдет границу и окажется на темной стороне. Если он сделает это втайне, ослабленным и в одиночку, вы получите еще один труп. Если же вы сумеете его подготовить…

– То есть, нам надо искать для него наставника? – недоверчиво переспросил шеф.

– Это был бы наилучший вариант. Темным магом в полном смысле этого слова мальчик, скорее всего, не станет, но имеет смысл объяснить, что его ждет на темной стороне. Быть может, сводить туда под присмотром кого-то из наших. Но времени осталось немного, так что стоит поторопиться.

– Почему ты считаешь, что нам его не удержать? Роберт неглупый мальчик и вряд ли захочет рисковать понапрасну.

– Очень скоро он утратит дар, – напомнил я. – Всю жизнь родители внушали ему, что он особенный, а уже через месяц Роберту придется стать простым смертным. Ему всего десять, Корн. А для мальчишки это крушение всех надежд. Перестать быть магом – что может быть хуже? Даже если вы сможете объяснить, почему он не должен отчаиваться, он все равно будет считать себя ущербным. И рано или поздно это начнет его угнетать. А отчаяние, как и страх, это прямая дорожка во Тьму. К тому же, Роберт вчера признался, что по ночам слышит голос Мелани, и это для него – наибольшее мучение. Он мечтает ее найти, чтобы попросить прощения. Сейчас ему не хватает на это смелости, но как только решение будет принято, мальчишка сбежит.

– А если лишить его возможности уйти во Тьму?

Я усмехнулся.

– Для этого вам придется его убить.

– Может, есть какая-то защита? – с досадой взъерошил седую шевелюру Корн. – Пусть не амулет, но может, имеет смысл поставить щиты на сам дом? Или на комнату?

– Много вам помогла защита в случае с Леннорсом или Кукнисом?

– Тьфу ты, пропасть… что его тогда, привязывать, что ли?!

– А что? – задумался я. – Неплохая идея. Но привязывать мальчишку придется и тут, и на темной стороне. Причем не веревками, а цепями. Лет этак на десять для верности.

Шеф скривился.

– Что б тебя, Рэйш! Нет чтобы предложить что-то дельное!

– Я предложил, – снова зевнул я, поднимаясь с кресла и бесцеремонно открывая тропу прямо в кабинете. – Покажите мальчику Тьму до того, как он решит туда уйти. Покажите ее всю, без прикрас. И верните пацана обратно, чтобы он понял, что тот мир – не для него. Сумеете это устроить – племянник герцога будет жить. Не сумеете… впрочем, сами решайте, стоит оно того или нет. А я – домой, спать. И надеюсь, до утра меня не потревожат.

* * *

Когда я открыл глаза, за окном было еще темно, а хронометр показывал, что во Тьме я проспал почти сутки. Но, поскольку в реальном мире прошло гораздо меньше времени, то, скорее всего, я ничего не пропустил.

– Вам записка, мастер Рэйш, – доложил Нортидж, стоило мне только выбраться из схрона. – Этим утром принес посыльный из Управления. Кажется, господин Йен Норриди настоятельно приглашает вас посетить западный сыскной участок.

– В чем там опять дело? – буркнул я, кое-как приглаживая топорщащиеся на макушке волосы. – Неужто работа наконец появилась?

– Здесь подробности не указаны.

– Значит, не срочно, – решил я, направляясь в ванную. – Иначе Йен активировал бы маячок.

Спустя полсвечи я был одет, обут, накормлен и радостно встречен на темной стороне соскучившимися псами. Глядя на ластящихся Шторма и Грозу, я даже подумал, что они могли пригодиться и в городе, но потом решил, что дома собаки-

служители гораздо полезнее, а за его пределами мне хватает и Мелочи.

Кстати, о кукле…

Я открыл тропу и переместился в дом Аарона и Элании Искадо.

Отыскать мелкое чудовище труда не составило – поводок привел меня на второй этаж, в комнату Роберта, где спрятавшаяся под кроватью кукла терпеливо дожидалась утра. А когда я убедился, что с мальчиком все в порядке, то вынырнул в обычный мир, предварительно отключив магическую защиту.

Аура Роберта и впрямь выглядела так, словно находилась на последней стадии истощения. По-прежнему светлая, но настолько бледная, что ее, можно сказать, не было вовсе. Правда, сейчас меня интересовало другое. А именно – раз уж темных магов из светлых даже в теории получаться не должно, то есть ли шанс, что ситуацию исправит благословение темного бога? Ведь благословение – это не магия, а знак расположения богов, в чем я успел убедиться на собственной шкуре. И оно прекрасно работает. Так что, если предположить, что Фол дарит своим последователям некоторые привилегии во Тьме, то после посвящения юному герцогу удастся сохранить жизнь даже в том случае, если он решит выбрать темную сторону. И это, на мой взгляд, был бы неплохой выход из ситуации.

И почему я сразу об этом не подумал?

Убедившись, что Роберт крепко спит, я выпрямился и уже собрался нырнуть на темную сторону, но тут мой взгляд наткнулся на настенное зеркало, в котором, помимо моего отражения, проступило нечто постороннее.

Да, я не люблю зеркал. И особенно не люблю, когда вижу в них то, чего там быть не должно. Но прежде чем я сообразил, что скалящийся из зеркала, упакованный в черную кожу, достающий мне головой почти до середины голени паукообразный монстр – вовсе не монстр, а довольная моим возвращением Мелочь, моя рука сама собой сжалась в кулак и окуталась трепещущим от нетерпения темным пламенем.

В последний момент я, правда, узнал свое чудище, поэтому и зеркало, и Мелочь остались целы. А вот объятый огнем кулак ввел меня в непродолжительный ступор.

Раньше я думал, что живущая во мне Тьма предназначена лишь для темной стороны. И раньше так оно и было. Но сейчас-то я находился в реальном мире. Стоял посреди неплохо защищенной комнаты, куда смог безнаказанно войти лишь по нижнему уровню. Однако на моих пальцах и впрямь плясала и извивалась первородная Тьма. Прохладная, живая и весьма

неплохо себя чувствующая.

– Обалдеть… – пробормотал я, на пробу убрав ее и призвав снова. Защита дома при этом снова не сработала, Роберт не проснулся, и вообще создавалось впечатление, что ничего противозаконного я не совершил. – Кажется, пришло время снова наведаться в храм. И задать отцу Гону еще одну порцию вопросов.

К несчастью, в такую рань службы в храме не велись, и ни одного жреца внутри я не увидел. Даже отец-настоятель не соизволил встретить меня у фальшивого алтаря, как обычно. То ли Фол на этот раз не послал ему очередного видения, то ли жрецу было не до меня.

Послонявшись какое-то время без дела, я решил наведаться сюда позже, но прежде чем я развернул стопы к выходу, неожиданно выяснилось, что меня за каким-то демоном медленно, но верно утягивает во Тьму. Причем не на привычный уровень, а гораздо ниже. Туда, где я после вынужденного купания в алтаре не планировал лишний раз появляться.

– Что за шутки? – нахмурился я и вскинул голову, пытаясь разглядеть лицо окутанной тьмой статуи Фола. Там на мгновение коротко блеснуло, а затем на мои плечи навалилась невидимая тяжесть, после чего стало ясно – владыке ночи зачем-то приспичило меня утопить.

– Ладно, – буркнул я, прекратив сопротивление. – Не дави. Я сам.

Под сводами храма раздался едва слышный рокот. Но давление сверху действительно ослабло, после чего я ушел на темную сторону и, впопыхах нарастив дополнительные слои брони, добровольно провалился на нижний слой.

Внизу по-прежнему царил холод собачий, от которого моментально сводило пальцы и зубы. Но я не стал ждать, когда окончательно задубею, а дернул за поводок, дождался, когда на зов примчится дожидавшаяся меня за стенами храма Мелочь. И, отыскав лестницу в святая святых темного пантеона, принялся осторожно спускаться.

Топтать сапогами останки статуи Фола мне не хотелось, но осколков на лестнице было так много, что я замучился их обходить. Мелочь вообще решила не рисковать и пробиралась следом за мной по стенам и потолку. При этом шума она практически не производила, держалась на расстоянии вытянутой руки и благоразумно не совалась вперед. А когда я остановился на пороге, зависла надо мной вверх ногами и тревожно щелкнула костяшками.

– Артс-с бытьс-с ос-сторожным-с, – прошипела она сверху.

Я согласно кивнул и обвел взглядом полутемный зал.

За время моего отсутствия здесь почти ничего не изменилось. Те же покрытые останками вампира стены, щедро уляпанный пол, груды битого камня вокруг пустых постаментов и едва заметно поблескивающая лужа в центре каверны. Единственное, что стало иначе – это полностью утративший блеск, странно окаменевший алтарь, ничуть не напоминавший сверкающее желе, из которого я чудом выбрался.

Поколебавшись, я осторожно спустился с последней ступеньки, и… ничего не изменилось. Гром не грянул, статуя Фола сама по себе не собралась в единое целое, и даже притихший алтарь почему-то не отреагировал. Мелочь со спины предупреждающе заворчала, но я все же рискнул сделать ещё несколько шагов по направлению к статуе. Не просто же так Фол меня сюда отправил?

Когда до алтаря осталось несколько шагов, его поверхность неожиданно дрогнула и засветилась. По каменным бокам прошла мелкая рябь, они в мгновение ока утратили сходство с булыжником, засветились, заблестели уже знакомым зеркальным блеском. После чего алтарь неожиданно шевельнулся и… без предупреждения растекся по всей каверне огромной сверкающей лужей.

Я тихо выругался, но дергаться было поздно – проклятая «сопля» уже залила весь пол по самые щиколотки. Попавшие под нее останки нежити зашипели и запузырились, испаряясь прямо на глазах. Мелочь с потолка угрожающе зашипела, а по поводку до меня дошло настоятельное предложение убираться отсюда подобру-поздорову.

Правда, когда я бросил обеспокоенный взгляд вниз, оказалось, что стачанные на заказ сапоги, в отличие от ошметков вампира, не расплавились. Да и по ощущениям было непохоже, что с ногами что-то не так.

Мелочь заворчала громче, и лужа, словно услышав, внезапно с шумом плеснула в ту сторону. На стене остался широкий лизун, во все стороны полетели зеркальные брызги, но недовольно застрекотавшая кукла успела отпрыгнуть вглубь лестничной арки. А когда лужа целеустремленно потянулась следом, я нахмурился и коротко бросил:

– Назад!

Мелочь прислала по поводку целую волну растерянности и тревоги, но приказ исполнила – убралась на верхний уровень. А лужа, собравшись у подножия лестницы, неожиданно вытянулась вверх, как-то вся задрожала, уплотнилась, и всего через несколько мгновений на меня мертвыми глазами уставилось человекообразное существо. Две руки, две ноги, голова… у него

даже некое подобие лица имелось! Насчет выражения я, правда, не был уверен, потому что на блестящей поверхности угадать его было сложно, но глаза, губы и нос выделялись совершенно отчетливо.

Поскольку это нечто загораживало выход, мне ничего не оставалось, как отступить и на всякий случай призвать в себя Тьму. Пляшущий на моей ладони огонь существо заинтересовал – оно даже голову наклонило, изучая необычное явление. А затем без предупреждения рассыпалось на мириады блестящих капелек, с плеском растеклось по полу и всего через миг снова собралось воедино. Прямо у меня перед носом. После чего пытливо уставилось на мое ошарашенное лицо и вопросительно булькнуло.

– Что? – с оттенком раздражения спросил я, не торопясь использовать Тьму. – Что тебе от меня надо?

На слабо угадывающемся лице появилось некое подобие усмешки. А затем блестящая рука ткнула пальцем меня в грудь, после чего выразительно указала на пустые постаменты, а следом – разбросанные по полу осколки.

– С ума сошел?! – отшатнулся я. – Я тебе что, каменщик?!

Существо булькнуло снова. На этот раз, как мне показалось, негодующе. После чего таким же странным образом перетекло к выходу из каверны, демонстративно его перекрыв. А затем так же демонстративно, совершенно человеческим жестом, уперло руки в блестящие бока.

Честное слово, я едва не расхохотался, сообразив наконец, что меня просто-напросто шантажируют. И требуют ни много ни мало – собрать по кусочкам разбитую статую Фола! Это в лучшем случае. А в худшем – оживший алтарь может возжелать еще, чтобы я собрал все статуи, которые тут имелись. Причем так, чтобы боги при этом остались довольны. Но даже если бы я знал, как это делается, нетрудно представить, какие ужасы я способен был наваять. Осколки же все одинаковые! Как их, Фол вас за ногу, можно отличить?! Так что могу предположить, в какой «восторг» придет, к примеру, темная богиня, если я по незнанию приделаю ей вместо лица какую-нибудь другую часть тела.

– Извини, приятель, ты обратился не по адресу, – кашлянул я, обратившись к зеркальному «человеку».

Тот на мгновение замер, а потом неожиданно взорвался. Да, в буквальном смысле слова, обдав меня целым веером холодных брызг и едва не заставив отшатнуться. Еще через миг мое лицо обдуло таким же холодным ветерком, из образовавшейся лужи прямо передо мной выросла похожая на статую из расплавленного металла фигура, а на моем горле со скрипом

сжались невероятно сильные, воистину ледяные пальцы.

Но прежде чем они успели продавить доспех, я без раздумий ударил по взбесившемуся алтарю. Сразу с двух рук. Всей Тьмой, что успела во мне скопиться.

От удара «зеркальному» оторвало руки, которые тут же расплескало по доспеху. А то, что осталось, отшвырнуло прочь с такой силой, что на противоположной стене образовалась безобразная дымящаяся клякса. Жалобно зашипев, она медленно стекла обратно на пол, тщетно пытаясь снова собраться воедино. А когда я подошел, испуганно сжалась и, сформировав из лужи один-единственный палец, обвиняюще ткнула в ту сторону, где стоял постамент владыки ночи.

– Ты прав, – недобро улыбнулся я, ткнув в лужу лезвием материализовавшейся секиры. – Но я служу ему, а не тебе. И если ты ещё раз об этом забудешь, случится одно из двух: либо меня уничтожит за святотатство Фол, либо я уничтожу тебя. Надеюсь, мы друг друга поняли?

Алтарь благоразумно промолчал. А я, убедившись, что выход свободен, брезгливо отер об пол подошвы сапог и вышел.

Глава 4

– Арт, ты совсем меня не слушаешь, – с упреком сказал Йен, на мгновение прервав пространный монолог.

Я смачно откусил от зеленого яблока.

– Ага.

– Что значит «ага»?!

Я порыскал глазами по столу: яблоко было невкусным, но мясо и хлеб я уже съел, а разыгравшийся после посещения первохрама зверский аппетит лишь едва-едва притупился.

– То и значит. Давай пошлем Сеньку в трактир?

– Зачем? – опешил Норриди. – Ты же только что умял и свой, и мой завтрак! Причем я к своему даже притронуться не успел!

Я с мрачным видом прикончил яблоко и бросил огрызок в урну.

– Я голоден. Если не хочешь, чтобы я кого-нибудь съел, закажи ещё еды.

– Фол… с кем мне приходится работать? Сперва просто темные маги, потом голодные темные маги, а дальше кто? Демоны? – с обреченным видом вздохнул Йен, но все же достал переговорный амулет, коротко надиктовал еще один заказ и откинулся на спинку кресла. – И все же я не понимаю. Ты просил у меня неделю, чтобы уладить какие-то дела. Я дал тебе эту неделю. А сегодня ты вдруг заявляешь, что не все успел…

– Могу взять отпуск за свой счет, – предложил я, вытирая руки салфеткой. – Все равно у тебя дел немного.

– Четыре кражи, два убийства и одно похищение – это, по-твоему, немного?!

– Ну, давай мы их быстренько раскроем, и ты меня снова отпустишь?

– Щас! – мрачно посмотрел на меня Йен. – С кражами и первым убийством мы и сами разобрались. Ребята уже неплохо освоились. А вот со вторым убийством и похищением работы предстоит не меньше, чем на неделю.

Я на мгновение задумался.

– А если я сделаю ее за сутки, ты дашь мне неделю отпуска?

Норриди ошарашенно замер. А я ещё немного подумал и добавил:

– Только на это время я заберу у тебя все материалы по делу и отправлюсь на место преступления в одиночку.

– Никаких «в одиночку», – спохватился шеф. – Тори с собой возьмешь. Ему многому надо научиться.

– Хорошо, пусть будет Тори, – неохотно согласился я. – Но за

это я стрясу с тебя дополнительный выходной.

– Идет.

Йен торжествующе ухмыльнулся, явно ожидая, что я опомнюсь и не рискну брать на себя такие обязательства. Но я только смахнул в урну грязную посуду, дождался, когда доставят новую, молча умял третью порцию рагу и, выбросив грязную салфетку, поднялся из-за стола.

– Отчеты будут завтра к вечеру.

Норриди как разинул рот, так его, кажется, и не закрыл до тех пор, пока я не вышел. А может, и потом еще какое-то время сидел, пытаясь поверить в то, что услышал. Я же тем временем заглянул к его ребятам. Но ни Лиз, ни следователей на месте не застал, а Тори обнаружил сидящим в три погибели за столом и старательно пишущим очередной отчет. Разумеется, парня я без зазрения совести от работы отвлек – рапорты он ещё успеет настрочить. После чего озвучил ему новую задачу и, не дожидаясь, пока молодой маг придет в себя, щелчком активировал его сферу.

Да, Йен ещё неделю назад заставил мастеров настроить для меня доступ к этим полезным устройствам. Но только сейчас, когда Корн официально вручил мне жетон, это стало законным.

– Простите, мастер Рэйш, – наконец, растерянно пролепетал Тори Норн, когда до него дошел смысл моего сообщения. – Мы с вами ЧТО должны сделать?! Раскрыть два тяжких преступления за один день?!

– За сутки, – рассеянно отозвался я, в приличном темпе листая базу данных. – Но времени все равно в обрез. Так что давай, собирайся с мыслями и докладывай, что вы успели сделать.

В том, что Тори – парень неглупый, я уже не раз убеждался. Как и в том, что молодой маг обладал редким талантом емко излагать суть любого дела. Всего за полсвечи он вкратце доложил обстоятельства пока ещё не раскрытого убийства, а вот по похищению ничего толкового сообщить не смог. Просто потому, что информация по нему появилась в Управлении буквально полсвечи назад.

Выслушав парня, я рассеянно кивнул: все правильно. Если в деле нет трупа, то толку от темного мага немного. Йен поступил мудро, оставив Тори в Управлении, и, кажется, начал доверять своим людям, раз не отправился на кражи вместе с Лиз и следователями. Ну а по поводу того, почему на второе убийство так до сих пор никто и не выехал, все было просто – Норриди ждал меня. Более того, не стал паниковать как обычно, а прислал записку и ненавязчиво намекнул, что я по-прежнему нахожусь у

него на службе, а время, отпущенное им на посторонние дела, подошло к концу.

– Собирайся, поехали, – скомандовал я, когда Тори закончил говорить, а я выудил из сферы то, что хотел. – Из вещей возьми только визуализатор и амулет правды.

– Ой. А мой вчера сломался, – неожиданно сконфузился парень. – И его вряд ли успели починить. А второй забрала с собой Лиз.

– Ничего. Сбегай к городской страже – пусть выдадут со склада. У них там всегда есть парочка запасных.

Тори кивнул и испарился, но вскоре вернулся и с торжественным видом подбросил на ладони старенький, видавший виды амулет в защитном чехле.

– На складе не дали. Сказали: только по запросу. Но я заглянул к дежурному магу, и он поделился своим.

Я удивленно приподнял брови.

– Чтобы Шоттик и вдруг чем-то с нами поделился?

– А сегодня дежурит не он, – широко улыбнулся Тори. – Его напарник не стал жилиться. Отдал запасной, все равно тот в столе без дела валялся.

– Очень интересно, – задумчиво хмыкнул я. – Как, говоришь, зовут этого доброго человека?

– Лив Херьен.

– Надо будет запомнить.

Спустя ещё полсвечи мы уже входили в дом на пересечении Одиннадцатой и Меловой улиц. Обычный такой дом в два этажа и далеко не новый. Но, судя по следам свежей краски на заборе, чистым ставням, частично поменянной черепице и тщательно заделанным трещинам в кладке, за зданием все же присматривали. И в меру сил пытались его обновлять.

На пороге нас встретила заплаканная женщина средних лет в траурном платке и простом черном платье. Как вскоре выяснилось, убитый приходился ей сыном, и его смерть стала для родных полной неожиданностью.

В самом доме обстановка была скромной, на грани бедности. Старенькая мебель, такие же старые двери, плохо освещенный коридор и скрипучие половицы на полу… все это навевало тоску и уныние. Хорошо, что внутри мы надолго не задержались, и следом за убитой горем женщиной выбрались на задний двор.

Пространство за домом тоже оказалось небольшим. Большую его часть занимали старые кривые яблони, на которых уже во всю белели крупные цветки. Над ними с жужжанием вились осы и шмели. Внизу виднелось несколько аккуратно выложенных булыжниками дорожек, одна из которых подходила прямиком к

дому. Еще одна вплотную примыкала к дальней калитке, а третья вела к стоящему поодаль хлипкому сараю, где, вероятно, хранили садовый инструмент.

Тело лежало недалеко от двери, зарывшись в большую кучу прошлогодних листьев. Темноволосый мужчина лет тридцати лежал ничком, уткнувшись носом в землю. Одет он был получше, чем мать и сидящий рядом на чурке, держащийся за голову отец. Судя по хорошо развитому плечевому поясу, много занимался физическим трудом. Был, вероятно, здоров. И перед смертью, которая наступила от удара тупым предметом по голове, приводил в порядок придомовую территорию – не зря рядом с трупом валялись старенькие грабли и виднелась проплешина от костра.

Что-то поздновато владельцы дома взялись за уборку двора. Да и странно, что убитый занялся ручным трудом на ночь глядя. Труп-то нашли этим утром, и по предварительным данным накануне вечером наш мертвец был еще жив.

– Джим всегда работал допоздна, – смахнув набегающие слезы, пояснила мать, когда я задал ей этот вопрос. – Другого свободного времени у него не было. А у мужа спина больная, поэтому по дому все приходилось делать сыну.

Я вспомнил подновленную кладку, свежую черепицу и мысленно кивнул. Ладно, поверим на слово.

– Где он работал? – снова спросил у матери.

– Да где придется. И в кузне молотом скучал, и в пекарне мешки носил, и в порту помогал разгружать трюмы…

– Что-то криминальное за ним водилось?

– Нет! – едва не отшатнулась женщина и почему-то испуганно посмотрела на мужа. Тот, наконец, отнял руки от лица и с видимым трудом поднялся. Правда, разогнуться полностью не смог – так и стоял скрюченный, словно когда-то ему поломало спину, и смотрел на нас снизу вверх полными боли глазами.

– Наш Джим никогда не нарушал законов, – отчеканил он. – Вы слышите?! Никогда! Он просто не мог этого сделать!

Руки у мужчины неожиданно задрожали, и он тяжело опустился обратно на чурбак, опустив голову. Его пальцы сжались в кулаки, по изуродованной спине пробежала дрожь, после чего несчастный отец зажмурился и тихо повторил:

– Только не Джим.

Я мельком покосился на Тори, и тот незаметно кивнул – зажатый в его руке амулет правды показал, что родители не лгут. Или же искренне верят в то, что говорят.

Короткий опрос подтвердил первоначальные выводы: накануне вечером Джим Рорнах вернулся домой, отдохнул,

перекусил и уже ближе к ночи отправился убираться на задний двор. Родители слышали, как он обстригает деревья, чувствовали запах дыма от костра, но ни подозрительного шума, ни криков не было. Тело нашли рано утром, когда занявшаяся готовкой мать отправилась во двор выбросить мусор. Джим лежал так же, как сейчас – лицом вниз, в куче перепрелых листьев. От костра еще вился слабый дымок. Но тело уже успело остыть, поэтому шокированная увиденным женщина не рискнула его трогать. Только волосы с лица убрала, чтобы быть точно уверенной – им с отцом не привиделось, и Джим действительно мертв.

– Скажи-ка мне, Тори, а почему это мы с тобой занимаемся бытовым убийством? – вполголоса спросил я, когда закончил с опросом, осмотрел двор, проследил, чтобы молодой коллега все тщательно зафиксировал на кристаллы, и отозвал его в сторону.

Тори вздохнул.

– Потому что в городской страже временно остался лишь один дежурный маг. Шоттик в отпуске. И два дня тому Жольд договорился с нашим шефом, что все тяжкие мы по возможности будем брать на себя.

– Так. А почему я узнаю об этом только сейчас?

Парень бросил в мою сторону виноватый взгляд.

– Я думал, шеф вам сказал…

Ах вот почему господин Лив Херьен был столь любезен, что поделился казенным амулетом!

– Проверь сарай, – бросил я, мысленно ругнувшись на Йена. Если ли бы этот гаденыш сразу сказал, что нам придется выполнять работу за городскую стражу, я бы послал его в… одним словом, далеко. Но раз уж я успел пообещать, что разберусь и с убийством, и с похищением, то придется нам повозиться.

– Мастер Рэйш! – вскоре послышалось из сарая. – Я кое-что нашел!

– Молодец. Неси сюда орудие убийства.

– Откуда вы узнали?! – растерянно переспросил Тори, выглядывая наружу. А когда я с раздражением отмахнулся, он послушно вышел и продемонстрировал обомлевшим родителям топор, на обухе которого виднелась засохшая кровь.

– Возле порога лежал. Его спрятали под половицей.

– Следы нашел? – хмуро осведомился я, мельком взглянув на топор. Тори молча коснулся пальцами надетого на голову визуализатора. – Сколько?

– Один.

– Почему так мало?

Тори помялся.

– Потому что следы почти стерты, мастер Рэйш. Скорее всего, каким-то амулетом. Возможно даже, темным.

– Хорошо, – одобрительно кивнул я. – Наш гость проявил осмотрительность. Встать на его след сможешь?

– Конечно.

– Тогда иди. Я подожду здесь.

– А как мне его сюда привести?

– Как хочешь. Можешь кеб нанять, а можешь и через темную сторону приволочь, если не жалко.

Тори задумчиво на меня посмотрел, но все же кивнул и снова зашел в сарай. Всего через несколько мгновений оттуда потянуло знакомым холодком. А еще через миг явившаяся на призыв Тори Тьма растаяла, и талантливый парень, способности которого за последнее время явно возросли, благополучно ушел. Ну а я всерьез понадеялся, что он не попадется так же глупо, как в прошлый раз. Правда, следующую за мной по пятам Мелочь за ним все-таки отправил, только сегодня дал более конкретные указания.

Пока Тори выполнял работу ищейки, а кукла за ним приглядывала, я опустился возле тела на корточки и перевернул его на спину.

Хм. Мужик как мужик. Здоровенный, плечистый и мертвый. Одна половина его лица была обожжена, из чего можно было заключить, что убили Джима рядом костром. Скорее всего, когда он наклонился, чтобы подбросить в огонь старые листья. Удар оказался точным и довольно сильным – Джим сразу упал, а кожу на его правой щеке сожгло от прикосновения к горячим углям. Вскоре после этого убийца оттащил парня в сторону. Видимо, не хотел, чтобы огонь перекинулся на одежду, и разгоревшийся пожар всполошил всю округу.

Но самое интересное, что отпечатков вокруг тела практически не было – ни в реальном мире, ни на темной стороне. Убийца поступил мудро, подобравшись к жертве не по влажной после вчерашнего дождя земле, а по вымощенной камнем дорожке. А вот каким именно образом он попытался убрать за собой следы на темной стороне, было любопытно. Да и сам факт того, что убийца об этом подумал, говорил о многом.

Правда, Тори ошибся, когда сказал, что след на темной стороне остался всего один. Лично я заметил три – у сарая, возле кострища и, наконец, рядом с калиткой. Но все они были размытыми, блеклыми и заметить последние два я смог, лишь использовав обе линзы.

Подобного эффекта стирания следов и ауры можно было достичь при применении всего пары-тройки темных заклинаний.

Более того, воспользоваться ими мог только маг, но магу не было смысла браться за топор. Плюс, данная группа заклинаний имела небольшой радиус действия, и следовательно, чтобы успешно спрятать следы, убийце пришлось бы использовать их неоднократно. Но магический фон возле дома практически не был повышен. А значит, оставался амулет. Кстати, когда закончим, обязательно заставлю Йена отправить запрос в ГУСС – пусть-ка сыскари Корна проверят магические лавки в столице и узнают, кто из владельцев нарушает закон о «Распространении запрещенных артефактов».

Когда я осмотрел все, что хотел, и присел на крыльцо в ожидании возвращения Тори, родители Джима начали проявлять беспокойство. Сперва они просто переглядывались, не решаясь задавать вопросы. Затем, поняв, что я больше не намерен что-либо делать, мать беззвучно заплакала и поспешила скрыться в доме. А когда на втором этаже хлопнула дверь, и изнутри донеслись сдавленные рыдания, мрачный как грозовая туча отец все-таки повернулся и хмуро спросил:

– Почему вы не ищете свидетелей? Никого не опрашиваете? Не ходите по округе?!

– Зачем?

– Чтобы понять, что тут произошло, и кто убил моего сына!

Я одарил раздраженного калеку равнодушным взглядом.

– Я и без того знаю достаточно.

– Но вы же ничего не сделали! – от возмущения отец аж приподнялся с чурбака, но сразу же охнул, схватился за поясницу и со стоном снова сел. – Что вы за сыскари такие?! И почему все еще роетесь в моем сарае, когда надо выслеживать убийцу?! Может, хотя бы тело соизволите прикрыть, пока не протухло?! Или увезете его отсюда, чтобы мой сын не валялся на земле, как последний бродяга?!

Я не стал отвечать на глупые вопросы.

Труповозка приедет не раньше полудня, и с ней должен прибыть кто-то из наших следователей. Поскольку Лиз взяла их на очередную кражу, то раньше этого времени парни вряд ли освободятся. К тому же, у меня нет с собой переговорного амулета, а в Управление я ради этого не побегу. Ну и следовало все же дождаться Тори. Судя по тому, что Мелочь сигналов до сих пор не подала, поимка убийцы прошла более или менее благополучно.

Наконец, за домом послышался шум подъезжающего экипажа, а затем громко скрипнула входная дверь. Еще через некоторое время на крыльце появился хмурый донельзя Тори с разбитым носом, а вместе с ним – невысокого роста лысоватый мужичок с

остекленевшим взглядом.

При виде гостя отец Джима удивленно привстал.

– Джош?!

– Почему так долго? – Я тоже поднялся с крыльца и всмотрелся в ауру гостя.

Да, это был наш человек – вокруг него искрилась и переливалась настоящая багровая радуга. Причем настолько насыщенная, словно этот задохлик накануне собственноручно прирезал пару десятков человек.

– Ах, вот как тебе удалось спрятать следы, – удивленно покачал головой я, изучая неподвижно стоящего мужика. На редкость смирного, молчаливого, покорного. И даже виду не подающего, что его как-то заботит недавнее задержание. – Тори, ты понимаешь, что он с собой сделал?

Паренек приложил к разбитому носу рукав и сердито покосился на задержанного.

– Не совсем, мастер Рэйш. Но могу предположить, что он каким-то образом перетянул все метки со следов на себя. И поэтому сияет сейчас, как кровожадный маньяк.

– Все верно, – кивнул я. После чего подошел ближе, бесцеремонно обхлопал одежду гостя и вскоре выудил из левого нагрудного кармана криво сляпанную деревянную поделку, которую амулетом можно было назвать лишь с большой натяжкой. – Смотри-ка, одноразовый. Короткого действия, дешевый, но эффективный. В народе называется «линзой», потому что фокусирует эманации смерти строго в одну точку, тем самым разрывая связь следа с хозяином. Видел уже такие?

Тори мотнул головой.

– Ничего, ещё насмотришься. Нос он тебе разбил?

– Нет, – неожиданно смутился юный маг. – Я просто вышел неудачно – рядом стена была…

Я мысленно ухмыльнулся. Но это еще ничего, даже можно сказать нормально. Подобные ошибки совершали все без исключения темные маги, зато с первого раза запоминали, что с тропы надо выходить не сразу в реальный мир, а нырять сперва на темную сторону. Обстановку, так сказать, посмотреть, чтобы не вмазаться с размаху в какую-нибудь стену. Тори этого пока не умеет, но полагаю, он уже задумался над этим вопросом. И не сегодня-завтра обязательно озвучит его вслух.

– А этого типа я Оглушением приголубил, – неловко признался Тори, когда я всмотрелся в тусклые глаза подозреваемого и для верности пощелкал пальцами у него перед носом. – Он довольно прытким оказался. Хотел удрать через заднюю дверь. Да еще и табуретками надумал кидаться.

– Ты там намусорил?

– Нет. Но собутыльников этого красавца на всякий случай оглушил. Еще пару свечей в себя точно не придут. Ауры у них, правда, чистые, но я все равно загрузил всех троих в кеб. Так что, если вам понадобятся свидетели…

Я одобрительно кивнул и обернулся к хозяину дома, ошарашенно переводящему взгляд с окровавленного лица Тори на отмороженного гостя.

– Вам знаком этот человек?

– Д-да, – заикаясь, подтвердил мужчина. – Это м-мой кузен, Джош Рорнах.

– Тори, ты слышал? Оформляй убийцу. Только побыстрее, нам еще с похищением надо разобраться.

– Как убийца?! – опешил хозяин дома. – Джош?! Нет! Не может этого быть!

– Аура не лжет, господин Рорнах, – с сочувствием шмыгнул носом Тори. – На руках этого человека кровь вашего сына. Я готов поклясться в этом собственным даром.

Мужчина снова схватился за голову.

– Святой Род-защитник… да как же так?! Зачем?! И что они не поделили с Джимом?!

Я пожал плечами.

– В Управлении разберутся. Вам пришлют повестку в участок для дачи показаний. Тори, пиши сопроводительные бумаги и вызывай городскую стражу. Пусть везут задержанных в камеру и сами разбираются, кто с кем и что именно не поделил. На все про все у тебя полсвечи.

– Я успею, мастер Рэйш, – твердо ответил парень. После чего я в который раз подумал, что команда у Йена толковая, и отправился в дом. За полотенцем. Потому что кровь из носа мальчишки все еще продолжала подтекать, а сам он явно не собирался обращать внимания на такие пустяки.

* * *

Ровно через полсвечи мы сели в служебный кеб и отправились в Желтый квартал, на улицу Соловьев, откуда этим утром поступило заявление о пропаже человека. Речь шла о молодой девушке, ушедшей из дома три дня назад и до сих пор не вернувшейся. Но, если честно, по дороге я думал совсем не о ней – мне и без того хватало поводов поразмыслить.

– Вам совсем неинтересно, в чем там было дело? – неожиданно нарушил вдумчивую тишину сидящий напротив

Тори. Кровь из носа течь у него перестала, лицо он тоже отмыл, однако распухший нос наверняка болел, в чем парень, разумеется, никогда бы не признался.

Погруженный в собственные мысли, я даже не сразу понял, о чем разговор.

– Джим Рорнах, – напомнил Тори, когда я непонимающе на него посмотрел. – И его дядя-убийца.

– А-а… нет, неинтересно. Мы должны были найти душегуба – мы его нашли. Точка.

– Но ведь дело ещё не закрыто.

– Не всю же работу нам делать за городскую стражу? Пусть ищут мотив и готовят дело для суда. Для чего иначе они вообще нужны?

– Без нас они искали бы убийцу не один день, – тихо заметил Тори. – А может, и не одну неделю. Следов-то почти не осталось. А темных магов в городской страже традиционно нет. Разве плохо, что мы нашли убийцу Джима Рорнаха всего за пару свечей?

Я рассеянно отмахнулся.

– Каждый должен выполнять свою задачу. Если темные маги начнут заниматься мелочами, на серьезные вещи у них просто не останется времени.

– Смерть человека – это не мелочи, – ещё тише уронил парень, заставив меня оторваться от напряженного раздумья.

– Смерть – лишь одно из проявлений естественного порядка вещей. Если ты веришь в богов или в судьбу, то не должен сомневаться, что созданный ими порядок нарушается с чьим-то уходом. Жрецы вообще утверждают, что все предопределено, а люди умирают именно в тот срок, который им уготован.

– Вы сами-то в это верите? – насупился Тори.

Я усмехнулся.

– Я этого не говорил.

– Как же тогда быть с теми, кто умер от рук убийц? Кого зверски замучили? Или кого убило шальным заклятьем? Тоже считать это божественным провидением?

– Скорее, предостережением. Знаком, если хочешь. Легкую смерть ещё надо заслужить. И кто знает, за какие грехи тот же Джим Рорнах получил удар топором по голове?

Тори нахмурился.

– Я это обязательно выясню… Но, мастер Рэйш, неужели вы полагаете, что смерть всегда приходит к людям заслуженно?

– Нет. Иногда ее можно обмануть. Но за каждый такой обман приходится дорого платить. Причем не только убийце. Ведь каждый неурочный приход Смерти означает потревоженную

границу между мирами. А потревоженная граница…

– Это открытый путь для нежити в наш мир, – едва заметно вздрогнул Тори.

Я кивнул.

– Вот этим мы и должны заниматься. Просто потому, что другим это не под силу. Если городская стража не справляется, мы им, разумеется, помогаем. Но нас мало. И распыляться на вещи, которые им вполне по силам, мы не можем себе позволить.

Юноша немного помолчал.

– Вы правы. Я об этом не подумал.

– Йен, вероятно, тоже. Поэтому мы с тобой и трясемся сейчас в старом кебе вместо того, чтобы заниматься тем, что действительно важно.

– А вы не могли бы меня научить, мастер Рэйш? – неожиданно вскинулся Тори. – Ходить по темной стороне, читать следы нежити, распознавать убийц. Вы ведь много знаете, а у меня так мало опыта!

Я хмыкнул: вот дурачок, да я УЖЕ тебя учу. Причем гораздо менее жестоко, чем меня учил в свое время мастер Этор Рэйш.

ГЛАВА 5

Нужный нам дом располагался в самом конце Желтого квартала и прятался в густой тени раскидистых деревьев. За кованой оградой виднелось целое море зелени и душистых цветов. Прямо с улицы можно было рассмотреть белоснежные статуи вдоль ведущей к особняку аллеи. А сама территория поместья была настолько большой, что я мысленно присвистнул, когда прикинул сумму, в которую оно обошлось нынешней владелице.

Согласно данным из сферы, хозяйка дома уже лет десять как благополучно вдовствовала, при этом после смерти мужа предпочла вернуть девичью фамилию и в настоящее время вела достаточно вольный образ жизни. Я бы даже сказал, слишком вольный, на грани приличий. Тем не менее, в средствах она стеснена не была, в столице на ее причуды смотрели сквозь пальцы. А благодаря налаженным связям репутация леди, хоть и была далека от совершенства, все же позволяла ей не только делать выходы в свет, но и собирать у себя весьма уважаемое общество.

Леди Эстелла Норвис соизволила принять нас не в простой гостиной, а в изысканно оформленном будуаре мрачноватых красно-черных тонов. Эффектная брюнетка в роскошном черно-золотом платье даже не сидела – она полулежала на обитой бархатом кушетке и с невозмутимым видом курила, втягивая в себя сладковатый дым через изящный мундштук. Лет ей при этом было никак не меньше пятидесяти, однако ухоженная кожа, густые вьющиеся волосы, мягкий полумрак будуара и томный, с поволокой взгляд делали ее ощутимо моложе.

Когда мы вошли, леди Эстелла молча указала кончиком мундштука на два стоящих рядом кресла, после чего глубоко затянулась и насмешливо изогнула кроваво-красные губы, заметив, что Тори слегка покраснел.

– Проходите, господа, – предложила она, затягиваясь снова и почти с удовольствием наблюдая, как мальчишка прямо на глазах теряет уверенность в себе. – Я давно вас жду. Что вас так задержало?

– Очередной несвежий труп, – учтиво отозвался я и, глянув на будуар через линзу, уселся в ближайшее кресло. – Но вам это, наверное, не особенно интересно. Тори, приготовь кристаллы для записи. Невежливо заставлять даму ждать дольше необходимого.

Парень наконец отмер и, суетливо порывшись по карманам, выложил на столик перед креслами сразу несколько

записывающих кристаллов. Благодаря щедрости Корна у нас теперь были и такие, что могли записывать звуки, и те, что фиксировали изображение. Если бы коллеги из Ордена научились делать их «два в одном», им бы вообще цены не было. Но пока, к сожалению, приходилось обходиться тем, что есть.

Леди Эстелла перевела взгляд на меня и какое-то время молча изучала, время от времени задумчиво втягивая из мундштука табачный дым. При этом взгляд у нее оказался цепким, оценивающим и совсем не подходил для стареющей куртизанки. Через некоторое время лицо леди утратило фальшивое благодушие. С вызывающе накрашенных губ сошла такая же фальшивая улыбка. После чего хозяйка дома на редкость грациозным движением села и поправила сбившееся платье, ненароком продемонстрировав нам тонкие лодыжки.

– Что ж, рада знакомству, господа, – иронично заметила она, когда Тори смущенно отвернулся. – Полагаю, вы – именно те люди, которые способны решить мою небольшую проблему. Видите ли, в чем дело… три дня назад у меня пропала племянница. И я бы очень хотела, чтобы вы ее нашли.

– Имя, особые приметы, подробные обстоятельства исчезновения… – скучным голосом перечислил я необходимые для работы данные. – Где жила, с кем встречалась, чем занималась? И почему вы вообще решили, что ее похитили?

На лицо леди Норвис набежало легкое облачко.

– Элен моя единственная племянница. Она из провинции, и других родственников в столице у нее нет.

– Почему она решила переехать к вам?

– Разве это имеет отношение к делу?

– Возможно.

Хозяйка дома едва заметно поморщилась.

– Боюсь, моя сестра оказалась не слишком хорошей матерью. Но не стоит думать плохо об Элен. Она хорошая девочка – честная, добрая… немного наивная, правда, но вам не хуже меня известно, как быстро излечивается этот недуг в стенах большого города.

– Безусловно, – сухо отозвался я. – Хотя некоторые ему не подвержены вовсе.

– О, ну что вы, мастер… простите, не услышала вашего имени…

– Рэйш.

– Так вот, мастер Рэйш, наивность, как мне кажется, это болезнь детства – светлого, чистого и спокойного. Когда детство проходит, наивность исчезает сама по себе. Хотя для Элен, к сожалению, это время несколько подзадержалось. Она мечтала

увидеть столицу, – с едва заметной усмешкой добавила леди Норвис. – Хотела красивой жизни. Роскошных залов. Золотых люстр. Громкой музыки, смеха, достойного общества… но знаете, мастер Рэйш, как выяснилось, она хотела этого только в мечтах. И когда я начала выводить Элен в свет, то поняла это довольно быстро.

Я ненадолго задумался.

Это что же, юной леди не понравился тот образ жизни, который вела ее эффектная тетка? Элен отказалась идти по ее стопам, надевать вызывающие наряды и устраивать провокации для мужчин?

– Что же ее не устраивало? – спросил я, когда леди Норвис умолкла.

– То, что реальность оказалась слишком уж… навязчива.

Угу. И гости мужского пола тоже, полагаю, были… хм… навязчивы. Особенно те, что любили бывать в этом доме и наверняка обратили внимание на неискушенную в столичных играх девчонку.

– По-вашему, конфликт интересов мог спровоцировать побег вашей племянницы? – снова спросил я, внимательно следя за выражением лица госпожи Норвис.

– Элен? – совершенно искренне удивилась она. – Да Род с вами, господин маг! Она очень тихая, скромная и послушная девочка, и не позволила бы себе такой вольности. К тому же, в ее доме отношение к ней было скверным. Нелюбимая дочь и быстро взрослеющая симпатичная падчерица… ну, вы понимаете о чем я. Элен приехала ко мне в том числе и поэтому. Ей некуда было бежать.

– У нее не было ухажера?

Леди едва заметно поморщилась.

– Почти год в столице не сделал ее более гибкой в отношении некоторых вопросов. Она хотела любви, это правда. Да и кто ее не хочет в таком возрасте? Но Элен мечтала о сказочной любви – знаете, такой воздушной и нереальной. С первого взгляда и на всю жизнь. Моих знакомых это порой удивляло. Все-таки Элен – девочка красивая, совсем еще невинная, и познакомиться с ней хотели многие. Сложность в другом…

Она бросила настороженный взор в сторону Тори.

– Мне бы не хотелось огласки, мастер Рэйш. Вы ведь понимаете – скомпрометировать незамужнюю девушку очень легко, а восстановить потом доброе имя почти невозможно. Элен не заслуживает такого отношения. Поэтому я прошу вас…

Я промолчал и лишь спокойно ждал продолжения.

– Элен всего пятнадцать, – после долгой паузы и

напряженного раздумья все-таки выдала госпожа Эстелла. – Но я представляла ее гостям несколько более старшего возраста. И до определенного момента это играло нам на руку, поскольку позволяло присмотреться к ней повнимательнее. И к ней присматривались. Настолько деликатно, насколько это вообще возможно с ее ранимостью. Я полагала, что все идет как надо, что однажды она раскроется и прислушается к моим советам. Но шесть месяцев назад все рухнуло в бездну, потому что Элен вдруг сообщила мне… что ожидает ребенка.

Я мысленно хмыкнул. Вот тебе и провинциалка. Вот тебе и невинный цветочек.

– Вы правы, – отвела глаза хозяйка дома. – Я ее проглядела. Но после нескольких неудачных визитов в свет, у нас с Элен состоялся долгий разговор. В тот вечер она много плакала, да и потом с ней было много проблем. Но я полагала, что со временем она сможет адаптироваться к нашим условиям. И была уверена, что, как только в ней проснется к кому-то интерес, смогу это увидеть.

– Но не увидели, – кивнул я. – Хорошо, что дальше? Чей ребенок?

Леди Норвис скомкала подол своего платья.

– Она сказала, что не знает.

– Вот как?

– Слуги не выпускали ее из поля зрения, мастер Рэйш, – с легким оттенком раздражения отозвалась хозяйка дома. – Доверяй, но проверяй… конечно, они следили не за каждым ее шагом, но я была уверена… да что там! Все мы были уверены, что ничего подобного и случиться не могло!

– И все же оно случилось. Дальше.

– Это была катастрофа, – устало отвернулась леди Норвис и вновь потянулась за мундштуком. – У девчонки могло быть хорошее будущее, достойный муж, немалое состояние… и она умудрилась одним махом все это спустить, простите, в сортир.

– Вы поссорились после того, как Элен рассказала правду?

– Конечно. Но любовника она все равно не выдала, даже когда я пригрозила отправить ее в монастырь.

– Почему вы уверены, что любовник был всего один?

– Я все же успела немного ее узнать – Элен не отдалась бы первому встречному. Хоть и наивная, но совсем уж дурочкой она не была. А значит, ее окрутил кто-то из тех, с кем она достаточно часто виделась, с кем говорила, общалась… в кого чисто теоретически могла влюбиться… проще говоря, с кем-то, кто часто бывал здесь, в этом доме! И врал мне в глаза, умудрившись у меня под носом затащить в постель эту упрямую девчонку!

Леди раздраженно пыхнула дымом и уставилась в наполовину зашторенное окно. Ее пальцы по побелевших костяшек обхватили мундштук, по холеной щеке пробежала нервная дрожь. Правда, довольно быстро мадам справилась с эмоциями, после чего уже спокойно добавила:

– Я так и не смогла вычислить поганца, хотя, поверьте, очень старалась. Мне пришлось выслать Элен в загородное имение, где она и провела последние полгода. Две недели назад у нее родился здоровый мальчик. Целителя я наняла заранее, привезла из провинции и отправила его обратно после того, как Элен благополучно разродилась. Я подумала, что через какое-то время она сможет вернуться в столицу. Все-таки ей только пятнадцать. Ребенка можно отправить подальше и сделать так, что о нем никто не узнает. Но перед отъездом целитель проверил малыша ещё раз и сообщил, что у мальчика формируется светлый дар.

Я мысленно присвистнул.

– У Элен в роду когда-нибудь были маги?

– Нет, – все еще с оттенком раздражения ответила леди. – По-видимому, дар достался ему от отца.

– То есть, избавиться от ребенка у вас бы не получилось, – задумчиво обронил я. – Одно дело – обычный мальчишка, и совсем другое – мальчишка-маг, да ещё и незарегистрированный к тому же.

– Вы правы: долго скрывать его существование мы бы не смогли. Но, по крайней мере, у Элен появилось будущее. Представь мы мальчишку Ордену, и на его происхождение никто бы не посмотрел. По закону ему положено все: бесплатное обучение, стипендия, масса привилегий… до его совершеннолетия Элен была бы хорошо обеспечена. Программа королевских гарантий для семей магов – весьма выгодное предложение. И если бы племянница под нее попала, я была бы спокойна. Отправила бы ее куда-нибудь, где нас никто не знал, и жила бы она припеваючи, пока мальчишка не подрос и не устроился на достойную должность.

– Так что же произошло? – насторожился я. – Вы обсуждали с Элен ее будущее?

Леди Норвис тяжело вздохнула.

– Неделю назад я ездила ее проведать. Элен была рассеяна и погружена в себя. Я забеспокоилась и снова вызвала целителя, уже из местных, но он заверил, что в первый месяц после родов такое бывает. Молодые матери могут долго привыкать к появлению первого ребенка, и это часто вызывает подавленность. После этого мы с племянницей поговорили, все обсудили, она согласилась с моим предложением, и я спокойно уехала. А три

дня назад получила депешу от управляющего о том, что Элен исчезла.

– Вы выехали туда?

– Сразу же, – кивнула женщина и снова нервно затянулась. – За эти дни мои слуги обыскали весь дом и прилегающие территории, но Элен и след простыл.

– Она могла покинуть поместье самостоятельно?

– Исключено. Слугам был дан четкий приказ никуда не выпускать ее одну. К тому же, она родила всего две недели назад. И не рискнула бы здоровьем сына, сбегая в одиночку. Да ещё не имея средств к существованию.

– Поэтому вы и решили, что ее похитили?

Леди Норвис кивнула.

– А что ещё я должна была подумать? Я обеспечила Элен всем необходимым и сделала все, чтобы она не стала в столице отверженной. Я поддерживала ее. Дала защиту. Позаботилась о ее будущем и о будущем ее ребенка… думаете, она бы сбежала, не будучи уверенной, что сможет обеспечить себя и сына?

– А вы не думали, что, возможно, вашу племянницу выследил и забрал отец ребенка?

– Думала, – буркнула леди. – Но если он действительно был в ней заинтересован, то первым делом пришел бы ко мне. Для всего остального мира Элен было семнадцать, и даже магу не зазорно признать женщину, родившую ему одаренного сына. Если бы он хотел, то мог бы и не оформлять отношения, но хотя бы поддержал ее финансово. Позаботился о сыне. Такое случается сплошь и рядом. Но, как я ни ждала, никто из этих слащавых мерзавцев на разговор не пришел. Никто не исчезал из виду за эти полгода. И ни у кого даже лицо не изменилось, когда я сообщила о внезапном отъезде племянницы. А раз этот подлец заинтересован в ней не был, то и похищать ее, спасая от тетки-тирана, было ни к чему.

Я мысленно кивнул.

Что ж, логично. Похоже, леди и впрямь беспокоилась за судьбу племянницы, раз рискнула вынести эту сомнительную историю на люди.

– В последнее время в «Столичном вестнике» много писали о нежити и о том, что со светлыми магами происходят разные нехорошие вещи, – неожиданно добавила женщина, подчеркнуто засмотревшись в окно. – И я подумала, что новорожденный светлый маг, о существовании которого не знает даже Орден, мог стать хорошей приманкой для тех, кто заинтересован в подобных… ресурсах.

Я поднялся с кресла.

– Мы проверим все возможные версии, миледи. Но для начала я хотел бы понять, как выглядит ваша племянница, и взглянуть на комнату, где она жила.

– Пожалуйста, – кивнула хозяйка дома и, дотянувшись до стоявшей на столике шкатулки, достала оттуда небольшой портретик. – Ее комната на третьем этаже, слуги вас проводят.

Я молча взглянул на портрет, отметив про себя редкую для провинции красоту молодой девушки, показал ее Тори, который на протяжении всей беседы усиленно старался не привлекать к себе внимания. Затем вышел в коридор, в сопровождении пожилой служанки поднялся наверх и добрался до нужной двери. А когда зашел в комнату, все же решил не останавливаться на достигнутом и кивнул мнущемуся рядом парню.

– Попробуешь найти ее след?

Тори отчего-то заколебался, но, как положено по инструкции, все же поднес к глазам визуализатор и потратил некоторое время, желая убедиться, что на темной стороне его не ждут голодные твари.

Я не стал его останавливать. Но и проверять за ним помещение тоже не посчитал нужным. Пока рядом Мелочь… а до ночи ей делать в доме лорда Искадо было нечего… ни одна мелкая тварь здесь не появится. А о крупной кукла заранее предупредит.

Наконец, Тори выполнил все предписанные инструкцией ритуалы и, покрутившись по комнате, в конце концов нашел один старый след. Уже блеклый, почти истаявший. И парень даже сумел его каким-то чудом зацепить. Наступив на него ногой, Тори повернул ко мне озарившееся неподдельной радостью лицо… Как вдруг оно побледнело, исказилось и покрылось крупными каплями пота. После чего парень пошатнулся и с глухим стоном упал на колени, уперевшись ладонями в дорогой ковер и исторгнув из себя целый фонтан желчи, который, к счастью для леди Норвен, угодил не на пол, а в кадку с каким-то цветком.

Мысленно выругавшись, я успел стащить позеленевшего парня со следа прежде, чем Тори потерял сознание. Торопливо проверил пульс, с облегчением убедился, что ничего страшного не произошло. Затем снова выругался. Поднялся на ноги, оставив тяжело дышащего мага лежать на ковре. После чего встал на злополучный след сам и через некоторое время выругался в третий раз. На этот раз вслух.

На шум в дверь заглянула горничная, которой я велел оставаться в коридоре. Увидев испорченный цветок, женщина громко ахнула. Затем разглядела беспамятного Тори, отпрянула от двери и вдруг заверещала в голос как резаная. На крик в

комнату набежали люди: слуги, дворецкий, неплохо одетые, но какие-то совсем уж непонятные личности преимущественно женского пола. Но лишь когда порог переступила встревоженная, тщетно пытающаяся сохранить самообладание хозяйка дома, я все же вернулся в реальный мир и хмуро на нее взглянул.

– Что происходит, мастер Рэйш?! – отшатнулась она, увидев мое лицо.

– Вы правильно вызвали магов, леди Норвис. Но, к сожалению, позднее, чем следовало бы: вашей племянницы нет в живых. А ее след – это след мертвеца.

* * *

Пока Тори приходил в себя под присмотром слуг, а леди Норвис нервно курила в будуаре, я успел обежать весь дом, пройтись по оставленным девушкой следам, испытать целую гамму «приятных» ощущений и с досадой убедиться, что не ошибся с выводами.

Леди Элен была мертва – это не подлежало никакому сомнению. Причем мертва не по своей воле, иначе Тори не стало бы так плохо – насильственная смерть всегда тяжелее переносится магом, чем смерть, пришедшая в срок.

Проще говоря, девчонку убили.

– Когда? – сжав тонкими пальцами мундштук, спросила хозяйка дома, когда я вернулся и сообщил ей безрадостную весть.

– След не дает таких сведений.

– И того, кто мог это сделать, вы тоже не знаете?

– Расследование только началось, – бесстрастно отозвался я. – Для выводов пока нет данных.

– Хорошо. Что с ребенком?

– В доме он ни к чему не прикасался, поэтому у меня нет ответа на ваш вопрос.

Леди немного помолчала.

– А если я попрошу вас навестить мое загородное поместье, вы сможете определить, где находится малыш и в каком он состоянии?

– Устав запрещает вставать на след детей младше десяти лет. Если мальчик ещё жив, то после моего касания к следу он гарантированно погибнет.

– Иными словами, вы ничего не можете, – горько усмехнулась госпожа Эстелла. – Ну и какой тогда смысл вас сюда приглашать?

Я промолчал – спорить с расстроенной женщиной не было резона. А вот насчет поместья она оказалась права. Если девушку

убили поблизости от него, я смогу найти место ее гибели. Если ее похитил маг, возможно, у меня получится отыскать следы магии и уже по ним выйти на похитителя. Только отправляться туда следовало прямо сейчас, потому что в таких делах чем меньше проходит времени, тем обычно лучше результат.

Оставив госпожу Эстеллу размышлять в будуаре, я заглянул на кухню, увидел там живого и уже переодетого в чистое Тори и одобрительно кивнул.

– Отправь кого-нибудь из слуг в Управление. Сообщи Йену, что у нас тут, возможно, убийство плюс похищение или же сразу два убийства. Потом опроси леди Норвис и всех, кто у нее тут обитает, по протоколу. И отдай амулет. Мне надо отлучиться.

– Если вы заберете амулет, как я буду допрашивать людей?

– Я же сказал: отправь кого-то из слуг в Управление. Вызови Лиз. Пусть она привезет свой.

Тори растер руками все еще бледное, с явственной зеленцой, лицо.

– Не надо никого отсылать. Я переговорник с собой взял.

– Я же велел не брать ничего лишнего.

– А я его в кебе оставил, – смущенно признался этот сопляк. – На случай, если понадобится вызвать помощь.

Я смерил его выразительным взглядом, но не стал озвучивать вслух мысли, которые крутились в тот момент в моей голове. Однако для себя молча отметил – мальчишка, хоть и прислушивается к советам, все равно остается себе на уме. Для команды Йена это не очень хорошо, а вот для темного мага – очень даже неплохо. Главное, чтобы этот умник раньше время шею себе не свернул и не подставил по неопытности коллег. Но если он выживет и начнет задумываться о последствиях чуточку дальше, чем делает это сейчас, то когда-нибудь из него выйдет толк.

Выяснить адрес загородного поместья леди Норвис оказалось несложно – слуги у нее были весьма разговорчивыми, а подробная карта окрестностей столицы нашлась в библиотеке. Так что, велев Тори добыть список постоянных гостей этого дома и особенно тех, с кем девчонка общалась чаще всего, я со спокойной душой ушел на темную сторону. И очень быстро оказался у одной из окраинных меток в южной части столицы. Дальше мои тропы не позволяли идти без четкого представления места, куда должен попасть, но у темной стороны имелось огромное преимущество – здесь я мог почти мгновенно перемещаться от одной видимой точки до другой, тратя на это в разы меньше времени, чем в реальном мире. Причем создать тропу я мог и на крышу дома, и на дерево, и на вершину скалы, если такая имелась в округе.

Возможное присутствие нежити меня не пугало – мелкая от меня теперь шарахалась, как свет – от Фола, а для крупной я слишком быстро перемещался. А если что, в моем арсенале имелась Тьма, с новыми свойствами которой я так до конца не разобрался, хорошая броня, отличное оружие. Ну и Мелочь, разумеется, которую я продолжал регулярно подкармливать. Сейчас она, правда, на плече уже не помещалась – выросла, зараза, зато забираться в капюшон плаща и наблюдать оттуда за происходящим ей никто не мешал.

– Нежис-сь, – тихонько прошипела она, когда я сделал короткую передышку и остановился посреди леса, который во Тьме выглядел так, словно его сперва сожгли, а затем засыпали снегом. – Малос-с. Но близ-с-ско.

– Охотиться будешь? – осведомился я, покосившись за спину. – Только быстро – время не терпит.

– Нетс-с, – после недолгого раздумья отозвалась кукла.

– Тогда вперед.

Злополучное поместье я заметил издалека – как и дом в столице, оно было огромным, не по делу роскошным, а единственное его достоинство заключалось в том, что построили его вдалеке от города.

При виде мощной сети охранных заклинаний, которые далеко не в каждом столичном доме отыщутся, я одобрительно хмыкнул. Но внутрь ломиться сразу не стал, а сперва прогулялся по округе в поисках пропавшей девчонки. Одновременно с этим отправил на охоту Мелочь, прекрасно помня, что след она держит во сто крат лучше специально обученной собаки. И если поблизости найдется хоть одна капля крови Элен, кукла ее обязательно учует.

Ближе к полудню я с досадой признал, что место преступления находится не здесь, и вместе с Мелочью ушел на нижний слой, чтобы пройти мимо защиты поместья. Еще какое-то время нам понадобилось на осмотр дома и расположенных рядом строений, но и там ничего подозрительного не нашлось. Ни трупов, ни крови, меченых смертью аур, ни следов нежити… девчонка как в воду канула, да еще и с новорожденным младенцем на руках.

– Что ж, придется побеседовать со слугами, – пробормотал я, вынырнув в реальный мир перед запертыми воротами. После чего взялся за висящий рядом язычок медного колокола и с силой его дернул.

Над поместьем раздался долгий тягучий звон.

Вышедший из дома плешивый мужичок сперва не хотел меня впускать, но бляха сыскного Управления и упоминание имени хозяйки сделали свое дело – ворота все-таки открылись. После

чего мне оставалось лишь найти управляющего, заставить его собрать всю обслугу в гостиной, достать амулет правы и вдумчиво расспросить присутствующих. Всех сорока трех человек, на беседы с которыми я угрохал время почти до вечера.

И вот тут-то обнаружилась одна нехорошая странность: никто из них ничего не знал, совсем ничего не видел и тем более не слышал. Народ будто ослеп, оглох и напрочь разучился делать логические выводы. Но это еще полбеды – как правило, в подобных ситуациях поначалу так и бывает, потому что оказаться причастным к убийству не желает никто. Таскаться в участок, давать показания сперва нам, а затем в суде… кому это надо? А с учетом того, что первый же сообщивший важную подробность по делу, вполне мог оказаться под подозрением, и подавно.

Странность заключалась в другом – амулет правды показывал, что все… абсолютно все слуги не лгут! Будто леди Элен взяла и одномоментно испарилась из хорошо охраняемого дома, да еще так, что ни одна жива душа об этом не догадывалась, пока ее не хватились. И когда я сорок третий раз убедился, что огонек на крышке прибора по-прежнему горит успокаивающим зеленым цветом, мне пришлось встать и объявить небольшой перерыв.

Итак, что же получается…

Леди Элен около полугода провела в этом доме, на глазах у четырех с лишним десятков человек. Как-то она тут жила, с кем-то разговаривала, гуляла, терпеливо дожидалась рождения первенца… а потом ее вдруг не стало?

На доме стоит отличная защита, которую не-магу невозможно преодолеть, не потревожив охранного амулета. Может, сеть барахлит?

Я переметнулся на темную сторону, отыскал источник наибольших магических возмущений в доме, внимательно его осмотрел и в задумчивости вернулся в гостевой зал.

Нет, не барахлит. А это значит, кто-то должен был его отключить. Но, если слуги не лгут, то получается, этим человеком был кто-то со стороны? Какова вероятность, что несведущий в магии человек сумеет сюда проникнуть и грамотно отключить прибор? А если похититель – маг, то сколько времени ему понадобится, чтобы взломать защиту? Опять же, следов взлома я нигде не нашел. Получается, этот некто знал слабые места системы?

Хорошо, допустим.

Исчезновение Элен обнаружили рано утром. Служанка, явившаяся позвать молодую мать к завтраку, нашла пустую постель, разворошенную детскую кроватку и подняла тревогу.

При этом все вещи Элен, кроме одного-единственного домашнего платья и пары башмачков, а также вещи ребенка оказались на месте. Признаков лихорадочных сборов или борьбы в комнате тоже не было. Создавалось впечатление, как в свое время с леди Мелани Крит – что кто-то разбудил молодую женщину посреди ночи, заставил ее тихо подняться с кровати, завернуть ребенка в первую попавшуюся пеленку, молча выйти на улицу и исчезнуть в неизвестном направлении.

Могло ли это быть воздействие магии разума?

В принципе, да. Но тогда и на охранника на воротах она, как минимум, должна была подействовать.

Я снова вызвал в гостиную плешивого мужичка, который впустил меня в дом, и, убедившись, что именно он дежурил в ту ночь, задал ему несколько простых вопросов.

Мужичок не соврал, хотя и боялся меня до заикания. Он честно отстоял на воротах всю смену, глаз за всю ночь ни разу не сомкнул, но ничего подозрительного не видел, не слышал и леди Элен на улицу не выпускал. Более того, ни одна свеча из его памяти тоже не выпала. Про потайные ходы из поместья он в первый раз слышит. К вину и крепким спиртным напиткам привычки прикладываться не имеет и вообще чист как стеклышко, в чем и поклялся мне здоровьем собственной жены.

Не найдя в словах плешивого противоречий, я неохотно отпустил его восвояси и велел Мелочи проверить подвалы на предмет неучтенных входов-выходов, а сам снова задумался. Слуги, которым я велел оставаться в коридоре, приглушенно загалдели. Женщины тихонько причитали, мужчины роптали, а местный управляющий – сухощавый тип с абсолютно лысой башкой, целых два раза за это время заглядывал в зал и вежливо интересовался, сколько ещё времени я планирую продержать его людей в коридоре.

– Сколько надо, – бросил я, одарив его хмурым взглядом. Дворецкий после этого счел за лучшее исчезнуть и больше не дергал меня по пустякам.

Где-то через полсвечи вернулась Мелочь и доложила, что подземных ходов в поместье нет, что заставило меня вновь вернуться к мысли о магической защите. Кто-то же ее снял. Причем изнутри, раз уж следов взлома я не обнаружил. Остается вопрос: кто? И как? В любом случае здесь должен быть замешан кто-то из местных. Причем дважды. В первый раз, чтобы пропустить внутрь похитителя, и во второй – чтобы закрыть за ним и Элен ворота. И это снова возвращало к мысли, что кто-то из присутствующих нагло лжет.

Бросив взгляд за окно, где неумолимо наступали сумерки, я

по второму кругу вызвал к себе слуг и заново их допросил. Но на этот раз еще и искал в аурах следы воздействия посторонних заклинаний. В частности, внушения, оглушения, подчинения, искусственно навеянного сна или хоть какие-то призраки того, что на людях недавно использовали запрещенную магию.

Ни-че-го.

Как это ни невероятно, но я не нашел абсолютно ничего подозрительного. Три дня, конечно, немалый срок для заклинаний этой группы, поэтому-то в случае с Мелани Крит мы так ничего и не обнаружили. Но тогда у нас не было объекта воздействия, а здесь вот они – все как на ладони. И если с посторонних предметов, которых магия коснулась лишь краешком, следы исчезали довольно быстро, то с человеческой ауры их не так-то просто убрать. А тут ноль. Очередной тупик, который усугублялся еще и тем, что я так и не смог поймать никого из присутствующих на лжи.

Устав как собака и утомив донельзя слуг, я все-таки принял решение дать им передышку, а работу продолжить утром. Вернее, передышка понадобилась не столько для меня, сколько для того, чтобы вернуть в столицу Мелочь – я еще не забыл о Роберте Искадо, как и о том, что по ночам за ним следует присматривать. Хотя бы до тех пор, пока Корн не найдет для парнишки толкового наставника.

Услышав, что допросы окончены, управляющий так обрадовался, что даже соизволил меня накормить и предоставил в мое полное распоряжение комнату на первом этаже, обставленную с неимоверной роскошью. От ужина я не отказался, потому что живот после прогулок во Тьме уже сводило от голода, а вот заснуть, как ни странно, не смог. И полночи провел в напряженных раздумьях, сумев провалиться в подобие полусна только ближе к рассвету. Но и там мне не давала покоя мысль об исчезнувшей девушке. Да еще и храм некстати вспомнился. Разрушенные статуи, пустые постаменты и, конечно же, дурацкий алтарь, который с чего-то решил меня использовать.

Наверное, к утру я все же задремал, потому что в какой-то момент очень остро вспомнил эмоции, обуявшие меня в ту ночь, когда я едва не утонул в алтаре. Давящую на грудь тяжесть, нечеловеческий холод и мучительно долгое погружение в пропасть, из которой по определению не было выхода. Правда, во сне окружившая меня Тьма не была такой уж непроницаемой. Порой казалось, что в окружившем меня мраке, словно из-под толщи воды, то проступало, то вновь исчезало чье-то огромное лицо. Грубое, мужское, словно высеченное из огромной скалы. Однако взгляд у него был очень даже живым. А голос оказался

низким, вибрирующим и пронизывающим до костей.

– ВЗЫВАЙ! – без предупреждения шарахнул он по натянутым до предела нервам. Да ещё с такой силой, что я от неожиданности захрипел, дернулся и едва не свалился с постели. И только сообразив, что это всего лишь дурацкий сон, вытер выступившую на лбу испарину и отбросил прочь одеяло.

К демонам. Надо заканчивать тут побыстрее и срочно искать отца Гона. Может, хоть он сумеет объяснить, что со мной происходит.

Утра большого облегчения не принесло.

– Нет, господин маг… не знаю, господин маг… ничего не слышала, господин маг…

Вот в общих чертах и все, что я услышал, когда забрал Мелочь из особняка Искадо, незаметно вернулся в поместье и в третий раз вызвал слуг на допрос. Перед этим я на всякий случай проверил амулет Тори – поврежденным он не был и работал исправно. Но когда входящие по одному в зал люди в третий раз подряд начали нести одну и ту же чушь… когда все тот же плешивый мужик как заведенный начал повторять, что не видел Элен той ночью… честное слово, я был готов его взять за глотку и сводить на прогулку во Тьму, чтобы стал более сговорчивым. Но вместо этого лишь бросил бесполезный амулет на стол, под недоумевающим взглядом охранника встал, распахнул двери, пинками загнал ждущее там баранье стадо в комнату, после чего выстроил вдоль стены и, оглядев испуганно-недоумевающие лица, процедил:

– Мне наплевать, кто из вас и как согрешил в последние полгода, кто что украл, проспал или забыл вовремя сделать. Моя задача – найти убийцу Элен Норвис и ее маленького сына. Никто из вас ее лично не убивал – об этом говорят ваши ауры. Но кто-то определенно знает, как и с кем именно она отсюда ушла. И, поскольку у меня нет больше времени с вами возиться, то ровно через полсвечи я начну по очереди вставать на каждый след в этом доме. До тех пор, пока кто-то из вас не сознается. Или же пока лжец не умрет.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Но я не шутил – когда темный маг встает на чужой след, жертва физически не способна солгать, глядя ему в глаза. Я не знал об этом, когда вступал на свою первую в жизни тропу. И это стоило мне разума, Королевскому суду – репутации, а убийце моего брата – жизни.

Но сейчас у меня просто не осталось выхода.

– Что вы говорите, господин маг… разве Элена мертва?! – пролепетала какая-то женщина.

Я хмуро кивнул.

– Ее убили. В те самые три дня, что она провела вне стен этого дома.

– Не может быть… – пробормотал ещё кто-то.

– Леди Элен?!

– Убита…

– Но за что?!

– Как же так? – беззвучно прошептал горе-охранник, потерянно опустив плечи, а управляющий под моим взглядом побледнел как полотно. – Леди Элен? И вдруг вот так…

– А ребеночек? – протолкавшись сквозь толпу ошарашенных новостью людей, вперед выступила взволнованная пожилая дама, одетая как горничная. – Что с мальчиком, господин?!

Я сузил глаза.

– Если убийца охотился за маленьким магом, возможно, его тоже нет в живых. Чтобы встать на его след, я должен получить разрешение от начальства. Но если мальчик жив, это его убьет.

Женщина прижала ладони ко рту, а в ее расширенных от ужаса глаза появились первые слезы.

– Род всемогущий! Да как же это могло получиться?!

– Так, – распорядился я и по очереди ткнул пальцем в охранника, управляющего и разразившуюся рыданиями горничную. – Вы трое остаетесь, остальные – вон. Живо!

Народ испуганно дрогнул, но после второго окрика все же заволновался и торопливо потянулся к дверям, спеша как можно быстрее покинуть душное помещение.

– Говорите, – процедил я, глянув на оставшуюся троицу, двое из которой внезапно покрылись испариной, а третья горестно заломила руки. – Элен больше нет, так нет смысла что-то утаивать. Но ее убийца по-прежнему на свободе. Возможно, ещё жив ее сын. И если вас хоть как-то волнует его судьба, говорите сейчас, пока у меня еще есть желание слушать.

Глава 6

Какое-то время в зале царила напряженная тишина, в которой слышались только сдавленные всхлипывания горничной. Управляющий и охранник угрюмо молчали. Мое терпение стремительно подходило к концу. Но когда я уже решил, что кого-то из этой троицы придется пытать, женщина неожиданно рухнула на колени и, молитвенно сложив руки, забормотала:

– Род всемогущий, творец милосердный… прости меня, грешную, ибо нарушила я данное именем твоим обещание…

– Нидис, довольно, – сжал челюсти управляющий, а охранник, наклонившись, рывком поставил ее на ноги, после чего довел с трудом ковыляющую, истово бормочущую что-то себе под нос женщину до ближайшего кресла и силком ее туда усадил.

Я молча посторонился. А когда горничная сгорбилась и горестно закрыла лицо руками, охранник обхватил руками ее плечи, а управляющий с тяжелым вздохом опустился на второе кресло и устало на меня посмотрел.

– Спрашивайте, господин маг. Раз леди Элен нет в живых, то нет и смысла хранить ее тайну.

– Кто выпустил ее из дома? – отрывисто спросил я.

– Я. Только у меня есть доступ в главный управляющий узел, который отвечает за работу магических сетей.

– Зачем?

– Она хотела покинуть дом так, чтобы ее отсутствия не заметили.

– Она пыталась сбежать?

Управляющий покачал головой.

– Что вы, господин маг. Здесь о ней заботились, ее любили. Ей просто была нужна одна ночь, чтобы встретиться с каким-то человеком. К утру она обещала вернуться.

Я нахмурился.

– Зачем?

– Она не говорила, – снова вздохнул управляющий. – Но Элен была славной девушкой. Тихой, отзывчивой, доброй. Она хорошо к нам относилась. И я не мог ей отказать в небольшой просьбе.

– Вы знали об этом? – снова спросил я, хмуро посмотрев на горничную и ее… наверное, мужа?

Плешивый сжал челюсти, но все же кивнул, а женщина снова залилась слезами.

– Так что все-таки произошло? Почему Элен понадобилось уйти из дома, где, как вы говорите, ее оберегали и любили?

– Госпожа Норвис пообещала отправить ее в Берн, – сквозь

всхлипывания созналась горничная. – Там тепло, море рядом… самое то для молодой мамы и маленького Уорена. И от столицы тот городок далеко – мы посмотрели по карте. Хозяйка даже решила переписать на Элен свой старый дом, которым уже давно не пользовалась. И мы с мужем тоже планировали туда перебраться. Леди Элен так или иначе понадобилась бы помощь на новом месте. А мы давно хотели перебраться южнее. Старые кости, господин… часто ноют к плохой погоде. А Элен и вовсе не помешало бы сменить обстановку. Забыть про все, что было. И зажить по-новому. С чистым сердцем и легкой душой.

Я снова нахмурился.

– Разве ей было плохо в столице?

– Она часто грустила, – с прерывистым вздохом призналась Нидис. – Особенно первое время. Была подавлена, ни с кем не хотела говорить. И только в последние пару месяцев оттаяла.

– Она не говорила вам, кто отец ребенка?

– Нет, – вздрогнула горничная.

– Она вообще о нем не упоминала, – тихо сказал охранник и снова сжал плечи жены, когда у той из глаз побежали новые дорожки из слез. – Лишь однажды Нидис неосторожно о нем спросила, так леди Элен аж побелела вся и сбежала в свою комнату.

– Она долго плакала в тот день, – добавил управляющий. – Не спустилась ни к обеду, ни к ужину. А поутру у нее глаза совсем припухли. Да так, что я счел нужным посоветоваться с господином Денаурисом… это наш целитель… насчет здоровья молодой леди. Но он заверил меня, что леди абсолютно здорова. Как и ее малыш. А на то, что у женщин в ее положении часто меняется настроение, посоветовал не обращать внимания.

– Леди не пыталась с кем-то увидеться? Не приходило ли ей писем? Может, она общалась с кем-то во время прогулок?

– Нет, господин, ни разу, – промокнула глаза платком горничная. – Да она и сама никого не хотела видеть. Больше молчала, чем разговаривала. Много читала. Гуляла. Единственной, кого она допускала к малышу, была я. А единственный человек, кого она была рада видеть во время прогулок, это мой муж, Шелех.

Я недоверчиво оглядел всех троих.

Что-то маловероятно, чтобы влюбленная девчонка ни разу ни с кем не поделилась мыслями о возлюбленном. Если племянница леди Норвис была такой восторженной мечтательницей, то почему слуги утверждают, что последние полгода своей жизни она выглядела подавленной и грустной? Она ждала ребенка от человека, которого любила! Не может быть, чтобы она не

пыталась с ним встретиться, написать письмо или хотя бы дать весточку, что жива и в порядке!

– Ребенок был нежеланным? – уточнил я, перебрав в уме возможные варианты.

– Ребеночек? – удрученно покачала головой горничная. – Нет, господин маг Мальчика леди Элен как раз любила. Говорила, что он – единственный лучик света в ее непростой жизни, и что она никогда с ним не расстанется.

– Та-а-ак… а как насчет отца?

Мужчины с мрачным видом переглянулись, а на глазах женщины снова выступили слезы.

– Леди Элен о нем не упоминала. Но мне показалось… – Нидис украдкой вытерла щеку. – Показалось, что леди не стремилась его увидеть. И ещё мне кажется… он ее предал. Поэтому она и согласилась сюда уехать и даже не пыталась прервать свое добровольное заточение.

Я мысленно сплюнул.

Ладно, теперь хоть что-то стало понятно с этим отвратительным делом. Осталось узнать самое главное.

– Так с кем именно Элен хотела увидеться в ту ночь? И зачем?

Горничная снова вздрогнула.

– Мы не знаем, господин маг. Но накануне утром она написала письмо и запечатала его в конверт без адреса. Мой брат живет в Вестинках… это на севере, всего в паре свечей конного ходу отсюда. Он часто ездит в город. Леди Элен попросила отдать письмо ему и доставить по адресу, который написан на внутренней стороне конверта. Мне она его не назвала, потому что сказала – нам не нужно знать лишнего. А брата попросила не говорить, куда поедет, но дождаться ответа и, если таковой будет, передать ей.

– Ответ пришел?

– Да, господин маг, – кивнула женщина. – Брат вернулся уже к обеду и отдал Шелеху письмо. Оно было написано на хорошей бумаге, но без подписи. Мы его не вскрывали.

– Элен плакала, когда его прочитала? – быстро спросил я.

– Нет. Но у нее лицо стало таким… знаете, какое бывает у людей, которые решаются на что-то страшное?

Я молча кивнул.

– А когда я спросила, в чем дело, госпожа ответила только, что делает это ради сына. И ради того, чтобы у него появилось достойное будущее. Мне кажется, господин маг, она не хотела быть обязанной леди Норвис, – почти шепотом добавила Нидис. – И с этим человеком она должна была встретиться той же ночью.

– Где?

– Я довез ее до Вестинок, – глухо уронил Шелех, отведя взгляд. – Госпожа сказала, что ждать ее не нужно. Но она будет рада, если я заберу ее с той же околицы на рассвете. Я и уехал.

– А ребенка она зачем с собой взяла?

– Сказала, что малыш будет плакать, оставшись один, а она не хотела, чтобы в доме раньше времени забеспокоились.

Я забарабанил пальцами по столу.

– Так. И что дальше?

– Утром я, как оговорено, поехал в Вестинки, но леди Элен на условленном месте не было, – хмуро сообщил охранник. – Я прождал ее две свечи, а она так и не пришла. В какой дом она должна была зайти, я не знал, но всякий случай прошелся по улице. Никого не увидел. Никто не шумел. Ну, я и уехал обратно. А Титусу сказал все как есть, после чего мы подождали еще сутки, а когда леди не вернулась к следующему утру, отправили депешу в Алтир.

– Титус это кто? – нетерпеливо уточнил я.

Управляющий поднял руку.

– Это я, господин маг.

– Так. И вы хотите сказать, что на самом деле девушка исчезла отсюда не три, а четыре дня назад?

Управляющий виновато кивнул, а горничная с мужем стыдливо переглянулись.

– Да, господин маг.

– И вы целые сутки потеряли, потому что надеялись, что все обойдется?!

– Да, мы очень виноваты перед Элен, – в третий раз с тяжелым вздохом признал управляющий, и вот тогда мне снова захотелось выругаться.

Фолова бездна! Молодая девчонка с младенцем на руках собралась куда-то на ночь глядя, и никто ее не остановил! Она пошла на встречу с человеком, которого никто даже в глаза не видел, и ее даже не попытались предостеречь! Наконец, она не вернулась в срок, а эти глупцы ещё целые сутки дожидались чуда! Вместо того, чтобы поднять крик и отправить людей на поиски!

Не знаю, что тут ещё можно сказать, но, похоже, нет предела человеческой глупости.

– Карту! – отрывисто бросил я, когда стало ясно, что ничего эти люди больше не знают. – Нидис, где именно живет ваш брат? Есть ли в Вестинках какие-то особые ориентиры?

– Да тут всего одна деревня в округе, – виновато понурилась женщина. – Не промахнетесь. А брат мой живет во втором доме с дальнего краю. Барри Хорс его зовут. Там спросите – вам

подскажут.

Едва взглянув на принесенную управляющим карту, я прямо в доме создал тропу и ушел на темную сторону. Затем на нижний слой, чтобы не ждать отключения защиты. Снова на средний. И уже по нему, друг за другом открывая прямые тропы, с огромной скоростью помчался в соседнюю деревушку, надеясь, что хотя бы там следы никто не затоптал.

До деревни я добрался быстро, но во второй дом с дальнего края заходить не торопился. А сперва почистил темную сторону от облюбовавших подвалы гулей, сжег парочку особо наглых тварей, а за остальными отправил кровожадно оскалившуюся Мелочь, которая и перебила их одного за другим.

Следов убийцы не нашел – занятые своими делами люди выглядели совершенно обычно. Спокойно работали по дому, ковырялись в поле, и ни у кого в ауре не осталось вызывающей красной метки. Отпечатков с такой же меткой на земле тоже на обнаружилось. Видимо, убийца действительно был не местным и в деревню не заходил. Да и гарантий, что место преступления находилось именно здесь, абсолютно никаких не было.

Недолго поразмыслив, я поманил брезгливо отряхивающуюся куклу.

– Кровь учуять можешь? Человеческую, трех- или четырехдневной давности.

Мелочь откровенно задумалась. Но вскоре проурчала что-то непонятное, неторопливо обежала меня по кругу, принюхиваясь и внимательно высматривая что-то на земле. Затем сделала ещё один круг, побыстрее. Третий, постепенно ускоряясь и расширяя невидимую спираль. И наконец, сорвалась на такой бешеный вихрь, что я только крякнул и подумал, что, кажется, не зря взялся следить за ее рационом.

Мелочь тем временем совсем исчезла из виду, и только приличный вихрик загулял по погруженной в тишину деревне. Вот она сделала новый круг, выйдя за пределы ограды. Затем второй, третий, четвертый… после чего из вихря раздался торжествующий клекот, и выпавшая из него кукла высоко подпрыгнула, обозначая свое присутствие. После чего развернулась и со всех лап кинулась вверх по пригорку, за которым вскоре и исчезла.

Спохватившись, я создал темную тропу и последовал за сообразительным чудищем сперва на пригорок, затем в поле, а после – и на соседний холм, на верхушке которого виднелись характерные холмики. После чего подумал, что это и впрямь неплохая задумка – убивать на кладбище. Там, где регулярно кого-то хоронят и где скопление гулей не привлечет внимания

сыскарей.

А гулей там и впрямь оказалось немеряно. Я только диву дался, когда увидел, какое количество тварей шарится между могилами. Тощие, уродливые… при виде Мелочи они встревоженно закурлыкали, а когда в моих руках зажегся темный огонь, и вовсе прыснули в разные стороны.

В этот момент где-то далеко, почти на грани слышимости, завыли другие, более крупные, судя по всему, твари. Сперва одна, затем другая… но мне и с этими хватило возни. А если кто и заинтересовался поднятым куклой шумом, то добро пожаловать на огонек!

Гули, правда, наше гостеприимство не оценили. Сбежать, правда, удалось не всем – большую часть нежити я просто сжег, кого-то порубил на части, а остальных безжалостно прикончила кукла. Теперь, когда она подросла, острые когти на ее «руках» стали ещё длиннее, а свой коронный удар она наносила поистине мастерски. Где и на ком мое чудовище тренировалось – один Фол знает. Но я не мог не восхититься тем, как быстро Мелочь снует между холмиками и короткими, безупречно точными движениями ломает гулям шейные позвонки.

Уцелевших тварей я велел не преследовать – незачем было тратить время. А когда Мелочь выбралась за ограду кладбища и остановилась возле наполовину вросшего в землю валуна, мне и вовсе стало не до гулей: здесь, возле камня, воздух действительно пах немного иначе, чем везде. Пылью пах, тленом. И едва уловимым привкусом железа.

Убрав секиру, я выбрался с темной стороны, оказавшись у такого же камня, только уже в реальном мире. И практически сразу обнаружил, что с одной стороны на нем засохло небольшое кровяное пятно. А рядом в земле виднелся четкий отпечаток женского башмачка, хозяйка которого уже несколько дней как была мертва.

Я понял это, когда коснулся чужого следа и испытал те же ощущения, что и в доме леди Норвис. Но когда принялся искать след убийцы, то испытал целую смесь разнообразных эмоций, от недоумения до раздражения: помеченных смертью отпечатков не было. Вообще ничего, кроме одного-единственного погибшей девушки. Ни возле камня, ни возле ограды кладбища, ни возле могил. Ни во Тьме, ни в свете… то есть, в реальности, конечно. Земля вокруг кладбища была чиста как первый снег. И даже пологий склон, ведущий к глубокому оврагу, на дне которого журчал невидимый ручеек, оказался абсолютно пустым. Да, без травы, потому что кто-то предусмотрительно обратил ее в пепел, а затем равномерно перемешал с землей, убирая все следы своего

присутствия.

– Очень умно, – пробормотал я, вернувшись на темную сторону к терпеливо дожидавшейся Мелочи. – Похоже, наш убийца использовал три амулета. Темный, чтобы перетянуть все метки на ауру, затем светлый – чтобы полностью ее скрыть. Причем «линза» у него не в пример более мощная, чем у Джоша – связь с аурой разорвана полностью, поэтому и следов не осталось. Наконец, последний амулет ему понадобился, чтобы перепахать весь склон и лишить нас возможности за ним последовать. А это значит, что нам его не догнать.

– Никогось? – вопросительно подняла голову кукла, когда я вернулся к треклятому валуну.

– Пока что да, – согласился я, пребывая в напряженном раздумье. – Но надо найти хотя бы тело.

Мелочь снова подумала и исчезла. А я вернулся в обычный мир, прошелся вдоль омертвевшего склона, добрался до оврага и, заглянув вниз, создал еще одну тропу. На дно, возле ручья, на берегу которого что-то белело.

Она лежала у самой воды – искалеченная, изломанная как надоевшая игрушка, которую жестокий мальчишка выбросил в окно. От былой девичьей красоты ничего не осталось – изрезанное острыми камнями лицо было покрыто густой коркой крови, светлые волосы спутались и потемнели, изорванное платье намокло и словно нарочно подчеркивало уродство мертвого тела. Сломанные кости, перемолотые в кашу ребра, неестественно вывернутая голова… если бы я не знал, кого искать, никогда не признал бы в этом измочаленном куске мяса несчастную Элен Норвис.

Убили ли ее наверху, а затем сбросили сюда, или же девчонке не повезло упасть с такой высоты живой – теперь это мог установить только хороший целитель. Но вот что я посчитал действительно важным – это исследовать окрестности на предмет пропавшего ребенка. И испытал немалое облегчение, когда понял, что второго тела в овраге не оказалось.

Трогать здесь я ничего не стал – Лиз потом приедет, сама разберется. Только метку на валуне поставил, чтобы в следующий раз добраться быстрее. После чего снова вернулся в деревню и бесцеремонно ввалился во второй с дальнего края дом.

– Что вам нужно?! – испуганно отшатнулась немолодая женщина, от неожиданности выронив таз с недостиранным бельем. На пол плеснуло грязной водой пополам с мылом. Мокрые тряпки с отвратительным шлепком упали сверху. А следом грохнулась и выскользнувшая из рук посудина, с омерзительным грохотом укатившись к печи.

– Чего шумишь? – недовольно проворчал из глубины дома еще один голос, и из соседней комнаты вышел кряжистый мужик с забинтованной головой. Росту в нем было побольше, чем даже в Йене, так что зашел он, вынужденно пригнувшись. А вот выпрямлялся с гримасой боли на заросшем щетиной лице, которая, впрочем, при виде меня мгновенно сменилась недоумением.

– Барри Хорс? – сухо осведомился я, одновременно достав из нагрудного карману бляху.

Мужик, метнув на застывшую изваянием жену быстрый взгляд, неохотно кивнул.

– Так точно, господин следователь. Никак случилось что? Неужто кто-то из наших что в округе натворил?

– Вы знакомы с леди Эстеллой Норвис? – словно не услышал его я.

– Э… нет, – совершенно искренне озадачился мужик.

– А с леди Элен Норвис?

– Ну-у… тоже нет.

– Ваша сестра у нее служит горничной, – напомнил я, и вот тогда на широком лбу Хорса появилась глубокая складка.

– Да… наверное, господин следователь. Я не особенно разбираюсь в ее делах.

– Хорошо, где вы были утром четвертого дня?

Мужик снова озадаченно наморщил лоб.

– Не помню.

– Вы совершали поездку в Алтир в указанное время?

– Нет… думаю, что нет.

Я недоверчиво уставился на болезненно скривившегося верзилу, но тут на помощь пришла его жена.

– Да был он там, господин следователь, – в сердцах бросила она, поднимая с пола мокрые тряпки. – Рыбу на продажу повез, как обычно. С самого утра уехал, дык почти до темноты его и не было. Только не помнит он ничего. Как следующим утром проснулся, так память-то у него и отшибло. Даже того не помнит, что Нирдис к нему на днях приходила, представляете?!

Я настороженно оглядел забинтованную голову здоровяка.

– И сколько дней у него выпало из памяти?

– Два с половиной, – с досадой сообщила супруга, достав из-под печи и со стуком поставив на лавку таз. – А голова у него с тех пор что ни день, то болит неимоверно. Никакие примочки не спасают. Может, хоть ему что присоветуете, господин следователь? Вы ж вроде маг?

– У меня другая квалификация.

Я знаком велел мужику присесть на соседнюю лавку, а сам

внимательно глянул на его ауру.

Ну так и есть. Какая-то сволочь использовала на мужике заклинание забвения. Но грубо, неаккуратно, явно второпях. Вместо одного дня оно съело памяти в два раза больше. Неудивительно, что мужик головными болями маялся. К целителю бы его надо. И как можно скорее.

– Вам он по возвращении что-нибудь рассказывал? – отступил я, не сомневаясь, что память бедолаге стерли качественно и навечно.

Женщина бросила в таз еще один ком мокрого белья и покачала головой.

– Нет, господин следователь. Ничего такого.

– А письмо с собой какое-нибудь привозил?

– Вообще-то да, было письмо, – припомнила она, к вящему удивлению супруга. И даже ненадолго отвлеклась от белья и разлитой на полу лужи. – Маленькое такое, я еще подумала: от кого бы? Бумага-то дорогая, беленая. У нас такой днем с огнем не сыщешь.

– Барри сказал вам, от кого это письмо?

– Нет, конечно, – насупилась дама, кинув на мужа сердитый взгляд. А затем выудила из-за печи чистую тряпку и принялась собирать воду с пола. – Сказал, чтоб не лезла не в свое дело. Даже взглянуть на него толком не дал. Только и увидала краешек, когда он одежку грязную менял. И тут же укатил снова, вернувшись уже под вечер.

– Куда он ездил, тоже не сказал?

– Нет, господин маг. Нисколечки.

– А про столицу что-нибудь говорил? Где был? Кого видел? Может, упоминал незнакомые имена?

– Как же не говорил – когда выпил, так сразу и сознался, что аж в Белый квартал его зачем-то занесло, – сердито пробурчала супруга и снова кинула на озадаченно взирающего на нас верзилу укоризненный взгляд. После чего с силой отжала тряпку в таз, встряхнула уже полусухую и снова взялась за уборку. – Правда, к кому он ездил, я так и не поняла. Как спросила про имя, так он даже спьяну словно воды в рот набрал. Потом упал мордой в стол и захрапел, а как проснулся – все. Ни каплюшечки уже не смог вспомнить.

Я тяжело вздохнул.

Фол… это скверно. Вероятно, заклинание было отсроченным, поэтому и ударило по мужику с удвоенной силой. Память-то ему теперь ни один целитель не восстановит. Даже за очень большие деньги. А это значит, что убийцу он уже не узнает. Лицом к лицу их поставь, и Хорс отвернется, твердо заявив, что в глаза его

раньше не видел. Впрочем, нет никакой гарантии, что он общался именно с убийцей. Мужик ведь в Белый квартал по поручению леди Элен ездил. А значит, письмо у него из рук принимал не хозяин элитного особняка, а кто-то из слуг. Возможно даже, низшего звена. И передавали ответ точно так же, присовокупив к письму отсроченное заклинание.

Интересно, а Элен это письмо сохранила?

Надо будет вернуться, спросить. Самого заклинания я, конечно, уже не увижу, но возможно на бумаге остались какие-то следы? Остаточные эманации заклятия, какие-то характерные завитушки у почерка?

Да. И в самом деле стоило попробовать добыть это письмо. Какая-никакая, а все-таки зацепка.

Размышляя над этим вопросом, я мысленным взором пробежался по деревушке, вспоминая, все ли я сделал здесь и не осталось ли чего-то, что я мог упустить. Но получалось, что делать мне тут было нечего. Следов убийца благоразумно не оставил. Единственная ниточка, которая могла к нему привести, вот она, оборвана у самого основания. Для Элен Норвис я тоже больше не мог ничего сделать, кроме как сообщить о ней в ближайшее УГС, прислать сюда светлого мага и следователей, а Йену с досадой признаться, что убийца оказался неплохо подкован в нашем деле…

Впрочем, нет. Есть ещё кое-что, что я мог для нее уточнить.

– Сударыня, а у вас за последние четыре дня больше ничего необычного не случалось? – поинтересовался я больше для порядка, чем действительно на что-то надеясь.

– Необычное – это что? – выпрямилась женщина, уперев мокрые руки в бока.

Я кашлянул.

– Ребенка маленького никто возле деревни не находил?

Госпожа Хорс как стояла, глядя на меня, будто на ненормального, так вдруг и села, изумленно округлив глаза. Хорошо, сзади лавка была, иначе она бы точно промахнулась от неожиданности. Я, правда, поначалу решил, что это мой вопрос ошарашил ее до полного изумления. Но женщина, растерянно моргнув, неожиданно всплеснула руками и буквально подскочила на лавке.

– Ну конечно!

– Что? – с замиранием сердца переспросил я, когда ее лицо озарилось такой же неожиданной догадкой. – Что такое?

– Да был же ребенок! – торжествующе воскликнула она. – Соседи наши как раз три дня тому деда своего проведать собрались! Он у них помер где-то с год назад, вот они и пошли на

кладбище – камень могильный выправить. А на обратном пути-то и обнаружили дитенка мелкого! В кустах лежал возле самого пригорка! Они его накормили, распеленали, помыли. Говорят, славный такой карапуз. Только все время плачет…

Госпожа Хорс внезапно осеклась и с испугом на меня уставилась.

– А откуда вы про ребеночка-то прознали, господин маг?

– Где он?! – отрывисто спросил я. И как только узнал номер дома, опрометью выскочил за дверь.

Глава 7

– Это очень скверная история, Арт, – задумчиво проговорил Йен, когда ознакомился с рапортом и бросил стопку исписанных листов на стол. Дело уже близилось к вечеру, но Норриди, как обычно, задерживался на работе, да и я лишь недавно закончил с бумагами. – Просто очень. Чтобы кто-то из магов умудрился так замараться… давно я ни о чем подобном не слышал. Получается, убийцу ты так и не нашел?

Я отрицательно качнул головой.

– Редкий случай, когда нам не оставили ни единой зацепки.

– А письмо?

– Леди Элен сожгла его сразу после прочтения. Мне достался один пепел в камине, да и горничная подтвердила, так что эта ниточка для нас тоже оборвана.

– Может, попробовать все-таки поработать с Барри Хорсом? Вдруг он что-нибудь вспомнит?

– Я уже говорил с Лиз, – вздохнул я. – Шансов на то, что он вспомнит хоть мгновение из тех двух с половиной дней, никаких. Разве что нам с тобой обойти Белый квартал с его портретом наперевес и поспрашивать слуг на предмет того, не помнит ли кто этого человека. Разумеется, правды нам никто не скажет – излишне болтливая прислуга в этом районе не задерживается. А для допроса с амулетом правды нет ни одной веской причины. Но даже если бы ты ее придумал, а я принялся собственноручно тыкать портретом в физиономии благородных и высокородных обитателей тех особняков… сам понимаешь, для суда все равно нет доказательств. А без них наши умозаключения никого не интересуют.

– Твоя правда, – неохотно согласился шеф и, мрачно взглянув на рапорт, подвинул его на край стола. – Девчонку обманули, использовали, убили и выкинули за ненадобностью. А мы ничего не может сделать.

– Хуже того, нас переиграли, Йен. Мы не знаем ни внешности, ни имени убийцы, ни его мотива. В столице сотни магов. И большинство из них светлые. Но, видимо, девчонка все-таки любила этого урода, если даже после всего, что он сделал, защищала до последнего.

Норриди невесело усмехнулся.

– Знаю, что ты сейчас скажешь: глупо, да?

– Глупо, конечно, – подтвердил я. – И совсем уж нелепо было искать с ним встречи. Вряд ли в ее жизни за это время появился другой мужчина. Значит, писала она все-таки ему. И именно его

ждала на том кладбище. Но что она хотела этим добиться? Что-то доказать? Потребовать денег?

– Даже если и так, то зачем было ее убивать? – непонимающе нахмурился Норриди. – Девчонка и без того молчала. Все возможные меры предосторожности приняла, никому его не выдала, даже леди Норвис, хотя та наверняка настаивала. Хотела бы она его сдать, написала бы письмо и оставила в комнате. Или тетке отправила – у той все-таки связей побольше. Но в ее комнате ничего не нашли. Значит, Элен была уверена, что с ней ничего не случиться. Похоже, понадеялась, что ради сына любовник не станет ей вредить. Но если уж он решил, что девчонка создает проблемы, то почему было не использовать такое же заклинание, как на Хорсе? Это проще, чем заметать следы убийства. Да и надежнее – после заклятия забвения такого уровня, какой использовали на мужике, девчонка даже мать бы родную забыла, не то что лицо и имя этого ублюдка.

– Возможно, изначально он и не планировал ее убивать. Но что-то во время разговора пошло не так, и ему пришлось принимать меры. Убирал он за собой явно второпях, однако сделал это грамотно. И ничем себя не выдал. Для обычного человека, согласись, это необычно.

Норриди рассеянно угукнул.

– А если нам поискать среди окружения леди Норвис? Как думаешь, в списках ее гостей удастся найти его имя?

– Да среди ее гостей кто только не побывал за эти полгода, – фыркнул я. – Ты видел, сколько имен настрочил в отчете Тори? В ящик стола не уместилось! А ты говоришь: «найти». Но даже если и найдем – что дальше-то делать будем? Улик нет. В лучшем случае, кто-то из прислуги мог увидеть, как он тискал девчонку в уголке. И я, если честно, вообще не понимаю, как этот маг умудрился заделать ей ребенка. Он же не дурак. Тем более, не планировал дальнейших встреч. Тогда зачем, демон его забери, надо было так позориться, если в наше время заклинаний от нежелательных случайностей придумана целая куча? Эх, жаль, что по магическому дару нельзя определить, кто стал источником дара для ребенка. Остается ждать, когда пацаненок вырастет, а потом отследить, какой род оставил на его лице фамильные черты. Но к тому времени, боюсь, это дело просто закроют за давностью лет.

– А где, кстати, малыш-то? Куда ты его дел? – встрепенулся Йен.

– Пока вместе с нянькой остался в загородном имении леди Норвис. Мальчишке повезло – за ночь он не замерз, не стал добычей хищников и не попался на глаза убийце, когда тот

зачищал кладбище. Если бы Элен положила его чуть ближе к холму, его бы тоже перемололо в фарш.

– Как на известие о его возвращении отреагировала леди Норвис?

Я скривился.

– Взволнована и растеряна. И с первыми же лучами солнца укатила за город, чтобы проверить, что там и как. Не думаю, что будет хорошей идеей оставлять мальчишку на ее попечение.

– Согласен, – кивнул Норриди. – Репутация у леди оставляет желать лучшего. Но это, к счастью, не нам с тобой решать.

– Угу. Собственно, я зашел к тебе сказать, что обещание свое выполнил: убийство раскрыл, похищенного благополучно вернул. Поскольку о втором трупе изначально речи не было…

Йен скис.

– То я опять должен отстать от тебя на целую неделю.

– Вот именно, – подтвердил я, поднимаясь из-за стола. – Если что, связь прежняя. Моментального появления по первому же чиху не гарантирую, но в случае необходимости через четверть свечи буду на месте.

– К Тори сперва загляни, – буркнул недовольный моим уходом Норриди. – Он просил.

– Зачем?

– У него для тебя какая-то информация. Сказал, это важно.

– Важно так важно, сейчас зайду, – нахлобучив на голову потертую шляпу, я кивнул и вышел, оставив Йена корпеть над сводным отчетом за неделю.

Читает кто-нибудь его бумажки или нет, я не знал, но не собирался устраиваться на постоянную должность в УГС в том числе и поэтому. Сейчас я почти свободный маг. Нужен – пришел. Не нужен – ушел. Написал отчет вовремя – молодец. Не написал – получил от начальства выговор и дальше не пишу… А Норриди что ни день, то какие-то бланки с таблицами заполняет. И было ради чего срываться в столицу?

По дороге к выходу я, как и обещал, заглянул в соседний кабинет.

– Эй! Молодежь, как у вас дела? Все отчеты уже настрочили?

– Шутите, мастер Рэйш? – обиженно посмотрела на меня закопавшаяся в бумагах Лиза. – Мы совсем недавно вернулись! Вы же сами нас в ту деревню вызвали! Думаете, вся работа так вот прямо сразу и делается?!

Ах, ну да, точно…

Я по достоинству оценил громоздящуюся перед ней кучу кристаллов, которые еще следовало просмотреть. Вышел в коридор. Засунул нос в соседнюю комнату. Убедился, что

вернувшиеся из Вестинок следователи тоже усиленно горбатятся за столами. После чего снова вышел. Еще раз взглянул на трудящийся в поте лица коллектив и в который раз подумал, что выбрал правильную форму отношений с Управлением городского сыска.

– Тори, ты хотел о чем-то поговорить? – нейтральным тоном осведомился я, повернувшись к настороженно следящему за мной магу.

Тот еще больше напрягся.

– Я допросил Джоша Рорнаха.

– Доброго дядюшку, обожающего бить племянников топором по голове? Хм. И что же он поведал тебе интересного?

– У него есть лавка на окраине Алтира. Официально Джош считается старьевщиком.

– А неофициально он кем подрабатывает?

– Скупщиком краденого, – насупился Тори. – Причем давно и довольно успешно.

– Допустим. Какое отношение к этому имел бедолага Джим?

– У него не было постоянной работы, поэтому перебивался парень где мог. Работал за гроши. То в порту, то на торговых складах. Везде, где требовалась грубая физическая сила. А другая работа была ему не по плечу, – быстро добавил парень, увидев, что я забрался задать новый вопрос. – Джим был несколько… слабоват умом. Родители сказали – во время родов что-то там ему повредили. Поэтому парнем он вырос глуповатым, но простым и добродушным, как бринессар.

Я прислонился плечом к косяку.

– Хочешь сказать, дядюшка в конце концов пристроил недалекого племянничка к незаконному делу?

– Привлекал иногда. Особенно, когда товаров приходило много, и их надо было быстренько перебросить из дома в подвал или же погрузить на телегу. Джим делал. И вопросов не задавал. Он просто не понимал, что такое «украсть» и почему продавать «украденное» плохо.

– Что же изменилось потом? – вмешалась в разговор заинтересованно прислушивающаяся Лиз. – До Джима наконец стало что-то доходить? Он рассказал о делишках дядюшки родителям?

Тори качнул головой.

– Он всего лишь взял со склада понравившуюся ему заколку.

– Заколку?!

– Представь себе, – невесело усмехнулся паренек. – Смешно сказать – он собирался подарить ее матери. Но Джош заметил и захотел вернуть свою собственность. Поскольку заколка золотая,

краденая и стоит бешеных денег, то позволить ей появиться в доме брата он не мог. Но и отнять у Джима не сумел – парень все-таки здоровяком был. А заколка понравилась ему до такой степени, что отдавать ее дяде он не захотел. И Джош не нашел нужных слов, чтобы уговорить племянника расстаться с безделушкой на складе. А когда Джим ее забрал и ушел домой, дядюшка дождался вечера, пробрался на участок к брату, увидел, как Джим рассматривает заколку над костром… ну и решил, что можно решить все проблемы одним ударом. Убивать племянника он, конечно, не хотел – собирался только оглушить, поэтому и ударил не лезвием, а обухом. Топор лежал у забора – Джим им обрубал сучки на ветках. Рядом никого не было… но Джим со страху не рассчитал и ударил с такой силой, что проломил парню голову. Естественно, когда понял, что натворил, Джош запаниковал. Да и забрать орудие убийства с собой побоялся – мало ли, заметит патруль с окровавленным топором? Поэтому Джош спрятал его в сарае… о тайнике под половицей он, естественно, знал. А потом забрал заколку и ушел. А чтобы успокоить совесть, надрался в ближайшем кабаке до невменяемого состояния и пришел в себя только утром. Незадолго до моего появления.

– А где он «линзу»-то взял? – заинтересовался я, а Лиз нетерпеливо привстала на стуле. – Такой артефакт без специального разрешения от городской стражи в лавке не купишь. Даже одноразовый.

– Да на складе своем и взял. Кто-то его в незапамятные времена туда приволок, а продавать его Джош не захотел. Про свойства амулета он тоже знал, поэтому всегда носил с собой. Только амулет-то был ворованный, старый, уже с трещиной в корпусе и сработал кое-как. Все следы хозяина оборвать не сумел, поэтому-то я один и увидел.

Я мысленно вернулся к обстоятельствам дела и, больше не найдя в нем дыр, сложил руки на груди.

– Ну хорошо. Ты все выяснил. Молодец. Легче тебе от этого стало? Стоило оно потраченного времени?

Тори поднял на меня серьезный взгляд.

– Не поверите, мастер Рэйш, но да.

– А что, без того, чтобы лично поговорить с убийцей, спокойно тебе не жилось?

– Незаконченное дело как заноза, – с чувством признался молодой маг, а Лиз с важным видом кивнула. – Когда я чего-то не понимаю, мне всегда кажется, что я могу что-то упустить. А теперь мы и убийцу знаем, и мотив нашли, и орудие убийства суду предоставить можем… мне кажется, это правильно, мастер

Рэйш. Разве нет?

Я невесело улыбнулся.

Эх, Тори… как бы все здорово выходило, если бы мы имели время и возможность у каждого дела поднимать всю подноготную!

– Мастер Рэйш! – окликнул меня Тори, когда я уже развернулся, чтобы уйти. – А амулет мне не вернете? Я ж его под честное слово взял. Лив, правда, он нем еще не спрашивал, но все же неудобно.

Я похлопал по карманам, ища, куда завалился деревянный, магически опечатанный чехол, которых не давал артефакту фонить на темной стороне. Запоздало припомнил, что хотел проверить его еще разок, потому что он очень уж странно сработал на трех допросах. Наконец, выудил из-под полы маленькую коробочку, открыл и озадаченно хмыкнул: на выпуклой поверхности амулета почему-то горел не зеленый, а ярко-красный огонек. И это значило, что или Тори нам сейчас беззастенчиво врал… или же городская стража проводит расследования с неисправным прибором.

* * *

Вернувшись домой, я с наслаждением вымылся, наелся до отвала, выяснил у Нортиджа последние новости и с чистой совестью завалился в постель, предварительно отправив Мелочь в очередной раз проконтролировать Роберта Искадо.

Сон, как и вчера, не шел. Мысли навязчиво крутились вокруг последнего дела, а как только я задремал, перед глазами снова встала мрачноватая картина моего утопления.

– ВЗЫ-ВА-А-А-АЙ… – оглушающе громко провыла Тьма, буквально за миг до того, как я вздрогнул и открыл глаза. Но обнаружил, что в спальне ничего не изменилось, и очень не вовремя вспомнил, что до храма так и не добрался.

Уснуть я пытался ещё трижды и трижды проваливался в эту вязкую муть, откуда меня вышвыривало чужими воплями. Устал, Фолова бездна, чуть ли не больше, чем за целый день беготни. Но потом плюнул, провалился во Тьму по-настоящему и уже там спокойно закрыл глаза – на темной стороне сны меня никогда не тревожили.

Так случилось и на этот раз. Однако следующим утром я уже на рассвете стоял перед алтарем Фола и нетерпеливо озирался в надежде, что хотя бы сегодня отец-настоятель не станет меня игнорировать.

Ощущение, что меня утягивает на нижний уровень, пришло на этот раз ещё быстрее, чем накануне. Но сегодня оно было менее навязчивым, да и я своевременно сообразил, куда меня приглашают, и добрался до первохрама не в пример быстрее, чем раньше. Мелочь, правда, с собой не взял – она до сих пор караулила покой юного герцога, и я планировал ее забрать уже после того, как поговорю со жрецом.

В знакомый зал я входил готовым ко всему. И к тому, что меня действительно попытаются утопить. И даже к тому, что придется исполнить свою угрозу и разнести невоспитанный алтарь к Фоловой бабушке. Однако все оказалось гораздо проще – внизу меня никто не ждал. Ни разгневанный Фол, статую которого я пока не спешил воскрешать, ни получивший по роже зеркальный чувак. В первохраме, как и всегда, царила мертвая тишина, и только звуки моих шагов отдавались приглушенным эхом.

Алтарь, кстати, стоял сегодня на положенном месте и весьма успешно прикидывался мертвым. Лужа в центре зала, правда, никуда не делась, но лизуны мне под ноги швырять больше не пыталась. И вообще создавалось впечатление, что даже она меня решила проигнорировать.

– Ладно, – пробормотал я, остановившись так, чтобы видеть и лужу, и алтарь, и пустой постамент владыки ночи, окруженный целыми горами разнокалиберных осколков. – Ты звал – я пришел. Что делать-то надо?

По залу пронесся легкий ветерок, а над грудой битого камня на мгновение сформировалось и тут же исчезло черное облако.

– Ты шутишь?! – недоверчиво переспросил я. Но когда по полу прокатилась явная дрожь, а обломки статуи ощутимо подпрыгнули, с удивлением понял: – Похоже, не шутишь. Но демон меня задери… Фол! Как ты вообще себе это представляешь?!

Облачко над обломками сгустилось снова, и на этот раз задержалось там дольше. Не знаю, может я снова сошел с ума, но показалось, что внутри на миг соткалось все то же грубое лицо, которое мешало мне нормально спать вот уже две ночи. Ощущение взгляда тоже было. Только на этот раз не требовательного, а смертельно уставшего. И сообразив наконец, что это был не приказ, а скорее просьба, я мысленно выругался, но все же подошел к разбитой статуе, присел на корточки и, протянув руку к первому попавшемуся обломку, пробормотал:

– Если что – я предупредил: работа по камню – не мой профиль.

Однако прежде чем мои пальцы коснулись камня, что-то

вокруг снова изменилось. Моей щеки даже сквозь доспех коснулся знакомый холодок, на полу и стенах выступила густая изморозь, а затем приятный женский голос со спины тихонько пропел:

– Здравствуй, Артур…

Кожу на моем лбу обожгло, и я непроизвольно замер.

– Здравствуй, Смерть. Давно не виделись.

– Кажется, ты опять собираешься сделать глупость, Артур? – со смешком осведомилась Она, подойдя вплотную. Так, что спиной я почти чувствовал прикосновение ее платья, и откуда-то точно знал, что ещё немного, и никакой доспех меня не спасет. – Неужто успел по мне соскучиться?

Демон! Но где я ошибся? В чем? Не мог же Фол так нелепо меня подставить?! Да и зачем, если ему самому нужна помощь?

Не зная что ответить Леди на вопрос, я осторожно развернулся и, не поднимая глаз, опустил одно колено на холодный пол.

– Видимо, да. Все же ты давно меня не навещала.

– Все такой же дерзкий, – вздохнула Она, но я лишь склонил голову ниже. И замер, чувствуя, как по волосам, невзирая на шлем, играючи пробежались мягкие женские пальцы. Погладили легко, почти нежно. Взъерошили несколько прядей на макушке и застыли, словно решая, что с ними делать дальше.

– Я рада, что ты не забываешь своих обещаний, Артур, – наконец, проговорила Смерть, оставив в покое мою шевелюру. – Но однажды ошибки заставят тебя отправиться в долгое путешествие. Неужели тебе этого хочется?

Я вздохнул.

– Что я опять сделал не так?

– Прежде чем соваться к вместилищу бога, стоило хотя бы подумать, почему во все века ни один жрец не смел безнаказанно этого сделать, – с укором произнесла Она. – Как думаешь, для чего были изобретены шкатулки? И почему для того, чтобы перевезти сюда осколки этих статуй, людям понадобилось столько времени?

Я осторожно скосил глаза на беспорядочно наваленные груды битого камня.

Ну что сказать… я болван. Не стоило забывать, чего мне стоило мимолетное прикосновение к одному из таких вот камушков. И с чего я решил, что в первохраме их воздействие на смертных станет меньше? По сути, это те же проклятые камни. Разбитые с согласия и дозволения темного бога, но все же несущие на себе след божественного присутствия. А я чуть руками их не цапнул. Вот было бы смешно, если бы мне их оторвало. Да и надо было сразу сообразить, что все, что связано с

богами, никогда не бывает просто и легко.

– Что случится, если собрать хотя бы одну из этих статуй воедино? – осторожно уточнил я, на всякий случай убрав от камней ногу подальше.

Смерть бесшумно отступила.

– Граница станет надежнее, Артур.

– А если вернуть на место их все?

– Равновесие между богами будет восстановлено. Светлые наконец-то займутся своими делами, а остальные наведут порядок на темной стороне.

– Хм. Как же тогда их собрать, если к обломкам нельзя прикасаться?

Смерть издала тихий смешок.

– Все, что для этого нужно, у тебя уже есть. Думай, Артур. Я и так дала достаточно подсказок.

Мое лицо снова обдуло ветерком, и ощущение чужого присутствия исчезло. Смерть, как обычно, перемещалась абсолютно неслышно, но я все же выждал немного времени, прежде чем подняться.

Оглядев погруженный в полумрак огромный зал, на стенах которого неохотно таяли крохотные ледяные кристаллики, я ненадолго задумался. Но потом подошел к алтарю, постучал по нему костяшками пальцев и, услышав глухой, словно стучал по обычному камню, звук, бросил:

– Просыпайся, приятель. Пора за работу.

Алтарь никак не отреагировал. И вообще, старательно прикидывался мертвым, словно до сих пор дулся, что в прошлый раз получил по роже.

– Ну и Фол с тобой, – хмыкнул я, выждав еще немного, но реакции так и не получив. – Значит, будешь ещё тысячу лет здесь тухнуть, пока не найдется другой маг, который сумеет войти сюда живым. Счастливо оставаться.

Развернувшись, я обогнув разбросанные вокруг алтаря осколки и двинулся к выходу. Но стояло мне приблизиться к лестнице, как по полу с громким плеском пронеслась серебристая волна и, намочив мне сапоги, с недовольным гудением встала стеной, надежно перегородив проход к лестнице.

– Что такое? Передумал? – осведомился я, зажигая в руке темный огонь. – Или мы продолжим общаться в том же ключе, что и раньше?

Волна тревожно дернулась и даже подалась назад, аж выгнувшись вся в ожидании удара. А когда его не последовало, удивленно замерла и через несколько томительно долгих мгновений все же преобразовалась в человекоподобное создание.

Какое-то время мы стояли друг напротив друга, настороженно всматриваясь и пытаясь понять, сможем ли работать вместе. А затем «зеркальный» едва заметно наклонил блестящую голову, после чего поднял руку и, указав на статую Фола, сделал очень даже вежливый приглашающий жест.

Глава 8

Это было странное сотрудничество. Поводов для доверия ни у кого из нас пока не было, но я мог помочь Фолу, а алтарь должен был помочь мне. И полагаю, если бы из этого звена исчез хоть один участник, вся задумка была бы обречена на провал.

Признаться, мне не слишком понравилось, когда «зеркальный» подошел вплотную, жестом предложил протянуть руку и, как только я показал открытую ладонь, коснулся моих пальцев своими. Прикосновение оказалось мимолетным и безобидным, однако смотреть на то, как мои руки до локтей охватывает серебристая жижа, было, мягко говоря, неприятно. Хотя после этого ладоням стало гораздо теплее.

– Защита? – предположил я, когда пошевелил пальцами и убедился, что вторая «перчатка», плотно обхватившая доспех, совсем не мешает.

Алтарь хмуро кивнул. Еще через миг с него натекла небольшая лужа, и на моих ногах прямо на глазах начали образовываться такие же серебристые «сапоги». Правда, когда их высота стремительно выросла сперва до колен, а затем и до бедер, я слегка обеспокоился. Но в них и впрямь было очень комфортно – тот холод, что донимал меня всякий раз, когда я спускался на нижний уровень, под слоем мягкого «зеркала» почти не ощущался. Полагаю, и к осколкам с его помощью я смог бы прикоснуться без проблем.

Когда блестящая жижа добралась до уровня пояса, я бросил на «зеркального» вопросительный взгляд. Тот ответил успокаивающим жестом – мол, стой спокойно, так надо. И я стоял. Ровно до того момента, пока живая ртуть не подобралась под самое горло и не сделала осторожную попытку забраться под шлем.

– Эй! – предостерегающе рыкнул я, ощутив, что эта гадость вот-вот польется мне в рот. – Давай без крайностей!

«Зеркальный» как-то по-особенному наморщил лоб, но послушно отступил, и жижа тоже остановилась, не добравшись до моего подбородка всего на волосок. Я осторожно повертел головой, руками, подвигался, по очереди оторвал от пола сперва одну, а затем и вторую ногу, проверяя, насколько защита снижает подвижность. Но счел результат вполне приемлемым и уже спокойнее взглянул на стоящее рядом создание.

– Что дальше?

Алтарь молча указал на постамент. А когда я к нему приблизился, пару раз неосторожно наступив на обломки статуи,

«зеркальный» снова растекся по полу, с тихим журчанием скользнул к груде камня, сразу несколькими блестящими ручейками протек внутрь и через некоторое время один из них вынес оттуда, как на ладони, небольшой, словно омытый водой осколок.

Я облегченно вздохнул.

Да, это сильно упрощало задачу. Если алтарь будет передавать камни по очереди и в нужном порядке, то я точно не приделаю Фолу дополнительный орган не в том месте и не наваяю ему лицо вместо ягодиц. Проблема заключалась в другом – проклятый осколок оказался неимоверно тяжелым. Всего-то размером в половину ладони, а весу в нем было как в целой статуе! Я чуть не выронил его, когда по неосторожности поймал одной рукой. Хорошо еще, постамент стоял совсем рядом, и я второй рукой успел подтолкнуть туда падающий обломок. На каменное основание мелкий камушек грохнулся с таким звоном, будто я уронил туда целую наковальню. С постамента взвилось целое облако невесть откуда взявшейся пыли. По каверне прошел низкий вибрирующий гул. А у меня от напряжения выступил пот на лице да в спине появилась подозрительная слабость.

Самое же интересное заключалось в том, что, когда пыль рассеялась, осколок лежал вовсе не там, куда я его уронил. И не в том положении. Но лишь когда ручеек передал второй кусок, и мне удалось его с меньшим шумом и грохотом уложить на постамент, стало ясно, что Фол еще больше упростил нам задачу. Потому что, как только обломок статуи коснулся постамента, неведомая сила оттащила его в сторону и установила так, как считала нужным.

Осторожно потрогав вставший на ребро камень и убедившись, что его оттуда теперь никакая сила не оторвет, я успокоился совсем. Но вскоре в моей голове созрел закономерный вопрос. И, прежде чем забрать у вынырнувшего из камней ручейка очередной обломок, я негромко спросил:

– Слушай, а я-то вам зачем понадобился? Смотри как здорово: ты носишь, Фол ставит… на кой вам сдался дополнительный участник?

Из-под камней раздалось пренебрежительное фырканье, после чего оттуда взвилась небольшая зеркальная колонна и без предупреждения плеснула на постамент. Я непроизвольно замер, ожидая, что сейчас будет много шума, брызг и даже, возможно, пара. Но нет. Не долетев до постамента всего на пол-ладони, серебристый лизун словно на стену наткнулся и бессильно сполз на пол, убравшись обратно под камни.

– Та-а-к… то есть, тебя туда даже с обломками не пускают?

– Буль, – расстроенно отозвался снизу алтарь и выразительно ткнул в мои руки осколок.

Я вздохнул.

– Вот зачем было создавать такие сложности? Ладно, давай сюда. Будем выкладывать первый ряд…

К тому моменту, как обломки полностью закрыли основание статуи, я весь взмок, порядком устал, да ещё и здорово истощился в магическом плане. Не знаю, для чего богам понадобились такие трудности при воссоздании своих вместилищ, но теперь мне стало понятно, почему за целое тысячелетие никто так и не сделал эту работу. Дураков просто не нашлось. Да и в храм, похоже, никто до меня не врывался верхом на вампире. Если бы не тварь и не выпитый ею алтарь, вряд ли я вообще смог бы сюда забраться. Ну а раз уж забрался – вперед, Артур Рэйш, выполняй условия сделки. И надрывай свой пупок, раз уж больше никому это важное дело не доверили.

– Все, перерыв, – выдохнул я, когда в глазах заплясали разноцветные звездочки, а спина разнылась так, словно я целый день отпахал в каменоломнях. – Если сейчас не поем – сдохну.

Зависший возле меня отломок на серебристой подставке недоверчиво дрогнул, а затем неохотно опустился обратно на пол. Еще через миг из-под камней показалось несколько ручейков, которые прямо на глазах вытянулись вверх, слились и снова превратились в человека.

Устало сев прямо на пол, я прислонился спиной к углу ниши, где стояла статуя Фола, и прикрыл глаза. Работа вроде несложная, но такими темпами я ее и за пару лет не осилю. Слишком уж камни были тяжелыми. Да и каждое прикосновение к ним, хоть и не вымораживало до смерти, забирало столько сил, что подолгу здесь возиться у меня при всем желании не получится.

Переведя дух и остро пожалев, что в кавернах нельзя создавать темные тропы, я с кряхтением поднялся и, обойдя молчаливо изучающего меня «зеркального», поплелся к лестнице.

– Завтра приду, – прохрипел, едва перед моим носом нарисовался очередной жидкий лизун, изогнувшийся вопросительным знаком. А когда алтарь с журчанием опал, открывая дорогу, я оперся рукой о стену и со смешком добавил: – Если не сдохну, конечно.

Все планы, что я так старательно строил на этот день, разумеется, полетели в бездну. Я даже за Мелочью не пошел, потому что сил оставалось лишь на одну-единственную тропу. Пришлось воспользоваться поводком и передать кукле, что до следующей ночи она предоставлена сама себе. После чего

выбраться на средний слой. Впопыхах, пока жрецы не всполошились, открыть тропу до дома. И вывалиться на лужайку перед собственным особняком, к вящему изумлению служителей.

Подаренная алтарем защита сползла с меня сразу, как только я покинул нижний слой. И хорошо еще, что не осталась сверкать огромной лужей у верхнего алтаря. Как и в прошлый раз, она сперва разбилась на множество капелек, которые мгновенно впитались в пол. А потом, вероятно, вернулась туда, где я ее взял.

– Хозяин, вам помочь? – обеспокоенно спросил дворецкий, когда я с трудом сел и отпихнул от себя ластящихся, восторженно машущих хвостами собак.

– Спать и жрать, – лаконично обозначил я свои требования.

Нортидж козырнул и, уже успев привыкнуть к моим привычкам, отправился теребить Марту на предмет обеда, а я снова упал на землю, раскинул в стороны руки-ноги и понял: все. До следующего утра я из дома ни ногой.

* * *

Когда я пришел в себя, в спальне царил полумрак, но по причине плотно зашторенных окон до меня не сразу дошло, день сейчас или ночь. И вообще, было неясно, в какое время и в каком именно мире я нахожусь.

Ответ на вопрос пришел немного позже, когда я повернул голову и обнаружил сидящую на соседней подушке Мелочь. При этом внешний вид куклы выражал крайнее неодобрение, а по поводку, помимо прочего, долетали отголоски волнения и даже досады.

– Я в порядке, – не всякий случай сообщил я, когда Мелочь привстала и вопросительно щелкнула костяшками. – Живой и даже не поцарапанный.

Она вместо ответа окинула меня выразительным взглядом и одним прыжком переметнулась на подоконник, где с некоторых пор тоже стоял большой серебряный поднос. Правда, сегодня Мелочь не стала в него смотреться. Едва взглянув на отражение, кукла отвернулась к окну, поджала под себя лапы и с достоинством улеглась, вперив неподвижный взгляд в щелку между толстыми шторами.

С ума сойти… кажется, мое чудовище научилось обижаться!

Посмеиваясь по себя и одеваясь на ходу, я поднялся с постели и вынырнул в реальный мир. Отдернул шторы, едва не отпрянув от брызнувшего с улицы яркого света. Затем заглянул в ванную, в столовую, к радости Марты сметя со стола уже готовый завтрак. И

только после этого поднялся в кабинет, прикидывая как лучше распределить вытребованные у Йена выходные. Но соблазнительная мысль о том, как бы научиться спать исключительно в схроне, оставила после себя лишь мимолетное сожаление. Увы, хотя бы иногда я должен был тратить время на нормальный сон в нормальном мире как все нормальные люди, чтобы сохранить в порядке душу, тело и разум. Но насколько стало бы проще, если бы я научился с пользой проводить это время!

Эх…

Взяв со стола свежий номер «Столичного вестника», я мельком пробежался глазами по вчерашним новостям, но ничего интересного для себя не обнаружил и поискал, куда бы выкинуть ненужную газету. В конце концов, бросил просто на подоконник, но потом сообразил, что могу ее попросту сжечь, и… в задумчивости остановился посреди комнаты.

Тьма, словно только и ждала приглашения, мгновенно окутала мои руки двумя сгустками темного пламени. Черный огонь молча вспыхнул на открытых ладонях, игриво заплясал на кончиках пальцев, после чего ласково лизнул кожу на запястьях и словно молча спросил: ну что, хозяин, повеселимся?

Сжав и разжав несколько раз кулаки, я бросил настороженный взгляд за окно, но там по-прежнему светило солнце, щебетали невидимые птицы, вовсю цвели кусты вдоль обочин… а у меня в кабинете спокойно жила и прекрасно себя чувствовала первородная Тьма, которой в этом мире было совсем не место.

На пробу создав и тут же уничтожив пару простых знаков и преобразованных Тьмой заклинаний, я опустил руки и непонимающе нахмурился: они работали. Затем перебрал более сложные узоры и окончательно перестал что-либо понимать в происходящем. Как это не невероятно, но они действительно работали. Все до одного! Словно я находился не в реальном мире, а по-прежнему пребывал на темной стороне!

Это было дико, неправильно и противоречило всему, что я знал о себе и о своем даре. Тьма – исконный обитатель глубин, чем дальше от обычного мира, тем она опаснее и холодней. Но тогда почему, стоя здесь, посреди света, я по-прежнему могу не просто ее ощущать, но и использовать? И почему, призывая Тьму в мир, который изначально был создан для людей, я до сих пор не чувствую, что это вызывает недовольство светлых богов?

Прислушавшись в себе, но не ощутив внутреннего протеста, я решил пойти дальше и позволил Тьме охватить не только руки, но и остальное тело. Мысль о надежной, способной защитить не

только на темной стороне броне теплилась в моей голове уже давно. Но лишь сейчас я неожиданно понял, как ее реализовать. И уже не удивился, когда прямо на глазах поверх домашней одежды начал стремительно нарастать знакомый доспех.

Тьма воспроизвела его с поразительной скоростью и с такой невероятной точностью, словно ей это ничего не стоило. Прочные, внешне похожие на кожаные перчатки, высокие сапоги на толстой подошве, приятная прохлада нагрудных пластин и потрясающая легкость матово-черного, слегка шершавого на ощупь материала, которым Тьма с такой щедростью изволила меня одарить.

Надев его снова, я внезапно понял, что мне его не хватало. Будучи неспособным носить тяжелую броню на темной стороне, я и в реальном мире не стремился обвешиваться железом. Ни к чему привыкать к тяжести доспеха, если при переходе через границу он превратится в труху.

Но теперь эта проблема самым неожиданным образом решилась. И меня поглотило всеобъемлющее, редкое для темного мага ощущение правильности происходящего.

В какой-то момент до меня также дошло, что, по большому счету, мне больше не требовалась ни новая одежда, ни обувь, ни оружие – все, в чем я нуждался, с легкостью могла воссоздать Тьма. Прям здесь, в реальном мире. Точно так же, как она делала это на темной стороне. Более того, как и на там, я мог прятать доспех под подаренной ею одеждой. А при желании мог вообще его не снимать и время от времени лишь придавать ему нужную форму. Какая разница, будет ли это камзол, стальная броня или просто нательная рубашка? Я стал свободен в своих желаниях. И только что получил доказательства того, что даже в обычном мире маг способен жить, при этом оставаясь во Тьме.

Эта идея была диковатой, безумной, но невероятно заманчивой. А сама мысль о том, что в действительности для спокойной жизни мне, кроме Тьмы, ничего больше не нужно, оказалась настолько соблазнительной, что… подумав, я решил с ней пока не спешить.

Единственное, что мне захотелось проверить немедленно, это мысль об оружии. Становиться уязвимым в реальном мире после того, как ощутил себя почти бессмертным во Тьме, всегда было очень досадно. Но если я оказался прав насчет брони и одежды, то что мешает материализовать здесь и безотказную помощницу, которая не раз спасала мне жизнь?

Почувствовав, как твердое древко толкнулось в руку, я машинально сжал пальцы и перевел взгляд на отточенное до бритвенной остроты лезвие. Хм. Вот, значит, как ты смотришься

при свете дня? Оказывается, ты не просто не имеешь блеска – как и доспех, ты, моя красавица, поглощаешь свет. Поэтому, в отличие от простой железки, никогда не сверкнешь, случайно попав на солнце. Не выдашь себя блеском. А вырвешься из темноты бесшумной тенью и смахнешь башку любому, кто рискнет оказаться на расстоянии удара.

Заметив какое-то движение на подоконнике, я быстро повернулся в ту сторону, одновременно приподнимая лезвие, но это оказалась всего лишь Мелочь. Пробравшись в кабинет по темной стороне, она сидела у окна и внимательно изучала доспех из Тьмы. Причем с таким странным видом, что поневоле захотелось спросить: каким же она видит меня сейчас? Человеком ли? Магом? Или же с того уровня, где она находилась, в моем полупрозрачном силуэте ничего не изменилось?

Едва я подумал о возвращении на темную сторону, как доспех на мне ощутимо поблек, а секира в рука стала полупрозрачной. Нет, она не исчезла совсем. Мои пальцы по-прежнему ощущали прикосновение к древку. Я чувствовал кожей холодок брони. Однако видеть ее я стал лишь одним глазом. Левым. Тогда как для правого мое оружие и доспех внезапно превратились в невидимок.

В кои-то веки пожалев об отсутствии в доме зеркал, я задумчиво провел пальцами по груди. Да, броня действительно была на месте. И секиру мою пальцы сжимали по-прежнему крепко. Однако для обычного человека это выглядело так, словно рука держалась за воздух, а вместо черного металла на груди висела простая домашняя рубаха.

Изучив себя так и этак, по очереди избавившись, а затем снова материализовав доспех по частям, я с удивлением обнаружил, что могу этим управлять. И при желании сделать видимым даже часть брони, шлема, секиры. Или же убрать их с глаз долой, ничего при этом не потеряв. Не знаю, правда, как такое было возможно, однако теперь я мог не только призвать, но и вернуть Тьму во Тьму. А также обнаружил, что могу балансировать на границе миров точно так же, как делают это вампиры.

Желая проверить очередную догадку, я взял с подоконника свернутую в рулон газету и коротко взмахнул секирой. Прекрасно видимое через линзу на темной стороне лезвие послушно качнулось, совершив небольшую дугу. А вот в реальном мире ничего не изменилось… вообще ничего, кроме того, что часть газеты без видимых причин вдруг отделилась от рулона и с мягким шлепком упала на пол.

Наверное, кто-то на моем месте пустился бы в пляс от

радости. У кого-то, допускаю, вполне могло бы снести башню. А кто-то, возможно, захотел бы повторить акт бессмысленного разрушения, чтобы ещё раз убедиться, что все это не сон.

Я же лишь задумчиво уставился на обрубок, просчитывая про себя возможные последствия. Особенно на случай, если вместо газеты окажется чья-то глупая голова. А когда до меня в полной мере дошло, что именно я сейчас сделал… когда перед мысленным взором всплыли страницы из недавно прочитанной книги… по моей спине пробежал недобрый холодок.

Фол! Кажется, теперь я знаю, какими возможностями в период расцвета темного пантеона обладали твои жнецы! Но только сейчас начинаю понимать, за что… и главное, почему… их могущества в какой-то момент испугался даже жреческий Орден.

Речь ведь идет не только об оружии, способном с одинаковой легкостью разить врагов как во Тьме, так и в реальном мире. Речь о людях, обладающих умением спокойно переносить холод темной стороны. Невидимых простому глазу. Умеющих перемещаться между мирами с неимоверной быстротой. Владеющих искусством открывать прямые тропы. Живучих. Неуязвимых. Спокойно ныряющих на самую глубину. И носящих в себе ту самую живую Тьму, с которой не расстаются от рождения до смерти.

Раньше я искренне верил, что для того, чтобы убить, нужно покинуть темную сторону и хотя бы ненадолго выйти в реальный мир. Однако оказалось, что в этом нет необходимости. Да и зачем, если жнец даже с темной стороны мог дотянуться до любого смертного, независимо от того, был ли у него магический дар или сан?

От последней мысли холодок на спине стал гораздо более явственным, а на лбу выступила испарина.

Демоновы силы…

Кажется, вы ошиблись, святой отец, когда утверждали, что новых жнецов в нашем мире нет и больше не будет. Потому что мои возможности больше нельзя объяснить обычным благословением или стремительным развитием темного дара. Не знаю, как и почему это стало возможным, если, по вашему же утверждению, проведенный отцом Лотием ритуал был самым обычным. Но что-то все же со мной произошло. Тогда, в Верле, или уже здесь, в столице. Что-то, что дало мне возможность безнаказанно спуститься в первохрам и прикоснуться к темному алтарю. И больше не позволит прийти в вашу келью, чтобы продолжить задавать вопросы.

Глава 9

На улицу я выбрался ближе к полудню, когда успокоился, разложил все по полочкам и решил, что даже новые способности не заставят меня остаться дома. От доспеха и секиры, разумеется, избавился – даже в полуденную жару и на полупустых улицах была вероятность нарваться на мага, имеющего при себе визуализатор. К тому же, первым местом, куда я зашел, было уже почти родное главное Управление, где не стоило привлекать к себе внимание. Однако Корна, несмотря на разгар рабочего дня, на месте не оказалось, так что мне пришлось отложить разговор насчет Роберта Искадо и ограничиться короткой запиской.

Пусть сам ищет жреца, способного вымолить для мальчишки благословение Фола. Так даже проще. Не понадобится лишний раз возвращаться в храм.

А вот конечный пункт моего путешествия располагался далеко от центра Алтира. Если точнее, притаился на окраине, в одном из самых непривлекательных для магов районов столицы, где находилось не просто много мест с повышенным магическим фоном, но где даже амулеты из-за этого порой работали со сбоями.

Чтобы добыть этот адрес, мне пришлось здорово повозиться. Но я не зря после визита в резиденцию Искадо проторчал в архиве целые сутки: ближе к рассвету сонный дежурный так хотел от меня отвязаться, что охотно назвал разделы, где годами хранились журналы регистрации посетителей, в том числе и десятилетней давности. Помогло и то, что герцог посоветовал Корну дать мне максимальный доступ к документам. И я был бы не я, если бы не воспользовался подвернувшейся возможностью и не выжал из этого максимум пользы.

Нужный мне дом располагался в самом начале длинной улицы и был, пожалуй, самым приличным строением из всех, что там находились. Невысокий, всего в два этажа, недавно покрашенный, он производил вполне благоприятное впечатление, несмотря даже на заколоченные ставни в окнах второго этажа. Грязи перед крыльцом почти не было – видимо, кто-то ее недавно убрал. Старенькие ступеньки, конечно, давно следовало сменить, но если нынешний хозяин и впрямь когда-то работал в городском сыске, то скрипучие полы вполне могли играть для него роль дверного звонка.

Самого звонка или даже простого колокольчика на двери не имелось, так что в нее пришлось долго стучать. А когда дверь все-таки открылась, и на пороге, источая густой аромат перегара,

появился полуголый небритый субъект лет шестидесяти, я всерьез усомнился, что явился по адресу.

– Господин Ларри Уорд?

– Да, – подслеповато прищурился хозяин, одной рукой подтянув полосатые штаны. – Кто вы? Что вам нужно?

Я молча показал ему казенную бляху.

– Заходите, – буркнул этот тип, снова поддернув спадающие штаны. – По коридору направо. Там кухня. Я сейчас подойду.

Я проводил глазами сгорбленную спину со следами старых шрамов, отметил для себя дряблую кожу на боках и провисшее брюшко, но смолчал. После чего сделал несколько шагов по полутемному коридору и, остановившись на пороге указанного помещения, с некоторым недоумением оглядел захламленную кухню.

Странно, снаружи все вроде приведено в порядок, а здесь словно стая гулей порезвилась. Грязная посуда, целыми горами громоздящаяся в раковине, усеянный мусором и осколками разбитой чашки пол, немытое окно с посеревшими от пыли занавесками, да ещё и источающее смрад помойное ведро, которое уже давно следовало вынести.

Не рискнув зайти в этот свинарник, я так и остался стоять на пороге, дожидаясь возвращения хозяина. Тот, судя по тому, как заскрипели доски на втором этаже, пошел наверх. Надеюсь, что умыться и хотя бы почистить зубы. Оттуда вскоре донесся скрип пружин, шорох белья, звонкий шлепок и хрипловатый женский голос, что-то невнятно говорящий про «небритых козлов». Вскоре после этого стукнула дверь, послышался скрип деревянных ступенек. А ещё через некоторое время из-за угла вынырнул Ларри Уорд – все в тех же полосатых штанах, но уже в майке и в накинутом сверху драном халате, из-под которого выглядывали такие же драные тапочки.

В зубах у него торчала зажженная сигарета, а сквозь дырку в кармане халата проглядывал какой-то предмет. Вероятно, амулет правды, если я правильно распознал окруживший артефакт зеленовато-красный ореол. Впрочем, заходить на кухню я все равно не стал, а лишь посторонился, пропуская хозяина, и снова занял стратегически важную позицию у двери.

– Пить будешь? – хриплым голосом осведомился господин Уорд, подойдя к столу и подвинув к себе первую попавшуюся чашку.

Я покачал головой: чашка была грязной, но хозяина это не смутило – вылив оттуда остатки старого пойла, он набулькал внутрь новое из стоящей рядом бутылки. После чего отошел к окну и, пыхнув табачным дымом, оперся спиной о подоконник.

– Ну? Чего надо? – ощерился он, показав желтоватые зубы.

Я мысленно вздохнул.

– Десять лет назад вы работали следователем в главном Управлении столичного сыска.

– Было такое дело. И что с того?

– А семь с половиной лет назад уволились оттуда по состоянию здоровья…

Уорд с мрачным видом отхлебнул из кружки.

– Сердце подвело. Тебе-то какая разница?

– Вы были последним, кто интересовался делом семьи де Ленур, – ровно отозвался я. – И последним, кто расписался за сохранность хранящихся там документов в журнале регистрации.

Да, пока я искал информацию по Роберту Искадо, то очень внимательно просмотрел заодно и те самые записи, благо дело Артура де Ленур лежало в той же коробке, что и дела парочки исчезнувших светлых. Но после смерти Оливера Гидеро мной никто не интересовался. Лишь восемь лет назад в журнале регистрации однократно мелькнуло имя Ларри Уорда и все. Ну, если не считать Хокк, которая расписывалась за коробки, пока мы работали по делу умруна. И меня.

Возникал вопрос: зачем человеку, не имевшему никакого отношения к тому расследованию, понадобилось влезать в документы уже после закрытия дела? Кто вытащил из папки несколько важных бумаг и передал их моему учителю? Наконец, кто и зачем стер данные о моем побеге из Дома милосердия и заодно представил дело так, что в нем почти не осталось упоминаний о наличии у меня темного дара?

Признаться, я ждал разной реакции на свое сообщение, вплоть до того, что Уорд сперва поперхнется, затем поржет и, наконец, попросит меня еще раз предъявить документы. Но вот то, что полупустая кружка полетит на пол, а сам Уорд выхватит из подставки нож и почти без замаха метнет, стало для меня полной неожиданностью. Как и то, что ютившийся в его кармане амулет внезапно выстрелит очень даже приличным сгустком огня и в щепки разнесет косяк и часть стены аккурат в том месте, где только что находилась моя голова.

Уйти на темную сторону было гораздо удобнее, чем уворачиваться от летящего заклинания. Но, если бы я не научился делать этого быстро, одно из двух – в меня или воткнулся бы нож, который, кстати, оказался неплохо заточен, или же влетело боевое заклятье. Сейчас такими уже не пользовались – все чаще на вооружение следователям давались заклинания с большей точностью воздействия и меньшей поражающей способностью. Но Уорд принадлежал к старой школе, поэтому и «игрушки» у него

оказались довольно серьезные.

Вынырнув из Тьмы за спиной бывшего следователя, я ударил его по пальцам, в которых успел появиться еще один нож, для верности двинул локтем по затылку, заломил руки за спину и без особых церемоний впечатал в стену, заставив захрипеть от боли. Краем глаза подметив дрожащий в двери приличных размеров тесак, мысленно похвалил бывшего коллегу за меткость, после чего спутал его простеньким удерживающим заклятьем и усадил на стоящий возле окна старенький стул, на всякий случай зафиксировав заклинание и его.

– Ну что, колись давай, – хмыкнул я, встретив его ненавидящий взгляд. – Стоило хотя бы потянуть время, прежде чем так явно признаться в содеянном.

– Да пошел ты!

– Э, нет, – отозвался я, отыскивая в кухне еще один стул и усаживаясь напротив. – Вот теперь я отсюда точно не уйду, пока не получу ответы на свои вопросы. К тому же, мне понадобилось немало времени, чтобы выяснить твой нынешний адрес. Согласись, было бы обидно узнать, что я потратил его впустую.

– Что тебе нужно? Кто ты?! – процедил угрюмо зыркнувший исподлобья Уорд.

– Рэйш. Но думаю, ты уже не в первый раз слышишь это имя.

Бывший следователь только сплюнул.

– Кретин! Ты не похож на Рэйша! Неужели ты думаешь, я поверю, что хоть один из них вдруг опустился до работы простой ищейки?

– А мне не надо, чтобы ты верил. Ответь только, зачем ты подделал документы по делу об убийстве десятилетней давности и почему бумаги из этого дела оказались в кабинете Этора Рэйша вместо того, чтобы благополучно стухнуть в архиве.

На небритой физиономии Уорда неожиданно проступило странное выражение.

– Ты… как тебя зовут?

Я поколебался.

– Артур.

– Артур Рэйш?!

– Да.

– Докажи!

Я нахмурился, но все же обвел глазами комнату и ее окрестности через линзу. А когда убедился, что Мелочь исправно стоит на страже моего покоя, стянул с правой руки перчатку и продемонстрировал фамильный перстень.

– Фу-у-у… – вдруг сдулся сыскарь, и из его глаз ушла не только ненависть, но и настороженность. – Что ж ты сразу-то не

сказал?! Старик предупредил, что ты меня однажды найдешь. Но я не думал, что на это понадобится столько времени.

Я вернул перчатку на место и недоверчиво приподнял одну бровь.

– Мастер Этор сказал, что я приду? Когда?

– Развяжи… – вместо ответа буркнул Уорд, демонстративно шевельнув пальцами рук. Другие части тела у него попросту не работали. Ну, за исключением головы. – Развяжи, кому говорю. Я отдам тебе то, что он оставил!

Я окинул бывшего коллегу задумчивым взором, но было непохоже, что тот врал. Так что я счел возможным ослабить наложенные на него путы, но не стал сообщать, что при желании они не только вернутся, но и разрежут его на части.

– Спасибо, – все так же сердито проворчал Уорд, растирая онемевшие кисти. После чего поднялся и двинулся к выходу. – Идем. Документы наверху. Только не шуми – у меня жена еще спит.

Ах, вот кто время от времени все-таки убирался в этом клоповнике. Хотя для меня вообще было удивительно, что кто-то мог взять на себя труд вычистить его или хотя бы привести в порядок территорию перед домом.

Пропустив Уорда вперед, я следом за ним поднялся по ветхой лестнице и свернул в такой же темный коридор, как и на первом этаже. Дверей здесь было всего две. Одна оказалась приоткрыта, и в узкую щелку виднелась разворошенная, на удивление чистая постель, в которой кто-то сонно ворочался. А вот вторая располагалась в самом конце и была заперта на замок, ключ от которого, как выяснилось, хранился в небольшой нише над притолокой.

– Ларри, это ты? – вдруг раздался из спальни все тот же хрипловатый женский голос. – Что там был за шум? Ты что, опять ведро опрокинул?

Ларри обернулся и кинул в мою сторону настороженный взгляд.

– Я все уберу. Спи.

– Как же, дождешься от тебя, – проворчала женщина. Но потом поворочалась и затихла, больше не докучая мужу с требованиями уборки.

На цыпочках вернувшись к спальне, Уорд осторожно прикрыл туда дверь, и только после этого вернулся ко второй комнате и сделал приглашающий жест.

– Заходи. Здесь немного не прибрано, но думаю, тебя это не смутит.

Подспудно ожидая, что увижу такой же бардак, как внизу, я

молча вошел, но небольшая комнатка меня приятно удивила. В первую очередь тем, что в ней, в отличие от кухни, было свежо и прохладно. А также тем, что из мебели здесь имелось всего три предмета: письменный стол, старинный стул с уже потрескавшейся кожаной обивкой и большой книжный шкаф во всю стену, где аккуратно стояли подписанные ровным почерком папки.

Прямо рабочий кабинет, не иначе. Пыли в нем, правда, тоже хватало, но ни пустых бутылок, ни объедков, ни грязных тряпок я не увидел, из чего сделал вывод, что далеко не всегда Ларри Уорд был неопрятным забулдыгой и хотя бы в одном месте в доме старался поддерживать порядок.

– Садиться будешь? – поинтересовался он, когда я закрыл за собой дверь.

Я молча покачал головой.

– Тогда с твоего позволения я присяду… коленки все ещё подгибаются, да и по башке ты меня приложил будь здоров.

Я снова промолчал. А Ларри тем временем плюхнулся на стул, придвинул его к столу и, порывшись в нижнем ящике, бросил на столешницу довольно увесистую папку.

– Этор Рэйш явился в этот дом около восьми лет назад и сделал предложение, от которого я не смог отказаться, – сообщил он, откинувшись на высокую спинку. – У меня тогда были проблемы… большие проблемы, Рэйш, но твой отец согласился меня от них избавить, а взамен попросил просмотреть все дела на некое семейство де Ленур, что были на тот момент в нашем архиве.

Я подошел к столу и подвинул к себе папку.

– С делом Дерека де Ленур он тоже велел тебе ознакомиться?

– Естественно. Я тогда в следственном отделе работал, доступ имел почти ко всем делам. Правда, кристаллов памяти у нас тогда не было, поэтому кое-какие из документов пришлось переписать для Рэйша вручную. А какие-то бумаги он потребовал изъять и принести ему.

– Что тебе показалось странным в этих делах? – рассеянно поинтересовался я, бегло просматривая бумаги в папке, но большинство уже были мне знакомы – газетные вырезки, копии проколов допроса, даже подробный отчет судебного заседания по моему делу, на котором я надолго задержал взгляд.

Уорд ухмыльнулся.

– Они все слишком чистые. Знаешь, как оно бывает – тут чуток недоделали, там слегка недоглядели, не обо всем свидетелей спросили, не везде запятые проставили. Но в целом картинка уже ясна, так что отдельные детали судом во внимание

уже не принимаются. А тут – просто идеально все один к одному укладывалось.

– Почему же ты полез копаться? Все же было хорошо.

– Потому что мастер Рэйш велел это сделать. И потому, что я тоже не дурак – знаю, что настолько чисто само по себе никогда не бывает. Мне же тоже порой приходилось кое-что… хм… подчищать. И за собой, в том числе. Что я, не знаю, как это делается? Или ни разу не ставил кляксы на документы, чтобы убрать оттуда чье-нибудь имя? А уж когда стало понятно, что все действующие лица, включая следователя и мага, по делу младшего де Ленура мертвы, то других доказательств уже не понадобилось.

– Думаешь, твой интерес к бумагам двухлетней давности мог кого-то насторожить?

– Не в этом дело. Когда я полез разбираться в причинах смерти Гидеро, оказалось, что доступ к делам сотрудников ГУССа начальство закрыло, и для этого надо специальное разрешение у шефа. Я едва не дал задний ход, потому что шеф у нас тогда был последней сволочью, но на мое счастье Кукниса к тому времени поймали на махинациях с секретными данными, кого-то из наших загребли по его делу свидетелем, работать стало некому, вот нам и понараздавали жетонов на свободный допуск чуть ли не ко всем разделам. Я, конечно, сразу не полез – чего было зря светиться? Но когда все утряслось, сумел и протокол освидетельствования по Гидеро посмотреть, и с его женой встретиться, и даже с целителем поговорить относительно состояния здоровья господина старшего следователя. Так вот, по всему выходило, что сердце-то у него было в порядке, – усмехнулся Уорд, когда я закончил читать протокол судебного заседания и отложил его сторону. – Ни на что он не жаловался, бегал как гуль, да еще и по выходным в горы выбирался, чтобы отдохнуть от суеты. С этих-то гор его однажды и привезли в холщовом мешке. Целитель сказал, что при осмотре обнаружил на теле слабые следы воздействия какого-то заклинания, но Кукнис в приказном порядке велел это в протоколе не отражать. А причиной смерти написать недостаточность сердца. Потом у Кукниса у самого начались проблемы, и все Управление вскоре затрясли, как яблоню. И там порою такие вещи вскрывались, что целитель решил помалкивать, а то и его бы привлекли как соучастника. Пришлось его до беспамятства напоить, чтобы он выдал хотя бы это. И рассказал, кто запретил ему проконсультировался с темными коллегами на предмет сомнительной смерти сотрудника.

– А с остальными что? – взявшись за другой протокол, спросил я.

– С кем именно?

– Со свидетелями по делу младшего де Ленур. Насколько я знаю, они все мертвы.

– Там все чисто, – отмахнулся Уорд. – С виду где несчастный случай, где разбойное нападение… придраться абсолютно не к чему, за исключением того, что все смерти произошли почти в одно и то же время и были связаны лишь с одним-единственным делом. Я об этом и мастеру Этору сказал, и его это, похоже, удовлетворило.

– Так. А что насчет убийства старшего графа де Ленур?

– Я так и не понял, как это было сделано, – сознался бывший сыскарь. – Дом тогда уже был выставлен на продажу, но я нашел способ туда залезть и осмотреть кабинет и спальню. Ничего подозрительного – все было сделано чисто. Как с ним, так и с супругой. Если бы я был магом, может, и нашел бы какую зацепку, но у нас тогда даже визуализаторов не было. А из амулетов – лишь защитные да огненные. И то – не у всех.

Я ненадолго оторвал взгляд от бумаг.

– Но все же ты решил, что это было убийство. Почему?

– Из-за Гидеро. Если уж он сфабриковал дело по младшему графу, то где гарантия, что оно было только одно? Ясно же, что эти смерти связаны, он ведь не зря на все расследования напросился. Да и нетипично для благородной графини выбрасываться из окна собственной спальни. Леди, они ведь чаще вены себе режут. Или пилюли глотают. Но чтоб с третьего этажа сигать головой вниз да еще без гарантии убиться, но с очень большими шансами остаться калекой на всю жизнь… нет, в это я не верю. Хотя надо отдать должное тому, кто сдавал это дело на закрытие, эмоциональная подоплека ее поступка была прописана убедительно.

– Ты был знаком с Гидеро? – снова спросил я, откладывая в сторону очередную газетную вырезку. – Знал его лично? До того, как он ввязался в эти дела?

– Да, – неохотно признался Уорд.

– И как впечатления? Он был хорош как следователь? Или с ходу выдавал обвиняемым цены на свои услуги?

Бывший сыскарь скривился.

– Он был неплохим мужиком. Знаешь, сволочным по работе, упертым, но все же не продажной тварью. Я долго сомневался и трижды все перепроверил, прежде чем сделать какие-то выводы, но такие гладкие дела даже у него никогда не получались.

– Ему могли за это заплатить? – ровно осведомился я, во второй раз изучая копию протокола вскрытия Гидеро.

– Нет, – удивил меня Уорд. – Я какое-то время присматривал

за его женой, но не было похоже, что на них свалилось немыслимое богатство. Когда Оливер умер, Лорен Гидеро была подавлена, встревожена, даже напугана. И, хоть Управление выплатило ей приличное пособие по потере кормильца, они никогда не шиковали. А через несколько лет, когда старший сын доучился, и вовсе уехали куда-то на окраину, и больше я их судьбой не интересовался.

Я прищурился.

– Как, по-твоему, если Гидеро никто не платил за ложные данные, то могли ли на него надавить?

– Семью он любил, – подумав, ответил сыскарь. – В жене и в детях души не чаял. Так что, если кому-то и удалось его на этом прижать, то ради них он бы мог, наверное, пойти на должностное преступление.

Я кивнул. В общем-то, у меня в отношении этого человека сложилось похожее впечатление. Во время следствия, естественно, меня его возможные трудности не заботили, но мужик и впрямь не походил на морального урода, способного ни за что ни про что отправить невиновного на плаху.

– Что еще мастер Рэйш поручил тебе сделать?

– По этим делам? Ничего. Он сказал, что результаты его вполне устраивают, и остальное он найдет сам

– Хорошо. А по другим вопросам он тебя когда-нибудь привлекал?

– А то ж, – вздохнул Уорд. – И не раз. Но я в итоге внакладе не остался, потому что за работу он хорошо заплатил.

– Что ему еще от тебя понадобилось?

Сыскарь открыл второй ящик стола, и выудил оттуда две новых папки. Каждая – раза в три толще, чем подборка документов, которую я почти долистал.

– Вот. Итог почти четырехлетней работы, которую я проводил, мотаясь по всей стране в поисках нужных сведений.

– Что это? – полюбопытствовал я, когда я он любовно сдул с папок пылинки.

– Полная… ну, насколько это вообще возможно… родословная на графа Кристофера де Ленур и его покойную супругу.

Вот уж когда я растерялся от неожиданности.

– ЧТО?!

– Ага, – с гордостью подтвердил Уорд. – Мне даже из ГУССа пришлось уволиться, чтобы заняться этой работой. Возни с ней было, скажу я тебе, до полного опупения. Четыре года на нее потратил. Всю Алторию исколесил. Кучу денежек за это срубил со старика. А три с половиной года тому он, представляешь, вернул

ее обратно. И наказал отдать только тебе, если, конечно, ты когда-нибудь меня отыщешь.

Я в полном обалдении воззрился на два увесистых талмуда.

– Страницы пронумерованы, – тем временем торопливо добавил сыскарь, словно боялся, что не успеет похвастать собственными успехами. – Пояснения на полях и на обратной стороне листов. Где не был уверен, поставил синие метки, где сведения достоверные – красные. Черным обвел уже мертвые ветки. Зеленым – ещё живые. Так что на, разбирайся. И скажи спасибо, что старый пьяница сумел ее для тебя сохранить.

Я на пробу взвесил одну из папок и мысленно покачал головой. Тяжелая. Такой точно убить можно. И само собой, что разбираться с этими данными я прямо тут не буду. Это же надо все разложить, рассмотреть, а где тут разложишь? Не на грязном же кухонном полу?

– Что-нибудь еще? – подвинув папки на край, спросил я, мысленно уже прикидывая, где буду работать с документами. – Есть ещё что-то, что ты должен был мне сказать?

Уорд пожал плечами.

– Кажется, нет. Все нестыковки по тем делам я подклеил в одно досье. Можешь забрать, если надо.

– Так уж и все? – усмехнулся я, сгребая на край третью папку. Естественно, я ее заберу. На досуге ещё разок перечитаю. Вдруг что-нибудь упустил? – А то, что часть сведений из дела младшего графа де Ленур бесследно испарилась, ты забыл?

На лице Ларри отразилось недоумение.

– Да нет вроде. Все, что я нашел, собрано здесь. Без дураков. Можешь амулетом правды проверить.

– А то, что с Артура де Ленур были сняты обвинения, помнишь?

– Конечно. Это есть в основном деле. Я только забрал заключение о его вменяемости, которое просил у меня мастер Рэйш. И проверил мага, который его составил. Он, если ты обратил внимание, тоже умер – в том году ему как раз исполнилось бы сто лет. А вот графенку не повезло – после всех потрясений, что на него свалились, бедолага съехал с катушек и даже после того, как нашел убийцу брата, в себя не пришел. Так что дело-то его потом закрыли, но сам он до сих пор сидит за решеткой. Только не в тюрьме, а в Доме милосердия.

– Ты в этом уверен? – вкрадчиво спросил я.

– Конечно, – фыркнул Уорд. – Сам его там навещал. Еще семь лет назад, когда копался в его деле.

Я уставился на бывшего коллегу тяжелым немигающим взглядом.

Что за чепуха? Он хочет сказать, что под моим именем в доме для умалишенных до сих пор кто-то находится?! Да нет, не может быть! Мастер Этор, даже если и хотел бы меня прикрыть, не мог этого сделать. Он заинтересовался моим происхождением позже, когда я смог вспомнить прошлое, а это случилось почти через полтора года после того, как мы впервые встретились. Да и если бы он вмешался так поздно, ему бы не понадобилось посылать туда Уорда. Но тогда что же произошло? И каких богов я должен благодарить за многолетний покой и отсутствие внимания со стороны Ордена?

– Жизнью тебе клянусь, что парень бешеный, – не понял моей реакции Уорд. – Его вообще из клетки не выпускают. Сырое мясо жрет, на людей бросается. Была б его воля, он бы меня прямо там и разорвал. Ума не приложу, что мастеру Этору от него понадобилось…

– Я обязательно это выясню, – тихо пообещал я, забирая со стола документы.

– Эй, Рэйш! – окликнул Ларри, когда я дошел до двери и взялся за ручку.

Я обернулся.

– Я был неправ, – ухмыльнулся он. – Ты не кретин. Добывать информацию нелегко. И ты прав – намного легче это сделать, находясь внутри системы. Только имей в виду: всякий раз, когда ты появляешься в Управлении, пользуешься казенными артефактами или просто заглядываешь в архив, сведения об этом тут же отправляются в папочку с твоим именем. На молчание архивариуса тоже не надейся. Рон, может, говорить по-нормальному не умеет, но орденцы уже придумали устройство, которое позволяет передавать эти сведения шефу. Имей в виду, в призрачной башке этого чувака хранятся данные обо всем, что там происходит. Кто и когда пришел. Какие коробки запросил. В каких делах поковырялся… сейчас, говорят, еще сферы какие-то придумали? Будь уверен – все твои запросы при необходимости можно будет отследить. Так что соблюдай осторожность и поменьше используй выданные Управлением приборы, если хочешь найти кого-то, не привлекая внимания.

Глава 10

Сгрузив все папки в схрон для вящей безопасности, я откровенно заколебался, куда отправиться – в Дом милосердия или сперва в первохрам. Вопрос был серьезным: выяснить, что за бедняга мучается вместо меня, следовало как можно скорее, но после каверны я наверняка буду неспособен на длительные переходы. С другой стороны, прямо сейчас врываться в переделанный монастырь особого смысла не было – подходящей легенды, чтобы оправдать свой интерес к безумцу, я не придумал, а рыться в монастырском архиве посреди бела дня без разрешения местного начальства и выяснять происхождение двойника было неразумно.

В конце концов, я решил совместить оба дела и, прежде чем уходить из дома, захватил из схрона хронометр. А когда заявился в храм, первым же делом установил колбы в нужное положение и сделал метку, чтобы до ночи успеть не только поработать, но и отдохнуть.

Алтарь на мое возвращение отреагировал не сразу. Когда я вошел, он ещё дремал, прикинувшись, как и раньше, простым камнем. Но стоило подойти и шлепнуть его по боку перчаткой, как «наковальня» тут же растеклась большой серебристой лужей, а уже потом собралась в зеркального человека.

– Поработаем? – предложил я, когда он с недоверием воззрился на мою персону. – Только хронометр не трогай и служителя моего не обижай. Они мне еще понадобятся.

На прибор алтарь даже не взглянул – видимо, посторонние устройства в храме его не напрягали. А вот мнущаяся на последней ступеньке кукла напарнику не понравилась. При виде нее он возмущенно булькнул, по полу от него моментально прокатилась большая волна. Но стоило мне выразительно кашлянуть, как алтарь тут же сбавил обороты, и ни одна капля до запрыгнувшей на потолок Мелочи так и не долетела. Правда, и лужа от входа далеко не утекла, а при малейшей попытке куклы покинуть арку, выразительно вздымала зеркальный гребень, недвусмысленно намекая, что чужаков на своей территории не потерпит.

В конце концов, мы договорились так: кукла не отходит от входа дальше пары шагов, а я не бью никому морду, пока она остается невредимой. Алтарю такие условия по душе не пришлись, но выгонять отсюда Мелочь лишь потому, что кому-то не нравится цвет ее глаз, я был не намерен.

Восстановление статуи Фола на этот раз протекало быстрее и

гораздо легче, чем накануне. Во-первых, я уже понимал, что от меня требуется, а во-вторых, заранее наелся до отвала, чтобы раньше времени не устать. Если бы на нижнем слое работала магия, то и вовсе прихватил бы по совету Нортиджа пару десятков накопительных амулетов. Но увы, этот вариант отпадал, поэтому пришлось засечь время по хронометру и временно превратиться в каменщика, причем не самой высокой квалификации.

Когда мы только начали выкладывать второй слой, меня заинтересовал вопрос, каким именно образом камни второго ряда будут держаться на первом. Божественное притяжение поможет? Или, может, стоило их как-то скрепить, чтобы держались вместе? Но все оказалось до безобразия просто: если первый ряд намертво прилипал собственно к постаменту, то для второго на каждом осколке ручеек оставлял серебристую капельку. И после того, как осколок точно вставал в предназначенный для него паз, трещина между камнями заполнялась зеркальной «соплей», а затем сама по себе исчезала. Так, словно именно алтарь играл роль скрепляющего раствора и именно его силой божественное вместилище напитывалось по мере восстановления.

Понаблюдав некоторое время за процессом, я задался ещё одним важным вопросом: если на каждый отломок алтарь расходует накопленную в себе силу, то хватит ли ее на целую статую? Камней по округе валялась не одна тысяча. А если вспомнить про остальные пять статуй, то и в несколько раз больше. Но алтарь-то у нас всего один. Да и то, поеденный нежитью.

Алтарь, впрочем, на высказанное вслух сомнение лишь пренебрежительно фыркнул. Ну, в его исполнении – вроде как булькнул. После чего вытек из-под обломков, растекся тонким слоем сперва по полу, потом зачем-то полез на стены, в последний момент все же обогнув настороженно взирающую на нас куклу. А затем и на потолок замахнулся, попутно убрав оттуда последние следы пребывания вампиров и облицевав собой гигантский зал изнутри, превратив его в одну большую зеркальную комнату.

После этого до меня все же дошло, что занятая им площадь во много раз больше того пространства, которое могла бы покрыть зеркальная жижа, составлявшая собственно «наковальню». А когда я поинтересовался, каким именно образом алтарь это делает, он снова стал человеком, пластично перетек с потолка на пол. Наконец, протянул ладонь, на которой дрожало и переливалось три крохотных капельки, и выжидательно замер.

Я, признаться, тоже. И лишь когда капли на его руке одновременно поделились сперва на три, затем ещё на три… и

так до тех пор, пока на пол не полилась целая река из крохотных шариков, начал что-то соображать.

– Так ты самовосстанавливающийся! – присвистнул я, заметив, что образующаяся лужа не вливается в алтарь, а растекается вокруг нас полноводным ручьем. – Значит, исчерпать тебя по определению невозможно!

Но в этот момент кажущийся бесконечным поток внезапно остановился, а «зеркальный» с досадой качнул головой.

– Что? Неужели можно?

– Буль, – огорченно подтвердил он и вырастил на руках сразу по три десятка зловеще шевелящихся щупалец, недвусмысленно намекая на вампира.

– Понял. Вопрос снимается. Но ведь защита у тебя все равно какая-то должна быть?

– Буль-буль.

Сверкающий человек мгновенно поблек, а затем и окаменел по-настоящему, став похожим на обычную статую. Ни звука, ни блеска, ни движения. Я даже подошел и постучал по нему костяшками пальцев, но нет, без дураков – он и впрямь целиком обратился в камень.

– Что ж, логично, – кашлянул я, отнимая руку. – Если не можешь убить или сбежать, то придется прятаться. А под такой броней до тебя даже высшей нежити сложно добраться. Я другого не понимаю – если ты так важен для Фола, то какого рожна он тебя тогда не прикрыл?

Алтарь немедленно ожил и огорченно указал на груду битого камня.

– А если их собрать, тебе полегче будет?

Алтарь снова стал лужей, щедро расплескался по полу и стенам, а затем демонстративно, один за другим, запечатал зеркальными дверьми все шесть выходов из храма. Причем двери были толстыми, надежными, словно из стали отлитыми. Такие не то что тараном не вышибить – даже демону будет проблематично одолеть. Правда, держались они закрытыми всего пару мгновений, а затем алтарь недовольно булькнул, снова собрался в человека и всем видом показал, что выдохся.

– Вот оно что, – снова присвистнул я, когда он картинным жестом закатил глаза и сделал вид, что вот-вот грохнется в обморок. – Сейчас у тебя, значит, сил на это не хватает. А у Фола нет нормального вместилища, чтобы передать тебе хоть каплю из своих!

«Зеркальный» перестал паясничать и огорченно кивнул.

– Все ясно, – вздохнул я, подумав, что жизнь у этого чувака на протяжении последней тысячи лет была тоскливой. – Пошли

работать, что ли? Время до вечера у меня ещё есть…

Как ни странно, но сегодня я вымотался гораздо меньше, чем накануне, несмотря на то, что со вторым рядом мы закончили даже чуть раньше, чем я планировал. Однако от третьего, несмотря на настойчивые уговоры «зеркального», все равно был вынужден отказаться.

– Все завтра, Ал, – устало выдохнул я, поднимая с пола хронометр. – Мне надо закончить кое-какие дела и отдохнуть.

– Буль! – возмущенно отозвался алтарь, которому я для простоты общения решил дать имя. А затем, выражая негодование, он утек на свое обычное место и снова окаменел.

– Конечно «буль», – согласился я. – Но толку с меня сегодня не будет. Какая тебе разница: три камня мы сегодня не доложим или всего два? Понимаю, что ты и так долго ждал, но день-два здесь роли не сыграет. А если я сорву спину или истощусь, тебя устроит неделя вынужденного отдыха?

«Зеркальный» обиженно промолчал.

– Ну и хрен с тобой, дуйся, – отмахнулся я и, свистнув задремавшей на дальнем уступе Мелочи, направился к выходу.

Какое-то время за спиной было тихо, словно алтарь обдумывал мои слова. Но когда я подошел к лестничной арке и поставил ногу на ступеньку, по стене рядом с ней пробежал тоненький ручеек. И, сложившись в короткое, но емкое «жду», с шелестом убежал обратно.

* * *

– ВЗЫВА-А-АЙ…

– Да демон тебя забери, сколько же можно мешать мне спать! – с чувством проорал я, в очередной раз подскочив на постели. Подушка подо мной была мокрой – хоть выжимай, все тело блестело от пота, а внутри все вибрировало от дурацкого голоса, благодаря которому я уже третью ночь видел кошмары. – Я понял уже. Понял, не дурак. Когда буду тонуть, обязательно позову! Неужели обязательно надо это повторять, чтобы стало ясно, что я услышал?!

Отдышавшись, я вытер со лба холодный пот и взглянул за окно.

Еще темно. Но ночь сегодня была на редкость светлая, лунная. Самое время для загородных прогулок.

Машинально поискав взглядом Мелочь и не найдя ее на подоконнике, я с опозданием вспомнил, что после возвращения из храма снова отправил ее к мальчишке Искадо. После чего

неохотно встал, пригладил мокрые от пота волосы и со вздохом пошел собираться.

– Хозяин, вы уходите? – с беспокойством спросил дворецкий, когда я спустился вниз и взялся за плащ и шляпу.

Я хмуро кивнул.

Да, за пару свечей я немного поспал, но толком все равно не восстановился. Спать в схроне дольше трех дней подряд не рекомендовалось, поэтому мне ещё сутки придется ночевать в постели, как обычному человеку. Сегодня этого не хватило для полноценного отдыха. Но время уже к полуночи. И если я не доберусь до Дома милосердия сегодня, то и завтра, скорее всего, сделать этого не удастся.

Чтобы сэкономить силы, с тропами я на этот раз мудрить не стал. Сделал сперва две коротких, добравшись до метки на окраине города. А затем одну длинную до старого монастыря, благо его-то расположение я уж точно никогда не забуду. Уже там, оказавшись перед закрытыми воротами, я скользнул на темную сторону и набросил на себя доспех. А то мало ли, вдруг на целителя с визуализатором нарвусь? Или еще кого по дороге встречу? Пусть уж лучше он на допросе у Корна скажет, что видел умруна или моргула, чем сможет опознать меня в лицо.

Как только вокруг меня сомкнулась Тьма, а черно-белый мир раскрасился разноцветными полосками заклинаний, по темной стороне пронесся долгий тягучий вой, смутно похожий на тот, что я уже слышал в Верле. Правда, тогда тварь была всего одна, а сегодня следом за первым вскоре раздался второй, а затем и третий голос.

Что это за звери, я определить не смог: то ли волки, то ли какие-то псы. Но мне показалось, что сегодня голоса звучали гораздо четче. И определенно ближе, чем в прошлый раз.

Спустившись на нижний слой и благополучно миновав усеянные сигнальными и охранными заклятиями ворота, я вынырнул на привычный уровень уже во внутреннем дворе и снова прислушался. Но странный вой не повторился. Ни через один удар сердца, ни через два. А значит, твари или потеряли след, или же вообще пришли не по мою душу.

Расположение своей старой камеры я помнил прекрасно. Как ни удивительно, но некоторые вещи из прошлого отпечатались в памяти настолько четко, что я через сто лет, наверное, этого не забуду. Какой это был этаж, какой по счету номер комнаты… я помнил именно место: холодную, выстланную неизвестным, но удивительно мягким материалом камеру, в которой так редко зажигался свет. А помнил я это потому, что не раз пытался расшибить голову об эти стены. И потому, что свет был для меня

худшей пыткой из всех, что только можно измыслить. Когда его включали, от него слезились глаза, пересыхало горло, а кожа горела так, что я без стеснения выл и катался по полу от боли. Но целитель заходил в камеру каждый день, в одно и то же время. И по звукам его шагов я всегда мог определить, когда настанет время для новых мучений.

Один прыжок во Тьме, второй, и вот я стою перед дверью той самой камеры.

Двести тринадцать…

Тот проклятый номер, который потом годами я видел во снах. Оказывается, это на втором этаже, в левом крыле лечебного корпуса, в котором когда-то располагались молельни. А теперь из бывших келий доносились не монотонные речитативы молитв, а бессвязное бормотание, вскрики и долгие стоны, которые в темноте казались еще более пугающими.

Совершив глубокий вздох, я в последний раз обжегся о ледяной воздух нижнего слоя и шагнул в свою бывшую камеру, как смертник – на эшафот. Света там по-прежнему не было. Ни звуков, ни движения. Лишь скрюченный, сидящий полубоком силуэт виднелся в дальнем углу и расширенными глазами смотрел прямо на меня.

Я все еще стоял во Тьме, укутанный ее мягкими крыльями, все еще прятался под ее покрывалом, однако обитатель камеры не отрывал от меня глаз. Когда я чуть сдвинулся, он дерганым движением повернул следом голову, а когда я подошел – сжался в комок, обхватив руками колени, и едва слышно прошептал:

– Не убивай!

Только тогда я догадался, что он, как и я, находился на темной стороне. Только, в отличие от меня, бедняга не знал, как отсюда выбраться. Не помню, стояли ли здесь в прошлый раз заклинания такого уровня, но за прошедшее время надзиратели определенно учли свои ошибки, и теперь, не умея спускаться на нижний слой, выбраться отсюда стало невозможно даже темному магу.

– Не убивай! – умоляюще прошептал узник, глядя на меня снизу вверх покрасневшими глазами. Заросшее лицо, седая борода и такие же седые, спускающиеся почти до груди, неопрятные лохмы делали его похожим на старика. Но когда я подошел ближе, оказалось, что мужчина был ещё довольно молод. Лет тридцать, не больше. На бледном, худом, но почти не тронутом морщинами лице застыло выражение такой муки, что я внутренне содрогнулся. А когда стало ясно, что всю левую сторону его головы занимал огромный след от ожога, я наконец сообразил, почему за столько времени никто не распознал

подмену.

Когда человек спускается во Тьму, он сильно меняется – внешне и внутренне. Цвет глаз, волос, выражение лица, манеры, привычки и даже голос. Поэтому от того, что когда-то определяло меня как золотого мальчика, не осталось ничего, кроме воспоминаний. Но и они были похоронены под таким слоем пепла, что даже я лишний раз не стремился их оттуда вытаскивать.

– Не убивай… – снова прохныкал мой двойник и вдруг без предупреждения прыгнул, целясь пальцами в горло.

Стой я чуть ближе, и жизнь этого парня закончилась бы мгновенно, но, к счастью, я успел повернуть вынырнувшую из пустоты секиру, поэтому не чиркнул его лезвием по груди, а ударил плашмя. После чего его отбросило обратно, скорчило на полу, а из горла послышалось хныкающее:

– Не убивай… не убивай… не убивай…

Беспрестанно бормоча и больше не обращая на меня внимания, он сел и начал мерно раскачиваться, судорожным движением обхватив себя руками. Когда я приблизился снова, даже головы не повернул, так что пришлось обойти его по кругу. А когда я все же сумел заглянуть ему в лицо, то понял, что помогать здесь некому – в глазах молодого мужчины плескалось настоящее безумие. Причем всеобъемлющее, многолетнее и настолько прочно поразившее его разум, что нечего было и пытаться его излечить.

Когда и почему он попал во Тьму, вряд ли я когда-нибудь узнаю. Но, судя по всему, он уже давно находился на границе миров, не понимая даже, когда качается в ту или иную сторону. Пока я его рассматривал, он три раза умудрился перейти в реальный мир и обратно, не заметив этого. И все это время безостановочно то плакал, то кричал одно-единственное: «Не убивай!»

Поняв, что ловить тут нечего, я отступил и тем же способом, каким пришел, вернулся в пустой коридор. Освещения и тут практически не было – только тусклый светильник горел в дальнем углу, но его слабый свет не мог разогнать сгустившуюся тьму.

Пройдясь по коридорам монастыря и потыкавшись в разные комнаты, через некоторое время я набрел на комнату одного из целителей. Как и предполагалось, в изголовье лекаря лежал не новый, но вполне исправный визуализатор. А рядом на столике виднелась целая горка записывающих кристаллов, из чего я заключил, что где-то поблизости должны найтись и приборы, с помощью которых велось наблюдение за особо буйными

больными.

Висел ли в камере моего двойника такой прибор, я уже проверять не пошел. Времени и так оставалось немного. И на что его действительно стоило бы потратить, это на поиск архива. Или другого помещения, где хранились записи о запертых здесь бедолагах и о том, что происходило с ними на протяжении всех этих лет.

На поиски этого места я угробил время почти до рассвета и при этом устал так, словно отработал вторую смену у статуи в первохраме. Идти с каждым ударом сердца становилось все сложнее, а желания обыскивать все подряд помещения центрального… по идее, административного… корпуса, оставалось все меньше. Была бы здесь Мелочь, я бы, конечно, управился быстро. Но в конце концов удача мне улыбнулась, и я набрел-таки на комнату, где на стеллажах стояли забитые бумагами коробки, на каждой из которых виднелся номер соответствующей камеры.

Открыть коробку под номером двести тринадцать мне удалось не сразу – от слабости пальцы уже начали подрагивать. А для того, чтобы разобрать бумаги, и вовсе пришлось поставить коробку на пол и с усталым вздохом устроиться рядом. Доспех я, разумеется, не снимал и от шлема тоже не избавился. Это несколько затрудняло процесс разбора документов, но не мешало вникать в написанное.

Двойник и впрямь находился в лечебнице под именем Артура Кристофера де Ленур. Причем вот уже десять лет подряд. Занимался им лично господин Ториер Брон, который судя по подписи и печати, являлся руководителем сего лечебного учреждения. Однако видимых сдвигов в состоянии пациента за все время наблюдений целителем отмечено не было. «Артур» оставался крайне агрессивным и несговорчивым пациентом, не раз демонстрировал готовность причинять вред себе и посторонним. Неоднократно становился источником бесконтрольных вспышек темного дара. А однажды… в самый первый месяц своего пребывания… умудрился даже сбежать. Да-да. Судя по дате, день и даже время побега были указаны абсолютно правильно. А вот дальше начиналась какая-то чушь, причем подписанная и завизированная лично господином Броном.

С его слов выходило, что в означенный день Артур де Ленур невесть каким способом сумел-таки выбраться из камеры, несмотря на то, что его поместили в комнату для буйных магов. Комната, со слов целителя, была хорошо защищена и многократно испытана, но ранее подобных казусов с ней не

случалось. Каким именно образом девятнадцатилетнему магу удалось ее покинуть, лекарь до сих пор точно не знал, но на всякий случай после этого защита на камере была поставлена тройная, а количество заклинаний, подающих сигнал о попытке преодоления магических щитов, возросло с пяти сразу до восемнадцати.

О том, что происходило с Артуром де Ленур между этими двумя событиями, бумаги господина Брона объясняли довольно туманно. Но по всему выходило, что на безумного мага, как и положено по уставу, устроили облаву с приказом вернуть беглеца живым или мертвым. В облаве участвовало несколько магов, два целителя и целые толпы простых стражников, но повезло только одному человеку. Который через двое с половиной суток и обнаружил беглеца в лесу, рядом со свежим пепелищем, где бедолагу успело серьезно обжечь. Подкравшись к беспамятному парню, поисковик ловко его спеленал, с помощью специального амулета усыпил и благополучно вернул в монастырь. После этого безумца подлатали, снова заперли под замок и сделали все, чтобы полностью исключить возможность повторного побега. А удачливый охотник получил от господина Брона искреннюю благодарность. Правда, без занесения в личное дело.

И звали этого охотника Оливер Гидеро.

Глава 11

– Ты что тут делаешь?! У тебя же вроде выходной! – изумился следующим утром Йен, когда открыл дверь собственного кабинета и обнаружил, что он… как бы это сказать… занят. – Арт! И почему твои ноги опять лежат на моем столе?!

Я лениво приоткрыл один глаз. Полулежать в новом кресле Норриди было почти так же удобно, как в старом, но если бы здесь появился полноразмерный диван, было бы намного лучше.

– Как ты сюда залез? – все еще озадаченно поинтересовался Йен, бросив на второе кресло принесенную с собой папку с бумагами. А я неохотно исполнил требование начальства и сел. – Я же запер вчера дверь. И защиту никто не трогал.

– Я тебя умоляю… защиту, которую поставил я сам, защитой от меня в полном смысле этого слова не является. А пришел я пораньше потому, что мне не спалось. И захотелось, представь себе, поработать. После этого возвращаться домой было лень, поэтому я решил дождаться тебя здесь.

Норриди фыркнул и, решительно согнав меня со своего законного места, плюхнулся в нагретое кресло.

– Что ж тебе в комнате следователей-то не спалось?

– У них стулья в кабинетах неудобные, – зевнув, сказал я, и это была сущая правда. В последнюю ночь я и впрямь спал плохо, но не по причине кошмаров, а из-за настойчиво крутящихся в голове мыслей по поводу Оливера Гидера.

Ближе к рассвету я устал от догадок и по темной стороне пробрался в Управление, чтобы кое-что посмотреть. В базе на него имелось целое досье, причем достаточно подробное, чтобы составить впечатление о человеке. И по всему выходило, что Гидеро и впрямь был хорошим следователем. Неглупым, упорным и с фанатичностью прирожденного бойца доводившим даже очень скользкие дела до логического завершения. За полтора десятка лет безупречной службы в должности старшего следователя не было ни одного преступления, которое бы он не раскрыл. Десятки благодарностей от руководства. Несколько значимых наград. И даже королевский орден за безупречную службу… все это создавало репутацию сыскаря, в честности которого никто бы не усомнился.

Быть может, именно поэтому он и стал мишенью того, кто организовал убийство моих близких и подставил меня самого?

Надо признать, Гидеро сыграл свою роль безупречно и со знанием дела подвел под меня обвинение, в чем ему, безусловно, помогли хорошо проплаченные… а возможно, и ставшие

жертвами шантажа или угроз коллеги. В кресле начальника тогда восседал по уши погрязший в дерьме Кукнис, так что помощи сыскарям ждать было неоткуда. А своя собственная жизнь и жизни родных волновали их гораздо больше, чем судьба благородного сопляка, за которым и без того водилось немало грешков.

Кстати, этой же ночью я, кажется, понял, след какого магического воздействия обнаружил штатный целитель, когда вскрывал тело Оливера Гидеро. Уверен, если бы кто-то задался подобной целью, то похожие следы были бы обнаружены и на господине Найдеше Оменахе, нелепо погибшем на ежегодном городском карнавале, и на старике Тридоре, которого убили вскоре после окончания следствия, и даже, быть может, на теле Хлои Бартон, которая примерно в то же время нелепо утонула в собственной ванной.

Незначительные изменения магического фона вокруг немагов нередко провоцируются длительным ношением различного рода артефактов. Но только след от магического контракта был способен сохраниться на теле даже после смерти.

Думаю, без дополнительных гарантий жизни своей семье, Оливер Гидеро никогда не согласился бы на подлог. Да и старику Тридору незачем было лгать на суде, даже за деньги, если он не был уверен, что его единственная, горячо любимая и тщательно оберегаемая дочка не находится в безопасности. О ее судьбе я, правда, не стал ничего выяснять – девчонка меня не интересовала, но могу поклясться, что она жива-здорова и неплохо себя чувствует, благодаря контракту отца.

Но тогда получается, что хотя бы одного из тех, кто лжесвидетельствовал на моем суде, мучила после этого совесть. Из всех погибших Гидеро был самым последним и умер через целый месяц после того, как меня оправдали. Но мог ли он, сожалея о сделанном, не просто испытывать чувство вины, но и пытаться что-то исправить? И мог ли, прослышав о побеге Артура де Ленур, предпринять хоть какие-то меры, чтобы жестокая травля наконец-то закончилась?

Безусловно, отыскать за два с половиной дня хотя бы отдаленно похожего на меня мага, да еще и сумасшедшего, притащить в окрестности Дома милосердия, а затем выдать за Артура де Ленур было не просто рискованно… это была совершенно безумная затея! Но Оливер, похоже, ее осуществил. И этим избавил меня от огромного количества проблем, включая возможность разоблачения.

Какими мыслями руководствовался тогда Гидеро, уже никто и никогда не узнает. Где он нашел того паренька, я тоже выяснить

не успел. Но если покопаться в делах этого упрямого, отчаянно не желавшего мириться с несправедливостью и наверняка понимавшего, что его ждет, человека, я, наверное, все же найду какого-нибудь безвестного мальчишку, которому, в отличие от меня, не так повезло на темной стороне. Безумца, чью довольно-таки спокойную и сытую жизнь в лечебнице бывший следователь обменял на призрачный шанс спасти настоящего беглеца в надежде, что это хоть как-то искупит его вину передо мной.

– Господин Норриди. Ой, мастер Рэйш, вы тоже здесь? – ворвался в мои размышления торжествующий голос Тори.

– А, молодежь, – рассеянно отозвался Йен и, заметив заглядывающую в дверь Лизу, приглашающе махнул рукой. – Что там у вас? Заходите.

В кабинет с загадочными физиономия зашли оба наших штатных мага, старательно прикрыли за собой дверь, а затем Тори с заговорщицким видом прошептал:

– А я нашел, почему наш амулет не работал!

– Что за амулет? – озадачился Норриди.

– Тот, который я брал взаймы у Лива Херьена.

– Ты что, до сих пор его не вернул? – удивился я.

Тори мотнул головой.

– Не-а. Когда вы ушли, я вдруг подумал: может, это мы его сломали? Вот и решил отремонтировать в перерывах между делами.

– Так. И что же такого важного ты в нем нашел? – все еще недоумевая, поинтересовался Йен.

Вместо ответа Тори вытащил из кармана амулет, положил его на стол перед начальством и предложил:

– Скажи-те какую-нибудь неправду.

– Арт – дурак, – не задумываясь, выдал Йен.

На крышке амулета загорелся зеленый огонек.

– Сам дурак, – не остался в долгу я, и прибор опять весело подмигнул.

Мы с Йеном быстро переглянулись, но прежде чем успели озвучить свои вопросы, Тори снова забрал побрякушку, что-то нажал, покрутил и, вернув амулет на стол, предложил:

– А теперь скажите что-нибудь правдивое.

– А я сегодня чуть сферу твою не разбил, – сообщил я, демонстративно приподняв ноги.

– Я тебя за это когда-нибудь убью, – спокойно отозвался Йен, и мы дружно посмотрели на стол: оба раза амулет вспыхнул алым, а я с удивлением понял, что сфера для Норриди и впрямь имеет немалую ценность.

– И что это было? – хмуро осведомился шеф, когда Тори

обвел наши физиономии торжествующим взглядом. Вроде как говорил: ну что, поняли вы наконец?

Мы с Йеном снова переглянулись.

– У него снизу переключатель есть, – избавила нас от мучений Лиза. – Нажмешь на него, и амулет показывает, что люди говорят только правду. Нажмешь снова, и он будет загораться только красным, как будто вокруг сидят одни вруны.

– Это ведь не поломка? – мгновенно подобрался Норриди, когда Тори вновь забрал амулет и, перевернув его, показал нам крохотную выемку, в которую мог пролезть только один ноготь.

– Боюсь, что нет шеф. Конструкция изменена умышленно. Но до поры до времени прибор может работать исправно – мы проверяли. Просто так попасть пальцем в щель довольно сложно, для этого нужна сноровка. Но, видимо, пока мы с мастером Рэйшем тряслись в экипаже, у прибора разболталась крышка корпуса, вот он и начал показывать сперва одно, а потом другое.

Тьфу ты, гадость! Вот почему я не смог вычислить лжеца в поместье леди Норвис!

– Стоп, – неожиданно осенило меня. – Если над прибором кто-то поработал специально, то это же означает, что наши коллеги из городской стражи имеют прекрасную возможность фальсифицировать показания свидетелей!

– Меня больше волнует, сколько еще таких амулетов стоит на обеспечении Жольда, – мрачно заметил Йен.

– Да. Надо пригласить его сюда и организовать очную ставку с дежурным магом. Как там его зовут, Херьен?

Мы в третий раз переглянулись, но вопрос, как говорится, повис в воздухе.

– Это ещё не все, – тихонько добавила Лиз, когда мы прониклись масштабом проблемы и одинаково нахмурились.

Тори согласно кивнул.

– Я уже говорил, что амулет мне дал Лив. Но я говорил с ним вчера… ну, сказал, что мой пока не починили, и если он не против, то я ещё немного поработаю этим. А Лив только посмеялся и заявил, что я могу забрать хоть на целую неделю, потому что свой амулет он всегда носит при себе, а это – запасной амулет его напарника, который сейчас в отпуске.

– Шоттика?! – неверяще переспросил Йен.

Тори снова кивнул. А я забрал у парня амулет правды, убедился, что он действительно с подвохом, и недобро усмехнулся.

Ну что, хорек, вот ты и попался. Я же говорил, что когда-нибудь отомщу?

* * *

Оставив Норриди размышлять над полученными сведениями, я поспешил слинять из Управления, напоследок умудрившись поспорить с молодежью относительно свойств ряда темных артефактов. Молодежь в этом деле оказалась подкованной, но ещё совсем неопытной, поэтому спор я все-таки выиграл. А в качестве наказания велел детишкам порыскать по базе данных и познакомиться с методами работы лучших сыскарей ГУССа, отличившихся в последнее десятилетие.

Само собой, я не собирался принимать у них экзамен на знание чужих биографий. Но замаскировать свой интерес к делу Оливера Гидеро стоило, так что я сделал вид, что не заметил обиженного выражения на лице Тори, и отправился по своим делам, благо их с каждым днем становилось все больше.

– Просыпайся, Ал! – бодро возвестил я, спустившись в первохрам. – Новый день настал, и нам опять пришла пора поработать!

Каменный алтарь в один миг налился ярким светом, забурлил и пошел серебристыми волнами, а через пару мгновений на месте «наковальни» возник такой же серебристый человек и, совсем по-нашему зевнув, расковано потянулся.

– Молодец, осваиваешься, – со смешком похвалил его я, подходя к груде мусора, который еще предстояло превратить в нормальную статую. После чего Ал опять растекся в большую лужу, облачил меня в блестящую защиту и пропал посреди беспорядочно наваленных обломков, откуда через некоторое время показался несущий очередной камешек ручеек.

Какое-то время мы сосредоточенно работали, стараясь успеть как можно больше. Ал исправно поднимал с пола осколки, я уже довольно сноровисто бросал их на постамент. Однако когда пришла пора перевести дух, и я оглядел результаты наших совместных усилий, то оказалось, что сделали мы всего ничего – за три полных дня каких-то три несчастных ряда, высота которых не достигала даже щиколоток будущей статуи. Пожалуй, если работать такими темпами, я успею помереть от старости, а мы так и не доберемся до главного.

– Похоже, придется оптимизировать процесс, – пробормотал я, когда стало ясно, что толку с этой работы немного. Напарник тут же заволновался, забурлил, будто решил, что я ухожу раньше оговоренного срока. – Постой, Ал. Не суетись. Мы с тобой делаем неэффективные телодвижения. Давай-ка подумаем, как это можно исправить и как организовать процесс так, чтобы он пошел легче и быстрее.

Застывший перед моим лицом ручеек с очередным обломком задумчиво булькнул. А я поднялся с корточек, походил, разминая затекшие ноги. Оглядел громадный зал, где никого, кроме нас и приютившейся на выступе возле выхода Мелочи, не было. Наконец, поскреб в затылке, подумал и решил:

– Была не была. Авось, Фол нас за это не испепелит.

Изложив свою задумку алтарю и получив от него согласие на эксперименты, я попробовал слегка разнообразить тактику укладывания камней. К сожалению, бросать их издалека не получилось – летящие камни, во-первых, ударялись о ту же преграду, которая мешала Алу делать эту работу самостоятельно; а во-вторых, они были чудовищно тяжелыми, и у меня при всем желании не получалось бросать обломки дальше, чем на два шага. А те, что я все-таки докинул до стены, благополучно от нее отлетели и едва не зарядили мне в лоб, заставив отказаться от опасной затеи.

Тогда я попросил алтарь выстроить возле невидимой границы подобие второго постамента – чуть выше, чем тот, куда нам надо было сбросить осколки. И попытался скидывать камни оттуда, сверху-вниз, чтобы облегчить процесс переноски. Но этот вариант тоже не подошел. Оказывается, вне постамента осколки наотрез отказывались скрепляться «сопливым» раствором и при первой же возможности начинали разваливаться на части, лишь добавляя проблем. А без моего участия и вовсе не могли преодолеть невидимую стену, словно присутствие человека являлось той обязательной составляющей, которая требовалась даже могущественному темному богу, чтобы заново вернуться в мир.

Третья попытка оказалась более удачной. Решив больше ни в кого не кидаться, я предложил алтарю поддерживать мои ладони снизу до тех пор, пока я не донесу осколок до постамента. Таким образом почти весь вес камня забирал на себя Ал, из него же тянулись силы на перенос. Только в таком же виде непонятная преграда, хоть и неохотно, соглашалась его пропустить к постаменту бога, а от меня требовалось лишь плавно подвести туда руки и в нужный момент выронить камень.

Попробовав так и этак, мы все же нашли алгоритм, который позволял мне почти не тратить силы на транспортировку. И тогда процесс пошел гораздо быстрее. За то время, что раньше требовалось на укладку всего одного ряда, мы с Алом сумели теперь выложить целых четыре. Однако после этого отдых потребовался уже не мне, а ему.

– Ну что, перерыв? – предложил я, заметив, что растекшаяся среди камней лужа заметно поблекла и почти утратила блеск.

Зависший на высоте моего лица осколок, удерживаемый на

весу с явным трудом, покачнулся и с облегчением брякнулся на пол. Но алтарь после этого ещё долго не мог собраться воедино. А когда ему это наконец удалось, рядом со мной на полу с тихим журчанием развалился бледный, смертельно уставший человек, который мечтал только об одном – выспаться.

– Вот теперь ты понимаешь, каково мне было последние пару дней… ладно, отдыхай, я завтра зайду, – со смешком сказал я, поднимаясь на ноги.

– Бульк! – из последних сил отозвался Ал.

– Что? Не успеешь восстановиться? Давай тогда послезавтра.

– Бульк-бульк!

Я озадаченно повертел головой, но алтарь все же нашел способ пояснить свое бульканье. И, собравшись с силами, написал на полу серебристыми буквами: «*Вечером, сегодня*». После чего я с сомнением его оглядел, но все же кивнул.

– Хорошо. До темноты вернусь.

Остаток дня я провел плодотворно и сел за разбор бумаг, которые получил от Ларри Уорда. Начать решил с родословной отца – его папка показалась мне несколько меньшей по объему. Но успел только разложить в кабинете часть бумаг, как возникла еще одна проблема – родовое древо семейства де Ленур оказалось слишком объемным, и в доме попросту не было помещений, способных его вместить. Мой кабинет для этого оказался слишком маленьким, схрон – тем более. В гостиной я бы не рискнул раскладывать эти бумаги. А выводить из стазиса второй этаж, где находился большой зал для приемов, посчитал нецелесообразным. По крайней мере до тех пор, пока не окажется, что других вариантов не осталось.

Так ничего и не решив, я уже по темноте отправил Мелочь по известному адресу в Белый квартал – присмотреть за мальчишкой Искадо, а сам вернулся в первохрам, надеясь, что алтарь успел восстановиться.

Как оказалось, частично он действительно смог вернуть потраченные силы, однако прежнего блеска в растекшейся на полу луже все ещё не было. Тем не менее, от самой тяжелой работы Ал меня избавил, честно отработал почти до середины ночи, но к полуночи выглядел так, словно в каверне вновь поселился голодный вампир.

– Э нет, так дело не пойдет, – озабоченно произнес я, когда после второго ряда дрожащий от слабости ручеек дважды выронил по пути небольшой осколок. – Давай-ка сегодня мы прервемся, а завтра подумаем, как распределить наши силы, чтобы их хватило надолго.

Ал сперва повозмущался, побурлил, но даже это сделал вяло

и скорее из упрямства, чем из желания продолжить. Закончив с моей помощью второй ряд, алтарь смиренно утек на свое привычное место, где опять обратился в наковальню и окаменел.

Оставив его восстанавливать силы, я выбрался на более теплые слои Тьмы и с облегчением расправил плечи. Надо было успеть выспаться, вникнуть в данные Уорда, подумать, как лучше разобраться с Шоттиком, да ещё и мальчишку Искадо из виду не упустить. Плюс ко всему, я ни на шаг не продвинулся в работе над списком учителя. Так и не понял, зачем он понадобился моргулу. Не выяснил, кто именно привлек умрунов к созданию врат. И вообще, много чего ещё до сих пор не сделал. В том числе, уже второй день подряд забывал покормить Мелочь, а она, скромняга, так и не рискнула напомнить.

Решив исправиться следующим же утром, я открыл тропу, намереваясь выполнить хотя бы первый пункт из намеченного списка дел. Но уже перед уходом из храма снова услышал долгий, эхом отдающийся во Тьме вой.

Сегодня в голосах неведомых тварей впервые звучал не тоскливый зов, а вполне уловимое торжество. Сами они по-прежнему были далеко, где-то за пределами столицы. Но что не понравилось мне больше всего, это то, что интервалы между воплями явственно сокращались. Первый раз я услышал голоса около недели назад. Второй раз, кажется, они выли, когда я исследовал валун в Вестинках. То есть, ровно через три дня дня. Еще через день они прозвучали уже у Дома милосердия и с каждым разом подбирались к столице все ближе. Более того, количество голосов тоже изменилось. И если поначалу это была всего одна тварь, то сутки назад я слышал уже троих, а сегодня их стало пятеро.

Что, демон меня задери, происходит?!

Глава 12

Следующие полдня я потратил на то, чтобы обежать столицу и ее окрестности в поисках непонятных тварей. Просмотрел все свои метки, обошел деревни вокруг монастыря, умаялся донельзя, но что это за звери такие, так и не понял. Следов после себя на темной стороне они не оставили, так что оставалось лишь ждать, когда они объявятся снова, и готовиться к худшему.

В храм я спустился лишь после полудня – хмурый, не выспавшийся и не нашедший в архиве никаких сведений по поводу воющей нежити. Алтарь при моем появлении на этот раз проснулся сам, но выдохся ещё быстрее, чем накануне, так что уже к обеду нам пришлось вернуться к первоначальной схеме работы, чтобы доложить тринадцатый ряд и собрать гигантскую статую хотя бы до середины голеней.

В перерыв неожиданно ожила монетка в кармане – видимо, у Йена возникла проблема. Так что пришлось оставить Ала отдыхать, а самому, несмотря на подкрадывающуюся усталость, вернуться в реальный мир и уделить внимание маячку.

Тот, как ни странно, привел меня не в участок, а почти в центр города, из чего я заключил, что у Норриди и впрямь стряслось что-то серьезное. Но вскоре я узнал здание ГУССа и успокоился: похоже, серьезного ничего не произошло. Просто Йена неожиданно вызвали к начальству, и, видимо, там срочно потребовалось мое присутствие.

В кабинете шефа, куда я пробрался по темной стороне, присутствовали еще трое: Жольд, Херьен и, как ни странно, Тори Норн. Я, если считать Норриди и самого Корна, оказался шестым. И, разумеется, пришел позже всех, за что удостоился виноватого взгляда от Йена и мрачно-тяжелого от Нельсона Корна.

– Почему я не удивлен? – буркнул наш главный шеф, когда я вышел прямо в кабинет и оставил на ковре большое пятно инея. – По-моему, без тебя ни одна моя проблема не обходится, Рэйш. И даже к этому делу ты, оказывается, успел приложить руку.

– Вы о чем? Какое дело?

– Дело Шоттика, – одарил меня раздраженным взглядом Жольд. После чего я наконец сообразил, отчего здесь такой странный состав присутствующих и, получив разрешающий кивок от Корна, занял пустующее кресло у окна.

– Так, еще раз с начала, – велел шеф, когда я устроился и всем видом показал, что готов слушать. – Кто, когда и как обнаружил неполадки с амулетом.

Йен бросил на Тори выразительный взгляд, и парень, почти

не запинаясь, коротко изложил свои злоключения с прибором. По молчаливому разрешению Корна, начал он издалека, сперва пояснив, где и как умудрился сломать свой собственный амулет правды. Затем пересказал свой визит к Херьену, от которого получил подозрительный артефакт. Совсем уж кратко обрисовал нашу работу на месте первого преступления. И после того, как сообщил, что на протяжении следующих суток амулет находился у меня, все взгляды в кабинете обратились в мою сторону.

А я что?

Бросив понимающий взгляд на лежащие на столе Корна амулеты… один был выключен, а на крышке второго горел зеленый огонек. Наверняка это был амулет самого Корна, надежный и тщательно проверенный после того, как Йен сообщил ему о чэпэ. Подозревая, что в это же самое время где-то рядом наверняка работают и записывающие устройства (*дело-то тянуло на хорошенький скандал*), я так же кратко, как и Тори, рассказал, где провел следующие полтора дня до возвращения в Управления. Результаты допроса слуг в поместье госпожи Норвис Корна особенно не заинтересовали. Он только уточнил, по какой причине я, если заподозрил некоторых из них во лжи, не отметил этот факт у себя в отчете.

Что я мог на это сказать?

Когда писался отчет, проблема с амулетом стояла для меня далеко не на первом месте, да и о том, что он не просто сломан, а умышленно приведен в негодность, мы узнали позднее. Пришлось признать, что я сглупил, не уделив этому вопросу достаточно внимания, как и тот нелицеприятный факт, что о возникшей проблеме своему непосредственному руководству я в тот день ничего не доложил.

– Тебя извиняет только то, что ты темный, – рыкнул Корн, когда я замолчал и принял как можно более независимый вид. – И не обязан досконально знать принципы работы светлых артефактов. Но все же ты сотрудник Управления. И беря в руки служебный прибор, должен быть уверен, что он работает исправно!

– В тот день я много времени провел на темной стороне, – возразил я. – Поэтому не исключал, что амулет забарахлил именно поэтому. Защитные чехлы все же не рассчитаны на такие нагрузки. А рутинные проверки не требуют от сотрудников отражать в отчетах по делу об убийстве такие незначительные детали.

– Дальше! – словно не услышал Корн.

Я мысленно пожал плечами и быстренько закруглил доклад, закончив на том, что по возвращении в участок передал амулет

Тори. Тому снова пришлось раскрыть рот, и примерно на протяжении половины свечи парень довольно подробно описывал, что делал с подозрительным амулетом, чтобы, как он выразился, попытаться его «починить».

– Почему вы не обратились с этой проблемой к непосредственному руководителю? – хмуро осведомился Корн, когда парень ненадолго прервался.

Тори отвел взгляд.

– Я подумал так же, как мастер Рэйш. Амулет неоднократно побывал в тот день на темной стороне. И еще я обнаружил трещину на чехле, когда изучал прибор. Мне показалось невежливым возвращать чужую вещь в неисправном состоянии, поэтому я предпринял попытку избавиться от неисправности своими силами.

– Вы разве артефактор, мастер Норн? – с неприятным прищуром взглянул на него Корн. Но Тори, к моему удивлению, смущенно кивнул.

– Да, я немного понимаю в приборах. Свой я, по крайней мере, всегда проверяю сам. Поэтому и счел возможным разобрать этот.

– Так. И что же вы нашли?

Тори подошел к столу, встал боком, чтобы его мог видеть и Жольд, после чего продемонстрировал присутствующим нижнюю часть прибора и в двух словах объяснил, а затем и продемонстрировал принцип работы переключателя.

Когда на глазах Херьена Тори с невозмутимым видом сообщил, что прошлой ночью обокрал королевскую сокровищницу, а амулет радостно подмигнул зеленым огоньком, Лив, по-моему, поперхнулся. Лицо Жольда стало совсем мрачным, а я мысленно ухмыльнулся.

А молодец мальчишка. Смышленый. Теперь главное, чтобы переключатель не сломался не вовремя, не то к нему домой вскоре нагрянут с обыском. Так, на всякий случай проверить, не врет ли этот шутник и не завалялись ли у него под кроватью королевский скипетр на пару с короной.

К счастью, с переключателем все было в порядке, поэтому при повторении фразы амулет добросовестно показал нам: «вранье». Тори этим, правда, не удовлетворился и ради подтверждения своих выводов еще пару раз сказал чистую правду.

На Лива после этого стало больно смотреть. У Жольда на скулах заиграли желваки. А взгляд, которым его одарил Нельсон Корн, был таким выразительным, что я даже пожалел начальника Управления городской стражи, перед лицом которого только что замаячила перспектива оказаться под долгим, позорным и весьма

утомительным следствием.

Разумеется, сор из избы выносить никто не захочет, поэтому процесс будет тихим и совершенно закрытым. Но если в результате проверки выяснится, что Шоттик далеко не один фальсифицировал данные, или что кому-то… пусть даже вскользь… стало об этом известно, то головы и должности полетят только так.

– Что скажете, Жольд? – сузил глаза Корн. – Это ведь ваше подразделение.

Начальник городской стражи западного участка отчетливо скрипнул зубами.

– Да, шеф. Вы правы: мое. И мне было так же неприятно услышать об этом инциденте от коллеги Норриди, когда он пришел ко мне сообщить о проблеме.

Я бросил любопытный взгляд на Йена.

Ого. Так он не пошел сразу к Корну, а сперва совершил визит вежливости к соседям? Что ж, умно. И очень дальновидно. Ведь теперь Жольд, если, конечно, не замешан в этом деле, ему крупно обязан. Хотя я уверен – прежде чем идти к нему, Йен прихватил с собой сразу парочку амулетов правды и, быть может, даже записывающие кристаллы. Которые наверняка пригодятся даже в том случае, если Диран окажется абсолютно чист.

Корн, видимо, подумал о том же, потому что Йену от него достался быстрый, но оценивающий взгляд. Тот сделал вид, что не понял его подоплеки. А я вдруг понял, что горжусь этим хитроумным сукиным сыном, который совершенно правильно все рассчитал и только что получил в глазах начальства несколько важных баллов.

– Получив тревожный сигнал от коллег из УГС, я немедленно инициировал служебное расследование, – тем временем сообщил Жольд. – За прошедшие сутки мы проверили склад, все действующее оборудование сотрудников и все маготехнические приборы, которые находятся на нашем обеспечении…

Ну конечно. Наверняка ты наизнанку вывернулся, получив целые сутки форы и к моменту допроса у Корна обладать всей полной информации.

– Нарушений в работе приборов, условиях хранений и соблюдении техники безопасности не выявлено, – четко, по-военному, доложил начальник городской стражи. – Дежурным магом здание было осмотрена на предмет наличия не повергшихся сертификации артефактов и иных приборов – таковых обнаружено также не было.

– Да? – понимающе прищурился Корн. – А самого мага вы тоже проверили?

– Безусловно. Для этого был приглашен независимый специалист из ГУССа. Вот его заключение.

Жольд выудил из-за пазухи официальную бумагу с печатью и подписью и положил ее на стол, а я так же мысленно присвистнул.

– Похоже, неисправный амулет в вашем подразделении был всего один, – неопределенно хмыкнул Нельсон Корн. – Что ж, это радует. Как и то, что вы успели так оперативно отреагировать на тревожный сигнал.

Ну Йен. Ну ты жук. Да Жольд тебе теперь не просто обязан – он тебе ноги целовать будет за то, что ты подарил ему целые сутки и возможность прикрыть дымящийся зад.

– Что скажете, Херьен? – Корн, бегло просмотрев отчет, перевел тяжелый взгляд на вцепившегося в подлокотники мага. – Вы действительно не знали о наличии у напарника этого амулета?

– Знал, – отчаянно потея, признался светлый. – Но я не думал, что у прибора появились дополнительные функции. И уже тем более не знал, что благодаря им можно подделывать результаты допросов.

Конечно. Иначе ты бы ни за что не передал эту «игрушку» в руки соседей из УГС.

– Как, по-вашему, сколько времени ваш напарник самовольно изменял показания свидетелей и оказывал влияние в ходе расследований?

– Трудно сказать. Амулеты нам выдают раз в три года. Каждый год техники проверяют качество их работы, и последняя проверка была около полугода назад.

– Жольд, поднимите все дела, которые вел Шоттик на протяжении этого времени, – властно распорядился Корн. – Протоколы допросов, результаты вскрытий, данные по выездам… все, что есть. И проверьте там все до единого слова.

– Так точно, – вытянулся в кресле Жольд. – Мы уже начали, шеф! Отчет будет в самое ближайшее время.

– Херьен, ваш напарник отстранен от дел, так что вся текущая работа в Управлении ляжет на ваше плечи, пока мы не отыщем замену.

– Так точно, господин Корн!

– Мастер Норн!

– Да? – поднял на шефа настороженный взгляд Тори.

– Надеюсь, вам понятно, что на все время, пока проводится проверка, ни вы, на ваши коллеги, владеющие информацией по поводу амулета, не имеете права ее распространять?

– Разумеется, господин Корн. Мне это прекрасно известно.

Нельсон Корн удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Жольд, где сейчас находится ваш второй маг?

– В отпуске. Приказ подписан почти три недели назад. Через несколько дней срок его отпуска подходит к концу. Но Шоттика в городе нет. Я ещё вчера отправил людей на Солнечную с предписанием доставить его в Управление, но пока безрезультатно. Имеет ли смысл объявлять его в розыск?

Корн на мгновение задумался.

– Думаю, шум пока поднимать не будем, – наконец, уронил он к вящему облегчению Жольда. – Если ваш маг планировал покинуть город, то он еще не в курсе возникшей проблемы. Разумеется, при условии, что ваши люди не имели желания его об этом предупредить.

– Проверка на складе и в Управлении проводилась как внеплановая без уточнения причин, – качнул головой начальник городской стражи. – О результатах я объявил только сегодня. Всем сотрудникам вынесена официальная благодарность за хорошее исполнение своих профессиональных обязанностей.

– Значит, все должно быть спокойно. Но ордер я все равно подпишу, а у дома на Солнечной оставьте наблюдателей. Возможно, все пройдет спокойно, и шумихи в прессе не произойдет.

Конечно. Зачем Управлению лишние проблемы? Идеальный вариант, если Шоттика повяжут тихо и незаметно, а затем так же тихо допросят и еще тише переправят в королевскую тюрьму, если факты фальсификации данных подтвердятся. Зная паскудную натуру светлого, я почти не сомневался, что Жольд, даже если и покрывал его мелкие грешки, обязательно что-нибудь откопает. Так что, даже если у семьи Шоттика много денег и хорошие связи… а особняки на Солнечной кому попало не принадлежат… то, прилипни у этого хорька на рыле хоть одна сомнительная пушинка, Корн его сожрет. А Жольд с облегчением и радостью позволит это сделать, лишь бы отмазаться от всего этого дерьма.

Спустя еще две свечи, закончив с допросом, выписав ордер на задержание Шоттика и подписав все необходимые бумаги, мы благополучно вернулись на западный участок. Кеб довез нас до дальнего входа, откуда начиналась половина, отведенная для городской стражи. И именно там мрачный донельзя, вспотевший на несусветной жаре Жольд почти вежливо распрощался со мной и с Йеном. Норриди, так же вежливо ему кивнув, после чего все же позволил себе усталую улыбку и, наверное, впервые на моей памяти вполголоса предложил отпраздновать окончание долгого дня.

Я, подумав, решил не отказываться. И когда Норриди умчался на нашу половину за вещами, от нечего делать принялся прогуливаться вдоль здания. А услышав внутри невнятный шум, полюбопытствовал заглянуть, что происходит.

Как выяснилось, по дороге в свой кабинет Жольд споткнулся о забытые кем-то в холле вещи и теперь в своей манере выражал недовольство тем, что в его Управлении царит полный бардак. Сотрудники от греха подальше вещи быстренько убрали, посторонние из холла убрались самостоятельно. А когда шеф ушел, и внутри воцарилась блаженная тишина, я прислонился к стене возле тетки-регистраторши. И, решив, что дожидаться Йена в прохладном коридоре гораздо лучше, чем на раскаленной улице, вполголоса поинтересовался:

– И часто он у вас так?

– Да почти каждый день, господин маг, – вздохнула моя собеседница. – То он орет, то посетители… какой здесь только швали не бывает. Намедни вон, опять пьяницу какого-то приволокли, который облевал нам весь коридор. Еще двое умудрились подраться прямо тут, у всех на глазах. Когда закрыли нелегальный бордель, здесь еще и девицы легкого поведения толклись, галдя и благоухая в ожидании, пока их оформят. У вас-то, наверное, поспокойнее… – снова вздохнула она, от нечего делать рисуя в журнале регистрации какие-то закорючки. – Уволиться отсюда, что ли?

Я флегматично пожал плечами.

– Увольняйтесь.

– Да? А пособие? – возразила тетка. – Мне бы ещё годик тут посидеть, и уже на старость откладывать не надо.

Я удивленно на нее покосился. Какая старость? Тебе ещё жить и жить!

– Устала я, – неожиданно призналась регистраторша, отодвинув журнал. – Каждый день одно и то же: люди, крики, писанина… а кому она нужна? Кто вообще смотрит эти журналы?

– А вы туда все записываете? – спросил я больше о скуки, чем от желания поддержать беседу. Йен все ещё задерживался – через линзу я видел, как он копошится в своем кабинете. А идти на жару не хотелось.

Тетка посмотрела на меня с искренним недоумением.

– Конечно. Кто пришел, к кому, когда… порой такие имена встречаются, что с первого раза и не выговоришь!

– Может, они вам врут, что их так зовут.

– А и ладно, – отмахнулась она. – Я их на амулете правды не проверяю. Поэтому не удивлюсь, если окажется, что половина из этих имен придумана. Вот, полюбуйтесь!

Женщина развернула ко мне журнал и перелистнула несколько страниц.

– Господин Кирстекунскаутасне! Ничего себе фамилия, да? Или вот: леди Гираофоурсим! Разве можно было так назвать человека?!

Я хмыкнул и ради интереса тоже взглянул на пожелтевшие страницы. И правда… кого там только не было. Посетители, просители, заявители. Даже даритель какой-то приходил, возжелавший отблагодарить Жольда бутылкой отменного вина за помощь в раскрытии дела, как он выразился, «о пропавшей бутылке».

К сожалению, что это за дело такое, тетка не знала – она всего лишь записала причину обращения со слов посетителя. Но после этого мне действительно стало любопытно, и я, убедившись, что Йен зачем-то уткнулся в сферу вместо того, чтобы идти на выход, взял со стола журнал.

На удивление, почерк у регистраторши оказался ровным и красивым, благодаря чему все записи читались без труда. Ни клякс, ни помарок там тоже не было, что и вовсе казалось удивительным. Ну и насчет необычных имен регистраторша оказалась права, и я немного развлекся, читая самые невероятные, фантастические и зубодробительные фамилии, которые только можно было придумать. К тому же, посетителей за день через журнал проходило немало, так что я прямо проникся сложностью работы женщины, вынужденной с утра до вечера, изо дня в день, записывать сюда всякую чушь, которую наверняка никто не проверяет.

Неожиданно мой взгляд зацепился за что-то знакомое и ошеломленно замер. Не веря своим глазам, я трижды перечитал короткое имя, искренне веря, что в записи закралась какая-то ошибка. Но на четвертой с конца странице, на предпоследней строке было очень старательно выведено: «*Барри Хорс*». А в графе «цель визита» таким же красивым почерком указано еще одно имя: «*Альтис Шоттик*», при виде которого у меня сердце неровно стукнуло.

Да нет. Не может быть, чтобы это было простое совпадение!

С трудом сохранив на морде невозмутимое выражение, я быстро глянул на дату: так и есть. Тот самый день, когда убили несчастную Элен Норвис. Конечно, существовала вероятность, что потерявший память рыбак заглянул в Управление просто по пути и обратился к дежурному магу совсем по другому поводу. Скажем, деньги у него в трактире украли. Или ещё что-нибудь произошло, о чем он потом забыл. Но я не верил в подобные случайности. И уже почти не сомневался, кто именно, будучи в

курсе, что Шоттик отсутствует на рабочем месте, подсказал Барри Хорсу его столичный адрес.

Светлый маг с безнадежно загубленной репутацией… богатые родственники в Белом квартале… подозрительно вовремя взятый отпуск… грамотно подчищенное место преступления и особенно тот факт, что человек исчез из города именно в тот момент, когда был особенно нужен… слишком много набиралось сомнительных фактов для обычного совпадения. Фолова бездна! Неужели правда?!

Закрыв журнал, я осторожно, словно это была ядовитая гадина, положил его на стол.

– Знаете, я только что вспомнил, что должен быть сейчас в другом месте, – с вежливой полуулыбкой произнес я. – Понимаю, что это ужасно некрасиво, но Йен Норриди, который назначил мне встречу, отчего-то опаздывает, а я больше не могу его ждать. Вы не могли бы передать ему мои извинения?

– Конечно, господин маг, – разулыбалась в ответ регистраторша. – Я загляну на вашу половину и предупрежу его, что вас не будет.

– Благодарю.

Я со всем уважением поклонился любезной даме и, сохраняя на лице все тут же неестественную улыбку вышел. Да, когда надо, я умею быть обходительным. Но если бы тетка знала, о чем я думал, пока проходил мимо, вряд ли она осмелилась бы улыбнуться. А если только увидела, в какой оскал превратилась моя улыбка после выхода из здания…

– Мелочь, ты где? – отрывисто бросил я, завернув за угол и тут же перейдя на темную сторону.

– Здес-сь, – немедленно отозвалась сверху кукла. – Снова-с в храмс-с?

– Нет, алтарь пока подождет. Собирайся, – сухо велел я. – Мы отправляемся на охоту.

Глава 13

Как отыскать одного-единственного светлого мага в огромной до безобразия столице? И где найти его потерянный след, если ни один из них Тьма не подписывала, а использованный Шоттиком амулет стер с отпечатков метки убийцы? Конечно, можно было заявиться в кабинет Йена и воспользоваться сферой, выяснив точный адрес и определив места, где светлый бывал чаще всего. Но, пока на его счет оставались сомнения, я не хотел поднимать шум. К тому же, в сравнении с обычными сыскарями у меня было еще одно преимущество.

Хорошая ищейка может встать на след преступника лишь в том случае, если след находится перед глазами, и он помечен. Но магу Смерти, свободно перемещающемуся прямыми тропами, это совсем не нужно. Достаточно лишь знать, куда ты хочешь попасть, и самому определить для себя подходящую метку.

В качестве метки можно использовать определенную точку на карте, заранее поставленный маячок или просто хорошо сделанное воспоминание. А в случае с богом… тем более – с человеком… достаточно его всего лишь хорошо представить.

Запрыгнувшая на плечо Мелочь успела только зубами клацнуть, когда передо мной распахнулся беззвездный коридор. И поспешила юркнуть в капюшон плаща, который на темной стороне я носил специально для нее. Помня о том, чем при таком способе перемещения обычно заканчивались встречи с Фолом, в последний момент я решил соступить с тропы, чтобы не столкнуться с Шоттиком нос к носу. И, ощутив знакомое чувство невесомости, какое бывает, когда готовишься спрыгнуть с обрыва, благоразумно остановился.

Тропа привела меня в крохотный домик на берегу живописного озера, расположенного, видимо, в окрестностях столицы. Домик, судя по висящим на стенах чучелам, был охотничьим. Действительно очень небольшим, одноэтажным, далеко не новым, но очень неплохо сохранившимся. Защита на нем тоже имелась, причем было видно, что не так давно ее обновили. Но что может сделать защита против темного мага, умеющего ходить по нижнему слою Тьмы?

Внутри дома царила тишина и приятная прохлада. Судя по спокойному фону, посторонних людей здесь не было, а единственный обитатель этого места беспробудно дрых на стареньком диване возле камина.

Рядом с диваном валялась грязная посуда и несколько пустых бутылок. Гуляющий в комнате густой винный дух позволял

заподозрить, что хозяин дома уже не первый день изволил совсем не по-благородному нажираться до беспамятства. Ауру я его посмотреть на сумел – она была полностью закрыта спрятанным под рубашкой амулетом. Но помятое, обрюзгшее и заросшее недельной щетиной лицо он рассматривать не мешал.

Альтис Шоттик…

Я недобро прищурился, но будить светлого пока не стал, а сперва обошел по темной стороне огороженную забором территорию, чтобы убедиться, что посторонних здесь действительно нет. Затем снова вернулся в дом, прошелся по комнатам, примечая характерные цветовые пятна спрятанных боевых и защитных амулетов. Тихо и аккуратно разрядил их все до единого. После чего взглянул на изменившуюся ауру мага, заляпанную густыми кроваво-красными потеками. И лишь когда стало ясно, что я не ошибся, легонько пнул попавшуюся на глаза бутылку.

Пустая посудина с характерным звоном покатилась по деревянному полу и стукнулась об угол камина.

– А?! Что?! – вскинулся Шоттик, машинально схватившись за бесполезный амулет на груди и заметавшись полубезумным взглядом по комнате.

Я дождался, когда он меня заметит. А когда лицо светлого стремительно побледнело, а сжавшиеся на побрякушке пальцы отчетливо дрогнули, вкрадчиво произнес:

– С пробуждением, Альтис. В чем дело? Ты не ждал сегодня гостей?

– Р-рэйш?! – икнул белый как полотно маг. – Как ты… что ты тут делаешь?!

– Не переживай. Я по делу.

Взгляд Шоттика метнулся в одну сторону, затем в другую.

– Я в от-тпуске, Рэйш. Какие, к демонам, могут быть дела?!

– Ничего, я быстро, – заверил его я, ногой подвинув стоящее рядом кресло, и спокойно сел. – У меня всего несколько вопросов.

Шоттик снова зачем-то оглянулся. Нервным движением поправил сползшую на плечо мятую рубаху, не удосужившись даже проверить, работает ли амулет. После чего нервно пригладил торчащие дыбом волосы и, слегка придя в себя, неприязненно буркнул:

– Никаких вопросов, Рэйш. Я тебе ничем не обязан, так что проваливай. Это частная территория. А по рабочим делам обращайся к Жольду, если тебя что-то не устраивает!

Я молча сидел и смотрел на этого человека.

Мгновение растерянности он благополучно пережил, быстро сумел взять себя в руки, задавил в зародыше едва возникшую

панику и теперь в его глазах горела злость и угадывалось напряженное раздумье. Выступивший на лбу пот он небрежно смахнул грязным рукавом. Неестественная бледность с него тоже сошла. Словно опомнившись, его пальцы выпустили из рук амулет, пока ещё не догадываясь, что он не рабочий. А мимолетный страх, проступивший на его физиономии в самый первый момент, вскоре уступил место раздражению и готовности защищаться.

Наверное, с Эленой Норвис он вел себя также. Ее убийство он вряд ли планировал заранее – в душе Альтис Шоттик был самым обычным трусом, который не стал бы рисковать карьерой и положением из-за такой мелочи как преданная им девчонка. Скорее всего, убил ее он действительно случайно. И в первый миг, полагаю, испытал такую же растерянность, как и сейчас. Но сумел собраться с мыслями, взвесить и оценить возможные последствия от чистосердечного признания, после чего принял единственно возможное в той ситуации решение и принялся грамотно заметать следы.

– Что тебе нужно, Рэйш?! – агрессивно повторил маг, когда тишина в комнате стала откровенно тревожной. – Я же сказал – проваливай. Нам не о чем с тобой говорить!

– Что ты знаешь о смерти Элен Норвис? – тихо и спокойно осведомился я.

Шоттик вздрогнул и уставился на меня широко раскрытыми глазами, в которых снова промелькнул мимолетный страх.

– Ничего!

Зажатый в моей руке амулет правды мигнул алым огоньком, разогнав царящий в комнате сумрак. Я нехорошо улыбнулся и одним движением смял его в кулаке, огласив тишину оглушительным хрустом. Светлый после этого испуганно дернулся. И словно почувствовав, как чувствуют это загнанные в угол крысы, что отпущенное ему время закончилось, с прерывистом вздохом отшатнулся. Еще через миг на его лице проступило жутковатое выражение, какое бывает у людей, внезапно осознавших, что им нечего терять. В обеих руках без предупреждения зародилось по боевому заклятию. Но прежде чем он успел их разрядить, я рывком ушел на темную сторону, ухватил Шоттика за тощую глотку, без особых церемоний дернул на себя и с силой швырнул во Тьму, одновременно с этим открыв перед ним темную тропу.

Грохнувшись на землю у подножия того самого валуна, где нашла свою смерть Элен Норвис, светлый от души шарахнулся затылком о камень и приглушенно взвыл, перекрыв даже истеричные вопли брызнувших во все стороны гулей. После

бойни, что мы устроили здесь в прошлый раз, они успели хорошо запомнить мой запах. А как только из капюшона выпрыгнула зловеще оскалившаяся кукла, на кладбище тут же стало тихо, как в могиле. И только хриплые подвывания светлого разгоняли сгустившуюся тишину.

Из Тьмы самостоятельно выбраться он не мог. Здесь ему было некуда бежать. А то, что каждое проведенное здесь мгновение иссушивало его магический дар, меня не волновало. Впрочем, долго находиться здесь ему было противопоказано ещё и по другой причине. Холодная, промерзшая на несколько локтей земля в мгновение ока привела светлого в чувство. Почувствовав, как промерзает на нем одежда, Шоттик, несмотря на шок от перехода, был вынужден подняться и, держась за ушибленную голову, взглянуть на место, куда я его привел.

– Рэ-э-эйш…

При виде бесцветного неба и полуразвалившегося кладбища на лице мага проступило выражение ужаса. Светлый маг и Тьма – что может быть хуже? Но черно-белый мир, в котором практически не было света, никуда не делся. Ни замшелые могильные камни, ни ржавая ограда, ни вросший в землю валун, у которого не так давно его встречала несчастная девчонка…

Вот только на этот раз вместо девчонки на него смотрел я. И Шоттик, едва заглянув в мои глаза, в панике отшатнулся.

– Господи, Рэйш… что ты собираешься делать?!

– Для начала мне нужны ответы, – сухо произнес я, не испытывая ни малейшего дискомфорта от царящего вокруг холода. – Зачем ты убил Элен Норвис?

– Рэйш, я не…

Шагнув вперед, я снова ухватил этого труса за глотку и, припечатав к валуну, по слогам процедил:

– Зачем. Ты. Убил. Элен Норвис?!

Выгнувшись, словно обледеневший камень жег ему кожу, Шоттик приглушенно взвыл. А когда я обвил его беспорядочно дрыгающие ноги темными путами и такими же путами намертво привязал его к валуну, маг неожиданно захрипел, заизвивался как червяк и придушенно выпалил:

– Она требовала невозможного. Хотела, чтобы я признал мальчишку и составил официальную бумагу, по которой после моей смерти все мое состояние перешло бы к нему!

– У тебя ещё и состояние есть? – брезгливо осведомился я.

– Баронесса де Вангур – моя мать! Но наследовать ей я смогу лишь после того, как получу весомый чин в Управлении. Таково было требование семьи!

Я сжал челюсти.

Что, неужто даже родные перестали доверять этому уроду? Отказ в прямом наследовании – весьма неприятная деталь в отношении родителей и детей. И просто так подобные условия в завещаниях не прописываются. Похоже, за Шоттиком и раньше водились нелицеприятные вещи, а обладавшая немалыми связями мать решила исправить ошибки непутевого сына службой в Управлении. Вероятно, понадеявшись, что работа на городскую стражу его исправит?

Я тяжело посмотрел на бьющегося в путах мага.

– Так ты убил Элен из-за денег?

– Нет! – с ненавистью уставился на меня маг. – Деньги я бы нашел. Но эта дура потребовала, чтобы я передал ублюдку ещё и титул!

– Что, еще одно условие в завещании матери?

Шоттик захрипел и бессильно обмяк, будучи неспособным сопротивляться темной стороне.

– Так что между вами произошло? – сухо осведомился я, даже не думая ослаблять путы. – Она тебя шантажировала? Пообещала рассказать матери, что ты ее обманул?

– Да не обманывал я ее! – исступленно прошептал маг. – Демоны тебя задери, Рэйш! Я даже не знал о ребенке до тех пор, пока не получил то проклятое письмо! Клянусь!

Я нахмурился.

– Как ты мог не знать? Ты же с ней спал.

– Это было всего один раз!

– То есть, ты опозорился как маг, ложась в постель с женщиной, хотя знал, что эти отношения всего на одну ночь? – не поверил я. – У тебя что, мозгов не хватило использовать предохраняющий амулет?

Шоттик застонал.

– Дурак… я был пьян! Это вышло случайно! У старой шлюхи в кои-то веки в доме объявилась симпатичная воспитанница! Я видел ее до этого пару раз на приемах. Девчонка казалась такой скромницей… вся такая с виду недотрога… но стоило только сделать пару намеков, как она в охотку отправилась показать мне гостевые покои! Даже не вякнула, когда я завалил ее на диван! Да и потом не сопротивлялась… почти…

– Почти? – тихо переспросил я.

– Да! – выкрикнул Шоттик, когда я нечаянно его придушил. – Кто же знал, что эта дура была девственницей?!

И вот тогда до меня наконец дошло, что же в действительности произошло с пятнадцатилетней мечтательницей Элен. Судя по всему, во время очередного приема заигравшаяся в свои игры Эстелла Норвис оставила

племянницу без присмотра. Быть может, в то время, когда ее приметил захмелевший маг, опытная в любовных утехах леди уже томилась в объятиях очередного ухажера. А может, была так уверена в лояльности своих гостей, что не учла наивности провинциальной девчонки и недостаточно хорошо объяснила правила поведения на таких вот скользких приемах.

Наверное, Элен даже не догадывалась, что за невинным с виду предложением прогуляться в садовую беседку или полюбоваться на звездное небо могло крыться гораздо более откровенное предложение. Конечно, она пошла вместе с улыбчивым гостем, в охотку показывая ему большой дом. И, конечно же, ей польстило внимание сотрудника Управления городской стражи, который наверняка не преминул собой похвастаться.

Беда была в том, что перебравший вина маг был слишком распален, чтобы обращать внимание на слабое сопротивление. Для него и тогда это была лишь игра… фальшивое трепетание опытной соблазнительницы, которая лишь подзадоривала пьяного кавалера своими неумелыми попытками оттолкнуть.

– Ты заставил ее молчать? – еще тише спросил я, когда прочел в глазах Шоттика правду.

Маг дернулся.

– А что мне оставалось?! Когда она написала про ребенка, я сперва решил, что она блефует. Явился на встречу, взяв с собой амулет правды. Но эта тварь заранее озаботилась доказательствами – принесла с собой кристалл памяти с отпечатком ауры ублюдка. После чего я должен был или согласиться на требования науськанной шлюхой Норвис суки, или же сделать так, чтобы об этом никто и никогда не узнал!

– Что тебе помешало использовать на ней заклинание забвения, как на посыльном?

– Время, – с досадой скривился Шоттик. – Когда я начал плести заклятие, она побежала… видимо, решила, что ее хотят убить. Я ее догнал. Встряхнул, наорал на дуру, чтобы не рыпалась. Но она меня укусила, вырвалась и…

Маг с отвращением отвел глаза.

– Я даже не понимаю, как это произошло. Я толкнул ее в спину, чтобы больше не бегать за ней по всему кладбище. Наверное, толкнул слишком сильно. Она споткнулась и упала, задев головой этот проклятый валун. Когда стало ясно, что Элен не двигается… не знаю… в первый момент я запаниковал. Пытался наложить исцеляющее заклятье, но рана оказалась смертельной. Выбора особо не было – или идти с повинной к своим, или же попытаться спрятать тело…

– И ты решил за собой прибрать, – ровно заключил я, услышав все что хотел. – Тело столкнул в овраг, предварительно убрав с него отпечатки собственной ауры. Прошелся по кладбищу парочкой заклинаний. Стер все улики. Закрыл ауру. Забрал кристалл… я все правильно понимаю, Альтис?

Шоттик снова одарил меня ненавидящим взором.

– Да. Я его уничтожил! И это было лучше, чем остаток жизни провести в тюрьме за непреднамеренное убийство!

– Артефакты для заметания следом ты прихватил с собой тоже поэтому?

– Всегда их в кармане ношу. Дежурства слишком частые. Иногда дергают прямо из дома, так что проще все иметь с собой.

– А с рыбаком что сделал?

– Когда подчистил все здесь, нашел его по ауре. Поработал над его памятью, все там поправил, затем ушел.

– А потом? – так же ровно осведомился я.

– А потом – ничего! – процедил светлый. – Уехал домой. И жил себе припеваючи, пока ты не объявился!

Я сузил глаза.

– И как ты собирался возвращаться на работу, имея метку убийцы в ауре? Ты же знал, что следы будут видны еще несколько месяцев. Неужто думал отходить все это время, ни разу ее не открыв? Или полагал, что у того же Херьена к тебе вопросов не возникнет?

– Херьен – слизняк! – с отвращением выплюнул Шоттик. – У него перед носом хоть что можно творить – он ничего не заметит. А с аурой я ничего не планировал делать. Проще было убить кого-то еще, чем все время ходить под закрывающим заклинанием.

– Да ну? И кого же ты, позволь спросить, успел определить на роль своего прикрытия?

Светлый оскалился.

– Что у нас в столице преступников не осталось? Сопротивление при задержании… нападение на сотрудника Управления… попытка ограбления в загородном доме… да мало ли бывает случайностей в жизни? Я ведь уже все продумал, Рэйш, – с досадой добавил Шоттик. – Даже подготовился на случай, если меня все-таки заподозрят. И если бы не ты…

Я на мгновение прикрыл глаза.

Из всего, что я услышал, непонятным осталось только одно. А именно: почему же после той ночи Элен не пришла к тетке и не рассказала все как есть? Маг или нет, трезвый или пьяный в дымину… но Шоттик не должен был к ней прикасаться, услышав слабое «нет». Однако она позволила ему безнаказанно уйти. Долгие девять месяцев упорно скрывала, что с ней в

действительности произошло. Быть может, свою роль тут сыграл страх перед теткой? Боязнь того, что после такого позора ее выгонят обратно в нелюбимый дом? К сестре и отчиму, от которого она, со слов леди Норвис, тоже страдала? Или же Элен просто не верила, что ей помогут, ведь именно в этом доме и из-за этих гостей в одночасье разбились все ее невеликие мечты? Поэтому-то она и молчала о ребенке, пока не стало невозможно это скрывать?

Не знаю. С женщинами ни в чем нельзя быть уверенными. Но факт в том, что Элен предпочла остаться наедине со своим горем. И, судя по поведению Шоттика, он даже сейчас не догадывался, что тогда, ночью, с ее стороны это была совсем не игра. Как не думал он и о том, что вызвавшая его на честный разговор Элен была не расчетливой дрянью, умышленно сохранившей ребенка ради получения выгоды, а лишь потерявшей веру в людей, запутавшейся в сомнениях девчонкой, которая не знала, каким еще образом обеспечить сыну нормальное будущее.

– Что ты собираешься делать, Рэйш? – хрипло спросил Шоттик, когда я надолго замолчал. – Если помнишь, приборы на темной стороне не работают, так что у тебя и сейчас нет ни одного доказательства. Ни один суд не примет твои слова на веру. А все следы я за собой убрал!

– Да, – обронил я, отступив назад и убрав руку с чужого горла. – Следы ты действительно подчистил хорошо. Но это не значит, что ты избежишь наказания.

У Шоттика исказилось лицо.

– Что, казнить меня захотел?! Собственноручно башку с плеч срубишь?!

– Я маг, а не палач, – скупо обронил я. Хотя, если честно, предложение было заманчивым. Собственно, убить человека для меня уже давно не представляло проблем. А сегодня я бы сделал это с превеликим удовольствием, наплевав даже на появление метки в ауре. Но едва заметно кольнувшее плечо помогло устоять от искушения, поэтому я лишь отступил ещё на шаг и так же тихо добавил: – Пусть Тьма решит твою судьбу.

У Шоттика вырвался из горла странный булькающий звук, когда вокруг меня сгустилось и начало стремительно расползаться густое черное облако. Пришедшая на зов Тьма была голодна, поэтому на застывшего в ужасе светлого обратилась сразу тысяча обрекающих взглядов, а в его расширившихся в панике глазах отразились тысячи лиц. На темную сторону без предупреждения обрушился многоголосый, настойчиво ввинчивающиеся в уши шепот… но я его почти не слышал, потому что на этот раз он был предназначен для другого.

– А-А-А-А! – в голос взвыл прикованный к камню Шоттик, когда поднявшаяся за моей спиной Тьма тяжелым языком нависла над его телом и на мгновение замерла, прежде чем обрушиться всей мощью. Светлый при этом даже не побледнел – он аж почернел, уставившись за мою спину с таким видом, словно увидел там что-то ужасное. А потом задергался в путах как припадочный и, задыхаясь от ужаса, прошептал: – Нет. Ты же мертва. Я тебя убил!

– Закрой глаза, – шепнул мне на ухо знакомый голос, и я послушно опустил веки, чувствуя на затылке холодок чужого дыхания. А потом услышал шумный всплеск, жуткий хруст, оборвавшийся истошным воплем. И после этого лишь спокойно ждал, когда раздавшиеся в ночи чавкающие звуки, прерываемые бессвязными стонами и мычанием, окончательно стихнут.

– До скорой встречи, Артур Рэйш, – ласково шепнула Смерть, когда на кладбище вновь воцарилась мертвая тишина.

– До скорой, – согласился я, отворачиваясь и открывая глаза. Но на холме никого не было, кроме меня и затаившей дыхание куклы, которая сидела на чьем-то надгробии и с ошарашенным видом таращилась в темноту.

Перехватив озадаченный взгляд Мелочи, я все же решил посмотреть, насколько жестоко обошлась с убийцей суровая Леди в белом. И обернувшись, порядком удивился, когда обнаружил, что прикованный к камню маг по-прежнему дышит. Более того, даже шевелиться пытается. Правда, уже никто не смог бы Шоттика признать в этом жутковато исхудавшем, абсолютно седом старике, из которого выпили не только магию, но и жизненную силу.

Подойдя вплотную, я приподнял за подбородок его плешивую голову и мысленно крякнул, наткнувшись на блуждающий, абсолютно безумный взгляд, в котором не было ни капли узнавания.

Хм. А Смерть и впрямь знала толк в правосудии, раз решила оставить ему жизнь, но при этом безвозвратно отняла разум. Вечного покоя этот маг действительно не заслужил. Однажды мы с Тори как-то затронули эту тему, и он усомнился, что смерть приходит к людям заслуженно. Но если в отношении таких, как Элен Норвис, я еще мог затрудниться с ответом, то в отношении Шоттика ответ был очевиден.

Пожалуй, только доказательство тяжести и неотвратимости наказания позволяет нам более или менее примириться с потерями. И не только создает ощущение восстановленной справедливости, но и дарит иллюзию стабильности, которую мы, люди, так отчаянно боимся потерять.

Глава 14

Пока я решал, как поступить с безумцем, темная сторона снова заволновалась, а откуда-то из глубин… я бы даже сказал, прямо из-под земли или, что вернее, с нижнего слоя… послышался уже знакомый многоголосый вой.

Материализовав секиру, я вскинул лезвие и обернулся в ту сторону, откуда слышался звук. Мелочь воинственно вскинула верхнюю пару лап и зашипела. Однако вой вскоре послышался совсем из другого места, откуда-то сзади. А затем еще три голоса провыли торжествующую песнь с трех сторон, после чего стало ясно – нас попросту окружают.

Едва я об этом подумал, как во Тьме вспыхнули и погасли пять серебристых звездочек. Пока еще далеко, где-то на границе видимости. Но всего через миг они снова мигнули, как маяки, и, не прекращая оглашать темную сторону протяжными воплями, одним рывком переместились, сократив расстояние до холма почти вдвое.

Мелочь зашипела снова и переметнулась с могилы к валуну, встав так, словно пыталась загородить меня собой от неведомой опасности. Но к этому времени огни подобрались совсем близко, а еще через миг у самого подножия холма с хриплым рычанием из темноты выступили странные звери.

Если бы не рост, размеры и не наличие шерсти на костлявых боках, я бы решил, что это обычные гули. Однако звери были слишком велики для простых падальщиков. Более массивные, ширококостные, и с такими мощными лапами, что как-то сразу становилось понятным, почему они перемещаются с такой скоростью. К тому же, на головах у тварей имелись загнутые кзади рога – крайне редкое явление для низших. На боках и вдоль позвоночника торчали костяные шипы. А в пастях теснилось столько клыков, что при виде них даже Мелочь обеспокоенно отступила и прижалась к моим ногам.

Машинально наращивая броню и оценивая странных противников, я к собственной досаде так и не смог классифицировать этот вид нежити. И был уверен, что ни в одном справочнике, ни в одной книге никто из моих коллег подобных тварей не описывал. Конечно, если они обитали на нижнем слое, это было вполне объяснимо, но тогда возникал вопрос: а что им здесь-то внезапно понадобилось? Отчего всю последнюю неделю мне не давали покоя недобрые предчувствия? И почему отец Лотий был уверен, что твари начали охоту именно на меня?

Внезапно за спиной послышалось сдавленное хихиканье.

– Темному магу сдаваться пора. Бежать или сдохнуть – вот это игра! – продекламировал Шоттик и снова захихикал, ерзая по камню, как раздавленный червь.

Я создал из Тьмы ещё одну секиру и встал в боевую стойку. Мелочь обернулась, бросив на меня вопросительный взгляд, а затем почти в точности скопировала мое движение, всем видом выражая готовность драться.

– Темного мага смерть заждалась, – снова выдал стишок светлый. – Безглазая свора сюда добралась!

– Заткнись, – процедил я, встав так, чтобы тяжелый валун прикрыл меня со спины. Безумец в ответ хрипло расхохотался, и именно в этот момент по Тьме пронесся долгий свист, после чего пятерка тварей, как по команде, в едином порыве сорвалась с места.

То, что они передвигаются прямыми тропами, было понятно с самого начала. Но я все равно мысленно ругнулся, когда нежить одним движением оказалась совсем рядом и с ходу ринулась в атаку. Мелочь, надо отдать ей должное, не испугалась более крупного противника и, прежде чем твари успели сделать второй прыжок, с воинственным писком ринулась навстречу.

А потом мне стало резко не до нее. Ринувшаяся на меня тварь в холке почти достигала моего подбородка, а торчащие кверху шипы делали ее выше. И не такой уж тощей она оказалась вблизи – ширине нагрудных пластин мог бы позавидовать даже Палач. А вот глаз у нее действительно не было. Не соврал Шоттик. Зато длина зубов оказалась такой, что тварь могла нанизать меня на них с одного движения, и вполне была способна перекусить пополам, просто сомкнув челюсти.

Увернувшись от ее броска, я полоснул по костлявому боку сразу обоими лезвиями, но, к моему изумлению, они не располовинили тварь, а лишь со скрежетом проехались по выступающим из-под шкуры ребрам.

Фол! Да она что, ещё и бронированная?!

Швырнув в нее напоследок сгусток огня, я понадеялся, что хотя бы это ее зацепит. Тварь взвизгнула, споткнулась и проскочила дальше, но у меня не было возможности проследить, насколько серьезна нанесенная мной рана – с двух сторон тут же налетели ещё два зверя, и мне пришлось порядком постараться, чтобы не попасться им ни на клыки, ни на когти. Да еще и равновесие удержать, получив толчок мохнатым плечом.

Но когда мне это удалось, оказалось, что большого урона я никому из них не нанес. Оставленные секирой царапины были совсем неглубокими. Темный огонь тоже никого не убил – раненая зверюга вместо того, чтобы благополучно сгореть,

грохнулась на землю, проехалась по ней пылающим боком. После чего вскочила и, отряхнувшись, кинулась обратно! Причем в пространстве она ориентировалась, несмотря на отсутствие глаз, более чем уверенно. И было не похоже, что обожженная шкура доставляла ей сильные неудобства.

Раздраженно сплюнув, я занял оборонительную позицию, напряженно размышляя, что делать. После первого неудачного натиска твари принялись кружить вокруг валуна, будучи не в состоянии напасть одновременно. Для слаженной атаки они были слишком велики и, похоже, понимали это. Камень за моей оказался достаточно велик, чтобы служить надежным тылом, но при этом чересчур узок сверху, чтобы какая-то из тварей могла туда запрыгнуть и использовать его как опору для решающего прыжка.

Время от времени то одна, то другая тварь подскакивали вплотную и щелкали челюстями в надежде дотянуться до меня или Шоттика. Светлому несказанно повезло, что я решил прижаться спиной именно к камню именно с этой стороны. Но он своего счастья не оценил, и время от времени до меня доносилось бессвязное бормотание, прерываемое безумным смехом или предвкушающим причмокиванием, если кому-то из нежити удавалось подобраться ко мне достаточно близко.

На какое-то время на холме установилось хлипкое равновесие. Куда подевались ещё две твари, я не видел, потому что мохнатая троица загораживала обзор, но, судя по тому, что поводок еще функционировал, кукла отвлекла оставшуюся парочку на себя. И очень грамотно держала их в стороне, давая мне время разобраться со своими противниками.

Но долго это продолжаться не могло. Твари оказались слишком сильны, слишком хорошо защищены и слишком подвижны, чтобы я мог эффективно с ними сражаться. От огня они быстро научились уворачиваться. Ударов секир ловко избегали и тут же били в ответ. Если бы тварь была одна, я бы, наверное, справился, но втроем они теснили меня слишком сильно, и все, что я мог, это лишь наносить редкие, неопасные раны и хотя бы так держать их на расстоянии… до тех пор, пока хватало сил.

Улучив момент, я снова выпустил Тьму и бросил на землю несколько простеньких знаков.

Ага. Оглушение слабенько, но сработало – одна из тварей, зацепив его лапой, коротко взвыла и на пару ударов сердца охромела. Как насчет Боли? Хм. Слабовато, конечно, но тоже подходит. По крайней мере, атаку нежити знак сумел остановить, а вторая тварь ненадолго потеряла ориентацию. Достать ее

лезвиями мне, правда, не удалось, потому что остальные две вовремя меня оттеснили. Но если у меня появится немного больше времени…

Нежить, будто тоже сообразив, что не так уж неуязвима, неожиданно удвоила натиск, и мне пришлось попотеть, чтобы удержать безглазых монстров на расстоянии. Громадный валун и на этот раз выручил, но после нескольких атак на нем остались глубокие царапины, а от правого бока даже кусок откололся, когда какая-то тварь зацепила его лапой вместо меня.

Швырнув в тварей ещё несколько сгустков огня, я с беспокойством прислушался к себе и поняв, что слишком быстро истощаюсь, принялся со всей доступной скоростью вязать знаки один за другим. На ловушку для демонов у меня, конечно, не было ни времени ни сил, но кое-что из подсмотренного у Лойда мне очень пригодилось. И через некоторое время вся земля на вершине холма оказалась усеяна неактивными знаками.

Когда их стало достаточно, а мои руки ощутимо потяжелели от веса секир, тянуть дальше стало опасно. После чего я одним движением активировал сразу все и с облегчением услышал слаженный, раздраженно-болезненный вопль, потрясший темную сторону до основания.

Не все, что я хотел, удалось реализовать полностью. Двойное Оглушение зацепило лишь одну из проворных тварей, и теперь она неловко завалилась на бок, скребя когтями промерзшую землю. Вторая, получив заряд Боли сразу в обе лапы, неуклюже хромала, но все же оставалась на ногах. А вот третьей повезло несколько меньше – она умудрилась вляпаться в Путы. И теперь судорожно билась в двух шагах от меня, тщетно пытаясь освободиться.

Метнувшись в ту сторону, я для верности шарахнул по остальным двум тварям теми же знаками, которые их удерживали на месте, а затем ударил по мощной шее обездвиженной нежити сразу обеими лезвиями. От удара руки онемели до самых плеч, а тварь болезненно содрогнулась, выгнулась всем телом и едва не вырвалась. Но ещё одни Путы вернули ее обратно на землю, а второй удар надежно пригвоздил к земле.

Правда, и тогда я ее не убил – только ранил. Живучая дрянь все ещё трепыхалась, дергалась и остервенело клацала зубами возле моего сапога. Озверев от очередной неудачи, я сбросил огонь прямо на лезвие, со злостью пустил его вниз, и вот тогда тварь забилась в агонии, а пробравшийся по секире огонь неожиданно вспыхнул под прочной шкурой и принялся с жадностью пожирать мертвое мясо так, как когда-то пожирал умруна.

Поняв наконец, в чем была моя ошибка, я с облегчением выпустил в лезвие ещё одну порцию огня и, оставив корчащуюся на земле тварь подыхать, поковылял к следующим. Боль и Оглушение сделали свое дело – ненадолго нежить прекратила сопротивление, и я сумел вколотить в распахнутые глотки объятые пламенем лезвия.

Тьму после этого огласил сдвоенный крик, но это был уже крик не ярости, а боли. Который довольно скоро затих и сменился торжествующим ревом разгоревшегося пламени, наконец-то нашедшего достойную добычу.

– Мелочь! – позвал я, устало опершись на древко, как на костыль. – Ты еще жива?

Вместо ответа откуда-то из оврага раздалось знакомое щелканье, и я создал тропу, ориентируясь на поводок. Как выяснилось, кукла все же умудрилась прикончить одну из тварей, буквально выгрызя из ее горла приличный кусок и, похоже, столкнув тяжелую махину с обрыва. Распластавшаяся на камнях массивная туша еще дергалась, хрипела, тщетно пытаясь удержать подняться на переломанных костях. Но я, проходя мимо, ткнул в нее лезвием, испытанным способом запустил огонь под прочную шкуру, и нежить с обиженным хрипом вытянулась на берегу замерзшего ручья.

Последняя же тварь оказалась жива и в этот самый момент была занята тем, что остервенело пыталась раскопать каменистый склон, чтобы добыть оттуда забившуюся в щель куклу. Заслышав шаги, нежить с рычанием обернулась. А когда я выразительно приподнял свое оружие, пригнула голову и, создав тропу, быстрее молнии прыгнула.

Поймав ее прямо на выходе и всадив в брюхо лезвие уже пылающей огнем секиры, я отшвырнул истошно воющую нежить прочь, стряхнул тяжелое тело на камни и, несколькими ударами добив живучую тварь, коротко свистнул.

– Мелочь! Вылезай!

– Артс-с? – недоверчиво прошептала кукла, высунув голову из-за камней. А затем оглядела тлеющие трупы, выбралась из своего убежища и, вскинув кверху костяные лапы… точнее, то что от них осталось… с гордостью повторила: – Артс-с. Магс-с!

– Пойдем, – устало сказал я, протягивая кукле руку.

Мелочь, кое-как поправив съехавший на бок, порванный в нескольких местах, но каким-то чудом еще держащийся на голове «шлем», вскарабкалась мне на плечо и уткнулась носом в шею. А когда я создал еще одну тропу и вернулся на холм, коснулась моей щеки осколком лап и тихо сказала:

– Спс!

– Безглазые псы повержены вдруг, – торжественным речитативом выдал позабытый всеми Шоттик. – Но не волнуйся – другие придут!

Оракул, мать его!

Я сплюнул, испытывая сильное желание двинуть ему по роже, но в этот момент по Тьме снова раздался многоголосый вой, а далекий горизонт озарился сразу несколькими десятками огоньков.

Я недоверчиво замер, всматриваясь в стремительно разгорающееся зарево, но это был не обман зрения, не галлюцинация или вызванное усталостью видение. Огоньков было много. Намного больше, чем в первый раз. И если первые твари пришли сюда по отдельности, как разведчики или загонщики, то теперь по их следом сюда шла остальная стая.

Я насчитал сразу восемь групп по пять огоньков, двигавшихся в четком порядке, хотя и далеко не так быстро, как первые твари. Все они располагались на одинаковом удалении друг от друга, но первые немного вырвались вперед, вторая группа огоньков расположилась чуть дальше, третья ещё дальше… и так – до самого края горизонта. Более того, когда первые огоньки придвинулись, из Тьмы с противоположного края вынырнула девятая группа. Затем, когда она миновала невидимую границу, огней стало еще больше. И с каждым ударом сердца чудовищная стая разрасталась все больше, начав смутно напоминать ритмично маршрирующий, тщательно обученный полк.

Но что самое неприятное – там, вдалеке, где-то на грани восприятия, шевелилось и медленно следовало за нежитью что-то поистине огромное. Какая-то гигантская, похожая на серое марево, круглая тень, которую я сослепу принял сначала за упавшее сверху, омертвевшее солнце. Оно, словно лежа на повозке, медленно, но неуклонно катилось в нашу сторону следом за маршрирующей нежитью. И глядя на это нечто, у меня вдруг по спине пробежал недобрый холодок.

– Пали штандарты, разбит монастырь – на землю приходит Слепой Поводырь! – снова торжественно продекламировал прикованный к валуну Шоттик.

– Кто? – вздрогнул я и недоверчиво обернулся.

Безумец радостно хихикнул.

– Дрожат от натуги постромки из жил – Безумный Слепец из кишок их скрутил!

– Что ты несешь, болван? – процедил я, подходя ближе. – Какой еще поводырь? Чьи кишки?!

– Любую из душ он за плату найдет – от Дикой охоты никто не уйдет! Добычей кто стал, тому поздно бежать – Слепого

безумца тебе не сдержать!

Когда Шоттик снова издевательски захихикал, я не выдержал и все-таки заехал ему в морду. Маг тут же обмяк. И мешком свалился на землю, когда я оборвал путы, не желая тратить на них лишние силы.

После этого я обернулся к разгорающемуся вдали зареву, рассмотрел наконец протянувшиеся от него к огонькам длинные тени и вдруг с содроганием осознал, что же это такое. Нет, это было не мертвое солнце, и даже не луна, внезапно рухнувшая сюда с далеких небес. Гигантское круглое нечто, неумолимо поднимавшееся из земли, было ничем иным как невероятно огромной, чудовищной по размерам головой. По-видимому, такой же гигантской, неторопливо всплывающей из темных глубин твари, которая медленно, но верно продолжала двигаться к холму, ведомая целой армией безглазых псов, которые выполняли роль не столько сопровождения, сколько запряженных в постромки лошадей.

Похоже, первая пятерка и впрямь была лишь первой ласточкой. Быстроногие охотники. Разведчики, умеющие перемещаться во Тьме со скоростью света. Именно они шли по моему следу всю последнюю неделю. Именно их голоса я слышал в эти дни, выходя на темную сторону. Быть может, они нашли бы меня и раньше, если бы я находился на одном месте. И лишь по причине того, что я умел передвигаться по Тьме так же быстро, да еще привык обрывать след на темной стороне, чудовищная тварь здорово припозднилась со своим появлением. А всплыла из неведомых глубин не посреди густо населенной столицы, а именно здесь, на окраине, явившись на зов окруживших его добычу загонщиков.

Кто и зачем призвал его сюда, было уже не так важно. Понятно, что такая тварь просто так не всплывет со дна, чтобы порезвиться на мелководье. Кто-то приманил ее сюда. Кто-то показал загонщикам след. Но кто это был, мне придется выяснять чуть позже, если, конечно, я доживу до следующего утра.

Шансов против такой твари у меня не было никаких. Но и бежать я не видел смысла. Да, пятерку разведчиков я убил, но теперь, когда тварь была здесь, ей ничего не стоило пустить по следу вторую. И с учетом того, что передвигались мы по Тьме с одинаковой прытью, перехватить меня им не составило бы труда. Так что лучше уж сдохнуть здесь, сейчас, не подвергая опасности город, чем выиграть в лучшем случае сутки и быть загнанным в угол в каком-то другом месте.

– Артс-с… беда, – выдохнула Мелочь, обхватив меня лапами за шею и едва не порезав иззубренными краями. – Бежать. Не

справиться! Надо идти-с!

– Некуда идти, – уронил я, опустив лезвия к земле. – От этой твари не убежишь.

Кукла тяжело вздохнула и спрыгнула вниз в тщетной попытке загородить меня собой. Все еще мелкая, растрепанная, в порванном костюме, хромая и где-то успевшая потерять не только «руки», но и правый «глаз».

– Мелч-с задержит-с, – пообещала она, вскинув вверх изуродованные лапы.

– Дура ты мелкая, – беззлобно отозвался я и снова поднял взгляд на приближающегося монстра.

Забавно, ведь не так давно я как раз интересовался, кто же именно обитает на самом дне заполненной Тьмой бездны. Теперь вот узнал. Проникся. И понял, что свой личный «нижний слой» слишком рано посчитал последним. Чтобы вместить тварей подобно Поводырю, Тьма должна была быть глубже… намного глубже, чем это доступно моему пониманию. Но хвала Фолу, обитающие там твари крайне редко выбирались на поверхность. А если и выбирались, то для этого требовалась масса усилий, и, судя по тому, с какой натугой продвигался в нашу сторону Поводырь, перемещение в верхних слоях Тьмы давалось ему нелегко.

Я прищурился, начав более четко различать туго натянутые струны, которые, словно поводья, шли от его головы к спинам хрипящих от усилий псов. Наверное, у них там какие-то крепления были придуманы. Или же громадные собаки тащили поводья прямо в зубах? По мере приближения я в какой-то момент начал различать и другие детали. И мысленно присвистнул, рассмотрев с явным трудом ползущих, низко пригнувшихся псов и стелющиеся за ними глубокие борозды, пропаханные когтями на немалую глубину.

Видать, нелегко им было тащить за собой неповоротливого монстра. Но слаженные усилия нескольких десятков тварей позволяли ему держаться на плаву и медленно но верно подниматься все выше. Вот уже и шея показалась в клубящемся вокруг твари тумане. Затем и громадные плечи проступили, увитые тугими буграми мышц и покрытые редкой шерстью. Лица Поводыря я пока не различал, но это, наверное, и к лучшему – вряд ли громадный монстр, привыкший всю жизнь проводить на глубине, окажется на поверку писаным красавцем.

– Артс-с-с… – тихо, но настойчиво повторила Мелочь, отвлекая меня от невероятного зрелища. – Надос-с домой-с! Артс должен житьс-с!

Я на нее даже не взглянул.

Кукле это не понравилось, и она высоко подпрыгнула, привлекая к себе внимание. Сердито щелкнула, заурчала, подпрыгнула снова, как в тот день, когда я впервые спустился на нижний слой… и вот тогда меня неожиданно осенило. А потом в голову пришла совершенно безумная мысль, которая могла подарить нам крохотный, призрачный, но все же шанс выбраться.

– Иди сюда, – велел я, протягивая руку. – Покажи лапы!

Мелочь удивленно дрогнула, но послушно запрыгнула на ладонь и вытянула перед собой «руки». К счастью, в длине они не сильно потеряли – кажется, чужие зубы сумели их просто расколоть пополам, и теперь ширина костяшек резко сократилась, зато на сколах появились мелкие зазубринки, благодаря чему их можно было использовать наподобие пилы.

Коротко взмахнув секирой, я смахнул с костей лишнее и сделал их ещё уже, чем раньше. После чего уже медленно и аккуратно провел пару раз кончиком лезвия по самому сколу, парой движений его заточил, после чего забросил опешившую куклу в капюшон.

По поводку пришла волна недоумения и тревоги.

– Он держится на плаву лишь за счет собак, – прищурился я, разглядывая медленно ползущую тварь совершенно по-новому. – Поводырь слишком тяжел для этого слоя. Если не будет псов, тварь снова уйдет на дно.

Мелочь возбужденно подпрыгнула и даже на голову мне забралась, чтобы понять, что я имею в виду.

– Нетс-с, – с огорчением выдала она через пару мгновений. – Много-с. С-слишком-с. Артс-с и Мелч-с не одолеть-с.

– А если порезать постромки?

– Ырсь, – озадачилась кукла. Но ещё через миг из-за спины раздалось задумчиво урчание: – Пробоватьс-с можнос-с.

Навскидку оценив расстояние между группами медленно ползущих псов, я бросил:

– Тогда я их отвлекаю, ты режешь. Готова?

– Дысь! – кровожадно оскалилась кукла, и в следующий миг мы провалились во Тьму.

Безусловно, затея была так себе и отдавала сумасшествием даже больше, чем погрызенной Тьмой разум придурка Шоттика. Но другого варианта я тогда не нашел. И, вынырнув прямо посреди перепаханного чужими когтями поля, что есть силы подбросил куклу вверх.

До ближайшей пятерки псов было всего два десятка шагов. Но я правильно углядел – постромки шли в виде веера. Таким образом, что непосредственно к телу Поводыря крепился всего один, хоть и толстый, конец, а примерно на середине он

расходился на пять более тонких струн, которые намертво врастали в загривки натужно хрипящих псов.

Поскольку собаки шли группами и располагались «лесенкой», на некотором отдалении друг от друга, то оказавшиеся за моей спиной собаки неладное почуяли не сразу. А вот у тех, кто двигался чуть левее и сзади, я оказался почти перед самым носом и, как только один из псов дернулся в мою сторону, тут же создал ещё одну тропу.

Расчет был на то, что, находясь в строю и в достаточно тугой упряжке, псы не смогут носиться за мной по всему полю – постромки не дадут. Так оно, собственно, и вышло. Досадно промахнувшаяся тварь лишь разочарованно взвыла, но ринуться за мной ей помешал поводок. Поэтому я благополучно сбежал, успев своим появлением притормозить движение хотя бы одной пятерки. Затем таким же образом раздразнил и заставил обернуться вторую. Потом удрал к третьей. Едва не спровоцировал драку в четвертой. И в общем-то был доволен своей затеей, пока не услышал откуда-то сверху отчаянное:

– А-А-АРТС-С! Они прозрачные-с-с!

Что?!

Вскинув голову и обнаружив, что кукла болтается на одном из канатов, а тот под ней дрожит и то и дело начинает пропадать из виду, я выругался и, едва увернувшись от прыжка ближайшего пса, с чувством оттянул его секирой по морде.

Твою мать… а вот об этом я не подумал! Тварь ведь по большей части находится еще на глубине. А значит, и постромки частично остались там. За исключение той их части, которая крепилась непосредственно к собачьим загривкам!

– Вниз! – гаркнул я в ответ прежде чем сделать ещё один прыжок. – Уходи на нижний слой. Там они будут доступны!

Мелочь вякнула что-то в ответ и исчезла вместе с канатом. А я принялся мерцать на поле с удвоенной силой, по мере возможностей внося хаос в размеренное движение Поводыря.

Разумеется, в драки с собаками я не ввязывался – даже одну пятерку в одиночку мне было не одолеть. Я лишь шнырял между ними, порой проскакивая перед самыми мордами. Усиленно отвлекал их от Мелочи. Заставлял кидаться из стороны сторону, наталкиваться на соседей и нещадно путать постромки в тщетных попытках меня достать.

Я рассудил так – если на плаву Поводыря удерживают только собаки и та тяга, что они создают, то любое замешательство так или иначе приведет в нарушение слаженности их работы. Оно рано или поздно заставит громадную тварь замедлится. А при снижении скорости ей станет еще сложнее удерживаться на

плаву, поэтому, лишившись собак, она под собственным весом снова начнет погружаться на глубину.

Поняв, что происходит что-то неладное, Поводырь утробно заворчал и попытался выдернуть из-под земли волосатые руки. Гигантские пальцы, словно щупальца чудовищно большого осьминога, вырвались из-под земли всего в паре десятков шагов от меня и забороздили по полю, вспарывая его на всю глубину.

Собаки при этом забеспокоились, заскулили. Первая пятерка вообще рванулась куда-то прочь, заставив наполовину вылезшего гиганта слегка пошатнуться. Заметив это, я прыгнул на противоположную сторону поля и опасно проскочил под носом у второй, самой крайней пятерки, заставив ее непроизвольно дернуться следом. Поводырь при этом качнулся снова, став похожим на гигантский маятник. Снова заворчал, но равновесия все же не потерял. Лишь более оживленно зашарил полупрозрачными пальцами по земле, внося в воцарившийся на поле хаос ещё больше сумятицы.

Не знаю уж, почему собаки шарахались от них как от огня, но я счел за лучшее последовать их примеру. А потом увидел, как не успевшую увернуться псину смяло в лепешку, и запрыгал по полю с удвоенной прытью, очень надеясь, что мне не придется делать этого вечно, потому что силы, если честно, уже подходили к концу.

«Ну давай, милая, пили быстрее! – с чувством подумал я, в очередной раз увернувшись от собак, но при этом едва не попав под пальцы. – Тут уже становится жарко!»

Мелочь, естественно, не отозвалась, но по поводку пришло заверение, что она старается. И очень-очень активно пилит своими истончившимися лапками самый большой и толстый канат.

Когда у меня от слабости уже начали подгибаться коленки, а руки Поводыря начали хватать все подряд и нещадно давить истошно воющих псов, спровоцированный мною хаос достиг своего апогея. Псы уже больше никуда и ни к кому не тянулись, а беспорядочно метались в попытках убежать от собственного хозяина, однако один за другим пропадали в гигантском кулаке. Часть постромок они сумели порвать без моего участия. Часть я, улучив момент, все же попробовал разрубить. Но поскольку до одинарных канатов мне было не дотянуться, а рядом с мелкими беспрестанно щелкали чужие челюсти, то особого вклада в эту работу я, можно сказать, не внес. Зато за счет воцарившейся неразберихи Поводырь и впрямь остановился и, как я правильно предположил, начал постепенно погружаться на дно.

К несчастью, процесс этот шел медленно и так неохотно, что

я сто раз проклял громадную тварь и ее обезумевшую от бешенства стаю. Находиться внизу становилось все опаснее. Вырвавшиеся из упряжки псы бросались на любое движение, стремясь порвать на куски даже собственных соседей. Каждый такой рывок сопровождался недовольным рыком Поводыря и заставлял его опасно раскачиваться то в одну, то в другую сторону. А я, пока мог, увеличивал амплитуду его движений в надежде, что какая-то из нитей не выдержит и лопнет к такой-то матери, после чего здоровенная тварь наконец-то потонет, прихватив с собой уцелевших псов.

Наконец, по полю пронесся оглушительный треск и жуткий скрежет, будто тварь с размаху переломила вековое дерево. После чего один из тянущихся к груди монстра канатов все-таки лопнул, до меня по поводку донесся торжествующий вопль, собаки, присев от неожиданности, после короткого замешательства бросились врассыпную. А раздраженно взревевший монстр запоздало взмахнул руками и медленно, неохотно начал заваливаться навзничь. К моей безумной радости и несказанному облегчению.

– Умница, хорошая кукла, – прошептал я, согнувшись пополам и уперевшись ладонями в бедра. Ноги уже ощутимо дрожали, в глазах все расплывалось от слабости. Все-таки я сегодня немало побегал по темной стороне, да и сюда явился после первохрама изрядно не в форме. А теперь чую, до дома буду добираться ползком. Если вообще встану.

– Мелч-сь. Молодсь! – неожиданно раздалось гордое неподалеку.

– Да, – устало улыбнулся я вернувшейся кукле. – Ты у меня умница.

Довольная Мелочь вскинула наверх истончившиеся руки, больше похожие сейчас на костяные лезвия. Но я не успел сообразить, что же мне это напоминает – грохнувшийся наконец монстр снова утробно взревел, заставив содрогнуться землю под нашими ногами, а затем с хриплым воем начал стремительно погружаться во Тьму, утягивая за собой визжащих, яростно царапающих землю собак, большинство которых так и не успело освободиться.

– Добей, – прошептал я, поведя глазом в сторону парочки кинувшихся прочь везунчиков.

Мелочь щелкнула костяшками и исчезла. А я опустился на колени, устало помотал головой и… даже среагировать не успел, когда из-под земли вдруг выросли гигантские пальцы и, с хрустом сомкнувшись над моей головой, одним движением утянули вниз. На дно. В ту самую беспросветную Тьму, где не было места

человеку.

Глава 15

В мгновение ока меня затащило на такую глубину, где я раньше не то что не бывал, а даже думать не думать, что она вообще существует. Тот слой, куда я сумел спуститься самостоятельно, был по сравнению с этим залитой солнечным светом поверхностью безмятежного озера. Сравнительно теплой и безопасной. Но я проскочили его с такой скоростью, что даже глазом моргнуть не успел. После чего вокруг меня сомкнулся густой, похожий на безбрежный океан мрак, на дно которого я уходил с ужасающей скоростью.

В одно мгновение я пережил всю гамму ощущений, что посещала меня в недавних кошмарах.

Кромешная тьма. Тишина. Дикий холод, от которого не спасал даже многослойный доспех. Где-то внизу грузно ворочался невидимый монстр, возвращаясь на привычное место обитания. Чуть дальше так же молча и отчаянно бились в постромках намертво привязанные к нему псы, которых я различал уже с трудом. Впрочем, их тени очень быстро стали ломаться, меняться и с неслышным хлопком съеживаться, словно сомкнувшиеся вокруг черные стены обрушивались на них невидимым прессом. И скоро вокруг меня остались лишь плоские, вытянутые, неузнаваемо искореженные тела, из которых безжалостный океан выдавливал последние капли жизни.

Громадный кулак, превратившийся для меня в тесную клетку, в какой-то мере служил преградой для холода и чудовищного давления, ставшего для собак смертельным. Безумный холод буквально вморозил меня в гигантскую ладонь, так что ни двигаться, ни сопротивляться я попросту не мог.

А затем до моего слуха донесся тихий хруст, и на внутренней поверхности шлема появилась первая трещина. Следом послышался новый треск, и рядом с первой трещиной зазмеилась вторая. Подумав о том, что броня не рассчитана на такие нагрузки, я устало прикрыл глаза, но дергаться не было смысла. Мой доспех попросту не выдерживал давления. И все явственнее трещал по швам, грозя вот-вот развалиться, как оказавшаяся под мощным прессом яичная скорлупа.

Собственно, во сне я именно на этом месте каждый раз начинал паниковать и с воплем подскакивал на кровати. И каждый раз, открывая глаза, внутри меня дрожал и вибрировал громогласный голос, настойчиво требуя:

– ВЗЫВАЙ!

«Взывать?! – ошеломленно подумал я, в кои-то веки

сообразив: да вот же оно, божественное знамение, на отсутствие которого я когда-то сетовал. – Демон вас всех побери! Кому взывать?! К Смерти?! К Фолу?! Может быть, сразу к Тьме?!»

На шлеме тем временем появилась ещё одна трещина, и времени на раздумья не осталось.

– Фол… – с трудом выдохнул я. – К тебе взываю! Знаю, что тебе обычно по боку, но, если слышишь… помоги!

Новая трещина в шлеме появилась с оглушительным треском.

«Ну и хрен с тобой, – с досадой подумал я, тщетно попытавшись дернуться в последний раз. – Все равно на том свете увидимся. А на один вопрос ты так и так мне ответить пообещал».

Неожиданно мне на нос что-то капнуло. Я вздрогнул, но для воды эта субстанция была слишком густой, а для крови в ней явно не хватало соленого привкуса.

Кап! – снова капнуло мне на подбородок.

Я дернулся и завертел головой, силясь понять, откуда и что именно течет. Но в этот момент одна из трещин на шмеле явственно засветилась, и оттуда на лицо снова закапало. Подозрительно знакомой серебристой водицей, при виде которой у меня в голове что-то щелкнуло.

– АЛ?!

Единичные капли, словно услышали, стали падать все быстрее и быстрее, прямо на глазах превращаясь в самый настоящий ручеек. Затем таких ручейков стало два. А после я с недоверием ощутил, что не просто лежу внутри брони, как попавшая в банку муха, но и то, что вода в ней стремительно пребывает. Сперва она закрыла мне спину и затылок, затем добралась до рук, до груди, погрузила в теплый раствор онемевшие от холода пятки. Затем взобралась до груди, шеи и требовательно толкнулась в губы. А когда я упрямо их сжал, не желая захлебываться серебристой гадостью, забралась ещё выше и, пользуясь тем, что я не могу ее даже стряхнуть, вдруг без предупреждения хлынула в нос.

Если бы я мог говорить, то без стеснения обложил бы сейчас и алтарь, и Тьму, и даже Фола вместе с его скверными шутками. Да, в голос, и плевать на все и на всех. Но говорить, увы, я не мог – внутрь меня в это время сплошным потоком лилась серебристая влага. И когда я больше не смог ее сглатывать, она принялась настойчиво лезть в дыхательное горло, заставив меня захрипеть и забиться в броне, как в утопленном на дне океана гробу.

В каком-то смысле, наверное, так и было. Только броня, к сожалению, этих брыканий уже не выдержала и, едва меня затопило в ней с головой, с прощальным хрустом развалилась на части, мгновенно истаяв, как сахар в горячей воде.

К моему бесконечному удивлению, хуже после этого не стало. Я все ещё был жив. Меня окружало плотное серебристое облако, излучающее достаточно тепла, чтобы не замерзнуть насмерть. И даже сжимающие поперек туловища пальцы Поводыря больше не доставляли особого беспокойства. Вспомнив о том, что дышать во Тьме мне не надо, я прекратил сопротивление и, когда понял, что до ушей теперь заполнен субстанцией из алтаря, попытался пошевелиться.

Руки и ноги двигались. Суставы в тепле оттаяли. А когда я на пробу призвал секиру, в ладонь немедленно ткнулось твердое древко, которое я сжал с невыразимым облегчением.

Извернуться и полоснуть лезвием по плотно сомкнутым пальцем было уже делом техники. Находясь с Поводырем на одной глубине, я мог резать и кромсать его в свое удовольствие, уже не вспоминая об осторожности. Законы Тьмы едины для всех – если ты стоишь с врагом на одном слое, то по вы становитесь равны. Если не по силе, то хотя бы по степени уязвимости. Секира, правда, на глубине стала другой, и теперь вместо черного лезвия у нее появилось серебристое, ну да какая разница? Особенно, если гигантские пальцы она рассекла на раз-два, а я, с ног до головы облепленный такой же серебристой дрянью, смог от них оттолкнуться?

По темной стороне медленно поплыли судорожно сжавшиеся обрубки, а следом по океану прошел долгий тоскливый вой, смутно похожий на крик раненого животного. Внизу подо мной снова промелькнуло что-то огромное, но я уже не просто плыл – я со всей доступной скоростью всплывал, в бешеном темпе работая руками и ногами.

Все вопросы решил оставить на потом. В том числе и то, откуда посреди океана Тьмы вообще мог взяться Фолов алтарь, и почему он решил обновить мне доспех и оружие. Главное было в том, что я жив. И что Фол, каким бы он ни был, все же откликнулся на мою просьбу.

А вот что меня совсем не устраивало, это то, что доспех на мне с каждым гребком становился все тяжелее. И по мере того, как я приближался к привычным для себя глубинам, как ни парадоксально, этот гад снова начинал утягивать меня во Тьму!

Последние гребки я делал уже на чистом упрямстве и сквозь зубы цедя все пришедшие на ум проклятия. Не сдохнуть на самом дне и после этого не осилить каких-то несколько жалких слоев?! Позорище, Рэйш! Давай! Шевелись! Работай руками, тряпка!

С хрипами и сипами я с огромным трудом пробился сквозь толщу Тьмы и со стоном вывалился на твердую землю. Нижний уровень… мой дорогой, почти родной и кажущийся совсем уже

теплым призрачный мир!

Когда я измученно откатился и, перевернувшись на спину, закрыл глаза, мне на грудь свалилось что-то увесистое и яростно верещащее на непонятном языке. Смахнуть его у меня не получилось. Но глаза я все же открыть сумел и сквозь заволокшую глаза серебристую пленку с трудом, но все же сумел опознать нападавшего.

– Мелочь… – выдохнул я, с трудом шевеля языком. – Что ты делаешь… сволочь? Я ж сейчас помру!

Кукла недоверчиво замерла, но потом я все же догадался активировать поводок и согнал ее вон – мне и без того было трудно лежать. Казавшийся таким легким и прочным в океане доспех весил на этом уровне, как могильная плита для темного бога. В нем я не просто встать – даже шевельнуться был не в состоянии. Кажется, он только внизу был пластичным и мягким, но чем выше я забирался, тем больше напоминал обычную металлическую болванку, плотно запаянную с обоих концов.

Беда была в том, что как его снять, я не знал. Сползти с меня, как прежде, он почему-то не соизволил. На имя отзываться не захотел. На просьбу и ругань не отреагировал. А заклепок, ремней или каких-то иных деталей на нем я, как ни старался, нащупать не смог. И в конце концов был вынужден признать, что броня цельная. Тяжелая. Литая. И снять ее самостоятельно мне при всем желании не удастся. Разве что она сама отвалится, когда я наконец под ней задохнусь.

– Возвращайся в храм, Артур, – тихо шепнула Смерть, подкравшись так тихо, что я опять Ее не заметил. – Здесь тебе нечего ждать.

– Да я бы рад, – прохрипел я. – Кто б меня туда дотащил?

Впрочем, спорить с Леди в белом я бы не рискнул и, как бы ни было плохо, все же заставил себя подняться на уровень выше и создать оттуда темную тропу.

Тропу-то я создал, да, бездумно истратив на это остаток сил. А вот войти на нее уже не сумел – для этого надо было как минимум встать. Или проползти пару шагов, что в моем состоянии можно было смело приравнивать к подвигу. Как оказалось, при смене слоя вес зеркального доспеха вырос почти втрое, та что, когда меня придавило к земле, я всерьез забеспокоился за собственное здоровье. Ребра в груди от тяжести брони уже потрескивали. Давящая на ноги тяжесть стала непереносимой. Мышцы свело. И было очень сомнительно, что я в таком состоянии смогу куда-нибудь добраться.

Когда я уже решил вернуться на уровень ниже и попробовать встать там, меня ощутимо тряхнуло и дернуло по направлению к

тропе. Скосив глаза, я увидел натужно сопящую куклу, бесцеремонно схватившую зубами мой ворот. Подавшись назад, она уперлась лапами в землю и настойчиво тянула своего дурного хозяина за шкирку, как кошка, которой несказанно повезло украсть со стола особенно крупную рыбу.

Как ни удивительно, но ей все же удалось стронуть с места облитую металлом статую. Более того, каким-то чудом она даже заволокла меня на тропу, умудрившись утянуть в нужном направлении. Повезло еще, что у меня хватило ума сделать выход вблизи от лестницы. А вот того, что Мелочь попросту столкнет меня вниз, я, если честно, не ожидал.

Прогрохотав по каменным ступенькам и сосчитав каждую из них собственной головой, я наконец с лязгом рухнул на пол и до звездочек в глазах треснулся о забрало лицом. Но столь непочтительное возвращение в храм ознаменовалось не только гулом в ушах и ушибленной челюстью – доспех на мне наконец-то ожил. И, обратившись в самую обычную воду, стек с меня, оставив валяться в большой теплой луже.

Правда, на этом мучения не закончились. Едва я сумел нормально вдохнуть, как все, что я проглотил недавно во Тьме, тут же запросилось наружу. И я едва наизнанку не вывернулся, исторгая из себя целые водопады жидкого металла, которые, казалось, успели пропитать все тело насквозь. Не знаю, сколько это длилось, но показалось, что рвало меня целую вечность. А когда я выкашлял наконец из себя эту дрянь до последней капли, то первым же делом от души обложил Ала по матушке и всем ближайшим родственникам, а затем упал обратно в лужу и измученно закрыл глаза.

Все. Я сдох. И хочу только одного – покоя. Даже если он окажется вечным.

* * *

Когда я пришел в себя, вокруг было тепло, тихо и темно. Никто не зудел над ухом, возвещая о начале нового дня, не сопел, не грохотал кастрюлями на кухне. И уже из этого я заключил, что проснулся не дома. Зато был, как ни странно, жив, здоров, а магический резерв, истраченный накануне до капли, вновь оказался полон.

Неожиданно подо мной что-то шевельнулось. И я, повернув голову, пережил несколько неприятных мгновений, когда обнаружил, что лежу не в постели, но качаюсь в глубокой выемке древнего алтаря, а вокруг лениво колышется расплавленное

серебро, создавая иллюзию мягкой перины. Впрочем, когда я резким движением сел, серебро мгновенно затвердело, и я смог благополучно с него слезть, настороженно взирая на это сомнительное ложе.

Алтарь, словно почувствовав мое недоверие, тут же разжижился и стал человеком. А когда я на всякий случай отступил, сделал успокаивающий жест.

«*Не навредю*», – соткалось на полу из натекшей туда небольшой лужи.

– Сколько я уже тут торчу?

Ал молча показал два пальца.

– «Два» чего? Дня? Месяца? Года?

Один из пальцев преобразовался в мерную свечу, и у меня слегка полегчало на душе. Очень хорошо. Две свечи – это совсем немного, а значит, никому не придется объяснять, где и почему я пропадал.

«*Не бойся*», – по-своему расценил мое молчание Ал.

Я смерил его мрачным взором.

– А что, похоже, что я боюсь? Но будь любезен, поясни: если уж ты не желал мне вредить, то зачем тогда пытался утопить?

«*Чем дальше дно, тем тяжелее доспех. По-другому было не вытащить*».

– Да? А почему ты потом броню не облегчил? Мне, между прочим, было неудобно таскать тебя на плечах.

«*Далеко от храма*», – отвел взгляд мой «зеркальный» приятель. – «*Мало возможностей. Нет связи*».

– То есть, живым ты по-настоящему становишься только здесь? – настороженно уточнил я.

Ал кивнул.

– А до меня тогда как добрался? Меня ж закинуло совсем уж в демонические дали. Даже не думал, что выберусь.

Алтарь ненадолго задумался, словно не знал, как объяснить, а затем растекся по полу и изобразил на нем две фигуры: одна образовала форму наковальни, а второй была все одна маленькая капля, которая откатилась на пару шагов и выжидательно замерла.

Прежде чем я задал вслух напрашивающийся вопрос, капля прямо на глазах начала разбухать и увеличиваться в размерах. Основной алтарь, соответственно, стал уменьшаться, хотя видимой связи между ним и каплей не было никакой. Процесс длился до тех пор, пока на месте каплюшки не выросла такая же наковальня, а от наковальни не осталась одна-единственная капля.

– Хорошо, я понял, – задумчиво сказал я, когда Ал снова

собрался воедино. – При желании ты способен восстановиться даже из очень маленького кусочка. И можешь перебросить в него свои силы, если сильно прижмет. А в обратную сторону это работает?

«*Нет*», – с досадой качнул головой алтарь. – «*Не сейчас*».

– Хорошо. Как ты меня нашел?

Алтарь молча создал на ладони еще одну каплю и, подбросив ее вверх, ткнул пальцем мне в грудь.

– Та-а-к. А откуда ей, позволь спросить, там было взяться?

Ал неловко помялся, а потом снова изобразил пальцами щупальца вампира и вопросительно на меня взглянул, словно спрашивая: помнишь?

Я хмуро кивнул.

Тогда на его ладони образовалась небольшая лужица, из которой он с легкостью воссоздал миниатюрную копию себя самого… в смысле, наковальни. А затем изобразил рядом устало плетущегося человечка, который доковылял до нее из последних сил и устало рухнул сверху.

Я совсем уж недобро прищурился, когда увидел, как человечек погружается внутрь алтаря и на какое-то время замирает, приняв беспомощную позу эмбриона. А потом неожиданно оживает и с бурным всплеском вываливается наружу, по пути бурно исторгая из себя все, что успел проглотить.

– Вот оно что, значит. Почему ты не вернулся обратно, когда стало ясно, что доспех больше не нужен?

«*Далеко. Нет связи*», – снова написал на полу алтарь.

И вот тогда до меня начало кое-что доходить.

– Значит, вне храма ты теряешь свои свойства? – предположил я, и Ал огорченно кивнул. – И единственный способ их восстановить, это как можно быстрее тебя вернуть?

Новый кивок. А затем еще один – в сторону не до конца восстановленной статуи.

– А если бы я не успел?

Человечек на ладони Ала вдруг замер и рухнул навзничь, каменея прямо на глазах.

– Хм. Если из храма нельзя выходить, то как тогда тебя вообще сюда переправили?

За спиной Ала бесшумно возникло десять одинаковых фигур. И новая наковальня, которая прямо у меня на глазах развалилась на десять примерно равных кусков и по очереди растворилась в каждом из людей. А чтобы я уж совсем не тупил, на каждой он изобразил широкополую шляпу и каждой дал в руки по секире.

Очень интересно, правда?

– Маги? – прищурился я. – А поскольку один человек не смог

бы выдержать такую тяжесть, то Фол избрал для этой миссии сразу десятерых. И внутри их тел ты благополучно приехал из Лотэйна сюда. Хм… зачем же тогда их понадобилось убивать сразу после приезда? Вон, сколько работы осталось. А доделывать ее, между прочим, мне!

Фигуры за спиной Ала так же бесшумно подняли руки, вынули у себя из груди серебристые глыбки, после чего вместе с ними растеклись на полу серебристыми кляксами, а затем снова сформировали в одну большую лужу и превратились в уже знакомую наковальню.

– То есть, не убив их, он не смог бы собрать тебя?! – вздрогнул я.

«*Долг*», – написал на полу Ал. – «*Порой дороже жизни*».

– Это правда, – вынужденно согласился я и, взлохматив волосы на макушке… только сейчас сообразил, что все это время находился посреди холодной каверны без брони.

Поскольку это было неправильно, да и изорванная в клочья одежда навевала нездоровые мысли, то я призвал Тьму и несколько успокоился, когда поверх обносков бесшумно легла целая и невредимая броня. Шлем, правда, надевать не стал – зачем, если и без него комфортно? Зато вспомнил о кукле и повертел головой в поисках своего предприимчивого, быстро обучающегося и по-своему заботливого чудовища.

Мелочь сидела на этот раз не возле входа, как раньше, а в самой большой луже посреди храма, где с увлеченным видом точила свои покалеченные лапы о заботливо выросший из «зеркала» камень. Поскольку лапы у нее были костяными, а камень попеременно становился то мягким, то затвердевал до нужной консистенции, шума кукла практически не производила. Но я, едва увидев, чем она занимается, как наяву услышал мерный шваркающий звук, с которым оружейники любовно правят недавно выкованное оружие.

Почувствовав мой взгляд, кукла обернулась, и до меня вдруг дошло, что за прошедшие сутки она еще немного подросла. А когда Мелочь выпрямилась, откинула с нарисованного лица черные волосы и воинственно вскинула руки-ножи, подозрительно напоминающие мои секиры, у меня по спине пробежал холодок.

Нет… не может быть!

Кукла тем временем сбросила с себя остатки кожаного доспеха, стащила с головы кожаную маску, продемонстрировав усеянный зубами рот с ярко-красными губами. Но лишь увидев над ним два мутных бельма на месте некогда отсутствующих глаз, я с ужасающей ясностью понял, что напрасно в свое время

не добил Палача до конца.

А ведь Нииро говорил разобраться с ним сразу. Намекал, что впоследствии могут возникнуть проблемы. Но, не найдя в болоте пропавшую голову, я наивно решил, что все кончено, и издохшая тварь никогда не вернется.

Однако она нашла меня. Спустя несколько месяцев после того, как я сжег ее тело и посмел обо всем забыть. Сперва долго следила, видимо, слишком ослабнув для того, чтобы мстить. Затем незаметно подобралась ближе, где-то найдя основу для нового тела. День за днем она следовала за мной по пятам, то пугая, то дразня, то откровенно издеваясь над попытками понять, что же ей от меня понадобилось. Но теперь я наконец-то признал в уродливой кукле существо, которое должен был распознать намного раньше. Ее паукообразное тело. Вполне уже сформированный торс с пока крохотными, но быстро отрастающими вдоль хребта иглами. Две пары рук, на которых моими, кстати, усилиями, снова появились костяные лезвия. И, что самое важное, лицо… бесстрастное, по-прежнему изуродованное страшными шрамами, но вполне узнаваемое лицо, которое бывшая кукла впервые за долгое время осмелилась мне продемонстрировать.

При виде истинной сущности духа-служителя в моей руке сама по себе материализовалась секира.

– Ты… Палач! – выдохнул я, уперев острое лезвие в подбородок твари.

Мелочь наклонила голову, открывая уязвимую шею, и спокойно признала:

– Виновен.

Глава 16

Через два дня в моем кармане вновь завибрировала монетка-маячок.

Отпущенное Йеном время почти истекло, так что пришлось оставить Ала скучать в одиночестве, сменить доспех с зеркального на черный и вернуться в реальный мир за разъяснениями.

Поводок вновь привел меня в кабинет Нельсона Корна, где уже собрались люди, включая Йена, Жольда, Грегори Илджа, его коллегу-некроса Хьюго Роша и даже Грэга Эрроуза, которого я легко узнал по ауре. Видимо, случилось что-то серьезное, раз шеф пригласил на совещание начальников всех сыскных участков столицы. Но зачем ему опять понадобился я?

– Альтис Шоттик нашелся, – хмуро сообщил Корн, стоило мне войти в кабинет и занять последнее свободное место.

Йен и Жольд озадаченно переглянулись, а я удивленно хмыкнул.

Надо же, живой… я-то только на второй день вспомнил, что светлый паскудник остался валяться на темной стороне без присмотра. Мне поначалу было не до него, но потом я, разумеется, сходил на холм. Проверил. И, не найдя безумца на кладбище, решил, что его попросту съели. Или же затоптали, пока там резвился Слепой Поводырь.

А оно вон как. Выходит, выбрался?

– Где? – только и спросил Йен, когда в кабинете воцарилось гнетущее молчание.

Корн выразительно покосился на Эрроуза.

– У меня на участке объявился, – сообщил тот. – Вчера утром. Сразу после пересменки вашего сотрудника привели ребята с городских ворот и сообщили, что дело по нашей части.

– И… что с ним? – нерешительно уточнил Жольд, ощутимо напрягшись.

Эрроуз неприятно улыбнулся.

– Сперва его приняли за бродягу. Полдня он просидел у нас в камере, неся какую-то околесицу. Но потом пришли результаты сличения аур, и я был вынужден спросить совета у коллеги Илджа, когда увидел эти данные. А затем сообщил в ГУСС, что у нас чрезвычайная ситуация.

– Почему чрезвычайная? – не понял Жольд.

– Потому что, коллега, когда у светлого мага одновременно выгорают и магический дар, и мозги – это повод серьезно обеспокоиться. А у вашего Шоттика, к тому же, вся аура

испещрена метками убийцы.

– Он что, кого-то убил? – нахмурился Йен, бросив на Корна растерянный взгляд. И не напрасно. До сих пор Шоттик проходил по служебному расследованию, как не оправдавший доверия сотрудник. Мошенник, проще говоря. А получается, он еще и убийца?

Естественно, Йен встревожился. Но Эрроуз только качнул головой.

– Где ваш маг получил метку убийцы, нам пока неизвестно. Его аура в дырах, все следы оборваны – по-видимому, он пользовался амулетами, чтобы их скрыть. Однако их характер позволяет предположить, что некоторое время назад Шоттик побывал на темной стороне.

– Он же светлый, – так же хмуро ответил Нельсон Корн.

– Поэтому-то и сгорел, – кивнул Эрроуз. – Но что его туда привело, почему он выжил, и главное, как или с чьей помощью вообще сумел перейти на темную сторону, мы пока не знаем.

– Где это произошло?

– Тоже неизвестно. Шоттика подобрали на одной из дорог вблизи Алтира, где маг слонялся в совершенно непотребном виде. Его посадили на телегу и сдали стражникам на воротах. Мои люди сейчас исследуют леса в той стороне. Первые данные, я надеюсь, будут уже к вечеру.

– Илдж, какое у вас сложилось по нему мнение? – поинтересовался Корн, обратившись к целителю.

Тот сокрушенно развел руками.

– Чтобы давать какие-то заключения, нужен более детальный осмотр, чем была возможность провести у меня. Физически пациент глубоко истощен, но это, как и сказал мастер Эрроуз, скорее всего результат длительного пребывания на темной стороне. Устранить эти последствия можно при наличии времени и хорошего ухода. Но с разумом дело обстоит гораздо хуже – от прежнего Альтиса Шоттика там мало что осталось. Реальность в его представлении перепутана с выдумками, речи бессвязны, а реакция на окружающих меняется от полнейшего безразличия до внезапной агрессии. Он безумен, – вздохнул светлый и бросил на шефа почти виноватый взгляд. – Но по обрывкам ауры я бы сказал, что это не было сделано умышленно.

– А что, такое бывает? – едва заметно поежился Жольд.

– Магия на многое способна, – пожал плечами целитель. – Особенно, если она темная. Та область реальности, что мои коллеги называют Тьмой, исследована недостаточна. Некоторые ее законы нам непонятны. Многие явления неподвластны. Но та магия, которой владеют люди, оставляет после себя отчетливые

следы. И вот их я на Шоттике не увидел.

– То есть, сошел с ума он самостоятельно, – с мрачным видом заключил Корн.

– Боюсь что так. И не исключаю, что спровоцировало безумие именно пребывание на темной стороне.

– Замечательно… просто прекрасно. Грэг, как по-твоему, Шоттика могли туда уволочь?

Мастер Эрроуз пожал плечами.

– Повреждений, характерных для нападения нежити, на нем нет, так что вряд ли это был вампир или умрун. Следов воздействия темного артефакта или иной магии, способной вышвырнуть светлого мага во Тьму, я тоже не нашел. Единственное, что я могу сказать, это то, что вокруг Шоттика существенно истончена граница между мирами. Но с безумцами такое часто бывает. Поэтому возможно… не обязательно, а всего лишь возможно, коллега Илдж… безумие в данном случае было опережающим событием. А уже во Тьму Шоттик ушел сам.

Илдж с недовольным видом отвернулся.

– Не думаю, что есть смысл с вами спорить, мастер Эрроуз.

– Вы правы, – кивнул маг Смерти. – Не в первый раз каждый из нас остается при своем.

– Рэйш, а ты что скажешь? – неожиданно повернулся ко мне Корн.

Я поднял на шефа недоумевающий взгляд.

– Я-то тут при чем?

– Ну, ты же у нас большой эксперт по светлым, которые остались без дара.

Я озадачился ещё больше, но вскоре сообразил: Роберт… кажется, Корн все же прочел мою записку и теперь решил, что раз уж я по мальчишке Искадо предложил более или менее приемлемый выход, то и по Шоттику что-нибудь соображу.

– Я бы хотел на него взглянуть, – после короткого раздумья признался я, заставив шефа понимающе хмыкнуть. После чего Корн поднялся из-за стола и, бросив извиняющий взгляд на коллег, бросил:

– Идем.

Пока мы спускались в подземные казематы, чьи размеры никак не соответствовали реальным габаритам здания Управления, я напряженно размышлял. Не было ни малейших сомнений, что очень скоро люди Эрроуза доберутся до Вестинок и обнаружат, что неподалеку от кладбища пространство выглядит так, словно там недавно случилось пришествие армии демонов.

Нет, я, конечно, туда недавно наведался и почистил его с помощью взятых из схрона учителя артефактов, так что

изменение магического фона внимание сыскарей не привлечет. Трупы я сжег, овраг наполовину засыпал, устроив там небольшой обвал. Но поломанные деревья, вспаханное на неимоверную глубину поле на темной стороне было не спрятать при всем желании. И если люди Эрроуза туда доберутся, у них появится много вопросов, догадок и очень много утомительно-нудной работы.

За свои следы я, правда, не волновался – их и раньше-то было нелегко найти, а теперь, когда доспех полностью скрывал мою ауру, уличить меня в устроенном там бардаке было невозможно. Единственное, что могло меня связать с тем местом и безумием Шоттика, это сам Шоттик. Так что не стоило удивляться, что мне захотелось на него взглянуть.

Спустившись на четвертый уровень подземелий и свернув в коридор, за которым начинались камеры для временного содержания заключенных, я поневоле вспомнил тот день, когда попал сюда в первый раз.

С того дня мрачные коридоры слегка облагородили. С каменных стен исчезла плесень и влажные потеки, замусоренный пол тщательно вычистили и аккуратно выложили плиткой, на потолке через равные промежутки теперь исправно горели магические светильники, а на дверях камер поставили звукоизолирующие заклятья. Так, чтобы ни криков, ни стонов, ни плача оттуда не было слышно.

Проходя мимо камеры под номером сорок четыре, я невольно замедлил шаг, но новенькая железная дверь с красиво выдавленным в металле номером ничуть не походила на то ржавое чудовище, что так врезалось мне в память. Узкая клетка четыре на пять шагов, минимум удобств, железная койка в углу, намертво прикрученная к полу… холодная, конечно, как и все помещения в этом коридоре. Но все же не такая промозглая, как камера в подземелье городской ратуши, где я дожидался окончания суда и откуда впервые шагнул на темную сторону.

– Нам сюда, – сообщил Корн, подходя к следующей камере.

Я мысленно хмыкнул и, проследив, как шеф прикладывает к небольшому окошку на стене ладонь, подумал, что за последнее время здесь очень многое изменилось. И, возможно, даже к лучшему.

Считав ауру мага, окошко приветливо мигнуло зеленым огоньком, и дверь камеры почти бесшумно отъехала в сторону, открывая узкую каменную клеть, перегороженную у входа не только мощной магической защитой, но и обычной металлической решеткой.

Шоттик сидел на полу, скрестив перед собой ноги, и мерно

раскачивался в такт неслышному ритму. Глаза его были закрыты, по бледному лицу то и дело пробегала болезненная судорога, пальцы рук судорожно комкали серую робу, которая полагалась всем заключенным. А губы беспрестанно шевелились, словно безумный маг вел с кем-то долгий утомительный разговор.

Когда в камеру проник свет из коридора, он поднял набрякшие веки и, прищурившись, взглянул на нас почти осмысленным взором. На миг мне даже показалось, что во взгляде мага мелькнуло торжество, а еще через мгновение его лицо исказилось, на губах появилась саркастическая усмешка, после чего он подскочил на ноги и одним прыжком сиганул на решетку.

– Убийца! – крикнул он, повиснув на прутьях и вперив в меня безумный взгляд. Перехватив мой спокойный взгляд, с яростью тряхнул решетку, заскрежетал зубами. Но неожиданно появившееся буйство так же быстро схлынуло, после чего лицо мага снова осунулось, уголки губ опустились, горящий яростью взгляд потух. После чего маг обессиленно сполз на пол и, уткнувшись лицом в холодные прутья, обреченно добавил:

– Я – убийца…

Корн с интересом покосился в мою сторону, но я бесстрастно смотрел на опустившего голову безумца, которому Смерть отмерила такое страшное наказание. Какое-то время подождал, оценил его повисшую клочьями ауру. Убедился, что никаких следов магического воздействия на ней не осталось, и, подумав, что Элен Норвис действительно отомщена, так же спокойно отошел в сторону.

– Можете закрывать.

– Полагаешь, он сказал правду? – тихо поинтересовался шеф. – Он мог убить кого-нибудь в таком состоянии?

– Безумцы не умеют лгать, – совершенно искренне ответил я. – Хотя иногда они приписывают себе чужие заслуги.

Корн одарил меня непонятным взглядом, а затем коснулся ладонью стены, и железная дверь медленно поползла обратно. Но прежде, чем она со стуком встала на прежнее место, Шоттик неожиданно поднял голову и, глядя куда-то в пустоту, сообщил:

– Боги даров не готовят для нас. Лишь Смерть милосердна, но только лишь раз.

– Очень содержательно, – усмехнулся Корн, отворачиваясь от узника. После чего дверь наконец-то закрылась, навсегда отрезая от мира бывшего мага, который даже не представлял, насколько же был сейчас прав.

* * *

Вернувшись домой, я почти до ночи проторчал в кабинете, разбирая бумаги, которые забрал у Ларри Уорда. Работать с отцовской родословной было неудобно, и выложенная кусками на полу, она вызывала лишь раздражение. Как оказалось, Ларри поленился пронумеровать все листы, поэтому цифры стояли лишь на каждом втором. Четные. А с остальными приходилось разбираться по ходу, при этом опасаясь лишний раз тряхнуть проклятую папку, в которой бумаги лежали просто друг поверх друга и не были ничем даже скреплены.

Проставив часть номеров собственноручно и поняв, что на сегодня у меня уже терпения не хватит этим заниматься, я сгреб все листы и убрал их обратно в папку. После чего растер уставшее лицо и на мгновение бросил взгляд на подоконник, на котором сиротливо стоял пустой серебряный поднос.

Смешно сказать, но без Мелочи дом выглядел тихим и пустым. Я так привык к тому, что она, хоть и остается незаметной, но постоянно присутствует рядом, что теперь, когда никто не тревожил поводок, этого почему-то стало не хватать.

Подойдя к окну, я задумчиво уставился на соседний дом.

В обычном мире он был чист и светел. Большие окна приветливо светились в темноте, а за зашторенными окнами то и дело мелькали человеческие фигуры. На темной стороне все выглядело несколько иначе: обшарпанные стены, наполовину обвалившаяся крыша, разбитые стекла, за осколками которых танцевали призрачные силуэты… унылое зрелище, согласен. И навевающее безумную тоску, особенно, если знать, что все это происходит в полной тишине.

Сказать, что я совсем не думал в эти дни о Палаче, значило бы погрешить против истины. Я думал. Действительно думал много, пытаясь оценивать и сравнивать, но так до конца и не определился с отношением к нему. Когда-то я считал его нежитью. Потом воспринимал исключительно как врага. Он убил мастера Ниро. Он едва не убил меня. На его руках за эти десятилетия скопилось столько крови, что мир бы только обрадовался, если бы этой твари не стало.

Вот только Мелочь…

Почему она выбрала образ куклы? И как вообще могло получиться, что живучая тварь не просто сумела восстановиться, но и упорно стремилась возродить то самое тело, которое с я таким остервенением уничтожил?

Я был почти уверен: кукла долгое время не знала, что с ней было раньше и как она стала такой. Быть может, рассматривая себя по утрам в зеркало, она стремилась именно к этому? Вспомнить?

Возможно. Не знаю. У нас не было времени это обсудить.

Но больше всего меня интересовало другое: почему, раз уж кукла обо всем вспомнила, она так спокойно и уверенно решила об этом сообщить? Зачем, если какое-то время я еще мог бы оставаться в неведении? Она не сопротивлялась, когда я приставил к ее горлу оружие. И ни слова не сказала в свое оправдание. Даже ни о чем не спросила. Ни тогда, ни раньше. И покорно склонила голову, хотя я этого не приказывал.

Почему?

«Духи-служители такого уровня подчиняются лишь тому, кто сумел их одолеть», – сказал однажды Нортидж. И это действительно было правдой. Той самой основополагающей функцией для сущности вроде Палача, которая должна была обеспечивать его абсолютную покорность. И она ее обеспечивала. До определенного момента. После чего могущественная тварь вдруг сорвалась с поводка и принялась казнить виновных и невиновных с достойным фанатика упорством.

Я убил ее именно поэтому и ничуть об этом не жалел. Но сейчас, глядя через линзу на наполненный призраками дом, мне вдруг показалось, что у этой проблемы могло быть иное решение.

Задумчиво взглянув на поднос, я оделся, вышел на улицу и решительно направился к соседям. Перебраться через улицу по темной стороне никакого труда не составило. А недавно обновленную защиту я преодолел по нижнему уровню, благо теперь это было просто. Я даже не замерз там, стоя посреди мертвого города в одной лишь домашней рубахе. А когда понял, что среди призрачных стен было негде укрыться, прислушался к себе и решительно направился к единственной имеющейся поблизости каверне, вход в которую располагался как раз напротив ворот.

Дойдя до узкой щели, в которую с трудом мог протиснуться новорожденный гуль, я какое-то время постоял над ней, а затем опустился на корточки. Внутри было тихо. И не было ни единого намека на то, что там, в темноте, притаилось что-то живое. Однако когда на моей ладони вдруг загорелся темный огонек, внизу что-то явственно шевельнулось.

Подождав какое-то время, но так никого и не увидев, я вздохнул и поднес огонек к самому входу.

– Хватит, – сказал устало, кладя ладонь на холодную землю. – Довольно уже прятаться. Пойдем домой.

В каверне какое-то время было тихо, но затем из темноты донесся едва слышный щелчок. А следом впервые за эти два дня оживился поводок.

– Домой? – неуверенно прошептали из темноты.

– Да, Мэл. Ты все еще мой служитель. И я хочу, чтобы ты вернулся.

И вот тогда из каверны донеслась целая серия щелчков, будто у ее обитателя случилось кратковременное замешательство. Ослабший за последние дни поводок снова натянулся, причем вовсе не моими усилиями. Затем по нему пробежала волна недоумения, удивления, недоверия и, наконец, надежды. А следом из темноты медленно проступило несуразное, но уже довольно крепкое тело, увенчанное жутковатой головой.

– Почему ты назвал меня «Мэл»? – тихо спросила кукла, пристально взглянув на меня снизу вверх.

Я пожал плечами.

– Потому что «Мелочь». Как тебя еще называть? Для полноценного «Палача» ты пока не дорос.

Кукла удивленно щелкнула, но на всякий случай все-таки уточнила:

– Ты не собираешься меня убивать?

– Нет.

– И ты дал мне новое имя?

– Конечно, – кивнул я и, решительно подхватив озадаченно замершего духа под брюхо, выпрямился. – У каждого, кто причисляет себя к живым, должно быть нормальное имя.

– Но зачем?! – только и спросило создание, которое я когда-то убил и которому не единожды теперь был обязан жизнью.

Я помолчал, разглядывая смирно сидящую на руке куклу. Немного подумал. Все взвесил. А затем спокойно сказал:

– Довольно уже быть Палачом. Пора бы учиться чему-то новому.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ
(часть первая)
Темный маг

Пролог

В Алтире шел дождь. Затяжной, нудный, порой даже с крупными пузырями на лужах. Начавшись полторы недели назад, он разогнал всех прохожих с улиц и погрузил город в унылые сумерки. Зато после изматывающей жары в столице наконец-то похолодало. Булыжные мостовые перестали походить на раскаленные сковородки. Разлившиеся на них лужи местами достигли внушающих уважение размеров. Однако на темной стороне начало лета ознаменовалось лишь продолжительным снегопадом, который укутал мерзлую землю белым пуховым покрывалом.

– Скучаешь? – вкрадчиво поинтересовалась темнота у меня за спиной.

Я улыбнулся краешком рта.

– Жду. Ты ведь предвещала скорую встречу?

Мою спину обдало легким ветерком, а затем над самым ухом раздался тихий смешок.

– И все-таки ты слишком дерзок для мага, – с притворным огорчением заметила Смерть, подобравшись вплотную. – Надо бы наказать тебя за непочтительность… но я подожду. О чем ты хотел спросить?

Я глянул вниз, на далекую площадь, которую созерцал из окна башни городской ратуши, и оперся плечом на полуразвалившуюся стену.

– Тебе известно, кто так настойчиво пытается открыть дорогу нежити в реальный мир?

– Почему я должна это знать?

– В последнее время граница стала нарушаться слишком часто, – уронил я. – Тьма волнуется. А те, кто раньше обитал на самом ее дне, стали подниматься на поверхность. Тебе не кажется это странным?

Смерть издала новый смешок.

– Тьма – это владения Фола, Артур. Его и надо об этом спрашивать. Но я бы на твоем месте не удивлялась – в последнее время некоторые из магов начали привлекать к себе слишком много внимания.

– Ты что-то знаешь о Поводыре? – насторожился я.

– Немного. Пограничные сущности, утратившие право называться живыми, но ещё не ставшие по-настоящему мертвыми, меня не интересуют. Но на глубине таких обитает немало. И не все из них столь же велики и неповоротливы, как Поводырь. Хотя в отношении конкретно него ты прав – такая древняя тварь не

должна была подниматься на поверхность. Поводырь слишком грузен для тех слоев, что доступны, к примеру, тебе. И если он решил всплыть, то лишь потому, что кто-то указал ему на достойную добычу.

– Ты знаешь, кто его призвал?

– Нет, – мне показалось, что Леди в белом качнула головой. – Мне известно лишь о тех, кто уже мертв. А твой враг определенно находится среди живых. И он знает о тебе достаточно, чтобы опасаться.

Я помолчал.

– Как считаешь, почему именно Поводырь?

– Мертвыми легко управлять, – усмехнулась Смерть. – Гораздо легче, чем живыми. Даже для Поводыря нашлась своя приманка, а ведь он стар… и очень силен. Быть может, даже сильнее, чем некоторые боги. Тем не менее, твой враг нашел способ и его сделать послушным, заставив выполнять работу, на которую у него самого не хватило времени или сил.

– Исходя из твоих слов, мне стоит повнимательнее присмотреться к коллегам, способным, как и я, подолгу находиться на темной стороне…

– Присмотрись ко всем, – негромко посоветовала Смерть. – Иногда ответы находятся совсем не там, где их ищут.

Я только хмыкнул: вот прямо обожаю иносказания и обтекаемые формулировки! Затем ощутил легкое прикосновение к щеке и на всякий случай прикрыл глаза, но Смерь уже уходила. Только слабым ветерком обдула затылок, словно прощаясь, после чего ощущение чужого присутствия исчезло, и я вновь остался в ратуше один.

– Что ж, по крайней мере, одно мы выяснили точно, – пробормотал я, стирая со шлема выступивший иней. – У меня есть живой и неплохо подкованный в темном искусстве враг. Но если он живой, значит, это человек. А раз он смертен, следовательно, его можно убить.

Глава 1

– Народ, у нас проблема, – сообщил я, с трудом забросив на постамент тяжелый каменный осколок. – Надо придумывать другой способ сборки, потому что этот скоро станет бесполезным.

Нырнувший за новым обломком ручеек удивленно булькнул и выглянул наружу. А когда я указал ему на «проблему», Ал выбрался из-под камней целиком и принял человеческий вид.

Две недели интенсивной работы даром не прошли – за это время мы успели собрать статую Фола почти до колен. И это было хорошо. Но поскольку высотой она теперь достигала мне до плеч, то всего через пару рядов я уже не смогу забрасывать камни наверх.

По достоинству оценив возникшую трудность, алтарь снова озабоченно булькнул и надолго завис, пытаясь найти решение. Я его понимал – дерево на темной стороне разрушалось довольно быстро, а на нижнем слое, как я недавно выяснил, ОЧЕНЬ быстро, так что о деревянной лестнице можно было забыть. Строить ее из камня? В принципе, возможно. Но это требовало времени и сил – это раз. И два – я сильно сомневался, что мы наскребем по округе достаточное количество материала, чтобы выстроить леса до самого потолка, да ещё и сумеем сделать их надежными. Подъемный механизм тоже отпадал – он требовал применения веревок, а они сгнивали здесь ещё быстрее, чем дерево. Разве что использовать кожаные ремни? Хм, в общем-то, неплохой вариант. Осталось придумать, как и на чем их закрепить. И сделать так, чтобы они удержали вес осененных божественной благодатью камней.

– Перекур? – предложил я, когда Ал перевел на меня растерянный взгляд.

Мой «зеркальный» приятель замедленно кивнул. После чего совсем уж человеческим жестом поскреб серебристый затылок и снова в задумчивости уставился на нашу общую проблему.

Я же, отступив в сторону, уселся прямо на пол и принялся разминать затекшую шею. День был долгим, работать мы начали вскоре после завтрака, а сейчас, если мое ощущение времени верно, в верхнем мире должно было уже темнеть. Передышку нам сегодня понадобилось сделать трижды, потому что Ал по-прежнему не справлялся с нагрузкой, а в последние полторы свечи мне пришлось взять часть его работы на себя, так что в итоге мы вымотались оба.

Пользуясь тем, что в зеркальной броне холод нижнего слоя не доставлял никакого беспокойства, я прислонился спиной к стене

и с любопытством взглянул на сидящую посреди храма куклу. В эти дни Мэл вел себя осторожнее, чем обычно, почти все время молчал и старался лишний раз не показываться на глаза. А принесенную мною новую кожаную одежку, хоть и надел, но без особого энтузиазма. И, судя по тому, что за последнее время он опять подрос, вскоре ее снова придется менять.

Сейчас бывший Палач был занят тем, что размеренно и методично водил лезвием своей секиры по выросшему из лужи точильному «камню». После того, как Ал перестал обжигать моего служителя и разрешил беспрепятственно перемещаться по храму, это стало любимым занятием духа. Вот и сегодня Мэл всю первую половину дня занимался сперва одной рукой, доводя лезвие до бритвенной остроты, а теперь терпеливо и умело затачивал вторую.

Осторожно коснувшись поводка, я почувствовал идущее от куклы слабое, едва уловимое удовлетворение, какое бывает после хорошо проделанной работы, и Мэл, словно почувствовав, быстро поднял голову. Мы на мгновение встретились взглядами, поводок ненадолго напрягся, но быстро опал, словно Мэл хотел что-то сказать, но неожиданно передумал.

Я, если честно, не понимал, что с ним происходит. Убедившись, что избавляться от него не планируют, Мэл неожиданно стал замкнутым, молчаливым и подчеркнуто послушным. Рослый, обзаведшийся полноценным рельефным торсом и достававший мне уже по колено дух почти все свободное время проводил теперь на нижнем уровне. В доме я в эти две недели вообще его не видел. Во время выходов в город он умело прятался. Но при этом, куда бы я ни пошел, неотступно следовал по пятам, методично убивая любую нежить, которая попадалась поблизости.

Более того, я стал замечать, что мой новый дух начал умышленно отстраняться от поводка и, как мне казалось, давил в себе любые проявления эмоций. Иначе говоря, снова превращался в ту самую бездушную машину для убийств, которую я один раз уже уничтожил.

И меня это не устраивало.

С кряхтением поднявшись, я подошел к настороженно взирающей снизу-вверх кукле и, скрестив ноги, уселся напротив. Так, чтобы наши глаза оказались почти на одном уровне. Шлем с головы, правда, снимать не стал, но забрало сделал прозрачным и нейтральным тоном спросил:

– Что ты о себе помнишь?

От простого вопроса Палач самым неожиданным образом растерялся. Паучьи ноги, наполовину погруженные в серебристую

жижу, нервно переступили, издав приглушенный щелчок. Рукилезвия опустились, макнув кончиками в расплавленное серебро. Не до конца отросшие пальцы второй пары рук сжались в кулаки. После чего мой новый служитель настороженно спросил:

– Что ты хочешь знать?

Говорил он тихо, все ещё немного пришепетывая, но понять его было можно.

– Все, – спокойно ответил я. – В том числе и то, кто тебя создал и как именно ты стал таким, как сейчас.

Мэл вновь тревожно переступил лапами.

– Я мало помню. Особенно то, что было в последние годы.

– Но меня-то ты вспомнил?

– Тебя сложно забыть, – согласился Палач. – Это ведь ты меня убил.

Я хмыкнул.

– Так ты поэтому не хотел возвращаться? Зазорно служить убийце?

– Нет, – неожиданно качнул головой он. – Я помнил о тебе с первого дня, как осознал себя заново. И решение служить принял осознанно.

– Хм… прости, я не понял: ты САМ выбрал, кому будешь служить?

– Существу моей специализации нужен хозяин, – спокойно подтвердил Палач. – Без этого я не способен нормально функционировать.

– В каком смысле?

– В прямом. Тебе знаком термин «безумие»?

Я ошарашено воззрился на служителя. Но Мэл ответил все таким же спокойным взглядом. При этом поводок между нами внезапно напрягся, задрожав, как натянутая струна. И нутром ощутив, что за этим напряжением кроется нечто гораздо большее, чем простая тревога, вслух я сказал лишь одно:

– Поясни.

Палач помолчал, а затем начал говорить, тщательно подбирая слова.

– Когда меня создали, я знал и понимал лишь одну функцию – выполнять приказы. Мне говорили «убей», и я убивал. Говорили «найди», и я находил то, что просили. Хозяин сперва был один. Затем другой, третий. Убивать приходилось часто и с годами количество заказов только росло. Но со временем я обнаружил, что с каждой новой смертью сила чужих приказов становится все слабее… Это сложно объяснить, – тихо добавил Мэл, щелкнув костяшками лап. – Сперва, когда звучал приказ, я не мог ни о чем думать. Стремление исполнить волю хозяина было так велико,

что это занимало все мои мысли. Когда задание было выполнено, я засыпал и снова ни о чем не думал. А когда просыпался, то старый приказ забывался, и все начиналось сначала. Но потом мой сон стал короче и тревожнее, наступал не сразу и был не настолько глубоким, чтобы я успел все забыть. В какой-то момент я осознал себя вещью. Затем я понял, что меня считают опасной вещью. Еще через какое-то время в моей голове появились первые вопросы. А потом я услышал голоса…

– Ты начал слышать Тьму? – недоверчиво переспросил я, и Мэл невесело кивнул.

– Каждое пробуждение. Куда бы я ни пошел, чтобы ни делал, они сопровождали меня неотступно. Сперва это был обычный шепот, затем громкая речь, а после – уже почти крик, который утихал лишь когда я выполнял очередной заказ.

Я нахмурился.

– Хочешь сказать, голоса уходили, когда ты кого-нибудь убивал?

– На время. Но когда оно заканчивалось, они возвращались с удвоенной силой. И однажды настал момент, когда даже сон перестал меня спасать.

Я помолчал, вспоминая встречу с Уэссеском и свои первые выводы о Палаче.

Получается, некросы здорово напортачили, когда создавали новый вид духа-служителя. Палач и впрямь получился сильным, выносливым, почти неуязвимым для обычного оружия, но при этом, как ни парадоксально, оказался плохо приспособлен к Тьме. Раз уж он начал слышать голоса, раз не сумел справиться с неумолимо подступающим безумием… что-то точно пошло не так. Хотя, наверное, он пытался бороться. Самым простым из доступных ему способов. Заметив, что каждая новая смерть приносит облегчение, он, естественно, взялся за секиры и принялся искать в окружении хозяев тех, кого мог, не нарушая приказа, убить. Поначалу это были нечестные на руку партнеры, затем мелкие воришки, хамы и, наконец, просто бедолаги, которым не повезло расстроить хозяина.

Вот выходит в чем была истинная причина ослабления поводка?

– Ты кому-нибудь об этом говорил? – спросил я, заново осмыслив свое представление о Палаче.

Мэл качнул головой.

– Хозяин не приказывал говорить.

– Но он же следил за твоим состоянием. Как можно было упустить момент, когда ваша связь нарушилась?!

– Хозяева были слабы, – едва заметно пожал плечами

Палач. – Некоторые вообще не слышали голосов. А голоса со временем стали такими громкими, что однажды я перестал слышать хозяев.

Я нахмурился ещё больше.

Если голоса мучили его так же, как в свое время меня, то за годы пребывания на темной стороне не имеющий от них защиты дух и впрямь мог сойти с ума. Руки бы оторвать тем умникам, кто его создал… вместе с головой. Только подумайте, сколько бед способна натворить огромная, бесстрастная, умеющая перемещаться с устрашающей скоростью и не ведающая сомнений тварь? А если она при этом ещё и безумна? Более того, сама понимает, что сходит с ума, отчаянно не желает этого, пытается бороться и вынуждена постоянно искать повод кого-то убить?!

Взглянув на Мэла совсем другими глазами, я тихо спросил:

– Что было после того, как Тьма поглотила тебя полностью?

– Не помню, – так же тихо ответил Палач. – Но потом появился ты, и Тьма рассеялась. Поэтому я пошел за тобой.

– Ты надеялся, что это поможет сохранить рассудок?

– С тобой я почти не слышу голосов, – признался он. – Тьма отступает, когда ты рядом. Я снова мыслю, порой даже чувствую себя живым. Хотя и сейчас память вернулась ко мне не полностью.

– Что же именно ты хочешь вспомнить?

– Себя, – отвел взгляд Мэл. – Хочу понять, кем я был до того, как стал Палачом.

Я вздрогнул.

Что значит, кем был?! Обычно, если мы находим свободного духа, он и так прекрасно знает кто он. Он мыслит, помнит свою прошлую жизнь и соглашается на служение добровольно, иначе его будет трудно удержать. Да, порой это магов не останавливало. И чисто теоретически, если найти заблудившегося духа, а затем лишить его памяти… если внушить ему, что он – бессловесный раб, а затем превратить в послушную куклу… то возможно все. Даже то, что Тьма однажды достучится до усыпленного некросами разума и, вместо того, чтобы пробудить, заставит его сойти с ума.

Да, мы давно уже не привлекаем к работе мертвых насильно, потому что, даже став духом, человек сохраняет право на свободу воли и принятие решений. Более того, чтобы его удержать, надо специально подгадывать с заклинанием в момент смерти. А когда это проще всего сделать? Правильно, когда именно в твой руке зажат ритуальный кинжал. Но если с Палачом поступили именно так, то тогда становится понятной его забывчивость и неудержимая страсть к зеркалам. Переборов во Тьме заклинание

забвения и осознав себя как личность, он, судя по всему, однажды задался вопросом, кто же он такой. Откуда взялся. И почему выглядит безликой тварью, способной своим видом отпугнуть кого угодно. Наверное, поэтому он так старательно собирал чужие лица вместо трофеев – просто искал среди них свое собственное лицо! Два с половиной века искал! Но, будучи безумным, не пытался сотворить его заново, а раз за разом лишь надевал на себя чужую кожу, как будто это могло помочь.

– Ты думаешь, что когда-то был человеком? – совсем тихо спросил я, только сейчас в полной мере осознав, с кем мне довелось столкнуться.

Мэл бесстрастно кивнул.

– Мои воспоминания обрывочны, момента смерти я вообще не помню, но, думаю, я был магом. Возможно, даже темным. И очень хотел бы знать, кто и за что так со мной поступил.

* * *

Когда мы покинули первохрам, в реальном мире царила ночь.

Не желая привлекать к себе внимание, я уже давно возвращался на привычный слой не сразу, а сперва уходил из центра города и только потом всплывал наверх. Так было безопаснее. И меньше риска наткнуться на жрецов. А ну а то, что при этом нам приходилось кружить по призрачному Алтиру… что ж, зато мы с Мэлом побывали почти во всех крупных кавернах. И вычистили их от нежити, сделав темную сторону столицы гораздо чище и намного спокойнее.

Сегодня мы тоже планировали прогуляться по городу и заодно продолжить изучение скрывавшихся под ним подземелий. Но Фол спутал нам все планы – стоило мне покинуть каверну, как метка на плече заметно нагрелась, а затем я с удивлением осознал, что верхний храм не пустует. Более того, там что-то происходит. Поэтому я отпустил Палача на охоту, а сам направился в главную залу, где перед статуей владыки ночи обнаружилось сразу несколько интересных призраков.

Гуляя по нижнему слою, я уже не раз видел жрецов – на этом слое служители Фола выглядели как сгустки Тьмы. Но не густой и плотной, как на более высоком уровне, а словно бы размытой, блеклой и совсем не похожей на те блестящие «чернила», которые я привык видеть.

Сегодня у алтаря Фола находилось сразу трое жрецов: двое обычных темных, стоящих по обе стороны алтаря, а третий – тот, что находился напротив статуи, – был наполнен Тьмой гораздо

больше остальных, из чего я заключил, что в храм наконец-то вернулся отец-настоятель. Где уж он пропадал на протяжении нескольких недель, я не знал, а спрашивать не захотел. Мало ли какие дела могли быть у отца Гона за пределами Алтира? Но вот то, что рядом с ним находилось несколько магов, было уже интересно.

Окруженных скромным ободком темной ауры призраков оказалось двое – один поменьше ростом и поизящнее, второй, напротив, повыше и помассивнее. Видимо, мужчина и женщина. Причем стояли они так, словно между ними находился кто-то третий. Возможно, светлый, чью ауру я не мог разглядеть с нижнего слоя. Или же простой человек, которого зачем-то пустили на проводимый в храме ритуал.

То, что это был именно ритуал, я понял, когда жрецы молитвенно сложили руки на груди и отступили в тень, а отец-настоятель опустился перед алтарем на одно колено и низко склонил голову, при этом безостановочно шевеля полупрозрачными губами. Звуков до меня, естественно, не доносилось, поэтому о происходящем можно было лишь догадываться. Но когда женщина-маг сделала жест, словно подталкивала вперед невидимку, затем подошла к нему со спины и властно положила руки ему на плечи, а Тьма вокруг них заволновалась, до меня наконец дошло – да это же посвящение! И, кажется, я уже знал, над кем его могли проводить!

Отступив за колонну, я осторожно поднялся на верхний уровень, изменил угол наклона линз, чтобы можно было видеть лица, и ещё осторожнее выглянул.

Ну, конечно! Перешедший на темную сторону отец Гон, бормочущий молитву на лоэйнийском. Двое его помощников, едва слышно повторяющие слова за настоятелем. Отчетливо сгустившаяся Тьма вокруг статуи Фола. Напротив нее – полупрозрачная, окруженная светлым ореолом тень, в которой я с некоторым трудом признал Нельсона Корна. Еще дальше белесыми «призраками» находились герцог Искадо с братом. А перед самым алтарем стоял тепло одетый мальчишка, которого привела во Тьму и настойчиво там удерживала леди Лора Хокк, которую я, если честно, вообще не ожидал здесь увидеть.

Неужто Корн посчитал, что лучшего учителя для мальчишки не найти? У Хокк ведь уже есть ученица! Или ей доверили только провести Роберта на темную сторону, тогда как его настоящим учителем будет не она, а господин Эрроуз? Вон он, стоит чуть дальше, и внимательно следит за ходом ритуала. Впрочем, его могли пригласить просто для массовки. И на случай, если мальчишке внезапно схудится, а Лора не сумеет удержать

контроль над ситуацией.

Убравшись обратно за колонну, я призадумался над причинами, которые побудили Фола позвать меня на обряд.

То, что Корн все-таки прислушался к моему совету, было хорошо. А вот то, что он привел сюда светлых, уже не очень, потому что темные обряды – это дело исключительно темных жрецов и претендентов на посвящение. Но думаю, герцог Искадо проявил особую настойчивость в этом вопросе, а лорд Аарон Искадо вряд ли согласился бы отпустить сюда сына без твердой уверенности, что с ним ничего не случится.

Глупо, конечно. Если и случится, то маги все равно не помогут. Однако, раз отец Гон посчитал присутствие родственников на обряде допустимым, значит, это не противоречило правилам храма.

Неожиданно заметив, что поверх моей брони так и остался зеркальный доспех, я поскреб ногтем нагрудную пластину и едва слышно бросил:

– Ал, ты привлекаешь внимание.

Поверхность «сопли» тут же стала темной, как ночь, но сама броня никуда не делась. И это, мягко говоря, напрягало. Прекрасно помня, в какую ловушку загнал меня алтарь в прошлый раз, я не испытывал ни малейшего желания снова оказаться запертым в металлическом гробу, поэтому настойчиво постучал по доспеху костяшками пальцем.

– Ал, возвращайся. Верхний уровень не для тебя, помнишь?

Вместо ответа доспех замерцал и неожиданно… исчез. Прямо со мной вместе. И я едва не вздрогнул, когда обнаружил, что внезапно остался не только без руки, но и без остального тела. В том смысле, что неожиданно перестал его видеть. Шум, правда, поднимать не стал – только задумчиво повертел невидимой рукой и пробежался такими же невидимыми пальцами по нагрудной пластине – если верить ощущениям, все было на месте. Даже секира, которая возникла в руке по первому же требованию. Причем невидимая секира, потому что алтарь зачем-то растянул «соплю» и на нее. И, судя по всему, больше не планировал оттуда исчезать.

«Ладно, завтра спрошу», – решил я, убедившись, что каменеть или иным способом лишать меня подвижности броня не торопится. После чего снова выглянул из-за колонны. А затем, решив использовать неожиданный подарок, спокойно вышел на открытое место и встал так, чтобы видеть все детали проводимого ритуала.

Не скрою, мне было любопытно узнать, что из этого выйдет и примет ли Фол такого странного адепта. Все-таки мальчишка, да

ещё светлый… вон, остатки ауры болтаются… значит, его дар ещё не угас до конца. Сомнительное приобретение для темного бога, если честно. Но у Фола, как всегда, имелось собственное мнение.

Когда сгустившаяся вокруг статуи Тьма ожила, я буквально кожей почувствовал, как по мне скользнул чужой, безумно тяжелый и отнюдь не равнодушный взгляд. У меня аж спина взмокла от ощущения таившейся в этом взгляде нечеловеческой силы. Однако назад я не отступил. Ничего, не в первый раз. Выживу.

Взгляд тем временем скользнул дальше и, судя по тому, как замер Роберт Искадо, ненадолго задержался на нем.

Надо отдать мальчишке должное – головы он не опустил и глаза закрывать не стал, в отличие от жрецов и обоих темных магов. Маячившие за их спинами светлые, хоть и находились в реальном мире, не выдержали и отступили на несколько шагов. А вот Роберт остался стоять прямо и неотрывно смотрел на окутанное мраком изваяние. И мне показалось, что на губах Фола в этот момент промелькнула одобрительная усмешка.

– Думаешь, он достоин? – вдруг без предупреждения шепнула Тьма у меня за спиной.

Сердце екнуло от неожиданности, но головы я все же не повернул. А когда на затылке появилось ощущение легкого холодка, едва заметно кивнул.

– Смелый мальчик. Из него получился бы прекрасный маг Смерти.

– Да будет так, – дохнуло мне холодком в затылок. И, прежде чем я успел что-то сказать, по темной стороне словно ветер пронесся. Причем не просто слабенький ветерок, а настоящий ураган. Меня, правда, ледяной порыв почти не зацепил, а вот жрецы, Хокк с Эрроузом, которых с силой стегнуло по глазам, одновременно отшатнулись и инстинктивно закрыли лица руками. В тот же момент перед застывшим у алтаря мальчиком повисло белое облачко, смутно похожее на силуэт женщины в плаще с низко надвинутым капюшоном. Наклонившись, Она легко поцеловала ошеломленного пацана в лоб и с едва различимым смешком исчезла. Буквально за миг до того, как маги успели прийти в себя.

На том месте, где его кожи коснулись Ее губы, расцвела до боли знакомая печать – круг, перечеркнутый крест-накрест. Но метка Смерти почти сразу исчезла. Одновременно с этим статуя Фола тоже перестала подавать признаки жизни. Клубившиеся вокруг нее щупальца Тьмы развеялись. В храме ощутимо посветлело. После чего отец-настоятель поднялся с колен и с задумчивым видом взглянул на впавшего в ступор мальчишку.

– Святой отец? – раздался во Тьме хриплый голос Грэга Эрроуза.

Отец Гон перевел на него такой же задумчивый взор.

– Что произошло? – так же хрипло спросила Лора Хокк, на кожаном доспехе которой выступил толстый слой инея.

– Фол откликнулся на нашу просьбу, – после небольшой паузы ответил жрец и снова взглянул на мальчика. – Как вы себя чувствуете, молодой человек?

Роберт Искадо вздрогнул, когда голос отца Гона долгим эхом загулял по пустому храму. Но все-таки отмер. Пришел в себя. С усилием моргнул. После чего растерянным жестом потер зудящий лоб, глубоко вздохнул, но вместо того, чтобы ответить отцу Гону, неожиданно повернулся. И посмотрел прямо на меня. Абсолютно спокойным и удивительно мудрым взглядом, от которого у меня во второй раз за ночь тревожно екнуло сердце.

Глава 2

Из храма я ушел вскоре после того, как настоятель признал, что обряд прошел благополучно, и Роберт теперь официально посвящен сильнейшему темному богу. Хокк и Эрроуз, отозвав отца Гона в сторону, о чем-то ещё недолго поговорили, после чего жрец с помощниками ушел, так меня и не заметив. Молчаливого Роберта вернули в обычный мир, где его тут же обступили отец, дядя и Корн. Причем по тому, как активно шевелятся их губы, я понимал, что парня наверняка засыпали вопросами. Но Роберт, как ни странно, не захотел никому отвечать. И лишь когда отец набросил ему на плечи теплый плед и повел к выходу из храма, он снова зашарил глазами по тому месту, откуда за ним следил я.

Мог ли он увидеть меня во Тьме? Мог ли знать, кто присутствовал на обряде? И какое отношение ко всему этому имела леди Смерть? Я не имел ни малейшего понятия. Но одно знал совершенно точно – у Роберта Искадо этой ночью окончательно угас магический дар. А ещё мальчишка оказался единственным среди участников обряда, кто почти не замерз на темной стороне.

После всех этих загадок спал я тревожно и видел очень странные сны. Неопределенные, рваные, но такие настойчивые, что в конце концов мне пришлось уйти во Тьму и досыпать уже там, чтобы к следующему утру не выглядеть как зомби. Правда, вернувшись в кабинет вскоре после наступления рассвета, я отправился в первохрам не сразу, а сперва выудил из тайника бумаги с собственной родословной и только после этого провалился на темную сторону.

Как выяснилось, Ал за это время так и не решил проблему с лестницами, поэтому нормально мы сумели поработать только до обеда. Дальше я, как и предсказывал, перестал дотягиваться до верха недоделанной статуи, после чего работа намертво встала.

Использовать осколки в качестве табуретки алтарь категорически отказался И не только потому, что не хотел, чтобы я топтал их грязными сапожищами – просто в прошлый раз нам так и не удалось скрепить их серебристым «раствором». А без него они никак не хотели держаться. Других камней в призрачном городе было днем с огнем не сыскать, а таскать их из реального мира я не пожелал – я все-таки маг, а не вол. Тем более ни один мешок не выдерживал на нижнем слое дольше нескольких мгновений, магия там не работала, а вручную заволакивать сюда тяжелые валуны я не нанимался.

После этого Ал предложил использовать в качестве тягловой

силы Мэла, но тут вновь возникла проблема веревок. В итоге мы так ни до чего не додумались, и, пока алтарь ломал свою металлическую голову, я решил заняться более важным делом.

Поскольку первохрам оказался единственным доступным мне помещением, где можно было за один раз и никого не посвящая в мои проблемы выложить полученные от Уорда документы, то я попросил Ала придумать защиту, чтобы бумага на нижнем слое не рассыпалась в прах. Алтарь скривился, но когда я сказал, для чего это нужно, он все-таки согласился помочь. Когда же я приволок с нижнего слоя загодя прихваченные папки, он долго ходил вокруг да около, изучая использованную мною защиту. Поскреб затылок, подумал, а затем обеими руками взялся за документы и в одно мгновение уничтожил все защитные заклинания. Хрупкая бумага, как следовало ожидать, тут же обратилась в прах, а у меня от неожиданности вырвалось неприличное восклицание.

Бездна! Они же были в единственном экземпляре! Я даже не все посмотрел, не говоря о том, чтобы внимательно изучить!

– Ты что наделал? – тихо спросил я, поняв, что в одночасье лишился ценной информации.

Ал сделал успокаивающий жест. И прежде чем я от души обложил его по батюшке, выпустил из-под ног серебристый «лизун», который смахнул оставшийся от бумаг пепел, после чего тоненьким ручейком отнес его в центральную лужу, откуда за нами с интересом следил Мэл. Знаком велев Палачу подвинуться, Ал поманил меня за собой и, остановившись у края внезапно забурлившего озера, указал на пошедшую крупными волнами поверхность.

Когда на ней стали одна за другой проступать буквы и цифры, у меня слегка отлегло от сердца. Когда эти буквы стали складываться в знакомые имена и названия, я понял, что информация все же сохранилась. А когда вместо сплошного текста на озере стали появляться линии, кружочки и черточки, связывающие между собой многочисленных членов нашего большого рода, я с удивлением понял, что Ал существенно облегчил мою задачу.

Всего за несколько ударов сердца жидкое серебро показало мне все родовое древо немаленького отцовского рода, начиная с далеких-далеких предков и заканчивая конкретно мной. Еще через несколько мгновений рядом появилось второе древо – материнское. При этом все буквы и цифры на нем были на редкость четкими, крупными. Такими, чтобы я мог рассмотреть их, не наклоняясь. А если и отсутствовали там цветовые метки Уорда, то алтарь заменил их на другие знаки, которым дал

отдельную расшифровку в сторонке.

– Ого, – пробормотал я, по достоинству оценив масштаб проделанной Алом работы. – Кажется, я зря дал тебе по морде. Ты умеешь быть полезным.

«Зеркальный» фыркнул, после чего буквы и цифры на луже внезапно потемнели, а затем стали выпуклыми, чтобы их было легче читать. Я в ответ благодарно кивнул, и Ал ушел, оставив меня разбираться с фамильным древом в одиночестве.

Отцовскую родословную я за эти две недели уже успел просмотреть и убедился, что ничего особенного в ней не было. Среди родственников по отцу встречались преимущественно обычные люди и лишь в последние несколько поколений, благодаря удачному замужеству моей пра-пра-пра-прабабки, среди них появились светлые маги. Поскольку магический дар мы заимствовали из другого рода, да и времени с его приобретения прошло сравнительно немного, то дар был не самым сильным и проявлялся не в каждом поколении. Скажем, у нашего с Леном отца его не было. А вот у деда и его кузена был. В плане наследования отследить его оказалось довольно просто – Ал пометил всех светлых магов в нашем роду звездочками, так что я мог не сомневаться, что именно леди Айрис де Ленур… вернее, ее супруг, взявший фамилию жены, облагодетельствовала наш род светлым даром.

С темными магами дело обстояло гораздо печальнее. В некоторых ветвях родового древа темные маги иногда все-таки проскакивали, однако во всех случаях это были залетные гости, чей дар всего через два-три поколения рассеивался среди потомков. Проще говоря, никого из этих магов, как и их прямых наследников, уже давно не было в живых. Причинами смерти Уорд, к сожалению, не интересовался, но по датам рождения и смерти можно было сделать вывод, что большинство умирали в молодом или среднем возрасте. У части одаренные наследники растворились в других родах, вместе с чистотой крови утратив и магический дар. И лишь один из них дожил до глубокой старости, однако наследников после себя не оставил, из-за чего та ветвь тоже некстати оборвалась.

Собственно, в данный момент времени я остался единственным, у кого магический дар сохранился в полной мере. Но поскольку по отцовской линии я его получить не мог, то наибольшее внимание следовало уделить именно материнскому родовому древу. И вот тут-то, что называется, меня поджидал сюрприз.

Род леди Элеоноры де Латэй оказался не просто древнее и в разы больше, чем род де Ленур, его древо было по-настоящему

огромным. Причем Уорд каким-то чудом докопался до сведений аж семисотлетней давности! И не исключено, что даже он не все узнал, потому что некоторые ветви попросту пустовали, под какими-то веточками стояли вопросительные знаки, а где-то опытный следователь сделал пометки, что не сумел найти концов, но с учетом прошедшего времени это было неудивительно.

Однако поразило меня другое – во-первых, весь этот грандиозный, древний и без преувеличения могущественный род к настоящему времени практически вымер. Большинство его ветвей оборвалось чуть более ста лет назад, во времена правления Эрнеста Кровавого, поскольку среди наших родственников оказалось много потомственных некросов и магов Смерти. Когда-то это были разветвленные и весьма уважаемые рода. У каждого была весьма приличная история, немалое состояние и, как я полагаю, большое влияние в обществе. Но одна-единственная ночь начисто обрезала эти ветви, навсегда вылущив из нашего наследия любой темный дар.

Ветвь де Латэй, к которой принадлежала моя мать, оказалась побочной по отношению к этим мертвым родам. Я бы даже сказал, параллельной, поскольку от основного рода, давшему Алтории множество известных «темных» имен, она отошла задолго до того, как их уничтожили. По сути, сейчас эта ветвь осталась единственной от некогда большого и цветущего древа. И уцелела лишь потому, что на протяжении долгого времени развивалась самостоятельно, а все ее представители заблаговременно отселились в дальние провинции. И среди них на протяжении всех семи столетий не было ни одного темного мага, который мог бы передать свой дар следующим поколениям.

Вторая странность заключалась в том, что род де Латэй состоял практически из одних женщин. Да, они часто выходили замуж, но по непонятным причинам почти не рожали мальчиков. Некоторые из дам, что вполне естественно, заключали браки и с магами. Кое-кто даже не побоялся выйти замуж за темного мага. Но у всех без исключениях женщин де Латэй первыми рождались девочки и лишь после этого мог появиться на свет один или, крайне редко, два сына. При этом, если мальчик был обычным или светлым магом, то он, как правило, проживал долгую и спокойную жизнь. Однако если кто-то из них наследовал темный дар, то с ним раз за разом происходила одна и та же история: мужчины или погибали в молодости, или были бездетными, или же их потомки тихо и незаметно утрачивали дар, благодаря чему в свое время так и не привлекли внимания короля.

Сейчас в роду де Латэй мужчин, не считая меня, осталось

всего четверо. Трое из них проживали на юге и счастливо воспитывали семерых дочерей. У одного несколько лет назад родился сын – светлый маг с довольно слабым, по мнению Уорда, даром. Темных магов… даже в побочных ветвях… среди них не было вот уже на протяжении четырех поколений. А единственным, кто сумел обрести темный дар, был я. Очень интересно, правда?

У наших с Леном родителей, кстати, первой родилась тоже девочка, которую назвали Элейн – в честь прабабки по материнской линии. Она, как говорят, благосклонно относилась к внучке и не дожила до рождения правнучки каких-то нескольких дней. Но наша маленькая сестра умерла, не прожив, судя по дате, и года. И я, пока не увидел бумаги Уорда, об этом даже не подозревал.

Другие родственники по линии матери, насколько мне известно, были категорически против брака Элеоноры де Латей и столичного графа. А после того, как молодые покинули юг, ее мать сообщила письмом, что отлучает дочь от семьи и просит никого из них более не беспокоить. Деда к тому времени уже не было в живых, прадеда и прабабки – тем более, так что эту часть семьи я никогда не знал. И не особенно расстроился, когда поискал даты смерти и обнаружил, что отказавшаяся от собственной дочери леди Олиена де Латэй уже лет семь как пребывала в могиле.

Со стороны отца родственники у нас, конечно, остались, так что дом после смерти родителей, скорее всего, отошел им. Но поскольку отношения у отца с его собственными родителями и братом в последние годы стали довольно напряженными, то я ими не интересовался. Только уточнил по сфере, что живы и здоровы, а сейчас наглядно убедился, что темных магов среди них тоже нет, и очень крепко задумался.

Если обобщить все, что я узнал, то получалось, что темный дар мне попросту не от кого было получить. Ни в роду отца, ни среди родственников матери не имелось ни одного мага или магички, которые могли бы стать для моего дара полноценным источником. Даже если вспомнить теорию Рейно Лерса о наследовании магического дара у темных, все равно получалась белиберда. Уорд изучил родословную моего отца на протяжении шести поколений, род матери – на целых восемь, но ни там, ни там не нашлось подходящего донора!

Мое родство с де Ленур и де Латэй отрицать было глупо – я походил на отца и брата до такой степени, что подозревать мать в каких-то грехах было не только низко, но и нелепо. Но если я – действительно сын своих родителей, и если Ларри Уорд не

ошибся, то как могло получиться, что я, не имея в предках ни одного темного мага по прямой линии, вдруг обрел полноценный темный дар?

Скажете, самородок? Да бросьте, такого не бывает! К тому же, не только Орден, но и жрецы в голос утверждали, что здесь важна именно наследственность. Но тогда что? И как? Предположить, что во мне внезапно проснулся дар, который спал беспробудным сном около семи веков? Да, в свое время Лейс доказал и такую возможность, но время спада для магического дара, по его сведениям, составляло всего два-три, реже четыре поколения. Не больше! Семь – это слишком много! Но даже если Лейс чего-то не учел, то почему мой дар открылся в зрелом возрасте, хотя по всем канонам этого не должно было случиться? К тому же, по-настоящему он проявил себя всего несколько месяцев назад. И то, лишь после того, как к этому приложил руку могущественный темный бог.

Мои мысли сами собой вернулись к Роберту Искадо.

А ведь, если подумать, то мы с ним похожи. Серьезная жизненная трагедия, близость смерти, а может и безумия, последующий обряд перед алтарем владыки ночи… не слишком ли много совпадений? Правда, у мальчишки имелось отягчающее обстоятельство – до того, как пройти обряд посвящения, он был еще и светлым. Но не для того ли Фол позвал меня сюда, чтобы я задумался о нашем сходстве?

Стоило, пожалуй, проверить родословную этого парня. И заново пересмотреть теорию Рейно Лейса, потому что тут что-то не сходилось. Причем настолько, что это ставило под сомнение теорию зарождения магии вообще. По крайней мере ту ее часть, что касалась темного дара.

* * *

Когда Ал осторожно тронул меня за плечо, я пребывал в таких глубоких раздумьях, что отреагировал далеко не сразу. А когда все же очнулся от дум и увидел его посветлевшее лицо, насмешливо хмыкнул:

– Неужто ты нашел решение проблемы?

Ал кивнул. После чего бодрым шагом направился в сторону и, остановившись у постамента Йрейи, выразительным жестом указал на валяющиеся в изобилии обломки.

Я смерил «зеркального» выразительным взором.

– Ты, наверное, спятил.

«*Пока работаем здесь*, – написал на полу Ал. – *Время терять*

незачем».

– Чудесно, – с преувеличенным энтузиазмом воскликнул я, поняв, куда клонит эта морда. – Просто чудесно! Ты предлагаешь мне по очереди выкладывать другие статуи, пока мы не придумаем, что делать с этой?!

Ал снова кивнул.

– Она все равно большая, – скривился я, оценив размеры окружающих нас каменных гор. – Хоть и меньше, чем Фол, но в лучшем случае ее получится выложить до пояса. А потом что? Бросать все на середине и заниматься следующей?

Ал кивнул в третий раз.

– Тьфу на тебя, – чуть не сплюнул я, но вовремя вспомнил, где нахожусь, и сдержался. Если в верхнем храме раздраженный плевок ещё мог быть прощен жрецами, то под ноги могущественной темной богини плевать точно не стоило.

Оглядев заваленный грудами камней постамент, я заколебался. Свободного прохода к нему не было. Чтобы туда добраться, пришлось бы топтать ногами останки божественного вместилища. А женщины – существа капризные и порой мстительные. И мне совсем не улыбалось разгребать потом кучу неприятностей, которые возникли лишь из-за того, что я случайно наступил богине на лицо.

Ал, впрочем, решил эту проблему – зажурчав, он стек на пол бесформенной лужей, забрался под камни, оттащил их в стороны и создал узкую тропинку до самого постамента. Добравшись до него, я с изрядной долей сомнения уставился на первый поданный алтарем обломок. И прежде чем его коснуться, на всякий случай пробормотал:

– Мне бесконечно жаль, прекрасная леди, что вас придется трогать руками, но буду безмерно благодарен, если вы не станете усложнять мне из-за этого жизнь.

Йрейя, само собой, не отозвалась. Но, когда первый осколок коснулся моих перчаток, никто не стрельнул в меня молнией, не обжог сквозь доспех и даже не отвесил ментальный подзатыльник. Хотя в зале, как мне показалось, все же слегка понизилась температура и появилось ощущение чужого присутствия, которое, впрочем, быстро исчезло, словно богиня коротко взглянула на меня и, что-то для себя решив, снова отвернулась.

Работать с ее статуей оказалось не в пример легче, чем со статуей Фола. Камни здесь были намного крупнее, но при этом, как ни удивительно, оказались менее тяжелыми и сил вытягивали гораздо меньше. Так что мы с Алом без перерыва проработали остаток дня и остановились, лишь когда громко щелкнул

прихваченный мною из дома хронометр.

Я с некоторым недоверием взглянул на прибор, но колбы и впрямь показывали приближение полуночи. А я не только не устал, но даже не проголодался толком. Хотя, быть может, откат придет позже? Кто этих женщин знает? Вдруг это всего лишь уловка, чтобы мы побыстрее справились с задачей?

«*Перерыв ?*» – тут же соткались на полу передо мной серебристые буквы.

– Да, пожалуй, – задумчиво согласился я, складывая на постамент последний отломок. После чего оглядел то, что у нас получилось, по достоинству оценил выложенные из камня изящные ступни, наполовину прикрытые куском каменной туники, и с тихим смешком признал: – Красивые ножки. Такие грех не закончить в ближайшие несколько дней.

«*До завтра*», – снова написал Ал и широким ручейком вытек из-под обломков. После чего вернулся на свое законное место, обратился в «наковальню» и застыл неподвижной глыбой, снова позабыв снять с меня зеркальную броню.

Насчет вчерашнего я его, кстати, спросил. Но из сбивчивых объяснений понял одно – пока в первохраме оставалась хотя бы одна серебряная капля, алтарь мог выходить за его пределы. Правда, только внутри живого носителя. Вопрос заключался лишь в расстоянии. Поскольку в первый раз Поводырь утянул меня слишком глубоко и далеко от храма, чтобы сохранить мне жизнь, Алу пришлось перейти в мое тело полностью. Причем, пока я болтался на глубине, все было терпимо. Но как только я поднялся ближе к поверхности, алтарь, оставшись без связи с первохрамом, начал быстро тяжелеть, а я на это оказался не рассчитан. Соответственно, на верхнем уровне принял на себя почти весь его вес и непременно бы сдох, если бы не сумел вовремя вернуться в храм.

Мои подозрения насчет того, что алтарь не на всяком слое способен переходить в жидкое состояние, тоже подтвердились. Как выяснилось, чем глубже во Тьме, тем проще Алу было менять форму. Собственно, эта каверна – максимально допустимый уровень, где он мог делать это без носителя. На моем привычном слое он бы моментально обратился в камень или железку. А в реальном мире, подозреваю, мы бы и вовсе не сдвинули его с места, потому что силы в этой болванке хранилось немеряно. Даже с учетом того, что за тысячу лет Ал серьезно ослаб.

Вопрос о том, почему для первохрама выбрали именно этот уровень, отпал сам собой – просто спуститься ниже живому человеку было крайне затруднительно. Собственно, каверна стала своеобразным компромиссом между пожеланиями Фола и

возможностями его жнецов. Но даже так они едва не прогадали, потому что, кроме меня, за целую тысячу лет никто не сумел сюда добраться. И еще бы столько же времени не пришел, если бы владыка ночи не поторопил с моей помощью события.

Одним словом, подводя итог нашей беседы, получалось, что носить зеркальную броню за пределами храма я все-таки мог. Причем сколь угодно долго, не опасаясь при этом оказаться намертво в ней запаянным. Но дальше одного пешего дня пути от столицы и ниже доступных мне слоев во Тьме Ал советовал не заходить. По крайней мере до тех пор, пока не войдет в полную силу.

Насчет невидимости он тоже согласился, что штука полезная, и сообщил, что теперь я могу использовать ее по собственному усмотрению. Для этого достаточно было высказать свое желание вслух. Но, поскольку наличие второй брони делало меня в определенной степени от него зависимым, то с новшествами я решил не спешить. И этим же утром стряс с алтаря обещание, что он по первому же требованию избавит меня от своего присутствия и не станет вмешиваться в мои дела, пока я не посчитаю нужным его об этом попросить.

Уже уходя, я вдруг вспомнил о Мэле, который на протяжении всего дня упорно держался в тени. И едва не споткнулся, обнаружив, что стремительно возвращающая прежний облик кукла тоже щеголяет в серебристом доспехе. Более того, в это самое время Мэл как раз пытался придать себе невидимость, и у него, надо сказать, неплохо получалось. Так что ему не надо было большую часть времени проводить на нижнем слое – теперь, чтобы следовать за мной на темной стороне, ему достаточно было попросить алтарь об услуге.

– Спасибо, Ал, – бросил я, оглянувшись на «наковальню». – Я бы неправ. А ты действительно крут.

Алтарь никак не отреагировал. Но когда я поднялся по лестнице и вышел в призрачный город, на снегу все же проступило мимолетное: «*Пожалуйста*».

Глава 3

На этот раз я проснулся оттого, что на прикроватной тумбочке яростно вибрировала зачарованная монетка. Звук от нее шел такой, словно изнутри на столешницу набросился злобный термит и теперь грыз ее, грыз… вместе с моими мозгами. Так что волей-неволей пришлось открыть глаза, сесть, накрыть дрожащую монетку рукой и, бросив взгляд на улицу, где еще толком не рассвело, буркнуть:

– Йен… кто бы сомневался?

Пока я собирался, Мэл метнулся в храм – предупредить Ала, что сегодня нас, скорее всего, не будет. А быть может, и завтра-послезавтра тоже, потому что монетка все это время вибрировала без перерыва, из чего следовало заключить, что дело предстояло серьезное. Собственно, только поэтому я не стал медлить и, наскоро перекусив, всего через четверть свечи взялся за прикрепленный к монете поводок. А когда создал, ориентируясь на него, тропу, то изрядно удивился, обнаружив, что ведет она вовсе не в кабинет Йена.

Хорошо еще, что я привык сходить с тропы заранее, пользовался метками и, прежде чем выйти в реальный мир, всегда изучал обстановку с темной стороны. Как оказалось, Норриди изволил пребывать далеко от Управления и при этом выглядел безнадежно мокрым, несчастным и в момент моего прихода раздраженно мерил шагами большую лужу, в которой, на мой взгляд, не имелось ничего интересного.

Дело происходило на Шестнадцатой улице – узкой, извилистой и грязной до неприличия. Как вскоре выяснилось, здесь плохо работала ливневка, поэтому после продолжительных дождей все подступы к домам были основательно подтоплены, из-за чего даже лошади местами бродили по щиколотку в воде.

Здание, возле которого Йен бесцельно бродил туда-сюда, оказалось самым обычным. Серое, мокрое, в три с половиной этажа, если считать чердак. Первый этаж – каменный, второй, что нетипично для Алтира, наполовину деревянный. Зато крыша была абсолютно новой, чистой и совсем недавно была покрыта свежей черепицей, которая даже на темной стороне выглядела нетронутой.

Углядев внутри дома многочисленные бело-черные ауры, многие из которых целеустремленно, как это бывает при обыске, перемещались по комнатам, я мысленно присвистнул. После чего прыгнул сперва к одной своей метке. Затем к другой, дважды оборвав след. На всякий случай велел Мэлу внутрь не соваться. И,

выйдя в реальный мир за целых полквартала от нужного места, дальше пошел пешком, придерживая потяжелевшую от воды шляпу.

Когда я вывернул на затопленную улицу, тревожно озирающийся Йен встрепенулся и помахал рукой, привлекая внимание. Но я не стал бежать к нему сломя голову. А сперва дождался, когда мимо прокатит экипаж с характерной эмблемой Управления на дверце, вскочил на закорки и, без труда преодолев плещущееся на улице грязное «море», спрыгнул у крыльца дома номер восемь, лишь чудом не угодив в большую лужу.

– Почему так долго? – проворчал Йен, тут же устремившись внутрь. Мокрый, взъерошенный, как воробей под дождем. Недовольный, естественно. Но так и не соизволивший сообщить, какого демона он все это время торчал под дождем вместо того, чтобы спокойно обсохнуть в доме.

Впрочем, вскоре этот вопрос отпал сам собой – как выяснилось, на втором этаже уже давненько прорвало трубу… к счастью обычную, водопроводную, а не канализационную. Поэтому обстановка в доме почти не отличалась от того, что творилось на затопленной улице. Более того, никого, кто в это время болтался внутри, похоже, не беспокоила льющаяся с потолка вода, а деловито снующие туда и сюда маги даже не пытались остановить нескончаемый дождь, который чьими-то усилиями лил не только снаружи, но и внутри.

– Бытовика уже вызвали, он пока не приехал, – не дожидаясь моей реплики буркнул Йен и, подняв воротник, прошмыгнул под низвергающимся со стены водопадом. – Нам в подвал. Там посуше. Только смотри под ноги – ступеньки скользкие, можно навернуться на раз-два.

Пройдя вслед за Норриди полутемный коридор… свет там, само собой, зажечь никто не догадался… я походя заглянул в одно помещение, другое, третье, и быстро понял, что дом на самом деле не жилой. Мебели в комнатах практически не было. Повсюду царила разруха и запустение. Единственным более или менее приличным помещением оказалась спальня, сейчас – изрядно подмоченная и безнадежно испорченная льющейся из коридора водой. И вкупе с новенькой крышей, а также с недавно покрашенным фасадом, это выглядело более чем странно.

Отложив расспросы на потом, я следом за Йеном свернул налево и, придержав скрипучую дверь, под которую целеустремленно текли настоящие ручьи, всерьез усомнился, что внизу будет лучше, чем на первом этаже. Судя по количеству воды, в подвале должно было уже образоваться целое озеро. Быть может, даже болото. И скользкие до отвращения, опасно узкие

каменные ступени только укрепили меня в этом предположении.

Но, как ни странно, я ошибся – оказывается, вода, которая с веселым журчанием переливалась со ступеньки на ступеньку, скапливалась в глубокой щели у основания лестницы и с неприятным хлюпаньем стекала куда-то вниз. Вероятно, по специально сделанному в камне желобу. Как в душе. Затем исчезала неизвестно куда, благодаря чему пол в подвале выглядел почти сухим.

Йен, перепрыгнув через щель в полу, целеустремленно порысил дальше. К единственной имеющейся здесь старой, но еще довольно крепкой двери, из-под которой пробивался слабенький свет.

Постучав по ней костяшками пальцев, Норриди крикнул:

– Шеф! Я его привел!

– Пусть заглянет, – отозвался изнутри знакомый голос. – Если, конечно, сумеет. Только магией чтоб не пользовался. Это может быть опасно.

Я удивленно вскинул брови, но когда Йен посторонился, занял его место, с любопытством приоткрыл деревянную створку и… отшатнулся, потому что изнутри меня окатило такой волной ярчайшего света, что я едва не ослеп. Торопливо захлопнув проклятую дверь, я отвернулся, прикрывая ладонью слезящиеся глаза. И, уткнув нос в ближайшую стену, смачно выругался, без стеснения помянув и самого Корна, и его дурацкие шутки, и даже ни в чем не повинную дверь, которая от удара жалобно скрипнула.

Это ж надо было додуматься – звать меня туда, где вовсю бушует светлая магия?! Правильно я сюда Мэла не пустил – духам и иным созданиям темной стороны в таком месте делать нечего.

– Рэйш, ты живой? – без особого интереса поинтересовался изнутри Корн.

– Да пошли вы…

– Жаль, – так же равнодушно отозвался шеф, и в комнате ненадолго стало тихо. – Значит, придется тебе подняться наверх. Здесь от тебя толку не будет.

А я, с трудом проморгавшись, мрачно воззрился на беспокойно топчущегося рядом Йена.

– Что тут вообще творится?

– Без понятия, – нервно отозвался Норриди, кинув на дверь беспокойный взгляд. – Корн, как туда зашел, так сам не свой стал. Магам запретил туда лезть, даже своим. Следакам разрешил попробовать, но там слишком ярко – глаза слезятся так, что работать невозможно. Поэтому он один.

– Что внутри-то? – так же хмуро осведомился я, на всякий случай отступая от двери подальше.

– Труп.

– Чей?

– Да Фол его знает, – неприязненно отозвался Йен. – Я только краешком увидел: вроде мужик. Только распотрошили его, как свиную тушу, кровищи на полу – море. И башки нет. Но приборы там не работают, поэтому Корн надиктовал обстановку сам, а я только записал с его слов.

Я помотал головой, все еще будучи не в силах до конца избавиться от пляшущих в глазах цветных пятен.

– Так. А наверху что?

– То же самое, – мрачно буркнул Норриди и развернулся к лестнице. – Ну, почти. Идем. Там тебе должно быть полегче.

– Почему?

– Сам увидишь. Наши уже там – все объяснят по ходу.

Нахмурившись и передав Мэлу по поводку, чтобы не приближался к дому, пока все не выяснится, я молча последовал за другом на первый этаж. Затем по коридору, минуя несколько комнат, где бестолково толклось сразу несколько светлых магов и целая толпа следователей, до ближайшего поворота и затем – на другую лестницу, которая вскоре привела нас на чердак. Там, как следовало ожидать, была ещё одна дверь, только, в отличие от подвала, из-под нее сочился не ослепляюще яркий свет, а беспросветная Тьма, при виде которой я озадаченно замер.

Кроме нас и одинокого чувака в форме городской стражи, которой караулил дверь снаружи, на чердаке никого не было. Ни магов, ни следователей, хотя Йен обещал, что все будет иначе. Тем не менее, я даже через линзы не увидел посторонних аур, но, возможно, лишь потому, что за дверью даже на темной стороне царил такой кромешный мрак, что в нем моментально гасли любые проблески света.

– Дальше не ходи, – предостерег я Йена, нутром чуя, что творится что-то нехорошее. И Норриди послушно остановился. – Кто сейчас внутри?

– Триш, Хокк и Тори.

– И давно они там?

Норриди неожиданно помрачнел.

– Около свечи.

– Почему так долго?

– Откуда я знаю?! Я не маг! – ни с того ни с сего огрызнулся Йен. Но быстро взял себя в руки и уже спокойнее добавил: – Сперва наши пытались все заснять там через визуализатор, но, как и внизу, ничего не вышло – линзы прямо с порога перестали

работать. И внутри было слишком холодно, чтобы следаки могли там долго находиться. Хокк сказала, что проверит все сама, и увела туда Триш. Какое-то время они ещё откликались на голос, сказали, что там труп. Кажется, женский. Но вскоре Хокк велела нам уходить. Я увел всех, кроме Тори. Какое-то время мы ждали, но Хокк и Триш больше не отозвались. Тори пришлось пойти следом, чтобы выяснить, в чем дело. Больше я его не видел и не слышал. Хокк и Триш тоже не объявлялись. Еще через полсвечи спустился вниз. Спросил у Корна, что делать. Корн велел вызвать подмогу, и внутрь никого, кроме тебя, не пускать, а снаружи поставить оцепление. Поэтому Лиз сейчас внизу, Брил и Торн роются на втором этаже. А я мечусь вверх-вниз, как идиот, и не понимаю, что происходит. Может, хоть ты мне объяснишь?!

Я нахмурился ещё больше и взялся за ручку двери.

– Позже.

– Имей в виду, Арт, – нервно предупредил Норриди. – Если и ты оттуда не вернешься, мне придется вызывать ребят из спецотдела.

– Не придется, – сухо отозвался я, после чего толкнул едва слышно скрипнувшую дверь и, понимающе хмыкнув при виде рванувшей изнутри поземки, шагнул на затопленный Тьмой чердак.

Захлопнув дверь, чтобы холодный воздух не вымораживал лестницу и растерянно застывшего на ней Йена, я отступил на шаг в сторону и огляделся.

Забавно. Если бы я не знал, что по-прежнему нахожусь в реальном мире, то мог бы решить, что вижу темную сторону: все помещение под крышей было выстелено тонким слоем серебристого инея, от пола до потолка. Иней лежал везде – на стенах, на опорных балках и даже в щелях между досками. Окно было одно-единственное, но предусмотрительно затянутое какой-то очень плотной пленкой, так что свет сюда не проникал. Но даже если бы пленки не было, это не спасло бы ситуацию, потому что пространство на чердаке оказалось до краев заполнено густой, сочной, почти непроглядной Тьмой, которой здесь было совсем не место.

Сказать, что она доставляла мне неудобства – нет. Пожалуй, я чувствовал себя здесь комфортно. Как на темной стороне. Царящий вокруг холод едва ощущался, ветра не было, а окружившая меня тишина показалась даже приятной. И в ней я не чувствовал ни беспокойства, ни тревоги, ни тем более паники.

Отсутствие голосов слегка удивило, но не насторожило – без них было намного лучше. Клубящаяся вокруг Тьма успокаивала. Умиротворяла. Ласкалась, как верная любовница. И дарила почти

забытое ощущение дома, в который я вернулся после долгих скитаний. Да… мне было хорошо здесь. Даже, пожалуй, слишком. И именно это ощущение заставило меня встряхнуться и, призвав свою собственную Тьму, разогнать сгустившийся на чердаке мрак.

Внешняя Тьма расступилась медленно и неохотно, едва ли не впервые отказавшись подчиняться. Причем разошлась она недалеко. Всего лишь до стоящего в центре, накрытого белоснежной скатертью стола, на котором лежало чье-то обезглавленное тело.

С хрустом оторвав примерзшие к полу сапоги и сделав несколько шагов, я окинул окровавленный труп внимательным взглядом.

Женщина. Судя по состоянию кожи, довольно молодая. Ухоженная. Ни синяков, ни царапин, ни грязи под ногтями нет. Значит, перед смертью не сопротивлялась. Умерла скверно – на впалом животе зияла широкая рана, откуда какой-то маньяк вытащил кишки и разложил по бокам от тела, как какой-то жутковатый натюрморт. Еще одна рана – чистая и аккуратная, виднелась напротив сердца. Добили жертву всего одним ударом. Быстро и аккуратно. А вот голову убийца, похоже, отрубил уже после того, как женщина испустила дух – крови из обрубка шеи натекло сравнительно немного. И почти вся она успела кристаллизоваться.

С хрустом наступив на какой-то предмет, я наклонился и, прочертив носком сапога широкую полосу в инее, обнаружил на полу шлепок расплавленного черного воска. Чуть дальше, присмотревшись, обнаружил еще один такой же «нарост». Затем третий, четвертый… и уже с возросшим интересом проковырял в инее несколько новых дыр. Углядев на воске наполовину стершиеся знаки, даже на корточки присел, пытаясь понять, что же это такое. А потом сообразил, что слишком долго не слышу коллег, которые, если верить Йену, уже давно должны были не только описать труп, но и вернуться, и снова поднялся, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Триш? Хокк? – позвал я, не увидев вокруг ничего, кроме вяло клубящейся Тьмы. – Тори, ты живой?

Но никто почему-то не отозвался.

Я нахмурился, затем на всякий случай изменил угол наклона линз, «состаривая» помещение до максимума, но и так почти ничего не различал дальше двух шагов. Что за чепуха?

Когда я сделал несколько шагов в сторону, Тьма недовольно забурлила, зашепталась, облепила мои плечи и настойчиво потянула назад, словно не хотела пускать. Но я стряхнул невидимые лапы и все же добрался сперва до затянутого черной

пленкой окна, затем прошелся вдоль одной стены, вдоль другой. Нашел плотно закрытую дверь, на которой изнутри успели намерзнуть целые сугробы. Наконец, вплотную подошел к столу и, уже ничего не понимая в происходящем, перешел на темную сторону.

Здесь было чуточку посветлее, чем наверху, да и Тьма оказалась не такой насыщенной, поэтому пропавших коллег я увидел сразу. А увидев, выругался и почти бегом кинулся в угол, где рядком, устало прислонившись друг к другу, полулежало три неподвижных тела.

Судя по слою снега, который нападал через невесть когда успевшую образоваться дыру в новенькой крыше, лежали они здесь уже давно. Йен сказал, что их не было всего свечу, но время на темной стороне текло иначе, так что для магов это могли быть и три свечи, и четыре, и сколько угодно еще. Особенно, если эти ненормальные осмелились уснуть. Это я мог сутками без последствий находиться на темной стороне. Это мне Фол подарил несколько бесценных привилегий. А для неопытного мага вроде Триш или, тем более, Тори сон во Тьме мог стать смертельно опасным.

Какого демона Хокк вообще позволила им тут разлечься?!

Торопливо приложив пальцы к шее окоченевшего мальчишки, я рывком оторвал его от пола и выбрался в реальный мир. Недовольная моим возвращением Тьма негодующе взвыла, но от настойчиво лезущих в глаза лап я снова отмахнулся и, пинком открыв дверь, сгрузил едва дышащего мальчишку на руки обалдевшему стражнику.

– К целителям его! Живо!

Не дожидаясь, пока мужик придет в себя, я снова метнулся на темную сторону, таким же образом с хрустом выдрал из обледеневшего сугроба Триш и, одним прыжком вернувшись, всучил ее растерявшемуся от неожиданности Йену.

– Согрей ее. И как можно быстрее!

– Как?! – донесся до меня испуганный вопль.

– Как хочешь, – буркнул я, уже растворяясь во Тьме. – Можешь обнять – это наверняка поможет. А ещё лучше поцелуй. Для нее это будет лучшее лекарство.

Вернувшись на темную сторону в третий раз, я наклонился, чтобы подобрать с пола Хокк, но неожиданно обнаружил, что ее слишком крепко вморозило в лед, и сплюнул.

– Какого демона, Хокк?! Куда ты смотрела?!

Беспамятная магичка даже не дрогнула. А когда я кулаком принялся сбивать с нее ледяные наросты и с хрустом выдирать замерзшее тело из снежного плена, то внезапно обнаружил, что у

Хокк до опасного предела истончилась аура. Но при этом она оказалась подозрительно широкой, словно магичка пыталась накрыть ею кого-то еще. А вернее, прикрыть. Заслонить от вымораживающего прикосновения Тьмы. И даже сейчас, когда защищать и подпитывать больше никого было не нужно, ее аура слепо тыкалась в мои ладони и до последнего пыталась отдать те крохи, которые у нее еще оставались.

«Что же с вами произошло, если ты не смогла с этим справиться?» – подумал я, поднимая с пола беспамятную женщину. Голова Хокк безвольно мотнулась, ее аура почти погасла, и я не придумал ничего лучше, чем на время привязать ее к своей. Подпитывая и удерживая в мире живых так же, как она недавно пыталась удержать Тори и Триш. И ведь удержала, чтоб ее… обоих сумела сберечь, хотя истратила на это почти весь запас жизненных сил.

Когда я вынырнул с темной стороны, Йен сидел на последней ступеньке лестницы и, крепко прижав к груди Триш, тихо укачивал ее, как маленького ребенка. Стражник, которому я поручил Тори, видимо, утопал вниз. К светлым. Йен же почему-то уйти не рискнул. А может, просто вспомнил, что магия светлых для нас почти бесполезна. За время моего отсутствия он успел побледнеть и даже посинеть от сочащегося из-под двери холода, но девчонку из рук не выпустил. Даже укутал в собственную куртку, чтобы побыстрее согреть. О том, что ей была необходима не одежда, а живое человеческое тепло, он, конечно, не догадывался, но судя по тому, что Триш слегка порозовела и начала нормально дышать, Йен все сделал правильно. Не зря я оставил ее именно ему. Рядом с кем-то другим она могла и не захотеть остаться.

– Что произошло? – хрипло спросил Йен, подняв на меня тяжелый взгляд.

Я вместо ответа с беспокойством взглянул на покрытое тонким ледком лицо Хокк. Прислушался к ее рваному дыханию и, поняв, что времени у нее ещё меньше, чем казалось поначалу, помчался вниз по лестнице, радуясь про себя уже тому, что трубу прорвало на втором этаже, а не на третьем. И здесь не обледенели крутые ступеньки, с которых на такой скорости ничего не стоило навернуться.

– Арт, ты куда?! – крикнул вслед недоумевающий Йен.

Я не ответил. И, оттолкнув некстати попавшегося на пути незнакомого следователя, что было сил рванул вниз. В подвал. Где находился не только хороший целитель, но и целое море яркого, болезненно сильного, но безумно горячего света, в котором так отчаянно нуждалась истощившаяся до предела

магичка.

Ворвавшись в подвал, я пинком распахнул рассохшуюся дверь, едва не снеся ее с петель, и благоразумно уткнув лицо в волосы Хокк, заскочил внутрь. Ослепительно яркий свет снова ударил по глазам так, что из-под век против воли брызнули слезы. Успевший образоваться на одежде иней с тихим шипением стал испаряться. Остывшая во Тьме кожа мигом разогрелась. Затем мне стало жарко. Еще немного, и бешеный свет начнет образовывать на шкуре крупные волдыри. Но ещё до того, как он начал причинять боль, я опрометью выскочил обратно, прерывисто выдохнул и, с трудом открыв слезящиеся глаза, взглянул на лежавшую у меня на руках женщину.

Хокк выглядела так, словно я вынес ее из преисподней: одежда на ней дымилась, от растрепанных волос шел пар, кожа на лице из бледно-синей в один миг превратилась в красную, распаренную, словно только что побывала в бане. Зато сама Хокк больше не походила на обледеневшую статую. Она обмякла, будто из нее вынули все кости, измученно ткнулась носом в мою дымящуюся куртку, и, стоило мне перехватить ее поудобнее, тихо-тихо застонала. А когда я осторожно усадил ее под стеной и аккуратно похлопал по щекам, даже приоткрыла один глаз и с видимым усилием прохрипела:

– Рэйш… мерзавец…

– Дыши, Хокк, – оскалился я, подозревая, что выгляжу сейчас не лучше нее. – Давай, можешь даже выругаться. Это полезно.

– Пошел… к Фолу!

– Значит, не помрешь, – ухмыльнулся я, откинув с ее изможденного лица седую прядку. А убедившись, что она действительно пришла в себя и с устрашающей скоростью начала выкачивать из меня силы, успокоенно отвернулся. – Корн! Эй, Корн… может, вы все-таки скажете, что за дерьмо здесь творится?!

Из комнаты на этот раз не донеслось ни звука. То ли шеф не услышал, то ли ему было все равно. Собственно, он даже не возмутился, когда я так грубо нарушил его уединение. Но если вспомнить, что творилось с темными магами во Тьме, и предположить, что со светлым сейчас могло происходить нечто подобное…

– Фолова бездна, – пробормотал я, со смешанным чувством уставившись на пробивающийся из-под двери свет. – Корн! Да не может быть, чтобы вы тоже опростоволосились!

Мгновение поколебавшись, я все же поднялся и, не придумав ничего лучше, вернулся на темную сторону. После чего уже беспрепятственно вошел в пышущую не таким ярким, но все же

достаточно неприятным светом комнату. Прищурившись, отыскал глазами скорчившегося в углу мага, больше похожего на бледную тень. В три шага добрался до него, вытянул руки и буквально выдернул во Тьму, после чего торопливо поволок к выходу, надеясь, что за это время шеф не скиснет окончательно.

Холод темной стороны обжег его так же, как и меня неистовый жар чужой, бушующей в подвале магии. Корн болезненно дернулся, что-то просипел, но двигаться самостоятельно был не в состоянии, поэтому мне пришлось тащить его волоком – грубо, неаккуратно, как мешок с песком. И лишь выбравшись за пределы комнаты, с руганью вытягивать его обратно в реальный мир.

– Р-рэйш… – выдохнул начальник ГУССа, грузно свалившись мне под ноги. – Какого демона?!

– Пришел в себя? – вместо ответа осведомился я. И, наклонившись, рывком усадил надсадно кашляющего мага, чтобы не задохся. – Будем считать, что да. Как самочувствие?

Корн снова закашлялся и обессиленно прислонился спиной к стене. Неожиданно исхудавший. Бледный. Мокрый насквозь, словно я только что искупал его в проруби. И, кажется, с трудом соображающий, что с ним вообще произошло.

Впрочем, надо отдать ему должное, думал шеф действительно быстро. А восстанавливался, похоже, ещё быстрее, потому что всего через пару ударов сердца его взгляд стал осмысленным и по обыкновению острым. А когда он повернул голову и увидел устало обмякшую Хокк, в этом взгляде появилось нечто такое, от чего даже у меня сердце кольнуло нехорошим предчувствием.

– Где народ? – сухо осведомился шеф, с трудом поднявшись на ноги. Его ощутимо качнуло, но Корн все же заставил себя выпрямиться и требовательно на меня взглянул.

– Наверху.

– Погибшие? Раненые?

– Тори без сознания. Триш и Хокк тоже. Все трое истощены, но жить будут. Про остальных Йен ничего не говорил.

Корн бросил на Хокк быстрый взгляд, но та даже не пошевелилась. Кажется, снова потеряла сознание… хотя нет, просто уснула, потому что мои силы так и продолжали убывать с достойной уважения скоростью.

Шеф это, вероятно, тоже заметил, потому что внезапно скривился и бросил:

– Укороти поводок, а то тоже свалишься. И к целителям ее тащи. Долго на такой подпитке ей не продержаться.

Я молча поднял магичку с пола и следом за ним двинулся к

выходу. К целителям так к целителям, он в этом лучше понимает. Но было бы совсем замечательно, если бы сам Корн тоже где-нибудь отлежался – мне совсем не улыбалось во второй раз тащить его за шкирку, если он перестарается и сомлеет на полпути.

Впрочем, я недооценил его выдержку и ослиное упрямство. Корн все же выбрался из подвала на своих ногах и, выслушав короткий доклад от облегченно вздохнувшего Йена, так же коротко велел:

– Норриди, остаетесь за старшего. На чердак и в подвал никого не пускать. К телам не прикасаться. Когда закончите с осмотром, немедленно ко мне.

– Так точно, – растерянно отозвался Йен. А когда Корн развернулся и довольно твердой походкой двинулся к выходу, тихонько у меня спросил: – Арт, в чем дело?

– Понятия не имею, – так же тихо ответил я. – Тащи сюда Триш и Тори – надо отвезти их в Управление. И ещё я бы посоветовал тебе опечатать двери в подвал и на чердак. Поставить там по дежурному магу. И не снимать оцепление с дома, пока мы не разберемся, что произошло.

– Мне что, одному тут придется заканчивать? – озадаченно переспросил Норриди.

– Нет, я скоро вернусь.

– А с Корном что?

Я проводил уходящего шефа внимательным взглядом и поспешил его нагнать. После чего вышел на улицу, аккуратно сгрузил Хокк в первый попавшийся экипаж со значком главного сыскного Управления на дверце. Туда же положил так и не пришедшую в сознание Триш, которую Йен вынес на улицу на руках. Тори, как ни странно, к этому времени успел очухаться и выбрался из дома сам, хоть и с явным трудом. Но я все равно загнал его в кеб вместе с остальными. Аура у мальчишки выглядела слабой и тонкой как никогда. И Фол знает, какие последствия останутся после пребывания на проклятом чердаке, так что пусть лучше его осмотрят целители. Так спокойнее.

Корн все это время с угрюмым видом стоял рядом, не обращая внимания на усилившийся дождь. Естественно, вымок до нитки, хотя в этом не было необходимости. Наверняка замерз. А когда магов загрузили в кеб, нагло уселся рядом со мной. На козлы. И всю дорогу до Управления молча там просидел, ни разу не возмутившись тем, что я не жалею бедную лошадь и бессовестно нарушаю скоростной режим.

Когда покрытый грязью кеб остановился перед Управлением, у дверей нас уже встречала целая бригада целителей, которых тот

же Корн заранее предупредил по переговорнику. Триш и Хокк бережно подхватили под руки и унесли в лечебное крыло. Тори на негнущихся ногах ушел следом за ними. Корн, ни на кого не глядя, быстрым шагом направился в свой кабинет, по пути отдав несколько распоряжений и велев докладывать ему каждый час о состоянии здоровья магов. Ну а я… вместо того, чтобы вернуться на место преступления, увязался за ним. Правда, тихо, осторожно. По темной стороне. Именно поэтому я сумел увидеть, с каким лицом шеф заходил в свой кабинет. И успел его подхватить, когда этот упрямый, порой кажущийся железным человек все-таки утратил над собой контроль и, неожиданно потеряв сознание, со всего размаху грохнулся на пол.

Глава 4

Целителя на помощь я звать не стал – Корн бы мне этого не простил. К тому же, в его столе нашлось сразу три накопительных амулета, причем достаточной емкости, чтобы восполнить потраченные в подвале силы. Времени на это, правда, понадобилось немало – мне пришлось почти полсвечи проторчать в кабинете, дожидаясь, пока аура шефа вернет себе приличный вид. Но когда его веки дрогнули, предвещая скорое пробуждение, я все же не стал искушать судьбу – ушел. И, поскольку уже пообещал Йену, то темной тропой вернулся в злополучный дом, чтобы более внимательно осмотреть чердак и обезглавленное тело, оставленное неизвестным убийцей.

К тому времени бытовики все же залатали поврежденную трубу. Но комфортнее после этого не стало, потому что под ногами при каждом шаге все равно хлюпала вода, и лишь наверху было более или менее комфортно.

Разумеется, Норриди был категорически против, чтобы я во второй раз туда совался. Но других темных магов в доме не осталось, ждать их прибытия не хотелось, а наспех выставленная светлыми защита препятствием для меня не являлась. Так что я внимательно исследовал не только чердак, но и темную сторону подвала. А когда закончил и ближе к полудню все-таки вынырнул в реальный мир, то обнаружил, что следователи уже закончили с осмотром и благополучно укатили в Управление, а в доме, кроме Йена, никого не осталось. Ну, если не считать терпеливо ждущего на темной стороне Мэла, стоящего на улице оцепления и дежурного мага из ГУССа, которого Норриди по моему совету, все-таки решил не отпускать.

Разумеется, когда я вернулся, Йен высказал много «теплых» и «ласковых» слов по поводу моего отношения к приказам. И даже использовал при этом несколько новых выражений, что для него было нетипично. Впрочем, буянил он недолго, потому что прекрасно понимал – кому-то эту работу все равно пришлось бы делать. И раз уж преступление произошло на нашем участке, и сразу трое темных магов по непонятной причине выбыло из строя, то почему бы эту работу не сделать мне? Тем более, если нам все равно надо было достать оба трупа и отправить их на изучение в Управление?

Доложив в ГУСС по переговорнику, что с домом мы закончили, Норриди собрался на доклад к Корну, но совершенно неожиданно получил целых две свечи отсрочки. О причинах нам, естественно, никто не сообщил, но образовавшееся время я решил

провести с пользой. И если Йен отправился к себе – разбираться с бумажками, то я дождался труповозки и прямо на ней вернулся в ГУСС, чтобы сдать тела в руки штатных «трупорезов» и снять, наконец, с Хокк привязку к собственной ауре.

К моему удивлению, она еще в себя не пришла, хотя дежурный целитель сказал, что волноваться не о чем. К Хокк он меня, естественно, не пустил, поэтому привязку пришлось обрывать несколько не по правилам. А вот с Тори побеседовать мне все-таки разрешили, поэтому, избавившись от трупов и подписав необходимые бумаги, я не поленился детально его расспросить, чтобы понять наконец, что же все-таки случилось в доме. Пока я работал с парнем, целитель сообщил, что Триш тоже пришла в себя и способна вынести небольшую беседу, поэтому, закончив с Тори, я заглянул в соседнюю комнату и пообщался с бледной, как погадка, девчонкой. Которая, кстати, ужасно расстроилась, узнав, что ее наставница до сих пор находится без сознания.

– Она не должна была меня прикрывать, – горестно прошептала Триш, откинувшись на подушке. – Я ведь теперь полноценный мастер.

– Когда ты успела? – удивился я.

– На той неделе экзамен сдала. Значок и перстень на днях должны выдать. А Хокк…

– Жива твоя Хокк. Через пару деньков уже на ноги встанет.

– А Тори? – шмыгнула носом Хелена.

– И он в порядке. Сказали, что утром отпустят домой. Его зацепило меньше всех.

– Скорее, позже всех, – вздохнула девчонка. – Он ведь последний туда зашел. И если бы Хокк смогла его вовремя выгнать, он бы не пострадал. А он не ушел, когда ему велели. Упрямый… дурачок. Решил, что мы без его помощи не обойдемся, а в итоге только хуже сделал. Вы уж поговорите с ним, мастер Рэйш: нельзя так себя вести на темной стороне. Если старший мастер отдал приказ…

Я хмуро кивнул.

Да, мальчишка здорово напортачил, не послушавшись Хокк сразу. Если бы он ушел, как было велено, Йен встревожился бы намного раньше. И меня позвал сразу, а не выжидал почти полсвечи. Так что мальчишка по делу получил от меня сегодня втык. И от Йена завтра выговор схлопочет. А то и от Корна до кучи, которого, кстати, уже пора было навестить.

– Отдыхай, поправляйся, – бросил я напоследок, обернувшись к удрученно поникшей девчонке. – И не вини себя – у тебя шансов выкарабкаться оттуда в одиночку не было. Но раз вы оба живы,

значит, Хокк не зря собой пожертвовала. Хотя по большому счету она могла бы этого и не делать.

Да, раз уж Триш получила звание мастера, и ее ученичество закончилось, то Хокк больше не несла за нее никакой ответственности. За Тори она тем более не могла отвечать: его упрямство – это наша головная боль. В смысле, моя и Йена. Но Хокк посчитала себя в ответе за детей. И вместо того, чтобы оставить их наедине с Тьмой и самой сходить за помощью, она осталась с ними. И до последнего отпаивала собственными силами, надеясь… на что? Или на кого?

К сожалению, спросить пока было не у кого.

Зато, наконец, стало понятным, почему Корн счел возможным повесить на ее шею второго ученика. Освободившись от Триш, которую, судя по всему, шеф сделал уже не ученицей, а полноценной напарницей, Хокк вполне могла заняться малолетним Робертом Искадо. И пусть он не был полноценным магом, пусть от нее требовалось всего лишь научить мальчишку выживать на темной стороне, но действующий маг Смерти подходил для этой цели гораздо лучше, чем простой некрос или сидящий в кресле начальника, бесконечно занятый делами мастер Грэг Эрроуз.

Вероятно, герцог Искадо согласился на кандидатуру Хокк, исходя из того, что главной задачей нового учителя было не только научить юного лорда правилам поведения во Тьме, но и аккуратно подвести его к мысли, что темная сторона не для него. А кто лучше всех мог бы деликатно и ненавязчиво указать мальчишке на его слабости? Да еще так, чтобы он при этом не почувствовал себя оскорбленным? Конечно, женщина. Причем неглупая женщина, которая нашла бы способ сделать так, чтобы мальчик больше не стремился искать во Тьме запавшую ему в душу леди Мелани Крит.

Отдав должное изобретательности Корна, я наконец покинул лечебное крыло и с чистой совестью поднялся на третий этаж. К Корну. И не особенно удивился, обнаружив, что к его кабинету подтянулся не только Йен, но и Грегори Илдж, и Грэг Эрроуз, и даже Хьюго Рош с южного участка. Более того, Йен зачем-то прихватил с собой Лизу Шарье, которая чувствовала себя здесь явно неуютно. И нервно сжимала в руках тонкую папку, в которой, похоже, находились ее выводы по поводу последнего убийства.

– Заходите, – наконец, раздался из кабинета усталый голос Корна, и народ потихоньку потянулся внутрь.

Я, пропустив вперед Лизу и Норриди, зашел последним и тут же наткнулся на тяжелый, полный подозрения взгляд шефа. Но

сделал вид, что не понимаю причины столь пристального внимания к своей персоне, и устроился на привычном месте – в кресле у подоконника, куда Корну было очень неудобно поворачивать голову и откуда я мог следить за всем, что происходит в кабинете. В обоих, разумеется, мирах.

– Садитесь, – буркнул шеф, когда народ неуверенно замялся возле кресел, не решаясь занять их без приказа. – Берите пример с Рэйша – он, по-моему, вообще с этикетом не знаком.

– Святая правда, – не моргнув глазом подтвердил я, когда Лиза удивленно покосилась в мою сторону. Остальные молча сели кто куда нашел и вопросительно уставились на хмурое, как грозовая туча, начальство. Корн в свою очередь посмотрел на Йена и коротко велел:

– Норриди, докладывайте.

– Прошлой ночью, примерно в час по полуночи в Управление городской стражи поступил вызов из дома номер девять на Шестнадцатой улице, – послушно начал Йен. – Проживающая там пожилая леди пожаловалась на яркий свет в окнах первого этажа дома напротив, и это якобы помешало ей уснуть. Светопреставление длилось недолго – всего около десятой части мерной свечи, но леди все равно решила обратиться в городскую стражу и, хоть ничего плохого с виду не случилось, заявила о нарушении правопорядка.

Корн поставил локти на стол и, оперевшись подбородком на скрещенные ладони, прикрыл глаза.

– Почему она не дождалась утра, если, с ее слов, ничего плохого не произошло?

– Леди не поладила с новыми жильцами дома, – кашлянул Норриди. – И решила таким образом их проучить.

– Кто хозяева?

Йен выудил из-за пазухи стопку сложенных вдвое листов и подглядел в шпаргалку.

– Ирэн и Брюс Ольерди. Семейная пара. Ей слегка за сорок. Ему почти пятьдесят. Детей нет. Ранее проживали в пригороде Алтира. Согласно данным из Регистрационной палаты, приехали в город на постоянное место жительства около двух месяцев назад и сразу приобрели дом на Шестнадцатой.

– Раз по ним появились данные в Регистрационной палате, значит, кто-то из них маг?

– Леди Ирэн Ольерди отметилась как целитель. Средний по силе. Средний по возможностям. Прошения в Орден магов для предоставления постоянной работы не подавала, но ранее никаких криминальных действий ни за леди Ирэн, ни за ее мужем не фиксировалось. Хотя, если верить соседям, они не больно-то

ладили друг с другом, и в последнее время из дома нередко доносились звуки ссор.

– Где они сейчас? – не открывая глаз, спросил Нельсон Корн.

– Неизвестно, – слегка поморщился Йен. – Согласно показаниям соседки, которой проводившийся целых два месяца ремонт действовал на нервы, хозяева покинули дом два дня назад, предварительно взяв кеб. Куда они отправились, она не знает – Ольерди были не слишком общительными соседями. А после того, как пожилая леди закатила им скандал и потребовала проводить ремонт потише, и вовсе стали ее игнорировать.

Корн замедленно кивнул.

– Что вы еще узнали касательно дома и его хозяев?

– За те два дня, что прошли со времени отъезда Ольерди и вплоть до вызова в Управление, никаких происшествий на Шестнадцатой улице и в частности возле дома под номером восемь, не происходило. Данные городской стражи по западному участку и показания жильцов соседних домов это подтверждают. Помимо всего прочего, леди Ультис… та пожилая леди, что не поладила с четой Ольерди… частенько поглядывала на их дом из окна. Я так полагаю, караулила момент, когда вернутся хозяева, чтобы еще раз потребовать от них прекратить шумные работы в послеобеденное время, когда старая леди изволит принимать дневной сон. Причем караулила их не только она – такой же приказ был дан служанке, которая следила за домом, когда хозяйка была вынуждена отвлечься. Но и она никого не видела – никто в дом за эти дни не входил, никто не выходил. Когда же прошлой ночью сквозь окно в спальне госпожи Ультис стал пробиваться свет, терпению леди пришел конец. И она отправила служанку в Управление городской стражи в надежде, что беспокойным соседям хотя бы входную дверь сломают, когда будут рваться в пустой дом.

– Поскольку после дела Роберта Искадо в Управлении городской стражи все ещё действует приказ об обязательном привлечении сотрудников УГС на все дела, подозрительные на использование магии, то вызов сразу поступил к нам. Дежурный следователь немедленно поставил в известность меня, и команда следователей прибыла туда ровно через четверть свечи после обращения… и почти сразу туда подъехали ваши люди.

– Все верно, – наконец, соизволил открыть глаза Нельсон Корн и обвести тяжелым взглядом присутствующих. – А случилось это исключительно потому, что той же ночью на пост нашего дежурного поступил сигнал о том, что в Орден магов прилетели два вестника, сообщив о гибели двух столичных магов. По тревоге были подняты сотрудники ГУССа. Дежурным магом

установлена предположительная точка на карте, откуда могли быть отправлены вестники, поэтому на место преступления мы прибыли почти одновременно с вашей командой, Норриди. Поэтому же я велел вам работать совместно с нашими специалистами.

Я покосился на уставшее лицо шефа и невольно ему посочувствовал. Лето – самое проблемное время в любой государственной структуре. Лето – это время отпусков. Но, в то же время, никто не гарантирует, что в столице не случится какой-нибудь катастрофы. И если сотрудники разъехались по другим городам и странам, то на срочный вызов, само собой разумеется, отправятся те, кто окажется поблизости. Даже если они только что сменились с дежурства и благополучно дрыхли после долгого трудового дня. Да что там говорить! В этой ситуации даже высокому начальству приходится спуститься с небес на землю и заняться работой обычного следователя, потому что людей даже в ГУССе попросту не хватало.

Вот, выходит, почему он полез в подвал сам, а не поручил это скользкое дело кому-то попроще?

– У вас еще есть что сказать, Норриди? – осведомился Корн, когда в комнате воцарилась тишина.

Но Йен неожиданно мотнул головой. А затем со своего кресла поднялась ужасно смущающаяся Лиза Шарье.

– Если позволите, я немного дополню…

Корн сделал разрешающий знак.

– Спасибо, – тихонько вздохнула девчонка и раскрыла папку, принявшись перебирать лежащие там листы. – Поскольку мы были первыми, кто вошел в дом, думаю, будет нелишним поделиться впечатлениями. Итак…

Она нашла, наконец, тот лист, который искала, и нервно сжала его в руке.

– Уровень магического фона вокруг дома на момент приезда составлял всего семнадцать с половиной единиц. Это на две с половиной единицы выше, чем в среднем по району. Внутри дома этот показатель оказался повышен до тридцати семи единиц, причем колебания на первом, втором и третьем этажах оказались совсем незначительными. Тогда как в подвале и на чердаке… это данные, которые мы получили при замерах у входа… там насыщенность магического фона составила целых девяносто четыре единицы.

– В обоих случаях? – впервые подал голос Грегори Илдж.

– Да, – кивнула Лиз, и вот тогда Илдж быстро переглянулся с Рошем и Эрроузом. – Цифры абсолютно одинаковые, хотя магия на чердаке и в подвале использовалась противоположная по

знаку.

– Полярные заклятия? – тихо бросил в пустоту Рош и выразительно покосился на Корна.

Шеф мрачно зыркнул из-под насупленных бровей.

– Лиза, вы закончили?

– Нет, шеф, – мотнула головой девушка. – Поскольку внутрь вы запретили нам заходить, то данных о насыщенности магического фона по подвалу и чердаку у меня нет. Ни один прибор, включая кристаллы записи и визуализаторы, рядом с этими двумя помещениями не сработал – там оказалось слишком много помех. Одна из записывающих линз и вовсе вышла из строя. Однако другие помещения нам все-таки удалось осмотреть, и оказалось, что на внутренней поверхности стен и на перекрытиях всех трех этажей сохранились старые… вероятно, оставшиеся еще после прежних владельцев… защитные заклинания.

Вот теперь на девчонку посмотрели все.

– Мы проверили по базе, кто владел домом до Ольерди, – снова смутилась она, оказавшись на перекрестье взглядов. – И выяснили, что в последние десять лет там никто не жил. При этом дом был записан на некоего Роджера Эстиори, проходящего по документам как совладелец суконной мастерской, расположенной на левобережье. Однако, когда я отправила соответствующий запрос, то оказалось, что владельцем является совсем другой человек. А на господина Эстиори в нашей базе нет не то что никаких данных – там даже не указано, что он вообще существует. Ни записи о дате его рождения, ни данных в палате Регистрации, ни сведений о родителях или детях… так что, по-видимому, господин Роджер Эстиори – миф. И тем не менее, у этого мифа имелось немало недвижимости в столице.

Корн встрепенулся.

– Где именно?

– Мы нашли еще пять домов, когда-то зарегистрированных на это имя, – тихо сказала Лиза и заглянула в другой листок. – По одному в восточном, южном и северном участках Алтира. Один в центральном районе. И еще один дом оказался куплен в пригороде столицы. Где-то на севере. И ещё я узнала, что все эти дома были проданы… с разными интервалами: от двух до десяти лет назад… и теперь у них совсем другие владельцы.

– Настоящие? – уточнил Грэг Эрроуз.

– Да, мастер, – кивнул Лиз. – Насколько я успела выяснить, теперь в этих домах проживают самые обычные люди.

– Нам нужны адреса! – одновременно выдали Рош, Илдж и Корн.

Я мысленно похвалил сообразительную девчонку, а Лиз тем временем положила на стол шефа тот самый лист, который так долго держала в руке. Но вместо того, чтобы вернуться на место и сесть, ожидая заслуженную похвалу от начальства, она неожиданно задержалась и снова кашлянула.

– Вы нашли что-то еще? – с резко возросшим интересом посмотрел на нее Корн.

– Я взяла на себя смелость проверить, нет ли между этими людьми какой-то связи, – кивнула магичка. – Конечно, времени было мало, и я не все успела посмотреть. Но как минимум одно сходство у этих людей имеется.

– Какое же?

– Во всех семьях, что проживают сейчас в этих домах, есть светлые маги, – тихо сказала Лиза. И вот тогда у меня что-то неприятно царапнуло в душе, а на лице Корна проступило странное выражение.

– Что вы сказали?! – едва слышно переспросил он, воззрившись на девчонку, как на привидение.

Лиз нервно отступила на шаг.

– Светлые, господин Корн. В каждой такой семье есть как минимум один светлый маг примерно того же уровня, что и леди Ирэн Ольерди.

– Они ещё живы?! – свистящим шепотом осведомился шеф, впившись в девчонку таким взглядом, что та испуганно попятилась.

– Я-а-а… не знаю. Я пока не все выяснила.

– Илдж!

– Я узнаю, – быстро проговорил начальник восточного участка и, подскочив с кресла, умчался в коридор. Но через некоторое время вернулся и успокоенно доложил: – Данных о смертях по этим адресам в ближайшие пару лет не поступало. Ни по магам, ни по обычным смертным.

– Хорошо, – снова прикрыл глаза Корн. – Норриди, пусть ваши ребята попытаются выяснить, кто и когда поставил на доме Ольерди защитные заклинания. Илдж, Рош, дайте ему людей – на западном участке не хватает специалистов. На чердак и в подвал пока не заходить. В том числе, и по темной стороне. А остальные дома возьмите под круглосуточное наблюдение. И выясните все, что можно, об их бывших и нынешних владельцах.

– Сделаем, – синхронно наклонили головы темные маги. А когда Лиз, которой Корн знаком разрешил вернуться на место, снова села, Рош все же рискнул уточнить:

– Шеф, вы думаете, что скоро надо будет ждать ещё смертей?

Корн прерывисто вздохнул.

– Сегодня ночью в Орден, как я уже сказал, прилетело два вестника смерти. И один из них, если кто не догадался, принадлежал леди Ирэн Ольдери. Полагаю, это ее тело мы привезли с Шестнадцатой улицы. А второй вестник принадлежал твоему коллеге – Дертису Эрсу, которого я лично на той неделе отправил в отпуск и который клятвенно мне пообещал, что раньше, чем через месяц, он в Управлении не появится.

Я замер.

Кто? Дертис?! Не тот ли это некрос, который когда-то приходил меня арестовывать? Неглупый такой мужик слегка за пятьдесят? Бывший напарник Криса, которого пару месяцев тому укокошил умрун? Если так, что теперь я понимаю, почему Корну сейчас так невесело. Двойное убийство. Прямо как тогда. И одной из жертв снова стал сотрудник главного Управления…

– Теперь я хочу послушать тебя, Рэйш, – неожиданно оборвал мои размышления Нельсон Корн, и все головы в кабинете, как по команде, развернулись в мою сторону. – Ты ведь уже побывал в лечебном крыле? Взял показания у коллег?

Я настороженно кивнул.

– Тогда будь добр, изложи свои выводы. Тем более, ты единственный, кто сумел не только войти на чердак, но и безнаказанно оттуда выйти. А еще ты единственный, кто смог устоять после этого на ногах. И мне крайне интересно узнать, как именно ты это сделал.

Глава 5

Подниматься с кресла, как Лиз, я не стал – незачем. Да и оказавшееся за спиной окно пришлось более чем кстати – бьющий с улицы свет бросал густую тень на мое лицо, так что в некотором роде я был защищен от чужого любопытства. По крайней мере, считывать мои эмоции коллегам было не слишком удобно.

О том, что очередь на этом собрании обязательно дойдет и до меня, я, естественно, тоже догадывался, поэтому последние две свечи занимался не только тем, что уточнял картину произошедшего. Правда, прежде чем ответить Корну, я все же помедлил, просчитывая про себя все нюансы. А когда открыл рот, то начал вовсе не с того, что ожидал услышать наш общий шеф.

– Если не возражаете, я бы хотел начать с момента, когда на чердак вошли мастера Хокк, Триш и Норн. Разговор с Триш и Норном я записал на кристалл, но в моем изложении это будет выглядеть намного короче. Показаний Хокк у меня нет, – на всякий случая добавил я. – Она ещё не в состоянии разговаривать. Но думаю, что смогу дополнить пробелы в рассказе Триш и Норна, и картина получится почти полной.

Корн, подумав, кивнул.

– Мы тебя внимательно слушаем.

– Насчет визуализаторов и записывающих кристаллов повторяться не буду – на чердаке они попросту отказались работать. Насыщенность магического поля в помещении тоже измерить не удалось. По той же причине. Однако у Тори был с собой амулет правды. Естественно, в защитном чехле, который, как вы знаете, способен выдержать напряженность магического поля в двести пятьдесят единиц. Опасным для мага считается уровень в двести единиц, так что защита на чехол накладывалась с запасом. Тем не менее, после непродолжительного пребывания на чердаке амулет попросту сгорел, вместе со всеми остальными приборами, которые имелись в тот момент у Хокк, Триш и Тори.

– Что произошло с магами внутри?

– Они провалились на темную сторону, – спокойно сообщил я.

– Что ты сказал? – озадаченно переспросил Корн.

– Их утянуло во Тьму. Непроизвольно. Как вошли, так и ухнули в яму, откуда потом не смогли выбраться.

– Чтобы Хокк и вдруг не сумела вернуться?! – не поверил шеф. А Грэг Эрроуз неожиданно нахмурился.

– Рэйш, ты хочешь сказать, на чердаке образовался «колодец»?

Я так же спокойно кивнул.

– С такой напряженностью магического поля это неудивительно, – пробормотал Хьюго Рош. – Если поле превысило величину в двести единиц, то вашим магам крупно повезло, что они остались в живых и сохранили разум. Если я правильно помню, в «колодцах» резко ускоряются процессы старения и в разы сокращается время, которое требуется для полного магического истощения.

– Совершенно верно. Их спасло только то, что «колодец» был достаточно узким и занял не всю комнату, а только ее центр. При прочих равных условиях чем больше величина «колодца», тем сложнее в нем выжить. Если бы Хокк упала туда одна, скорее всего, она бы успела сообразить в чем дело и смогла выбраться до того, как у нее закончились резервы. Но следом за ней туда рухнула Триш и, будучи более слабой, непроизвольно вытянула на себя силу наставницы. А затем в ловушку попался и мастер Тори Норн, и дело стало совсем плохо.

– Почему они не вызвали подмогу по переговорнику? – нахмурился Грегори Илдж. – Времени ведь было достаточно.

– На темной стороне мы не носим лишних приборов, – вместо меня ответил Эрроуз. – Но даже если они и взяли с собой переговорник, то полагаю, он сгорел еще быстрее, чем амулет правды.

– Я посмотрел технические характеристики, – подтвердил я. – Максимальная величина магического поля для этой группы приборов – сто восемьдесят шесть единиц. Для визуализатора – всего пятьдесят. Так что при всем желании мои коллеги не смогли бы увидеть «колодец». А с учетом того, что на его поверхности до предела истончилась граница между мирами, и все вокруг было заполнено Тьмой, думаю, у ребят просто не осталось шансов. Хокк сделала то единственное, что ей оказалось под силу – разделила свои резервы на троих и позволила более слабым магам протянуть за счет ее жизненных сил до моего прихода.

– Простите, мастер Рэйш, – снова подал голос Илдж. – Я не слишком хорошо разбираюсь в аномалиях темной стороны, но почему ваши коллеги не смогли выбраться из так называемого «колодца»?

– Потому что его стены представляют собой искривленное пространство-время наподобие того, что формируется на границе темной тропы. Попав в эту трубу, можно двигаться только в двух направлениях – вперед или назад. Так происходит на тропах. Однако в «колодцах» движение возможно только в направлении «вверх-вниз», и один край «трубы» в нашем случае оказался…

скажем так, запаян. А второй находился так высоко, что без специальных приспособлений до выхода было не добраться.

– Видимо, в вашем арсенале такие приспособления есть, раз вы сумели выбраться из «колодца»?

Я невозмутимо кивнул.

Конечно. Если уж я на прямых тропах не испытываю дискомфорта, то какая разница, как расположены стены – горизонтально или вертикально? Они везде для меня одинаково проницаемы, так что в «колодце» я особой разницы не почувствовал. И как зашел туда, так и вышел, почти не ощутив, что на моем пути образовались какие-то стены.

Единственное, о чем я умолчал, это о том, что магическое истощение в таких «колодцах» случается не само по себе, а лишь по той причине, что внутри «труба» гораздо длиннее, чем может показаться на первый взгляд. И чаще всего ее дно находится не просто на темной стороне, а уходит довольно глубоко. Не на самый нижний, конечно, слой, но все же заметно глубже, чем к этому привыкли среднестатистические темные маги. Скажем, на мой привычный уровень, где при длительном пребывании Хокк, Тори и Триш вполне могли превратиться в насквозь промерзшие кочерыжки.

– Что насчет трупа? – вернул нас к более важной теме Корн.

Я коротко описал, в каком виде обнаружил тело, и в заключении добавил:

– Думаю, вы были правы, и на чердаке действительно убили леди Ирэн Ольерди. Магическую метку я, правда, не нашел – там было слишком много крови. И опознать жертву в лицо тоже не смогу – убийца предусмотрительно оставил ее без головы. Но, судя по срокам появления вестников смерти, вряд ли стоит сомневаться в личности дамы. Как и в том, что это, скорее всего, было ритуальное убийство.

После моих слов Илдж замер, Йен недоверчиво хмыкнул, а Рош и Эрроуз одновременно потемнели лицами.

– Считаешь, это была жертва? – тихо переспросил Корн, тоже, вероятно, полагая, что ослышался.

Я достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги и бросил магам.

– Эти символы я нашел на полу вокруг стола, где убили леди Ольерди. Их двенадцать.

– Мне они незнакомы, – спустя пару мгновений сообщил Эрроуз, пробежавшись глазами по моим каракулям.

– Мне тоже, – согласился я. – Но есть мысль, что жертва понадобилась для привлечения темной сущности, которую можно было бы использовать для других целей.

Ну да. К примеру, Слепого Поводыря, с которым я уже однажды имел «удовольствие» познакомиться. Смерть сказала, что его кто-то призвал. Так почему это не мог быть один и тот же человек?

– Зачем? – напряженно уточнил Рош.

– Откуда мне знать? Это же не я убил Ирэн Ольерди.

– А почему ты решил, что сущность темная?

– А разве кто-то из светлых принимает человеческие жертвоприношения? – в свою очередь изумился я.

Рош осекся, Эрроуз скривился, а вот на лице Корна неожиданно проступила задумчивость.

– Ты не прав, Рэйш. Или прав, но лишь частично. Потому что со вторым трупом тоже не все гладко.

– Вы успели его осмотреть? – быстро спросил я, кинув на шефа подозрительный взгляд.

– Конечно. Я же не всю жизнь просидел в этом кресле. Навыки оперативной работы ещё не утратил. Но я, как теперь понимаю, оказался примерно в таком же положении, как и твои коллеги. Поэтому и недооценил опасность, когда… скажем так… позволил себе зайти в подвал без напарника.

– Значит, у света тоже есть ловушки, похожие на наши «колодцы»? – нейтральным тоном уточнил я.

– Не ловушки, – едва заметно поморщился Корн. – Хотя насчет трупа все верно: Дертиса тоже выпотрошили, как перепелку. Сперва вскрыли живот, затем убили ударом в сердце. И я подозреваю, что он до последнего находился в сознании. Грэг, дай-ка мне листок.

Темный молча встал и положил на стол шефа измятую бумагу.

– Да, – через некоторое время признал тот. – В подвале были такие же знаки. И в точно такой же последовательности. Но я, хоть убей, не представляю, как надо было перевернуть ритуал, чтобы принести в жертву светлого мага и после этого получить колодец во Тьму. Или, убив темного мага, создать такой мощный всплеск света, что рядом с ним стало физически невозможно долго находиться.

– Что вы видели? – жадно подался вперед Илдж, когда шеф ненадолго умолк.

– Свет, Грег… очень много света. Повсюду. Им пропитались даже камни. Пол. Стены. Он сочился из всех щелей. Такой яркий, словно там недавно случилось пришествие. И если бы я своими глазами не видел тело и не шлепал сапогами по кровавым лужам, то сказал бы, что в той комнате кто-то получил благословение светлого бога.

– Тогда, может, кому-то таким же образом удалось не призвать на чердаке некую сущность, а заполучить темное благословение? – тихонько кашлянул я.

Корн бросил в мою сторону быстрый взгляд.

– Думаешь, такое возможно? Два благословения одновременно?

– Без понятия. Надо спросить у жрецов.

– Займись этим, – велел шеф, когда я откровенно задумался. – Настоятель тебе благоволит. Попробуй вытянуть из него какие-нибудь сведения.

– Если бы он знал, что происходит, то сейчас здесь сидело бы не семь, а восемь человек, – возразил я.

– Все равно займись. Может, отец Гон в курсе насчет таких вот «неправильных» жертвоприношений. Или сможет подсказать, в какие книги нам стоит заглянуть, чтобы узнать, что это был за ритуал.

– Хорошо, попробую, – без особого энтузиазма согласился я. – Но меня гораздо больше интересует, почему в качестве жертвы был выбран именно Дертис? Понятно, что темные маги на дороге не валяются, и большинство из них состоят на службе в Управлении. Но, на мой вкус, для ритуала лучше подошел бы кто-то помоложе, посильнее. И, если на то пошло, тот, кто с меньшей вероятностью оказал бы сопротивление. Дертис ведь был неплохим магом. И вряд ли он согласился бы по своей воле пойти вместе с убийцей.

– Мои люди уже занимаются этим, – глухо уронил Корн. – И по поводу леди Ирэн и ее пропавшего мужа мы тоже работаем. Но Дертис, как ни крути, был удобной мишенью – пока он находился в отпуске, его бы не хватились.

– Думаете, дело только в этом? – засомневался я.

– Я пока ничего не думаю. Но надеюсь, скоро мы будем знать точно. А насчет того, почему Дертис не оказал сопротивления, я могу дать ответ, – вздохнул шеф и неожиданно потер пальцами виски. – Четверть свечи назад мои маги дали предварительное заключение по результатам вскрытия тел, которые ты привез – в крови обоих нашли следы вытяжки сколаниса.

Я замер.

– И много?

– Достаточно, чтобы Дертис добровольно взошел на алтарь и подставил горло под нож. Но и это ещё не самое скверное, – невесело посмотрел на нас шеф. – Оказывается, у леди Ирэн кто-то забрал не только голову, но и другой важный орган – у нее оказалась вырезана матка. И с учетом того, что мы узнали, есть предположение, что она была беременна, так что на самом деле

это не двойное, а тройной убийство. И в жертву принесли не ее саму, а ее не рожденного ребенка.

* * *

– Рэйш, задержись, – устало сказал Корн, когда совещание подошло к концу, и народ, получив указания относительно этого скверного дела, начал расходиться. – У меня к тебе пара вопросов.

Перехватив обеспокоенный взгляд Йена, я пожал плечами и уселся обратно в кресло, дожидаясь, пока остальные выйдут. Но когда за ними закрылась дверь, Корн почему-то долго молчал, рассеянно рассматривая какие-то бумаги на своем столе. И лишь когда в коридоре затихли звуки шагов… когда напряжение в комнате достигло апогея… он поднял голову и одарил меня задумчивым до крайности взглядом.

– Знаешь, Рэйш, я очень хочу понять, почему там, где появляешься ты, обязательно гибнут мои люди.

– В каком смысле? – подобрался я.

– Сперва я отправил в Верль Лойда, чтобы узнать, верны ли дошедшие до нас слухи насчет Палача. Там он встретил тебя и погиб. Потом ты вдруг без видимых причин объявляешься в столице, и через несколько дней умирает Крис. Затем в Управлении возникает ещё один труп, и у нас сходит с ума Шоттик. Наконец, прошлой ночью на вашем участке происходит очередное убийство, и одной из жертв оказывается Дертис… тебе не кажется, что тут слишком много совпадений?

Я едва заметно поморщился.

– Да бросьте, Корн. Если бы вы действительно считали меня виновным, этот разговор состоялся бы не сейчас и совсем в другом месте.

– Может, у меня просто нет доказательств?

– Может, и так. – Я скептически посмотрел на шефа. – Но мне почему-то кажется, что вы думаете совсем не об этом.

Корн замедленно кивнул.

– Я навел по тебе справки. Архивные записи, данные Регистрационной палаты, данные Ордена, сведения из Верля… скажи, почему нигде не указано, что Этор Рэйш не был твоим родным отцом?

Я вопросительно приподнял одну бровь.

– Разве это важно?

– Конечно. Потому что, если это действительно так, то получается, что ни я, ни Орден совершенно ничего о тебе не

знаем. Кто ты, откуда взялся и почему старик Рэйш вообще решил тебя усыновить.

Я задумчиво качнул ногой.

Вопрос был сложным. Учитель его, к сожалению, до конца не продумал, поэтому Корн, покопавшись в бумагах, очень быстро пришел к тем же выводам, что и Лойд. Но я при всем желании не мог здесь ничего изменить. И поскольку проблема моего происхождения рано или поздно все равно кого-нибудь бы заинтересовала, то я не видел смысла врать или отпираться.

– Скажем так, – едва заметно улыбнулся я, отдавая дань проницательности шефа. – Когда мне было гораздо меньше лет, чем сейчас, я остался без семьи и без крова. Взамен судьба подарила мне темный дар, с которым я совершенно не умел обращаться. Скорее всего, это закончилось бы довольно быстро и печально, поскольку найти толкового мага на окраине – совершенно безнадежная задача. Но мне повезло: мастер Этор встретился на моем пути до того, как я умудрился убиться сам или успел убить кого-то еще. Более того, он счел возможным взять меня в ученики. И, поскольку на тот момент он уже вышел из состава Ордена, то мое ученичество на протяжении многих лет было неофициальным. Но это упущение учитель исправил незадолго до своей смерти, поэтому на данный момент мое звание мастера Смерти является совершенно законным.

– Я в курсе, – неприязненно буркнул Корн, продолжая буравить меня глазами. – Мне интересно другое: тебе известно, кем приходился мастеру Этору Рэйшу Лойд?

Я невозмутимо кивнул.

– В последний день пребывания в Верле он меня об этом известил.

– И как ты воспринял это известие?

– А как я мог его воспринять? – хмыкнул я. – Мне и сейчас нет до этого никакого дела.

– Зато Лойду, я так полагаю, было, – прищурился шеф. – По крайней мере, он очень настойчиво интересовался твоей личностью незадолго до того, как я отправил его в Верль. И мне было неприятно наткнуться на его имя в журналах регистрации нашего архива. Особенно напротив дел, которые, по идее, не должны были иметь к тебе никакого отношения.

Хм. Что же такого необычного Лойд успел на меня нарыть? С семейством де Ленур он бы меня не связал – в последний визит в архив я исправил оплошность Уорда и вернул в дело Артура де Ленур недостающие листы, переведя безумного графа из категории «без вести пропавших» в категорию «сумасшедшие». Так что на случай, если кто-то захочет это проверить, Оливер

Гидеро обеспечил меня превосходным алиби. А другого компромата на имя Артура Рэйша там не было.

– Что тебе известно об ограблении городской ратуши в тысяча двести сорок восьмом? – сухо спросил шеф после небольшой паузы.

Я воззрился на него в искреннем недоумении.

– Ничего.

– А о двойном убийстве в сорок пятом?

– Тем более не в курсе, – нахмурился я, и амулет на столе шефа дважды подмигнул зеленым огоньком. – Это имеет какое-то отношение к мастеру Этору?

– Едва ли. В то время он уже покинул столицу и отбыл в неизвестном направлении, погрузив фамильный особняк в многолетний стазис и не оставив никаких координат для связи.

– Тогда почему вы об этом спрашиваете?

– На всякий случай, – устало растер лицо Корн. А затем посмотрел мне в глаза и тихо спросил: – В отчете тригольских сыскарей говорится, что ты присутствовал на месте убийства Лойда. Как и то, что на темной стороне возле того трактира было обнаружено множество убитых гулей. Лойд интересовался тобой до командировки. Он буквально вытребовал у меня это дело, чтобы отправиться в Верль. Зная его, я почти не сомневаюсь, что ему хотелось с тобой познакомиться. И он наверняка был не в восторге, узнав, что именно тебе его дед завещал все свое имущество. Я даже не исключаю, что вы могли по этому поводу… ну, к примеру, поспорить. Поэтому не могу не спросить, Рэйш: ты имеешь какое-то отношение к его смерти?

– Нет, – спокойно отозвался я, и амулет на столе охотно подтвердил правдивость моих слов. – Когда я пришел в трактир, Лойд был уже мертв.

– Но тебе известно, что там произошло?

Вот тут я ненадолго задумался.

– Скажем так: у меня были некоторые подозрения по поводу этой во всех смыслах нелепой смерти. Но подтвердить их или опровергнуть, находясь в Верле, я не смог. А возвращаться туда ради этого очень бы не хотел.

– Хорошо, я тебя услышал, – чуть наклонил голову шеф. – Тогда у меня второй вопрос: что, по-твоему, произошло с умруном?

Я хмыкнул.

– А почему вы считает, что мне об этом что-то известно?

– Ну, ведь именно ты вел это дело вместе с Хокк и Триш.

– Вы отстранили меня от расследования, – напомнил я, на что Корн смерил меня подозрительным взглядом.

– Хочешь сказать, что ты вот прямо так взял и послушался? После того, как не раз демонстрировал, что плевать хотел на мои приказы?

– Ну почему сразу «плевать»… иногда я их выполняю. Вот сейчас, например, сижу и внимательно вас слушаю вместо того, чтобы…

– Заткнись, Рэйш, – тяжело вздохнул шеф, поняв, что ничего путного не добьется. – Дело до сих пор не закрыто. Новых смертей пока не было, других следов пребывания умруна в городе тоже не нашли, но если бы ты знал, как меня раздражает неизвестность! Подобные сущности не приходят из ниоткуда и не исчезают в никуда, не исчерпав возможности «кормушки» до последней чистой души. А умрун исчез. И если бы ты сейчас сказал, что убил эту тварь, я бы со спокойной душой закрыл проклятый «висяк» и забыл о нем до скончания веков!

Я вежливо промолчал.

– Мыслей по поводу того, что за взрыв произошел тогда на темной стороне, у тебя, наверное, тоже нет? – без особого энтузиазма поинтересовался Корн.

Я с готовностью кивнул.

– Ни малейших.

– И о том, что это вообще было, я так полагаю, ты мне ничего не расскажешь…

– Корн, у вас сложилось неверное представление о моих способностях, – нейтральным тоном заметил я.

– Ну, разумеется. Сперва убитый Палач, потом моргул, вампиры… теперь ещё темные «колодцы». Сообщи, будь добр, если я кого-то позабыл или о чем-то еще не знаю, – недобро улыбнулся шеф. – Так что – да, ты прав: поначалу у меня сложилось о тебе неверное впечатление. Да и сейчас я, похоже, просто так сижу и трачу на тебя свое время, будто заняться больше нечем.

Я демонстративно поднялся с кресла.

– Это все, о чем вы хотели поговорить?

Шеф смерил меня совсем уж нехорошим взглядом.

– Естественно, нет. Но раз уж ты любишь игнорировать приказы, то позволь, я дам тебе небольшой совет.

– Я весь внимание.

– В следующий раз, когда соберешься дурить кому-то голову, будь добр – не демонстрируй открыто, что умеешь утаскивать светлых магов на темную сторону, – тихо сказал Корн, глядя мне в глаза. – Это может не понравиться Ордену.

Я спокойно встретил его взгляд.

– Все маги, которых я туда утащил, вернулись обратно

живыми. Или вы хотите меня в чем-то обвинить?

– Нет, – качнул головой шеф. – Но, возможно, тебе будет интересно узнать, что следствие по делу Шоттика почти закончено. Нам удалось установить, откуда в его ауре взялась метка убийцы. И мы нашли место, где это произошло. Леди Элен Норвис, можно сказать, отомщена. Но в ее деле остались пробелы. И не так давно мне показалось, что именно ты сможешь пояснить некоторые нестыковки в показаниях свидетелей. Но сейчас я вижу – нет. Ты не поможешь. Так что у меня больше нет причин тебя задерживать. Можешь возвращаться к работе. Дело Ольерди по-прежнему числится за вами.

Я так же спокойно пожал плечами и развернулся к выходу.

За нами так за нами. Все равно я не собирался бросать его на полпути. Да и Йен будет рад – он обожает трудные загадки. А если в процессе расследования он сможет хотя бы какое-то время работать с Триш, то и вовсе счастливее человека в столице будет не найти. Но все же Норриди дурак, если не рискнул даже сейчас заглянуть в лечебное крыло. И будет дурак вдвойне, если не пригласит девчонку хотя бы на одно свидание.

– Эй, Рэйш! – окликнул меня Корн в последний момент.

Я неохотно обернулся.

– А в храм все же сходи, – посоветовал он. – Чем Фол не шутит – вдруг и правда, жрецам что-то известно?

– Я попробую выяснить. Но не гарантирую, что отец-настоятель пойдет нам навстречу.

– Кстати, о настоятеле… Ты, случаем, больше ничего не хочешь мне рассказать? – неожиданно поинтересовался шеф.

Я усмехнулся.

– Пожалуй, что нет. Разве что посоветовал бы вам переложить накопительные амулеты в верхний ящик стола.

– Зачем?

– Там защита попроще, – невозмутимо ответил я и, не дожидаясь ответной реплики Корна, вышел.

Глава 6

– Здравствуй, Артур, – поприветствовал меня отец Гон, неслышно появившись из Тьмы. – Ты хотел меня видеть?

Я отвернулся от алтаря Фола и кивнул, исподволь рассматривая отца-настоятеля. Тот выглядел похудевшим и уставшим, словно накануне проделал очень долгий путь или был вынужден соблюдать строгий пост. А может, и то, и другое сразу. Но в его взгляде не было ни подозрительности, ни настороженности, которая не могла там не появиться, если бы он все-таки узнал, какие сведения я от него утаил. Поэтому я расслабился и коротко наклонил голову.

– И вам доброго дня, святой отец. Вы правы: я действительно хотел поговорить.

Знакомая келья на темной стороне встретила нас тишиной и приятной прохладой. Устроившись на своем обычном месте, отец Гон дождался, когда я сяду напротив. А потом положил руки на каменный стол и одарил меня вопросительным взглядом.

– Что именно тебя интересует, брат?

– Что вам известно о двойном убийстве, произошедшем этой ночью в Синем квартале?

Отец-настоятель нахмурился, но почему-то не ответил. А когда я собрался задать уточняющий вопрос, жрец неожиданно поднял руку, знаком велев замолчать. После чего прикрыл глаза, к чему-то прислушался, после чего нахмурился еще больше, застыл как приморожденный и лишь через пять ударов сердца снова посмотрел на меня.

– Что ты хочешь знать об этих смертях?

Тьма! Если бы Фол и меня извещал о деталях подобным образом, мне бы вообще не пришлось идти в храм. А что? Удобно: закрыл глаза, помолился чуток, получил уже готовые сведения и сиди себе, строчи отчет. Интересно, убийцу он мне сразу назовет или нам все же придется побегать по городу?

Во взгляде отца Гона неожиданно появилась смешинка.

– Не расстраивайся, Рэйш – если бы я таким способом мог узнать все на свете, нам бы не понадобилось Управление городского сыска. Но, к сожалению, я вижу лишь общую картину. И то лишь потому, что это убийство, а не ограбление. К тому же, у меня нет нужных навыков, чтобы отыскать и отдать преступника в руки правосудия.

– Вы что, мысли читаете? – буркнул я, на всякий случай проверяя защиту. Доспеха на мне, разумеется, не было – по крайней мере, в том виде, в котором жрец мог его заметить. Но

все же ощущение уязвимости не проходило. И настоятель, подметив мой непроизвольный жест, тихонько хмыкнул.

– Это ни к чему. Не ты первый приходишь ко мне за помощью. И не ты первый спрашиваешь совета. Но прежде, чем ответить я на твои вопросы, я бы хотел, чтобы ты рассказал о том, что увидел в том доме.

Поколебавшись, я все же кивнул и коротко пересказал свои впечатления. А затем и предварительные выводы, которые озвучил на совещание Корн.

– Это не призыв темной сущности, иначе вы бы уже нашли следы ее присутствия в виде потревоженной границы миров и новых трупов, – покачал головой жрец, когда я закончил. – Тем более, не божественное благословение, потому что, будь это так, храм бы о нем знал – любое божественное присутствие оставляет следы, и мы чувствуем их, даже когда они минимальны. А еще я почти уверен, что причиной смерти тех людей стали вовсе не полярные заклятия, как утверждают твои коллеги.

– Почему? – насторожился я.

– Полярные заклятия всегда накладываются одновременно и требуют присутствия двух магов: темного и светлого. Каждый из них создает свою собственную основу для заклинания, и они ни в коем случае не должны пересекаться. А это невозможно сделать, если использовать заклятия в замкнутом пространстве. Ты ведь сказал, что на внутренней поверхности стен и крыши того дома стоят защитные заклинания?

– Да. Старые, совсем простые, но энергии в них влили столько, что я даже вблизи от дома не ощутил, насколько все плохо внутри.

– Заклинания темные или светлые?

– Такие и такие.

– А помещения при этом были отграничены друг от друга магически? Комнаты? Лестница?

– Нет, – озадаченно брякнул я и тут же скривился. Тьма! Ну конечно! Пусть подвал и чердак располагались на максимальном удалении друг от друга, но раз внутри дома и между соседними помещениями не было цельной защитной сетки, то использование полярных заклятий было невозможно по определению!

– Боюсь, вас пытались ввести в заблуждение, – понимающе улыбнулся отец Гон при виде моей гримасы. – И заранее позаботились, чтобы снаружи дома магические возмущения не ощущались.

– Что же тогда убийца не позаботился убрать другие эффекты? Соседку насторожил бьющий из окон свет, – возразил я. – Если бы не он, мы бы еще долго не узнали, что там что-то

произошло.

– Возможно, преступник неправильно рассчитал уровень воздействия? Не подумал, что свет окажется так силен и пробьется наружу даже из подвала? Кстати, Корн не упоминал – есть ли в архивах Управления подобные дела?

Я качнул головой.

– Выпотрошенных и неопознанных тел сколько угодно, но чтобы это были маги, да ещё по двое за раз – нет. Таких за последние несколько десятилетий не замечали ни в Алтире, ни в других крупных городах.

– Но ведь защита старая – ты сам сказал, – напомнил жрец. – Значит, убийца, скорее всего, готовится к обряду давно. Вы проверили другие дома?

– Пока в процессе.

– Пусть ваши маги обратят внимание на защиту. А для этого пусть попросят нынешних жильцов снять охранные заклинания полностью.

Я кивнул.

– Вы правы. Под новыми заклинаниями старые мы можем и не увидеть – без дополнительной подпитки они достаточно слабы, чтобы не вызывать возмущения магического поля, и достаточно надежны, чтобы выполнять свою задачу. Я такие раньше не видел и предпочел бы, чтобы новые жильцы временно съехали. Но даже так нет никакой гарантии, что у убийцы не найдется другого подставного имени и других зданий, где проживают ни в чем не повинные люди. Вопрос в другом – кому и зачем это понадобилось? Для чего было так долго готовиться? Выкупать дома, держать их пустыми? И почему для обряда потребовались именно маги?

Отец Гон тяжело вздохнул.

– Что тебе известно о перекрестных заклинаниях и о магии переходов?

– Ничего, – напрягся я. – Это тоже что-то из области запрещенного знания?

– Можно сказать и так. Только еще более закрытый раздел магии, который даже в Ордене магов не всем доступен.

– А чем переходные заклинания отличаются от полярных?

– Полярные заклятия – это оружие массового поражения, – отвел глаза настоятель. – Их итогом, как правило, становится или уничтожение живой силы противника, или же призыв могущественной сущности, способной сделать то же самое, только другими методами. Одно условие для безопасного применения этой группы заклинаний я тебе уже назвал – наличие свободного пространства. Второе условие – присутствие мощного

источника энергии, который помог бы удержать и направить заклинание в нужную сторону. Наконец, третье – хорошая защита и освященные в храме амулеты, способные взять на себя магический откат. Или пленить призванную сущность и уничтожить ее после того, как она станет не нужна.

Я внутренне подобрался.

– Для переходных заклинания, я так полагаю, подобных ограничений нет?

– Верно, – едва заметно кивнул отец Гон. – Но они и предназначены для другого. Собственно, смерть – лишь косвенное следствие этого вида магии, а основное ее предназначение – это извлечение и концентрация чужого магического дара с возможностью его дальнейшего хранения и использования… так сказать, про запас.

– Святой отец… – вздрогнул я. – Вы хотите сказать, что из наших магов перед смертью выкачали магический дар?!

– Боюсь, что так. Символы, которые ты видел на полу… они лотэйнийские, Артур. Очень древние. И по большей части предназначены для того, чтобы душа раньше времени не покинула тело. Так больше шансов, что магия перейдет к убийце полностью.

– То есть, это храмовые символы? – мрачно посмотрел я на жреца.

Отец Гон покачал головой.

– Они запрещены храмом так же, как и полярные заклинания – Орденом магов. А придуманы были в такие далекие времена, что даже у нас не осталось записей о том, откуда они в действительности взялись. Это скверная магия, Рэйш. Чтобы ее использовать, нужно быть настоящим безумцем. И ты правильно сейчас думаешь о сколанисе – этот обряд чем-то похож на жертвоприношение, и отдача у него тем больше, чем сильнее жертва желает поделиться собственным даром с убийцей.

– Как он это делает? – окончательно помрачнел я. – И почему для обряда понадобилось именно два мага, да еще и с разным даром?

– Я не так много знаю о переходных заклинаниях, как ваш убийца, поэтому могу лишь предполагать. Но мне точно известно, что пика своей мощности они достигают именно на разнице потенциалов: светлое и темное, мужчина и женщина…

– Подвал и чердак, – процедил я.

– Совершенно верно. Суть этих заклинаний в том, что на пике они способны очень ненадолго, но все же объединить светлую и темную магию. Сделать это именно в фазу перехода от жизни к смерти, от света к тьме. И если суметь уловить этот момент и

взять то, что в итоге получилось – чистую силу, без знака, то можно заполучить серьезное оружие в борьбе как против магов, так и против жрецов. Единственное условие – магия должна быть отдана добровольно. И желательно одновременно, чтобы не случилось перекоса в ту или иную сторону.

Я чуть не сплюнул. Вот же гадство! Не зря эту магию столько лет держали под запретом!

– Хорошо, я понял. Есть какой-то смысл в том, что на чердаке была убита именно светлая магиня, а в подвале – темный маг? И если да, то почему после убийства светлой леди на чердаке стала властвовать Тьма, а в подвале, рядом с убитым некросом, наоборот, свет?

– Магия переходов сильна, – задумчиво уронил отец Гон. – Она способна выворачивать наизнанку пространство и одновременно связывать его в один уродливый узел. Скорее всего, убийства не просто произошли в одно и то же время – думаю, убийца умышленно выбрал примерно равных по силе магов. Связал их не просто магией, но еще и узами крови для надежности. Так тесно, что в магическом плане эти двое стали почти едины. А затем выпотрошил обоих в физическом и магическом смысле, но не так, как мы привыкли видеть – нет, он пропустил силу леди Ирэн через вашего некроса в подвал. А его магию провел через нее и выпустил на чердаке. Поэтому внизу был почти чистый свет, а наверху – такая же чистая Тьма.

– Как такое возможно?! – опешил я. И как их можно было связать физически, если у этих двоих не было ничего общего?!

Отец Гон отвел глаза.

– Ты ведь сам сказал: леди Ирэн была беременна…

– Это лишь предположение. Но если даже и так, то, следуя вашей логике, отцом ребенка должен был быть…

Я в шоке уставился на настоятеля, но он только грустно улыбнулся.

– Я лишь передал тебе то, что увидел. Но не думаю, что Фол ниспослал мне ложное видение.

– Дертис?! – все еще растерянно повторил я. – И леди Ирэн… это просто в голове не укладывается! Тогда становится понятным, почему были убиты именно эти два человека. Как и то, почему супруги Ольерди в последнее время ссорились. Возможно, муж узнал об измене? А может, мы неверно оценили причину, по которой господин Брюс Ольерди исчез со сцены. Скажите, святой отец, а для проведения ритуала обязательно нужно быть магом?

– Нет, – поджал губы жрец, когда я обратил на него выразительный взгляд. – Но я не думаю, что подобными знаниями мог обладать человек, не имеющий доступа в закрытые архивы.

Да и зачем простому смертному столько энергии?

– Я бы тоже хотел это знать. Но гораздо больше меня интересует, в каком месте убийца создал магический узел? Если все было затеяно ради перекреста темной и светлой магии в одной-единственной точке, где ее можно было безнаказанно забрать, то мы должны были это заметить!

– Убийца мог за собой прибрать. В точке перекреста он мог вытянуть магию целиком, и остатки из подвала и чердака ему попросту не понадобились. А защитные заклинания активизировались в момент выброса магии и сработали как крышка на кастрюле, одновременно прикрыв всплеск возмущения магического поля и забрав на себя излишки. Где сейчас максимальная концентрация магии в доме?

– Подвал и чердак. В других помещениях фон почти ровный.

– Хорошо, тогда где бы она могла быть до того, как убийца забрал всю силу, которую смог? – пристально посмотрел на меня жрец. – Где вы нашли самые сильные разрушения?

Я снова вздрогнул.

– В коридоре второго этажа. Как раз посередине. Там ещё водопроводная труба лопнула.

– Значит, убийца во время обряда стоял именно там, – кивнул настоятель. – И если он находился на втором этаже, когда умирали его жертвы…

– То в подвале и на чердаке был кто-то еще! Это значит, что метки убийцы будут именно у этих людей, а не у него! А ещё это значит… – я снова помрачнел, – что его помощники, скорее всего, мертвы. От такого всплеска магии у них должны были все мозги расплавиться. Особенно, у того, кто убивал леди Ирэн и попал под удар Тьмы. Святой отец, как по-вашему, для чего может понадобиться чистая сила в таком количестве?

Отец-настоятель пожал плечами.

– Смертному – ни для чего. Люди не умеют ею управлять, и даже с помощью артефактов это смертельно опасно. А вот в отношении мага… для чего угодно, от подпитки какого-нибудь смертельного заклинания до попытки зомбирования населения или уничтожения целого города.

– То есть, нам надо ждать новых трупов, а за ними – очередных проблем с нежитью? – хмуро предположил я, буравя жреца тяжелым взглядом.

Тот вместо ответа так же хмуро кивнул, после чего молча встал и двинулся к выходу, показывая, что аудиенция окончена.

– Святой отец, можно ещё вопрос? – вдогонку спросил я, и жрец ненадолго обернулся. – Когда я был в том доме, мои коллеги пострадали от Тьмы, которой слишком много скопилось

на чердаке. Скажите, у светлых была такая же проблема?

Жрец на мгновение задумался.

– Когда темный маг приходит во Тьму, он отдает ей свои силы, чтобы выжить. Светлый, приходя в свет, напротив, их получает. Если света становится слишком много, то маг пресыщается и теряет волю к жизни. И когда это происходит, лучшее, что можно сделать – это как можно быстрее опустошить его резерв, чтобы маг почувствовал близость смерти и вспомнил, что он еще жив.

– Спасибо, святой отец, – пробормотал я. – Я запомню.

Отец Гон кивнул и ушел, не удосужившись даже попрощаться.

* * *

Остаток дня я потратил, чтобы самолично обойти дома, владельцем которых некогда числился мифический Роджер Эстиори, и своими глазами убедиться, что Лиз правильно обратила на них внимание.

Все дома оказались старыми, когда-то роскошными и довольно дорогими, но в отсутствии должного ухода сейчас они тихо-мирно доживали свои годы, спрятавшись в глубине некогда пышных садов. Двум из них повезло больше остальных – они располагались в престижных кварталах, и заботливые хозяева поддерживали особняки в приличном состоянии. Тот, что отыскался почти в центре столицы, и вовсе выглядел так, словно его отстроили заново. А вот дом в Фиолетовом квартале находился на последнем издыхании – как выяснилось, он лишь недавно обрел новых хозяев и те ещё не успели привести в порядок здание, без малого тридцать лет простоявшее без должного ухода.

Зато защита там действительно была. Причем такая же простая и эффективная, как в доме Ольерди. Не везде я сумел ее рассмотреть как следует – охранные артефакты новых владельцев существенно этому мешали. Не везде я успел в тот момент, когда эту же самую защиту изучали люди Корна, по просьбе которых хозяева согласились ее отключить. Но все же картина вырисовывалась довольно интересная, поэтому, закончив с осмотром и убедившись, что ни в одном из домов за последние несколько лет не происходило кровавых преступлений, я вернулся в Управление. И, нахально заняв кресло застрявшего в лечебном крыле Тори, на несколько свечей оккупировал одну из сфер.

Йен к тому времени снова куда-то уехал, забрав с собой Лиз.

Сенька сбежал домой. Следователи разбирались с добытыми на месте преступления кристаллами. Так что мне никто не мешал. Поэтому, когда за окном стемнело, на улицах зажглись магические фонари, а в животе мучительно забурлило, напоминая о пропущенном ужине, в моей голове начала вырисовываться более или менее ясная картина.

О том, кто такой этот самый Роджер Эстиори, в базе и впрямь не имелось практически никаких сведений, кроме того, что лет пятнадцать назад он якобы приобрел, а затем продал суконную мастерскую некоему Агнусу Бриджу. Однако в архивах ГУССа нашлась информация о том, что впервые господин Эстиори приобрел недвижимость в столице намного раньше того срока, о котором говорила Лиз. А именно – примерно шестьдесят лет назад на его имя был оформлен один из особняков в Белом квартале, но он по непонятным причинам был почти сразу перепродан не имеющей магического дара пожилой, но весьма состоятельной паре, внуки которой до сих пор проживали в этом доме и, если верить базе, среди них так и не появилось ни одного мага.

Потом господин Эстиори исчез из столицы на пару десятилетий. А затем приобрел в Алтире еще один дом. На северном участке. Домом он владел на протяжении шестнадцати лет, после чего благополучно продал. Остальные четыре здания он приобрел в последние пятнадцать лет, покупал по одному, в разные годы, в разные сезоны и за разные суммы. У разных и, на первый взгляд, ничем не связанных друг с другом людей. Затем так же хаотично продавал, почему-то предпочитая заключать сделки с представителями семейств, где имелись светлые маги.

Изучая бывших владельцев этих домов, я покопался в их родословных и через некоторое время обнаружил, что во всех семьях светлый дар был давним и устойчивым, поскольку уже не первое десятилетие регулярно проявлялся в каждом поколении. Проще говоря, загадочный господин Эстиори, продавая дома, мог не сомневаться, что наткнулся не на самородков, чей дар мог внезапно угаснуть, а на полноценную династию. И даже через двадцать-тридцать-сорок лет в доме по-прежнему будут проживать нужные ему люди.

Конечно, могло случиться и такое, что семьи, которых чем-то не устроил купленный дом, могли впоследствии съехать. Но, во-первых, маги довольно редко стремились покинуть столицу. А во-вторых, дома и впрямь были настолько достойными, что я не поленился поднять их подноготную и почти до полуночи проторчал за сферой, выискивая, кто, когда и зачем построил тот или иной особняк.

И вот какая странная штука обнаружилась…

Оказывается, все пять столичных домов были построены примерно в одно и то же время – от двухсот до двухсот пятидесяти лет назад, и принадлежали весьма известным в то время магическим родам. Собственно, это были не что иное как фамильные особняки, в строительство которых было вложено много средств и магии, чем и объяснялось неплохое состояние зданий в наше время. Тогда, правда, Алтир ещё не делили кварталы по цветовой принадлежности, поэтому богатые дома встречались и в центре, и ближе к окраинам, если хозяева любили уединение. Но что самое интересное, всеми домами когда-то владели темные маги. А точнее, некросы, один из которых принадлежал древнему роду Диллос, о котором я совсем недавно уже слышал.

Наткнувшись на знакомое имя, я довольно быстро вспомнил толстяка Фатто и перстень, который достался ему по наследству. И, связав то поганое дело с нынешними событиями, почти не сомневался, что «подарок» Фатто получил от того же человека, который годами готовил старые дома некогда могущественных, но выведенных под корень темных родов, для своих непонятных целей.

Отвалившись от сферы уже глухой ночью, я откинулся на спинку кресла и глубоко задумался. А когда полученные сведения уложились в систему, поднялся из-за стола и перешел на темную сторону. Правда, Мэла сразу не увидел – тот уже наловчился пользоваться невидимостью. И если бы не поводок, я бы даже не понял, в каком углу притаился бывший Палач.

– Работа? – кратко поинтересовался моими дальнейшими планами служитель, ненадолго вернув себе привычный вид.

Я молча кивнул. После чего набросил на себя такую же зеркальную броню, как у него, и одним прыжком переместился в Белый квартал.

Нужное здание я нашел не сразу – для этого пришлось порядком попетлять, вспоминая расположение улиц. Но в конце концов я добрался до Пестрой улицы и расположенного на ней трехэтажного особняка под номером одиннадцать. Перейдя на нижний уровень, пробрался внутрь. Осмотрел там все от подвала до чердака и все-таки понял, почему Роджер Эстиори продал этот дом почти сразу, как только купил. Как оказалось, в камни, из которых были сложены стены первого и второго этажа, когда-то давно были вплавлены защитные заклинания. Не чета тем, что использовал убийца в доме Ольерди, а довольно сложные, многослойные, по типу тех, что имелись на здании ГУССа.

Видимо, Роджер Эстиори плохо в этом разбирался, раз не

сразу сообразил, в чем дело. И он, вероятно, не знал, что раньше защиту на домах специально делали так, чтобы ее можно было менять и достраивать годами. Причем исключительно с помощью магии крови. Проще говоря, в старину дома нередко строились с расчетом именно на потомков, а многие фамильные особняки потому и назывались фамильными, что в них десятилетиями и столетиями проживали члены одной магически одаренной семьи.

Случайно купившему такой дом чужаку было бы сложно вплетать в защиту что-то свое. Что темному, что светлому. И когда господин Эстиори это понял, то избавился от ненужной покупки и в дальнейшем действовал более осмотрительно, выбирая лишь те здания, где защита настолько ослабла с годами, что не могла ему помешать.

На всякий случай оставив рядом с этим зданием, как и рядом с остальными четырьмя, свою метку, я наконец собрался вернуться домой. Но тут по Тьме прошло неожиданное волнение, в мою спину подул прохладный ветерок, а в голове кто-то тихо шепнул: «Помогите!» Причем так отчетливо, что я сперва недоверчиво замер, а затем завертел головой, силясь понять, кто и зачем меня зовет.

Но рядом, как и следовало ожидать, никого не оказалось. Ни в доме, ни на улице, ни даже на нижнем слое, куда я тоже на всякий случай заглянул. Решив, что, возможно, меня позвал Ал, я даже до доспеха дотронулся, проверяя, не стал ли он снова обращаться в обычную железку. Но нет. Невидимость осталась на месте. Да и структура брони нисколько не изменилась. К тому же, Ал всегда мог написать свою просьбу на земле, использовав для связи привычные способы.

Но тогда кто же звал? И почему мне показалось, что я знаю этот голос?

– Роберт, – негромко уронил Мэл, когда я не нашел ответов на эти вопросы и в затруднении обернулся в его сторону. – Роберт Искадо. Помнишь?

И вот тогда меня осенило: мальчишка же остался без наставницы! Хокк, вероятно, ещё не выписали из лечебного крыла, поэтому обеспечить юного лорда защитой в самое проблемное для него время она попросту не смогла!

– Пойдем-ка его навестим, – нахмурился я, выхватывая из Тьмы секиру.

Невидимый Мэл с готовностью щелкнул костяшками и без напоминаний создал тропу.

Глава 7

Когда я вошел в дом, внутри было тихо. Как на темной стороне, так и в реальном мире. Все его обитатели благополучно дрыхли, за исключением двух азартно режущихся в карты охранников в караулке. Никаких признаков того, что внутри пользовались магией, я не нашел. Следов нежити вокруг дома Мэл также не обнаружил. С виду все было в порядке. Однако, когда я поднялся в комнату Роберта, то обнаружил, что его постель пуста, а мальчишка вместо того, чтобы спать и видеть десятый сон, сидел в углу и, обхватив себя за колени, напряженно всматривался в пустоту. Причем находился он не в реальном мире, а на темной стороне. И выглядел при этом так, что поневоле захотелось его пожалеть.

Эх. Не сделал ли я ошибку, когда посоветовал Корну обратиться к темному богу? Оказаться во Тьме в одиночку, один на один с ее голосами, холодом и непроглядным мраком – такого никому не пожелаешь. Тем более бывшему светлому магу, у которого всего несколько дней назад окончательно угас магический дар.

Стоило мне пройти пару шагов от двери и остановить на нем взгляд, как юный лорд немедленно сжался в комок и сдавленно прошептал:

– Кто здесь?!

Я запоздало подумал, что Роберт меня скорее чувствует, чем видит. А если видит, то как тень, а не как живого человека. Отступив за дверь, я избавился от брони и только тогда зашел снова, стараясь сделать это не слишком быстро, чтобы не напугать парнишку ещё больше.

– Мастер Рэйш?! – вздрогнул всем телом юный лорд. А затем на его бледном лице неожиданно появилась такая измученная улыбка, что меня снова кольнула совесть. – Ч-что вы здесь делаете?!

Я внимательно посмотрел на пацана, но тот снова сжался в комок и уткнул нос в колени.

– Мне показалось, ты звал на помощь.

– Да, – прошептал Роберт. – Звал… кого-нибудь… просто мне страшно, мастер Рэйш. И я не знаю, что делать.

Я поколебался, но потом заметил, что на мальчишке, как и в храме, почти не было инея, и рискнул подойти ближе. Медленно, осторожно, ожидая, что изо рта Роберта начнут вырываться облачка пара, как в свое время у Тори, которого я едва не заморозил. Однако время шло, я подошел к мелкому почти

вплотную, а у него даже сосулька на носу не образовалась. Да и снега на пижаме если и стало больше, то совсем немного.

Странно для простого смертного, не так ли?

Еще осторожнее опустившись перед ним на корточки, я по поводку бросил Мэлу, чтобы не показывался, и протянул к мальчишке руку.

– Эй. Ты хоть понимаешь, где ты? Можешь объяснить, как ты здесь оказался?

– Мне приснился кошмар, – прерывисто вздохнул Роберт Искадо, поджав пальцы на ногах. Тьма! Он ещё и босой! – Я видел кого-то… или что-то… здесь, в этой комнате! И это было так реально, что я… сам не понял, как сюда попал. Это ведь Тьма, мастер Рэйш?

Он неожиданно вскинул голову, и я едва не отшатнулся, когда увидел на месте глаз два затопленных чернотой провала.

– Это правда она?

Я в шоке уставился на мальчишку, а у него в это время на пальцах заплясали такие же черные язычки пламени, которые я так часто видел на своих собственных ладонях. Сперва я не мог в это поверить. Потом не верить стало невозможно. И вот тогда меня кинуло сперва в жар. Потом в холод. После чего я неожиданно понял, почему именно меня Тьма прислала к нему на помощь. А потом догадался взглянуть на пацана сквозь две линзы и ошеломленно замер, обнаружив, что вместо светлой и чистой ауры вокруг него теперь танцует и трепещет такая же Тьма, как во мне самом. Прохладная, смирная, живая! Та самая Тьма, которой там не должно, да и не могло было быть!

Фол! Да разве такое возможно?!

Неожиданно в дальнем углу кто-то хихикнул. Тихо так, гаденько. И настолько близко, что я мигом пришел в себя, моментально позабыл обо всем остальном, проворно развернулся и, прикрыв собой пацана, зажег на ладонях темный огонь.

По поводку пришло мимолетное ощущение беспокойства. После чего невидимый Мэл зашел мальчишке за спину, и я уже спокойнее выпрямился, внимательно оглядывая погруженную в темноту комнату.

В какой-то момент темнота между кроватью и тумбочкой шевельнулась, и там ненадолго обрисовался человеческий силуэт. Невысокий, такой же худенький, как сжавшийся у меня за спиной мальчишка. А уж когда во тьме двумя рубинами сверкнули чьи-то глаза, я перевел дух и, погасив огонь, обернулся к Роберту.

– Ты ЭТО видел в своем кошмаре?

Юный лорд снова вздрогнул, когда увидел, что из угла на него кто-то жадно пялится, но под моим взглядом не рискнул

прятать лицо, а лишь сдавленно прошептал:

– Да.

Незнакомец из Тьмы ощерился неестественно широким ртом и тихо зашипел. В темноте блеснули и пропали такие же неестественно большие зубы, мелькнуло красное жерло глотки. Странный гость заметно качнулся вперед, но броситься не рискнул – отступил. После чего во Тьме снова остались гореть только его глаза – две жутковатые рубиново-красные точки, в которых застыл нечеловеческий голод.

– Кто это, мастер Рэйш? – так же тихо спросил Роберт, когда существо затихло. – Он опасен?

– Конечно, – кивнул я, не сводя с пацана пристального взгляда. – Все, кто гуляет во Тьме, опасны.

– Даже вы?

– Особенно я. Но сейчас у тебя нет повода волноваться.

Мальчик поколебался, настороженно покосился в угол, откуда за ним продолжали следить две красные точки. Но все же нашел в себе силы подняться и, подойдя ко мне, беспокойно переступил по обледеневшему ковру босыми ногами.

– Тебе не холодно? – поинтересовался я, краем глаза тоже поглядывая за нашим гостем.

– Немного.

– Ты голоден? Устал? Может, хочешь спать?

Мальчик мотнул головой.

– Я просто хочу домой. И мне… по-прежнему страшно, мастер Рэйш. Я не знаю, что это за существо. А еще мне не по себе от мысли, что оно, возможно, голодное.

– Для мага ты слишком много сомневаешься – этом минус, – усмехнулся я, протягивая ему руку. – Но рассуждаешь здраво – это плюс. Хочешь, я вас познакомлю?

– А надо? – испуганно дернулся Роберт.

– Если собираешься еще раз сюда прийти, то надо. Если нет – давай руку, я выведу тебя в обычный мир, и больше мы к этому не вернемся.

Юный лорд откровенно заколебался. Во Тьме ему было… пожалуй, что нормально. Если не хорошо, то гораздо комфортнее, чем в свое время мне. Он почти не чувствовал холода, хотя стоял посреди обледеневшей спальни в одной шелковой пижаме. Его, судя по всему, не тревожили голоса умерших… он просто стоял, как стоял бы любой нормальный ребенок посреди самой обычной комнаты. Ничему не удивлялся. Ничего плохого не чувствовал. А если и боялся, то лишь потому, что не понимал, что происходит. Но с каждым мгновением решимость в его глазах становилась все крепче, пока наконец пацан не вскинул упрямо голову и не сказал

твердо:

– Я не люблю бояться. Это неправильно. Поэтому познакомьте нас, пожалуйста, мастер Рэйш.

Я мысленно хмыкнул и, обернувшись к гостю, поманил его пальцем. А мальчишку на всякий случай придержал за плечи, особенно когда из темноты медленно и осторожно вышел… вернее, выбрался, переваливаясь, словно утка… маленький кривоногий уродец, в котором очень смутно, но все же угадывались фамильные черты семейства Искадо.

Роберт при виде него напрягся так, что его плечи буквально закаменели. Из груди вырвался прерывистый вздох, больше похожий на всхлип, но с места мальчишка так и не сдвинулся. Только задрожал, словно холод до него наконец-то добрался, а затем вцепился обеими руками в мою ладонь и срывающимся шепотом спросил:

– Это ч-что… я?!

– Такой, каким ты мог бы здесь стать, – ответил я, скептически разглядывая уродца: тощее тело, неестественно длинные руки с явственно увеличенными ногтями, деформированная грудная клетка, кривые ноги, абсолютно лысый череп с большими глазницами и огромным, усеянным треугольными зубами ртом… при виде мальчика существо довольно клацнуло челюстями, а затем низко пригнулось, как если бы собралось напасть.

– Не надо его бояться, – так же спокойно обронил я, когда из груди мальчишки вырвался еще один вздох. – Это всего лишь твое отражение.

– Так он не материальный?!

– Материальный. Ровно настолько, насколько ты ему позволишь. Тьма – это твое отражение. И она будет такой, какой ты захочешь ее увидеть.

Роберт с трудом оторвал взгляд от замершего в трех шагах астрального двойника и уставился на меня расширенными глазами.

Да, мальчик. Это – твое первое испытание во Тьме. Победить обычное чудовище несложно, потому что оно, как правило, мертвое. А вот победить чудовище в себе, посмотреть в глаза собственному страху и суметь его перебороть – это не всем дано. Каждый темный, впервые сталкиваясь с Тьмой, понимает это не разумом, а сердцем. Осознает где-то очень глубоко внутри, на уровне инстинктов. Чувствует, как порой чувствуют звери. И он должен это преодолеть, иначе ему не место на темной стороне.

Проследив за тем, как во взгляде мальчишки отчаянно сражаются страх за себя, еще больший страх за то, что о нем

подумают, и истинно мужское упрямство, я в какой-то момент решил, что пацан все же отступит. Но он неожиданно выдохнул, вырвал руку из моей ладони и, резко отвернувшись, шагнул навстречу своему чудовищу.

Уродливый монстр утробно заурчал, распахнув глотку так, что в ней можно было заметить адово пламя. Набычился, растопырил когти, готовясь ударить. Даже присел, вот-вот собираясь наброситься на решительно двинувшегося к нему юного лорда… но в последний момент встретил его взгляд и неожиданно дрогнул. А потом мелкими шажками, сперва медленно и неуверенно, а затем все быстрее и быстрее попятился прочь, завороженно глядя, как вокруг решительно сжавшего губы герцога сгущается явившаяся на его молчаливый призыв Тьма. Как окутывает его с ног до головы холодный черный огонь. И как разгорается в его глазах такое же мрачное пламя полноценного, впервые почуявшего в себе силу темного мага. Мага, которого совсем недавно благословил и принял могущественный темный бог. Именно так, как это происходило тысячу лет назад.

Я не сдвинулся с места, когда астральный двойник уперся спиной в угол и сердито зашипел, поняв, что мальчишку Искадо это не остановило. И продолжал свирепо шипеть до тех пор, пока Роберт не приблизился к нему вплотную и, едва не ткнувшись в него носом, с неожиданной силой бросил:

– Прочь! Я тебя не боюсь!

Двойник взвыл и буквально растаял во Тьме, проиграв свой первый и последний поединок. А я окинул тяжело дышащего пацана задумчивым взглядом.

Неожиданно. Мне в свое время пришлось с «собой» сражаться и даже в каком-то смысле убить. Видимо, и впрямь в мальчишке есть что-то особенное, если даже Смерть согласилась ему подыграть.

– Я правильно поступил, мастер Рэйш? – все ещё прерывисто выдохнул Роберт, обернувшись и кинув на меня напряженный взгляд. – Он ведь больше не вернется?

Я усмехнулся.

– Нет. Но даже если бы ты поступил по-другому, запомни: любое твое решение во Тьме будет правильным. И только оно будет менять мир вокруг тебя соответственно тому, что ты сделал.

Роберт удивленно моргнул, явно собираясь что-то сказать, но вдруг пошатнулся, закатил глаза и, мгновенно растеряв мрачноватую темную ауру, начал оседать на пол.

Я спохватился и едва успел его подхватить, мысленно на себя ругнувшись. Вот же дурак! Пацану всего десять лет, и он во

второй раз в жизни оказался во Тьме! А теперь по нему закономерно ударил откат, который я, растяпа, все-таки проглядел!

Вытащив потерявшего сознание мальчишку в обычный мир, я торопливо проверил пульс, но это, к счастью, оказался самый обычный обморок. Когда я обтер юного герцога простыней и закутал в теплое одеяло, он быстро пришел в себя. Бледный, слабый, как новорожденный котенок. Тем не менее, когда я склонился над ним, чтобы убедиться, что все в порядке, Роберт нашел в себе силы выпростать из-под одеяла руку. И, вцепившись пальцами в мою ладонь, едва слышно прошептал:

– Об этом не стоит никому говорить, да, мастер Рэйш?

Я снова ругнулся про себя.

– Ты прав. Даже мастеру Хокк не стоит.

– Я сделал что-то плохое? – попытался приподняться Роберт.

– Нет, – буркнул я, толкнув его обратно на постель. – Не о том думаешь. Тебе надо восстановиться.

– Но я же только…

– Спи, – велел я, оборвав его на полуслове. – Я поставлю еще одну защиту. Кошмаров у тебя больше не будет.

– Спасибо, мастер Рэйш, – обессиленно прикрыл веки мальчишка и мгновенно провалился в сон, так и не отпустив мою руку.

* * *

Домой я после этого уже не пошел и, закончив с защитой, вернулся в Управление, где снова плотно засел за сферу. На мое счастье, Йен в кои-то веки ночевал дома, и я со спокойной душой выпотрошил всю доступную базу ГУССа, чтобы поднять родословную Роберна Лернана Искадо.

Всю ее, правда, просмотреть не удалось – данных в базе оказалось маловато, но и двухсот с небольшим лет и четырех поколений высокородных предков оказалось вполне достаточно, чтобы с уверенностью утверждать: в роду герцога Искадо за это время не было, не планировалось и по определению не должно было появиться темных магов. Светлый дар – он как искра: единожды возникнув, потом передается из поколения в поколение с завидной стабильностью. Ни тебе периодов спада, ни всплесков активности… да, бывали случаи, что спонтанно зародившийся дар мог так же внезапно угаснуть в течение одного-двух поколений. Но чаще он все же сохранял устойчивость, исправно передавался от родителей потомкам и не испытывал никаких

затруднений при переходе что к сыновьям, что к дочерям, в отличие от темного дара, с которым было много сложностей.

Но если в семью Роберта не мог затесаться темный маг, то что же тогда произошло? Почему в нем проснулся темный дар, если этого не должно было случиться? Неужели Фол захотел нарушить клятву? А может, у нее изначально был оговорен срок годности? Дескать, тысячу лет жнецов создавать нельзя, а потом потихоньку можно? Или же в храмовых летописях дана неполная информация? Хотя, быть может, отец Гон о чем-то умолчал и умышленно ввел меня в заблуждение?

«Надо будет еще разок поработать с мальчишкой, пока Хокк болеет», – подумал я, отчаянно зевая, но упрямо пялясь в сменяющие друг друга экраны. – Чем Фол не шутит – может, из него и впрямь выйдет толк? И еще надо порыться в схроне. Может, в книгах учителя найдется опровержение теории Рейно Лерса?»

С этими мыслями я и уснул. Прямо там, за столом с тихо мерцающей сферой. И благополучно продрых до самого утра, открыв глаза только когда поблизости хлопнула дверь, и в кабинет ворвался довольный жизнью Тори Норн.

– Привет, мастер Рэйш! – радостно заявил он с порога. – А меня только что из лечебного крыла выписали. Обещали вечером, но злыдни в белых балахонах в последний момент передумали, так что я проторчал там в два раза больше, чем планировал. Зато теперь я полностью свободен и готов приступить к работе!

– Поздравляю, – буркнул я, с трудом отдирая себя от столешницы. – Как Хелена?

– К обеду освободится, но ей еще два дня велено сидеть дома. Никаких нагрузок и никакой магии. Она расстроилась, но Корн уперся и в приказном порядке отстранил ее от дел.

– Прекрасно. А Хокк?

Но Тори неожиданно не ответил.

– Что не так? – удивился я, кое-как пригладив торчащие в разные стороны седые лохмы. – Триш вчера говорила, что вскоре ее тоже планировали отпустить.

– Планировали, – вздохнул парень. – Но кажется, не отпустят, потому что Хокк так и не пришла в сознание, а вчера вечером ей стало ещё хуже, и они не знают, почему это произошло.

Я недоверчиво вскинул брови. Тьма! Я в нее столько сил вбухал, что там можно было дважды воскреснуть. Да она ж вчера со мной разговаривала. И весьма неплохо выглядела для мага, который едва не перегорел. Может, целители чего намудрили? Жаль, я в этом не разбираюсь. А если б и разбирался, то все равно бы не полез, потому что в ГУССе хватает толковых светлых,

способных справиться с любой болячкой.

Неожиданно в кармане завибрировала монетка.

– Что опять случилось с утра пораньше? – удивился я, прихлопнув ее ладонью. – Еще на работу не явился, а уже куда-то вызывает!

– Вы уходите, мастер Рэйш? – огорчился Тори, когда я подхватил со стула шляпу и плащ.

– Да. Твоему шефу что-то срочно понадобилось. Но раз твой переговорник молчит, то скорее всего, о новом убийстве речь не идет.

В этот же самый момент в кармане парня, как по заказу, что-то тренькнуло. А мгновением позже такой же звук раздался и в коридоре, но его вскоре перекрыл дробный перестук каблучков.

– Вы это слышали? У нас вызов в Кривой переулок. Район не наш, но там труп, и шеф очень хочет, чтобы им занялись именно мы! – запыхавшись, сообщила ворвавшаяся в кабинет Лиз и отняла от уха переговорный амулет, а потом заметила меня и приветливо кивнула. – Доброе утро, мастер Рэйш. Я сейчас вызову Брила и поймаю кеб. Вы с нами?

Я покачал головой.

– По темной стороне быстрее.

– Можно я с вами? – тут же загорелись глаза у Тори.

– А тебе разве не должны были запретить пользоваться магией на пару с Триш?

Парень тут же скис и, забрав со стола блокнот, визуализатор и записывающие кристаллы, с унылым видом поплелся на улицу. А я, не дожидаясь, пока он выйдет, провалился на темную сторону, выбрался в ближайший тупичок за зданием Управления. И уже оттуда, прихватив молчаливого Мэла, отправился прямой тропой сперва домой – по-быстрому привести себя в порядок, а затем прыгнул на сигнал маячка, умудрившись умыться, сменить одежду и позавтракать в поистине рекордные сроки.

Я, правда, думал, что поводок приведет меня в другой квартал, к трупу, о котором Йен только что сообщил подчиненным. Но нет – меня опять притянуло к зданию ГУССа. Видимо, Корн решил начать утро с совещания. И снова зачем-то возжелал увидеть там мою упрямую персону.

– Обнаружено тело Брюса Ольерди, – отрывисто бросил он, когда я открыл дверь и вошел в его кабинет как нормальный человек – пешком. – Проходи, Рэйш. Опять последний. И опять без переговорника, хотя я уже давно просил тебя его завести.

Я сделал вид, что не услышал последнюю фразу, и молча протиснулся мимо Эрроуза, Йена, Илжда и Роша, умудрившихся вчетвером рассесться так, что к окну было не подобраться. А

когда я наконец-то устроился, Корн недовольно раздул ноздри и продолжил:

– Сигнал в ГУСС поступил от коллег из городской стражи примерно полсвечи назад. Патрульные заметили рядом с мусорным баком холщовый мешок, а когда развязали, то оказалось, что там находится пропавший сосед госпожи Ультис. Причем в крайне неприглядном виде. А точнее, по частям. Норриди, я хочу, чтобы ваша магичка… как там ее, Шарье?… все там осмотрела и проверила.

– Я уже отправил их с мастером Норном на место, – кивнул Норриди, бросив на меня настороженный взор. Я незаметно кивнул, подтверждая, что молодежь уже умчалась, и он расслабился.

– Не слишком ли леди Шарье молода для такой работы? – справедливо засомневался Илдж.

Корн отмахнулся.

– Ничего. Девчонка толковая, справится. Тем более, мои маги пока на карантине, а твои нужны по тем адресам, что нам дали вчера. Рэйш, ты узнал что-нибудь новое? Вчера тебя видели в храме.

– Вы что, соглядатая ко мне приставили? Чтобы вместо переговорника поработал? – фыркнул я. – Да, отец Гон поделился кое-какой информацией, которая должна быть вам интересна.

– Докладывай.

По мере того, как я говорил, физиономия Йена постепенно вытягивалась, а лицо шефа становилось все мрачнее и мрачнее. Информация была тревожной, возможная связь Дертиса и леди Ольерди – сомнительной, но факты, как говорится, никуда не спрячешь. Особенно в свете того, что супруг госпожи Ольерди этим утром был найден мертвым, из чего следовало заключить, что если он и был причастен к ее смерти, то проведшему ритуал магу его услуги больше не требовались.

Насчет Роджера Эстиори я тоже не стал ничего утаивать. В ГУССе народу много, и каждый чего-то да стоит. А я не настолько самоуверен, чтобы решить, будто в одиночку смогу проделать работу, которую толпой получится сделать в несколько раз быстрее.

– Насколько ты уверен в выводах, Рэйш? – хмуро осведомился шеф, когда я выложил информацию, нарытую с помощью сфер.

– Если ваша база не врет, то процентов на восемьдесят. И то, лишь потому, что к некоторым разделам архива у меня нет свободного доступа.

– Мои люди этим займутся. Рош, что у тебя? – так же резко спросил Корн, когда я замолчал.

– В «нашем» доме пока тихо. За ним ведут постоянное наблюдение, но ничего необычного за эти сутки не происходило. Еще мы ищем связь с жильцами других домов, некогда побывавших под рукой господина Эстиори, но, кроме магов, зацепок пока нет. Среди них есть и приезжие, и коренные жители Алтира, люди и постарше, и помоложе, с детьми и бездетные… но все живут в разных районах и работают в разных областях. Конечно, чисто теоретически возможность пересечься в столице у них есть, но прямой связи мои сыскари пока не нашли.

– Эрроуз?

– У нас тоже труп, – сухо доложил начальник северного участка. – Вернее, за ночь их было два, но думаю, поножовщина со смертельным исходом в одном из переулков к нашему делу отношения не имеет. А вот выброшенный в помойную яму, вытравленный плод мужского пола, вероятно, наш случай.

– Какой срок? – тут же напрягся Корн.

– Маги ещё работают с телом, но предварительно, около двадцати недель. Думаю, надо поговорить с леди Ультис на предмет того, на замечала ли она у госпожи Ирэн Ольерди животика. И ещё момент. Будучи светлым магом, вряд ли она обращалась к целителю, но все равно стоит проверить. Вдруг ее кто-то вспомнит, и тогда мы будем знать точно, что это именно ее ребенок.

– Если младенец «наш», то в его крови тоже должны быть следы сколаниса, – внезапно кашлянул Илдж.

Эрроуз бросил на него удивленный взгляд и благодарно кивнул.

– Я скажу своим. У меня пока все.

– Илдж? Норриди?

– У нас тихо, – развел руками начальник восточного участка.

– У нас тоже, – доложил Норриди. – В доме Ольерди тишина. Никто не пытался проникнуть внутрь. Никто не нарушал охранных заклинаний, даже крысам нет до него никакого дела. Зато насыщенность магического фона перед дверью в подвал и лестницей на чердак за это время снизилась на три с половиной единицы. Внутри, вероятно, тоже, но без приказа дежурный маг соваться туда не стал.

Я мысленно хмыкнул.

Кого это он туда дежурить поставили? Херьена, что ли на пару с Торном, видимо, раз уж его не позвали с собой в Кривой переулок. Это значит, что завтра в караул придется идти Тори, а послезавтра Лиз. Если, конечно, господин Жольд не поторопится и не найдет себе второго дежурного мага, пока первый не свалился с ног от усталости.

– Поставьте рядом с дверьми пустые накопители. Возможно, это ускорит процесс стабилизации магического фона, – распорядился Корн. – Когда фон снизится ниже отметки в полторы сотни единиц, можно будет нормально все осмотреть. Рэйш, не спи. Мы еще не закончили.

Я отвернулся от Йена и поднял на шефа скептический взгляд.

– Разве похоже, что я уснул?

– Будь добр не отвлекаться, – отрезал Корн. – И зайди потом в лечебное крыло – целители хотят задать тебе пару вопросов.

Я молча кивнул и до конца совещания больше ни во что не вмешивался. Я внештатный сотрудник, мне можно. И с чего это Корн решил, что мне непременно надо присутствовать здесь, а не осматривать труп вместе с Лиз и Тори?

Когда шеф закончил разбор полетов и величественным жестом отправил всех нафиг, я так же молча поднялся и вышел, до последнего ожидая, что меня окликнут. Но шеф, если и запасся новыми вопросами, не стал этого делать. Так что я спокойно ушел, спустился в лечебное крыло и так же спокойно добрался до комнаты, где лечилась Лора Хокк. Но как только открыл нужную дверь, спокойствие меня тут же покинуло, потому что стоящий у ее постели немолодой, отягощенный лишним весом и одетый в бесформенный серый балахон светлый выглядел подавленным. А при виде меня лишь устало улыбнулся и бросил:

– Хорошо, что пришли, мастер Рэйш. У меня для вас плохие новости: ваша коллега умирает, и боюсь, я больше не в силах ей помочь.

Глава 8

Пока пузатый маг докладывал, как и чем именно он пытался лечить мастера Хокк, я смотрел на неподвижно лежащую магичку и пытался понять, хорошо это или плохо, если ее не станет. С одной стороны, она сделала доброе дело, пожертвовав собой и сумев сохранить жизнь Тори и Триш. С другой, ее присутствие могло помешать мне работать с Робертом и с внезапно проснувшейся в нем Тьмой. Это, по большому счету, ставило под угрозу некоторые мои планы и могло послужить причиной ненужного интереса со стороны Ордена. Причем как к мальчишке, так и ко мне. А этого допустить было нельзя.

– Мастер Рэйш? – неуверенно позвал целитель, когда я наклонился и прислушался к тихому дыханию Хокк.

Сейчас она была бледнее, чем обычно. Какая-то изможденная, с выпирающими скулами и исхудавшая настолько, словно ее выматывала тяжелая болезнь. Полученные от умруна шрамы на ее левой щеке так и не рассосались и теперь вызывающе вздымались над истончившейся кожей. Да ещё и кровью налились, словно это случилось не месяц назад, а буквально на днях. Аура выглядела и того хуже – рваная, тусклая, слабая как никогда. Всего один порыв ветра, и она окончательно угаснет, после чего Хокк неминуемо погибнет.

Но я ведь напоил ее вчера. Причем так, что к утру Хокк должна была уже очнуться. А она все еще без сознания и выглядит, кажется, хуже, чем накануне.

– Мастер Рэйш? – совсем нервно повторил целитель, когда я задумчиво провел пальцами по рубцам на ее щеке. Кожа магички оказалась холодной, но все же не совсем мертвой, потому что неожиданно дрогнула и даже, по-моему, потеплела.

Из груди Хокк вырвался прерывистый вздох.

– Хвала Роду, я не ошибся, – тихонько пробормотал целитель. А затем властно положил ладонь на мою руку, заставив ее прижаться к щеке Хокк, и требовательно придержал. – Стойте. Не отстраняйтесь. Я хочу убедиться.

– В чем? – нахмурился я.

– Это ведь вы вытащили ее из «колодца»? – ненадолго обернулся светлый.

– Было дело.

– И вы открыли для нее свои резервы?

Я пожал плечами.

– Она умирала. Больше мне ничего в голову не пришло.

– И очень хорошо, что не пришло, – облегченно вздохнул

целитель и наконец выпрямился, продолжая держать мою руку. – Сейчас ваш источник для нее единственно верный. И именно поэтому наши ей попросту не подошли.

– Поясните, – потребовал я, мельком покосившись на бледную как поганка магичку. При этом мне показалось, что дышать она стала немного глубже и ровнее, а кожа на лице действительно стала теплой.

– Все очень просто: мастер Хокк превысила свои возможности, пока находилась на темной стороне. Ее резервы опустели, а магический дар истощился, поэтому восстановиться самостоятельно она не смогла. Вы, судя по всему, поделись с ней силой в тот самый момент, когда ее душа качалась на грани, раздумывая, стоит уйти или же все-таки остаться. Ваша сила, по-видимому, сыграла роль своеобразной привязки для нее, поэтому вы и смогли вернуть мастера Хокк к жизни. Но как только связь оказалась разорванной, процесс обернулся вспять. Магический дар леди Хокк все ещё истощен, силы, которыми вы с ней поделились, подошли к концу, но, поскольку самостоятельно она все ещё не способна их восполнить, а наши источники оказались для нее бесполезными, то теперь помочь ей можете только вы.

Я поморщился.

Только этого не хватало. Я сделал то, что был должен, но это не значит, что меня можно записывать в спасители или требовать открыть свои резервы, позволяя кому-то вычерпывать их сколько захочется. У меня свои дела. Свои планы. И я не хотел их откладывать только из-за того, что целители Корна не справились со своей задачей.

– Мне очень жаль, господин…?

– Орбис, – торопливо представился светлый. – Нет-нет! Пожалуйста, не убирайте руку! Мастер Хокк и так слишком долго держалась, и может просто перестать дышать, если вы уйдете!

Я одарил его мрачным взором.

– Вы предлагаете мне поселиться здесь до тех пор, пока она не очнется?

– Ни в коем случае! Будет достаточно, если вы хотя бы раз в день будете ее навещать и делиться толикой своих сил, – ещё торопливее заверил меня светлый. – Мастер Хокк очень хороший маг. Тянуть во Тьме сразу двоих коллег и удержать их на этом свете, оказавшись посреди «колодца»… поверьте, это дорогого стоит. А сейчас ей нужно совсем немного. Просто капля в сравнении с тем, что она сделала и для вашего, в том числе, коллеги. А потом она начнет заполнять резервы самостоятельно, и ваша помощь больше не понадобится.

Я заколебался.

– Сколько это займет времени?

– На один сеанс не больше четверти свечи. А вот в днях не могу точно сказать. Возможно, неделя. Максимум две. И то, время вашего присутствия будет с каждым разом постепенно сокращаться.

Я проверил собственные резервы и мысленно прикинул. Неделя? Что ж, если это потребует всего по четверти свечи в день, то раз в сутки я, пожалуй, смогу сюда наведываться. Хокк истощена, однако силы на себя тянет не так много, как ожидалось. Функционировать, как выражается Мэл, мне это не помешает.

– Мне понадобится беспрепятственный доступ в лечебное крыло в любое время дня и ночи, – наконец, сухо бросил я. – Буду приходить, когда освобожусь, и не исключено, что вас в это время здесь уже не будет.

– У нас всегда остается на ночь кто-то из дежурного персонала, – с видимым облегчением выдохнул Орбис. – Я предупрежу, чтобы вас пропускали к леди Хокк без всяких препятствий.

– Договорились. Теперь я могу уйти?

Целитель простер над магичкой руки, что-то там поколдовал, похимичил, после чего Хокк с ног до головы окутало льющееся с его ладоней серебристое сияние. Но вскоре оно угасло, а Орбис виновато улыбнулся.

– Процесс уже запущен, все идет как надо, и аура леди выглядит намного лучше, но я бы попросил вас задержаться ещё на четверть свечи. Для гарантии, что леди хватит этого запаса хотя бы до окончания дня.

Я скрипнул зубами, но все же огляделся и, не найдя куда присесть, бесцеремонно подвинул Хокк, чтобы занять место на ее постели. Не стоять же мне в неудобной позе, отсчитывая про себя время? А ей сейчас все равно – возразить по-любому не сможет.

Целитель открыл было рот, чтобы сделать какое-то замечание, но перехватил мой раздраженный взгляд и неожиданно передумал. После чего бочком-бочком просочился по стеночке наружу и вернулся только через четверть свечи – сообщить, что мое время вышло. После этого он снова исчез. А я немедленно отстранился от Хокк и потер похолодевшую ладонь о штаны. Но прежде чем уйти все же бросил на нее внимательный взгляд сразу через две линзы.

Да, пожалуй, дыр в ее ауре стало поменьше, чем полсвечи назад, хотя нормальной ее и сейчас назвать было нельзя. Цвет стал чуточку более насыщенным. Немного выправилась форма. Да и внешне Хокк выглядела лучше, что позволяло надеяться на

благополучный исход для ее дара, а также на то, что за неделю она все-таки встанет на ноги, и мне не придется сюда возвращаться дольше необходимого.

Уходить из комнаты темной тропой я не рискнул – лишний раз встречаться с Тьмой Хокк, пожалуй, не стоило. Однако стоило мне выйти в коридор, как там снова нарисовался Орбис и почему-то сиял при этом, как начищенный золотой.

– Мастер Рэйш! – помахал он издалека какой-то бумажкой и вприпрыжку помчался в мою сторону. – Мастер Рэйш, не уходите… только что сверху пришел приказ – вам предписано навещать леди Хокк как минимум раз в сутки в сроки, достаточные для стабилизации ее ауры и дара!

– Что? – недобро прищурился я. – Кто отдал такое распоряжение?

– Приказ подписан Нельсоном Корном, – радостно улыбнулся целитель, но увидел выражение моего лица и тут же осекся.

Я забрал из его вялых пальцев бумагу с официальной печатью Управления. Внимательно прочитал. Смял в кулаке. После чего совсем нехорошо посмотрел на Орбиса, который, как я понимаю, успел за эти четверть свечи подсуетиться, чтобы не отчитываться потом за лишний труп. Затем дождался, когда светлый окончательно спадет с лица и попятится. После чего забросил скомканный приказ в угол и рывком ушел на темную сторону.

* * *

Когда я добрался до Кривого переулка, там все уже было кончено. В том смысле, что тело Брюса Ольерди уже осмотрели, описали и увезли в «холодильник». Маги свою работу тоже почти закончили, следователи фиксировали на кристаллы последние штрихи, да и городская стража, которую отправили опрашивать жильцов близлежащих домов, в большинстве своем с задачей уже справилась. Так что не месте преступления осталось только оцепление, которое отваживало от переулка зевак.

С Тори и Лиз я, как и следовало ожидать, не пересекся – они уже уехали в Управление. Но вот то, что и тело укатило туда же, меня приятно удивило. Участок ведь не наш, а Роша. Но один из ребят из числа городской стражи охотно подтвердил, что «труповозку» вызывали именно из западного УГС, а люди Роша, покрутившись по округе, быстро отстали. Вероятно, получили приказ нам не мешать.

Это было необычно для столицы, но здорово облегчило мою задачу. Тем не менее, по темной стороне я все же прошелся, Мэла

на охоту тоже отправил, но, к сожалению, переулок не пустовал ни в дневное, ни тем более в ночное время, так что отпечатков на земле осталось море. В том числе и от наших ребят. А вот следов убийцы среди них не было, так что тело сюда привез явно не тот, кто отнял жизнь у господина Ольерди.

Убедившись, что ничего интересного в округе нет, я вернулся в участок и, пока Тори и Лиз занимались уликами, спустился в «холодильник», где уже готовился к работе Лив Херьен. Перед ним находился большой секционный стол с канавками для стока крови по бокам, а на столе лежал, видимо, тот самый мешок с останками, на который мне было очень любопытно взглянуть.

При виде меня светлый приветственно кивнул, надел длинные кожаные перчатки и, обзаведшись таким же кожаным фартуком, внимательно изучил мешок со всех сторон. И особенно много уделил внимания тем местам, где грубая ткань пропиталась кровью. Закончив осмотр и черкнув что-то у себя в блокноте, он развязал плотно завязанные тесемки на горлышке и принялся спокойно доставать изнутри фрагменты тел, укладывая их так, чтобы на столе получился… ну, почти что нормальный человек.

Фрагментов всего оказалось пятнадцать: окровавленная голова, разрубленное на две части туловище и четыре конечности, каждая из которых была аккуратно разделена на три части. Крови с них практически не натекло, из чего следовало заключить, что тело довольно долго где-то лежало, прежде чем его упаковали в мешок. К тому же тот, кто поработал над трупом, очень хорошо знал, что делать. Работал, скорее всего, топором. Но действовал грамотно – рубил по суставам. Причем, если судить по характеру сколов, на каждый сустав ему понадобился один, максимум два удара, что несомненно говорило о наличии опыта.

Когда Лив закончил выкладывать куски и убрал со стола пустой мешок, я склонился над криво лежащей головой.

– Как его опознали?

Светлый снял одну перчатку и создал поверх тела сканирующее заклинание. Серебристое облако накрыло сперва ноги жертвы, а затем, перемещаясь следом за рукой мага, принялось подниматься наверх.

– Ориентировки по нему во все участки были разосланы, вместе с портретом и особыми приметами. Когда патрульные нашли мешок, голова лежала сверху. А в зубах торчала записка с именем.

– Это что же, наш убийца – шутник? – пробормотал я, взглядом поискав упомянутую записку.

– Скорее, ему захотелось поиграть, – не согласился Лив и, поняв, что именно меня заинтересовало, понимающе хмыкнул. – Записку можешь не искать – ее следаки забрали в качестве улики. Но я успел на нее взглянуть – следов чужой ауры там не было. Только кровь жертвы. Надпись всего из двух слов – имя и фамилия. Сделана печатными буквами, но писали вкривь и вкось. Скорее всего, умышленно, чтобы изменить почерк.

– А по поводу тела что скажешь? – хмыкнул я, глядя, как он водит рукой над изуродованным трупом.

– Пока ничего особенного, кроме того, что с высокой степенью вероятности расчленяли его уже мертвого. Следов пыток на коже нет. Все кости и ногти целы. А убили его одним ударом – в сердце, так что перед смертью этот невезучий господин почти не мучился. Ну-ка, погоди…

Лив неожиданно остановил ладонь над верхней частью туловища жертвы, как раз над небольшой раной на левой стороне груди, скорее всего, оставшейся от ножа с узким и тонким лезвием. Немного подумал, затем второй рукой, на которой еще была надета перчатка, поковырялся во внутренностях. А затем поднял на меня удивленный взгляд и хмыкнул.

– А ты знаешь, у него было слабое сердце. И сосуды совсем плохие. Так что с высокой степенью вероятности могу предположить, что этот мужчина умер бы в течение ближайших лет и без дополнительной помощи.

Я ответил светлому скептическим взглядом.

– Хочешь сказать, убийца оказал ему услугу?

– Нет, конечно. Не в его праве было казнить или миловать даже очень больного человека. Но с учетом того, что смерть господина Ольерди была быстрой и безболезненной, скорее всего, он никому не помешал. А расчленили его лишь потому, что так тело было удобнее складывать в мешок.

– Очень прагматично, – буркнул я и отступил на шаг, когда Лив дошел до головы. – Но все же – что, если это не Ольерди? Может, нам подкинули фальшивку?

– Я проверю кровь на сколанис. И сравню те приметы, которые дали сыскари, с теми, что остались на теле мертвеца. Потом проведу окончательную диагностику. И дня через два точно скажу: он это или нет.

– А по вчерашним телам у тебя информация какая-нибудь есть?

Херьен качнул головой, закончив с заклинанием, и убрал руки от трупа.

– Пока нет. Мне их обещали привезти из ГУССа сегодня вечером.

– Значит, через денек я к тебе загляну. И, скорее всего, принесу отчет о вскрытии еще одного трупа, который этой ночью нашли на северном участке. Надо, чтобы ты оценил изменения и сказал, на что они похожи с твоей точки зрения.

– Эм… ладно, попробую. Но буду очень удивлен, если Эрроуз даст тебе ознакомиться с материалами. Тем более, позволит отдать их стороннему специалисту.

Я ухмыльнулся.

– Это уже моя забота. От тебя требуется только дать заключение.

Светлый окинул меня заинтересованным взглядом и кивнул, после чего я счел нужным подняться наверх и засунуть нос в те отчеты, которые Тори и Лиз уже почти настрочили. Они, как ни странно, оказались готовыми и вполне приемлемыми по качеству. Так что я забрал оба и, не обратив внимания на сдвоенный возмущенный вопль, уволок в кабинет Йена вместе с бумагами, которые как раз успели дописать наши сыскари.

Норриди в кои-то веки оказался в кабинете не один. Но я совершенно искренне удивился, обнаружив, что он коротает обеденное время ни с кем иным, как с Хеленой Триш, которую, как и обещал Тори, все-таки выписали из лечебного крыла. И которая первым же делом зачем-то явилась в наше Управление.

Как интересно…

Когда я вошел, девчонка с постной миной сидела на диванчике для посетителей и явно чувствовала себя неуютно. А Йен в это время старательно пялился в сферу и выглядел так, словно его терзала неприличная болезнь, о которой не принято говорить вслух, но и терпеть уже не осталось никаких сил.

При виде меня они одновременно вскинулись и с таким облегчением вздохнули, что мне стало почти смешно. Триш, правда, выглядела бледновато и казалась осунувшейся, но выражение на ее лице было весьма решительным.

– Что случилось? – поинтересовался я, зайдя внутрь и бросив на вешалку шляпу. – Триш, тебя выписали?

– Да, мастер Рэйш. Господин Орбис счел, что я могу без опаски покинуть лечебное крыло.

– А сюда-то тебя каким ветром занесло? Корн прислал? Или Йен, пока тебя спасал, успел стырить что-то важное из твоего кармана?

Норриди бросил на меня испепеляющий взгляд, а девчонка нервно улыбнулась.

– Нет-нет, ничего такого. Я очень благодарна ему за помощь, но вообще-то сегодня я искала именно вас.

– Да? – я настороженно покосился на Йена, но тот снова

уткнулся в сферу и сделал вид, что его больше ничто не интересует. – И что же тебе от меня понадобилось?

– Возьмите меня в команду!

– С ума сошла?! – чуть не поперхнулся я. – Ты же работаешь в ГУССе. Какой резон брать тебя на наш участок, да еще и после травмы?

Триш умоляюще сложила руки перед собой.

– Ну, пожалуйста, мастер Рэйш! Лора все еще находится в лечебном крыле и неизвестно сколько времени там пробудет. Меня к ней больше не пускают! Говорят, это может быть опасно! А Корн вообще отстранил от всех дел и наотрез отказался перевести в другую команду! Даже на время!

– Правильно отказался, – буркнул я, усевшись в любимое кресло. – Все равно тебе на темную сторону нельзя.

– Но это же всего на два дня!

– Ну и что? Может, через два дня Корн и так передумает.

– Не передумает, – несчастным голосом произнесла Триш. – В приказе стоит срок – две недели. А если Хокк не встанет за это время на ноги, то срок продлят на неопределенное время, потому что официально звание ученицы с меня ещё не сняли, а до этого времени я не смогу работать в одиночку.

– Подумаешь, проблема? – отмахнулся я. – Получишь через пару дней значок, а затем придешь к Корну официально проситься на работу в качестве мастера. А пока отдыхай, набирайся сил. Можешь даже считать, что у тебя внеплановый отпуск.

За моей спиной какое-то время было тихо. А потом Триш прерывисто вздохнула, обогнула меня вместе с креслом и, встав у стола, тяжело посмотрела сверху вниз.

– Я не могу находиться дома, мастер Рэйш. Не могу ничего не делать, понимаете? Какой-то урод принес в жертву двух магов и едва не убил нас с Лорой, а вы предлагаете отойти в сторону и ждать, пока что-то решится?!

Я нахмурился.

– Ты предлагаешь нам с Йеном открыто пойти против решения Корна?

– Он сказал: если вы согласитесь, то я могу поработать с вами, – тихо призналась Триш, заставив меня изумленно вскинуть голову. – Но – только с вами, иначе он лишит меня обещанной должности. Поэтому я прошу вас… пожалуйста, мастер Рэйш… возьмите меня к себе! Клянусь, что не доставлю никаких проблем и буду делать все, что вы скажете!

Я скривился и собрался было сказать твердое «нет», потому что еще один неопытный маг в команде был нам не нужен, но

неожиданно увидел, как изменилось лицо Йена, и чуть не сплюнул. Триш его видеть не могла – она стояла к Норриди спиной. А Йен… гаденыш… тут же отвернулся, полностью перевесив ответственность за это решение на мои плечи.

Кретин.

– Ладно, ты в деле, – скрепя сердце сказал я, и Триш радостно дрогнула. – Но у меня два условия. Первое: ты подчиняешься беспрекословно и без приказа на темной стороне даже шагу лишнего не сделаешь. И второе: завтра ночью ты останешься дежурить возле дома на Шестнадцатой улице, чтобы нам не пришлось привлекать Лиз. Ей эта работа пока не по плечу.

– Я согласна. Спасибо, мастер Рэйш. Я ваша должница!

– Знаю. А теперь дуй к нашим ребятам, пусть покажут, что они уже успели нарыть. И помоги разобраться с кристаллами, а то они до ночи опять провозятся.

– Так точно. Будет сделано!

– Чудесно, – мрачно прокомментировал мое решение Йен, когда окрыленная надеждой девчонка лихо козырнула и упорхнула из кабинета. – Просто замечательно. И как ты себе это представляешь?

Я поморщился.

– Пусть работает, раз уж Корн не против, чтобы она нам помогала. А я с твоего позволения пойду к себе. Отсыпаться. И ждать новостей с других участков, где с высокой долей вероятности скоро еще кого-нибудь убьют.

Глава 9

Использовать схрон очень не хотелось, но выбора не было – после полутора суток беготни отдых был жизненно необходим, иначе после очередного возвращения с темной стороны я рисковал оказаться в таком же унизительном положении, как недавно Корн. К тому же, предстояла очередная бессонная ночь – единственное время, когда я мог незаметно поработать с Робертом Искадо. И я решил, что лучше потратить время на него, чем потом объясняться с жрецами или с тревогой ждать, когда мальчишку закончат препарировать спецы из Ордена.

Когда я появился в Белом квартале, время уже близилось к полуночи, но Роберт, как и вчера, не спал. Правда, если вчера его выгнал из-под одеяла кошмар, то сегодня кровать вообще оказалась не разобрана, пижама валялась в углу, а полностью одетый мальчишка, по-видимому, даже не ложился. И вместо того, чтобы благополучно сопеть в подушку, с потерянным видом сидел на подоконнике, напряженно всматриваясь в темноту за окном.

Когда я вышел с темной стороны и принес с собой зимнюю стужу, Роберт вздрогнул и неверяще обернулся. А затем порывисто соскочил на пол и с таким облегчением выдохнул, что мне снова стало немного совестно.

– Мастер Рэйш! Вы вернулись!

Тьфу. Надо было записку оставить, что ли, чтобы пацан не подумал, что все его бросили. Про Хокк он, естественно, не знал, и, наверное, немало успел передумать за этот долгий, полный переживаний и догадок день.

– Официально меня здесь нет, – на всякий случай предупредил я, попутно проверяя поставленную вчера защиту. – Но мастер Хокк болеет и пока не может тобой заняться, поэтому придется мне какое-то время за тобой присматривать.

– Я только «за», – несмело улыбнулся мальчишка и одернул сбившуюся набок рубашку. А потом спохватился и уважительно, как-то совершенно по-взрослому, наклонил голову. – Простите, мастер Рэйш. Буду безмерно благодарен, если вы хотя бы временно займетесь моим обучением.

– Сколько Хокк успела тебе рассказать?

– Мы общались всего несколько дней до посвящения, – признался Роберт. – Мастер Хокк в общих чертах пояснила, что меня ждет, и сразу предупредила, что темного мага из меня не получится.

Ну, это мы еще посмотрим.

Я поправил в паре мест защиту, чтобы на нее не обратили внимания, если в комнате вдруг появится кто-то из коллег, а затем оглядел одежду пацана и признал ее вполне приемлемой для небольшой прогулки.

– Пойдем. Я покажу тебе темную сторону.

Роберт подошел и бестрепетно взял меня за руку. И не задал ни одного вопроса, когда я сперва утянул его во Тьму, а затем повел по погруженной в полумрак улице, постепенно уводя все дальше от дома. Поначалу я, правда, беспокоился, что тонкий камзол не сумеет защитить юного лорда от холода, но время шло, Роберт без устали вертел головой и с нескрываемым любопытством разглядывал разрушенные дома. И, кажется, намного лучше переносил пребывание на привычном для меня уровне Тьмы, чем гораздо более опытный Тори.

Когда мы выбрались из Белого квартала и свернули к неприметному тупичку между Сторожевой и Двенадцатой улицами, пацан впервые шмыгнул носом и ощутимо поежился.

– Потерпи немного, мы почти пришли, – бросил я, краем глаза заметив, как на втором этаже мелькнула и пропала неясная тень. Роберт кивнул и на всякий случай еще крепче ухватился за мою руку.

Конечно, это было не очень разумно – тащить мальчишку через весь центр, да ещё и по темной стороне. Но если бы нас заметил кто-то в реальном мире, то ко мне появились бы вопросы. Особенно у патрульных, увидевших меня посреди ночи в компании мальчика, чье лицо не так давно красовалось на всех розыскных листах в Управлении.

Удалившись от центра города достаточно, чтобы не рисковать привлечь к себе внимание, я отыскал более или менее сохранный дом и, заведя Роберта внутрь, набросил на здание несколько заклинаний. После чего попросил невидимого Мэла покараулить снаружи и лишь после того, как по поводку пришло подтверждение, что просьба услышана, обернулся к терпеливо ждущему мальчишке.

– Не боишься? – хмыкнул я, когда посмотрел на происходящее его глазами и представил, как все это, должно быть, выглядело.

Роберт только улыбнулся.

– Если бы вы хотели меня убить, то могли сделать это давно. И не стали бы меня учить, как справиться с астральным двойником.

– Верно, – согласился я. – Но прежде чем мы приступим к чему-то серьезному, мне надо знать, на какие возможности стоит рассчитывать. И поскольку закон о несанкционированном

использовании магии в столице мешает нам это сделать открыто, то придется немного схитрить.

– Что я должен сделать? – с любопытством посмотрел на меня юный герцог.

Я присел на корточки и пальцем начертил на снегу самый простой знак из темного арсенала.

– Повтори.

Роберт послушно нарисовал рядом точно такой же, а когда я велел его активировать, пацан бросил на меня удивленный взгляд.

– Но ведь на темной стороне нельзя без причин использовать магию. Разве нет?

– Когда по периметру комнаты стоят защитные заклинания – можно, – мысленно усмехнулся я. Надо же, Хокк все же успела с парнем немного позаниматься. – Давай, пробуй. И не переживай: окрестную нежить мы с тобой не разбудим.

Роберт приложил ладонь к знаку Боли и сосредоточенно прикрыл глаза. Какое-то время он сидел неподвижно, старательно пытаясь перенаправить в знак энергию. Поняв, что ничего не получается, нахмурился. Затем начал шевелить губами и зарылся ладонью в снег, но знак по-прежнему оставался мертвым.

– Я не могу, – наконец, с досадой произнес Роберт, убирая руку с пола. – Я совсем ничего не чувствую.

Я ненадолго задумался, а потом развернул ладонь кверху и создал на ней крохотный темный огонек.

– А вот так можешь?

Мальчик поколебался, но о том, что вчера у него это получилось, все же не забыл. И, повторив мое движение, снова сосредоточился, только на этот раз толку с его усилий было намного больше, и всего через пару ударов сердца на маленькой ладошке заплясал такой же крохотный огонек, как и у меня.

При виде темного огня я удовлетворенно кивнул, а затем поднялся и начертал тот же самый знак Боли, только не на земле, а в воздухе. Начертал Тьмой. Прямо перед носом отпрянувшего от неожиданности мальчика.

– Повтори.

Растерянно выпрямившись, Роберт сперва недоверчиво уставился на собственную руку, затем – на мои пальцы, где ещё не угасло темное пламя, и снова на свою руку. После чего не слишком уверенно ее поднял и, уже ни на что особо не надеясь, очертил в воздухе простую фигуру.

Та коротко вспыхнула и заалела во Тьме, словно политая свежей кровью. Я снова хмыкнул, а во взгляде Роберта мимолетный испуг внезапно сменился неподдельной радостью.

– Так значит, я все-таки маг, мастер Рэйш?!

– Скажем так – настоящим магом тебя, пожалуй, не назовут. Но Тьма тебе послушна, ты для нее теперь свой, и это – самый ценный дар, который ты мог получить от темного бога.

У Роберта неожиданно напряглись плечи.

– Я что-то должен Фолу за этот дар? За него придется заплатить?

– Ничто в мире не дается даром. Так что – да, платить придется.

– И… чем же?

– Уважением, – кивнул я. – Почтением. Преданностью.

– То есть, отдать за него жизнь или отнимать ее у других Фол от меня не потребует? – с недоверием уточнил юный лорд.

Я усмехнулся.

– Ему не нужны наши жизни. Он и так может забрать любую. Но отныне тебе придется помнить о его интересах, а ещё – внимательно прислушиваться во Тьме на случай, если там однажды раздастся его голос.

Роберт немного помолчал, переваривая новую информацию. Но мальчиком он был неглупым, делать простейшие выводы его тоже научили, поэтому довольно скоро он пришел к вполне закономерному заключению и задал еще один вопрос:

– Получается, вы тоже служите Фолу, мастер Рэйш?

– Почему ты так решил?

– Мастер Хокк говорила и показывал мне совсем другую магию. И мы оба знаем, что я к ней не приспособлен. Но о том, что на темной стороне можно управлять Тьмой, леди… наверное, не знает? Зато это знаете вы. А теперь и я. И раз мы оба с вами делаем то, что недоступно ей, то получается, что Фол и вас когда-то благословил?

Я улыбнулся.

– Верно.

– А почему вчера вы сказали, что об этом нельзя никому говорить? – осторожно уточнил мальчик.

– Потому что благословение – это не магия, – спокойно пояснил я. – А наш Орден очень не хочет признавать, что силы в благословении порой бывает больше, чем в самом опасном заклинании. Когда-то это считалось обыденным явлением. Затем нас заставили о нем забыть. И если однажды Орден об этом вспомнит, то между жрецами и магами возникнет ненужное соперничество. А там где появляется соперничество, рано или поздно прольется кровь.

– И там, где пролилась кровь, там рано или поздно может начаться война, – едва слышно уронил Роберт.

Я же говорю – умный мальчик.

– Как же мне быть, если кто-то об этом спросит, мастер Рэйш? – снова спросил Роберт, подняв на меня растерянный взгляд. – Маги ведь чувствуют ложь. У многих при себе есть амулеты правды. Я просто не смогу солгать, если мне зададут прямой вопрос.

– Сделай так, чтобы поводов задать его ни у кого не возникло.

Мальчишка снова задумался. После чего с серьезным видом кивнул и, погасив свой огонь, тихонько вздохнул.

– Я понял. Постараюсь не привлекать к себе внимания. Но кем мне тогда себя считать? Магом? Простым смертным? Адептом Фола?

– Считай себя здесь гостем, – улыбнулся я. – Тьма – весьма своеобразная леди, и обычно она не любит чужаков. Но ты ей понравился. Это значит, что на темной стороне тебе будут не страшны ни холод, ни голоса усопших, ни безумие. Тьма тебя впустила. Точно так же, как ты не испугался впустить ее. Да, колдовать в реальном мире, как другие темные, тебе не дано. Ни один твой знак не станет там работать. Но Тьма способна подарить неизмеримо больше. Я научу тебя, как с ней ужиться. И пусть ты не станешь настоящим магом в глазах остального Ордена, но когда-нибудь ты поймешь, что на самом деле это не имеет никакого значения.

– То есть, вы все-таки будете со мной заниматься? – радостно дрогнул Роберт. – И научите этим пользоваться?!

– Неофициально. В свободное время. И при условии, что ты не создашь мне проблем.

Мальчишка вскинул голову, уставившись на меня горящими от восторга глазами. Наверное, если бы не воспитание, он бы подпрыгнул сейчас до потолка. А если бы не удивительная для его возраста проницательность, он бы и половины не понял из того, что я хотел сказать. Однако он понял. Быть может, даже больше, чем следовало. И усилием воли сдержал рвущиеся наружу эмоции. После чего коротко поклонился, а затем ровным голосом сказал:

– Я буду молчать, мастер Рэйш. И сделаю все, чтобы вам не пришлось искать повод от меня избавиться.

* * *

Вернуть мальчишку домой оказалось сложнее, чем забрать его оттуда, не привлекая внимания родителей. За то время, что

мы беседовали, Роберт все же успел подмерзнуть, поэтому пришлось пожертвовать собственным плащом и укутать его в надежде, что пацан не околеет.

Конечно, переправить его домой прямой тропой было гораздо удобнее, чем вести обратно пешком. Тьма его приняла, возможности у нас должны были быть сходными, но я решил не рисковать. Еще успеется. И вернув пацана в теплую спальню, потратил ещё какое-то время, чтобы убедиться, что он не хорохорится и не пытается юлить, чтобы его не посчитали слабаком. И лишь когда стало ясно, что он действительно согрелся, я засобирался по делам.

– А вы завтра еще придете, мастер Рэйш? – высунув нос из-под одеяла, с надеждой спросил юный герцог.

– Возможно. Но раньше полуночи не жди. И не бойся заснуть. Если понадобится, я сам тебя разбужу.

– А если папа или господин Корн найдут для меня другого учителя?

– Корну сейчас не до тебя. Но если он все же вспомнит про Хокк и про то, что тебе нужна замена, то сделай все, чтобы без меня во Тьме ты больше не появлялся.

– Истерика в качестве повода для отказа подойдет? – деловито уточнил пацан, когда я открыл тропу и уже собрался уйти.

Я хмыкнул.

– Если она будет убедительной.

– Ладно, – успокоенно отозвался сзади Роберт. – Значит, будет истерика. Спокойной ночи, мастер Рэйш.

Я по обыкновению промолчал. Но прежде, чем уйти, все же достал из кармана пару монеток, связал их простеньким заклинанием поводка, как сделал когда-то для Йена, а затем вложил одну из монет в детскую ладошку.

– Если случится что-то плохое, позовешь. Я услышу.

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарил мальчик, сжав маячок в руке. И только после этого, наконец, закрыл глаза.

Я не стал дожидаться, когда он уснет – времени до утра ещё хватало, чтобы наведаться в первохрам и помочь Алу со статуями. Но уходить прямой тропой я снова поостерегся и открыл ее лишь после того, как выбрался на соседнюю улицу.

Алтарь встретил нас с Мэлом приветственным бульком и небольшим светопреставлением, закончившимся в тот самый момент, когда Ал принял человеческую форму. Проблему с вместилищем Фола мой «зеркальный» друг, правда, ещё не решил, зато за время вынужденного бездействия успел поднакопить сил, поэтому над статуей Йрейи мы поработали

более чем плодотворно и к рассвету собрали ее аж верхней части бедер. Выше дотянуться у меня уже не получалось, поэтому, как только тренькнул хронометр, я вернулся в Управление. И, поскольку новостей у Йена пока не было, решил заскочить в ГУСС в надежде, что чем больше я поделюсь силами с Хокк сейчас, тем меньше потом придется туда возвращаться.

Поскольку время было ранним, то в лечебном крыле меня встретил лишь заспанный дежурный маг в помятой одежде. Был он, как мне показалось, чересчур молодым для работы в ГУССе, но моему визиту, как и обещал Орбис, не удивился и с обреченным видом поплелся в комнату, где лежала Хокк.

Зайдя в палату, я глянул на ровно вздымающуюся под одеялом грудь и отметил про себя, что коллега выглядит ещё немного лучше. Она порозовела, казалась не такой изможденной, как накануне. В себя, правда, не пришла, поэтому не отреагировала, когда я присел на край постели и взял ее за руку.

– Не отпускайте, пока я не скажу, что можно, – предупредил светлый, активируя диагностическое заклинание. Воздух над Хокк, как и вчера, тихонько засветился, окружив ее полупрозрачным куполом. Какое-то время заклинание что-то с ней делало, после чего маг с удовлетворенным видом кивнул и опустил руки. – Очень хорошо. Процесс, пусть медленно, но все же идет.

– Почему медленно?

– Потому что леди не способна взять у вас много за один раз. Она слишком ослабла. Но как только ей станет лучше, передача энергии пойдет гораздо быстрее.

Я сжал безвольную кисть магички, и в этот момент ее веки неожиданно дрогнули.

– Рэйш?! – измученно прошептала она, и ее пальцы шевельнулись в попытке отдернуться. – Что, Фол тебя за ногу, ты делаешь?!

Я заглянул в ее затуманенные глаза.

– Не дрыгайся. Потом должна мне будешь.

– Отпусти…

– Нет.

Хокк приоткрыла веки чуть шире, оглядывая незнакомое помещение. Наткнулась взглядом на заинтересованную физиономию светлого, который с жадным любопытством следил за ее реакцией. Затем снова вернулся ко мне. Стал осмысленным. И тут же сбежал, после чего эта упрямица снова дернула рукой и сморщилась, поняв, что вырваться не удастся.

– Уйди, Рэйш. Ты – последнее в этой жизни, что я хотела бы сейчас увидеть.

– Ничего, потерпишь, – хладнокровно отозвался я. – Это для твоего же блага.

– Не надо мне никаких благ! Просто уйди, и у меня не будет к тебе никаких претензий.

– Хм. А сейчас они, получается, есть?

Хокк уставилась на меня долгим немигающим взглядом.

– После того, что ты сделал?! Да, конечно.

– А что именно я сделал, не подскажешь? – усмехнулся я. – В последнее время так много всего произошло, что сразу даже и не вспомнить, где и кому я успел насолить.

– Пошел ты к демонам, Рэйш! – рыкнула дама, по-видимому решив, что это шутка.

– Мастер Хокк, вам нельзя волноваться, – тут же встрял в разговор целитель. – Поверьте, мы делаем все возможное, чтобы сохранить вам жизнь.

– Делайте, – свирепо раздула ноздри Хокк. – Только, пожалуйста, без него!

Светлый бросил на меня беспомощный взгляд, но я лишь пожал плечами. А она задергалась ещё активнее, да так, что мне пришлось приложить некоторое усилие, чтобы не разорвать связь и не оставить дурную магичку без подпитки.

И чего, спрашивается, взъелась? Неужели настолько серьезно отнеслась к обязанностям старшей в группе, что посчитала себя оскорбленной моим исчезновением перед облавой на умруна? Хотя, может, дело в чем-то еще? С женщинами ни в чем нельзя быть уверенным.

– Пусти! – снова прошипела Хокк, буравя меня сердитым взглядом. – Рэйш, не смей ко мне прикасаться!

Она чувствительно пнула меня ногой под одеялом.

– Слезь, кому сказала!

Я поднялся, чтобы не получить еще один пинок, и коротко взглянул на обеспокоенного светлого.

– Коллега, как вы смотрите на то, чтобы ее усыпить?

– Что?! – чуть не отшатнулся маг, а Хокк задергалась так рьяно, что одеяло на ней начало угрожающе быстро сползать на бок, открывая обнаженные плечи и часть груди, на которой виднелся старый и, по-видимому, довольно большой рубец, словно от удара мечом.

– Вы же можете это сделать? – осведомился я, настойчиво придерживая эту упрямую демоницу. – У вас есть соответствующие полномочия?

Светлый нерешительно помялся.

– Ну… вообще-то в случае необходимости, если больной нуждается в принудительном покое…

– Мне кажется, здесь как раз такой случай.

– Рэйш, не смей! – моментально рассвирепела магичка и от возмущения даже попыталась приподняться на постели. – Только попробуй! Я тебя прокляну!

Я требовательно уставился на мага, и тот обреченно вздохнул. А когда Хокк рванулась особенно сильно, сопляк все же поднял правую ладонь, обратив ее в сторону буйной пациентки. С его пальцев сорвалось крохотное голубоватое облачко и легонько поцеловало магичку в лоб, после чего Хокк обмякла, закрыла глаза и обессилено уронила голову обратно на подушку.

Я кивнул.

– Благодарю.

– Это не по правилам, – тихо заметил маг, поправляя сползшее на бок одеяло. – Но я доложу господину Орбису, что был вынужден это сделать. Ради благополучия леди Хокк.

Я снова кивнул. А когда огорченный светлый ушел, снова присел на краешек кровати, выждал положенные четверть свечи. После чего отыскал дежурного мага, дождался, когда он сделает в журнале отметку о моем посещении. И перед уходом настоятельно посоветовал обсудить с господином Орбисом вопрос о принудительном погружении в сон неудобной пациентки. Хотя бы на время моих визитов, чтобы они не усложняли нам обоим жизнь.

Маг бросил на меня укоризненный взгляд, но причинам столь неприязненного отношения леди интересоваться не стал. Так что я спокойно вернулся домой, плотно позавтракал к радости Марты, которую всегда умилял мой аппетит. А когда поднялся из-за стола, то ощутил, что в кармане снова завибрировала зачарованная монетка.

– Арт, у нас еще два трупа, – с мрачным видом сообщил Йен, когда я появился у него в кабинете. – Только что пришло сообщение от Корна с пометкой «срочно».

– Кто? Где? Когда?

– Как и в прошлый раз – маги: темный и светлый. На южном участке. Похоже, что этой ночью. Только совсем не в том доме, за которым вели наблюдение люди Роша. Кажется, мы что-то упустили.

– Едем, – отрывисто бросил я, нахлобучивая шляпу. – Если это такое же убийство, как на Шестнадцатой, я должен на него посмотреть.

Глава 10

Кеб привез нас на самую окраину города, в один из припортовых районов со скверной репутацией, куда приличный горожанин и днем-то лишний раз не зайдет, а ночью и вовсе не сунется. Самые что ни на есть трущобы, которые годами обживали бандиты, убийцы, воры, нищие и человеческое отребье всех цветов и мастей. Причем мокрые трущобы, наполовину подтопленные после обильных дождей и выглядящие еще более жалко, чем обычно. Низенькие одноэтажные серые домики с просевшими крышами, накренившиеся и полуразвалившиеся сараи, редкие двухэтажные здания – такие же обшарпанные и старые, как все остальное. Грязные улицы. Разлившиеся без конца и края лужи с расплывающимися кругами от упрямо моросящего дождя. Торопливо исчезающие в подворотнях оборванцы с вороватыми взглядами…

Проезжая мимо в служебном кебе, я глянул на них сквозь линзы и равнодушно отвернулся: ни одного человека, кому была суждена смерть от естественных причин, здесь не осталось. Только зарезанные, задушенные, утопленные, с раздробленными черепами и с обожженной кожей… а то и вовсе без оной. Унылое зрелище. Такое же унылое, как весь этот гнилой районч ик, куда раньше я заглядывал лишь мельком, да и то исключительно с темной стороны. А вот сейчас увидел его вживую и подумал, что особой разницы, пожалуй, не вижу – тот же мертвый город, что и во Тьме. Только местных жителей побольше.

Место преступления располагалось неподалеку от городской стены – заваленный всевозможным хламом двор, где единственным строением оказался старый, давно заброшенный сарай, окруженный хлипким дощатым забором. Кое-где в нем отсутствовали доски. Остальные были исписаны похабными картинками и надписями. А на земле под забором громоздились такие горы застарелого мусора, что при желании по ним можно было перебраться во двор, словно по лестнице – настолько они были высоки.

– Приехали, – буркнул сидящий рядом Йен, сверившись с запиской Корна. – Улица Прибрежная, участок номер двадцать четыре. Вон, и наши уже пасутся.

Я выбрался из кеба и, наклонив шляпу, чтобы дождь поменьше капал на лицо, глянул на стоявшие на другой стороне улицы три служебных кеба.

Видимо, не только нас Корн прислал сюда поработать. Рядом еще и парни из городской стражи болтаются, типа оцепление

изображают, хотя в действительности отгонять от забора было некого. Зевак поблизости не наблюдалось. Большинство лачуг по соседству выглядели нежилыми. А улица до самого конца была пустынной, словно местные жители при виде городской стражи затаились в своих норах, как крысы.

– Смотри-ка, и Корн здесь, – удивился Йен, углядев сквозь дыру в заборе рослый силуэт шефа во дворе. – Пошли, поздороваемся.

Я молча двинулся к калитке. Вернее, когда-то давно там была калитка, но теперь виднелась лишь большая дыра в заборе да проржавевшие петли, держащиеся на одном гвозде. Под ногами хлюпала и чавкала грязь. Плащ тут же намок. И я поневоле вспомнил отвратительную погоду в Верле, которая целых три с половиной года портила мне настроение.

Корна мы застали возле той самой замызганной сараюшки. Он почему-то стоял у самого входа, не делая попыток зайти, и выглядел глубоко задумчивым. С его непокрытой головы то и дело скатывались вниз крупные капли, портя служебный камзол и вымачивая тонкую сорочку. А рядом добросовестно мок, кутаясь в видавший виды плащ, Хьюго Рош, которому что-то тихо говорил одетый в черную кожу Грэг Эрроуз. Причем из всех присутствующих только Эрроузу, судя по невозмутимой физиономии, мерзкая погода не доставляла особых хлопот.

– Норриди, Рэйш… – приветственно кивнул шеф, когда мы приблизились. – Молодцы, что так быстро. Рош, введи их в курс дела.

Некрос зыркнул в нашу сторону из-под густых бровей, а Эрроуз удостоил небрежным кивком.

– Вчера я попросил коллег из городской стражи напрячь своих информаторов в плане домов, подозрительных на несанкционированное использование любых видов магии. Связь, разумеется, искали с пропажами магов, особенно светлых, а также с убийствами и исчезновениями простых людей. Около свечи назад в Управление городской стражи поступила информация о пустыре на Прибрежной улице. Якобы несколько лет тому здесь посреди ночи загорались подозрительные огни. Народ тут не особенно суеверный, так что двое забулдыг однажды решили сунуться на пустырь в надежде, что удастся поживиться. Больше их никто не видел. Огни тоже пропали. Несколько раз местные после этого пытались сюда забраться – кто в мусоре порыться, кто переночевать под крышей… калитки же нет. А сарай – какое-никакое, но все же убежище. Обратно, по словам информатора, никто из тех людей не вернулся, поэтому уже не один год на этот двор никто не суется. Его вроде как считают проклятым.

– Заявления о пропаже людей никто, разумеется, не подавал, – не спросил, а констатировал Эрроуз.

– Естественно. Кому интересны безродные бродяги? И сообщений о возможном применении магии в этом районе к нам тоже не поступало. Просто так, без причины, стража уже давно сюда не заходит. Лет пять назад облаву только устраивали, когда маньяка ловили. И с тех пор – тишина.

– Твои-то люди куда смотрели? – буркнул Корн, оглядывая рассеянным взором горы наваленного под забором мусора.

Некрос поморщился.

– Мои маги и так на износ работают. И в каждый патруль я их не засуну – у меня нет столько людей. Так что, пока в деле нет признаков магпреступления и пока к нам не поступило заявление от городской стражи, они в дома врываться не будут и во все подряд подвалы заглядывать не начнут.

– Что ещё есть на этот участок? – хмуро осведомился шеф.

– Формально его владельцем считается некто Эло Ориандр. Но по документам этот человек скончался более десяти лет назад. Наследников после себя не оставил, документов о продаже участка в нашей базе нет, так что в данный момент времени он как бы ничей. Другой собственности на этого человека не записано. Но я отправил запрос в городской архив, чтобы уточнили, почему оставшийся без владельца участок своевременно не передали во владение городу. А мои парни сейчас бродят по кварталу в поисках возможных свидетелей, но не думаю, что от них будет какая-то информация.

– С телами закончили?

– С осмотром – да, целители уже уехали, а личности убитых еще только будем устанавливать.

– Рэйш, взгляни, пока трупы не увезли. Норриди, поскольку с высокой степенью вероятности дела связаны, Рош в ближайшее время передаст вам всю информацию по Прибрежной. Работать будете вместе. Отвечаете за результат именно вы.

– Есть, шеф, – без особого энтузиазма отозвался Йен. Рош так же хмуро кивнул. А я, обойдя молчаливого Эрроуза, толкнул криво висящую дверь и скользнул в полутемный сарай.

Внутри было на удивление сухо – кажущаяся ветхой крыша даже после недели сплошных дождей не прохудилась. Пахло влагой и одновременно пылью, как в промозглом, давно не чищеном подвале. Мебели в сарае, правда, не оказалось, как и тел, но в полу виднелся откинутый набок люк из грубо сколоченных досок. А под ним – такая же хлипкая деревянная лестница, уходящая куда-то под землю.

Взглянув на нее через линзы, я ухватился за края ямы и

принялся осторожно спускаться. Пять… шесть… восемь перекладин, и вот я уже стою посреди такого же сырого подпола, больше похожего на тесную, ощутимо давящую на голову клетку. Внутри – ни души. Мебели тоже нет, за исключением кривоногого табурета в углу и наброшенной сверху грязной циновки. Зато в полу виднеется еще один люк. На этот раз металлический, с внушительными дужками для замка. Сам замок валяется рядом – здоровенный амбарный монстр, перерубленный надвое и опаленный каким-то заклинанием. Видать, ребята Роша постарались.

Глянув на подпол внимательным взором и отметив для себя пару интересных деталей, я принялся спускаться во второй подвал уже не по деревянной, а по железной лестнице. А когда добрался до самого низа и огляделся, то поневоле присвистнул.

Не знаю, кому и зачем это понадобилось, но неизвестный умелец потратил немало времени и сил, чтобы вырыть под землей целые хоромы, размеры которых, вероятно, простирались даже за пределы заброшенного участка. Здесь, на удивление, было сухо и почти тепло. Изнутри помещение оказалось выложено каменными блоками. В качестве освещения использовались три магических светильника, которые наши маги не соизволили погасить после ухода. Само помещение делилось на четыре комнаты тонкими перегородками. Первая, где я оказался, была центральной и оказалась пустой. В той, что слева, у стены стояли широкие стеллажи, на которых в идеальном порядке лежали инструменты – пилы, ножи всевозможных размеров и назначения, покрытые тонким слоем пыли ножницы…

Я из любопытства снял с полки один нож – надо же, острый. И совершенно не ржавый. Даже глянул на него вторым зрением, но следов крови не увидел. Ни на нем, ни на других инструментах. Разве что небольшие зазубрины на лезвиях и слегка затупленную пилу, словно когда-то ей пилили что-то твердое. Вроде костей. В дальнем углу, прислоненные к стене, стояли два больших топора. Далеко не новых, но таких же чистых, как ножи и пилы. На краешке лезвия я тоже заметил крохотные сколы, причем немало, из чего сделал вывод, что раньше оно использовалось часто. Потом прошелся вдоль стеллажей, заглянул в стоящее с краю пустое ведро с небольшой вмятиной на боку. Обнаружил за ним целую стопку чистых тряпиц, аккуратно сложенных вчетверо. Точильный камень. Напильник. Несколько тяжелых каменных брусков, на которых еще виднелась пара оставшихся после заточки металлических «заусенцев». Но мусора на полу не осталось – кто бы ни был владельцем этого подвала, личностью он был аккуратной. Быть может, даже слишком.

Больше не найдя во второй комнате ничего интересного, я перешел в третью и остановился на пороге, оглядывая два грубо сколоченных стола с кожаными ремнями в головном и ножном концах. А на столах – два полуистлевших, высохших до состояния мумий безголовых тела, которые не поддавались опознанию. Левое, судя по более широкому костяку, когда-то принадлежало физически развитому мужчине. Правое, если я не ошибся, более хрупкой и изящной женщине. У обоих были аккуратно вскрыты грудные клетки и вспороты животы. От разложенных рядом внутренностей, правда, почти ничего не осталось, но я совсем недавно видел очень похожую картину. И не сомневался, что с этими людьми произошла та же история, что с Дереком и леди Ирэн Ольерди. Несмотря даже на то, что подозрительных символов на полу вокруг столов не имелось.

Судя по состоянию тел, убили этих людей довольно давно. За это время от них мало что осталось, поэтому неудивительно, что парни Роша так быстро закончили.

Вернувшись в первые две комнаты и оглядев стены еще раз, я вскоре заметил небольшие, прячущиеся в углах, вентиляционные отверстия. Благодаря им, в комнате по-прежнему сохранялся относительно свежий воздух и не висел убойный запах разложения. Там же, на стенах, во множестве виднелись выбитые прямо в камне защитные знаки, очень похожие на те, что остались в доме на Шестнадцатой улице. Такие же символы нашлись на всех без исключения перегородках. И только в последней комнате они отсутствовали. Зато в ней нашлось сразу пять больших, окованных металлическими полосами сундуков.

Я по очереди открыл каждый из них и мысленно вздохнул.

Кости…

Все сундуки были до отказа забиты человеческими костями. Не знаю, сколько народу здесь погибло, но девять черепов я углядел только на поверхности. А сколько лежало внутри, даже представлять не хотелось.

Прав был Корн. Это отвратительная находка. И с учетом того, что лет ей намного больше, чем убийству Дертиса и леди Ирэн, то Рошу поделом досталась второстепенная роль в этом расследовании. Хотя на месте Йена я бы этому скорее огорчился, чем порадовался. Неровен час, и на нашем участке найдется подобное «захоронение». Пожалуй, надо будет ему намекнуть, чтобы городская стража уже сегодня начала обыскивать заброшенные дома и сараи на окраинах. Жольд ему должен, поэтому будет вынужден поучаствовать. И если окажется, что не только Рош просмотрел у себя такое безобразие…

Я захлопнул крышку последнего сундука и перешел на

темную сторону, чтобы ещё раз оглядеть огромный подвал и попробовать найти хотя бы призрачный след убийцы. И, что самое удивительное, я его действительно нашел. Один-единственный, неимоверно старый отпечаток мужского ботинка, больше похожий на крохотный красный мазок. При виде него я слегка воспрял духом, но, как только попытался на него встать, тут же скривился.

Тьфу.

След мертвеца. Впрочем, не стоило ожидать, что мне вот так сразу повезет там, где потерпели поражение маги Роша и, не исключено, что сам Эрроуз. Он же не зря так вырядился. Наверняка на темную сторону тоже ходил. Но, судя по настроению Корна, ничегошеньки не нашел.

Уйдя с гнилого следа, я какое-то время ещё потоптался в подвале, но в конце концов был вынужден признать свое поражение. Убийца сделал все грамотно, четко и не оставил нам ни одного путного следа. Все подчистил. Кровь с инструментов смыл. Исполнителя убрал. И теперь, чтобы его найти, надо было искать другую зацепку.

* * *

Когда я выбрался из подвала, обстановка на улице несколько изменилась – луж на земле стало гораздо больше, зато между тяжелыми тучами ненадолго проглянуло солнце, а зарядивший ещё с ночи дождь наконец-то прекратился. Да и народу возле сарая прибавилось – оказывается, пока я работал, на пустырь прибыла команда Йена в полном составе и теперь все они толклись у входа, уставившись на меня с жадным нетерпением.

– Вы-то здесь что забыли? – удивился я, остановившись рядом с Триш и Лизой.

Девушки переглянулись.

– А как иначе, мастер Рэйш? – отозвался подошедший Тори. – Раз дело пойдет за нами, значит, нам тоже придется все здесь осмотреть. Ни в коем случае не ставлю под сомнение профессионализм коллег с южного или северного участка, но лучше взглянуть на место преступления самому.

– И составить собственное впечатление, – добавила Лиз, с надеждой взглянув на стоящего поодаль шефа.

Йен на это только отмахнулся. Дескать, делайте, что хотите, главное – чтобы был результат. А Корн покровительственно улыбнулся и посторонился, пропуская воодушевленную молодежь внутрь. При виде Триш он совершенно не удивился, но когда она

проскользнула мимо, очень строго на нее посмотрел и вполголоса добавил:

– Никаких прогулок по темной стороне.

– Я помню, шеф, еще два дня, – тихо вздохнула девчонка и только после этого скрылась за дверью.

– Ну и как впечатления? – развернулся ко мне Корн, как только молодые маги скрылись в подвале. – Что скажешь, Рэйш?

Я задумчиво пожевал губами.

– Я знаю, как он это сделал. Могу предположить, когда это произошло. Но не понимаю, почему было выбрано именно это место и именно эти люди. Пойду-ка прогуляюсь по соседним участкам. Может, след какой отыщу.

– А я к себе, пожалуй, поеду, – известил шефа Эрроуз. – Мне здесь делать больше нечего. Рош, тебя куда-нибудь подбросить?

– Мы передадим все материалы по делу. Опрос свидетелей закончим сами, а вот тела полностью ваши, «труповозка» уже в пути, – не слишком охотно сообщил начальник южного участка, обернувшись к Норриди. После чего выудил из кармана компактный переговорник и протянул Йену. – Если что, я на связи.

Норриди благодарно кивнул и убрал амулет за пазуху, после чего обменялся с Корном выразительным взглядом и двинулся следом за своими людьми – он тоже любил изучать место преступления сам. Корн на это лишь плечами пожал. И напомнив, что ждет от всех отчетов как можно быстрее, направился к стоящему за забором кебу.

Не дожидаясь, пока начальство разъедется, я перешел на темную сторону и снова принялся за работу. Мусора здесь оказалось намного меньше, чем наверху, и я даже отыскал вход в вентиляционную шахту, отверстие которой видел в подвале. Но, кроме него, вокруг сарая больше ничего интересного не нашлось, словно этого места и впрямь на протяжении нескольких лет упорно сторонились люди.

Проследив краем глаза, как из соседних домов… таких же убитых развалюх, как стоящий посреди мусора сарай… выходят незнакомые маги, в том числе и темные, я обошел их по дуге и принялся осматривать соседние участки. Но там было так же пусто, тихо и уныло, как и везде. Разве что следов побольше, в том числе и тех, что носили на себе застарелые метки убийц. Увы. Народ в этом районе проживал не самый благонадежный, порой и вовсе откровенно гнилой, но вставать на след каждого, чтобы узнать, не они ли убили парочку магов в подвале, было незачем. Наш убийца умен, предусмотрителен и достаточно аккуратен, чтобы долгое время не привлекать к себе внимания. Скорее всего,

он бы не стал мараться сам, а исполнителей наверняка убирал по мере того, как они заканчивали грязную работу. Я был готов даже поверить, что на каждое убийство он умышленно выбирал разных палачей. Так безопаснее. А уж уродов, готовых за деньги расчленить ещё теплое тело, в столице всегда хватало.

Потратив на осмотр почти целую свечу, но так ничего путного и не обнаружив, я забрался на крышу одного из домов и задумчиво уставился на двадцать четвертый участок. Сверху пустырь просматривался прекрасно, и было видно, что сарай располагался точно по центру, а дощатый, зияющий дырами забор огораживал место преступления большим, почти идеальным кругом. Конечно, на темной стороне вместо забора и сарая остались лишь древесная шелуха и изгрызенные временем гвозди. Но мне не нравилось их расположение. Хотя я так и не смог понять, что же во всем этом было неправильно.

– Здесь пусто, Арт, – прошелестел Мэл, неслышно возникая рядом. Невидимый, благодаря стараниям Ала, и ещё более опасный, чем раньше. – Слишком пусто для такого грязного района. Тебе не кажется это странным?

Я кивнул.

– Нежити в округе нет. А мы ведь с тобой здесь не охотились.

– Я проверил дома на соседней улице. Там еще остались гули и шуршы.

Я с интересом на него покосился.

– Как далеко ты зашел?

– Четыре дома по правую и по левую руку отсюда, – отозвался из Тьмы Палач. – Никого. В пятом была крыса. В шестом и седьмом какая-то мелочь. Я не стал ее трогать. И только в восьмом есть следы более крупных тварей, но им дня два, не меньше.

– Хочешь сказать, здесь тоже логово? Как с умруном?

– Скорее, здесь ещё остались следы магии. Причем такие, что нежить до сих пор сторонится этого места.

Я снова взглянул на пустырь и нахмурился.

– Я не увидел там следов магии. Подвал чист. И на стенах – защита.

– Если бы защита была абсолютной, то вся магия, что излилась в подвале несколько лет назад, там бы и осталась. Ей было бы некуда деться.

– По-твоему, люди Роша что-то проморгали?

Мэл тихонько фыркнул.

– Ты так не думаешь. Я слышу твои мысли через поводок. И с некоторых пор даже могу кое-что увидеть. Но мне кажется, что знаки, которые остались на стенах, понадобились не только для

защиты.

Я быстро повернулся, но место, откуда доносился голос, выглядело абсолютно пустым. Даже через линзы.

– Ты что-то вспомнил?

– Не уверен, – на мгновение пелена невидимости в том месте, где у Мэла была голова, дрогнула. – Но не думаю, что убийца мог забрать из подвала всю освободившуюся после ритуала магию. Это физически невозможно. Слишком велик объем, тем более, если обряды проводились регулярно. Ни в один артефакт столько не войдет. Значит, хотя бы какая-то часть этой энергии должна была куда-то деться. Или наверх, где ее отголоски наверняка бы заметили. Или в землю, где ее могли почувствовать те, кто прячется в кавернах.

– Если там появился свет, то нежити от него должно было поплохеть, – задумчиво предположил я. – А свет наверху и впрямь замечали. И не раз. Но это были скорее физические явления, иначе патрули всполошились бы раньше. И если ты прав, то магия уходила вниз. Под землю. На темную сторону. Но сколько же ее должно было излиться, чтобы отсюда разбежались все твари? И какая должна была быть концентрация, чтобы они и по сей день боялись сюда заходить?

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – сухо сказал Мэл, и поводок между нами натянулся. Ориентируясь больше на него, чем на зрение, я спустился следом за служителем в подвал, а затем – на нижний слой, где находился вход в каверну. Там Палач наконец сбросил невидимость и первым нырнул в расщелину, благо она оказалась достаточно широкой для его стремительно растущих плеч. Мне, правда, пришлось порядком ужаться, чтобы протиснуться следом. Броня при этом протестующе скрипнула, края расщелины осыпались, и только после этого я ухнул вниз с головой, успев сгруппироваться и приземлиться на ноги.

Каверна оказалась довольно глубокой. Изрытая многочисленными ходами пещера выглядела древней, большой и абсолютно пустой. На стенах, помимо нор, я также увидел волнистые выемки и впадины, словно тысячу лет назад тут плескалось настоящее море, и вода за годы вынужденного простоя выточила в стенах характерные канавки, а местами истончила камень так, что он осыпался от одного прикосновения.

Легонько стукнув по одной из стен и наглядно в этом убедившись, я заглянул в образовавшийся проем и присвистнул. За стеной находилась ещё одна каверна – раза в два больше, чем первая, намного более глубокая, но такая же пустая. Весь пол там был устелен обломками костей, так что когда-то тут была очень даже бурная жизнь. А сейчас – ничего. Ни гуля, ни крысы… тихо,

как в склепе. Правда, в неплохо освещенном склепе – стены второй каверны испускали слабый, но устойчивый свет, словно на них поселилась колония светлячков.

Сняв перчатку, я провел ладонью по шершавой стене, ощутил легкое покалывание в ладони и выразительно оглянулся на Мэла.

– Магия. Светлая. Ты был прав.

– В соседних подвалах то же самое, – бесстрастно отозвался Палач. – В радиусе сотни шагов все каверны такие. Нежить поэтому и ушла.

Я кивнул.

Конечно. Там, где есть свет, ей нечего делать. От него гули болеют, как люди от лихоманки. Умирать, правда, не умирают, но они все же не идиоты. И стремятся как можно дальше держаться от мест, которые способны им навредить.

Вопрос в другом.

– Почему осталась только светлая магия и почему в каверне? – пробормотал я, убирая ладонь от стены и снова надевая перчатку. – Насколько я понял, магия переходов высвобождает во время ритуала одинаковое количество энергии и у светлого, и у темного магов. Куда же тогда подевалась энергия темного?

– Может, ее забрали?

– Или на темной стороне она быстрее рассеялась, – подумав, предположил я. – Все же наша энергия здесь приживается лучше. Вернее, ее есть кому поглощать. Но тогда получается, что обычная темная магия на нижнем слое все-таки работает. Просто заклинания рассеиваются очень быстро, и ни одно из них не способно существовать дольше определенного… наверняка очень короткого… времени. А светлая магия чужда темной стороне. И раз ее никто не использует, то она годами может сохраняться в почти неизменном виде. Но почему я не видел ее раньше? Вся столица, считай, напичкана артефактами различной мощности. Каждый второй житель так или иначе пользуется магией. А я ни разу не замечал ее следов на нижнем слое. И светлые здесь не могут долго находиться. Почему же сохранилась именно эта энергия?

– Может, потому, что была получена во время убийства? – тихо щелкнул костяшками Палач. – Или во время обряда энергия видоизменилась?

Я прошелся вдоль светящейся стены, но испускаемый ею свет был везде одинаковым. Ровный, очень легкий след некогда проведенного ритуала. Как печать Смерти на ещё живом теле. Или кусочек невинно убиенной души, чудом зацепившийся за мертвеца. Магия переходов… вернее, магия парадоксов.

Противоестественная. Неправильная. Кажущаяся абсолютно невозможной, но, к сожалению, совершенно реальная.

Какая только сволочь рискнула ее использовать? И почему после ритуала Тьма наотрез отказалась принимать выпотрошенную из светлого силу?

Кстати, в подвале на Шестнадцатой улице я тоже видел много света на темной стороне, но до сегодняшнего момента не придавал этому факту должного значения. Да и на нижний слой в доме Ольерди не спускался. Вернее, не спускался именно в подвале. А наверное, зря.

– Я обнаружил кое-что еще, – неожиданно сказал Мэл, когда я обошел каверну и вернулся ко входу. – Мне кажется, я знаю, почему убийца использовал именно это место для ритуала.

Я вопросительно приподнял брови, а Палач расчистил небольшое пространство на полу и ловким движением секиры очертил на камне почти идеальный круг.

– Смотри: это – забор.

Секиры снова свистнули, из пола вылетел целый сноп искр, а в центре круга появился небольшой прямоугольник.

– Это – сарай.

Еще одно движение. Новый веер брызнувших в сторону искр, и внутри круга появился ещё один прямоугольник. Побольше.

– Это – подвал.

Чирк.

– А это – второй подвал…

Чирк. Чирк. Чирк.

– И перегородки… ничего не напоминает?

Я замер, уставившись на получившийся рисунок. После чего выудил из воздуха свою собственную секиру, не веря сам себе дорисовал на полу два стола, стеллаж. А затем внезапно почувствовал, как ни висках выступила испарина.

– Очень похожий символ был на полу в доме Ольерди! У стола, где лежала убитая магичка. Правда, у того знака была смещена вправо вот эта линия, не было внешнего круга, а вот тут, наоборот, было несколько дополнительных точек… и тут. Но в целом это ОЧЕНЬ похоже. И Корн сказал, что в подвале тоже видел нечто подобное. Тьма! Что за хрень происходит в столице?!

Мэл коротко на меня взглянул, а затем резкими отточенными движениями высек рядом с первым символом еще один. Такой же странный, рубленый и до ужаса знакомый.

– Подвал. Первый этаж. Второй этаж: одна комната, вторая… и чердак. Похоже?

Я вздрогнул. Теперь мне даже не понадобилось вспоминать расположение комнат в доме Ольерди, чтобы понять, что Мэл

абсолютно прав. Здание было построено таким образом, что его стены, если представить их в виде схемы и посмотреть сверху, в точности повторяли один из символов, использованных убийцей во время ритуала. И если с первым я до сих пор не мог определиться, то этот я видел совершенно точно. Второй снизу, в левом полукружье. Но зачем? И как это вообще можно было проделать? Ведь дом построили задолго до того, как вся эта история раскрылась. По всему выходило, что в Алтире происходит что-то из ряда вон выходящее. Что-то определенно плохое. Более того, мне вдруг показалось, что у нас осталось не так много времени, чтобы с этим разобраться. А появившееся предчувствие стремительно уходящего времени оказалось настолько сильно, что я поднял на Мэла тяжелый взгляд и велел:

– Проверь все дома, которые нашла Лиз. И как можно быстрее. Надо выяснить, какая у них планировка. И сколько еще таких символов разбросано по столице. Если убийца проводит обряды по схеме, то нас скоро ждет целая череда исчезновений и очень нехороших смертей с непредсказуемым исходом.

– Сделаю, – наклонил голову Палач.

Я коротко надиктовал ему адреса, после чего Мэл, окутавшись невидимостью, исчез. А еще через пару ударов сердца в моем кармане снова завибрировала монетка.

– У нас два новых трупа, – мрачно сообщил Йен, едва я выбрался с темной стороны и подошел узнать, в чем дело. – Только что сообщили по переговорнику. Аллейная, девять. Корн уже в пути.

– Езжайте, – только и сказал я, чувствуя, как неприятно сосет под ложечкой. – Вас четверо. Как раз поместитесь в кеб. И следователей вызовите. Лишними на Аллейной они не будут. А я догоню.

Глава 11

На место преступления я прибыл задолго до того, как там появились Корн и его заместители. Собственно, когда я добрался до нужного дома, рядом болталось только несколько патрульных из числа городской стражи и один-единственный дежурный маг. Мага я не знал – это был восточный участок, а с людьми Грегора Илджа меня раньше никто не знакомил. Но хорошо было уже то, что светлый практически не пользовался визуализатором и занимался исключительно телом в подвале, поэтому я успел без помех обойти остальной дом и его окрестности по темной стороне, не привлекая чужого внимания.

В реальный мир я вернулся лишь после того, как возле дома остановилось сразу два кеба, и оттуда выбрались Корн, Эрроуз и Рош. Почти одновременно с ними к крыльцу подкатил третий кеб со значком Управления городского сыска, и оттуда выскочил обеспокоенный донельзя Грегори Илдж. Дождавшись, когда эта троица зайдет в дом, я выждал еще некоторое время и лишь тогда перешел в реальный мир, благоразумно сделав это на соседней улочке.

Из того, что я успел увидеть, стоило отметить несколько принципиально важных вещей.

Первое. Убийство произошло не далее как прошлой ночью, потому что магический фон на чердаке и в подвале просто зашкаливал. Вниз я даже соваться не стал – мне мое здоровье было ещё дорого. А вот на чердак заглянул и ничуть не удивился, обнаружив дурацкий «колодец». Все, как и в прошлый раз. Погибших тоже было двое: мужчина, если я правильно расшифровал движения губ светлого, и женщина. Способ убийства аналогичный. Причем, судя по обилию крови, сперва убийца выпотрошил жертвам внутренности и лишь после того, как из тел ушла вся магия, добил их точными ударами в сердце.

Второе. Дом оказался нежилым, однако вовсе не выглядел старым или заброшенным. Видимо, съехали отсюда не так давно. А если и нет, то за домом кто-то явно присматривал. Соседние здания оказались обитаемы, однако жалоб на светопреставление в темное время суток в сыскное Управление почему-то не поступало. Сами тела обнаружили случайно. Исключительно потому, что Илдж, как и Рош, еще вчера отдал приказ проверить окраины и все подозрительные дома на подконтрольном ему участке. В число адресов, которые дала нам Лиз, конкретно этот дом, как и пустырь, не входил. Тем не менее, на его стенах имелись похожие защитные заклинания. А на полу вокруг жертв

красовались те же непонятные знаки, что я видел на Шестнадцатой улице.

Наконец, третье. Здесь, судя по распределению магического фона, тоже использовалась магия переходов. Потопа, правда, не случилось, но лишь потому, что водопроводная труба располагалась в другом конце здания. Зато в предполагаемой точке перекреста, пришедшейся на середину коридора второго этажа, обвалилась одна из стен. И под ее обломками оказался погребен обгоревший до неузнаваемости, практически обугленный крысиный труп.

– Рэйш, ты уже здесь? – удивился Корн, когда я нагнал его на полпути в подвал и окликнул.

– От пустыря досюда ближе, чем от Управления, – бросил я загодя придуманную полуправду. – Почему вы один?

– Рош и Эрроуз изъявили желание взглянуть на чердак. Не желаешь к ним присоединиться?

– Сперва я хотел спросить: вы действительно планируете зайти в комнату с трупом? – решил пояснить свой интерес я. Корн замер на середине лестнице, после чего внимательно посмотрел на меня снизу-вверх.

– Я помню, что было в прошлый раз, Рэйш. Глупостей не наделаю. Но дежурный маг еще не знает об опасности. И его, скорее всего, придется уводить оттуда силой.

– Хорошо, – оскалился я. – Потому что накопительных амулетов у меня с собой нет. И за раз я смогу вытащить оттуда только одного человека.

Корн кивнул и как ни в чем не бывало продолжил спускаться в подвал. А я поспешил наверх, успев нагнать Эрроуза и Роша в самый последний момент. К тому времени, как я взбежал по лестнице, оба мага уже стояли перед чердачной дверью и напряженно обдумывали, стоит ли ее открывать. К счастью, мои коллеги оказались более осторожными, чем их непосредственное начальство, поэтому, прежде чем войти, замерили насыщенность магического фона и использовали визуализаторы. Сочащаяся из-под двери Тьма им определенно не понравилась, как и то, что на темной стороне не было видно ни зги. Да и про «колодец» они, похоже, не забыли. И именно этим была вызвала заминка.

– Ну что, Рэйш, рискнешь? – со смешком предложил Рош, окинув меня заинтересованным взглядом.

Я пожал плечами.

– Почему нет?

Я, разумеется, уже успел сунуть нос внутрь, но по нижнему слою, чтобы не оставить следов, которые коллеги могли бы заметить. А теперь спокойно распахнул дверь и вошел на чердак в

реальном мире, моментально отметив и царящий здесь, неестественный для мира живых холод, и непроглядную темень, и смутно белеющее во тьме тело на высоком, словно нарочно выставленном в центре, столе.

– И впрямь, «колодец», – пробормотал за моей спиной Эрроуз и тоже вошел. – Рош, не суйся. Здесь пространство наизнанку вывернуто, и ощущения – как на темной стороне. Твое здоровье этого не выдержит.

– Понял. Если что, я рядом, – моментально отступил за порог начальник южного участка. А потом зашуршал одеждой и прежде, чем захлопнуть дверь, кашлянул. – Эй! Осторожнее там, слышите? Мой переговорник уже сдох.

Я переглянулся с Эрроузом, но тот лишь ухмыльнулся. А затем махнул рукой, словно пытаясь разогнать сгустившуюся перед лицом Тьму, и сделал несколько шагов по направлению к столу, остановившись буквально на волосок от виднеющегося на заиндевевшем полу символа. В тот же миг сапоги мага начали стремительно погружаться в пол. А точнее, на темную сторону. И Эрроуз, вовремя это заметив, поспешил отскочить назад.

– Знаки, помимо всего прочего, ограничивают вход в «колодец», – пояснил я, когда маг присел на корточки и протянул руку к тому месту, где едва не провалился. – Благодаря ему магический фон тут, хоть и высок, но все же не смертелен – Тьма высасывает на себя любую другую магию. Но если окажешься чуть ближе, утянуть может вниз. С Триш в свое время именно так и произошло: она попыталась помочь наставнице, когда та упала в «колодец». В итоге их затянуло туда обеих.

Маг обернулся.

– А ты как оттуда выбрался?

– Тебе лучше не знать.

– Ну а все-таки?

Я хмыкнул.

– Скажем так: я заранее принял меры, чтобы иметь возможность выйти обратно без дополнительной помощи.

Эрроуз отвернулся.

– Семейные секреты святы. Но нам надо осмотреть тело и забрать его как можно скорее. Хьюго! – неожиданно крикнул он, повернув голову в сторону двери.

– Что?!

– Что с фоном? Сколько у нас осталось времени?!

– Около четверти свечи! – после небольшой паузы отозвался из-за двери Рош. – Фон почти сто единиц. Если открыть дверь, то будет больше, так что вам лучше поторопиться!

– Поняли. Уже идем!

Пока они перекрикивались, я распахнул плащ и прямо на глазах коллеги выудил оттуда свернутый кольцом кожаный кнут. После чего размахнулся, захлестнул петлей одну из ножек стола и с силой дернул на себя.

От раздавшегося скрежета Эрроуза едва не перекорежило, но суть он уловил правильно. И, подавшись назад, не стал мне мешать решать проблему с телом. А когда стол оказался в пределах досягаемости, мельком оглядел неизвестную женщину, лежащую на залитой кровью скатерти в том же положении, что и леди Ольерди. Бесстрастно кивнул при виде вывернутых наружу кишок, провел ладонью над обрубленной у основания шеей. А затем недрогнувшей рукой стащил труп на пол, после чего ухватил его за ногу и бесцеремонно поволок к выходу.

Я проводил коллегу скептическим взглядом.

Нет, я не поборник морали и уже давно не тягощусь правилами этикета. Но обращаться подобным образом с дамой… тем более, с магичкой… было по меньшей мере нецивилизованно.

Эрроуз тем временем добрался на выхода и, пинком распахнув дверь, быстро шагнул за порог.

– Рош, держи подарочек! Рэйш, не спи. Время! – резко бросил он, не повернув головы. Но я все равно задержался, чтобы еще раз обойти стол и посмотреть на вмерзшие в пол знаки. Убедился, что их по-прежнему двенадцать, и в их рас положении ничего не поменялось. Затем сунул нос в один угол, в другой, в третий. И только уверившись, что ничего интересного там нет, а отрубленная голова не укатилась куда-то в сторону, вышел следом за коллегой в коридор.

Хош в это время уже осматривал лежащее на полу тело, правда, без использования магии. Все, как предписывали инструкции. После чего довольно бережно его поднял и понес вниз, стараясь очень внимательно смотреть под ноги, чтобы не навернуться с крутых ступенек.

Эрроуз бросил в мою сторону быстрый взгляд.

– Нестандартное у тебя оружие, Рэйш. И на редкость высокая устойчивость к холоду. Это приобретенное умение или ты просто по природе такой везучий?

Я покосился на его припорошенные снежком волосы, на кожаный доспех, от которой шел пар. Затем сравнил со своей жилеткой, под которой не было ничего, кроме порядком помявшейся рубахи. Наконец, сообразил, что рядом с упакованным в броню коллегой смотрюсь несколько неуместно, и пожал плечами.

– По природе. За это учитель сутками держал меня на темной стороне, а когда я выползал оттуда полумертвым, любил

приговаривать, что это, мол, для моего же блага.

Настороженность из глаз Эрроуза тут же ушла.

– Да, я слышал, что мастера старой школы обожали нетрадиционные методы воспитания.

– Особенно, методы тренировки устойчивости к неблагоприятным погодным условиям, – кивнул я, стряхнув с плаща уже подтаявшие снежинки. – Все верно. Я этого никогда не приветствовал, но учитель был прав. И потом это действительно пригодилось.

– Все же я бы не советовал тебе появляться на темной стороне без доспеха, – покачал головой начальник северного участка и провел рукой по оттаявшим волосам, стряхивая с них влагу. – Везение – хорошая штука, Рэйш. Но оно, к сожалению, не вечно. И если однажды оно тебе изменит, может получиться так, что именно броня станет той единственной вещью, которая позволит спасти тебе жизнь.

Я благоразумно промолчал. А когда Эрроуз, окончательно отогревшись, принялся спускаться, убрал за пазуху кнут. И, запахнув плащ, так же молча двинулся следом.

* * *

Корн на этот раз глупостей и впрямь делать не стал, поэтому, когда я заглянул в подвал, оттуда не понадобилось никого вытаскивать. Рядом с дверью в каморку, откуда сквозь щели пробивался яркий свет, с отрешенным видом стоял тот светлый, которого я уже видел с темной стороны. С ним о чем-то вполголоса беседовал шеф. Возле стены лежал безголовый и окровавленный труп обнаженного, порядком заплывшего жирком мужчины. Судя по состоянию кожи, лет ему было где-то около шестидесяти. А стоящая на правом плече метка не позволяла усомниться в принадлежности жертвы к числу магов. Возле трупа на корточках сидела Лиза Шарье, проводя какие-то загадочные манипуляции. Здесь же стоял Йен. А на лестнице мне встретились Тори и озабоченно хмурящая брови Триш.

– Что там, наверху? – спросила она, завидев меня.

– Такой же «колодец», как тот, что едва вас не убил. Делать вам там совершенно нечего. Но на первом и втором этажах надо все заснять на кристаллы и помочь следователям со всем остальным.

– Сейчас сделаем, – кивнул Тори и, обойдя меня, поспешил наверх. – Мастер Триш, вы со мной?

Хелена на мгновение встретилась со мной взглядом и молча

последовала за парнем. А я спустился вниз и, слегка дернув Лиз за косичку, осведомился:

– Ну, что тут у тебя? Дашь предварительное заключение?

– Мастер Рэйш? – задрав голову, смешно поморщилась девчонка. – Тут все просто. Удар в сердце и труп. Предварительно ему вскрыли брюшную полость и хирургическим путем удалили все внутренности… полагаю, они остались в комнате. Мужчина, безусловно, маг. Его дар перед смертью, по-видимому, был истощен. Но личность пока не установлена…

– Вообще-то, уже установили, – неожиданно раздалось с лестницы, и вниз, перепрыгивая через две ступеньки, торопливо спустился Грегори Илдж. – Только что по переговорнику пришла информация из Ордена – два вестника. Светлый и темный. Погибших звали Ольена Рисс и Роэн Улисс. Леди числилась штатным целителем в одной из лечебниц Алтира. А мастер Улисс вел тихую добропорядочную жизнь, поскольку в силу возраста больше не имел возможности ходить на темную сторону…

– Маг Смерти? – неприятно удивился я.

– Да, Рэйш, – тяжело посмотрел на меня светлый. – На этот раз пострадал не сотрудник Управления, а частное лицо.

– Есть предположения, что его могло связывать с леди Рисс? – осведомился Корн, отвлекшись от разговора с коллегой. Тот при виде Илджа коротко кивнул, но сам Илдж этого словно не заметил.

– По предварительным данным, она приходилась ему падчерицей, – сообщил он, подходя к нам. – Дом записан именно на Улисса, но около месяца назад был выставлен на продажу, поскольку жильцы захотели перебраться ближе к центру. Если верить соседям, переезд был затяжным и неспешным, а окончательно семья переехала на новое место жительство буквально на той неделе. И то, Улисс частенько сюда заглядывал, чтобы забрать кое-какие вещи. Да и падчерицу тоже тут нередко видели. Пока известно лишь то, что леди Ольена – урожденная алтирка, всю жизнь прожила здесь и никаких нареканий от правоохранительных органов и от Ордена магов не имела. Ее отец служит где-то в отдаленном гарнизоне и уже давненько в столице не объявлялся. Мать вышла замуж за Улисса около восьми лет назад. Сама она – обычная смертная. А вот дочь унаследовала от настоящего отца светлый дар и считалась перспективной молодой целительницей, которой пророчили неплохое будущее в Ордене.

– То есть, наш убийца не ограничивается семейными парами? – задумчиво проговорил я. – Видимо, для ритуала необязательно, чтобы жертвы имели физическую связь. Возможно, для получения результата хватает и душевной привязанности…

или любой другой привязки. И не исключено, что подойдет даже отрицательная.

– Это как? – тут же заинтересовалась Лиза.

– Много ли тебе известно случаев, когда падчерица ладила с отчимом?

– Ну… нет.

– Вот именно. Сколько тебе понадобится времени, чтобы закончить с телом и поднять для меня кое-какую информацию?

Лиза ненадолго задумалась.

– Скорее всего, свечи через три я смогу вернуться в участок. Еще какое-то время уйдет на бумаги. А потом я свободна. Если, конечно, нам не подкинут еще один труп.

Я тоже прикинул время.

– Значит, после обеда я тебя навещу. У тебя блокнот есть?

Девчонка молча достала из стоящей рядом сумочки блокнот для записей и карандаш. И я так же молча накидал список вопросов, ответы на которые хотел бы получить как можно скорее.

– Куда ты собрался? – прищурился Корн, когда я вернул девчонке блокнот.

– Хочу проверить кое-какие догадки. Плюс, сегодня наш маг должен сделать отчет по предыдущим телам. Я должен его увидеть. А вечером мне надо будет на четверть свечи появиться в лечебном крыле. Вы ведь об этом не забыли, не так ли?

Корн невозмутимо кивнул.

– Значит, сразу после лечебного крыла зайдешь ко мне.

– Зачем? – насторожился я.

– За надом. Отчитаешься о проделанной работе.

– Вам что, бумаг мало? – озадачился я. – Обязательно все надо докладывать при личной встрече?

Корн наградил меня тяжелым взглядом.

– Ты на алторийском свободно изъясняешься? Все хорошо понимаешь? Или надо что-то дополнительно растолковать?

Я скривился.

– Не надо. Я понял.

– Вот и отлично. Илдж, Норриди, жду вас после семи у себя. Рэйш, если тебя к этому времени не будет в моем кабинете, я начну считать тебя или мертвым, или дезертиром. Теперь свободен.

Я смерил начальство мрачным взором и мысленно пообещал, что больше не буду его ниоткуда вытаскивать. Понятно, что есть правила, дисциплина и все такое, но я вообще-то внештатный сотрудник. И у меня есть шеф, которому по должности положено отдуваться за починенных. Так какого демона Корну

понадобилось на меня лишний раз любоваться? Может, успел нарыть какие-то сведения по Шоттику? Или ещё что-то занимательное раскопал в моей биографии?

Так и не поняв по непроницаемому лицу Корна, в чем дело, я развернулся и ушел, провожаемый удивленными взглядами Лиз, а затем и попавшихся в коридоре Тори и Триш. Но никому ничего объяснять не стал. Даже не обернулся, когда кто-то окликнул меня по имени. А когда свернул за первый попавшийся угол, рывком перешел на темную сторону и до самых бровей закутался в послушно явившуюся на зов Тьму.

Пора было начинать свою собственную охоту.

Глава 12

Сигнал от поводка застал меня в архиве. Свечи через две после того, как я покинул дом на Аллейной. Не сказать, что я успел к этому времени сделать все, что хотел, но Рон по моей просьбе излазал десятки стеллажей и нашел целую кучу различных папок, которые я к моменту возвращения Мэла как раз заканчивал обрабатывать.

Отодвинув в сторону испещренную пометками карту города, я поднялся из-за заваленного бумагами стола и порадовался тому, что на этот раз архивариус посадил меня не в общем зале, а предоставил для работы отдельный кабинет. Видимо, припомнил мою недавнюю угрозу и предпочел, чтобы все материалы лежали хоть и вразнобой, но в одном помещении. В закрытом. В том числе и потом, поскольку многие из них проходили под грифом «секретно» и не были предназначены для посторонних.

Меня такой подход только порадовал – лучше уж я запру документы в комнате до завтра или даже до послезавтра, чем каждый раз Рон будет их отыскивать, а я сперва перетаскивать к столу, а затем возвращать коробки на положенное место.

Сообщив архивариусу, что ухожу на обед, я запер дверь и покинул здание ГУССа, действительно направившись в ближайший трактир. Но по пути, разумеется, завернул в неприметный тупичок, сходил на темную сторону, чтобы пообщаться с бывшим Палачом. Выслушав его лаконичный доклад, дал ему новое задание. После чего действительно перекусил и отправился в родное Управление. Ненадолго. Лишь для того, чтобы заглянуть к Йену, забрать у него кое-какие бумаги и спуститься в «морозильник» – получить обещанное заключение от Лива Херьена.

– Ну, что тебе сказать… – почесал в затылке светлый, когда прочитал добытое мной через шефа заключение о вскрытии вытравленного плода. – Уже по тому, что в крови нет следов сколаниса, могу предположить, что ребенок не принадлежал леди Ольерди. И причиной его смерти было не жертвоприношение, а банальный выкидыш.

Я с любопытством взглянул на мага.

– С чего ты решил?

– У этого младенца настолько грубые изменения во внутренних органах, что с такими долго не живут. А после того, как тело матери его отторгло, та, по-видимому, решила избавиться от трупа. Так для нее, вероятно, было проще.

– А почему матерью не могла быть Ирэн Ольерди? Разве

отсутствие сколаниса – абсолютное доказательство ее непричастности?

– Нет, – мотнул головой Херьен. – Но сегодня я осматривал ее тело и пришел к выводу, что изменения в нем гораздо более выражены, чем это положено на сроке в двадцать недель. Структура молочных желез, некоторые другие признаки… все говорит о том, что беременность леди Ирэн протекала уже давно.

Я нахмурился.

– Насколько давно?

– Боюсь, она была на последнем месяце, – тихо признался маг. – И еще… я осмотрел рану на ее шее, Рэйш. Она, безусловно, была нанесена мастерски – судя по состоянию мягких тканей, голову отрубили с одного удара. Срез очень ровный. Лезвие почти не затронуло близлежащий шейный позвонок. Но вот в чем беда – соседний позвонок у нее оказался раздроблен. А следы на коже, которые наши коллеги из ГУССа посчитали за следы удара… ну, предположим, топора… я склонен рассматривать как прижизненное повреждение. Причем умышленное. Тупым предметом вроде обуха или обычной палки.

– Хочешь сказать, перед ритуалом женщину оглушили? – замер я.

– Да. И очень неудачно. При таком повреждении леди должно было парализовать – один позвонок почти полностью разрушен, поврежден спинной мозг. С такой травмой возможна остановка дыхания, остановка сердца и вообще все, что угодно. Вплоть до мгновенной смерти. Хотя, насколько я понял, на алтарь она все-таки попала живой.

– Есть такое предположение. Что можешь сказать о ребенке?

– Не знаю, – вздохнул Херьен. – Все зависит от того, пришла ли леди в сознании после удара. Если нет, то ей грозил выкидыш или смерть малыша в утробе. Но в таком случае я не совсем понимаю, зачем его понадобилось оттуда доставать. А ещё меня интересует, почему никто из соседей не заметил, что леди была беременной? Почему свидетели ввели вас в заблуждение? Срок ведь был большим. На такой невозможно не обратить внимание.

– Ольерди переехали в столицу совсем недавно, – машинально откликнулся я. – По крайней мере, официально. Лиз сейчас как раз выясняет, где леди Ирэн познакомилась с Дертисом и сколько времени могла длиться эта связь. Но если чета Ольерди появилась на Шестнадцатой улице лишь два месяца назад, то фигуру леди Ирэн никто не мог оценить в сравнении. А если она при этом стремилась скрыть беременность и носила… ну, к примеру, широкие платья с завышенной талией, да ещё и редко появлялась на улице… ходила не пешком, а брала кеб…

есть шансы, что ее «полноте» просто не придали значение. Или же у леди был при себе артефакт, который мог наводить качественную иллюзию и прятать беременность от чужих глаз.

– Это вариант, – неожиданно кашлянул Лив. – Тем более, я видел в отчете: один из таких амулетов иллюзий нашли в доме на Шестнадцатой при обыске. Он был полностью истощен. Но не факт, что у светлой магини не осталось при себе второго.

Я замедленно кивнул.

– Да, это многое бы объяснило. А скажи-ка мне вот что: сколько времени после травмы леди Ирэн могла находиться в создании? Чисто теоретически?

– Максимум сутки. На большее у нее не хватило бы сил и умений.

– Ты уверен? – прищурился я.

– Конечно. Я получил на нее все данные из базы ГУССа и из Регистрационной палаты. Леди, хоть и являлась целителем, все же была магом среднего уровня. И подобные повреждения не сумела бы залечить без дополнительной помощи или мощного источника. Ее собственные резервы были истощены беременностью. Исходя из этого, можно предположить, что помочь себе леди Ирэн, скорее всего, не смогла. В лучшем случае, сумела дать шанс чуть дольше прожить ребенку, но и то не факт, что она справилась.

– Хорошо, я понял, – так же замедленно отозвался я. – А по ее мужу можешь что-нибудь добавить?

Лив тяжело вздохнул.

– Труп в мешке вне всякого сомнения принадлежит ему. Причину смерти я тебе озвучил еще в прошлый раз. Следов магии на теле нет, если тебя это интересует. Следов сколаниса в крови – тоже. Брюса Ольерди никто не опаивал и для ритуала не готовил – его просто и незатейливо убили, после чего подбросили нам. Причем так, чтобы его точно нашли и опознали. А вот по Дертису все немного сложнее. Наличие сколаниса я тоже могу подтвердить, причем в огромных количествах. Я в свое время увлекался ядами, особенно этой группы, поэтому могу с уверенностью сказать, что перед смертью наш коллега должен был находиться в совершенно невменяемом состоянии. Но если ваш шеф не ошибся, и для обряда требовалось добровольное согласие мага, то Дертис вряд ли мог его дать – после такой дозы сколаниса его должно было просто-напросто вырубить. Причем надолго. И так качественно, что он не очнулся бы даже в том случае, если бы его принялись рубить на куски прямо во время обряда.

– Полагаешь, это могло нарушить течение ритуала?

– Понятия не имею, – признался маг. – Но на месте убийцы я бы не стал так рисковать. Если, конечно, это не был вопрос жизни и смерти.

Крутящаяся в моей голове полубезумная мысль, наконец, оформилась во что-то конкретное и сверкнула ослепительной, но очень похожей на правду догадкой. После чего я благодарно кивнул светлому и, уточнив ещё несколько деталей, отправился сперва к Лиз – за ответами на вопросы, которые написал ей еще поутру. Затем вернулся в архив – заканчивать то, что не успел сделать утром. А когда получил подтверждение почти всем своим догадкам, то крепко выругался. После чего все ещё раз перепроверил и выругался снова. Затем похватал разбросанные по столу бумаги, свернул изрядно подпорченную пометками карту, выскочил в коридор, на бегу бросил Рону, что вернусь теперь не скоро. И, заперев дверь с оставшимися материалами, отправился в лечебное крыло, предварительно уведомив через дежурного регистратора господина Орбиса, что к моему визиту следует подготовить одну несговорчивую пациентку.

Время на бесполезные споры я терять не хотел – мне нужно было в срочном порядке попасть к Корну. И даже четверть свечи, потраченную впустую, считал для себя непозволительной роскошью.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что пузатый маг не исполнил своего обещания. И вместо того, чтобы заблаговременно угомонить Хокк и ждать меня в палате, он с несчастным видом мялся у двери и взирал на мир глазами несправедливо обиженного ребенка.

Когда он заметил меня, его пухлая физиономия сперва расцвела, а затем стала ещё несчастнее. И мне это не понравилось. Когда же я вошел, наконец, в палату и увидел причину столь удрученного состояния светлого, мое и без того скверное настроение скатилось к абсолютному нулю.

Комната оказалась похожей на поле боя – кровать разломана и лежит на боку, от стола осталось одно название, магические артефакты, с помощью которых целители отслеживали состояние ауры, разбиты. Стены выщерблены и опалены, словно по ним прошлись огненным заклятием. Никого из посторонних внутри, естественно, давно не было – сбежали от греха подальше, не забыв активировать на стенах и двери защитные заклинания. Вероятно, именно поэтому агрессивная обитательница этой комнаты, одетая сейчас лишь в содранную с постели простыню, так и не смогла до сих пор выбраться наружу. Вместо этого она уставилась на меня глазами раненой демоницы и, весомо качнув в руке ножку от разломанной табуретки, сухо предупредила:

– Только попробуй ещё раз меня усыпить, Рэйш. Клянусь Тьмой, я тебя уничтожу.

* * *

– Шеф, у нас проблема, – первое, что я сказал, открыв дверь в кабинет Корна. Благодаря усилиям Хокк, на совещание я снова опоздал, поэтому начальники участков воззрились на меня с укором, а шеф – со вполне обоснованным раздражением.

– Что ещё за проблема? – рыкнул Корн из-за стола.

Я любезно отступил в сторону, позволяя магичке войти, затем зашел следом, немедленно устремился к стоящему у окна креслу и по дороге ткнул пальцем себе за спину.

– Вот она. И теперь эта проблема – ваша.

Корн обалдело уставился на полностью одетую, но все еще бледную, как поганка, магичку. Хмурая донельзя, всклокоченная, но с решимостью настоящего безумца в глазах, Хокк сейчас выглядела как загнанная в угол кошка, которой и сбежать некуда, и сражаться не осталось никаких сил. Стоять она пока могла, хотя резервы у нее определенно заканчивались. Аура выглядела неплохо, но это временное явление. А вот на шефа Хокк взирала с не меньшей злостью, чем на меня недавно. И судя по появившейся в глазах Корна растерянности, он все еще не догадывался, в чем собственно дело.

– Рэйш, как это понимать?!

– Леди категорически отказывается от дальнейшего пребывания в лечебном крыле и от помощи целителей заодно. Поэтому, спасая от разгрома лечебное крыло, я привел ее к вам.

– Отказывается? – нахмурился Корн и недоуменно взглянул на магичку. – Хокк, это правда?

– Правда, – так же хмуро подтвердила она. А я с независимым видом плюхнулся в кресло и самоустранился от совершенно неуместных в данный момент разборок. Все. Я свое дело сделал. А дальше пусть он сам решает проблемы с подчиненными.

Начальство помолчало, попеременно изучая то рассерженную магичку, то мою невозмутимую физиономию. Немного подумало. Кажется, начало о чем-то догадываться. После чего повернулось в мою сторону и на редкость спокойно констатировало:

– Ты не довел до нее содержание приказа.

Я оскалился.

– Это не моя обязанность.

– И, разумеется, ты не сообщил ей о причинах.

– В бумаге на этот счет не было никаких указаний.

Корн нахмурился еще больше. Остальные сидели молча, внимательно поглядывая на всех заинтересованных в скандале лиц. И только Йен смотрел с невыразимым укором… почему-то на меня. Словно я по своей воле надоедал многоуважаемой леди и по собственному желанию взялся поправить ее здоровье.

– Что за приказ? – настороженно уточнила Хокк, когда тяжелый взгляд шефа снова уперся в нее. – Я что-то пропустила?

– Со вчерашнего дня Триш до особого распоряжения приписана к команде Норриди, – ровно и сухо уронил шеф. – Она пострадала меньше, но на темную сторону вам обеим в ближайшее время выход запрещен. Сроки будут определять целители. К ним вы обе обязаны появляться ежедневно, в рабочее время, для диагностики состояния ауры и получения дальнейших рекомендаций по ее восстановлению. Когда они сообщат мне, что ты восстановилась полностью, ограничение на выход на темную сторону будет снят. О причинах тебе подробно расскажет господин Орбис. Заодно пояснит, почему было принято такое решение, и даст предельно четкие инструкции вам обоим относительно дальнейших действий. Вопросы?

Хокк поджала губы.

– Нет вопросов, шеф.

– Рэйш?

– Я услышал, – невозмутимо отозвался я. – Но приказ стоило бы переписать. И включить туда пункт о надбавке за вредность.

Корн недобро прищурился.

– Обойдешься. Хокк, раз ты не желаешь лежать в лечебном крыле и все равно причастна к этому делу, найди где присесть. Но если я вдруг услышу, что кто-то из вас не выполняет моих распоряжений… – шеф совсем уж зловеще улыбнулся. – Отстраню от расследования обоих. Надолго. Вам понятно?

Мы синхронно кивнули. Однако вставать и уступать даме место я, само собой, не стал. И, поскольку свободных кресле в кабинете больше не осталось, Хокк решительно прошла к окну и устроилась на подоконнике. А от неуверенно приподнявшегося Норриди отмахнулась, как от досадной помехи. Мол, сиди, сама разберусь. После чего Йен снова почему-то с укором посмотрел в мою сторону, а поняв, что мне до фонаря его предположения, с недовольным видом отвернулся.

– Норриди, что у вас? – отвлек его от размышлений Корн. – Есть что-то новое по последним делам?

Йен послушно открыл рот, но я к нему почти не прислушивался. Почти все, что он собирался сказать, я уже знал, потому что успел побеседовать с Лиз и Тори, а выводы могу сделать и без дополнительной помощи. За Йеном отчитался

Илдж, затем Рош, Эрроуз, и с каждым новым отчетом сидящая на подоконнике Хокк становилась все мрачнее. Специально для нее никто, разумеется, не устаивал показательного выступления, но я все же заметил, что даже некрос пару раз повторился. А Йен и вовсе сделал пространную отсылку к нашим прошлым «посиделкам», так что более вежливые, чем я, коллеги с молчаливого согласия Корна просто аккуратно ввели леди в курс дела.

Покосившись на Хокк, которая в это время буравила мне спину неприязненным взглядом, я мысленно усмехнулся. Кто-то скажет, что я хам, и в чем-то, конечно, будет прав. Меня действительно мало волновали ее эмоции. Но сюда я привел Хокк не потому, что хотел ее унизить или оскорбить, а сугубо из экономии времени. Если бы я начал что-то объяснять в лечебном крыле, она бы не поверила и все равно приперлась к Корну за подтверждением. Ну а раз так, то зачем тратить лишнюю свечу на уговоры? Тем более, если времени и без того в обрез.

– Рэйш, какие твои выводы по этому делу? – наконец, добрался до моей персоны шеф, который, разумеется, сразу просек что к чему. – Есть что-то новое по последнему убийству?

Я кивнул и выудил из-под небольшую стопку листов.

– Совсем нового нет. Но хотелось бы внести некоторую ясность в ситуацию.

– Мы тебя внимательно слушаем.

– Думаю, не надо говорить, почему я считаю, что мы имеем дело с серией ритуальных, последовательно происходящих и тщательно продуманных убийств, преследующих непонятные нам цели…

В кабинете стало так тихо, что стало слышно, как трепещут где-то в углу крылышки чудом залетевшего сюда комара. Вот и уж правда, звенящая тишина… правда, вопросов никто не задал. Вообще. Только напряглись все как один, впились в мое лицо напряженными взглядами и сжали пальцы кто на подлокотнике, а кто на ни в чем не повинном карандаше, да так, что дерево уже было готово хрустнуть.

Убедившись, что нетерпеливых в помещении нет, я медленно поднялся и, выудив из-за пазухи многократно сложенную карту, разложил ее на столе Корна. Тот по моей просьбе спроектировал подробную иллюзию на ближайшую стену, а затем принялся наносить на ней метки соответственно тому, что я говорил.

– Как вы помните, первым произошло убийство на Шестнадцатой улице. Госпожа Ирэн и наш коллега Дертис Эрс. Старый трехэтажный особняк, старая магическая защита, свежий ремонт, приезжая пара, находящаяся на грани разрыва. Две

смерти. Пострадали любовники. Из обстоятельств дела следует особо отметить выкачанный из жертв магический дар, имеющиеся на полу символы на лотэйнийском, отсутствие следов убийцы и пропавшего… предположительно, мертвого… ребенка. Информацию о трупах косвенно получена от соседки. Идем дальше. Прибрежная улица.

На карте появилась новая отметка.

– Заброшенный, никому не принадлежащий участок со славой проклятого богами места. Несколько бесследно пропавших бродяг. Магически защищенный бункер. Два плохо сохранившихся и пока неопознанных трупа. Море еще более древних костей. Довольно специфический инструмент, которым давно не пользовались. Полное отсутствие магических следов. Никаких лотэйнийских символов. Зато есть хорошая защита от магического воздействия и плохо отрегулированный «громоотвод», чьи дефекты много лет компенсировались репутацией района и отсутствием патологического любопытства у местных жителей. Найден случайно, в ходе проверки парнями из городской стражи.

На карте снова мигнула яркая точка.

– Третье убийство. Аллейная улица. Старый трехэтажный дом, старый ремонт, старая магическая защита, выставленное на продажу и поэтому мало посещаемое жилье. Две смерти: падчерица и отчим. По подтвержденным данным – духовно близкие, дорожащие друг другом люди. Способ убийства аналогичен первому. Лотэйнийские символы присутствуют. Информация получена случайно, в ходе проверки.

Я отступил от стены и снова обратился к слушателям.

– Коллеги, я так полагаю, вас сейчас смутили те же несколько очевидных фактов, что и меня. А именно: практически идентичные обстоятельства первого и третьего случаев, явная непохожесть второго, где, тем не менее, использовался тот же способ убийства. Расположение мест преступлений. Выбор времени суток для ритуала. И наконец, общие временные рамки.

– Что не так с временными рамками? – наконец, разлепил губы Корн.

– Второй эпизод по всем параметрам выбивается из общей картины. Люди, которых мы нашли в подвале, были убиты намного раньше остальных, но определенно теми же личностями, которые продолжают убивать и сейчас. То, что мы нашли на Прибрежной улице, слишком уж похоже на… инсценировку. Тренировку, если хотите. А место, где ее проводили, чересчур смахивает на старую, давно не используемую лабораторию.

– Кто-то оттачивал там методику вивисекции? – тихо уточнил

Илдж.

Я кивнул.

– Судя по остаточным следам на темной стороне, он ещё экспериментировал и с магией переходов. Причем с положительным результатом, раз уж в столице появились грамотно выпотрошенные трупы. Для того, чтобы набить руку и хорошо подготовиться, преступнику или преступникам понадобилось время и много подопытного материала. Судя по костям, жертв было гораздо больше, чем в том районе пропадало бродяг. Так что наш убийца определенно местный житель. Или как минимум частый гость в столице на протяжении последних нескольких десятков лет.

– Полный отчет по второму эпизоду еще не пришел, – глухо сообщил Корн. – Но предварительно мне сообщили, что телам на столах около пятнадцати лет. Остальным костям – от двадцати до сорока пяти. Но личности мы пока не установили и не исключено, что не установим никогда. Почему тебя смутил выбор места других преступлений?

Я снова кивнул.

– Схожее строение особняков и магической защиты – раз. И разные сыскные участки – это два.

– Причем тут наши участки? – настороженно спросил Йен.

– Дома, если помнишь, скупались человеком, взявшим себе имя Роджера Эстиори, довольно нерегулярно. Все они расположены на разных участках, и во всех проживают такие же маги, как леди Ирэн. Но, если помнишь, только в одном произошло ритуальное убийство.

– ПОКА только в одном.

– Возможен и такой вариант, – признал я. – Но я считаю его маловероятным. Потому что второе ритуальное убийство случилось в не принадлежащем Эстиори здании, но тем же способом и по той же причине. При этом оно было не спонтанным, а тщательно подготовленным. Вспомни – в отличие от первого, здесь не было свидетелей, а ведь тот район далеко не такой пустынный, как окраины порта. Если бы из окон пустующего дома посреди ночи рванул поток света, соседи бы насторожились. Но убийца соблюдал осторожность. И он определенно не спешил. Он даже следы за собой подтер. А значит, велика вероятность того, что из шестерых загодя купленных домов на имя Эстиори предназначенным для ритуала был всего один, а остальные использовались в качестве ширмы. Обманки, призванной сосредоточить наши усилия на ложном следе.

– Твои выводы поверхностны, – вмешался Рош. – Кто сказал,

что в других домах никого не убьют? Может, это случится уже сегодня. Или завтра. В связи с этим считаю преждевременным говорить о возможности снятия круглосуточного наблюдения.

Я поморщился. Все же некросы упрямые. И недоверчивые все как один.

– Думаю, тот, кто организовал эти убийства, хорошо знает наши инструкции. Поэтому домов и было не один, а целых шесть, в том числе и за пределами города. Это распыляет силы Управления, где даже сейчас хороших магов не так много, как нам бы хотелось. Позволю себе напомнить, почему мы все же решили, что это было именно ритуальное убийство. И почему я так уверен, что нас ждут еще как минимум десять пар смертей.

Сидящий за столом Корн недоверчиво уставился на листок, куда я тщательно и аккуратно продублировал непонятные символы с мест преступлений. Все двенадцать. Расположенных в том же порядке, как и в домах жертв. Низ и верх я пометил отдельно, чтобы не путать коллег.

Поняв, что я не шучу, шеф спроектировал эту картинку прямо поверх карты. А когда я посоветовал сделать знаки полупрозрачными, сперва недоверчиво вскинул брови, а потом помрачнел еще больше.

– Есть возможность изобразить рядом еще и вот это? – поинтересовался я, выкладывая перед ним несколько новых листов.

Шеф угрюмо кивнул, и через мгновение на стене появилось пять схем.

– Дом номер восемь по Шестнадцатой улице, – пояснил я свою просьбу. – Первый этаж, второй этаж, третий этаж, чердак и подвал… Корн, объедините, пожалуйста, изображения так, чтобы они наложились друг на друга. Мы должны увидеть их как единое целое.

Когда шеф сделал то, что я просил, в комнате кто-то поперхнулся. Кажется, Илдж. А Хокк неверяще уставилась на изображение, сжав кулаки с такой силой, что ноги наверняка впились под кожу до крови. На лицах Роша и Эрроуза отразилась бешеная работа мысли. А когда я дал Корну ещё несколько рисунков и попросил сделать то же самое для особняка на Аллейной, темные помрачнели так же, как шеф. После чего одновременно повернули головы в мою сторону.

– Рэйш…

Я недобро улыбнулся.

– Второй и восьмой знаки из основной схемы, если считать с нижнего края по часовой стрелке. Слишком явное совпадение, не так ли?

А затем выложил на стол свой последний козырь – третью пачку листов.

– Это – один из домов, которые вы по-прежнему собираетесь охранять, – прокомментировал я появившееся на стене изображение. – Как видите, ни на один из знаков он не похож. Другая планировка, другие очертания комнат. Да, защита сходная и такая же старая, как в нужном нам доме, но во всем остальном разница слишком велика. То же самое касается остальных зданий, что я успел проверить. Только в лаборатории есть некоторое сходство, но среди символов, оставленных на полу убийцей, в точности такого же знака не было.

Корн убрал первую проекцию и создал вторую. Затем третью, четвертую, пятую…

– Схемы по загородному поместью у меня нет, – честно признал я, когда Корн закончил с иллюзиями. Но не стал добавлять, что схемы у меня нет с собой, тогда как Мэл уже сделал полную выкладку по всем взятым на охрану особнякам и наглядно доказал, что ГУСС тратит свое время и силы понапрасну. – Но я не сомневаюсь, что он не подойдет ни под один из оставшихся десяти знаков. Корн, вы не могли бы сместить первые два изображения на основной схеме так, чтобы они совпали с местами уже известных убийств на Шестнадцатой и на Аллейной?

– Попробую, – тихо отозвался шеф, и иллюзия на стене снова пришла в движение. Ненужные картинки с нее исчезли, оставив два самых первых изображения, а затем и они начали стремительно меняться, то приближаясь, от отдаляясь от зрителей. – Но не уверен в масштабе. Ты считаешь, жертв будет больше? Полагаешь, нам надо ждать ещё двадцать смертей? В домах, чья планировка соответствует оставшимся лотэйнийским символам?

Я кивнул.

– Нетрудно понять, что самым простым было бы наложить рисунок с символами на карту столицы, и те здания, что совпадут, считать местами будущих преступлений. Но, похоже, убийца, нанося эти символы, не соблюдал пропорций. А жаль. Это сильно облегчило бы нам жизнь.

Корн упрямо набычился, засопел, крутя изображения так и этак, но даже при беглом взгляде было видно, что у него не получается. Когда изображения двух уже известных нам знаков совпадали с нужными домами, размеры схемы становились такими большими, что большая часть оставшихся символов на ней попала на городскую стену, на Фемзу, на пригородные участки или вообще убегала в необъятную даль. Если он ужимал

масштаб до приемлемых величин, то первые знаки не попадали в нужные точки. А ведь даже Хокк догадалась, что убийства надо ожидать на территории столицы. И точно так же как остальные, кусала сейчас губы в попытке найти приемлемое решение.

– Хорошо. Что ты предлагаешь? – наконец, сдался Корн и оставил иллюзию в покое.

– В общем-то… ничего, – криво усмехнулся я, вновь оказавшись на перекрестье озадаченных взглядов. – Мы, конечно, можем начать проверять все подряд здания в Алтире в надежде, что удастся узнать место следующего убийства. Но не думаю, что сыскари в этом преуспеют. Разве что случайно кому-то повезет.

– Предлагаешь сидеть тут и ждать очередного убийства, чтобы уточнить масштаб? – тихо и недобро осведомилась Хокк.

Я одарил ее насмешливым взглядом.

– Можешь попробовать. Я точно возражать не буду.

Магичка сжала челюсти так, что на скулах заиграли желваки, но я сделал вид, что не заметил. Ишь, нервная какая. А вот когда на меня уставился требовательный взгляд Корна, все же не стал валять дурака и честно признал:

– Но кое-какие идеи у меня есть.

– Говори, – сухо велел шеф, а остальные синхронно кивнули.

– Если принять мою гипотезу как рабочую, то надо исходить из того, что убийства будут повторяться с определенным интервалом, – задумчиво проговорил я, возвращаясь в свое кресло. – Скорее всего, каждую ночь, если уж преступник изначально взял именно такой темп. Хотя, может, я и ошибаюсь. Но убивать наших коллег будут до тех пор, пока круг наконец не замкнется, а убийца или убийцы не соберут силу двенадцати пар магов. И я бы не рассчитывал, что они станут действовать последовательно, раскрывая нам свою задумку и убивая в том же порядке, в каком нарисованы символы на схеме…

– Зачем это вообще понадобилось? – вмешалась Хокк, снова нарушив ход моих рассуждений. – Магия переходов опасна. Риск должен оправдывать поставленную цель. Да чего нужны двадцать четыре магических дара? Да ещё светлых и темных поровну?

– Для чего угодно, – рассеянно отозвался Грэг Эрроуз. – От дворцового переворота до вызова демона или тотального уничтожения населения столицы.

Перехватив настороженный взгляд магички, я пожал плечами.

– Цель ритуала мне неясна. Жрецы пока молчат. Им самим ничего не понятно. Но по предварительной оценке итогом этих действий может и впрямь стать разрушение города. А может, и божественное пришествие, правда, мы не знаем, какого бога.

Думаю, что определенно не нашего и уж точно не светлого.

– Я бы не хотел это выяснять, – буркнул из своего кресла Илдж. – По мне, так остановить бы этих ненормальных поскорее. А уж зачем и для чего они надумали резать магов на самопальных алтарях – дело десятое.

– Согласен, – кивнул я. – Но домов в столице много. Заброшенных земельных участков тоже достаточно. Чтобы их проверить, придется засадить всех сотрудников Управления в архив и сутками копаться в бумагах в надежде отыскать нужную информацию. Собственно, я сегодня полдня только этим и занимался. А в качестве отправной точки использовал сведения, которые мы достоверно знаем о наших жертвах. В первую очередь те вещи, которые их объединяют.

– И что нашел? – встрепенулся Корн, аж вперед подавшись от нетерпения.

– Не так много, как мне бы хотелось. Но я выяснил, что приобретенные на имя Эстиори дома принадлежали погибшим во время правления Эрнеста Кровавого темным семьям. Все дома впоследствии были выкуплены, не раз перепроданы и закончили свой путь в руках нынешних владельцев, о которых у нас и по сей день не так много данных. Исходя из того, что защита на этих домах и на домах наших жертв очень похожа и вполне подходит под временной промежуток, когда представители тех семейств были еще живы, я поднял документы на все крупные, не ниже трех этажей, строения, которые когда-то принадлежали известным темным фамилиям Алтира.

– Почему известным? – полюбопытствовал Грегори Илдж.

– Потому что они были достаточно богаты, чтобы отгрохать себе фамильное гнездо в столице и владеть им на протяжении нескольких поколений. Выборку по районам я не делал – убийцы действуют с размахом, не ограничиваясь одним кварталом или участком. В итоге на всю столицу у меня получилось девять с половиной десятков адресов, которые с большей вероятностью могли бы стать местами новых преступлений. Правда, данные я собирал без учета магических способностей людей, которые проживают в этих домах сейчас. На детали у меня просто не хватило времени, но если следователи обработают эту информацию, то список адресов немного сократится.

По знаку Корна я снова поднялся, и через некоторое время на иллюзорной карте столице появились новые метки, расцветившие город мрачными черными точками. Шеф даже попытался опять поэкспериментировать со схемой в попытке найти совпадения, но без дополнительных ориентиров он мог гадать до бесконечности. Точек было слишком много. Тем более, других данных я не мог

ему предоставить. Разве что прямо сейчас вскочить и со всех ног мчаться проверять указанные здания в надежде, что до наступления темноты мы успеем проверить хотя бы часть адресов. Или же, как сказала Хокк, просто сидеть в кабинете и терпеливо ждать, когда произойдет новое убийство. И уже по третьей отметке более точно соотнести карту города и схему из непонятных символов.

Корн, разумеется, выбрал первый вариант, и на какое-то время кабинет опустел: начальники участков вышли в коридор, доставая на ходу переговорные амулеты. Это значило, что в самое ближайшие время все сыскное Управление на пару с городской стражей поднимется на дыбы и начнет перерывать столицу в поисках нужных зданий. При этом они наверняка потревожит немало знатных, богатых и очень влиятельных людей. Работать будут и ночью, и завтра утром, и днем, и все ближайшие несколько дней. А значит, Корну стоит ожидать целый поток жалоб от потревоженных горожан.

Шеф, впрочем, тоже куда-то свинтил и выглядел при этом крайне озабоченным. И лишь когда за ним захлопнулась дверь, я как-то неожиданно сообразил, что в кабинете больше не осталось посторонних. Только я и доведенная до белого каления Хокк, которая именно этот момент сочла подходящим для разговора.

Глава 13

– Может, все-таки пояснишь, что это было? – хмуро осведомилась Хокк, когда в кабинете воцарилась недолгая тишина. – Какого демона ты делал в лечебном крыле, а теперь притащил меня сюда? Что за приказ дал тебе Корн? И почему он касается меня?

Я бросил на спрыгнувшую с подоконника коллегу откровенно скептический взгляд. А она тем временем обошла мое кресло по кругу, оперлась бедром на стол шефа и, сложив руки на груди, требовательно на меня уставилась.

– Рэйш, я хочу знать ответы.

– У шефа спроси, – пожал плечами я. – Я не должен перед тобой отчитываться.

Хокк бросилась краска в лицо. И я, если честно, ждал настоящего взрыва наподобие того, что случился в лечебном крыле. Однако она, как ни странно, сдержалась. И вместо того, чтобы бросить в меня что-нибудь тяжелое, разъяренно зашипеть или начать плеваться… неожиданно смолчала. Надолго задумалась. После чего яростный блеск в ее глазах сошел на нет, неестественный румянец на скулах сменился привычной бледностью, а голос вновь стал сухим и бесстрастным.

– Вероятно, мы неправильно поняли друг друга. Я не оспариваю приказ Корна. И не собираюсь с тобой ругаться. Да, без темной стороны проку с меня немного, но он не отстранил меня от работы, поэтому все что могу, я сделаю, и наши с тобой разногласия этому не помешают. Я хотела услышать другое… что произошло в доме на Шестнадцатой, Рэйш? Я помню лишь то, как мы вошли туда с Триш. Помню Тьму. Чердак. Обезглавленное тело на столе. И то, как нас с Хеленой утянуло в «колодец». Смутно помню вашего мальчишку, который полез куда не просят. А дальше – провал. Холод. Пустота. И ты, зачем-то пытающийся ударить меня кулаком по лицу…

Я вопросительно приподнял брови, но Хокк словно не заметила.

– Насколько я понимаю, у меня проблемы с даром, – так же бесстрастно заметила она, продолжая буравить тяжелым взглядом мою физиономию. – Причем серьезные проблемы, раз из моей памяти напрочь выпало несколько дней. Еще я помню, что ты хотел сжечь меня заживо. И тебе это, кажется, почти удалось, потому что, по ощущениям, на мне живого места не было. Да и сейчас время от времени хочется проверить, на месте ли кожа или вместо нее остались одни угольки. А потом я увидела тебя в

лечебном крыле. И снова после твоего визита меня вырубило на несколько свечей. Тебе не кажется, что я имею право знать, что происходит?

Я хмыкнул.

Надо же… а Хокк сумела меня удивить. Спокойно изложив известные ей факты, из которых напрямую следует, что ее недавно пытались убить, магичка вела себя так, словно и впрямь ничего не случилось. Действительно, леди. Зато теперь, наконец, мне стало понятно, отчего была столь бурная реакция при пробуждении. И почему Хокк так отчаянно не хотела, чтобы я к ней прикасался.

Пока я размышлял, как лучше поступить, в кабинет вернулся Корн и, одарив нас подозрительным взглядом, снова уселся за стол. Почти сразу к нему присоединились начальники участков, и разговор с Хокк волей-неволей пришлось отложить. Недовольная этим фактом магичка молча вернулась на свое место, а когда все расселись в кресла, Грэг Эрроуз негромко бросил:

– А все-таки, Рэйш, пусть твое предположение и похоже на правду, даже оно не объясняет всех странностей с этими убийствами.

– Согласен, – поддержал коллегу Хьюго Рош. – Даже если не брать в расчет целей убийцы, то столь длительная… даже не годами – десятилетиями проводимая подготовка кажется мне неправдоподобной. Давайте размышлять здраво – темные семьи были вырезаны Эрнестом Кровавым без малого сто лет назад. Вскоре после этого король был убит. Какое-то время в стране царил хаос, и мне сложно представить, что вся эта история началась именно тогда. Кроме того, это означало бы, что тот, кто спланировал нынешние убийства, не просто знал о существовании и предназначении ритуала… не только имел доступ к сведениям о магии переходов… но и обладал достаточными средствами, связями и, главное, временем, чтобы заранее подготовить все для ритуала. Даже сообщников натренировать, чтобы во время обрядов не произошло осечек. Оставим пока в покое личность организатора. И давайте представим, что на протяжении последних десятилетий этот человек действительно скупал через подставных лиц недвижимость в Алтире. Если следовать теории Рэйша, то двенадцать домов должны стать непосредственно местами преступлений. Не меньшее, а то и большее их количество должны выглядеть похожими, дабы отвлечь наше внимание и запутать сыскарей. Но зачем было тратить столько денег и выжидать так много времени? Почему ритуал начали именно сейчас? Какое отношение к происходящему имеет Брюс Ольерди, и почему его

труп был выброшен на помойку столь демонстративно? Даже с подписью, кто есть кто! Если он играл роль приманки или палача для собственной жены, то куда подевался второй исполнитель – тот, кто убил Дертиса? Мы ведь предполагаем, что на каждое убийство должен быть отдельный человек, чтобы смерть обоих магов наступила одновременно. Но если организатор использует для каждой части ритуала по двое помощников, а потом от них избавляется, то где остальные тела? Разве не должны были мы их обнаружить?

Поняв, что взгляды присутствующих снова обращены на меня, я, не поднимаясь с кресла, только развел руками.

– Про временные рамки я вам уже говорил – это и меня смущает.

– Но все же ты настаиваешь, что некто готовится к непонятному обряду, итогом которого может стать разрушение Алтира, – продолжал настаивать некрос. – По-твоему, мы имеем дело с целой группой? Кто это? Заговорщики? Династия сумасшедших? Для одного человека это выглядит слишком сомнительным предприятием.

«Да, – молча согласился я. – Но только до тех пор, пока не начинаешь задумываться о жнецах».

– Хьюго, ты считаешь, мы сейчас зря подняли на ноги городскую стражу? – спокойно осведомился Корн.

Рош нервно отер повлажневший лоб.

– Нет, не зря. Мне тоже не нравится происходящее. Хотя бы потому, что о магии переходов мне известно чуть больше – я в свое время защищал диплом по этой теме. И звание магистра получил лишь благодаря ей. Но людей, кто имеет доступ к этим сведениям, очень немного. С твоего разрешения я отправил запрос в Орден – пусть прошерстят архивы. Может, оттуда что-то пропало. Или кто-то чересчур явно интересовался старыми ритуалами…

Корн хмуро кивнул.

– Рэйш, храм может сделать для нас то же самое? К их данным у нас доступа нет. И пусть на роль убийцы больше подходит какой-нибудь безумный маг, но жрецов… особенно темных… сбрасывать со счетов тоже не стоит.

– Отец Гон понимает это не хуже нас, – отозвался я. – Думаю, он уже начал проверку. По Брюсу Ольерди мне пока нечего сказать – по нему слишком мало данных. Зато перед уходом Лиз дала сведения по поводу пары Ирэн Ольерди – Дертис. И подтвердила, что у них действительно были отношения.

– Давно? – так же хмуро поинтересовался шеф.

– Больше года. Лиз проверила данные из Регистрационной

палаты – леди Ирэн училась в столичном университете в то же время, что и наш коллега. Правда, Дертис был старше и уже заканчивал университет, когда там появилась юная леди Ирэн. Но на запрос оттуда пришла масса данных, свидетельствующих о том, что в те годы у этой парочки случился роман. Обычный роман, ничего серьезного… После выпуска Дертис уехал в столицу, как перспективный молодой специалист, а леди, имея лишь средний уровень дара, доучилась и отправилась по распределению в северные провинции, где лет через десять встретила Брюса, вышла за него замуж и довольно долгое время была в браке если не счастлива, то вполне довольна тем, что имела. Около двух лет назад она решила повысить статус и подала прошение в столичный Орден о присвоении ей звание магистра. Судя по документам из столичного архива, в состав экзаменационной комиссии входил и Дертис. После этого леди возвращалась в столицу трижды на протяжении ближайшего после экзамена месяца, а затем наведывалась не реже раза в месяц. Вплоть до того момента, как Брюс Ольерди принял решение приобрести в Алтире собственный дом.

– Точный срок ее беременности выяснить не удалось – будучи целителем, леди не обращалась за помощью к посторонним, – вдруг буркнул Йен. – По крайней мере, в Алтире. Сведений из Тойроса, где она жила в последние годы, ещё ждем. Но если верить отчету нашего мага, леди оставалось совсем немного до родов.

Корн удивленно вскинул брови – у него, вероятно, была иная информация. А Норриди тем временем достал из-за пазухи несколько бумаг, передал шефу через Роша и вкратце озвучил то, что там было написано.

Ознакомившись с выводами Херьена, шеф долго хмурил брови и пытался найти неточности в заключении нашего эксперта. Но парень оказался по-настоящему хорошим специалистом и обосновал свое мнение так, что придраться оказалось не к чему.

– Насчет исчезновения Дертиса дело тоже прояснилось, – тем временем доложил Йен. – По нашим данным, произошло это в тот же день, когда Брюс и Ирэн Ольреди покинули дом на Шестнадцатой. Следов борьбы в жилище некроса мои следователи не нашли. Однако у нас есть свидетель, который видел, как тем вечером в дом вашего мага постучался невысокий, крепкого сложения мужчина в плаще с низко надвинутым капюшоном и передал письмо. Через десятую часть свечи Дертис выскочил на улицу, толком даже не одевшись. Больше ни его, ни посыльного никто не видел. Куда направился Дертис, нам узнать

не удалось. Записки или ее следов в доме не обнаружено. Зато кто-то использовал неизвестный артефакт, стирающий остатки аур и следы на темной стороне. По предварительным данным, эффект от него сопоставим с тем действием, которое создавали зачарованные вампиром монетки. А помня о маге, который когда-то передал Фатто и его подельникам магические перстни, и о временных рамках, которые уже тогда показались нам слишком широкими для обычного преступления, думаю, вероятность прямой связи между этими двумя делами весьма высока.

Я навострил уши.

Так. Кажется, я слишком много времени потратил на прогулки по темной стороне, раз впервые слышу такие подробности. Неужели это Тори постарался в доме Дертиса? Надо же, какой молодец. Да и Йен отлично сработал. Надо будет туда самому сходить, поверить. Я вижу во Тьме лучше мальчишки. Вдруг неведомый гость все же оставил после себя следок?

– Что насчет второй пары жертв? – сухо спросил шеф, уточнив кое-какие детали и удовлетворившись ответами.

– По ним еще работаем, – признался Норриди. – Вдова убитого три дня тому назад уезжала в пригород к родственникам и только сегодня после обеда вернулась. Сейчас она находится у меня в Управлении. Следователи как раз должны заканчивать допрос. А наши коллеги с восточного участка проверяют новый дом, где леди Улисс вместе с мужем и дочерью проживала после переезда.

– Там ничего необычного, – отреагировал Илдж, когда шеф выразительно на него покосился. – Мои спецы только что сообщили, что дом предварительно не относится к числу тех, которые могли бы нас насторожить. Я дал им задание проверить защиту и уточнить планировку. На всякий случай.

Корн одобрительно кивнул.

– Касательно их семейной жизни данные подтвердились?

– Никаких конфликтов между матерью, дочерью и отчимом не было, – доложил светлый. – На редкость дружная семья. Соседи слова дурного о них не сказали. Ответ на запрос из Ордена на девушку тоже пришел – ничего подозрительного. И в лечебнице о ней отзывались прекрасно. Кроме, пожалуй, того, что вчера вечером прямо к ней в кабинет заявился незнакомец (*художник уже работает над портретом*) и передал письмо, после которого девушка бросила все дела и стремглав умчалась, не удосужившись даже взять кеб.

– Я так полагаю, работала она недалеко от дома? – тихо уточнила Хокк.

– Верно. Несколько человек видели, как она спешила домой.

Вернее, в свой бывший дом, где мы и нашли тела. А попавшейся на пути соседке на бегу сказала, что отец себя плохо чувствует… но от помощи отказалась. Сказала, что с ним не должно быть ничего серьезного. Якобы за его здоровьем она следила лично.

– И все же записка ее встревожила… – задумчиво уронил Эрроуз. – Что ж, коллеги, у нас есть два принесенных в жертву светлых мага-целителя, один некрос и один маг Смерти. Быть может, тот факт, что у женщин оказался сходный дар, играет какое-то значение. Но не исключено, что это всего лишь совпадение.

– Мы уже запросили списки всех светлых леди из Регистрационной палаты и из Ордена, – деликатно кашлянул Норриди, привлекая к себе внимание. – Триш сейчас с ними работает. Надеюсь, к утру у нас уже будет список потенциальных жертв. Он, конечно, получится огромным, но с чего-то же надо начинать? Возможно, если мы отберем женщин-магов, проживающих в домах, на которые указал Рэйш, это поможет сузить круг поисков. А если отобрать из них только женщин-целителей…

– Здравая мысль, – одобрительно кивнул Корн, а Хокк бросила на Йена настороженный взгляд. – Работайте. И еще, господа… я хочу, чтобы вы проверили все трупы на своих участках на предмет одинаковых, с виду обыденных смертей или ран, нанесенных с профессиональной точностью. Мы уже выяснили, что у убийцы есть как минимум один помощник, который умеет мастерски расчленять трупы. Пусть ваши люди и городская стража обратят внимание на такие тела. А также на жертвы, способ убийства которых слишком хорош для обычных бандитских разборок. Возможно, если после каждого обряда убийца избавляется от пешек, у нас появятся улики. Если же их не будет… что ж, придется считать, что на него работают два надежных, не отягощенных муками совести человека с весьма специфическими навыками. И в этой связи прошу вас также посмотреть по своим картотекам и по базе ГУССа старые дела, где могли бы засветиться люди с подобными навыками.

Присутствующие почти одновременно кивнули. А я одобрительно хмыкнул и подумал, что правильно не стал на этот раз работать в одиночку – используя ресурсы Управления и городской стражи, добиться успеха было гораздо проще. Главное для нас теперь – не упустить время.

* * *

Совещание закончилось уже затемно. К этому времени Алтир по приказу Корна был до отказа напичкан патрулями. На всех улицах, которые хоть как-то засветились в расследовании, дежурили совместные отряды из магов и парней из городской стражи. Все подозрительные дома были взяты под наблюдение. Сотрудники всех Управлений вызваны из увольнительных, в приказном порядке отправлены на дежурство и находились в состоянии полной боевой готовности.

Я, правда, сомневался, что кому-то из них удастся засечь спонтанный выброс магии. Но чем Фол не шутит? Вдруг убийца допустит ошибку? В отсутствии других вариантов нам оставалось лишь надеяться на его оплошность. А также на то, что я несколько переоценил уровень нависшей над столицей угрозы, и вместо полоумного мага, решившего призвать в наш мир могущественную темную сущность, нам противостоит обычный маньяк с завышенным самомнением.

Когда все самые важные вопросы были решены, и начальники участков снова вышли в коридор, чтобы отдать подчиненным последние распоряжения, Хокк отлепилась от подоконника и уставилась на меня с нехорошим прищуром. Естественно, разговор ведь мы не закончили. Но если поначалу мне казалось, что в нем нет особого смысла, то сейчас я задумался: а смогли бы мы с Хокк сработаться, если бы она не превратилась в обузу? И что лучше – работать с ней, пока она остается ущербной и не способна выходить на темную сторону, или же напротив – заполучить в ее лице полноценного напарника, который рано или поздно мог превратиться в проблему?

– Рэйш, сходи-ка, прогуляйся, – неожиданно велел шеф, заставив меня оторваться от размышлений. – Но далеко от Управления не уходи. Думаю, ты мне скоро понадобишься.

Я пожал плечами и вышел, предоставив Корну самому объясняться с магичкой. И раз уж он дал мне немного времени, я решил не тратить его понапрасну и, пользуясь случаем, смотался на Звонкую улицу. В Желтый квартал. В дом под номером шесть, где всего несколько дней назад проживал рассудительный, неглупый и весьма осторожный маг по имени Дертис Эрс.

Поскольку на доме стояла защита… не Дертиса, а людей Роша, которых Йен без зазрения совести привлек к этому делу… в дом я вошел по нижнему слою и под прикрытием зеркальной брони. Внимательно все осмотрел. Прошелся по соседним улочкам. Заглянул даже в тупичок за углом, но следов некроса нигде не обнаружил. Отпечатков убийцы тоже не было. Но каким образом он достиг такого эффекта, и какой именно использовал артефакт, было решительно непонятно.

Йен, кстати, не зря подумал о сходстве этого дела с убийством Мелани Крит и исчезновением Роберта Искадо. Непонятным образом зачарованные монетки, которых я, к сожалению, в первохраме так и не нашел, до сих пор не давали мне покоя. К тому же, подельники Фатто тоже не оставляли на месте преступления магических следов, а артефакта, с помощью которого люди Фатто умудрялись это делать, сыскари Корна не обнаружили.

Быть может, если наш убийца так долго живет, то в его распоряжении имелись не только перстни, но и другие вещи, когда-то принадлежавшие погибшим темным родам? Если у него хватило средств заполучить чьи-то фамильные имения, то кто сказал, что этих средств не хватит на покупку запрещенных артефактов? Или зелий вроде настойки сколаниса? А может, и ещё чего похуже?

Закончив с домом, я прислушался к поводку, но Мэл все ещё был занят. И в данный момент времени находился довольно далеко отсюда, где-то в районе западной окраины Алтира. Безусловно, все девять с половиной десятка домов даже ему не удалось бы осмотреть за неполные сутки, но я не сомневался – если кто-то и сумеет добыть эту информацию в кратчайшие сроки, то только он.

К тому моменту, когда я вернулся в ГУСС, в кабинете Корна снова стало людно. Начальников участков он, естественно, никуда не отпустил: в ожидании очередного убийства это было бы глупо. Но основное обсуждение уже закончилось, все важнейшие вопросы были решены, указания сыскарям на участках отданы, поэтому атмосфера в комнате была чуть менее напряженной, чем полсвечи назад. Йен о чем-то вполголоса беседовал с Илджем, временами они оба так же негромко начинали спорить с Рошем, Эрроуз внимательно изучал принесенную мною карту, Корн по обыкновению ковырялся в бумагах и сильно хмурился, а Хокк с нетерпеливым видом топталась у двери и, как только я появился, быстро вышла к коридор.

– Корн велел Орбису остаться на дежурство на случай, если будут новые жертвы. Я должна с ним поговорить. И ты тоже. Идем.

Я вопросительно покосился на шефа, но тот сделал выразительный жест, и мне пришлось развернуться к выходу, чтобы вместе с Хокк отправиться в лечебное крыло. Тьма! Могла бы и без меня обойтись. Что нового может сообщить этот светлый, у которого от одного моего вида начинает дергаться глаз?

– У вас большие проблемы, – с изрядной опаской выдал

господин Орбис, как только мы появились в его кабинете. – Прошу прощения, миледи, и вы, мастер Рэйш, что не сообщил об этом сразу, но я совсем недавно закончил обработку данных и должен с прискорбием сообщить, что какое-то время вам придется оказывать леди Хокк чуточку большую помощь, чем я упоминал раньше.

– В каком смысле? – насторожился я, а Хокк заметно помрачнела.

Светлый стал совсем несчастным.

– Видите ли, коллеги… на основании наблюдений за состоянием мастера Хокк я пришел к выводу, что глубина повреждений, полученных ею в так называемом темном «колодце» оказалась гораздо большей, чем мы предполагали. Поскольку первое время леди провела без сознания, а ее аура и магический дар в это время работали… скажем так… в экономном режиме, изменения были не очень заметны. Но как только леди пришла в себя и начала более активно двигаться, проявились последствия, о которых я просто вынужден был сообщить вашему начальству.

– Что за последствия? – сухо осведомилась Хокк.

– Вы по-прежнему умираете, леди, – виновато отвел глаза целитель. – Каждое мгновение, что вы бодрствуете, заставляет вас терять магические и жизненные силы. Пока вы спали, потери уравновешивались с той энергией, которую вам бескорыстно отдавал мастер Рэйш. Но как только вы начали вести более активный образ жизни, эти потери удвоились… вернее, уже утроились, если я правильно оцениваю состояние вашей ауры на данный момент… и если вы не восполните эти потери, то всего через пару свечей, скорее всего, снова упадете в обморок.

Хокк замерла.

– Вы уверены?

– Увы, – развел руками маг. – Когда вы уходили отсюда две свечи назад, ваша аура выглядела намного ярче, насыщеннее и даже пыталась восстановиться. Сейчас она побледнела и снова стала такой, как в первый день, когда я ее увидел. Она настолько слаба, что даже без диагностического заклинания я готов гарантировать вам проблемы со здоровьем в самое ближайшее время. Сперва это будет просто ощущение усталости. Затем появится мышечная слабость. Вскоре после этого запас ваших жизненных сил вернется к критическому уровню, и вы потеряете сознание. А если к тому моменту, когда они закончатся полностью, вы не получите должную подпитку, вы умрете, мастер Хокк. И помешать этому, боюсь, я буду не в силах.

– Если бы она осталась под вашим присмотром, это могло бы как-то изменить ситуацию? – вмешался я.

Маг качнул головой.

– Мы, конечно, могли бы усыпить леди на неопределенное время…

Я одобрительно кивнул (*отличная идея!*), Хокк недобро прищурилась, а светлый лишь грустно улыбнулся.

– Но это поможет только сохранить ее резерв. На время. Да, мы его стабилизируем, сведем к минимуму энергетические траты, но когда-нибудь они все равно подойдут к концу. Быть может, мы сумеем выиграть месяц. В лучшем случае два. А потом болезнь возьмет свое, и леди все равно погибнет.

– И что вы предлагаете? – нахмурился я.

– Поскольку ее аура получила подходящий внешний источник лишь в самый критический момент, то теперь она на него и ориентирована. Говорят, умирающий хватается даже за соломинку… с вами произошло нечто подобное, мастер Хокк. Так что сейчас вашим единственным источником является именно мастер Рэйш. И это значит, что ему придется подпитывать вас постоянно. Вернее, перерывы между подпиткой не должны составлять больше двух свечей. В противном случае, ваша аура, леди, снова начнет истощаться, и это будет бесполезная трата времени и сил, которая в итоге приведет к вашей гибели.

– Да вы шутите! – одновременно воскликнули мы с Хокк.

– Увы. Нет.

– И мне что, совсем нельзя будет от него отойти?! – ощетинилась магичка.

– Можно, – виновато вздохнул светлый. – Но недалеко. И не дольше, чем на две свечи, иначе это плохо закончится.

– Я бы все-таки предпочел вариант с усыплением, – буркнул я, осознав размах свалившихся на нас проблем.

Хокк свирепо зыркнула в мою сторону.

– Только через мой труп!

Я поморщился. Жаль, что моя магия не позволяет усыплять всяких там леди без их на то согласия, иначе проблема решилась бы прямо здесь и сейчас. После чего я бы просто приходил сюда, скажем, раз в две свечи и, исполнив предписание лекаря, снова возвращался к своим делам.

А теперь что?

– Предварительное заключение я уже шефу дал, – на всякий случай отступил от нас светлый и нервно дернул кадыком. – Надеюсь, он найдет способ решить эту проблему.

– Не сомневайтесь, – мрачно сообщила Хокк, кинув в мою сторону ещё один свирепый взгляд. – У него-то точно хватит ума придумать приемлемый вариант, не используя дурацких усыплений.

Пока я размышлял, можно ли в такой ситуации материться на даму вслух, в воздухе раздался хлопок, и прямо перед моим носом спланировала бумага с официальной печатью Управления и знакомой подписью. Машинально ее поймав, я глянул текст новехонького приказа, на котором даже чернила просохнуть не успели. Раздраженно сплюнул. После чего передал его Хокк и вышел, мысленно проклиная Корна на все лады.

Да, он действительно нашел подходящий выход. Причем не лишенный изящества и не требующий лично от него никаких усилий. Но честное слово, я испытал даже нечто вроде удовлетворения, когда Хокк в страшном подозрении зашуршала бумагой. И ухмыльнулся, услышав за спиной тихое, но очень прочувствованное:

– Козел!

Глава 14

После лечебного крыла мы, не сговариваясь, заявились в холл первого этажа и устроились на пустующих диванчиках друг напротив друга. Одинаково озадаченные сложившейся ситуацией, чуточку раздраженные и не испытывающие ни малейшего желания подниматься в кабинет шефа. Лично я опасался, что если снова увижу Корна, то не сумею удержаться от соблазна что-нибудь там испортить или наконец-то взорвать его загадочный сейф, чтобы взглянуть на хранящиеся там сокровища. Хокк, судя по искривившей ее лицо гримасе, испытывала сходные чувства, и я ничуть не удивился, когда она с бессильной злость перечитала дурацкий приказ, после чего яростно его скомкала и швырнула в урну рядом с пустующей регистрационной стойкой.

– Вот уж правда, Корн – козел! – процедила она сквозь зубы, проследив за угодившей точно по назначению бумагой. – На мыло бы его, гада… неужели нельзя было придумать чего-то другого?!

– Ты хотела сказать: найти кого-то другого? – хмыкнул я, уже успев к тому времени успокоиться.

Хокк метнула на меня раздраженный взгляд.

– Нет. Но хотя бы видимость выбора он мог мне оставить?!

Я только плечами пожал. Может, и мог, но не захотел. Хотя не исключено, что это была всего лишь изощренная месть. Причем не ей, а мне. За самоуправство, нежелание отвечать на скользкие вопросы и другие неприятные вещи, с которыми ему в свое время пришлось смириться.

Но подгадил он этим приказом нам обоим. Видимо, получив от Орбиса подробный отчет по состоянию здоровья Хокк и ожидающим ее безрадостным перспективам, он посчитал забавным временно закрепить магичку не просто за западным сыскным участком, а лично за мной. Более того, в приказе значилось, что Корн передает мне старшинство в боевой двойке и право на принятие решений. Заодно намекнул, что за Хокк я теперь отвечаю головой. И под конец сообщил, что все эти нововведения закрепляются за нами на неопределенное время, и только сам Корн решает, когда Хокк будет позволено от меня отлепиться.

Но больше всего, я так полагаю, ее взбесило дополнительное, написанное более мелкими буквами, в самом низу, распоряжение. Исходя из того, что я теперь стал для магички единственным источником восполнения резерва как жизненных, так и магических сил, Корн велел нам неотлучно находиться рядом. Да-да, этот сукин сын так и выразился – в «плотном физическом

контакте». Неудивительно, что Хокк яростно скомкала приказ и предпочла выпустить пар здесь, на первом этаже, чем встретиться лицом к лицу с паскудным шефом.

Понаблюдав некоторое время за тем, как она скрипит зубами, цедит сквозь зубы проклятия и безуспешно пытается взять себя в руки, я на всякий случай заметил:

– Если что, я не при чем. Это была не моя идея.

– Я знаю, – буркнула магичка. А через некоторое время прерывисто вздохнула, растерла лицо ладонями и взглянула на меня совсем по-другому. – Извини, Рэйш. Дело не в тебе. Я просто не ожидала от шефа такой подлянки. Чувствовать себя слабой унизительно. А когда при этом ещё и полностью от кого-то зависишь… я не привыкла так работать. И да, ты прав. Меня это ужасно злит.

– Ну, если ты придумаешь другой выход из ситуации, возможно, Корн изменит решение.

– Да я бы рада придумать, – тоскливо отозвалась она. – Но в голову, как назло, ничего не идет. Похоже, ты теперь и впрямь для меня живой источник, без которого остается только сдохнуть. Сколько, по-твоему, нам придется ходить в одной связке?

Я пожал плечами и, откинувшись на спинку дивана, прикрыл глаза.

– Поначалу Орбис сказал, что достаточно четверти свечи в час прямого контакта, чтобы ты поправилась. Теперь же он утверждает, что этого мало, и ты все равно продолжаешь истощаться, если я лишаю тебя подпитки. Собственно, он сам признался, что ничем не может помочь. По-моему, он даже не знает, что именно между нами происходит. Так что я даже сейчас не уверен, что он дал правильные прогнозы.

– Он сказал, что если ты бросишь меня на две свечи, я тут же грохнусь в обморок. А если тебя не будет дольше, то помру от истощения! – мрачно сообщила Хокк.

Я снова пожал плечами.

– Не исключено, что так и будет. Но, если хочешь, можем проверить.

– Каким образом?

– Можем поэкспериментировать с временем и расстоянием. Скажем, ты останешься здесь, а я пойду прогуляюсь по улице.

– Ты что, снова прицепил на меня поводок?! – с подозрением вскинулась магичка.

– Нет еще. Но это не проблема.

– Хм, – Хокк откровенно задумалась над моим предложением, прекрасно понимая, что нам обоим нужны более или менее точные ориентиры. Мало будет радости, если я уйду слишком

далеко или надолго, а она в самый неподходящий момент грохнется в обморок. Или наоборот, ей придется таскаться за мной по всему городу, опасаясь удалиться даже на шаг, хотя в действительности без этого можно было обойтись.

– Давай попробуем, – наконец, неуверенно предложила она, заставив меня приоткрыть один глаз и взглянуть на нее с неподдельным интересом. – Только тебе придется взять переговорник, иначе велика вероятность того, что я все-таки сдохну, а ты об этом узнаешь лишь когда вернешься.

Я пару мгновений изучал ее огорченное лицо, но потом порылся в карманах, достал оттуда две последние оставшиеся монетки и, зачаровав обе, со смешком бросил одну магичке.

– Что тут смешного? – тут же насупилась она, ловко поймав маячок.

Я покачал головой. А про себя подумал, что в последнее время слишком уж часто начал раздавать зачарованные монетки. Одну отдал Йену… она всегда лежала в правом кармане брюк. Вторая досталась Роберту, а ее «пару» я благоразумно припрятал в левом кармане. Теперь мне пришлось сделать третью, но вот беда – карманы на брюках у меня закончились. И, дабы не путаться, придется запихнуть маячок в один из нагрудных, чтобы в случае чего вовремя понять, к кому именно понадобилась помощь.

– Следи за ощущениями, – посоветовал я, поднявшись с дивана и приготовившись уйти на темную сторону.

– Подожди, – буркнула Хокк, тоже поднявшись. – Я визуализатор возьму. И давай не будем начинать сразу с темной стороны.

Я терпеливо дождался, когда она сходит наверх за прибором, после чего прикрепил к ее ауре тоненький поводок. Затем мы договорились, что она будет отсчитывать про себя время и подавать сигналы через равные промежутки времени. А уж потом я надвинул на глаза шляпу и, запахнувшись в плащ, отправился на улицу.

Всего через полсвечи мы установили несколько важных фактов. Во-первых, по мере того, как я удалялся, поводок между нами начинал постепенно слабеть и примерно на тысяче шагов истончался настолько, что энергия прекращала идти по нему полностью. Во-вторых, на темной стороне это происходило почти в два раза быстрее, а, в-третьих, при использовании прямой тропы наша связь и вовсе исчезала мгновенно. Для меня это, правда, ничем особенным не проявилось, а вот Хокк тут же подала сигнал бедствия, после чего я был вынужден вернуться. По этой же причине дальше мы экспериментировали исключительно в

реальном мире, и на каждом шаге Хокк отмечала перемены в собственном самочувствии. После того, как я преодолел отметку в тысячу шагов по прямой, это была легкая дурнота, как если бы леди в жару напекло голову. Затем, как и обещал целитель, на нее накатила слабость. Совсем уж долго выдержку Хокк мы проверять не стали, но когда она все-таки подала очередной тревожный сигнал, и я, отсчитав полторы тысячи шагов, вернулся, оказалось, что стоять к этому времени Хокк могла с трудом. И больше походила на сонную муху, чем на рассерженную собственной слабостью магичку.

– Значит, больше, чем на тысячу шагов, удаляться от тебя опасно, – пробормотал я, восстанавливая поводок и глядя на то, как стремительно оживает напарница. – Что по временным рамкам?

– Не знаю, не поняла, – призналась Хокк, аккуратно присев на краешек дивана. – Думаю, если ты будешь находиться в пределах пятисот шагов, то я сколько угодно долго смогу находиться в приличном состоянии. Дальше – сложнее. Скорее всего, чем дальше ты будешь, тем быстрее я начну истощаться.

– А если я окажусь ближе? – хмыкнул я, присев рядом и взяв ее за руку.

Хокк вздрогнула, и ее зрачки стремительно расширились. После чего она изумленно приоткрыла рот, рвано выдохнула и, вырвав руку, ошалело помотала головой.

– Ого. Меня словно в источник окунуло. И это было… неожиданно. Вот уж не знала, что у тебя такие резервы.

Она вдруг о чем-то задумалась, а потом осторожно спросила:

– Рэйш, а ты сам-то как себя чувствуешь? Насколько я помню из вводного курса по светлой магии, держать другого мага на своих резервах – довольно утомительно занятие. Ты справишься?

Я только хмыкнул.

– Если устану, отключу тебя. Но на наше общее счастье, ты настолько ослабла, что съедаешь очень немного моих сил.

Хокк нахмурилась, словно пыталась понять, похвалил я ее или же оскорбил. А мгновением позже на лестнице послышались шаги, и озабоченный голос Йена сообщил:

– Вот вы где… надеюсь, я не помешаю?

Я молча отсел в сторону, а Хокк откинулась на диван и о чем-то глубоко задумалась. Тогда как Йен быстро спустился и занял место на диване напротив, взглянув на меня с нескрываемым беспокойством.

– Наверху тихо, – сообщил он, хмуря тонкие брови. – Время почти полночь, но из Ордена не приходили сведения о новых вестниках смерти. На улицах тоже спокойно – никто пока не

сообщал о всплесках магии или новых трупах.

– Значит, сидим и ждем, – лаконично отозвался я. – Убийца все равно объявится. До полного круга ему нужны еще десять пар жертв. Вопрос только в том, когда он решит ими заняться.

– Почему ты думаешь, что он не успел убить кого-то раньше? Может, мы просто не все тела нашли? И на самом деле ему осталось не двадцать человек укокошить, а намного меньше. Ты не думаешь, что мы могли просто-напросто опоздать? А он в это время, может, уже закончил то, что хотел?

– Маловероятно.

– Почему? – снова нахмурился Йен. – Мы чего-то не знаем? Или ты умышленно не все рассказал на совещании?

Я покосился на прикрывшую глаза Хокк.

– Это всего лишь догадки. Мне пока нечем их опровергнуть или подтвердить.

– Я бы все равно послушал, что ты надумал, – прищурился Норриди.

– Я тоже, – неожиданно согласилась Хокк и внимательно глянула в мою сторону. – Ты умеешь делать интересные выводы. И даже если ты неправ, все равно нам пока нечем заняться.

Я перехватил заинтересованный взгляд от Йена и поморщился. Но время у нас и впрямь было, так почему бы и не порассуждать?

– Хорошо. Попробую объяснить. Вот ты побывал на трех местах преступлений. Скажи, какие у тебя остались впечатления от каждого из них?

– Ну, – откровенно задумался Норриди. – Дом на Шестнадцатой меня, откровенно говоря, шокировал. Первый раз я видел такое циничное отношение к магам и первый раз видел, чтобы кто-то рискнул использовать их для жертвоприношения. Во втором, на Прибрежной, я уже не особенно удивился, хотя масштабы действий преступников настораживают. В сундуках мы нашли останки более двадцати человек, и еще столько же сыскари откопали, когда срыли верхний слой земли под мусором по дворе. Есть мнение, что сундуки опустошались по мере наполнения. И не исключено, что захоронений было гораздо больше. От этого, конечно, не себе. Что же касается дома на Аллейной…

Йен недолго помолчал.

– Знаешь, – признался он после паузы, – я бы сказал, что это было идеальное убийство. Ни следов. Ни свидетелей. Ни лишнего отголоска магии снаружи, который мог бы привлечь внимание. Если бы не приказ Илджа проверить все пустующие дома, мы бы еще долго не узнали, что там кто-то умер. Разве что госпожа

Улисс, вернувшись домой, подала бы в Управление заявление о пропаже мужа и дочери. Но время было бы упущено.

– Согласен, – кивнул я. – Что, по-твоему, во всем этом не вяжется?

– Не знаю, – неопределенно повел плечом Йен. – Все случаи немного разные. Но ты прав – первый и третий из одного ряда, а второй действительно больше смахивает на тренировку.

– Причем растянутую по времени. Все верно. И мне не дает покоя вопрос: если убийца так долго и тщательно готовился, то почему же в доме на Шестнадцатой он был небрежен? Почему на улице видели свет? И почему это убийство в действительности было не двойным, а тройным?

– Ты Брюса Ольерди имеешь в виду?

Я кивнул.

– Наверное, потому, что он оказался не в том месте и не в то время? – предположила прислушивающаяся к разговору Хокк. – Или же он стал ненужным свидетелем, от которого предпочли избавиться.

– Тогда почему это сделали так демонстративно? – задумался Йен. – Рош правильно заметил – эта смерть никак не вписывается в план, который ты нам сегодня обрисовал. Ведь, если бы Брюс Ольерди был случайным свидетелем, то его не было бы смысла подбрасывать с запиской в зубах. А если бы он являлся подельником, то от него тем более следовало избавиться незаметно.

Хокк вопросительно обернулся в мою сторону.

– Рэйш, у тебя есть идеи по этому поводу?

– Вообще-то есть одна, – усмехнулся я. – Но она совсем дурацкая.

– Ну-ка, ну-ка, – нетерпеливо придвинулась магичка, а Йен даже вперед подался, с любопытством ожидая, что я скажу.

– Мне тоже показалось, что первое убийство, хоть и было подготовлено, все же произошло несколько впопыхах, – уронил я. – Убийца не совсем точно выбрал место перекреста, что привело к повреждению водопроводной трубы. Думаю, ему не понравилось, когда его окатило холодной водой и продолжало поливать ею на протяжении всего ритуала. Но, если бы он планировал убить Дертиса и Ирэн именно в тот день, то должен был заранее отключить воду. Или просчитать расположение энергических потоков так, чтобы не испытывать неудобств. Кроме того, он упустил из виду, что соседей может потревожить бьющий из окон дома свет. Это было очевидным промахом, который такой хороший организатор вряд ли мог упустить из виду по причине простой забывчивости.

– Может, он действительно проводил ритуал в первый раз, поэтому и упустил кое-какие мелочи? – предположил Йен. – И тогда ты прав – у нас еще есть время, чтобы вычислить убийцу.

– А ещё из этого следует, что нас ждут десять пар похищений, которые мы, скорее всего, не сумеем предотвратить, – помрачнела Хокк. – Я вот только сейчас подумала – ведь леди Ольену Рисс вызвали в старый дом не случайно. Убийца знал, где она работает. Знал, как ее выманить. Наконец, он знал о том, что ради отчима она позабудет обо всем на свете и со всех ног помчится на помощь, даже не подумав, что это ловушка.

– Да, убийца действует не спонтанно. Из чего следует, что в первый раз он был неосторожен, – согласился Норриди.

– Скорее, он спешил, – улыбнулся я. – И с учетом того, что Лив нашел на шее леди Ирэн дополнительное повреждение, которое не укладывается в картину ритуального убийства, думаю, можно смело предположить, что спешил убийца именно из-за этого.

Йен замер.

– Думаешь, ее ударил не он?

– Думаю, ее ударил собственный муж, – совершенно серьезно ответил я. – Это объясняет участие Брюса Ольерди в этом поганом деле. Объясняет травму его жены. Ее стремительную смерть. Повышенную дозу сколаниса. И даже то, почему ее муж умер, хоть и быстро, но совершенно не вовремя. А затем был подброшен нам по частям. В таком виде, словно кто-то хотел сорвать на нем раздражение.

Хокк удивленно переглянулась с Йеном.

– Знаешь, а это мысль… если убийца следил за своими жертвами, то он не мог не знать, что чета Ольерди в последние месяцы часто ссорилась.

– Ирэн была беременна не от мужа, – кивнул я. – И я думаю, что как раз накануне Брюс об этом узнал. Возможно, застал жену с любовником. Или просто увидел их с Дертисом на улице. Быть может, Дертис в то время проявил неосторожность, и обманутый муж, устроив напоследок супруге грандиозный скандал, захотел отомстить.

– Тогда, скорее всего, сколанисом он напоил ее сам! – с азартным видом предположила Хокк. – И поэтому в тот день она так спокойно села с ним в кеб и уехала, хотя после такого скандала это было по меньшей мере неблагоразумно. Потом он куда-то ее увез… хотя нет. Я бы на его месте никуда жену не увозила, зато придумала бы, кому могу заплатить, чтобы он или она надел одежду Ирэн и изобразил, что супруга садится со мной в кеб на глазах у свидетелей.

Йен сверкнул глазами.

– Это сняло бы с тебя подозрения. Да и вернуться после этого в дом к одурманенной супруге было бы проще простого. А если еще придумать, как заманить, оглушить, а затем притащить внутрь Дертиса, чтобы за раз отомстить обоим…

– На заднем дворе есть черный ход, который нельзя увидеть со стороны улицы, – скупо бросил я. – Зато к нему можно подобраться через один из соседних дворов, особенно если знать, что там нет собаки, а скрипучую калитку заранее смазать маслом.

– В шестом доме не держат собак, – через некоторое время припомнил Йен. – Но калитку на заднем дворе мы не осматривали.

– Зато я осмотрел. И знаешь что странно – там тоже нет никаких следов. В смысле, вообще нет, словно калиткой лет сто не пользовались.

– Для жилого дома это ненормально, – задумчиво проговорила Хокк. – Но если ты прав, и этим ходом воспользовался сперва Ольерди, а затем убийца, у которого есть артефакт, стирающий ауры… но тогда получается, что Брюс неумышленно поторопил события. Именно он сперва покалечил, а затем едва не убил собственную супругу и этим заставил убийцу вмешаться.

– Поскольку на тот момент он не был готов действовать так быстро, то обряд получился скомканным и не таким безупречным, как хотелось бы, – так же задумчиво протянул Йен. – Дертис был одурманен до невменяемого состояния. Ирэн тоже была под действием препарата и, скорее всего, оказалась в одном шаге от выкидыша.

Я снова улыбнулся.

– Но у убийцы не было выбора. Для него эта ситуация почему-то оказалась важнее жизни и смерти, иначе он бы не рискнул проводить обряд, в котором имелось так много неучтенных факторов.

– Почему же обряд оказался для него так важен? – недоверчиво обернулась ко мне Хокк.

– Давайте спросим иначе: что имелось такого важного у этой пары, раз убийца предпочел начать ритуал раньше положенного срока? Чем они были так важны? И чем таким важным сумели обзавестись, чего не было ни у кого другого?

Йен неожиданно вздрогнул.

– Ребенок…

– А точнее, дитя темного мага и светлой целительницы. Помнишь, чем сильна магия переходов? – осведомился я.

И вот тогда Йен вздрогнул во второй раз, а у Хокк

расширились глаза от внезапного понимания.

– Ребенок Дертиса и Ирэн был на пике перекреста… это такая редкость, что у подобной пары родился малыш, что…. Получается, ритуал был начат в дикой спешке именно из-за него?!

– Мне тоже так показалось, – вздохнул я. – Это объясняет и оплошность убийцы, и вмешательство Брюса, и его труп в мешке на помойке, и многое другое… кроме одного: для чего понадобился именно этот ребенок?

– Лив написал в отчете, что он мог родиться живым, – медленно проговорил Йен. – Если леди Ирэн отдала все свои силы малышу, а срок беременности действительно подходил к концу, то убийца вполне мог вырезать его из тела еще живой матери. Ведь что нужно маленькому магу сразу после рождения?

– Сила, – не задумываясь, ответила Хокк.

– Очень много силы. А в доме ее было предостаточно.

– И вскоре стало еще больше, – тихо добавил я. – Так что – да, я тоже склоняюсь к мысли, что малыш мог уцелеть. В том числе и поэтому мы пока не нашли его труп. А еще мне не дает покоя мысль, что ребенок, как по заказу, был словно рожден для магии переходов. Это значит, что кто-то хочет его использовать. Для чего? После того, что мы видели, я думаю, нас скоро будет ждать ещё одно жертвоприношение. Кровь младенца… перекрестные заклинания… Йен, ты, случайно, не знаешь, какую сущность можно вызвать с помощью этих двух компонентов?

Йен помрачнел, а Хокк неожиданно побледнела как полотно.

– Господи, Рэйш…

– Ты что-то вспомнила? – встрепенулся я.

– Да. Кровь младенца… невинная душа… Тебе известно, что такое Врата между мирами?

Я замер.

Тьма! И почему я об этом не подумал?! Магия переходов ведь дает чистую энергию. Не свет, не тьму… просто силу без всякого знака, которой так удобно ломать любые стены, включая те, что разделяют миры. Получается, вот к чему все идет? К новым Вратам?! Бездна. Нет, только не здесь, не в Алтире, не через десять проклятых дней, наконец!

– Я должен поговорить со жрецами, – едва слышно уронил я в оглушительной тишине.

– Погоди, я с тобой, – подхватилась Хокк и прежде, чем Йен успел возразить, порывисто вскочила с дивана.

Глава 15

Отца-настоятеля мы поймали буквально в дверях главного храма, причем он явно куда-то спешил и совершенно не был настроен на долгие разговоры. Правда, при виде нас все же остановился и, оглядев наши встревоженные лица, обреченно спросил:

– Артур, твое дело может обождать?

– Боюсь, что нет, святой отец, – твердо сказал я, загораживая ему дорогу. После чего жрец тяжело вздохнул и сделал приглашающий жест.

– Хорошо, пойдем.

– Я не займу у вас много времени, – извиняюще добавил я, следом за настоятелем переходя на темную сторону. Хокк проводила нас круглыми от удивления глазами, но потом все же сообразила надеть визуализатор.

– Спрашивай, – разрешил отец Гон, когда мы немного отошли от дверей. – Надеюсь, твое дело стоит того, чтобы я отложил встречу с коллегой, приезда которого ждал больше месяца.

– Скажите, святой отец, что будет, если наделить простого смертного силой, полученной при ритуальном убийстве двенадцати пар магов? – в лоб спросил я, заставив святого отца споткнуться.

– Мы же с тобой об этом уже говорили…

– Мы говорили, что эту силу кто-то желает собрать в один большой артефакт. Но что если никакого артефакта нет? Что если силу собирают в совершенно другой сосуд? И раз за разом сливают ее не в чудовищной мощи амулет, а в обычного, живого человека?

Отец Гон нахмурился.

– Это невозможно, Артур. Простому смертному не выдержать воздействия магии переходов.

– Даже если он был рожден от союза темного мага и светлой целительницы? – вкрадчиво поинтересовался я.

И вот тогда святой отец слегка спал с лица.

– Ты хочешь сказать, ребенок, о котором я говорил, жив?!

– Мы так думаем, святой отец, – напряженно кивнул я, и вот тогда на лице жреца проступило такое же напряженное раздумье.

– Не знаю, брат, – наконец, уронил он после долгого молчания. – Если в месте перекреста оказался такой ребенок, то, пожалуй, это действительно возможно. У детей до определенного возраста очень слабые ауры. У детей, рожденных от магов с разными дарами, она долгое время остается неопределенной.

Конфликт магии… конфликт даров… но в итоге дар у такого мага останется все равно один. Как правило, тот, который окажется сильнее.

– Вы хотели сказать, тот, который достанется ему от более сильного родителя?

– Да, Артур. Сильный вытесняет слабого. Иного не дано. Но определится такой дар гораздо позже, чем у простого мага. И до этого момента ребенок будет… я думаю, что почти обычным.

– Хорошо. А если в момент ритуала влить в него чудовищную прорву энергии? Как темной, так и светлой? Что с ним случится тогда?

Отец Гон прикусил губу.

– Боюсь, у малыша попросту выгорит аура.

– А если нет? – продолжал настаивать я. – Если сила воздействия на темный и на светлый дар окажется одинаковой, а рядом будет человек, который при необходимости подкорректирует потоки и заберет на себя излишки? Если рядом окажется тот, кто позволит ребенку взять ровно столько сил, сколько он сможет выдержать? Правда, не за один раз. За один, пожалуй, даже очень хорошему магу столько силы в себя не вобрать. Но, скажем, если таких эпизодов будет двенадцать…

– Скорее, тринадцать. Для обряда нужно нечетное число жертв, – вздрогнул всем телом жрец и вдруг уставился на меня тяжелым пронизывающим взглядом. – Ну, в нашем случае – нечетное число пар. А если во время обряда у магов забрать ещё и души, принеся их по очереди в жертву каждому из тринадцати богов…

Я сжал кулаки.

– Значит, нам и впрямь надо ждать открытия новых Врат, святой отец?

– Фол… – судорожно вздохнул настоятель и нервно стер выступившую на лбу испарину. – Как бы я хотел, чтобы ты ошибался, брат!

Он вдруг отступил на шаг.

– Прости, Артур. Мне надо посоветоваться с коллегами. То, что ты рассказал, слишком важно. И мне нужен совет со стороны.

– Еще один вопрос, святой отец, – остановил его я. – Скажите, что в действительности такое магия переходов? Это именно магия или же за ней стоит нечто большее, чем простые человеческие силы?

– Это сложный вопрос, Рэйш, – пробормотал жрец, отведя взгляд. – И у меня нет на него однозначного ответа.

– Этой магией может воспользоваться темный? Такой, как я? Маг Смерти или некрос? – прямо спросил я, не сводя отца Гона

глаз.

Тот быстро кивнул.

– А светлый?

– Да, конечно. У магии переходов нет знака. Она доступна всем.

– Даже вам? – тихо спросил я, и вот тогда настоятель замер. А затем медленно-медленно поднял на меня потемневший взгляд. Помолчал. После чего как-то устало сгорбился и едва слышно уронил:

– Да, Артур. Жрецам эта сила тоже доступна. Как темным, так и светлым.

– И вы знали об этом с самого начала, – прищурился я.

– Да, – снова согласился настоятель. – Но я тоже не сидел сложа руки. Поверь, из моих коллег этого никто не делал. Я проверил почти всех в главном храме. Осталось несколько человек, которые должны вернуться в Алтир со дня на день. Магия переходов оставляет следы в ауре, брат. И если в миру ещё есть возможность скрыть их от постороннего взгляда, то в храме это сделать невозможно. Тем более, здесь, в Алтире…

«Где расположена главное святилище темных богов, а может, и светлых тоже», – хмуро закончил за него я. А вслух спросил:

– Вы говорили о тринадцатой жертве, святой отец…

– Чтобы открыть Врата, можно использовать три пути, – едва слышно обронил настоятель. – Первый – путь силы. Самый губительный и долгий. Для этого понадобятся десятки тысяч душ и сотни лет, чтобы собрать даруемую ими силу, сконцентрировать ее на темной стороне и использовать для прорыва снизу. Это – путь темного мага. Второй вариант – воздействие на границу чистого света… это еще более долгий путь, и пройти его способен лишь истинный светлый, десятилетия проведший в молитвах. Только по-настоящему просвещенный способен открыть Врата на темную сторону, правда, очень ненадолго и исключительно для себя. Наконец, третий путь…

– Магия переходов, – мрачно заключил я. – Не темная и не светлая. Не человеческая, но и не божественная. Чистая сила, которую можно использовать даже в реальном мире. Надо только знать, кого и как убить, а также как и где именно это сделать. Перекрест сил, по сути, является молотом, который должен ударить по хрустальной наковальне.

И отец Гон невесело кивнул.

– Для третьего пути есть лишь одно ограничение – чтобы открыть Врата отсюда, нужно получить согласие богов. Для того и жертв понадобится тринадцать. Во славу, так сказать, каждого…

– Но светлые боги не должны принимать человеческих жертв!

– Желание чем-то жертвовать – это всего лишь намерение, – тихо отозвался жрец. – По сути, посыл… душевный порыв, который мы облекаем в материальную форму. Светлые боги действительно менее строги и охотно принимают все, что им готов отдать верующий. В отличие от более консервативных темных, предпочитающих конкретные жертвы и такие же конкретные желания. Закономерность всего одна: чем больше просишь, тем больше придется отдать. Чем посыл сильнее, тем больше шансов, что тебе ответят. А что может быть ценнее жизни?

– Только смерть, – поджал губы я. – Вы правы. Но не скажу, что мне нравится такая трактовка веры. Раньше мне казалось, что светлые боги несколько более… возвышенны, что ли? А получается, что по сути они ничем не отличаются от той же Малайи или Фола. Только обещания дают более расплывчатые и прикрываются белыми одеждами вместо того, чтобы честно признать, что в действительности всем им нужно от нас одно и то же. Видимо, поэтому храмы в Алтории по-прежнему остаются общими?

Отец Гон тяжело вздохнул.

– Простому человеку нелегко понять и, тем более, принять такую правду, поэтому мы не смущаем людские умы ненужными деталями. Но для тех, кто принял все как есть, двери храмы открыты всегда.

– А для тех, кто не сумел, у нас есть Дома милосердия, – желчно усмехнулся я. – Не так ли, святой отец?

Отец Гон взглянул на меня с укором.

– Оказывать помощь заблудшим – наша прямая обязанность, брат мой. Никто не заставляет людей верить насильно. Никто и никогда не требует от вас приносить друг друга в жертву. Но если у человека возникают вопросы, мы стремимся помочь ему определиться и правильно направить мятущуюся душу. Для того и богов у нас целых тринадцать. Для того и выбор достаточно велик. К сожалению, истина горька, и знать ее – привилегия не для всех, Артур. Неподготовленному уму она не принесет ничего, кроме разочарования. Поэтому мы по мере возможностей бережем людей от сомнений. И поэтому же – да, ты снова прав, порой мы вынуждены умалчивать правду.

Я отвернулся.

– Я пока не готов спорить с вами на эту тему, святой отец. Сейчас для меня важнее понять, где искать тринадцатый знак… на схеме его не было. Убийца показал нам только двенадцать символов. Вам известно, как выглядит последний?

Отец Гон бросил на меня испытующий взгляд, а затем поднял

руку и прямо в воздухе начертал сложный символ. Клубящаяся вокруг нас Тьма с готовностью его подсветила, позволяя рассмотреть более подробно. Я прищурился, запоминая направление линий. А когда знак погас, отступил на шаг и коротко наклонил голову.

– Благодарю, святой отец. Рад, что вы нашли для меня время.

– Мы ещё вернемся к этому разговору, Артур, – тихо сказал мне в спину жрец, но я не стал оборачиваться. А когда вышел в реальный мир и услышал, как в городской ратуше тягуче ударил колокол, возвещая о наступлении полуночи, молча подхватил Хокк под локоть и потащил подальше от главной площади: надо было срочно найти кеб.

* * *

– Рэйш, что мы ищем? – настороженно поинтересовалась магичка, когда я остановил экипаж на Шестнадцатой улице и, не обратив внимание на защиту, толкнул дверь дома номер восемь. Нагнала меня Хокк только на лестнице. Но не потому, что я плохо ее подпитывал, а из-за дежурного мага, которому этой ночью пришлось караулить место первого преступления и который, разумеется, попытался нас задержать.

Как выяснилось позже, Йен все же не стал всю работу сваливать на своих замотанных сотрудников и, воспользовавшись любезным предложением Роша, вовсю эксплуатировал его людей. Вот и вышло, что с магом я был незнаком, но не желая терять время на объяснения, попросту ушел на темную сторону, оставив Хокк разбираться с формальностями.

– Рэйш! – сердито окликнула она меня, когда я первым выбрался на чердак и, вернувшись в реальный мир, захлопнул за собой дверь. – Да скажи же хоть что-нибудь. Что ты здесь забыл?!

Я еще раз обежал знакомое до последней дощечки помещение, по второму разу заглянул во все углы, осмотрел все стены, пол и даже потолок. А когда не нашел там тринадцатого знака, принялся исследовать деревянный стол, на котором когда-то лежало тело Ирэн Ольерди.

– Ничего, – пробурчал я, возвращаясь на лестницу, где томилась от неизвестности Хокк. – И это очень плохо. Идем в подвал. Может, хоть там что-то найдется.

Пока мы спускались, напарница все же успела вытрясти из меня душу, так что про тринадцатый знак я вкратце ей рассказал. Помочь она тут ничем не могла – в подвал, где ещё сочился из стен ядовитый свет, темная магичка войти не сумела, а на

чердаке, где царила Тьма, ей и вовсе было нечего делать. Зато, пока я был внизу, она успела обежать остальные комнаты, особенно ту, что располагалась над подвалом, и ту, что была прямо под чердаком, но, как и я, ничего не нашла.

Махнув рукой недоумевающему дежурному, мы выскочили из дома и снова запрыгнули в кеб. Разумеется, двинулись прямо на Аллейную, где снова разделились и по одиночке осмотрели дом в поисках проклятого знака. Я даже нарисовал его в блокноте Хокк, чтобы та ничего не напутала. Но символ был настолько странным, что спутать его с каким-то другим было весьма непросто: это был единственный символ в виде вписанного в круг ромба. Причем круг был намного больше, словно не по размеру. Зато внутри ромба имелось такое сложное переплетение линий, кругов и такая россыпь похожих на звездочек точек, что на них просто нельзя было не обратить внимание.

Возвращаться на места преступлений мне понадобилось по одной-единственной причине – чтобы понять, как этот необычный символ соотносится с основной схемой. Исходя из разговора со жрецом, следовало полагать, что в схеме он должен был занимать особое место. Он и сам выглядел особенным. А его расположение могло дать Корну ту самую точку опоры, с помощью которой он мог жестко привязать схему к карте города.

Но во втором доме мы тоже ничего не нашли, хотя по просьбе Хокк я даже вытащил с чердака и из подвала жертвенные столы, чтобы она осмотрела их, пока я возился с полом и стенами. Ни царапин на столешнице, ни подозрительных следов на полу, никаких других намеков, что тринадцатый символ когда-то там был.

– Что за дрянь? – устало сплюнула Хокк, когда мы закончили с осмотром и с одинаковым недоумением переглянулись. – Но где-то же он должен быть! Может, твой жрец что-то напутал?

– А может, знак стоит не на доме? – вместо ответа задумался я. – Или его нанесли так, чтобы можно было стереть?

– Если убийца не хотел, чтобы мы его видели, то логичнее было бы сделать то и другое сразу.

– Отец Гон сказал, что магия переходов всегда оставляет следы, – не согласился я. – В аурах, на предметах мебели… может, ещё раз взглянуть на место перекреста?

Хокк насмешливо хмыкнула.

– Что, в водопроводную трубу полезешь? Или будешь крысиный труп препарировать?

Я скривился, а она неожиданно замерла. После чего вдруг неожиданно просияла и с силой ткнула меня кулаком в плечо.

– Рэйш, а ведь точно! Трупы!

– Что с ними не так? – непонимающе воззрился на нее я.

– Мы осмотрели в этих домах все, кроме тел убитых!

– Ими занимались светлые, – нахмурился я. – Думаешь, они бы не заметили такой сложный знак?

Хокк только нетерпеливо отмахнулась и устремилась на улицу. Я едва успел ее догнать, прежде чем кэбмэн хлестнул флегматично обмахивающуюся хвостом лошадку. А когда экипаж на огромной скорости рванул к западному Управлению, поспешил ухватиться за поручень и подумал про себя, что в чем-то Хокк могла быть права. Но если последний символ и впрямь был на трупах, то у нас всего два варианта: или спецы Корна и наш Херьен – слепцы, или же знак очень хорошо замаскирован. Но в любом случае проверить теорию Хокк стоило, поэтому, когда мы приехали на место, я безропотно снял защиту с дверей и первым спустился в подвал, где до сих пор хранились два первых трупа.

– Ну давай, ищи, – хмыкнул я, откинув с тел белые простыни и отступив в сторону. – Твоя идея. Вот ты ее и подтверждай.

Хокк фыркнула и совершенно спокойно принялась исследовать обезображенные трупы, шаг за шагом проверяя у них руки, ноги, вплоть до краев ран на животах и груди, где тоже могло найтись что-нибудь интересное. Она даже на бок тела не побрезговала повернуть и самолично изучила синие пятки. Но, как я и ожидал, ничего толкового не обнаружила.

– Тьма! – с досадой выпрямилась она, когда стало ясно, что неопознанных знаков на трупах нет. – Рэйш, я была уверена… честное слово, это казалось отличной идеей!

Я задумчиво оглядел тела.

– Знаешь… это и впрямь была толковая идея. Но вот сейчас я на смотрю на наших жертв и понимаю, почему они лежат именно в таком виде. Кажется, убийца не просто так отрезал им головы.

– Думаешь, знак был там?! – замерла магичка. А потом округлила глаза и с чувством добавила: – Демон! Рэйш, ты гений. Правда, я не знаю, как нам это поможет.

– Голова – неплохой ориентир. По нему будет проще работать с картой, чем если бы его не было вовсе.

– Тогда поехали к Корну, – со вздохом согласилась Хокк, по очереди набросив на тела простыни. – Не бог весь что, конечно, но ты прав – лучше такая зацепка, чем никакой.

Уже по дороге в Управление в моем правом кармане проснулась зачарованная монетка. Настойчиво так, долго, с явным раздражением.

– Йен, – вздохнул я, достав из брюк отчаянно вибрирующий маячок. – Видимо, нашлась ещё одна пара трупов. А значит,

поспать нам снова не удастся.

– Как ты это делаешь? – с подозрением осведомилась Хокк, когда я сжал монетку в кулаке, заставив ее замолчать. – На них ведь даже чехла защитного нет. Но ты спокойно берешь их с собой во Тьму, и даже через визуализатор я не вижу над ними ни малейших следов магии.

Я ухмыльнулся.

Конечно, не видишь. Ведь в действительности это не совсем магия. А Тьму во Тьме углядеть можно только через специальные линзы, которые, к примеру, у меня есть, а у Хокк, может, появятся только через несколько лет. Или вообще не появятся, если ей не повезет.

– Это старая семейная тайна, – с многозначительным видом бросил я, убирая монетку в карман.

Хокк после этого покосилась на меня с ещё большим подозрением, но спорить и любопытствовать не стала. В нашей среде это не принято. А семейные тайны оставались теми немногими вещами, право на которые темные не только признавали и ценили, но еще и уважали.

Когда мы подъехали к зданию ГУССа, там уже было многолюдно и довольно шумно, а от крыльца прямо на наших глазах стартовали и один за другим скрылись в темноте сразу несколько экипажей.

Корн тоже был здесь. Когда мы приблизились, он как раз выходил из дверей ГУССа – уставший, растрепанный и, разумеется, злой. При виде махнувшей ему из окна Хокк он, правда, слегка посветлел лицом и передумал садиться в предназначенный ему экипаж. Бросив несколько слов тем, кто уже сидел внутри, шеф целеустремленно двинулся в нашу сторону. А прежде чем забраться в наш кеб, бросил вознице полновесный золотой и коротко бросил:

– На Двадцать первую улицу. Живо.

Кебмэн, не дожидаясь, пока за щедрым клиентом захлопнется дверь, лихо свистнул, гикнул, и экипаж рванул с места так, что Корн едва не ткнулся лбом в стену. Но, будучи опытным пассажиром, вовремя схватился за тот же поручень, что не так давно выручил и меня, после чего плюхнулся на жалобно скрипнувшее сидение и, внимательно оглядев сидящую как на иголках Хокк, строго велел:

– Рассказывайте.

Глава 16

К тому моменту, как несущийся с бешеной скоростью кеб притормозил у нужного дома, Корн успел не только вытрясти с нас информацию, но и отматерил за то, что ушли из Управления без его ведома. Однако, поскольку с дисциплиной у темных в принципе была беда, то ругался он без огонька. Скорее, по привычке, чем всерьез. А когда экипаж остановился, самым первым выбрался на улицу и как ни в чем не бывало бросил:

– За работу.

Пока мы ехали, обстоятельства дела он тоже успел изложить. Как я и предполагал, убийца и на этот раз соблюдал осторожность. Пожалуй, если бы на улицах не было такого количества усиленных магами патрулей, мы бы как минимум сутки не узнали, что с домом номер три по Двадцать первой улице что-то не так.

Разумеется, он, как и дом семейства Улисс, не был куплен на имя загадочного господина Эстиори. Вместо него зданием владела некая госпожа Дайр – преклонных лет, ранее ничем не провинившаяся перед законом леди, которая была виновна лишь в том, что пару десятилетий назад приобрела на свое несчастье дом на западной окраине столицы. Сама леди, насколько успели выяснить сыскари Корна, магией не владела, среди ее родственников также не были замечены люди с магическим даром. Но насколько я помнил, этот адрес входил в составленный мною список, так что сомневаться в наличии там трупов не приходилось. Тем более, что в Ордене уже подтвердили – этой ночью в столице стало еще на двух магов меньше.

Снаружи старый трехэтажный особняк выглядел ветхим и настолько запущенным, что создавалось впечатление, будто пожилая хозяйка приобретала его на последние средства. От некогда большого сада почти ничего не осталось, забор насквозь проржавел, а давно не крашеная калитка открылась с ужасающим скрипом. На фасаде штукатурка местами отвалилась, а в каком состоянии оказались рамы на окнах и деревянное крыльцо, вообще не хотелось говорить.

Собственно, если бы вскоре после полуночи одна из этих рам не начала отчаянно громко скрипеть от гуляющего по дому сквозняка, на него бы и внимания не обратили. Никакого свечения, по словам патрульных, вокруг особняка не было. Ни криков, ни стонов… дежурный маг даже всплеска магии не зафиксировал! Но поскольку ночью на улице царила вдумчивая тишина, которую слишком грубо нарушал скрип старой рамы, он

все же решил проверить в чем дело. А когда поднялся на крыльцо и обнаружил возле двери перегоревший охранный амулет плюс неестественно высокий магический фон, немедленно поднял тревогу.

Дежурящий у двери патрульный при виде начальства и толпы магов, выскочившей из многочисленных кебов, подтянулся и лихо козырнул.

– Здание оцеплено. Внутрь, как и было приказано, кроме дежурного мага, никто не входил.

– Кого к вам прикрепили из наших? – слегка запыхавшись, осведомился нагнавший нас Хьюго Рош. Участок, на котором произошло очередное убийство, находился под его наблюдением, поэтому и вопросы задавал именно он.

– Господина Аира Ребса.

– Где он сейчас?

– Внутри. Изучает обстановку.

– Очень хорошо, – кивнул некрос, знаком велев стражнику испариться. А затем повернулся к Корну. – Темным я велел в подозрительные дома не соваться и магией без острой необходимости не пользоваться. Но Ребс – светлый. Неплохой, кстати, стихийник. И очень разумный парень, который не наделает глупостей…

Корн молча кивнул и первым вошел в дом. За ним потянулись мы с настороженно озирающейся Хокк, затем сунулся было Эрроуз, но у него очень не вовремя тренькнул переговорный амулет. В итоге, оставив коллегу разговаривать на улице, за нами вошел мрачный донельзя Рош, на ходу докладывая обстоятельства дела, а чуть позже снаружи послышались голоса Йена, Тори и Триш. Из чего я заключил, что очень скоро тут будет не протолкнуться. И вместо того, чтобы дослушать некроса, незаметно дернул Хокк за рукав. А как только она обернулась, молча указал глазами в сторону лестницы.

Магичка, что удивительно, не возразила. А когда мы поднялись на второй этаж, из дверей расположенной почти посередине длинного коридора комнаты вышел незнакомый молодой светлый и без особого удивления кивнул.

– Доброй ночи, коллеги. Вы из ГУССа?

– Аир Ребс? – вместо ответа спросил я.

– Совершенно верно.

– Мастер Хокк, – поспешила представиться моя напарница. – А это мастер Рэйш. Не обращайте внимания на его манеры – он всегда такой невоспитанный.

По губам светлого скользнула усталая улыбка.

– Быстро вы… я даже не успел толком осмотреть тело.

– Шеф велел ничего в доме не трогать, – тут же нахмурилась Хокк. – И к телам до его приезда не прикасаться!

– Здесь другое, – качнул головой парень. – В спальне тоже труп. Пожилая женщина. Вероятно, хозяйка дома. Смерть наступила около полутора свечей назад и была, насколько я разобрался, естественной. Следов борьбы в доме нет, ран на теле я тоже не нашел. Единственный амулет, который имелся у женщины при себе, был слабеньким целительным, но и тот полностью выгорел. Как и все остальные, что вообще тут есть. Так что, скорее всего, у леди просто остановилось сердце.

Я заглянул в комнату, откуда вышел светлый. Мельком оглядел небогатую, давным-давно требующую замены обстановку. Прошелся до окна, остановившись рядом с огромной жженой проплешиной на некогда красивом, но давным-давно утратившем первоначальный цвет ковре. Присел на корточки, тронув обгоревшие нитки кончиками пальцев. Затем снова поднялся, добрался до второй двери, за которой находилась такая же бедная, давно не убираемая как следует спальня. И на несколько мгновений замер, изучая умиротворенно лежащую на постели маленькую, сморщенную и, безусловно, мертвую старушку, в руках которой был зажат такой же старенький, но совершенно пустой амулет.

– Перекрест был здесь? – тихо спросила Хокк, следом за мной заглянув в спальню. – Комната большая, но мебели почти нет. Здесь поэтому не случилось никаких разрушений?

Я кивнул.

– А хозяйка, по-видимому, пострадала случайно? – предположила напарница, оценив наполовину скрытое одеялом тело. – Вещи на месте, простыни не сбиты… непохоже, что она сопротивлялась.

Я снова кивнул.

– Леди была стара. Вполне вероятно, что в последние дни ее силы поддерживал только исцеляющий амулет.

– И как только здесь забушевала чужая энергия, он попросту перегорел, – вздохнула магичка. – После чего у леди не выдержало сердце, и она тихо-мирно умерла. Если, конечно, убийца не поторопил ее до того, как начал ритуал.

Я пожал плечами и вышел.

– Теперь уже без разницы. Пойдем взглянем на чердак, пока туда не набежала толпа народа. А здесь и без нас справятся. Тем более, раз смерть не насильственная.

Оставив светлого разбираться с мертвой хозяйкой дома, мы вернулись к лестнице и, добравшись до чердака, с одинаковой неприязнью уставились на сочащуюся из-под двери поземку.

Внутри все было черным-черно от заполонившей пространство Тьмы. И холодина царила такая, что Хокк даже под курткой зябко поежилась.

Что ж, Ребс был прав, что решил сюда заглянуть. Даже заходить внутрь было не нужно, чтобы догадаться, что там нас ждет еще один труп.

– Стой здесь, – буркнул я, взявшись за ручку двери. – Если подойдут Тори и Триш, не пускай. А Эрроузу скажи, что мы тут сами закончим.

– Иди уже, – проворчала Хокк, доставая из-за пазухи блокнот и карандаш. – И диктуй оттуда – я сразу рапорт заполнять буду. Так быстрее управимся.

На протяжении следующих нескольких свечей мы занимались скучной утомительной и рутинной работой, которая всегда действовала мне на нервы. Зайти внутрь, обежать комнату, осмотреть тело и убедиться, что убийство абсолютно идентично тем, что мы видели на Шестнадцатой и на Аллейной, труда не составило. Женщина-маг. Судя по метке, которую я увидел, обычная стихийница. Не целитель, как предыдущие жертвы, так что Эрроуз был прав – важным для убийцы оказался только цвет дара. Судя по состоянию тела, женщине было от тридцати до тридцати пяти лет. Ухоженная. Подтянутая. Наверное, все-таки красивая. Правда, зияющая на животе рана и небольшой след на груди от ритуального кинжала существенно портили дело, но поступать с неизвестной дамой, как в свое время Эрроуз, я не стал и вынес ее с чердака аккуратно. На руках. Стараясь держать ее от себя подальше, чтобы не успевшая как следует замерзнуть кровь не капала мне на сапоги.

– Я займусь ею, – при виде тела воскликнула невесть как пробравшаяся на чердак Лиза Шарье. А стоило мне сгрузить труп на пол, тут же подскочила и взялась за осмотр раны. Хокк при виде такого энтузиазма только хмыкнула, Триш понимающе улыбнулась, а Тори молча возвел глаза к потолку.

Собственно, я бы на этом и закончил, если бы не дурацкие формальности, неработающие кристаллы и амулеты, из-за чего большую часть работы нам пришлось делать вручную. И, конечно же, если бы не появление Эрроуза, который всенепременно захотел заглянуть во Тьму и лично изучить вытравленные на дощатом полу знаки.

Самое скверное, что этот упрямец снова полез в «колодец», который, естественно, на чердаке тоже имелся. Более того, темный умудрился-таки туда провалиться. И мне пришлось его не только вытаскивать, но еще и дополнительный рапорт писать на тему того, почему у начальника северного участка вдруг

перегорели все амулеты, которые он позабыл снять перед тем, как зайти на чердак. И почему он потерял сознание на месте преступления, а мне пришлось выволакивать его оттуда на себе.

– Рэйш, ну почему от тебя одни неприятности? – с досадой бросил Корн, когда я сгрузил беспамятного мага на диван в одной из комнат второго этажа, а шефа в срочном порядке вызвали осмотреть пострадавшего. – Это просто рок какой-то. Все мои сотрудники находятся под угрозой, когда ты оказываешься рядом. Мне что, пора тебя отстранять?

– Нечего было нос совать куда не следуют, – проворчал я, следя за тем, как шеф проводит диагностику и, удовлетворившись результатом, пихает в руки Эрроуза накопительный амулет. – Если бы он не вознамерился изучить глубину «колодца», мне бы не пришлось переть его на своем горбу.

– Грэг, ты спятил? – «ласково» осведомился Корн, когда Эрроуз наконец открыл глаза и обвел мутным взглядом собравшихся вокруг магов. – Ты какого рожна туда сунулся?! Тебе что, пять лет? Или я неясно выразился, что, кроме Рэйша, на чердаки чтоб никто не совался?!

– Не помню, чтобы ты запрещал это конкретно мне, – хмуро отозвался маг, сев на диване и помотав гудящей головой. – К тому же, в прошлый раз все нормально было.

– А в этот ты зашел за знак, хотя я говорил, что этого делать не стоит, – буркнул я.

Корн после этого совсем обозлился. А когда закончил диагностику и обнаружил, что резервы начальника северного участка пострадали намного серьезнее, чем ему показалось поначалу, и вовсе рассвирепел. Причем до такой степени, что в приказном порядке отправил Эрроуза в лечебное крыло. Рошу и остальным запретил подниматься выше второго этажа. В подвал тоже никого не пустил, кроме притихшего Йена и наших молчаливых сыскарей. И в итоге нам с Хокк и Триш пришлось наверху доделывать все втроем, а Тори сослать к бабулькиному трупу. И оказать посильную помощь там, где такие же замотанные, как мы, светлые, уже не справлялись.

Когда весь этот бедлам, наконец, закончился, на улице уже занимался рассвет. Триш и Лиз к этому времени буквально засыпали на ходу. Тори пока держался, но было видно, что и ему нелегко. Хокк с ее скудными резервами вообще стала похожа на зомби. Что же касается меня… то, когда мы Корном встретились с ним в очередной раз на лестнице, он выразительно скривился. А услышав, что мы закончили наверху, раздраженно отмахнулся:

– Проваливай. Совещание завтра… в смысле, уже сегодня в два пополудни. И только попробуй на него не явиться.

Я к тому времени так вымотался, что даже огрызаться не захотел. Вместо этого лишь вяло кивнул и в сотый раз поднялся на чердак, чтобы дать отмашку ребятам, отправив их на заслуженный отдых. Лиз после этого уснула прямо там, где сидела, и Йену снова пришлось организовывать ее доставку до дома. Тори взялся по-благородному проследить, чтобы девчонка добралась туда благополучно. Следователи, дождавшись, пока приедет «труповозка», сгрузили на нее все три трупа и разъехались по домам. За ними ушел Йен. Одновременно с ним засобирался домой и Рош со своими людьми. Потом наконец ушел Корн. И лишь после того, как его кеб отъехал от забора, я неожиданно сообразил, что шеф не просто красиво свалил в закат… вернее, в рассвет, а попросту бросил Хокк на меня. И предоставил самому решать, куда ее устраивать на ночь.

Ругнувшись на забывчивого где не надо шефа, я подхватил с дивана успевшую прикорнуть магичку и отнес ее в кеб. Назвал кебмэну адрес. Откинулся на жестоком сидении. И, чувствуя, что вот-вот отключусь, с опозданием пожалел, что не додумался убавить поток идущей к ней от меня энергии. Если бы не Хокк, я бы успел сегодня намного больше. И если бы не она, вполне мог бы ещё пару часов обойтись без сна. Но увы. Хокк истощила меня так, что по пути я в кои-то веки задремал, даже не отреагировав, когда голова Хокк склонилась в сторону и очень некстати устроилась на моем плече. А очнулся лишь когда кэбмэн потряс меня за плечо и осторожно сообщил, что мы на месте.

О том, как я заходил в дом и отдавал распоряжения удивленно переглядывающимся слугам, если честно, почти не помню. Пожалуй, я даже во время ученичества не выматывался так сильно, как сегодня. Так что, бросив оттягивающую руки магичку на диван в гостиной, я с трудом поплелся в спальню, где рухнул на постель и мгновенно отрубился, даже не вспомнив, что перед сном стоило бы снять грязные сапоги.

* * *

Разбудило меня ощущение пристального, но отнюдь не враждебного взгляда, подкрепленное мягким толчком от ожившего поводка. Открыв глаза и обнаружив, что усталость в очередной заставила меня провалиться на темную сторону, я встретил изучающий взгляд терпеливо ожидающего у двери Мэла и приподнялся на локтях.

– Ну наконец-то. Что ты узнал?

По губам бывшего Палача скользнула почти человеческая

усмешка. Конечно, на бледном, лишенном индивидуальности лице она выглядела жутковато, но хоть какой-то проблеск эмоций. Для того, кто десятилетиями не помнил, что это такое, подобная реакция на простой в сущности вопрос – уже огромный прогресс.

Защиту он тоже снял – в доме ее носить не требовалось. Да и не боялся его уже никто. Нортидж и Мардж доверяли мне абсолютно, горничные, по-моему, вообще не помнили, что такое страх, а Марта со временем привыкла. А после того, как Мэл набрал вес, отрастил внушительные секиры и перестал походить на неказистую куклу, даже Шторм с Грозой его зауважали.

– Я поставил метки на части домов из твоего списка, – сообщил Мэл, глядя на меня пустыми бельмами глаз. – Теперь, если там повысится фон больше, чем пятьдесят единиц, я об этом узнаю.

– На двадцать первой ты уже был? – отрывисто спросил я, сев на постели.

– Нет.

Я вздохнул.

– Жаль. Хотя мы и так опоздали совсем на чуть-чуть.

– Еще одно убийство? – без особого интереса уточнил бывший Палач.

– Да. И снова никаких следов. Сколько тебе понадобится времени, чтобы закончить со списком?

– Два дня, – лаконично отозвался Мэл и развернулся к выходу, на ходу набрасывая на себя зеркальный доспех. – А тебя, между прочим, гостья дожидается. И весьма беспокойная.

Запоздало сообразив, что в гостиной на диванчике осталась ущербная в плане магии дама, а по дому сразу в обоих мирах гуляют неприкаянные духи, я вполголоса ругнулся. А когда услышал с первого этажа утробный рык и вспомнил, что не так давно дал собакам доступ в дом, то опрометью слетел с постели и, выскочив в коридор, оглушительно свистнул.

С первого этажа тут же донесся восторженный вопль сразу на два громоподобных голоса, и всего через миг меня едва не снесло с ног. Здоровенные псины с восторгом скакали по ковру, с надеждой заглядывали в глаза и навиливали пушистыми хвостами так, что подняли в коридоре нешуточный вихрь.

Беспокойно оглядев зубастые морды, я незаметно перевел дух: крови на них не было. Значит, о гибели очередного сотрудника перед Корном мне отчитываться не придется. А вот одеться, между прочим, стоило бы. Потому что какая-то добрая душа успела избавить меня от грязной одежды, и теперь она аккуратной горкой лежала на кресле.

– Рэ-эйш?! – вдруг с нескрываемым подозрением протянул снизу знакомый голос. – Это твои звери?!

– Мои. Чьи ж еще, – буркнул я, ненадолго перегнувшись через перила.

Хокк с недоверием уставилась снизу вверх на меня и, особенно, на высунувшуюся из-за перил морду Шторма, и озадаченно кашлянула.

– А почему они у тебя и в реальном мире, и по темной стороне свободно разгуливают?

– Потому что я разрешил. Как себя чувствуешь?

– Более или менее, – все еще с толикой растерянности отозвалась она. – Если не считать того, что я уже полсвечи не могу выбраться из Тьмы в нормальный мир, но при этом почему-то до сих пор жива и неплохо себя чувствую. Ты не знаешь, с чего бы вдруг такие чудеса?

Обменявшись с Хокк таким же растерянным взглядом, я взъерошил и без того трепаные волосы, но только сейчас заметил, что все мы, включая ее, действительно находимся на темной стороне. Причем, если я уже привык к тому, что то и дело спонтанно сюда проваливаюсь, то в отношении гостьи это было несколько… неправильно.

– Подожди, я сейчас спущусь, – так ничего и не придумав, бросил я сверху и, оттолкнув ластящихся псов, отправился одеваться. Нет, конечно, беседу можно было продолжить и так, но остатки воспитания очень некстати напомнили, что в обществе это не принято. А здравый смысл подсказал, что раз с дамой за полсвечи ничего не случилось, что еще полсвечи она и подавно переживет.

Когда я спустился, Хокк заторможенно бродила по гостиной и с нескрываемым интересом разглядывала рисунок на шторах. При виде меня несколько напряглась, еще больше насторожилась, когда в гостиную с приглушенным рыком ворвались два мохнатых чудовища, по какому-то недоразумению называемых собаками. Но Шторм и Гроза смирно уселись у моих ног и обратились в две живописные скульптуры.

Какое-то время мы с Хокк внимательно изучали друг друга, словно никогда прежде не работали вместе. А потом я подметил кое-что любопытное и, отрегулировав линзы, неприлично присвистнул.

– Ого! Вот так новости…

– Что? – отчего-то занервничала она. – Что ты там увидел?

– У тебя аура почти на треть восстановилась, – сообщил я, взглянув на напарницу через Тьму. – Утром, когда я тебя принес, этого не было.

Хокк занервничала еще больше. А когда я подошел, протянул руку и одним движением вытащил нас обоих в реальный мир, она сердито насупилась.

– Эй! А во Тьму, случаем, не ты меня столкнул?!

– Даже не собирался… Нортидж!

– Чего изволите, хозяин? – тут же материализовался в гостиной дворецкий. – За время вашего отсутствия происшествий на подконтрольной нам территории не было. Попыток взлома не наблюдалось. Писем или иных посланий не приносили. И еще…

Он заколебался.

– Я взял на себя смелость подключить вашу гостью к резервному источнику питания. У леди были совсем скверные раны в ауре. И я посчитал, что вы огорчитесь, если к утру она не сумеет проснуться самостоятельно.

– Простите, вы ЧТО со мной сделали?! – опешила от неожиданности Хокк.

– К какому-какому источнику ты ее подключил? – так же искренне озадачился я.

Нортидж виновато кашлянул.

– Ну, вы же велели запастись резервными накопителями. Вот один из них я и использовал, благо канал подпитки вы так и не убрали.

– Хочешь сказать, он ей подошел? – не поверил я.

– Конечно. Он же универсальный, – удивился дворецкий. – И настроен специально на вас. Конечно, в обычных условиях мне бы не удалось сделать это без согласия леди. Но она была слишком слаба. А границы миров в этом доме настолько тонки, что, как только вы перешли на темную сторону, ее немедленно утянуло следом. Кстати, мастер Рэйш, вам тоже не мешало бы воспользоваться накопителем. Боюсь, ваши резервы сейчас не в лучшем состоянии. Еще на сутки их хватит, а потом у вас тоже начнутся проблемы со здоровьем.

Хокк уставилась на меня с диковатым выражением, но мне было нечего на это сказать. Тем более, я и сам не знал, что во время сна, когда у магов ослабляется контроль над даром, с нами может приключиться такая беда.

– Завтрак ждет на столе, – разбавляя гнетущую тишину, счел нужным добавить дворецкий. После этого мне осталось только вздохнуть и указать даме на дверь. В смысле, на дверь столовой, откуда и впрямь доносились по-настоящему волшебные ароматы.

Глава 17

– Ну, Рэйш… – с чувством сказала Хокк, когда сытой пиявкой отвалилась от стола. – Кто бы мог подумать, что ты у нас и вправду, оказывается, аристократ!

– Чем ты недовольна? – проворчал я, откладывая в сторону салфетку. – Накормили, напоили, спать уложили… даже резерв на треть восстановили, а тебе все мало. В следующий раз будешь на улице ночевать. В обнимку с розами.

– У тебя ещё и розы в саду растут?!

– Специально для тебя чертополох велю высадить. Или кактусов с юга привезу.

– Да ладно, не бурчи, – неожиданно рассмеялась она. На удивление мягким, чуть хрипловатым, но совсем не злым смехом. – Ты просто очень меня удивил. К тому же, я так и не успела тебя поблагодарить. Спасибо, Рэйш.

– За что?

Хокк мягко улыбнулась и поднялась из-за стола.

– За то, что спас мне жизнь.

Пока я размышлял, нужна ли мне в должниках не самая покладистая магиня Смерти, Хокк вернулась в гостиную и зашуршала одеждой. А когда туда явился я, она уже стояла у двери в полной экипировке и изучала меня насмешливым взглядом.

– Далеко собралась? – флегматично поинтересовался я, прекрасно зная, что далеко она не уйдет.

– Сейчас десять утра, Рэйш. До двух пополудни мне надо вернуться домой, принять душ, переодеться, заглянуть в Белый квартал, показаться целителям и успеть написать хотя бы один отчет.

– Зачем тебе в Белый квартал? – вычленил самое важное я.

– У меня появился ученик.

– И почему ты думаешь, что я отложу свои дела, чтобы прогуляться с тобой по городу?

Хокк усмехнулась.

– Чтобы не подбирать с улицы мой бездыханный труп и не объяснять потом Корну, почему ты меня не уберег.

– Весомый аргумент, – согласился я. – Но в данный момент времени совершенно бесполезный, поскольку ты намертво привязана к источнику, который находится в этом доме. Вернее, ты привязана к самому дому. И до тех пор, пока я не переключу поводок на себя, физически ты не сможешь отсюда выбраться.

– Рэйш… ты что, серьезно?!

– Почему нет? Смотри, как много плюсов в таком положении: ты остаешься под надежной охраной и в полной безопасности. Я снова могу свободно перемещаться по городу. К тому же, при таком раскладе ты не будешь забирать мои силы, и у Нортиджа не появится повода беспокоиться о моем здоровье. Сама посуди – сплошная польза получается.

У Хокк забавно вытянулось лицо.

– Ты не посмеешь… Рэйш… не вздумай так со мной поступать!

Я вместо ответа ушел на темную сторону. А когда она судорожно схватилась за визуализатор и, беззвучно матерясь, приложила его к глазам, в гостиной меня уже не было. Впрочем, ещё через пару мгновений меня не было даже в доме, потому что такой великолепный шанс я при всем желании не имел права упускать.

Когда я появился в первохраме, Ал приветственно булькнул и незамедлительно принял человеческую форму, после вопросительно скосил глаза в сторону пустых постаментов.

– У меня всего одна свеча, – признался я, поставив на пол загодя прихваченный хронометр. – И не так много сил, чтобы по-настоящему порадовать кого-то из богов. Кого предлагаешь взять следующим?

Алтарь молча указал на постамент Малайи.

– Тогда за работу, – вздохнул я, и на целую свечу в буквальном смысле слова выпал из реального времени.

Спустя свечу, я с усталым вздохом распрямился и выключил прибор, нудно и размеренно сообщающий о том, что мое время вышло. Но прежде чем уйти, оставил Алу карту столицы и попросил сделать с ней то же, что он когда-то проделал с родословной моих родителей. А затем передал остальные документы по последнему делу со списком вопросов, которые больше всего меня беспокоили. После чего пообещал явиться как только смогу и, наконец, отправился восвояси.

Когда я вернулся домой, внутри было удивительно тихо. Никто не кричал, не визжал и не швырялся вазами в стены. Словно я не взбешенную магичку оставил наедине со своими воинственными призраками, а пригласил в дом милую и тихую девушку, готовую смириться с моими многочисленными недостатками.

Хокк я, к собственному удивлению, нашел там же, в гостиной. Усевшись в кресло, она с мрачным видом смотрела в окно, за которым лениво прогуливались призрачные псы. Более того, она ничем не показывала свое недовольство, кроме того, что время от времени начинала яростно теребить обивку на подлокотнике.

Никаких разрушений в комнате, как ни удивительно, не наблюдалось. Никто даже на ковер не плюнул, не говоря уж о том, чтобы разбить цветочные горшки на подоконнике, попачкать стены или разнести красивую люстру под потолком. С учетом того, что никто этого делать не мешал, вполне может быть, что я все же недооценил характер напарницы. А значит, она или прямо сейчас взорвется от одного только прикосновения… или же и впрямь сообразит, что давить на меня не только глупо, но и опасно.

– Так куда ты собиралась сегодня пойти? – как ни в чем не бывало осведомился я, выйдя с темной стороны и небрежно прислонившись плечом к косяку. – Все ещё в силе? Или ты успела передумать?

Хокк медленно-медленно обернулась. При виде меня ее лицо осталось совершенно непроницаемым, но по выражению глаз я понял, что леди, мягко говоря, не в духе. Правда, бури в одном отдельно взятом помещении все же не случилось. И гром не грянул. Даже крыша, что совсем удивительно, не рухнула мне на голову. А Хокк вместо того, чтобы обласкать каким-нибудь милым прозвищем или с ходу швырнуть что-нибудь потяжелее, неожиданно наклонила голову и тихо, бесстрастно сказала:

– Я была бы благодарна, если бы ты уделил мне еще немного своего времени. Безусловно, у тебя есть свои дела, и ты, в общем-то, ничем мне не обязан. В том числе, и рисковать своим драгоценным здоровьем. Но надеюсь, ты все же не откажешь леди в небольшой услуге и не оставишь ее без помощи.

Я спрятал усмешку.

– Нортидж! Ты сделал, что я просил?

– Да, мастер Рэйш, – немедленно отозвался появившийся в гостиной призрак. – Привязку леди я уже переключил на вас. Стазис с гостевой комнаты снял. Девочки как раз заканчивают уборку и через полсвечи будут готовы принять вашу гостью. О вещах мы тоже позаботимся. Отдельная ванная комната для леди готова. Ужин, как обычно, в восемь. А заказанный вами кеб как раз подъезжает к воротам.

– Что насчет накопителей?

– Я изучил ауру леди и снял все основные параметры, – спокойно сообщил дворецкий, заставив Хокк изумленно вскинуть брови. – Артефакт нужной емкости и размеров доставят сегодня после обеда.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Отправишь его в ГУСС. На имя Нельсона Корна. Не обещаю, что вернемся к ужину, но завтрак готовьте на двоих.

– Будет сделано, мастер Рэйш, – с достоинством поклонился

Нортидж. А когда он беззвучно исчез, я открыл входную дверь и сделал приглашающий жест.

– Идемте, леди. До следующего утра я в полном вашем распоряжении.

Стоило отдать Хокк должное – она так и не закатила ни одного, даже самого крохотного скандала. До ее дома мы доехали в полнейшем молчании. Внутрь она зашла одна, но мне не пришлось ждать ее на улице слишком долго. Всего через полсвечи напарница вышла обратно с одной-единственной, но очень большой сумкой. Молча забросила ее в кеб. Так же молча заняла свое место, ни разу даже не поспорив со мной относительно своего переезда в мой особняк. Молча зашла в лечебное крыло, куда я решил заскочить с утра пораньше. Без единого звука стерпела прикосновение диагностического заклинания. Сухо кивнула, когда господин Орбис радостно сообщил о положительных сдвигах в ее ауре. И так же молча сузила глаза, когда по возвращении я назвал кебмэну адрес в Белом квартале.

Симпатичная горничная, впустив нас в дом Аарона и Элании Искадо, вежливо извинилась и сообщила, что госпожа Элания скоро спуститься. На время ожидания нам предложили прохладительные напитки, от которых мы отказались, и открыли дверь в сад. И вот туда я с удовольствием выбрался, потому что с утра на улице вновь воцарилось яркое солнце, и в доме его сиятельства было довольно душно. Зато в саду-то как хорошо – листья шумят, птички поют, небольшой фонтанчик весело подбрасывает вверх водяные струйки… и никто не сопит у меня над ухом, всем своим видом выражая крайнюю степень неодобрения.

– Мастер Рэйш!

Я быстро повернулся, но выскочивший из кустов Роберт неожиданно замер и, торопливо стерев с лица широкую улыбку, как-то торжественно и насквозь официально поклонился.

– Доброго дня, мастер Хокк. Рад вас приветствовать, мастера, в нашем доме.

Я скосил глаза, подметив в дверях мрачную фигуру напарницы, и одобрительно подмигнул мгновенно заледеневшему мальчишке. Тот с каменным выражением на лице прошагал к дому. Почти в это же самое время в гостиную спустилась леди Элания, и Роберт, как и положено по этикету, занял место рядом с матерью. И на протяжении четверти свечи вел себя как хорошо воспитанный, отлично обученный и прекрасно сознающий значимость своего титула лорд.

Когда же официальная часть встречи закончилась, и взрослые обменялись положенными в таких случаях любезностями, Хокк,

метнув в мою сторону предупреждающий взгляд, аккуратно перевела разговор на Роберта. Леди Элания тут же отправила сына за каким-то пустяком на кухню, а я испросил у нее соизволения прогуляться на свежем воздухе. В чем мне, конечно же, не отказали, поэтому я смог с чистой совестью сбежать от утомительной и абсолютно бессмысленной беседы.

– Мастер Рэйш? – осторожно позвал из кустов Роберт, когда я свернул за угол и остановился возле фонтана. – Теперь мы можем поговорить?

Я едва заметно кивнул, и в кустах что-то тихонько зашуршало.

– Вчера отец привел в дом какого-то мага, – шмыгнув носом, сообщил юный лорд. – Темного. Но я его не знаю. Он на меня взглянул, мы немного побеседовали о темной стороне, и он ушел.

– Тебе представили его как нового учителя? – негромко осведомился я.

– Нет. Но отец назвал его хорошим специалистом.

– Он сказал, откуда его взял?

– Вроде маг из его отдела, – неуверенно отозвался из кустов мальчик. – Какой-то мастер Лорш. Дворцовая стража, особые люди, все такое… но я отказался переходить с ним на темную сторону.

Я насторожился.

– Маг на этом настаивал?

– Нет, – снова шмыгнул носом мальчишка. – Просто предложил. Но я сказал, что больше туда не хочу, и он ушел.

– Хм. Ты и впрямь не хочешь туда возвращаться? – удивился я.

– Один – нет, – твердо ответил юный лорд. – Я недостаточно хорошо там ориентируюсь, чтобы быть уверенным, что не сделаю чего-то, чего делать не стоит.

– Да, – едва заметно улыбнулся я. – Пора начинать учить тебя по-настоящему важным вещам.

– Вы покажете мне, как защищаться от нежити? – радостно ворохнулся в кустах Роберт.

– И это тоже. Но в первую очередь я хочу, чтобы ты научился ее убивать.

* * *

К тому моменту, как мы добрались до кабинета Корна, Хокк слегка оттаяла и больше не походила на отмороженную ледышку. Быть может, это было связано с тем, что я оставил ее пребывать в

раздумьях по пути в Управление и не задавал вопросов о Роберте. Быть может, по причине того, что я не возразил, когда она аккуратно… и, главное, вежливо сообщила, что хотела бы поработить у себя в кабинете. Я даже не стал мозолить ей глаза, пока напарница занималась отчетами и разбором накопившихся за время ее отсутствия документов. А вместо этого просто слинял в архив, где и проторчал до двух пополудни.

Прекрасно понимая, что со вчерашнего дня огромная государственная махина под названием «Управление столичного сыска» практические целиком занималась одним-единственным, а точнее НАШИМ делом, я больше не стремился бежать впереди всех и в одиночку решать проблемы, для которых у Корна имелся немаленький штат сотрудников. Прекрасно зная Йена, я не сомневался, что Лиз, Тори и Триш плотно трудятся над выделенным им заданием. Такой же кусочек общего дела был отдан ребятам с южного, северного и восточного участков. Немало помогала городская стража. Даже храм озаботился всеобщей проблемой и делал со своей стороны все, что мог.

Я же, добыв ту информацию, которая мне оказалась доступна, был вынужден временно отступить в тень. И все, что мне теперь оставалось, это ждать: ждать отчетов о вскрытии, доклада Роша по последним трупам, сведений от его «трупорезов» из лаборатории, данных от Илджа, данных от Эрроуза… если, конечно, он уже пришел в себя. Ну и, конечно же, ждать информации от Мэла. Хотя кое-какие сведения он уже принес, и я несколько свечей потратил на то, чтобы соотнести их с данными из архива.

Когда я вошел в кабинет шефа, волоча за собой тяжелый, зато прочный и удобный стул, Корн вопросительно приподнял брови, начальники участков (*хм, Грэг все же пришел*) удивленно переглянулись, а Йен насмешливо хмыкнул. После чего выразительно покосился на восседающую на подоконнике Хокк, которая, вопреки всему, так и не рискнула занять мое кресло. И хмыкнул снова, когда я со стуком поставил стул у окна и с невозмутимым видом уселся на свое законное место.

Ну, ошибся. С кем не бывает. Не бросать же было из-за этого мебель на середине комнаты? Про то, что никто другой не додумался создать для единственной леди хотя бы элементарные удобства, пожалуй, промолчу. Но надеюсь, Корну хотя бы иногда бывает стыдно за свою недогадливость. А если нет… что ж, я ему об этом напомнил.

– Итак, что у нас есть по последним жертвам? – оставил без комментариев мой демарш шеф. – Рош, я так понимаю, с ними больше работали твои ребята. Ты и докладывай.

– Наши жертвы – Лора Уоткин и Диорэн Ритс, двадцати восьми и пятидесяти трех лет соответственно. Лора – неплохой стихийник со сродством к магии воздуха, в последние пять лет числилась сотрудником Регистрационной палаты. Работала в архивном отделе. К секретным и особо важным документом доступа не имела. Жила одна. Ни с кем не встречалась. И после смерти матери вела очень скромный, уединенный образ жизни. Из близких у нее осталась всего одна подруга. А также соседка, которой леди иногда поручала покормить свою кошку. Накануне вечером она также обратилась к ней с просьбой присмотреть за животным. Сказала, что должна срочно уехать из города на пару дней. Якобы что-то случилось с одним из дальних родственников. При этом леди была немного взволнована. И выглядела как человек, который внезапно получил известие о наследстве, но пока не разобрался, как к этому относиться. Больше леди никто не видел. А этой ночью в Орден магов прилетел ее вестник.

Я мысленно вздохнул.

Пока ничего интересного. Обычная серая мышка, которую повезло сцапать какому-то удачливому коту.

– Ритс – птица более высокого полета, – тем временем продолжил Рош. – Бывший военный. Некрос со стажем уровня заметно выше среднего. В последние лет десять работал внештатным сотрудником межведомственного Управления под началом герцога Вернана Искадо. По некоторым данным, мог быть его доверенным лицом, но сам герцог эту информацию не подтверждает. Собственно, он вообще не пожелал с нами сотрудничать, поэтому информации на Ритса не так уж много.

– Этим утром я получил от его сиятельства письмо, – буркнул Корн. – Информацию на Ритса он мне все-таки дал, но не так много, как бы хотелось. Тем не менее, он подтвердил, что Ритс действительно работал на него, выполняя ряд довольно деликатных поручений.

– Хм. Неужто тут шпионажем запахло? – тихонько удивился я.

Корн метнул в мою сторону сердитый взгляд, и я сделал вид, что ничего подобного не говорил.

– У меня на руках подробная выкладка по перемещениям Ритса за последние несколько дней, – отвернулся шеф и зарылся носом в лежащие на столе бумаги. – Ничего необычного здесь нет, за исключением того, что вчера он неожиданно попросил отгул в связи с «неотложными семейными обстоятельствами».

– Что за обстоятельства, герцог, конечно же, не пожелал сообщить? – снова предположил я.

– У Ритса был очень высокий уровень доверия, – буркнул Корн, не отрываясь от текста. – Но люди герцога сейчас выясняют,

в чем было дело. И мне пообещали, что эта информация будет непременно предоставлена в наше Управление.

– И то хлеб, – негромко обронил Эрроуз в наступившей тишине. – Хотя на особую щедрость с их стороны я бы не рассчитывал.

– Не думаю, что это существенно повлияет на ход расследования, – хмыкнул Рош. – И очень сомневаюсь, что спецам Искадо удастся нарыть больше информации об убийце, чем нам. Скорее всего, дело закончится тем, что выяснится: Ритс, как и остальные жертвы, получил письмо с предложением навестить больного родственника, срочно явиться в Орден по какому-то важному делу или встретиться с дочерью… я, кстати, не сказал – у него есть взрослая дочь. Замужняя, проживает в пригороде с супругом не-магом и двумя детьми. Сама она тоже не одаренная, поэтому, скорее всего, не имеет отношения к нашему делу. Еще Ритс был женат, но лет пять как развелся и с тех все свое время уделял работе. Супруга давно не проживает в столице, но по тем данным, что я нарыл, жива и вполне здорова. Никаких нареканий на нее в Управление сыска не поступало.

– Удобная мишень этот Ритс, – в третий раз озвучил свои мысли я. – А девушка так и вовсе – классическая жертва маньяка. Я так полагаю, ничем, кроме ритуала, эти двое прежде связаны не были?

– На этот раз – да, – согласно кивнул Рош. – Никакой связи между Ритсом и Уоткин установить пока не удалось. Они не состояли в родстве. Не были любовниками или просто знакомыми. Быть может, леди когда-то проходила у Ритса по какому-нибудь делу, раз уж его работа связана с тайнами сильных мира сего? Но вероятность этого невелика. Леди жила вполне по средствам. По заверениям соседей, была хоть и замкнутой, но очень искренней девушкой. Регулярно посещала храм, жертвовала нищим. И очень любила свою старую кошку.

– Посыльного кто-нибудь видел? – неожиданно подала голос Хокк. – В прошлый раз жертв выманили из дома с помощью писем.

Рош качнул головой.

– По девушке таких данных нет. На работу к ней никто не заходил, домой писем тоже не подбрасывали. По крайней мере, соседка не видела в доме посторонних, кто мог бы интересоваться нашей жертвой. Но ей могли передать какую-то информацию на улице. Во время обеденного перерыва. По пути с работы. Да мало ли где еще? Мои маги сумели отследить ее только до соседнего переулка, где леди свернула в какой-то тупичок. А дальше все чисто. Ни ее следов. Ни следов того, кто ее оттуда увез. Местные

жители никого и ничего не видели. И только один смог припомнить, что вчера вечером там некоторое время стоял, кого-то ожидая, запряженный пегой лошадью кеб без опознавательных знаков. Возница был в плаще и шляпе. Никто его по портрету с предыдущего место преступления не опознал. А по исчезновению Ритса у нас ещё меньше сведений, потому что в дом к нему нас попросту не пустили. А ломать защиту людей герцога я своим ребятам не велел.

Когда Рош замолчал, Корн хмуро кивнул.

– Нам пока не с руки с ними ссориться. Но не думаю, что герцог начнет утаивать сведения. Суть дела я ему уже обрисовал, поэтому будем надеяться, что он все же поможет, а не начнет вставлять палки в колеса. Норриди, у вас есть что добавить по этому эпизоду?

– В доме, где произошло убийство, все довольно стандартно, – пожал плечами Йен. – Тело в подвале, тело на чердаке. Полного заключения по вскрытию у меня еще нет, но следы сколаниса есть в крови обеих жертв. Примерно в том же количестве, что и у второй пары магов. И в гораздо меньшем, чем у первой. Следов тех, кто проводил ритуал или находился в месте перекреста сил, обнаружить не удалось: магия вымыла оттуда все отпечатки и уничтожила все артефакты в доме. Что касается хозяйки, то можно признать ее смерть случайной. Наш маг утверждает, что она умерла как минимум за полдня до того, как в доме был начат обряд. В ее крови никаких подозрительных компонентов найдено не было. Следов борьбы, удушения и других насильственных действий на теле тоже нет. Так что, скорее всего, это просто совпадение. Тем более что под подушкой леди нашелся ещё один амулет – сигнальный. С его помощью она вызывала из соседнего дома помощницу на случай, если что-то понадобится. Но в ту ночь никто амулет не потревожил, поэтому более вероятно, что леди тут совершенно ни при чем.

– Рэйш, у тебя есть что дополнить? – обратил взор в мою сторону шеф.

– По этому эпизоду – пожалуй, что нет. Но по делу в целом появились кое-какие мысли.

Корн одобрительно кивнул и терпеливо молчал все то время, пока я выкладывал свою теорию, которую мы вчера обсуждали с Хокк и Норриди. Йен, что совсем удивительно, за это утро тоже времени не терял и все же проверил шестой дом по Шестнадцатой улице с помощью Тори и Лиз. Когда уж они все успели, не знаю, но приборы показали неестественно высокий магический фон возле той калитки. И у черного хода дома Ольерди тоже. Кроме того, Триш полностью закончила обработку материалов по

первым двум убийствам, и Йен с уверенностью доложил, что прямой связи между этими парами магов не установлено. Ни общих друзей, ни одинаковых интересов, ни любимых забегаловок, где можно встретить кого и когда угодно… совершенно чужие друг другу люди, которые все же чем-то привлекли убийцу и где-то, как-то, но сумели зацепить его взор.

– Илдж, что у тебя? – обернулся к светлому шеф, когда Йен исчерпал свой запас красноречия.

– Все тихо, – нервно ответил маг, когда к нему обратились все взгляды. – Новых деталей по жертвам на Аллейной пока нет. А те, что есть, несущественны.

– Грэг, у тебя?

– У нас вообще мертво, как в могиле, – едва заметно скривился мой коллега. – Не знаю, почему, но пока убийца обходит вниманием наш участок. Так что я на всякий случай велел усилить патрули.

Корн одобрительно кивнул.

– Господа, как продвигается работа над списком, который составил для вас Рэйш?

– Пока проверяем, – отвел глаза Йен. – На моем участке пока совпадений не найдено.

– Вообще-то есть одно, – не согласился я. И прежде чем Корн успел задать напрашивающийся вопрос, поднялся и положил перед его носом список из четырех адресов. – Один дом на западном участке, три на северном. Это пока все, что мне удалось найти.

– Когда ты успел?! – с подозрением уставился на меня шеф, одновременно сгребая со стола бумагу и торопливо ее разворачивая.

Я промолчал. А когда Корн пробежался глазами по адресам и выразительно на меня покосился, я выложил на стол остальное – те самые схемы особняков, в которых копался вплоть до самого обеда. И которые я все же выудил, сопоставил с теми символами, которые мне уже оскомину набили, и наглядно убедился, что Мэл дал абсолютно правильную наводку. Правда, только по северному участку и частично по нашему, потому что на большее у него попросту не хватило времени.

– Так. Срочно отправить команды на Грозовую, Линейную, Седьмую и Сорок вторую улицы! – отрывисто распорядился шеф, привстав из-за стола. – Владельцев временно переселить в другое жилье. За каждым домом установить круглосуточное наблюдение и докладывать мне, начиная с десяти вечера и до самого рассвета каждые полсвечи! С остальных домов наблюдение не снимать. Норриди. У тебя там следователи толково со сферами работают.

Пусть проверят, кто владел этими зданиями в последние сто лет и попробуют найти совпадение с другими строениями того же времени. Эрроуз. У тебя больше всего темных на участке. Пусть изучат темную сторону по вашим трем адресам, но чтоб меньше, чем двумя двойками во Тьму не заходили. Рош, Илдж! Своим магам тоже скажите, чтобы держались настороже. Если кому-то придет письмо от родственников, друзей или любовников, докладывать немедленно! И проверьте всех, кто находится в отпусках или увольнительных. Особенно на предмет внезапного отъезда. Хокк, выдерни кого-нибудь из писцов – подготовь письма во все основные городские инстанции, включая Орден магов. Пусть тоже начинают проверять наличие магически одаренных сотрудников. Быть может, кто-то из них уже пропал, и мы сможем начать поиски до того, как в Орден прилетит очередной вестник. А может, кого-то это убережет от беды…

– Есть, шеф!

Корн плюхнулся обратно в кресло, словно из него вынули все кости, а по кабинету прошло вполне понятное волнение. Начальники участков почти одновременно схватились за амулеты. Хокк быстрее ветра умчалась куда-то вниз. В кабинете внезапно стало так шумно, что там оказалось невозможно находиться. Переговорные амулеты не затыкались ни на мгновение. И устав от этого бедлама, я в какой-то момент молча поднялся и вышел в коридор. А когда устал слоняться без дела, присел на край широкого подоконника и бездумно уставился в окно, за которым после душного и жаркого утра вновь похолодало и начал накрапывать мелкий дождик.

– Дурацкая погода, – заметила тихо подошедшая Хокк, остановившись у меня за плечом. – То солнце, то ветер. То жара, то дождь. Давно такого странного лета не было.

– Давно, – рассеянно отозвался я, думая о своем. Она ещё что-то говорила, но я почти не прислушивался. И встрепенулся лишь когда услышал знакомое имя:

– Уоран…

– Что ты сказала?

– Да ворон, говорю, полетел, – хмыкнула Хокк, проводив глазами тяжело снявшуюся с соседней крыши крупную птицу. – Тяжело ему, наверное: мокрый, уже старый… интересно, куда его понесло в такую погоду? Наверное, в гнездо?

– Вороны не вьют гнезд, – машинально отозвался я, провожая глазами быстро удаляющуюся черную точку. А потом у меня что-то щелкнуло в голове. С глаз словно пелена упала. А перед мысленным взором как вживую промелькнули строчки из дневника учителя: «*Старый ворон перед смертью обязательно*

вернется в родное гнездо». И совсем небольшую, тщательно затертую кляксу перед вторым словом. Случайно смазавшую первую букву в слове «ворон»… или же совсем не случайно?!

Старый ворон… Норрату – на лотэйнийском… старинный друг и идейный враг, о котором я так поздно подумал. Вот же болван! Слепой дурак, которого понадобилось носом ткнуть, чтобы наконец начало что-то доходить!

– Рэйш, ты чего? – удивленно отпрянула Хокк, когда я соскочил с подоконника и заметался по коридору. – Что я такого сказала?

– Демон тебя задери, Хокк! Я должен срочно уйти!

Напарница на всякий случай отступила ещё на шажок, когда я застыл и уставился на нее горящим взглядом. Затем забеспокоилась. Тревожно забегала глазами по сторонам. И вздрогнула, когда я подскочил и, схватив ее за плечи, хорошенько встряхнул.

– Я должен уйти. Это очень важно. Ты обойдешься без подпитки хотя бы пару часов?

– Ну… вообще-то, пока я ходила вниз, как раз посыльный подоспел. С амулетом, который ты отправил сюда на имя Корна.

– Надень его! – выдохнул я, одновременно с этим избавляя ее от поводка. – На несколько свечей он стабилизирует твою ауру. Нортидж должен был зарядить его из накопителя. Скорее всего, какое-то время я буду недоступен для связи. Но если Корн спросит, куда я делся – скажи: пошел проверять одну важную догадку!

Хокк только рот успела открыть, как я уже исчез в вихре колючих снежинок. И, выскочив по темной стороне на заснеженную улицу, всего в три тропы оказался за пределами города.

Старый ворон, она сказала? Да. Пожалуй, я знаю одного такого. И, кажется, понял наконец, кому учитель мог отдать на хранение вторую половину списка!

* * *

Лето в Верле, как это нередко бывало, снова выдалось дождливым. Низкие тучи буквально царапали распухшее от воды брюхо о крыши домов и шпили городской ратуши. Повсюду хлюпали лужи. Прохожие, опасливо косясь на проносящиеся мимо экипажи, торопливо перебегали через узкие улочки. И никто… вообще никто в целом городе не знал, что в Верле снова объявился темный маг.

Отца Лотия я не застал – он, к сожалению, куда-то уехал, а с младшим жрецом мне не о чем было разговаривать, поэтому в храме задерживаться не было смысла. Да и по городу я особо не бродил. А как только убедился, что за время моего отсутствия нежити на темной стороне не прибавилось, тут же отправился в припортовый район. В один старый-престарый дом, где когда-то проживал такой же старый, уставший от столичной суеты одиночка. Темный маг, который так многого не сказал мне перед смертью.

Сейчас на доме мастера Ниро уже не стояло никакой защиты. Как только Орден заполучил фальшивый перстень, а смерть его хозяина признали обычной, защитный артефакт, оберегающий его жилище от вторжения, был деактивирован, а сам дом ввиду отсутствия официальных наследников, отошел в собственность города. Но, судя по тому, что я сегодня увидел, за несколько месяцев никто на него так и не позарился.

Стряхнув с полей шляпы успевшую там накопиться воду, я запахнулся в плащ и никем не замеченный перешел на темную сторону. После чего выбрался из тупика, откуда на протяжении некоторого времени наблюдал за домом Ниро. Совершенно спокойно пересек пустую улицу и направился к ветхому зданию, выглядящему так, словно его готовили под снос. Зияющие дырами стены, разбитые окна, наполовину развалившаяся лестница на второй этаж, на которой я только чудом не переломал себе ноги…

Вот и спальня – действительно больше похожая на неопрятное воронье гнездо. Самая большая комната в доме, где мастер Ниро проводил больше всего времени. Все в таком же запустении, как и раньше. Но если в прошлый раз я не нашел в ней ничего интересного, то сейчас меня аж потряхивало от возбуждения.

Тьма над Тьмой дает свет…

Набросив на глаза темные линзы, я прошелся по спальне, кухне, заглянул во все помещения на обоих этажах. Затем осмотрел подвал. А когда и там ничего подозрительного не обнаружил, поднялся на чердак и задумчиво оглядел совершенно пустое (*моими, кстати, стараниями обчищенное*) помещение.

Если я не ошибся, и именно Ниро был тем самым другом-врагом мастера Этора Рэйша, значит, он должен был оставить подсказку. Хотя бы намек, где именно искать вторую половину списка. Расположение тайника, адрес второй квартиры… да хотя бы номер могилы на кладбище, где старик мог припрятать свое сокровище. Исходя из того, что он отдал мне перстень, можно было не сомневаться, что ключом к тайне являлся именно он. Я

специально полсвечи назад заглянул в схрон и вытащил оттуда кольцо Ниро. Но до сих пор не мог взять толк, к какой замочной скважине должен его приложить.

Наконец, мой взгляд упал на дальний угол. На одну из опорных балок, под которой, как и в прошлый раз, клубилась подозрительно густая тень. А потом улыбнулся и с облегчением сделал несколько шагов в ту сторону. Ну слава Фолу!

Как выяснилось, часть стены, прикрытая той самой балкой, вовсе не являлась стеной в полном смысле этого слова. Какой-то искусник сумел создать в ней такой же тайник, который я уже видел в склепе на Кенсингтонском кладбище. Защиты на нем никакой не было – тайник берегла сама Тьма. И когда я поднес туда ладонь со спокойно лежащим перстнем, она без малейших усилий рассеялась, открыв спрятанную в каменной нише старую, сплошь покрытую защитными рунами деревянную шкатулку.

Прежде чем к ней прикоснуться, я сплел из Тьмы сигнальное заклинание и отправил его на охоту. Затем накрыл чердак и часть дома под ним надежной защитой. Наконец, дождался, когда от «сигналки» придет успокаивающий сигнал, который подтвердил, что нежити поблизости нет. И только после этого осторожно вынул шкатулку из тайника.

А ведь мастер Рэйш знал, что однажды я сюда приду…

Знал и специально оставил для меня намеки. Насчет Ниро я тоже не сомневался, иначе перстня мне было бы не видать. Но значит ли это, что два старых интригана умышленно поселились в Верле примерно в одно и то же время? И значит ли, что в действительности они не так уж сильно и враждовали? Два старых опытных мага Смерти, у каждого из которых было немало секретов от Ордена и друг от друга… крайне маловероятно, что мастер Рэйш не знал о присутствии в Верле Ниро, а Ниро не догадывался о том, кто облюбовал для себя Алторийскую трясину. Скорее я поверю, что мастер Этор умышленно спрятал первую шкатулку за многие мили отсюда, там, где даже высшая нежить не сумела бы до нее добраться, а здесь, на окраине, они вдвоем старательно оберегали вторую. И долго, терпеливо, с надеждой ждали того, кому можно было без опаски вручить ее содержимое.

От последней мысли мне стало слегка не по себе. И как-то совсем иначе пришлось взглянуть на мое странное ученичество. Пожалуй, именно сейчас мне стали понятны многие решения и поступки учителя. Его стремление дать как можно больше знаний, но при этом умолчать о самом главном. Учить, в первую очередь, не действовать, а думать. Сопоставлять. Делать выводы. И находить следы даже там, где на первый взгляд не было ничего

интересного.

Жаль, я уже никогда не узнаю, почему два старых интригана решили устроить для меня это испытание. И как долго Ниро смеялся, когда я в первый раз перешагнул порог его ветхого жилища. Тогда мне казалось, что я все продумал наперед, что держу его под контролем и через три долгих года умышленного избегания встреч смогу без труда разговорить уставшего от жизни, мающегося скукой старика. А он все эти годы прекрасно обо мне знал. Все знал, но ни во что не вмешивался. Наверняка следил за моими успехами. И лишь терпеливо ждал… долго, упорно, как умеют ждать лишь уверенные в собственной правоте, давно переставшие куда-то спешить мудрецы. И люди, поставившие перед собой бесконечно далекую, но невероятно важную цель, которая стоит многих лет ожидания, лишений, боли и даже смерти.

Я в сомнении повертел в руках шкатулку. А потом приложил к крышке перстень мастера Ниро и, услышав тихий щелчок, с осторожностью заглянул внутрь.

Там, как я предполагал, не было ничего, кроме сложенного вчетверо листка бумаги.

Всего десять строчек.

Две колонки имен, при виде которых из моей груди вырвался невольный вздох, а сердце сперва замерло, а затем заколотилось как сумасшедшее.

Через мгновение, как и в прошлый раз, активировалось наложенное на бумагу хитрое заклинание. Коротко вспыхнув, озарило чердак красноватыми сполохами. И вот уже на моей ладони покоится не список, а кучка теплого праха. Мелкого, сыпучего, как песок в пустыне, и уже ни для кого не опасного.

Какое-то время я молча стоял, со смешанным чувством рассматривая то, что осталось от дела всей жизни двух не самых плохих в этом мире учителей. Вспоминая свое прошлое, оценивая настоящее и планируя ближайшее будущее. Зародившаяся в моей душе буря постепенно утихла. Сумбурные мысли снова стали спокойными, размеренными и на удивление ясными. Мимолетная растерянность прошла. Ненадолго овладевшее мной оцепенение тоже исчезло. После чего я выпрямился, стряхнул на пол бесполезный прах и, покрутив в руках пустую шкатулку, решительно запихнул ее обратно в тайник.

В схрон ради нее я возвращаться не собирался. Брать с собой в Алтир – тем более. Использовать ее пока было негде. Так что пускай лежит где лежала. Быть может, однажды я за ней вернусь. Или же не вернусь. На все, как говорят жрецы, воля божья. А у меня как раз назрел очень важный вопрос к одному конкретному

богу. И я совершенно точно знал, что хотя бы на него он обязан мне ответить.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ
(часть вторая)
Последний бог

Пролог

Когда я вернулся в Управление, в кабинете Корна остался лишь сам Корн и неопрятный ворох бумаг, который шеф пытался привести в некое подобие порядка. Стоило мне вынырнуть из Тьмы, как маг по привычке создал атакующее заклинание, но почти сразу опустил руку и мрачно воззрился на меня из-за стола.

– Рэйш, тебе знакомо слово «нельзя»? – осведомилось начальство, буравя меня тяжелым взглядом. – Я ведь сто раз говорил, что не одобряю использование магии в Управлении. Или ты ждешь, когда у меня закончится терпение?

Я на всякий случай оглядел округу через линзы, но Хокк не нашлась ни в коридоре, ни в соседнем кабинете, ни на первом этаже, куда я заглянул сквозь дыру в полу.

– Ничего не жду, – отозвался я, убедившись, что Лора и впрямь исчезла. – Вы мою новую напарницу случайно не видели?

– Ушла твоя напарница, – неприязненно буркнул шеф.

– Куда? Зачем? И когда, если не секрет?

– Домой. Еще полторы свечи назад, потому что у нее истощился накопительный амулет.

Ах, вот в чем дело. Похоже, я слегка не рассчитал время, и Хокк, сообразив, что только в одном месте ей помогут восстановить резервы, отправилась в мой особняк. Удивительно, но в последнее время она проявляла просто чудеса благоразумности. Наверное, именно поэтому ее аура сумела восстановиться аж на две трети?

– Нашел, что искал? – неожиданно поинтересовался Корн, когда я решил, что больше не буду ему надоедать.

Я на мгновение задумался.

– Да. Хотя к последним убийствам это не имеет отношения.

– Какого ж тогда Фола ты бросил Хокк? – не слишком ласково осведомился шеф. – У нас, если помнишь, дело. И два новых трупа, которые следует ожидать буквально через несколько свечей. Может, ты считаешь, что твои отлучки важнее, чем то, чем занимается Управление? Или полагаешь, что можешь необоснованно рисковать жизнью коллеги?

Я внимательно на него посмотрел.

– Корн, вы ведь не дурак. Понятно, что особого выбора нет ни у вас, ни у меня, ни у Хокк. Но вы же не думали, что ограничивать мобильность одного темного мага, навязывая ему неподходящего напарника, это хорошая идея?

Под моим пристальным взглядом шеф все-таки отвел глаза,

но сделал вид, что не понял прозрачного намека. И не догадался, что ущербность Хокк ставила под угрозу, в первую очередь, мою безопасность. И мою жизнь. Особенно, на темной стороне. Разумеется, снабдить сотрудницу соответствующим амулетом-накопителем шеф мог бы и сам – для этого стоило лишь взять у меня слепок ауры и слегка поднапрячь целителей. Однако он захотел пойти другим путем и получить интересующую его информацию от человека, которому полностью доверял. Вот только соглядатай из Хокк получился так себе. Да и неужели Корн всерьез надеялся, что я не найду выход из ситуации?!

– Проваливай, – буркнул шеф после воцарившейся неловкой паузы. – За напарницу отвечаешь головой. Но чтоб вечером оба были здесь. И упаси тебя Фол ввязаться в какую-нибудь авантюру без моего ведома!

Глава 1

Покинув Управление, я первым делом заявился домой и изрядно повеселился, обнаружив, что напарницы, вопреки заявлению шефа, там не оказалось. Дворецкий в ответ на мой вопрос сообщил, что Хокк около полутора свечей назад действительно заглядывала, однако, узнав, что для зарядки амулета потребуется как минимум три с половиной свечи, ужасно огорчилась. Правда, ненадолго. И вскоре сообразила поинтересоваться, сколько таких амулетов я велел для нее заказать. Несказанно обрадовалась, узнав, что их целых четыре. После чего отдала Нортиджу свой на зарядку, забрала у него полнехонький и снова умчалась в город, даже не посчитав нужным известить призрака, куда именно направилась.

Зато она оставила на столике в гостиной переговорник. И, узнав об этом, я тут же его активировал, благо путь на темную сторону Хокк пока был заказан, а значит, работа амулета никак не могла ей навредить.

– Рэйш? – вскоре раздался из амулета довольный голос магички. – Судя по тому, что я слышу, ты все же соизволил вернуться домой?

– Рад, что за это время ты не успела наделать глупостей, – не остался в долгу я. – Где сейчас находишься?

– В Белом квартале. У меня, если помнишь, есть ученик.

Я кивнул. Очень хорошо, что она не забыла о Роберте. На теорию у нас с ним времени, скорее всего, не будет или будет, но не скоро, так что Хокк окажет мне любезность, если поднатаскает его в некоторых вещах.

– Узнал, что хотел? – тем временем поинтересовалась напарница. – Это имеет отношение к делу?

– Это имеет отношение ко мне. Да, узнал.

– Очень хорошо, – хмыкнула Хокк. – В нашем положении хотя бы малая толика света уже намного лучше, чем кромешный мрак.

– Тоже верно. Насколько тебе хватило заряда? – снова спросил я, прикидывая оставшееся до ночи время.

– Три с небольшим свечи. Но было бы больше, если бы ты разрешил своим призракам отдать мне про запас ещё один амулет.

– За пределами дома они будут истощаться с одинаковой скоростью, независимо от того, пользуешься ты ими или нет. Так что рассчитывай силы грамотно.

– Я поняла, – после небольшой паузы донеслось из амулета. – Буду соблюдать осторожность. У нас, кстати, прямой приказ –

никуда без ведома шефа не соваться. С меня сейчас проку немного, а тобой он рисковать не хочет. И к десяти ждет всех у себя на случай, если придется срочно куда-то выезжать.

Я хмыкнул.

– Я в курсе. Что с адресами, которые я ему дал?

– По ним все Управление работает не покладая рук. Скрытое наблюдение, «прослушка», «сигналки»… если сегодня в этих домах что-то произойдет, мы сразу узнаем. Жильцов, правда, из домов не выселяли. Но вряд ли им что-то грозит.

Я мысленно с ней согласился: убийца предусмотрителен и прекрасно знает распорядок дня своих жертв. Конечно, есть вероятность, что одной из них станет кто-то из хозяев указанных мною особняков, но Корн поступил мудро, что не стал наводить панику. Если мы насторожим преступника раньше времени, то погибших может оказаться намного больше.

– Меня до ночи не будет, – напоследок предупредил я. – Но маячок останется доступен в любом случае.

– Принято, – спокойно отозвалась Хокк. А когда я уже собрался положить амулет на стол, оттуда донеслось тихое: – Спасибо, Рэйш. Ты, конечно, сволочь, но я ценю то, что ты для меня сделал.

Наивная. Все, что я сделал, я сделал исключительно для себя. Быть скованным приказом Корна мне не нравилось ещё больше, чем кому бы то ни было. А с амулетами я сохранил нам обоим свободу действий. К тому же, у меня накопилось много проблем, посвящать в которые ГУСС я не собирался. И, разумеется, предпочел потратить деньги на амулеты, чем рискнул бы выдать несколько тайн, за обладание которыми даже светлые жрецы согласились бы продать Фолу душу.

Отдав дворецкому распоряжения относительно гостьи, если та вернется раньше меня, я вновь ушел на темную сторону и заскочил в западное УГС. Йена, к сожалению, на месте на застал – он уехал на Линейную вместе с Триш, Тори и Лиз. Следовали были заняты тем, что пытались установить связь нынешних хозяев дома номер девятнадцать по этой улице с мифическим господином Эстиори и другими фигурантами дела. А у Херьена новых сведений по телам, включая последнюю пару, не имелось, хотя я отдельно попросил его изучить трупы на предмет тринадцатого знака. Его он не нашел, зато подтвердил, что последним жертвам досталось в несколько раз меньше сколаниса, чем леди Ольерди и Дертису. Это означало, что насчет первого убийства я все-таки не ошибся и доказывало заодно, что все остальные жертвы до последнего находились в сознании. Скорее всего, дали согласие на ритуал. И по доброй воле подставили

горло, отдавая убийце не только магию, но и жизнь.

После разговора с Ливом я вновь заглянул на второй этаж, но, поскольку коллеги прекрасно справлялись с работой, был вынужден признать, что в моих услугах Управление не нуждалось. Рассудив, что на Линейной сыскари способны управиться без моего вмешательства, я снова на целую свечу оккупировал сферу Тори. А когда выяснил все, что хотел, вернулся на темную сторону. В храм. А точнее, в первохрам, где меня уже с нетерпением ждали.

«*Работаем ?*», – тут же соткался на полу вопрос, едва я переступил порог каверны, а дремавший в виде камня алтарь принял человеческий облик.

– Чуть позже, – ответил я, краем глаза заметив, что поверх одежды тихо и незаметно соткалась серебристая броня, хотя я об этом не просил. – Сперва я хочу задать тебе пару вопросов.

Ал выразительно приподнял брови.

«*Задавай*».

– Тебе знакомы имена: Айнеро, Дейнеши, Ирранэ, Карино, Летари, Маори, Норрату, Саэфи, Таэро и Уортэ?

Алтарь едва заметно улыбнулся.

«*Ты хочешь поговорить о жнецах ?*», – снова соткалось на полу.

Я мысленно присвистнул: откуда знает?! Хотя, если каждый из жнецов какое-то время носил в себе частичку алтаря, то может, оно и правильно, что Ал помнит их имена? Жаль, что я раньше об этом не подумал. Возможно, это сократило бы время на поиски в несколько раз.

«*Хорошо*», – тем временем сложил руки на груди Ал. – «*Я готов ответить на твои вопросы*».

– Тебе известно, кто из их потомков дожил до настоящего времени?

Ал широко улыбнулся.

«*Ты*».

– Это и так понятно, – прищурился я. – В противном случае я бы не продержался на нижнем слое так долго. И в первохрам меня бы не пустили. Тем более, не позволили бы безнаказанно прикоснуться к статуям и к алтарю, лапать который имели право лишь жнецы. Да и то, не всякие. А спрашивал я тебя о других жнецах. О тех, кто ещё жив, но пока не сумел сюда добраться. Такие ведь остались?

Алтарь неожиданно заколебался.

– Ты можешь их почувствовать? – наконец, задал я правильный вопрос. И вот тогда Ал с уверенностью кивнул.

«*Могу. Но лишь тех, в ком пробудился дар*».

– Сколько таких в столице?

«*Двое*».

– А за ее пределами?

«*Пока никого*».

Я на мгновение задумался. А затем взглянул в серебристые глаза собеседника и тихо просил:

– Покажи мне список, пожалуйста.

Ал подошел к разлитой посреди храма луже и без малейшего труда воспроизвел список учителя, сделав это точно таким же способом, каким некогда выводил мою родословную. Айнеро, Дейнеши, Ирранэ… те самые десять имен из хитроумной загадки, которую оставил мне в наследство мастер Этор Рэйш.

«*Айнеро*», – выделил большими буквами Ал и, прищурившись, посмотрел на меня. – «*Что тебе о них известно?*»

– Последней семьей в этом роду были Артосы, – припомнил я имена из второго списка и данные из архива, которые получил всего несколько свечей назад. – Семья потомственных некросов, последние ветви которой были подчистую вырезаны во времена Эрнеста Второго.

«*Дейнеши?*»

– Их прямыми потомками стали Диллосы. Тоже некросы. И тоже уничтожены Эрнестом Кровавым сто пятнадцать лет назад.

«*Ирранэ ?*», – словно не услышал алтарь.

– В списке учителя это имя стоит на третьем месте, но мастер Этор не смог отыскать живых потомков. Он указал шесть имен, последовательно сменявших друг друга на протяжении двух последних столетий, но ни одно из них не дает представления о тех, кто мог бы нас заинтересовать. Сам я их не проверял. Но, судя по всему, Ирранэ не просто так регулярно меняли имена и ловко маскировались под чужими фамилиями. И, наверное, именно поэтому во второй части списка на месте ныне существующего имени стоит только жирный вопросительный знак.

«*Мне кажется, ты догадываешься, почему так произошло*».

– Чтобы так успешно и долго скрывать свое прошлое, нужны большие средства и очень хорошие связи, – хмыкнул я. – Думаю, у герцогов Искадо их достаточно. Не зря леди Элания Уриос…. кстати, не так давно ее семья носила фамилию Иртос, а ещё раньше – Ирран… вышла замуж за лорда Аррона Искадо. Все-таки связь с корнями – большое дело.

«*Ты нашел второго жнеца*», – полуутвердительно сказал Ал.

– Нашел. И только поэтому полез копаться в архивах. Прямой связи с Иррадэ, правда, отыскать не смог – за последние четыреста пятьдесят лет они с кем только не породнились, а

более ранние сведения кто-то старательно уничтожил. Но имена Искадо, Иртос и Ирран в чем-то созвучны… тебе не кажется? И раз уж я нашел маленького жнеца, то думаю, что не ошибусь, если скажу, что правильно заполнил пустоту напротив фамилии Ирранэ.

Алтарь согласно наклонил голову.

«*Что насчет Карино ?*»

– Последними в этом роду были Карросы. Темные маги. Примерно пополам: некросы и маги Смерти. Ни одного светлого. Ни одной подозрительной внебрачной связи. Уничтожены во времена Эрнеста Второго одними из первых.

«*Летари ?*»

– Прямой связи я тоже не нашел, – был вынужден признаться я. – Но учитель написал напротив них мою фамилию. Вероятно, уже после того, как мы встретились, потому что использовал другие чернила. И потому, что изначально там тоже стоял вопросительный знак. И раз даже ты говоришь, что кто-то из жнецов был моим предком, то полагаю, что мастер Этор не ошибся: Летари – это моя ветвь. Правда, пока не уверен, по матери или по отцу.

«*Хорошо. Маори?*»

– По ним данных нет совсем. У учителя в списке тоже стоит знак вопроса, без всяких предположений, а у меня не нашлось времени, чтобы вплотную ими заняться.

«*Их частица до сих пор вернулась ко мне не вся*», – неожиданно сообщил Ал. – «*Значит, кто-то остался. Но, скорее всего, его дар спит. Найди этого человека. Он нужен Фолу*».

Я недоверчиво воззрился на серебристую физиономию, но все же решил повременить с вопросами.

– Что касается Норрату и Уортэнов, думаю, ты уже в курсе, что и как, раз последние представители этих родов некоторое время назад получили благословение Фола. Но мастер Этор Рэйш умер три с половиной года назад, его единственная дочь стала бесплодной. А мастер Уоран Ниро вообще не оставил наследников, так что эти два рода тоже прервались.

«*Да*», – бесстрастно подтвердил алтарь. – «*Их дары тоже были утеряны*».

– Остаются только Саэфи и Таэро. Первое имя в списке учителя было зачеркнуто – по данным мастера Этора, последние представители этого рода носили фамилию Солсбри и выродились задолго до появления Эрнеста Кровавого. Напротив Таэро стоял очередной вопросительный знак, но мастер Ниро предположил, что их династия закончилась вместе с последним отпрыском семейства Грантов. Тех самых, что раньше имели

неплохие способности к магии некросов, но несколько десятилетий назад взяли себе фамилию Уэссеск, начали заводить беспорядочные связи с неодаренными и на протяжении длительного времени удерживали власть над существом, которое раньше называли Палачом.

«*Ты прав. Эта ветвь оборвалась несколько месяцев назад. Так о чем же именно ты хотел меня спросить ?*»

– Как такое стало возможным? – тихо поинтересовался я. – Темный дар изначально был милостью Фола, поэтому жнецами не рождались, а становились. При этом, если жрецы не врут, то после попытки открытия первых врат Фол от них отказался. Их дар раскололи на части, искусственно ослабив и заставив переходить от родителей к детям, как это происходит у светлых. Но поскольку о благословении Фола речи больше не шло, то с каждым новым поколением темный дар становился слабее. Не сразу, конечно, потому что со смертью носителей он частично вбирал в себя их силу. Но за долгие столетия во многих родах эта сила попросту угасла. Так почему же, если наш дар подвели под те же законы, которым подчиняются светлые маги, стало возможным мое рождение? Почему, если Фол поклялся, что новых жнецов больше не будет, мы с Робертом Искадо все ещё живы? Наконец, как это мог допустить Род? И не стоит ли нам ждать гневного гласа с небес, когда светлые боги поймут, что Фол их попросту обманул?

На губах Ала появилась невеселая улыбка.

«*Фол не клялся от вас избавиться. Этим занимались его жрецы. И он не обещал, что жнецы никогда не вернутся – он всего лишь дал слово, что вас больше не будут создавать. Что же касается твоего рождения… пойдем. Я покажу, как это стало возможным*».

Я послушно отступил на несколько шагов и опустил взгляд на лужу, по которой прошла мелкая рябь. Затем на ней возникло мое родовое древо… вернее, та его часть, которая касалась леди Элеоноры де Латэй. На самом верху, где даже упорный Ларри Уорд не сумел добыть нужных сведений, зияла большая дыра. А над ней появилось нечто новое. То, чего не было в его документах: развилка, над которой большими буквами красовалась древняя лотэйнийская фамилия «Летари».

Прямо на моих глазах с пола всплыл крохотный черный камушек, которых вокруг пустых постаментов валялось видимо-невидимо. Затем от лужи отделилась такая же крохотная серебристая капля и обтянула осколок тончайшим слоем, под которым очертания камешка едва-едва виднелись, а цвет не угадывался совсем. Затем камень шлепнулся обратно в лужу. Но

не утонул, а закачался, словно поплавок, над фамилией моего далекого предка. И по мере того, как под ней начали появляться безымянные кружки и квадратики, плавно заскользил от одного к другому. Наглядно показывая, каким образом спрятанный до поры до времени темный дар мог незаметно и совершенно безопасно передаваться из поколения в поколение.

«*Скрытый дар*», – пояснил свои манипуляции Ал.

– Нейтральный к любой магии, – прошептал я, расширенными глазами следя за надежно укрытым камушком. – Практически невидимый для посторонних, так я понимаю?

Ал обернулся и с довольным видом кивнул.

– Это значит, что его носителем мог быть кто угодно, – постепенно дошло до меня. – Темный маг, светлый и даже простой смертный… каждый из них передавал частичку тебя вместе с даром следующему поколению так, что даже носитель не догадывался, какая в нем заложена ценность!

«*Некоторые догадывались*», – не согласился алтарь, на пару мгновений приостановив движение камушка. – «*Поэтому некоторые из вас умышленно покинули столицу и тщательно следили за всеми, кто вступает в род. Особенно за теми, за кого выходят замуж женщины*».

Я вздрогнул и поднял на Ала диковатый взгляд.

– Олиена де Латэй… бабушка… получается, она поэтому не хотела, чтобы мама уезжала в столицу?!

Ал с готовностью перебросил камушек почти в конец родового древа, где он весело запрыгал по уже известным мне именам. Ирьяса де Латэй… Илония де Латэй… Ольха де Латэй… и вот тут-то я заметил ещё одну особенность – скрытый дар передавался только от матери к дочери! Причем исключительно к первенцу, который, как по заказу, был в нашем роду исключительно женского пола!

– Женщины… – припомнил я начертанную учителем заметку на полях книги Рейно Лерса. – Вот что он хотел сказать: скрытый дар способны передавать следующему поколению только женщины! Вот почему у нас с Робертом так похожи родословные и нет ни одного темного мага в прошлом! Тьма… а ведь мастер Этор знал об этом! Не мог не знать, если велел изучить Ларри Уорду родовое древо де Ленур и наказал передать эти сведения мне! Он же сам составлял список! Своей рукой внес туда нашу фамилию! И… наверное, именно поэтому согласился меня обучать?

У меня от неожиданной догадки даже голос сел – настолько она была правдоподобной. Да, это было невероятно, немыслимо! Но объясняло очень многое! Все нестыковки в теории Лерса! Все

пометки учителя! Мои собственные наблюдения…

– Получается, если моя сестра умерла, то скрытый дар должен был достаться кому-то из нас с Леном? – замер я от пришедшей в голову мысли. – Но Лен родился светлым. И его дар был достаточно силен, чтобы оттолкнуть от себя скрытый. А поскольку девочек в нашей семье больше не появилось, то со смертью матери дар должен был или угаснуть, или перейти ко мне.

Ал покосился на меня почти с сочувствием.

«*Законы наследования никто не отменял. За тем исключением, что носитель редко забирает дар Фола с собой в могилу. После смерти дар обязательно уходит к кому-то еще, но при этом он чаще всего перестает быть скрытым. А по-настоящему умирает лишь тогда, когда погибает последний наследник рода*».

– Подожди-ка, – вдруг опомнился я. – Но ведь у Роберта есть сестра! И раз она жива, значит, дар Фола должен был достаться ей! Как же тогда мальчишка смог его заполучить?!

Ал виновато развел руками, и камешек снова прыгнул на много поколений наверх. К моей далекой пра-пра… и ещё много раз «пра» бабке – леди Миранде Лэй и ее сестре Миралинде, которые, судя по одинаковой дате рождения, являлись близняшками. Благодаря леди Миранде через много-много лет появилась ветвь де Латэй, откуда происходила наша с Леном мама. А леди Миралинда вышла замуж за темного мага и стала матерью двух мальчиков – Эрхоса и Дерана Ортесс, от которых взяли начало сразу несколько могущественных темных ветвей.

Пока я соображал, почему в этом роде не было девочки-первенца, спрятанный под серебристой пленкой камушек плюхнулся между сестрами-близняшками и распался на два осколка поменьше. Один, укатившись к леди Миранде, сохранил свое защитное покрытие и благополучно ушел в отколовшуюся, изолировавшуюся от остальных родов ветвь де Латэй, на конце которой красовалось мое собственное имя. А второй осколок, лишившись защитной оболочки, снова приобрел черный цвет и рассыпался целой горстью мельчайших пылинок, от которых сияющее на полу родовое древо расцвело крохотными черными цветками.

– С ума сойти! – прошептал я, в шоке уставившись на открывшееся мне чудо. – Ал, я что, сплю?!

«*Нет*», – спокойно отозвался алтарь. – «*Все так и было*».

– Сестры с одинаковым даром! Получается, одни из самых могущественных алторийских темных родов… всего лишь ошибка?! Нелепая случайность в наследовании?! Из-за того, что его в равной степени унаследовали близняшки?!

«*Да*», – так же спокойно подтвердил Ал, когда до меня дошла эта невероятная истина. – «*Контакт с темным носителем пробудил скрытый дар одной из сестер, что и привело к возможности появления темных ветвей твоего родового древа. По этой же причине тот дар был полностью утрачен: быть скрытым он уже перестал, и его быстро заметили*».

– А Роберт?!

«*Он, насколько я понимаю, мог быть инициирован только искусственно*».

– Но кем?!

«*Судя по всему, тобой*».

Я уставился на Ала, как на ненормального. А потом до меня неожиданно дошло.

– Это не я! Просто мальчишка оказался на краю гибели… скажи-ка, а нет ли у скрытого дара такой же способности, как у тебя в жидком состоянии? И не могло ли случиться так, что столкнувшийся с угрозой гибели пацан попросту перетянул этот дар на себя? Так же, как ты в свое время перетянул в меня все это озеро в надежде сохранить мне жизнь?!

Алтарь насмешливо булькнул.

«*Пока дар скрыт, он сохраняет свойства вещества, которое его защищает. Он подвижен. И действительно может менять носителя, если тот, к примеру, ослаб или находится при смерти. В противном случае ты не смог бы унаследовать дар сестры. А мальчик… если он оказался на темной стороне, и ты смог коснуться его Тьмой*»…

– Вообще-то, его коснулся вампир, – вздохнул я. – Очень старый. Очень сильный. Тот самый, что веками пытался отгрызть от тебя хоть кусочек. Как считаешь, он мог спровоцировать эту ситуацию? Скажем, в тот самый момент, когда пытался убить мальчишку? А потом вмешались боги, и мальчику просто передали дар сестры вместе с темным благословением?

«*Вполне*».

– Тогда это значит, что сестра Роберта больше не является носителем дара и уже не сможет никому его передать?

«*Раньше я ощущал именно ее. Теперь я ощущаю свою частицу в нем*», – подтвердил Ал. – «*И в тебе. Еще одна ко мне не вернулась. Остальные были уничтожены или утеряны. Так, как ты и сказал*».

– Айнери, Дейнеши, Карино и Саэфи точно мертвы? Неужели от них не осталось побочных ветвей, незаконных наследников? Ни одного за целую тысячу лет?

«*Их частицы вернулись ко мне полностью. Остались только вы двое. Если у вас не появится наследников, божественный дар будет окончательно утрачен*».

– А Маори?

«*Их я почти не чувствую*, – грустно качнул головой алтарь. – *И довольно давно. Возможно, дар не нашел своего носителя. А может, он уже не пробудится. Но это в любом случае придется выяснять тебе*».

– Интересно, как ты собираешься забирать у нас свои частицы? Нам с Робертом тоже придется возлечь на алтарь? Во славу Фола, так сказать.

«*С твоей частицей я установил связь*, – соткались передо мной на полу серебристые буквы. – *Теперь это безопасно, и забирать ее нет резона. Ты полезен. Когда меня сможет коснуться и второй жнец, я ему помогу*».

– Зачем?

«*Вы – последние стражи границы между мирами. Вы нужны нам*».

Я с сомнением покачал головой.

– Это я уже слышал. Но все равно не понимаю: как Фол сумел это провернуть? Почему не воспротивился Род? Я же был в верхнем храме, говорил со жрецами… а меня даже молнией не долбануло за святотатство! Разве так должно быть?

«*Вы нужны миру*, – упрямо повторил Ал. – *Светлые боги не тронут вас без веской причины*».

– В смысле, не тронут, пока мы не зададимся целью создать новые врата? – усмехнулся я.

«*Вы ещё не жнецы в полном смысле этого снова. Ваш дар пробудился по другим причинам, поэтому правильнее называть вас не жнецами, а претендентами, которым только предстоит пройти соответствующий ритуал. Поэтому же светлые боги о вас не знают. А если бы и знали…*», – по серебристому лицу Ала скользнула усмешка. – «*Боги не любят, когда их сила достается смертным просто так. Но они не могут отобрать ее у тех, кто обрел способности без их участия*».

– Прости, я не понял…

«*Раньше боги давали людям часть своей силы в обмен на служение. Это был дар. Порой – незаслуженный и опасный. Теперь же жнецов не обучают и не растят… вы создаете себя сами*, – улыбнулся «зеркальный». – *И сами находить путь к своему богу. Это гораздо ценнее. И этого у вас уже не отнять*».

– Так вот какую придумал лазейку Фол? – усмехнулся я. – Отказавшись создавать жнецов, он не давал Роду обещания, что они не появятся снова, так? Да, он отстранился от тех, кто выжил. Не помог, когда их убивали его собственные жрецы, но взамен оставил дар… правда, раздробленный и ущербный. И с его помощью сохранил границу между мирами. А заодно оставил

шанс… точнее, сразу десять мизерных… прямо-таки микроскопических шансов в надежде, что хотя бы один из них однажды реализуется. И если кому-то из потомков жнецов повезет снова разбудить этот дар… что ж, Фол тут не при чем. Ведь его клятва не нарушена.

«*Ты понимаешь*», – снова улыбнулся Ал, когда я замолчал. – «*Фол правильно выбрал: из тебя получится хороший страж. Ты ведь не откажешься от сделки ?*»

Я ненадолго задумался.

– Мне нравится этот мир в том виде, в каком он есть, – медленно проговорил я, тщательно взвешивая слова. – Вернее, оба наших мира. Как ни странно, я привык к ним обоим, и в каждом мне по-своему хорошо. Так что нет, я не откажусь от слова и не разорву сделку с Фолом. Единственное, чего мне бы хотелось, это выяснить, кто меня к этому подвел. Но полагаю, скоро этот человек сам меня найдет.

«*Почему ты так решил ?*»

Я недобро улыбнулся.

– Он же не просто так уничтожил мою семью? Ему зачем-то понадобился темный маг. Жнец. Есть у меня такое подозрение, что и Роберт пострадал не случайно. А раз мы кому-то понадобились, то рано или поздно этот «кто-то» все равно объявится. И вот тогда я спрошу с него за все.

Глава 2

Из первохрама я выбрался уже затемно, но домой возвращаться не торопился. Если верить ощущению времени, которое в последние дни стало намного более четким, то порядка одной свечи у меня ещё осталось. И я решил не тратить ее на то, чтобы собрать следующую в очереди за Ирейей статую Рейса, а предпочел заглянуть в Белый квартал, где уже наверняка истомился от неизвестности мой маленький коллега.

Как я и предполагал, Роберт не спал и вместо того, чтобы сладко сопеть в подушку, с надеждой смотрел в окно, будто действительно верил, что я приду к нему пешком и в обычном мире. Когда в комнате повеяло холодком, он радостно дрогнул. А когда обернулся и восторженно выдохнул, я одобрительно кивнул – оказывается, мальчишка не просто так таращился в окно. В его глазах клубилась Тьма. Так что на улицу он смотрел совершенно правильно, хотя и не понимал всей важности того, что сейчас сделал.

– Поймем, прогуляемся, – предложил я, отметив про себя, что юный жнец предусмотрительно не разделся на ночь.

Роберт порывисто спрыгнул с подоконника, с опозданием отвесил короткий поклон и, торопливо вытащив спрятанные под кроватью сапожки, всего через пару мгновений был готов к походу на темную сторону. Более того, он снова ни о чем не спрашивал, ничему не удивлялся и без единого возражения позволил отвести себя в тот самый дом, где мы беседовали в прошлый раз. Правда, сейчас тут кое-что изменилось. Точнее, появился новый жилец, который при нашем появлении оскалил пасть, напрягся и, скребанув когтями по полу, яростно рыкнул.

– Кто это? – впервые нарушил молчание Роберт, настороженно оглядев скорчившуюся на полу, надежно скованную Тьмой тварь.

Я хмыкнул.

– Обыкновенный гуль. Довольно молодой и, как водится, голодный.

Мальчик удивленно округлил глаза, однако испуга в них не было, скорее, некоторая опаска, которая вскоре вытеснилась обычным любопытством. Поскольку гуль лежал почти неподвижно, опутанный тонкими сетями Тьмы, то бояться и впрямь было нечего. И когда мальчишка это понял, то бесстрашно подошел к нему вплотную и, присев на корточки, с интересом принялся изучать опасную тварь.

– Я видел это существо в справочнике по темному

искусству, – наконец, сказал Роберт. При звуках человеческого голоса гуль дернулся вперед, но лишь бессильно захрипел, не дотянувшись до пацана всего на ладонь. – Мастер Хокк отдала мне его до того, как заболела. Там было написано про многих созданий. Но нигде не указан способ, как от них избавиться.

– Почему ты решил, что от них надо избавляться? – поинтересовался я.

Роберт беспомощно на меня посмотрел.

– Не знаю… это же нежить.

– Как правило, для убийства тварей используют сталь, – спокойно отозвался я, издалека наблюдая на злобно хрипящем гулем. – Это самый простой способ.

Роберт кивнул.

– Я помню: обычной магией здесь нельзя пользоваться. Но мы ведь можем и по-другому, правда?

Я насмешливо приподнял одну бровь.

– Хочешь узнать, как это делается?

Мальчишка бросил настороженный взгляд на тварь и, поколебавшись, кивнул.

– Тогда делай, – пожал плечами я, и путы на гуле мгновенно исчезли.

Роберт испуганно вскрикнул, когда проворная тварь одним прыжком оказалась на ногах. И оцепенел, когда гуль, радостно взвыв, вторым прыжком попытался добраться до его горла. Да, попытался… но не смог, потому что между ним и неподвижно замершим лордом возникла невидимая, но совершенно неодолимая для нежити преграда. Ударившись об нее один раз, гуль обиженно взвизгнул и отскочил. Затем попробовал налететь снова, но вновь был отброшен на пару шагов. Особого вреда преграда ему не причинила, но после неудачной попытки тварь задумалась. После чего принялась медленно обходить маленького жнеца по кругу, то и дело скалясь и пуская на землю густую, вязкую слюну.

На меня она почти не обращала внимания – только косилась иногда, желая убедиться, что я не планирую вмешиваться. И я действительно не вмешивался. Просто ждал. И удовлетворенно кивнул, когда Роберт, наконец, отмер и, поняв, что защита вполне надежна, нетвердым голосом спросил:

– Что я должен сделать, мастер Рэйш?

Я едва заметно улыбнулся.

– А чтобы ты хотел?

– Не знаю, – едва слышно отозвался мальчишка, неотрывно следя за кружащим вокруг него гулем. – Если честно, я бы хотел оказаться сейчас дома. Подальше от этого… существа.

– То есть, на темную сторону мы с тобой больше не выходим? – уточнил я.

Роберт затравленно огляделся. О том, насколько ему не по себе, я мог догадаться по закушенной губе, сжатым в кулаки пальцам и отчаянно большим глазам. Однако уходить из Тьмы мальчишка не хотел. Она была для него жутковатой, порой даже страшной до дрожи… но и притягивала тоже. Манила нераскрытыми тайнами. Дразнила возможным могуществом. Она играла с ним, как гуль со своей жертвой. Но, в то же время, именно она могла вернуть ему то, от чего ни один перегоревший маг не смог бы отказаться.

Наконец, Роберт нащупал на поясе небольшой кинжальчик в дорогих ножнах и решительно его сжал.

– Я могу сражаться, мастер Рэйш!

Я флегматично пожал плечами.

– Сражайся.

Защитный барьер тут же исчез, и обрадованный гуль кинулся в атаку. Если бы за первым барьером не стоял второй, он бы непременно вцепился мальчишке в горло. Но Роберт успел только судорожно сглотнуть, когда тварь со всего маху ударилась о защиту. И невольно поморщился, когда по ушам хлестнул обиженный вой, а огромные когти прочертили глубокую полосу в прогнившем полу.

Зато до Роберта дошла ещё одна простая истина. С сомнением взглянув на свой смешной кинжальчик, он снова поднял на меня растерянный взгляд.

– Мое оружие для этого не подходит, мастер Рэйш.

– Правильно, – хмыкнул я. – Чтобы одолеть гуля, нужно кое-что посерьезнее.

– Может быть, копье?

– А ты умеешь им пользоваться?

– Нет, – смутился мальчик, снова покосившись на беснующуюся у барьера тварь. – Я владею мечом, но боюсь, не настолько хорошо, чтобы с одного удара уложить это существо. У меня никогда не было таких противников.

– Тоже верно, – подбодрил его я. – И что же остается делать?

Роберт нахмурился.

– Использовать Тьму?

– Это твой выбор, – напомнил я. – И твое решение. Каким бы оно ни было, именно тебе нести за него ответственность. Не передо мной – перед собой. И перед своей совестью, как бы смешно это ни звучало.

В этот момент на лице юного лорда проступила глубокая задумчивость. Мимолетный страх исчез, нерешительность

уступила место напряженной работе мысли. Мальчишка, судя по всему, вспоминал все, что ему говорил я. Все, что прочитал в справочнике по темному искусству. И ещё он делал выбор. Быть может, самый важный в жизни каждого темного мага выбор – он инстинктивно выбирал, как вести себя во Тьме. Как трус, как осторожный гость или как полноправный житель темной стороны…

Неожиданно мальчишка окутался густым темным облаком и распрямил худенькие плечи. После чего поднял пылающую Тьмой руку, одним касанием разрушил защитный барьер и, шагнув прямо под когти твари, четко и властно произнес:

– Замри!

Гуль аж присел от неожиданности, когда на его хребет рухнула волна исходящей от Роберта силы. Тварь сперва протестующе захрипела, но Тьма была сильней, она давила, заставляла униженно опускать голову и в конце концов вынудила нежить припасть к полу и тихо, обреченно заскулить.

Признаться, я тоже опешил, когда объятый темным пламенем мальчик подошел и властно положил руку на загривок твари. И опешил вдвойне, когда гуль не только позволил ему это сделать, но даже не подумал огрызнуться. Более того, как только его коснулась маленькая ладошка, тварь моментально успокоилась. А когда подняла голову, я вздрогнул: в глазах гуля вместо багрового огня теперь плескалась беспросветная Тьма. Точно такая же, как и в глазах у маленького жнеца, которого он неожиданно признал.

– Я решил, что не хочу его убивать, – твердо сказал Роберт Искадо, взглянув на меня абсолютно черными глазами. – И бояться нежити я тоже не стану. Он будет послушен, мастер Рэйш. И никого не убьет, пока я об этом не попрошу.

Так вот что ты выбрал, маленький лорд… привыкнув повелевать, а не подчиняться, не желая убивать создание, которое ничего плохого лично тебе не сделало, ты совершил то, до чего я в свое время попросту не додумался. Ты не захотел воевать с Тьмой. Ты не пожелал с ней сражаться. Вместо этого ты по-настоящему ее принял и стал для нее… кем? Или чем?

– Ты свободен, – тем временем бросил Роберт, отпуская на волю бывшего гуля. – Когда будешь нужен, позову.

Тварь благодарно лизнула ему руку и, заурчав, бесшумно исчезла из дома. Я, если честно, так изумился, что едва успел убрать защиту, чтобы ее не размазало по стенам. Но хвала Фолу, вовремя сообразил, что гуль теперь неопасен, и выпустил его на улицу, даже хвост напоследок не подпалив.

После этого в доме снова стало тихо, а мальчик несмело

улыбнулся.

– Я поступил правильно, мастер Рэйш?

Я задумчиво на него посмотрел. А затем подошел и, опустившись на одно колено, заглянул в совершенно обычные, полностью растерявшие пугающую черноту глаза, в которых светилось удивительное понимание.

– Скажи, Роберт: как ты видишь Тьму?

– Сейчас? – зачем-то уточнил мальчик. – Так же, как и вы, наверное. Тьма пуста и молчалива. Повсюду лежит снег, хотя, как мне кажется, его стало меньше, чем в прошлый раз. А ещё в вашей Тьме очень тихо, мастер Рэйш. Так тихо, что это порой пугает.

– А как видишь ее ты? – спросил я. – Ты сможешь мне показать?

Юный жнец улыбнулся и протянул руку.

– Я могу попробовать.

Я ненадолго прикрыл глаза, отчего-то волнуясь, как мальчишка на первом свидании. А когда снова их открыл, то невольно замер, увидев, как преобразилось окружающее пространство.

Какая зима?! Какая пустыня? Какие развалины и мусор на неубранных улицах?!

Вокруг сиял и переливался всеми красками жизни невероятный, никогда не виданный мною мир. Да, город выглядел постаревшим, но отнюдь не походил на заброшенное кладбище. Там, где я видел огромные дыры и оплавленный металл, находились лишь ровные стены и благородная патина. На месте заснеженных развалин красовались облагороженные временем башни, ворота и шпили. Булыжные мостовые выглядели чистыми, словно их только что вымыли. В радостно перемигивающихся окнах снова стали целыми стекла. Но, что самое поразительное, в воздухе больше не ощущался привкус отчаяния. В городе не осталось живых, но он отнюдь не выглядел мертвым. Блистающие тут и там разноцветные искорки артефактов… струящиеся вдоль домов следы остаточной магии… радужные блики над покрытыми черепицей крышами… блистающие вдалеке купола храма… это было невероятное зрелище. Почти откровение. При виде которого я неожиданно понял, какой в действительности бывает темная сторона. И в полной мере осознал, что свою Тьму я действительно создал сам – угрюмую, пустынную и смертельно опасную для любого чужака. Все, что таилось в моей душе, отразилось здесь. Все, что я годами в себе убивал. Моя Тьма – это отражение меня. И если она оказалась такой невеселой… что ж, в этом виноват только я сам.

Тогда как Роберт оказался на редкость благоразумным мальчиком. И сумел интуитивно, но на удивление правильно распорядиться доставшейся ему силой.

Я глубоко вздохнул. А затем сжал доверчиво вложенные в мою ладонь детские пальчики и, глядя маленькому жнецу в глаза, неожиданно решился.

– Я, мастер Смерти Артур Кристофер Рэйш, здесь и сейчас, предлагаю Роберту Лернану Искадо ученичество. Клянусь беречь и защищать его жизнь, пока он не станет достаточно силен, чтобы делать это самостоятельно. Пусть Тьма и Фол будут мне свидетелями.

Мальчик вздрогнул и распахнул и без того расширенные глаза, едва не испортив торжественность момента. А через несколько мгновений во Тьме раздался его звенящий от волнения голос:

– Я, Роберт Лернан Искадо, здесь и сейчас, соглашаюсь стать учеником мастера Артура Кристофера Рэйша. Клянусь, что не предам его доверие и приложу все усилия, чтобы овладеть его наукой. Пусть Тьма и Фол будут мне свидетелями.

Наши ладони окутались плотным черным облаком, а затем в спину дохнуло явственным холодком. Мне даже показалось, что я слышу из темноту знакомый смешок. Но нам никто не помешал. А ещё через мгновение Тьма рассеялась. Я поднялся, с пониманием взглянув на слегка растерянную, но совершенно счастливую физиономию Роберта. Именно в этот момент почувствовал, что поступил правильно: этот мальчик слишком хорош, чтобы оставлять его обучение на волю случая. И я скорее сдохну, чем отдам его в руки Ордена или позволю кому-нибудь убить.

* * *

– Ты чего такой довольный? – с подозрением осведомилась Хокк, когда я подчистую уничтожил приготовленный Мартой ужин, мы с напарницей отправились в ГУСС. – Узнал что-то новое по делу? Или очередного моргула пристукнул, пока никто не видел?

Я только усмехнулся.

Чтоб она понимала… Не далее как полсвечи назад я грубо нарушил сразу десяток законов Ордена. Самовольно изменил давно известный ритуал. Нагло перефразировал условия клятвы. Утаил невероятно важные для храма сведения. Да ещё и взял на себя обязательства воспитать полноценного темного жнеца,

которого любой другой маг попытался бы уничтожить. Конечно, я был доволен. Причем, доволен вдвойне, потому что не так давно обнаружил, что ни я, ни Роберт не получили на предплечьях обязательную метку учитель-ученик. Милостью Фола Тьма скрыла от посторонних следы проведенного ритуала. А я после этого набросил на мальчишку дополнительную защиту. Так что теперь ни одна собака не прознает, что он жнец. И тем более никто не узнает, что он – мой ученик.

О том, что кто-то попытается претендовать на роль его учителя, я не беспокоился. Пока о способностях пацана не знает Орден, никому это даже в голову не взбредет. Именно по этой причине Хокк занималась с ним исключительно теорией. И поэтому же, несмотря на увечье, никто ее до сих пор не отозвал.

Осталась всего одна проблема – рано или поздно мальчику понадобится перстень. Поскольку свой я отдавать пока не планировал, то Роберту требовалась замена. Хотя бы для того, чтобы, если однажды я официально представлю его коллегам, были соблюдены все формальности. Обычно для этого использовались перстни ближайших родственников учителя. Чаще всего, отца или деда. Но, поскольку у меня таких перстней не имелось, то следовало найти что-то другое.

– Рэйш, ты в порядке? – снова спросила Хокк, когда я не ответил.

Я рассеянно кивнул, и больше по дороге мы не разговаривали.

В кабинете Корна, как следовало ожидать, к вечеру вновь собрались все начальники участков. Народ выглядел уставшим, а Йен и вовсе вымотанным до предела. Наверняка даже не прилег за целый день, хотя это было глупо. Вон, даже я уже не носился бешеной собакой по городу. Да и зачем, если над делом работали сотни сотрудников из всех столичных УГС? Причем хорошо работали. Круглосуточно, посменно. И это было эффективно. Это было правильно. А то, что творил Йен, так и норовя все сделать самолично, было НЕправильно. И Корн в весьма жесткой форме указал ему на ошибку. Я бы этого упрямца вообще домой отправил, потому что в таком состоянии от него было мало проку.

– Все понял, шеф. Исправлюсь, – тяжело вздохнул Йен, когда у Корна закончился запас цензурные и нецензурных слов. Рош с Эрроузом понимающе переглянулись – небось, по молодости сами такими были. А Хокк сделала вид, что ничего не слышала. После чего Корн сделал отмашку, и один за другим начальники отчитались перед ним за все, что было сделано за текущий день.

А работы было проведено по-настоящему много. Последние

четыре адреса, которые я им дал, оказались тщательнейшим образом проверены. На их владельцев подняли всю имеющуюся информацию, включая сведения о близких и дальних родственниках, о месте работы, потенциальной связи с другими жертвами, вредных привычках, часто посещаемых местах в столице, о любовниках и любовницах, о детях, внуках и даже правнуках, у кого они были… сыскари узнали абсолютно все, что только можно было выяснить за неполный день. И, разумеется, подняли всю имеющуюся документацию, чтобы убедиться, что дома на Линейной, Грозовой, Седьмой и Сорок второй улицах были построены по тому же принципу, что и остальные. А также соответствовали по расположению четвертому, пятому, шестому и седьмому знакам на схеме, если считать слева направо и с самого нижнего символа.

Более того, исходя из расположения этих зданий на карте, Норриди и остальные начальники участков сумели вычислить строения, которые могли бы соответствовать оставшимся символам. Теперь, когда адресов стало больше, задача уже не казалась невыполнимой. А когда среди них остались лишь дома, что находились в ранее составленном мною списке, то из почти сотни потенциальных мест преступлений мы получили всего полтора десятка наиболее вероятных. И это уже была цифра, с которой можно работать. С которой мои коллеги УЖЕ начали работать, да так, что к полуночи все подозрительные особняки были поставлены под круглосуточное наблюдение. Городская стража бдительно отслеживала все, что происходило в округе. Маги, в обязательном порядке входящие в состав патрулей, отслеживали любые изменения в магическом фоне… одним словом, все городские службы правопорядка находились в полной боевой готовности.

– Рэйш, тебе есть что добавить? – традиционно поинтересовался Корн, когда время перевалило за полночь, начальники участков закончили отчитываться, а иллюзорная карта на стене кабинета пополнилась новыми метками.

Я покачал головой – Мэл до сих пор не вернулся, поэтому дать точные адреса по оставшимся символам на схеме я пока не мог. Их и было-то всего пять. Но думаю, что не ошибусь, если предположу, что среди полутора десятков указанных коллегами зданий эта пятерка обязательно отыщется.

Собственно, на данном этапе Управление городского сыска сделало все, что могло, для раскрытия дела. Ловушки были разбросаны, ловчая сеть раскинута, многочисленные загонщики расставлены по местам. Оставалось только ждать результатов. Так что, когда совещание закончилось, народ потихоньку

разбрелся по коридору, но далеко от кабинета Корна не отходил. Все с тревогой и затаенной надеждой ожидали, когда же оживет один из множества переговорных амулетов на столе шефа или же сработает один из тех, что прихватили с собой Рош, Эрроуз и Норриди. С тревогой – потому что никто не желал получить известие о двух новых трупах. И с надеждой – потому что всем нам хотелось верить, что на этот раз убийцу или убийц остановят до того, как они завершат ритуал.

– Думаешь, у нас получится? – тихонько спросила Хокк, склонившись к моему уху. Сидела она, как и в прошлый раз, на подоконнике, игнорируя кресло, которое я принес. Но сидела удобно. Близко. И так, чтобы можно было разговаривать, не привлекая внимания роющегося в бумагах Корна.

Я едва заметно повел плечом.

– Может, да. Может, нет. Но я бы не стал надеяться, что убийца совершит ещё одну ошибку.

– За жильцами на Линейной ничего необычного замечено не было, – неожиданно повернулся к нам стоящий неподалеку Йен. Пока Рош и Эрроуз проветривались в коридоре, он в который уже раз принялся изучать карту столицы. И оказался настолько близко, что услышал наш разговор. – Это наш участок. И Тори дважды обошел дом по темной стороне. Все следы на месте. Ни один не пропал, как на Шестнадцатой. И посторонних следов парень тоже нигде не увидел.

– Вам не кажется, что мастер Норн довольно молод для такой работы? – в своей резковатой манере бросила Лора.

– Ему помогала Триш. И Лиза Шарье с помощью визуализатора. Но даже втроем они не нашли признаков того, что в доме готовится что-то скверное. Мы также установили слежку за жильцами, – неожиданно признался Йен. – Хозяева, двое их детей… даже за кошкой Тори успел побегать, но пока нет никаких данных, что за ними следит кто-то, кроме нас.

– Почему вы не сказали о слежке раньше? – вдруг поднял голову от бумаг Корн и внимательно уставился на Норриди.

Тот отвел взгляд, а я понимающе хмыкнул.

Норриди – маньяк. В хорошем смысле этого слова. А идея вычислить того, кто мог бы следить за жильцами, в действительности была не так уж плоха. Хотя, конечно, риск того, что преступник насторожится, возрастал в несколько раз. К сожалению, у Йена не слишком опытные следователи, да и маги не натасканы как следует. Ну, кроме Триш, пожалуй. Но раз именно она присматривала за Тори, можно было быть спокойным – Триш неглупая девочка и грубых ошибок наделать не должна.

Хокк, судя по всему, подумала о том же, потому что

выражение ее лица смягчилось.

– Шеф, как думаете, если попытаться устроить засаду на темной стороне, это сработает?

– Слишком опасно, – моментально отреагировал Корн.

– Но ведь во Тьме эманации света ощущаются лучше, – зашла с другого бока Хокк. – И с приличного расстояния, если уж на то пошло.

Я мысленно кивнул. Но вслух ничего не сказал, потому что, хоть мысль и была верной, Хокк ещё не знала, что излишки светлой магии убийца отводит на нижний слой. В каверны. Которые, кроме меня, никто в этой комнате ни видеть, ни посещать не способен. А я при всем желании не могу находиться в нескольких местах одновременно. Хотя ради справедливости стоило признать: если бы жнецов было больше, это могло бы сработать.

Пока Хокк увлеченно пыталась доказать шефу необходимость засады, в кармане у Йена тренькнул переговорный амулет. Все разговоры в комнате моментально стихли, головы присутствующих настороженно обернулись в сторону Норриди, а тот в это время с окаменевшим лицом выслушивал что-то от своих сыскарей.

– У нас два трупа, – сообщил он, подняв на Корна тяжелый взгляд. – Третья снизу метка на карте. Улица Базарная, шесть. Западный участок. И, шеф… дом входит в список Рэйша, но мы его опять проморгали.

Глава 3

Спустя три с половиной свечи я вышел на балкон чужого особняка и, облокотившись на чугунные перила, во второй раз за последние месяцы понял, что отчаянно хочу курить. Причем настолько, что если бы не был темным, то непременно бы уже затянулся. Но увы. Наличие темного дара требовало жесткого контроля над эмоциями, поэтому ещё десять лет назад я решил, что больше ни к куреву, ни к алкоголю не притронусь. И неукоснительно соблюдал самим же собой придуманные правила.

Зато ночь сегодня выдалась теплой, без дождей и ветра. Взошедшая луна то заливала небольшой палисадник перед домом серебристо-желтым светом, то снова стыдливо пряталась за облаками. И если бы не суетящиеся внизу люди, можно было бы подумать, что боги создали эту тихую ночь специально для размышлений.

Я стоял и думал. Вспоминал. Оценивал.

Очередное убийство походило на предыдущее вплоть до мельчайших деталей. Два трупа: светлая магиня и темный маг. Место преступления – один из особняков, которые мы как раз сегодня отметили на карте и за которым ещё с утра было установлено наблюдение. Способ убийства аналогичный – удар кинжалом в грудь. Вспоротые животы, вываленные на стол кишки, отрубленные головы… все атрибуты ритуального убийства налицо. А самое главное, время… строго первая свеча после полуночи. И мы, даже зная об этом, бездарно упустили преступника. Так что у Корна был повод злиться.

Нет, к дежурившим на улице ребятам из городской стражи претензий у меня не нашлось – амулеты правды подтвердили, что все утро, день и даже три свечи назад улица Базарная была на редкость тихой и пустынной. Ни подозрительный прохожий не пробегал, ни единой драки не случилось за время наблюдения. Если бы не вырвавшиеся на волю вестники смерти, которые и были замечены дежурными магами, мы бы прибыли с опозданием не на полсвечи, а на день или даже на два. Но и так, по горячим следам, ни один из магов не уловил рядом с домом ни малейшего изменения магического фона. Никто в этот дом не входил. Никого рядом с ним не видели. Ничто не указывало на то, что незадолго до появления вестников в здании был проведен ритуал жертвоприношения. Вообще ничего, понимаете?!

Я прикрыл глаза, рассеянно слушая чириканье воробьев на ветках деревьях. Им не положено было подавать голос в это время суток, но приезд сыскарей, да ещё в таком количестве,

растревожил птичье семейство, и теперь они бурно высказывали свое возмущение.

– Что скажешь, Рэйш? – на балкон почти неслышно выбрался Корн и так же, как я, оперся на литые перила. – Здорово мы облажались, да?

Я покосился на шефа, но тот выглядел не так уж плохо. Особенно, если учесть, что не так давно этот человек, вопреки предупреждению целителей, лично спустился в подвал, пробыл там порядка половины свечи, все осмотрел, изучил и на своем горбу выволок в коридор обезглавленное тело вместе со столом, на котором оно лежало.

Сейчас лицо Корна выглядело абсолютно непроницаемым. Но судя по тому, как в темноте светилась его кожа, света он хватанул внизу от души.

Подумав, я снял перчатку и положил руку ему на плечо. Призвал Тьму. Подержал, пока на камзоле не выступил иней, а затем снова убрал руку. И, получив от шефа благодарный кивок, убедился, что правильно понял причину его появления на балконе.

– Как это было сделано? – спросил я, снова уставившись в темноту.

– Ближе к полуночи в кабинете хозяина дома появилась бумага, из которой следовало, что господину Вальду следует немедленно явиться в западное Управление городской стражи. Причина вызова не уточнялась. Письмо, со слов, господина Вальда, прилетело с улицы. У него в то время окно было открыто. Способ доставки показался хозяину дома несколько странным, но, поскольку все печати стояли на месте, то Вальд… светлый маг, кстати… не заподозрил подвоха. Наши наблюдатели видели, как он уезжал в кебе, но, поскольку господин Вальд не выглядел встревоженным или озабоченным, то в набат не забили. Мало ли какие дела могут быть у уважаемого мага? Пока он доехал до места, пока добился от сотрудников Управления, почему Жольд не может его принять, пока выяснил, что Норриди тоже нет на месте… времени прошло прилично. Двое его сыновей – студенты Королевского университета Алтира – еще три недели назад уехали с группой на практику. Куда-то в пригород. Так что супруга господина Вальда – леди Шарэн – этой ночью осталась дома одна.

– Это ее тело я принес с чердака?

Корн хмуро кивнул.

– Из Ордена уже пришло подтверждение: один из вестников принадлежал ей.

– А второй?

– Его звали мастер Ундо Рэй. Наш внештатный (*оставил работу по выслуге лет*) консультант и твой коллега, который вообще неизвестно, как здесь оказался.

Я промолчал.

Если никто не видел, как мастер Рэй сюда попал, оставалось думать, что убийца привел его с собой. А поскольку единственным способом это сделать было пройти по темной стороне, то мое предположение обретало все больше подтверждений. Наш исполнитель – темный маг. Изначально я, правда, заподозрил, что мы имеем дело со жнецом, но Ал сказал, что больше ни в ком в столице не чувствует своей частички. Значит, остается маг. Даже не жрец, потому что ни одному жрецу не под силу долго находиться на темной стороне за пределами храма.

– Рэя взяли тихо, – обронил Корн через несколько мгновений. – Два дня тому его видели соседи. К кому-то он заглянул в гости. Зашел в несколько лавочек на соседней улице, купил обычные для горожанина товары: продукты, вино, парочку амулетов. И с виду с ним все было в порядке. Однако ни вчера, ни сегодня он на улице уже не появился. Поскольку иногда он запирался на пару-тройку дней и работал над каким-нибудь заклинанием, то никто не обеспокоился и в Управление весточку не подал. Зато в его доме все вверх дном перевернуто, на стенах остались следы от боевых заклятий и сработавших ловушек. Однако никто из соседей ничего не видел и не слышал.

– Вы предупредили его об опасности?

– Как и всех сотрудников. Старик был крепким орешком, без боя не сдался. Но по-видимому, тот, кто за ним пришел, поставил на дом защиту. И увел оттуда Рэя по темной стороне, потому что никаких экипажей или подозрительных личностей с крупной ношей за эти двое суток на улице не появлялось.

Я снова промолчал. А про себя подумал, что у убийцы и впрямь есть четкий план действий. Все его жертвы, как и места преступлений, были намечены заранее. Чета Ольерди, Улисс и Рисс, теперь вот Вальд и Рэй… он даже человека Вернона Искадо сумел на чем-то подловить! И все это проделал мастерски. Быстро, тихо и незаметно. Более того, он свободно перемещался по темной стороне. У него имелись ловкие помощники. И даже личности, а может всего одна личность, которая под видом посыльного выманивала ненужных свидетелей и оставляла дома только тех, кто был необходим для ритуала.

А ведь того же Вальда можно было просто убрать. Зачем возиться с письмом, куда-то выслать мага из его собственного дома, да ещё стараться сделать это так, чтобы причина ухода

выглядела убедительно? Почему было просто не связать его и не бросить в подвале? Почему не убить? Получается, преступник не стремится к лишней крови? Необычно для человека, десятки лет готовившегося к такому сложному обряду. Столько лет резал невинных в лаборатории, а тут вдруг озаботился чужим благополучием?

– Сколько прошло времени с момента убийства до появления вестников на улице? – спросил я, нарушив воцарившееся молчание.

– Если наши маги правильно установили время смерти, то около половины свечи.

– Много.

– Слишком много, – согласился Корн. – Но, думаю, это защита виновата – во время ритуала излишки магии, как и в предыдущих случаях, ушли именно в нее. Не все, иначе она бы сгорела, но этого хватило, чтобы придержать вестников на целых полсвечи, а убийца в это время успел уйти. Расчетливый сукин сын!

– То есть, дежурные маги, войдя в дом, совсем никого не застали? – уточнил я.

– Даже следов не нашли. Ни звука, ни отпечатка… только магический фон в доме оказался чересчур высоким, да Тьма потихоньку сочилась с чердака. Как считаешь, сколько убийце понадобилось времени на ритуал?

Я усмехнулся.

– На подготовку – не менее половины свечи. Но если ее проводили на темной стороне, то в реальности это могут быть мгновения. Меня больше волнует вопрос с помощниками. Вы ведь не нашли тел?

– Думаешь, обряд их не убил? – моментально среагировал шеф.

– Думаю, они вообще не живые, – признался я. – Убийц с нужными навыками в городе не так уж много. Каждый раз нанимать новую пару было бы хлопотно. Люди же не идиоты. Если не вернулась первая пара, затем вторая, третья… кто пойдет наниматься потом? Разве что силком их заставить? Что творится в подвале, вы видели – света столько, что даже вам нельзя долго там находиться. На чердаке тем более. И это, заметьте, спустя некоторое время после ритуала. Скорее всего, во время убийства уцелеть там вообще очень сложно. Но мы ни в одном доме не нашли чужих тел. А помните, в каком виде была крыса на Аллейной?

– Обгорела, – машинально отозвался Корн. – Ты прав. Она находилась почти в эпицентре и все равно не испарилась. От

человека должно было остаться больше. Кстати, подозрительных трупов, которые можно было бы связать с этим делом, до сих пор нигде не нашлось. Наши информаторы тоже молчат: криминальный мир в Алтире пока спокоен. А раз так, то или убийца привез подельников с окраин и после ритуала забирает их трупы с собой, или же они остаются целыми и уходят вместе с ним. Но тогда для них должны быть одинаково фиолетовы что Тьма, что концентрированный свет. А на это способны только мертвецы. Особенно, если хозяин снабдит их хорошей защитой… Тьма! Рэйш, почему ты раньше мне не сказал?!

Я невесело хмыкнул.

– Потому что сам лишь недавно об этом подумал.

– Демонова бездна… – у Корна забавно вытянулось лицо. – Значит, мы и впрямь имеем дело с темным магом?

– Или с тем, у кого в подчинении есть темный маг. Причем не один, потому что обычный маг не сможет поднять полноценного зомби, а некросу нет ходу на темную сторону.

Шеф сжал челюсти.

– В Ордене все темные наперечет. Всех мы недавно проверили. Местных, приезжих… особенно тех, кто появился в столице недавно.

Перехватив брошенный вскользь взгляд, я фыркнул.

– А вот этого не надо. В последние двое суток я почти безвылазно торчал у вас в кабинете. А когда не торчал, то Хокк не даст соврать – ничего предосудительного я в это время не сделал.

– Знаю, – буркнул шеф. – Только поэтому ты здесь, а не сидишь в соседней с Шоттиком камере.

– Вы узнали, кто продал Вальдам этот дом? – словно не услышал я.

– Пока нет. Но к вечеру мне обещали добыть нужную информацию.

– А что насчет предыдущих жертв?

Корн насупился.

– Большинство сделок по этим домам оказались фиктивными. По факту, с момента гибели или отъезда из столицы предпоследних владельцев долгое время никто не предъявлял прав на недвижимость. Но и бесхозными эти здания не числись, поэтому во владение города так и не отошли. Недоработка отдела учета, я думаю. Да, как с лабораторией. Зато документы купли-продажи на нынешних владельцев оформлены безупречно. Бланки настоящие. Подписи и печати, конечно, поддельные, имена продавцов вымышленные и каждый раз разные, но подделки настолько хорошего качества, что даже мои спецы удивились. Записи о продаже домов последним владельцам в

Палате регистрации присутствуют, но были внесены туда задним числом и совсем не теми, кто, по документам, должен был их заносить. Качество исполнения почти безупречное. Зацепиться можно лишь за смазанные печати в журнале. Пока неизвестно, чья это работа, и почему за столько лет фальшивки не вскрылись, но я обязательно это выясню.

Я мысленно хмыкнул.

Очень в этом сомневаюсь. Большинству сделок не одно десятилетие. И если по тем, что были заключены пять-шесть… максимум десять лет назад, шансы докопаться до правды еще есть, то документы двадцатилетней и тридцатилетней давности вы вряд ли проверите. Скорее всего, люди, которые отвечали в то время за оформление сделок, уже не работают в Палате регистрации. С высокой долей вероятности они уехали из столицы, мертвы или числятся пропавшими без вести. Наш убийца жесток, но в меру. Он не льет лишней крови, однако и потенциальных свидетелей в живых не оставляет. В этом мы уже убедились. Хотя, конечно, было бы любопытно узнать, как он сумел провернуть столь грандиозную аферу.

Пока я размышлял, из комнаты снова послышались шаги.

– Шеф, мы закончили: тела осмотрены, замеры сделаны, опись проведена, обстоятельства дела зафиксированы на кристаллы, – доложила Триш и, заметив меня, приветливо кивнула. – Доброй ночи, мастер Рэйш. Я вас сегодня еще не видела.

– Где Йен? – поинтересовался я. – Еще живой или его пора нести домой на руках?

– Живой, но скоро придется нести, – едва заметно улыбнулась девчонка. – Шеф, что дальше?

Корн вздохнул.

– Кто освободился, пусть отдыхает. Передай Норриди, чтобы оставил дежурных и отправлялся спать.

– Есть! – вытянулась Триш и мгновенно умчалась.

– Рапорт жду к обеду, – на всякий случай напомнил шеф, повернув голову мою сторону. – Совещание в два пополудни. Потом отдыхать. Но к ночи чтобы снова были у меня.

Я молча кивнул, а про себя подумал, что отдыхать нам всем точно будет сегодня некогда.

* * *

Когда Корн ушел, я спустился на первый этаж и отыскал Йена.

Триш оказалась права: Норриди находится на последней стадии переутомления. Нет, он вполне бодро ходил из комнаты в комнату, отдавал довольно разумные распоряжения и совершенно не стеснялся руководить людьми Роша и Эрроуза, которые по приказу Корна тоже прибыли на место преступления. Собственно, если бы не они, мы бы провозились тут до утра. Но Йен не был бы Йеном, если бы не попытался бдить до последнего. И он остался крайне недоволен, когда я лично передал ему приказ Корна и в мягкой форме посоветовал выметаться вон.

Само собой, Триш, Тори и Хокк нашлись там же – все они после пребывания в «колодце» были вынуждены работать простыми следователями. Остальным Корн категорически запретил выходить на темную сторону. Даже Эрроузу, который не успел восстановиться после своей дурацкой выходки. Так что львиную долю работы во Тьме мне пришлось делать самому. Зато Триш и Тори существенно сэкономили мое время, пройдясь по особняку с визуализаторами и зафиксировав происходящее на запоминающие кристаллы. Ну, за исключением подвала и чердака.

С телами прямо в коридоре работала Лиз под присмотром Хокк и пары магов Роша. Вчетвером они сноровисто провели весь комплекс первичной диагностики, сделали описание, засняли весь процесс на кристаллы и благополучно отправили тела в «холодильник». К Ливу Херьену, которого тоже ждала бессонная ночь.

Убедившись, что ребята и впрямь закончили, я напомнил Хокк о необходимости смены амулета. Затем проследил, чтобы народ расселся по кебам, и только тогда покинул место преступления. Правда, домой сразу не пошел – прекрасно зная упрямство друга, я сперва за ним проследил. Не удивился, когда узнал, что Триш согласилась составить ему компанию. Но обнаружив, что вместо общежития этот болван назвал кебмену адрес Управления, просто-напросто его усыпил. Тихо, незаметно. Так, чтобы это выглядело естественно. Затем остановил экипаж, вышел из Тьмы, назвал испуганно ойкнувшему вознице правильный адрес, коротко отчитал Триш и заставил ее поклясться, что она доставит Йена в служебную квартиру. И лишь тогда ушел во Тьму, полностью успокоившись за здоровье друга.

Хокк мою отлучку никак не прокомментировала. Ни пока мы в молчании добирались до дома. Ни пока сметали со стола поздний ужин. Она ничего не сказала даже когда Нортидж «отключил» ее от истощившегося амулета и «подключил» к главному накопителю. Зато поутру, когда мы встретились за завтраком, леди-маг одарила меня крайне задумчивым взглядом.

И перед уходом демонстративно убрала в карман переговорный амулет, с помощью которого, я так полагаю, уже успела выяснить необходимые подробности.

Писать отчеты мы отправились в разные концы города: мои бумаги ждали меня в западном Управлении; ее, разумеется, в ГУССе. Но если ей вряд ли кто-то препятствовал в выполнении должностных инструкций, то меня прямо на пороге встретил мрачный донельзя Йен. И, жестом указав на свой кабинет, собственноручно закрыл за мной дверь.

Хм. Громко так закрыл. С чувством. А потом целых полсвечи выражал негодование моим вчерашним поступком. В разгар этого прочувствованного монолога в дверь просунулась трепаная Сенькина голова и осторожно поинтересовалась, будут ли господа сыскари сегодня завтракать. Я, естественно, не отказался. И, поскольку на фоне аппетитно жующего меня орать было неуместно, Йен вскоре сдулся. После чего с мрачным видом уселся за стол и подтянул к себе блюдо с бутербродами.

– Какого демона, Арт! – с досадой бросил он, утолив первый голод и вперив в меня сердитый взгляд. – Зачем ты опозорил меня перед сотрудницей?!

Я вытер губы салфеткой.

– Я не опозорил, а всего лишь напомнил, что ты такой же человек, как и остальные.

– Мне об этом напоминать не надо, – буркнул Норриди.

– А я не тебе напомнил, – усмехнулся я. – Надеюсь, с Триш вы все-таки поговорили?

У Йена едва заметно порозовели скулы.

– Не твое дело.

– Смотри, очарует ее какой-нибудь маг, и тогда не видать тебе девчонки как своих ушей.

– Я сказал: это не твое дело! – отрезал Норриди, снова повысив голос.

Я угукнул, бросил салфетку в мусорную корзину и оставил раздраженного друга наедине с недоеденным завтраком. Авось, когда насытится, поумнеет. Ну а если нет… что ж, я и без того сделал больше, чем надо.

– Привет, молодежь, – заявил я, пинком распахнув дверь в комнату магов, где уже вовсю трудились Лиз, Тори и Триш. Ребята выглядели отдохнувшими, над сферами то и дело вспыхивали и исчезали многочисленные экраны, в соседнем кабинете Брил и Торн усиленно строчили отчеты и перебирали вчерашние кристаллы. Так что к обеду у нас наверняка будет миллион и одна подробность о жизни невезучих обитателей дома номер шесть по Базарной улице.

Впрочем, многое сыскари успели сделать и сейчас – команда Йена окончательно сработалась, а недостаток опыта с лихвой восполнился к месту пришедшейся Триш. Стоило мне поинтересоваться ходом расследования, как отвлекшаяся от сферы Лиза охотно вывалила на меня целый ворох сведений касательно последней пары жертв.

Оказывается, супруга господина Вальда увлекалась бытовой магией и в частности магией вкуса. Более того, семейная пара владела ресторанчиком на левом берегу Фемзы и в качестве особого блюда предлагала посетителям попробовать еду, приправой к которой служили именно заклинания. Вариантов их использования госпожа Вальд придумала массу. В меню была и «светящаяся» рыба, и мороженое с эффектом «взрыва», и «самоприготавливающийся» стейк, который проходил все стадии от свежего до хорошо прожаренного мяса прямо в тарелке у посетителя…

Клиентам это понравилось, и всего за пару лет ресторанчик стал довольно популярным. Правда, широкую известность чете Вальдов принес не столько он, сколько пожертвования, которые пара регулярно отчисляла в храм.

Супруг, само собой, не имел к ее смерти ни малейшего отношения. Задержанный до выяснения обстоятельств, он уже этим утром был отпущен со всеми полагающимися извинениями. Известие о смерти жены он пережил нелегко. Да и потом, если честно, не представляю, как он будет вести дела в одиночку и каждый день возвращаться в осквернённый дом, где еще как минимум неделю будут толкаться люди из Управления городского сыска.

Насчет мастера Рэя сведений оказалось не меньше, но я все же предпочел посетить его дом лично и большую часть утра потратил на осмотр наполовину разрушенного жилища, в котором не осталось ни одного целого предмета мебели.

Судя по следам заклинаний на стенах, пожилой маг, хоть и не ожидал вторжения, сопротивлялся отчаянно. Да, входная дверь не была повреждена, зато большинство помещений первого этажа и даже часть на втором оказались безнадежно разрушены. Поскольку бывших сыскарей не бывает, то я не удивился, обнаружив в стенах дома как защитные, так и массу атакующих заклинаний, которые, по-видимому, и стали причиной погрома. Однако нападавших они не только не остановили, но, вероятно, почти не задержали, потому что ни следов чужой магии, ни крови, ни фрагментов тел, даже отпечатков лап нежити я не увидел. Вообще ничего, достойного внимания, кроме, пожалуй, двух подозрительных насечек на полу в спальне. Все выглядело

так, как если бы кто-то ворвался в дом пожилого мага, разнес там все по камешку, а затем спокойно ушел, прихватив с собой очередную жертву для ритуала.

Пока я бродил по разгромленному дому, впервые за двое суток ожил мой поводок. Еще через некоторое время Тьма заволновалась, и мне пришлось уйти на темную сторону, чтобы перехватить вернувшегося с задания Мэла.

Я встретил его с нетерпением и надеждой. И он не подкачал – теперь у нас появились точные адреса будущих убийств. Все четыре из тех, что еще оставались под сомнением: улица Звенящая, Сенная, Золотая и Солнечная. Наконец-то!

– Мэл, ты молоток, – с чувством сказал я, выслушав короткий доклад. – Отличная работа.

Мэл невозмутимо кивнул, но по поводку пришла эмоция удовлетворения. А когда я сплел в воздухе огромный шар из темного огня и отправил в сторону служителя, он даже глаза прикрыл от удовольствия. При этом, когда Тьма впиталась, по его телу пробежала короткая дрожь, паучьи лапы впились когтями в пол, человеческий торс, ставший за последние дни ещё массивнее, выгнулся назад едва ли не до хруста. После чего бывший Палач запрокинул голову и довольно выдохнул:

– Хор-р-рошо-о… спасибо, Арт. Это было очень кстати.

Глава 4

До обеда я успел ещё раз пообщаться с Ливом, осмотреть тела и даже заглянуть в ресторанчик Вальдов, чтобы убедиться, что никакого криминала за ним не водилось. Дела супруги вели на удивление чисто, вопросов у городского сыска ни разу не вызвали и исправно отчисляли налоги в королевскую казну. Госпожу Шарэн сотрудники уважали и в голос утверждали, леди была замечательной хозяйкой. Именно на ее идеях и энтузиазме держался ресторан, тогда как господин Вальд больше занимался техническими вопросами.

Нет, в последнее время в поведении супругов сотрудники ничего особенного не заметили. Леди не жаловалась на плохое самочувствие, не выглядела встревоженной, не водила нехороших знакомств и беременной определенно не была. Да, имелся у нее небольшой пунктик – госпожа Шарэн не любила пеших прогулок, поэтому по городу передвигалась исключительно в экипаже. Но накануне никто из сотрудников не заметил, чтобы возле ресторана болтался подозрительный кеб. А уж о ссорах между мужем и женой никто из поваров за десять лет работы даже не слыхивал. И никто из них не имел отношения к убийству – все ауры у подчиненных господина Вальда оказались девственно чисты.

С ним самим, правда, пообщаться не удалось – когда я вернулся в дом, убитый горем супруг оказался не в состоянии отвечать на вопросы. Не потому, что не хотел, а по той простой причине, что успел опустошить несколько бутылок какого-то крепкого пойла и к моему приходу попросту спал.

Будить его я не стал. Но не поленился обойти особняк во второй раз, уже при свете дня, и, не увидев в нем ничего нового, с чувством выполненного долга отправился в храм. Может, отец-настоятель все же ответит на несколько моих вопросов?

Увы. Отец Гон до сих пор не вернулся, поэтому вплоть до обеда я проторчал в каверне, истратив почти весь резерв и большую часть запаса цензурных слов на восстановление статуи Рейса. Выбирая между ним, Солом и Абосом, я все-таки решил начать с бога войны, наивно полагая, что управлюсь с ним быстрее остальных.

Ага, щаз!

Как бы это ни странно звучало, но с Рейсом я намучился чуть ли не больше, чем с Фолом. Небольшие по размерам осколки, на которые, я, честно говоря, возлагал большие надежды, оказались вдвое тяжелее тех, что лежали у постамента владыки ночи. Сил

на что, чтобы просто поднять их с пола, уходило немеряно. А сколько времени мы потратили, пока наловчились делать это с минимальными потерями! Неудивительно, что вскоре после полудня Ал измученно стек на пол, а я был вынужден вернуться домой и почти на свечу заперся в схроне, мысленно похвалив себя за то, что ещё с утра договорился с Хокк отправиться на совещание к Корну порознь.

Амулет для нее я, разумеется, захватил с собой, чтобы не подпитывать леди из собственного резерва. Но и это меня не спасло – после плотного общения с Рейсом спать хотелось зверски. Видимо, воинственный бог зачем-то вознамерился вытянуть из нас с Алом все силы. А может, я просто начал злоупотреблять свойствами схрона, поэтому за целую свечу в реальном мире почти не отдохнул. Соответственно, на совещании у шефа откровенно зевал и слушал коллег вполуха. Особенно там, где знал, что не узнаю ничего нового.

Наконец, Корну надоело смотреть, как я клюю носом, и он потребовал подробный отчет с места последнего преступления. Отчет я ему дал. Правда, довольно краткий. А чтобы шеф не бухтел, выложил на стол адреса, которые добыл Мэл. После этого от меня тут же отстали, народ сгрудился вокруг карты, принявшись обсуждать новые координаты и терзать переговорные амулеты. А когда по нужным адресам выдвинулись команды из темных и светлых магов, на лицах присутствующих впервые за несколько дней появились усталые улыбки.

– Хорошая работа, Рэйш, – смягчился Корн, когда я в очередной раз не сумел подавать зевок. – Иди, отоспись. Но к десяти чтобы вернулся.

– Как скажете, шеф, – вяло согласился я, зевнув, наверное, в сотый раз. После чего прямо так, из кресла, ушел на темную сторону. Уже там встряхнулся, благо Тьма всегда действовала на меня отрезвляюще. И, поблагодарив ее за способность приглушать даже очень сильную усталость, отправился домой – спать. На этот раз по-настоящему, потому что подозревал, что до следующего обеда такой возможности не будет.

Проснулся я поздним вечером и тут же затребовал у Мэла полный отчет по его перемещениям в столице. Затем накормил его Тьмой, в темпе собрался и, уточнив, сколько осталось времени до полуночи, метнулся в Белый квартал. К Роберту, который, как и вчера, ждал меня с нетерпением. Правда, на этот раз он смотрел не в окно, а на дверь, сквозь которую я с легкостью прошел по темной стороне.

– Почему на вас на срабатывают защитные заклинания? – спросил мальчик, когда я бегло огляделся и с удивлением

обнаружил на окнах несколько новых знаков. – Отец сегодня снова привел того темного, чтобы он обновил защиту.

Ах, вот кто успел тут похулиганить…

– Отец сказал, что мимо нее не пройти незаметно даже архимагу.

Я кивнул.

– Да, защита неплоха. Но я не архимаг, поэтому против меня она не работает. Против тебя, кстати, тоже, так что собирайся. Нам опять пора прогуляться.

Маленького лорда не надо было упрашивать дважды – в мгновение ока надев загодя припрятанные сапоги, он вытянулся, как солдат во время построения, и уставился на меня горящими от любопытства глазами. Кое-что изменив в защите, я без лишних слов утащил пацана на темную сторону. Но на этот раз не стал тратить время на объяснения, а открыл прямую тропу прямо в комнате. И увел на нее ученика, ни на миг не усомнившись, что Тьма его не заденет.

Так оно и вышло – переход Роберт перенес прекрасно и, оказавшись в незнакомом месте, лишь с интересом завертел головой, не рискнув, впрочем, отойти от меня дальше, чем на пару шагов.

– Где мы, мастер Рэйш? Что это за место?

– Кладбище, – ухмыльнулся я, мазнув взглядом по наполовину вросшему в землю валуну, где не так давно умерла Элен Норвис. – Старое, никому не нужное и почти пустое. Самое то, чтобы ты мог тренироваться.

Роберт завертел головой с удвоенной силой, а я в это время прошелся вдоль кладбищенской ограды. Внимательно оглядел могильные холмики, заглянул в пустой овраг. А когда убедился, что люди Корна не оставили после себя неприятных сюрпризов, удовлетворенно кивнул. Отлично. Ни «следилок», ни «сигналок», ни защиты. И ни одного свежего следа поблизости. Это означало, что с делом Элен сыскари действительно закончили, и нам не надо опасаться незваных гостей. Нежить, если она тут осталась после появления Поводыря, сыскари распугали. Ни одного мага на несколько дней пути днем с огнем было не сыскать. Магический фон тут еще на пару лет останется повышенным. Так что безобразничать мы могли сколько угодно, не боясь привлечь к себе внимание.

– Вот твоя первая цель, – сообщил я, указав Роберту на громадный валун. – Сделай так, чтобы я смог прочитать на нем имя твоей прабабушки по материнской линии.

У мальчишка глаза стали как два блюдца.

– Леди Офильерделии?! Вы серьезно?! А почему не мое? И не

ваше?

– У нас имена короткие, – совершенно серьезно отозвался я, и Роберт ошарашенно кивнул.

– А-а… а каким образом это можно сделать?

– Любым. Главное, не разрушить валун и не шуметь. Задача ясна?

– Да, мастер Рэйш.

– Тогда работай, – велел я.

На всякий случай поставив вокруг кладбища защиту, я оставил ученика искать решение задачи, а сам отошел в сторонку, следя за ним краем глаза. Так, воспользоваться Тьмой он все-таки додумался. Выбрал подходящий инструмент и, кажется, окончательно забыл, что совсем недавно был светлым. А вот пользоваться этим инструментом Роберт ещё не умел – сформировавшись в некое подобие хлыста, Тьма бестолково металась от валуна и обратно, оставляя на камне лишь глубокие борозды, мало походящие на нормальные буквы.

– Мэл? – тихо позвал я, спрятав улыбку.

– Я здесь, – едва слышно шепнули слева от меня, и воздух там едва заметно поплыл, на миг очертив фигуру служителя. – Хорошее место для учебы. Не боишься оставлять мальчишку без присмотра?

Я мысленно улыбнулся. Надо же, Мэл начать задавать вопросы…

– Убиться во Тьме ему не грозит. А мелкие раны она сама ему подлечит.

Бывший Палач помолчал, а затем осторожно заметил:

– Мне показалось, вы с ним похожи. Ваша сила исходит из одного источника. Только твоя несколько жестче и более четко структурирована, а его…

Мэл вдруг издал странный звук.

– По-моему, ты зря не дал ему более конкретное задание.

Я проследил за его взглядом и тихо присвистнул – вокруг мальчишки сгустилась Тьма. Соткавшись огромным коконом, она накрыла могилы сплошной черной пеленой и время от времени выстреливала в сторону валуна длинными тонкими лизунами. При этом они частенько задевали покосившиеся надгробия, и те от удара совершенно беззвучно заваливались набок, а порой просто растворялись у нас на глазах.

– Роберт, что ты делаешь? – полюбопытствовал я, заставив юного лорда замереть. – Планируешь перекопать холм для новых посадок? Тебе кажется, что селянам не хватает обычных огородов?

Роберт прикусил губу.

– Я… боюсь, у меня не получается ей приказывать, мастер Рэйш.

– А ты не приказывай, – посоветовал я. – Попробуй работать с ней напрямую. Как со знаком.

Мальчишка задумался, и призванная им Тьма недоуменно застыла.

– То есть, я неправильно ее использую? И напрасно попросил написать на камне имя прабабушки?

– Мне кажется, Тьме неизвестен алторийский алфавит, – спрятав улыбку, сообщил я. – Но от карандаша этого и не требуется. Ты так не считаешь?

Роберт густо покраснел. После чего одним движением развеял облегченно вздохнувшую Тьму и создал из нее подобие стило. Затем подумал. Подошел к камню вплотную. И решительно начертал на нем заковыристое бабушкино имя, словно держал в руке не Тьму, а обычный карандаш.

– Теперь уничтожь камень, – велел я, когда он обернулся и взглядом спросил, что надо сделать еще.

Роберт удивленно вскинулся, а затем перед ним соткался большущий черный кулак и коротко стукнул по изуродованному валуну. Ни пыли, ни грохота, ни летящих в сторону осколков… громадный булыжник просто осыпался горкой пыли и с тихим шорохом стек под ноги маленькому жнецу.

– Неплохо, – скупо оценил его способности Мэл. Достаточно громко, чтобы его услышал не только я.

Роберт вздрогнул от неожиданности и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

– М-мастер Рэйш?!

– Не бойся, – хмыкнул я, когда за спиной ученика соткался еще один кулак из Тьмы. Побольше разика этак в три. – И убери свою Тьму. Думаю, пришла пора тебя кое с кем познакомить.

* * *

Признаться, мне было интересно наблюдать за реакцией Роберта, когда прямо перед ним из пустоты проступил силуэт Палача. Сейчас Мэл был почти одного роста с мальчиком. Правда, в плечах он оказался намного массивнее, а две пары рук, одна из которых заканчивалась костяными секирами, делали его ещё более внушительным. Целиком он маленькому жнецу не показался – по поводку я ощутил легкое беспокойство, словно Мэл не хотел напугать пацана. Но в глазах Роберта не было испуга – на покрытую жидким серебром фигуру он смотрел не со

страхом, а с восхищением. И по мере того, как Мэл становился все более материальным, а защита сползала с него, как пленка, в глазах юного лорда зарождалось нечто, чему я не сразу сумел подобрать определение.

Выпрямившись во весь свой, теперь уже немаленький рост, Мэл подступил к мальчику вплотную и чуть наклонил голову, изучая благоговейно замершего лорда. Затем защита на его теле окончательно истаяла, и осталась только маска – безликая, сверкающая благородным серебром и не дающая рассмотреть пугающие бельма на месте глаз, которых Мэл старался никому не показывать.

– Кто ты? – прошептал Роберт, зачарованно глядя на бывшего Палача. Длинные паучьи лапы его ничуть не пугали, покрытое жестким ворсом тело не произвело должного впечатления. Потому что он неотрывно смотрел на спрятанное под маской лицо и прикрытые броней глаза, словно и впрямь мог их увидеть.

И вот тут с Мэлом произошло нечто странное.

Качнувшись вперед, он в какой-то момент оказался так близко, что они с мальчиком едва не столкнулись лбами. Тяжелый взгляд Палача впился в расширенные зрачки юного лорда. Паучье тело напряглось. Сильные пальцы сжались в кулаки. За спиной мальчишки в это время снова сгустилась Тьма. А по поводку вдруг пришла такая эмоциональная буря, что я счел за лучшее вмешаться.

– Мэл!

– Опасен… – вдруг прошептал бывший Палач, в какой-то растерянности отступив на шаг. Затем так же растерянно опустил секиры и, повернув ко мне голову, едва слышно повторил: – Опасен… сломать или уничтожить!

Поводок ощутимо тряхнуло, заставив меня развернуться к служителю всем корпусом и закрыть собой оторопевшего ученика. Мои руки тоже окутала Тьма. Но Палач и не думал нападать. Вместо ярости или злости по поводку вдруг пришла тоска… а следом за ней боль и такое отчаяние, что я сам не понял, как оказался рядом с Мэлом. И даже не почувствовал, как его пальцы с силой впились в мои предплечья.

Всего один рывок, и наши лица оказались друг напротив друга. Глаза в глаза. Молча. Страшно. И так близко, что даже поводок уже не понадобился, чтобы увидеть и почувствовать, что с духом-служителем происходит что-то непонятное. Зеркальная маска слетела с него мгновенно. На искаженном судорогой лице появилась жутковатая гримаса. Из раскрытого рта вырвался глухой стон. А затем поводок, раньше служивший тонким мостиком между нашими душами, внезапно рассыпался в пыль, и

то, от чего раньше меня защищало расстояние, обрушилось на мой разум ревущим водопадом.

Я видел Алтир… таким, каким он был, наверное, пару-тройку столетий назад. Тогда деревянных домов в столице строилось не в пример больше, чем сейчас, а улицы не казались такими чистыми.

Я видел лица… мужские, женские, детские… Слышал ласковый шепот в ночи. Игривый смех. Попеременно то возмущенные, то радостные и даже восторженные крики. Не раз гулял по зеленым аллеям, любуясь отражением звезд в прозрачной глади прудов. До беспамятства кутил с друзьями в трактирах. В охотку участвовал в дуэлях. С гордостью принимал присягу на площади перед королевским дворцом. А потом с торжественным видом стоял у алтаря, держа в руках обручальный браслет и смотрел в прекрасные, бесконечно любящие глаза напротив…

Затем были громкие здравницы, слепящий свет магических светильников, жаркие объятия, неистовый шепот в ночи и мягкие женские губы, беззвучно повторяющие чье-то имя…

Я помнил завернутого в пеленки розовощекого карапуза, переданного мне широко улыбающейся целительницей. Помнил светлые кудри, вьющиеся вокруг озорной мальчишечьей рожицы. Помнил его первые шаги. Первое, но такое важное «папа». И тихий смех той, что смогла подарить мне это немыслимое счастье…

Осколки воспоминаний – как драгоценности, животворящим дождем пролившиеся на иссушенную забвением душу. Неимоверные яркие, искрящиеся эмоциями, они словно звезды осветили сгустившийся вокруг меня мрак. Вырвали из забвения. Заставили встрепенуться. Но и этого оказалось мало, чтобы собрать разбитое зеркало, в котором, как в лесном пруду, отражались куски моей прежней жизни.

Как жаль, что мир и любовь – это далеко не все, что ее составляло. На смену радости и свету однажды пришла беспросветная Тьма. Я помнил ее холодное дыхание, чувствовал острые когти, сжавшиеся на внезапно остановившемся сердце. И после долгого сна с содроганием вспомнил тот проклятый день, когда света в моей жизни не стало.

Они говорили, что это случайность. Роковое стечение обстоятельств, приведшее мятежного некроса именно на мою улицу и именно в мой дом. Что ему там приглянулось? Новенькая табличка с номером «тринадцать»? А может, он просто увидел горящее в ночи окно и посчитал, что именно там его не станут

искать королевские ищейки?

Внутри ему и впрямь никто не оказал сопротивления: в нашем роду почти не рождалось магов. Да и какое могло быть сопротивление от засидевшейся в гостиной женщины и семилетнего пацана, с радостным криком кинувшегося встретить пришедшего со службы отца?

Они говорили, мой сын умер мгновенно – убийственное заклинание из арсенала темного мага разворотило ему грудную клетку и выжгло все, до чего смогло дотянуться. Второй удар достался жене – услышав шум в холле, она вышла посмотреть, все ли в порядке. И умерла в тот самый миг, когда атакующее заклинание оторвало ей голову.

Некрос после этого недолго задержался в нашем доме. Сыскари опоздали всего на полсвечи. А я… мне не повезло вернуться несколько раньше и на собственной шкуре узнать, каково это – в одночасье потерять все, что тебе было дорого.

Быть может, это и хорошо, что сейчас я не способен вспомнить детали. Из того ужаса, что открылся мне тогда, я сохранил в памяти лишь неподвижно лежащее у стены тело в забрызганном кровью пеньюаре и лицо мертвого сына, которое навсегда врезалось в мою память…

Судорожно вздохнув, я ненадолго вырвался из черного омута и затуманенными глазами уставился на исказившееся лицо Палача. Сейчас я безумно хотел, но не мог выкинуть из головы терзающие его воспоминания. И поневоле вспомнил тот день, когда впервые сам оказался на темной стороне.

Белеющее во тьме газетное пятно – как детское лицо, на котором жутковатой меткой лежит печать Смерти. Сходные мысли. Сходные чувства. Такое же беспросветное отчаяние и глухая боль, которая выворачивает наизнанку. Я слишком хорошо помнил, когда на улице впервые пошел черный снег. И слишком хорошо понимал Мэла, вокруг которого тоже однажды сомкнулись стены бездонного и полного беспросветного отчаяния колодца.

Роберт Искадо чем-то напомнил ему погибшего сына. Светлые волосы, правильные черты лица… сгустившаяся вокруг Тьма… я прекрасно понимал, почему это зрелище сорвало пелену забвения с затуманенного разума Мэла. И лучше кого бы то ни было знал, что одно это воспоминание могло во второй раз свести его с ума.

Месть… вот какой была первая мысль, когда черные стены расступились, а бывший муж и бывший отец снова осознал себя

мыслящим существом. Месть тому, кто убил. Месть тому, кто прикрывает убийцу. Но что может сделать простой смертный против мага?

Так. А что это ещё за человек? Представиться не пожелал. Лица не открыл, на голове глухая металлическая маска с прорезями для рта и глаз. Хм. О чем он говорит? Того некроса все же поймали? Управление арестовало его и готовится к суду? Человечек предлагает помочь? Говорит, что враг опасен, но его лучше сломать, чем уничтожить?

Его губы растянулись в жестокой улыбке.

Ради мести он согласен на все. На любой эксперимент, если это поможет подобраться к магу.

Ритуал, говорит человечек?

Что ж, путь будет ритуал.

Много боли, через которую надо пройти добровольно?

Пусть будет боль. Сильнее, чем та, что грызла его изнутри, она все равно не станет.

Он закрыл глаза и спокойно подтвердил согласие на обряд. А потом действительно пришла боль, которую в скором времени сменила молчаливая Тьма…

Лицо служителя неожиданно пошло рябью.

– Вот на чем тебя подловили, – прошептал я, во второй раз вырвавшись из омута памяти. – Месть… как же я тебя понимаю. Но, Мэл… Мэл, остановись! Двести лет прошло с тех пор! И мстить уже никому не надо! Никого из тех, кого ты хотел убить, больше нет в живых! Слышишь?!

Бывший Палач дрогнул и, запрокинув жутковатую голову, начал медленно оседать на землю. Его лапы подогнулись, преобразованное магией тело обмякло. Упершиеся в мое горло секиры чиркнули острием по коже, но своевременно появившийся доспех уберег меня от увечий. Костяные лезвия бессильно соскользнули вниз, упершись кончиками в мерзлую землю. А следом за ними пришлось опуститься и мне, по-прежнему держа голову служителя в своих ладонях.

– Мэл… – снова позвал я, с трудом удерживаясь, чтобы не окунуться в чужие воспоминания. – Эй, посмотри на меня! Помнишь, кто я?

Мутные бельма повернулись, и в меня уперся тяжелый немигающий взгляд.

– Ты – хозяин, – прохрипел бывший Палач.

– Я не хозяин, – с облегчением выдохнул я. – Я – Арт, помнишь? Я – тот, кто удержал тебя от Тьмы.

– Арт-с-с…

Из пасти Палача выстрелил раздвоенный язык.

– Да… теперь помню…

– А ты помнишь, почему меня выбрал?

На лице Мэла стремительно сменилась целая гамма выражений. Более того, мне даже показалось, что вместе с выражением на его голове начали меняться даже лица. Суровые мужские, искаженные ужасом женские… десятки, сотни масок, которые он хотя бы по разу примерил…

Я отогнал от себя мысль, что только что увидел всех его жертв. Но потом до меня дошло, что это не просто лица – Мэл сейчас с устрашающей скоростью ВСПОМИНАЛ тех, кого убил по чужому приказу. И, вероятно, только сейчас до него начало доходить, что же именно тогда произошло.

Его обманули – это было ясно как день. Поймали на поводок чувств и сделали из него бесстрастное чудовище. Да, темным магом он все-таки стал. Совсем ненадолго. В тот самый миг, когда в отчаянии обратился к Тьме и едва не утонул в ней с головой. Потом его, правда, спасли. И, пока новоявленный маг Смерти не успел прийти в себя, вырвали душу, а затем подселили в искусственно созданное тело, которое он вскоре начал воспринимать как собственное.

Об убийце он, разумеется, забыл. Зачем рабу воспоминания? Все, что от него требовалось, это умение убивать да безупречное послушание. И новорожденного Палача обеспечили тем и другим в более чем достаточном количестве.

Единственное, в чем ошиблись его создатели, это в том, что оставили своему творению умение рассуждать и принимать решения. Сохранив способность к оценке, Палач со временем начал анализировать поступки не только жертв, но и хозяев. После этого, как он однажды признался, у него появились вопросы. И когда его бесстрастие, долженствующее служить защитой от Тьмы, дало первую трещину, задумка некросов оказалась обречена на провал. А идеальный убийца превратился в крайне опасную сущность, которая научилась сама отдавать себе приказы.

Более того, именно сейчас, окунувшись в его чувства, я неожиданно понял, что, вырывая чужие души, Палач всегда в той или иной степени касался чужих воспоминаний. Забирал у своих жертв то, чего не было у него самого. То, благодаря чему его в итоге и заметила Тьма. Он забирал у них не только жизнь, но и эмоции. У каждого – по крохотному осколку, из которых годами пытался воссоздать себя прежнего. Но поскольку больше всего в этих эмоциях было боли, страха, ужаса и отвращения, то со временем Палач сошел с ума и превратился в тварь, которую в

итоге стал опасаться даже хозяин.

Мысленно ругнувшись, я стиснул голову Мэла пальцами и, требовательно уставившись ему в глаза, вернул на место поводок. Однако на этот раз вместо тонкой связующий нити, создал устойчивый мост, который и перебросил к тонущему во Тьме разуму.

Возможно, я совершил ошибку, открыв ему собственную память и поделившись тем, чего я никому и никогда не показывал. В каком-то смысле я действительно открыл ему душу. Вместе с воспоминаниями, чувствами и мыслями в надежде, что мои эмоции вытеснят то, что переполняло его мятущуюся в сомнениях душу.

И Мэл не оплошал. Почувствовав поддержку, он ухватился за мои воспоминания, как утопающий – за брошенную с берега веревку. Связь между нами в мгновение ока окрепла. Теперь я чувствовал все, что происходило с ним. Помнил то, что было доступно ему. Я держал его на поверхности наших общих воспоминаний и, заново переживая свое собственное прошлое, медленно и постепенно вытягивал своего служителя из океана вязкой, жгучей, застарелой, но от этого не менее опасной боли.

Я свой океан когда-то уже переплыл. Я справился, выжил. И его вытащу, даже если для этого придется выволакивать его оттуда за волосы. Впрочем, он и не думал сопротивляться. Как ни странно, моя боль подарила ему опору. Стала тем самым канатом, который помогал удержаться на плаву. Мой разум стал для него маяком. Настойчивый голос не давал забыться. А любая, даже мимолетная, мысль тут же становилась ему известна. Так что, думаю, не ошибусь, если скажу, что на какое-то время Мэл по-настоящему стал мной, а я до печенок проникся тем, что довелось пережить ему.

А потом все так же внезапно закончилось.

Образовавшаяся между нами связь перестала звенеть натянутой струной. Я снова стал самим собой. Мельтешение масок на лице Мэла прекратилось. А затем он глубоко вздохнул и открыл глаза. Самые обычные, человеческие, бледно-голубые глаза, в которых, как в зеркале, отразилась моя небритая физиономия.

Глава 5

Какое-то время я смотрел на него и лениво размышлял, будет ли этичным попросить Мэла прикрыть голову шлемом. Нет, его выбор меня не удивил – после того, как он побывал в моей шкуре, это было закономерно, но боюсь, встретить на своих улицах сразу двух Артуров Рэйшей столица была не готова. И я, если честно, не совсем понимал, почему Палач в итоге выбрал именно эту маску.

Неожиданно с губ служителя слетел невеселый смешок.

– Не переживай, я это не всерьез, – усмехнулся Мэл, и его лицо, ненадолго «поплыв», снова изменилось, перестав походить на мое как две капли воды. – Твоей точной копией я становиться не собираюсь.

Я прищурился, оценивая выбранный служителем образ, но вскоре был вынужден признать, что так гораздо лучше. Глаза у нас, конечно, остались одинаковыми – блеклыми и словно помеченными Смертью, но все остальное Мэл действительно исправил, и теперь даже при очень внимательном рассмотрении никто не смог бы сказать, что мы похожи.

– Это твоя настоящая физиономия? – поинтересовался я, вдоволь наглядевшись на преобразившегося служителя.

Мэл пожал плечами.

– Не уверен. Но вряд ли ты найдешь в архивах мой портрет, чтобы убедиться, что это действительно так.

Я покачал головой.

Надо же. А я ведь и впрямь об этом подумал. Но раз Мэл говорит, что это бесполезно, то, скорее всего, он прав. Сейчас ему было известно абсолютно все, что знал я. В том числе и данные, с которыми я успел ознакомиться в ГУССе. С одной стороны, это было несколько… непривычно. А с другой – теперь мы понимали друг друга с полуслова. И мне уже не понадобилось объяснять, кто такой Роберт и почему его существование стало таким важным.

Вспомнив о мальчишке, мы с Мэлом одновременно обернулись.

– Испугался? – с улыбкой спросил я, перехватив настороженный взгляд юного жнеца.

Роберт мужественно мотнул головой.

– Разве что в начале. А что это было, мастер Рэйш? Вы проводили обряд полной привязки духа?

Мы с Мэлом так же одновременно хмыкнули.

– Ну, не совсем, как выяснилось, духа…

– И ещё большой вопрос, кто кого привязал, – согласился

Палач. Кстати, говорить он стал не в пример четче и лучше, чем раньше. Более того, что-то такое появилось в его интонациях, что подозрительно напоминало меня самого. Причем настолько, что я заподозрил, что сделал с ним не совсем то, что собирался. – Но в одном ты прав: сейчас я воспринимаю Арта как… хм… брата?

Мэл озадаченно кашлянул. А я прислушался к себе и с удивлением осознал:

– Пожалуй, что так.

Это было странно и непривычно – знать, что рядом есть кто-то, кто воспринимает тебя как нечто близкое и родное. Правда, мое ощущение Мэла было совсем не таким, как почти забытое чувство родства, которое я испытывал когда-то по отношению к Лену. Тем не менее оно было. И упорно твердило, что я больше не один. Потому что рядом есть кто-то, кто хорошо меня знает, понимает и готов поддержать во всем. Даже если весь остальной мир категорически против.

– Здорово! – восторженно выдохнул юный лорд, переводя взгляд с Мэла на меня и обратно. – Значит, вы и мысли друг друга можете слышать?

– Иногда, – наклонил голову… кхм… ну, видимо, все-таки брат. Если не по крови, то уж по духу точно. – Подойди ближе, маленький маг. Я хочу на тебя взглянуть.

Роберт без раздумий подошел и совершенно бесстрашно заглянул в глаза Палача. А я в это время снова к себе прислушался и сделал ещё одно открытие: теперь я мог смотреть на ученика сквозь призму знаний и понимания Мэла. Непривычную, надо сказать, призму. Но именно благодаря ей я сумел осознать одну немаловажную вещь. Вернее, я как-то неожиданно понял, что мальчишка, который с такой готовностью отозвал свою Тьму, для темной стороны гораздо важнее, чем я, Мэл, все остальные маги и даже овеянные божественной благодатью жрецы.

Почему я так решил, спросите вы?

Да потому что пришел во Тьму, будучи уверенным, что здесь меня ждет лишь смерть и запустение. Годами сражался, вынудив ее считаться с моими желаниями. Да, в конце концов Тьма уступила. Но если меня она всего лишь слушалась, то вокруг Роберта вилась, как заботливая мать над любимым ребенком. Просто потому, что он пришел в нее без страха. Свойственная детям искренность позволила ему увидеть этот мир таким, какой он есть. Роберт доверился Тьме. И Тьма ответила ему тем же. И именно этим он сумел оживить тот самый неприветливый мир, который мы когда-то считали безнадежно мертвым.

«Этот мальчик должен жить, – подумал Мэл, со смешанным

чувством посмотрев на маленького лорда. – Любой ценой, Арт, но мы должны его уберечь».

Я согласно кивнул и, взяв вскинувшего голову Роберта за руку, открыл тропу.

Да, я не пророк и не жрец, который видит будущее или способен чувствовать малейшие пожелания своего бога. Даже сейчас я при всем желании не смог бы в одночасье изменить свое отношение к этому миру. Не смог бы забыть. Не смог простить. И не поднять секиру на выскочившего из-за угла гуля тоже не смог бы. Просто потому, что уже не умею по-другому.

А сколько таких во Тьме было до меня? И сколько бродит по ней сейчас? Отчаявшихся, убитых горем, ожесточенных? Темных магов, чье присутствие само по себе убивало и столетиями вымораживало потусторонний мир, хотя его единственной виной являлось лишь то, что он способен воплощать наши потаенные желания!

Когда-нибудь Роберт изменит наше представление о темной стороне. Когда-нибудь он расскажет о ней правду, и со временем его слова не нужно будет принимать на веру. Быть может, однажды он будет такой во Тьме не один. Дай бог, чтобы когда-нибудь к нему присоединились и другие. Не такие, как я, а те, что будут чище, светлее, искреннее. Такие, кто смог бы по-настоящему оживить этот мир и населить его не только гулями или моргулами, но и светлыми душами, которым еще рано идти на перерождение.

А пока их нет, мальчик останется под моей защитой. Мэл прав – он ни в коем случае не должен погибнуть. И никто не должен узнать, кто он такой. Особенно Орден. Особенно жрецы. По крайней мере до тех пор, пока это не перестанет быть для него опасным.

* * *

– Рэйш, тебе опять неинтересно? – осведомился Корн, заметив, что я опять клюю носом на совещании. – Или ты проигнорировал мой приказ и вместо отдыха занимался Фол знает чем?

Я встрепенулся.

– Что вы? Как можно? Распоряжение «спать», – пожалуй, единственное, которое я готов выполнить без промедления.

– Что у тебя? – устало спросил шеф, словно не заметив моего ерничанья.

– По делу ничего нового. Согласно приказу, до позднего

вечера я честно дрых, поэтому ничего интересного больше не выяснил.

– Хокк, твои новости?

Традиционно сидящая на подоконнике леди бросила на меня быстрый взгляд.

– Пока пусто. К тому, что сегодня уже доложили, мне пока нечего добавить.

– Хорошо, – потер седые виски Корн. – В смысле, ничего хорошего, конечно. Боюсь, нам придется изменить тактику и все-таки выставить по адресам не только патрули, но и разместить магов непосредственно в домах.

Народ в кабинете встрепенулся.

– Что вы сказали? – недоверчиво переспросил Йен. – Мы все-таки начинаем облаву?

– Да. Приказ уже подписан.

– Мне кажется, это не самая удачная идея, шеф, – осторожно заметил я. – Мы до сих пор не знаем, с чем имеем дело.

– Мы даже не в курсе, сколько их, – неожиданно поддержала меня Хокк. Хотя всего сутки назад у нее было совсем другое мнение. – И какие у них припасены артефакты.

Корн нахмурился.

– Мы и так постоянно запаздываем. Убийца действуют слишком быстро, и он всегда оказывается на шаг впереди. Да, про артефакты и его магические способности мы знаем недостаточно, но я даю добро на использование «глушилок». С Орденом все уже согласовано. У них не будет по этому поводу претензий.

Я мысленно присвистнул.

Ничего себе. Вообще-то «глушилки» относятся к официально запрещенным в Алтории артефактам. Не столько потому, что способны подавлять любые проявления магии, сколько по причине того, что магический фон при их использовании становится нестабильным. А именно, СОВСЕМ нестабильным, совершая скачки от нуля до немыслимых величин, что неизбежно приводило к поломке дорогого оборудования, самопроизвольному срабатыванию заклинаний, непрогнозируемым всплескам магии на одном отдельно взятом участке и, как следствие, серьезным разрушениям.

В столице, позволю себе напомнить, магия использовалась повсеместно. Представляете, что будет если она внезапно выйдет из-под контроля? Да еще и не в одном районе? А как на нее отреагируют перекрестные заклинания?

– Шеф, это не шутка? Орден магов правда одобрил использование «глушилок»? – недоверчиво переглянулись Рош и Илдж.

– И от них не будет никаких претензий? – не поверил Эрроуз.

Корн кивнул.

– Мы и без того слишком долго медлили. Передайте своим командам – по оставшимся восьми адресам устраиваем засаду. Людей распределите из расчета того, что гостей будет, как минимум, трое. Из них хотя бы один маг Смерти неизвестного уровня, и один опытный некрос. Скорее всего, вместе с питомцами. Уровень питомцев предположительно выше среднего, раз они не поддались воздействию магии переходов. Так что пусть ребята соблюдают осторожность. Лишние жертвы нам не нужны.

– Что делать с жильцами? – деловито уточнил Эрроуз, не став оспаривать решение начальства.

– Вывести из домов и поместить под охрану. На все про все у вас полторы свечи… исполняйте.

Когда Корн закончил с распоряжениями, начальники участков вразнобой вздохнули и по привычке вышли в коридор – связываться со своими людьми по переговорникам и корректировать ранее обговоренные планы. Хокк глубоко задумалась. А я прокрутил в голове предложенный Корном план и с нескрываемым сомнением посмотрел на упрямо поджавшего губы шефа.

Все-таки он поторопился с принятием решения. Не так давно сам говорил, что это слишком опасно, а тут вдруг пошел на попятный? Понятно, что лишние два трупа на нашей совести это нехорошо, но не сделал ли он сейчас хуже? Убийца уже не раз доказывал свою состоятельность как осторожный и неглупый организатор. У него есть доступ к закрытым архивам и нашего, и, возможно, жреческого Ордена. Он хороший маг. У него в помощниках ходят опытные темные, как минимум парочка высших тварей вроде хорошо обученных зомби и Фол знает кого еще. Да, теперь нам известны адреса будущих убийств, но зачем же лезть на рожон? Восемь домов – это не один, на котором мы могли бы сосредоточить все силы. Чтобы грамотно перекрыть все эти здания, у нас недостаточно людей. Недостаточно, в первую очередь, магов для полноценной облавы, в том числе и на темной стороне. Собственно, на западном участке во Тьму могу уйти только я и, наверное, Триш, если целители посчитают ее достаточно здоровой. Хокк временно выбыла. Йен не маг. А Тори слишком юн для полноценной охоты.

Магов Илджа я мельком видел – действительно неплохие ребята. Судя по ауре, среднего уровня или чуть ниже. В основном ищейки и всего два полноценных заклинателя, которых, тем не менее, Корн на чердак не пустил.

Эрроуз еще не восстановился. Морда на сегодняшнем совещании у него была смурная-пресмурная, а появившийся под курткой амулет-накопитель наглядно доказывал, что с его аурой после встречи с «колодцем» дело обстоит не лучшим образом. Может, не настолько плохо, как у Хокк, но поберечься он все-таки решил. А это уже говорило о многом.

Кто из магов Эрроуза и Роша способен полноценно работать на темной стороне, я доподлинно не знал. Наверняка нужные кадры у них имелись, но я с ними, к сожалению, не был знаком. Что же касается ГУССа, то на мой взгляд самым толковым магом у Корна являлась именно Хокк. Но по понятным причинам она оказалась вне игры. И это значило, что мы в заведомо невыгодном положении.

Почему же тогда Корн принял такое решение?

– Король требует результатов, – ответил на мой невысказанный вопрос шеф и помрачнел еще больше, чем обычно. – Сегодня я был во дворце. В том числе и по этому делу. Но не смог убедить его величество отсрочить облаву хотя бы на пару дней.

– Пара дней означает для нас четыре потерянные жизни, – тихо отозвалась с подоконника Хокк.

– Он тоже так сказал. Но я не уверен, что в нашей ситуации имеет смысл торопиться.

Я мысленно с ним согласился.

Не зная противника, я бы тоже предпочел обождать. Понятно, что убийца не остановится, не сделает перерыв, не расскажет нам о себе, и полного расклада мы, скорее всего, не узнаем до тех пор, пока не станет слишком поздно. Более того, каждые сутки промедления означают, что мы будем терять по двое магов в непонятных обрядах, цель которых нам тоже пока неясна. Быть может, Хокк догадалась правильно, и не за горами создание новых врат. А может, дело не во вратах, а кто-то и впрямь решил призвать сюда сильного демона. Но даже зная о риске, я не уверен, что из наскоро придуманной облавы получится что-нибудь толковое. Вот только король… и приказ, не выполнить который мы не имеем права…

– Пойду, прогуляюсь, – бросил я, поднимаясь с кресла. – Хокк, посыльный с амулетом для тебя прибудет через четверть свечи. Не прозевай.

– А ты куда? – моментально насторожилась магичка и спрыгнула с подоконника.

– Мне надо подумать.

– Далеко не уходи, – невесело усмехнулся шеф. Я кивнул и вышел, краем уха услышав, что в одном из кабинетов на первом

этаже часы пробили полночь.

Скверное время. Самое сложное для темного мага. Но никто из нас не сомневался, что не позже, чем через полсвечи, нас будет ждать очередной и очень срочный вызов.

Глава 6

– Мэл? – тихо позвал я, перейдя на темную сторону и остановившись у регистрационной стойки на первом этаже.

«Я здесь, брат», – шепнул в голове знакомый голос, и воздух рядом со мной ощутимо похолодел.

«Как себя чувствуешь?», – мысленно спросил я.

«Странно. Вроде я – ещё не совсем я. Но при этом понятно, что прежним мне уже никогда не стать».

«Понимаю», – невесело хмыкнул я, подойдя к входной двери и выглянув на улицу через дыру, надежно залатанную заклинанием. – «Когда учитель вернул мне разум, я ощущал себя точно так же. Ты хоть имя-то свое вспомнил?»

«Нет. Но я не против «Мэла». Тем более, ты сам сказал, что до полноценного Палача я еще не дорос».

В пустующем холле сперва стало очень тихо, а затем на раздался на редкость слаженный, но не слишком веселый смех.

«Шутник», – хмыкнул я, когда в холле снова наступила тишина.

«А я теперь как ты», – не остался в долгу бывший Палач. – «Но должен признать, что пока в моей голове слишком много мыслей и желаний. И чтобы разобраться, что из этого мое, а что досталось от тебя, потребуется время».

«Что ты помнишь из прежней жизни? Ну, кроме дня, когда стал темным?»

«Почти ничего. Где жил, где служил, с кем общался… события еще как-то вспоминаются, а вот лица и голоса… сплошной мрак, Арт. Хотя не думаю, что это надолго».

«Ну, хоть какая зацепка у тебя есть?»

«Хочешь понять, кто меня убил?», – хмыкнул Мэл. – «Нет. Но могу предположить, что после смерти сына я был не в себе, а после того, как меня убили, надолго перестал нормально соображать».

«И все же точка отсчета у нас есть», – не согласился я. – «Уэссеск сказал, что твое первое пробуждение в качестве духа-служителя состоялось двести сорок девять лет назад. Скорее всего, в этот день ты кого-то убил. Быть может, даже не раз. Хотя нет гарантии, что до этого тебя полвека не продержали в каком-нибудь гробу».

Мэл хмыкнул.

«Может, не полвека, но какое-то время на создание этого тела у моего убийцы должно было уйти. Тем более, я был не один. И если нас создавали одновременно, то делали это явно не

второпях. Все же соединить душу человека с искусственным телом – задача не из легких. К процессу следовало хорошенько подготовиться».

«Как раз в это время у нас была на носу война с Лотэйном», – напомнил я. – «Нииро говорил, что именно тогда подобных тебе начали использовать в военных действиях. Возможно, твой создатель, наоборот, поторопился с завершением привязки душ, поэтому и допустил оплошность при создании поводка?»

«Я не помню этого, Арт. Все более-менее связные воспоминания заканчиваются за пару месяцев до того, как ты меня убил».

«То есть, помочь мне ты не сумеешь», – с разочарованием заключил я. – «Ладно, пока вопросы по этой теме снимаются. Скажи тогда – ты на все дома из списка поставил свои метки?»

«Конечно. Как ты велел, так я и сделал».

«Тогда почему ни одна из них до сих пор не отреагировала?»

Бывший Палач неловко кашлянул.

«Видимо, потому, что я поставил их на темной стороне. А убийца, скорее всего, приходит с нижнего уровня».

«Почему ты так решил?»

«А как еще?», – удивился Мэл. – «На нижнем уровне метки не работают. Я думал, ты знаешь».

«Тьфу ты… забыл», – чуть не сплюнул с досады я. – «Это что же получается, нам его не достать?»

«Разве что заблокировать вход в оставшиеся особняки с нижнего уровня. Так, как ты сделал у себя дома. Но это долго. И энергетически затратно. К тому же, если ты это сделаешь, убийца догадается, что не он один в этом городе способен спускаться на глубину. И не исключено, что в этом случае мы вообще его не поймаем».

«Пока он уверен, что остается незаметен, он уязвим», – вынужденно согласился я. – «Я подумаю над этой проблемой, Мэл. Кстати, взгляни на еще один знак – может, ты видел его в городе?»

Я начертал в воздухе тринадцатый символ из схемы, который получил от отца Гона, но служитель отрицательно качнул головой.

«В городе такого точно нет. Я бы запомнил».

«Плохо».

«Что планируешь делать с мальчиком?», – неожиданно спросил Мэл. – «Оставлять его без присмотра опасно. Все-таки он – маг. Пусть об этом никто не знает, но он тоже находится в зоне риска».

«Так сходи присмотри. С убийствами ты мне пока не

помощник. Светиться на облаве нельзя. А если что, я позову. К счастью, прямые тропы мы с тобой открываем одинаково быстро».

«Тогда на связи», – удовлетворенно шепнул бывший Палач, и через некоторое время ощущение чужого присутствия исчезло.

Я, правда, не стал возвращаться в реальный мир сразу. Даже когда к двери подошел незнакомый паренек и передал спустившейся Хокк отправленную Нортиджем посылку. Амулет она, само собой, сразу сменила, отправив посыльного обратно, чтобы отдал Нортиджу старый на зарядку. Да и визуализатор на нос не забыла нацепить. Заметив меня, неуверенно махнула рукой, предлагая вернуться к остальным, но когда я качнул головой, не стала настаивать. И тихо удалилась, оставив меня неприкаянным призраком бродить по пустому холлу.

Признаться, мне до отвращения не нравилась идея Корна. Но изменить я ничего не мог. Прошли те времена, когда я мог себе позволить заниматься расследованием в одиночку. Да и не было у нас сейчас конкретной цели. Если я нарушу приказ и уйду в один из намеченных домов, то очень велик был риск не угадать с местом. Переговорного амулета я из принципа не ношу. Значит, в случае чего, придется или полагаться на зачарованные монетки, или же просить помощи у патруля.

Если не явлюсь на место преступления вовремя, Корн наверняка начнет задавать вопросы и, не услышав внятного ответа, отстранит меня от дела. Явлюсь вовремя, и вопросов у него появится еще больше. О том, где я был, он, разумеется, узнает – те же патрульные, у которых я «стрельну» переговорный амулет, меня и сдадут. Корн тут же поинтересуется, а каким-таким образом я оказался на другом конце города? Ах, перемещаюсь быстро во Тьме? Хорошее умение, не спорю. Вроде у нашего убийцы тоже такое есть…

Да и монетки не выход. Они лишь сигнализируют, что я кому-то нужен, а прыгать от одного дома к другому или мучительно выбирать, к кому отправиться в первую очередь, мне не хочется. Риск ошибиться возрастает в этом случае многократно. И приведет к ещё большей сумятице в наших непростых отношениях с Управлением столичного сыска.

Одним словом, самым разумным сейчас было оставаться на месте. И, как бы цинично это ни звучало, терпеливо ждать, когда убийцу можно будет прибить одним ударом. Другого способа достать эту тварь законными способами я пока не придумал. Да и с незаконными, если честно, дело обстояло грустно. Ни на след встать, ни ауру отследить… но это же как надо было просчитать свои действия, чтобы не оставить нам ни единой зацепки?!

«Расчетливый сукин сын», – назвал его прошлой ночью Корн.

И был в этом определении на удивление точен. Если подумать, вне места преступления мы вообще не могли поймать убийцу. Он опережал нас на несколько шагов. И в этой связи я вполне понимал желание короля поскорее разобраться с этим сомнительным делом.

Эх. Как жаль, что я не умею общаться с богами напрямую, а отец-настоятель, как назло, куда-то запропастился. Ведь как было бы хорошо, если бы он смог узнать кое-что у своего бога! Честное слово, Фол бы сильно меня обязал, если бы назвал одно-единственное имя. После этого я бы всю оставшуюся жизнь, что не зря потратил свой законный к нему вопрос.

Неожиданно в кармане брюк отчаянно завибрировала монетка. И почти сразу вслед за первой ожила ещё одна. Та, что я спрятал в нагрудном кармане.

Йен и Хокк.

Неужто новые трупы?

– Все на выход, – севшим голосом сказал Корн, когда я бегом поднялся в его кабинет. – Одна из групп Эрроуза только что перестала выходить на связь.

– Адрес?

– Грозовая, два.

– Шестая метка, – прошептал я, кинув взгляд на иллюзорную карту: помеченный дом на северном участке столицы засветился угрожающе багровым светом, точно так же, как и дома, где уже успели произойти убийства.

Шеф хмуро кивнул.

– Да, Рэйш. Сообщения о вестниках смерти ещё нет, но мы выезжаем немедленно.

* * *

Пока кеб с грохотом летел по сонным улицам, я с раздражением думал, что нашему Ордену уже давно пора было изобрести более быстрый способ перемещения. В благословенный век магии и всевозможных артефактов попросту стыдно использовать лошадей только лишь по той причине, что в казне не нашлось денег на создание стационарных телепортов.

Хотя нет, в королевском дворце все-таки был один. Построенный еще в незапамятные времена и находящийся в отдельном здании, которое охранялось чуть ли не лучше, чем королевская сокровищница. Еще несколько штук были разбросаны по всей Алтории, но это и все, на что хватило умников из королевского университета.

Однажды я спросил у мастера Этора, почему наши успехи в телепортологии так неприлично скромны, и тогда он впервые познакомил меня с теорией пространственной магии. Более того, оказалось, что единственный в Алтире крупный портал построен на основе знаний о темной стороне и представляет собой не что иное как сильно видоизмененную, искусственно стабилизированную темную тропу наподобие тех, что создают для себя маги-ищейки. Но Фол меня задери… столько веков прошло с того дня, как маги научились использовать Тьму для всеобщего блага! Ну неужто за это время не нашлось человека, который придумал бы портал на основе ПРЯМОЙ тропы?!

Стоило отдать вознице должное, до северного участка он домчал нас всего за четверть свечи. Даже если учесть, что была ночь, и улицы оказались пусты, все равно пролететь через половину города за столь короткое время – это ещё надо постараться.

По дороге переговорник Корна несколько раз оживал, сообщая последние данные. И когда от Эрроуза пришло сообщение, что патрульные, дежурившие на Грозовой, наконец-то отозвались, у всех словно гора с плеч упала. У парней, оказывается амулеты забарахлили после полуночи. И лишь когда над переговорниками поколдовал дежурный маг, ребята смогли доложить, что у них все тихо.

Правда, отозвались с этого адреса не все, поэтому шеф, хоть и успокоился, не дал отбой, и на Грозовую с огромной скоростью продолжали стягиваться лучшие силы Управления. Почти все маги с северного участка, люди из ГУССа, следовавшие за нами в других экипажах, близлежащие патрули и все начальство. Так что очень скоро на злополучной улице стало многолюдно.

Выскочив из кеба, Корн первым же делом велел оцепить подозрительный дом, причем поставить двойной кордон – из светлых магов в реальном мире и из темных – на темной стороне. Эрроуз, лишь на миг позже выбравшийся из второго кеба, махнул рукой выбежавшему из укрытия патрульному и, не дожидаясь, когда тот отдаст честь, коротко бросил:

– Докладывай!

– Пропала связь с магами, которые находятся в доме, мастер Эрроуз, – отчеканил патрульный, а затем увидел подходящего Корна и тут же вытянулся во фрунт. – Наблюдение велось согласно полученному приказу: часть наших осталась снаружи вместе с дежурными магами – вели наблюдение за прилегающей территорией. Ударная группа находилась внутри и выходила на связь через каждые четверть свечи. В четверть свечи по полуночи у нас забарахлили амулеты. Затем связь окончательно

прервалась. Дежурный маг сумел починить переговорники, но связаться с остальными мы так и не смогли. Согласно вашему приказу, в дом больше никто не входил. Жильцов эвакуировали заранее. Охрана только что отрапортовала: с ними все в порядке. За время последующего наблюдения попыток проникновения в здание не зафиксировано.

– Сколько там осталось наших? – сухо осведомился Корн.

– Четверо, господин. Двое светлых и темные.

– Магический фон на улице не менялся?

– Никак нет. Внешних проявлений магии снаружи не зафиксировано. Причина сбоя в работе амулетов пока не установлена. Маги еще разбираются.

Я отвернулся от бравого парня, который, по-видимому, являлся начальником местного патруля, и взглянул на злополучный особняк. Дом как дом. В три этажа плюс чердак. Все, как положено. Ни одного огонька в окнах, естественно, не светилось – кто бы зажег свет, если жильцов в спешке выселили? Но ни заброшенным, ни зловещим особняк не выглядел. Да и на темной стороне от него не исходило подозрительного свечения, так что патрульный не соврал – магический фон вокруг здания, скорее всего, нормальный.

А вот то, что маги Эрроуза возвели вокруг него приличный по мощности защитный купол, было хорошо. Мало ли, какая гадость внутри образовалась? И то, что Корн никому не велел туда соваться очертя голову, тоже правильно. Кто знает, что произошло с находившимися в засаде магами? По-глупому терять людей шеф не хотел, поэтому предпринял стандартные в таких случаях меры безопасности.

– Грэг, Рэйш, вы идете со мной, – велел Корн, решительно направившись к дому. По дороге он коротко свистнул, и вскоре к нам присоединились ещё двое светлых. Судя по серьезным мордам и насыщенным аурам, неплохие «боевики», которые должны были прикрыть нас от неприятных… разумеется, светлых… сюрпризов.

Само собой, скрываться и красться по подворотням никто не стал – после того, как дом был оцеплен сразу в двух мирах, а сверху на него опустилась мощная сеть заклинаний, в этом уже не было смысла. Так что Корн просто поднялся на крыльцо, толкнул дверь и, пропустив внутрь «боевиков», коротко велел:

– Запускайте поисковики!

С рук светлых тут же сорвались крохотные искорки поисковых заклинаний, часть которых мгновенно впиталась в пол, а часть поднялась наверх и растворилась в перекрытиях второго этажа. Никто из нас при этом не сдвинулся с места, а вскоре

следом за светлыми заклинаниями в путь двинулись и парочка темных. От меня, разумеется, и от начальника северного участка.

– В подвале есть живые, – вскоре доложил один из магов. – Двое. Судя по аурам, наши. Но точнее не скажу – мой поисковик сдох.

– Первый этаж – чисто, – почти сразу отозвался второй «боевик».

– Второй – чисто, – через некоторое время сообщил Эрроуз.

– Третий – чисто, – буркнул и я, когда Корн выразительно покосился в мою сторону. – Ни мертвых, ни живых. А вот на чердаке опять творится демон знает что, но дальше двери я не вижу.

– Проверь, – велел шеф, на скулах которого загуляли желваки. – Грэг, поможешь ему, если понадобится. Мы в подвал.

Эрроуз насупился, машинально коснулись ладонью спрятанного под плащом накопителя, но все же кивнул. А затем послушно двинулся за мной, по пути разбросав по округе несколько поисковых заклинаний и пару десятков неактивных знаков на случай, если наверху нас будет ждать что-то нехорошее.

По лестнице мы поднимались небыстро. Сперва осматривались, прощупывали каждый закуток заклинаниями, одновременно с ними я использовал линзы, но и второй, и третий этажи действительно оказались пустыми. Я даже крыс нигде не заметил. Как, впрочем, и гулей, и другой нежити. В комнаты, правда, не заглядывал, да и коридоры осмотрел лишь мельком. Но обрушившуюся на одной из стен штукатурку и обгоревшее пятно на ковре увидел. Поэтому наверх поднимался, уже точно зная, что мы не ошиблись с адресом. Осталось только понять, что произошло с магами Эрроуза, и убедиться, что наверху нас ждет очередной выпотрошенный, как куропатка, труп.

Рядом с дверью на чердак меня впервые укололо недоброе предчувствие. Я тут же ушел на темную сторону и, сделав Эрроузу знак не лезть, открыл деревянную дверь. За ней, как и следовало ожидать, клубилась Тьма. Недовольная нашим вторжением, агрессивная, голодная… она набросилась на меня с порога и тут же попыталась оглушить криком, ослепить брошенным в лицо снежным вихрем, заморозить, задержать, остановить. Но, как и раньше, не смогла. Проломившись сквозь нее, как голодный гуль сквозь одряхлевший забор, я стряхнул с плаща успевшие нападать снежинки и огляделся.

Фолова бездна…

Интересно, кто она? Кем была? И откуда убийца ее похитил? Времени с момента смерти прошло совсем немного – растекшаяся на полу кровь едва успела застыть, да и тело совсем не выглядело

промороженным. Хотя покрывающий его слой инея свидетельствовал о приличном разгуле Тьмы во время проведения ритуала.

Без особого интереса взглянув на широкую рану на животе убитой магички, я обошел жертвенный стол по кругу и с хрустом раздавил несколько вмороженных в пол огарков.

Итак, что мы имеем? Амулеты патрульных забарахлили где-то в четверть свечи после полуночи. В полночь с ними должны были связаться маги, которые находились в доме, а значит, ровно в полночь убийцы здесь ещё не было. Темные бы почувствовали волнение во Тьме, если бы кто-то воспользовался тропой. Но они промолчали. Да и стола на чердаке наверняка не было. Как и свечей. И замагиченной пленки на окнах. Так что, получается, подготовку к обряду убийца осуществил в рекордно короткие сроки. Затем спокойно провел ритуал, собрал энергию и ушел. А мы до сих пор не получили сообщения из Ордена о том, что здесь кто-то умер!

Не заметить отсутствие здесь жильцов убийца не мог – это впрямую свидетельствовало о подвохе. Тем не менее, он не отказался от своей задумки. Не обеспокоился нашим вероятным присутствием. Быть может, даже заметил патрульных на улице, но все же сделал то, за чем явился. Более того, маги не успели даже вмешаться, а этот урод исчез из дома до того, как люди Корна забили тревогу.

– Рэйш, следы! – некстати вырвал меня из размышлений напряженный голос коллеги.

Я покосился на Эрроуза, но на этот раз маг не стал подходить к вытравленным на полу знакам слишком близко. А следы я ещё раньше заметил. Даже специально наступил на один, чтобы убедиться, что вижу след мертвеца. Поэтому и не спешил. Поэтому и был уверен, что они принадлежат не убийце. Хотя об этом следовало догадаться уже потому, что один из них тянулся к закрытому пленкой окну, за которым, если я правильно видел, находился балкон. А второй протянулся от входной двери прямиком на лестницу. И оба они заканчивались у жертвенного стола. Вернее, под ним. В глубине образовавшегося во время ритуала «колодца», где, я так полагаю, нам и следовало искать пропавших коллег.

– Рэйш, ты что делаешь?! – хрипло спросил Эрроуз, когда я шагнул к столу и беспрепятственно скользнул в образовавшуюся в пространстве дыру.

– Стой на месте, – велел я, оказавшись в «колодце». После чего прищурился, чтобы бьющий в лицо ветер не причинял неудобств. Продавил собой неохотно расступившуюся Тьму.

Никого на этом слое не нашел, поэтому позволил себе провалиться глубже. И лишь на самом дне отыскал два скрюченных тела, небрежно сваленных одно на другое.

– Рэ-э-йш! Чтоб тебя демоны сожрали! – откуда-то издалека донесся встревоженный голос Грэга. – Вернись, сукин сын! За лишний труп Корн мне голову оторвет!

Я со вздохом поднял из сугроба одно из тел и, убедившись, что оно не подает признаков жизни, в два шага вернулся на исходный уровень.

– На, держи, – велел я, сгрузив мертвого мага оторопевшему от неожиданности коллеге. – Я схожу за вторым. Надо их будет похоронить по-человечески.

Эрроуз всмотрелся в припорошенное снегом лицо совсем молодого парня, который ещё этим утром был сотрудником северного УГС, и помрачнел. После чего сцедил сквозь зубы непечатное ругательство и понес обледеневшего до состояния сосульки мертвеца к двери. Я же тем временем добрался до второго мага, с хрустом выдрал его из успевшего образоваться сугроба. И, размышляя о том, почему эти двое не сообразили объединить усилия, как в свое время сделали Хокк, Триш и Тори, взвалил увесистый труп на плечо.

Ребята не знали? А может, не успели? Или попросту не смогли?

В задумчивости вернувшись на привычный уровень, я выбрался с чердака на лестницу, намереваясь задать Эрроузу эти вопросы. Но каково же было мое удивление, когда, переступив порог чердака, я обнаружил, что начальство отчего-то не торопится уходить. Более того, Эрроуз стоял напротив меня в довольно растрепанном виде, успел куда-то подевать первый труп и с выражением крайней растерянности рассматривал невесть откуда взявшуюся на полу кровавую лужу, в которой плавали непонятные ошметки.

Застав начальника северного участка в столь непотребном виде, я даже споткнулся, едва не уронив собственную ношу. Зацепив головой трупа за косяк, вздрогнул, услышал отвратительный хруст. В шоке обернулся и словно во сне увидел, как отвалившаяся от тела голова, крутясь и кувыркаясь в воздухе, медленно-медленно летит вниз. А затем с мерзким шлепком разбивается об пол и разлетается на тысячи осколков.

Какое-то время я изумленно таращился на рассыпавшиеся по полу кровавые льдинки, вокруг которых начала растекаться еще одна лужа. После чего вдруг торопливо стащил с уже влажного плеча начавший подозрительно потрескивать труп и растерянно замер, когда обледеневшее тело рассыпалось… вернее,

растеклось… прямо у меня в руках. После чего с оглушительным плеском обрушилось вниз, облив мои чистые сапоги настоящим кровавым водопадом.

Глава 7

– Что? Это? Было?! – раздельно процедил Корн, когда узнал о случившемся и нашел время взглянуть на окровавленную лестницу, с которой до сих пор стекали останки наших коллег. – Рэйш! Эрроуз! Я вас спрашиваю!

Я флегматично пожал плечами, но с дивана, на котором размышлял последнюю четверть свечи, решил не вставать. Еще успеется. Надо признать, случившееся и меня выбило из колеи. А уж про Эрроуза, который только что потерял двух отличных парней, и говорить нечего.

– Я его даже до лестницы донести не успел, – тихо обронил стоящий у окна маг Смерти, когда Корн свирепо выдохнул. – Тело просто растворилось. Все амулеты в труху, одежда в кашу. От него даже костей не осталось! Ты когда-нибудь такое видел, Нел?!

Шеф сжал челюсти.

– Все когда-то случается впервые. В том числе и высшая магия такого уровня, какая нам даже не снилась. Что вы нашли?

– Все как обычно, – неохотно доложил Эрроуз. – Стол. Символы. Мертвая женщина. И никаких следов, кроме тех, что оставили мои люди.

– Какого демона они вообще делали на чердаке?! Я же велел туда не соваться!

– А они и не совались, – вместо Эрроуза ответил я. – До полуночи они честно просидели в засаде на втором этаже. В комнате, которая находится ближе всего к лестнице. Потом, похоже, услышали шум. Звуки шагов, голоса… без разницы. Отправились узнать в чем дело. Один обошел чердак по темной стороне и спрятался на балконе. Второй стоял у двери. Они ни во что не вмешивались, Корн, так что у вас нет повода считать, что они нарушили приказ. Я даже думаю, что их не заметили – убийца был слишком сосредоточен на ритуале. Если бы он знал, что ему могут помешать, он бы попытался убить незваных гостей. Но на телах не было ран, шеф. Я проверил, прежде чем тащить их наверх.

– Тогда как они оказались в «колодце»? – слегка сбавил обороты Корн.

– Так же, как и Хокк. Их туда просто-напросто утянуло.

– Что? – тихо переспросил Корн.

– Мы всегда считали, что у «колодцев» фиксированное «горлышко», – отвел глаза Эрроуз. – Но у меня в команде нет дураков, Нел. Пат и Шон не полезли бы на рожон без прямого приказа, я готов в этом поклясться.

– А это значит, что они не входили в комнату, – с тяжелым вздохом признал я. – Они не совершали ошибок. Это мы ошиблись… в том числе, и я.

Корн недобро на меня посмотрел.

– Чего же мы, по-твоему, не учли? Думаешь, ребят могло затянуть в «колодец» из-за двери?

– А вы вообще в курсе, как и почему создаются «колодцы»?

– В общих чертах. Пространственный карман… плюс, одновременно с ним еще и дыра во времени. Прямое следствие магии переходов.

– Вообще-то они и в естественных условиях иногда формируются, – не согласился я. – Но Эрроуз правильно сказал: мы не обо всем подумали. И забыли, что при создании «колодца» пространство не пробивается прямым коридором, как трубой…

– Это воронка, Нел, – так же тихо добавил Грэг. – Это потом она становится похожей на трубу, а в процессе развития это – обычная воронка с очень узким дном и довольно широким горлышком, в которое засасывает все живое в радиусе действия вихря. «Колодец», – это уже следствие. Он всегда стабилен. Тогда как воронке нужно время, чтобы успокоиться. И наши парни попали в нее в тот момент, когда она только-только сформировалась.

Корн вздрогнул.

– Хочешь сказать, их тела растворились именно поэтому?

– Из-за нестабильности пространственно-временных потоков их тела стали хрупкими, как стекло. И оставались такими до тех пор, пока находились на темной стороне. Но как только мы вернули их в реальный мир, процесс разложения ускорился в сотни раз, поэтому в итоге нам достались лишь неопознаваемые ошметки.

– Почему этого не случилось с жертвой?

– Потому что она была в центре воронки, где пространственно-временные потоки оставались относительно стабильными. А на периферии, пусть и очень недолго, творилось Фол знает что. Любой человек, который оказался бы в это время рядом, превратился бы в фарш, невзирая ни на какую магию.

На лице шефа появилось странное выражение.

– То есть, убийца именно поэтому исчезает отсюда так быстро?

– Он прекрасно знает, что делает, – подтвердил Эрроуз. – Скорее всего, ему известны размеры будущей воронки. Сроки ее появления. Время, требующееся на стабилизацию и разрушение. Он идеально точно рассчитывает сроки, на протяжении которых мы гарантированно не узнаем про вестники. Он знает, сколько

сил надо влить в защиту, чтобы она подарила немного форы. Большего и не требуется – он в себе уверен. Поэтому приходит именно тогда, когда считает нужным, быстро готовит жертвы к ритуалу, убивает их и уходит сразу после того, как получит свое. После этого никаких следов нам уже не найти, даже если они и были. Магия переходов выжигает все улики. И на темной стороне, и в реальном мире. Поэтому повторяю: убийца очень хорошо знает что делает. А значит, обычными методами нам его не поймать.

Корн едва заметно поморщился.

– Сколько, по-твоему, у него должно было уйти времени на воронку?

– Один удар сердца. Максимум два, если она окажется достаточно широкой. В нашем случае она захватила весь чердак и немного пространства снаружи. На балконе остался иней, Нел. Так что Рэйш сказал правду. А мы с тобой этого не учли.

– Но если воронка была так велика, как ты говоришь, то почему же ее не увидели с улицы? – снова нахмурился шеф.

– А «колодцы» не видны, даже если ты окажешься на самом краю, – невесело усмехнулся Эрроуз. – Я в прошлый, между прочим, раз так и попался. А я ведь не новичок, Нел. Но, как выяснилось, во Тьме я вижу далеко не так хорошо, как, к примеру, Рэйш. А мои парни просто не понимали, что творится. Поэтому и не успели уйти вовремя.

Перехватив еще один быстрый взгляд от шефа, я снова пожал плечами.

– Я тоже не знаю о Тьме всего, чего хотел бы.

– Но в «колодце» ты все-таки выжил…

– Вы тоже неплохо держались в подвале, – усмехнулся я. – Но я, заметьте, не спрашиваю, за счет каких резервов вам это удалось. И даже не интересуюсь структурой тех четырех амулетов, которые вы постоянно носите под одеждой.

Корн взглянул на меня совсем мрачно.

– Полагаю, структуру ты рассмотрел и без моей помощи. Я на днях нашел на одном из них следы чужого диагностического заклинания…

– Поклеп, – тут же встрепенулся я. – Я после себя следов не оставляю. Тем более, таких грубых.

Шеф вместо ответа только фыркнул, а Эрроуз, заинтересованно покосившись в мою сторону, перевел разговор на другую тему.

– Нел, что было в подвале?

– Твои ребята живы, – успокоил его Корн. – На амулете правды мне поклялись, что не нарушили инструкций, так что

насчет Пата и Шона я склонен тебе верить. Вниз вам соваться нельзя – света там сейчас раза в три больше, чем в предыдущем доме. Точно, сам понимаешь, измерить магический фон мы не смогли, но с учетом данных с остальных мест преступлений и того, с какой скоростью фон восстанавливается там, думаю, на пике обряда речь идет о нескольких сотнях единиц. Неудивительно, что у твоих магов переговорники не просто закоротило – они оплавились, Грэг. При том, что парни даже не успели зайти внутрь.

– Я должен с ними поговорить…

– Не сейчас, Грэг, – на удивление мягко остановил коллегу шеф. – Опросить мы их смогли и сами. Пока ими занимаются целители.

– Все так плохо? – насторожился Эрроуз. И вот тогда Корн впервые отвел глаза.

– Магический фон в подвале оказался слишком велик. Даже при закрытой двери там невозможно было находиться. Если бы твои ребята успели спуститься, мы бы их не спасли. А так… они всего лишь ослепли.

– Всего лишь? – тихо уточнил начальник северного участка. – А что насчет магического дара, Нел? Если там так силен магический фон… сколько парни успели хватануть?

– Они сумели уйти, – сухо отозвался Корн. – Их задело краешком, и только поэтому все обошлось. Мы нашли их на выходе из подвала. Но дар… Излишек света опасен не только для нашего разума, ты ведь знаешь. Поэтому велика вероятность, что твои маги… прости, Грэг… они перегорели.

Эрроуз почернел лицом и на мгновение прикрыв вспыхнувшие яростью глаза.

– Демонова бездна…

– Прогнозы пока неточные, – тяжело уронил в воцарившейся тишине Корн. – И если насчет зрения Орбис дает хорошие гарантии, то по магическому дару такой уверенности нет.

– Проклятье, Нел! – на лице темного проступили алые пятна. – Эта тварь всего за четверть свечи угробила мне четырех отличных парней!

Шеф отвернулся.

– Он убил намного больше, Грэг. И будет убивать еще, если мы его не остановим. На все про все у нас осталась неделя.

– Эй, шеф! – негромко окликнул я, когда Корн развернулся, чтобы уйти. – Из Ордена данные какие-нибудь уже пришли?

– Только что сообщили: два вестника, – не поворачивая головы, отозвался тот. – Леди Алана Рокх и мастер Смерти Ирбин Ардо Сотбис.

В наступившей тишине он быстро вышел, оставив нас с Эрроузом старательно вспоминать, а не были ли мы знакомы с убитыми. Хотя не так уже это и важно. Главное, что еще одна светлая магиня раньше времени ушла к Роду. И ещё один темный маг отправился на встречу с Фолом. Наш собрат. Маг Смерти, где-то допустивший оплошность. Но что самое мерзкое, завтра мы узнаем еще два имени. И найдем два новых обезглавленных трупа. А у меня до сих пор не появилось ни путных мыслей, ни идей, как это можно остановить.

– Мы должны достать эту сволочь, – скрежетнул зубами начальник северного участка, отвернувшись к стене. – Любым способом, но должны! Это дело чести.

«Согласен», – мрачно подумал я, поднимаясь с дивана. – «Но прежде чем что-то предпринимать, стоит узнать мнение со стороны».

– Рэйш, ты куда? – насторожился темный, когда я нахлобучил шляпу и решительно двинулся к выходу. – Мы же еще не закончили с домом!

– Хочу поговорить со жрецами.

– Зачем?

– Отец Гон обещал помочь, – отозвался я уже с порога. – А слово служителя темного бога что-то да значит.

– Не думаю, что в нашем деле стоит надеяться на чудо, – буркнул коллега мне в спину.

Я вместо ответа только усмехнулся.

Чудо, он сказал? Что ж, неплохая идея. Тем более что чудеса находятся в прямом ведении храма. И его настоятеля, с которым мне уже давно стоило поговорить по душам.

* * *

– Здравствуй, брат, – раздалось негромкое из Тьмы, едва я остановился перед статуей Фола. Остановился, самой собой, на темной стороне, чтобы не привлекать внимания. Услышав незнакомый голос, я обернулся и увидел перед собой низенького сухонького старичка в длиннополой рясе, подпоясанного обычной веревкой и обритого налысо, как все служители Фола.

Хм. Веревка-то была обычной, а вот глаза у дедка оказались совсем не простыми. Цепкие, внимательные, изучающие… Встретив мой настороженный взгляд, жрец улыбнулся и молитвенно сложил руки на груди.

– Я вижу тебя здесь уже второй раз, брат, но до сих пор не услышал ни одного вопроса.

– Я бы хотел поговорить с отцом-настоятелем.

– Увы. Отец Гон покинул нашу обитель и предупредил, что может вернуться нескоро. Но, быть может, я смогу утолить твою жажду знаний?

Я ненадолго задумался.

– Что вы можете рассказать о магии переходов?

Дедок едва заметно нахмурился. Какое-то время мы с ним бодались взглядами, но потом он усмехнулся и махнул в сторону ближайшей кельи:

– Пойдем, брат. Меня зовут отец Иол. Пожалуй, я попробую тебе помочь.

Келью он выбрал ту же самую, где мы не раз беседовали с отцом Гоном. И место он занял на той же самой лавке, с той же стороны стола, что и настоятель. Подметив это сходство, я мысленно хмыкнул и, увидев приглашающий жест жреца, занял свое обычное место.

– Я так полагаю, ты – Артур Рэйш, – уронил отец Ион, когда я выжидательно на него уставился. – Отец Гон упоминал о тебе в нашем последнем разговоре и попросил оказать посильную помощь, если однажды ты его здесь не найдешь. Что конкретно тебе нужно знать о магии переходов? Или лучше назвать ее магией перекреста?

– Вам известно, кто ее создал?

– Жрецы, конечно, – спокойно признал святой отец. – Но давно. Задолго до того, как наш Орден перебрался в Алторию.

– Вы имеете в виду темных или светлых жрецов?

– А разве это имеет какое-то значение?

Я задумчиво хмыкнул.

– Раз вы об этом спросили, то, наверное, нет. Я хочу понять, в чем суть, отец Иол. И почему тот, кто убивает столичных магов, выбрал именно такой способ получения силы.

На лицо дедка набежала легкая тень.

– Я слышал об этих убийствах. И могу заверить, что наш бог не одобряет подобных смертей. Что же касается магии перекреста… полагаю, убийца выбрал ее из-за того, что она по сути своей наиболее близка к проявлениям божественной силы.

– Нейтральная сила? – насторожился я.

– Именно. Не темная, не светлая… нечто среднее, усиленное магией перекреста в несколько раз и не единожды подпитанное энергией смерти. Как думаешь, если дать такую силу в руки неопытного мага, что из этого получится?

Я помрачнел.

– Пока мои мысли крутятся исключительно вокруг врат между мирами.

– Правильные мысли, брат. Но Фол пока не давал знака, что следует ждать угрозы с этой стороны. Все-таки создание врат требует несколько иного фона и иных деяний. В том числе, гораздо большего количества душ, чем погибает сейчас.

Я, подумав, был вынужден согласиться.

Да, когда я в первый и, надеюсь, в последний раз наткнулся на почти готовые врата, было видно, что на их создание истратили немыслимое количество душ. И среди них встречались не только маги, но и простые смертные. Даже один… мир его праху… жрец. А общее количество душ в сотни, а тои в тысячи раз превышало число жертв, которое мы имели на сегодняшний день. Конечно, все это – лишь догадки. Но с другой стороны… какой смысл жрецу врать? Особенно, если отец Гон попросил оказать нам посильную помощь.

– Отец-настоятель тоже так считает? – наконец, нарушил я воцарившееся молчание. – В прошлый раз, когда мы виделись, он говорил другое…

– Мы обсуждали это недавно, – качнул головой дедок. – И по рассмотрении всех обстоятельств дела верховным советом нашего Ордена было принято решение, что данных за создание новых врат недостаточно. Несмотря на использовании магии переходов и ряд других явлений, которые действительно могли бы лечь в основу этого опасного обряда.

– Но саму возможность создания врат вы все же не отрицаете…

– Это было бы глупо, – пожал плечами старик. – Но сам посуди: скольких магов придется убить, чтобы заполучить достаточное количество энергии? И зачем это понадобилось делать здесь, в столице, где полно хороших сыскарей и где тщательно следят за малейшим изменением магического фона? На мой неискушенный взгляд гораздо разумнее убивать смертных не таким «громким» и сложным способом. Скажем, где-нибудь на окраине. В провинции, а не под носом у главного сыскного Управления. Это ведь риск. Любая оплошность может все испортить. Насколько я понял, к тому, что происходит, убийцы готовились давно. Все тщательно просчитали, потратили много средств, времени и сил. За столько лет целеустремленные люди могли заполучить сотни… тысячи простых душ без привлекающих внимание ритуалов. Помнишь умрунов? Представляешь, как долго они готовили гнездо? Да и неужели во всей стране за это время не появилось детей от родителей с разным цветом магического дара? Но нет. Убийцы зачем-то ожидали именно этого малыша. Рискнули отнимать жизни именно в этих домах. И именно у тех людей, которые были отобраны заранее. Для

создания врат это чересчур сложная схема, Артур. Есть намного более простые способы разорвать границу. В том числе и с помощью магии переходов.

Я заколебался. Да, это звучало разумно.

– Наконец, последний аргумент, который впрямую свидетельствует против создания новых врат, это тот неоспоримый факт, что не так давно их уже пытались создать, – через пару мгновений продолжил святой отец. – Причем здесь же, в столице. И после того, как десятилетиями и столетиями готовившаяся задумка в последний миг сорвалась, было бы глупостью начинать все заново, да еще так неоправданно дерзко. Ты со мной согласен?

– Допустим, – вынужденно признал я правоту жреца. – Одновременная подготовка к открытию двух врат в одном городе действительно выглядит не слишком правдоподобной. Наш убийца – талантливый организатор. И он не совершил бы такой ошибки. Собственно, пока его единственный просчет – это вмешательство Брюса Ольерди, но даже без его участия сроки начала нового обряда были неоправданно коротки. Леди Ирэн находилась на последнем месяце беременности. Вряд ли убийце имело смысл открывать вторые врата сразу после уничтожения первых. Даже если подумать о запасном варианте, то логичнее было выждать несколько лет, а то и найти способ уговорить зачать ребенка другую пару, чем рисковать после такого провала. Тот же сколанис избавил бы отобранных убийцей магов от проблем, связанных с нежеланием делить ложе друг с другом…

– Вот именно.

– Хорошо. Я готов допустить, что это совпадение. Но если не ради врат, то для чего тогда, по-вашему, убийце мог понадобиться ребенок Ирэн Ольерди и Дертиса Эрса?

– А для чего ему вообще понадобилась сила без знака? Разве сосуд наполняют дорогим вином, чтобы затем его разбить? Или вливают в алтарь огромную силу лишь для того, чтобы впоследствии его разрушить?

Я озадаченно моргнул.

– То есть, вы считаете, что ребенок нужен сам по себе? В качестве живого сосуда для нейтральной… почти божественной силы? Кем же он, по-вашему, станет, если получит все, что соберет для него убийца?

Жрец невесело улыбнулся.

– А кем может стать смертный, если дать ему силу убитых магов и получить благословение богов?

– Не знаю, – поежился я, ощутив пробежавший вдоль позвоночника холодок. – Но подозреваю, что ничем хорошим для

него это не закончится.

– Ну почему же? Если право на существование такого ребенка признают боги, он, безусловно, уцелеет. Но вот сохранит ли при этом разум…

– Наверное, тому, кто убил его родителей, это не так уж и важно, – пробормотал я. – В каком-то смысле безумцем даже проще управлять. Лишенный сознания разум примитивен. И если кому-то удастся его использовать… пожалуй, вы правы: просто смертный с почти неограниченными возможностями… оживший бог в обличье маленького ребенка… это действительно может стать для столицы пострашнее открытых врат.

Жрец Фола печально кивнул.

– Хорошо, что ты это понимаешь, Артур. Но я хочу, чтобы ты задумался еще и о другом. Ты ведь в курсе, что твоему врагу помогают?

– Конечно. А как бы иначе он умудрился все это провернуть? И как бы успевал совершать по два убийства одновременно, в столь короткие сроки, да ещё и собрать силу для неразумного младенца?

– Тебе известно, что живых помощников у него во время обряда нет?

– Я почти уверен в этом. Вопрос лишь в том, кто именно поставляет ему нежить. Поначалу я думал, что в обрядах участвуют умруны… Но потом убедился, что в столице таких больше нет. А значит, у убийцы в помощниках ходит кто-то попроще. Возможно, качественно сделанные зомби. Или ещё какая-нибудь тварь. Но из того, что мне известно об умениях некросов, должен признать, что сделать из зомби хороших помощников – весьма трудоемкая задача. Хотя бы по той причине, что обычные сущности такого рода, мягко говоря, туповаты.

– А если это не призванная сущность? – вкрадчиво осведомился старик. – Что, если она была создана искусственно? Именно для того, чтобы однажды поучаствовать в подобном ритуале?

Я вздрогнул во второй раз за этот короткий разговор и уставился на жреца во все глаза.

Да нет… не может быть, чтобы мы говорили об одном и том же! Искусственных сущностей такого уровня, которые сумели бы без подсказок работать во время ритуала, за все время существования магического Ордена было создано не так уж много. А из тех, о существовании которых я доподлинно знал, на ум приходила лишь одна сущность, способная если не рассуждать, то уж убивать воистину мастерски. Бесстрастное, послушное, не поддающееся магии и умеющее перемещаться с

фантастической скоростью существо, подумав о котором, я вдруг вспомнил насечки на каменном полу в доме мастера Рэя. И неожиданно поняв, что знаю, какое оружие могло их оставить, снова ощутил недобрый холодок между лопаток.

Глава 8

– Ты в этом уверен? – свистящим шепотом спросил Корн, когда я явился к нему с докладом.

– Нет, – честно ответил я, плюхнувшись в любимое кресло. – Но звучало это довольно убедительно, а следы в доме Рэя выглядели очень похоже. К тому же, для быстрого и незаметного убийства эти твари подходят идеально. А перемещаются они с помощью прямых троп, поэтому способны появляться и исчезать с места преступления в мгновение ока.

– Хочешь сказать, теперь нам надо искать сумасшедшего некроса, у которого в подручных ходит Палач?! Светлые боги, да что же это такое?! То умруны нагрянут в Алтир, то моргулы свободно разгуливают по улицам, то проверенные временем сотрудники с ума внезапно сходят… Рэйш, это точно не твоя работа? – вдруг с надеждой переспросил шеф.

– Увы. Хоть и началась эта свистопляска с моим приходом, но именем Фола могу поклясться, что не имею к этому ни малейшего отношения.

– А жаль.

– Конечно, – фальшиво посочувствовал я. – Столько убийств одним махом раскрыть – это же просто подарок судьбы! Но у меня нет привычки убивать ни в чем не повинных людей. Я даже не некрос, представляете? А если бы и был им, то мне всяко не настолько много лет, чтобы придумать и, главное, осуществить такой грандиозный план.

Шеф удрученно вздохнул.

– Видимо, придется мне ещё раз перепроверить всех темных магов в городе.

– Не думаю, что это даст результаты, – заметил я. – Если у убийцы и впрямь находится в подчинении сущность наподобие Палача, то он вряд ли захочет регистрироваться в Алтире официально. Переместиться в город он мог и по темной стороне. Вместе с тварью. И в любое время способен незаметно уйти, не ставя никого в известность.

– Как же он тогда умудрялся убивать по паре магов за раз?

– Время на темной стороне течет иначе, – пожал плечами я. – Если предположить, что на прямой тропе оно для Палача практически останавливается, то он вполне способен оказаться в двух местах одновременно. Ну, относительно нашего мира, конечно. И с этой точки зрения настоящему убийце больше никто не нужен. Ни маги, ни обычные смертные… они с Палачом все сделают сами. Поэтому мы не видели других тел. Поэтому же

преступник убивает с такой безукоризненной точностью. У него просто есть идеальный помощник для такого рода дел.

– Тварь, с которой ты столкнулся в Верле, действовала так же? – хмуро осведомился Корн.

– Да. Всегда один удар. И головы он рубил мастерски. Правда, тот Палач сперва утаскивал своих жертв на темную сторону. Но здесь этого и не требуется – если ритуал начинается с убийства темного мага, то на чердаке магия перекреста сама подводит коридор ко второй жертве.

– «Колодец»?

– Именно. Правда, я пока не понял, как именно Палач попадает в подвал, – признался я. – Вы, случаем, зеркал там не находили?

Корн мотнул головой.

– Нет. А вот плитка на полу имеет очень гладкую, хорошо отполированную поверхность, – сообщил шеф, заставив меня удивленно вскинуть брови. – Так что, возможно, зеркало ему не понадобилось. Тем более, владельцы других домов признали, что пол уже был таким, когда они приобрели жилье.

– Интересное совпадение. И оно отсылает нас ко времени последнего ремонта, который наверняка проводился не одно и даже не два десятилетия назад. Как считаете, такое возможно?

– Я уже ни в чем не уверен. Но вот о чем я сейчас думаю: если разбить в подвалах оставшихся нетронутыми домов плитку, это помешает Палачу там появиться?

– Тогда уж лучше убрать оттуда все зеркала и уничтожить все отражающие поверхности.

– Это решаемо, – после мгновения напряженного раздумья сообщил шеф. – Прямо сегодня можем все убрать и уничтожить.

Я хмыкнул.

– А если жрец говорил не о том? Что, если мы ошибаемся насчет Палача?

– Ну… тогда в качестве жертвы пусть убийца в следующий раз забирает тебя, и у меня на одну головную боль станет меньше, – проворчал Корн.

Я поневоле посочувствовал мужику.

Это ж надо, чтобы именно на него и именно с моим появлением свалились на голову все эти проблемы. Меня он, конечно, подозревает, но при всем том не может не понимать, насколько это нелепо. Был бы я замешан, разве стал бы носиться по городу в поисках убийцы? Пришел бы к нему в контору? Да и возраст, как ни крути, не подходит. Опять же, мою подноготную Корн поднял всю. Даже, я полагаю, на Этора Рэйша все документы раскопал. И лишь убедившись, что учитель не покупал на свое

имя эти дома и не совершал грандиозных трат перед уходом из столицы… лишь заставив меня большую часть времени находиться под присмотром, шеф более или менее успокоился. Хотя, наверное, не во всем и не до конца.

– Что еще тебе известно о Палачах? – снова спросил шеф, когда молчание затянулось.

Я пожал плечами.

– Я все описал в рапорте, когда отчитывался за Верль.

– Что-то к этому можешь ещё добавить?

Я подумал и вкратце обрисовал свои знания о духах-служителях. Так, чтобы у Корна не возникло мыслей, откуда мне известны такие подробности.

– Часть этих сведений есть в архиве, – на всякий случай напомнил я. – Насколько они верны, судить не возьмусь, но мастер Ниро как-то обмолвился о происхождении этих созданий, и мне пришла в голову мысль: а лорд Аарон Искадо, случаем, не мог бы помочь нам с информацией?

– Почему именно он? – насторожился шеф.

– Ну, разработка же была секретной. Наверняка создание Палачей велось под патронажем не только короля, но и предшественников герцога из спецотдела. И если в нашем архиве данных осталось не так много, то, может, в архивах, за которые отвечает лорд Аарон Искадо, эти сведения еще сохранились?

Корн уставился на меня тяжелым немигающим взором.

– Вероятно, данные по Палачу будут небезынтересны милорду Аарону Искадо, особенно в связи с недавней гибелью доверенного лица его старшего брата… Хорошо, Рэйш. Я попробую с ним поговорить.

Я удовлетворенно кивнул.

– Тогда, с вашего позволения, я не появлюсь здесь до вечера. Хотелось бы кое-что проверить до того, как снова начнут умирать люди. Если же кому-то захочется меня найти, то до обеда я буду в архиве, потом планирую прогуляться по городу, а вечером вернусь домой. Заодно напоминаю, что способ со мной связаться есть у Хокк и у Йена Норриди. Что же касается зеркал и плитки в подвалах… думаю, у убийцы не вызовет больших подозрений, если хозяева особняков внезапно решат затеять ремонт, а их домашние питомцы по неосторожности перебьют все зеркала в доме. Хотя, быть может, им в этом помогут заигравшиеся с мячом дети?

– А к кому-то сегодня днем проберутся воры и расколошматят все предметы с отражающими поверхностями, – кивнул Корн. – Так и сделаем. Что же касается слежки за тобой, то ее до сих пор нет, поэтому не ерничай. Способ с тобой связаться я тоже найду,

если сильно приспичит. Насчет Хокк… сам думай. Главное, чтобы ты ее не угробил. А если к десяти вечера сумеешь добыть ещё какие-нибудь сведения по делу…

– Я понял: вы обязуетесь простить мне все прегрешения, – лучезарно улыбнулся я. И прежде, чем Корн поднял руку, создавая на ладони приличных размеров огненный шар, поспешил свалить из внезапно ставшего неуютным кабинета.

* * *

С Рейсом, как назло, и сегодня дело не заладилось. Но если вчера я списал наши скромные результаты на усталость, то теперь стало окончательно ясно: дело не в этом. И небольшие, но на редкость тяжелые камни действительно вытягивали из нас с Алом гораздо больше сил, чем приличные по размерам, но вполне подъемные осколки от Ирейи и Малайи.

В чем именно было дело – в том, что леди оказались хрупки и во всех смыслах легки на подъем, а Рейс являлся рослым мужиком в тяжелых доспехах – не знаю. Но проторчал я в первохраме с обеда и до самого вечера, однако за это время мы не сделали и половины того, на что рассчитывали. Более того, создавалось впечатление, что с каждым новым камнем осколки статуи становятся все тяжелее и забирают на себя все больше сил. Так что, выложив всего пять с половиной рядов, я буквально свалился с ног, а Ал под конец не сумел поднять с пола даже самый крохотный осколок.

– Да что за бред? – измученно выдохнул я, утирая градом катящийся по лицу пот. Ал, едва успев убрать с моей головы шлем, огорченно булькнул. – Вчера мы три ряда собрали за пару свечей, а сегодня не смогли даже закончить ступни! Это что, какой-то заговор?

Ал вместо ответа собрался в «наковальню» и окаменел.

– Мы ж для тебя стараемся, – буркнул я, уставившись на незаконченную статую. – Что ты нам палки-то в колеса вставляешь, а?

Я отпихнул от себя увесистый булыжник, а тот в ответ внезапно взял да и стрельнул в меня крохотной молнией. Причем это был уже не первый раз, когда Рейс выражал свое божественное неудовольствие, но мне было решительно непонятно, за что он вообще на нас взъелся.

– Да и Фол с тобой, – плюнул я, получив чувствительный удар даже сквозь двойную броню. – Значит, дальше продолжим работать с Абосом или Солом, а тебя оставим напоследок. Или

вообще не будем трогать, пока не успокоишься.

По постаменту Рейса прошла недовольная дрожь, но я не соизволил от него отодвинуться. К демонам все. Пусть гневается сколько влезет. Полежит ещё пару неделек в разобранном виде, может, хоть тогда угомонится.

Над постаментом тем временем сгустилась бледная тень, смутно похожая на того мужика, которого я не раз видел в верхнем храме. Гневно сверкнув очами, тень исторгла из себя нечто похожее на выдох, даже попыталась что-то сказать, но мне было плевать. Убьет так убьет. Пусть потом другого скульптора ищет. А нет, так и пугать нечего. Не он первый, не он последний. Фол вон молчал в тряпочку и помогал всем чем мог, а этот только мешает.

Равнодушно проследив за тем, как ещё одна молния ударила аккурат в горку камней рядом с моей коленкой, я откинулся назад и закрыл глаза. А когда через какое-то время их снова открыл, никакого мужика над постаментом не было и в помине. Зато поверх небрежно сваленных осколков кое-что изменилось. А если точнее, изменился один из камней, который по внешнему виду напоминал самую обычную перчатку. Правда, по размерам она существенно уступала божественной длани, и не так давно я был готов поклясться, что перчатка цельная. Теперь же внутри нее ничего не было. Обычная перчатка. Только каменная. Причем такая, что в ней как раз помещалась моя ладонь.

– Это что, подсказка? – прищурился я, рассматривая неожиданный подарок.

Рейс презрительно промолчал. А вот Ал, напротив, снова ожил и, с интересом взглянув на перчатку, задумчиво написал на полу:

«С ней тебе должно быть полегче».

– Да? – усомнился я и протянул руку, чтобы прикинуть вес «подарка». С трудом его поднял, примерил – перчатка и впрямь оказалась впору, а затем покачал головой. – Долго я с таким утюгом не наработаю. Но если она хотя бы молнии пропускать не будет, это уже кое-что.

«Зато она не позволит тянут из тебя слишком много жизненных сил».

– Лучше бы она физические не отбирала, – вздохнул я и после короткого отдыха заставил себя подняться. – Ну что, последний заход?

«Да, времени мало», – соткалось передо мной на полу. Но я на это лишь невесело улыбнулся.

В последние пару дней меня не покидало стойкое ощущение, что надо поторопиться. И порой оно не просто тревожило, а

буквально захлестывало с головой. Заставляло работать до изнеможения, до тех пор, пока руки не начинали дрожать от усталости, а ноги не становились ватными. Исключительно по этой причине в последние дни я мало появлялся у себя в участке, предпочитал общаться с Корном напрямую, а все свободное время проводил в первохраме. Что-то надвигалось на Алтир. Что-то нехорошее, причем это «что-то» мы не могли ни предупредить, ни даже понять причину. Более того, мне все упорнее казалось, что без полноценного храма и нормального алтаря мы не сумеем ЭТО остановить.

Надо ли говорить, что ближе к ночи я выглядел почти так же, как позавчера Йен. Если бы не схрон, амулеты-накопители и предусмотрительность слуг, вообще бы, наверное, сдох. Или от усталости, или от голода. А так – ничего. Всего полсвечи в схроне, и я снова свеж и относительно бодр. Только вот голова соображала хуже обычного, ну и до Роберта я добраться не успел. Хотя по его поводу я как раз волновался меньше всего – если что, Мэл поможет. А если понадобится, то и сигнал подаст, но пока в Белом квартале все было тихо.

– Время, – нетерпеливо напомнила Хокк, когда я, отдохнув после храма, спустился вниз, на ходу нахлобучивая на голову шляпу. – До совещания четверть свечи. Рэйш, ты уверен, что мы успеем в такое время найти свободный кеб?

– Экипаж ждет внизу, – вместо меня ответил нарисовавшийся в гостиной дворецкий и предусмотрительно распахнул входную дверь. – Мастер Рэйш… миледи… прошу вас.

Хокк насмешливо хмыкнула и, аккуратно обойдя толкущихся у крыльца призрачных псов, со всей возможной скоростью устремилась к воротам. Я, ненадолго задержавшись с питомцами, обменялся выразительным взглядом с дворецким и направился следом, будучи точно уверенным, что через три с половиной свечи у него наготове будет ещё один амулет, делающий существование Лоры более комфортным.

Кстати, в ГУСС мы прибыли вовремя: Нортидж в точности выполнил мое распоряжение, и кебмен гнал по улицам так, что мы не только успели, но и зашли в кабинет шефа раньше остальных. Правда, при виде Хокк Корн отчего-то нахмурился. Но потом заметил меня и, взглядом указав на свободные места в кабинете, бросил:

– Ты был прав, Рэйш. Герцог и без того заинтересовался нашим делом, но после твоего предложения согласился пересмотреть старые архивы на предмет того, о чем мы говорили.

Я устроился на своем законном месте и довольно кивнул.

– Отлично! Самая лучшая новость за сегодняшний день.

– Более того, – продолжил шеф, – исходя из того, что пострадал один из людей его старшего брата, нам была предложена дополнительная помощь.

– В каком объеме? – ничуть не удивился я. Признаться, я рассчитывал на его сиятельство и надеялся, что в его распоряжении найдется не только информация, но и кое-что посущественнее.

– В каждый наш патруль они предлагают внедрить своих людей, – тем временем озвучил Корн предложение Аарона Искадо.

– Магов, я надеюсь?

– Некросов. Причем меня заверили, что это ОЧЕНЬ хорошие некросы. С ОЧЕНЬ уместными в нашей ситуации знаниями и способные помочь решить одну небольшую проблему.

Я с предвкушением улыбнулся.

– Знатоки, способные грамотно поставить магическую ловушку, нам пригодятся. Видимо, милорд считает себя вам обязанным, раз расщедрился на такой подарок?

– Что за подарок? И причем тут маги? – настороженно уточнила Хокк, попеременно глянув сперва шефа, а затем на меня. Корн только отмахнулся и приветственно кивнув входящим в кабинет начальникам участков, коротко бросил:

– Сейчас узнаешь.

А еще через несколько мгновений дверь открылась повторно, и внутрь зашел еще один человек. Со вкусом одетый, полностью уверенный в себе, весьма могущественный человек и светлый маг, при виде которого шеф даже соизволил подняться из-за стола и торжественно изречь:

– Добрый вечер, милорд. Рад, что вы нашли время к нам присоединиться.

Глава 9

Лорд Аарон Искадо, начальник специального отдела Управления дворцовой стражи, быстро оглядел присутствующих и без всяких церемоний занял пустое кресло у стены. Да-да, то самое, что я притащил для Хокк, но которым она так ни разу и не воспользовалась. Увидев меня, милорд едва заметно прищурился, но ни малейшего удивления не выказал. Видимо, состав участников беседы был известен ему заранее.

Хм. Надо же, как меняются люди… когда мы впервые встретились, передо мной был безумно уставший, отчаявшийся отец, чей сын сперва чуть не погиб, а затем лишился магического дара. Во время посвящения в храме я впервые увидел, как в его глазах загорелась надежда. Теперь же у лорда Искадо было непроницаемое лицо, холодный взгляд и абсолютно закрытая аура. Передо мной сидел не отец юного Роберта, а высокопоставленный военный чиновник и один из сильнейших магов Алтории, который не только знал о своем преимуществе, но и не сомневался, что при необходимости раскатает весь этот кабинет по камешку вместе со всеми, кто в нем находился.

– Господа, леди… не скажу, что безмерно рад встрече, но сложившаяся обстановка не располагает к светским условностям, – хмуро бросил лорд Искадо вместо приветствия. – Корн, мои люди уже выдвинулись на позиции. Надеюсь на ваше понимание.

– Патрули уже предупреждены, – вернулся за стол шеф. – Городская стража и сотрудники Управления готовы оказать вам любое содействие.

Его сиятельство так же хмуро кивнул.

– Сведения, которые мы от вас получили, чрезвычайно важны. Наши аналитики изучили материалы и пришли к выводу, что предположение о появлении в Алтире крайне опасной сущности может быть обоснованным. В связи с чем каждый ваш патруль я хочу дополнить магом-некросом и мастером Смерти, а также тремя специалистами по боевой магии.

Начальник участков быстро переглянулись, но, хоть они мало что поняли, вопросов никто не задал. И лорд Искадо, благодарно кивнув, неторопливо продолжил:

– С вашего позволения я введу ваших сотрудников в курс дела, Корн, поскольку ваши сведения неполны и, боюсь, неполны именно по моей вине.

Шеф молча наклонил голову, а герцог достал из-за пазухи стопку бумаг, прямо на глазах их размножил и, заставив

слевитировать на колени ко всем присутствующим, невозмутимо продолжил.

– Так вот, о сущности… пока вы изучаете основные ее характеристики, я поясню, откуда она взялась. Как вы помните, примерно три столетия назад на территории Лотэйна произошел ряд событий, который вызвал серьезную обеспокоенность тайной стражи его величества Эрнеста Первого и вынудил начать разработку ответных мер, которые помогли бы уберечь Алторию от возможных последствий.

– Вы говорите о мятеже, ваше сиятельство? – рискнула подать голос Хокк, на мгновение оторвавшись от бумаг.

– О гражданской войне, которая вспыхнула в Лотэйне после довольно продолжительных волнений, – кивнул герцог. – В основу этих волнений легли религиозные противоречия. Темный пантеон, если помните, был сперва запрещен, а затем уничтожен. Светлые жрецы, напротив, заняли доминирующее положение в обществе, что в итоге привело не только к противоречиям в Ордене, но и к массовым протестам в народе, а затем к войне, в которую оказалась вовлечена и светская власть. Разумеется, гражданская война на территории нашего восточного и, к тому же, густонаселенного соседа не могла не встревожить короля и, поскольку религиозный фанатизм не знает границ, а в наших храмах уже в те времена прочно обосновались как темные, так и светлые боги, было принято решение не вмешиваться в события в Лотэйне. И, в то же время, принять меры, чтобы пожар войны не перекинулся на нашу территорию. Тогда же зародился проект под названием «Палач», в который были вовлечены сильнейшие маги Алтории и который курировался лично его величеством. Итогом этого проекта стало создание совершенно нового вида духовных служителей, в основу которых легли последние разработки наших ученых совместно с Орденом жрецов.

Я мысленно присвистнул.

А вот про жрецов я не знал. Хотя, наверное, мог бы догадаться, потому что без вмешательства храма вряд ли некросам удалось достичь таких успехов. Манипуляции с человеческой душой – весьма опасное занятие и, скорее, это все же прерогатива жрецов, чем магов. Да и вряд ли Эрнест Первый захотел бы рисковать, провернув такое грандиозное и сомнительное дело втайне от храма.

– Ожидания аналитиков оправдались, – тем временем продолжил герцог, пока присутствующие просматривали бумаги и осмысляли полученные сведения. – Примерно две с половиной сотни лет назад война в Лотэйне завершилась победой светлой части жреческого Ордена, а следом за потоком беженцев в

Алторию хлынули шпионы, религиозные фанатики и просто безумцы, которым во чтобы то ни стало требовалось уничтожить статуи темных богов уже в наших храмах. Некоторым это даже удалось, – спокойно добавил лорд Искадо. – Но как только до короля дошли сведения о вандалах, среди которых обнаружились не только простые смертные, но и маги, были предприняты дополнительные меры безопасности. Благодаря им за несколько последующих лет удалось предупредить восемьсот четырнадцать диверсий в местах массового пребывания верующих, из них почти две сотни были направлены против главного храма страны.

Я так же мысленно покачал головой.

А Грем мне об этом не рассказывал. Зато теперь становился понятным масштаб угрозы, пришедшей в Алторию из соседнего Лотэйна. Религиозные фанатики – это серьезная проблема. И настоящая беда, если их гораздо больше, чем население нашей страны, и если к ним примыкают могущественные маги, которых в Лотэйне к тому времени осталось не так уж мало. Наверное, я не ошибусь, если предположу, что в то время спецотдел Управления дворцовой стражи Алтории… тогда ее еще называли тайной стражей… занимался не только предупреждением диверсий в храмах. Скорее всего, предшественник лорда Аарона Искадо устроил настоящую облаву на тех, кто пытался внести разброд в умы алторийцев и повторить в нашей стране тот же сценарий, который едва не уничтожил Лотэйн.

К счастью для нас, ребята из тайной стражи хорошо сделали свое дело, и волнений в Алтории удалось избежать. Однако вскоре Лотэйн развязал полномасштабную войну, и именно к такому повороту событий наша сравнительно небольшая, но пользующаяся полной поддержкой жрецов армия была… ну, если не готова, то уже завершала последние приготовления.

Вероятно, к тому моменту создание Палачей находилось на завершающей стадии. Мэла, если Уэссеск не соврал, пробудили два с половиной века назад. Скорее всего, в качестве проверки. Затем последовало еще несколько лет плотной работы, и вот, наконец, Палач был готов. Мы не знаем, создали остальных Палачей в то же самое время или же это происходило последовательно. Не знаем точно, как это делали и сколько времени это заняло. Ясно одно – из-за войны некросам пришлось поспешить с окончанием работ над новым духом-служителем. И, быть может, именно поэтому привязка на крови получилась не совсем качественной, и как минимум один Палач после окончания военных действий сумел сорваться.

Тем не менее после почти двадцатилетнего противостояния с Лотэйном Алтория устояла. А Палачи оказались

востребованными не только во время боевых действий, но и после них. Причем как в Лотэйне, где, как намекнул Грем, в те времена загадочно погибло немало высокопоставленных жрецов и чиновников, так и в Алтории, где, в как в любой стране, всегда были диссиденты, ренегаты и просто предатели, которые стремились к наживе даже во время угрозы тотального уничтожения.

Именно таких людей Палачи по-тихому находили и выкашивали на протяжении всего правления Эрнеста Первого, его сына и даже внука – Эрнеста Второго, сумевшего перед смертью снискать себе прозвище Кровавый. Непонятная смерть младшего герцога Туруйского, исчезновение графа и графини Ортских, проклятие Иршанского замка… думаю, Грем не ошибся, когда рассказывал об этих событиях и их связи с Палачами. Не в привычках власть имущих оставить пылиться прекрасное оружие, если с его помощью можно почистить собственное окружение и свести на нет риск мятежа.

– Сколько таких сущностей было создано с разрешения и одобрения короля? – хрипло спросил Корн, когда герцог ненадолго прервался, а народ в большинстве своем ознакомился с бумагами и принялся просчитывать ситуацию с учетом новых данных.

– У меня есть сведения о шести, – спокойно признал его сиятельство, заставив Корна и остальных нервно дернуться. – Одного лотэйнийские маги и жрецы уничтожили во время войны. Пятеро были поставлены на службу тайной стражи его величества. Но один из этой пятерки после нескольких десятилетий исправной работы без видимых причин дал сбой и попытался убить человека без приказа, после чего его тоже сочли необходимым уничтожить.

– Когда это случилось? – встрепенулся я.

– Сто шестнадцать лет назад. Во время процедуры ликвидации серьезно пострадала лаборатория. Многие сотрудники погибли. Но, несмотря на потери, вышедшую из-под контроля сущность все-таки удалось уничтожить. После чего проект признали слишком опасным, и вскоре он был закрыт.

– Так вот почему Эрнест Второй отдал приказ их уничтожить… А заодно и всех, кто хотя бы теоретически мог оказаться в родстве с создателями этих тварей. Не так ли, милорд?

Герцог метнул на меня быстрый взгляд.

– Вам что-то известно об этом?

– Только то, что уже на следующий год гвардия короля подчистую вырезала семнадцать сильнейших темных родов

Алтории. Но как минимум с одним родом они промахнулись, потому что как минимум один Палач в той резне уцелел.

Аарон Искадо опасно прищурился.

– Я читал ваше личное дело. И, признаться, до сих пор испытываю сомнение, что кто-то сумел в одиночку уничтожить сущность, созданную специально для убийства магов и жрецов.

– Можете посмертно наградить мастера Уорана Ниро, – сухо отозвался я. – На наше общее счастье, он много лет интересовался созданием искусственных сущностей, поэтому знал о них гораздо больше, чем я, и возможно, даже больше, чем вы.

– Мне кажется, вы себя недооцениваете, Рэйш. Так же, как мы когда-то недооценили вашего учителя, – неожиданно мягко заметил герцог. – Но мы, пожалуй, вернемся к этому вопросу позже. Что же касается Палачей, то до сегодняшнего дня у меня не было повода сомневаться, что никто из них не выжил.

– Что же заставило вас сюда прийти? – не слишком любезно осведомился я.

– Мои люди побывали в доме мастера Рэя. Отметины, которые вы увидели в его спальне, имеют весьма характерные особенности. И они очень схожи с теми, что оставляет после себя оружие Палача.

Ну да. Я тоже сразу вспомнил про секиры.

– Поэтому даже намек на существование в Алтире подобной твари заставляет меня вмешаться в расследование, – тихо закончил его сиятельство, и в кабинете повисла гнетущая тишина.

– Какова вероятность того, что один из Палачей действительно сумел дожить до нашего времени? – через какое-то время напряженно поинтересовался Корн.

Герцог поморщился.

– Вероятность довольно мала, потому что, по нашим данным, все созданные накануне войны с Лотэйном сущности были уничтожены.

– Есть ли хоть один шанс, что вам предоставили ложные сведения о количестве этих существ? – без обиняков спросил я. – И есть ли шанс, что кто-то из Палачей не был уничтожен на самом деле?

– Нет, Рэйш, – усмехнулся его сиятельство. – Это абсолютно исключено, потому что весь процесс создания был строго задокументирован, и незаметно сотворить ещё одну тварь было бы невозможно. А останки тех, кого мы смогли уничтожить, и по сей день находятся в специальном хранилище в качестве доказательства того, что приказ короля был исполнен в точности.

– Вы их что, до сих пор не сожгли?! – почти одновременно

воскликнули мы с Корном.

Его сиятельство покровительственно улыбнулся.

– Они совершенно безопасны, господа. Вам ни к чему переживать по этому поводу.

Я посмотрел на него, как на дурака, и очень тихо переспросил:

– Вы действительно так считаете?

– Рэйш, вы знаете что-то, что неизвестно мне? – мгновенно напрягся его сиятельство.

– Не уверен. Но настоятельно посоветовал бы вам собственноручно пересчитать количество пальцев, голов, а также других частей тела у оставшихся в хранилище трупов. И в случае, если хоть какого-то кусочка не хватает, срочно озаботиться составлением завещания.

* * *

– Это невозможно, – твердо заявил Аарон Искадо, когда я вкратце пояснил причину своего беспокойства. – В наших документах не значится, что Палачи обладали подобными возможностями. Регенерация у них, конечно, была повышенной, но не до такой степени. У вас неверные сведения, Рэйш.

Я иронично хмыкнул.

– Конечно. У последнего лорда Уэссекса… вернее, у господина Уэсли Гранта, бок о бок прожившего с одним из Палачей на протяжении нескольких десятилетий… сведения тоже были неверными. По-видимому, он напрасно рассказал мне свою историю, а затем выставил ультиматум и сделал все, чтобы я смог убить вышедшую из-под контроля тварь.

– Грант? – едва заметно вздрогнул герцог. – Он так вам представился?!

– Он сказал, что имеет прямое отношение к этому роду. И утверждал, что долгое время семья Грантов пряталась где-то на юге Алтории… насколько я помню, в Хоруэлле. По крайней мере, они жили там до того, как туда пришел «мор» в лице до зубов вооруженной королевской гвардии. А что? Вам знакомо это имя?

– Еще бы, – пробормотал лорд Искадо и нервным движением вытер выступившую на лбу испарину. – Убеус Грант какое-то время работал на нас. И один из Палачей был привязан именно к его роду. Но по нашим данным Грант погиб под обломками вместе с Палачом, когда случился пожар в лаборатории.

Я желчно усмехнулся.

– Что-то мне подсказывает, что так называемый «пожар»

исходил из того же источника, что и «мор», поразивший сто пятнадцать лет назад сразу несколько алторийских городов. Но, судя по всему, команда зачистки схалтурила, раз Грант сумел уцелеть. И я не удивлюсь, если обнаружится, что тайная стража упустила из виду кого-то еще. Кого-то, кто сохранил знания о Палачах и смог бы передать их третьему лицу. А то и научил интересующегося этой темой мага, как и из чего можно создать подобную тварь. После той бойни, что устроил король, этот человек должен был страстно желать отомстить ему за предательство. И где гарантия, что спустя столько лет один из его потомков не вспомнил об этом и не воспроизвел в лаборатории на Прибрежной улице то самое существо, которого так боялся Эрнест Второй?

На лице герцога Искадо мелькнуло и пропало странное выражение.

– Я обязательно проверю эти сведения, Рэйш. Но язвите вы совершенно напрасно. И напрасно пытаетесь сравнивать тайную стражу Эрнеста Второго со службой безопасности ныне здравствующего Ринорка Шестого.

Я молча отвернулся.

Может, и так. Может, нынешние «спецы» в гораздо меньшей степени зависят от королевских прихотей, чем те, кто сто лет назад работал на Эрнеста Кровавого. Может, герцог даже не тот, за кого я его принял, и в нашем мире и впрямь остались честные, искренне радеющие за свое дело люди. Но я в любом случае живу вне системы. Мое пребывание в Ордене продлится лишь до тех пор, пока мне это выгодно. А вот у людей вроде Корна и начальника спецотдела дворцовой стражи выбора, по большому счету, нет. Хотя, возможно, я действительно перегнул палку, когда вменил ему в вину чужую ошибку.

– Давайте ближе к делу, – напряженно произнес шеф, когда в кабинете снова повисло гнетущее молчание. – Милорд, вам известны имена семей, которые также, как Грант, обладали властью над Палачами?

Его сиятельство не слишком охотно кивнул.

– Диллосы, Артосы, Карросы, Гранты, Ройсы и Солсбри. Все эти рода были уничтожены во времена правления Эрнеста Второго.

«То есть, Дейнеши, Айнеро, Карино, Таэро и Саэфи, – перевел про себя я. И, вспомнив первую часть списка, где видел значки в виде топоров и когда-то гадал, чтобы это значило, мрачно подумал: – Вот, значит, почему учитель их пометил. По поводу Гранта он до последнего сомневался, поэтому и пришел лично пообщаться с отцом Уээсеска. А вот про Ройсов он, похоже, не

знал. Хотя, может, вопросительный знак напротив рода Маори означал именно это? Топор Палача?»

– Милорд, что вы можете предложить в свете новых данных? – снова спросил Корн, когда его сиятельство замолчал.

– Мои люди поставят по всем адресам специальные магические ловушки. И в реальном мире, и на темной стороне. Поставят так, чтобы до поры до времени они оставались неактивными и не привлекли к себе внимания ни Палача, ни его хозяина. Принцип действия объяснять не буду – это одна из наших разработок. Скажу только, что он весьма схож с теми, что используются в ловушках для демонов. За тем исключением, что нам необходимо не просто выловить Палача… если это действительно он, конечно… но и нарушить ход ритуала, чтобы убийца или убийцы не сумели его закончить.

– Чем это грозит моим людям?

– Ничем. Но я настоятельно прошу их воздержаться от появления в отмеченных на вашей карте зданиях этой ночью.

– Хорошо. А для мирных граждан? – нахмурился Корн.

– Жителей соседних домов желательно эвакуировать. Мои люди как раз этим занимаются.

– Но это может спугнуть убийцу, – впервые подал голос Йен. – Мы уже убедились, что он отслеживает перемещение жертв. Скорее всего, суета среди соседей его насторожит.

– Да. Но раз для ритуала важны временные рамки, то отложить очередное убийство он не сможет. И если ему так нужен один из помеченных домов, то убийца все равно там появится. Насколько я знаю, ему важно как местоположение зданий, так и их внутренняя структура. Расположение стен, наличие защиты… вряд ли у него на примете есть другие здания, с такой же тщательностью подготовленные к ритуалу. А значит, он все равно придет. И с жертвами, и с помощником.

Корн встрепенулся.

– Если ловушка сработает, и ход ритуала нарушится, выброс энергии может ударить и по магам.

– Да, – согласился Аарон Искадо. – Но у моих людей хорошая защита. Они в любом случае не пострадают.

– А люди, предназначенные для жертвоприношения? – мрачно осведомился Йен.

Герцог спокойно ответил:

– У них шансов практически нет. Даже в том случае, если мы сумеем опередить убийцу и убьем Палача до того, как он отрубит им головы. Но это оправданный риск. И совсем не напрасные жертвы. Даже если у нас не получится спасти магов, велика вероятность, что мы сумеем предотвратить другие убийства. И

ради такой возможности, я считаю, можно рискнуть.

На моих губах появилась невеселая усмешка.

Ну конечно. Две невинные жизни в обмен на поимку опасного преступника и крайне любопытную сущность, которую было бы заманчиво заполучить для исследований… Разумеется, милорда герцога я прекрасно понимал, потому что на его месте поступил бы так же. Ну а если бы мне довелось оказаться на месте жертвы… да, я бы без раздумий согласился стать разменной монетой. Хотя бы ради того, чтобы после меня больше никто не оказался на жертвенном столе.

– Хорошо, действуйте, – согласился с доводами герцога Корн и устало откинулся на спинку кресла. – Мои люди не будут мешать. И в дома после полуночи никто из них не сунется, даже если внутри начнется локальный конец света. Илдж, Норриди, Эрроуз…

Когда Корн закончил отдавать распоряжения, начальники участков вышли в коридор, доставая из карманов переговорники. Следом за ними ушел и его сиятельство, прямо на ходу связавшись с кем-то по амулету и короткими рублеными фразами скорректировав действия своих людей с учетом того, что только что прозвучало на совете. До полуночи времени оставалось достаточно, чтобы все согласовать и обеспечить выполнение операции совместными силами городской стражи, ГУССа и спецов из Управления дворцовой стражи. Насчет ловушек я тоже догадывался, что это будет. Поэтому, когда Хокк наклонилась и шепотом поинтересовалась, почему мы так легко уступили его сиятельству и приняли его план, хотя однажды уже обожглись с облавой, я так же тихо ответил:

– Есть такая штука как прямой приказ короля. Вчера его получил наш шеф, сегодня не повезло милорду герцогу. Что из этого получится, никто, разумеется, не знает, но все надеются на лучшее.

Лора странно на меня покосилась.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– А что еще предлагаешь делать?

Хокк с досадой выпрямилась и вопросительно уставилась на шефа. Но тот, к ее удивлению, лишь устало кивнул.

– Он прав. Нам остается только ждать. И тешить себя надеждой, что с помощью герцога мы сумеем выловить этого сукиного сына. Даже если ценой за поимку станут жизни наших с тобой друзей и коллег.

Глава 10

Наверное, это была первая ночь за последнюю неделю, когда нервничали абсолютно все. Напряжение, сгустившееся в воздухе к середине ночи, было таким, что вскоре в помещении стало сложно находиться. В какой-то момент даже Корн не сумел сохранить привычное хладнокровие и принялся мерить шагами свой кабинет. Йен вообще сидел как на иголках. Илдж предпочел прогуливаться по коридору – за неплотно закрытой дверью я то и дело слышал его шаги. Вперивший задумчивый взгляд в карту Рош нервно теребил полы своей длинной мантии. Эрроуз просто смотрел в окно. Хокк тщетно пыталась выглядеть отстраненной. Но я ее прекрасно понимал – срываться куда-то не имело никакого смысла. Здание ГУССа располагалось почти в центре города – так, что добраться до любого из семи потенциальных мест преступлений можно за примерно одинаковое время. До того, как от патрулей придет тревожный сигнал, бегать от дома к дому бесполезно. К тому же, операцией руководили люди герцога, и помочь им мы при всем желании не могли.

Примерно раз в четверть свечи переговорники начальников издавали мелодичную трель, и, поскольку Корн велел включить громкую связь, оттуда доносились приглушенные голоса.

– На Линейной чисто…

– Сенная – чисто…

– Звенящая и Золотая – чисто…

– Сорок вторая – чисто…

Услышав голоса дежурных магов, мы всякий раз напряженно замирали, но потом ненадолго расслаблялись и продолжали ждать.

Через три четверти свечи после полуночи напряжение в комнате достигло апогея.

Половина первого – то самое время, когда мы обычно получали сигнал или из Ордена, или от патрулей. Но на этот раз убийца запаздывал. Возможно, потому, что испорченный в подвалах пол больше не пропускал Палача. Или же, обнаружив в одном из домов команду боевых магов, наш противник все-таки решил не рисковать.

– У нас что-то не так, – вдруг проскрипел в коридоре амулет Илджа, заставив нас напряженно переглянуться. Потом раздалось еще несколько неразборчивых слов. Наступило мгновение тишины. А еще через миг в дверях нарисовался сам Илдж и, стиснув в ладони переговорник, тревожно сообщил:

– Шеф, на восточном участке проблема!

– Адрес! – приподнялся в кресле Корн.

– Золотая, один. Вокруг дома все тихо. Мои люди в порядке. Темная сторона спокойна. Магический фон по-прежнему в норме. Но люди герцога не вышли на связь! Их связной, оставшийся у нас в патруле, сейчас отчитывается его сиятельству, но в дом я никого не пустил.

У Корна на скулах загуляли желваки, а еще через четверть свечи сразу четыре экипажа остановились перед злополучным домом в Оранжевом квартале.

Милорд герцог прибыл одновременно с нами вместе с боевой пятеркой из двух темных и троицы светлых магов. Судя по аурам последних, магами они были хорошими – на темной стороне воздух вокруг них буквально пылал. И если ауру они ещё пытались закрыть специальными амулетами, то спрятанных под одеждой артефактов было столько, что никакая защита не смогла бы укрыть их полностью.

Рассыпавшись по улице, эта пятерка быстро и умело обошла дом. При этом мои коллеги тут же ушли на темную сторону. Один рванул к черному ходу. Второй остался возле главного. Одновременно с этим двое светлых накрыли особняк каким-то умопомрачительно сложным заклинанием, а темные повторили его структуру во Тьме. Быстро, уверенно и явно не в первый раз.

Проигнорировав приказ герцога не вмешиваться, я тоже нырнул на темную сторону, чтобы получше присмотреться к защите. Но внутрь, разумеется, не полез – в данный момент имело смысл проявить терпение. К тому же отсюда, из Тьмы, я мог беспрепятственно наблюдать за тем, как быстро и грамотно маги герцога заходят в дом и сноровисто обыскивают одно помещение за другим. Более того, даже сумел заметить отблески ауры светлых в подвале, чему несказанно удивился. А потом присмотрелся к чердаку и, уловив там отчетливые признаки присутствия коллег, поспешил вернуться в реальный мир.

– Корн, это обманка! Убийцы здесь нет.

Шеф настороженно обернулся, но прежде чем он успел открыть рот, у стоящего неподалеку герцога Искадо тренькнул переговорный амулет, а ещё через миг его лицо жутковато изменилось.

– Почему ты так решил? – тихонько спросила из-за спины Хокк, которая, как и все мы, была вынуждена ждать на улице, пока люди герцога обыскивали здание.

Я так же тихо ответил:

– Защита не работает. Это значит, что ритуал не проводился.

– Но люди герцога все равно не вышли на связь? – поинтересовался стоящий рядом Норриди.

– Вот именно.

– Плохой признак, – едва слышно уронила магичка, прикладывая к глазам визуализатор. И я не мог с ней не согласиться.

– Пойду пообщаюсь с герцогом, – решительно бросил Корн и двинулся к замершему возле экипажа милорду. Мы с Хокк и Норриди проследили за шефом с одинаковым вниманием. Какое-то время терпеливо ждали, пока начальники о чем-то беседовали. Потом заметили, что Корн тоже помрачнел. А затем он обернулся, отыскал нас взглядом и, бросив в переговорник несколько фраз, махнул рукой.

– Хокк, Рэйш, вы идете со мной, – без обиняков приказал он, когда мы подошли вместе с начальниками остальных участков. – Илдж, Норриди, Эрроуз, Рош… велите дежурным магам в срочном порядке обыскать оставшиеся шесть особняков. С высокой долей вероятности в одном из них произошло убийство.

Йен настороженно покосился в сторону дома напротив.

– То есть, это действительно обманка?

– Не обманка, – зло отозвался Корн. – Все, выполняйте. Инструкции по работе в подвалах и чердаках остаются в силе. Мы подъедем как только освободимся.

Начальник участков переглянулись и послушно отошли к экипажам, а мы с Корном и милордом герцогом направились к злополучному дому под номером один.

Когда мы поднялись на крыльцо, изнутри вышел один из светлых магов и, придержав дверь, впустил нас внутрь. Выглядел он встревоженным, я бы даже сказал – подавленным. А на вопрос герцога «где», молча указал на одну из дверей первого этажа и посторонился, позволяя нам пройти.

Комната оказалась гостиной, и на первый взгляд ничего особенного в ней не было, кроме двух светлых магов в визуализаторах, буравящих тяжелыми взглядами дальнюю стену. В реальном мире – стена как стена. Два старинных гобелена, большое кожаное кресло в углу… ничего необычного. Наполовину разбитое, лежащее на боку напольное зеркало не в счет. Но стоило только взглянуть на темную сторону, как у меня волосы на голове зашевелились.

Почти весь угол в этой комнате занимало… нечто. Абсолютно непонятная конструкция из грубо перекрученных силовых потоков, запаянных прямо в ней облаками Тьмы и незнакомыми заклинаниями, превративших это сооружение в подобие огромного купола, нижний край которого упирался в пол и, кажется, пробивал его насквозь. Рядом с конструкцией нашлись и оба мастера Смерти, которых привел с собой герцог. Когда мы

вошли, один из них медленно обходил непонятное сооружение по кругу, а второй, присев на корточки, пытался прощупать его заклинанием.

Поскольку напрямую работать с Тьмой он не умел, то делал это по старинке – с помощью знаков и стандартных заклятий, которые отскакивали от купола, как мячики. После каждого прикосновения купол вспыхивал черно-красными искрами, за которыми очень внимательно следил напарник темного и старался держаться так, чтобы случайно не коснуться ни одной.

– Что это такое? – растерянно пробормотала Хокк, вовремя сообразив надеть визуализатор.

– Без понятия, – процедил Аарон Искадо и сделал знак темным отойти. Те беспрекословно повиновались, маг Смерти перешел в реальный мир, и купол на какое-то время затих. – Господа, я хочу услышать от вас объяснение, что именно здесь произошло.

Один из темных вытер рукавом выступивший на лице иней, а второй криво усмехнулся.

– Боюсь, нас переиграли, милорд. Это – пустышка. Тварь, о которой вы говорили, не появлялась – ловушки на чердаке и в подвале пусты.

– А наши маги?

– Судя по всему, они здесь, – ответил тот же незнакомый мастер Смерти и указал на угол, который накрыла плотная пелена Тьмы.

Герцог сжал челюсти.

– Почему вы так уверены, что они мертвы? Вестники в Орден пока не прилетали.

– Так точно, милорд, – внезапно подал голос один из светлых. – Взгляните сами.

С рук мага сорвалось ещё одно неизвестное мне плетение, и подозрительный угол внезапно расцвел золотисто-рыжими исками. Нет, в реальном мире купол, разумеется, не проступил. И замаскированных тел в углу тоже не появилось. Зато вместо них в воздухе соткалось некое подобие наброшенной на комнату сетки, в которой смутно угадывалась структура, которую я видел на темной стороне. А под ней, словно птицы в клетке, неистово метались пять вестников, при виде которых даже Корн побледнел, а его сиятельство недоверчиво выдохнул:

– Как это могло произойти?!

Светлый убрал заклинание, и в углу снова стало тихо и темно.

– Не знаю, милорд. Мне незнакомо использованное плетение.

– Я тоже не в курсе, что это за дрянь, – буркнул один из

темных. Тот, кто перед нашим приходом пытался прощупать стену купола. – Я даже не знаю, как ЭТО можно было заставить работать. Абсолютно нежизнеспособная структура. Здесь же все линии перекручены. Вместо узловых точек какая-то белиберда. Так что я, если честно, понять не могу, как ее разрушить.

Я медленно погрузился во Тьму и взглянул на структуру купола через две линзы.

Понятно, почему коллега не понял, что это такое. По-видимому, создатель купола умел не только работать с Тьмой напрямую, но и не боялся сочетать классические приемы магии с теми фокусами, на которые способен лишь очень искусный маг. Вроде мастера Этора, например. Или мастера Ниро. Я с первого взгляда даже не смог определить, где находится основа… базовый узел… у этого перевернутого заклинания. Но не найдя его в самом куполе, все же сообразил, что искать следует внизу, ПОД ним, и под недоумевающими взглядами коллег спустился в подвал. Уже там наглядно убедился, что на потолке находятся дополнительные элементы этой странной структуры. Вычислил тот, что являлся наиболее уязвимым. Разбил его самым обычным Прахом. Удовлетворенно кивнул, когда заклятие прямо на глазах начало разрушаться. И, не дожидаясь, когда оно развалится полностью, снова поднялся наверх.

В комнату я вернулся в тот самый миг, когда казавшийся непроницаемым купол окончательно потерял стабильность и медленно, крайне неохотно осыпался на пол неопрятными клочьями. Заключенная между силовыми путами Тьма с тихим шорохом испарилась. Сами путы распались на тысячи невесомых осколков. Вырвавшиеся на свободу вестники, торжествующе сверкнув, отправились в Орден. После чего уцелевшая конструкция медленно завалилась на бок, и я, наконец, смог увидеть то, что она под собой скрывала. И с тяжелым сердцем оглядел посаженных в круг пятерых мертвецов.

Я никогда не знал этих людей. Ни с кем из их прежде не сталкивался. Но легче от этого не становилось.

Пятеро хороших парней… пятеро отличных спецов, которые этой ночью допустили непростительную ошибку. А теперь они сидели на темной стороне в луже собственной крови. Держали на руках свои отрубленные головы. Мертво смотрели на нас заиндевевшими глазами. И в этом чувствовалось какое-то изощренное издевательство со стороны убийцы, будто он демонстративно нам сообщал: не лезьте, иначе с вами произойдет то же самое.

Спустя несколько мгновений в кармане Корна снова ожил переговорный амулет.

– Шеф, – донесся до нас напряженный голос Грегори Илджа. – Вы были правы: мы нашли еще трупы. Улица Звенящая, четыре. Приезжайте. И милорда герцога с собой возьмите – у меня для него плохие новости.

* * *

Уже сидя в кебе, я прикрыл глаза и попытался разложить по полочкам то, что сегодня узнал.

Итак, убийца… говоря о нем в единственном числе, я, естественно, имею в виду организатора, а не исполнителей… так вот, убийца прекрасно знал, что за намеченными домами следят. Но, как и предсказывал герцог, отказаться от проведения обряда его это не заставило. Более того, он нашел способ отвлечь наше внимание. И, пока сыскари занимались трупами на Золотой, буквально через улицу произошло ещё одно убийство, которое и наши патрульные, и маги Корна, и даже спецы герцога бесславно проморгали.

Впрочем, насчет последних я мог и ошибаться. Деталей Илдж по переговорнику не сообщил, но думаю, его сиятельство не зря садился в экипаж с таким окаменевшим лицом: сегодня ночью он потерял не одну, а сразу две боевых пятерки. И его вряд ли порадовало такое положение дел.

Что же касается убийства на Золотой, то на этот раз кое-какие следы на месте преступления убийца все-таки оставил. В частности, я без труда проделал тот путь, который совершили маги, когда устраивали засаду. Проследовал за каждым из них по комнатам, включая подвал и чердак. Внимательно изучил оставленные там ловушки и был вынужден признать, что свое дело эти люди знали – ловушки оказались устроены так, что, пока в нее не вляпаешься, даже не поймешь, что близок к провалу. Линии заклинаний были искусно замаскированы. Вплетенные в них знаки неактивны, а целая сеть маскирующих заклятий должна была сделать магов абсолютно незаметными постороннему взору.

Если бы не умение видеть Тьму через Тьму, я бы вряд ли нашел, в каких местах эти парни устроили засаду. Да только вот беда – похоже, не я один владел этим полезным умением, потому что обе ловушки действительно оказались пусты. Более того, ни одна из линий не была ни смещена, ни повреждена. Кто бы ни явился по души магов, он прекрасно их видел, сумел обойти сигнальные заклинания. После чего быстро убил ребят одного за другим и уже потом организовал в гостиной тот ужасающий

«натюрморт».

Присмотревшись к местам, где устроились те парни, я пришел к выводу, что никто из них не ожидал нападения. Признаков борьбы не было, а значит, расправа оказалась мгновенной. Более того, лужи крови в месте убийства магов я нашел лишь на темной стороне. И это значило, что неведомый гость не просто пришел из Тьмы – он еще и сумел утащить туда светлых. Всех троих. И уже там, где они стали совершенно беспомощными, одним махом снес им головы.

С темными произошла такая же история за тем исключением, что на темную сторону они перешли сами. Обосновавшись на третьем этаже неподалеку от лестницы, они даже не успели среагировать на появление опасного гостя. Всего один замах, и на стены брызнула кровавая юшка. После чего тела оттащили на первый этаж, усадили в кружок, всучили им в руки отрубленные головы и прикрыли самым необычным заклятием, которое я когда-либо видел.

С заклятием мы, кстати, уже разобрались – как оказалось, его источником служил один любопытный артефакт, который лежал под одним из трупов. Спецы герцога сразу сказали, что вещица старая, можно даже сказать древняя, и раньше такими частенько пользовались некросы, чтобы оградить кладбища во время поднятия нежити.

Герцог, услышав об этом, тут же велел отправить артефакт в лабораторию. Чуть раньше Корн поручил Хокк заснять его на кристалл памяти и покопаться в архиве на предмет того, не всплывали ли подобные артефакты в других делах. Я же сделал зарубку в памяти – порыться в бумагах учителя и мастера Ниро. Но почти не сомневался, что вампирские монетки, украденные магические перстни и такие вот древние вещицы – одного поля ягодки. И следы от них тянутся к одному и тому же источнику, в поисках которого мы безуспешно бились целую неделю.

Что ещё меня насторожило, так это то, что отпечатков убийцы в доме по-прежнему обнаружить не удалось. Да, полосы от тел, которые без особых церемоний волокли по коридору, остались, а вот следов чужих ног не нашлось. Правда, волокли магов довольно странно – зигзагами, будто исполнитель был слегка пьян. А местами следы и вовсе прерывались, словно убийца зачем-то приподнимал тела и какое-то время нес на руках.

Подобные странности я отметил на всех пяти дорожках, оставленных в коридоре убийцей. Однако ни отпечатков сапог, ни отметин на стенах и ничего другого, что указывало бы на личность «носильщика», обнаружить не удалось. Вообще ничего, кроме неловко разбитого зеркала в гостиной, присутствие

которого наряду с мастерски отрубленными головами делало версию о Палаче все более правдоподобной.

Кстати, зеркалу герцог и его маги уделили повышенное внимание и, тщательно упаковав осколки, также отправили в лабораторию. Корну такая самодеятельность, естественно, не понравилась, но приказ короля заставил его смолчать и позволить магам его сиятельства самостоятельно закончить осмотр места преступления в обмен на то, что копии отчетов в самое ближайшее время окажутся у него на столе.

Пока мы ехали на Звенящую, он, естественно, успел поинтересоваться, каким образом я снял защитное заклинание, принцип работы которого остался непонятен даже ему. Я честно ответил, что впервые столкнулся с такой структурой, но исходил из того, что базовый узел все равно должен был найтись, как и в любом другом заклинании. То, что он остался внизу, а не сидел в основной структуре, было ясно уже из того, что часть купола уходила в подвал и оставалась недоступной обычному взору. И раз уж специалист герцога не нащупал нужное место наверху, то искать его следовало в другом месте. Что, собственно, я и сделал.

Для более детальных расспросов времени у шефа не нашлось – улица Звенящая находилась буквально в двух шагах от Золотой. Поэтому кеб в скором времени остановился. Корн вместе с его сиятельством устремились к дому номер четыре, но оба бросили на меня такие выразительные взгляды, что стало ясно – от обстоятельного допроса увильнуть не удастся. А значит, следовало уж сейчас подумать, как пережить этот непростой разговор.

Впрочем, в последующие две свечи времени на это у меня не осталось. Осмотр дома, осмотр «колодца» на чердаке, осмотр окрестностей и прочие неприятные вещи съели почти все мое внимание. Ни Тори, ни Триш на этот раз с нами не было, поскольку они остались караулить особняк на Линейной – последний дом из списка, который остался на территории западного участка. В итоге, на Звенящей мне помогала только Хокк, и нам вдвоем пришлось заниматься телом пока ещё неизвестной светлой леди, а затем оформлять все положенные по такому случаю бумаги.

Наблюдатели Илджа, которые обнаружили тела, вели себя тише воды ниже травы и старались лишний раз на глаза начальству не показываться. На чердак их тоже не пустили – Корн распорядился на этот счет отдельно. Да и в подвале для них не осталось места, потому что там шеф предпочел работать в одиночку. Однако напрасно впавшие в уныние парни ожидали разноса – Илджу было не до них. Как и Корну, впрочем. Да и о

чем говорить, если даже его сиятельство никого не винил. Что спрашивать с патрульных и с дежурных магов, если его собственные бойцы не сумели не только противостоять, но и просто заметить опасность?

Да, мы уже нашли их замороженные и обезглавленные трупы. Оставленные на темной стороне, в гостиной, в таких же позах, как и в особняке на Золотой. Я, правда, долго не мог до них добраться, поэтому львиную долю работы спецы его сиятельства проделали сами. Но когда я все-таки закончил работать на чердаке, и мы с Хокк спустились на первый этаж, чтобы узнать подробности, то оказалось, что на этот раз кое-что изменилось.

Во-первых, магия переходов изрядно подпортила структуру купола, поэтому при первом же использовании диагностического заклинания он просто-напросто развалился, выпустив на свободу томившихся внутри вестников смерти. А во-вторых, в доме на Звенящей их оказалось всего четыре: тело одного из темных – мастера Смерти по имени Алекс Дуорн – мы так и не нашли. И поскольку в Орден последний вестник не прилетел, сам собой напрашивался вывод: убийца оставил мага в живых. А значит, всего через сутки на ритуальном столе появится очередная пара жертв. Только, в отличие от прошлых убийств, личность одной из них нам будет известна заранее.

Глава 11

Завтракали мы с Хокк в этот день довольно поздно. Пока народ не управился с телами, Корн никого с места преступления не отпустил. Даже люди герцога были вынуждены впахивать вместе с остальными. И лишь когда трупы наконец увезли, и с самой важной работой было покончено, мы с Хокк, которой этой ночью дважды пришлось сменить амулет-накопитель, все-таки вернулись домой.

Говорить было особенно не о чем – неудача на Звенящей и предшествующая ей катастрофа на Золотой не располагали к светской беседе, а все вопросы по делу мы успели обсудить на месте. Поэтому, молча позавтракав, я отправился спать в схрон, тогда как Хокк… Фол ее знает, чем в это время занималась. Но когда спустя полторы свечи я вышел из кабинета, в доме ее уже не было.

– Миледи просила передать, что очередное совещание у Нельсона Корна состоится сегодня в восемь вечера, – доложил Нортидж, материализовавшись в гостиной в тот самый момент, когда я уже собрался его вызвать.

Я недоверчиво покосился на дворецкого.

– Неужели послеобеденного разбора полета не будет?

– Из разговора леди с господином Корном по переговорному амулету я понял именно так.

– Очень хорошо. В таком случае я бы ещё немного перекусил. И до завтрашнего обеда меня можно не ждать. В отношении леди распоряжения остаются прежними. Амулеты-накопители для нее доставлять на прежний адрес.

– Все сделаю, мастер Рэйш, – поклонился призрак и бесшумно исчез, но вскоре снова вернулся и доложил: – Стол будет накрыт через четверть свечи.

Пока Марта гремела на кухне кастрюлями и сковородками, я посмотрел свежую прессу и порылся в бумагах учителя, впервые пожалев, что не успел перетащить сюда всю его библиотеку. После чего плотно перекусил. Затем заскочил в архив и, разыскав Рона, велел ему срочно поднять все дела за последние несколько десятилетий, где фигурировали безголовые призраки. Озадачив таким образом архивариуса, пообещал вскоре вернуться и, оставив его заниматься выборкой, отправился в первохрам, где меня, как обычно, ждал Ал и незаконченная статуя Рейса.

К моей немалой досаде, воинственный бог и сегодня не пожелал сдавать позиции, поэтому работа над его каменным воплощением продвигалась ещё медленнее и тяжелее, чем

накануне. Всего за свечу привычной работы я совершенно вымотался и устал до гудящих ног, хотя утром успел и выспаться, и поесть, и даже опустошить пару накопителей из числа тех, что Нортидж приберегал для моей напарницы.

– Ну и чего тебе не хватает? – устало выдохнул я, с трудом закончив второй на сегодня ряд и с тоской посмотрев на оставшуюся гору осколков. – Третий день над тобой бьемся, но даже перчатка уже не спасает. Ты слишком велик. И с каждым днем становишься все тяжелее.

Выползший из-под камней Ал согласно булькнул и растекся у моих ног безвольной лужицей.

«*Дальше будет еще сложнее*», – «обрадовал» он меня. – «*Чем ближе к завершению, тем больше камни должны насытиться*».

– Чем насытиться? Мной? – мрачно осведомился я, сидя посреди серебристой лужи.

«*И мной. Чтобы вместилище стало полноценным, его приходится постоянно подпитывать*».

– Почему же тогда с Ирейей и Малайей было не так? Да и с Фолом у нас особых затруднений не встречалось?

«*Потому что они были первыми. А сейчас ты устал*», – невесело улыбнулся алтарь. – «*Да и я не успеваю восстановиться*».

– Может, тогда прервемся? – предложил я после недолгой паузы.

Ал с сожалением покачал головой.

«*Пока статуи не собраны до конца, они потихоньку вытягивают из нас силы. Каждая незаконченная статуя – это дополнительная нагрузка, поэтому чем дальше, тем быстрее мы будем уставать. Пока я с этим справляюсь, но скоро и мне станет тяжело. К тому же, нас всего двое, хотя эта работа рассчитана на десятерых. Не хочешь, кстати, привлечь к этому второго жнеца?*»

Я нахмурился.

– Этого ты мне раньше не говорил…

«*Я сам не так давно об этом вспомнил. Но сейчас нам пригодится любая помощь*».

– Роберт слишком мал, – возразил я. – И его резервы совсем не развиты для такой нагрузки. К тому же, есть вероятность, что здесь он попросту не выживет. А если и выживет, то перегорит.

«*Может, у тебя есть еще кто-нибудь на примете ?*»

– Шутишь? – чуть не фыркнул я. Или ты видел здесь еще кого-то, кроме меня и Мэла… ох, Мэл!

Я очень кстати вспомнил о названном брате и ненадолго задумался.

Интересно, а можно ли использовать искусственную сущность

для работы над статуями? Тьмы в нем теперь достаточно. Сил и выносливости на десятерых хватит. Да, он не человек, но когда-то все-таки был магом. А если дело заключается в отсутствии благословения, то… демон меня задери… неужто Фол откажет нам в такой малости ради собственного благополучия и скорейшего восстановления первохрама?! Неужто не расщедрится и не подарит моему брату по духу толику божественных сил, чтобы закончить, наконец, архиважное и архинужное лично ему дело почти тысячелетней давности?!

Пожалуй, надо будет его сегодня же об этом спросить. Но прежде – обсудить такую возможность с Мэлом.

– Арт, ты меня звал? – как по команде, раздалось от входа.

Мы с Алом одновременно обернулись и с одинаковым недоумением воззрились на спустившегося с лестницы Палача, который всю прошедшую ночь исправно следил за здоровьем Роберта Искадо. За эти сутки, как мне показалось, он еще немного подрос. И хоть ненамного, но все же раздался в плечах, в груди и даже в той части, что досталась ему от паука. Его лапы вытянулись. Макушкой он теперь почти доставал мне до подбородка. А зеркальную броню сбросил таким привычным и, в то же время, уверенным движением, что мы с Алом выразительно переглянулись.

«*Предлагаешь попробовать с ним?*», – тут же соткалось на полу задумчивое.

– Почему нет? – пробормотал я, изучающе глядя на брата. Тот, ненавязчиво коснувшись поводка, на пару томительно долгих мгновений озадаченно замер. Затем помолчал. Что-то прикинул в уме и, наконец, кивнул:

– Я согласен.

К вопросу использования Мэла в строительных работах мы подошли со всей ответственностью. Сперва я, как полагается, его накормил. С незаконченной статуей Фола, так сказать, поговорил. Не получив ответа, посчитал, что молчание – знак согласия, и темный бог… по крайней мере, явно… не возражает против такого положения дел. Затем, похимичив с Тьмой, набросил на бывшего Палача темный доспех, поверх которого Ал заботливо надел уже свой, зеркальный. Голову служителя надежно закрыл глухой шлем с двойным забралом. А на нижнюю пару рук мы с Алом выточили из куска стены такие же каменные перчатки, как у меня, чтобы в случае чего Мэлу не оторвало конечности.

– Если для тебя это так же важно, как и для нас, то именем Фола прошу тебя: не мешай, – с чувством сказал я, обратившись к незаконченной статуе Рейса. Каменные коленки, на которые у нас с Алом за эти три дня все же хватило сил, ничем не показали, что

услышали просьбу. Однако, когда Мэл попытался коснулся ближайшего осколка, оттуда шарахнуло молнией с такой силой, что по всему залу пронесся недовольный гул.

– Да что ж ты такой несговорчивый, а?! Мы не на войне, в самом деле! – в сердцах чуть не сплюнул я, когда Мэл выронил осколок и задумчиво уставился на оплавившуюся перчатку. – Все темные как темные, эгоистично рвутся обрести полноценное вместилище, а ты даже крохотную уступку сделать не желаешь! Ал, предлагаю на этом закончить с Рейсом и оставить его на закуску.

«*Подожди*», – неожиданно не согласился алтарь. И, выбрав среди осколков самый, на его взгляд, маленький и легкий, протянул его мне. – «*Попробуй передать так, как мы с тобой делали раньше*».

– Из рук в руки?

«*Да*».

Я, поколебавшись, забрал камень и, скрипнув зубами (*все-таки тяжелый, зараза!*), протянул Мэлу. Тот осторожно обхватил мои ладони своими. Немного подождал. А когда убедился, что через мои руки в него больше не кидают молниями, взглядом указал на черный постамент.

Держась друг за друга, как два утопающих за спасительное бревно, мы совместными усилиями дотащили осколок и ненадолго замешкались, не сразу сообразив, каким образом его уложить на нужное место. Коленки – коленками, но верхний ряд уже успел добраться мне до груди, так что просто взять и кинуть туда камень представлялось довольно проблематичным делом. Мэл, правда, вскоре нашел выход – забравшись в нишу за постаментом, он, как самый настоящий паук, ловко вскарабкался наверх, впиваясь когтями в неподатливую стену. Уже оттуда протянул закрытые перчатками руки. Бережно принял от меня тяжеленный камень. И одним движением скинул его на статую, успев сделать это до того, как из осколка выстрелила очередная молния.

Убедившись, что никто не пострадал, я смерил изучающим взглядом зависшего над постаментом «паука», но в нишу Мэл вписался практически идеально. Ее глубины как раз хватило, чтобы там разместилось его немаленькое тело, а ширина оказалась именно такой, чтобы длинные, умеющие ловко пружинить лапы удобно уперлись в стены и спокойно удерживали бывшего Палача на весу, тем самым превращая его в ту самую систему рычагов, о которой я размышлял далеко не первый день.

Я тогда, правда, не думал, что эту роль может выполнять живая сила. Но в самом деле – почему нет? Особенно, если Мэл

сумеет взять на себя немаленький вес осколков?

«*Очень удачная позиция*», – подтвердил мои выводы Ал, с любопытством взглянув на висящего вниз головой Палача.

– Попробуем ещё раз? – предложил я, мысленно прикидывая, как лучше использовать неожиданного помощника.

Служитель с алтарем быстро переглянулись. Затем мы коротко обсудили варианты, в результате чего поверх каменных перчаток на руках Мэла появился дополнительный слой зеркальной брони. После этого мы все вместе забросили наверх еще один камень, заполучив в ответ от бога новую молнию, только на этот раз – без неприятных последствий. Потом попробовали второй, третий, четвертый раз, постепенно доводя толщину брони до необходимого уровня. А, как только стало ясно, что Мэл не только не страдает от молний, но и совершенно спокойно переносит нагрузку, которая нам с Алом казалась неподъемной, алтарь заметно повеселел и в следующий раз подтянул к постаменту камешек побольше…

* * *

– Все в порядке, мастер Рэйш? – спросил Роберт, когда тем же вечером я появился в его маленькой спальне. – Вы выглядите усталым.

Я только отмахнулся.

– Насыщенный день. Но на то, чтобы дать тебе еще один урок, моих сил вполне хватит.

– Арт, в доме был посторонний, – сообщил Мэл, как только мы с мальчиком оказались на темной стороне. На этот раз зеркальную броню брат с себя не снял, поэтому его появление стало для Роберта неожиданностью. Вон как вздрогнул и зашарил глазами по темноте. Но для линз время пока не пришло. Приучать ученика к настоящей Тьме следовало постепенно, поэтому я сделал вид, что не заметил его реакции. – Следов нет, но запах чужой магии остался.

Роберт, когда я на него вопросительно посмотрел, перестал озираться и смущенно кивнул.

– Этим утром к нам снова приходил мастер Лорш. Сказал, что отец просил его проверить защиту в доме.

– Он что-нибудь нашел? – осведомился я, мельком оглядев комнату, но не найдя в своих заклинаниях признаков чужого вмешательства.

– Нет, мастер Рэйш. Он просто заглянул в комнаты, осмотрел все и ушел, так ни о чем меня и не спросив. На темную сторону

больше не предложил прогуляться. Но я слышал, как он беседовал внизу с матушкой. Они говорили о новом деле, которым занимается отец. Это правда, что в Алтире начали похищать светлых магов, мастер Рэйш?

– Правда, – спокойно подтвердил я. – Причем не только светлых, но и темных. Именно по этой причине мы с тобой сейчас отправимся на кладбище, и ты начнешь в срочном порядке осваивать боевые и защитные заклинания. Мэл, проверь дом. Сюрпризы по возвращении нам не нужны.

Бывший Палач, успев подсмотреть мои мысли, понятливо угукнул и испарился, а я взял ученика за руку и одним прыжком перебросил на плато близ знакомой деревеньки. Пора было приобщать мальчишку к настоящему делу. Второго подходящего для экспериментов валуна там, правда, не нашлось, поэтому в качестве практического пособия пришлось вспомнить уроки мастера Этора и на скорую руку поднять парочку дряхлых зомби, чтобы мальчишке было на ком тренироваться.

При виде выбравшихся из могил мертвецов Роберт сперва опешил, затем озадачился и, наконец, одарил меня задумчивым до крайности взором. Еще бы. Ведь теорией с ним по-прежнему занималась дотошная и скрупулезная Хокк, а информация о различиях между некросами и магами Смерти давалась ученикам в первую очередь. Тем не менее, напрашивающихся вопросов мальчик так и не задал. Зато изъявил рьяное желание научиться всему, что я мог ему показать. А структуру атакующих заклинаний вообще запомнил с лету. Мне даже повторять ничего не пришлось, потому что он с первого раза и без единой ошибки воспроизвел все до единого боевые знаки. Причем настолько уверенно, словно полжизни только тем и занимался, что уничтожал ими всевозможную нежить.

А ведь это была другая магия, которая не имела ничего общего с той, которой он пользовался раньше. Совсем иные принципы построения заклятий, иные методы насыщения их силой. Да что там говорить! Прямое обращение ко Тьме даже для опытных и немало поживших магов являлось чем-то из ряда вон выходящим! Но Роберт справился со своей задачей блестяще. И я даже глазом моргнуть не успел, как мальчишка в труху разнес несчастных мертвяков, заставив меня поднимать их заново.

Я знаю, пребывая во Тьме, маг Смерти способен запомнить и воспроизвести каждое оброненное в ней слово, помнит каждый жест и каждую тень, которую когда-либо здесь видел. Тьма щедра к тем, кто считает ее своим домом. Поэтому помимо устойчивости к холоду и сводящему с ума шепоту она нередко одаривала нас и другими полезными умениями. Вроде

безупречной памяти. Скорости. Умения ходить прямыми тропами. Именно благодаря этому обласканный ее вниманием пацан всего за пару свечей сумел запомнить и без усилий воспроизвел около двух с половиной десятков заклинаний, которые я счел, что ему следует изучить в первую очередь.

Признаться, когда он в третий раз разнес на куски полуразложившихся зомби, я даже испытал нечто похожее на гордость при мысли, что Тьма подарила мне такого способного ученика. Но заметив, что мальчик стал чуточку менее внимательным, я тут же остановился – из моей памяти еще не успел выветриться день, когда этот упрямец грохнулся в обморок. Резервы у мальчишки все еще были ничтожно малы. И я не стал рисковать, опасаясь исчерпать их до самого дна.

Давая ему время восстановиться, я принялся рисовать на земле остальные знаки, очень быстро закончив с атакующими и перейдя на защитные. Затем мы пробежались по основным заклинаниям классической школы магии Смерти. Немного заглянули в умения некросов. Пару интересных вещей опробовали здесь же, на плато, использовав в качестве подопытного материала все тех же невезучих зомби. А когда к нам присоединился Мэл, мы устроили небольшой показательный поединок, который привел маленького жнеца в абсолютный, просто совершеннейший восторг.

Идею создавать из Тьмы оружие он тоже принял сразу и без оглядки, моментально сотворив кинжал под собственную руку. Особенности работы с ним я тоже успел показать и объяснить нюансы, но вот попрактиковаться с кинжалом Роберт не успел – времени до совещания в ГУССе осталось совсем немного, поэтому мне пришлось завершить урок и вернуть осчастливленного мальчишку домой. Но уже уходя из своего бывшего дома, я вдруг поймал себя на мысли, что теперь мне за Роберта не страшно. И если его развитие, как темного мага, будет продолжаться такими же темпами, то очень скоро он сможет дать отпор не только нежити, но и любому магистру.

О том, почему мы задержались в его доме, я Роберту, естественно, не сказал. Но как только пацан уснул, отправил брата по следу, который снял с темной стороны особняка лорда Искадо. А то мало ли? Вдруг этот настойчивый мастер Лорш вовсе не по инициативе отца интересовался благополучием мальчика? В ситуации, когда любой темный маг и любая светлая магиня могли следующей ночью попасть на алтарь, я предпочитал сто раз все проверить, прежде чем начать кому-то доверять.

Глава 12

Когда я зашел в кабинет Корна, все уже собрались. Даже герцог и тот умудрился прийти вовремя. Правда, на этот раз на мое опоздание никто не обратил внимания. Только Йен, как всегда, одарил укоризненным взглядом, а шеф неприветливо буркнул:

– Что тебя задержало на этот раз, Рэйш?

Я молча положил ему на стол чистый лист бумаги.

– Это что? Заявление на увольнение? – мрачно пошутил Корн.

– Обойдетесь. Просто мне показалась интересной одна странность во вчерашних убийствах, поэтому сегодня я попросил у Рона поднять все дела за последние пятьдесят лет, где фигурировали безголовые призраки. И все, что он нашел, я вам только что показал.

Брови шефа ненадолго сошлись на переносице. Но, надо признать, думал маг быстро. И вспомнив, в каком именно виде мы застали вчера обезглавленных магов, пришел к единственно-верному выводу:

– Это была не случайность.

– Да, – согласился я, опускаясь в кресло у окна, рядом с прислушивающимся к разговору Аароном Искадо. – Когда я расследовал убийства в Верле, а затем поднимал информацию в отношении похожих убийств в Триголе и его окрестностях, то присутствие Палача не вызывало никаких сомнений. Он периодически оставлял после себя следы. Характерный способ убийства во многих случаях сочетался с наличием безголовых призраков. А в столице за полвека ни одного такого призрака не появилось. В связи с чем у меня возник вопрос к милорду герцогу – ваше сиятельство, ваши люди, случайно, не обнаружили у найденных рядом с трупами артефактов какие-нибудь дополнительные свойства?

Герцог Искадо помрачнел.

– Я хотел поговорить об этом позже. Но раз уж вы подняли эту тему… да, Рэйш. Артефакты оказались с секретом. Они не только смогли удержать на месте вестников смерти, но и сумели разорвать привязку души к мертвому телу.

– То есть, после смерти души магов сразу ушли? – не преминул уточнить Корн.

– Совершенно верно. В отличие от вестников, для них тот купол, который мы видели над телами, оказался проницаем.

Я ненадолго прикрыл глаза.

– Судя по тому, как быстро вы управились с этой задачей,

наличие подобных артефактов не явилось для вас большим открытием, милорд.

– Вы правы. У нас действительно есть определенные наработки по этой теме, – после недолгого молчания признал герцог. – Но до сегодняшнего дня я считал их абсолютно секретными.

Я удовлетворенно кивнул, получив подтверждение своим догадкам, но не стал развивать тему дальше – вряд ли его сиятельство будет откровенничать в присутствии посторонних. А если и будет, то точно не здесь и не сейчас.

– Рэйш, ты закончил? – подозрительно серьезно осведомился Корн, когда в кабинете снова воцарилась тишина. Я кивнул. – Тогда все же предлагаю обсудить все по порядку и обговорить варианты действий в связи со вчерашними событиями.

Я откинулся на спинку кресла и снова прикрыл глаза, демонстративно отстранившись от происходящего.

Все самое важное, о чем мог рассказать нам Илдж, я уже знал. Да, в доме на Звенящей мы тоже нашли обезглавленные трупы сотрудников спецотдела дворцовой стражи. Да, все они были убиты так же быстро и умело, как в особняке на Золотой. Поставленные ими ловушки оказались нетронутыми. Единственное отличие заключалось в том, что никаких следов перетаскиваемых в гостиную тел во втором доме мы не нашли. Их словно по воздуху переправили в гостиную, после чего оставили в тех же позах, а затем точно таким же способом придержали вестников смерти. Ну и, само собой, метка пропавшего мастера Смерти была надежно заблокирована, так что даже ищейки герцога… а они, я верю, даже сейчас продолжали перерывать столицу верх дном… до сих пор ничегошеньки не нашли. И не найдут, я думаю, потому что с высокой долей вероятности их невезучий коллега находится сейчас в каком-нибудь закрытом, тщательно экранированном от магии помещении и, получив щедрую дозу сколаниса, медленно дозревает до нужного состояния.

На мой взгляд, было довольно рискованно похищать одного из сотрудников королевского ведомства, да ещё так открыто. А с другой стороны, этим убийца сумел показать, что наши попытки остановить его нисколько не впечатляют. Он действовал смело, дерзко и снова – до отвращения точно. Так что, если следующей ночью Алекс Дуорн умрет на алтаре, можно будет не сомневаться, что его смерть станет этакой показательной акцией. И ещё раз докажет, что убийца не только прекрасно подготовлен, но и не боится демонстрировать это нам.

Личности принесенных в жертву коллег меня почти не

интересовали. Да, именно что «почти», потому что мне казалось необходимым знать, не был ли это кто-то из знакомых мне людей.

Как оказалось, нет. Никого из них я не знал, и никто из них не имел отношения ни к Управлению городского сыска, ни к городской страже, ни к спецотделу герцога Искадо. Неизвестный мне темный и оставшаяся безымянной целительница не имели отношения к нынешним владельцам дома. Они, если верить Илджу, даже друг с другом знакомы не были. И это в очередной раз подтверждало, что прямой связи между жертвами мы, скорее всего, не найдем. Первые два случая были, вероятнее всего, исключением. А значит, запоминать чужие имена, род деятельности и особенности биографии не имело особого смысла.

А вот то, что убийца сумел организовать отвлекающий маневр, было важно.

О том, что Управлением принято решение об установке ловушек, до самого последнего момента не знали даже начальники участков. Корн лишь незадолго до полуночи дал добро на проведение операции, причем исключительно силами герцога Искадо. Следовательно, убийца… да, я и о возможном предательстве уже подумал… тоже не мог об этом знать. А значит, он не только талантливый организатор, но ещё и умеет быстро приспосабливаться к ситуации. Более того, управлять действиями своего помощника на расстоянии, как я – Мэлом, он, скорее всего, не способен. Да, в этом я могу и ошибаться, но тогда вопросы тем более снимались. А если же я прав, то это значит, что Палач… или очень похожая на него тварь… могла видеть магические знаки. Как минимум, ориентировалась в боевой магии, умела правильно оценивать ситуацию и оказалась достаточно разумной, чтобы самостоятельно принять решение и с безукоризненной точностью его выполнить.

Поверьте мне на слово, обычный зомби на такое не способен. Да и разбитое в гостиной зеркало наводило на размышления. Во втором доме мы его, кстати, не нашли. А ведь сотрудники ГУССа, как и велел вчера Корн, заранее вынесли из зданий все подозрительные предметы. А то, что нельзя было вынести вроде плитки в подвалах, они со всем тщанием привели в негодность. Но и этого оказалось недостаточно, чтобы предупредить появление Палача.

– Зеркало в подвале не принадлежит господину и госпоже Найкэ, – через некоторое время сообщил немаловажную весть Илдж. – Зато его опознал их сосед, у которого в ту же ночь пропал из холла важный предмет интерьера.

Хм. Из того, что мы вчера увидели, получалось, что Палач сориентировался по ситуации и, обнаружив, что попасть в

нужный дом не способен, нашел изящный выход из ситуации. Чисто теоретически, учитывая его возможности и временные рамки, в пределах которых он мог появляться в нашем мире, это было осуществимо. Но я, если честно, ни разу не рассматривал такую возможность. Просто не сообразил.

Важно было также и то, что, если в особняке на Золотой после гибели магов разбитое зеркало осталось лежать на полу, то из второго дома его кто-то предусмотрительно забрал. И это еще раз доказывало, что на Золотой Палач действовал, скорее всего, в одиночку.

– Милорд, что вы можете сказать о происхождении найденных на последнем месте преступления артефактов? – спросил Корн, когда бедняга Илдж выдохся, а остальные начальники участков не пожелали его дополнить.

Аарон Искадо очнулся от невеселых дум, в которых пребывал во время доклада, и поднял на нашего шефа тяжелый взгляд.

– Первоначальное предположение о том, что это – одна из старых разработок Ордена, подтвердилось, – замедленно сообщил он, почему-то покосившись в мою сторону. – Артефактам лет сто, не меньше, и оба они оказались повреждены. По этой же причине заряд держали сравнительно недолго, а при нарушении структуры заложенных в них заклятий ограждающие купола потеряли стабильность и дали вестникам возможности выполнить свою функцию.

– Правильно ли я понял: даже если бы нам не удалось повредить заклинание, то в скором времени защита над телами все равно бы спала? – уточнил Корн.

– Совершенно верно. Мои специалисты считают, что через три четверти свечи артефакты и без дополнительной помощи растеряли оставшийся заряд.

– То есть, прятать их убийца изначально не собирался….

– По-видимому, так, – с бесстрастным лицом согласился герцог. – Но самое скверное, что он знает о нас. Определенно знаком с нашими методами. В курсе наших старых разработок и не исключено, что это далеко не весь список возможностей человека или группы, которая нам противостоит.

– Вы проверили старые тела в хранилище? – мгновенно насторожился Корн.

«Вы подозреваете кого-то из своих?», – едва не брякнул вслух я.

Герцог, словно услышав, снова на меня покосился.

– Всего свечу назад получил полный отчет. Боюсь, вы были правы, Рэйш, когда советовали убедиться в целостности останков. Сегодня мы сверили накладные и учетные документы: у одного из

четырех хранящихся у нас тел не хватает головы.

* * *

«Значит, все-таки Палач…», – рассеянно подумал я, когда совещание подошло к концу, а Корн с герцогом Искадо пришли к выводу, что на этот раз двум ведомствам лучше действовать сообща.

В обсуждении я почти не участвовал – что поделать, если я предпочитал работать в одиночку? Но мысли о Палаче упорно крутились в моей голове, а в памяти то и дело всплывали подробности схватки в Алторийской трясине. Конечно, сейчас я знал гораздо больше об этих существах и, пожалуй, столкнись мы снова, помощь мастера Ниро мне бы, наверное, не понадобилась, но все равно это был опасный противник. И, краем уха прислушиваясь к разговору коллег, я напряженно искал выход из ситуации.

Сложность заключалась в том, что у меня почти не было информации по умениям магов герцога и по возможностям имеющихся у них на вооружении артефактов. Но если исходить из вчерашнего провала, эти возможности не так уж велики, а значит, с высокой долей вероятности в открытой схватке с Палачом у этих парней попросту не будет шансов. Быть может, если согнать побольше народу, использовать наряду с обычным оружием мощные боевые заклинания, окружить тварь и всем вместе сотворить нечто воистину убойное, то что-то путное получится. Да только вот беда – вряд ли Палач будет терпеливо ждать, когда его укокошат. Тем более, если магия его практически не брала. А в отношении простого оружия это был ещё более спорный вопрос, ведь в свое время мы с Ниро с огромным трудом пробили его дубленую шкуру. И то, я в последний момент сжульничал, использовав против обезумевшего служителя его же собственную секиру.

Зная нынешние возможности Мэла, я почти не сомневался, что вчера Палачу удалось магов застать врасплох по той очевидной причине, что ауры светлых он, как и я, прекрасно видел с темной стороны. А засаду темных, соответственно, обнаружил с нижнего уровня, тогда как сам до последнего момента находится вне досягаемости и все зоны видимости как первых, так и вторых. Это означало, что для того, чтобы убить тварь, ее сперва надо будет выманить на привычный для темных уровень. Но чем выманить? И как убедить ее там задержаться, а уж тем более уговорить ее не использовать в бою темные тропы!

Разве что самому ее спровоцировать? Попытаться увести от места преступления и где-нибудь втихую прибить? А что? Мои шансы намного выше, особенно если взять в помощники Мэла. Но вот пойдет ли Палач за мной? И сумею ли я удержать его на расстоянии, прежде мы окажемся вне досягаемости визуализаторов? А если он окажется проворнее Мэла? Что, если мне с ходу придется воспользоваться темной тропой? Или ненароком продемонстрировать Корну с его сиятельством доспех? А то и еще хуже – у всех на виду выудить из Тьмы облагороженную Алом секиру?

Но даже если допустить, что мне удастся привлечь внимание твари и где-то в глуши ее прибить, возникала другая проблема. За ту неделю, что мы за ней охотились, ни я, ни Мэл не нашли в столице ее следов. Никто из нас даже не знал, как она выглядит! А значит, истинная сила твари оставалась неизвестной. На ее след мне встать было не дано. А приманить ее, просто выйдя в центр города и прокричав ее имя (*кто бы, кстати, его сказал*), у меня, скорее всего, не получится. Так что, по сути, единственным способом ее поймать, это подстеречь рядом с местом убийства. А это снова возвращало нас к проблеме раскрытия моих способностей.

– О чем задумался, Рэйш? – как всегда не вовремя отвлек меня от раздумий Корн, и все присутствующие, включая герцога, повернули головы в мою сторону. – Ты ведь у нас главный специалист по Палачам. Возможные варианты мы с его сиятельством уже проработали. Но мне было бы интересно услышать твое мнение.

Поскольку большая часть обсуждения все же добралась до той части моего сознания, которая отслеживала происходящее в кабинете шефа, повторять эти самые варианты не было необходимости. Собственно, его сиятельство предлагал больше не рисковать людьми и оставить засаду на улице, окружив оставшиеся на примете шесть домов плотным кордоном из лучших имеющихся в наличии магов. Ядром этих групп сделать его боевые пятерки и им в задачу вменить поимку и уничтожение опасной твари с использованием имеющихся у спецов артефактов и дополнительной поддержки магов Управления.

Корн, к моему удивлению, больше склонялся к повторению варианта с ловушкой. Согласившись с герцогом, что понапрасну губить людей не стоит, он предложил изменить конфигурацию ловушки и использовать в этом качестве не две отдельные магические конструкции, а одну. Только очень большую. Фактически – по размерам с весь дом. А чтобы скрыть наличие рун, знаков и заклинаний, предлагал вмонтировать эти элементы

в уже имеющуюся на стенах защиту. Благо днем его аналитики со всех сторон изучили вопрос ее совмещения с некоторыми видами заклинаний и пришли к выводу, что кое-какие разновидности ловушек на демонов в защиту дома все-таки можно попробовать вплести.

Идея Корна грешила лишь двумя недостатками – она была слишком сложна, и для ее реализации у нас осталось мало времени. К тому же, никто не мог дать гарантий, что защита примет чужеродную магию. И даже если этим будут заниматься все мастера и некросы Управления, то сразу на шести домах за оставшиеся до полуночи пару свечей такую работу провести не удастся.

– Я бы предпочел обождать с облавой, чтобы с гарантией использовать второй вариант, – после недолгих размышлений признался я. – Так безопаснее. А в случае неудачи мы потеряем только время и всего две жизни, что в данной ситуации приемлемо. Но поскольку его сиятельство на это, скорее всего, не пойдет…

Я бросил выразительный взгляд на потемневшее лицо герцога.

– То предлагаю совместить обе идеи. Только вместо ловушки использовать и увеличить до размеров особняка один из темных знаков. К примеру, Трясину, Оглушение или Страх. Насколько мне известно, знаки – именно та часть темного искусства, к которому Палачи хоть как-то, но все же сохранили чувствительность. Поэтому есть неплохой шанс, что Трясина его замедлит, Оглушение сделает более уязвимым, а Страх может заставить ненадолго растеряться. Если же я ошибаюсь, то хозяин у Палача – человек. И уж он-то точно должен быть подвержен воздействию этого вида магии.

– Почему тогда не использовать больше знаков? – после недолгого молчания предложил Корн. – Или заклинания и знаки одновременно?

– Мой опыт показывает, что чем больше знаков, тем выше вероятность, что их заметят. Палач – существо осторожное. Но при этом он работает наверняка. Если предположить, что он выполняет функции не только убийцы, но и охранника, то, скорее всего, в дом он зайдет первым. А значит, именно на его возможности нам и нужно ориентироваться.

– Что будет, если он заметит ловушку?

– Как минимум, предупредит хозяина и исчезнет прежде, чем мы его поймаем. Но гораздо более вероятно, что он начнет убивать всех, кого найдет поблизости. После этого ритуал все равно будет проведен, только жертв станет намного больше.

– По-твоему, если нам удастся загнать Палача в ловушку, это не насторожит его хозяина? – тихо спросила с подоконника Хокк.

– Насторожит, конечно. Но его сиятельство очень верно вчера заметил: человек, который все это организовал, так или иначе привязан и ко времени, и к месту. С Палачом или без, он все равно будет вынужден закончить дело. Поэтому-то я и сказал, что второй вариант гораздо более вероятен.

– А если мы поймаем Палача, а хозяин попытается его освободить?

– Не исключено, что так и будет. Поэтому я предлагаю бить сразу на поражение.

– Как ты узнаешь, что Палач уже на месте? – не унималась магичка. – Он же не оповещает нас о своем приходе. В последний раз даже зеркало с собой приволок, и все наши надежды на разбитую плитку улетели коту под хвост.

Я невесело хмыкнул.

– Ты снова права. Таких амулетов, чтобы могли его засечь, у меня нет. Да и в Управлении его сиятельство, я полагаю, тоже, иначе его люди уже давно действовали бы самостоятельно. Но в данный момент у меня есть лишь одна идея, как с абсолютной гарантией понять, что Палач находится на месте – это спрятать в доме очень маленький и очень слабый амулет, способный измерять напряжение магического поля. Который в нужный момент обязательно перегорит и тем самым даст нам сигнал.

– Но это же произойдет, когда начнется обряд, – неожиданно нахмурился Норриди.

– Да, Йен, – тихо уронил я. – Нам придется дождаться, пока Палач кого-нибудь убьет, и в момент начала обряда активировать скрытые в доме знаки. В любом другом случае мы обязательно опоздаем. А так есть шанс, что Палач замешкается, и мы сумеем его достать. И в то же время существенно падает риск того, что ослабленный ритуалом хозяин надумает за ним вернуться.

– Арт, но это же… – прошептал Йен, уставившись на меня диковато расширенными глазами. – Ты ведь сам говорил, что Палач слишком быстр. Даже если он влипнет в один из знаков, снаружи должна быть сильная команда. Маги… и темные, и светлые… наверняка для этого даже боевой пятерки будет недостаточно!

– Скорее всего, да.

– И мы же не знаем, где произойдет следующее убийство!

– Пока – нет.

– А значит, и облава полноценной уже не получится! Мы ведь даже сейчас вынужденно распыляем силы! У нас осталось ещё шесть домов… шесть, Арт!

Я кивнул.

– А шанс всего один. Все верно. Потому что во второй раз Палач такой ошибки не совершит. Я скажу больше: поняв, что мы подобрались достаточно близко, он может начать убивать направо и налево. И не только сотрудников Управления. Получив приказ убрать всех, кто мешает хозяину завершить ритуал, он будет убивать столько, сколько нужно. Помнишь Верль? Помнишь, о чем говорил Уэссеск? Представляешь себе масштаб бойни, которую способна устроить даже одна такая тварь? Тогда, надеюсь, ты понимаешь, почему второго шанса у нас не будет. И почему мне так не хочется рисковать жизнями мирных граждан, особенно зная, что у каждого из них в доме есть хотя бы одно зеркало.

– Но ведь гарантия того, что мы не ошиблись с адресом, может появиться лишь в одном случае… – у Норриди внезапно сел голос. – Арт! Мы сможем стянуть все свои силу в одну точку, только есть дом останется всего один! Точнее, если он будет последним.

В воцарившемся молчании я перехватил понимающий взгляд герцога и отвернулся.

– Да, Йен. Только тогда у нас появятся хорошие шансы убить Палача. Но я не уверен, что наше руководство одобрит такое решение.

Глава 13

Оставив коллег обсуждать мое сомнительное предложение, я спустился в холл и со вздохом уселся на первый попавшийся диван. Времени до полуночи оставалось немного, и Корну с герцогом предстояло сделать нелегкий выбор. Один вариант был прост, очевиден и дарил ложную надежду на то, что убийства ещё можно остановить. Второй выглядел циничным, мерзким, но давал больше шансов уничтожить опасную тварь, причем с минимальными потерями. Был, конечно, ещё и третий, не озвученный мною, вариант, но его я решил приберечь на потом. И лишь услышав окончательный выбор начальства, приступить или же, наоборот, отказаться от его реализации.

Пока я подыскивал повод покинуть команду Корна и шансы на победу в схватке с Палачом, неожиданно пришел сигнал от Мэла. Оказывается, брат закончил с последним заданием и терпеливо ждал меня снаружи, чтобы доложить о результатах проверки мастера Лорша.

– С виду он чист, – коротко сообщил Мэл, когда я выбрался на темную сторону, свернул на соседнюю улочку и спокойствия ради спустился на нижний уровень. – Аура обычная. Свежих меток убийцы на ней нет. Запрещенными артефактами не балуется, схронов в доме не прячет, пользуется стандартной защитой и довольно плохо видит во Тьме. Я трижды оказывался от него на расстоянии удара, но он ни разу толком не насторожился.

– До куда ты его отследил?

– До дома на Сенной. Похоже, он входит в одну из пятерок герцога Искадо. По крайней мере, снаряжение у них практически одинаковое, а остальные четверо встретили его как старого друга. Сейчас он находится там.

– Значит, боевик. Занятно… – задумчиво пробормотал я, пытаясь понять, с какой же именно целью отец Роберта просил его проверить собственный дом. Быть может, пацан был неосторожен? Или кто-то заметил его ночные отлучки? Хотя нет. Если бы отец только заподозрил, что мальчишка по полночи где-то пропадает, Роберта уже ждал бы вдумчивый допрос. Возможно, зная о плачевном состоянии Хокк, герцог просто решил, что кашу маслом не испортишь, и два темных мага все же лучше, чем один.

– Проследи-ка за ним, – наконец, обронил я. – И проверь ауры у остальных. Чем Фол не шутит? Если у герцога из секретного хранилища пропадают мертвые головы, может, у него в команде завелся не один предатель?

– Что за головы? – неожиданно заинтересовался Мэл.

Я коротко рассказал о трупах его бывших коллег по ремеслу.

– Это возможно, – без колебаний подтвердил брат, когда я закончил. – При необходимости мы способны полностью восстановиться менее, чем за год. Даже если от тела осталась одна головешка. Для этого нужен хозяин и очень много пищи.

– Ты имеешь в виду магию?

– Можно и души. Нам все равно, какую энергию поглощать. Правда, души гораздо питательнее. И если нас долго не кормят, мы способны поглотить их в себя целиком.

Пока я переваривал информацию и проводил параллель со столь длительным отсутствием в столице безголовых призраков, Мэл так же неожиданно замер и, повернув голову в сторону, напряженным голосом сообщил:

– Арт. Кто-то только что открыл поблизости темную тропу.

– Где именно?! – вздрогнул я.

– Прямо возле входа в Управление. Кто именно это сделал, не скажу, но я ощущаю волнение в пространстве. Думаю, нам стоит вернуться.

Сорвавшись с места, я прямо на ходу набросил на доспех невидимость, вынырнул на верхний слой и со всех ног кинулся к зданию ГУССа. В смысле, не пешком, конечно, помчался, а открыл тропу и одним прыжком оказался возле главного входа, едва успев заметить, как растворяется в воздухе крохотное черное облачко – единственное свидетельство того, что здесь действительно кто-то побывал. Ну, если не считать лежащего на мостовой холщового мешка, на одном боку которого прямо на глазах стремительно расползалось кровавое пятно.

– След взять сможешь? – отрывисто бросил я, не сомневаясь, что Мэл услышит.

– Нет, – тихо шепнул за спиной ветер. – Даже для меня прямые тропы – это место, где встать на чужой след невозможно. А тебе стоит соблюдать осторожность, брат. Ал нам, конечно, помог, но не забывай: невидимость перестает быть абсолютной, как только ты начинаешь двигаться.

Я досадливо дернул щекой, но все же отступил в тень и осторожно отошел за угол. После чего сбросил невидимость и доспех, никем не замеченным вернулся сперва в реальный мир, а затем и в здание Управления. Лишь после этого поднялся в кабинет Корна и бросил с порога:

– Шеф, вам посылка. Доставщик со мной общаться не пожелал, поэтому «подарок» лежит у входа. Желаете посмотреть?

Видимо, голос у меня при этом был не совсем обычным. Или же Корну моя бледная физиономия не понравилась. Как бы там

ни было, он сразу же встал, обменялся тревожным взглядом с герцогом Искадо, после чего быстрым шагом направился вниз и, оказавшись на улице, настороженно огляделся.

Я молча протянул ему визуализатор, который чуть раньше бесцеремонно забрал у Йена. И через несколько мгновений у Корна окаменело лицо.

– Что это, Рэйш? Кто принес? Когда?

– Только что. Похоже, «привет» от одного нашего знакомого. Мы от него один раз такой «подарок» уже получили. Помните Брюса Ольерди?

– Достань его, – тихо попросил шеф, и я послушно нырнул на темную сторону. Невидимый Мэл, прятавшийся на крыше соседнего дома, в это время тщательно отслеживал и улицу, и ближайшие здания, но пока молчал. А значит, за нами никто не наблюдал.

Когда я вернулся и положил окровавленный мешок на мостовую, из Управления успели выбежать все – Хокк и Йен, Рош и Илдж, даже Эрроуз с герцогом подтянулись и теперь с одинаково мрачными лицами изучали подозрительную находку. О том, что находится внутри, догадаться было несложно – под мешковиной уже натекла целая лужа, да и о «подарке» из Кривого переулка, полагаю, никто из нас забыть не успел.

Когда Корн сделал выразительный жест, я наклонился и, поймав брошенный Рошем нож, вспорол мешковину на всю длину, а затем осторожно развел в стороны окровавленную ткань. Несколько мгновений смотрел на небрежно сложенные друг на друга, аккуратно порубленные куски, некогда бывшие человеческим телом. По достоинству оценил нашинкованные прямо вместе с костями и уложенными ровными рядками голени. Правильно догадался, почему обрубки бедер были перетянуты кожаными жгутами. Затем отыскал лежащую сверху, совершенно целую голову. Взглянул на совсем ещё молодое лицо. И, недрогнувшей рукой опустив незнакомому парню веки, заметил:

– Кажется, наш враг начинает терять терпение.

У Корна на скулах заиграли желваки.

– Скорее, он выразил недовольство нашими действиями. Милорд, вам знаком этот человек?

Герцог заторможенно кивнул.

– Это Алекс Дуорн. Хороший был маг… жаль, что так скверно умер. Придется сообщить родным, что надеяться больше не смысла.

– Его что… еще живого кромсали?! – звучно сглотнул Йен, остановившимся взглядом уставившись на жгуты.

– Мертвому не было смысла перетягивать сосуды, –

деревянным голосом отозвалась Хокк. – Кто-то очень хотел, чтобы парню было плохо. И заранее позаботился, чтобы он раньше времени кровью не истек. Но зачем его было мучить? Чтобы выяснить то, что он знал, необязательно было применять пытки. Достаточно просто воздействовать на разум.

– Никто на него не воздействовал, – отвернулся от тела Корн. – Да и сколаниса мы в его крови, скорее всего, не найдем. Его убили не ради того, чтобы что-то выпытать. И даже для ритуала он не понадобился – у убийцы и без него нашлись прекрасные кандидаты. Это были не пытки, Хокк. И даже не допрос.

– Тогда что же?

– Предупреждение, – ответил вместо Корна я. – Тот, кто это сделал, непрозрачно намекнул, что ему не нравится наше внимание. Раньше убийце это не мешало. Он никого не трогал, пока мы сами не полезли на рожон. Но теперь ему надоело играть, поэтому он предупреждает: хватит. Если не остановимся, он начнет убивать нас одного за другим. Так же, как убил сегодня Алекса Дуорна.

В этот момент в кармане шефа подал сигнал переговорный амулет.

– Господин Корн, только что пришла информация из Ордена: к ним прилетел вестник Алекса Дуорна, – донесся из переговорника незнакомый мужской голос.

– Принято, – тихо ответил Корн, на мгновение прикрыв глаза. Но прежде чем он убрал артефакт в карман, оттуда раздался еще один сигнал.

– Шеф, время к полуночи. И мне надо знать, по какому плану работаем, – спросил еще один сотрудник ГУССа. – Люди уже расставлены. Все готово. Ждем только приказа.

Корн немного помолчал, буравя тяжелым взглядом содержимое мешка. Затем сжал амулет в ладони, обменялся быстрым взглядом с его сиятельством и коротко бросил:

– Действуйте по первому варианту.

* * *

Спустя три четверти свечи я вместе с Йеном и Хокк уже трясся в бешено мчащемся по городу кебе и старался не думать, по какой причине ровно в половину первого ночи одна из команд Корна вдруг перестала отвечать на позывной. Вместе с тремя нашими магами связь одновременно исчезла и с боевой пятеркой герцога, и сразу с дюжиной парней из городской стражи, которые

в обязательном порядке таскали с собой переговорники.

Вопреки ожиданиям, недобрая тишина в эфире снова затронула команду, размещенную за восточном участке. Илдж, не получив от них ответа в срок, так переменился в лице, что на него стало больно смотреть. Да и немудрено – ведь это был уже знакомый нам адрес. Проклятый дом на Золотой улице, откуда «труповозка» буквально сутки назад вывезла пять обезглавленных тел. И где, по идее, хотя бы в ближайшие пару дней не стоило ожидать нового удара.

Говорят, заклятие дважды в одну цель не бьет… угу. Как же. Скажите об этом герцогу Искадо, в глазах которого сейчас плескалась бессильная ярость. Или парням, с которыми мы не смогли сегодня связаться. Особенно их родным, которым с высокой долей вероятности уже сегодня из Управления придет извещение с траурной черной ленточкой на конверте.

Из кеба я выбирался с тяжелым сердцем. А в злополучный дом входил с еще большим грузом на душе. Никакой охраны вокруг особняка мы не увидели – те два десятка человек, которые должны были обеспечивать безопасность этого здания, бесследно испарились и с улицы, и из дома напротив, откуда велось наблюдение. Только на полу в гостиной виднелось несколько кровавых луж да на ковре осталось три круглых вмятины, словно там не так давно стояло хромоногое трюмо. Или же обычное зеркало, осколок которого один из магов заметил через визуализатор на темной стороне.

Поднявшись следом за Корном на крыльцо особняка, который был отмечен на схеме десятым, я прямо с порога ощутил горьковатый привкус на губах и едва уловимый запах тлена, который всегда бывает в местах, где только что побывала Смерть. Не знаю, ощущали ли светлые его так же, как я, но Корн впервые за неделю не отправил нас с Хокк на чердак и не спустился сразу в подвал. Вместо этого вниз он отправил Йена и Илджа, наверх сослал Роша и Эрроуза. К немалому удивлению последнего. Тогда как сам добрался до гостиной первого этажа, и, остановившись на пороге, приложил к глазам визуализатор.

Милорд герцог от него не отстал и, опередив нас с Лорой всего на пару мгновений, тоже устремился в ту сторону. Наткнувшись в дверях на фигуру начальника главного столичного сыскного Управления, сперва непонимающе нахмурился. А затем тоже воспользовался прибором и с точно так же, как Корн, окаменел, уставившись прямо перед собой.

Не выдержав напряжения, Хокк сорвала с шеи «очки» и почти бегом кинулась выяснять, отчего сразу у двух сильных духом мужчин, за годы службы видевших смерть во всех ее проявлениях,

так резко побледнели лица. В два счета оказавшись рядом, она торопливо заглянула в гостиную. Ненадолго обратилась в статую, а затем вдруг отшатнулась и с прерывистым вздохом прислонилась к ближайшему косяку. После этого мне оставалось только нырнуть на темную сторону и самому на все посмотреть. Правда, я, хоть и подозревал, что зрелище будет не для слабонервных, все равно оказался не готов к тому, что увидел.

Вся гостиная на темной стороне оказалась залита кровью. Причем не брызгами, не отдельными каплями… туда словно из бочки плеснули, щедро окатив все помещение от пола до самого потолка. Кровь была на постаревших гобеленах. Кровь замерзшими ручейками струилась вдоль кромки сперва намокшего, а затем обледеневшего ковра. Застывшие алые шарики отвратительно громко похрустывали под сапогами. И даже хрусталь на люстрах побагровел, будто их целиком окунули в кровавую ванну.

А ещё посреди комнаты лежали тела. Много тел… гораздо больше, чем было людей у Корна в засаде. Наваленные беспорядочной грудой, они больше походили на сломанных кукол. Обледеневших, исковерканных, вскрытых от горла до паха кукол, с которыми кто-то сперва жестоко позабавился, а затем зашвырнул в кладовку и беспечно забыл.

Я уже видел такое раньше – пирамида из человеческих тел была до отвращения похожа на ту, что я недавно сжег в логове умруна. Эта, конечно, оказалась поменьше – верхние тела совсем чуть-чуть не доставали до потолка. Но эти изломанные пальцы, торчащие в разные стороны руки, свисающие с них, словно жутковатые гирлянды, кишки…

Мерзко. Отвратительно. Страшно.

И вдвойне страшно от того, что среди множества мужских тел определенно просматривались и женские. А наверху мне даже показалось, что из жуткой мешанины выглядывает и крохотная детская ручка. Будто Палач не удовольствовался убийством оставленных нами наблюдателей, а с широкой косой прошелся по соседним домам и зачистил их в радиусе половины квартала. А может, и не квартала. Поменьше. Может, всего лишь в радиусе ста шагов. Кто знает, где именно ему разрешил поохотиться хозяин?

Царящий в комнате запах смерти в какой-то момент стал таким удушающим, что я не выдержал и вернулся в обычный мир, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Корн и герцог Искадо к тому времени уже успели отмереть и прийти в себя. Хокк куда-то исчезла. Но даже не видя ее и не слыша снаружи характерных звуков, я вдруг понял, что магичку сейчас мутит. Более того, с ее аурой творилось нечто настолько странное, что я раздвинул

плечами стоящих на пороге магов, вышел в коридор, отыскал уткнувшуюся носом в стену, бледную до синевы напарницу. А, обнаружив, что ее амулет-накопитель почему-то сдох раньше времени, молча ее обнял, заново накладывая привязку. После чего увел напарницу в соседнюю комнату, так же молча усадил на диван. Затем нашел кухню, безошибочно отыскал в шкафу бутылку с чем-то воистину убойным. Налил в нашедшийся рядом стакан. Вернулся к Хокк. И, заставив ее залпом выпить забористую гадость, с облегчением увидел, как на ее омертвевшее лицо снова возвращается жизнь.

– Спасибо, Рэйш, – пробормотала она, сгорбившись в кресле, словно столетняя старуха. – Как-то слишком быстро все произошло… я даже не поняла, в чем дело.

– Там слишком много энергии Смерти. Амулет на такое не рассчитан. Так что сиди, сегодня ты мне не помощница.

– А ты? – глухо уронила она, не поднимая глаз.

Я молча пожал плечами.

А что я? Энергия Смерти в такой концентрации – вещь, конечно, опасная. Когда ее становится много, она уподобляется голодному вампиру и вместо того, чтобы рассеяться, начинает тянуть на себя силу из всего, что окажется поблизости. Поэтому-то в местах массовых жертвоприношений нередко гибнет трава, засыхают на корню деревья, там годами не живут птицы и звери, а любой, кто рискнет задержаться в таком месте подольше, рискует серьезно заболеть. Спросите у некросов – они подтвердят.

Конечно, со временем концентрация силы спадает, и когда-нибудь даже на месте захлебывавшихся в крови алтарей наступает затишье. Но сейчас… всего через полсвечи после гибели такого количества людей… от комнаты с трупами лучше держаться подальше.

Собственно, Корн неспроста так и не рискнул перешагнуть порог гостиной. Да и его сиятельство вперед не совался. Что же касается меня, то под одеждой уже давно холодил кожу невидимый взору доспех, да и к вниманию одной знакомой Леди я успел привыкнуть. И если уж Ее прикосновения научился переносить, то и остальное как-нибудь переживу. Главное, не задерживаться в этом месте надолго. И проследить, чтобы на протяжении хотя бы пары свечей туда не совали нос светлые – для них такое соседство точно не будет полезным.

Вернувшись в гостиную, я мельком покосился на ауры светлых и, перехватив помертвевший взгляд герцога, знаком посоветовал ему выметаться. Он, как ни странно, предупреждению внял. И послушно отошел, заодно прихватив с собой такого же пришибленного Корна.

Когда они удалились на достаточное расстояние, я закрыл дверь и опечатал ее одним из самых простых, но весьма эффективных заклинаний из арсенала среднестатистического темного мага. Затем прикрыл его парой таких же простых и малозатратных знаков. И лишь когда в коридор перестала сочиться концентрированная сила Смерти, я смог перевести дух. А светлые встрепенулись и, словно очнувшись ото сна, выдохнули.

Проследив за тем, с какой скоростью опустошается один из спрятанных под камзолом накопителей Корна, я окончательно успокоился. Отлично. Этот сейчас будет в норме. Да и у герцога, судя по вспыхнувшим глазам, тоже все в полном порядке. Угу. У него занятный амулетик в карманах припрятан – роль накопителя, похоже, играет массивный золотой перстенек на безымянном пальце. А вот какое заклинание сорвалось с его пальцев сейчас, я, если честно, не знаю. Не видел такого никогда. Но подозреваю, что его сиятельство не зря направил заклятие в подвал, откуда мягко и ненавязчиво сочился слабенький свет.

– Так, я вниз, – окончательно придя в себя, сообщил шеф и вяло махнул рукой в сторону лестницы. – Рэйш, помоги Рошу и Эрроузу, а Хокк пусть вызывает подкрепление. Надо разобраться с телами и понять, сколько народу успело пострадать. Милорд…

– Я иду с вами, – отозвался отец Роберта, одарив меня нечитаемым взглядом. – Только отдам пару распоряжений. Думаю, вам понадобится помощь.

Что на это ответил шеф, я уже не слышал. И вообще сделал вид, что меня это не касается. Но как только светлые пропали из виду, я мысленно прикоснулся к поводку, а затем посоветовал неотступно следующему за мной Мэлу присмотреть за этой странной парочкой и дать знак, если кто-то из них опять надумает сделать глупость.

Глава 14

Когда мы закончили с домом на Золотой, время уже близилось к полудню. Все, кого начальство согнало сюда убирать трупы, порядком вымотались. Корн, подсчитав количество жертв, окончательно потемнел лицом. Милорд герцог, честно пробывший в доме до тех пор, пока не уехала последняя «труповозка» стал до крайности неразговорчив. Хокк за это время успела трижды сменить амулет-накопитель. Но в итоге я все равно прогнал ее домой. А когда все основные дела были закончены, вышел в сад, отыскал ютящуюся в тени густого дерева скамейку и молча сел рядом с Йеном, который уже с полсвечи дышал свежим воздухом, но, судя по всему, до сих пор не мог прийти в себя.

– Восемьдесят четыре… – глухо уронил он через некоторое время. – Восемьдесят четыре трупа. Сорок шесть мужчин, двадцать восемь женщин, пятеро детей, три кошки, собака и одна крыса. Двадцать наших коллег. Двенадцать вырезанных под корень ни в чем не повинных семей. И все лишь ради того, чтобы показать, как жестоко мы ошибались?!

Я промолчал. Мне нечего было ответить другу. Разумом он тоже понимал, что это не наша вина: решение принималось на более высоком уровне. Но на душе все равно было гадко, во рту до сих пор ощущался солоноватый привкус крови, а перед глазами то и дело вставала заваленная телами гостиная.

– Их ведь специально убили в одном месте? – бесстрастно осведомился Йен после недолгого молчания. – Сперва утащили на темную сторону, а затем демонстративно выпотрошили, как охотничьи трофеи?

– Так концентрация энергии смерти получилась максимально высокой.

– Палач хотел нам отомстить?

– Он просто выполнял приказ. В первый раз мы не в полной мере осознали серьезность предупреждения. Поэтому во второй убийца нас наказал.

– А что будет, если мы рискнем помешать ему снова?

Я покосился на окаменевшего друга.

– Не знаю, Йен. Но мне не хочется собирать по улицам новые трупы.

– Что же, по-твоему, надо стоять и смотреть, как он продолжает убивать наших магов? Ах да… двое это ведь намного меньше восьмидесяти четырех, так? – Норриди посмотрел на меня почти зло. – Лучше дождаться, пока из двенадцати не

останется всего один дом, на который мы сможем бросить все силы! И то, без гарантии, что удастся убить Палача или остановить его полоумного хозяина!

– Иди, отдохни, день еще не закончился, – вместо ответа посоветовал я, поднявшись со скамейки, и направился в сторону выхода.

Йен бессильно выругался мне в спину.

Я его, разумеется, понимал, но помочь ничем не мог. Времени на скорбь по погибшим ни у кого из нас не было. Как не было права лить слезы или рвать на себе волосы с досады. Да, мы потеряли хороших бойцов. Кто-то из нас потерял друзей и коллег. Для кого-то это были просто подчиненные. Но из двенадцати знаков на схеме убийца использовал уже семь. Нам было известно, где именно он убьет снова. Мы видели его методы. Смутно подозревали, к чему все идет. Нам даже время следующего ритуала было прекрасно известно! Но потерять за сутки два с половиной десятка своих и почти в два раза больше гражданских – это много даже для Управления. Недаром Корн в полторы свечи разговаривал исключительно матом. Недаром бледный от бешенства герцог не сделал по этому поводу ни одного замечания. Начальство жаждало крови. Король требовал результатов. Но какое будет принято решение к следующей полуночи, никто из нас не знал.

На этот раз я не стал возвращаться домой, а потратил выделенное на отдых время, чтобы еще раз обойти все свои метки в столице и на пару с Мэлом исследовать оставшиеся пять домов, где убийца не успел побывать. Как и велел Корн, жильцы оттуда были заранее выселены, наши (*пока еще пребывающие в неведении насчет трупов на Золотой*) коллеги исправно караулили все подходы к особняку как в реальном мире, так и на темной стороне. Но как же жаль, что все это была бесполезная работа! Если бы хоть один из них мог видеть нижние уровни! Если бы нормальных жнецов в столице было больше, чем один! Может, в этом случае у нас появился бы шанс предотвратить очередное жертвоприношение? Но увы. Роберт Искадо был слишком мал, чтобы оказать мне помощь. А у милорда герцога, как недавно выяснилось, не нашлось для этого подходящих артефактов. И поскольку чужих следов в домах как не было, так и не появилось, нам оставалось снова набраться терпения и, как это ни досадно, ждать.

В первохрам я на этот раз явился позже обычного, так что Ал уже начал проявлять беспокойство, впервые за время знакомства встретив меня в человеческом обличье. И впервые за неделю он с ходу, без привычного кивка, кинулся к неоконченной статуе,

излишне торопливо взявшись за ближайший осколок.

Переглянувшись, мы с Мэлом заняли свои места, и работа снова закипела. Причем, если вчера мы только приноравливались друг к другу, то сегодня дело пошло в разы веселее. Стоило признать, идея привлечь к этому дело служителя оказалась самой удачной за все время, что я провел в первохраме. Привыкнув к бьющим из камней молниям, Мэл даже внимания на них не обращал. И забирал у меня не один-два, а целые пригоршни тяжеленных осколков, после чего в мгновение ока взбирался наверх и буквально сбрасывал их на стремительно растущую статую Рейса. Каменное вместилище каждый раз вздрагивало до основания, по храму прокатывался низкий гул, но Мэл так уверенно сновал вверх и вниз по заботливо выточенной в скале нише, что и впрямь стал напоминать огромного паука, который прекрасно ориентировался в собственной паутине.

В какой-то момент я, к собственному удивлению, обнаружил, что мы так резко ускорились, что закончили с ногами, добрались до пояса и теперь ряд за рядом выкладывали закованную в каменные доспехи грудь. Причем, этому необъяснимому факту удивился не только я – даже Ал стал задумчиво поглядывать на неутомимого Палача, который одним своим появлением умудрился настолько облегчить нам жизнь, что это казалось невероятным.

Что самое удивительное, Мэл по-прежнему не уставал, таская в руках до безумия тяжелые камни. Казалось, он даже веса их не чувствовал. А неумолимо увеличивающееся расстояние до пола уверенно преодолевал, держась за стены тонкими лапами и с ловкостью прирожденного скалолаза втискивая когти даже в мельчайшие трещинки.

Тогда же мы, кстати, выяснили, что мое участие в процессе переноса камней необходимо лишь в тот момент, когда осколки преодолевали непонятную преграду, за которой не было ходу алтарю. Мэл же ее попросту не замечал, поэтому мы с Алом совместными усилиями лишь подтаскивали камни поближе, переправляли через границу, после чего бывший Палач без особого труда их перехватывал и дальше справлялся сам. Мне больше не требовалось ломать голову над тем, каким образом взобраться на самый верх, чтобы доставить туда очередной обломок. И не приходилось тратить слишком много сил на транспортировку. А к тому момент, как Мэл укладывал первую порцию и спускался вниз, мы с Алом уже доставляли ему вторую.

Проработав в безумном темпе до вечера, мы практически вычистили пространство вокруг постамента Рейса, так что на полу осталось лежать всего несколько десятков осколков, на

которые я воззрился с изрядной долей сомнения.

– Неужели все? – недоверчиво пробормотал я, прислушавшись к себе, но не почувствовав той самой выматывающей усталости, что сопровождала меня несколько предыдущих дней. – Столько мучились и пыхтели, а теперь… закончили?

«*У тебя очень сильный друг*», – признал Ал, с уважением взглянув на замершего под потолком Мэла. – «*Особенно для искусственно созданной сущности*».

– Много ты понимаешь, – фыркнул я, наклоняясь и ладонью подгребая осколки поближе. – Ну-ка, помоги.

Алтарь с готовностью выпустил серебристую струйку. Окунул в нее оставшиеся на полу камни и подтянул их вплотную друг к другу. Затем выпустил еще один ручеек. Нырнул в полумрак ближайшей арки. Выудил оттуда не замеченный ранее осколок, и всего через несколько мгновений у меня по руками оказался не набор камней, а вполне узнаваемое каменное лицо.

Молнии на этот раз из него не выстрелили – по-видимому, воинственный бог тоже проникся важностью момента. И все то время, пока мы с Алом волокли последний кусок его статуи, Рейс вел себя на удивление тихо. Даже, я бы сказал, смиренно. И лишь когда мы, пыхтя и обливаясь потом, пропихнули массивную каменную глыбу через границу, а Мэл с некоторым трудом взгромоздил ее на положенное место, гигантское лицо древнего бога ожило. И по нам троим ударило такой волной сырой силы, что Мэла буквально отшвырнуло прочь, припечатав к противоположной стене, а нас с Алом опрокинуло на пол, да ещё и протащило по камням, причем некоторых, как назло, мордой вниз.

С трудом очухавшись, я увидел, как вокруг ставшей цельной статуи заклубилась Тьма, и утер кровь с разбитой губы.

– И это вместо благодарности, Рейс?

По первохраму пронесся низкий вибрирующий рокот, из-под черных камней брызнули тонкие серебристый струйки, словно могущественный бог больше не нуждался в скрепляющем растворе. Пока они стекали на пол и вливались в остолбеневшего Ала, статуя окончательно почернела и избавилась от малейших трещинок. После чего ее глаза вспыхнули кроваво-красными огнями и обратились вниз. Правда, не на меня. И даже не на растерянно застывшего Ала. Почему-то гневный взор бога был прикован к скорчившемуся на полу Палачу. И, судя по тому, как исказилось лицо Мэла и как неестественно вывернулись его конечности, Рейсу очень не нравилось присутствие посторонней сущности в святая святых темного пантеона.

Сплюнув кровь прямо на пол, я с усилием поднялся и, доковыляв до статуи, выудил из воздуха сразу обе секиры. Придавленный чужой силой Мэл хрипел и тщетно бился, как попавший под лавину паук. Ал, увидев мое лицо, нервно булькнул, но вместо того, чтобы помочь, вдруг опасливо отступил, не рискнул перечить темному богу. Меня оба этих факта моментально выбесили, поэтому я поднял оружие, одним движением упер сотканные из Тьмы лезвия в пах (*выше не дотянулся просто*) темного бога и, уставившись на него снизу вверх, процедил:

– Может, ты и сильнейший в пантеоне, но я тебя как собрал, так и разобью. Оставь моего брата в покое!

По каверне словно молотом ударило злое эхо, а сразу после этого наступила тишина.

Ал снова испуганно булькнул и застыл, не смея лишний раз шевельнуться. Тьма вокруг статуи тоже заколебалась. И даже Мэл перестал дергаться, когда огромная каменная голова медленно-медленно повернулась и вперила в меня непереносимо тяжелый взор, в котором, помимо гнева, проступило удивление.

На плечи рухнула такая тяжесть, что меня чуть не согнуло пополам. Хорошо, доспех уберег от позора да ослиное упрямство не позволило склонить перед темным богом голову.

– Это было глупо, Артур, – вдруг шепнул за моей спиной знакомый женский голос. – Рейс силен. И он всегда был ужасно несговорчив.

– А мне плевать, – просипел я, с трудом удерживаясь на ногах, а затем с рваным выдохом качнулся вперед, и секиры со скрипом вошли в камень почти на ладонь. – Я служу не ему!

– Ты совершаешь ошибку, мой мальчик, – шепнула Смерть, взъерошив мои и без того растрепанные волосы. В это же самое время ее метка ожила и в качестве предупреждения обожгла кожу на лбу, но я лишь упрямо набычился.

– Я перестану себя уважать, если предам того, кто мне верен. К тому же, Мэл – не нежить. У него есть душа, пусть даже ее и заставили занять неподходящее тело!

Смерть, помолчав, отступила. По первохраму снова пронесся негодующий гул, которому вдруг ответил хлестнувший из-за моей спины ветер. Боль от проснувшейся метки стала такой, что у меня едва искры из глаз не посыпались. А затем зрачки Рейса погасли. Огромная голова вернулась в прежнее положение. Давящая на плечи тяжесть исчезла. А на вспыхнувших и тут же погасших лезвиях секир вдруг проступили два крохотных значка, которые я от неожиданности не успел даже толком рассмотреть.

– Мэл, ты живой? – хрипло спросил я, когда стало ясно, что

убивать меня за святотатство не будут, а непримиримая статуя вновь превратилась в обычную каменюку.

Сзади послышался шорох.

– Кажется… да. Спасибо.

Я с облегчением опустил оружие, позволив ему истаять во Тьме, и только тогда повернулся.

«*Ты сумасшедший!*», – убежденно написал на полу Ал, когда я зыркнул в его сторону.

– Само собой. Я же темный.

Алтарь выразительно покрутил пальцем у виска и без единого всплеска обратился в лужу. После чего утек на свое законное место, превратился в «наковальню» и окаменел, словно сделал все что хотел и до следующего утра шевелиться не планировал.

– Ну и ладно, – ничуть не расстроился я и, подойдя к распластанному на полу Мэлу, протянул ему объятую Тьмой руку. – Пойдем домой, брат?

На тонких губах Палача появилась слабая улыбка.

– Пойдем, – прошелестел он. И кое-как воздев себя на ноги, крепко пожал протянутую ладонь.

* * *

В этот день Корн созвал нас на совещание довольно рано, так что к Роберту я снова не успел и отправил к нему одного Мэла. Зато перехватил в первохраме полсвечи тревожного сна и в Управление явился хоть и уставшим, но не настолько, чтобы заснуть прямо во время обсуждения.

К моему искреннему удивлению, сегодня в составе присутствующих обнаружилось пополнение. Более того, мое кресло у окна оказалось занято, но я настолько не ожидал увидеть здесь подобного гостя, что при виде жреческой рясы озадаченно замер и далеко не сразу сообразил его поприветствовать.

– Здравствуй, Артур, – мягко произнес уже знакомый мне дедок, не вставая с кресла. – Рад тебя снова видеть.

– Отец Иол… вас-то каким ветром сюда занесло?

Кто-то в комнате поперхнулся, но жрец только улыбнулся.

– Скажем, так: некоторое время назад у меня появилось недоброе предчувствие. И стойкое ощущение, что вам вскоре понадобится помощь.

– Именно нам? Всем? – тут же насторожился я.

Служитель Фола благосклонно кивнул.

– Некоторым из вас. К сожалению, отец-настоятель по-прежнему в отъезде, но Орден обеспокоен сложившейся ситуацией. И сегодня мы получили прямой знак, что пора вмешаться…

– Понятно…

Я перехватил несколько изумленных взоров и запоздало наклонил голову, обозначая скомканное приветствие. После чего огляделся и, не найдя где присесть, решил составить компанию Хокк на подоконнике. Та молча подвинулась, покосившись на меня с нескрываемым подозрением. Эрроуз оценивающе прищурился. Рош предпочел отвернуться. А Корн явно задумался над тем, по какой причине служитель Фола так охотно согласился ответить на мои вопросы. Обычно жрецы вели себя более сдержанно. И крайне редко опускались до пояснения причин своих решений. Пожалуй, из всех присутствующих только Йен не удивился моему близкому знакомству со вторым лицом главного храма Алтории. В отличие от остальных, он прекрасно знал, что с некоторых пор у меня особое отношение к вере и свое собственное понимание ценности служителей богов.

– Отец Иол, вас ввести в курс дела? – наконец, вежливо осведомился Корн, нарушив воцарившееся неловкое молчание.

Жрец качнул головой.

– Меня интересуют только подробности последнего убийства. Остальное Ордену уже известно.

– Хорошо. Илдж?

Начальник восточного участка тут же поднялся и, то и дело кося в сторону жреца, принялся обстоятельно докладывать. Иногда отец Иол его останавливал и что-то спрашивал. Но чаще всего он просто слушал, для вящей сосредоточенности прикрыв глаза и время от времени постукивая кончиками пальцев по подлокотнику.

Когда Илдж закончил, в кабинете какое-то время было тихо. Но потом жрец поднялся, в полной тишине подошел к мерцающей на стене иллюзорной карте. Несколько томительных мгновений рассматривал багровые огоньки, горящие на месте уже совершенных убийств, а затем негромко уронил:

– Орден пока не в курсе, для чего был начат ритуал и какую цель он в действительности преследует. Врата между мирами – лишь один из вариантов. Причем не самый худший. Гораздо более высока вероятность призыва могущественной сущности с нижних слоев Тьмы, привлечение в наш мир древнего и чужого бога, а также появление псевдобожественной сущности, аватаром которой может стать похищенный ребенок.

– Его ещё можно остановить? – напряженно осведомился

Корн из-за стола.

– Да, – кивнул отец Иол. – В ритуалах такого рода очень важен символизм и магия чисел. Исчезновение хотя бы одного символа из схемы остановит процесс формирования энергии призыва. Или, как минимум, его замедлит. Именно поэтому с каждым разом наши действия будут вызывать все большую ответную реакцию со стороны того, кто все это затеял. Этот человек прекрасно знал, что смерть магов привлечет к себе внимание, но до поры до времени не предпринимал действий, способных вас отвлечь. Также он не стремился проливать лишнюю кровь, и лишь когда угроза срыва ритуал стала значимой, все же ответил.

– Восемьдесят четыре трупа за полсвечи… хороший такой ответ, – пробормотал Йен так тихо, что его почти никто не услышал. Но святой отец, не поворачивая головы, кивнул.

– Это была демонстрация силы. Акция устрашения, показывающая, что наш враг больше не намерен рисковать. Не сомневаюсь, что этой ночью, если он заметит ваших людей вблизи выбранного им для ритуала места, город подвергнется ещё большей опасности.

– И что вы предлагаете? – хмуро спросил Корн, когда святой отец ненадолго замолчал. – Отказаться от мысли его поймать?

Отец Иол в последний раз окинул взглядом карту и повернулся к шефу.

– Нет. И думаю, я смогу указать вам место следующего убийства.

– Каким образом?

– Я уже сказал про магию чисел, – невозмутимо отозвался жрец, возвращаясь к карте. – В таком сложном ритуале убийства не могут быть беспорядочными. И они всегда происходят в определенной последовательности. Обратите внимание на список адресов: второй, восьмой, одиннадцатый, третий, шестой, девятый и десятый символы. Обратите также на номера домов, где были убиты маги.

Народ добросовестно уставился на карту, но даже мне, признаться, было непонятно, какая тут может быть связь.

– Первое убийство: улица Шестнадцатая, восемь, – сжалился над нашими усилиями жнец. – Второе убийство происходит в восьмом символе. Улица Аллейная, девять. Два плюс девять получается одиннадцать. Это – номер следующего символа. Далее. Третий символ на карте. Разница между третьим и вторым… одиннадцать минус восемь. При этом номер дома в четвертом символе – шесть. И следующую пару магов убивают по адресу, соответствующему шестому символу на карте… дальше

объяснять?

– Три плюс шесть – девять, – деревянным голосом продолжил Рош, впившись пальцами в полу своего балахона. – Получаем шестое по счету убийство на месте девятого символа… а дальше…

– Дальше не вяжется, – мрачно сообщил Эрроуз, обшаривая глазами карту. – Разве что шестой символ сложить с номером дома на Звенящей?

– Верно, – кивнул отец Иол. – Схема не линейная, конечно. Числовая зависимость тоже не прямая, и это существенно усложняет дело. Но если вы обратите внимание на оставшиеся символы и посмотрите на числа, так или иначе имеющие отношение к двум последним убийствам, то поймете, что у нас имеется не так много мест, куда убийца может двинуться этой ночью.

– Золотая, один или Звенящая, четыре… значит, следующий символ на карте должен быть первым или четвертым? – напрягся Корн.

– Это значит, что следующее место преступление – это Солнечная или Линейная, – задумчиво проговорил Йен, уставившись на западный участок и тоже что-то лихорадочно высчитывая. – А если сложить знаки девять и десять с предыдущих мест убийств, то получается мой участок. Линейная, девятнадцать.

– Усильте патрули по обоим адресам, – велел Корн, быстро придя к тому же выводу, что и Норриди. – Святой отец, вы еще чем-то можете нам помочь?

На губах отца Иола появилась мимолетная улыбка.

– Думаю, да.

– Шеф! – внезапно ожил один из переговорников на столе Корна. – Это Нил Уордик с Солнечной. У нас тут жрецы пришли. Говорят, что от вас.

– Сколько их? – быстро переспросил у подчиненного шеф, бросив на отца Иола недоверчивый взгляд.

– Двое. Светлый и темный.

– Я взял на себя смелость усилить ваши команды, – пояснил жрец Фола в ответ на повисший в воздухе молчаливый вопрос. – В присутствии моих собратьев навредить вашим людям и безнаказанно убивать мирных жителей станет значительно сложнее. А отграничить подозрительный дом и появившихся в нем людей и нелюдей, наоборот, проще.

– Благодарю, – посветлел лицом Корн и обменялся выразительным взором с герцогом Искадо, который все это время задумчиво хмурил брови и ни во что не вмешивался. – Ваша

помощь будет действительно кстати. Милорд, вероятно, нам стоит пересмотреть сегодняшние планы…

– Я ещё две свечи назад получил соответствующие указания от короля, – признался герцог. – Он не намерен позволять кому бы то ни было безнаказанно убивать жителей столицы, поэтому предыдущий приказ все еще не отменен. Нам дано официальное разрешение на применение любых методов для устранения угрозы. Мои люди уже на позициях. И, если отец Иол обеспечит нам защиту хотя бы по двум указанным адресам…

– Почему по двум? – удивился святой отец. – Мы закроем все пять. Вероятность ошибки все же существует, а рисковать жизнями мирных жителей наш Орден не собирается. Из темных братьев ваши команды усилят служители Рейса и Фола, из светлых – последователи Рода, Сойроса и Ремоса.

– А кто инициировал это вмешательство, святой отец? – неожиданно для всех вдруг подал голос я. – Это ведь было не ваше персональное решение, правда?

Угу. Ведь в первую нашу встречу ты об этом даже не заикнулся. А значит, до сегодняшнего дня храм не планировал вмешиваться. Более того, он и не вмешивался, хотя о грозящей городу опасности отец-настоятель знал. Поэтому мне стало интересно понять, кто заставил жрецов изменить решение и наконец-то поучаствовать в охоте.

Отец Иол сделал невозмутимое лицо.

– Предложение поступило от жрецов Рейса, Артур. И было поддержано сперва служителями Фола, а затем и высшим руководством Ордена. Я удовлетворил твое любопытство?

Хм. Рейс?

Я услышал тихий выдох сидящей рядом Хокк и заметил, как впервые за вечер расслабились ее плечи. А потом посмотрел на остальных и подумал, что, наверное, над одной несговорчивой статуей мы с Алом корпели все же не напрасно. А если после восстановления оставшихся в этом мире наступит порядок, то я окончательно успокоюсь и буду точно знать, что стал темным магом не зря.

Глава 15

Когда Корн, Йен и мы с Хокк прибыли на западный участок, на улице Линейной было подозрительно тихо. Ни одного экипажа на улице, ни одного патрульного в радиусе квартала… даже жильцы с этой улицы были заблаговременно выселены, поэтому до нас не доносилось ни звука, а в магически опечатанных домах не горел свет.

Дом под номером девятнадцать нашелся в самом конце длинной улицы. Красивый трехэтажный особняк с высоким забором, ухоженным садом, весело журчащим напротив крыльца фонтанчиком… район здесь считался небедным, среди его обитателей нередко встречались успешные торговцы и маги, так что ночи здесь, как правило, были спокойными, а о разбойных нападениях не слышали уже давно.

Кому принадлежал именно этот дом, я не интересовался – эти сведения, как и в предыдущих случаях, ничем бы нам не помогли. Отметил только, что людям зажиточным, и понадеялся, что их имущество пострадает не так сильно, как у других.

А вот с погодой нам, можно сказать, не повезло. К ночи небо снова затянуло тучами, поэтому ориентироваться на местности стало сложнее. Да ещё и магические фонари на Линейной было велено погасить, чтобы умения жрецов и обычная магия… а они порой вступали в конфликт… не спровоцировали взрывов и других разрушений. Простых стражников Корн с улицы тоже велел убрать – ни к чему давать убийце возможность лишний раз пополнить наш «холодильник». Обычных людей тоже попросили исчезнуть, за исключением Йена. Так что в итоге нас осталось четырнадцать: боевая пятерка герцога, двое жрецов, мы с Хокк, Корн, Йен, получившая добро от целителей на походы на темную сторону Триш, а также решительно настроенные Тори и Лиза Шарье, которые и без того третью ночь подряд караулили этот особняк.

Население всего района, конечно, в столь короткие сроки выселить не удалось, но жрецы сказали, что одной безлюдной улицы им будет вполне достаточно. А также пообещали, что за ее пределами никто из жителей не пострадает. Отец Иол, кстати, прибыл на Линейную вместе с нами, в отдельном кебе, который ему любезно выделило Управление. А вот милорд герцог решил составить компанию Илджу, Рошу и Эрроузу и вместе с ними отправился по второму адресу – на Солнечную, семь, где мы с такой же высокой вероятностью ждали появления убийцы.

Выбор места для расположения ударной группы тоже

предоставили жрецам. Отец Иол, оглядевшись, заявил, что не видит смысла занимать какой-то из соседних домов. Его коллега – служитель Рода, отец Олаш, резонно добавил, что в случае схватки стены и перекрытия могут нам помешать. В чем-то, конечно, он был прав: ввязываться в бой с Палачом на ограниченном пространстве – это весьма затейливый способ самоубийства. Поэтому я поддержал идею устроиться в саду при условии, что господа жрецы найдут способ скрыть нас от посторонних взоров.

В ответ на это отец Иол загадочно хмыкнул, достал из-под рясы невзрачный артефакт в виде обычного с виду камушка, и вскоре на облюбованной нами поляне возникло нечто непонятное. Я бы сказал, что оно чем-то напоминало купол, которым убийца прикрыл прошлой ночью тела наших коллег. Единственным отличием являлось то, что структура заклинания (*или что это было*) выглядела ровной и упорядоченной. А ещё она охватывала лишь нижнюю часть импровизированного «лагеря» наподобие опрокинутой чаши. Ее дно, как я вскоре убедился, уходило прямиком во Тьму и должно было избавить нас от неприятностей на темной стороне. Более того, как только я собрался задать вопрос – а что же будет с верхней частью этого заклинаний? – отец Олаш активировал ещё один храмовый артефакт, и защита стала по-настоящему цельной: магия светлого жреца дополнила структуру, установленную отцом Иолом, и теперь вокруг нас образовалась полностью закрытая, охватывающая сразу два мира сфера. Достаточно большая, чтобы мы уместились там все. И достаточно прочная, чтобы мы могли чувствовать себя в безопасности.

– Снаружи защита имеет эффект зеркала, – пояснил светлый жрец, как только светлая часть купола окончательно слилась с нижней и превратилась в единое целое. – Теперь нас не видно ни обычным, ни магическим взором. Пока вы не начнете использовать магию, конечно. В данный момент защита частично проницаема – сейчас вы можете спокойно отсюда выйти, использовать переговорники и любые артефакты с защитными свойствами. А вот атакующие защита будет гасить. Как снаружи, так и изнутри. В случае необходимости мы можем сделать ее непроницаемой, и тогда сюда больше никто не войдет и не выйдет. До тех пор, пока сохраняется заряд в амулетах.

– И на сколько его хватит? – поинтересовался Корн, с любопытством присматриваясь к куполу.

Я, не дожидаясь ответа, отправился проверить защиту на прочность и, как обещал святой отец, беспрепятственно прошел в одну и в другую сторону, отметив про себя лишь легкую щекотку

на коже в момент пересечения границы. Затем сунулся на темную сторону, убедился, что и там купол снаружи совершенно не виден. А если святые отцы обещают, что при необходимости сделают его совершенно безопасным, я, пожалуй, поверю, что в храмовых обрядах действительно что-то есть.

– …Не стоит волноваться, – закончил свои объяснения отец Олаш, когда я вернулся в реальный мир. – Волею богов сила молитвы способна удержать защиту сколь угодно долго, потому что в основе ее лежит не магия, а вера. А вера у служителей храма сильна.

Ничего себе!

Я мысленно присвистнул и повнимательнее присмотрелся к лежащим в центре поляны артефактам. С виду камешки как камешки. Ну, руны на них незнакомые высечены. Голову отдам на отсечение, что лотэйнийские и древние, как сам первохрам. Выходит, жрецы и впрямь нашли способ преобразовывать энергию духа в нечто материальное? Но является ли это магией в полном смысле этого слова? Или, может, речь идет о той самой божественной силе, которую жрецы получают с благословения богов?

– Это одна из тайн Ордена, Артур, – наклонившись к моему уху, шепнул невесть как успевший приблизиться отец Иол. – Если захочешь узнать – милости просим.

Я поспешил отстраниться.

– Нет уж, обойдусь. Интересно, почему все ваши коллеги меня в рясу обрядить норовят?

Жрец Фола тихо рассмеялся.

– Это всего лишь предложение, Рэйш.

– Спасибо, не надо, – твердо повторил я и, в последний раз глянув на защиту, повернулся к дому. – Сколько, по-вашему, нам ещё ждать?

– Скоро полночь, – отозвался жрец. – Если у тебя есть мысли, как засечь появление святотатца до того, как он кого-нибудь убьет, то самое время их реализовать.

Я задумался.

Когда Мэл разыскивал эти особняки, он уже пытался ставить на них метки. Изнутри ему это сделать не удалось из-за особенностей защиты, а те, что мы поставили снаружи, почему-то не сработали.

– Рэйш, ты куда? – с подозрением осведомился Корн, когда я решительно двинулся к зданию.

– Хочу кое-что попробовать.

– Не вляпайся там, времени осталось впритык, – проворчал шеф, но, как ни странно, отстал. А я снова ушел на темную

сторону и, просочившись в дом сквозь дыру в двери, принялся изучать поставленную на нем защиту.

Ну что сказать… работал, конечно, специалист. Сложная вязь из знаков и рун покрывала стены, полы и потолки таким плотным ковром, что это вполне объясняло отсутствие изменений в магическом фоне даже на пике проводимого ритуала. В других домах я уже видел эту сеть. Сложная. Большая. И, как я уже говорил, она была рассчитана во многом на магию крови, поэтому воспользоваться ею мог кто угодно, а вот изменить, к сожалению, нет. Поскольку защитные заклинания были вплетены непосредственно в камень, то воздействовать на него снаружи было весьма проблематично. А изнутри заклятия он практически не пропускал, превращая дом в этакую плотно закрытую коробочку, которую проще было сломать, чем пытаться переделать.

Убийца, кстати, использовал эти особенности грамотно. Но в чем-то они его ограничивали. И если придумать, как это использовать…

Пройдя вдоль одной из стен, я попробовал поэкспериментировать с заклинаниями. Да, метки внутри действительно ставились, но снаружи я их не чувствовал – защита блокировала все. И обычную магию, и знаки, и руны. И даже нарисованные Тьмой во Тьме, они оказывались бесполезными. С внешними метками та же история – пока я находился на улице, все было отлично, но стоило только зайти в дом, как связь с ними отрезало напрочь.

– Рэйш, время! – пронеслось гулкое по темное стороне, заставив меня с неохотой оставить метки в покое и вернуться на улицу. Двое темных коллег из боевой пятерки герцога Искадо с нетерпением махнули, советуя поторопиться, и я рысцой побежал к месту их дислокации, успев нырнуть под образованный жрецами купол всего за несколько мгновений до того, как напольный хронометр в доме пробил полночь.

Как только это случилось, по темной стороне, как по команде, прошло непонятное волнение. Спине стало неуютно, словно в нее уперся чей-то недобрый взгляд, затылок обдуло знакомым ветерком, а под куполом резко похолодало.

– В чем дело? – осведомился Корн, когда некрос и неизвестный маг Смерти одновременно развернулись спиной друг к другу и, подняв к глазам визуализаторы, напряженно уставились в темноту. Хокк, Триш и Тори немедленно последовали их примеру, а отец Иол обеспокоенно переглянулся со светлым коллегой.

– Кто-то потревожил границу миров, – тихо подтвердил отец

Олаш, сделав хитрый жест рукой и ненадолго прикоснувшись ладонью к куполу. – Думаю, нам следует позаботиться о нашей общей безопасности.

Я краем глаза подметил, как жрецы, не сговариваясь, отступили за спины магов и сжали в ладонях свои загадочные артефакты.

– Смотрите… – прошептала в этот момент Хокк и указала пальцем на пространство перед домом. – Как-то не верится, что это простое совпадение!

Я оглянулся и мысленно присвистнул, обнаружив, что на темной стороне начала стремительно трескаться земля. Нет, гула и грохота слышно не было – для нас, находящихся в реальном мире, все происходило в мертвой тишине. Но через линзы я видел, как подрагивает обледеневшая почва, как трещит по швам покрытый снежком газон. И как на месте идеально ровной лужайки перед нами образовывается целая сеть глубоких трещин, откуда одна за другой начала выбираться многочисленная нежить.

Поскольку визуализаторы имелись у всех, то эту картину даже светлые могли наблюдать в ужасающих подробностях. У Корна при виде нескольких сотен гулей вырвался прерывистый вздох. Триш, Тори и Лиз словно окаменели. Жрецы сдвинулись спина к спине, как темные, и одновременно затянули заунывную и непонятную мелодию. Хокк до хруста сжала основание своих «очков». Не успевший нам представиться некрос тихо выругался. Его светлые коллеги одновременно скрипнули зубами. А мы вместе с магом Смерти, не сговариваясь, провалились на темную сторону и во все глаза уставились на разверзшийся перед домом ад.

Пожалуй, мы недооценили нашего врага, и он вновь продемонстрировал нестандартное мышление: земля вокруг дома не просто трещала по швам – это одна за другой вскрывались невидимые ранее каверны. Причем много. Очень много. И из них настоящей лавиной выплескивались гули, шуршы, уже знакомые мне слизни, куча другой разношерстной мелочи, которая вскоре накрыла лужайку перед домом сплошным шевелящимся ковром.

Нет, пока они не нападали. Просто напряженно озирались, принюхивались и, похоже, еще не видели нас. Но как только кольцо из нежити окончательно сомкнулось, отрезав лужайку от остального мира, возле крыльца вскрылось еще две каверны. На редкость крупных и глубоких. А оттуда, словно овеянные Тьмой крылатые демоны, одним стремительным движением выпорхнули…

– М-моргулы… – дрогнувшим голосом признал новых тварей

мой темный коллега.

Я угрюмо промолчал.

Да, это и впрямь оказались они – мрачные, похожие на закутанные в рваные плащи почти что человеческие фигуры, которые, услышав раздавшийся во Тьме голос, одновременно повернули головы в нашу сторону. Видеть они нас, похоже, не видели – жрец не солгал, и купол оказался достаточно надежным. Однако звуки храмовая сфера, похоже, гасила не полностью, иначе я не могу объяснить порывистое движение моргулов в нашу сторону и раздавшееся следом шипение, в котором послышалось неприкрытое торжество.

Вскоре за нашими спинами раздался шорох и еще два прерывистых выдоха.

Триш и Тори… ну, конечно. Увидев, что нас нет рядом, эти двое тоже заявились на темную сторону. Видимо, надеясь помочь. Или просто прикрыть тылы. Но, честное слово, лучше бы они этого не делали, потому что, заслышав шум, оба моргула издали удовлетворенный рык и двумя стремительными тенями ринулись на купол.

– Господи… – только и успела прошептать шокированно замершая Триш, во все глаза уставившись на несущуюся в нашу сторону высшую тварь.

Жутковатая картинка, не спорю. Но думать и сетовать на чужую неосторожность было некогда. Оттеснив некстати вылезшую молодежь, я без колебаний вышел вперед. Еще через миг мои пальцы сжали древко пока еще невидимой секиры. Одновременно с этим внутри купола сгустилась Тьма, готовясь обнять меня со всех сторон и улечься поверх одежды матово-черным доспехом. А затем моргулы оказались на расстоянии вытянутой руки и спикировали на сферу, как два коршуна. Собравшаяся вокруг нас нежить тут же прыснула в стороны. Но, прежде чем я развернул лезвие и все-таки ударил, купол внезапно вспыхнул. По глазам резанул болезненно-яркий свет. Я инстинктивно отпрянул. Моргулы, похоже, тоже такого не ожидали. Но все же не остановились, а подлетев вплотную, одновременно замахнулись и с силой полоснули по сфере отросшими когтями.

По темной стороне раздался оглушительный рев. Поверхность сферы прогнулась, мелко задрожала, но купол, как ни удивительно, оказался надежным даже против высшей нежити. Расцветившие его полосы от когтей исчезли, будто их и не было, тогда как льющийся с ее поверхности свет, напротив, стал таким ослепляющим, что твари с негодующим воплем отшатнулись, а я, так и не успев ударить, счел за лучшее отступить.

– Проклятье… слишком ярко! – прохрипел за моей спиной не соизволивший представиться маг.

– Глаза режет… – выдохнул вместе с ним Тори. – Ничего не вижу!

Триш молча прикрыла лицо рукой, а вторую положила мне на плечо и тихо сказала:

– Не ходите туда, мастер Рэйш. Отец Иол сказал, чтобы я вас туда не пускала.

– На сколько у жрецов хватит сил? – Я прищурил слезящиеся глаза, пытаясь разглядеть, что творится снаружи. Но свет и впрямь стал таким ярким, что пробиться сквозь него было попросту невозможно.

В ответ на мой вопрос Триш пожала плечами.

– Обещал, что до утра.

«До утра меня не устраивает», – раздраженно подумал я. Тьма, словно почувствовав, что больше не нужна, тут же истаяла, вернув моей одежде первозданный вид. Но невидимое древко я все же не отпустил. И вместо того, чтобы успокоиться и всецело довериться святым отцам, упрямо шагнул к самому куполу и попытался толкнуть его рукой.

Как и обещал отец Иол, сфера не поддалась. Чуть прогнулась под пальцами, но пропустить наружу меня не соизволила. Видимо, та молитва, которую жрец Рода затянул на пару с коллегой, успела сделать сферу достаточно плотной, чтобы ни я, ни моргулы не смогли ее преодолеть. С одной стороны, это, конечно, выручало. А с другой, превращало пространство под куполом в одну большую ловушку. Мы больше не могли связаться со своими. Не могли приблизиться к дому. Потеряли возможность отслеживать перемещения убийцы. А также не имели возможности ударить по нежити магией, потому что теперь купол полностью ее гасил. Я даже попытался незаметно уйти на нижний слой, но защита блокировала все. Одним словом, нас заперли внутри сферы, как мышей под сковородкой. И единственной пользой от нее было то, что твари так и не смогли никого убить.

В последний раз кинув взгляд на ярко горящую поверхность купола, я скрипнул зубами и вернулся в реальный мир.

Народ, судя по всему, уже успел прийти в себя, поскольку паники в рядах магов не наблюдалось. Корн был мрачен до невозможности. Йен казался и того мрачнее, потому что меньше всех понимал в происходящем. Светлые нетерпеливо прохаживались вдоль сферы, сжимая в руках неизвестные мне артефакты. Некрос напряженно всматривался во Тьму через визуализатор, но, когда я вернулся, он с досадой отнял прибор от лица и бросил:

– Ни демона не видно! Похоже, при такой напряженности поля купол гасит вообще все виды магии! И искажает работу линз!

Я вопросительно повернулся в сторону жрецов, и отец Иол, не открывая глаз, кивнул. Теперь он молился молча, как и его светлый коллега. Они стояли спина к спине, в центре защищенного сферой пространство. И от обоих исходило ровное серебристо-черное свечение. Камни-артефакты, лежащие у них на ладонях, успели раскалиться докрасна, идущий от них жар ощущался даже в паре шагов, но жрецы словно не чувствовали боли. И, сосредоточенно повторяя слова молитвы, полностью ушли в себя.

В какой-то момент я обнаружил, что поверхность купола стала тускнеть, и снова нырнул на темную сторону.

Так и есть. То ли сфера успокоилась после удара тварей, то ли силы жрецов начали потихоньку убывать, но свет от купола и впрямь перестал резать глаза, и теперь я мог кое-что рассмотреть. В частности то, что за прошедшее время пространство вокруг нас очистилось, и большая часть тварей ретировалась обратно в каверны. Трупов вокруг купола оказалось немного – всего несколько нерасторопных слизней и один маленький шурш, которого, судя по внешнему виду, затоптали более крупные твари. Пепла, праха или следов того, что мелкую нежить испарило, я не нашел, а вот ведущие к трещинам следы и клубящуюся над ними Тьму рассмотрел прекрасно, из чего сделал вывод, что твари далеко не ушли, а значит, мы по-прежнему в осаде.

Моргулов я тоже нашел. Обе твари спрятались под стеной дома, в глубокой тени и буравили оттуда нашу компанию горящими глазищами. Вперед не совались. Видимо, одного раза им хватило. Но и уходить не спешили, будто всерьез надеялись дождаться, пока защита истощится, или же…

Я присмотрелся к вывороченным из травы комьям земли повнимательнее и тихо ругнулся.

– Что такое, мастер Рэйш? – забеспокоился успевший изрядно замерзнуть Тори.

Я махнул в сторону двух крупных разломов.

– Следы на земле видишь?

Тори прищурился.

– Ну… да, что-то виднеется.

– Это знаки, – хмуро бросил я, подобравшись к самому куполу. – А рядом с ними руны, только перевернутые, чтобы не изгонять, а призывать сюда тварей. Похоже, они-то моргулов и держат, иначе те давно свалили бы вместе с остальными.

Тори прикусил губу.

– Значит, нас ждали, мастер Рэйш? Все это было спланировано заранее?

– Похоже на то, – угрюмо отозвался наш безымянный коллега, подойдя ближе. – И время уже за полночь. А мы не только не знаем, что происходит в доме, но и не можем этому помешать.

Я покосился на молчаливую громаду особняка и с досадой сплюнул. Похоже, и на этот раз убийца нас переиграл. И даже если сегодняшней ночью он выбрал совсем другой дом для проведения ритуала, мы все равно не можем вмешаться.

– Смотрите! – вдруг прошептала Триш, на лице которой успел выступить иней. – Там что-то есть!

Я проследил за ее взглядом и мысленно хмыкнул: похоже, моргулов кто-то спугнул. Иначе зачем бы им метаться вдоль стены, как ужаленным, да ещё шипеть, как разъяренные гадюки? Чего вертеться волчками, будто их вдруг злобные мухи закусали? И для чего понадобилось так резко бледнеть, а потом трусливо сбегать на нижний уровень?

В этот же самый момент по поводку пришла успокаивающая волна, и я прикрыл глаза: Мэл… очень вовремя. Зова я ему, правда, не посылал, но за последние дни наша связь стала настолько прочной, что он и без зова понял, что у меня проблемы. И, разумеется, явился посмотреть на то, с чем не удалось справиться мне.

«Все в порядке, брат?», – пришло сдержанное по поводку.

«Да. Мы не ранены. Но до тварей я дотянуться не могу».

«Тебе помочь выбраться?»

«Нет, – ухмыльнулся я. – Купол пока не трожь».

«Тогда займусь тварями», – покладисто отступил Мэл, и я мысленно порадовался, что в последнее время брат сильно окреп, и даже парочка моргулов не должна была доставить ему особых затруднений.

Поняв, что во Тьме и впрямь что-то происходит, коллеги взволнованно загудели. Ну еще бы. Когда на твоих глазах одного из моргула рывком выдергивают обратно на верхний слой, а затем он запрокидывает укрытую капюшоном башку, испускает протяжный вой и сам по себе вдруг начинает разваливаться на части – это, скажу я вам, завораживающее зрелище. Когда сразу после этого такая же участь настигает вторую тварь, и над лужайкой повисает целое облако из радостно перемигивающихся «светлячков», это действительно способно выбить из колеи. А если вам при этом не удается заметить убийцу моргулов, а вместо него в лучшем случае получается углядеть размытую тень, больше похожую на призрака, то это вообще ни в какие ворота не

лезет.

Надо думать, что темные удивились. И надо думать, что не только в моей руке внезапно появилось оружие.

– Что это? – дрогнувшим голосом спросила Триш, когда на землю спланировали обрывки второго плаща. – Или кто?

Тори растерянно моргнул, а наш третий коллега озадаченно хмыкнул.

– Надеюсь, убила их не другая высшая тварь. Иначе нам придется туго.

– Вряд ли это тварь, – возразил Тори. – Смотрите: души-то остались нетронутыми. Была бы здесь нежить, она бы их уже принялась жрать.

– Тоже верно… но тогда я ничего не понимаю. Если это кто-то из наших, то почему я его не вижу? А если нет, то возвращаемся к вопросу леди: что это? Или кто? И зачем он вообще вмешался?

«Спасибо, Мэл», – с чувством подумал я. И не дожидаясь, пока освобожденные души окончательно исчезнут, рывком ушел наверх.

– Снимайте купол! – бросил недоуменно обернувшемуся отцу Иолу. – Немедленно!

– Зачем? – не понял Йен.

– Рэйш, что там у вас происходит? – озадаченно спросил Корн, отнимая от лица визуализатор. – Мне показалось, или кто-то нам помог?!

– Мы никого не видели. Но моргулы действительно мертвы, а остальные разбежались, – нетерпеливо бросил я. – Так что путь открыт. Отец, Иол, поторопитесь! Надо проверить дом!

– Сейчас, – наконец-то шевельнулся святой отец. – Угрозы я действительно больше не чувствую. Поэтому думаю, что снять купол можно.

Второй жрец чуть замешкался и даже попытался возразить, но когда я вернулся на темную сторону, сфера снова стала походить на тончайшую пленку. И я, упершись плечом, без особого труда продавил ее собой. После чего услышал раздавшийся из особняка слабый шум, крепко выругался и бегом бросился в ту сторону. А как только крыльцо скрыло меня от глаз коллег, создал прямую тропу и одним прыжком оказался на чердаке.

Увы. Я опоздал – там уже вовсю клубилась Тьма, все стены и потолок были покрыты густым слоем инея, а на застеленном белоснежной скатертью столе остывало обезображенное женское тело. Кровь из раны еще сочилась, мерно капая на изгаженный пол. Но рядом не было ни Палача, ни его хозяина. А когда я опрометью скатился с лестницы и ринулся к точке перекреста, и

там никого не оказалось. Лишь хрустела под ногами осыпавшаяся со стены штукатурка, да стремительно рассеивалось облако невостребованной энергии – легкое, золотистое, похожее на распыленную в пространстве чистую душу. Точнее, сразу две души, ставшие пищей для какого-то полоумного мага.

При виде пустого коридора из моего горла вырвался раздраженный рык.

Да что ж это такое?! Один удар сердца… всего один, и я мог бы что-то исправить! Но эта тварь действительно рассчитала правильно. Даже моргулов призвала, чтобы гарантированно себя обезопасить. Если бы не жрецы, нас бы уже сожрали. А если бы не Мэл, после нас эти твари ринулись бы в город. Тогда как я… мне не хватило какого-то мгновения, чтобы вмешаться и попытаться его остановить. Бездна…

– Мастер Рэйш! – донесся с улицы встревоженный голос Триш. – Мастер Рэ-э-эйш!

Я раздраженно сплюнул.

– Что?!

– Шеф велел вам срочно вернуться. Мы снимаемся с места!

– Как это? – озадачился я. Не только смыслом фразы, но и тем фактом, что никто не торопился зайти в дом и замерить насыщенность магического поля. На темной стороне сделать это было невозможно, но в реальном-то мире что им помешало использовать приборы? Не захотели рисковать? Решили выждать время? – Ему что, улики не нужны?!

– Похоже, это не тот дом, – нетерпеливо бросила снизу девчонка, так и не зайдя внутрь. – Команда герцога на Солнечной перестала выходить на связь. Так что Корн дал команду «отбой», мастер Рэйш. Мы уходим!

У меня едва не помутилось в глазах от внезапно пришедшей на ум догадки.

Нет, не может быть…

Но кто сказал, что убийца не мог озаботиться еще одним отвлекающим маневром? И кто сказал, что, призвав нежить в одном месте, он не способен сделать это где-то еще? Кто-нибудь вообще в курсе, сколько моргулов на настоящий момент времени обитает в столице? Ну и что, что я больше ни одного из них не видел? Я и о вампирах поначалу не подозревал. Как, впрочем, и мои коллеги из ГУССа. Но если уж наш враг сумел устроить одну ловушку, то что ему стоит создать вторую? Третью? И где гарантия, что именно сейчас, в этот самый момент, рядом со второй группой не вьется очередная одна пара моргулов, которых, в отличие от нашей группы, некому прибить?

Подумав о тварях, я резко выпрямился, обвел невидящим

взглядом пустой коридор, а затем открыл тропу и, прежде чем в ней исчезнуть, коротко бросил Триш:

– Скажи Корну, что ошибки нет. Убийца только что был здесь. Два свежих трупа помогут вам в этом убедиться. И напомни, что магический фон все еще зашкаливает, поэтому, если Корн не хочет потерять людей, пусть никто… слышишь, никто!.. не суется на чердак в ближайшие полсвечи.

Глава 16

Когда я выскочил рядом с заблаговременно оставленной меткой, вокруг дома номер семь по улице Солнечной уже кишмя кишела нежить. Крупные, мелкие, крылатые, когтистые и зубастые твари, словно живой ковер, устилали лужайку перед особняком и настойчиво сжимали кольцо вокруг тускло светящегося купола. Не знаю почему, но здесь жрецам не удалось напугать тварей божественным светом. Да, их тоже было двое – темный и светлый. Но все, на что хватило их сферы, это слегка придержать прущую косяками нежить и сопротивляться кружащим вокруг моргулам, которых по этому адресу почему-то оказалось не два, а сразу четыре.

Гм, видимо, в присутствии четверки высших сфера теряла свои свойства вдвое быстрее, чем у нас. Хотя, может, здешние жрецы просто оказались слабее отца Иола и отца Олаша?

Заметив тени, плавно нарезающие круги вокруг сферы, я прикоснулся к поводку, но Мэлу не требовались слова, чтобы меня понять. Хоронясь за стеной соседнего дома, я набросил второй доспех, став таким же невидимым, как брат. После чего мы одновременно создали тропы, одним прыжком переместились на лужайку перед домом. Вырвались прямо посреди целого моря рычащих, скулящих, щелкающих зубами и хрипло подвывающих тварей. Не дожидаясь, пока они опомнятся, я веером спустил с ладоней целую связку темного огня, мгновенно превратившегося в огненное море. И почти сразу ушел на нижний слой, оставив беснующуюся мелочь заживо гореть и мучительно издыхать в пламени, для которого не было разницы, кого именно жечь.

Здесь, на нижнем уровне, оказалось поспокойнее. Низшие вроде шуршей и слизней вообще сюда не заходили. Гули, если и могли, тоже предпочитали не соваться, так что под ногами никто не мешался. А вот моргулы… проворные, разумные и внезапно решившие проявить осторожность моргулы оказались здесь одновременно с нами. И, нутром почуяв, чем им грозит даже мимолетное прикосновение к моему огню, приняли единственно верное в данной ситуации решение. А когда я шевельнулся, намеренно обозначив свое присутствие, все четверо, словно по команде, ринулись в атаку.

Если бы не Мэл, я бы, наверное, не пошел на риск и предпочел разделаться с тварями по одиночке. Все же опыта схваток с подобными тварями у меня было маловато. Но брат не подвел. Оставшись стоять под слоем невидимости подходящий момент, он не выдал себя ни единым жестом. А как только

четверка тварей метнулась в мою сторону, плавным движением скользнул следом и одним ударом секир располосовал сразу двух моргулов.

Пронесшийся по нижнему уровню вой был полон недоумения, изумления и боли. Оставшиеся в живых твари резко остановились и опрометчиво развернулись, чтобы посмотреть, что произошло с сородичами. Да, они ещё успели увидеть, как на стылую землю медленно оседают четыре бесформенных обрывка. И успели заметить проступившую ненадолго тень. А пока они соображали, что произошло, я уже оказался рядом и таким же сдвоенным ударом избавил их от сомнений. После чего на земле появилась ещё парочка разрезанных надвое плащей, а над ними принялись растерянно кружить многочисленные огоньки.

– На твое усмотрение, Фол, – буркнул я, оглядевшись, но других желающих сунуться за нами на нижний слой не нашлось.

Огоньки, задумчиво качнувшись, рассыпались на совсем уж крошечные искорки. Затем раздробились ещё больше, обратившись в легкое облачко, а потом по Тьме пронесся едва ощутимый ветерок, и от душ ничего не осталось. Улетели, истаяли… бог знает, что с ними на самом деле произошло.

Когда же ветер улегся, мы с Мэлом, не сговариваясь, обернулись к стоящему рядом дому. И одновременно дрогнули, когда в его подвале вспыхнул свет, а на самом верху, а на чердаке, закрутилась огромная черная воронка, в происхождении которой не было повода сомневаться.

– Твою ж мать… – выдохнул я, сообразив, что это означает. – Мэл, он только что убил еще двоих!

– И, похоже, именно сейчас забирает их силу, – тихо согласился брат.

Дальше мы действовали уже молча. Поскольку на нижнем слое темные тропы не создавались, то к проклятому дому мне пришлось бежать на своих двоих, благо он располагался недалеко. Сигать на верхний слой, прямиком под удар пришедших в себя коллег, я посчитал неблагоразумным – нас могли заметить. Тем более что жрецы все-таки не удержали купол и к тому моменту, как на лужайке догорели последние твари, он благополучно рухнул. Чем это грозило им, меня в тот момент не особенно волновало. А вот то, что творилось в доме, беспокоило очень даже.

Собственно, мне впервые удалось своими глазами наблюдать работу неизвестного мага. Да, именно отсюда, с нижнего слоя, где манипуляции с магией перекреста ему утаить не удалось. Поэтому я прекрасно видел, как прямо на глазах в подвале распускается ярко-золотой цветок. И как вместе с ним так же

стремительно раскручивается над домом гигантская черная воронка.

Все происходило настолько быстро, что с учетом разницы во времени, можно сказать, что действовал убийца мгновенно. Мало того, что он подготовил все к ритуалу заранее. Мало того, что совсем недавно он находился в другой части города. Так теперь он ещё и снова убивал. Причем нагло. Почти открыто. Но именно здесь и сейчас у нас появилась реальная возможность его остановить.

Однако, не успели мы сделать пару шагов, как свет и тьма обрели невероятную силу. Казалось, в подвале появилось свое собственное, безумно яркое солнце, а на чердаке, напротив, родился сгусток первозданного мрака. Причем с каждым мгновением они все набирали и набирали силу. Вот уже и крышу начало пошатывать. Вот и стены затрепетали, будучи не в силах сдержать рвущуюся наружу мощь… А затем в глубине дома появился и принялся так же стремительно разгораться алый огонек, и свет в подвале, как и тьма на чердаке, стали так же быстро угасать, будто его вытягивала на себя какая-то третья сила. Одновременно. Мощно. За считанные мгновения высосав до последней капли. А как только света и тьмы не стало, разгоревшаяся точка брызнула из окон кроваво-красными искрами, а затем так же внезапно схлопнулась, рассыпавшись напоследок целым веером крошечных искорок. И как только они окончательно угасли, на нижнем слое снова стало темно и пустынно. Всего за миг до того, как мы с Мэлом на полном ходу ворвались в особняк.

Осторожничать уже не было смысла – моргулы перед смертью орали так, что наверняка успели всех переполошить. Поэтому мы, не скрываясь, вынырнули на верхний уровень и одним прыжком переместились на второй этаж.

На месте перекреста мы оказались одновременно. Как раз в тот миг, когда посреди полуразрушенного коридора почти закрылась чья-то тропа. Обычная тропа… темная и, разумеется, прямая, при виде которой я без раздумий бросился вперед и лишь у точки выхода успел заметить, как из схлопывающегося проема на меня летит огромный пылающий шар.

Действовал я в тот момент на одних инстинктах и, пожалуй, лишь глубоко внутри понимал, что уйти в сторону не успеваю. Думать было поздно. Рваться вперед опасно. Оставаться на месте бессмысленно. Поэтому я сделал то единственное, что мог в подобной ситуации – упал ничком и снова провалился на нижний уровень. Туда, где чужое заклятие не могло и, по идее, не должно было меня задеть.

В теории, находясь на втором этаже, я должен был грохнуться вниз, потому что от перекрытий на нижнем слое имелась одна лишь видимость. Но каково же было мое удивление, когда, оказавшись на полу, я вдруг осознал, что проваливаться никуда не собираюсь. Да, я действительно находился на нижнем слое Тьмы. Подо мной прекрасно просматривался первый этаж и призрачные балки, поверх которых виднелся такой же призрачный пол. Более того, я прекрасно видел, как прямо на меня несется полупрозрачное и далеко не такое опасное, как раньше, пламя. Умом понимал, что с верхнего слоя оно вряд сумеет меня достать, но рефлексы оказались быстрее. Поэтому вместо того, чтобы удивляться, размышлять или проверять свои догадки, я проворно откатился в сторону. И уже там, у стены, с внезапным холодком ощутил, что прозрачный пол меня больше не держит. А еще через миг он окончательно потерял твердость, я, не успев среагировать, со всего маху брякнулся вниз, больно ударившись боком. А когда очухался, то озадаченно уставился на бушующее на верхнем слое пламя, которое прямо на глазах сжирало не только перекрытия, но и стены, и даже потолок, выгрызая в них огромные дыры.

– Что за дрянь… – ошалело пробормотал я, торопливо подхватываясь и на всякий случай выбираясь из шатающегося дома. – Мэл, ты это видел?!

– Тебе повезло, – флегматично заметил вынырнувший из пустоты Палач, оглядев мою дымящуюся фигуру. – Еще бы миг, и от тебя осталась одна головешка.

– Что это вообще такое было?!

– Обычное заклинание огня. Довольно старое и простое. Только его напоили не обычной магией, а остаточной энергией ритуала. Так что, полагаю, нам здесь делать нечего – дом через четверть свечи выгорит дотла, а вместе с ним исчезнут и улики.

Я мрачно покосился на полыхающий особняк: да, ловить там и впрямь было нечего. Конечно, с нижнего слоя Тьмы огонь выглядел призрачным и не настоящим, но судя по тому, что за пару мгновений он успел охватить все три этажа и уже выбрался на крышу, Мэл прав. Мы снова остались ни с чем. Вытаскивать тела было поздно. Пытаться отыскать чужую тропу бесполезно. Искать чужой след тем более бессмысленно – огонь уже «съел» его вместе с перекрытиями. При этом убийца как ускользал от нас, так и на этот раз сумел уйти незамеченным.

Единственный плюс сегодняшней ночи заключался в том, что мы все-таки увидели, как он работает. И сумели узнать кое-что важное: оказывается, наш враг умел использовать не только обычную магию, но и магию перекреста. А это очень

специфические знания. Настолько, что, пожалуй, настало время поинтересоваться у Эрроуза, не получил ли он из Ордена каких-нибудь сведений по своему запросу? В частности, о том, не копался ли кто в старых архивах, и не появлялся ли в Ордене человек, который долго и настойчиво интересовался этой сомнительной темой?

– Надо возвращаться, Арт, – скупо обронил Мэл, когда в доме-таки прогорели балки, и рухнувшая крыша окончательно похоронила надежды на нормальное расследование. – Или у твоих коллег возникнут вопросы.

Я покосился на суетящихся вокруг дома «призраков», которыми выглядели с этого уровня маги, но был вынужден признать, что больше мы ничего сделать не можем. Представляться по всей форме я не собирался. Раскрывать свое присутствие тем более. А если не вернусь на чердак в доме на Линейной через полсвечи по реальному времени, то не только у Корна – у всех находящихся там появятся вопросы. Причем такие, на которые я бы предпочел не отвечать.

Единственное, что мне осталось непонятным из сегодняшнего забега – это странное поведение пола на втором этаже. По идее, уйдя на нижний уровень, я должен был шмякнуться оттуда сразу – пол-то стал призрачным, а значит, и выдержать мой вес был не должен. Но он выдержал. И отчего-то не торопился меня ронять. По крайней мере, какое-то время.

– Это потому, что при переходе на нижний слой, вокруг тебя остается небольшой островок твердого пространства, – пояснил Мэл, когда я задал ему этот вопрос. – Радиус небольшой: всего пара-тройка шагов. Как только ты выйдешь за их пределы, то сразу провалишься. Но если не шевелиться, можно сохранить равновесие на неопределенно долгий срок. Иногда это помогает на охоте.

Я запоздало вспомнил, что, будучи куклой, Мэл умудрялся таким образом довольно долго сидеть у меня на ладони, никуда не падая и пропадая. Поняв причину, по которой это происходило, я наконец успокоился, а затем покосился на объятый пламенем дом и отвернулся.

Что ж, убийца хитер. Пожалуй, я им даже восхищаюсь. Но игра ещё не закончена. И кто знает как лягут кости в следующей партии? Должно же и нам когда-нибудь повезти?

* * *

Мое возвращение на Линейную, как и уход оттуда, остались

незамеченными. По крайней мере, когда я материализовался на чердаке, там ещё никого не было. Хокк терпеливо караулила дверь снаружи и откликнулась сразу, как только я ее позвал. Вопросы, которые она, Триш и Тори задали, когда мы приступили к привычной работе, были самыми обычными. И даже Корн ни о чем меня не спросил, хотя убийцы моргулов его наверняка заинтересовали. А если он что-то и заподозрил, то обвинить меня было не в чем – во время нападения я находился у всех на виду, ну а насчет Мэла никто пока не догадывался.

На чердак я, разумеется, никого не пустил – после ритуала магический фон здесь оказался таким, что чувствовать себя в безопасности можно было лишь на нижнем слое Тьмы. Или под прикрытием очень хорошей защиты, которой ни у кого из моих коллег не имелось. Этим я, кстати, оправдал свое требование не вмешиваться в процесс осмотра, и мои доводы Корн счел достаточно убедительными, чтобы оставить запрет на появление темных магов на чердаке в силе. Для всех, кроме меня.

Мэла я, само собой, оставил на Солнечной – следить за работой коллег. Ну и на тот случай, если там снова объявится нежить. Надо признать, появление высших стало для нас неприятным сюрпризом, и не было никакой гарантии, что убийца не пришлет кого-нибудь еще. Да, руны на земле у обоих домов мы сразу же затерли. Вскрывшиеся каверны маги герцога закрыли несколькими слоями защитных знаков. А я, прежде чем вернуться на Линейную, заглянул на нижний уровень и на всякий случай запустил под землю свой огонь. Но береженого, как говорится, Фол бережет, поэтому никто не расслаблялся. И, пока в домах велась работа по сбору улик, снаружи нас охраняли не только маги, но и многочисленные жрецы, которых отец Иол в срочном порядке вызвал из храма. И с помощью которых над особняками на Линейной и над пепелищем на Солнечной были установлены такие же защитные сферы, как мы уже видели, только в несколько раз больше и прочнее.

В эту ночь, благодаря отцу Иолу, никто из наших не пострадал. Других каверн в Алтире больше не вскрывалось, наших коллег с трех других особняков никто не потревожил, а прилетевшие четвертью свечи позже вестники наглядно доказали, что жертв действительно было всего четверо. Более того, судя по донесениям патрульных, на мирных жителях убийца тоже не стал отыгрываться. Но, возможно, лишь потому, что призванную им нежить мы успели вовремя уничтожить, а отпускать на охоту Палача, когда мы подобрались так близко, он посчитал нецелесообразным.

Никто не знал, хорошо это или плохо, однако сгустившееся в

воздухе напряжение чувствовалось буквально кожей. Не только Корн и милорд герцог – даже жрецы выглядели хмурыми и озабоченными. Отец Иол, когда надобность в его услугах отпала, сказал, что вернется с братьями к вечеру, и обнадежил нас обещанием, что на этот раз полумерами Орден не обойдется.

Закончив дела на Линейной и получив от Корна подтверждение, что на Солнечную нам соваться не надо, я с чистой совестью покинул место преступления. Хокк с собой звать не стал – ее ждали бумаги в ГУССе. Но и в Управление с Йеном, Тори и Триш я тоже не поехал – обождут мои отчеты, тем более, что в устной форме я и Норриди, и Корну уже доложился. Поэтому после всего случившегося я честно отправился домой, намереваясь выспаться, однако стоило только уйти на темную сторону, как меня потянуло на нижний уровень, словно намекая, что отдыхать ещё рано.

Посетовав на нетерпеливость Фола, я все же отправил зов Мэлу и послушно развернул стопы к первохраму. А когда спустился в каверну, то застал там чрезвычайно встревоженного Ала, который нервно метался по огромному залу и лишь при виде меня облегченно булькнул.

«*Сроки сдвинулись. Надо спешить*», – написал он на полу и, не дожидаясь ответа, ринулся к статуе Ирейи. – «*Сперва закончить здесь. Потом с остальными. Фол – последний. Пожалуйста, помоги*».

Причины спешки он объяснять категорически отказался. Сказал, что, дескать, боги тревожатся, и нам надо поскорее закончить восстановление первохрама. Связано ли это с убийствами, алтарь не знал, но торопился как на пожар, поэтому пришлось подавить тяжелый вздох и, дождавшись Мэла, приступить к уже привычной работе.

Ирейю мы закончили примерно к обеду. Признаться, отдавая бывшему Палачу ее каменную голову, я всерьез переживал за здоровье брата. Однако богиня тайн, в отличие от воинственного Рейса, оказалась мудрой и понимающей женщиной, поэтому Мэла не тронула и в храме не буянила. А как только ее голова оказалась на положенном месте, статуя лишь окуталась Тьмой, из-под которой тонкими ручейками к Алу стали возвращаться потраченные на сборку капли. Одновременно с этим я ощутил на себе внимательный взгляд, на сердце стало беспокойно. Но статуя так же быстро стала обычной и почти сразу утратила ауру нечеловеческой силы. Хотя в какой-то момент мне все же показалось, что под низко опущенным капюшоном богини промелькнула насмешливая улыбка.

С Малайей было ещё проще. Несколько свечей утомительного

ручного труда, аккуратно водруженная на каменные плечи голова, короткая вспышка, ожившее ненадолго лицо, тут же скрывшееся под облаком брызнувшей от статуи Тьмы, еще одно мимолетное ощущение чужого взгляда, сбежавшие вниз серебристые ручейки… и третья статуя была восстановлена.

Ал после этого облегченно вздохнул и, втянув в себя освободившиеся капельки, повернулся к левой стене первохрама, где дожидались своей очереди два пустых постамента. Но я к тому времени так вымотался, что не поддержал идею заняться Абосом и Солом немедленно. Более того, к тому времени ноги меня уже совсем не держали и все, что я смог, это обессиленно усесться аккурат между ними, раскинув в стороны руки и прислонив гудящую голову к стене между нишами. Так, чтобы идущий от нее холодок хоть немного остудил тяжелый затылок, а безумная усталость, накопившаяся за сутки беготни, выплеснулась наружу одним-единственным, но очень тяжелым вздохом.

«*Сиди так*», – вдруг написал Ал, прежде чем растечься на полу новой лужей. – «*Думаю, мы и сами управимся*».

Я собрался было возразить и послать его куда подальше вместе с неуместной спешкой, но Ал уже нырнул в очередную груду осколков и быстренько выудил на свет божий пару приличных камней. Я даже шевелиться не стал, когда алтарь с довольным бульком бросил их на мои бессильно лежащие на полу ладони. И вместо того, чтобы подняться и забросить первые камушки на возвышающиеся надо мной постаменты, просто закрыл глаза и мысленно послал упрямца на фиг. В смысле, к Фолу. Причем с большим ускорением.

Ала, правда, мое бездействие и откровенное нежелание помогать ничуть не смутило. Он активно зажурчал, засуетился. Мои ладони после этого окутало целым облаком серебристой «ртути». Бессильно лежавшие руки благодаря усилиям алтаря развелись еще дальше. И лишь когда ребром ладони я почувствовал источающий холодок постамент, то соизволил приоткрыть один глаз.

– Ал, что ты делаешь?

«*Лежи*», – снова соткалось на полу.

– Дальше мы сами, – как ни странно, поддержал Ала Мэл. А затем, к моему немалому удивлению, бывший Палач вскарабкался на стену, свесился вниз и, одним движением подхватив с моих ладоней сразу оба немаленьких камня, без видимых усилий забросил их наверх.

От сдвоенного удара постаменты тихонько загудели, но никакой реакции от богов не последовало. Ни черных облаков, ни

бьющих из камней молний… вообще ничего, словно дух-служитель не нарушил сейчас одно из важнейших условий, без которых сборка статуй была невозможна.

«*Абос и Сол менее привередливые*», – пояснил Ал, когда я разлепил губы во второй раз и осведомился, в чем дело. – «*Требования к ним менее строгие, поэтому спи, если хочешь. Нам достаточно, чтобы ты хотя бы краешком касался каждого из постаментов*».

Я скосил глаза влево, вправо. Поерзал, устраиваясь поудобнее. Проследил за тем, как «ртуть» аккуратно придерживает мои запястья, чтобы контакт с камнем не нарушался. Посмотрел, как Мэл ловко подхватил с моих ладоней еще два камня и с такой же необъяснимой легкостью забросил на два рядом стоящих постамента, и снова закрыл глаза.

Ну и отлично. Если во вменяемом состоянии я им больше не нужен, то я, пожалуй, посплю. День был суматошным. Ночь и того хуже. Так что небольшой отдых я заслужил. Полежу тут маленько, подумаю, расслаблюсь. А когда проснусь… будем надеяться, что ещё две статуи в темном пантеоне окажутся восстановленными. После чего алтарь станет еще на две ступеньки ближе к своему возрождению. И после того, как Абос и Сол займут положенные им места в первохраме, останется самое сложное – закончить вместилище Фола. И вот это задача, скажу я вам, в разы сложнее, чем все, что нам приходилось решать раньше.

Глава 17

В кои-то веки мне снова снился сон. То ли усталость все-таки взяла свое, а то ли Фол подбросил очередную загадку. Но то, что это именно сон, я сознавал четко, хотя, как и в прошлый раз, он выглядел на редкость правдоподобным.

Я стоял посреди первохрама, спиной к статуям Рейса, Ирейи и Малайли, и, щурясь от яркого света, бьющего в правую половину лица, пытался разглядеть, насколько успешно Мэл и Ал собрали Абоса и Сола. К несчастью, свет был таким ярким, что я никак не мог понять, получилось у них или нет. Но отвернуться и прикрыть глаза тоже оказалось проблематично, потому что с другой стороны ко мне прильнула непроглядная темень, из-за чего я на собственной шкуре прочувствовал, что это такое – оказаться между Светом и Тьмой.

Самое интересное заключалось в том, что я не мог пошевелиться. И в кои-то веки чувствовал, что в буквальном смысле слова разрываюсь на части. Левая сторона моего тела утопала в леденящем душу, вызывающем оцепенение мраке, а правая горела и плавилась под слепящие яркими солнечными лучами. Если бы не темный доспех, закрывший ровно половину моей груди, я бы уже сгорел заживо, но Тьма хранила меня от Света, оберегая кожу от ожогов, а глаза – от слепоты. А если бы не тепло прильнувшего к другой половине серебристого металла, мрак выморозил бы меня за считанные мгновения.

Я словно на перепутье оказался. Стоял, как дурак, не имея возможности даже голову повернуть. Ни от Света отвернуться, ни во Тьму не уйти… И в какой-то момент ощутил, что должен сделать выбор. Между Фолом и Родом. Светом и Тьмой. Но к Свету я всегда был равнодушен, хотя его тепло и спасало меня сейчас от гибели. А Тьма, хоть и была привычнее, именно сегодня почему-то выглядела недоброй и таила в себе нечто такое, к чему я даже во сне был пока не готов.

– Что ты выберешь, Артур? – шепнула бесшумно подкравшаяся со спины Смерть.

Я поспешно прикрыл веки, чувствуя, как Ее дыхание холодит не только спину, но и лицо, шею, даже руки. Затем холод попытался подобраться к сердцу, словно Смерть в кои-то веки устала ждать, но вскоре он отступил. То ли не сумев пробиться сквозь стремительно нарастивший толщину доспех, а то ли просто решив, что с этим можно обожать.

– Времени почти не осталось, Артур, – снова прошелестела Смерть. – Ты должен принять решение.

Я мысленно выругался, откровенно устав от намеков и иносказаний. А затем сжал кулаки и все-таки открыл глаза, намереваясь впервые в жизни взглянуть на эту загадочную, опасную и невероятно настойчивую Леди…

– С возвращением, – насмешливо сказал Мэл, когда я непонимающе моргнул и уставился на склонившегося брата. – Как себя чувствуешь?

Я обвел настороженным взором погруженный в сумрак храм, но в нем, пока я дрых, ничего не изменилось. Напротив меня у стены по-прежнему молчаливо стояли Рейс, Ирейя и Малайя. Справа в глубине огромной ниши таился полупустой постамент Фола. Перед ним в виде огромной «наковальни» на своем привычном месте дремал Ал. А слева… слева, как и раньше, никого не было. Ни Рода, ни света. Совсем ничего. Даже Смерть мне, похоже, просто привиделась. Только приличная груда осколков у стены привлекала внимание, и при виде нее у меня вырвался разочарованный вздох.

Неужели не получилось?

Ухватившись за протянутую Мэлом руку, я с кряхтением поднялся, ощущая себя на редкость погано. А затем обернулся посмотреть, сколько ещё предстоит работы с Абосом и Солом, и вздрогнул: обе статуи возвышались надо мной, глядя куда-то вдаль. Бог удачи – точно такой, каким его изобразили в храме наверху: толстый, развалившийся на каменном то ли кресле, то ли троне, насмешливо щурящий каменные веки и рассеянно гладящий пристроившуюся у него на коленях огромную жабу. Бог сновидений – благообразного вида старец с длинной бородой и зажатым в руках посохом. Оба выглядели как живые. И казалось, что еще мгновение, и они сойдут с постаментов, причем ощущение это было настолько сильным, что я поневоле отступил.

– Ты в порядке? – снова спросил Мэл, внимательно на меня посмотрев.

Я заторможено кивнул. А затем взглядом указал на груду камней у стены.

– Если мы собрали пять статуй, то откуда осколки?

– Скорее всего, от Фола, – пожал плечами бывший Палач. – С Абосом и Солом мы закончили. А насчет остальных Ал ничего не говорил.

Я с сомнением покосился в противоположный конец храма, где виднелась еще одна груда осколков, побольше. Затем придирчиво оглядел уже готовые вместилища богов и озадаченно поскреб затылок: все статуи выглядели цельными, ни у кого не нашлось ни щербинок, ни откровенных дыр, которые мы не

заполнили. Да и алтарь вряд ли угомонился бы, если бы действительно не закончил со сборкой. Так что Мэл, наверное, прав – это тоже останки вместилища Фола. Он ведь заметно выше остальных, крупнее. Да и камни сюда наверняка сбрасывали как попало. Хотя мне показалось, что даже так лишних деталей на полу осталось многовато.

– Ладно, – все еще сомневаясь, отвернулся я. – Сколько у нас времени?

– До полуночи? Около трех свечей. Кстати, твои монетки уже пару раз подавали сигнал тревоги, но мы с Алом не смогли тебя разбудить.

Я машинально хлопнул ладонями по карманам брюк.

– Что значит, не смогли?

– Ты не дышал, – ровно сообщил бывший Палач. – И вокруг тебя было слишком много Тьмы. Она пришла сразу, как только мы сделали половину работы, и рассеялась лишь сейчас. Но Ал сказал, что это нормально. И наша с тобой связь тоже не прервалась, поэтому я не беспокоился.

На всякий случай проверив поводок и убедившись, что все действительно в порядке, я выудил из кармана монетку Йена, затем Роберта и, наконец, Лоры. Но все три выглядели одинаково, так что было непонятно, кто именно меня звал.

– Проверь Роберта. Я найду Хокк и Норриди.

Мэл набросил невидимость и молча исчез. А я, кое-как пригладив торчащие во все стороны волосы, подошел к постаменту Фола. Некоторое время ждал от него знака или просто намека, что мы движемся в правильную сторону. Но так ничего и не дождался, поэтому тоже ушел. Сперва на нижний слой, а затем и на свой привычный, откуда прямой тропой прыгнул на маячок Йена, рассудив, что и Хокк с высокой долей вероятностью найдется где-то поблизости.

Я оказался прав – они и впрямь дожидались меня в одном месте. Более того, рядом с ними находилась и Триш, и даже Тори с Лиз. Но, что самое удивительное, все они находились не в Управлении. Даже не в кабинете Корна. Нет, маячок привел меня в мой собственный дом. А точнее, в гостиную, где невесть каким образом оказалась эта мрачная донельзя и чем-то всерьез озабоченная пятерка.

Глянув с темной стороны на хмурую физиономию расхаживающей из угла в угол Хокк, на расстроенные лица Триш и Лиз, окаменевшую морду сидящего в гостевом кресле Йена, я тоже обеспокоился. И, отпихнув ластящихся собак, которые, как всегда, учуяли меня первыми, вышел в реальный мир.

– Что случилось? По ком траур?

– Арт! – вздрогнул Норриди.

– Мастер Рэйш?! – искренне опешили Тори и Лиз.

– Ты… – со странным выражением уставилась на меня замершая на середине движения Хокк.

Так. Я не понял. Кого они ждали, сидя у меня в доме, на моих креслах и попивая какую-то бурду из чашек моего любимого сервиза? Моргула? Демона? Может, к нам еще кто в гости планировал заглянуть, а я не в курсе?

– Где ты был?! – наконец, опомнился Йен, подскочив в кресле.

Я воззрился на него с недоумением.

– А в чем дело? Чего вы всполошились?

– Ты не вернулся с дела, – деревянным голосом сообщила Хокк. – Ты отсутствовал весь день. Ни весточки. Ни записки. Монетка не сработала…

Йен нервно вытер лоб.

– А у нас тут, понимаешь ли, магов режут на алтарях. Своих-то я давно под наблюдением держу, Тори и Лиз даже ночуют в Управлении, чтобы линий раз не рисковать… так что, когда со мной связалась Хокк и сказала, что ты не вернулся домой после ночи…

Я обвел глазами смутившихся коллег и озадаченно провел ладонью по всклокоченным волосам.

– Да я… спал вообще-то.

– Где это ты спал? – с подозрением прищурился Норриди.

– Да где сморило, там и …

Я перехватил пристальный взгляд Хокк и осекся. Демон. Еще не хватало объяснения кому-то давать, куда я ходил и что делал. Хотя видок у меня, наверное, ещё тот: бледный, квелый, с черными кругами под глазами, да ещё и в грязной одежке, будто полдня провалялся в отключке на какой-то помойке…

– Нортидж!

– С возвращением, хозяин, – с нескрываемым облегчением поприветствовал меня материализовавшийся посреди гостиной дворецкий. – Ванная? Ужин? Сменная одежда?

– Все по очереди, – кратко отозвался я и, жестом предложив гостям обождать в гостиной, отправился наверх. Перед визитом в ГУСС и впрямь стоило перекусить и привести себя в порядок. Не то скоро на бродягу буду похож, а Корн во второй раз аннулирует мой пропуск по причине несоответствия внешнего вида занимаемой должности.

* * *

К тому моменту, как мы явились в ГУСС, на улице стало темнеть и снова начал накрапывать дождик. Пока ещё слабый, неуверенный, словно не решивший, надо ли ему портить грядущую ночь. Но как по мне, так лучше пусть будет дождливое лето, чем адская жара не ко времени.

– Рэйш? Живой?! – недоверчиво поднял голову Корн, когда мы всей толпой ввалились в его кабинет. Я вместо ответа только фыркнул. Йен, когда шеф вопросительно повернулся в его сторону, неловко кивнул, а Хокк только отмахнулась. – Ладно. Одной плохой новостью меньше. Но переговорник я тебя все равно когда-нибудь заставлю надеть.

Я уселся на ставшее уже почти родным кресло и вытянул ноги.

– Не думаю, что у вас получится. Хотя, если очень попросите, могу оставить монетку.

– Оставишь, – недобро прищурился шеф. – Ты у меня скоро не только монетку, но и кое-что другое тут оставишь… особенно, если мне еще раз сообщат, что ты, возможно, уже готовишься испустить дух на алтаре.

– Обойдетесь, – хладнокровно отозвался я, кивком поприветствовав вошедшего в кабинет Эрроуза, одетого и вооруженного, как на войну, а затем и следующего за ним Роша.

На лице Корна промелькнуло совсем уж зловещее выражение, но тут к нашей компании присоединился милорд герцог, и шеф был вынужден отвлечься. А как только два светлых расшаркались, в кабинет зашел слегка припозднившийся Илдж и сразу за ним отец Иол, в присутствии которого начальство и вовсе не пожелало устраивать разборки.

Что ж, вроде все в сборе?

Я предусмотрительно пересел на подоконник, уже оттуда обвел глазами рассаживающихся коллег и мысленно покачал головой. Устали… само собой, все мы безумно устали от этой бешеной, полной отвратительных новостей недели. Каждую ночь собирать в «холодильник» по два новых трупа, каждое утро бродить чуть ли не по колено в крови и пытаться отыскать в ней улики, а вечером с бессильной яростью ждать, когда же в Орден прилетят очередные вестники смерти… недаром на Корне лица нет. Хокк ещё не восстановилась после «колодца». Триш, Тори и Лиз, которым было велено остаться в холле, выглядели чуть лучше, но их силы тоже на исходе. Начальники участков хорошо, если хоть раз толком выспались за эти безрадостные дни. И даже Аарон Искадо выглядел так, словно по нему проехался тяжело груженый кеб. Причем не раз и даже не два.

– Какие новости по делу? – как только все расселись по

местам, задал уже набивший оскомину вопрос Корн и почему-то уставился на Норриди. Йен послушно начал выдавать информацию по вчерашним жертвам, а я только через пару ударов сердца вспомнил, что ответственность за эти дела с него никто не снимал. Еще с того времени, когда мы не знали, что именно кроется за обычным с виду убийством, и не понимали, к чему это может привести.

Прислушиваться к тому, что говорил Норриди, я снова не стал – детали меня не особенно интересовали. Но пока он рассказывал, я напряженно размышлял. И дождавшись, когда Йен закончит, задал ему один-единственный вопрос:

– Связь между жертвами установили?

Норриди покосился на меня с толикой раздражения.

– Я же уже сказал: ни общих знакомств, ни мест работы, ни…

– А что насчет вероисповедания?

– В каком смысле? – нахмурился Йен.

– Каким богам они поклонялись? – терпеливо повторил я. – Леди Ирэн и Дертис Эрс, Ольена Рисс и Роэн Улисс, Шарэн Вальд и мастер Рэй… это вы выясняли?

Йен нахмурился еще сильнее.

– Имеешь в виду, не проходили ли эти люди посвящения каким-либо богам?

– Именно.

– Нет, Артур, – вместо Йена ответил отец Иол. – Я как раз хотел об этом сказать: возможно, сходство всех наших жертв именно в том, что на самом деле между ними нет прямой связи. В том числе, и в вопросах веры. Эти люди никому не поклонялись. Ни один из них не проходил ритуала посвящения. И ни один не обращался к нашим богам за помощью. Ни разу за всю свою сознательную жизнь.

– Нейтральные люди… – задумчиво проговорил Корн, кинув в мою сторону острый взгляд. – В самый раз для магии перекреста, вы это хотели сказать, святой отец?

Темный жрец кивнул.

– Нейтральная к смертным сила, нейтральный к магии ребенок и нейтральные в отношении веры люди, которые добровольно отдают свою силу на самодельных алтарях….

– Я говорил с отцом-настоятелем на эту тему, – в наступившей тишине обронил я. – Он тогда упомянул, что для магии перекреста все же необходимо некое родство между жертвами – родство душ или тел…

– Это важно лишь для первого обряда в цепочке, – со вздохом признался отец Иол. – Дальше наличие связи необязательно, но я узнал об этом буквально на днях.

Я пристально посмотрел на служителя Фола.

– А ещё мы говорили с ним о жертвоприношениях. И он сказал, что обрядов должно быть не двенадцать, а тринадцать. По числу богов в пантеоне. Но когда я спросил, что должно получиться в итоге, отец-настоятель почему-то не захотел отвечать, после чего в спешке покинул столицу и до настоящего времени не вернулся.

– Мне не нравятся твои намеки, Артур, – ровно отозвался отец Иол. – Если настоятель уехал, значит, этого требуют интересы нашего Ордена. Не в твоем праве требовать от нас отчета. Что же касается жертвоприношений, то о них и о возможных причинах мы, насколько я помню, говорили совсем недавно. Я сказал тебе тогда и готов повторить сейчас: да, в Алтире готовится что-то очень серьезное. Нет, это не похоже на открытие врат между мирами. Но я не знаю точно, что может получиться в итоге. Если у человека, который это задумал, хватит сил и знания для создания живого аватара для чужого бога, нас ждет война. Если он задумал призвать сюда демона, то нас тоже ждет много крови и невинных жертв.

– А если он захочет уничтожить наш пантеон? – прищурился я. – Пусть не весь, но какую-то его часть? В такую возможность вы тоже верите?

– Привет из Лотэйна? – вздрогнул Корн и тоже уставился на жреца.

Отец Иол сгорбился в кресле.

– Мне жаль, господа. Но ситуация сейчас такова, что возможно все. В том числе и то, что против нас уже давно и упорно плетется заговор, итогом которого может стать попытка уничтожения темной части пантеона, как это случилось на территории нашего соседа. Орден рассматривает такую возможность как одну из наиболее вероятных. И одну из самых опасных. Наряду с пришествием бога-чужака и аналогичной ему по силе, недружественной нам сущности.

– Сущности вроде кого? – настороженно уточнил Корн.

– Спросите у своих магов, – устало отозвался жрец. – Во Тьме до сих пор обитает множество могущественных тварей, и далеко не все из них известны нашему Ордену.

– А эта ваша сущность… она могла иметь отношения к произошедшему в северном пригороде Алтира? – ещё больше насторожился шеф. – Помнится, я приглашал ваших коллег в одну ничем не примечательную деревеньку. И один из них сказал, что изменения магического фона и остаточные эманации Тьмы позволяют утверждать, что некоторое время назад в окрестностях столицы могла побывать огромная тварь…

– Так и есть, – невесело улыбнулся отец Иол, заставив напрячься уже меня. – Но кто-то сумел отправить ее обратно. И это были не жрецы. Поэтому Орден и не исключает, что призыв может в скором времени повториться.

Хм. Оказывается, Поводырь мог явиться и не за мной. В том смысле, что я, конечно, стал неплохой приманкой, но отнюдь не конечной целью монстра. Если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения, то она выглядит намного более правдоподобной, чем идея о том, что громадная тварь с нижнего слоя Тьмы всплыла за такой мелкой рыбешкой, как какой-то там темный маг. Быть может, это была всего лишь репетиция? Проба сил, так сказать? Но значит ли это, что в скором времени нам надо ждать возвращения Поводыря? Да ещё не одного, а в компании таких же неповоротливых монстров?

– Простите, святой отец, – неожиданно вмешался в разговор Йен. – Вы сказали, что не так давно рядом с Алтиром побывала некая потусторонняя сущность. И что кто-то ее изгнал. Я так полагаю, вы имели в виду, что это сделал кто-то из магов?

– Точнее, из темных магов, – желчно добавил Корн, подчеркнуто не глядя в мою сторону. – Интересно, и кто бы это мог быть? Никто из присутствующих не в курсе?

В кабинете повисла мертвая тишина.

Рош с Эрроузом вопросительно переглянулись. Илдж задумался. Видимо, вспоминал, есть ли у него на участке темные маги такой квалификации. Норриди… гад такой, нашел время для неудобных вопросов… осторожно покосился на мою невозмутимую физиономию. Хокк засмотрелась в окно. Я вообще сделал вид, что оглох. И когда стало ясно, что ответа на вопрос Корна ни у кого нет, шеф раздраженно буркнул:

– Ладно, забыли. Норриди, вы всех своих магов снабдили новыми амулетами?

– Так точно. Все переговорники оснащены маячками, подающими сигнал на сферу дежурного мага раз в полсвечи. Если хоть от кого-то такой сигнал не поступит вовремя, мы сразу узнаем, что его похитили. Инструкции на этот счет у дежурного имеются. В том числе и на случай возможного сбоя в работе амулетов.

– Илдж? Рош? Эрроуз?

– Аналогично, – подтвердили начальники участков, а герцог Искадо, дотоле сидевший молча, лишь утвердительно кивнул.

Я тоже промолчал, только сейчас сообразив, с чего Йен так сегодня всполошился.

Естественно, из всех магов Управления только у меня не было с собой служебных артефактов. Я даже амулетом правды

пользовался крайне редко. И, зная мое упрямство, Норриди на этом не настаивал. С другой стороны, я всего лишь консультант, так что формально приказ Корна он выполнил. А вот я сглупил, когда всего полсвечи назад во всеуслышание признался, что не выполняю предписания начальства и до сих пор брожу во Тьме без опознавательных знаков.

Прости, Йен. Зря ты не сказал мне о маячках.

– Из Ордена пока не поступало информации об исчезновении наших коллег, – тем временем продолжил Норриди. – Для всех магов столицы разосланы предупреждения и подробные инструкции на случай, если кто-то получит неожиданное письмо или внезапное распоряжение сверху. Приказы Орден обещал дублировать, форма приказов также была в срочном порядке изменена и доведена до всех, кто так или иначе может оказаться под ударом. Городская стража предупреждена. Дополнительно мы инструктируем магов прямо в Палате регистрации. Насчет приезжих проверка ещё ведется, но с учетом того количества людей, которое каждый день прибывает и отбывает из столицы, не думаю, что мы сумеем охватить всех, тем более, за такой короткий срок…

– Хорошо, – удовлетворенно протянул Корн, когда Йен закончил вторую часть своего доклада и перевел дух. – Как насчет списков потенциальных жертв? Вы хотели взять под учет светлых магичек…

– Списки давно готовы, – к моему удивлению, ответил Норриди. Вот уж и правда, маньяк. Когда он только успевает? – Почти все леди со светлым даром были нами охвачены и предупреждены об опасности. Всем им настоятельно было рекомендовано постоянно находиться рядом с сопровождающими, желательно одаренными, и ни в коем случае не реагировать на провокационные сообщения, независимо от того, будут ли они устными, письменными или созданными с помощью магии. Нам не удалось связаться лишь с шестнадцатью леди из тех, чьи имена предоставил Орден магов – на данный момент все леди достоверно находятся в отъезде. Всем им направлены уведомительные письма по адресам предположительного пребывания. По поводу темных магов, я полагаю, добавлять ничего не нужно?

Шеф кивнул.

– Они и без того на учете. И все без исключения предупреждены. Милорд, у вас появилась какая-нибудь информация по делу?

– Члены королевской семьи взяты под усиленную охрану, – после небольшой паузы сообщил Аарон Искадо. – Темных магов

среди них, правда, нет, однако светлых магичек предостаточно. Королевский дворец оцеплен. За послами из соседних государств установлен жесткий контроль, включая представителей Лотэйна. Его величество был настроен вообще закрыть столицу от гостей, но полагаю, время для этого уже упущено. А если мастер Рэйш прав насчет темного мага, то оно и вовсе не имеет смысла.

– Я лишь сказал, что это – наиболее вероятная версия, – буркнул я, ощутив на себе чужие взгляды. – Темный маг как исполнитель. А организатором может быть кто угодно. Светлый, темный, маг или жрец… с таким помощником, как Палач, ему можно ни о чем не беспокоиться. Кстати, хотел спросить: что-нибудь выяснилось о происхождении этой твари? Вы узнали, что это был за образец? Его слабые и сильные стороны? Может, люди из спецотдела сумели изобрести оружие, способное справиться с Палачом без боя?

На лицо лорда Искадо словно облачко набежало.

– Боюсь, после того, как проект был закрыт, все работы по этому направлению были свернуты. В том числе и разработка мер противодействия. Видимо, когда Палачей уничтожили, было решено, что разработка оружия против них не нужна. Тем более, что исследования весьма затратные и без живого образца не имеют смысла.

– То есть, оружия против Палача у вас нет, – подвел итог Корн.

– Боюсь, что так. Палачи специально создавались таким образом, чтобы не поддаваться физическому и магическому воздействию. Единственным их слабым местом был хозяин.

– Насколько мне известно, смерть хозяина не всегда приводила к гибели твари, – обронил я.

– Верно. Если у хозяина имелись наследники, привязка переходила дальше по роду до тех пор, пока оставался в живых хотя бы один его представитель.

– Это значит, что избавиться от того, кто создал конкретно этого Палача, это еще полдела, – задумчиво произнес Эрроуз. – Милорд, вам удалось установить, кто был хозяином этой твари раньше?

Герцог кивнул.

– Владельцем числился некто Корвин Ройс. Троюродный кузен Убеуса Гранта, который также участвовал в проекте «Палач». Останки Ройса опознали уже после того, как потушили пожар в лаборатории. А управляемый им Палач был уничтожен именно по той причине, что без хозяина стал представлять опасность.

Ройс? Помнится, его сиятельство уже упоминал это имя.

Я порылся в памяти и снова припомнил список учителя.

Значит, последний род из числа тех, кто владел Палачами до смуты, был родственным Уэссескам? То есть, Грантам, конечно. Но тогда получается, что Маори тут не при чем, и мастер Этор их напрасно пометил? Хм. Ну и ладно. Лично для меня это лишь дополнительный повод заняться поисками наследников.

– Так, – медленно проговорил я, наконец-то разобравшись со списком окончательно. – А это, случайно, не пропуск Ройса сработал в вашем Очень Секретном Хранилище, где лежали останки Палачей?

– В том-то и проблема, что нет, – отвел взгляд милорд герцог. – По нашим данным, человек, забравший голову, не имел отношения к проекту. Да, когда-то он работал в спецотделе… тогда еще – в тайной страже, причем уже после закрытия лаборатории… и доступа к данным не мог иметь по определению. Да и кто бы дал его помощнику младшего лаборанта? Его задачей являлась уборка помещений и кое-какие мелкие поручения. Тем не менее, дешифратор на запирающем устройстве в хранилище опознал визитера как Сенжа де Тола. Более того, шестьдесят три года назад по непонятной причине открыл для него дверь в хранилище и позволил безнаказанно вынести оттуда голову образца под номером четыре.

Отец Иол нахмурился.

– Вы нашли этого человека?

– Нет, святой отец. Дом, по которому он был зарегистрирован в столице больше полувека назад, давно снесен. Родственников и близких, согласно записям полувековой давности, у де Тола не было. В том числе, и среди участников проекта «Палач». Магического дара этот человек не имел. После проникновения в хранилище больше в поле зрения нашего ведомства или сыскного Управления не появлялся. А поскольку в то время Палаты регистрации еще не существовало, то мы даже не знаем, остался он в столице или покинул ее шестьдесят три года назад.

– Может, он к тому времени был уже мертв, – проворчал Рош в наступившей тишине. – Украл для кого-то голову, а там его и прикопали, чтоб язык не распустил. Поэтому и данных никаких нет.

– Не думаю, что все так просто, – возразил я, вновь притянув к себе все взоры.

– Рэйш, поясни, – внимательно посмотрел на меня Корн. Вместо ответа я обернулся к герцогу Искадо.

– Милорд, если я правильно понимаю, тела Палачей хранятся не в реальном мире? Ваше хранилище оборудовано наподобие пространственно-временного кармана?

Герцог сузил глаза.

– Разумеется, иначе в нем не было бы смысла.

– Демон меня задери… Рэйш прав! – первым уловил мою мысль Грэг Эрроуз. – Простой человек не смог бы забрать останки, не умея переходить на темную сторону!

– Вообще-то смог бы, – усмехнулся я, ввергнув коллегу в состояние полнейшей растерянности. – У Фатто же как-то получилось? Если помните, с помощью одного небезызвестного перстня он прекрасно чувствовал себя на темной стороне. Но я не зря спросил про пространственно-временной карман…

– Все верно, – с каменным лицом подтвердил герцог, не сводя с меня пристального взгляда. – Хранилище обустроено таким образом, что без специальной подготовки туда не то что проникнуть – даже вход не найти. Рэйш, судя по всему, знает о чем говорит. Хотя это, пожалуй, неудивительно, потому что в основу разработки такого метода защиты данных легли выкладки мастера Этора Рэйша. Тем не менее, я готов повторить – простому смертному, несмотря на наличие какого бы то ни было артефакта, в хранилище не пробраться. А если бы кто-то туда проник, то дольше одного вдоха физически не смог бы там находиться. Тем более, не сумел бы вынести оттуда чью-то голову, которая, как вы понимаете, лежала не на самом видном месте.

– Вам известно, какими свойствами обладал похищенный образец? – повторил я вопрос, который в прошлый раз остался без ответа.

– Данные еще уточняются. Но по предварительной оценке, Ройсу принадлежал один из последних созданных некросами Палачей. Улучшенная, так сказать, версия.

– Час от часу не легче, – пробормотал Корн. – Мало того, что вы создали этого монстра, так его ещё и улучшать надумали. А нам, по закону подлости, придется все это разгребать.

Герцог тяжело вздохнул.

– Вы правы: именно что НАМ.

– Это что же… милорд, ваше ведомство упустило из виду могущественного темного мага? – как всегда задала вопрос в лоб Хокк.

– Не просто мага, – со злым удовлетворением сказал я. – А нашего с тобой коллегу. Причем весьма предприимчивого, небрезгливого и с весьма сильным, но настолько хорошо закрытым даром, что определить его наличие не сумели даже высококвалифицированные спецы.

– А еще он знает, что такое Палачи и хорошо ориентируется в здании находящегося под серьезной защитой ведомства, – с невеселой усмешкой добавил отец Иол, после чего герцог

помрачнел еще больше. – Он сумел обмануть дешифратор на двери хранилища. Знал, где искать останки. И хорошо представлял, что именно ищет. Я ничего не упустил, Рэйш?

Я оскалился.

– Если милорд не ошибся в количестве созданных некросами Палачей, то нет.

– Один из них был уничтожен во время войны, – повторил свои недавние герцог. – Это не подлежит никакому сомнению. Также, как и смерть его хозяина – последнего мага из рода Диллос. Останки еще четверых до сих пор находятся в хранилище. Ну, за исключением головы Палача, который когда-то подчинялся Ройсу. Тварь, принадлежавшую Убеусу Гранту, убили вы, мастер Рэйш… но раз в столице появилась еще одна подобная сущность, то кто-то должен был ее воссоздать. Кто-то, кто сумел заполучить сведения о проекте «Палач» вместе с готовым образцом. И кто или состоит в кровном родстве с Ройсом, или же нашел способ создать новую привязку на крови.

– Я так полагаю, настало время признать, что нам наконец-то известна личность убийцы? – мрачно предположил Корн.

– Скорее всего, да, – вздохнул жрец. – Но я не думаю, что это повод серьезно обрадоваться.

– Почему? – не поняла Хокк. Норриди тоже вопросительно покосился на служителя Фола, но остальные, судя по выражениям лиц, не нуждались в пояснениях. – Потому что господин де Тол может быть таким же вымышленным персонажем, как и Роджер Эстиори?

– Потому что вчера этот человек убил четырех человек вместо двух, – пояснил я. – Это в свою очередь означает, что он спешит. И сроки для него далеко не так важны, как нам показалось сначала. А зная о том, что из двенадцати знаков неиспользованными осталось всего три…

– Полагаю, этой ночью он закончит схему, – сумрачно заключил Корн. – И мы должны сделать все возможное, чтобы этому помешать.

Глава 18

Примерно за полторы свечи до полуночи окрестности Сенной, Седьмой и Сорок второй улиц оказались вычищены так, что там даже муха не могла бы пролететь без того, чтобы ее не заметили и не посчитали. Жильцов сразу двух северных и одного южного районов столицы оперативно выпроводили из домов и расселили. Все здания по округе тщательно проверили. Нищих безжалостно вытурили. Бродячих собак, где они были, разогнали. Возможность появления случайных прохожих, благодаря оцеплению из городской стражи, свели к нулю. А вместо простых горожан указанные улицы наводнили вооруженные до зубов сотрудники сразу трех столичных ведомств, из-за чего во дворах оставшихся домов из нашего списка скопилось столько народу, что даже яблоку некуда было упасть. А когда к магам присоединились жрецы, там и вовсе стало не протолкнуться.

Отец Иол не обманул – сегодняшней ночью нам на помощь пришло много его коллег. Последователи Фола, Рода, Абоса, Ферзы, Сойроса, Сола… жрецов было так много, что с непривычки казалось, будто белые и черные рясы повсюду. А от количества освященных в храме артефактов у меня вскоре зарябило в глазах.

На этот раз я решил не менять команду и вместе с Йеном отправился на южный участок, к дому номер два по улице Сенной. С выбором почти не колебался, потому что до печенок успел проникнуться числовым символизмом. И потому, что по карте уже посмотрел – Сорок вторая и Седьмая улицы располагались на одном участке, буквально в трех кварталах друг от друга, так что в случае непредвиденной ситуации не только оставленный там Мэл, но и люди Корна могли успеть прийти друг другу на помощь. А вот команде на Сенной, расположенной в противоположном конце Алтира, помощи ждать было неоткуда. Наверное, именно поэтому компанию нам с Йеном, Хокк, Тори, Лиз и Триш снова решил составить Корн. А вместе с ним – отец Иол с шестью своими братьями по вере. И сразу две боевых пятерки герцога, одна из которых была нам уже знакома.

Рассеянно кивнув в ответ на молчаливое приветствие темных, я глянул на особняк, который мы намеревались охранять, и одобрительно кивнул при виде многослойной сети заклинаний, которой ещё три дня назад не было. Не знаю, сколько людей над ней работали, но Корн, похоже, заставил своих магов наизнанку вывернуться, чтобы иметь запасной вариант. Да, помимо того, что предложил милорд герцог. Мы, помнится, в прошлый раз говорили о превращении дома в громадную ловушку на демона, и

вот теперь я видел ее перед собой. На порядок сложнее, чем та, что показал мне однажды Лойд… невероятно сложная… изумительная по исполнению и воистину мастерки сделанная, она заставила меня несколько иначе взглянуть на изможденного шефа. Особенно после того, как стало ясно, что и два других дома он всего за несколько суток превратил в точно такое же произведение искусства.

– Сильно, – вполголоса заметил Йен, незаметно оказавшийся рядом. Конечно, визуализатор не отражал всех нюансов, но даже так было чему удивиться. – Даже подумать боюсь, сколько народу оставило тут свой магический резерв.

– Зато в этом есть дополнительные плюсы, – резонно заметил я. – Уверен, что истощенные маги не представляют интереса для наших врагов. Так что шеф – гений. Одним тапком сразу двух тараканов прибил….

– Рэйш, я все слышу! – внезапно рыкнул Корн, казалось бы, всецело увлеченный разговором с отцом Иолом и в нашу сторону вообще не смотревший.

– Подслушивать нехорошо, – пожурил его я, одновременно выпуская на свободу стандартное поисковое заклинание. – А навешивать «следилки» на чужую одежду и вовсе неприлично.

Хокк нервно оглядела себя, а затем и остальных из нашей тесной компании.

– Да нет, не может быть…

– Может, – удрученно вздохнул Тори, указав на витавшее над нашими головами крохотное белесоватое облачко. – Кажется, нам не доверяют?

– Это мне не доверяют, не переживай, – успокоил я парня и жестом развеял облачко, которого стандартное заклинание, кстати, не заметило. Новая разработка, видимо. Корн после этого все-таки обернулся и погрозил мне кулаком, Тори отчего-то смутился, а Триш и Лиз одновременно фыркнули.

Я же тем временем присмотрелся к суетящимся жрецам.

Пока отец Иол о чем-то говорил с Корном, его коллеги успели разделиться на три группы и сноровисто сооружали на земле какие-то конструкции. Руководили в группах темные и собственноручно устанавливали на газоне непонятные штуки, похожие на покрытые золотой сеткой страусиные яйца. Светлые выкладывали вокруг «яиц» уже знакомые артефактные «камушки». Причем, если прошлой ночью «камушек» был всего один на команду, то теперь аж по полтора десятка вокруг каждого из «яиц». А сам «яйца» расположились на равном расстоянии друг от друга. Так, чтобы огромным треугольником охватить особняк, но при этом остаться в прямой видимости.

Зачем это понадобилось, стало понятно чуть позже, когда жрецы затянули заунывную молитву, а камни в основании конструкции начали тихонько светиться. Довольно быстро их свет принялся разливаться по округе, чем-то напоминая вчерашнюю сферу. Но если прошлой ночью она охватывала совсем небольшой участок пространства, то теперь расходящийся от «яиц» свет захватил весь двор. А вместе с ним и небольшой сад, и нас, и весь немаленький особняк, накрыв его гигантским светящимся куполом.

«Арт, жрецы творят что-то непонятное», – неожиданно пришло по поводку сообщение от Мэла. – «Мне надо вмешиваться?»

«Нет», – тут же отреагировал я, внимательно разглядывая то, что получилось у коллег отца Иола. – «Если свойства у сферы не изменились, эта штука так же непроницаема. Хороший ход. Даже лучше, чем ловушка на демона. Надеюсь, этого будет достаточно».

«Ты прав», – через некоторое время согласился брат. – «Я посмотрел снизу – купол работает и там. Но проверять его на крепость не буду. У нас пока тихо».

Я настороженно покосился на купол, но был вынужден признать, что, даже работая на полную мощность, он совсем не слепит глаза. Я мог спокойно его разглядывать и беспрепятственно передвигаться в его пределах. В отличие от вчерашнего, даже сумел кое-что разглядеть снаружи. Правда, на небольшом расстоянии. Плюс мог использовать магию. Правда, только защитную, о чем нас уже предупредили, и очень тихо, аккуратно… пока отец Иол не попросил этого не делать. А ещё я заметил, сфера не конфликтовала с ловушкой на доме. Правда, впрямую они и не контактировали, и когда я об этом спросил, один из жрецов проворчал, что для всех нас будет лучше, если они никогда не пересекутся.

– Беды быть не должно, – обронил отец Иол, когда я приблизился к нему и к чем-то недовольному Корну. – Но проверять все равно не советую.

– А что за артефакты вы сейчас использовали?

– Ты действительно хочешь это знать? – проницательно посмотрел на меня святой отец.

Я оценил подоплеку вопроса и торопливо мотнул головой.

– Рэйш, тебе заняться нечем? – буркнул Корн, когда отец Иол со смешком отошел в сторону.

– А что я, по-вашему, должен сейчас делать?

– А сам как думаешь?

Я заинтересованно огляделся.

Хм… вот все же есть и минусы в том, чтобы не носить при себе переговорник. К примеру, не успеть получить подробные инструкции. Или замешкаться с выполнением сброшенного по амулету приказа. Интересно, так случайно получилось, или же Корн настолько перестал мне доверять, что умышленно не сообщил деталей?

Пока мы лясы точили, его маги рассыпались на три группы и сосредоточились вокруг молящихся жрецов. Одна из пятерок герцога составила дополнительно прикрытие команде, оказавшейся на противоположной стороне участка, почти что за домом. Вторая примкнула к группе, что защищала «яйцо» справа от нас. Третьей пятерки, к сожалению, тут не было, но Корн, полагаю, не зря сейчас так выразительно засопел.

Я понятливо кивнул и потащился к последней группе жрецов, куда не так давно направился отец Иол. А следом за мной потянулись и остальные: два нормальных мага Смерти, один ущербный, один светлый… ого, и Корн с нами, значит светлых будет два… и один обвешанный артефактами смертный, который пес знает как убедил начальство, что имеет право здесь находиться. И это притом, что других неодаренных, кроме Норриди, ни на одном другом участке в данный момент не осталось.

Кстати, отец Иол не принял участие в общей молитве и вообще, на первый взгляд, ничем не помог своим братьям. Однако через линзу я видел, как в этот момент развернулась его аура. А когда святой отец прикрыл глаза и к чему-то прислушался, до меня дошло, что он пытается поймать свое загадочное предвидение. Проще говоря, святой отец намеревался по максимуму облегчить нам жизнь и предупредить об опасности, если, конечно, Фол соизволит облагодетельствовать его нужными сведениями.

Неожиданно в кармане Корна пискнул переговорный амулет. Затем так же подозрительно тихо пропищал и второй.

– Связь прервалась, – пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Значит, обе группы уже под сферами, и теперь, пока работают храмовые артефакты, у нас не будет о них никакой информации.

Стоящая за его спиной Лиз вздохнула.

– Плохо. Мы даже не узнаем, к кому именно придет сегодня Палач. И придет он ли вообще.

– Шансы один к трем, – так же тихо пробормотал Тори. – Если, конечно, он не решит навестить все три дома по очереди.

– На все у него силенок не хватит, – возразила стоящая слева от меня Триш.

– Мы не знаем его возможностей, – хмуро напомнила ее бывшая наставница.

– Зато нас много. И в каждой команде есть хорошие целители. Да, шеф?

– Герцог остался на Сорок второй, Илдж – на Седьмой, – подтвердил Корн, напряженно всматриваясь вдаль и пытаясь понять, что творится за пределами купола. – Первому помогает Эрроуз со своей ударной группой, второму – Рош и его сыскари. Плюс в каждой группе ждут атаки по шесть жрецов со своими артефактами.

– Надеюсь, этого хватит, чтобы сдержать тварь, – снова пробормотал Тори. – Триш, Лиз сколько осталось до полуночи?

– Чуть меньше свечи.

– Долго…

– Господа маги, вы не могли бы нам не мешать? – вежливо попросил всех заткнуться отец Иол.

Болтуны пристыженно замолкли, и после этого потянулось тягостное ожидание. Жрецы монотонно бормотали что-то себе под нос, артефакты добросовестно светились, обеспечивая нас наиболее эффективной из всех возможных защит, маги цепко посматривали по сторонам, ощетинившись неактивными пока знаками и заклятиями. А погруженный в темноту особняк загадочно молчал, взирая на нас черными провалами окон.

Наконец, стоять просто так мне надоело и, взглядом испросив разрешения у отца Иола, я перешел на темную сторону.

Хм. Странно. Время уже близится к полуночи, а тут до сих пор тишь да гладь. Снаружи купола не гуль не проскочит, ни моргул не пролетит. Прямо идиллия какая-то. Или же это затишье перед бурей?

Не удовлетворившись простым осмотром, я все же запустил в дом простенькое поисковое заклинание, но и оно вернулось ни с чем – убийца в доме не появлялся. И попыток прорыва с темной стороны тоже никто не предпринимал. По крайней мере, пока. А это было неправильно. Нелогично. Неужели я сделал что-то не так?

– Рэйш, ты чего? – прошипела Хокк, когда я вернулся в реальный мир и в который раз оглядел пустующий двор. – Жрецы же просили не мешать!

– Неспокойно мне что-то, – признался я, перехватив настороженный взгляд от отца Иола. – Такое чувство, что мы опять чего-то не учли.

– У тебя стали появляться предчувствия, Артур? – внезапно подал голос жрец.

– Не то чтобы… но в голове упорно крутится мысль, что

сегодня мы использовали очевидное решение проблемы. Вчера это были маленькие сферы, сегодня большие… наш враг не мог оставить их без внимания.

– Купол абсолютно надежен, Артур. Снаружи его не пробить.

– Вы уверены? – подобрался я и окинул двор ещё одним быстрым взглядом. Но там по-прежнему было тихо. Сквозь линзу я даже «лужи» не видел. Но, с другой стороны, вчера наш враг нашел другой способ вывести из каверн нежить. И если он так умен, как я о нем думаю, то на сегодня нам должен был приготовить еще один неприятный сюрприз.

Демон! Как же плохо быть в неведении!

– Чтобы уничтожить сферу, нужно разрушить все три артефакта, – спокойно отозвался жрец. – Но не думаю, что это удастся кому-нибудь сделать.

Я нахмурился – что-то все равно не давало мне покоя. Какая-то смутная мысль на задворках сознания. А может, и впрямь предчувствие? Не знаю. Но в какой-то момент меня снова посетило чувство, что мы делаем что-то не так. Упускаем из виду что-то важное. Быть может даже жизненно важное. И по мере того, как время близилось к полуночи, это ощущение становилось все сильнее.

– К чему ты клонишь, Рэйш? – с подозрением осведомился Корн, рискнув вмешаться в наш разговор.

Я не успел ответить – именно в этот момент по поводку пришла волна тревоги, а затем раздался напряженный голос Мэла.

«Арт, под куполом происходит что-то неправильное!»

Я встрепенулся.

«Где ты сейчас?»

«На Седьмой. Снаружи почти ничего не видно, но такое впечатление, что они там… сражаются?»

Я крутанулся на месте, тщетно пытаясь отыскать признаки несуществующей угрозы. Тьма. Никого! Нигде. Даже на темной стороне!

«С кем они сражаются, Мэл?!»

«Не знаю», – с изрядной долей растерянности отозвался бывший Палач. – «Такое впечатление, что… друг с другом!»

– Бездна. Да что ж это такое? – прошептал я, отчаянно продолжая обшаривать глазами двор и лица стоящих неподалеку магов. И связи, как назло, с ними нет. И под сферу Мэлу не пролезть! Даже спросить о происходящем не у кого! Только и понятно, что все опять пошло не по плану. И, похоже, скоро нас тоже ожидают проблемы. Но рядом по-прежнему не было нежити. Народ был насторожен, но вменяем и спокоен настолько,

насколько вообще возможно в данной ситуации. Почти всех я видел. Все наши коллеги свято соблюдали инструкции и ни на шаг не отходили от молящихся жрецов. И никто, ни единым знаком или жестом не показал, что, быть может, кто-то из присутствующих нас предал. – Отец Иол, вы что-нибудь чувствуете? Никаких видений не появилось?

На лице темного жреца отразилось беспокойство.

– Нет, Артур.

– Да что с тобой такое, Рэйш? – буркнул Корн. – Ты сегодня сам не свой.

– В круг! – рявкнул я, так и не сумев определить, откуда ждать опасность. – Жрецов закрыть! Спина к спине. Полная боевая готовность!

«Арт, купол над домом просел с одной стороны, – неестественно ровно сообщил Мэл, и в этот же самый момент лицо отца Иола залила смертельная бледность. – Похоже, один из артефактов только что был уничтожен».

– Фол… – вырвалось из груди темного жреца. – Где-то сейчас умирают наши братья!

Молитва на мгновение оборвалась, но тут же возобновилась с новой силой, взвившись под купол на удивление слаженной песней, в которой отчетливо проступило раздражение.

– В КРУГ! – уже не скрываясь, гаркнул я во весь голос и выступил вперед, призывая в себя Тьму.

«Арт, они используют заклинания. Купол стал ещё слабее. Он почти прозрачный. И там действительно идет схватка. Но я ничем не могу им помочь. Одна группа жрецов уничтожена. Вторая и третья пока держатся».

– Заклинания использовать только защитные! – очнулся от мимолетного ступора шеф и взял бразды правления в свои руки. – Любое атакующее будет гаситься куполом и быстро его ослаблять! Только защитные и сталь!

Народ, наконец, зашевелился и плотной коробочкой окружил истово молящихся жрецов. Артефакты наконец-то засияли так, что смотреть на них стало невозможно. Купол над нашими головами тоже вспыхнул. Под ним возникло сразу три мощных защитных сферы, в которую светлые торопливо сливали весь резерв. Темные ощетинились зачарованными клинками. Да, просто клинками, без магии, потому что в защите мы всегда считались слабее, а атакующими заклинаниями пользоваться запретили жрецы. Но указывать им на ошибку времени не осталось – у меня в груди уже царапалось не просто предчувствие, а самое настоящее ощущение беды. К тому же, Тьма вдруг вышла из-под контроля, начав стремительно уничтожать торопливо

создаваемое Корном защитное заклинание.

Шеф, увидев это, сочно меня обматерил, наглядно подтвердив, почему светлые маги обычно не работают в паре с темными. Однако спорить с ним я не стал. Просто отошел в сторонку, не отвлекаясь на его светящийся щит. Одновременно с этим свернул Тьму вокруг себя в совсем уж непроницаемый кокон…

А потом на поляне перед домом раздался беззвучный взрыв.

Я сперва даже не сообразил, что за тени мелькнули рядом с расположенными правее и левее нас группами. Четыре тихих хлопка. Четыре смазанных силуэта, в мгновение ока пронесшихся мимо. Четыре вспышки от прорванной защиты. Четыре болезненных вскрика. Короткая суета вокруг жрецов. И на четырех человек в обороне двух наших команд стало меньше.

«Арт, это темные! – снова раздался в моей голове нечеловечески спокойный голос Мэла. – Ты слышишь: вас предали. Маги Смерти напали на своих и утаскивают их на темную сторону. Вторая группа жрецов практически уничтожена. На Седьмой остался всего один работающий артефакт».

Еще два хлопка, порыв холодного ветра, мелькнувшие перед глазами два бледных лица, похожих на восковые маски, мазнувшие воздух длинные белые волосы… и прыгнувшие в ладони секиры снесли сразу две невесть откуда выскочившие головы.

«Это не маги, брат», – бросил я по поводку, кинув быстрый взгляд на упавшие тела. Черные вены под мертвенно-бледной кожей, бескровные раны на разрубленных шеях, разметавшиеся по земле седые лохмы… – «Это умруны. Наш враг снова оказался умнее».

– Всем оставаться нам местах! Не разделяться! – бросил я, не оборачиваясь. Затем выпустил Тьму уже полностью, заставив ее растечься по всей поляне перед домом. Коротким движением создал из нее широкий «лизун», как можно скорее набросил его на сплетенную Корном защиту. Разумеется, окончательно доломал чужой щит. И, не слушая раздавшегося из-под него возмущенного вопля, одним прыжком переместился сперва к одной группе жрецов, прямо на ходу создавая второй темный полог и набрасывая его поверх защиты светлых. Затем к другой, молниеносно прикрыв коллег таким же незатейливым способом. После чего, наконец, успокоился за их судьбу и рывком ушел во Тьму, на ходу набрасывая на себя ставший уже привычным доспех.

Они ждали меня на темной стороне – молчаливые, с обагренными кровью руками, настороженные и очень

внимательно следящие за каждым моим движением.

Четыре тела, небрежно сваленные в кучу, не подавали признаков жизни – сегодня умруны не искали новых вместилищ. Они просто и обыденно отрывали жертвам головы. Двое светлых магов, двое темных… кажется, у милорда герцога скоро появятся серьезные проблемы с кадрами. Но больше твари никого не убьют. И сами никуда не денутся – купол, как и сказал отец Иол, абсолютно надежен, поэтому никто сюда не войдет и никто не выйдет, пока хотя бы один из храмовых артефактов продолжает работать.

«Арт, команды на Седьмой полностью уничтожены, – бесстрастно доложил Мэл. – Купол исчез. А в доме появились посторонние. Ты был прав – это действительно умруны. И, кажется, они готовятся к ритуалу».

«Значит, Илдж и Рош мертвы», – отстраненно подумал я. – «Сколько там нежити?»

«Шестеро».

Я стал спокоен. Я стал абсолютно спокоен, полностью впустив в себя Тьму и временно отложив эмоции в сторону.

«Не вмешивайся, – велел я, развеивая секиры и зажигая на ладонях темное пламя. – Умруны поддаются только огню. А ты еще не восстановил форму».

Умруны не стали дожидаться окончания нашего разговора и атаковали одновременно. Разумеется, с помощью троп – на моем привычном уровне для них это не составило никакого труда. Хотя нет… тропами прыгнули только двое из них. А оставшаяся парочка ушла на нижний слой и попыталась добраться до меня оттуда. Наивные.

Я окутался пламенем с ног до головы и ударил Тьмой так, что пространство перед домом заволокло густыми черными клубами, а артефактный купол застонал от напряжения. Мир дрогнул во второй раз. Я на всякий случай быстро повернулся вокруг своей оси, со свистом рассекая секирами сгустившийся воздух. Но не встретил ни малейшего сопротивления и, отозвав Тьму, с удовлетворением посмотрел на четыре обуглившихся трупа.

Все, спеклись. А как неоправданно долго я провозился с ними в прошлый раз…

Окинув ещё одним взглядом притихший двор и три застывших на краю поляны сгустка Тьмы, в которые превратились прикрытые моим пологом боевые группы, я сжег первую парочку, которая уже успела прирастить отрубленные головы и даже попыталась подняться. Затем спустился на нижний уровень. Наскоро обыскал дом, убедившись, что, кроме этих шестерых,

больше никакая тварь в подвале не затаилась. Отыскал за домом одну-единственную каверну со следами недавнего пребывания высшей нежити. Осмотрел осыпавшиеся, местами грубо разорванные края со следами когтей. Запустил туда огонь в достаточном количестве, чтобы спалить даже очень крупного вампира. В третий раз потревожил Тьму едва ощутимым взрывом, от которого дрогнула земля. Только после этого вернулся в реальный мир. Убрал доспех. А затем снял все три полога одновременно и, не обратив внимания на перекошенную физиономию Корна, подошел к отцу Иолу.

«Арт, ритуал на Седьмой завершился, – доложил Мэл. – Умруны и их хозяин только что ушли».

«Ты его видел?», – так же неестественно спокойно осведомился я.

«Нет».

«Отправляйся на Сорок вторую. Скорее всего, они очень скоро будут там».

– Рэйш, ты что творишь?! – раненым зверем взревел Корн, когда темный полог окончательно истаял и позволил светлому высказать всю глубину своего возмущения. – Какого демона ты чуть не подставил нас под удар?!

– Мы совершили три грубейших ошибки, Корн, – равнодушно сообщил ему я. – Не проверили нижний слой перед тем, как создавать вокруг дома купол. Это – моя вина. Не учел, что наш общий враг хорошо знает ваши методы работы, и не подумал, что кто-то из умрунов мог уцелеть. Второе – не следовало ставить против высшей нежити щиты светлых: тварям они не помеха. Это – уже ваша недоработка, Корн. И частично моя: с Тьмой нужно сражаться ее же оружием. Я забыл вам об этом напомнить. Наконец, третье – отец Иол, вы напрасно не упомянули перед началом операции, что ваши сферы не просто отграничивают некую часть пространства от внешнего мира, но ещё и резко ослабляют границы между мирами. Если бы не это, умрунам, которые дожидались нас в каверне на нижнем слое, не было бы ходу в реальный мир. А значит, люди бы не пострадали.

На лице святого отца проступило запоздалое понимание.

– Я… не придал этому должного значения.

– Откройте сферу, – потребовал я, заставив Корна поперхнуться какой-то фразой.

Отец Иол пристально на меня посмотрел.

– Молитву нельзя прерывать, Артур. Всего одна брешь в куполе, и один Фол знает, кто в нее может проникнуть.

– Я должен уйти. Ваши братья погибли, но остались те, кого можно и нужно предупредить. Откройте купол. Если отец-

настоятель просил вас помочь, то вы должны знать, почему он это сделал.

Жрец поджал губы, и тогда я со вздохом склонил перед ним голову.

– Я прошу тебя, брат… верь мне.

– Фол благоволит тебе, Артур Рэйш, – тихо ответил жрец, и его ладонь на мгновение коснулась моей склоненной макушки. – Ты перемещается во Тьме гораздо быстрее других, поэтому я сделаю, как ты просишь. Но сфера будет открыта всего мгновение.

– Благодарю. Этого хватит.

Я отступил от святого отца и выпрямился.

«Арт, под куполом на Сорок второй тоже началось волнение», – пришло донесение от Мэла. – «Похоже, и там засада!»

– Корн, велите светлым погасить артефакты, – скороговоркой велел я, снова окутываясь Тьмой. – Защиту пусть выставляют темные. Как в реальном мире, так и на темной стороне. Чем мощнее, тем лучше. Скорее всего, скоро тут появятся ещё гости. Возможно, будут провокации. Но вы должны любой ценой отстоять этот дом и хотя бы один артефакт. Команда на Седьмой полностью уничтожена. Ритуал там уже закончен. Магов на Сорок второй тоже атакуют, и без помощи им не выстоять. Умрунов там скоро будет вдвое больше, чем здесь. Я должен быть там.

– Удачи, брат, – прошептал святой отец, когда я, не дожидаясь ответа от судорожно хватанувшего воздуха шефа, нырнул на темную сторону. Еще через миг в куполе действительно появилась крохотная брешь. Протиснувшись в нее, я тут же создал прямую тропу и, уже не заботясь о том, видят меня или нет, одним прыжком сиганул на Сорок вторую улицу. К дому под номером двенадцать, рядом с которым стоял и бессильно смотрел на беспрестанно вздрагивающий купол мой необычный служитель… бывший маг и бывший Палач, а теперь – брат по духу, встретивший меня невеселой усмешкой.

– Бесполезно, – обронил он, когда я вышел с тропы и изучающе уставился на прикрытый божественной сферой особняк. – Купол ещё висит. Мы не сумеем помочь твоим коллегам.

– Раз не сможем мы, значит, и им ничего не светит, – я указал кончиком секиры на бесшумно материализовавшихся на другом конце улице шесть силуэтов в кожаных плащах. – Поохотимся, брат?

Мэл кровожадно оскалился. Почти сразу место рядом со мной опустело, а еще через миг за спинами явившихся с Седьмой

улицы умрунов открылось сразу две темных тропы.

Надо признать, охотиться с бывшим Палачом было гораздо удобнее, чем с кем бы то ни было. Невидимый, бесшумный и смертельно опасный Мэл перемещался почти так же быстро как моргул. Ему не составило труда удержать брызнувших в стороны умрунов, пока я призывал Тьму и набрасывал на суетливо дергающихся тварей огромную сеть, источающую смертельное для них пламя. Мэлу что – для него мой огонь был даром. Бывший Палач буквально купался в ревущем пламени, набираясь от него сил, выныривая оттуда лишь для того, чтобы затолкать внутрь особо шустрых умрунов. Мне даже вмешиваться не пришлось – от него не ушел никто. А если учесть, что на Мэле все еще висел «зеркальный» доспех, то можно было сказать, что для большинства присутствующих на Сорок второй улице наше вмешательство осталось незамеченным.

Когда земля прогорела, а от шестерых высших остались лишь горстки пепла, я снова приблизился к обреченному дому, однако купол над ним все еще держался. Что творилось внутри, я не видел – защита действительно гасила все. Вместо дома и коллег я видел лишь мерцающую разноцветными сполохами пленку. Причем по ней то и дело пробегала болезненная рябь, а время от времени стенки купола упруго выгибались, словно принимая на себя очередной удар.

В какой-то момент он дрогнул особенно сильно и резко просел с правой стороны. Казавшаяся цельной защита потускнела, поблекла. Затем в том углу появился первый надрыв. А еще через пару мгновений купол буквально развалился на куски, и вместо одной громадной сферы на лужайке перед домом образовалась сфера поменьше, тогда как сам дом стал наполовину виден. Вместе с горкой окровавленных тел возле разгромленного крыльца, торопливо брызнувшими в стороны вестниками смерти и осколками храмового артефакта, над которыми с довольными рожами застыли два умруна.

Не сговариваясь, мы с Мэлом прыгнули одновременно. Он – с занесенными для удара секирами, которыми лихо смахнул головы тварей до того, как те успели опомниться и отпрянуть. А я – с объятыми пламенем руками, с которых тут же слетели два темных шара и с жадностью вгрызлись в отчаянно задергавшиеся тела.

Не успел я всмотреться в лица убитых, как за нашими спинами раздался ещё один хлопок, а и без того пострадавший купол развалился окончательно, оставив после себя лишь одну небольшую, тускло горящую сферу, под которой прятались уцелевшие.

На месте второй группы тоже образовалась гора из беспорядочно набросанных тел, посреди которой двое умрунов как раз добивали служителей храма. Прямо на наших глазах одна из тварей разорвала одному горлу, а другая с хрустом свернула второму голову. Но еще через мгновение они обе вспыхнули холодным огнем и истошно завыли, обугливаясь прямо на глазах.

Увы. Непроницаемость сфер во второй раз сыграла с нами злую шутку – пообещав магам абсолютную защиту, храм не учел, что наш противник сумеет это просчитать. И оставить в засаде на нижнем слое уже зрелых, проворных и, по-видимому, прирученных умрунов… Но это ж как надо не ценить свои кадры, чтобы разбрасываться ими столь варварским образом? А если бы мы не использовали сферы? А если бы у герцога нашлись артефакты, позволяющие видеть нижние слои Тьмы? Или оружие, позволяющее расправляться с умрунами быстрее, чем мой огонь?

Выходит, наш враг точно знал, что такого оружия у нас нет. А еще он, похоже, не особенно дорожил союзниками. Или же находился настолько близко к цели, что больше не считался ни с какими потерями.

К уцелевшей группе магов и жрецов я подбежал в тот самый момент, когда третья сфера устало задрожала и осыпалась на землю веером серебристо-черных искр. Правда, вопреки ожиданиям, на темной стороне меня встретили не умруны, а едва держащийся на ногах, покрытый своей и чужой кровью коллега. Смертельно бледный, залитый кровью с ног до головы… единственный уцелевший маг с уже готовым к использованию убийственным заклинанием.

– Свои! – поспешил крикнуть я, на всякий случай приготовившись отпрыгнуть в сторону. – Не стреляй – все равно промажешь!

– Р-рэйш?! – неверяще прошептал маг голосом Эрроуза. – Неужели ты?! Вот же живучий сукин сын…

После чего темный слабо улыбнулся и, закрыв глаза, принялся заваливаться навзничь. Я едва успел его подхватить и с некоторым трудом вытащил в реальный мир. Эрроуз сам по себе был тяжелым, да еще и завалился неудачно – лицом вниз. Так что пришлось приложить немало усилий, чтобы не покалечить этого бугая сильнее, чем есть. Все же зацепили его крепко – вон, вся броня в клочья. И кровищи вокруг столько, что в ней можно было утонуть.

– Эй! У вас лекари остались?! – спросил я, осторожно уложив темного на спину и зажав ладонью широкую рану на его животе.

Мне никто не ответил. Впрочем, когда я поднял голову, то понял, что отвечать было некому – из боевой пятерки герцога,

жрецов и людей Эрроуза уцелели всего трое: сам Эрроуз, который вот-вот готовился отдать концы; милорд герцог, который тоже лежал ничком и почти не дышал, и один-единственный жрец… кажется, служитель Абоса… совсем молодой еще паренек, который на коленях стоял возле разбитого артефакта и с выражением потустороннего ужаса смотрел на вяло шевелящегося умруна, который даже с оторванной башкой пытался сомкнуть свои клешни у него на ляжке. Второй умрун бесформенной кучей дымился в сторонке и источал омерзительный запах хорошо прожаренной мертвечины. Остатки светлого заклинания над ним почти испарились, но концентрация силы вокруг нежити была такой, что я с нескрываемым уважением посмотрел на герцога, имеющего, как оказалось, в запасе атакующие заклятия такой мощи. Видимо, одно из них и добило державшийся на соплях купол. А заодно превратило раненую Эрроузом тварь в отлично приготовленный бифштекс.

– Что с герцогом? – отрывисто спросил я, швырнув сразу два огненных шара и спалив нежить, а затем вплотную занялся Эрроузом. Целитель из меня, конечно, аховый, но у магов Смерти есть некоторое преимущество: нас довольно сложно убить. И намного проще вернуть к жизни, чем кого-либо другого. – Эй! Не спи! Я спросил: что с герцогом?!

– Н-не знаю, – все-таки проблеял парень, судорожным движением стряхнув с себя оставшийся после умруна пепел.

– Так посмотри, Фола тебе в душу!

– Х-хорошо… но, к-кажется, мы ему уже не поможем.

Я мельком покосился на смертельно бледное лицо его сиятельства, которого жрец неумело перевернул на спину. И скрипнул зубами, увидев приличную дыру в правой половине его груди, откуда вяло вытекала темная кровь.

Твою ж демоническую руну…

Что я Роберту скажу?!

– Мастер Рэйш. Вы меня звали? – как по заказу, раздалось у меня за спиной, и я едва не выругался вслух, обнаружив, что посреди залитой кровью поляны стоит растерянно озирающийся мальчишка. Легко одетый, в одной рубашке и домашних тапочках, растрепанный, немного сонный и совершенно неуместно смотрящийся здесь, посреди гор беспорядочно наваленных трупов и огромных луж крови, над которыми уже начали виться первые мухи.

При виде вынырнувшего из пустоты мальчишки жрец отшатнулся и осенил себя охранным знаком. Болван. А маленький жнец внезапно опознал в залитом кровью теле отца и испуганно прошептал:

– Как же так, мастер Рэйш… п-папа?!

– Иди сюда, – отрывисто велел я, толчком выпихнув Эрроуза на темную сторону и тут же выдернув его обратно. Других способов быстро закрыть наши раны не существовало. Но отцу Роберта этот способ, к сожалению, не подходил. – Осмотри его. Он дышит?

– Нет, мастер Рэйш… – через мгновение сглотнул пацан.

– Обыщи его карманы: там должны быть исцеляющие амулеты, – сухо велел я, проверив состояние темного и снова найдя его неприемлемым.

Мальчишка тут же зашарил руками по телу.

– Сейчас. Я сейчас, сейчас… вот, нашел. Но в нем совсем мало заряда!

– Включить его сможешь? – я во второй раз окунул едва дышащего мага во Тьму.

– Да!

«Арт, в доме гости», – внезапно доложил с нижнего уровня невидимый Мэл.

«Много?», – ненадолго отвлекся я.

«Не могу сказать. Кто-то активировал защиту на здании».

Я быстро обернулся.

Демон… я должен был оказаться там. Прямо сейчас, пока умруны или кто там ещё не начали предпоследний в цепочке ритуал. Один обряд мы сегодня упустили, и дать им возможность провести второй было чревато угрозой срыва всей операции. Вот только герцог… и Эрроуз… торопливо утирающий катящиеся по лицу слезы пацан, смотрящий на меня с беззвучной мольбой и бессильным пониманием…

«Внутрь попасть сможешь?», – напряженно спросил я.

«Нет, брат. Защита цельная, а я ещё не достиг пика. Если я ее нарушу, то, скорее всего, умру».

«Тогда следи», – с тяжелым сердцем отвернулся я и в третий раз окунул темного во Тьму. – «У нас нет другого варианта».

Эрроуз, наконец, судорожно закашлялся и, вынырнув из царства Фола, хриплым с мороза голосом каркнул:

– Все… все, хватит! Я в порядке, Рэйш! Угомонись!

Я глянул на его покрытое густым слоем инея лицо, всмотрелся в бесцветные радужки и тут же выпустил изжеванную куртку: действительно, живой. После чего метнулся к бездыханному герцогу и, забрав из трясущихся рук ученика слабо светящийся артефакт, бросил на грудь его мертвого отца.

– Присмотри! – бросил растерянно переводящему с меня на Роберта и обратно взгляд жрецу-недоучке. – И начинай молиться своему богу. Удача нам ещё понадобится.

Пока паренек открывал и разевал рот, я цапнул Роберта за руку и вместе с ним провалился во Тьму. Причем не на привычный слой, а гораздо ниже. Туда, куда простым смертным ход был заказан и где иногда… очень редко, но все же можно было перехватить отлетевшую душу. При условии, конечно, что владелец этих мест не будет против небольшого нарушения закона.

Я оказался прав – отец Роберта действительно уже уходил к своему богу.

«Посвященный Роду… надо же», – мысленно подивился я, обнаружив над местом смерти герцога висящий в воздухе полупрозрачный силуэт, на лбу которого горел до боли знакомый символ в виде правильного круга. – «Отец служит Роду, а душу сына собственными руками передал Фолу… вот ведь шутка судьбы. Жаль, что некому над ней посмеяться».

– Папа? – дрогнула в моей ладони рука маленького лорда. Призрак медленно опустил голову, какое-то время всматривался в исказившееся лицо сына, но далеко не сразу в его взгляде промелькнуло узнавание. – Папа! Не уходи! Пожалуйста, останься!

По губам призрака скользнула печальная улыбка.

– Мастер Рэйш! – в отчаянии обернулся ко мне мальчишка, когда герцог едва заметно качнул головой и начал медленно растворяться в воздухе. – Помогите мне, учитель! Нельзя, чтобы он умирал!

– Порядок вещей нельзя изменить, – хмуро сообщил я и в качестве доказательства протянул руку, чтобы коснуться готового уйти на перерождение духа, но отвел ее в сторону, едва стало понятно, что тот может развеяться от малейшего прикосновения. – Мы с тобой во владениях Фола, ученик. Здесь его воля – закон.

– Но мы же служим ему! Разве не может он нас услышать?!

– Он слышит, – усмехнулся я и присел перед пацаном на корточки. – Только не всегда отвечает. Или отвечает не так, как мы от него ждем.

В глазах Роберта метнулась отчаянная, почти безумная надежда. Но он не стал рваться и выкрикивать обещания Фолу. Не стал ни умолять, ни просить для отца снисхождения. На его лице вдруг проступило сомнение, затем колебание и, наконец, понимание. А затем он повернулся к призраку, висящему посреди такого же призрачного города, и заторможенно прошептал:

– Если бы Фол захотел, эта душа уже ушла бы к Роду…

– Но она все еще здесь, – так же тихо согласился я. – Значит, Фол ее не торопит, и твоего отца можно вернуть. Правда,

помогать нам в этом никто не будет. Что ты знаешь о магии крови, ученик?

Роберт сглотнул.

– Только то, что привязка на крови может помочь удержать отлетевшую душу…

– У тебя есть такая привязка с рождения, – я подтолкнул маленького жнеца к отцу. – Я для него чужой. Но у тебя может получиться. Действуй.

Пацан поднял на меня горящие глаза, а затем создал из Тьмы кинжал и, закатав рукав, бестрепетно резанул себя по запястью. А когда на слежавшийся снег упало несколько горячих капель, он протянул руку растерянно качнувшемуся призраку и шмыгнул носом:

– Пожалуйста, папа. Не оставляй меня… пожалуйста, папочка, вернись!

Пока он говорил, за спиной призрака сгустилось большое черное облако, вскоре превратившееся в гигантскую стену, сквозь которую было бы трудно прорваться даже демону. При виде нее призрак снова дрогнул и недоверчиво посмотрел на меня, но я лишь усмехнулся. Нет, уничтожать его я не собирался. А вот помочь единственному ученику был обязан. И даже в случае, если его сиятельство передумает, уйти без моего разрешения ему будет проблематично. Ну, разве что Смерть самолично заявится за его душой и испортит мое маленькое представление.

– Папа? – повторил Роберт, настойчиво протягивая руку.

Призрак ненадолго замер, а потом рвано качнулся вперед, словно его что-то подтолкнуло в спину. И вдруг медленно-медленно протянул сыну ставшую почти прозрачной ладонь.

– Возвращайся! Живо! – велел я, когда пацан мертвой хваткой вцепился в отца. – Без тебя ему не найти дорогу. Он слишком далеко ушел. Покажи ему путь! Веди за собой, понял?

Роберт понятливо кивнул и растворился в воздухе, уводя с собой родную душу. А я тщательно выжег оставшиеся на снегу кровавые разводы и только тогда ушел следом. Со странной, не слишком уместной, но греющей душу мыслью, что хотя бы одно дело я сделал сегодня правильно.

Глава 19

Когда я вернулся в реальный мир, герцог Аарон Искадо лежал на земле с закрытыми глазами. Выглядел он по-прежнему плохо, был бледным как лесная поганка, но при этом больше не собирался возвращаться во Тьму и весьма бодро дышал, пока стремительно теряющий заряд амулет приводил в порядок его изуродованное тело. На то, чтобы закрыть рану полностью, артефакта, конечно, не хватило, поэтому в сознание маг до сих пор не пришел. Да и его раны закрылись не полностью. Но опасности для жизни уже не было. К тому же, служитель Абоса до того рьяно молился над его телом, что жабоподобный бог наверняка услышал, а затем приложил к чудесному исцелению свою пухлую руку. Так что скупо раздаваемая им удача все же подправила линию судьбы милорда, позволив ему задержаться в мире живых.

– Рэйш, ты вообще понимаешь, что сейчас сделал? – тихо спросил Эрроуз, когда я осмотрел лорда Искадо и хлопнул по плечу шмыгнувшего носом мальчишку.

Я промолчал.

Потом, Грэг… все вопросы потом. Мне сейчас не до тебя, если честно.

– Рэйш!

«Арт, они закончили ритуал», – снова ожил в моей голове голос Мэла, а не получивший ответа коллега, с немалым трудом приняв сидячее положение, воззрился на меня со смесью раздражения и злости. – «Воронка на пике, а нижний слой аж сияет от выброса энергии. Вовремя вы оттуда убрались».

Я оскалился и, во второй раз проигнорировав темного, бегом кинулся к дому: э нет, дорогой мой враг, ничего ещё не закончилось. Сегодня ты, правда, многих убил, но такому как я даже воронка не страшна. И защиту мы вдвоем с Мэлом наверняка проломим. Для этого всего-то и надо, что…

– Мастер Рэйш! Сзади! – отвлек меня от кровожадных мыслей истошный мальчишечий крик.

Я на полном ходу рухнул лицом вниз, одновременно отмахиваясь прыгнувшей в ладонь секирой. Услышал звонкое «дзанг!», ощутил, как рухнуло на древко что-то тяжелое, и в один миг провалился на темную сторону. Уже там бодро откатился в сторону, прямо на ходу создал прямую тропу, юркнул в нее, выкатился на другой стороне лужайки. И, выхватив из Тьмы вторую секиру, подскочил на ноги, одновременно разворачиваясь к тому, кто посмел напасть на меня с темной стороны, да еще так,

что едва не достал в реальном мире.

Тьфу ты! Отец Иол, демона вам в душу, вы просто ДОЛЖНЫ БЫЛИ предупредить нас о том, что ваш купол способен НАСТОЛЬКО истончать границу между мирами!

Сказать, что увиденное сильно меня удивило, не могу. Рано или поздно мы бы все равно встретились. Лицом к лицу, как сейчас. Или он напал бы исподтишка, как делал один мой знакомый служитель… хотя стоило признать, что стоящая напротив тварь внушала уважение. Рослая, в полтора меня ростом, с хорошо развитым торсом, восемью мощными паучьими лапами, зловеще поблескивающими секирами на месте верхней пары рук и с приличными по размеру зачарованными клинками во второй… даже морда у него была такой же бесстрастной. С теми же мутными бельмами на месте глаз и таким же кроваво-красным ртом, в котором наверняка имелись острые зубы.

Прямо брат-близнец. Не иначе. Видимо, прав был отец Иол – наш изобретательный враг и впрямь успел не только изучить образец, но и создал полноценную копию.

«А он, пожалуй, побольше тебя будет», – хладнокровно заметил я, изучая замершего в десятке шагов Палача.

Невидимый Мэл фыркнул.

«Ему всего шестьдесят лет отроду. А я больше двух веков людям головы рубил, так что у меня опыта больше».

«Логично», – вынужденно согласился я, чувствуя, как холодит кожу Тьма под одеждой. Доспехом она обеспечила меня на этот раз сама, без напоминаний. Более того, Ал тоже счел нужным вмешаться, поэтому на лезвии моих секир появился знакомый серебристый налет. Совсем немного, по краешку, чтобы раньше времени себя не выдать. Но я все равно ухмыльнулся и, демонстративно взвесив оружие на руке, сделал Палачу приглашающий жест. – Ну что, брат, попробуем его уделать?»

«А то», – рыкнул по поводку служитель. В следующий миг Палач все-таки прыгнул, а на меня во второй раз за сутки снизошло удивительное спокойствие. Тем более, что зрелище несущейся во весь опор твари с огромными секирами вместо рук было мне хорошо знакомо. Но на этот раз я не собирался убегать и тем более атаковать в лоб. Нет. Дождавшись, когда Палач окажется совсем близко, я просто ушел на нижний слой. А когда тварь без раздумий провалилась следом, там ее ждал не только я.

Наверное, я ещё ни разу не ощущал такого всплеска эмоций по связывавшему нас с Мэлом поводку. Более того, пожалуй, поспешил назвать его человеком – бывших Палачей, как оказалось, не бывает. Но если раньше он убивал бездумно и бесстрастно, то сейчас в его чувствах преобладала жажда крови. В

отличие, кстати, от явившегося по мою душу монстра, которого интересовало лишь одно – выполнение приказа хозяина.

Собственно, в этом и была его слабость: на прикрытого «зеркальным» доспехом Мэла Палач внимания не обратил. И не задумался, почему рядом со мной временами так странно переливается воздух. А если и задумался, то не надолго, не говоря уж о том, что напасть ему наличие непонятного явления не помешало.

На этот раз меня никто и ни в чем не обвинял. Мне не вынесли приговор. И даже степень моей угрозы хозяину не соизволили обозначить. Палач напал молча, словно и вовсе не умел говорить. Зато стремительно, как настоящий ураган. И… озадаченно замер, когда я уклонился от бешеной атаки, одновременно ударив в ответ, и на землю с приглушенным стуком упали отрубленные по локоть культяпки.

Ал не подвел – лезвия секир вошли в чужую плоть, как горячий нож в масло. Ни малейшего сопротивления, ни мимолетного ощущения, что я рублю покрытую сверхпрочным панцирем тварь, не появилось. Боли этот Палач, как неожиданно выяснилось, не испытывал вообще и, потеряв сразу две конечности, больше растерялся, чем по-настоящему расстроился. А затем ему стало не до размышлений, потому что Мэл не собирался упускать такую возможность. Воспользовавшись невидимостью, он метнулся к озадаченно замершему собрату и одним стремительным движением подрубил ему лапы с левой стороны. А когда не ожидавший такой подлости Палач пошатнулся, брат проворно запрыгнул ему на спину и с воинственным рыком воткнул секиры в то место, где паучье тело переходило в мускулистый мужской торс.

И вот тогда Палача проняло. Испустив пронзительный, пробирающий до печенок рев, он запрокинул голову, одновременно умудрившись встать на дыбы в попытке сбросить с себя невидимого соперника. Замолотил по воздуху оставшимися конечностями. Каким-то образом не упал, чудом удержав равновесие на искалеченных лапах. Взревел снова, на этот раз – раздраженно и почти зло. Но в этот момент одна из моих секир легонько чиркнула его по горлу, и на землю со стуком упала срубленная у основания голова. Абсолютно лысая, с мертво глядящими в пустоту бельмами и распахнутым в беззвучном крике ртом, где из последних сил трепетал раздвоенный язык.

– И всего-то делов, – пробормотал я, слегка удивившись легкости, с которой мы прибили опасную тварь. – Вот что значит опыт… Мэл, ты как?

– Сожги его, – бросил в ответ служитель, спрыгивая с

бьющегося в судорогах тела. – Если хоть одна косточка уцелеет, то со временем он обязательно восстановится.

Я молча бросил в корчащуюся в агонии твари сгусток огня. А затем ещё один – в укатившуюся вбок голову. Ожидал, что на этом все закончится, и изрядно удивился, обнаружив, что башка прекрасно вспыхнула и мгновенно обуглилась, а вот агонизирующее тело только задымилось. Да и то, кое-как.

– Это что ещё такое? – нахмурился я, разглядев на мохнатом пузе твари какую-то побрякушку. Затем наклонился, кончик секиры подцепил вплавленную прямо в кожу Палача золотую пластинку с непонятными символами и подтолкнул ногой к Мэлу. – Ты такое раньше видел?

Бывший Палач машинально потер нижней правой рукой то место, где его торс переходил в паучье брюхо.

– Нет, брат. В мое время ничего подобного не было.

Я оттолкнул побрякушку подальше, а затем снова швырнул в тварь сгусток огня. И на этот раз все прошло как надо – обезглавленный монстр моментально вспыхнул и всего через один удар сердца обратился в неопознаваемую кучку праха. А вот артефакт я подобрал – потом жрецам его покажу. Если наш враг столь сведущ в темном искусстве, что нашел способ противостоять моей Тьме, то это определенно стоило обсудить со служителями Фола.

Убрав пластинку в карман, я повернулся к дому и поморщился.

– Тьфу. Они успели завершить ритуал.

Мэл покосился на объятый Тьмой призрачный чердак и пылающий светом, такой же призрачный пол на первом этаже, и неохотно кивнул.

– Да. Палач появился совсем некстати.

– Зато последний приказ своего хозяина он выполнил на «отлично». Полагаю, внутри уже никого нет, так что спешить больше нет смысла.

– Думаешь, тот маг отправил его умирать?

– Скорее, отвлечь, – вздохнул я, не торопясь развеивать секиры. – И дать остальным возможность закончить с одиннадцатым знаком.

По поводку пришла волна разочарования, негодования и досады.

«У нас остался ещё один дом, так что не все потеряно», – напомнил я, рывком уходя на верхний слой. – «Я отправлю Роберта вместе с выжившими в ГУСС. Там есть толковые целители, да и защита какая-никакая присутствует. Присмотри, чтобы по дороге с ними ничего не случилось. А я возвращаюсь на

Сенную».

Мэл прислал в ответ волну одобрения и молча заверил, что все сделает, так что хотя бы за этих разумных я могу сегодня не волноваться.

* * *

Когда я проверил дом и вернулся в реальный мир, намереваясь повесить на полуживого Эрроуза миссию по охране милорда герцога и его малолетнего сына, оказалось, что поляна перед особняком уже не пустует, и на нее один за другим выходят невесть откуда взявшиеся жрецы. Причем много жрецов, десятка два с половиной, как темных, так и светлых. Но что самое непонятное, вместо того, чтобы заниматься убитыми или расспрашивать выживших о том, что случилось, они окружили разбросанные во дворе тела и, не обращая на нас никакого внимания, затянули негромкую молитву.

Озадаченно осмотрев образованный ими огромный круг, я повернулся к чудом уцелевшему служителю Абоса.

– Что происходит?

Измазанный чужой кровью паренек со слабой улыбкой порылся под рясой и выудил наружу невзрачный камушек, который, судя по скромному внешнему виду, являлся очередным храмовым артефактом.

– Мои братья хотят вернуть павших, мастер Рэйш.

– Чего? – недоверчиво переспросил я, но пацан лишь понимающе улыбнулся.

– Этот – камень душ, мастер Рэйш. Вам известно, что это такое?

– Почти всем нам такие выдали перед началом операции, – раздраженно бросил сбоку Эрроуз и распахнул куртку, под которой на обычной веревочке висел точно такой же камушек-артефакт. – Отец Иол постарался.

Я посмотрел на камушки через линзы, но демон меня задери… у лежащих на земле магов не было аур! Да и в артефактах не имелось ничего необычного, словно передо мной находились не легендарные камни душ – одна из самых охраняемых тайн жреческого Ордена, а обычная галька! Неудивительно, что я не заметил их сразу! Неудивительно, что и умруны не придали им значения! Ведь если бы они заподозрили, в чем истинная ценность этих непримечательных камней, они бы наизнанку вывернулись… костьми бы легли, но сорвали их все до одного! Это же надо… настоящие камни душ! Да за один такой

любой некромант душу демону продаст!

Ай да Корн! Ай да сукин сын! Неужто он и впрямь подозревал меня так сильно, что не дал полного расклада? Но это ж каким гадом надо быть, чтобы сказать о камнях всем, кроме меня! И каким больным на всю голову маньяком, чтобы до последнего держать меня на виду, при этом смутно надеясь, что убийства – все-таки не моя работа!

Все, решено. Когда вернусь, сам его убью. А когда вытащу его душу из тела, то подробно обо всем расспрошу и только потом… может быть… запихну ее обратно.

Жрецы тем временем затянули молитву громче, увереннее, и вот тогда на темной стороне появилось какое-то движение. Эрроуз, успевший где-то потерять визуализатор, этого не заметил, а я как во сне уставился на расцветившие Тьму серебристые точки, которые одновременно, словно по команде, засветились в складках чужой одежды… как раз там, где прятались уникальные артефакты… и, отделившись от них крохотными облачками, зависли над распластанными телами.

Сколько здесь было народу? Шестеро жрецов, три боевых пятерки магов, плюс Эрроуз и его люди… человек тридцать в общей сложности наберется. Гм. И правда: вон те пять искорок горят намного ярче других. Прямо как душа у отца Кана. Значит, не соврал пацан – это и впрямь те самые камни. Даже странно, что мне об этом никто не сказал.

– Всех, к сожалению, воскресить не удастся, – тихо заметил служитель Абоса, пока я лихорадочно соображал, что к чему.

Некоторые освященные храмовые камни, если верить слухам, обладали уникальными свойствами. Кто и как именно их создавал, жрецы не говорили, но они могли вбирать в себя человеческие души. Да, ненадолго. На полсвечи или на свечу, редко больше. Говорят, во время войны с Лотэйном жрецы использовали их, чтобы воскрешать погибших. На поле боя ведь не всегда успеваешь добежать до раненого бойца. А тут и бежать не надо – камень сохранит отлетевшую душу, а потом жрец спокойно вернет ее обратно, если, конечно, боги не будут против.

Но неужели отец Иол решился отдать сыскарям такое сокровище?!

– Тела, которые повреждены слишком сильно, не смогут принять в себя отлетевшую душу, – вздохнул молодой жрец, заставив меня мысленно осечься. – С оторванной головой даже владыка ночи ничего поделать не сможет. Но у остальных еще есть шанс.

Словно подтверждая его слова, несколько искорок, ненадолго зависнув над землей, коротко вспыхнули и растворились во Тьме.

Вероятно, умруны успели кого-то порвать слишком сильно. Но остальным, можно сказать, повезло – твари так торопились уничтожить артефакты, что не могли вдосталь поиздеваться над мертвыми. Большинству магов досталось всего по одному удару, поэтому сейчас… Фолова бездна… их души действительно возвращались! И под действием стремительно набирающей силу молитвы начали одна за другой устремляться обратно в тела!

Убрав линзы, я взглянул на убитых еще раз и вздрогнул, обнаружив, что одно из тел внезапно пошевелилось. Из круга жрецов тут же вышел служитель Фола и, опустившись перед уби… нет, уже перед тяжело раненым на колени, принялся читать молитву только для него одного.

Еще через мгновение стон раздался с другой стороны поляны. Затем еще и еще… после чего из круга начали по очереди выходить жрецы и спешили к другим моим коллегам. Я, правда, сперва не понял, почему к кому-то подходили светлые жрецы, а к кому-то темные. Как не понял, почему под действием обычной молитвы прямо на глазах стали затягиваться жуткие раны. Но потом все же догадался посмотреть на магов и жрецов через две линзы. Увидел, что тот темный, к которому подбежал служитель Фола, носил на лбу такую же метку, что имелась и на моем плече, а у светлого, к которому подошел служитель Рода, на коже горел знакомый круг, и вот тогда с моей души упал такой огромный камень, что просто не передать словами.

Отец Иол, честное слово, вы потрясающий человек! Более того, все наше Управление… все сыскари и люди герцога с этой ночи будут вам сильно обязаны! Это ж сколько камней вы выудили из секретного орденского хранилища?! И какой бой выдержали с коллегами, если в итоге руководство Ордена все же дало добро на раскрытие одной из своих многочисленных тайн?!

– Вернуть душу с темной стороны способен лишь жрец того бога, которому был посвящен убитый, – сообщил служитель Абоса, когда я выразительно на него посмотрел. – Не всегда, конечно, но сегодня особый случай.

Это уж точно!

– Насколько я знаю, есть и еще одно ограничение, – нейтральным тоном заметил я.

– Да. Убитый должен накануне получить благословение. Но почти все твои коллеги получили его ещё вчера, поэтому большинство из них оживут.

– А как насчет жрецов?

– Умруны сделали все, чтобы максимально повредить их тела, – помрачнел паренек. – Мои братья были их настоящей целью. Но мы знали на что шли. Так что гнева богов можно не

опасаться – это была добровольная жертва.

– Скольких вам не удалось поднять? – спросил я, следя за тем, как жрецы скользят по поляне и оказывают помощь пострадавшим.

– Служители Сола и Ремоса оставили этот мир. Из твоих коллег безвозвратно ушли всего четверо. Остальных мы успели спасти.

Я облегченно вздохнул: всего шестеро… не так уж много, если учесть, что мы едва не потеряли всех до одного.

– Да, Рэйш, – кивнул Эрроуз, когда я покосился в его сторону. – Я пару лет тому прошел посвящение Рейсу, если тебя это интересует.

– А герцог Искадо – Роду… но почему же тогда он едва не погиб?

– Умрун сорвал с него амулет, – неохотно сообщил служитель Абоса и взглядом указал на уже подсыхающую лужу крови, в которой едва угадывались очертания еще одного камушка. – Если бы вы ему не помогли, мастер Рэйш, то одной душой в чертогах Рода стало бы сегодня больше.

Сидящий на коленях Роберт сжал руку отца и беспрекословно подвинулся в сторону, когда один из жрецов… разумеется, служитель Рода… отделился от остальных и склонился над герцогом. Его источающие золотистый свет ладони ненадолго легли на лоб милорда Искадо. Затем сияние перетекло с рук жреца на тело герцога, заключив его в подобие кокона. И когда сияние угасло, на груди его сиятельства не осталось ран, а тяжелое беспамятство перешло а целительный сон, по окончании которого отец Роберта должен был проснуться здоровым.

– Тебе повезло с учителем, мальчик, – с улыбкой посмотрел на юного лорда жрец. – И ты хороший ученик. Теперь с твоим отцом все будет в порядке.

Мальчишка с достоинством поклонился, пряча от посторонних бешено горящие глаза, а затем снова уселся рядом с отцом и взял его за руку. Жрец Рода улыбнулся во второй раз, а затем повернулся ко мне и коротко наклонил голову.

– Закончи свою работу, брат. Как и твой враг, ты уже давно ходишь по краю, но нам было велено не мешать.

Эрроуз от таких заявлений впал в ступор. Я, если честно, тоже. А жрец отвернулся и ушел, оставив нас разбираться между собой. У меня, правда, опыт в общении со служителями храма уже был, поэтому в себя я пришел первым. А когда понял, что именно сейчас произошло, то мысленно обозвал жреца нехорошим словом и счел за лучшее провалиться на темную сторону, чтобы не отвечать на неудобные вопросы.

– Уходим на Седьмую, – бросил я невидимому Мэлу, когда Тьма окутала меня привычным холодком. – Надо проверить, сколько там уцелело народу.

– РЭЙШ! – во весь голос гаркнул Эрроуз, чересчур быстро оказавшийся рядом.

– Потом, – буркнул я, открыв тропу прямо у него перед носом. И нагло свалил, оставив покрывшегося инеем коллегу возмущенно хрипеть, сипеть, кашлять и давиться нехорошими словами, которые у меня не было ни малейшего желания выслушивать.

Глава 20

На Седьмой мы надолго не задержались – только заскочили на пару ударов сердца, убедились, что и там процесс воскрешения идет полным ходом. Успокоились за судьбу Илджа и Роша. Подсчитали безвозвратно ушедших, которых оказалось не так много, как можно было бы ожидать. Проверили окрестности, но убедились, что никто на оживающих магов не покушается, и только тогда разошлись в разные стороны.

Мэла я отправил к Роберту – проследить, чтобы мальчишка и его отец благополучно добрались до ГУССа. А сам помчался на Сенную, к Йену и остальным, прекрасно понимая, что ночь еще не закончилась.

Признаться, по возвращении я ожидал увидеть всякое. Того, что к этому времени вокруг сферы уже будут нарезать круги полчища моргулов и умрунов, приползут с ближайшего кладбища зомби, личи или объявится хотя бы один плохонький демон. Я спешил туда с мыслью, что, быть может, с ходу придется вступить в бой… Но совсем не ожидал, что на темной стороне Сенная улица меня встретит воистину гробовой тишиной.

Выбравшись с очередной тропы и не увидев над нужным домом сияния храмовой сферы, я недоверчиво замер. А затем двумя короткими прыжками добрался до крыши соседнего здания. Извиваясь на черепице, как червь на сковородке, подобрался к низенькому парапету. И, холодея от дурного предчувствия, выглянул наружу: на месте дома под номером два виднелось громадное пепелище. Огромное, выжженное дочерна пространство, где не осталось ни дома, ни остовов деревьев, ни даже каменной ограды, неподалеку от которой жрецы устанавливали один из трех артефактов.

Жрецы здесь тоже были… причем в гораздо большем количестве, чем на Седьмой или Сорок второй. И они все прибывали и прибывали, выныривая из темных закутков, а затем вставали в круг над разбросанными по пепелищу телами и один за другим начинали молитва.

Тьма…

Уже ни от кого не скрываясь, я слетел с крыши и переметнулся через дорогу, выбрасывая далеко вперед чувствительные щупальца из Тьмы. Но особняк и впрямь был пуст. А когда я бросился на нижний слой, из моей груди вырвался невольный стон: из подвала проклятого дома сочился совершенно неуместный на темной стороне свет. А над полупрозрачной крышей уже затихала громадная воронка, которую сегодня я был

готов увидеть где угодно, но только не здесь.

Фол… да что же это за рок?! И как такое вообще могло произойти, ведь я уничтожил всю нежить в пределах сферы, а отец Иол дал слово, что, помимо меня, никто через купол не войдет и не выйдет? Неужели нас действительно предали?! Но кто?! И, главное, как, если даже после гибели двух групп хотя бы одна во главе с подозрительным, недоверчивым и обожающим все контролировать Корном, а также с шестью жрецами вместо пяти, должна была уцелеть?!

Добравшись до пепелища, я вернулся на привычный слой и первым же делом снова проверил дом, однако там действительно никого не было. Ни темных магов, ни светлых, ни простых смертных. Ни амулетов, ни артефактов, ни чужих следов… от особняка вообще ничего не осталось, кроме двух обезглавленных трупов, обгоревших стен, искореженных непонятной силой балок и едкого привкуса горечи, к которому я оказался совершенно не готов.

Заметив, что на краю поляны теплится несколько аур, я бросился в ту сторону и, убедившись, что там действительно остался кто-то живой, с неимоверным облегчением выдохнул. Однако когда я вынырнул в реальный мир, с тревогой всматриваясь в чужие лица… когда услышал тягучую мелодию молитвы, творимой множеством голосов, и увидел горстку сгрудившихся у покореженной ограды людей, среди которых осталось всего несколько магов, у меня болезненно сжалось сердце. А из груди при виде распластанных на покрытой пеплом земле черно-белых ряс вырвался невольный вздох.

Фол… как же ты мог это допустить?!

От некогда сплоченного отряда численностью более пятидесяти человек в живых осталось всего дюжина. Из них на ногах держалась едва ли половина. Остальные кто лежал, кто сидел, безучастно глядя куда-то в сторону, и большинство выглядели так, словно вышли из тяжелейшего боя. Окровавленные, израненные, в драных лохмотьях, в которых с трудом можно было признать кожаные доспехи. Вся лужайка перед сгоревшим домом была усеяна растерзанными, разрубленными надвое, обезглавленными и настолько поврежденными огнем телами, что даже с камнями душ жрецы ничем не могли помочь: из множества высвободившихся душ на месте осталась лишь четверть. Тогда как остальные прямо на моих глазах одна за другой растворялись во Тьме.

Боже! Но как такое могло произойти?! И почему именно на Сенной безвозвратно погибших оказалось так много?! Неужто умруны учли свои прежние ошибки? Стали наносить не одну, а

сразу по несколько смертельных ран, стремясь максимально повредить тела, чтобы жрецы потом не смогли никого воскресить?

Но как сюда попала нежить, если я собственноручно уничтожил тех шестерых и дотла выжег единственную оставшуюся каверну?! Я не мог… не должен был никого пропустить! И мой огонь…

Я вдруг вспомнил вплавленную в пузо Палача пластинку, благодаря которой огонь так плохо на него подействовал, и похолодел.

Да нет… не может этого быть!

– Артур! – вдруг окликнули меня слабым голосом.

Я почти бегом бросился в ту сторону, обшаривая знакомые и полузнакомые лица. А затем наткнулся на лежащего на земле отца Иола, окруженного двумя светлыми и одним темным жрецами, и замер.

Увы. Больше из служителей храма не уцелел никто. Их изрубленные до неузнаваемости тела я уже видел. Как видел и то, что спешащие на помощь служители старательно обходят их стороной. Отец Иол тоже выглядел так, словно вот-вот собирался уйти за грань. Его черная ряса была щедро покрыта темными разводами и разорвана в нескольких местах, на губах при каждом вздохе пузырилась кровь. А на жутковато побелевшем лице живыми оставались только глаза – непроницаемо черные, подернутые мутной пленкой и неподвижно смотрящие куда-то мимо меня.

Чуть дальше, неестественно прижав к груди левую руку, на земле сидел измученный Тори. На его левой щеке едва-едва успели подсохнуть четыре уродливые раны от когтей. На виске набухала громадная шишка. Сам он был потрепан, грязен, но все же жив. И даже достаточно смел, чтобы второй рукой неловко гладить по плечу сидящую рядом, горестно и безнадежно всхлипывающую Лиз.

Живые… честное слово, при виде этих двоих у меня немного отлегло от сердца. Видимо, молодежи повезло чуть больше, чем тем, через чьи тела мне приходилось перешагивать. А вот Хокк, к сожалению, не повезло. Да, снова. Не зря девчонка так убивалась над ее неподвижным телом. Не зря едва не захлебывалась слезами и выла в голос: моя напарница уже не дышала. И ауры над ее телом не было. Больших ран, впрочем тоже. Амулет в кармане куртки, насколько я мог видеть, оказался разряжен. А за новым она, конечно же, не пошла. И даже камень души, если я не ошибаюсь, эта ненормальная не надела, потому что он наверняка вступил бы в конфликт с тем амулетом, который я ей дал.

Хокк… эх, Хокк… ну как ты могла так оплошать? Почему ты снова выбрала смерть, а не жизнь?! И почему рискнула остаться с Триш, прекрасно зная, что первый же поход на темную сторону ее попросту ослабит, а тебя гарантированно убьет?!

Я сжал челюсти и отвернулся от бездыханной напарницы. А потом увидел сидящего на коленях, сгорбившегося на телом Триш Йена, и тоска резанула по сердцу с новой силой.

Фолова бездна…

И эта, похоже, нарвалась. На груди девчонки зияла такая рана, словно оттуда сердце вырвали. Скорее всего, вместе с храмовым камнем. А без этого у нее не осталось ни единого шанса – не успевшая нырнуть во временное вместилище душа просто отлетела. Да. Похоже, что насовсем. Но резануло больше не это, а помертвевшее выражение на смертельно бледном лице друга. Его остановившийся, такой же помертвевший взгляд, на дне которого плескалось подступающее безумие. И некогда темные, а теперь абсолютно седые волосы, которые легонько трепал летний ветерок, словно пытаясь отвлечь Норриди от всецело поглотившего его отчаяния.

При виде убитого горем друга у меня перехватило дыхание. Совсем как тогда, когда я… тогда еще дурной и ничего не понимающий в жизни сопляк… увидел проклятую заметку в газете.

Прости, Йен…

И вы, девчонки, простите. Я не успел вам помочь. Не пришел. Не услышал. Хотя понятно, почему я не принял вашего зова. Монетка Хокк умерла в тот самый момент, когда магичка перестала дышать. А Йен… со смертью Триш ему, разумеется, стало не до меня. Он попросту сгорел. А вернее, уже остыл. Тогда как неосторожно призванная им Тьма медленно, но верно пожирала изнутри его душу, в которой больше не осталось ничего, кроме отчаяния.

С тяжелым сердцем отвернувшись от впавшего в магический транс, теперь уже одаренного… скорее всего, ненадолго… друга, я переступил через очередное тело, в котором с немалым трудом опознал знакомого мага Смерти из команды герцога, и опустился перед отцом Иолом на колени.

При моем приближении жрецы одновременно встрепенулись. Чудом не растерявшие заряд «камушки», которые двое из служителей держали в ладонях, едва не выстрелили в меня какой-то гадостью, но я не обратил на них внимания. Просто взял безвольную руку старика и тихонько ее сжал в надежде, что душа святого отца находится не так далеко, как мне показалось.

– Артур? – едва слышно повторил отец Иол и слепо зашарил

по округе второй рукой. – Это ты, брат?

– Я, святой отец. Что произошло?

– Мы не удержали сферу… не смогли… прости меня за твоих друзей…

– Как вы могли ее не удержать? – подавив рвущийся наружу рык, спросил я. – Кто нас предал?!

– Не злись, брат. Это не твоя вина, – едва слышно прошептал старик. – Это я не подумал. И я забыл…

– О чем?!

– Когда вы ушли, мы не смогли сразу закрыть щель в куполе, – тихо признался один из светлых жрецов. – Наверное, он ждал этого… наблюдал из-за засады и, как только представилась возможность, тут же атаковал.

– Он – это кто? – с трудом взял себя в руки я.

– Палач… – прошептал отец Иол. И после этих слов в моей душе снова, как когда-то давно, что-то умерло. Мне стало холодно. Так холодно, что земля вокруг стала стремительно покрываться инеем, а рванувшая наружу Тьма принялась укутывать слабеющего жреца плотным коконом, мешая душе покинуть израненное тело.

Значит, Палач был не один… я не хотел об этом думать. Я не проверил каверну перед уходом. Я просто мысли не допускал, что дух-служитель или любая другая нежить могут оказаться невосприимчивы к темному огню. К тому же, я был уверен, что убил эту тварь. Это не мог быть тот Палач, которого мы сожгли на Сорок второй. У него просто не хватило бы времени перебить магов тут, а затем явиться туда, чтобы попытаться устроить еще одну бойню!

Я опустил голову.

Дурак… болван… идиот самоуверенный! Стоило сразу подумать, что, раз убийца сумел вырастить и подчинил себе одну тварь, то ничто не мешало ему создать вторую! Имея опытный и отменно функционирующий образец он мог годами экспериментировать с материалом! Если уж он магию переходов столько времени пытался подчинить, то чем был хуже Палач? Или моргул? Или умруны, которых у него в подчинении тоже имелось немало?! Наверное, и вампиры были из той же серии! Его работа. Всегда только его. Одного-единственного, долгоживущего, до отвращения умного и весьма осмотрительного мага, который годами… десятилетиями продумывал свой непонятный план и сумел предугадать все наши действия. В том числе, вмешательство жрецов. Совокупные возможности магов сразу трех ведомств и даже силу воздействия жреческих артефактов, которые оказались вовсе не такими хорошими, как мы надеялись.

«Если бы я не ушел, они могли остаться в живых», – с тоской понял я, тяжелым взглядом окинув усеянное телами пепелище. – «Если бы я только проверил каверну, мы могли бы их спасти»…

«Если бы ты не ушел, то мог лежать здесь сейчас вместе с ними», – возразил слышащий мои мысли Мэл. – «Мальчик и остальные уже направляются в ГУСС. Держись, брат. Я скоро буду».

– Мы не сразу поняли, что произошло, – снова прошептал отец Иол, сжав мои похолодевшие пальцы. – Он напал лишь когда целостность купола была восстановлена. Напал с нижнего слоя. А потом стало поздно, и мне пришлось разбить артефакты, чтобы хоть как-то уравнять силы».

Я ненадолго прикрыл глаза.

Нет, святой отец. Не мог Палач проскользнуть с нижнего слоя через ту щель – для него она была слишком мала. А вот притаиться в глубокой каверне… выждать время, когда отбушует мой огонь… убедиться, что больше ему никто не помешает… на это он был вполне способен. Он не стал на меня нападать, то ли почувствовав что-то, а то ли получив приказ хозяина. Он не выдал себя, когда я убивал умрунов. Он терпеливо сидел в своей норе до тех пор, пока мои друзья не остались без защиты. И лишь убедившись, что меня нет рядом, он выбрался на свободу. А оказавшись в замкнутом пространстве, в котором маги не могли применять атакующие заклинания, и где не осталось никого, кто мог бы его заметить…

Тьма! Это была бойня. Палач, не встретив достойного сопротивления, порезвился вовсю. Кого-то беззастенчиво вспарывал секирами, оставаясь при этом недосягаемым для оружия и заклинаний. Кого-то рвал на части второй парой рук. Для ускорения, так сказать, процесса. Большинству просто снес головы. Кого сперва искалечил, а потом убил. И никто не смог ничего ему противопоставить. До тех пор, пока жрецы не очнулись от ступора и не приняли единственно-верное решение – выпустить храмовую магию из-под контроля и дать ей вступить в конфликт с магий обычных людей. В условиях, когда под куполом их методично вырезала почти бессмертная, неуязвимая и стремительно перемещающаяся в обоих мирах тварь, это был единственный способ ее остановить. Купол они бы все равно потеряли. Поэтому отец Иол решил рискнуть и попробовать остановить Палача до того, как он перебьет их всех.

Вероятно, ещё до того, как жрец уничтожил артефакт, одну из групп они все-таки потеряли, и часть сферы приоткрыло ту часть особняка, где можно было проводить ритуал. Прибывший на место темный маг, вероятно, понимал, насколько опасно такое

соседство, но обряд все же провел. В спешке. Быть может, даже с ошибками. А затем ушел, не став мешать жрецам устраивать запланированное самоубийство. После чего тут рвануло так, что не только сфера, даже добротно выстроенный, сложенный на века дом не выдержал магического удара. Неудивительно, что тут сгорели не только следы, но и часть растерзанных Палачом людей. Хороших людей. Правильных. Наверное, поэтому я до сих пор не увидел среди них тела Нельсона Корна?

Кстати, Палача среди мертвых тоже не было. Так что, полагаю, если его не разорвало на части магией артефактов, мы с ним ещё встретимся. И довольно скоро.

– Прости меня, брат, – из последних сил повторил отец Иол, измученно закрыв набрякшие веки. – Мы знали, на что шли, в отличие от твоих коллег. Я не успел их предупредить. Они погибли, считая, что умирают от удара в спину… Но гнева богов не будет, не волнуйся. Все мои братья отдали жизнь по доброй воле. Я скоро отвечу за свои грехи перед Фолом. Но мне будет легче, если хотя бы ты не станешь меня винить.

– Я не волнуюсь, святой отец, и не злюсь, – ровно ответил я, и в Тьма легла на мое лицо непроницаемой маской. – Вы действовали так, как было нужно, иначе мы потеряли бы всех. Вы не убили пять десятков людей, а сохранили жизнь тем, кому могли. Поэтому мы с вами вместе будем скорбеть по погибшим. Но не сегодня, святой отец. Пока ещё не время. А сейчас я должен сделать кое-что другое.

– У тебя еще есть время… – исступленно прошептал старик прежде, чем я поднялся и отошел в сторону. – Для завершения обряда необходимо ему принести жертвы всем богам… всем. Понимаешь?!

Я наклонил закрытую глухим шлемом голову.

– Я помню про тринадцатый знак, брат.

– Хорошо, – обмяк жрец. – Тогда ступай. И знай: времени на его поиски у тебя всего до полудня.

Я недобро прищурился.

Убийца снова сокращает сроки? Что ж, спасибо, святой отец. Учту.

Низко поклонившись едва дышащему старику, я в два шага добрался до измученно посмотревшему на меня Тори и знаком указал ему на сдавленно всхлипывающую, все ещё цепляющуюся за куртку Хокк Лизу.

– Вызови кеб. Обеспечь доставку уцелевших до ГУССа. Там сейчас относительно безопасно.

– М-мастер Рэйш… – подняла на меня заплаканные глаза Лиз и вздрогнула, обнаружив перед собой закованную в доспех

фигуру. – П-простите. Я не смогла ее уберечь. Она меня оттолкнула, когда пришел Палач. Ее амулет сгорел, отбросив его назад, но забрав при этом весь ее резерв! И у меня не получилось снова его наполнить. Простите!

– Вон, – сухо велел я, опустившись перед напарницей на одно колено. Сорвавшаяся с моих пальцев Тьма окутала ее тело плотным коконом. Недовольно зашепталась, с негодованием взвилась, поняв, что именно я заставляю ее делать. Но потом все-таки смирилась. И послушно впиталась в тело темной магини, свернувшись клубком в районе солнечного сплетения и принявшись размеренно пульсировать. Словно в такт биению чужого сердца, которому по всему правилам было положено больше никогда не завестись.

– Тьма, к тебе взываю, – шепнул я, надавив ладонью на грудь напарницы. – Ты же знаешь: ее душа привязана к моей. Если уйдет она, рано или поздно и меня с собой утянет. Неужто ты захочешь рисковать?

Кожу под шлемом обожгло, а закружившаяся вокруг нас Тьма негодующе взвыла. Громко, визгливо, словно у нее отбирали желанную добычу. Но то была не моя Тьма. Чужая, недобрая. Тогда как моя… вот она… сочится потихоньку в чужое тело. Ищет отлетевшую душу. Зовет. А затем с облегчением устремляется обратно, по пути пробудив пульсирующий внутри Хокк комочек. И бесследно растворяется в моей руке, совершив то, о чем я беззвучно ее попросил.

Мне, правда, показалось, что перед этим в затылок дохнуло знакомым холодком. Но Леди в белом ничего не сказала, когда я дерзко украл у нее душу. Просто прошла мимо. Из чего я заключил, что Хокк не так уж сильно была ей нужна, и молча поблагодарил свою давнюю знакомую за столь щедрый дар, за который с меня наверняка когда-нибудь спросят.

– Мастер Рэйш! – пораженно прошептала Лиз, когда Хокк дрогнула и сделала свой первый в новой жизни вздох. – Как вы….?!

– Кеб. Живо, – сухо напомнил я, поднимаясь. – Тори, отвечаешь за них головой.

– Так точно! – восторженно выдохнул Норн и судорожно зашарил по карманам в поисках переговорного амулета. Я тем временем добрался до безучастно сидящего друга и тронул его за плечо.

– Йен…

Норриди не ответил, продолжая крепко прижимать к груди тело Триш и размеренно раскачиваться вперед-назад.

– Йен, отдай ее мне.

– Зачем? – глухо спросил он, не поднимая взгляда. – Триш одна из немногих, кто не прошел посвящение никому из богов. А на секиры Палача она насадилась сама, когда поняла, что нужна ему живой.

– Ее раны смертельны, ты прав. Но смерть – еще не конец для темного мага. Отдай, Йен. Я попробую помочь.

Норриди медленно-медленно поднял голову и уставился на меня до боли знакомыми, выцветшими от горя глазами, в которых отражалась моя черная маска. Какое-то время молча ее изучал, больше ничему не удивляясь и ничего не боясь. А затем так же молча разжал руки и позволил мне забрать тело женщины, которая, как оказалось, не просто ему очень нравилась, а которую этот дурак успел полюбить больше жизни.

Молча кивнув, я подхватил ее на руки и ушел на темную сторону, прямо от дома создав тропу. В главном храме Алтира меня, разумеется, никто в это время не ждал. Почти все жрецы находились перед трижды проклятыми домами на улицах Седьмой, Сенной и Сорок второй, надеясь вернуть к жизни моих собратьев. А прихожан в такое позднее время не было. Хотя, в отличие от Верля, двери именно этого храма никогда не закрывались.

Смахнув рукой стоящие на алтаре ритуальные чаши, я уложил Триш у основания статуи Фола и, наплевав на обагрившие камень потеки крови, негромко сказал:

– Тебе жертвую, Фол. Если тебе нужны в пастве строптивые маги, то вот, смотри. Молодая, сильная, дерзкая… по-моему, отличный вариант. Не считаешь?

В храме, как мне показалось, потемнело. Но с телом, как ни странно, ничего не произошло. Ни кровь не исчезла, ни рана не заросла.

– Что тебя не устраивает? – хмуро осведомился я, поняв, что жертву не приняли.

– Сделка… – пророкотало в храме, а у возвышающего над алтарем бога недобро полыхнули глаза.

Я без раздумий кивнул.

– Сделка так сделка: ты возвращаешь ее к жизни, а я отказываюсь от условий нашего с тобой договора. Никаких вопросов от меня, никаких обязательств от тебя. Устроит?

– НЕТ.

– Хорошо. Как ты смотришь на то, что в обмен на ее жизнь я восстановлю тебе первохрам?

Фол задумался, но глаза у него стали чуточку менее злыми.

– У тебя есть время до полудня. Если не справишься, умрете вы оба, – наконец, проворчало из темноты, и полыхнувшие

раздражением глаза владыки ночи тут же погасли.

Я снова кивнул.

– Договорились.

После чего стащил алтаря по-прежнему бездыханное тело, нагло создал у постамента ещё одну тропу и, выбравшись из Тьмы на том же пепелище, откуда недавно пришел, сгрузил тяжеленькую магичку на руки Йену. Тот, едва взглянув на ее лицо, с которого волшебным образом исчезли грязь и кровь, неверяще замер. Затем уложил девчонку на землю, осторожно развернул изрезанную Палачом куртку. Недоверчиво дотронулся кончиками пальцев до гладкой кожи и поднял на меня горящий безумием взгляд.

– Арт…

– Если повезет, к полудню она снова будет дышать. А теперь поднимайся. Садись в кеб и не задавай дурацких вопросов. Тори, ты взывал экипаж?

– Да, мастер Рэйш! – звенящим от восторга голосом отрапортовал парень. Цепляющаяся за его плечо Лиз радостно шмыгнула носом, а жрецы, когда я повернул к ним голову, лишь коротко поклонились.

– Не потеряй свой свет, Артур Рэйш, – прошептал отец Иол, когда трое братьев с величайшей осторожностью подняли его и аккуратно понесли в сторону искореженных ворот. – Тьма есть Тьма. Она воистину вечна. Но это не значит, что в тебе нет ничего другого.

– Я запомню, святой отец, – оскалился под шлемом я, одновременно получив сигнал от Мэла, и снова открыл тропу на темную сторону. Времени Фол выделил нам совсем немного, но до следующего полудня так или иначе должно было что-то решиться. Так что со второй сделкой я не прогадал: если не выгорит, мне в любом случае придется сдохнуть, зато, если все правильно рассчитать…

– Мастер Рэйш! – в последний момент окликнула меня Лиз. Я неохотно обернулся. – А вы найдете господина Корна?

– Он что, ещё жив?!

– Палач забрал его с собой, – тихо призналась девчонка, и на ее глазах снова показались слезы. – Корн тоже не проходил посвящения, так что, если он сегодня умрет, это уже навсегда.

Глава 21

Поскольку времени нам Фол отмерил совсем немного, то глупостей делать я не стал и не помчался в город в попытках отыскать тринадцатый знак или место, где убийца намеревался принести в жертву последнюю пару магов. С учетом того, что на улице начинало светать, сделать это в одиночку было невозможно. Даже вдвоем с Мэлом мы не смогли бы охватить до полудня всю столицу. Тем более, не так давно он ее уже исследовал и никаких подозрительных строений не нашел.

Возникает вопрос: если не в столице, то тогда где это место? И почему ради того, чтобы скрыть его от нас, убийца решил забрать с собой отрубленные головы? Значит ли это, что место – довольно известное или часто посещаемое? Или же расположение знака на теле жертв могло подтолкнуть нас к правильному ответу?

Вернувшись в храм, я остановился перед алтарем Фола и, прикрыв глаза, молча к нему воззвал.

Давай, владыка… услышь меня снова. Ты ведь даешь своим служителям прозрения, если захочешь. Дай и мне. Всего раз, чтобы я хотя бы понял, в каком направлении двигаться. Я ведь не прошу о помощи, не требую сил или, упаси небо, каких-то привилегий. Все, что мне нужно, это намек. Знак. А все остальное я сделаю сам – ты ведь для этого меня привел меня в столицу, верно?

Фол по обыкновению не ответил. Но когда я вплотную подошел к алтарю и с досадой двинул по нему кулаком, мою руку пронзило холодом до самого локтя. А потом и в грудь стрельнуло, да так, что от боли помутилось в глазах.

За этот короткий миг перед внутренним взором, словно ураган, пронеслись видения всех наших жертв и домов, где они расставались с жизнью. Расцвеченная огоньками иллюзорная карта на стене в кабинете Корна. Те самые рисунки, на которых он в точности воспроизвел добытые Мэлом схемы. А затем в моей голове зазвучали голоса… но не требовательные и злые, как бывало раньше. Нет, это оказались просто воспоминания. Но настолько яркие и правдоподобные, что на какое-то время я попросту выпал из реального мира.

Я неожиданно вспомнил свой первый дом, в котором царили любовь и понимание. Беззаботное детство, бесшабашную юность и миллионы всевозможных соблазнов, которым я, самовлюбленный дурак, поддался, наверное, всем. Десятки женщин, которыми я нагло воспользовался. Сотни мужчин,

которых я без причины оскорбил. Тысячи сожалений, которые терзали меня за это годами. И один-единственный день, который с ног на голову перевернул мою прежнюю жизнь…

Я снова вспомнил номер «Столичного вестника», после прочтения которого былая жизнь навсегда разделилась на «до» и «после». Бескрайнее море горечи, которое утопило меня тогда с головой. Свою бессильную ярость. Тоску. Эхом отдавшийся в душе крик. И черную пелену безумия, которая стремительно и неумолимо заполоняла мой стремительно угасающий разум…

Я вспомнил учителя, с которым целых шесть лет прожил на крохотном островке посреди болота. Старый ворчун… на веки проклятый самим собой маг… наставник и друг, сумевший стать для меня вторым отцом… эх, как же мало я знал о тебе! И как много выяснил именно тогда, когда менять что-либо стало поздно!

Йен Норриди… мой старый друг. Слишком честный для королевского служащего. И слишком хороший напарник для такого отъявленного мерзавца, как я. Я помню все дела, которые мы раскрыли в Верле. Мастера Ниро. Свою почти что смерть и условия той самой сделки, которую по незнанию заключил с темным богом.

Еще я помню день, когда ты получил письмо о переводе в столицу. Совет жреца, заставивший меня последовать за тобой. Вмешательство Фола. Тот самый список. А также последовавшую за этим вереницу, казалось бы, не связанных между собой событий, которая в итоге привела меня сюда. В храм. К статуе могущественного бога, который сурово взирал на меня из темноты.

Я вспомнил каждую из убитых светлых магичек. Их неподвижные тела, которые собственноручно вытаскивал с чердаков. Окровавленные простыни, покрытый изморозью пол, вплавленные в него огрызки свечей и вытравленные во льду проклятые знаки…

Лотэйн… Тьма, как же много бед к нам пришло из Лотэйна! Те самые руны, магия, даже боги… хотя кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы однажды в Лотэйне не появился могущественный безумец, решивший открыть самые первые врата?

На древних рунах мой мысленный взгляд задержался надолго.

Как оказалось, осматривая места преступлений, я кое-чего не учел, и одна деталь ускользнула-таки от моего внимания. Однако сейчас, когда видения рун наложились на те схемы, которые я в свое время передал Корну, стала понятна одна интересная вещь.

Оказывается, по отношению к собственно особнякам, где произошли убийства, все столы на чердаках и в подвалах располагались одинаково. И жертвы лежали на них в идентичных позах: головой к двери, ногами к окну. Но если представить, как это происходило в масштабах карты… если черточками отметить на ней каждую из жертв… то получалось, что все они были немного смещены относительно друг друга. Да и сами дома, если внимательно посмотреть, совсем по чуть-чуть, но все же развернуты друг относительно друга по одной и той же оси.

В масштабах карты все эти черточки-жертвы выглядели, как спицы огромного колеса: отсутствующие головы у жертвы были повернуты друг к другу, а ноги – в сторону городских стен. А когда я провел мысленную линию от первой ко второй и далее до последней нашей жертвы… когда получил немного уродливую, но все же вполне угадываемую звезду… когда обнаружил, что, если продолжить чертить идущие от голов жертв линии, то все они сойдут в одной-единственной точке… я внезапно понял все. Ну, или почти все, кроме самых мелких деталей.

– Фол… – неверяще выдохнул я, так же внезапно вынырнув из воспоминаний и снова ощутив себя стоящим перед алтарем. – Тринадцатый знак! Проклятие… как же это было очевидно!

Ведь из всех зданий в Алтире Мэл не проверил всего два. Королевский дворец, куда даже бывшему Палачу не стоило заходить без приглашения, и… этот самый храм, где я однажды запретил ему появляться! То самое здание, схему которого когда-то набросал для меня в воздухе некстати исчезнувший отец Гон. И то самое место, где идеально сходились линии, мысленно прочерченные от разбросанных по старым особнякам алтарей.

Значит, последнее убийство должно произойти здесь? В храме? А вернее, в первохраме, раз уж мы заговорили о темном маге. Именно тут, ровно в полдень, по наступлении которого должны будут оборваться две последние жизни в этом сложном, продуманном и тщательно подготовленном ритуале.

Когда до меня дошла эта истина, сгустившаяся над статуей Фола Тьма беззвучно развеялась. Затем по полу храма прокатилась едва заметная дрожь. А ещё через пару мгновений мои стопы снова стали погружаться во Тьму. Медленно, но настойчиво. И так явно, что поданный богом знак трудно было не понять.

– Время, – едва слышно шепнула Тьма у меня за спиной. – Настало время выбирать, Артур Рэйш… ты помнишь, о чем мы с тобой говорили?

Я тряхнул головой, ни на миг не усомнившись, с кем именно разговариваю.

– Да. Я уже выбрал.

– Кого именно, если не секрет?

– Тебя.

– Да будет так, Артур, – тихонько рассмеялась Она, и на мои плечи легли две прохладные, обманчиво мягкие ладошки. – Теперь ты мой. Навеки.

Я молча кивнул. А затем окутался Тьмой и, послав сигнал Мэлу, отправился на темную сторону, впервые в жизни не только зная, но теперь ещё и кожей чувствуя, что по моим следам неслышно идет сама Смерть. На редкость терпеливая и в чем-то даже приятная Леди, которой я только что подарил свою душу.

* * *

Как ни удивительно, но добраться до первохрама мне никто не помешал. Ни живые, ни мертвые, ни боги, ни люди, ни даже демоны. Нижний слой Тьмы, как и всегда, выглядел заброшенным и пустынным, лишь терпеливо дожидавшийся меня Мэл несколько оживлял этот невеселый пейзаж.

«Я с тобой, брат», – спокойно сообщил он, когда мы встретились взглядами.

Я так же молча кивнул. После чего подошел к ближайшему входу в каверну и принялся так же неторопливо спускаться по каменной лестнице, совершенно точно зная, что набросивший зеркальный доспех Палач незримой тенью скользит следом.

Тот факт, что на нас до сих пор не напали, вызывал некоторое недоумение. А где же моргулы? Умруны? Где хотя бы одна высшая тварь, которая, по идее, должна охранять подступы к первохраму?

Правда, как только я спустился, по стенам каверны пробежала легкая дрожь. Я мельком покосился назад и едва заметно кивнул, обнаружив, что края каменной арки начали смыкаться. Причем не только над той лестницей, по которой шел я: все шесть входов-выходов начали неумолимо закрываться, и всего через удар сердца первохрам оказался полностью опечатан.

– Не стой на пороге, Артур, – внезапно раздалось негромкое из зала. – Я надеялся, что ты придешь, но все же рассчитывал, что у нас будет больше времени.

Я обвел гигантскую каверну спокойным взглядом.

Собственно, со вчерашнего дня здесь мало что изменилось. Те же грубовато обработанные стены, гладкий и воистину ледяной пол, на котором без специальной защиты было невозможно долго стоять. Сухой прохладный воздух, которым ради собственного

здоровья лучше было не дышать. И пять величественных статуй, подпирающих макушками бесконечно далекий, теряющийся во тьме потолок.

Впрочем, несколько отличий все же имелось. К примеру, зеркальная лужа из центра храма исчезла, а на ее месте появился приличный по размеру постамент, сложенный из черного базальта. И если учесть, что в дальнем углу больше не виднелась груда обломков, происхождение которых мне было непонятно, то думаю, что не ошибусь, если предположу, что именно из них мой враг сложил себе второй алтарь.

Он, кстати, не пустовал – на нем лежал закутанный в пеленки младенец. Вокруг него, насколько я мог видеть, были аккуратно разложены двенадцать полукруглых камней-артефактов. Причем, судя по тому, как пульсировала внутри них магия, наш враг побоялся вливать в ребенка полученную во время ритуала силу сразу. А как заботливый отец сперва собрал ее в испещренные рунами камушки, а теперь планировал закончить дело и одним махом перекачать их содержимое в сонного, вяло ворочающегося малыша.

Второй алтарь я тоже видел – Ал по обыкновению прикинулся «наковальней» и даже вида не подал, что заметил или обрадовался моему появлению. Его поверхность тоже не пустовала – там обнаружился Нельсон Корн собственной персоной. В сознании, что неудивительно. С заткнутым кляпом ртом. Плотно опутанный оковами из Тьмы. Ослабленный. Израненный. Но с абсолютно ясным взором, в котором при виде меня разгорелась слабая искорка надежды.

Кстати, на лбу у него был схематично нарисован кровью символ Фола – обращенный острием вниз стилет, вписанный в круг. Наверное, именно этого не хотел нам показывать убийца. Знаки богов… жреческие символы, которые непрозрачно намекали, кому именно планируют принести ту или иную жертву. Поэтому и голов мы ни разу не видели. Поэтому и не смогли вовремя понять, что к чему. А еще у шефа на животе лежал один интересный амулетик, покрытый лотэйнийскими рунами вдоль и поперек. Наверное, лишь благодаря ему холод нижнего слоя до сих пор не добрался до Корна. А еще, от амулетика к туловищу и конечностям мага тянулись тонкие жгуты, выполняющие роль пут. Так что, пока за жизнь Корна опасаться не следовало.

Кстати, а где вторая жертва? Помимо светлого мага, нужна еще темная магичка, разве нет? Не совсем понимаю, правда, почему для последнего обряда решили поменять жертв местами, но, наверное, это не столь принципиально? А может, так и задумывалось изначально… демон ее знает, эту магию переходов.

Не удивлюсь, если окажется, что тринадцатое убийство должно радикально отличаться от остальных.

Так. Но где же главное действующее лицо?

– Обернись, Артур, – посоветовали мне, и я снова посмотрел на черный алтарь, рядом с которым бесшумно возникла высокая фигура в рясе. На груди у нее болтался уже знакомый мне камень душ, а на шее виднелся пылающий Тьмой кожаный ремешок.

Ну, наконец-то. Не люблю долгих прелюдий.

– Долгих вам лет, святой отец, – насмешливо бросил я, без труда узнав собеседника.

– Ты не удивлен, – тихо сказал отец Гон, когда я приветливо ему кивнул. – И даже не расстроен.

– А вы, святой отец, не больно-то обрадованы, – не остался в долгу я.

По губам служителя Фола скользнула грустная улыбка, а в глазах на мгновение промелькнуло нечто такое, что заставило подобраться. Чуткая к моему настроению Тьма тут же прильнула к коже уже привычным доспехом, но настоятель главного храма страны этому не удивился. А затем странное выражение в его глазах исчезло, он словно встряхнулся, опомнился и совершенно спокойно сказал:

– Я смотрю, ты стал сильнее, брат.

– Вы, вероятно, тоже. Помнится, когда-то вы утверждали, что вам нет ходу на нижний уровень.

– Все меняется, Артур, – так же невесело отозвался настоятель и, подняв руку, ненадолго коснулся ремешка на шее. – Как видишь, нашелся способ преодолеть границу. Благодаря ему, я могу навещать темную сторону в любое время и в любом месте.

– Кто же это вас так облагодетельствовал? – полюбопытствовал я. – Неужели Фол в кои-то веки решился на прямое вмешательство? Или кто-то из Ордена рискнул нарушить строгие правила?

– И то, и другое, Артур. Ты, как всегда, правильно мыслишь. Но надеюсь, у тебя хватит мудрости мне не мешать.

Я скептически поджал губы.

– Не знаю, не знаю, святой отец… соблазн так велик. Разве что вы отвлечете меня какой-нибудь душераздирающей историей?

– Если не возражаешь, я могу попробовать тебя развлечь, – вдруг насмешливо хмыкнул еще один голос, и рядом с отцом Гоном возникла вторая фигура. Чуть пониже. Но тоже обритая наголо. В точно такой же рясе, только подпоясанной не цепочкой, а обычной веревкой. И со смело открытым лицом, при виде которого я едва не рассмеялся.

Хвала Фолу. Вот теперь все наконец-то встало на свои места.

– Отец Лотий… да уж, действительно сюрприз!

– Здравствуй, Артур, – мягко улыбнулся верльский жрец и, приблизившись к отцу-настоятелю, положил руку ему на плечо. – Я ведь говорил, что поддерживаю связь со столицей. Забыл только добавить, что эта связь несколько крепче, дольше и теснее, чем выглядит на первый взгляд.

– Старый друг и коллега… – припомнил я слова отца-настоятеля. – Но, наверное, не только это? Полагаю, правильнее было бы назвать вас не просто другом, но и наставником? Не так ли, брат Гон?

На губах отца-настоятеля промелькнула еще одна странная улыбка.

– Всех нас кто-то воспитывал, Артур. Растил, учил, выводил в люди… некоторым из нас учитель даже жизнь спас. Тебе ведь это знакомо?

Я демонстративно обвел взглядом готовую к ритуалу каверну.

– Так вы поэтому решили его поддержать?

– А разве я мог его предать?

– И то правда, – с легкостью согласился я и огляделся снова, на этот раз уделив внимание незаконченной статуе Фола, до которой ни у кого из нас не дошли руки. – С алтарем, я гляжу, у вас получилось наладить отношения. А владыку ночи-то зачем обидели?

– Его вместилище терпит, – непререкаемым тоном сообщил отец Лотий и вплотную приблизился к алтарю с ребенком. – Для нас сейчас важнее другое.

– Мальчик? – со знанием дела поинтересовался я, не делая попыток сдвинуться с места.

Отец Лотий всмотрелся в сморщенное детское личико и удовлетворенно кивнул.

– Будущий жнец. Сильнейший из всех. И бесконечно мне благодарный как за обретенную силу, так и за жизнь, которую я ему подарил. Эх, если бы дурак Ольерди не поторопил события… если бы твоя мать могла выносить тебя как положено…. тогда все прошло бы намного проще и совсем безболезненно для тебя, малыш. Но ничего. Мы и так неплохо справились, да? Сейчас для завершения ритуала не хватает всего пары деталей, так что, Рэйш, прежде чем начать, я должен тебя спросить…

– О чем?

– Не желаешь ли к нам присоединиться? – поднял голову жрец и очень внимательно на меня посмотрел. – Хороших темных магов мало. Толковых и вовсе единицы…

– Где вы видите здесь магов? – удивился я, демонстративно

покосившись на отца-настоятеля. И вот тогда отец Лотий усмехнулся.

– Одного мы скоро создадим, вторым станешь ты… а третий и так перед тобой.

Темный жрец повел плечами, и тесно облепившая его фигуру ряса неожиданно распахнулась, став похожей на громадные черные крылья. Раскрывшись на всю ширину, они заслонили собой почти половину гигантского зала, нависли тяжелой тучей над алтарем и пригнувшим голову настоятелем. Затем от них во все стороны брызнула Тьма – такая же живая, как моя, только намного более густая и сочная. Агрессивно оскалившись, она черным коршуном спикировала вниз, словно вознамерилась меня опрокинуть, и яростно зашипела, когда попыталась меня коснуться, но получила в ответ вспышку темного огня.

– Так зачем вам понадобились маги? – демонстративно стряхнув с себя пепел, осведомился я. Отец Лотий широко улыбнулся, и Тьма с недовольным ворчанием отступила, втянувшись обратно в его тело.

– Я расскажу. Но сперва дождемся последних участников – без них ритуал получится неполным, а мне бы не хотелось потом его повторять.

Я вопросительно приподнял брови, когда по стенам каверны прокатилась ещё одна волна дрожи. И настороженно обернулся, заметив, что один из ходов снова распахнулся. Мысленно сплюнул, обнаружив, что сквозь него с неимоверной скоростью проскользнули две стремительные тени. На всякий случай сделал несколько шагов в сторону, оказавшись неподалеку от черного алтаря. После чего проход опять сомкнулся, над Алом молча выросли две четырехрукие, безглазые и вооруженные одинаковыми костяными секирами твари. А рядом с отчаянно замычавшим Корном на «наковальню» легло еще одно тело. Такое же беспомощное, неистово бьющееся в коконе из какой-то гадости вроде паутины… правда, тело оказалось не женским, как я ожидал, а детским. Но Фол меня забери… ученик… какого демона ты делал за пределами ГУССа? И как вообще позволил нежити к себе прикоснуться? Я разве этому тебя учил?!

– М-мастер Рэйш?! – беззвучно шевельнулись губы Роберта Искадо, когда он заметил мой взгляд и растерянно вздрогнул.

Я задержал на мгновение взгляд на лбу мальчишки, где уже красовался такой же символ, как у Корна, и с невозмутимым видом отвернулся.

«Лежи смирно. И задержи дыхание, когда я скажу».

«Я… я вас слышу!», – беззвучно охнул мой упрямый, излишне самоуверенный, но все же местами толковый ученик. Однако

послушался: замер. И даже не лягнул принесшего его Палача, когда тот довольно бережно уложил его на алтарь.

– Вот теперь действительно все, – хмыкнул отец Лотий, когда оба Палача выпрямились, занесли над беспомощными жертвами секиры, лезвия которых нацелили точно в грудь, и снова застыли в ожидании приказа. – Сейчас мы отпустим на волю последние две души, и после этого поговорим. Ты согласен, Рэйш?

Я спокойно встретил испытующий взгляд своего врага и так же спокойно кивнул. А как только он потянулся ладонью к лежащему на алтаре амулету, молча призвал секиру и прыгнул.

Да, я согласен поговорить. Но на том языке, который знаком мне лучше всего. И лишь после того, как один из нас умрет.

«Бой!»

Глава 22

В следующие пару мгновений практически одновременно произошло сразу несколько важных событий.

Оттолкнувшись от пола, я перелетел через алтарь и смачно зарядил локтем в челюсть отцу-настоятелю…

Отец Лотий чудом ушел от удара моей секиры и, прошипев что-то неразборчивое, хлопнул ладонью по ближайшему амулету, заставив его вспыхнуть…

От потолка отделилась полупрозрачная тень и стремглав метнулась в сторону второго алтаря…

Замершие возле него Палачи одновременно очнулись от спячки и неуловимо быстрым движением бросили секиры вниз…

Отец Гон с глухим стоном отлетел к стене и с хрустом впечатался в нее всем телом…

На черном алтаре следом за первым один за другим начали разгораться амулеты, до отказа заполненные ворованной силой…

Ал наконец-то очнулся от спячки, его поверхность размякла, с приглушенным бульканьем утянув в серебристую жижу Корна и Роберта. Буквально за миг до того, как их тела пронзили костяные секиры…

Я с руганью приземлился и, перекатившись по полу, снова вскочил, направив секиры на торопливо режущего собственное запястье отца Лотия…

Скользнувшая по потолку тень бесшумно упала за спинами качнувшихся от неожиданности Палачей…

Еще один удар. Маг отшатнулся. Но в стороны все же брызнула кровавая россыпь, оросив алтарь и сморщенное личико сына леди Ирэн Ольерди…

Четыре костяных лезвия в силой вошли в серебристую жижу, уйдя туда до самого основания. В этот же момент откуда-то снизу из-под алтаря выкатился невредимый, уже без пут, с ног до головы окутанный Тьмой и остатками жижи мальчишка с огромными неверящими глазами…

Отец Гон закатил глаза и начал медленно сползать по стене, оставляя после себя широкую кровавую полосу…

Поверхность «наковальни» снова превратилась в камень, намертво запечатав лапы не успевших отшатнуться Палачей…

Следом за Робертом из алтаря с приглушенным стоном рухнул на пол такой же невредимый, но все еще опутанный черными нитями Корн…

На втором алтаре в голос заревел испугавшийся внезапного светопреставления младенец…

Тень за спинами Палачей рывком припала к ледяному полу и, проехавшись по нему на пузе, как по катку, двумя точными ударами вонзила в брюхо служителей два лезвия. С хрустом их провернула. А затем таким же рывком выдернула обратно, заодно вырезав из паучьих тел вплавленные прямо в кожу золотые пластинки…

Метнувшись вперед, я вынудил отца Лотия оторваться от истошно вопящего младенца и отступить к стене, одновременно окутываясь Тьмой от макушки до пяток…

Роберт, диковато оглядевшись, заметил беспомощных Палачей…

Вовремя убравшийся из-под чужих лап Мэл снова занес секиры, торопливо подрубая ноги тварям, мешая им освободиться…

Доспех на отце Лотии стал цельным, как у меня, а Тьма за его спиной снова развернулась, хлестко ударив по стенам храма и едва не угробив потерявшего сознания отца-настоятеля…

Ал снова ожил, выпустив из «наковальни» две серебристые плети, захлестнул ими шеи обоих Палачей и не без усилия пригнул их книзу…

Корн захрипел и с усилием перевернулся на бок, налитыми кровью глазами уставившись на бушующую в центре зала бурю, центром которой оказался ни в чем не повинный малыш…

Я провел сразу три непрерывных атаки и с удивлением обнаружил, что мне противостоит не менее опытный и намного более умелый противник, решивший вооружиться не секирами, а весьма приличным по размерами двуручником, которым орудовал воистину мастерски…

Мэл, наконец, дорубил, многочисленные лапы и с довольным урчанием отступил, отбросив подальше вырезанные из Палачей амулеты…

Круг из амулетов вокруг сына Дертиса загорелся уже весь, и от него потянулись вверх вертикальные, ярко светящиеся колонны…

Роберт при виде обездвиженных монстров хищно усмехнулся…

Корн при виде его объятых темным пламенем рук глухо застонал…

Я же, следя за происходящим в зале краешком глаза, приготовился к новой атаке. Однако мой враг неожиданно решил сменить тактику. И вместо того, чтобы продолжить бой, вдруг отпрыгнул в сторону. После чего меч в его руках растаял, закрывавший тело доспех тоже принялся стремительно исчезать. Мелькнувшая под ним обнаженная кожа без видимых причин

вдруг начала сереть, чернеть и покрываться огромными струпьями. После чего без предупреждения начала отваливаться от тела кусками, вместе с мышцами, связками… плоть бывшего жреца разваливалась прямо на глазах! То ли сгнивая, то ли истлевая под действием непонятной магии. И прежде, чем я успел отреагировать, вместо цветущего, находящегося в расцвете зрелости и сил мужчины передо мной оказался изуродованный до неузнаваемости полутруп. Затем – оставшийся без плоти скелет, вокруг которого вилась вырвавшаяся на свободу Тьма. А еще через миг он с хрустом рассыпался и обратился в горстку праха, которую Тьма мстительно швырнула мне в лицо.

Инстинктивно отшатнувшись, я дернул рукой, прикрывая глаза, но вовремя сообразил, что при наличии шлема это необязательно. И, пожалуй, только поэтому успел увидеть, как оставшаяся на месте жреца Тьма, больше похожая на уродливую птицу, с оглушительным криком взвилась под самый потолок. И, раскинув крылья, с огромной скоростью спикировала вниз. Но не ко мне, как показалось сначала. А к крошечному, окруженному двенадцатью столбами света из раскалившихся до красноты амулетов малышу.

А еще в него до сих пор продолжала толчками вливаться источаемая амулетами сила. Чистая, не замутненная ни Светом, ни Тьмой. Прямо-таки готовое вместилище для одного безжалостного темного мага с насквозь пропитанной гнилью душой.

Всего мгновение мне понадобилось, чтобы сообразить, зачем и почему Лотию понадобился именно этот мальчишка. И почему ритуал слияния было решено провести именно здесь, в тщательно скрытом от посторонних глаз первохраме, где ни один жрец или маг не мог этому помешать.

Уже в прыжке я успел и сочно выматериться, и даже восхититься красотой великолепного во всех смыслах замысла. А затем обрушившийся из-под потолка черный вал накрыл алтарь целиком, и тут уж стало не до размышлений.

Истошный крик малыша был почти не слышен за воем бушующей над ним твари. Сотканная из Тьмы, бесконечно меняющая очертания душа больше не принадлежала человеку. Тварь… да. Теперь это была самая обычная тварь. Вечно голодная. Жадная до тепла и крови. Быть может, именно так на свет рождаются демоны? А может, и другая высшая нежить? Надо будет спросить потом у жрецов.

– А ну, стоять! – я цапнул подвернувшееся под руки крыло и с силой дернул на себя. – Не лезь к мальцу, сволочь!

Тварь стремительно обернулась. Огромная, бесформенная

голова уставилась на меня тяжелыми немигающим взором. Глаз как таковых у нее не имелось, но именно взгляд я почувствовал очень хорошо. Тьма… что же за чудовище умудрилось родиться в твоих бесконечных недрах? Сколько лет или веков в ней в нем созревала эта сила? И сколько же душ он успел поглотить прежде, чем этот нарыв сумел прорваться?

Ухмыльнувшись твари в глаза, я перехватил ее крыло… ах нет, кажется, это все-таки хвост… поудобнее и ещё одним рывком стащил ее с алтаря. Тяжелая, зараза. Толстая. Липкая. Прямо держу и чувствую, как пропитываются этой грязью перчатки, и как медленно, но верно черная слизь старается разъесть мой доспех.

– Зря… – прошептала тварь, одним движением вырвав хвост и свив его в кольцо, подобно огромной змеюке. – Зря, Рэйш… мы с тобой в разных весовых категориях.

Я демонстративно поплевал на ладони.

– Ничего. Сейчас я тебя укорочу на голову, и в весе мы быстро сравняемся.

В том месте, где у твари находилась голова, прорисовалось некое подобие лица, а мясистые губы растянулись в ухмылке. За ними мелькнули треугольные зубы. Змеиные глаза опасно прищурились. Свитый кольцом хвост напружинился, и тварь наконец прыгнула. Вернее, всем телом обрушилась на то место, где я только что стоял. При этом она умудрилась проломить собой не только пол, но и все, что было ниже. Всей массой обрушилась на границу миров и одним-единственным ударом прорвала ее до следующего слоя.

Признаться, такой подлянки я не ожидал. А когда сообразил, что в таком виде конкретно эта душа способна не только ускользнуть на более глубокие слои Тьмы, но и в любой момент напасть снова, то без раздумий нырнул за ней следом. И в самый последний момент успел намертво вцепиться в бешено извивающийся хвост, вонзив туда пальцы… точнее, уже когти… до самого основания.

Раздавшийся во Тьме яростный крик был воистину оглушительным. Но, к счастью, набравшая толщин и вес броня частично его погасила. Моя Тьма заботилась обо мне и не хотела, чтобы на такой глубине я обледенел или же меня банально расплющило. Конечно, больше пяти слоев наращивать было опасно – это ограничивало меня в подвижности, но Тьма оказалась мудра. И, оставив ровно ту толщину, которую я мог спокойно нести на плечах, благоразумно остановилась, предоставив мне самому решать возникшую проблему.

А проблема была серьезной. Огромная змеюка к этому

времени уже успела обвиться вокруг меня и с бешеной скоростью царапала когтями доспех в надежде, что в нем найдется хотя бы одна брешь. Огромные зубы то и дело щелкали в опасной близости от моего лица. Стальные тиски мешали двигаться, сковывали движения, и, если бы не выросшие на доспехе шипы, мне бы точно не поздоровилось. Однако именно благодаря им обвившиеся вокруг меня толстые кольца не могли сомкнуться полностью, а беспрестанно клацающая пасть так и не сумела до меня дотянуться.

Болтаясь на теле твари огромной пиявкой, я проклинал все на свете, цепко держась за нее одной рукой, а секирой, которую выхватил второй, безостановочно кромсал ее неподатливое тело. Получалось, правда, не очень – тварь оказалась бронированной получше любого Палача, да ещё и живучей до отвращения. Все, что я успевал поранить, мгновенно восстанавливалось. А сил на это у нее уходило так мало, что я мог до посинения так развлекаться, не боясь причинить какой-либо урон.

Впрочем, оно, наверное, и правильно: я же сражался не с человеком, а всего лишь с духом. Озлобленным, древним, могущественным, но все же с неживым. А с неживого какой спрос? Недаром мое оружие на него почти не действовало. Моя Тьма и моя воля против чужой воли и чужой Тьмы… в этом мы, пожалуй, были равны. Поэтому как два взбесившихся зверя барахтались на глубине, напрочь позабыв обо всем на свете и всецело сосредоточившись друг на друге.

Долго это, разумеется, продолжаться не могло. И как только до твари дошло, что она мешает сама себе, ее тело неуловимо изменилось. Если раньше оно было вполне материальным, то теперь лезвие вязло в ее теле, как в патоке, в то время как ее когти все глубже и глубже вонзались в мою многослойную броню.

Сдавленно ругнувшись, я попытался вывернуться из громадной лапы, но в вязкой, сдавливающей со всех сторон Тьме сделать это было непросто. Почуявшая силу тварь заработала лапами с удвоенной силой, сжала кольца так, что буквально насадилась на мои шипы, напряглась, и вот тогда доспех все же не выдержал. Треснул. Сперва на груди. Затем трещинки поползли и по ногам. А ещё через пару мгновений яростной борьбы меня в первый раз прошила боль в спине… похоже, тварь все же добралась до последнего слоя и сумела пробить когтем. После чего вырастила на хвосте шип и принялась раз за разом всаживать его в мою спину, с каждым ударом протискиваясь все дальше и все глубже вонзая в образовавшуюся щель до отвращения длинную иглу.

Усилием воли погасив боль, я сплюнул выступившую на губах

кровь, но было ясно, что этот бой мне уже не выиграть. Все, что мне оставалось, это вяло барахтаться, продолжать изображать сопротивление и старательно тянуть время, пока упивающаяся триумфом тварь радостно выла, драла когтями искореженный доспех и с достойным уважения упорством вонзала в него окровавленный шип.

Того, что мы неумолимо погружаемся в бездну, она не замечала: предвкушение победы было слишком велико. Она увлеклась. Заигралась. И продолжала рвать истерзанную броню когда глубина стала настолько большой, что даже могущественной нежити было проблематично оттуда выбраться.

Лишь услышав раздавшийся из-под шлема тихий смешок, она ненадолго остановилась. На всякий случай сжала меня когтями сильнее. Пытливо заглянула в забрало. Но услышала лишь хриплый смех и тогда заметила, что нас обоих начал стремительно покрывать обманчиво тонкий ледок. Причем, если на моем черном доспехе он всего лишь казался неуместным, то на ее изменчивом теле Тьма отразилась иначе – оно прямо на глазах утрачивало гибкость, перестало быть изменчивым. Оно с каждым ударом сердца становилось все материальнее и, соответственно, тяжелее. И все быстрее увлекало нас обоих на глубину. Туда, где ни живым, ни мертвым было не место. И где испокон веков обитали такие монстры, для которых даже он… мой враг… был бы на один кутний зуб.

Осознав угрозу, змеюка обеспокоенно каркнула и, оттолкнув меня, поспешила всплыть. Но не тут-то было – нанизавшись на мои шипы, она даже не заметила, что я уже давно расщепил их концы, превратив в настоящие крючья. Так что, даже оставив на них обрывки своей поганой души, змеюка не смогла освободиться. А когда поняла наконец, что именно я сделал, истерично забилась и завыла так, что заглушила даже мой набирающий силу смех.

– Ты умрешь… – задыхаясь, выплюнула она, когда стало ясно, что вырваться не удастся.

Я снова сплюнул набегающую кровь.

– Когда-нибудь.

– Отпусти… оно того не стоит, Рэйш… – взмолилась тварь, когда ее окончательно сковало.

Я только усмехнулся окровавленными губами. А затем втянул шипы, с трудом, но все оттолкнул от себя обледеневшую, стремительно обрастающую сверкающими кристалликами статую, и хрипло выдохнул, вырвав из спины такой же обледеневший шип, который рассыпался прямо у меня в руках.

– Для кого как… Ал! Забери меня отсюда, тут же околеть…

можно!

Змеюка, медленно, как игрушка на веревочке, провернулась вокруг своей оси и сдавленно захрипела, когда на поверхности изуродованного доспеха стали появляться сперва крохотные, стремительно разрастающиеся серебристые кляксы. Довольно быстро они расползлись по моему телу, заботливо закрыли раны, растворили остатки брони и создали вместо нее совершенно новый доспех. Зеркальный. Прочный. Не чета тому, что был. Одновременно с этим его тепло бальзамом согрело мои замерзшие суставы. Вдохнули новую жизнь в почти обессилевшее тело. А когда я почувствовал, что снова могу двигаться, и начал торопливо всплывать, по темной стороне пронесся полный ярости и бессильной злобы вой:

– РЭ-Э-Э-Э-ЭЙШ…

– Счастливо оставаться, – пробормотал я. – Спасибо, Ал. Если бы ты вылез раньше, мне бы не удалось его утопить.

«Сочтемся», – шепнул в моей голове довольный голос. – «Только не забудь: на верхних слоях я не смогу тебе помочь».

«Другие помогут… Мэл! Откликнись, брат! Ты мне скоро понадобишься!»…

Всплывать на этот раз оказалось тяжелее, чем когда я купался тут на пару с Поводырем. Бок уже не болел, но рана есть рана, да и крови я потерял прилично. Ноги действовали плохо. Похоже, змеюка и там успела что-то повредить. Так что подниматься наверх приходилось лишь с помощью рук, а это было намного сложнее.

К тому же, Ал, как и обещал, снова начал тяжелеть. Он, правда, молодец – до последнего не вмешивался, как мы и договорились когда-то. Но на такой глубине он снова перешел в меня полностью, так что, если наверху нас не встретят, мне грозило отправиться вслед за отцом Лотием. А этого бы не хотелось.

Наконец, еще одна вещь, которая меня беспокоила, это то, что своим появлением мы наверняка растревожили местных обитателей. Сквозь шлем я почти не видел, но прямо-таки кожей ощущал, как вокруг меня потихоньку стягиваются любопытные. В глубоких водах кто только не водится… акулы, касатки, гигантские кальмары и осьминоги… и каждых был не прочь закусить проплывающим мимо мальком.

Внезапно перед моим носом вынырнула чья-то страшная морда, и я от неожиданности со всей силы зарядил ей в пятак. Попасть не попал, но морда тут же исчезла. А ещё через миг какая-то сволочь схватила меня за ноги и с огромной силу дернула… правда, почему-то не вниз, а вверх. К свету. К жизни.

Зато так шустро, что я только выругаться успел, как собравшиеся вокруг моей особы тени испуганно брызнули в стороны. Еще через некоторое время меня буквально потащило наверх с ужасающей скоростью. А когда тяжесть зеркального доспеха стала практически непереносимой, попросту вышвырнуло на соседний слой, где в предплечья вцепились уже знакомые, теплые и определенно человеческие руки.

– Мастер Рэйш! – с облегчением воскликнул Роберт, когда я тяжелой колодой вывалился в первохраме и во второй раз подряд с размаху хряпнулся лицом об пол.

– Да Фола тебе в душу… АЛ!

«Прости», – смущенно отозвался тот же самый голос. – «Немного не рассчитал».

– Немного?! – прохрипел я, когда доспех обратился в серебристую жижу и с веселым журчанием стек вниз, оставив меня лежать в отвратительно теплой луже. – ЭТО ты называешь «немного»?!

«С возвращением, брат», – на удивление тепло поприветствовал меня Мэл, а затем сильные руки помогли перевернуться. – «Тебе к целителям бы надо. У тебя на спине большая дыра».

– У меня в спине не одна, а тридцать три дырки, – проворчал я, кое-как принимая вертикальное положение, и мельком оглядел дымящийся зал.

Так. Ученик живой. Корн вроде тоже. Путы на нем кто-то уже успел снять, но выглядел он, прямо скажем, не очень. Да и на меня таращился слишком уж подозрительно.

Что с отцом-настоятелем?

Хм. Как ни странно, тоже живой, хотя и без сознания. А вот опутывать его коконом из Тьмы не стоило. Неровен час, задохнется. А он мне еще живым нужен.

Что с Мэлом? Ага. Все ещё под невидимостью, хотя не особенно старается скрывать свое присутствие. У Корна, небось, скоро косоглазие разовьется в попытках понять, кто это стоит у меня за спиной, и почему я вопреки всем законам природы до сих не испустил дух.

Оба его «собрата» неопасны. Да и что может быть опасного в двух кучках ещё дымящегося праха? Ну а младенец вообще не пострадал. Только напугался очень, поэтому все ещё надрывался от крика, по-прежнему окруженный светящимся кольцом из дурацких амулетов.

– Мы не смогли его оттуда забрать, – виновато шмыгнул носом Роберт, перехватив мой выразительный взгляд. – Свет уж больно жжется.

А потом тихонько добавил:

– Даже Мэл не сумел туда войти.

– Твоя работа? – кивнул я в сторону останков Палачей.

Мальчишка смущенно кивнул.

– Молодец. Жреца, я так полагаю, ты для меня приберег?

– Конечно. Мы же ещё не все узнали.

– Совсем хорошо, – пробормотал я и, оперевшись на руку брата, осторожно поднялся. – Так… ноги держат. А вот почку этот урод из меня, похоже, вырвал. Ал, захребетник. Когда ты спину мне починишь?! И не говори, что не умеешь. Столько лет силу копить и не суметь подлатать одного-единственного мага, который помог тебе возродиться?! Не верю!

Растекшаяся под моими ногами лужа проворно собралась в человекоподобную фигуру и приложила ладонь к моей несчастной пояснице.

«Заплатка временная», – прошелестел в моей голове все тот же голос. Видимо, Ал и впрямь восстановился если не полностью, то близко к этому. – «Когда закончишь с храмом, надо будет обратиться к целителям».

Я только отмахнулся. После чего на пробу поднял одну ногу, вторую, прошелся по храму. Нашел свое состояние вполне приемлемым. Перехватил напряженный взгляд от стоящего поодаль Корна, у которого, полагаю, уже голова была готова взорваться от вопросов. Затем отвернулся, собрался было заняться младенцем и… пошатнулся от неожиданности, когда Роберт вдруг порывисто меня обнял.

– Я так за вас испугался, учитель… простите!

– За что? – насторожился я.

Мальчишка виновато посмотрел на меня снизу вверх и тихо-тихо признался:

– Я отправил за вами моргула.

– Ты что сделал?! – опешил я и с опозданием понял, что за тень именно так своевременно доставила меня на верхние уровни. – Так, ладно. О подробностях я позже спрошу.

– Я читал, что высшие могут спускаться достаточно глубоко во Тьму, – шепотом сообщил ученик. – И подумал, что если тот жрец ушел на самый низ, то кто-то должен будет помочь вам выбраться. Нападать на живых я ему запретил, а про мертвых вы сами сказали, что чистые души на темной стороне не встречаются. Вы его теперь не убьете, мастер Рэйш?

Я молча погладил взъерошенную макушку.

– Нет, ученик. Но позже мы с тобой об этом поговорим.

Роберт успокоенно отстранился. А я, сделав очередную зарубку в памяти по поводу способностей пацана, подошел к

окутанному нездоровым сиянием алтарю и, не задумываясь, шагнул в бушующее вокруг ребенка море бесхозной силы.

Роберт не обманул – света в ней действительно было много. И, пожалуй, если бы не так давно я не испытал нечто подобного, то мог бы и не захотеть туда окунуться. Побывать в эпицентре чистой, даже, можно сказать, чистейшей энергии – это, скажу я вам, малоприятное ощущение. Свет и Тьма… огонь и лед… боль и смех… горечь и радость былых воспоминаний…

Честное слово, у меня вся душа наизнанку вывернулась, пока я делал один-единственный, но кажущийся бесконечным шаг до алтаря. В ней все смешалось и перепуталось, пока я протягивал руки и забирал закутанного в пеленки младенца. Все перевернулось. Все вытряхнулось, а затем снова собралось воедино. При этом, как и во сне недавно, правую щеку мне обжег безумно горячий и яркий свет, а левую пыталась выморозить вездесущая Тьма.

Смерть недавно сказала, что мне пора определиться. Между своими собственными желаниями и чувствами, окружающими людьми и даже богами… но только сейчас, оказавшись меж двух огней, я с удивительной ясностью понял, почему она так настойчиво готовила меня к этому выбору. И почему несколько месяцев назад, там, у разрушенной мельницы в Нирне, захотела услышать ответ на один, в сущности, простой вопрос.

Что такое Тьма, Артур?

Только ли отсутствие света?

А что такое Жизнь? Или Смерть?

Ведь именно об этом ты в действительности хотела тогда спросить?

Я прижал мгновенно умолкшего ребенка к груди и, ненадолго прикрыл глаза, один из которых ослеп от света, а второй был точно так же слеп от заполонившей его тьмы. И незаметно даже для себя подошел к мысли, что и Свет, и Тьма, в сущности, есть одно и то же. Они даже обжигали меня одинаково. Одинаково слепили. Пытались разорвать мою душу надвое. Но вместо этого помогли открыть одну нелепую в своей простоте, но ясную как день правду: ни к Свету, ни во Тьму я, по большому счету, не стремился. Да, я принял в себя Тьму, но и от Света не отказался. Все было рядом, близко. Все это жило во мне. Поэтому я никогда не боялся пересекать границу миров. Более того, все это время я сам был и остаюсь границей… той самой границей между Светом и Тьмой, которые в действительности, как оба наших мира, есть одно неразделимое целое.

Как только эта мысль оформилась в моей голове, стоять у алтаря стало на удивление комфортно. Боли больше не было.

Как, впрочем, холода или жары. Покосившись по сторонам, я без особого удивления увидел на правой стороне своего тела черный доспех, который надежно прикрыл меня от Света, а на левой – такой же, только серебристый, который уверенно избавил меня от Тьмы. После этого осталось только головой покачать, сетуя на собственную недогадливость. Приложить руку к груди ребенка, забирая у него излишки магии. И спокойно выйти из круга силы, попутно смахнув на пол никому не нужные амулеты.

Как только камни коснулись пола, свет в первохраме тут же погас.

– На, держи, – в два шага добравшись до Корна, я всучил обалдевшему магу притихшего ребенка. – У леди Ирэн и Дертиса наверняка остались родственники. Пусть возьмут на воспитание.

– А…

– А объяснение сам для них придумаешь. У тебя голова большая, вот и соображай. Тем более мальчишка снова стал обычным и вреда никому не причинит.

– Рэйш, но ведь…

– Слушай, мне тоже некогда, – невежливо перебил я Корна. После чего решительно отвернулся от растерянного мага, подошел к стене, где как раз пришел в себя оглушенный моим ударом настоятель, и коротко скомандовал: – Ну-ка, ученик, сними с господина жреца свой кокон. Святому отцу там, наверное, уже неудобно.

Роберт беспрекословно повиновался.

Отец Гон этого, кажется, не ожидал, а может, не до конца пришел в себя, поэтому от неожиданности потерял равновесие и едва не грохнулся на каменный пол. Хорошо, что я успел его вовремя подхватить и бережно усадить на пол, заодно сняв с его горла кожаную удавку.

Когда же в глазах настоятеля недоумение сменилось сперва удивлением, затем облегчением и, наконец, пониманием, а разбитые губы растянулись в виноватой улыбке, я хмыкнул:

– А вот теперь рассказывайте, святой отец. На великие и жуткие тайны Ордена я, конечно, не претендую, но что касается всего остального… мы вас очень внимательно слушаем.

Глава 23

– Мне не повезло родиться в трущобах. – Начал свою исповедь отец Гон, неловко утерев кровь из разбитой губы. – Знаете, как это бывает: близких нет, родители неизвестны… кому нужен мелкий беспризорник? Собственно, я должен был стать или вором, или убийцей, или мертвецом… но однажды меня поймали. Обычный с виду прохожий, который представился как Лотий Итар… могущественный темный маг и весьма состоятельный человек, который отчего-то неизвестно зачем решил взять шефство над утопающим в пороках пареньком…

По губам жреца скользнула невеселая улыбка.

– Я был агрессивен, слаб духом и недоверчив, как любой воспитанный улицей мальчишка, но Лотий умел хорошо говорить. И он прекрасно разбирался в людях, поэтому ему не составило труда увлечь меня рассказами о темной стороне и в считанные месяцы сделать истовым поклонником этого вида магии. Я был восхищен и очарован его сказками. Мечтал, что когда-нибудь смогу хотя бы краешком увидеть красоту потустороннего мира. Но магического дара мне, к сожалению, не досталось, поэтому единственным вариантом попасть на темную сторону было служение темному богу. И когда я узнал, что хотя бы так моя мечта исполнится, то стал готовиться к поступлению к семинарию. Лотий сделал для этого все – дал первичное образование, помог переехать из окраинного городка в столицу, где была единственная тогда королевская семинария, выхлопотал возможность для досрочного поступления… как вы понимаете, я его боготворил. И не придал особого значения тому факту, что в семинарии с подачи этого человека я оказался не один.

– Лотий продвигал туда только потенциально темных жрецов? – уточнил Корн, когда святой отец ненадолго прерывался.

– Нет. Среди шестерых его воспитанников, учившихся в то время, четверо стремились к роли светлых служителей. И лишь двое мечтали стать жрецами темных богов.

– Зачем ему это было нужно?

– Тогда я не задавался подобными вопросами и считал Лотия своим покровителем, благодетелем, почти отцом. Мои друзья думали точно так же, а общая привязанность к человеку, который спас нас от смерти, нищеты, а кого и от позора, сплотила нас… что, светлых, что темных… ещё сильнее. В семинарии мы провели десять лет, – вздохнул отец Гон, неловко потрогав саднящую челюсть, но кровь из разбитой губы течь быстро перестала. –

Однако и после выпуска, уже став послушниками, а затем и простыми жрецами, мы поддерживали друг с другом связь. Лотий тоже не оставлял нас вниманием, и хотя бы раз в год мы получали от него весточки, которые позволяли верить, что наша судьба ему по-прежнему небезразлична.

– А где он жил все это время? Чем занимался? – поинтересовался я, отметив про себя, что никто из присутствующих пока не выказывал признаки переохлаждения. Все же мы довольно долго находились в каверне, но ни Роберт, ни жрец, ни Корн, которому вообще не по чину здесь было находиться, даже не замерзли. Да и мирно сопящий на его руках младенец не выказывал ни малейшего беспокойства.

В ответ на мой вопрос святой отец качнул головой.

– В основном мы общались с помощью писем, а при личных встречах, которые случались крайне редко, он любил расспрашивать сам. И делал это мастерски, так что нередко я даже забывал, о чем хотел его спросить. А когда удавалось вовлечь его в дискуссию… это без преувеличения были лучшие часы в моей жизни. Лотий знал огромное количество легенд и мифов, особенно тех, что касались Лотэйна, был отменно начитан, хорошо образован, превосходно разбирался в истории, географии и невероятно много знал о нашем Ордене. Настолько, что я в шутку даже начал называть его коллегой, ведь сведения, которые он мне передавал, зачастую были уникальны. Однажды я спросил, почему же, имея такой багаж опыта и знаний, он так и не прошел посвящение кому-нибудь богу. Для мага Смерти, которым он нам представлялся, это было бы естественно. Но Лотий лишь посмеялся тогда и сказал, что одного бога ему всегда было мало, а пройти посвящение всем богам сразу пока не сумел никто.

– Когда вы виделись в последний раз?

– Когда вступил в должность настоятеля. Учитель приехал меня поздравить и заодно попросил разрешение осмотреть храм на темной стороне. Я проводил его туда сам. И сам показал входы в каверну, – с кривой усмешкой признался отец Гон. – С тех пор прошло почти двадцать лет, и за это время мы встречались от силы четыре раза. Только письма стали приходить чаще, хотя и в них не было ничего особенного. Просто внимание, а иногда и советы от человека, мнением которого я дорожил. И лишь год назад все изменилось: Лотий начал писать регулярно, стал активно интересоваться делами в столице и в Ордене, а около полугода назад попросил найти информацию на некоего мага Смерти по имени Артур Рэйш…

Я сделал вид, что не заметил быстрого взгляда Корна.

– Я нашел для него эту информацию, обратившись в Управление городского сыска, – снова вздохнул жрец. – А еще через пару месяцев получил второе письмо, где человек, которому я верил как себе, довольно лестно отозвался о руководителе верльского Управления сыска. И намекнул, что ГУСС в его лице мог бы обрести весьма ценного сотрудника. Впрямую он, правда, ни о чем не просил, но я счел необходимым довести эти сведения до Нельсона Корна. После чего благополучно забыл. И вспомнил лишь когда увидел на пороге храма незнакомого мага Смерти и получил через него третье подряд письмо от старого друга, где тот настоятельно советовал присмотреться к провинциальному гостю.

Вот теперь я выразительно покосился на шефа, который, оказывается, узнал обо мне задолго до нашего приезда в Алтир. Да и Йена не просто так вызывали в столицу. Выходит, вот кому мы обязаны столь стремительным переездом?

Темный жрец неожиданно тепло улыбнулся.

– Лотий написал, что у тебя есть потенциал, Артур. Он сказал, что именно ты вернул в храм последний осколок, поэтому Фол благоволит тебе. И когда мы искали убийцу отца Кана… когда ты уничтожил логово умрунов, а в Алтире очнулся от спячки древний алтарь… я смог убедиться в этом своими глазами.

– Рэйш, ты что, прошел посвящение? – с нескрываемым подозрением осведомился Корн. – Информации об этом нет в твоем личном деле!

Ага. Нет. И за умрунов он с меня еще спросит. Хотя уже давно догадывался, что их исчезновение – моих рук дело.

– Люди довольно часто путают благословение и посвящение, – снова улыбнулся жрец, позволив мне не отвечать не провокационный вопрос шефа. – Артур никого не обманул. Он просто заключил с Фолом сделку.

Корн насторожился еще больше.

– Что за сделка?

– Артур оказал владыке ночи услугу. За это Фол сохранил ему жизнь и подарил некоторые привилегии на темной стороне.

– Вы имеете в виду прямые тропы, святой отец? – неестественно ровно осведомился Корн, старательно не глядя в мою сторону.

Я хмыкнул.

– Не только. Еще я получил доступ на нижние уровни Тьмы, способности видеть и убивать высшую нежить, а также возможность познакомиться вот с этим вот… – кивок в сторону стоящего неподалеку Ала, – индивидуумом.

Алтарь довольно оскалился, но Корн почему-то не рискнул пристать к нему с расспросами.

– Правда, тогда я считал Лотия жрецом, – добавил я. – Мы виделись только в храме, он носил рясу и представлялся служителем Фола. Хотя я до сих пор не понимаю, как ему удавалось выдавать себя за жреца, если вы, святой отец, утверждаете, что посвящения он не проходил.

Отец Гон невесело хмыкнул.

– Ауры жрецов и магов довольно похожи, если ты заметил. Поэтому теоретически, если придать магу соответствующую внешность, найти способ сымитировать метку и продемонстрировать провинциальным коллегам признаки божественного благословения, то при отсутствии конкурентов можно обмануть любого. Особенно, если уметь использовать Тьму и быть уверенным, что алтари по всей стране почти потеряли силу.

Я наморщил лоб, но вскоре был вынужден признать, что других жрецов Фола в Верле я не видел. А значит, разоблачить Лотия было некому. Что же касается некоторых эффектов, которые действительно походили на то, что лжежрецу благоволит владыка ночи, то при желании Тьма может изобразить и не такое. Пока я был слеп и плохо разбирался в происходящем, для Лотия я оставался неопасным. Он смог обмануть меня, причем не раз. И до поры до времени просто присматривался. А когда стало ясно, что мои силы стремительно растут, и очень скоро я смогу отличить настоящего жреца от поддельного, он нашел способ отправить меня подальше.

– Зачем ему понадобилось выдавать себя за жреца, да еще и темного? – буквально на миг опередил меня с новым вопросом Корн.

– Так было проще перемещаться по стране. Жрецам обычно не задают вопросов. Их уважают. Некоторых даже боятся. Они вхожи в любой дом, включая дома сильных мира сего. Да и кому в Верле могло прийти в голову, что жрец оказался фальшивым, если даже отец-настоятель считал его близким другом? – с горечью признался отец Гон. – Лотий хорошо знал человеческую природу. Он мог убедить любого. И даже я заподозрил неладное лишь когда стало слишком поздно.

– Так что с вами все-таки произошло? – поинтересовался я. – Когда вы надолго исчезли, да ещё в тот момент, когда были особенно нужны, признаться, в мою голову стали закрадываться нехорошие мысли…

Отец Гон грустно улыбнулся.

– Как и многие из наших жертв, несколько дней назад я

получил письмо…

– Лотий прислал приглашение на встречу?

– Увы. Моя вера в учителя была так велика, что, даже получив предупреждение от Корна, я не придал письму должного значения. И отправился на встречу со старым другом, намереваясь, как и всегда, спросить у него совета. Все эти жертвоприношения, прикормленная нежить в самом центре Алтира… в Ордене так и не пришли к единому мнению, а реагировать нужно было уже сейчас. Поэтому мне и требовался взгляд со стороны. Но я никак не думал, что сторона, откуда он придет, окажется в буквальном смысле слова темной.

– Лотий сделал вам то же предложение, что и мне? – предположил я.

Отец Гон кивнул.

– Можно сказать и так. Собственно, когда я пришел по указанному адресу и увидел, что учитель не просто не постарел за прошедшие годы, но и выглядит как темный жрец, это стало первым тревожным звоночком. Он оказался в курсе наших последних дел, и это тоже казалось странным. Хотя и не настолько, чтобы в чем-то его обвинить. И лишь когда Лотий начал задавать вопросы относительно убийств, когда стало ясно, что он знает гораздо больше, чем хотел показать, когда в соседней комнате заплакал ребенок, а Фол впервые за долгое время подал тревожный знак, я… я засомневался. Да, пока всего лишь засомневался, но этого оказалось достаточно, чтобы Лотий тут же опечатал дом, продемонстрировал свою Тьму и сделал то самое предложение, от которого я не смог отказаться.

– Вы задумали предательство…

– Да, – на мгновение прикрыл глаза жрец. – Но я собирался предать не Орден, не страну и даже не своих коллег… увидев, на что в действительности способен Лотий, и поняв, что мы не сможем противостоять ему открыто, я решил, что лучше к нему примкнуть, чтобы в нужный момент суметь вмешаться.

– Он показал вам Палачей? – настороженно уточнил Корн.

– И Палачей. И амулеты, полностью прячущие их присутствие. Камни душ, право на создание и владение которыми, как известно, принадлежит только Ордену… Лотий очень быстро сумел доказал, что готов ко всем нашим действиям и продумал эту партию на много шагов вперед. Мы не знали, что у него на поводке находятся сразу три духа-служителя вместо одного. Не знали, что за всеми нашими действиями следят натасканные им умруны и целые орды нежити, которых он прятал в кавернах под собственным домом. Он выкармливал их годами, десятилетиями, приучая к тому, что им придется подчиняться

человеку…

Я снова хмыкнул.

– А он действительно был человеком?

– Как ни странно, да, – невесело улыбнулся настоятель. – На заре своей юности он был довольно посредственным и ничем не примечательным темным магом, которому однажды не повезло стать участником весьма энергоемкого ритуала…

Корн непонимающе нахмурил брови, а я встрепенулся.

– Не о том ли ритуале мы с вами беседовали, когда обсуждали содержание небезызвестной вам книги?

Отец Гон отвел глаза. Потом помолчал, словно собираясь с мыслями, а затем тихо попросил:

– Помоги мне встать, брат. В закрытой каверне холод темной стороны не так опасен, но все же сидеть на полу довольно неуютно.

Я скептически оглядел бледное лицо жреца со следами крови на подбородке, с неудовольствием признал, что ударил его сильнее, чем планировал. Затем оглядел Корна и молчаливо стоящего рядом Роберта. Наконец, заметил на их лицах первые признаки обморожения и обернулся к Алу.

– Ты поможешь?

Алтарь молча кивнул, и под гостями моментально образовалось три серебристых лужи. Прямо на глазах из них выросли широкие «лизуны», обхватив сперва ступни, а затем голени и бедра присутствующих. Когда Корн нервно дернулся, Ал сделал успокаивающий знак, а Роберту лишь ободряюще улыбнулся, после чего жидкая «ртуть» взобралась еще выше и всего через пару ударов сердца рядом со мной оказалось три зеркальных статуи, у которых открытыми остались лишь головы. В смысле, четыре статуи, потому что уснувший на руках Корна младенец тоже получил надежную защиту.

«*Садитесь*», – написал на полу Ал, создав из лужи три полужидких колонны. Я, не раздумывая, уселся на одну, Роберт и Корн, поколебавшись, заняли оставшиеся. Ну а под потрепанным жрецом Ал создал целое кресло, угодив в которое отец Гон признательно кивнул.

– Я далеко не все узнал о человеке, которого уважал и чтил, как учителя, – глухо обронил он, когда все устроились, и Ал жестом предложил продолжать. Видимо, «зеркальному» тоже было интересно. – Знаю только, что его настоящее имя Лот. И что родился он в Лотэйне триста двадцать четыре года назад.

– Сколько-сколько?! – шепотом переспросил Роберт. Корн недоверчиво крякнул, а я озадаченно наморщил лоб.

– Простите, святой отец. Вы хотите сказать, что я только что

убил… жнеца?!

– Он не был жнецом, – качнул головой отец Гон. – Но если бы сегодня обряд завершился, Лотий им бы наверняка стал. Или в своем собственном теле, или же…

Мы, не сговариваясь, покосились на мирно сопящего младенца, которого Корн с величайшей осторожностью держал на руках.

– Я бы хотел услышать подробности, – хриплым шепотом сказал шеф, машинально прижав малыша к груди. – Как Лотий сумел прожить так долго? О каком ритуале идет речь? И какого демона этот… человек… явился сюда аж из Лотэйна, да еще и пытался убить нас столь неэстетичным способом?

– Насколько я помню, триста лет в Лотэйне царила смута, – задумчиво обронил я. – Вы, святой отец, называли ее второй войной, итогом которой стало уничтожение темного пантеона. А еще вы говорили, что примерно в это же время отдельные энтузиасты придумали и воплотили в жизнь некий ритуал, в результате которого должны были появиться новые жнецы… взамен тех, от кого владыка ночи когда-то отказался. Вы сейчас говорите об этом?

Отец Гон кивнул.

– Лотий сказал, что ему было четырнадцать, когда учитель предложил ему поучаствовать в обряде. Мальчишки есть мальчишки – от возможности получить звание сильнейшего никто не откажется. А если он при этом беззаветно верит учителю и не догадывается, сколько жизней будет при этом загублено… Лотия на этом, кстати, и поймали: он не знал, что из-за него будут гибнуть люди. В главном зале храма он находился один, а магов убивали в соседних помещениях. Двенадцать жрецов во главе с его учителем, который и стал одним из инициаторов ритуала.

– Вы говорили, что в результате обряда маг должен был получить огромную силу. Почти как у прежних жнецов.

– Так это ТОТ САМЫЙ обряд Лотий пытался повторить в Алтире? – наконец, очнулся от ступора Корн.

Отец Гон снова кивнул.

– Тринадцать пар жертв – в дар каждому из богов в обмен на покровительство всего пантеона.

– Вы поэтому говорили, что обряд чрезвычайно энергоемкий? – пристально посмотрел я на жреца. – Вы с самого начала знали, к чему это может привести?

И на этот раз настоятель не отвел взгляда.

– Я заподозрил это, как только увидел твою схему. Мне, как настоятелю, положено знать древние символы и признаки запрещенной магии. Но, как все причастные к такого рода

знаниям, я дал клятву о неразглашении.

– Сейчас она вам не мешает об этом говорить, – скупо заметил я.

– Сейчас это уже не имеет значения. Кстати, вам тоже придется дать такую клятву перед лицом наших богов. А пока я готов ответить на любые вопросы.

– Что случилось с Лотием дальше? – неожиданно вмешался в разговор притихший Роберт. – Если обряд прошел благополучно, и ваш учитель получил что хотел… зачем ему понадобилось все повторять?

Я покосился на мальчишку с одобрением.

– Обряд, который провели в Лотэйне, оказался не завершен, – тихо ответил отец Гон. – Насколько я понял, его прервали на самой последней стадии. Тринадцатая пара жертв, предназначенная в дар Фолу, отдала свои жизни и магию, но до Лотия эта порция так и не дошла – охота на лжежнецов находилась в разгаре, поэтому обряд был остановлен, его участники убиты, сам храм разрушен. Тогда как Лотий попал под обвал и лишь чудом выбрался через тайный ход, а в скором времени был вынужден бежать из Лотэйна, где как раз назревала гражданская война.

– Бежал он, разумеется, в Алторию? – предположил я.

– Как и многие другие, Артур. Под обвалом он повредил спину, поэтому долгое время был зависим от посторонних, а еще растерян, напуган… как был бы напуган любой четырнадцатилетний мальчишка, который чудом избежал топора палача. Тогда же он и обнаружил, что стал гораздо сильнее в магическом плане, получил, как и ты, возможность спускаться на нижние уровни, научился создавать темные тропы. Решил, что у него есть повод ненавидеть наш Орден. Затем захотел отомстить. Но при этом оказался достаточно умен, чтобы увидеть рамки, которыми его ограничивал ритуал, и достаточно терпелив, чтобы десятилетиями искать способ их обойти.

Я удивленно приподнял брови.

– Что за рамки? Неужто без благословения Фола Лотий не мог напрямую работать с Тьмой?

– Напротив, мог. И прекрасно работал. Ограничение заключалось в другом – Лотий больше не мог никого убить своими руками. Когда жрецы обыскивали разрушенный храм и добивали выживших, кто-то из охотников проговорился, что жнецов всегда выдавали две вещи: всплеск магии, случающийся после жертвоприношения, особенно если это случалось одномоментно, а также появление особой метки в ауре после того, как новоявленный жрец совершал свое первое убийство.

Помнишь, что я говорил тебе о метках?

– Что жрецы могут их чувствовать…

– Не всякие, но да, могут. Жнецы – это, в первую очередь, темные маги, а убийство разумного всегда оставляет в ауре след, поэтому их ощущаем именно мы, последователи Фола, Рейса, Ирейи, Малайи… именно нам приходилось становиться ищейками и нередко палачами. Поскольку метка убийцы у лжежнеца оставалась в ауре навсегда и приобретала совершенно особенный вид, то его было несложно найти. Особенно если учесть, что метка – это ещё и маяк, который издалека показывал: вот он я. Обычный человек для бога – что муравей для мага. Сколько таких возится под ногами? Но помеченный богом или жрецом… его видно издалека. Понимаешь теперь, почему, несмотря на силу лжежнецов, нам все-таки удалось их уничтожить?

Я тихо присвистнул.

– Так вот зачем понадобились помощники для ритуала…

– Лотий не мог провести его сам, – подтвердил отец Гон. – Мои братья, бежавшие в Алторию из Лотэйна, привезли с собой и неприязнь к лжежнецам. Рисковать он не мог, поэтому был вынужден долго скрываться, искать себе новых учителей, налаживать связи, часто переезжать с места на место, набираться знаний как у магов-одиночек, так и в учебных заведениях по всей Алтории. И лишь научившись всему, что мог, а в особенности скрывать свою настоящую ауру, он начал раздумывать над причинами той неудачи и над тем, как завершить обряд, который сделал его неполноценным.

– Наверное, это нелегко – обладать невероятным могуществом и не иметь возможности его использовать, – пробормотал Корн, заботливо поправив пеленку. – Незнание закона, конечно, никого не оправдывает. Но остановиться на полпути, я так понимаю, Лотий уже не мог?

– Учитель в свое время обработал его так же, как Лотий впоследствии обрабатывал нас, – согласился отец Гон. – И детская мечта стать сильнейшим не могла умереть так просто. Лотий учился, постигал Тьму, раздумывал над будущим. Но потом вспомнил слова учителя… а тот был жрецом, если помните… что темный пантеон в Лотэйне не до конца уничтожен. И что вместилища богов по частям перебирались в Алторию, чтобы где-то здесь, на ее бескрайних просторах, со временем возродиться.

– Иными словами, он увидел для себя шанс провести обряд как положено…

– И отправился в столицу, справедливо рассудив, что если там находится главный храм страны, то и настоящие алтари тоже

должны быть именно там.

Отец Гон бросил выразительный взгляд на находящиеся за нашими спинами статуи.

– Лотий не ошибся: именно сюда свозились осколки божественных вместилищ. Однако после смуты в Лотэйне и неоднократных попыток взорвать главный храм жрецы нашли способ их защитить и сделали так, что теперь без разрешения отца-настоятеля ни один маг и ни один жрец не может спуститься на нижний уровень. А тем более сюда, в святая святых, где хранится сердце нашей веры.

– И тогда Лотий начал внедрять в Орден верных ему людей, – крякнул я. – Недурственная затея… хотя и довольно хлопотная. Человеку со стороны в настоятели никогда не пробиться. Для этого нужны особые качества, немалые заслуги перед Орденом и безупречная репутация. Так что он решил воспитать себе в помощь настоящих жрецов. Из всяких там беспризорников, юных воришек… Неужели ему было настолько не жалко собственного времени?

Отец-настоятель бледно улыбнулся.

– А ему было некуда торопиться. К тому же, Лотий оказался гораздо предусмотрительнее, чем я думал, и начал выращивать жрецов ещё лет двести пятьдесят назад. Сперва по одному, по двое. Когда понял, что это не просто долго, но ещё и не гарантирует успеха, принялся по всей стране отбирать талантливых мальчишек… а параллельно искал способ безопасно проникнуть в храм. И помощников, которые смогли бы убивать по его приказу, обладали выносливостью, умением быстро перемещаться по темной стороне и при этом не задавали лишних вопросов.

– Я так полагаю, именно в его голове однажды родился проект «Палач»? – мрачно предположил я.

– Да, – устало отозвался жрец. – К тому времени знаний у Лотия было достаточно, чтобы начать этот проект в одиночку. Но ему не хватало подопытного материалов и лаборатории. Налаживать ее с нуля было долго и хлопотно, поэтому он обратился за помощью к знакомому некросу, а тот вывел его на представителя тайной стражи тогда еще Эрнеста Первого. После чего работа, как говорится, закипела… всего за несколько лет первый прототип был готов, но он требовал серьезной доработки. В частности, привязки к хозяину на крови, и это вызвало на удивление много проблем. Спецы тайной стражи не собирались отдавать кому попало в руки такое оружие, поэтому выбор и согласование имен заняло много времени. Лотию пришлось смириться с тем, что часть Палачей уйдет на сторону, но особой

проблемы он в этом не видел – королевским магам он сообщил не все сведения, которые им стоило знать, начиная такой опасный проект, а снимать привязку на крови умел давно. Поэтому полагал, что при необходимости сможет забрать любой из образцов в собственное пользование.

– Единственное, чего он не учел, это того, что после гибели Эрнеста Первого трон займет неуравновешенный Эрнест Второй, – так же мрачно добавил я. – Всего одна осечка с проектом, и его величество уже решил, что тайная стража разработала оружие для свержения короля, а в заговоре участвует магически одаренное дворянство, после чего свою работу выполнили лотэйнийские шпионы, и готово – по Алтории заполыхали пожары, немалая часть темных родов оказалась вырезана под корень, а проект «Палач» был самым решительным образом закрыт.

– Лотия тогда не было в Алтире, – подтвердил ещё одну мою догадку настоятель. – Помимо того, чтобы готовить к семинарии беспризорных мальчишек, он занимался поисками утерянных частей статуй. В том числе и поэтому Орден относился к нему с таким радушием. В проекте «Палач» Лотий числился формально и, будучи верным своему принципу до последнего оставаться в тени, большую часть работы переложил на того самого знакомого некроса, который официально стоял во главе проекта.

– Дайте угадаю – этого некроса звали Убеус Грант?

– Да, – кивнул отец Гон. – С ним Лотий общался достаточно плотно, поэтому о пожаре в лаборатории узнал сразу. Для этого он еще раньше разработал и внедрил амулеты дальней связи, которые и сейчас считаются секретной разработкой. С помощью помощников, которых к тому времени у Лотия появилось немало, Гранту удалось инсценировать собственную смерть и гибель одного из Палачей, вместо которого спецам была предоставлена туша одного из незаконченных прототипов. Остальных Палачей спасти не удалось, поэтому работу над ними пришлось начинать сначала, а для этого создавать и обустраивать новую лабораторию, искать помощников… одним словом, сроки по обряду, который уже к тому времени был продуман до мелочей и даже проведены первые испытания в Алтире, сильно сдвинулись.

– Какое отношение к этому делу имел человек по имени Роджер Эстиори? – поинтересовался Корн.

– Не знаю. На Лотия работало много людей в столице и за ее пределами, некоторые выполняли не совсем законную работу, поэтому не удивлюсь, если они при этом действовали под вымышленными именами.

– В хранилище спецуправления дворцовой стражи тоже

пробрался один из них?

– Нет, – протянул отец Гон. – Лотий сказал, что туда он явился сам. Под именем Сенж де Тол… Лот Жнес или Лот Жнец, если читать наоборот. Он считал это забавным – выкрасть голову Палача из самого защищенного королевского хранилища и подбросить спецам загадку, которую они до сих пор не смогли решить.

Я кашлянул.

– Зачем ему понадобилась голова?

– Это была последняя разработка Гранта, – пожал плечами настоятель. – Что-то там у них не получалось с воссозданием Палачей без старых чертежей, поэтому потребовался образец. Лотий ведь когда-то работал в тайной страже. Недолго и в какой-то мелкой должности. Именно ради того, чтобы иметь доступ хотя бы в некоторые помещения Управления. Система их защиты, как он мне сказал, больше рассчитана на предупреждение проникновения извне, так что, когда он прошел первое кольцо охраны, взломать остальные и за пару-тройку лет изготовить для себя ключи от остальных дверей труда не составило. А уж отыскать на темной стороне хранилища нужную голову магу его уровня было проще простого.

– Я извещу об этом герцога, – буркнул Корн, бросив на меня ещё один быстрый взгляд. – Пусть меняют защиту к демоновой матери и получше следят за теми, кто у них работает уборщиками и младшими лаборантами.

– Я не удивлюсь, если окажется, что Лотий когда-то сам приложил руку к созданию той защиты, – пробормотал я. – За триста лет можно было наладить такие связи, что даже в королевский дворец входить без пропуска и специального разрешения. Святой отец, вы говорили, что на него работало много людей. Вероятно, среди них были и маги?

Жрец остро на меня взглянул.

– Ты имеешь в виду конкретных магов? К примеру, мастера Уорана Нииро?

– И мастера Этора Рэйша, – усмехнулся я. – Но полагаю, вы уже ответили.

– За два с половиной столетия Лотий успел завести много полезных знакомств, – кивнул отец-настоятель. – Как среди жрецов, так и среди магов и даже простых смертных. Один Фатто чего стоит…

– Так перенастроенные перстни некросов и прикормленные вампиры – его рук дело? – вздрогнул Корн, и младенец у него на руках недовольно зачмокал.

– Его, – невесело подтвердил жрец. – Работая над проектом

«Палач», Лотий много времени изучал нежить, в том числе и высшую. Не знаю уж каким образом, но он нашел способ не только безопасно отлавливать тварей, но и договариваться с некоторыми из них. Ценой за такие сделки неизменно становились людские души, но к тому времени от паренька, который когда-то в страхе бежал из Лотэйна, ничего не осталось. Лотий стал по-настоящему темным магом… Тьма вытравила из него все, что он не считал нужным сохранять: человечность, сострадание… он с легкостью продавал человеческие души в обмен на услуги моргулов и умрунов. Он даже позволил тварям создать в Алтире гнездо, приложив все усилия, чтобы раньше времени его не обнаружили.

– Зачем? – скупо осведомился я. – Ему проблем было мало?

– Умруны делали за него часть грязной работы. Ловили души на темной стороне, убивали тех, на кого он укажет… – горько усмехнулся жрец. – Даже зачарованные Лотием монетки подбрасывали мерзавцам вроде Фатто, чтобы поток душ не иссякал. А взамен Лотий позволял им думать, что помогает создать врата между мирами. И сотнями продавал людей на алтари, тем самым обеспечивая послушание тварей, с которыми ни один из прежних жнецов никогда не стал бы иметь дел. С вратами он почти ничем не рисковал – такими темпами он мог подпитывать их столетиями. А когда дело подошло бы к концу, то сдал, как обычно, через подставных людей информацию Управлению. А там или врата бы уничтожили, или число умрунов резко сократили. Лотий так и так оставался в выигрыше. Тем более, я уж сказал: у него была собственная гвардия нежити. Именно они убивали сегодня наших коллег.

– Вампир в храме тоже его работа?

– Как и Поводырь, – кивнул жрец. – Заставить его убить кого-то конкретного Лотий, конечно, не мог. А вот отвлечь нас накануне первого обряда, увести внимание в сторону… Если бы все удалось, как он задумал, то убитые маги волновали бы вас сейчас меньше всего.

Я озадаченно кашлянул.

– Тогда зачем Лотий предупредил о нем меня?

– Присматриваясь к магам, он их заодно и испытывал. Вот и тебя проверял: подойдешь ли ты ему в помощники, можно ли на тебя рассчитывать и так ли ты хорош, как ему казалось. Но он всегда предпочитал работать сразу на несколько направлений, не удивляйся. За эти дни Лотий многое успел мне рассказать. В том числе и о том, как, не сумев попасть в первохрам сразу, он приманил высшую тварь в надежде ослабить храмовые амулеты и заполучить доступ к алтарю, не дожидаясь, пока кто-то из его

воспитанников заслужит право стать настоятелем. Поскольку алтарь был слаб, то противостоять высшей твари не мог, и даже Фол против нее оказался бессилен – без полноценного вместилища его власть в нашем мире слаба. И мы точно так же слабы вместе с ним. За тысячу лет, что алтарь находится в этой каверне, никто из моих предшественников не смог к нему спуститься. Ни у кого из нас не хватило на это сил, брат. Ни у кого, кроме тебя.

– Что вам известно о моем учителе? – словно не услышал я. – Лотий что-нибудь о нем говорил?

– Они работали вместе. Причем достаточно долго и вполне плодотворно, пока, по словам Лотия, Рэйш не узнал о проекте «Палач».

– Он сказал, чем именно сумел купить их с Ниро?

– Да, – хмыкнул отец Гон. – Как ни странно, мой учитель не во всем искал помощи от нежити. И искренне верил, что сумеет вернуть темным магам былое могущество. Для этого, как ему казалось, нужно всего лишь впустить в мир настоящих жнецов, и тогда угроза для границы исчезнет.

Я только скривился.

– Вы говорили, что мы, темные, эту границу ослабляем…

– Но вы сами же ее и восстанавливаете, – слабо улыбнулся жрец. – Может быть, в том числе и поэтому Этор Рэйш верил, что маги Смерти способны на большее, чем быть ищейками в Управлении. А Ниро полжизни потратил на изучение темного дара, а затем пришел к выводу, что у некоторых магов… в основном из старых, ещё не до конца утративших могущество семей… его структура несколько отличается. Не знаю, в чем уж там было дело, но Лотий сказал, что эти двое больше двух десятилетий плотно работали вместе. По его словам, Рэйш наткнулся на один необычный феномен. И, насколько я понял, именно после этого открытия пути Ниро, Рэйша и Лотия окончательно разошлись.

Я недобро прищурился.

– Лотий говорил, что именно это был за феномен?

– Нет. Сказал только, что долгое время пытался понять его суть, но не преуспел. И очень нелестно отзывался о твоем учителе и его друге, которые посмели утаить какие-то сведения.

Я мрачно улыбнулся.

Пожалуй, я знаю, какие именно сведения учитель и Ниро решили утаить от человека, стоявшего у истоков проекта «Палач»: списки… те самые списки, которые впрямую указывали на наличие у некоторых из нас скрытого дара.

Выходит, вот почему два мага Смерти в действительности

покинули столицу. Скорее всего, Лотий знал от учителя… а им, если помните, был темный жрец… каким образом алтарь Фола был перевезен в Алтир. И о том, что в столице наверняка остались прямые потомки тех жнецов, ему тоже было известно. Как и о том, что именно эти люди могли войти в первохрам без разрешения настоятеля. По-видимому, именно их поиск и стал той самой загадкой, мимо которой учитель и его старый друг просто не смогли пройти мимо. Фанаты науки. Выдающийся теоретик на пару с не менее известным практиком… разумеется, когда неизвестный маг предложил им раскрыть эту тайну, Ниро и Рэйш согласились.

При этом они честно выполнили свою часть сделки. Годами сидели в архивах и рыскали по стране в поисках крох информации. Однако, когда работа над списками уже подходила к концу, Рэйш неожиданно передумал делиться результатами. Быть может, что-то в Лотии его насторожило. Или однажды мастер Рэйш задумался над вопросом, отчего в столице в последние пятьдесят лет стало бесследно исчезать, умирать и сходить с ума так много светлых магов? Вполне возможно, началось это именно после того, как появились сведения о скрытом даре и о том, что искать его надо вовсе не в темных семьях. А может, между партнерами размолвка случилась совсем по другой причине… Но самое главное, Рэйш засомневался. Свернул свои исследования. Покинул Алтир. И сделал все, чтобы добытая им информация не попала в руки мага с сомнительной репутацией. А тем более, в Орден. Ведь известие о возвращении в мир жнецов могло как возродить нашу профессию, так и стать причиной ее окончательного уничтожения. Неудивительно, что учитель решил скрыть эти сведения.

Для большей безопасности составленный учителем список был разделен на две части, каждую из которых хранил при себе один-единственный маг. При этом Ниро жил, почти не скрываясь, тогда как мастер Этор предпринял все возможные меры безопасности и засел в самом центре Алторийской трясины, откуда его даже целой армии было бы проблематично выковырять.

Сейчас, конечно, точно не выяснить как это было и почему они решили разделить ответственность, но, зная мастера Этора, я бы предположил, что он рискнул вызвать огонь на себя и в случае, если бы кто-то сумел узнать о списке, дал понять, что вся информация находится у него. Ниро он таким образом из-под удара вывел, хотя и это не гарантировало полной безопасности. Но с другой стороны – что взять со старого, уставшего от жизни мага? Убить его? Это даже не смешно. Пытать? Так для мага

Смерти боль не страшна. Родных у него не было, наследников не осталось… как и у Рэйша, кстати. Так что давить на этих упрямцев было попросту нечем.

Насколько я понимаю, меры предосторожности оказались нелишними – в болоте вокруг острова покоилось немало наемников, которых мастер Рэйш топил с завидной регулярностью. Теперь уже не узнать, скольких из них отправил на верную смерть Лотий, но думаю, что немало, раз уж в конце концов лжежрец отказался от мысли выбить из Рэйша признание силой и решил осесть в такой глухомани в надежде, что что-то выдаст двух старых заговорщиков и позволит наконец-то узнать вожделенные имена.

Сейчас, оценивая прошлое заново, я понял также и то, почему Ниро и Рэйш так старательно прикидывались врагами. Ниро был слабой мишенью… а потому почти неинтересной для Лотия. В то время как демонстративно засевший за мощной защитой Рэйш казался более заманчивой дичью, но даже всех сил и изобретательности лжежнеца не хватило, чтобы переиграть упрямого старика.

О том, что о списке стало известно Лотию, они, конечно же, знали. Не могли не знать, если Ниро когда-то выезжал в Триголь, услышав о появлении Палача. Когда-то мастер Этор даже встречался со стариком Уэссеском, пытаясь выяснить, верны ли его предположения. И после этого Ниро и Рэйш только ждали… ждали угроз, появления идейных противников, ждали войны, схватки. А то и специально подосланных учеников. Или желающих стать учениками столь прославленных магов. Может, ещё и поэтому в первую нашу встречу учитель меня притопил? И лишь разобравшись что к чему, решил не добивать едва дышащего сопляка, которому невероятно повезло создать тропу аккурат на его затерянный среди болот остров…

О том, почему Лотий не отправил за старыми упрямцами Палачей, думаю, гадать не надо – к тому времени он их, вероятно, ещё не закончил. Или закончил, но не успел полностью подчинить. В том числе и потому, что возможности тайной стражи были несопоставимо выше возможностей пусть и могущественного, но одного-единственного мага. Некросов такого уровня в Алтории к тому времени не осталось, Грант постепенно состарился, помощников взять было неоткуда, да и своих дел у Лотия было по горло. Неудивительно, что создание Палачей шло медленно, постепенно. Да и подходящего младенца, наверное, на примете долго не появлялось. Еще же и с магией переходов надо был успеть поработать, защиту на заранее прикупленных домах подправить, создать амулеты, способные

впитывать исходящую от жертв магию, все проверить, все учесть, начать присматриваться к столичным магам. В том числе и к тем, кто мог оказаться прямым потомком лотэйнийских жнецов. Одному, к примеру, несчастный случай устроить. У другого единственного сына похитить. У кого-то родного брата убить, а затем обвинить бедолагу в убийстве в надежде, что или один, или другой или третий все же разбудит в себе скрытый дар…

«Твоя семья отомщена», – заметил Мэл, недвижимо стоя рядом с постаментом Фола и старательно прикидываясь пустым местом. – «Душа твоего брата может быть спокойной».

Я так же молча кивнул. Данное Лену обещание я все-таки выполнил, поэтому больше он, надеюсь, меня не потревожит.

– Рэйш, ты в порядке? – неожиданно спросил Корн, заметив, что я слишком долго молчу. – У тебя странный взгляд…

– Просто задумался, – отмер я. – И хочу задать еще пару вопросов. Святой отец, почему для последнего ритуала Лотий выбрал двоих мужчин, а не мужчину и женщину как раньше? И почему так резко изменил первоначальные сроки?

– К срокам ритуал не был строго привязан, – после небольшой паузы ответил жрец. – Для Лотия гораздо важнее оказалось время суток: полдень или полночь, когда границы миров наиболее ранимы. Я ведь уже сказал, что изначально людей убивали сразу, а не по одиночке. Но, поскольку однажды обряд уже привлек к себе внимание храма, то Лотий поосторожничал. И полученную во время обрядов силу не отдавал богам, а сливал вон в те амулеты. Еще его ограничивало количество Палачей: когда их всего три, самому участвовать нельзя, а время обряда строго ограничено, то нелегко убить два с половиной десятка человек в считанные мгновения, да еще и строго определенным способом. Но когда в игру вступили мы, он понял, что ждать дальше опасно, и закончил сбор силы в максимально короткие сроки. Что же касается твоего первого вопроса, Артур… я, если честно, стыжусь на него ответить. Дело в том, что благодаря усилиям Корна неистощенных темных магов и магинь в столице практически не осталось. А поскольку женская аура во многом похожа на ауру ребенка, то в качестве последней жертвы был избран твой ученик.

– Но Роберт к тому времени уже не был нейтральным. И вы знали, что может произойти, если Лотий принесет его в жертву Фолу. Ведь знали? И все равно не вмешались.

– Да, Артур. Не вмешался. Более того, именно я подсказал Лотию, что из всех темных магов Алтира именно этот мальчик наиболее уязвим и наилучшим образом подходит для ритуала.

– Вы сами сдали его Лотию?! – вздрогнул я.

– Поэтому я и сказал, что стыжусь своего ответа, – отвел глаза настоятель. – И несказанно удивлен тому, что ты до сих пор меня не убил.

Я одарил его хмурым взглядом.

– Я не убил вас сразу лишь потому, что мне не понравилось украшение на вашей шее.

Отец Гон машинально вскинул руку, но замагиченной Лотием удавки там уже не было. Заклинание на ней я не успел толком рассмотреть, но думаю, оно тоже оказало влияние на решение настоятеля принять сторону учителя.

– К тому же, сегодня вы впервые назвали меня братом при свидетелях, – добавил я. – Жрецы такими вещами не разбрасываются, поэтому я решил не торопиться. Однако вы заставляете меня усомниться в правильности этого решения.

– Почему вы хотели, чтобы Лотий меня убил? – непонимающе нахмурился Роберт.

– Прости меня, мальчик, – виновато опустил голову жрец. – Такого обмана владыка ночи мне бы не простил. Я и сам не смог бы себя простить, ведь именно я просил для тебя его благословение. Если бы Палач пролил твою кровь на алтаре, здесь бы случилось то, что в народе называют гневом богов. И после этого мы бы все, включая твоего убийцу, погибли.

У Корна недовольно раздулись ноздри.

– А то, что гнев богов мог зацепить невиновных, вас не смутило?

– Стены первохрама надежны, так что за его пределы Смерть бы не вырвалась, и в реальном мире никто бы не пострадал. Себя я уже похоронил. А что касается вас… мне жаль. Но другой идеи у меня на тот момент просто не было.

– То есть, вы хотели пожертвовать мной, чтобы остановить собственного учителя? – задумчиво перепросил Роберт.

– Наверное, тебе сложно понять мой выбор…

– Напротив, – неожиданно не согласился мальчик. – Недавно один человек пожертвовал собой, чтобы я мог жить. Я сожалею о ее смерти, но не могу ничего изменить. Если бы я знал, что моя жизнь может стать ценой, которую надо заплатить, чтобы все это закончилось… я бы не сомневался, святой отец. И считал бы, что отдал долг жизни человеку, который сделал все, чтобы я мог оказаться здесь.

– У тебя подрастает прекрасный ученик, Артур, – прошептал темный жрец, подняв на мальчишку повлажневший взгляд. – Жаль, я тогда не знал… не нашел другого способа…

– Это уже неважно, святой отец. Скажите, нам уже можно отсюда уйти? Больше ничего не нужно здесь сделать?

– Скоро полдень, Артур… – неожиданно дохнуло холодком мне в спину.

– Ах да, – спохватился я и, отвернувшись от жреца, решительно потопал к статуе Фола. – Я же еще не все закончил.

«Тебе помочь?» – флегматично осведомился невидимый Мэл, но я только отмахнулся. А когда добрался до сваленных в кучу осколков статуи Фола и оценил объем предстоящих работ, вполголоса пробурчал:

– Темный есть темный… кем бы он ни был, все равно превыше всего будет ценить жертву. Жертвенная жизнь, жертвенная кровь, жертвенные силы… не зря для всех вас было поставлено именно такое условие для воскрешения…

Убрав доспех с левой руки, правой я выудил из Тьмы стилет, без колебаний рассек кожу на предплечье и стряхнул щедрую россыпь капель на разбросанные по полу камни.

– Фол, тебе жертвую, – четко и громко произнес я, вскинув взгляд на пока еще пустой… ступни не считаются… постамент. И тот наконец-то ожил – задрожал, окутался плотным черным облаком, от которого в сторону обломков тут же выстрелили тонкие жгуты. Мгновенно прилепились в тех местах, где стремительно замерзала моя кровь. Затем одним движением подняли всю эту массу в воздух и буквально швырнули в нишу, где прямо на глазах из разнокалиберных осколков собралось полноценное вместилище для темного бога.

– Так-то лучше, – буркнул я, возвращая на место доспех и чувствуя, как Тьма латает рану. – Я больше ничего не должен тебе, Фол. Сделка закрыта. Ал, теперь твоя очередь.

Каменное воплощение владыки ночи ненадолго окуталось Тьмой, подтверждая окончание моего служения, метка на плече тоже, я надеюсь, исчезла. А на губах «зеркального» вдруг мелькнула и пропала хитрая усмешка.

И почему я в свое время решил, что Ал – это алтарь Фола? Ах да, потому что отец Гон однажды сказал: мол, темный алтарь пробудился… но мне стоило раньше подумать, что у алтаря владыки ночи не могло быть настолько светлого оттенка. Он не стал бы воскрешать меня из мертвых. Он оказался слишком отзывчивым для жестокого и прагматичного до мозга костей Фола. И слишком, пожалуй, человечным. В то же время, без него ни один из богов не обрел бы своего настоящего вместилища. Но таковы уж законы нашего мира, что светлое и темное, как у людей, так и у богов, всегда идут рука об руку. Так что в действительности все это время передо мной была лишь половина от настоящего алтаря. Его самая сговорчивая, легкая на подъем и относительная безопасная для смертных часть, которая

не только была доставлена сюда жнецами, но и сумела надежно спрятать в череде поколений светлых магов невероятно ценный, удивительный, воистину божественный дар, который лишь с помощью света мог остаться по-настоящему цельным.

По-видимому, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Ал беззвучно рассмеялся. А затем растекся на полу серебристой лужей, поднялся под потолок одной большой волной, а затем с громким плеском обрушился на второй алтарь, сливаясь с ним, перемешиваясь с точно такой же, только абсолютно черной жижей. После чего по храму пронеслась ещё одна волна дрожи, а из бушующего в центре каверны урагана вдруг раздался настоящий взрыв.

Признаться, я все же зажмурился, когда обнаружил, что в нашу сторону несется черно-белое море, прямо на лету дробящееся на миллионы крохотных капелек. А когда в каверне раздался шумный плеск, словно гигантская волна плеснула на берег, я осторожно приоткрыл глаза и с любопытством осмотрелся.

Ну что сказать… пожалуй, теперь тут стало даже красиво. Угольно-черные пол и потолок, испускающие мягкий золотистый свет стены… но что самое главное, статуй в храме заметно прибавилось. У противоположной стены, строго напротив могучего Фола появился еще один постамент. Слепяще яркий, беспрестанно переливающийся и сотканный, казалось бы, из чистого света бог… такой же рослый, как владыка ночи. Чем-то неуловимо на него похожий. Но при этом настолько величественный и одухотворенный, что при взгляде на него появлялось недостойное желание упасть на колени.

Остальные пять статуй оказались ему под стать. Ослепительно чистые, отлитые, казалось, из чистейшего серебра, они заняли свои места перед темными богами, чуть сдвинувшись в сторону Рода. Но при этом смотрелись настолько органично, что я невольно замер, с нескрываемым восхищением рассматривая это чудо.

Статуи и впрямь выглядели как живые. Но что самое интересное, на фоне светлых собратьев спрятанные в глубоких нишах темные боги смотрелись иначе, чем по одиночке. При должной фантазии и под определенным углом они выглядели как тени… как отражение и совершенно естественное продолжение светлых. А когда я с замиранием сердца понял, что они, как Фол и Род, тоже похожи, то испытал редкое для себя чувство благоговения перед древнейшей тайной, которая так неожиданно сегодня открылась.

Фол и Род…

Воинственный и непримиримый Рейс, а перед ним уравновешенный и спокойный Лейбс …

Малайя, покровительница воров, и прелестная богиня охоты Мирна…

Суровая Ирейя и улыбчивая Нарьяна …

Насмешливый Абос и невозмутимый Ремос…

Лукаво прищурившийся бог сновидений Сол и рядом его двойник, Сойрос, которого испокон веков почитали как хранителя мудрости и знаний…

Казалось бы, какая связь между закованным в доспехи богом войны и одетым в простую холщовую рубаху кузнецом? Между очаровательной девицей с заброшенным за спину луком и покровительницей охотников до чужого добра? Между богиней тайн и не менее загадочной покровительницей морей? Или же хитроумным богом удачи и богом, проповедующим разумный, сугубо деловой подход к самым разным вещам? Однако, если подумать… если только вспомнить, что мы, люди, были созданы по образу и подобию… то стоит задаться вопросом: а разве у богов не может быть плохого настроения? Разве им кто-то запрещает гневаться? Испытывать раздражение? Злость или желание кого-нибудь убить? Да и долго ли сбросить с себя доспех или перековать мечи на орала? Долго ли отложить кузнечные щипцы и с оружием в руках выйти на защиту родных и близких? Так почему бы тогда и богам не иметь, подобно нам, второй… по-настоящему темной ипостаси?! Которые мы, будучи не в силах принять и понять такие странные вещи, издревле почитали за РАЗНЫХ богов?

В ошеломленном молчании я пересек преобразившийся храм и остановился перед последней в левом ряду светлой богиней – могущественной Ферзой, у которой единственной из всех не было тени. Богиня красоты… наиболее почитаемая и уважаемая в Алтире. Вот только глубокая ниша за ее спиной пустовала, потому что даже Ал при всей своей силе не рискнул изобразить на постаменте ту, кого сами боги не смели лишний раз называть по имени.

– Вот, значит, какая ты на самом деле, – прошептал я, опускаясь перед Ферзой на одно колено и склоняя перед Ней голову. – Теперь я знаю, кого увидел перед смертью Ниро. Ты так же двойственна, как и остальные… но при этом действительно прекрасна.

В храме на мгновение потемнело, волосы на моей макушке ласково взъерошил невесть откуда взявшийся ветерок. Метка на лбу на мгновение ожила, но тут же милосердно погасла, после чего в моей душе, наконец, воцарился долгожданный покой.

Поднявшись, я коротко поклонился своей… да, теперь уже точно своей богине… и двинулся к выходу. В смысле, к тому месту, где недавно был выход, и где меня уже поджидал чем-то до ужаса довольный Ал.

– Пока, приятель, – хмыкнул я и благодарно кивнул, когда в блистающей серебром стене открылся проем. – Спасибо тебе за все.

«*До встречи, Арт*, – подмигнул алтарь. – *И помни: двери храма всегда для тебя открыты*».

Я только хмыкнул.

«Учту. Надеюсь, у настоятеля не будет проблем из того, что он тут сегодня устроил?»

«*Фол не гневается на него: настоятель поступил правильно. К тому же, обновленному храму нужен хранитель. А этот человек подходит лучше всего*».

– Что это было, Рэйш?! – обалдело спросил Корн, когда я хлопнул Ала по твердому плечу и начал подниматься по лестнице.

– Не берите в голову, шеф. Я просто раздал старые долги.

Корн проводил меня таким же обалдевшим взглядом, но тут на его руках требовательно хныкнул младенец, и светлый поспешил следом. Вопросами он меня, конечно, вскоре засыплет, но на этот раз я не собирался ему уступать. Пусть ждет официального рапорта. Как все. Правда, раньше, чем через несколько дней, я за него из принципа не сяду.

– Значит, это действительно все, мастер Рэйш? – торопливо нагнал меня Роберт. – Мы сделали все, что было нужно, и наконец-то можем пойти домой?

– Даже самый трудный путь когда-нибудь заканчивается, – улыбнулся я, протягивая ему руку. – И даже после самой длинной ночи когда-нибудь наступает рассвет. Поэтому – да, ученик. Пора домой. Но не сомневайся: очень скоро мы снова встретимся…

Эпилог

Три месяца спустя.

И снова осень. Хмурое небо. Пустая ратуша. И мелкий, нудный, откровенно затянувшийся, как отпуск Йена, дождь, который впервые в жизни не вызывал особого раздражения. Впрочем, до темной стороны он, как и прежде, не добирался, а кружащийся в воздухе снежок настраивал исключительно на мирный лад.

– Здравствуй, Артур, – осторожно коснулся моей макушки порыв прохладного ветерка. – Не меня ли ждешь?

Я едва заметно улыбнулся.

– Здравствуй, Ферза. Тебя-то как раз не ждал, но от компании не откажусь.

Леди Смерть хмыкнула и подступила вплотную.

– Все такой же дерзкий… но мне, как ни странно, нравится. Если не возражаешь, я задам тебе один вопрос.

– Какой?

– Почему из всех богов ты выбрал именно меня? Вариантов ведь было предостаточно.

Я, не оборачиваясь, пожал плечами.

– Ты спасла мне жизнь. И стала единственной, кто на протяжении последних десяти лет помогал мне, не требуя ничего взамен.

– Разве Фол не совершил для тебя того же?

– С ним у нас была сделка. Я вернул в храм осколок его статуи – он сохранил мне жизнь. Я уничтожил Палача – он подарил мне новые возможности… и так всегда: сперва услуга, затем плата. А с тобой я не чувствовал себя должником. Даже когда стало ясно, что ты вмешалась в мою судьбу задолго до встречи с Фолом. И именно тебе я обязан тем, что имею возможность выходить на темную сторону. Я прав?

Смерть недолго помолчала.

– Допустим.

– К сожалению, до меня не сразу дошло, что в нашем пантеоне есть еще одна богиня. Но когда это случилось, я начал задумываться и над другими вещами, – продолжил я. – К примеру, почему жрецы предпочитают скрывать ее существование? Почему у этой богини нет собственной статуи в храме? Наконец, зачем ей понадобилось дарить смертным разрешение на посещение темной стороны? И почему за всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы у нее были собственные

жрецы?

И-за моей спины раздался тихий смешок.

– Жрецы у меня есть, но мало. Не каждому дано хранить в себе частичку Тьмы и успешно балансировать между ней и Светом. Не всем это удается. И порой необходимы годы, а то и десятилетия, чтобы мои жрецы осознали себя и научились пользоваться дарованной им силой. А прежде, чем их ею наделить, я должна быть точно уверена, что они выдержат, не сломаются. Поэтому никого не тороплю.

– Зато постоянно направляешь, подсказываешь, бережешь от непоправимых ошибок…

– Тьма сильна, Артур. Значит, мои жрецы должны быть сильнее.

– И много их у тебя на примете?

Мне показалось, что Она улыбнулась.

– За последние пару столетий созрел только один. Еще нескольких я ожидаю в ближайшее время. А там кто знает… может, появятся и другие.

– А почему из этого сделали такую тайну? – непонимающе нахмурился я. – Ну, была бы в храме еще одна статуя, ну появились бы новые жрецы в рясах…

– Мои жрецы служат не в храмах, – спокойно ответила Смерть. – Их задача – хранить в неприкосновенности границу миров, и рясы для этого не нужны. К тому же вы можете стать опасными и для себя, и для остального мира, как это уже однажды случилось. Поэтому, если раньше я отбирала вас из уже проверенных жрецов, прошедших посвящение другим богам, то теперь вас должны принять и одобрить остальные боги. Так, как они приняли и одобрили тебя.

Я задумчиво кивнул.

Еще бы они не приняли. Я их, можно сказать, по кусочкам собирал, кучу сил на это потратил, с Рейсом, вон, повздорил… само собой, у богов была масса времени, чтобы заглянуть в мою душу. И все они это сделали по мере того, как сборка статуй подходила к концу.

– Значит, я правильно догадался: на самом деле самые могущественные маги всегда служили именно тебе. И скрытый дар тоже принадлежал тебе, а не Фолу. Ведь именно ты впускаешь нас на темную сторону. С твоего позволения мы, будучи живыми, получаем возможность находиться в мире мертвых. И лишь от тебя зависит, останемся мы здесь или же уйдем насовсем. Да, твои владения невелики, потому что охватывают лишь границу и то, что есть рядом. Но твоя сила не в этом, Ферза. А в том, что ты единственная из богов способна

существовать в обоих мирах. Только тебе не нужно каменное вместилище. Ты повсюду. Ты вечна. Ты стоишь за спиной каждого из нас. И даже боги рано или поздно ощутят твое холодное дыхание. Не зря, наверное, именно поэтому нас называют магами Смерти, Ферза. Во всех, кто научился переходить на темную сторону, остается частичка твоей силы. Поэтому моя Тьма способна проявляться не только здесь, но и наверху, поэтому она умеет не только убивать, но и лечить. И поэтому же всех нас когда-то называли собирателями душ, стражами границы или просто…

– Жнецами, – подтвердила Леди в белом. – Ты прав. Вы всегда были сильнейшими. Самыми малочисленными, но и самыми опасными. Именно вы хранили покой темной стороны и присматривали за границей, пока один из вас не перешел ту грань, за которую не стоит заступать даже нам. Итогом стали едва не открытые врата, смута среди богов, раскол среди жрецов и многолетняя война среди простых смертных.

– Почему же вы этого не предотвратили?

– Мы не следим за вами постоянно. Если нужен совет, мы откликаемся, когда нужна помощь – помогаем. Но в остальное время вы предоставлены сами себе. На то вам и дана сила, чтобы справляться с трудностями самостоятельно. К тому же, вы, темные, не терпите неволи, и определенная свобода действия у вас была и будет всегда. Но мы учли свои ошибки. И больше ни один из магов не сумеет заполучить силу, с которой не сможет справиться.

– Значит, обряд посвящения был изначально неправильным, – без особого удивления кивнул я. – Лотий не знал, к кому именно надо обращаться. Его учитель не был посвящен во все таинства Ордена и не понимал, что в действительности требовалось умилостивить не тринадцать, а лишь семерых богов. И последняя жертва должна быть предназначена вовсе не Фолу, а тебе. Хотя, наверное, это и не жертва в полном смысле этого слова…

– Да, – качнулся воздух у меня за спиной. – Но даже если бы Лотию удалось понять суть обряда и восстановить статуи раньше тебя…

– Он ведь кровью для этого воспользовался? Прости, мне просто интересно.

– Да, Артур. Кое-что Лотий все же сумел сделать правильно. Он не учел только одного: в любом ритуале имеет значение намерение, подоплека, ведь настоящее посвящение это тоже в своем роде сделка. Но одно дело, если будущий жнец готов пожертвовать собой, чтобы спасти тех, кто ему дорог. И совсем другое, если он отнимает чужую жизнь, чтобы возвыситься

самому. Во время обряда мы видим ваши души. Все, чего вы желаете. Жертва – не более чем способ привлечь внимание. Тогда как все остальное решается на общем суде. Да, Артур, именно на суде, потому что для святотатца посвящение всегда заканчивается смертью.

– Получается, Лотию ничего не светило? Если бы его не остановили мы, то после обретения вместилищ вы бы сделали это сами. Правда, в результате мы бы наверняка получили массу разрушений в Алтире, но игра, как говорится, стоила свеч. Отец Гон сказал, что вы способны видеть и чувствовать лишь тех, кто носит вашу метку. А остальных замечаете лишь в том случае, если они сотворят совсем уж большое безобразие. Поэтому и о Лотии вы до поры до времени не знали. И создание новых врат едва не пропустили. И даже в обряд не могли вмешаться, потому что Лотий помнил об ошибке учителя, не привлекал к себе внимание массовыми жертвоприношениями и до последнего мига оставался в тени.

– Старые знания, – с сожалением признала свой промах Леди в белом. – К несчастью, и сейчас не все они уничтожены. Что-то все равно всплывает, пусть и в сильно искаженном виде.

Я хмыкнул.

– Вот теперь я понимаю, почему в книгах Ордена царит такая сумятица. Те, кто знал истину, намеренно вносили ошибки в записи, чтобы запутать желающих по-быстрому обрести силу. А у вас появилась дополнительная гарантия, что этого больше не случится.

Мне в спину снова дохнул холодок, а затем ему на смену пришло тепло, как если бы моя богиня отступила.

– Подожди, а как же Лотэйн? – в последний момент вспомнил я. – Если боги оттуда ушли, то что стало с людьми? Куда отправляются после смерти их души, если никто из вас не оказывает им покровительства?

Смерть пару мгновений помедлила.

– Лотэйн почти тысячу лет живет по ложным заветам. Тех, кто был в этом виновен, мы уже наказали. А те, кто родился после… не их вина в том, что так вышло. Люди по-прежнему молятся. Надеются. Да, мы почти не вмешиваемся, но и их души приходят к нам, ведь других богов в этом мире нет. Когда-нибудь настанет время, и в Лотэйн вернется истинная вера, а до тех пор мы любой душе даем шанс возродиться.

– Даже Лотию? – прищурился я. – Кстати, как он там? Добрался до твоих угодий?

– На нижних слоях Тьмы человеческие души долго не живут, – спокойно отозвалась богиня. – Однако прощение будет

даровано даже ему. Правда, для этого его душе придется пройти цепочку крайне неприятных перерождений. И лишь после того, как она очистится, ей будет позволено начать все заново.

– Справедливо, – кивнул я, стряхнув с предплечья успевший туда нападать снег. А потом вдруг ощутил, как противно тянет в груди. – Ну вот. Как не вовремя!

– Кажется, кто-то пытается встать на твой след, Артур? – со смешком предположила Смерть.

– Да я уже полсвечи жду, когда этот тугодум сообразит, что надо делать!

– Значит, мне пора уходить, Артур, – с ещё одним смешком попрощалась Смерть. – Когда твой новый ученик будет готов меня увидеть, я вас навещу.

Я только вздохнул, прикинув, сколько еще придется гонять до седьмого пота этого бездаря. После чего почувствовал, что действительно остался один. Успел подумать, что стоило бы попрощаться с Леди, но потом решил – нет, не надо. Она ведь скоро вернется? А ещё через миг Тьма рядом со мной расступилась, оттуда пахнуло холодком, и мне пришлось отступить от края крыши, чтобы придержать за ворот вывалившегося из пустоты, жадно хватающего воздух ртом Йена, который лишь чудом не сверзился вниз.

– У-ух, как тут высоко! – выдохнул Норриди, зависнув над бездной. – У меня что, получилось?!

Я выдернул его на твердую поверхность и окинул скептическим взором.

– С сотого раза. С трудом. На последнем издыхании.

– Обратно точно пешком пойду. Знаешь, какая там холодрыга?!

– Знаю. Но один раз – это ничто. Сейчас пойдешь обратно.

– Арт, имей совесть! – возмутился Йен. – Я, между прочим, в первый раз сумел создать тропу на темной стороне! И вообще, у меня медовый месяц, а я тут занимаюсь непонятно чем!

Я только фыркнул.

Ну хоть на что-то у него ума хватило, хотя, на мой вкус, делать предложение руки и сердца девушке, когда она только-только вышла из комы, было преждевременно. Даже удивительно, что Триш не отказала новоявленному темному магу. Хотя, когда месяц назад отец Иол (*хвала Фолу, он все-таки выжил*) благословлял эту пару у алтаря, у девчонки был миллион возможностей передумать. Она не захотела. А теперь этот ненормальный женатик ходит счастливый до безобразия и даже внеочередной отпуск выпросил, чего за ним отродясь не водилось.

– Как дела в Управлении? – как ни в чем не бывало поинтересовался Йен, когда убедился, что стоит на твердом и больше не собирается никуда проваливаться.

– Нормально, – буркнул я, выпустив его ворот из рук. – Статистика приличная, нераскрытых дел пока нет. Тори и следователей потихоньку натаскиваю, а Лиз сама всему учится, даже если не просят. На днях они вчетвером перелопатили картотеку городской стражи, попутно начали собирать свою собственную, все старые бумаги рассортировали, рабочие бланки упростили, так что я подумал и решил поднять им оклад. С Сеньки метку свою снял – он и так прекрасно справляется. На днях всю банду свою привел, так что теперь у нас не один посыльный, а целых три, плюс парочка умелых возниц. Штатное расписание, конечно, пришлось менять, с Корном я все согласовал. Но народу все равно маловато, так что я договорился с ректором Королевского университета и с деканом факультета боевой магии, чтобы нам, начиная с этого месяца, присылали на практику толковых ребят. Из числа тех, кто потом планирует работать на Управление городского сыска. Естественно, все они в нашу конуру не влезли, да и приемная для посетителей не позволяет им работать с полной нагрузкой, так что пришлось напрячь Корна и убедить его в необходимости выделения нам отдельного здания. Естественно, тратить казенные деньги он не захотел, но потом передумал и разрешил выкупить соседний дом. Он, конечно, старый, фундамент там слабый, но за две недели практиканты из университета его отремонтировали и обновили интерьер. Мебель привезли ещё вчера, сферы местные техники обещали перемонтировать в течение суток. Еще через день мы сможем переехать в нормальные помещения и больше не ютиться по сто человек в одном кабинете. Тебе, кстати, выделили комнату на втором этаже с видом на городской сад. Она побольше, чем твоя старая, зато туда влезет не только шкаф, стул и два стула, но и нормальный диван. Само собой, Корн за лишние траты пообещал нас всех убить, но в обмен я отдал ему старые разработки учителя, в том числе по амулетам дальней связи. Заодно вытребовал денег на приобретение парочки кебов. А то почему нам каждый раз приходится тратить собственные средства на поездку к месту преступления и обратно? Или арендовать кеб у городской стражи, которая тоже от этого не в восторге?

– Жольд нашему переезду только обрадовался, – продолжил я, когда Йен изумленно разинул рот. – Но сделал это настолько демонстративно, что я в отместку переманил у него Херьена и предложил парню отдельный кабинет и вдвое больший оклад, чем он получал в городской страже. Неделю назад подписал

заявление о его приеме на работу, так что у Лиз теперь тоже будет наставник.

– Что на это сказал Корн? – почему-то шепотом поинтересовался Норриди, когда я замолчал.

– Понятия не имею. Когда он начал орать, я показал ему пару патентов на другие полезные артефакты. Предложил войти в долю и предупредил, что пятьдесят процентов с продаж мои, иначе он больше ничего не получит.

– И?!

– И он меня послал, – флегматично отозвался я. – В схрон. За новыми артефактами. Но передумал, когда я сказал, что в таком случае процент отчислений вырастает до семидесяти. После этого он снова меня послал… на этот раз подальше. И в итоге мы сошлись на пятидесяти пяти. После чего из вредности он накатал приказ, по которому закрепил за мной Хокк в качестве постоянной напарницы, мотивируя это тем, что у нее после последнего дела что-то не в порядке с даром.

– А у нее и правда что-то не в порядке?

– Да, – со вздохом признался я. – В первые же сутки после того, как целители поставили ее на ноги, она случайно разнесла свой собственный кабинет. Во вторые умудрилась разбомбить стену в кабинете Корна. И только на третьи господин… как его там… Орбис соизволил констатировать у Хокк резкое усиление магического дара. А Корн тут же заявил, что это я во всем виноват, поэтому мне теперь все это и расхлебывать.

Норриди аж крякнул, услышав такие новости. А потом осторожно поинтересовался:

– Сама-то она как отнеслась к новому назначению?

– Нормально, – пожал плечами я. – По-моему, даже обрадовалась.

– Хм. А ты?

– Ну, скажем так: мы сумели договориться.

У Норриди подозрительно сверкнули глаза.

– Арт, а вы с ней, случаем, ещё не…?

– Нет, – буркнул я. – Что за дурацкие вопросы?

– Мне кажется, ты ей нравишься, – улыбнулся Йен. – И вообще, вы на удивление хорошо смотритесь вместе.

Я нахмурился.

– Если бы я не знал, к чему ты клонишь, то попросил бы тебя заткнуться, дав повод позубоскалить на тему, сколько раз ты говорил эту фразу мне. Тогда я оказался прав. А сейчас… боюсь, я не готов тебе ответить. Сам еще не во всем разобрался.

И это была сущая правда. В первохраме меня так основательно встряхнуло, что казавшиеся незыблемыми прежде

принципы мне пришлось кардинально пересмотреть. Всего полгода назад я бы ни за какие коврижки не стал подменять Йена на должности начальника участка. Возиться с Сенькой, натаскивать неопытную молодежь. Тем более, не согласился бы взять напарника. Однако сейчас… в какой-то мере Хокк, как и Йен, Триш, Роберт, Мэл и даже Корн, стали для меня тем якорем, который не позволял уйти во Тьму слишком глубоко. Противился соблазну раствориться в ней полностью. Даже на темной стороне, заставлял помнить, чувствовать, жить. И чем больше в моей душе становилось таких зацепок, тем меньше была опасность того, что я сорвусь. Десять лет назад это со мной уже случилось, и результатом стало безумие. Но теперь я снова оживал. Снова начинал чувствовать. И очень не хотел утратить то, что с таким трудом приобрел.

К тому же, Йен не ошибся: с некоторых пор мое отношение к Хокк изменилось. Но назвать это привязанностью я бы не рискнул. Быть может, симпатия… стремление защитить, успевшее въесться в плоть и кровь за время нашего вынужденного сотрудничества… да. Отрицать это было бы глупо. Но для чего-то большего понадобится время. Слишком уж долго я отрицал сам факт того, что все ещё жив.

Норриди, который знал меня лучше всех, тут же примирительно поднял руки.

– Я тебя не тороплю. Просто удивлен тем фактом, что Корн вообще сумел тебя уговорить.

На что я негромко хмыкнул.

– Это не Корн. У него бы упрямства не хватило. А согласился я лишь потому, что Хокк пообещала писать отчеты за нас обоих.

– Ах, вот оно что… – рассмеялся Норриди. – Выходит, она все-таки нашла твое слабое место!

– Да, отчеты я не люблю, – со вздохом признался я. – Поэтому уже завтра Лора снова переезжает ко мне и остается в команде до тех пор, пока я не научу ее пользоваться новыми способностями.

Йен замер.

– В команде? Ты что, и ее переманил на наш участок?!

– Она моя напарница, – подтвердил я. – Если бы Корн ее не отпустил, я бы отказался с ней заниматься. А чтобы шеф не обзывал меня нехорошими словами, я в отместку забрал у него еще и Триш. Так что скоро у тебя будет не только полностью укомплектованный штат, но и самая мощная магическая поддержка в столице… Йен, ты чего на меня так уставился?

У Норриди подозрительно заблестели глаза.

– Да вот… стою и думаю, как бы закабалить тебя на должность моего заместителя навечно. Всего за месяц ты

переделал целый список дел, который я распланировал на целый год! Да ещё и с запасом!

– Год? – тихо переспросил я.

– Ну да, – отчего-то вдруг попятился этот гад, торопливо прикидывая, куда бы сбежать.

– Йен… друг мой… если у тебя были такие грандиозные планы на целый год, то какого Фола ты тогда подсунул мне этот список перед тем, как уйти в отпуск?!

– Ну, это… я просто подумал… может, ты хотя бы часть проблем сумеешь решить? А ты умудрился все разом… Арт! Арт, ну не злись! Я же не думал, что ты сумеешь один со всем разобраться!

Вокруг меня красноречиво сгустилась Тьма, заставив Норриди торопливо отпрыгнуть к стене. А когда она потянулась к нему зловеще шевелящимися щупальцами, этот трус даже без подготовки умудрился создать ещё одну тропу и с негодующим воплем удрал.

– Так бы сразу, – сплюнул я, с досадой отвернувшись от закрывшегося коридора. – А то «не смогу», «не умею»… а как припекло, только что не полетел…

– Ты не слишком его торопишь? – хмыкнул из темноты Мэл. Разумеется, невидимый. Молчаливый, все понимающий. Воистину кровный брат, о появлении которого я даже Йену ещё не сказал. Тем более, не сообщил о нем Корну и герцогу Искадо, так как не собирался давать им повод возобновить один сомнительный проект. Ну появился у меня новый служитель. Ну нашел я себе духа взамен тех, что были уничтожены моргулом. Что в этом такого? Разработка, само собой, старая (*Корну я так и сказал, когда он прицепился к деталям*), защита на служителе необычная, согласен, но кто сказал, что даже после утомительного объяснения с шефом и получения амнистии я должен открывать все свои тайны?

На вопрос Мэла я отрицательно качнул головой.

– Через неделю Йену придется вернуться к работе, и я должен быть уверен, что этот недоделанный маг не наделает грубых ошибок.

– Может, тогда начнешь учить его вместе с Робертом?

– Нет, брат. Никто не должен знать, что мальчик – будущий жрец Смерти.

– Но отец Гон знает…

– Он хорошо понимает, в чем разница между мной и Лотием. А уж о том, чтобы Роберт не скатился во Тьму, я позабочусь.

Мэл помолчал.

– Ты говорил с его родителями?

– Да, герцог Искадо в курсе, что Роберт – мой ученик. Кое-то из того, что с ним произошло после смерти, он помнит, поэтому у не так давно у нас состоялась продолжительная беседа, по итогом которой он дал официальное разрешение на ученичество.

– Сколько ты ему рассказал?

– Достаточно, чтобы он сделал правильные выводы.

– И ты считаешь, Роберту это не повредит? – усомнился в моем решении Мэл.

– Рано или поздно наше существование перестанет быть тайной. А герцог Искадо – очень влиятельный вельможа и крайне опасный противник, который в случае чего способен серьезно осложнить мне жизнь. Нам повезло, что он до безумия любит Роберта и готов на все, чтобы его защитить. Правда, под конец он все же взял с меня клятву, что я не причиню мальчишке вреда и не позволю ему повторить судьбу Лотия. Но Роберту и так ничего не грозит. Да и о каком вреде может идти речь, если его благословила сама Смерть?

– Ты, кстати, нашел для него перстень?

– Нашел, – улыбнулся я и, порывшись за пазухой, выудил оттуда старинную серебряную печатку. – Думаю, Ниро не будет против. Но сперва Роберту придется во всех смыслах до него дорасти. Герцог уже пообещал, что добудет из университетского хранилища поддельное кольцо. С его связями это несложно. Так что, когда я официально представлю Ордену нового ученика, вопросов ни у кого не возникнет. А если они все же будут, то Глава спецуправления дворцовой стражи быстро убедит любопытных не проявлять излишнего внимания к его младшему сыну. И на опыты его тоже никому не отдаст, даже если правда выплывет наружу.

– Когда это случится, вам придется нелегко, – заметил Мэл.

– К этому времени Роберт уже повзрослеет, да и Хокк с Йеном я натаскаю как положено. Триш и Тори тоже в стороне не останутся… так что выстоим, брат. Сама Смерть стоит за нами. Считаешь, у кого-нибудь хватит смелости ей перечить?

Бывший Палач ненадолго задумался.

– И что, это все? Думаешь, мы действительно со всем разобрались?

– Не совсем, – усмехнулся я и, порывшись за пазухой снова, выудил оттуда запечатанный конверт. – На, держи.

– Что это?

– Я на досуге полазал в архиве и поднял информацию на всех, кто пропал в Алтире от двух с половиной до трех сотен лет назад. Здесь всего одно имя. Возможно, оно твое. Но я ни в чем не уверен, так что сам решай, открывать или нет.

Мэл на мгновение опешил, а затем из темноты проступила мускулистая рука и аккуратно забрала конверт.

– Я… благодарен тебе, брат. Хотя и не думаю, что хочу знать его содержимое.

– Твое право, – кивнул я и, подойдя к краю крыши, бросил быстрый взгляд вниз, на заснеженную площадь перед городской ратушей. – Но не спеши отказываться от прошлого. Быть может, настанет время, когда тебе все-таки захочется его узнать.

– Я подумаю, Арт. Спасибо. Сколько тебе ещё осталось выполнять обязанности Йена?

– Неделю. А когда сдам дела, то вплотную займусь Робертом. С ним предстоит еще много работы.

– Мне показалось, он вполне освоился на темной стороне, – осторожно заметил Мэл, но я лишь покачал головой.

– Напротив, он только начинает ее постигать. Но самое главное, что он еще не дал мне ответа на один простой вопрос.

– Это какой же?

– Тьма над Тьмой дает свет, – усмехнулся я, нахлобучивая шляпу и создавая тропу к ставшему мне по-настоящему родным дому. – Когда он сумеет объяснить, что это значит, я наконец смогу сказать, что воспитал настоящего темного мага.